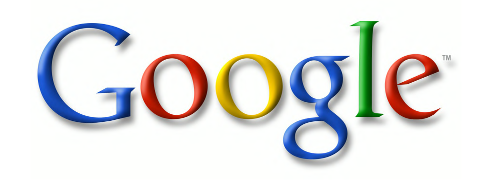
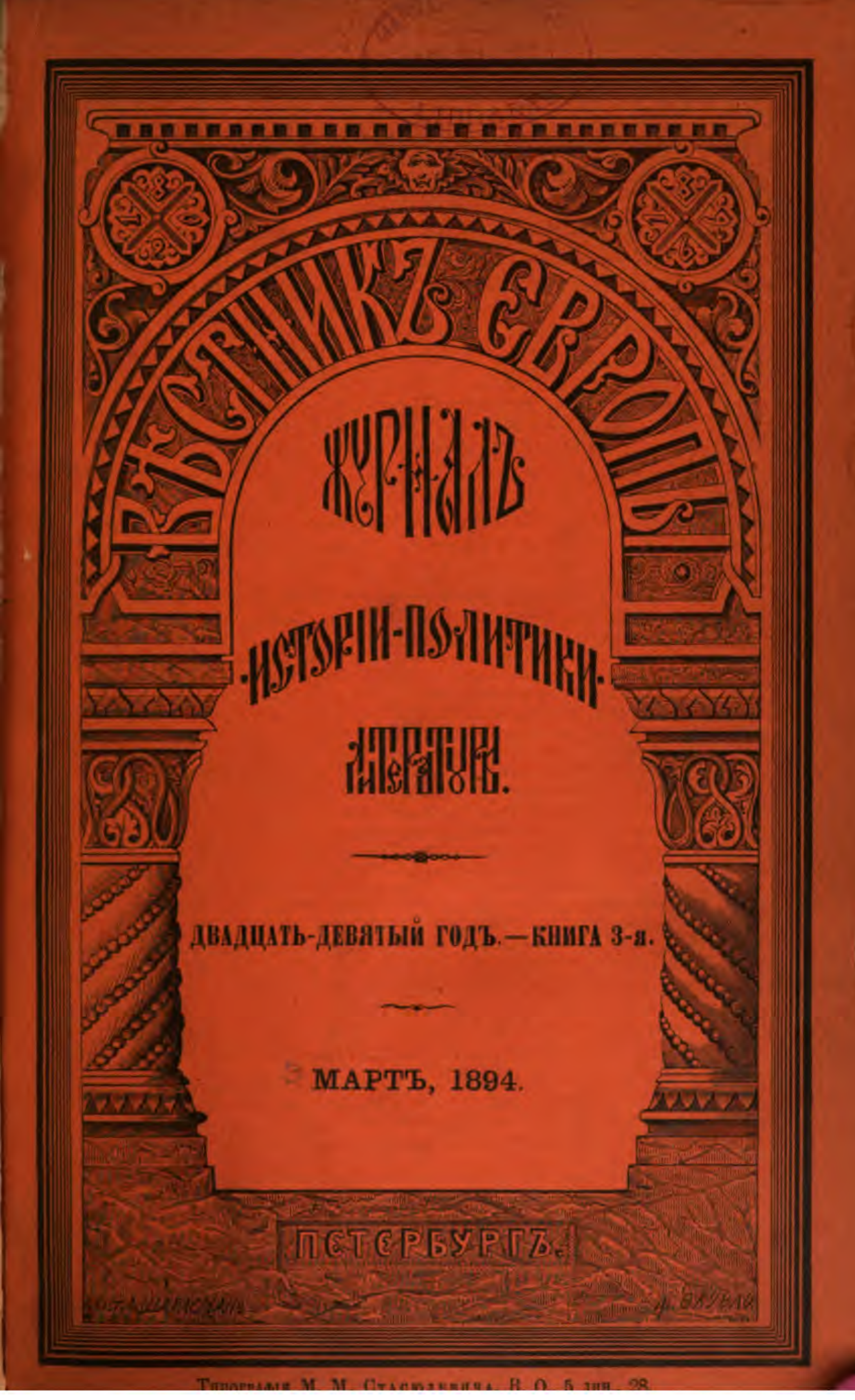

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1894.

Стр.

Подписка на годъ, первое полугодіе и вторую четверть года въ 1894 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LVIII. — ТОМЪ CCCXL. — 1/13 МАРТА, 1894.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЪ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1894

(2179)

ПЕРЕВАЛЪ

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Въ томъ самомъ „Дворянскомъ гнѣздѣ",—гдѣ Лыжинъ рѣшилъ провести всю зиму—въ бель-этажѣ, окнами на дворъ, подъ № 13, жила, съ ноября, постоялица, которая значилась на черной доскѣ, вывѣшенной внизу, подъ фамиліей Днѣпровской.

Въ рождественскій сочельникъ—днемъ—въ сѣни этого меблированнаго дома вошелъ высокій, статный военный.

Бѣлая фуражка и дорогой бобровый воротникъ шинели, на шолковой подкладкѣ, красивый носъ и черные тонкіе усы—все это сразу подѣйствовало на молоденькаго второго швейцара, въ длиннѣйшей ливреѣ, и онъ подбѣжалъ къ офицеру, дѣлая подъ козырекъ своего картуза съ галуномъ.

— Госпожа Углова?

— Такой нѣтъ-съ,—удивленно отвѣтилъ швейцаръ.

— Какъ нѣтъ! Она въ этихъ нумерахъ. Я знаю.

Голосъ у офицера былъ очень пріятнаго тембра.

— Олимпіада Дмитріевна?—спросилъ онъ менѣе увѣренно.

— А! Олимпіада Дмитріевна—Днѣпровская?

— Она подъ этой фамиліей здѣсь значится?

— Такъ точно. Съ самаго перваго дня.

И швейцаръ сдержанно усмѣхнулся, что-то вспомнивъ.

---

*) См. выше: февр., стр. 539.

— По паспорту онѣ дѣйствительно госпожа Углѣва. А это по театру-съ.

— Дома?—перебилъ построже гвардеецъ.

— Дома. Пожалуйте. Я проведу-съ. Лѣстницей выше.

Швейцаръ, подбирая полы ливреи, побѣжалъ вверхъ. Офицеръ неторопливо шелъ за нимъ, все еще кутаясь въ богатый серебристый воротникъ своей драповой шинели.

Они повернули налѣво, и швейцаръ постучалъ въ двери тринадцатаго нумера и, не дожидаясь отвѣта, пріотворилъ и просунулъ голову.

— Олимпіада Дмитріевна... къ вамъ можно? Господинъ одинъ желаетъ.

— Проси!—донесся до офицера знакомый ему голосъ.

— Антоша! Антошка! Гадкій! Такъ свалиться съ неба! Не прислать депеши!

Гвардеецъ еще не успѣлъ ни сбросить шинели, ни снять бѣлой фуражки.

— Липа! Отпусти!

Полная, рослая женщина въ розоватомъ фланелевомъ пеньюарѣ обнимала его. Она и смѣялась, и хмурила свои густыя темно-русыя брови, и цѣловала его. Въ сѣрыхъ огромныхъ глазахъ ея блестѣли двѣ слезинки.

— Дай снять,—просилъ онъ,—шинель... жарко.

Онъ сбросилъ шинель на стулъ, стоявшій въ темной половинѣ первой большой комнаты: она служила гостиной. Безъ фуражки онъ былъ еще красивѣе: лобъ высокій, волнистые черные волосы, коротко остриженные, темные глаза съ полу-строгой усмѣшкой, цвѣтъ лица—еще нѣжный, молодецкія плечи, очень высокій воротникъ и золотые погоны. Онъ съ утра надѣлъ вицъ-мундиръ и былъ при шпагѣ, а не съ шашкой на перевязи.

— Садись! Садись! Вотъ сюда!

Липа шумно усадила его на диванчикъ.

— Гадкій! Ничего не писать, больше двухъ недѣль, и даже депеши не пустить... И ты прямо оттуда?

— Да, изъ Даниловки.

— Въ городъ не заѣзжалъ?

— Заѣхалъ... на одинъ день.

— Ну, не буду приставать, Антошенька. Красавецъ вы мой! А я безъ тебя изнывала здѣсь... Такая вышла мерзость!

Она чуть замѣтно повела верхней губой.

— Pardon! Извините!—шутовски, по-военному, передернула она плечами.—Ваши баронскія уши оскорбляю!.. Нѣтъ, милая

моя Антоша является въ самый моментъ. Я тебѣ пропою, какъ Рембо въ „Робертѣ-Дьяволѣ“:

О, мой спаси-и-тель,
Мой искупи-и-тель,
Мой избави-и-тель,
Какъ счастливъ я!

И, сдѣлавъ гримасу, она—по-театральному, въ сторону—пустила басомъ, подражая Бертраму:

Жертвà моя!

Офицеръ улыбнулся и сдѣлалъ жестъ свободной рукой, какъ будто онъ хотѣлъ имъ сказать:

„Вѣчно ты съ своими дурачествами, Липа!“

Онъ вѣдь зналъ, что Липа измѣниться не можетъ, и ее надо брать и любить—какова она есть.

— Чтò же,—серьезнѣе остановилъ онъ ее:—твой дебютъ... не удался?

— Гадость какая! Я тебѣ говорила, что лучше было сразу въ Большомъ. Либо панъ, либо пропалъ. Разумѣется, надо поработать надъ этимъ... А тутъ частная сцена—лавочка! И у нихъ—*сосьете*,—выговорила она нарочно совсѣмъ по-русски.—Дѣла пошли скверно.

— Скверно?—переспросилъ баронъ Гольцъ: такъ звали офицера.

— Теперь немножко получше. Поставили „Игоря“ и „Лоэнгрина“. А въ началѣ сезона было—швахъ. И у нихъ свои премьерши. Завѣдующій рѣшилъ: сейчасъ же назначить мнѣ дебютъ.

— И чтò-жъ?

— Ну, Антошенька мой милый, и вышелъ—куàкъ. Горло перехватило послѣ второго акта.

— Ты выступила въ „Карменъ“?

— Да! И пріемъ былъ превосходный, за первый актъ. А потомъ, Богъ его знаетъ, чтò сдѣлалось... отъ нервности... Точно мнѣ голосъ подмѣнили.

— Партія сильна. Я тебѣ говорилъ, Липа. Одно дѣло—оперетка, другое—большая опера.

— Пустяки!

Липа махнула рукой рѣзкимъ жестомъ, выбѣжала на середину комнаты и запѣла, зычно и хрипловато, изъ того же „Роберта-Дьявола“:

Рембо сказалъ мнѣ: другъ прекрасный,
Клянусь любить тебя душой!

Глазами и бровями, и ртомъ она гримасничала.

Но баронъ не разсмѣялся. Онъ уже привыкъ къ выходкамъ Липы, и онѣ ему теперь—по прошествіи двухъ мѣсяцевъ—стали нравиться еще меньше.

— Все это—пустяки!—сказала она.

— Ты и теперь хрипишь!

— Еще бы! У меня инфлуэнца была форменная. Три дня валялась. А ваша баронская милость и не догадывалась. Ахъ, баронъ, баронъ!

Липа подсѣла опять къ нему и взяла за шею своей сильной, бѣлой рукой и, длинными пальцами охвативъ правую щеку, дернула за усъ.

— Полно! Чтò за дурачество!—почти сердито откликнулся гвардеецъ и даже началъ краснѣть.

— Прощенья просимъ.—Антоша, не ломайся! Я бы имѣла право разнести тебя... Истерику на себя напустить, выгнать тебя за такое гнусное поведеніе. Не важничай. Ты—баронъ Гольцъ. Важная персона! И я—дочь генерала... да еще какого... кавказскаго. А Гольцевъ-то много. Тамъ, въ Чухляндіи... гдѣ ревельская килька водится.

И она запѣла мужскимъ голосомъ, дробно и очень забавно:

Бѣжитъ баронъ пѣшкомъ
  Съ мѣшкомъ.
Въ Москву пришелъ, рядкòмъ
  Съ крыльцомъ
Въ трактирѣ скромномъ поселился.

— Ну, ладно, ладно!

Онъ повелъ красивымъ ртомъ, полу-покрытымъ усами, съ блескомъ отъ брильянтина.

— Ничего!.. Все это вы, Антошенька,—изволите брешить. У меня голосъ есть и въ достаточномъ количествѣ для оперы, особенно на частной сценѣ... Я хочу сдѣлать опытъ и сдѣлаю.

— Школа нужна.

— Мало я драла горло на вокалйвахъ! Цѣлое лѣто прокоптѣла въ Парголовѣ и своему итальянцу сколько деньжищъ снесла. А консерваторія-то на что? Вѣдь я въ оперетку-то случайно попала. Мнѣ не сорокъ лѣтъ. Чему я училась—тò я помню.

Ей было даже и не тридцать, всего двадцать восемь; но она

на цѣлыхъ три года оказывалась старше его и, при ея полнотѣ, смотрѣла уже тридцатилѣтней женщиной.

И это онъ зналъ; она объ этомъ рѣдко думала.

— Въ чемъ же дѣло?—сдвинувъ брови и съ неопредѣленной усмѣшкой спросилъ гвардеецъ.

— Въ томъ, душечка моя, что вамъ слѣдуетъ произвести нѣкоторое давленіе.

— Почему же мнѣ?

— А то кому же? Ты что же, испугался? Денежную взятку давать управляющему труппой или рецензентишкамъ? Не бойтесь. Не разорю!.. А просто показать свою бѣлую фуражку, баронскую корону на карточкахъ, пожать руку и въ „Эрмитажѣ“ или въ „Славянскомъ Базарѣ“ угостить завтракомъ. Они,—прибавила она быстрѣе и безъ дурачества въ голосѣ,—не отказываютъ мнѣ въ дальнѣйшихъ дебютахъ. Но непремѣнно въ другой роли.

— Совершенно правильно, — выговорилъ баронъ тономъ серьезнаго кавалериста, обсуждающаго выѣздку лошади.

— А я хочу опять въ „Карменъ“. То былъ не дебютъ, а инцидентъ. Перехватить горло и у Патти, и у Зембрихъ можетъ... И рецензентишкамъ слѣдуетъ утереть носъ и довести ихъ до сознанія, что они—сволочь!

— Ахъ, Липа!

— Pardon! Извините!—она снова сдѣлала шутовской военный жестъ плечами.—Не угодно ли полюбоваться. Я вотъ покажу тебѣ фельетошку одного такого пасквилянта... господина Спондѣева. Одна фамилія чего стоитъ!

Липа грузно подбѣжала къ письменному столу.

II.

Пока Липа рылась въ обоихъ ящикахъ стола, гдѣ въ безпорядкѣ валялось множество писемъ, афишъ и всякой другой мелочи, баронъ, привычнымъ движеніемъ военнаго завернувъ короткую полу вицъ-мундира, вынулъ изъ рейтузъ серебряную папиросницу и закурилъ.

Лицо его приняло спокойное, строговатое выраженіе, усвоенное еще въ корпусѣ. Такъ смотрѣлъ онъ и на ученьѣ, въ манежѣ, и на маневрахъ, когда стоялъ съ своимъ взводомъ, занимая „моментъ“; такъ и на медвѣжьей охотѣ, поджидая звѣря у опушки. И тотчасъ дѣлался старше на видъ.

Это выраженіе онъ унаслѣдовалъ отъ покойнаго отца, на

него онъ и похожъ; только черные волосы передала ему мать, русская—по себѣ—княжна Тукманова, татарскаго рода. Отецъ былъ уже православный; дѣдъ лютеранинъ—изъ дворянъ балтійскаго края, и всѣ—изъ поколѣнія въ поколѣніе—военные, кавалеристы.

Въ Москву онъ пріѣхалъ по вызову пріятеля и родственника—по матери—дожить свой отпускъ и „покончить" съ холостой жизнью.

— Antoine, il faut faire une fin,—говорилъ ему его старшій братъ, изъ лицеистовъ, предводитель въ ихъ уѣздѣ, тамъ, откуда онъ пріѣхалъ, и гдѣ, въ прошломъ году, купилъ Липѣ Углѣвой цѣлый хуторъ.

Она пѣла въ губернскомъ городѣ, въ опереткѣ. Сближеніе произошло быстро, и въ первую зиму онъ былъ сильно въ нее „врѣзамшись"—какъ самъ любилъ выражаться въ полку, когда чувствовалъ себя не остзейскимъ барономъ, а настоящимъ русакомъ.

Но онъ не первый обладалъ Липой. У ней оказалось прошлое—и довольно-таки сложное. До поступленія на сцену она побывала и въ „стриженыхъ", даже привлечена была къ какому-то дѣлу, да успѣла во-время уѣхать за границу. Уже десять лѣтъ живетъ она на своей волѣ, и ее только могила исправитъ.

Оставшись одинъ, въ деревнѣ, онъ сталъ убѣждаться, что затягивать себя съ нею на неопредѣленное время нельзя. Она слишкомъ—личность, да еще „шáлая"—тоже его слово. Когда влюбленность остывала, онъ началъ находить ее слишкомъ рѣзкой, неизящной въ своихъ шутовскихъ выходкахъ, отъ которыхъ ему не было смѣшно, бѣшеной, когда разсердится или начнетъ ревновать, и то-и-дѣло способной впадать въ „мерехлю́дію"—какъ онъ выражался—и тогда нести всякую опасную и тошную для него „лухту́"—его корпусное слово.

Теперь она опять его окунула въ то же жуткое чувство своимъ тономъ, и свиданіе съ нею его не радовало.

Липа нашла наконецъ—много разъ громко выбранившись—то, что̀ она называла „фельетошкой", и такъ же шумно подсѣла къ барону.

— Вотъ, душечка, не угодно ли полюбоваться?

Онъ зажмурилъ одинъ глазъ отъ дыма папиросы и взялъ изъ ея рукъ длинную и узкую вырѣзку изъ газеты.

— Да это не фельетонъ, а статья.

— Этотъ милашка Спондѣевъ каждый день пишетъ. Видишь, называется: „Слухи и толки". И обо всемъ болтаетъ, и вретъ,

и обливаетъ помоями, вторгается въ закулисную и домашнюю жизнь.

Баронъ пробѣжалъ первый параграфъ и пожалъ плечами.

— Съ какой же стати ты хочешь, coûte que coûte—выступать въ той же „Карменъ"?

— И выступлю!

Она ударила кулакомъ по столу.

— Напрасно.

— Это мое дѣло! А твое, Антоша, пустить въ ходъ золотую каску съ птицей и осчастливить всѣхъ этихъ скотовъ своимъ вниманіемъ.

— И этого пасквилянта также?

— Его не нужно. Есть и другіе. Тѣ помягче, не такъ безстыжи.

— Нельзя ли меня во все это не вмѣшивать?

— Не извольте пугаться, баронъ Антонъ Өедоровичъ, не впутаемъ васъ ни въ какую исторію. А не пожелаете приласкать кого слѣдуетъ, то и сами обойдемся. Если они мнѣ не дадутъ выступить въ „Карменъ"—я подписываю ангажементъ въ Херсонъ. Ко мнѣ уже обращался агентъ.

— Въ оперетку?

— И сдеру съ нихъ здорово—тысячу рублей въ мѣсяцъ и два бенефиса—сейчасъ по пріѣздѣ и на масляницѣ.

„Тысячи рублей она не получитъ, — подумалъ онъ, — а по семисотъ въ мѣсяцъ ей платили".

— Вотъ это — десятое дѣло. Я бы, на твоемъ мѣстѣ, сейчасъ подписалъ ангажементъ.

— Только бы спустить меня отсюда? — спросила она, бросивъ на него острый взглядъ.—Вамъ, баронъ, безъ меня будетъ здѣсь неизмѣримо пріятнѣе. А то еще какъ-нибудь скомпроментирую,—выговорила она, подчеркнувъ въ концѣ слова букву „н".

— Ну, пошло!

— Не извольте обижаться.—Она поцѣловала его въ щеку.—Это дѣла, и о нихъ еще успѣемъ. Ваша милость гдѣ остановилась?

— Въ „Дрезденѣ".

— Куда въѣзжаютъ сановники? Такъ вамъ и подобаетъ. Можетъ, невѣсту пріѣхали высматривать?

— Невѣсты еще нѣтъ, — отвѣтилъ онъ съ чуть замѣтной зѣвотой.

Липа положила оба локтя на столъ и, опустивъ голову — знакомымъ ему жестомъ, продолжала глядѣть на него вбокъ.

„Вотъ сейчасъ начнется",—подумалъ онъ и перемѣстилъ папиросу изъ лѣваго угла рта въ правый.

— Антоша,—заговорила Липа упавшимъ сразу голосомъ, и ея боковой взглядъ, скользнувъ по его лицу, ушелъ въ пространство:—ты вѣдь никакой вѣры не имѣешь въ меня, не признаешь во мнѣ никакого дарованьишка.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Да, въ опереткѣ, гдѣ нужно юбочкой передергивать, пьяненькую Периколу изображать... Нужды нѣтъ, что у меня голосъ не первой свѣжести,—я это и сама знаю, — но во мнѣ лирическая артистка кроется. Мнѣ драма нужна.

— Иди въ драматическія.

— Ты меня не понимаешь. То—не уйдетъ! Когда совсѣмъ спаду съ музыкальнаго голоса — буду играть Марію Стюартъ, и Медею, и Клеопатру. А пока есть тонъ и красивый звукъ— душа моя просится выразить себя и пѣніемъ, и игрой въ одно время. Эхъ! Антоша! Ты ничего этого не понимаешь.

— Почему же?—сдержанно спросилъ онъ.

— Ты—*фэнъ-де-сьекль*,—выговорила она полу-дурачливо.— Равновѣсія этого самаго въ тебѣ много... Нѣмецкая кровь пополамъ съ татарско-московской. И вотъ чтò я тебѣ скажу, любезный другъ: ежели у меня на оперѣ выйдетъ настоящая осѣчка —прости-прощай.

— То-есть, какъ же это?

Онъ поднялъ голову и поглядѣлъ на нее вбокъ.

— Да ужъ такъ...

— Покончишь съ собой, что-ли?

— Это мое дѣло. Очень ужъ, Антоша, тошно дѣлается. Еще пока на драму перейдешь, пока чтò — оперетка меня совсѣмъ доканаетъ... Такъ пакостно, такъ пакостно!

— Это ты такъ говоришь... а сама очень рада.

— Вотъ какъ ты до сихъ поръ меня понимаешь! Поздравляю!

Въ голосѣ что-то у ней зарокотало.

— Послушай,—остановилъ онъ ее и положилъ свою лѣвую руку на ея плечо:—не будемъ это перебирать сегодня. Ты только разстроишься и наживешь мигрень,—онъ разсмѣялся сквозь свои крупные и бѣлые зубы:—и толку никакого отсюда не выйдетъ.

Онъ вынулъ часы изъ узкой прорѣхи своихъ рейтузъ, тотчасъ подъ таліей.

— Видишь... я долженъ спѣшить.

— Куда?

— Надо сдѣлать обязательно три визита; а теперь уже четвертый...

— Обѣдаемъ гдѣ?

— Я сегодня званъ.

— Антоша! Какъ назвать такое поведеніе?

— Да, милая... Сегодня день рожденья моего пріятеля Верховцева.

— Какого такого? Ты мнѣ о немъ никогда не говорилъ.

— Что жъ изъ этого?

— Почему же не могъ прислать его ко мнѣ?

— Онъ женатый.

— Скажите пожалуйста. Какія нѣжности!

— Ну, прости, не догадался.

— Значитъ, совсѣмъ не думалъ обо мнѣ? Впрочемъ, какая мнѣ сухота! Бѣгать за тобой не стану. Ежели желаешь — будемъ завтра обѣдать въ „Славянскомъ Базарѣ“.

— Почему тамъ? Лучше у Тѣстова.

— А вашей милости нельзя нанести визитъ—въ самый этотъ „Дрезденъ“?

Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Или это—рискованно? Да ты и въ самомъ дѣлѣ не женихъ ли?

Липа вышла изъ-за стола и прочла по-театральному:

— Прошу мнѣ дать отвѣтъ, безъ думы... Полноте смущаться!

За ней поднялся и баронъ, подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Завтра я заѣду, передъ обѣдомъ,—торопливо выговорилъ онъ, надѣвая шинель.

— Завтра, завтра... Смотри, Антоша! Завтраками кормить тебѣ не пристало.

И равнодушнымъ тономъ она сказала ему вслѣдъ:

— Я сыта... пò-уши сыта.

III.

Раннимъ вечеромъ у Липы часто собиралось молодое общество.

И сегодня она—послѣ своего обѣда въ семьдесятъ пять копѣекъ—съ одной свѣчей на письменномъ столѣ, въ полусумеркахъ, лежала на кушеткѣ и курила.

Очень рѣдко Липа закуритъ папиросу. Это—каждый разъ—доказательство того, что у ней на душѣ забродило.

„Финтитъ Антошка!"—думаетъ она, на разные лады, съ самаго ухода барона.

Она зачуяла, что за нее онъ больше не держится. И она сама должна была сознаться: это не поразило ее, не дало жгучей боли... Къ тому шло.

Она по немъ почти не соскучилась, съ поздней осени, когда они простились. Безъ него ей было даже удобнѣе въ Москвѣ готовиться къ оперному дебюту. И „осѣчку" легче было испытать — не на его глазахъ. Онъ, навѣрно, по своему баронско-гвардейскому самолюбію, настаивалъ бы на томъ, чтобы сейчасъ же скрыться изъ Москвы. Добиваться своего—онъ это понимаетъ только для собственной особы.

Она писала ему довольно часто; однако не торопила его, не звала сюда. Обрадовалась она ему искренно, и ее сразу защемило — но не отъ самолюбія ли? — когда она поняла, что онъ „финтитъ".

Съ тѣхъ поръ, какъ они сошлись, прошло уже около двухъ лѣтъ. Ему она за многое благодарна. Онъ въ нее влюбился быстрѣе, чѣмъ она въ него. Вскорѣ и въ ней взяло верхъ влеченіе болѣе пылкое. Его мужская красота, молодость, тонъ, особаго рода выдержка взяли свое, и когда онъ—по прошествіи полугода—купилъ ей имѣньице, небольшой хуторъ съ усадьбой, она приняла это безъ всякаго укола совѣсти. О женитьбѣ онъ не обмолвился; да и она никогда не настаивала, и свободой своей дорожила больше всего.

Да онъ и не женился бы на такой! Въ отставку онъ не выйдетъ, а въ его полку нельзя быть мужемъ опереточной пѣвицы. Лгать она не хотѣла и не могла: сошлась она съ нимъ —не съ первымъ, и ему не очень-то нравилось, когда она начнетъ вспоминать время, по выходѣ изъ консерваторіи, тогдашнюю любовь—и какую!—и того, кто сталъ ее перевоспитывать, увлекъ въ свое „дѣло", самъ погибъ, и она еле уцѣлѣла.

Связь съ барономъ Гольцемъ давала Липѣ что-то похожее на опору—не денежную—она отъ него не получала денегъ—а скорѣе нравственную. Ее ни къ кому не тянуло, и ей не стоило усилій быть ему вѣрной, и въ провинціи, и въ Москвѣ. Онъ считался красавцемъ, былъ въ ея вкусѣ, молодъ, служилъ въ „первомъ" полку,—какъ онъ самъ считалъ его,—характера скорѣе ровнаго, воспитанъ, довольно деликатенъ, если сравнить его съ другими мужчинами, особенно съ такими, которые мо-

гутъ всегда имѣть успѣхъ у женщинъ. Нынче всякій актерикъ зазнается выше всякой мѣры и, добившись своего, дѣлается тотчасъ же грубъ и нахаленъ.

Но и съ барономъ бываетъ тяжко. У него голова—„съ загородками", многаго онъ не можетъ понять, боится ея „припадковъ"—такъ онъ называетъ настроеніе, когда вся ея теперешняя жизнь и то, что̀ вокругъ нея—сразу ей „огадитъ"—и она готова бываетъ бросить все и бѣжать, куда глаза глядятъ. Этимъ, конечно, его не привлечешь. Съ нимъ нужно быть всегда ровной, веселой и въ мѣру пускать свои дурачества.

Теперь—передумывая все это—Липа не въ первый разъ чувствовала, что она злоупотребила своимъ полу-шутовскимъ обращеніемъ съ барономъ, привычкой звать его „Антошкой" и „ваша баронская милость" и пускать въ ходъ всѣ свои—какъ онъ выражается—„каботинскія" прибаутки и штучки.

Если все это такъ, то какъ же ей не слушаться зова къ серьезному искусству? Оно—не что̀ другое—ее поддержитъ. Иначе засосетъ тоска, и будешь все падать ниже и ниже.

Липа бросила окурокъ папиросы и съ закрытыми глазами лежала недвижно, сложивъ на груди руки.

Мысли—горькія и всегда въ одномъ и томъ же направленіи—одолѣютъ ее сейчасъ же, если ей не имѣть передъ собою какой-нибудь блестящей и притягивающей точки—„бляхи"—называла она. Откажись она теперь отъ оперы или—въ случаѣ полнаго провала—отъ драмы—что̀ ей останется? Все та же „огадившая" ей оперетка, кочеваніе по городамъ и ярмаркамъ, случайныя связи. А тамъ не за горами и спускъ къ роковому предѣлу женщины подъ-сорокъ.

Любовь всякаго молодого мужчины—особенно такого, какъ ея баронъ—гвардейца, дѣлающаго карьеру—что̀ такое она? Развѣ можно на нее опереться? Уйди она теперь вся въ страсть къ „Антошкѣ"—что̀ бы у ней теперь осталось на душѣ? Вотъ пріѣхалъ-бы такой „соколикъ"—и выпустилъ бы изъ нея весь духъ. И глотнула бы она раствора спичекъ или ціанъ-кали. А то и того хуже. Потянулся бы „адъ кромѣшный" „бабьей дурости"—истерики, ревъ, дикія выходки брошенной женщины, безсонницы, бредъ, галлюцинаціи, быть можетъ безуміе.

Теперь у ней есть все-таки „поддержка".

Это слово: „поддержка" — привело ее къ мысли о разныхъ другихъ поддержкахъ, которыя она допускала—и не въ видѣ однихъ подарковъ въ бенефисы, а просто такъ. Правда, она никогда не брала ничего отъ тѣхъ, кто ей не нравился. Баронъ

подарилъ ей цѣлый хуторъ—и сдѣлалъ это мило, деликатно, привезъ ее туда на пикникъ и—ставъ на колѣни—подалъ на подносѣ „дарственную запись". Хуторъ этотъ доходу почти что не даетъ. Это—усадьба для житья, на какихъ-нибудь два мѣсяца. Но все-таки это имѣньице устроенное, съ фруктовымъ садомъ, съ инвентаремъ. Тысячъ двѣнадцать навѣрно стоитъ, если продать—„на охотника". Она приняла это тогда—въ самый разгаръ ихъ влюбленности другъ въ друга. Предлагала выдать ему вексель—онъ не согласился. Говорилъ онъ тогда складно и съ чувствомъ:

— Липа, это подарокъ отъ чистаго сердца. Я не деньги тебѣ предлагаю. Ну, ты меня бросишь, или я къ тебѣ охладѣю—онъ и это сказалъ—у тебя останется память о нашей любви. Заболѣешь или утомишься—у тебя будетъ свой уголъ... un pied-à-terre.

И вотъ эта минута, кажется, близка. Сама она его не бросала и даже въ помышленіи у ней не было сдѣлать ему хоть крошечную невѣрность. А въ Москвѣ случаевъ представлялось не мало.

Все-таки у ней останется подарокъ—цѣлое имѣніе—когда онъ напишетъ ей: „Милый другъ, будь счастлива, я женюсь на княжнѣ Мурзахановой". Хорошо ли это? Опрятно ли?

— Вотъ еще глупости какія!—вслухъ выговорила Липа и вскинула своими руками, которыми баронъ такъ часто восхищался.

Она не выманила у него это имѣніе. Приняла она его въ даръ уже тогда, когда они сошлись, и она полюбила его не за деньги... Не помнитъ даже—попадала ли къ ней въ руки отъ него хоть одна радужная ассигнація.

— Олимпіада Дмитріевна?—раздался въ дверяхъ—ихъ отворили очень тихо—молодой женскій голосъ.—Вы спите?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Лёля, входите. Вы одна или съ Катей?

— Она придетъ позднѣе. И приведетъ студента... Знаете, того, что̀ былъ распорядителемъ на вечерѣ въ пользу акушерокъ, гдѣ мы читали, въ „Докторскомъ Клубѣ".

— Очень рада!

Липа быстро встала съ кушетки и поцѣловала Лёлю Божеярину, слушательницу театральныхъ курсовъ, ея „юную подругу"—какъ она называла ее.

Лёля не успѣла еще снять съ себя кофточку съ мѣховымъ воротникомъ и бѣлую баранью шапочку, подъ шолковымъ платкомъ. Отъ нея повѣяло морозомъ.

— Холодно?—спросила Липа.

— Не очень.

Голосъ Лёли раздавался — въ просторной, полу-освѣщенной комнатѣ—съ пріятной вибраціей, такой же почти низкій, какъ и у Липы.

Безъ шапки она явилась блондинкой. Пепельные волосы, взбитые на лбу, и маленькая кучка волосъ на маковкѣ дѣлали ея голову живописной, въ античномъ вкусѣ. Она была прекрасно сложена, виднаго роста; цвѣтная шолковая рубашка съ кушакомъ очень красила ее.

— Какая здѣсь темень!—вскричала Липа.

Ея гостья начала сама ловко заправлять лампу.

— Вы цѣлый день дома?—спросила она Липу.

— Да, валялась... Такая гадость.

О пріѣздѣ барона она ничего ей не сказала. Да и никто изъ ея теперешняго кружка не зналъ о ея связи съ нимъ. Иногда она упоминала о немъ вскользь, какъ о пріятелѣ, котораго ждетъ сюда.

IV.

Къ восьми часамъ цѣлое общество собралось у стола, гдѣ Лёля Божеярина разливала чай, поставивъ лампу на письменный столикъ. Ея товарка по курсамъ—Катя Мухина—сидѣла тутъ-же, черненькая, пухленькая, маленькаго роста, въ темномъ платьѣ. Прекрасные, блестящіе волосы, пышный ротъ и ямочки на щекахъ дѣлали ее болѣе хорошенькой, чѣмъ Божеярина; но та смотрѣла значительнѣе и болѣе обращала на себя вниманіе.

Катя привела съ собой студента Шипилина. Онъ сразу попалъ въ тонъ этого кружка. Пришло еще двое мужчинъ: худой, высокій брюнетъ, съ pince-nez на короткомъ носу—газетный сотрудникъ Петровичъ—и такой же молодой человѣкъ, и такой-же худой, длинноволосый, молчаливый, съ блуждающимъ взглядомъ голубыхъ глазъ—въ люстриновой блузѣ—художникъ Лукошкинъ.

Липа уже больше мѣсяца, какъ водила дружбу съ „дѣвочками"—она такъ называла обѣихъ учениць и ихъ товарокъ. Онѣ молодили ей душу, отъ нихъ вѣяло на нее любовью къ сценѣ, мечтами о славѣ, свѣжестью задора и хорошаго усилія достичь, понять, усвоить себѣ, найти призваніе, опредѣлить свое „амплуа". Онѣ забѣгали къ ней во всякое время — разсказать про свои классы, роли, обиды, интриги, любовныя увлеченія, просили помочь—чѣмъ можетъ — какой-нибудь бѣдненькой ученицѣ. Липа

уходила въ жизнь этого молодого муравейника, и это переносило ее самоё къ консерваторскимъ годамъ.

Божеярина уже готовилась къ выпуску. Ее считали самой умной и начитанной, бойкой на разговоръ съ преподавателями. Кто-то въ шутку назвалъ ее „мать-казначея"—и это прозвище осталось за ней. По фигурѣ и лицу она могла бы мечтать о „Маріи Стюартъ"; но ее влекло къ бытовой комедіи и къ старушечьимъ ролямъ.

Разговоръ пошелъ прежде всего о сценѣ. Обѣ дѣвушки, Петровичъ и студентъ Шипилинъ, разъ попавъ на тему о „Маломъ театрѣ", въ перебивку хвалили и бранили, сообщали слухи о новыхъ пьесахъ, по ниточкамъ разбирали игру. Имена любимыхъ актрисъ и актеровъ безпрестанно соскакивали у нихъ съ губъ.

Липа, слушая ихъ, понимала, какъ въ Москвѣ сцена захватываетъ всѣхъ—драма гораздо больше оперы. И ее потянетъ къ драмѣ, и она все сильнѣе вѣритъ въ нее, какъ въ прочное убѣжище, если опера „не выгоритъ". Она училась въ Петербургѣ и тамъ не помнила ничего подобнаго. То же находилъ и литераторъ Петровичъ—южанинъ, жившій въ Москвѣ всего второй годъ. Онъ только-что сейчасъ сказалъ, обращаясь къ Шипилину, съ которымъ встрѣтился сегодня въ первый разъ:

— У васъ, въ Москвѣ, три культурныхъ центра. Университетъ, Малый театръ и трактиръ „Эрмитажъ".

Дѣвушки засмѣялись молодо и звонко.

Художникъ Лукошкинъ не вторилъ имъ, и только глаза его слегка вспыхивали.

— Вотъ, Олимпіада Дмитріевна,—заговорила Катя Мухина: —Шипилинъ у насъ въ родѣ дирижера, когда нужно кого поддержать изъ артистовъ. Такая досада, что мы съ Лёлей прежде его не знали. Тогда, на представленіи „Карменъ"...

— Клики мнѣ не нужно, хотя бы и добровольной,—остановила ее Липа.—Студенты всегда меня балуютъ, и въ провинціи.

— Да мнѣ извѣстно, Олимпіада Дмитріевна,—обратился къ ней Шипилинъ,—что наши васъ все-таки поддерживали.

— Какъ же, какъ же!—подтвердила Божеярина... — Только тогда мало было студентовъ.

Всѣ три женщины—каждая по-своему, чуяли, что студенчество здѣсь сила—вездѣ, гдѣ публика рѣшаетъ.

— Мы, Олимпіада Дмитріевна,—сказалъ Шипилинъ, и голосъ его чуть-чуть вздрогнулъ,—были возмущены выходкой Спондѣева.

— Стòитъ вспоминать!—отозвалась отъ самовара Божеярина...—Это—извѣстный пасквилянтъ. Онъ петербургскимъ ругателямъ подражаетъ. Ихъ выученикъ!

— Павелъ Кириловичъ!—окликнула Катя Мухина Петровича.—Вѣдь вы въ той же газетѣ пишете, а?

И она плутовато усмѣхнулась.

Петровичъ поправилъ pince-nez и, немного смущенный, отвѣтилъ:

— Съ нимъ я не солидаренъ. Господинъ издатель очень за него держится.

— Подписку набиваетъ?—спросила Божеярина.

— Такихъ публика одобряетъ.

Петровичъ говорилъ съ мягкимъ южнымъ акцентомъ и „г" звучало у него съ придыханіемъ.

Художникъ Лукошкинъ, низко нагнувшись къ стакану съ чаемъ, выговорилъ какъ бы про себя:

— И когда только прекратится все это сквернословіе...

Онъ громко вздохнулъ.

Шипилинъ оглянулъ всѣхъ веселымъ и вызывающимъ взглядомъ.

— До второго пришествія не прекратится!—вскричалъ онъ и тряхнулъ головой.—Пресса извѣстнаго сорта стала силой. Для улицы работаетъ, потому и уличный языкъ явился, и такія же чувства.

— Однако позвольте!..—остановилъ его Петровичъ, заволновавшись. — Еслибъ сама публика протестовала... и не то, что улица, въ тѣсномъ смыслѣ, а молодежь... Помилуйте, куда ни придите — въ гостиницу, въ кофейную Филиппова, въ любую пивную—студенты зачитываются фельетонами господина Спондѣева. Развѣ это не правда?—спросилъ онъ, кивнувъ въ сторону Шипилина.

— Совершенно вѣрно!—горячо выговорилъ Шипилинъ.—Вы думаете—я стану защищать студентовъ? Мало ли есть какіе! И ихъ сотни. Въ томъ-то и бѣда, что у насъ теперь тоже завелась толпа, улица. Чтò ей ни дашь—она все потребляетъ—только смѣши ее, паясничай, зубоскаль. Но кто этихъ господъ развращалъ, когда они зубрили аористы? Все та же доблестная уличная пресса.

— Еще бы!—глухо воскликнулъ художникъ, и глаза его сильнѣе вспыхнули.

— Разумѣется!—вырвалось однимъ звукомъ у дѣвушекъ.

— Понятно!—подтвердила и Липа.

Ее, съ самаго начала разговора, подмывало „отдѣлать скандалистовъ“, но она щадила Петровича и сознавала въ то же время, что это „подло“.

Положимъ, онъ—порядочный человѣкъ, пасквилями не занимается, и нѣтъ повода накидываться на него. Но ей *надо* было щадить всякаго „писульку“, работающаго въ газетахъ. На проломъ идти нельзя, когда у тебя нѣтъ такого голоса, который сразу приводитъ въ бѣшеный восторгъ всю залу.

— Павелъ Кириловичъ,—ласково обратилась она къ Петровичу.—Мы на васъ не нападаемъ. Вы—не хозяинъ газеты.

— Да, это такъ,—полу-обидчиво перебилъ Петровичъ,—но каждый въ правѣ сказать: почему такой-то пишетъ въ органѣ, гдѣ подобные господа задаютъ тонъ.

— Какъ же не задать подобнаго вопроса?—вдумчиво и мягко спросилъ художникъ, остановивъ взглядъ на литераторѣ.

— Вопросъ неизбѣжный, — продолжалъ, все сильнѣе волнуясь, Петровичъ.—Но если каждому изъ насъ—начинающихъ и неспособныхъ идти рука объ руку съ господами Спондѣевыми—воздерживаться отъ работы,—пресса будетъ наводнена ими окончательно.

— Разсужденіе—обоюдоострое,—откликнулся Шипилинъ.—Это еще неизвѣстно—что̀ въ такомъ случаѣ произойдетъ. Гораздо легче самому поддаться господствующему теченію.

За перегородкой прихожей Липа первая услыхала шаги.

— Кого Богъ несетъ?—довольно громко спросила она.

Божеярина приподнялась и поглядѣла черезъ самоваръ.

— Господа!—полу-шопотомъ выговорила она:—Бранцевъ!

Тотчасъ же и она, и Катя Мухина, какъ-то особенно подтянулись. Мужчины замолкли. Хозяйка шумно отодвинула свое кресло и пошла на встрѣчу гостю.

— Бранцевъ? Артистъ?—спросилъ художникъ студента.

— Да! Левъ Александровичъ. Онъ самый!

— Добро пожаловать! Вотъ это хорошо, что вспомнили меня.

Липа крѣпко пожала руку актера. Она съ нимъ познакомилась только въ этотъ пріѣздъ въ Москву и проходила съ нимъ роль Карменъ—„для игры“.

Лёля и Катя обѣ были его поклонницы и пріятно заволновались, безпрестанно переглядываясь между собою.

Бранцевъ—широкій въ плечахъ, рослый мужчина, блондинъ съ короткими волосами и крупнымъ носомъ—снисходительно улыбался, дѣлая общій поклонъ. Студента онъ зналъ и подалъ ему руку.

Липа назвала ему остальныхъ двухъ мужчинъ и учениц.

Божеярина, бойкимъ тономъ, напомнила ему, что онъ ее видѣлъ на ученическомъ спектаклѣ и одобрилъ.

V.

Въ Бранцевѣ Липа видѣла передъ собой примѣръ того, какъ человѣкъ умѣлъ преодолѣть въ себѣ многое, что̀ ему мѣшало: рѣзковатый голосъ, малую гибкость фигуры и лица, недостатокъ чувства—и въ три-четыре года занялъ самое видное положеніе въ труппѣ. Его знакомствомъ и поддержкой она очень дорожила, только не хотѣла „лебезить" передъ нимъ и строго слѣдила за собою, не пускала своихъ шутовскихъ выходокъ, даже когда они бывали и съ глазу на глазъ. Какъ мужчина, онъ на нее не дѣйствовалъ, и она жестоко издѣвалась надъ тѣми „дѣвулями", которыя „скопомъ" изнывали по немъ и писали ему огненныя признанія въ любви.

— Левъ Александровичъ, вамъ какого прикажете?—спросила Божеярина Бранцева.

— Покрѣпче, если позволите.

Актеръ сидѣлъ съ выпрямленной грудью и красивымъ поворотомъ головы. Держался онъ нѣсколько чопорно, и въ его говорѣ отчетливость произношенія соединялась съ оттѣнкомъ особой вѣжливости, которая устраняла безцеремонное обращеніе собесѣдниковъ.

— Такъ хорошо будетъ?—обратилась къ нему Божеярина.

Онъ отвѣдалъ и съ пріятной улыбкой своихъ карихъ узковатыхъ глазъ выговорилъ звонко:

— Благодарю васъ... Очень хорошо!

Оглянувъ всѣхъ, онъ отпилъ изъ стакана и спросилъ:

— У васъ, господа, была оживленная бесѣда, когда я вошелъ сюда. Я прервалъ ее—извините. Тема, кажется, весьма горячая?

— Вотъ,—пояснила Липа,—литераторъ со студентомъ схватились насчетъ нынѣшнихъ милыхъ газетчиковъ-пасквилянтовъ, и студентовъ тоже задѣли.

— Я за нашихъ безусловно не стою!—вмѣшался Шипилинъ и быстро затянулся папиросой.—И я убѣжденъ—и Левъ Александровичъ согласится со мною. Если у насъ завелась „улица" въ аудиторіяхъ, то ее создала на двѣ трети, а то и на три четверти, вотъ эта самая милая пресса—какъ Олимпіада Дмитріевна сейчасъ выразилась.

Шипилинъ уважалъ въ Бранцевѣ не одного артиста, а также и человѣка съ образованіемъ, и ему хотѣлось—при немъ—постоять за себя.

— Видите ли,—отвѣтилъ Бранцевъ, глядя въ сторону Шипилина:—я самъ былъ студентомъ и не Богъ знаетъ уже какъ давно... Положимъ, десять-двѣнадцать лѣтъ назадъ.

Катя Мухина подъ столомъ—она сидѣла рядомъ съ Божеяриной—толкнула ее колѣномъ, и обѣ стали слушать актера напряженно, не мигая.

— Если считать съ года поступленія,—поправилъ себя актеръ,—положимъ пятнадцать лѣтъ, тогда почти еще не было этой милашки,—протянулъ онъ:—уличной прессы.

— Была!—возразилъ Петровичъ.

— Положимъ, была, но мы, когда выходили изъ гимназіи, были полны,—онъ не сразу нашелъ слово отъ желанія красиво выразиться—полны были совсѣмъ другихъ стремленій! Насъ всякая пошлость коробила.

— Помилуйте!—возразилъ опять Петровичъ и пожалъ плечами. — Да еще въ шестидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ завелось зубоскальство фельетонистовъ и рецензентовъ... Пошли личности, портреты, пасквильные стихи, издѣвательства. Только—подъ другимъ флагомъ, въ радикальномъ духѣ.

Актеръ одобрительно кивнулъ головой.

— Да, это было. Иногда переступали мѣру. Но мы видѣли въ такихъ выходкахъ нѣчто другое. Мы тогда вѣрили въ искренность чувства памфлетистовъ.

— Они показали потомъ, какова была ихъ искренность... Отъ этихъ радикальныхъ пасквилянтовъ—по прямой линіи—идутъ и теперешніе Спондѣевы. Это вѣрно!—вставилъ отъ себя Шипилинъ.

— Я не спорю, господа. Но мы-то вѣрили въ нихъ, и тогда они смѣялись большею частью надъ тѣмъ, что̀ и намъ было противно.

— Смѣялись и просто здорово-живешь, — возразилъ Петровичъ:—травили людей ни въ чемъ неповинныхъ.

— Но, господа,—актеръ, не оставляя своей сдержанной манеры, нѣсколько поднялъ тонъ, — не отрицаю я этого. Я хочу сказать только, что студенчество моего времени — второй половины семидесятыхъ годовъ—не поддавалось такъ грязненькой и пошленькой печати, какъ теперь. По крайней мѣрѣ, меня завѣряютъ въ этомъ молодые люди изъ моихъ знакомыхъ.

— Я первый заявляю это!—почти крикнулъ Шипилинъ.

— Пресса извѣстнаго сорта,—Бранцевъ презрительно усмѣхнулся,—это чистая египетская казнь: на все, къ чему она только ни прикоснется, прилипаетъ сейчасъ нѣчто — онъ выпятилъ губы—смрадное. Мы—артисты—чувствуемъ это сильнѣе, чѣмъ кто-либо.

Катя и Лёля переглянулись, и въ ихъ глазахъ мелькнуло восклицаніе: „Вотъ умница!"

Липа невольно поддакнула Бранцеву, кивнувъ головой, и забыла въ эту минуту свою „политику" съ Петровичемъ; послѣдній, въ концѣ концовъ, могъ обидѣться. А онъ ей нуженъ.

— Никогда еще не было,—Бранцевъ оживился и чопорность его совсѣмъ прошла,—никогда еще не было, говорю я, такого невѣжества и безпардоннаго третированія артистовъ, авторовъ, всѣхъ, кто что-нибудь творитъ, какъ теперь. Всякій недоучившійся гимназистъ можетъ попасть въ рецензенты, и вы должны безнаказанно глотать всю эту возмутительную болтовню, какую онъ изрыгаетъ послѣ каждаго перваго представленія.

Онъ сдѣлалъ энергичный жестъ правой рукой и, предупреждая возраженіе, повернулъ голову къ Шипилину.

— Весьма печально, что подобная пресса можетъ вліять на учащуюся молодежь; но что уровень и складъ молодыхъ идеаловъ понизился—на это позвольте мнѣ привести одинъ примѣръ и не изъ самаго послѣдняго времени. Это было года четыре назадъ. Поставили съ полнымъ текстомъ „Донъ-Карлоса". Не знаю, давали ли его здѣсь за цѣлые полвѣка. Признаюсь, — онъ посмотрѣлъ на студента,—я не безъ смущенія ждалъ сцены маркиза Позы съ Филиппомъ. Впервые съ русскихъ подмостокъ раздались такія слова. Мы—я и мои товарищи—думали, что рѣчь Позы вызоветъ тутъ же взрывъ аплодисментовъ, наверху, гдѣ сидѣло до ста студентовъ. Я это навѣрное знаю... И что же?.. Ни одно слово, ни одна пламенная рѣчь не были подхвачены. Послѣ занавѣса вызывали, какъ всегда, шумно, безпорядочно, но вызывали актеровъ, ободряли ихъ, а о Фридрихѣ Шиллерѣ, авторѣ тѣхъ безсмертныхъ словъ и порывовъ, никто и не думалъ. Ни въ этомъ актѣ, ни послѣ, въ той картинѣ, когда Донъ-Карлосъ изливаетъ свою негодующую душу передъ лицомъ деспота-отца, надъ трупомъ только-что гнусно убитаго Позы!.. А мы думали, что театръ рухнетъ отъ взрывовъ энтузіазма у молодежи!

Бранцевъ, горячо кончивъ тираду, повелъ плечами и смолкъ.

Дѣвушки не выдержали и захлопали.

— Что-жъ!—воскликнулъ студентъ.—Это возможно. Я тогда не былъ на этомъ представленіи.—Онъ усмѣхнулся.—Меня и въ

Москвѣ тогда не было,—прибавилъ онъ съ удареніемъ.—Но то, что̀ вы разсказали, не удивляетъ меня. Быть можетъ, изъ этой сотни студентовъ, что̀ сидѣли наверху, ни одинъ и не читалъ никогда „Донъ-Карлоса"... Ныньче такихъ—сколько угодно!.. Изъ самыхъ первыхъ учениковъ!

— Значитъ, тутъ не одна пресса виновата,—замѣтилъ Петровичъ, мотнувъ головой.

Вышла пауза.

— Эхъ, господа!—вдругъ заговорилъ художникъ:—все это не то!

— Что̀ не то?—спросила Липа.

Всѣ прислушались.

— Да вотъ то, что̀ говорите хотя бы про прессу. И про студентовъ! И про искусство! Не то!—повторилъ онъ и оглянулъ всѣхъ затуманенными глазами. — Не къ тому надо стремиться... Если ты внутренняго человѣка въ себѣ воспитываешь — ничто не страшно! И все получаетъ смыслъ.

— Эхъ, батюшка! Это толстовщина! — крикнулъ Шипилинъ и переглянулся съ актеромъ.

— Изувѣрство! Погибель искусства!—подтвердилъ Бранцевъ.

— Не скажите, господа!—пустилъ грудной, высокой нотой Петровичъ и сталъ развивать цѣлую теорію „нутра", съ которымъ только и есть—въ искусствѣ ли, въ наукѣ ли—спасеніе отъ бездушія и дилеттантства.

Разомъ всѣ заспорили. И Липа, охваченная налетѣвшей на нее потребностью забыть, что она „актерка", стала на сторону Петровича и Лукошкина. Катя и Лёля, съ раскраснѣвшимися щеками, тоже заспорили съ художникомъ, а потомъ и между собою.

Бранцевъ положилъ конецъ нестихавшему спору, поднявшись съ мѣста въ двѣнадцать часовъ. Послѣ его ухода остальные, утомившись, стали притихать.

Было около часа, когда Липа, провожая Лёлю и Катю, сошла на нижнюю площадку, гдѣ швейцаръ уже спалъ, въ ливреѣ.

Выпустивъ барышенъ, онъ подошелъ къ ней, наклонился и вполголоса выговорилъ:

— Баронъ Гольцъ были.

— Когда?—встревоженно спросила она.

— Такъ, съ полчаса будетъ. Я доложилъ, что у васъ гости... Они не изволили подняться.

— Хорошо!—отвѣтила Липа и вспыхнула.

Она быстро поднялась въ коридоръ верхняго этажа. Сна-

чала она похвалила „Антошку“ за его деликатность: онъ не хотѣлъ являться при гостяхъ такъ поздно. Но второе ея чувство кольнуло ее и заставило горько задуматься у самой двери.

„Какъ съ содержанкой поступилъ!—рѣшила она.—Рыскалъ цѣлый день по барынямъ; а потомъ—сюда. Можетъ, ужинать поѣхалъ, а часа въ три пожалуетъ“.

И она нервно щелкнула задвижкой, войдя къ себѣ.

VI.

Вороной рысакъ въ одиночныхъ саняхъ мчалъ Нину Кумачеву по Пречистенскому бульвару къ Сивцеву-Вражку.

Ея пріятельница, Nanon Верховцева, просила ее сегодня обѣдать и пріѣхать пораньше, за-свѣтло. Наканунѣ Верховцевъ съ барономъ Гольцемъ были на медвѣжьей охотѣ, убили нѣсколько штукъ и въ томъ числѣ одну огромную медвѣдицу. Вотъ этихъ-то мертвыхъ звѣрей и хочетъ Nanon показать ей, вмѣстѣ съ товарищемъ своего мужа — барономъ. Обѣдъ будетъ за-просто, вчетверомъ. Захара Лукьяновича позвали больше, кажется, изъ приличія; но у него случился какой-то оффиціальный обѣдъ.

Дня три назадъ Нина заѣзжала къ Еленѣ Авридиной—и кстати хотѣла сдѣлать визитъ Идѣ. Елена перебралась къ Радиной въ меблированный домъ, гдѣ живетъ Лыжинъ. Сдѣлалось это подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ хотѣли быть вмѣстѣ. Нина не стала удерживать своей „тетеньки“ и внутренно была рада, не изъ скупости, а потому, что „тетенька“ начала „умничать“, дѣлать ей замѣчанія и пускать въ ходъ „тоны“ въ либеральномъ направленіи. Разъ чуть не дошло и до настоящей схватки.

Племянница очень скоро замѣтила, что Елена увлекается Борцевымъ, была съ нимъ любезна, приглашала обѣдать. Но какъ-то позволила себѣ подтрунить надъ ея „пассіей“ къ добродѣтельному предводителю и пожелать ей „побольше успѣха“. Авридина не выдержала и дала ей отпоръ—рѣзкій и быстрый. Нина обратила все въ шутку и черезъ день заговорила стороной о скоромъ пріѣздѣ въ Москву дяди, князя Иларіона Ивановича, и о желаніи помѣстить его у себя все время, какъ онъ проживетъ въ Москвѣ.

Понять было нетрудно, и какъ только Ида пріѣхала въ Москву на цѣлый мѣсяцъ, Елена перебралась къ ней въ garni, гдѣ онѣ обѣ ютятся въ трехъ комнатахъ.

И тамъ же она, проходя по коридору, увидала офицера въ

бѣлой фуражкѣ и шинели. Его лицо и ростъ заставили ее оглянуться. Онъ съ кѣмъ-то прощался у полу-растворенной двери.

Нина успѣла замѣтить и съ кѣмъ. Молодая женщина, съ полу-обнаженными руками, въ свѣтломъ пеньюарѣ, красивая, смахивающая на кокотку!

Эта пара запала ей въ память, и теперь, на пути къ Верховцевымъ, она подумала: „не этотъ ли гвардеецъ — баронъ Гольцъ?“

А та женщина? Если ей захотѣлось бы непремѣнно узнать — кто она, можно это сдѣлать черезъ Иду Радину или Лыжина. И онъ тамъ живетъ.

Глаза и ротъ той женщины, точно живые, всплыли передъ ней.

Конечно, это какая-нибудь содержанка или, много, актриса. Но ей показалась въ лицѣ ея особенная такая усмѣшка, какъ будто она, провожая офицера, только-что сказала ему колкость. Такія выраженія бываютъ послѣ сценъ между мужемъ и женой или у любовниковъ.

Ухабъ заставилъ ее встрепенуться.

Было уже очень близко до дома Верховцевыхъ. Повернули на Сивцевъ-Вражекъ. Солнце играло въ стеклахъ одной стороны домовъ. Нинѣ было дѣтски-весело и безпечно на душѣ, что въ послѣднее время она рѣдко замѣчала въ себѣ. Можетъ быть, переѣздъ отъ нея „тетеньки“ дѣйствовалъ въ такомъ именно родѣ. Тетенька для нея только „femme savante“ въ Мольеровскомъ вкусѣ: читала рефератъ, удостоилась овацій и почетныхъ приглашеній на обѣды въ „Эрмитажѣ“, произносила спичи, принимала у себя разныхъ уродовъ по археологіи—Нина вспомнила одного, съ фамиліей „Ѳеопемптовъ“ — а сама, какъ кошка, врѣзалась въ этого предводителя „на лампадномъ маслѣ“ — такъ сама Акридина назвала его разъ Нинѣ, раззадоренная тѣмъ, что онъ „не поддается“.

Жалки и потѣшны кажутся Нинѣ женскія претензіи ея „тетеньки“. Она воображаетъ себя чуть не красавицей, съ ея толстымъ носомъ, широкими, часто красными вѣками и этими безвкусными туалетами... И умѣнье одѣваться признаетъ она за собой непогрѣшимое. Всего одинъ разъ Нина и замѣтила ей что-то насчетъ отдѣлки лифа; та сейчасъ зашипѣла на нее:

— Пожалуйста, милая, безъ менторства! Всякая одѣвается, какъ умѣетъ!

А того не понимаетъ, что она—со своими старомодными платьями изъ плохого манчестера, въ которыхъ отправляется на

засѣданія — похожа на нѣмку-фокусницу или пѣвицу, дающую концертъ гдѣ-нибудь въ провинціальномъ захолустьѣ.

— „И на здоровье!“ — выговорила Нина мысленно, и ея бѣлые зубы блеснули на солнцѣ, отъ недоброй улыбки ея вкуснаго рта.

Въ послѣдній визитъ Идѣ она нашла у ней, кромѣ Елены Константиновны, и Лыжина.

Онъ ихъ общій другъ. Кто знаетъ, пожалуй, подъ шумокъ, состоитъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ Идой—такъ, по старой памяти. Вѣдь эта „дѣвица“,—подумала Нина съ веселой злобностью, — конечно, только для виду „забастовала“. Не можетъ быть, чтобы такая особа „съ прошедшимъ“, у которой были— безъ числа—романы по всей Европѣ,—и вдругъ теперь обрекла себя на жизнь затворницы, тамъ у себя, въ имѣніи, и ударилась въ либеральную благотворительность, въ устройство школъ и яслей.

Нина была, однако, довольна тѣмъ, что нашла у этихъ „скитницъ“ Лыжина. Онъ и тамъ велъ себя такъ, какъ въ послѣднее время и у нея. Въ немъ она видитъ желаніе держаться съ ней тона равнаго съ равной, а не служащаго у ея мужа. Что-жъ! Она это допускаетъ, и Захаръ Лукьяновичъ взялъ его себѣ въ „ревизоры“ съ ея же одобренія. Въ сущности Лыжинъ будетъ принадлежать къ ея штату гораздо больше, чѣмъ къ штату ея мужа. Онъ гордъ, знаетъ себѣ цѣну; однако, менѣе красный, чѣмъ она думала. Кажется, съ Кострицынымъ онъ очень ладитъ, и тотъ на него вліяетъ. Въ Лыжинѣ она зачуяла и еще что-то. Онъ, нѣтъ-нѣтъ, да и взглянетъ на нее, и глаза вспыхнутъ и потухнутъ. И въ голосѣ прорываются ноты—особенныя.

Пускай! Это ее не стѣсняетъ. Гораздо лучше, чтобы такой „ревизоръ“ чувствовалъ надъ собою обаяніе ея красоты, ея породы, изящества, ума, а то сейчасъ и зазнается, будетъ показывать всѣмъ, что онъ оказываетъ благодѣяніе, принявъ мѣсто у Захара Лукьяновича.

Лыжинъ—не очень молодъ, но лицо у него интересное. И тонъ хорошій. Онъ болѣе баринъ, чѣмъ хотя бы ея „пріятель“, преисполненный самоуваженія Эсауловъ, съ его говоромъ въ носъ и наружностью регента пѣвчихъ, имѣвшаго съ купчихами „des bonnes fortunes“. Надо только довести Лыжина до другой манеры одѣваться, привить ему употребленіе *смокинга*, каждый разъ, какъ онъ обѣдаетъ у нихъ или она позоветъ его вечеромъ. Много труда это не будетъ стоить; слушаться ее онъ скоро пріучится.

Кучеръ лихо направилъ сани, немного на изволокъ, въ ши-

рокія ворота. Передъ одноэтажнымъ особнякомъ, подъ слоемъ снѣга, покоились низкорослые кустарники цвѣтника.

Между крыльцомъ и сосѣднимъ заборомъ Нина, выскочивъ изъ саней, не замѣтила экипажа и тотчасъ же подумала, что баронъ Гольцъ могъ и отпустить своего извозчика.

Впустилъ ее мальчикъ въ ливрейномъ полуфракѣ.

— Кто у васъ?—спросила Нина тономъ близкой знакомой.

— Никого нѣтъ-съ.

— А баронъ Гольцъ?

— Не пріѣзжали еще.

Мальчикъ плутовато глядѣлъ на нее сѣрыми, красивенькими глазами.

Хозяйка встрѣтила ее на порогѣ залы и сейчасъ же увела къ себѣ въ будуаръ-кабинетъ, занимавшій уголъ дома, надъ которымъ поднималась башня съ изразцовой крышей.

— Tonton сейчасъ будетъ, и вмѣстѣ съ Гольцемъ.

Мужа ея звали Платонъ Николаевичъ; но за нимъ давно удержалось прозвище „Tonton“, какъ за его женой „Nanon“; ее звали по имени и отчеству Анна Алексѣевна.

— Ravissante, cette robe! On la mangerait! — заговорила Nanon, оправляя своими быстрыми, худыми пальцами пышные бархатные рукава платья Нины.

Обѣ онѣ стояли по срединѣ комнаты и оглядывали одна другую.

Сама Nanon была въ свѣтлой фланели, и ея худощавая фигура, съ маленькой головой и нервно-возбужденнымъ лицомъ, очень шла къ отдѣлкѣ ея комнаты и вообще къ обстановкѣ ихъ дома, гдѣ все смотрѣло молодо, франтовато и изящно-небрежно, съ оттѣнкомъ свѣтской цыганщины. Оба они такъ и жили, проживая много, дѣлая долги и мало сокрушаясь этимъ.

— А мужъ? — спросила Нина.

— Онъ съ Гольцемъ поѣхалъ смотрѣть конюшни у того богача... enfin ce marchand-chic, qui possède un yacht... à Nice.

„Yacht“ Nanon выговорила съ обязательнымъ горловымъ „х“, какъ принято нынче произносить это по-французски.

Слово „marchand“ соскочило у ней съ языка. Она не желала употреблять его при Нинѣ, зная, что та этого не долюбливаетъ.

И тотчасъ же она ее обняла и поцѣловала въ щеку цѣлыхъ три раза.

— Ахъ! Какая ты вкусная! И свѣжая! Съ морозу... Мужчины сейчасъ будутъ. А звѣри уже лежатъ на дворѣ—мертвые.

— Comment est-il? — спросила Нина.

— Le baron?

— Oui.

— Très bien. Un beau mâle. И не глупъ. Даже, по-моему, немножко себѣ на умѣ.

— А-а!—протянула Нина, и обѣ онѣ, взявшись за талію, перешли въ гостиную.

VII.

Дворъ, густо покрытый морознымъ снѣгомъ, блестѣлъ искрами, и блѣдно-голубое небо стояло надъ нимъ мягко и низко.

Въ рядъ, подъ окнами задняго фасада, лежали четыре медвѣжьи туши, уже окоченѣлыя отъ мороза. Одинъ медвѣдь былъ чернѣе, короче и толще другихъ. Длинная, огромныхъ размѣровъ, бурая съ сѣдиной медвѣдица, глядѣла пастью вверхъ, и ея глазъ такъ и застылъ въ выраженіи неподвижнаго испуга.

Ими любовались хозяева и гости: баронъ Гольцъ и Нина.

Баронъ былъ въ пальто, съ мерлушковымъ воротникомъ, въ накидку. Онъ улыбался сдержанно и правой рукой накручивалъ усъ. Фуражка сидѣла на немъ немного назадъ — какъ онъ носитъ ее всегда въ полку — и это придавало ему очень молодой и небрежно-молодцоватый видъ.

Нина отвела глаза отъ туши огромной медвѣдицы къ красивому и статному офицеру; но сдѣлала это незамѣтно, въ ту минуту, когда онъ не смотрѣлъ на нее.

Изъ этихъ четверыхъ звѣрей три были убиты имъ — этимъ молодцомъ въ бѣлой фуражкѣ,—въ томъ числѣ и медвѣдица.

Только-что передъ тѣмъ Верховцевъ разсказывалъ имъ, какъ Гольцъ, стоя одинъ, безъ егеря, убилъ эту медвѣдицу, тотчасъ за ея сыномъ-подросткомъ, котораго положили рядомъ съ нею, морда въ морду.

— Еслибъ осѣчка,—слышался ей голосъ Платона Николаевича, — Антоша бы — капутъ. Егерь былъ занятъ съ убитымъ звѣремъ.

Верховцевъ былъ немного влюбленъ въ Гольца; даже охотницкая зависть молчала въ немъ. Мужъ ея пріятельницы — на нѣсколько лѣтъ старше барона — сошелся съ нимъ въ полку, куда тотъ поступилъ вольноопредѣляющимся: въ корпусѣ онъ не доучился, по болѣзни. „Tonton“ смотрѣлъ мужчиной сильно за̀тридцать. Въ Москвѣ онъ много ѣлъ, не меньше того пилъ, спалъ до полудня, и только охота да изрѣдка карты—подбадри-

вали его. Его смуглое, калмыцкое лицо казалось гораздо старше отъ бороды и широкихъ казацкихъ усовъ, которые онъ запускалъ поверхъ бороды, въ видѣ двухъ ятагановъ. Ростомъ Гольцу по плечо и уже плѣшивый — онъ разжирѣлъ въ туловищѣ.

И теперь онъ смотрѣлъ на медвѣдицу и, подмигивая женѣ и Нинѣ, восхищался.

— Какова мадамъ? А? Fichtre! Этакая—еслибъ обняла Антошу... Чтò бы ты предпринялъ, мой другъ?

— Со мной ножъ былъ,—спокойно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень юно отвѣтилъ Гольцъ.

— И вы бы съумѣли съ ней справиться?—спросила Нина, и глаза ея строго и задорно блеснули ему въ лицо.

— Постарался бы...

— *Тэнъ можэ*!—вскричалъ Верховцевъ, хлопнувъ гвардейца по спинѣ. Эту польскую прибаутку изъ довольно неприличнаго анекдота онъ употреблялъ часто. Значенія ея ни Nanon, ни Нина, къ счастію, не понимали.

„Да, онъ съумѣлъ бы", — повторила про себя Нина и подошла близко къ пріятельницѣ. Nanon, въ короткой мерлушковой кофтѣ, съ платкомъ на головѣ, поглядывала на нее возбужденно, взглядомъ молодой москвички, любящей все лихое: охоту, опасность, ужины, тройки — и все съ оттѣнкомъ юмора.

Глаза ея спрашивали Нину:

„Каковъ у насъ Антоша—даромъ что изъ нѣмецкихъ *фоновъ?*"

И Нинѣ стало какъ бы пріятно, что для нихъ—для мужа и жены—этотъ нѣмецко-русскій богатырь былъ все-таки „Антоша", что они—любуясь имъ и поднося его ей на обѣдъ—не церемонились съ нимъ, не поднимали на пьедесталъ.

Ее скорѣе влекло къ такому красавцу—она иначе не могла назвать его про себя—влекло и что-то сердило въ немъ вмѣстѣ.

Не то ли, что этотъ офицеръ держался въ обществѣ женщины, *какъ она*, слишкомъ просто, безъ малѣйшаго желанія прихорашиваться, безъ особыхъ тоновъ и маленькихъ движеній, въ чемъ сказывается мужское вниманіе. Точно онъ гдѣ-нибудь съ товарищами, въ полковомъ манежѣ, или съ родными. Не грубъ, не безцеремоненъ; но и ничего больше.

Въ ней уже загорѣлось желаніе—заставить его „перемѣнить фронтъ".

„Кажется, онъ—не изъ пущихъ?" —подумала Нина, вспомнивъ выраженіе своего мужа Захара Лукьяновича, когда тотъ хочетъ сказать про кого-нибудь, что онъ-де не особенно далекъ.

Такой овалъ лица, лобъ, прямой, немного удивленный взглядъ

свѣтлыхъ глазъ и чуть скользящая по свѣжимъ губамъ усмѣшка —бываютъ у недальнихъ мужчинъ: она видала.

„Это жаль!“ — тотчасъ же прибавила Нина и сравнила его съ наружностью мужа.

Захаръ Лукьяновичъ—по-своему не менѣе видный мужчина, и лицо у него, пожалуй, также красиво. Но только „по-своему“. У этого Нимврода — она уже назвала такъ барона, когда они шли смотрѣть медвѣдей—складъ лица и стана обличаетъ породу. Въ немъ видѣлся потомокъ какого-нибудь меченосца ливонскаго ордена; только черты смягчала примѣсь барской мягкости, переданной русской матерью.

Сомнѣніе—уменъ ли онъ—продолжало сидѣть въ ней. Тѣмъ лучше: легче будетъ привести его къ тому, что̀ она желала бы въ немъ видѣть.

— Baron,—вдругъ обратилась она въ его сторону, посмотрѣвъ на него смѣло и съ полу-опущенными рѣсницами, отъ чего стала сразу очень красива:—est-ce-que vous comptez séjourner à Moscou?

— Онъ поживетъ, поживетъ,—отвѣтилъ за него Верховцевъ.

— Je me plais à Moscou—сказалъ Гольцъ Нинѣ, безъ торопливости, и улыбнулся ей глазами — опять такъ, какъ будто они уже съ годъ знакомы.

„Мальчишка!.. Избалованъ женщинами... Но какими?“

Сцена прощанія въ дверяхъ, въ меблированномъ домѣ, гдѣ жили Акридина и Лыжинъ, встала передъ ней, и ей захотѣлось поиграть съ нимъ.

Полчаса назадъ, когда Гольцъ вошелъ въ гостиную съ Верховцевымъ—она сейчасъ же узнала его. Сказать объ этомъ своей пріятельницѣ не успѣла ни въ комнатахъ, ни на дворѣ; можетъ быть, не нашла и нужнымъ.

Теперь у ней былъ козырь въ рукахъ противъ этого „Антоши“—ей уже нравилось такъ называть его про себя.

— Le baron a peut-être des raisons particulières pour aimer Moscou, — сказала она, повернувшись спиной къ медвѣжьимъ тушамъ.

— Vrai?—дурачливо спросила ее Nanon, подмигнувъ ему.— А? Есть что-нибудь?

— Кто его знаетъ? — шумно вмѣшался Верховцевъ.—Онъ скрытенъ. Во всякихъ дѣлахъ, не то что уже въ сердечныхъ... Антоша? Признавайся.

— Нé въ чемъ, — отвѣтилъ Гольцъ; но щеки его, хотя и розовыя отъ мороза, измѣнили цвѣтъ.

— Покраснѣлъ, покраснѣлъ!—закричала Nanon и захлопала въ ладоши.

— Вовсе нѣтъ!—уже серьезно и какъ бы съ сердцемъ выговорилъ Гольцъ.

— En êtes-vous bien sûr?—тихо и съ задоромъ въ глазахъ спросила Нина.

— Ну, полноте, Нина Борисовна, не мучьте вы моего барона —по первому же абцугу,—даромъ, что онъ изъ такихъ, что первый пардону не попроситъ... Прокофій! — крикнулъ Верховцевъ егерю, стоявшему поодаль:— можешь прибрать! Нина Борисовна, вы позволите поднести вамъ и супругу вашему окорокъ отъ моего медвѣжонка?

— Merci!.. Est-ce que c'est bon?—спросила Нина.

— Excellent! — вскричала Nanon.—А вы, голубчикъ, какое сдѣлаете подношеніе? — И она указала глазами на Нину.

— Если Нинѣ Борисовнѣ угодно будетъ принять отъ меня,— она сама выберетъ.

— Très flattée, baron,—замѣтила Нина приподнятымъ тономъ: —mais pour quoi faire?

— Какъ на что? — подхватилъ Верховцевъ.—Шкуру... подъ ноги... подъ полость. Или чучелу... въ сѣни.

— Фи!.. Это будетъ отзываться охотничьимъ клубомъ! Однако, господа, мнѣ холодно, идемте!—пригласила хозяйка и пошла первая впередъ.

— Merci!—выговорила замедленнымъ звукомъ Нина, проходя къ крыльцу рядомъ съ Гольцемъ.—Mes compliments! — сказала она на крыльцѣ, прямо глядя ему въ лицо:—votre amie a des bras splendides!

Онъ сейчасъ понялъ, о комъ она говоритъ, и ничего не сказалъ, только повелъ плечомъ.

Дворъ опустѣлъ. Четыре темныя туши лежали недвижно, дожидаясь возвращенія егеря, пошедшаго за конюхами.

Небо—такое же ясное и низкое—глядѣло на нихъ.

VIII.

Двѣ извозчичьихъ пары — „голуби", какъ ихъ зовутъ москвичи,— летѣли къ Тріумфальнымъ Воротамъ. Въ переднихъ саняхъ сидѣли Нина и Гольцъ. Сзади ѣхали Верховцевы. Въ такомъ же порядкѣ отправились они и послѣ обѣда пить чай въ „Яръ".

Nanon, смѣясь, повторяла, когда они одѣвались въ передней:

— Я съ Tonton! Это не дѣлается — мужъ съ женой. Но я предоставляю Нинѣ молодого человѣка! И барону—моего друга Нину. A tout seigneur—tout honneur!

Когда они неслись туда, разговоръ, хоть и послѣ обѣда, гдѣ выпито было не мало вина, шелъ отрывочно.

Нина не находила „good style"—это было ея любимое выраженіе—опять задѣвать офицера насчетъ той женщины, въ нумерахъ, съ роскошными руками. Но въ ея тонѣ это сквозило— и за обѣдомъ, когда она къ нему съ чѣмъ-нибудь обращалась, и по дорогѣ въ „Яръ".

Гольцъ какъ будто не понималъ этого, или скорѣе точно это было уже „извѣстно и переизвѣстно" и онъ не считаетъ нужнымъ ни стѣсняться, ни обѣгать этого самъ. А скажутъ — онъ отвѣтитъ что-нибудь спокойное.

Однако тамъ, на дворѣ, онъ покраснѣлъ. Стало-быть, онъ не циникъ, не любитель женщинъ, давно уже потерявшій способность измѣняться въ лицѣ.

За чаемъ въ „Ярѣ" —они, разумѣется, занимали комнату съ Пушкинскими стихами на стѣнахъ—у нихъ не вышло никакого a parte, хотя Nanon раза два уходила гулять съ мужемъ по залѣ. Это даже не понравилось Нинѣ.

Разговоръ былъ общій, офицерскій, полковой. Верховцевъ съ Гольцемъ вспоминали разныя смѣшныя вещи—за время ихъ общей службы—вспоминали про полковыхъ дамъ, товарищей, кто когда ушелъ изъ полка, исторіи на маневрахъ. Верховцевъ сводилъ на неприличные анекдоты. Баронъ его не поддерживалъ. По тону онъ оказывался гораздо выше мужа ея подруги, и въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, есть какое-то „себѣ на умѣ". Или это своего рода фатовство и разсчетъ—раззадорить „бабёнку". Ей давно извѣстно, что мужчины и свѣтскихъ женщинъ такъ называютъ между собою.

За чаемъ Верховцевъ подливалъ ей ликеру. Она не такъ крѣпка, какъ Nanon. Та можетъ выпить—сколько угодно. Она же очень краснѣетъ, и это ей нейдетъ. Ее разбирало чувство задора противъ „Антоши", для котораго женщины точно всѣ равны: и родовитыя княжны, какъ она, и танцовщицы, и кокотки; пожалуй, и горничныя. Не отъ испорченности это, а такая натура. Съ гоноромъ... Ревельскій баронъ!

Однако она никакихъ намековъ въ ресторанѣ больше не позволяла себѣ, и даже когда Верховцевъ началъ подшучивать надъ пріятелемъ насчетъ его любовныхъ тайнъ, то она первая завела разговоръ о другомъ и сдѣлала это съ желаніемъ показать, что она-де умѣетъ вести себя съ тактомъ и другихъ поучить.

Теперь, на морозѣ, вѣтерокъ дулъ ей прямо въ лицо, полузащищенное платкомъ. Въ головѣ ея — отъ ликеровъ — немного сильнѣе зашумѣло.

Вѣдь какъ этотъ офицеръ въ бѣлой фуражкѣ ни финти — у него есть связь, и не со вчерашняго дня. Та женщина — его возлюбленная. Можетъ быть, просто содержанка. Это все равно: надо только знать — держится ли онъ за нее или нѣтъ. Да и наконецъ—въ какихъ бы онъ чувствахъ къ ней ни былъ—такая „барыня" не Богъ знаетъ что̀ за кладъ. Этого еще недостаточно, чтобы вести себя съ *такими* женщинами, какъ она — точно они десять лѣтъ знакомы, не дѣлать ни малѣйшей разницы между нею и первой попавшейся дѣвчонкой изъ кордебалета. Только съ той онъ бы держалъ себя повольнѣе. И то—врядъ ли! Эти нынѣшніе, спокойные — если они не нахалы—ставятъ себѣ въ правило ни съ кѣмъ не „зарываться" — даже и съ глазу на глазъ.

Пара проскакала влѣво отъ Тріумфальныхъ Воротъ; извозчикъ сдѣлалъ, на полномъ бѣгу, крутой поворотъ и сани подскочили въ ухабѣ.

— Тише! — крикнула Нина и не смогла сдержать нервнаго движенія.

И въ ту же минуту сильная рука легла вдоль ея таліи, поверхъ ея модной шубы съ крашенымъ тибетскимъ бараномъ. По дорогѣ туда и назадъ, до Воротъ, Гольцъ сидѣлъ рядомъ съ нею, не прикасаясь рукой до ея таліи.

Нина нервно вздрогнула, но ничего не сказала. Держать даму въ узкихъ саняхъ принято и въ ея обществѣ, между хорошими знакомыми. Ей стало вдругъ тепло и на особый ладъ покойно. Какую-то прочность ощутила она.

„Онъ силачъ,—подумала она, не оборачивая къ нему лица.— На медвѣдя можетъ идти одинъ-на-одинъ. Оттого и не хочетъ ни передъ кѣмъ прыгать".

— Не бойтесь!—выговорилъ Гольцъ смѣшливой нотой.

Она хотѣла сказать: „Теперь можете отнять руку" — и не сказала. Вѣдь ей, наконецъ, рѣшительно все равно—поддерживаетъ онъ ее за талію, или нѣтъ.

Руку его она продолжала чувствовать сквозь сукно и мѣхъ шубы.

Они вдругъ поглядѣли другъ на друга, и въ его глазахъ промелькнуло что-то новое, но не дерзкое, не похожее на заигрыванье женолюбиваго и увѣреннаго въ себѣ красавца.

— Вы позволите нанести вамъ визитъ?—спросилъ онъ другимъ тономъ: въ голосѣ была какъ бы шутка.

Ей не нравилось чисто московское выраженіе: „нанести визитъ“. У него это вышло просто, опять почти по-пріятельски. Гольцъ вообще говорилъ хорошимъ русскимъ языкомъ. Видно было, что онъ немало жилъ и въ деревнѣ. Французить онъ не любилъ, и его французскій жаргонъ былъ не изъ особенно бойкихъ, правильный и, по звуку, жестковатый.

— Пожалуйста!—отвѣтила Нина серьезно, даже строговато; но въ ея глазахъ онъ какъ будто что-то прочелъ.

Можетъ быть, противъ ея воли, во взглядѣ ея промелькнулъ вопросъ:

„А дама сердца позволитъ?“

— Верховцевъ, — заговорилъ Гольцъ медленно и опустивъ немного голову, — выставляетъ меня какимъ-то хитрецомъ, тайнымъ...

Онъ не сразу нашелъ слово:

— Донъ-Жуаномъ, что-ли,—почти смѣшливо кончилъ онъ.

— Et vous ne l'êtes pas?—спросила Нина заинтересованно; но не обернула къ нему головы, хотя ей это и захотѣлось.

— Non, je ne le suis pas, madame, — отвѣтилъ Гольцъ и опять опустилъ голову.

Прибавка слова „madame“ у другого была бы неизбѣжной свѣтской прибавкой въ первый день знакомства. У него — отзывалась опять чѣмъ-то полу-шутливымъ, пріятельскимъ.

Это ее почти разсердило.

— Послушайте,—начала она по-французски,-быстро, довольно рѣзко. — Вы не болтаете о вашихъ побѣдахъ, чѣмъ наши мужчины такъ грѣшатъ; но въ васъ чувствуется...

Она остановилась, боясь слишкомъ рѣзкаго слова.

— Кто? — спросилъ Гольцъ, хмуро-ласково взглянувъ на нее, и отъ этого взгляда сталъ очень хорошъ.

— Un homme à femme!

— Такъ сказать, красавецъ-мужчина?

— Какъ хотите!

Онъ привелъ ее къ русскому разговору. Это ее не стѣсняло, но дѣлало гораздо менѣе блестящей.

— Вы ошибаетесь, Нина Борисовна, жестоко ошибаетесь.

Нина не выдержала и спросила:

— А дама съ открытыми руками?

— Что-жъ дама?

И, не мѣняя спокойнаго, товарищескаго тона, онъ продолжалъ:

— Дама—ничего не доказываетъ. Напротивъ. Развѣ впередъ знаешь, чѣмъ встрѣча съ женщиной можетъ кончиться?.. Думаешь, ничего... и поймаешься.

— Вы и поймались?

— Всегда можно найти средство...

— Разорвать?—подсказала Нина.

— Я никого не соблазнялъ. И не давалъ обѣщаній.

Онъ это выговорилъ какъ бы самъ для себя.

— Насчетъ клятвъ — я не мастеръ. И считаю это порядочной пошлостью.

„Каковъ!—воскликнула про себя Нина.—Вотъ, влюбись въ такого идола! Онъ тебѣ и покажетъ... Il vous roulera comme rien du tout",—добавила она мысль свою по-французски.

— Но допускали себя любить?—почти злобно сказала она.

— Почему же — „допускалъ"? Развѣ мужчина и женщина не равны... въ такихъ дѣлахъ?

„Въ такихъ дѣлахъ!"—повторила про себя Нина.

Ей онъ показался въ этомъ разговорѣ—несовсѣмъ умѣстномъ съ его стороны — рѣшительно „не изъ пущихъ". Какая-то туповатая простоватость сквозила слишкомъ явно.

И въ то же время—въ немъ сидѣло что-то вовсе не глупое и смѣлое, а главное, несложное, ясное, съ чѣмъ надо считаться.

Она знавала военныхъ въ такомъ родѣ, петербургскихъ. Но тѣ были болѣе дерзки, влюблены въ себя, или „мальчишки", которымъ она умѣла „давать по носу".

— И вы разрываете, когда вамъ вздумается?—спросила Нина и засмѣялась.

— Мужчина всегда немножко виноватъ.

— Немножко?—переспросила она.

— Меньше, чѣмъ потомъ начнутъ кричать.

„Оправдывается!"—съ оттѣнкомъ презрѣнія подумала она.

— Только этимъ смущаться нечего.

— Когда совѣсть чиста? — съ новымъ взрывомъ смѣха подсказала Нина.

— Понятное дѣло, — отвѣтилъ онъ какимъ-то кадетскимъ звукомъ.

„Онъ просто глупъ",—рѣшила Нина и замолчала. Замолчалъ и Гольцъ.

Сани, вслѣдъ за первой парой, уже повернули къ бульвару, гдѣ стоялъ домъ Кумачевыхъ.

IX.

Въ тотъ же вечеръ, въ отдѣленіи, которое занимала Ида въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, у самовара сидѣли трое: она, Акридина и Боярцевъ.

Они говорили уже больше получаса; бесѣда все разгоралась и переходила въ споръ между Еленой и ея гостемъ.

Щеки Акридиной разгорѣлись; на лбу у нея—всегда въ горячемъ разговорѣ — чолка поднималась въ своеобразный вихоръ. Боярцевъ, отодвинувшись немного отъ стола, съ одной рукой загнутой за спинку стула, держался—какъ всегда—прямо, и на его губахъ лежала нѣсколько сладковатая усмѣшка.

Ида глядѣла на нихъ изъ-за самовара, курила и—пока—не поддерживала споръ ни съ одной стороны. Въ серьезныхъ вещахъ—особенно съ литературнымъ оттѣнкомъ—русская рѣчь ее все еще стѣсняла. Она боялась сдѣлать ошибку: „dire un mot bête“,—говорила она.

— Помилуйте! Какой же это жоржзандизмъ? Вотъ выкопали старье!—вскричала Акридина, вся всколыхнулась на стулѣ и порывисто отпила изъ своего стакана.

— Конечно, жоржзандизмъ,—повторилъ спокойно и твердо Боярцевъ.—Вы читали, напримѣръ, хотя бы „Лелію“?

Елена подумала немного и повела отрицательно головой.

— Да я вообще мало ее читала. Соціальныя вещи — да. „Horace“... И этотъ—какъ его... ты не знаешь, Ида? Гдѣ увріèръ —членъ рабочаго союза?..

— „Le compagnon du tour de France“,—подсказалъ такъ же спокойно Боярцевъ. — Въ этомъ госпожа Зандъ перелагала въ сказки то, что ей проповѣдовали ея друзья, въ родѣ Пьера Леру. Нѣтъ, возьмите вы ея настоящіе, женскіе романы, гдѣ личность женщины требуетъ реабилитаціи своего *я* — прежде всего своей плоти, своихъ вожделѣній, прикрывая ихъ порываніемъ въ высшія сферы.

— Почему же непремѣнно плоти?—задорно повторила Елена.

— Духовныя ея стремленія еще печальнѣе. Вы почитайте эту „Лелію“. Что это такое! Господи! Что за чудовищная изломанность и грѣховное озорство женскаго естества!

— Вы начинаете, Романъ Денисовичъ, говорить библейскимъ слогомъ.

— Извините!—Боярцевъ придвинулся къ столу:—какъ умѣю.

— Но къ чему всѣ эти сравненія?

— Въ женщинахъ вашего поколѣнія...

— Оно и ваше! — подсказала Акридина и тотчасъ же разсердилась на себя за этотъ возгласъ.

— Я не спорю, — возразилъ онъ такъ серьезно, что это можно было принять за тонкую иронію.

— Ну, и что-жъ?

— Въ нихъ видно то же самое, только съ другой окраской. Наука! Идеи! Протесты! Желаніе играть, во что бы то ни стало, роль. И никакого основанія.

— Въ чемъ же?

Щеки Елены разгорѣлись, и она нервно трясла кончикомъ ноги.

— Никакого общенія съ основами народнаго духа,—продолжалъ Боярцевъ, тише звукомъ и медленнѣе, съ полу-закрытыми глазами.

— Почему же вы думаете, Боярцевъ, что у меня нѣтъ общенія съ народомъ? Развѣ вы взяли привилегію на это? Народъ мы изучаемъ, какъ умѣемъ.

— Да, какъ предметъ любопытства, или сверху внизъ, въ просвѣтительно-доктринерскихъ цѣляхъ, на извѣстный ладъ. Женщина сбилась съ пути, — вернулся онъ съ видимой охотой къ своей главной темѣ: — она мечется и бьется, не знаетъ, куда ей дѣвать свою горемычную голову. На что ей опереться? Вѣры нѣтъ... Бракъ оскверненъ! Даже материнство, и то — въ загонѣ, или превратилось въ жалкое баловство дѣтей, въ рабство передъ ними, во имя теоріи...

— Все это прекрасно,—менѣе задорно остановила его Елена,—но—не ново. Мы это слышимъ теперь—и отъ людей, которымъ вы, Романъ Денисовичъ, врядъ ли подадите руку.

— Если они говорятъ *это* такъ же искренно, какъ я въ настоящую минуту,—почему же не подать? Я никакихъ книжекъ и лагерей не боюсь, Елена Константиновна, и многое, что̀ кажется ретрограднымъ—признаю.

— Изъ чего? Изъ упорства?

— Почему же не изъ убѣжденія? Но позвольте... Не будемъ переходить на личную почву.

— Безлично я не могу что-нибудь обсуждать и отстаивать.

— Кто говоритъ—безлично? Но sine ira et studio... Мнѣ жаль русскую женщину именно вашего поколѣнія—и старше. Она ни въ чемъ почвы не нашла и не могла найти. Мозгъ свой она только сожигаетъ, но ничего создать не можетъ. А вмѣсто призывовъ сердца ею владѣли инстинктъ, безпорядочная

страсть, исканіе какого-то искусственнаго эдема, душевный морфинизмъ, наполовину съ настоящимъ. А потомъ—полная прострація, когда еще старость не пришла.

Ида—съ своего мѣста хозяйки, разливающей чай,—кивнула ему головой.

— Ты согласна?—кинула ей Акридина.

— Это правда,—выговорила Ида, тихо улыбнувшись имъ обоимъ.

— Правда?

— А то развѣ нѣтъ? Monsieur a raison pour beaucoup d'entre nous,—прибавила она и опустила голову.

Вошелъ Лыжинъ, и такъ тихо, что Акридина не сразу услыхала.

Боярцевъ поклонился ему молча, и тогда только она обернулась.

— Другъ Юрій Петровичъ!—все такъ же возбужденно обратилась она къ нему, пожимая руку.—Вы попадаете въ разгаръ нашего спора.

— О чемъ?—спросилъ Лыжинъ, подсаживаясь къ Идѣ.

— О томъ,—есть ли у женщины... ну, хоть такой, какъ я—почва, или нѣтъ.

— Про васъ лично я не говорилъ,—нѣсколько чопорнѣе откликнулся Боярцевъ.

— Къ чему эти оговорки, Романъ Денисовичъ? Разумѣется, вы читали сейчасъ мораль: и мнѣ, и Идѣ. Она съ вами согласилась—это ея дѣло.

— А вы отстаиваете свою позицію?—шутливо спросилъ Лыжинъ, принимая стаканъ изъ рукъ хозяйки.

— Романъ Денисовичъ развиваетъ идеи Домостроя, только прикрытаго спиритуализмомъ... въ ново-дворянскомъ вкусѣ.

Щеки Боярцева стали мѣнять окраску.

— И въ крестьянствѣ тѣ же основы,—выговорилъ онъ, и голосъ его слегка дрогнулъ.

— Да въ чемъ же собственно вопросъ?

Лыжинъ и Ида встрѣтились глазами и поняли другъ друга.

„Зачѣмъ она съ нимъ такъ задорно споритъ?"—подумали они оба разомъ, и имъ стало за нее неловко, а еще болѣе—жаль эту Елену. Оба они догадывались, что чувство къ Боярцеву захватываетъ ее не на шутку. Еслибъ оно было иначе, она—съ ея прямолинейностью и упорствомъ—никогда бы не стала дорожить обществомъ такого „дворянчика на лампадномъ маслѣ"—какъ она, уже на первыхъ порахъ, называла его.

Ида по-женски боялась за свою пріятельницу. Въ Лыжинѣ къ дружескому чувству прилипло и нѣкоторое какъ бы злорадство... Вотъ она—чистѣйшій экземпляръ женскаго „принципизма" — и поймалась, все равно, что первая попавшаяся барышня безъ всякихъ идей и взглядовъ, какъ любая безпутная бабёнка.

— По вашему, что̀ же русской мыслящей женщинѣ дѣлать, ка̀къ ей жить?—съ новымъ натискомъ спросила Акридина, встала съ мѣста и начала прохаживаться между столомъ и окномъ. Щеки ея уже пылали.

— Что̀ дѣлать?—медленно, будто смакуя, повторилъ Боярцевъ.—То, что̀ дѣлали доблестныя женщины когда-то, когда устои жизни были одинаковы—и у черносошнаго мужика, и у владыки его, князя. Что̀ дѣлала святая Ольга, что̀ дѣлала царица Анастасія, что̀ дѣлала Маѳа Борецкая, что̀ дѣлала Іуліанія Вяземская?

— Это еще какая такая?—со смѣхомъ вскричала Елена.

— Вотъ видите, Елена Константиновна... Вы—ученая женщина, знаете, вѣроятно, этнографію всѣхъ краснокожихъ племенъ, а про Іуліанію Вяземскую не слыхали.

— Грѣхъ небольшой! Впрочемъ, теперь вспомнила... Мы ни въ святыя, ни въ святоши не мѣтимъ. Женщина желаетъ живого дѣла и дѣльной мысли.

— Но не можетъ подняться надъ чужимъ толкомъ, надъ тѣмъ, что̀ ей навязано, носитъ мундиръ и страдаетъ въ немъ, вертится, какъ бѣлка въ колесѣ.

— Что-жъ! Романъ Денисовичъ правъ вотъ въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, — выговорилъ Лыжинъ и, отхлебнувъ, поставилъ свой стаканъ на столъ.

Акридина—съ своего мѣста за столомъ—окликнула его.

— Лыжинъ?

— Что угодно?

— Это вы обмолвились... Или такъ, по любви къ парадоксу?

— Ни то̀, ни другое. Романъ Денисовичъ хочетъ сказать: будьте доблестны, только дерзайте быть настоящими женщинами, а не подпасками мужчинъ.

— Вотъ вы какъ!

Ида поглядѣла на Лыжина, и ея взглядъ говорилъ:

„Ужъ вы ее не добивайте!"

Боярцевъ всталъ и, обращаясь къ обѣимъ женщинамъ, сказалъ ласково, тономъ добраго знакомаго:

— Долженъ васъ оставить. Матушка у меня нездорова. Какъ-нибудь на дняхъ заѣду.

— Стало,—спросилъ опять шутливо Лыжинъ:—продолженіе диспута—впредь?

— Нѣтъ, довольно!—крикнула Елена и пошла провожать гостя въ коридоръ, строго поглядѣвъ на Лыжина.

X.

Когда она вернулась, Лыжинъ присѣлъ еще ближе къ Идѣ и что-то ей только-что сказалъ очень тихо.

Акридина оглянула ихъ бокомъ и, все еще съ раскраснѣвшимся лицомъ, окликнула:

— Вы это, друзья, обо мнѣ изволите?

— Да, объ васъ, голубушка,—отвѣтилъ за обоихъ Лыжинъ.

Въ первый разъ это слово „голубушка" показалось ей совсѣмъ неумѣстнымъ.

Положимъ, они—пріятели, но все-таки...

— И что же вы, позвольте узнать,—продолжала она, когда сѣла на свое прежнее мѣсто,—обо мнѣ нашептывали Идѣ? Въ какомъ вкусѣ?

— Сѣтовали... голубушка, сѣтовали.

— О чемъ это, смѣю спросить?

— Да вы, милая Елена Константиновна, напрасно весь вашъ порохъ такъ сразу изводите.

— Въ какомъ смыслѣ? Я не понимаю вашей остроты, Лыжинъ.

— Будто? Намъ за васъ съ Лидіей Павловной обидно... Право!.. Ужъ вы меня извините пожалуйста... Но вѣдь мы здѣсь... между собою... Три старыхъ пріятеля.

— Безъ увертокъ, Лыжинъ. И пократче.

Она начала нервно щипать кончикъ сухарика и потомъ, переломивъ его, стала грызть.

— Право обидно!.. Не такъ ли, Лидія Павловна?

Ида ничего ему не отвѣтила и наклонила голову съ неопредѣленнымъ жестомъ правой руки, красиво выступавшей изъ короткаго рукава ея полу-платья, полу-пеньюара.

— Почему же?—глуше, сдерживая себя, вымолвила Елена.

— Помилуйте! Видимое дѣло—вы имѣете въ Боярцевѣ человѣка совсѣмъ не вашего лагеря... Сами вы ему давали оцѣнку... быть можетъ, слишкомъ жестокую... Онъ—малый искренній, не крѣпостникъ, у него есть кое-что за душой.

— Я у васъ не прошу защиты Боярцева.

— Ого, голубушка, на какомъ вы взводѣ! Ну, ничего! Обругайте меня, если я провинюсь; но я свое все-таки скажу. Онъ вамъ не поддастся. Вы его не передѣлаете. Но еслибъ вамъ особенно дорого было повліять на его убѣжденія, то не такъ надо вести дѣло. Вы горячитесь, какъ дѣвочка. Вы ему показываете свои карты. Вы—умница; а, ей-Богу, онъ былъ вправѣ чувствовать свое превосходство мужчины и хранителя древнерусскихъ началъ. Когда такъ къ человѣку относишься, надо же разсчитывать хоть немного свои ходы.

— Стойте!—почти крикнула Акридина и, поднявъ голову, упорно стала глядѣть на Лыжина черезъ столъ.—Ваши намеки я имѣю право не принимать. Съ какой стати? Чтò вы ими хотите сказать? Никто—даже въ пріятельскихъ отношеніяхъ—не долженъ залѣзать другому въ душу... даже и подъ предлогомъ дружескихъ совѣтовъ и указаній. Это—слишкомъ избитый пріемъ.

— Ecoute!—остановила ее Ида:—tu te monte trop.

— Laisse-moi tranquille!.. — почти со слезами воскликнула Акридина.—Я ненавижу эти вторженія. И оттого что я женщина—сейчасъ ко всему примѣшиваютъ Богъ знаетъ чтò.

— Что же, голубушка? — немного смущенно спросилъ Лыжинъ.

— Пожалуйста! Безъ увертокъ.

Лыжинъ переглянулся съ Идой: они оба понимали, *что* дергаетъ и мутитъ ихъ пріятельницу, *отчего* она и въ спорѣ съ Боярцевымъ, и теперь такъ себя ведетъ.

— Ну, я замолчу!

— И хорошо сдѣлаете. Къ чему тутъ приплетать дружбу, когда вы первый—не замѣчая этого—вдаетесь, съ нѣкоторыхъ поръ, во что-то совсѣмъ на васъ непохожее, на того Лыжина, котораго я привыкла любить.

— И уважать?—прибавилъ онъ.

— Да, и уважать! Иронизировать тутъ не у мѣста. Что это за поддакиваніе—въ вопросѣ о женщинѣ и ея жизненныхъ задачахъ—господину Боярцеву?—съ усиліемъ выговорила она.—C'est du nouveau, n'est-ce pas?—спросила она Иду.

— Что-жъ! Человѣкъ развивается,—полу-шутливо откликнулся Лыжинъ.

— Безъ прибаутокъ, Юрій Петровичъ. Вы лучше бы на себя оглянулись... Неужели прекрасныя очи моей племянницы, ея бюстъ и ея женскій престижъ во вкусѣ fin de siècle... Знаете, это можетъ далеко завести... И въ вашемъ званіи ревизора на

фабрикахъ коммерсанта Кумачева — поставить васъ на сторонѣ мошны противъ рабочаго...

Лыжинъ поднялся. Съ лица его сошла усмѣшка. Онъ почти смущенно сказалъ:

— Полноте... Вы волнуетесь. Я уйду.

— Какъ угодно!

— Hélène!—отозвалась Ида, тоже вставая.—Tu es impossible!

— Дайте ручку... Сложите гнѣвъ на милость.

— Не хочу, не хочу я, Лыжинъ, вашего прибауточнаго тона. Вы меня стали усовѣщивать, и сами налетѣли. Хорошо, если и за васъ—въ скоромъ времени—мнѣ не будетъ обидно.

— Ее ничѣмъ не смягчишь, — обратился Лыжинъ къ Идѣ, цѣлуя у ней руку.—Завтра я ѣду въ уѣздъ на цѣлыхъ три дня. Вы, авось, успокоитесь.

— Желаю вамъ вникать поусерднѣе въ интересы вашего принципала! — крикнула ему въ догонку Акридина и заходила опять между столомъ и окномъ.

Ида позвонила. Пришелъ оффиціантъ и началъ прибирать со стола.

Гостиная служила имъ и столовой.

Онѣ обѣ молчали, пока человѣкъ убиралъ. Не сразу начался разговоръ и по уходѣ его.

— Hélène! — тихо, но не своимъ обычнымъ тономъ окликнула Ида.

Она уже сидѣла въ широкомъ креслѣ, около столика, куда человѣкъ поставилъ лампу по ея указанію.

— Что̀ надо?—отвѣтила Акридина, стоя близко лицомъ къ окну.

Ея губы вздрагивали.

— Поди сюда!—продолжала по-французски Ида:—я не могу говорить на такомъ разстояніи.

Молча и медленно Елена подошла къ столику и опустилась на ближайшую кушетку.

— За что ты его обидѣла?—спросила Ида серьезно, почти сурово.

— Онъ мнѣ надоѣлъ!

— Этого мало. Онъ не виноватъ, что ты теряешь голову.

— Пожалуйста!

— Теряешь. И я скажу — мнѣ за тебя обидно... И жаль тебя! Поди! Я не могу такъ.

Ида протянула ей обѣ руки. Въ ея голосѣ задрожали чу-

десные звуки. Елена вдругъ очутилась у ея ногъ и упала головой ей въ колѣни.

Беззвучно, съ вздрагиваньемъ плечъ и шеи, она все сильнѣе прижималась къ колѣнамъ Иды. И не сразу послышались глухія рыданія.

Рука Иды гладила ее по волосамъ, какъ маленькую. На глазахъ у ней не показывалось слезъ; но все лицо—блѣдное и точно прозрачное—обвѣяно было чѣмъ-то страдающимъ и яснымъ.

— Mon pauvre vieux! — вырвалось у ней ея любимое восклицаніе.—Mon pauvre vieux!

Она такъ любила называть свою пріятельницу.

— Ты любишь, — продолжала она, какъ бы про себя. — Страсть пришла-таки! Пришла... И ты—раба.

— Не знаю! Ничего не знаю!—съ глухимъ плачемъ выговорила Елена и отняла отъ колѣнъ Иды заплаканное, красное въ эту минуту—почти искаженное лицо.

— Сядь туда.

— Нѣтъ, не надо.

И Елена сѣла, вмѣсто кушетки, тутъ же, у ногъ Иды и опять положила ей голову, но уже бокомъ—тоже дѣтскимъ движеніемъ. Ида нагнулась и поцѣловала ее.

— Послушай, — начала она кротко и медленно: — вѣдь ты мнѣ вѣришь. Я твой другъ—не на однихъ словахъ. И я жила... не такъ, какъ ты. Меня ты можешь спросить: что̀ такое любовь, что̀ такое для женщины мужчина, когда полюбишь его.

— Да, да,—прошептала безпомощно Елена.

— Стало-быть...

— Говори, говори! Ради Бога!

— Ты не огорчайся. Но ему ты не нравишься. Ваши споры... вздоръ! Развѣ это важно въ любви? Одна вѣритъ въ одно, другой — въ другое, и все-таки любовь ихъ покоряетъ... И ты ему простишь все—только бы онъ полюбилъ тебя.

— Это—гадко!

— Глупости говоришь, Елена. Глупости! Брось его, а не можешь—брось эти споры. Наивно—раздражать любимаго человѣка, дѣлаться смѣшной, некрасивой, старой. Да ты сегодня—я смотрѣла на тебя—постарѣла на десять лѣтъ.

— Я не могу измѣнять тому, что̀ признаю!

— Та, та, та! Ничему ты не измѣнишь! Полюбитъ онъ тебя —тогда не станетъ спрашивать, чему ты вѣришь и чему нѣтъ. Бѣдная моя!—Ида нагнулась къ ней, обняла ея шею и привлекла къ своему лицу.—Еще есть время. Уѣдемъ отсюда! А лучше—

совсѣмъ уѣзжай. Ступай въ Петербургъ. Ступай за границу. Ты себя измучаешь. Ты всю свою жизнь изломаешь. Умоляю тебя!

Ида начала цѣловать ее въ голову, и въ этомъ порывѣ вылилась вся душа женщины, заживо схоронившей себя для всякой новой любви.

— А почему же я не имѣю права хоть на кусочекъ счастья? —вскричала Елена и быстро встала на ноги.—Почему? Если этотъ человѣкъ—первый далъ мнѣ почувствовать, что я до сихъ поръ не жила, какъ женщина, онъ мнѣ еще дороже!

— Хорошо! Успокойся!

Ида встала, взяла Елену за талію и повела ее въ спальнѣ.

— Успокойся, лягъ... Но только не веди ты себя съ нимъ, какъ сегодня.

— Ты права!—съ блескомъ въ глазахъ заговорила Елена у дверей своей комнаты.—Тысячу разъ права! Надо по другому. Ты слышала, у него мать заболѣла.

— И что же?

— Я навѣщу его.

Ида ничего не отвѣтила и только печально усмѣхнулась.

„Всѣ мы—обречены на жертву тому же чудовищу",—подумала она.

XI.

Лыжинъ проснулся позднѣе обыкновеннаго.

Вчера онъ ушелъ отъ своихъ пріятельницъ довольно рано, но долженъ былъ просматривать разныя бумаги и легъ въ два. Онъ могъ заниматься. Выходка Акридиной только проскользнула по немъ.

Будь это годъ-другой раньше, обида взволновала бы его. А вчера онъ, придя къ себѣ, сказалъ вслухъ:

— Шàлая!

И на этомъ успокоился. Когда онъ проснулся сегодня, то еще въ кровати ему вспомнилась вся сцена у Иды, и онъ, безъ раздраженія, пожалѣлъ Елену и ея запоздалую любовь.

Если она, увлекшись, ничего не найдетъ, кромѣ горя—пусть пеняетъ на самое себя. Не это въ ней кажется ему если не возмутительнымъ, то старомодно-задорнымъ; а главное—ея учено-радикальный „мундиръ". Не только „по своему", и вообще—Боярцевъ говорилъ вещи совсѣмъ не глупыя. Такія женщины, какъ она, мечутся, играютъ въ науку; въ сущности, имъ смертельно тошно со всей ихъ антропологіей и археологіей, и онѣ

платятъ дорогой цѣною за то, что вò-время не умѣли или не хотѣли жить сердцемъ.

Съ такимъ выводомъ онъ и всталъ съ постели.

Его кабинетъ—куда онъ вышелъ пить кофе—смотрѣлъ совершенно такъ же, какъ и за два мѣсяца передъ тѣмъ, когда къ нему, въ первый разъ, явился отъ Кумачева „амбарный Сократъ—такъ онъ сначала, не безъ язвы, звалъ Кострицына—теперь его пріятель, съ которымъ онъ не нынче-завтра будетъ на „ты“.

И милліонщикъ Кумачевъ, фабрикантъ „пунцоваго товара“—его „патронъ“. Вотъ уже не первая недѣля, какъ онъ—его „ревизоръ“. Правда, онъ выговорилъ себѣ право, осмотрѣвшись, придти и сказать:—„Нѣтъ, я остаться у васъ, Захаръ Лукьяновичъ, не могу“. Но ему еще не хочется уходить. Онъ только еще приглядывается и начинаетъ находить, что мѣсто интересное, если не повторять задовъ, не плакаться безъ толку надъ долей черной трудовой массы, а узнавать на практикѣ—кàкъ ей именно живется и такъ ли она несчастна.

Вчерашній обличительный „разносъ“ Акридиной—истерическая выходка. Къ Кумачеву онъ поступилъ вовсе не изъ-за однихъ „прекрасныхъ глазъ“ Нины Борисовны. Теперь и Нина интересуетъ его гораздо больше, чѣмъ это было на первыхъ порахъ. И мужъ ея, и она сама—люди новой формаціи. Кострицынъ правъ, только у того на Нину взглядъ строгонекъ. Можетъ быть, въ этомъ именно разночинецъ и выдаетъ себя. Она—личность. Самое ея замужство—уже нѣчто такое, гдѣ звучитъ новый камертонъ жизни.

Елена прямо бросила ему въ лицо—такъ дерзко и такъ задорно—что онъ уже на заднихъ лапахъ передъ ея роскошной племянницей.

Такъ ли это?

Онъ не слѣдилъ за собой въ послѣднія двѣ недѣли. Просто—жилъ. Да ему и постыло всякое „ковыряніе“ въ себѣ—все, чтò говорило бы ему о прежнемъ Лыжинѣ, съ его вѣчными опытами надъ собственной особой.

Вспомнилъ онъ, принимаясь за первую чашку кофе, недавній эпизодъ своихъ поисковъ „правды“, когда онъ, цѣлые полгода, жилъ на юго-востокѣ Россіи, въ общинѣ интеллигентовъ, стряхнувшихъ съ себя всякую барскую и культурно-развратную нèчисть, продѣлывалъ свое „возрожденіе“.

Тогда онъ уже черезъ недѣлю сталъ, каждый день, щупать себѣ „душевный пульсъ“—не способенъ ли онъ грѣховно вож-

делѣть къ одной изъ своихъ „сестеръ" по духу, молодой бабёнкѣ, приставшей къ общинѣ Богъ-знаетъ зачѣмъ, полной всякихъ совсѣмъ не-евангельскихъ позывовъ. Работала она и въ полѣ, и вокругъ дома, спѣро и ловко,—и то на первыхъ только порахъ,—но, работая, показывала такія „вкусныя" руки и плечи, и такъ играла огромными глазами,—можетъ, и не желая того,—что двое изъ „братьевъ" попали въ ея сѣти. Ну, и онъ себя исповѣдовалъ: не вызываетъ ли она и въ немъ любовныхъ помысловъ?

Все это теперь представлялось ему чѣмъ-то курьезно-нелѣпымъ. Они вѣдь тамъ доходили до еженедѣльной громкой исповѣди. Мало ли до чего еще не доходили... А кончилось: для всѣхъ—печальнымъ разладомъ; для него—полнымъ душевнымъ банкротствомъ. „Община" была послѣдней каплей яда въ его жизненной чашѣ.

Нѣтъ, онъ не слѣдилъ за собой, да и не желаетъ. Нина—яркое пятно на картинѣ, что мечется передъ нимъ въ домѣ Кумачевыхъ. И развивать онъ ее не собирался, приводить къ другимъ взглядамъ, даже влiять черезъ нее на Захара Лукьяновича. Она хочетъ во всемъ занимать положенiе „особы", не входящей въ дѣла своего мужа. И прекрасно! Это не мѣшаетъ ей играть роль нумера перваго. Съ нимъ, лично, она ведетъ себя умно, не важничаетъ, выказываетъ даже видимое желанiе сдѣлать его членомъ кружка *своихъ* близкихъ знакомыхъ.

Кострицынъ помогаетъ ему проще и смѣлѣе смотрѣть на то человѣчество, съ какимъ ему теперь надо водиться. И за это онъ ему очень благодаренъ. До сихъ поръ—правда—этотъ умный и даровитый парень немножко кокетничаетъ, не показываетъ ему прямо своихъ картъ. Откуда, собственно, идутъ его взгляды, въ какихъ книжкахъ онъ ихъ вычиталъ, у какого нѣмца позаимствовалъ? Складъ его мыслей непохожъ ни на что, около чего грѣлся или охладѣвалъ самъ Лыжинъ.

Нужды нѣтъ. Его съ такимъ именно человѣкомъ не напрасно свела судьба.

Кончая кофе, Лыжинъ съ удовольствiемъ сообразилъ, что Кострицынъ по дорогѣ въ „городъ", вѣроятно, завернетъ къ нему, попозднѣе. Отправляясь въ свой первый—серьезный—объѣздъ, онъ весьма радъ будетъ кой о чемъ спросить Кострицына.

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ, стукнувъ въ дверь, лакей. Лыжинъ подумалъ сейчасъ же о Кострицынѣ и спросилъ.

— Ко мнѣ кто-нибудь?

Безъ доклада онъ давно уже не приказывалъ принимать.

— Такъ точно.

— Кто же?

— Господинъ Воденягинъ.

— А онъ развѣ все здѣсь еще живетъ?

— Такъ точно.

— Просите.

Выговорилъ это Лыжинъ безъ гримасы; но визиту Воденягина онъ не былъ особенно радъ и не устыдился своего чувства.

— Мое почтеніе!—раздался отъ порога непріятный для него голосъ Воденягина.

И вся его фигура—все въ той же, точно обязательной, блузѣ—показалась ему обрюзглой, болѣе ожирѣлой, чѣмъ была два мѣсяца назадъ.

Онъ почти забылъ о его существованіи.

— Здравствуйте! — встрѣтилъ онъ его свѣтскимъ звукомъ, просто и суховато.—Не прикажете чашку кофе?

— Я не охотникъ. А чайничалъ я довольно дома. Вотъ покурить—разрѣшите.

Немного посапывая, Воденягинъ грузно разсѣлся у стола—и закурилъ.

— Вы все—у насъ?

— Какъ же. Совсѣмъ собрался выѣзжать, да компанія здѣсь нашлась. Хорошій народъ тутъ... у одной артистки. Вы ее не знаете? Днѣпровская она—по театру.

— Нѣтъ, не имѣю понятія.

— Какъ же... Дебютировала здѣсь. Петровичъ бываетъ... Хорошій паренекъ... фельетонистъ.

— Не имѣю удовольствія,—почти перебилъ Лыжинъ.

Въ глазахъ Воденягина онъ—съ первыхъ его словъ—схватилъ такое выраженіе:

„Вотъ, молъ, ты теперь къ *буржуямъ* въ услуженіе пошелъ".

А за этимъ сидѣло, вѣроятно, желаніе сейчасъ же, черезъ него, чего-нибудь добиться, за кого-нибудь просить.

— Вы, я слышалъ, служите у богача Кумачева?—спросилъ Воденягинъ, качнувъ опущенной головой, съ неуловимымъ выраженіемъ лица.

— Пока еще присматриваюсь только,—возразилъ Лыжинъ.

— А-а!—протянулъ Воденягинъ.—Сказывали мнѣ—вы какъ бы инспекторъ будете. Что-жъ! Съ его стороны это ловко! Значитъ, онъ какъ бы хочетъ сказать: я-де самъ предупреждаю казенный надзоръ. Не глупъ! И если только это не для отвода—можно тутъ не мало хорошаго уладить.

— Будемъ стараться,—шутливо и не совсѣмъ своимъ тономъ выговорилъ Лыжинъ. — Но я дѣлаю это безъ всякихъ особенныхъ замысловъ.

Слово „замысловъ" онъ подчеркнулъ.

— Зачѣмъ непремѣнно замыслы? Просто—не допускать свинства и хозяйскаго грабежа.

Губы Воденягина повела усмѣшка, отъ которой Лыжину стало не по себѣ. Спорить онъ не хотѣлъ; уклонился бы и отъ всякаго принципнаго обмѣна идей.

Къ чему все это?

И весь этотъ Воденягинъ пахнулъ на него чѣмъ-то затхлымъ, такимъ старьемъ жалкихъ словъ и общихъ мѣстъ! Ему трудно сдѣлалось самому оживить разговоръ. Пауза вышла даже довольно томительная.

— Вы, можетъ, торопитесь?—спросилъ Воденягинъ.

— Нѣтъ, я къ вашимъ услугамъ.

— Юрій Петровичъ! Зачѣмъ такъ оффиціально? Вѣдь мы съ вами не чиновники... а-сь? Ваше нутро я не имѣю ни намѣренія, ни права зондировать. Но позвольте вѣрить, что въ извѣстныхъ вопросахъ мы одного... толка... что-ли?

Лыжинъ отвѣтилъ двойственной улыбкой.

„Такъ и есть,—подумалъ онъ:—будетъ о комъ-нибудь просить—въ *своемъ* направленіи".

— Конечно,—продолжалъ Воденягинъ скорѣе и отвелъ голову:—вы можете и уклониться... Дѣло—пустяковое. Но я къ вамъ подумалъ обратиться не спроста... не съ бухта-барахта. Вы теперь въ такомъ именно обществѣ вращаетесь. Первый: вашъ—какъ бы это назвать—принципалъ, что̀-ли...

Слово „принципалъ" Воденягинъ выговорилъ свосивъ ротъ, и Лыжинъ про себя сказалъ:

„Зачѣмъ же ты язвишь, коли пришелъ просить?"...

XII.

Дверь широко растворилась. Кострицынъ—въ мѣховомъ пальто и калошахъ, съ краснымъ отъ мороза лицомъ — стоялъ на порогѣ.

— Иванъ Кузьмичъ, входите! — крикнулъ ему весело Лыжинъ.

Этотъ приходъ—раньше, чѣмъ онъ ожидалъ—очень его обрадовалъ.

— Я на минуточку. На перепутьѣ озябъ. Ѣздилъ, батенька, на Пятницкую.

— Я васъ ждалъ. Раздѣвайтесь скорѣе. Выпьете чашку кофе?

— Не откажусь.

Воденягинъ какъ-то бокомъ поглядѣлъ на Кострицына, и только когда тотъ повернулся отъ вѣшалки, снявъ пальто, глуховато выговорилъ:

— Мое почтеніе... Мы встрѣчались.

— Какъ же!—звонко откликнулся Кострицынъ, на ходу подавая ему руку.

Онъ сейчасъ же сообразилъ, что видитъ Воденягина не спроста; пріятельства Лыжинъ съ нимъ не водилъ.

— Я, можетъ быть, помѣшалъ? — спросилъ онъ, присаживаясь къ круглому столу, у котораго Лыжинъ обыкновенно пилъ кофе.

— Что-жъ! Секретнаго тутъ ничего нѣтъ,—заговорилъ Воденягинъ, поводя жирными плечами.—Даже и кстати.

И, взглянувъ пристально на Кострицына, онъ спросилъ:

— Вы вѣдь, если не ошибаюсь, тоже служите у Кумачева?

— Какъ же.

Кострицынъ поглядѣлъ выразительно на своего новаго пріятеля.

— Господинъ Воденягинъ съ чѣмъ-то хотѣлъ обратиться ко мнѣ, какъ разъ въ ту минуту, когда вы вошли.

— Дѣло, господа, вотъ въ чемъ!—Воденягинъ усиленно перевелъ дыханіе и всталъ.—Вы, быть можетъ, помните,—повернулся онъ къ Лыжину, — какъ-то мы съ вами поздно встрѣтились на площадкѣ и отъ меня уходилъ молодой малый... черноватый.

— Помню,—подумавъ, выговорилъ Лыжинъ.

— Фамилія его Хозькинъ. Онъ—парень чрезвычайно даровитый... Стихотворецъ... Пишетъ подъ псевдонимомъ.

— Въ какомъ родѣ? Въ гражданско-элегическомъ?—спросилъ Кострицынъ, и глазки его заискрились.

— Во всякомъ,—сухо отвѣтилъ Воденягинъ.—Разумѣется, не о вечерней зарѣ и не тоску по милой поетъ, а въ болѣе здоровомъ направленіи.

— Понимаю,—добавилъ Кострицынъ, принимаясь за чашку.

— И что же онъ?—спросилъ Лыжинъ.

— Вы припомните, пожалуй, и то, что онъ—еврей.

— А-а!—протянулъ Кострицынъ и сжалъ, на особенный ладъ, губы.

— Я, кажется, успѣлъ вамъ сообщить—онъ ни университет-

скаго диплома, ни аттестата зрѣлости не имѣетъ... Жить ему здѣсь—нельзя.

— Разумѣется!—вырвалось у Кострицына.

— Одно время онъ значился въ услуженіи у своего единовѣрца. Но штуку эту пронюхали, и въ его служительскую профессію не вѣрятъ.

— Фортель слишкомъ извѣстный.

Слова эти Кострицынъ сказалъ въ сторону Лыжина и довольно тихо; но Воденягинъ ихъ услыхалъ.

— Не особенно,—возразилъ онъ съ характернымъ пожиманіемъ плечъ,—не особенно... Случай такой—въ литературныхъ, по крайней мѣрѣ, кружкахъ — едва-ли не первый... И сестра у него есть.

— Тоже писательница? — спросилъ Лыжинъ безъ особеннаго ударенія въ голосѣ.

— Она учиться сюда пріѣхала. Тоже нельзя. Не знаетъ, какъ ей и быть. Просто хоть пріобрѣтай особаго рода билетъ.

— Какой это?—почти съ безпокойствомъ спросилъ Кострицынъ.

— Прежде его какъ-то особенно называли. Теперь онъ, кажется, обыкновенный. Такъ его же родственница въ Петербургѣ принуждена уже была такъ сдѣлать, чтобы ее оставили въ покоѣ.

— Это—анекдотъ! — вскричалъ Кострицынъ и заходилъ по комнатѣ.

— Извините, не анекдотъ, а фактъ.

Воденягинъ посмотрѣлъ на него въ упоръ и выговорилъ эти слова медленно, упирая на каждое слово.

— Вольному воля!

— Вы полагаете?—также въ упоръ спросилъ Воденягинъ, и лицо его сразу пошло пятнами; но онъ себя сдержалъ и, тряхнувъ головой, повернулся къ Лыжину.

— Юрій Петровичъ, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ человѣку съ извѣстнымъ прошедшимъ.

Лыжинъ нервно потянулся и остановилъ его движеніемъ руки.

— Прошедшее... зачѣмъ же перебирать?—отозвался онъ.— Человѣкъ развивается. Мало ли во что вѣришь и что признаешь даже и не будучи молоденькимъ.

Глаза Воденягина съ упорнымъ выраженіемъ вопроса уставились на него. Лыжинъ чувствовалъ тяжесть этого взгляда, но не смутился. Въ немъ поднялось желаніе дать по носу этому неисправимому обломку того корабля, на которомъ и онъ когда-то собирался плыть.

— Словомъ,—поправилъ онъ себя и выпрямился, не покидая своего мѣста на диванѣ.

— Словомъ, — повторилъ за нимъ Воденягинъ, — вы теперь не считаете себя солидарнымъ съ тѣми, кого когда-то уважали и за кѣмъ...

— Позвольте-съ!—вступился Кострицынъ и близко подошелъ къ Воденягину.—Мое дѣло тутъ сторона. Но это немножко похоже на экзаменъ по части того, что̀ якобинцы называли „цертификàтъ цивизма“.

— Не знаю-съ,—уже жестче и суровѣе заговорилъ Воденягинъ. — Ежели вы,—онъ сдѣлалъ опять громкую передышку,— ежели вы настроены на особый ладъ въ этомъ вопросѣ, то я полагаю, что Юрій Петровичъ откликнется на мою просьбу.

И, обернувшись къ Лыжину, онъ продолжалъ мягче, съ блуждающей усмѣшкой:

— Что̀ вамъ стоитъ... заинтересовать господина Кумачева? У него большія связи здѣсь... въ городѣ. Мы не просимъ, чтобы онъ взялъ злосчастнаго поэта въ свои приказчики — онъ и по закону не имѣетъ на это права,—а замолвилъ бы за него словечко кому слѣдуетъ.

— Захаръ Лукьяновичъ на это не пойдетъ! — вскричалъ Кострицынъ съ удареніемъ на словѣ: „это“.

— Вы увѣрены?—откликнулся Воденягинъ искренней нотой.

— Насколько я его знаю!.. Ни за что не пойдетъ. Это было бы нарушеніе порядковъ, которымъ онъ сочувствуетъ.

— Сочувствуетъ?—переспросилъ Воденягинъ и опять уперся взглядомъ въ Лыжина.

— Конечно,—отвѣтилъ за Лыжина Кострицынъ.—И у него это—не блажь, не модный лозунгъ, а убѣжденіе. Онъ—человѣкъ „программы“. Если онъ когда-нибудь будетъ баллотироваться по городскимъ выборамъ, то онъ, конечно, явится передъ избирателями съ такой именно программой.

Лыжина начало разбирать нѣчто въ родѣ смущенія. Въ глазахъ Воденягина онъ могъ прочесть:

„И такого *хозяина* ты себѣ выбралъ по доброй волѣ?“

— Наконецъ,—заговорилъ снова Воденягинъ и отвелъ отъ него взглядъ:—кажется, вы близко знакомы съ госпожей Авридиной?

— И что̀ же?

— Она, конечно, будетъ готова посодѣйствовать съ своей стороны. Вѣдь она, кажется, и стоитъ въ домѣ Кумачевыхъ, приходится родственницей женѣ его?

— Елена Константиновна живетъ здѣсь уже съ недѣлю, — отвѣтилъ суховато Лыжинъ.

Ему захотѣлось сейчасъ же отвѣтить отказомъ и выпроводить этого „экзаменатора“.

— Все равно... Намъ извѣстно, что она вхожа въ разные барскіе дома... Къ старухѣ Кѳзлишевой, напримѣръ... А тамъ бываютъ разные народы—знаете, какъ здѣсь говорятъ, „сильные въ губерніи“. Первый—генералъ Кишкѣтовъ. Запасный генералъ... Но мы знаемъ, — прибавилъ Воденягинъ совсѣмъ особымъ звукомъ,—что этотъ генералъ—особа съ самыми спеціальными рессурсами. Авось вашей пріятельницѣ и удастся настроить его... Такъ вотъ въ чемъ дѣло.

Сдѣлавъ передышку, Воденягинъ всталъ въ позѣ человѣка, готоваго сейчасъ же удалиться, какъ только получитъ отвѣтъ.

— Весьма сожалѣю,—заговорилъ Лыжинъ, разставляя какъ бы нарочно слова:—я не могу быть посредникомъ въ этомъ ходатайствѣ ни передъ госпожей Акридиной, ни передъ господиномъ Кумачевымъ.

— Почему же, смѣю спросить?

— Съ Акридиной у насъ вышло нѣчто, не позволяющее мнѣ обращаться къ ней съ просьбой. А къ Захару Лукьяновичу я не хотѣлъ бы обращаться, даже будь онъ совершенно такихъ же убѣжденій, какъ вы. Я вступаю съ нимъ въ дѣловыя отношенія и не хочу до поры до времени о чемъ-либо просить его.

— Не очень ли ужъ выгораживаете вы, Юрій Петровичъ, свою неприкосновенность?

— Можетъ быть! Но это—не капризъ съ моей стороны. Вы сейчасъ слышали,—Лыжинъ указалъ рукой на Кострицына:—вотъ довѣренное лицо Захара Лукьяновича, и онъ прямо объявляетъ, что тотъ ни за что не вмѣшается въ такое дѣло.

— Ни за что!—подтвердилъ Кострицынъ.

— Съ какой же стати я буду нарываться на полнѣйшее фіаско?

— Логично! Прошу извинить, — сказалъ Воденягинъ, переходя взглядомъ отъ одного къ другому.—И то сказать! Москва хоть кого передѣлаетъ. Помните, господа,—въ одной знаменитой параллели говорится про Питеръ, что, молъ, тамъ есть мѣстечко, гдѣ передѣлываются не только образы мыслей, но и образы мыслителей? Въ Москвѣ образы мыслителей дѣлаются, пожалуй, благообразнѣе, упитаннѣе; зато мысли подлежатъ еще скорѣйшему превращенію. Хе, хе!.. Добраго здоровья!

Грузно повернувшись, Воденягинъ выдвинулся изъ полу-отворенной двери, и его широкая спина, когда онъ исчезъ, еще нѣсколько секундъ виднѣлась мысленно Лыжину.

XIII.

— Браво, Юрій Петровичъ! браво!

Кострицынъ захлопалъ въ ладоши и даже подскочилъ.

— Что̀ такое?

Лыжину сдѣлалось опять неловко—еще сильнѣе, чѣмъ было при Воденягинѣ.

— Такъ и надо! Давно пора! — продолжалъ съ тѣмъ же возбужденіемъ Кострицынъ, отбѣгая къ двери, гдѣ онъ всталъ спиной, и схватился одной рукой за ручку. — По дѣло̀мъ. И прекрасно!

— То-есть, что̀ же собственно прекрасно?

— Какъ что̀? Точно вы не разумѣете, добрѣйшій!.. Хвалю васъ, сто кратъ хвалю, что вы не пошли на подстрекательства этого шестидесятника. И еще было бы лучше, еслибы вы, Юрій Петровичъ, безъ всякой дипломатіи, не указывая на ваши отношенія къ Кумачеву или Акридиной, прямо отрѣзали: „не желаю, дескать, выручать іудейскаго стихотворца,—имѣй я и полную возможность“.

— Ну, это слишкомъ!

Лыжинъ поглядѣлъ на Кострицына съ вопросительной усмѣшкой въ глазахъ, почти сконфуженно.

Лицо Кострицына — сначала задорно-веселое — перемѣнило выраженіе. Глаза стали сразу больше, лобъ наморщился. Онъ, все еще стоя спиной у двери, высвободилъ руку и съ широкимъ жестомъ крикнулъ:

— Такъ ихъ и надо!

— Почему же?—уже серьезнѣе и смѣлѣе выговорилъ Лыжинъ.

Онъ могъ не очень плакаться о судьбѣ какого-то тамъ „еврейчика“ - стихоплёта и его сестры; но до такого градуса онъ еще не дошелъ. Ему вспомнился первый обѣдъ у Кумачева и раскаты голоса петербургскаго чиновника, отзывавшіеся какимъ-то каннибальствомъ, когда тотъ смаковалъ вареніе единоплеменниковъ этого самаго стихотворца—„въ собственномъ соку“.

Неужели и онъ такъ скоро очутился въ такихъ же чувствахъ?

— Такъ далеко я не иду, — выговорилъ онъ мягко, но съ довольно рѣшительнымъ жестомъ.

— Полноте!—Кострицынъ подошелъ къ столу и, разставивъ ноги, подперъ себѣ руками бока.—Въ васъ говоритъ устарѣлый предразсудокъ. Вы не хотите, добрѣйшій Юрій Петровичъ, вникнуть въ то, чтò съ собою принесла эта раса въ европейскую культуру, въ весь нашъ душевный строй.

— Я знаю чтò.

— Только формально знаете. Но суть-то, суть-то какая?

Кострицынъ совсѣмъ преобразился: его короткая, приземистая фигура казалась крупнѣе и лицо стало тоньше; голову держалъ онъ высоко и правую руку вытянулъ, нервно вздрагивая пальцами.

Такимъ Лыжинъ видѣлъ его впервые.

— Вы мнѣ скажите, суть-то какая? Откуда въ человѣчество проникла ядовитая струя ненависти, злобы, зависти, расхищенія, какъ не отъ нихъ — отъ этихъ носителей идеи униженныхъ и оскорбленныхъ, нищихъ и убогихъ, прокаженныхъ и противныхъ, забитыхъ и придавленныхъ?..

— Ну, такъ что же?—спросилъ Лыжинъ, все еще не схватывая того—куда клонитъ Кострицынъ.

— Вамъ этого мало? Они, ихъ пророки и учители, поколебали вѣковѣчное и здоровое понятіе о добрѣ и злѣ. По ихъ ученію вышло, что все, чтò испоконъ вѣку было хорошо, другими словами: сильно, блестяще, богато, даровито, великодушно, храбро—все это начало считаться зломъ, порокомъ, окаянствомъ, кромѣшнымъ мракомъ, за которымъ ожидаетъ скрежетъ зубовный.

— Это дѣло вѣрованій!

— Юрій Петровичъ! Батюшка! Да неужели вы меня не понимаете! Чтò мнѣ за дѣло до религіозной вражды, до того, какого бога кто почитаетъ. Чтò мнѣ за дѣло и до того, что они разводятъ по городамъ кассы ссудъ или занимаются еще болѣе темными гешефтами! Не они—такъ другіе. И наши русачки—на руку охулки не положатъ. Вся разница будетъ только въ томъ, что мы опять все дороже станемъ покупать у своихъ. Не это для меня важно, не это я не могу имъ простить и никогда не прощу, а то, что ихъ мораль, сотканная изъ мести и безсильной злобы, ославила зломъ и порокомъ все, чѣмъ человѣкъ поднялся надъ звѣремъ.

— Какой же выводъ?—перебилъ Лыжинъ.

— Какой выводъ? А вотъ какой: я радуюсь тому, что вспыхнулъ, наконецъ, повсемѣстный бунтъ противъ этой нищенски-больничной морали. Помните, — еще стремительнѣе заговорилъ Кострицынъ, подсаживаясь на диванъ:—помните обѣдъ у Кумачевыхъ... когда тотъ петербургскій чинушъ...

— Прекрасно помню!—остановилъ Лыжинъ.

— Вы думаете, онъ мнѣ пріятенъ какъ личность! Не хуже я никого разумѣю—какая такимъ чинушамъ цѣна! Но онъ—безсознательное орудіе новаго духа.

— Иванъ Кузьмичъ! Какого же новаго! Помилосердствуйте!

— Древняго, если хотите, но обновленнаго. Того, чтò создало могучее, красивое человѣчество, Элладу, Римъ, эпоху Возрожденія, богоподобныхъ богатырей, миѳическихъ героевъ, завоевателей, творцовъ, которые не охали и не лили слезы, а знали одно—развивать свое *я*, дерзать и посягать, показывать всѣмъ—изъ-за чего стòитъ на свѣтѣ жить, а не разводить стада ноющихъ „неврастениковъ", для которыхъ земля—юдоль плача,—готовыхъ извести все, чтò только высоко носитъ голову, чтò сильно и безстрашно—и живетъ, прежде всего...

— Для себя?—добавилъ Лыжинъ.

— А то какъ же? Не для себя, а для торжества зиждительнаго начала—вотъ для чего-съ! Этого мало, что человѣконенавистникъ, распѣвавшій на рѣкахъ вавилонскихъ, овладѣлъ всѣмъ міромъ. Языческій Римъ — у его ногъ; Римъ христіанскій—у его ногъ! Всѣ арійцы, всѣ потомки безстрашныхъ племенъ пляшутъ по его дудкѣ, проповѣдуя разрушеніе всего, повторяютъ его ученіе, одухотворенные его злобой и его ненасытной враждой ко всему радостному, здоровому, могучему и торжествующему. Такіе господа, какъ вотъ этотъ самый господинъ Воденягинъ—нужды нѣтъ, что они свободные мыслители—вотъ уже тридцать лѣтъ твердятъ все одно и то же: „покайтесь, падите ницъ передъ отребьемъ человѣчества, будьте грязны, нищи, ненавидьте красоту и силу—т.-е. высшую ступень человѣческихъ свойствъ и даровъ природы — и добивайтесь того, чтобы всѣмъ было одинаково скверно!"

— Я съ этими господами уже не солидаренъ,—выговорилъ Лыжинъ.

Онъ сидѣлъ точно прихлопнутый потокомъ рѣчей Кострицына.

„Вотъ чтò,—думалъ онъ,—вонъ онъ куда идетъ".

И будь онъ менѣе захваченъ горячими и грозными доводами Кострицына—онъ бы спросилъ его:

„А откуда, милый мой, вы это вычитали?"

Можетъ быть, и вычиталъ откуда-нибудь, но все это звучало не краснобайствомъ, не выходкой умника, пожелавшаго поразить пріятеля новизной парадокса.

Кострицынъ еще ближе присѣлъ къ нему и дотронулся рукой до его плеча.

— Послушайте, дружище,—заговорилъ онъ тише и задушев-

ніе:—вы думаете, я это—съ бухта-барахта?.. Не мало ночей ушло у меня на безполезныя—на иной взглядъ—умствованія. И я глубоко убѣжденъ въ томъ, что извращеніе понятій добра и зла идетъ отъ нихъ, не отъ тѣхъ, что̀ маклачатъ въ Зарядьѣ, а отъ тѣхъ, что̀ удалялись въ пустыни и побивали каменьями всякаго, кто былъ представитель могущества, красоты, здоровья...

— И хищничества!—добавилъ Лыжинъ.

— Юрій Петровичъ! Батюшка! Въ васъ еще прежній человѣкъ сидитъ—изъ того времени, когда вы изнывали по сказочной царь-дѣвицѣ, которую зовутъ „меньшая братія". Полюбуйтесь, во что превращается добренькій, умненькій, тихенькій современный человѣчекъ. Отъ него смердитъ! На него тошно глядѣть! Лучше ужъ было, по моему, держаться древне-эллинскаго рабства, какъ твердыни культурной жизни, чѣмъ выродиться въ слюняя, воспитавшаго въ себѣ только одну огромную анестэзію духа и плоти.

— Но поэтъ Хо̀зькинъ-то тутъ при чемъ?

— Я сознательно радуюсь тому безсознательному бунту противъ духа, враждебнаго тому, что̀ я ставлю выше всего въ исторіи человѣчества. Пускай господа въ родѣ петербургскаго чинуша дѣлаютъ свое дѣло! Ихъ резоны возмутительны для васъ, и для меня—не очень красивы; но пускай ихъ! Въ концѣ-то концовъ и здѣсь, и тамъ, и у насъ, и по всему Западу—подниметъ голову начало жизни, а не мертвечины. Народится поколѣніе, которое крикнетъ: „жить хотимъ, а не посыпать главу пепломъ, хотимъ посягать и наслаждаться, а не хныкать и не отдавать все, что̀ сами создали, завоевали и украсили—на съѣденіе грязной, дикой и злобной толпѣ! Никогда!" И такое поколѣніе уже снова нарождается, другъ Юрій Петровичъ!.. Оно и тридцать лѣтъ назадъ уже народилось. Только его не поняли и совсѣмъ исказили его символъ вѣры.

— Будто бы?—удивленно остановилъ его Лыжинъ.

— А то какъ же? Базаровскія-то слова развѣ не помните насчетъ мужика? Мужичокъ будетъ блаженствовать, а изъ меня „лопухъ" выростетъ? А? Что же это такое, какъ не протестъ, который во мнѣ заклокоталъ сегодня такъ неудержимо въ вашемъ присутствіи? И Тургеневскій лекарь—умнѣйшее лицо нашей литературы. Только его уморилъ авторъ, зная, что ему бы все равно не жить. Ха, ха!

Кострицынъ поднялся, вышелъ на средину комнаты и шутливо проговорилъ:

— Dixi et animam levavi! А теперь—поѣдемъ завтракать и еще покалякаемъ. Вы вѣдь отправляетесь въ объѣздъ.

XIV.

Входя въ переднюю дома Кумачевыхъ — послѣ завтрака въ трактирѣ съ Кострицынымъ — Лыжинъ спросилъ, откушали ли господа.

— Откушали,—доложилъ ему швейцаръ и прибавилъ: — дяденька барыни пріѣхали, князь Иларіонъ Иванычъ, и теперь сидятъ въ кабинетѣ. Пожалуйте.

— Здѣсь будетъ жить?

— Какъ же. Они ужъ ночевали. Въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ Елена Константиновна стояли,—прибавилъ швейцаръ менѣе почтительнымъ тономъ. Акридину прислуга не долюбливала.

Лыжинъ приказалъ оффиціанту, стоявшему у дверей половины Захара Лукьяновича, доложить о себѣ.

Въ кабинетѣ онъ нашелъ всѣхъ троихъ. Дѣтей только-что увела англичанка. Ихъ въ первый разъ показывали дѣдушкѣ.

Войдя, Лыжинъ заглядѣлся на старика.

Онъ стоялъ, въ эту минуту, по самой срединѣ обширной и высокой комнаты. Нина сидѣла на углу турецкаго дивана, поджавъ одну ногу. Мужъ ея курилъ въ своемъ дубовомъ креслѣ, передъ письменнымъ столомъ.

На дворѣ стоялъ ясный день и полоса свѣта упала на фигуру князя съ его живописной сѣдой головой и богатырскими плечами. Короткій свѣтло-сѣрый пиджакъ—онъ былъ одѣтъ уже по городскому—дѣлалъ его еще выше ростомъ.

— Здравствуйте!—первый привѣтствовалъ онъ Лыжина.

— Вы меня узнали, князь? — спросилъ тотъ, подавая ему руку.

— Еще бы! Помилуйте! Я вѣдь еще не впалъ въ „рамолисментъ“. Ха, ха!

Смѣхъ—басовой и немного хриплый—разлился по кабинету и широкая улыбка осталась въ глазахъ; на морщинистыхъ нижнихъ вѣкахъ дрожали капельки пота.

— Вы—у Захара Лукьяновича, я слышалъ... и порадовался.

Кумачевъ, приподнявшись надъ столомъ, подалъ руку Лыжину. Нина сдѣлала ему пріятельскій жестъ рукой, безъ пожатія.

— Вы, можетъ быть, съ важнымъ дѣломъ? — продолжалъ князь, ходя поперекъ комнаты грузнымъ шагомъ, и вскинулъ головой въ сторону Кумачева.—Такъ мы съ Ниной удалимся.

— Особенныхъ дѣлъ нѣтъ. Я ѣду сегодня и пришелъ сообщить объ этомъ Захару Лукьяновичу.

Въ первые дни — когда Лыжинъ говорилъ Кумачеву, при постороннихъ, что-нибудь дѣловое—онъ слѣдилъ за собою: какъ бы у него не вышло тона подчиненнаго. Но теперь онъ уже зналъ, что бояться ему нечего. И вообще въ домѣ и передъ „принципаломъ" онъ поставилъ себя независимо, и въ его тонѣ всегда чувствовался баринъ, а не приказчикъ „его степенства".

— Нѣтъ, ничего, князь!—вмѣшался Кумачевъ.—О чемъ надо было переговорить съ Юріемъ Петровичемъ — мы уже переговорили... Этотъ объѣздъ будетъ, пожалуй, рѣшительный.

— Въ какомъ смыслѣ?—спросилъ князь.

— Да вѣдь Юрій Петровичъ еще вглядывается... Ежели что̀ ему покажется не такъ, онъ выговорилъ себѣ право и удалиться.

— Вотъ какъ! Что-жъ! Хвалю! Хвалю! Сколько я понимаю: онѣ (князь о третьемъ лицѣ употреблялъ мѣстоименіе женскаго рода, третьяго лица) ставятъ себя добровольно въ положеніе живого организма между... какъ бы это выразиться?.. Да! Между молотомъ и наковальней.

— Какъ же это, князь?—окликнулъ Кумачевъ.—Молотъ—это кто же?

— Молотъ?.. Вы — другъ мой! Вы — капиталъ... Сила! Безпощадная и слѣпая.

— Почему же слѣпая?

— А когда она зрячая, то она отдана стремленію къ призрачному бытію.

— Не понимаю!

— Призрачно, мой милый, то, что̀ не одухотворено высшей идеей, что̀ служитъ только ограниченному явленію—будь то мошна капиталиста, или чувственная похоть развратника.

— Однако, позвольте...

— Доказывать это—длинная исторія, милый мой... Словомъ, молотъ—это мошна, а наковальня—трудъ, спина и руки рабочаго, и его мозгъ въ придачу. Вещь пассивная, повидимому; но отъ ея сопротивленія все зависитъ.

— Какъ же это?—сдержанно волнуясь, спросилъ Кумачевъ.

— А то какъ же? Еслибъ вмѣсто желѣза или стали наковальня была изъ глины — какую же бы ось на ней можно наварить?.. А? Ха, ха!

Смѣхъ князя заразилъ всѣхъ. И Кумачевъ засмѣялся, и раньше его Нина.

Ея взглядъ перехватилъ Лыжинъ, присѣвшій ближе къ дивану. Ея лицо—особенно какъ-то блестящее въ это утро—точно говорило:

„Нужды нѣтъ, что онъ Богъ знаетъ какія вещи говоритъ и называетъ моего мужа „мой милый“, какъ я говорю дворецкому. Онъ—князь Иларіонъ Ивановичъ! *Мой* дядя! И его присутствіе въ домѣ даетъ всему оттѣнокъ, котораго Захаръ Лукьяновичъ не придастъ“.

Лыжинъ не сразу отвелъ отъ нея глаза. Она была одѣта не такъ, какъ обыкновенно одѣвалась къ завтраку: въ свѣтломъ суконномъ платьѣ, съ бархатными короткими рукавами, открытыя —отъ локтя—руки въ браслетахъ; въ ушахъ горѣли два камня.

— Такъ слышите, Юрій Петровичъ,—окликнулъ его Кумачевъ:—въ какой передѣлкѣ вамъ придется быть, если согласиться съ княземъ?

— Князь употребилъ сравненіе... И оно, кажется, подходитъ къ дѣлу.

Лыжинъ не договорилъ. Болѣе чувство, чѣмъ мысль, кольнуло его, въ видѣ вопроса:

„Развѣ ты уйдешь по доброй волѣ?“

Взгляни на него Нина—онъ бы смутился, пожалуй сталъ бы краснѣть.

— Дядя!.. Вы зачѣмъ же запугиваете Юрія Петровича?.. Прежде всего—онъ противъ своихъ убѣжденій не пойдетъ.

Эти слова были сказаны съ красивымъ движеніемъ головы и произвели въ Лыжинѣ ощущеніе пріятной щекотки.

— Я не спорю! И всячески сочувствую такой примиряющей роли. Но можно ли примирить эту антиномію? Добрыхъ желаній недостаточно.

— Князь!—остановилъ его Кумачевъ. — Если такъ разсуждать, такъ надо сейчасъ же промысловое дѣло остановить—на всемъ свѣтѣ...

— Дядя!—заговорила Нина, вставая: — Юрій Петровичъ не можетъ вести пренія. Ему надо на вокзалъ. Вы когда ѣдете, съ какимъ поѣздомъ?—спросила она Лыжина.

— Съ почтовымъ.

— Вотъ видите... А мнѣ еще надо васъ спросить... — она не договорила и, обратясь къ князю, продолжала:—Мы оставимъ ихъ на минуту. Пройдемте въ дѣтскую — я вамъ еще не показала, какъ они живутъ. Вы мнѣ сдѣлаете ваши замѣчанія. Я приму ихъ съ благодарностью.

Она какъ бы замѣтила мужу, что съ дядей вступать въ споръ не слѣдуетъ. Надо его выслушивать—что̀ бы онъ ни проповѣдовалъ. Онъ—Жеребьевъ-Зарайскій!

Проходя мимо Лыжина, она сказала ему:

— Вы найдете меня въ моемъ кабинетѣ. Чаю дать вамъ?

— Не откажусь.

Ея тонъ сегодня особенно ласкалъ его. Какъ будто подъ этимъ былъ разсчетъ. Совершенно даромъ врядъ ли Нина Борисовна будетъ что-нибудь дѣлать.

Но онъ тотчасъ же отбросилъ эту мысль. Такъ узко и зло смотрѣть на женщину потому только, что она имѣетъ репутацію себялюбивой личности, которую очень не трудно раскусить! Съ какой стати, по первымъ впечатлѣніямъ, сейчасъ строить выводъ и считать его непогрѣшимымъ? Кострицынъ ему не указъ. Да и онъ начинаетъ говорить о ней въ другомъ духѣ.

И опять—противъ воли—онъ заглядѣлся на линіи ея шеи и бѣлаго затылка съ круто завернутымъ пучкомъ волосъ и высокой черепаховой гребенкой.

Рука князя опустилась ему на плечо—онъ шелъ за племянницей къ выходной двери.

— La suite au prochain numéro... Буду имѣть удовольствіе побесѣдовать съ вами на свободѣ... А тотъ вашъ пріятель... Захаръ Лукьяновичъ!—обернулся онъ въ полъ-оборота къ Кумачеву:—какъ, мой милый, фамилія вашего ученаго бухгалтера?

— Вы про Ивана Кузьмича? Кострицынъ... Онъ не бухгалтеръ, а завѣдуетъ цѣлымъ отдѣленіемъ конторы.

— А-а!.. Очень радъ... Вѣдь онъ,—князь повернулъ голову къ Лыжину,—кажется, имѣетъ высшую ученую степень?

— Сбирается держать,—сказалъ Кумачевъ, — который уже годъ.

— Отчего же все только сбирается? Ваша цифирь не позволяетъ?

— Время есть. Онъ только до обѣда занятъ. Знаете,—по-московски—съ прохладцей. Надъ нами не каплетъ.

— Какого же онъ толка? — спросилъ князь Лыжина и повелъ своими густыми бровями.—Позитивнаго?

— Не могу вамъ сказать, князь.

— Какъ же это такъ? Пріятель, и не знаете — какого онъ міровоззрѣнія.

— Міровоззрѣнія—положительнаго,—отозвался Кумачевъ.

— То-есть, какъ же это: житейски или философски?

— Житейски. Въ философію я не вдаюсь.

— Мнѣ сдается, что мы съ господиномъ Кострицынымъ еще будемъ имѣть турниръ.

— На это онъ мастеръ! Хлѣбомъ не корми.

Кумачевъ тихо разсмѣялся.

— Однако... Нина ждетъ. Если она желаетъ отъ меня педагогическихъ совѣтовъ... я — увы! не Песталоцци. До свиданія! Спасибо, что нашли мое сравненіе молота и наковальни не глупымъ.

Князь крѣпко пожалъ руку Лыжина и оставилъ его въ кабинетѣ съ Кумачевымъ...

XV.

— Какъ вы его находите?

Нина сидѣла подъ своимъ балдахиномъ полулежа, глубоко подавшись назадъ, на подушки.

Вопросъ она предложила объ Эсауловѣ.

Лыжину онъ не нравился. Съ того обѣда, когда онъ въ первый разъ увидалъ его, онъ встрѣчалъ его и у Елены Акридиной.

— Какъ нахожу? — переспросилъ онъ и отхлебнулъ изъ чашки.—Недостаточно его знаю, Нина Борисовна.

— Это уклончиво и на васъ не похоже. Онъ не въ вашемъ вкусѣ—скажите?

— Эсауловъ—вашъ пріятель. Вы его давно знаете и успѣли оцѣнить.

— Да полноте, Юрій Петровичъ. Вы видите, я съ вами говорю откровенно. Разумѣется, онъ не въ вашемъ вкусѣ. Въ немъ есть сухость. Онъ избалованъ своей репутаціей и потомъ — она замялась—думаетъ, что ни одна женщина не устоитъ, если онъ приласкаетъ ее. Кажется, вашъ другъ и моя тетенька Елена Константиновна—не очень съ нимъ ладитъ.

— У нихъ разговоры—особенные.

— Ученые? Ахъ, Юрій Петровичъ!—Нина всѣмъ корпусомъ пододвинулась къ нему, взяла подушку и подложила ее себѣ подъ грудь.—Скажите, съ вами можно о моей тетенькѣ говорить... совсѣмъ просто?

— Отчего же нѣтъ? Правда, мы съ ней давно считаемся пріятелями.

— Только считаетесь? А въ сущности?

— Во многомъ я уже не тотъ, что былъ прежде, Нина Борисовна, да и она стала въ послѣднее время...

— Тоже другая? Ха, ха! Какъ будто вы не знаете—отчего?

Глаза Нины игриво и злобно заблестѣли.

Лыжинъ усмѣхнулся и промолчалъ.

— Умираетъ?.. А?

Онъ понялъ намекъ; но ему не хотѣлось подтрунивать надъ Еленой.

— Если оно такъ,—надо пожелать ей успѣха.

— Полноте,—Нина заговорила почти шопотомъ:—это безуміе. Она ему годится чуть не въ тетки.

— Онъ врядъ ли на много моложе ея.

— Развѣ это не все равно? Вѣдь ей подъ-сорокъ. А впрочемъ — она сдѣлала жестъ головой — любовь можетъ переродить... Придать ей больше кротости... и скромности, — добавила она дурачливо.

Въ первый разъ она говорила съ нимъ въ такомъ тонѣ о своей „тетенькѣ". Это и было ему немного неловко, и приближало его къ ней. И раньше онъ догадывался: Нина не очень была восхищена тѣмъ, что Акридина гоститъ у нея.

— И двѣ подруги теперь взаимно изливаются? А?

Она опять злобно повела глазами и еще ближе пододвинулась.

Ея обнаженная съ локтя рука блестѣла своими браслетами и бѣлизной. Что-то было въ этой рукѣ нестерпимо красивое и тревожащее. Смотрѣть на нее прямо ему стало жутко. И онъ тутъ только понялъ, что Нина позвала его къ себѣ пить чай, чтобы о чемъ-то его выспросить.

Но о чемъ же? О любви Елены къ Боарцеву? Такъ она сама знаетъ объ этомъ. Ида, кажется, ее совсѣмъ не интересуетъ. И не настолько она банальна, чтобы вызывать его на сплетническій разговоръ объ этихъ двухъ женщинахъ. Она менѣе мелочна и злобна, чѣмъ, можетъ быть, опредѣляетъ ее Кострицынъ. Къ Еленѣ она относится недружелюбно. Но, вѣроятно, та ей просто надоѣла своимъ тономъ, замашками, умничаньемъ.

— Ну, хорошо,—заговорила Нина, также тихо, но съ опущенными рѣсницами.—Вы — вѣрный пріятель, и въ васъ я это очень цѣню, Юрій Петровичъ... Вы живете тамъ, въ garni, уже давно?

— Съ пріѣзда въ Москву.

— И знакомы и съ другими дамами, кромѣ Иды и Елены?

Тутъ только она подняла рѣсницы и остановила на немъ взглядъ.

— Кажется... ни съ кѣмъ больше.

— Припомните. А какая это красивая брюнетка стоитъ въ бель-этажѣ, въ одномъ коридорѣ съ Идой? Я ее мелькомъ видѣла. Вы не знаете?

Это было сказано отрывисто, совсѣмъ простымъ, пріятельскимъ звукомъ.

Лыжинъ сначала подумалъ.

— Не встрѣчалъ.

— Ахъ! Какой вы скрытный!.. Это не хорошо, Юрій Петровичъ.

— Да увѣряю васъ, не встрѣчалъ.

И что-то припомнивъ, онъ сказалъ:

— Можетъ быть, это та... артистка, актриса, кажется.

Онъ уже вспомнилъ, что Воденягинъ говорилъ ему сегодня про какую-то Днѣпровскую, у которой собирается компанія, какой-то „хорошій народъ“—хорошій на его вкусъ.

— Слышалъ сегодня,—продолжалъ онъ съ улыбкой въ глазахъ,—про госпожу Днѣпровскую. Это можетъ оказаться она. У нея, говорятъ, собирается цѣлый кружокъ.

— Мужчинъ?—слишкомъ порывисто, не выдержавъ тона, спросила Нина.

— Вѣроятно. Но утверждать не могу. А васъ это развѣ интересуетъ, Нина Борисовна?

— Да, я хотѣла бы знать; отчего бы вамъ съ ней не познакомиться?

И она ему подмигнула. Это его непріятно кольнуло—за нее. Съ какой стати предлагаетъ она ему такое именно знакомство?

Смутное чувство мужской обиды защемило его. Стало быть, онъ для нея совсѣмъ не существуетъ, какъ мужчина, еще не старый, котораго никто уродомъ не считалъ. И она—какъ пріятель—совершенно по-мужски указываетъ ему на красивую бабёнку, предполагая, что та доступна, и говоритъ ему: „Что-жъ вы, батенька, плошаете—познакомьтесь и добейтесь своего“.

Опять у него начала выступать въ щекахъ краска, но Нина могла и не замѣтить этого: въ комнатѣ, съ тяжелыми портьерами, стоялъ полусвѣтъ.

— Самъ я не имѣю желанія. Да и некогда... Развѣ вамъ это было бы... нужно?

Онъ набрался смѣлости и посмотрѣлъ на нее довольно прямо.

Нина откинулась немного на подушку и, вытянувъ ноги, повела плечами.

— C'est pour rire!—выговорила она.

— И только?—спросилъ Лыжинъ, и тотчасъ же у него внутри точно похолодѣло: онъ испугался смѣлости своего вопроса.

— Вамъ надо сначала бросить вашу сдержанность... Юрій Петровичъ. Я хотѣла бы видѣть васъ среди своихъ друзей. Тогда

у насъ пойдетъ на ладъ... Вы не хотите простить женщинѣ простое любопытство. А еще такой умный!

„Ты хитришь,—быстро подумалъ онъ:—тутъ что-то другое".

Изъ-за спины его, у дверей въ гостиную, раздался докладъ лакея:

— Баронъ Гольцъ.

Въ одинъ мигъ Нина перемѣнила позу, еще глубже сѣла на диванъ, такъ что ея ноги приходились на краю его и поправила волосы привычнымъ и красивымъ жестомъ, въ то время, какъ говорила лакею:

— Проси!

Лыжина она спросила тише:

— Вы его знаете?

— Въ первый разъ слышу.

— Кажется, вы его уже видѣли у Закки?

— У кого?—переспросилъ Лыжинъ, забывъ, кого она такъ зоветъ.

— У мужа?

— Нѣтъ. А кто это?

— Вы увидите.

— Да мнѣ ужъ и пора.

— Посидите! Такъ нельзя! Вы убѣжите, точно затѣмъ, чтобы меня оставить...

Она не договорила. Въ сосѣдней гостиной—смягченный ковромъ—раздался звукъ шпоръ.

И въ эту минуту ихъ взгляды столкнулись. Ему показалось, что щеки ея порозовѣли. Тотчасъ же подумалъ онъ, что между тѣмъ, кто носитъ шпоры, зазвучавшія въ гостиной, и женщиной, про которую она спрашивала, есть связь.

— Bonjour, baron!—небрежно, совсѣмъ другимъ звукомъ выговорила Нина и также небрежно кивнула головой вбокъ.

Лыжинъ долженъ былъ встать: около дивана помѣщался только низенькій стулъ, гдѣ онъ сидѣлъ. Офицеръ—выше его ростомъ—на ходу сдѣлалъ общій поклонъ и потомъ приблизился къ дивану, чтобы взять руку хозяйки. Это можно было сдѣлать только сильно нагнувшись.

— Monsieur Лыжинъ,—баронъ Гольцъ,—представила она ихъ.

Лыжинъ нигдѣ не видалъ этого гвардейца, но у него вдругъ явилось соображеніе, и онъ—когда подавалъ ему руку—спросилъ его:

— Васъ, баронъ, я, кажется, уже видѣлъ на дняхъ?

Онъ выдумывалъ—и эта выдумка ему зачѣмъ-то была нужна. И не глядя на Нину, онъ почуялъ, что она насторожила уши.

— Гдѣ же?—спросилъ Гольцъ совершенно просто.

— Въ garni, гдѣ я живу.

Онъ назвалъ улицу.

— Весьма возможно,—отвѣтилъ Гольцъ.

И тутъ только Лыжинъ взглянулъ на Нину: въ глазахъ у нея что-то промелькнуло.

„Такъ и есть!"—рѣшилъ онъ, и этотъ выводъ его обжогъ. Останься онъ еще—а надо было торопиться—ему будетъ тяжко присутствовать въ качествѣ третьяго лица.

— Куда же вы торопитесь?

Нина поглядѣла на него такъ, что онъ почувствовалъ себя ея „сообщникомъ". И улыбка была въ ея глазахъ, и желаніе дать ему понять, что она не спроста спрашивала про красивую брюнетку.

— Опоздаю на поѣздъ, Нина Борисовна,—выговорилъ Лыжинъ.

Онъ не отвѣтилъ ей такимъ же взглядомъ.

— Возвращайтесь скорѣе!

Она, по-англійски, пожала ему руку. Офицеръ еще разъ поклонился, опустивъ одну голову на грудь.

„Такъ вотъ это кто!"—выговорилъ онъ мысленно, спускаясь въ сѣни. Ростъ, профиль, цвѣтъ лица, волосы барона еще мелькали передъ нимъ. И его защемила могучая молодость этого гвардейца.

XVI.

Лакей подалъ чашку чаю барону Гольцу и удалился.

Нина и позднѣе—съ четырехъ—не разливала сама, кромѣ средъ, когда у ней бывали большіе „five o'clock", которые Захаръ Лукьяновичъ называлъ просто „клоки"—не по незнанію англійскаго: онъ владѣлъ имъ свободно и зналъ гораздо больше про Англію и англичанъ, чѣмъ его жена.

Гольцъ сидѣлъ на томъ же низкомъ стульчикѣ, какъ и Лыжинъ—четверть часа раньше—вытянувъ свои длинныя ноги.

— Изъ какихъ же онъ собственно?—спросилъ баронъ.

Они говорили о Лыжинѣ.

— Я не знаю, какой на немъ чинъ. Онъ былъ помѣщикъ и продалъ имѣніе мужу. А потомъ принялъ отъ него мѣсто... какъ бы сказать?—ревизора.

— Надъ чѣмъ?

Лицо Гольца сейчасъ перемѣнило выраженіе. Оно сначала тихо улыбалось и тонъ былъ полу-шутливый, все съ той же спокойной безцеремонностью, который подзадоривалъ Нину, безъ всякаго желанія показать хоть намекъ на то, что онъ способенъ оцѣнить ее, какъ женщину и хозяйку салона. Но какъ только рѣчь зашла о Лыжинѣ и его теперешней службѣ у Захара Лукьяновича—тонъ сейчасъ же перемѣнился у него. И это ее кольнуло, но она продолжала говорить о Лыжинѣ сочувственно и серьезно, какъ бы съ намѣреніемъ.

И вопросъ Гольца: „надъ чѣмъ"—звучалъ совершенно серьезно.

— Онъ будетъ наблюдать—какъ содержатся рабочіе.

— А-а! Вотъ что! Да онъ самъ-то какихъ взглядовъ? Красный?

На красивой переносицѣ барона легла складка.

— Не думаю... Прежде, можетъ быть, за нимъ это водилось. Но теперь... Il en est revenu!

— Все-таки же... такихъ господъ не совсѣмъ-то безопасно пускать... Я знаю это по опыту. Вотъ въ имѣньѣ нашемъ... Мы съ братомъ тоже выписали одного... изъ академіи, ученаго агронома. А онъ, вмѣсто того, чтобы фосфоритомъ заниматься, сталъ мутить батраковъ на фермѣ, и насчетъ платы, и насчетъ часовъ работы. Эти господа теперь притворяются, хитрятъ. Они опаснѣе, чѣмъ были прежде—когда прямо выдавали себя, одѣвались Богъ знаетъ какъ и сразу грубили... Умнѣе стали.

То, что онъ говорилъ и *какъ* это у него выходило—должно бы ей нравиться. И онъ, и ея „Закки"—такихъ же взглядовъ. Не его направленіе задѣвало ее, а его манера говорить съ нею—точно будто передъ нимъ сидитъ самъ Захаръ Лукьяновичъ, да и передъ нимъ онъ будетъ имѣть болѣе свѣтски-почтительный тонъ.

— Это дѣло Закки. Я въ его хозяйство не вхожу.

Она на него взглянула, при этихъ словахъ, точно желая ему дать понять, что они оба—люди „du menu bord"—и имъ нечего спорить. У нихъ долженъ быть *свой* разговоръ.

Но этого онъ не хотѣлъ понять.

— А вы его... и къ своей особѣ приставили?

— Dans quel sens?—совсѣмъ строго спросила Нина.

— Comme confident... Да нѣтъ,—поправился онъ и полунасмѣшливо поглядѣлъ на нее:—вамъ наперсникъ не нуженъ. Вамъ нечего разсказывать. Знаете... Вотъ какъ въ трагедіи?.. Я Сару Бернаръ видѣлъ въ „Федрѣ".

— Какой примѣръ!

Она рѣшительно сердилась на этого полу-нѣмецкаго bellâtre.

— Я только такъ... Вѣдь это все равно. Вамъ не то что уже въ любви къ тому... какъ его зовутъ по пьесѣ... къ пасынку, что-ли... ха, ха! а вообще не въ чемъ каяться.

— Какъ же вы можете знать?

Нина приняла другую позу, на краю дивана.

— Это сейчасъ видно.

Гольцъ добродушно засмѣялся и повелъ рукой, въ которой держалъ папиросу: курить она ему разрѣшила.

— Que c'est bête!

Это восклицаніе вышло у нея почти грубо.

— Pardon, madame, ce n'est que franc et flatteur pour vous. Вашъ супругъ можетъ спать спокойно.

— Супругъ мой тутъ не при чемъ.

Слово „супругъ"—хотя Гольцъ выговорилъ его просто—показалось ей новой дерзостью. Этотъ „баронъ" хочетъ показать, что мужъ ея—купчишка, и какъ бы жалѣетъ ее за „mésaillance".

— Да онъ и не изъ такихъ,—продолжалъ, не мѣняя тона, Гольцъ.

— Не изъ какихъ это?

Еще одно слово — и она способна была дать на него окрикъ.

— А вотъ изъ нынѣшнихъ... Des maris complaisants. Нѣтъ, онъ не такой. Это тоже сейчасъ видно.

Ей смертельно захотѣлось сказать ему:

„Вы, стало быть, ухаживаете только за женами тѣхъ, кто вамъ не страшенъ?"

— Вы наблюдательны,—сказала она съ недобрымъ смѣхомъ.

— Это чувствуется.

— Да... Закки — прежде всего человѣкъ съ характеромъ и ни передъ кѣмъ не сниметъ шапки первый. Les titres ne lui en imposent pas,—не выдержала она и даже поглядѣла на него.—Мой дядя, князь Иларіонъ, гоститъ у насъ.

— Князь?—вопросительно перебилъ ее Гольцъ, и опять лицо его стало серьезно.

— Князь Зарайскій... Братъ моего отца.

— Кое-что, кажется, слышалъ про него. Онъ большой чудакъ?

— Почему же чудакъ?

— Какъ же... Роздалъ все крестьянамъ и живетъ въ шалашѣ... Онъ, значитъ, толстовецъ?

— И не думаетъ. Онъ еще тридцать лѣтъ до эмансипаціи отпустилъ крестьянъ на волю.

— Они ему, конечно, и показали — какую онъ глупость сдѣлалъ.

Опять она должна была бы согласиться съ нимъ. Развѣ она про себя не считала князя Иларіона полу-сумасшедшимъ, и если не подсмѣивалась надъ нимъ, то потому только, что онъ — ея дядя, князь Зарайскій, и имъ она желаетъ держать мужа въ еще бо́льшемъ уваженіи къ тому, кѣмъ она была, когда выходила за него.

— Это до меня не касается,—сухо выговорила она и, рѣзко мѣняя разговоръ, спросила:

— Вы будете у старухи Ко́злишевой?

Она знала черезъ Nanon, что онъ званъ.

— Явлюсь,—отвѣтилъ онъ, почему-то наклонивъ голову въ видѣ поклона.—Полу-ученый раутъ будетъ...

— Да, ея дочь—довольно противная педантка.

— Ей бы замужъ... Оттого она и въ ученость ударилась.

— Ce sera très disparate... И мою тетку Акридину будутъ фетировать. Вы ее не знаете?

— Не имѣю удовольствія.

— Un bas bleu.

— Кажется, и дѣвочки будутъ... свѣженькія.

— Дѣвочки?—переспросила Нина и сжала губы.

— Pardon! Мы такъ дѣвицъ зовемъ.

— Гдѣ? Въ манежѣ?

— Вездѣ. Онѣ не обижаются.

Она только повела плечами и подумала: „Да онъ просто — дурачокъ! Хороша и я!“

— Ну, да. Внучки старухи. Неизбѣжныя Модъ и Мэджъ.

— Англизированныя... Ростомъ онѣ вышли!

„И какъ этотъ баронъ мѣтко выражается по-русски: ростомъ вышли!“ — подумала Нина.

— Des nullités!—выговорила она уже прямо презрительно.

— Eh, madame, toutes les femmes sont bonnes!

И баронъ махнулъ рукой уже совсѣмъ безцеремонно.

Онъ даже не спросилъ — собирается ли она на этотъ раутъ а ей, вопреки его глупому поведенію, хотѣлось туда сильнѣе, чѣмъ вчера и третьяго дня.

Онъ поставилъ чашку на восточный столикъ, окурокъ папиросы бросилъ въ пепельницу и потянулся. Ей показалось даже, что онъ сдержалъ зѣвоту.

Нина чуть не спросила:

„Вы, кажется, зѣваете? Съ нихъ—съ этихъ „конюховъ“ въ цвѣтныхъ фуражкахъ—теперь все станется“.

И она горько упрекнула про себя первою—свою подругу Nanon: въ обществѣ *такихъ* женщинъ всѣ эти мужчины невыносимо балуются и привыкаютъ чувствовать себя вездѣ какъ въ трактирѣ съ арфистками—хуже, потому что за тѣми они хоть и пошло, но ухаживаютъ.

Красивый офицеръ сидѣлъ передъ ней, подобравъ ноги въ безукоризненную позу, и надѣвалъ замшевую перчатку на правую руку.

Перчаткой своей онъ занимался съ особенной серьезностью и какъ бы забылъ о существованіи Нины. Это продолжалось не болѣе полъ-минуты, но впечатлѣніе Нина получила именно такое.

Послѣ того онъ всталъ, слегка отряхнулся, благодушно улыбаясь, протянулъ ей руку и опять поклонился, опустивъ голову на грудь, своимъ форменнымъ поклономъ кавалериста и гвардейца.

— Bonjour,—медленно сказалъ онъ и, повернувшись съ особой, важной тяжеловатостью, пошелъ къ двери.

— Bonjour,—небрежно отвѣтила она ему вслѣдъ.

Ей не удалось кончить разговоръ чѣмъ-нибудь такимъ, что̀ его совсѣмъ бы „приплюснуло“.

Около самой двери, но уже въ гостиной, звукъ шпоръ стихъ и раздался голосъ Захара Лукьяновича. Она не разслыхала фразъ, которыми они обмѣнялись. Вставать ей не хотѣлось. Она, какъ въ разговорѣ съ Лыжинымъ, почти легла вглубь дивана и подперла себѣ грудь шолковой подушкой, расшитой золотомъ.

— Нина! Ты здѣсь?—окликнулъ ее мужъ.

— Здѣсь... А что?

Захаръ Лукьяновичъ подсѣлъ къ ней на диванъ. Онъ улыбался и, переждавъ съ полъ-минуты, тихо сказалъ:

— Красивый „калегвардъ“,—и онъ протянулъ это жаргонное слово, вычитанное у Щедрина,—а кажется не изъ пущихъ. Какъ ты скажешь?

— И очень.

— То-то... Однако, производитъ давленіе?

— Какое?—со смѣхомъ спросила Нина.

— Мужскимъ естествомъ?

— Не знаю.

Она взглянула на Захара Лукьяновича, и весь его видъ былъ

такой, что слова барона выступили у ней въ головѣ: „да, Закки не изъ нынѣшнихъ мужей“.

„Тѣмъ лучше!“—почти вслухъ выговорила она.

— А все-таки, Нина, я его позвалъ обѣдать на субботу. Знаешь, такой офицеръ—въ родѣ какъ каріатида, или ваза на столѣ.

„Вотъ какъ!“

Она возмутилась за себя, и сейчасъ же весь „изумительный“ туалетъ, какой она надѣнетъ къ Кóзлишевой, представился ей. И глаза ея блеснули. Въ нихъ было написано: „посмотримъ“.

Мужъ нѣжно поцѣловалъ ея руку.

XVII.

Извозчичья карета, съ пѣвучимъ свистомъ промерзлыхъ колесъ, тащилась въ гору отъ бульвара на Остоженку. Морозъ былъ градусовъ въ двадцать-пять.

Укутанныя въ шали, сидѣли въ каретѣ Ида и Акридина. Старуха Кóзлишева настояла на томъ, чтобы на ея первый раутъ, по пріѣздѣ ея дочери Смоквиной изъ-за границы, Ида явилась непремѣнно. Отъ нея трудно было отвертѣться, когда она чего-нибудь захочетъ. По крайней мѣрѣ, пять записокъ получила отъ нея Ида—одна другой курьезнѣе по стилю.

Пришлось уступить ей. Ида больше всего боялась всякой „исторіи“ изъ-за нея. „Выѣзжать“ она не хотѣла, кромѣ театра и музыкальныхъ вечеровъ въ Собраніи. У нея и платья не было въ гардеробѣ подходящаго къ такому рауту.

Но старуха въ послѣдней своей запискѣ, дѣлая ошибки на обоихъ языкахъ, писала ей:

„Вечеръ мы съ дочерью даемъ какъ бы въ честь вашего друга, Елены Константиновны, и вамъ, безцѣнная моя, нельзя отказаться. Vous appartenez aussi à l'intelligence“.

Она перевела такъ слово „интеллигенція“ и еще два раза его повторила. Обѣ онѣ не мало смѣялись, и Елена послѣ того стала звать Иду изъ одной комнаты въ другую:—Chère intelligence, écoute donc!

Имъ обѣимъ предстояло и еще удовольствіе—дочь Кóзлишевой, вдова Смоквина. Она не попала на съѣздъ, гдѣ Елену такъ принимали, но хотѣла себя „вознаградить“, какъ она выразилась, дѣлая визитъ Акридиной. Этотъ визитъ длился цѣлый часъ, и обѣ онѣ отъ него настрадались. Смоквина считала себя передо-

вой и начитанной женщиной и ставила себѣ въ немалую заслугу то, что у себя въ имѣніи раскопала два кургана и въ одномъ изъ нихъ нашла запястье.

Она называла его „фйбулой“ по-древнему, и это слово произносила она съ мягкимъ „л“—фйбуля—и нараспѣвъ. Не менѣе десяти разъ употребила она его въ теченіе своего визита.

Когда она наконецъ уѣхала, то Елена вскинула руками и закричала, забѣгавъ по гостиной:

— Ида! Я отказываюсь отъ археологіи! Это ужасно! Это ужасно! Такая мадамъ!

И между собою онѣ ее прозвали „фйбуля“.

Ида поѣхала и потому еще, что боялась за свою подругу. Она знала, что Боярцевъ будетъ у старухи. Елена, скрывая это, дѣлала большія приготовленія къ вечеру, заказала себѣ новый туалетъ. Ей надо было загладить, во что бы то ни стало, впечатлѣніе послѣдняго спора съ Боярцевымъ. За собою ей необходимо слѣдить, сдерживать себя... Нельзя ее предоставить самой себѣ. Добрымъ „товарищемъ“—Ида всегда была; а теперь, когда у нея нѣтъ никакой личной жизни чувства, въ дружбѣ она стала еще строже къ себѣ и еще добрѣе съ своими пріятелями—и женщинами, и мужчинами.

Какъ Елена ни скрывала свои хлопоты о платьѣ, но Ида и тутъ должна была помочь ей. Благодаря ея совѣтамъ, у ней сегодня очень милый туалетъ—изъ чернаго фая съ бархатомъ и съ большой кружевной бертой—молодитъ ее и вообще чрезвычайно идетъ.

И себѣ Ида заказала въ магазинѣ „A la ville de Lyon“ темный туалетъ, который ее старилъ: она это знала и почти нарочно выбрала себѣ цвѣтъ матеріи и покрой, чтобы Елена—ея ровесница—смотрѣла моложе ея.

Та поняла это и—безъ словъ—поблагодарила, поцѣловала ее горячо въ лобъ, когда онѣ обѣ, выйдя каждая изъ своей спальни, сошлись въ гостиной.

Дорогой они молчали: и та, и другая, боялись простуды—Елена больше Иды. Лакея онѣ не нанимали. Карета была валкая и раскатывалась то-и-дѣло съ одной стороны улицы на другую.

Съ такимъ же визгомъ колесъ въѣхали онѣ въ ворота длиннаго дворянскаго особняка, ярко освѣщеннаго по всему фасу.

Въ передней—гдѣ пахло смѣсью керосина и курительнаго порошка—еще не сидѣло ни одного чужого лакея.

— Мы первыя, — сказала Акридина вполголоса, охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Я тебѣ говорила, — отвѣтила ей Ида тономъ старшей сестры.

Торопилась Елена, и она не хотѣла ей противорѣчить.

Когда обѣ онѣ входили въ первую комнату, залу—пустую и очень свѣтлую, съ бѣлой старинной мебелью, всякій бы нашелъ Елену гораздо моложе Иды. Та—нарочно—одѣлась и причесалась „подъ цвѣтъ своихъ волосъ", какъ она пошутила, садясь въ карету. Прежняя Ида только и выдавала себя какими-то необычайными духами и парижскими перчатками безъ пуговицъ. На ея худощавыхъ рукахъ онѣ дѣлали множество складокъ.

Елена, въ своемъ новомъ туалетѣ, заказанномъ во французскомъ магазинѣ, и съ прической, которая молодила ее, въ новомъ корсетѣ, какъ-то вся подтянулась, и лицо—слегка напудренное—смотрѣло свѣжѣе; вѣки не были красны.

У старухи, по-заграничному, лакей, стоя въ портьерѣ гостиной, выкрикивалъ фамиліи.

— А-а!.. Мои подруги!—раздался зычный голосъ Катерины Яковлевны.

Но ея самой еще не было видно.

Она сидѣла сбоку на диванѣ, заставленномъ низкими шолковыми ширмами. Гостиная, хоть и освѣщенная люстрой, смотрѣла хмуро съ ея темной триповой мебелью и закоптѣлыми картинами.

Кѣзлишева сдѣлала имъ ручкой издали и—не стѣсняясь— продолжала свою сцену съ дочерью.

Смоквина была еще молодая женщина. Небольшого роста, она начала уже толстѣть; атласное сиреневое платье сидѣло на ней въ обтяжку, съ полуоткрытыми руками и большимъ вырѣзомъ на груди.

На всемъ ея бѣломъ и жирномъ лицѣ точно лежалъ слой лака—такъ оно блестѣло.

— Душечка мáма,—уговаривала она мать, смягчая до приторности звукъ голоса:—я тебѣ говорю, что тебѣ нельзя здѣсь сидѣть—изъ того окна дуетъ—и ты на самомъ сквозномъ вѣтрѣ. Опять всю ночь будешь кашлять.

— Вотъ... милая моя сосѣдка,—Кѣзлишева притянула къ себѣ Иду и поцѣловала ее въ лобъ,—и вы, дорогая моя Елена Константиновна,—моя дочь изволитъ муштровать меня.

— Привѣтствую,—торжественно заговорила Смоквина, подавая руку Еленѣ,—въ лицѣ вашемъ...

— Постой! Дай мнѣ кончить!—почти крикнула мать.—Ты еще успѣешь душить ихъ своими фразами. Я вамъ говорю, mesdames, она меня своими приставаньями въ гробъ вгонитъ!—

старуха не разставалась съ клюкой и стукнула ею о коверъ.— Живу я въ деревнѣ, чуть на лыжахъ не хожу—и по вѣтру, по морозу, и на гумно, и въ лѣсъ... Какъ только Варвара Сергѣевна пожалуетъ изъ теплыхъ странъ—пойдетъ муштрованье матери.

— Какъ тебѣ угодно!—промолвила Смоквина, сѣла вбокъ и сложила губы бутономъ.

— Да! Мнѣ угодно, чтобы ты меня не мучила.

— Mesdames, prenez place!—пригласила вдова и сдѣлала живописный жестъ рукой.

— Онѣ и безъ тебя сядутъ. Вотъ сюда, поближе!—скомандовала имъ Кѣзлишева.—Не бойтесь, отъ сквозного вѣтра не схватите воспаленія. Нѣтъ!—воскликнула она и обернула къ нимъ свое мужеподобное лицо, въ эту минуту раздраженное не на шутку.—Вы себѣ, дорогія мои подруги, не можете представить, какъ дочь моя способна уходить человѣка только одной своей любовью!

— Maman, я думаю нашимъ прелестнымъ...

— Помолчи, сударыня! Сама виновата! У меня слишкомъ накипѣло. Ты мужа своего тоже свела въ гробъ любовью!

— Maman!

— Ничего, матушка. Да, сладостью своей и приставаньями. Изъ здороваго мужчины сдѣлать ипохондрика! Такъ ты его пугала, точно на жизнь его покушались всѣ, такъ задергивала! Ну, и кончилось тѣмъ, что отъ чистѣйшаго вздора сошелъ въ могилу.

Старуха, начавъ шутливо, перешла въ обычный тонъ разноса.

Елена и Ида сидѣли тихо и старались не глядѣть ни другъ на друга, ни на хозяйку съ дочерью.

Но имъ обѣимъ было скорѣе пріятно присутствовать при разносѣ этой слащавой и льстиво-торжественной „бабы“, какъ ее называла Акридина.

Смоквина старалась кротко улыбаться; ее выдавали два круга, выступившіе на щекахъ. Но мать ея не боялась и—по своему тщеславная—умѣла ее разоблачать, и съ глазу на глазъ, и при постороннихъ.

— То же будетъ и съ дочерью. Варвара Сергѣевна изволитъ воспитывать принцессу крови, да еще не простую, а вотъ что въ сказкахъ, подъ стекляннымъ колпакомъ. Все по часамъ... Дѣвочкѣ хочется шалить, бѣгать, посмотрѣть на гостей! Помилуйте! Высочайшій регламентъ—и никто не смѣй до нея дотронуться. Никто не смѣй сказать ей „ты“. Боже избави! Она—какъ царь-дѣвица! За золотой рѣшеткой! И всѣ должны падать ницъ и цѣловать ея ножки!

— Я молчу.—Смоквина повела плечами и посмотрѣла на Иду и Елену съ выраженіемъ жертвы своей дочерней добродѣтели.

— И выйдетъ — недотрога-царевна! Безъ крови! Кукла на пружинахъ!

Громкій голосъ лакея прервалъ потокъ рѣчей старухи.

XVIII.

Протянулся цѣлый часъ. Гости разбрелись по тремъ комнатамъ.

Было, въ общемъ, томительно. Еленой овладѣла Смоквина и представляла ее всѣмъ незнакомымъ съ нею, называя непремѣнно: „наша знаменитая соотечественница"—или: „наша звѣзда". Около нея она усадила—въ особый уголъ—двоихъ ея „собратовъ", порядочно надоѣвшихъ ей и на съѣздѣ, спеціалистовъ. Одного звали Ѳеопемптовъ, другого—Разсказовъ. Первый давно пріѣлся ей своимъ стариковскимъ чудачествомъ, съ говоромъ на „онъ" и семинарскими шуточками; второй раздражалъ хлёсткой убѣжденностью „русака̀" и задорными выходками противъ всего, что̀ не отзывается „чистотой суздальскаго стиля" и красотами древне-русскихъ колокольныхъ „шатровъ".

Посидѣлъ около нея и Эсауловъ, погримасничалъ, раза два зѣвнулъ и откочевалъ отъ нея, какъ только явилась Нина Кумачева—вся въ бриллiантахъ.

Въ своемъ ученомъ углу Елена томилась. Иду она видѣла—далеко отъ себя, въ разговорѣ съ двумя пожилыми мужчинами. Она знала, что высокій—губернаторъ изъ провинціи; другой—маленькаго роста—генералъ въ запасѣ. Смоквина представляла ей обоихъ, но ихъ фамиліи тотчасъ же вылетѣли у ней изъ головы.

Безпрестанно глядѣла она въ сторону двери, въ залу. Боярцева все не было. О чемъ-то оба спеціалиста заспорили и обращались къ ней. Она имъ отвѣчала невпопадъ, или совсѣмъ не отвѣчала.

И такъ она стала себѣ смѣшна, особенно послѣ фразъ Смоквиной, которая ее „продюизировала", точно какого рѣдкаго звѣря! Вспомнилось ей—изъ дѣтскихъ годовъ—дурачество ея дяди, когда тотъ представлялъ нѣмца, выхваляющаго звѣрей въ клѣткахъ—на ярмаркѣ:

„Это есть большой африканскій левъ—три годъ старъ—ошенъ молёдой".

Исчезнуть бы отсюда невидимкой и очутиться въ комнаткѣ

у него, въ мезонинѣ, куда она до сихъ поръ не проникла. Она была-таки—узнать о здоровьѣ его матери. Боярцевъ принялъ ее внизу, благодарилъ; но казался стѣсненнымъ и наверхъ къ себѣ не попросилъ.

Можетъ быть, онъ посмотрѣлъ на ея визитъ какъ на простую уловку. Это ее грызло.

И вдругъ ей не удастся сегодня имѣть съ нимъ разговоръ—какого она жаждетъ. Эта Смоквина будетъ опять водить къ ней разный народъ на поклонъ, точно прикладываться къ мѣстному образу.

Никогда еще извѣстность не тяготила ее, какъ сегодня. Да и никто тутъ ею, въ сущности, не интересуется, даже и два тошныхъ спеціалиста, что мѣшаютъ ей вырваться изъ того угла, куда ее запихала Смоквина. Хоть бы Ида подошла и взяла ее. Но та на нее не смотритъ.

Недоброе чувство заныло у ней въ груди. Ида хоть и неэффектно одѣлась, но была интересна, и сѣдѣющіе волосы не мѣшали ей казаться молодой женщиной. Теперь только она вполнѣ поняла: Ида нарочно сдѣлала такъ, чтобы не смотрѣть моложе и интереснѣе ея. Такое великодушіе нисколько ее не трогало; напротивъ, обижало.

Ида замѣтила уже, что Еленѣ совсѣмъ не весело съ своими „собратами". Ей хотѣлось, чтобы Боярцевъ посскорѣе явился. Можетъ быть, старуха устроитъ въ залѣ танцы—молодыхъ дѣвицъ она уже замѣтила нѣсколько — и тогда Елена можетъ улучить минуту и сѣсть съ нимъ въ угловой комнатѣ, если только хозяйки—въ особенности эта ужасная Смоквина—оставятъ ее въ покоѣ.

Изъ двухъ ея кавалеровъ одинъ ей былъ очень непріятенъ. Онъ остался съ ней сидѣть; другой — пріѣзжій губернаторъ — отошелъ къ Нинѣ Кумачевой. Этого дѣлающаго служебную карьеру барина она нигдѣ—до того—не встрѣчала, и его тонъ она нашла довольно банальнымъ.

Но того, кто остался съ нею—генерала Кишкетова—она знавала за-границей и встрѣтиться съ нимъ никакъ не желала.

Кишкетовъ—худой, небольшого роста, бритый, съ длинными, по модному растрепанными усами—держался немного сутуловато, ловко носилъ очень узкій фракъ и не вынималъ изъ лѣваго глаза монокль. Трудно было признать въ немъ генерала въ запасѣ. Говорилъ онъ отрывисто, увѣренно, исключительно по-французски. Издали онъ смотрѣлъ еще молодымъ мужчиной. Ему шелъ уже

седьмой десятокъ. Онъ красился; по желтоватому лицу ползли тонкія морщины. Зубы были также вставные.

Ида видала его въ Парижѣ—гдѣ онъ бываетъ часто—въ ту полосу ея жизни, когда она была наканунѣ второго крушенія. Онъ зналъ ея француза... зналъ, кажется, и про ихъ отношенія.

У него достало такта, чтобы не начать ее разспрашивать о ихъ общемъ парижскомъ знакомомъ; но тотчасъ же, какъ они остались одни, онъ, злобно усмѣхнувшись, заговорилъ съ ней на особенный ладъ, какъ говорятъ съ женщинами „безъ устарѣлыхъ предразсудковъ" изъ одного съ нимъ общества вивёровъ—и его узкіе глаза, съ металлическимъ блескомъ, досказывали ей все остальное.

— Зачѣмъ вы здѣсь въ Москвѣ?—спросилъ онъ, пожавъ плечами.—Почему не тамъ? Изъ экономіи?

Всѣ эти вопросы онъ дѣлалъ быстро, своимъ сухимъ, пронизывающимъ голосомъ.

Идѣ не хотѣлось отвѣтить ему любимымъ словомъ:

— J'ai enrayé!

Ей онъ былъ теперь непріятенъ до-нéльзя и сразу напомнилъ ей тотъ Парижъ, откуда она пріѣхала „старухой", съ холодящей пустотой и равнодушіемъ. А тогда она выносила подобныхъ молодящихся развратниковъ. Они ей не были омерзительны, хотя про Кишкетова она слышала не мало возмутительнаго.

Пересиливъ свое внезапное отвращеніе, Ида сказала ему съ прежними интонаціями:

— Вы теряете время. Идите вонъ туда. Посмотрите, какъ хороша Нина.

— Кто? А!.. Кумачева? Чудесныя плечи. Но она еще глупа. Охраняетъ свою добродѣтель. Злится, вѣроятно, на то, что стала купчихой.

— Все равно,—перебила его уже безцеремоннѣе Ида:—идите къ ней.

Въ дверяхъ показался Боярцевъ и увидалъ ее первый. Но его перехватила-было Смоквина и что-то ему отчитывала слащаво и громко. Онъ направился въ сторону Иды.

— Вы съ нимъ знакомы?—спросилъ ее Кишкетовъ съ гримасой. Онъ пропахъ добродѣтелью.

И когда Боярцевъ подходилъ къ Идѣ, генералъ поднялся и сказалъ:

— Уступаю ему мѣсто. Вижу, что мнѣ съ вами не везетъ.

Это было сказано въ томъ же дерзко-фамильярномъ тонѣ,

какого онъ держался со всѣми женщинами, кромѣ нѣкоторыхъ—очень высоко поставленныхъ.

Сухо-вѣжливо раскланялся онъ съ Боярцевымъ и отошелъ къ Нинѣ.

— Защитите меня!—сказала Ида, протягивая руку Боярцеву.

Она замѣтила, что онъ блѣденъ и разстроенъ.

— Отъ кого? — равнодушно улыбнувшись, спросилъ онъ и сѣлъ.

— Отъ обѣихъ хозяекъ... Не садитесь около меня. А то одна изъ нихъ увидитъ васъ.

— Я уже говорилъ и съ матерью, и съ дочерью.

— Все равно. Дочь начнетъ намъ объяснять, кто мы такіе.

Боярцевъ тихо разсмѣялся.

— Воображаю, какъ Еленѣ Константиновнѣ уже пришлось натерпѣться.

„Онъ первый о ней вспомнилъ“,—подумала Ида,—точно мать или старшая сестра.

— Вы видите, гдѣ она?

— Нѣтъ. Я вѣдь полуслѣпой.

— Вонъ тамъ, въ углу, съ двумя учеными господами.

— Бѣдная!

— Подите ее выручить. Не занимайте меня. Я забьюсь въ уголъ. Мнѣ такъ будетъ лучше. Только скажите—она остановилась—вы что-то разстроены... Да? Или я ошибаюсь?

— Меня безпокоитъ здоровье матушки,—сказалъ онъ порусски.—Я не хотѣлъ ѣхать.

„Значитъ, онъ обѣщалъ Еленѣ“,—подумала Ида.

— Матушка настояла,—продолжалъ Боярцевъ.

— Но опасности нѣтъ?

— Не знаю, какъ вамъ сказать. Жаръ не спадаетъ... Большая слабость.

Боярцевъ провелъ рукой по лбу и опустилъ голову.

— Подите къ Еленѣ, поспорьте съ ней. Она нынче очень добрая, и споръ будетъ пріятный.

И тотчасъ она замѣтила про себя:

„Вѣдь я точно толкаю его къ ней. Зачѣмъ?“

Изъ этой любви не выйдетъ для Елены ничего, кромѣ горя,—такъ она рѣшила. И все-таки она жалѣла свою подругу. Она сама столько потратилась на любовь, и ей какъ бы стыдно стало лишать Елену того же наркотическаго снадобья.

Ида успокоилась только тогда, когда Боярцевъ очутился на другой сторонѣ гостиной. Она забилась совсѣмъ въ уголъ, за

трельяжъ, и перестала бояться нападеній Смоквиной. Такъ ей странно, почти смѣшно было смотрѣть на весь этотъ нескладный и скучный вечеръ, гдѣ собрался—неизвѣстно для чего—разный народъ. Въ карты не играли, не собирались еще и танцовать; говорили, по группамъ, какъ будто въ ожиданіи чего-то. Можетъ быть, старуха угоститъ музыкой... Но на это не похоже.

Молодежь, нѣсколько дѣвицъ—двѣ были рослыя, въ свѣжихъ туалетахъ,—два офицера, студентъ, два-три штатскихъ болтали оживленнѣе другихъ, разсѣвшись въ угловой. Нина Кумачева окружена была мужчинами: кромѣ Эсаулова, губернатора и Кишкетова, подсѣлъ къ ней старикъ съ сѣдой бородой. Ида и его когда-то и гдѣ-то встрѣчала на-водахъ.

Главный пунктъ гостиной занимали обѣ хозяйки; съ ними двѣ старухи и еще сухая, некрасивая барыня среднихъ лѣтъ—кажется, жена губернатора—въ наколкѣ и съ неизбѣжнымъ черепаховымъ лорнетомъ. Тамъ же ширилась спина ея сосѣда Кличъ-Обношина. Сбоку, въ искривленной позѣ, развалился Ковригинъ, котораго Смоквина уже представляла ей и громко, точно на какомъ торжествѣ, провозгласила:

— Monsieur est l'allié des premières familles de notre pays!

Ида сидѣла неподвижно. Ей хотѣлось задремать.

Все это было для нея такъ чуждо и ненужно.

Но громкій басъ изобрѣтателя „кавалерійскихъ обителей" не давалъ ей забыться.

— Кто сказалъ,—крикнулъ онъ на всю гостиную,—что ихъ родъ происходитъ отъ Камбйллы? У меня спросите. Прозваніе сложилось отъ словъ: „шаръ" и „метать". Отсюда—„Шаромѐти".

— Позвольте!—прервалъ его высокій мужской фальцетъ.

— Oh, mon Dieu!—шопотомъ вздохнула Ида и опять закрыла глаза.

XIX.

Нина сидѣла окруженная мужчинами: тутъ были генералъ Кишкетовъ, губернаторъ Баевъ и графъ Дулинъ, изъ отставныхъ посольскихъ, съ длинной сѣдой бородой и восковымъ лицомъ.

Всѣ трое оглядывали ея плечи, шею, ея туалетъ и брилліанты, и даже въ поблёклыхъ глазахъ графа вспыхивали огоньки. Всего ближе примостился къ ней губернаторъ и велъ разговоръ въ игривомъ тонѣ. Генералъ вставлялъ свои тирады болѣе испорченнаго волокиты.

— Вы—царица! Мы—ваши рабы!—повторялъ губернаторъ.—Чтò прикажете, тò и сдѣлаемъ... Птичьяго молока достанемъ. Только вы насъ не слушаете. Не правда-ли, генералъ?

Кишкетовъ поправилъ монокль и кивнулъ утвердительно головой.

— Madame est ailleurs!

И онъ подмигнулъ свободнымъ глазомъ.

Графъ Дулинъ сжалъ многозначительно губы.

— Вотъ это я хвалю,—продолжалъ губернаторъ, упираясь взглядомъ въ бюстъ Нины:—хвалю, что наши хорошенькія барыньки оставляютъ мужей у себя.

— Comme un objet parfaitement inutile!—добавилъ генералъ.

— Вашъ другъ, Nanon Верховцева, такая милая барыня; но точно пришита къ мужу... Ея нѣтъ здѣсь?

— Нѣтъ,—небрежно отвѣтила Нина.

— Навѣрно, у ея Платоши животикъ заболѣлъ, обкушался; а одна она не поѣхала.

Всѣ трое мужчинъ разсмѣялись.

Генералъ поглядѣлъ въ тотъ уголъ, откуда виденъ былъ профиль Иды.

— Dites donc!—и онъ кивнулъ головой Нинѣ:—c'est une amie à vous... mademoiselle Radine? — Онъ протянулъ слово „mademoiselle" и наморщилъ бровь, подъ которой торчалъ его монокль.

— Mon amie?—переспросила Нина.—Non pas!

— Она нынче, кажется, въ добрыя дѣла ударилась?

Губернаторъ переглянулся съ генераломъ.

— Une pêcheresse sur le retour,—началъ генералъ.

— Messieurs!—перебила Нина и перевела своими роскошными плечами.—Vous devenez infectes de méchanceté!

— Hein? Infectes?—повторилъ генералъ и злобно-весело воззрился въ нее.

Она готова была бы оборвать любого изъ нихъ еще болѣе рѣзкимъ словомъ. Ихъ ухаживаніе отзывалось для нея чѣмъ-то слишкомъ безцеремоннымъ. И только сегодня ей становилось ясно, что въ этомъ обществѣ, откуда она родомъ, какъ княжна Зарайская, къ ней относятся не такъ, какъ бы она желала. У себя она этого не замѣчала; а въ двухъ-трехъ стародворянскихъ гостиныхъ, куда она являлась съ визитомъ—не хотѣла замѣтить.

Сегодня это сквозило: и въ фамильярной ласкѣ старухи Кòзлишевой, и въ льстивыхъ банальностяхъ ея дочери, и въ особенности—въ жаргонѣ вотъ этихъ трехъ „сатировъ", какъ она мыс-

ленно прозвала ихъ. Она уже не Зарайская, а купчиха Кумачева. Сейчасъ этотъ заѣзжій губернаторъ назвалъ ее „хорошенькая барынька". И этотъ злой развратникъ Кишкетовъ говоритъ съ ней—точно она актриса или того похуже. Потому, должно быть, баронъ Гольцъ и не поддается ей. Даже ея пріятель Эсауловъ, снисходительно улыбаясь, перекинулся съ нею нѣсколькими ироническими фразами, присѣлъ къ „интересной" дамѣ, и у нихъ идетъ оживленный разговоръ; обрывки его долетаютъ до нея и раздражаютъ.

Эту „интересную" даму—Лили Бахтурину—она знавала въ дѣвицахъ и считала всегда ужасной „poseuse" и „краснобайкой", всегда съ какимъ-нибудь новымъ увлеченіемъ: то спиритизмомъ, то гипнотизмомъ, то еще чѣмъ-нибудь. И теперь она тоже носится съ какой-то новой религіей, вывезенной изъ Индіи.

Ея звонкая рѣчь, то по-французски, то по-англійски, съ вставкою русскихъ фразъ, сыплется какъ горохъ. Болѣе сухой и глухой голосъ Эсаулова, съ его короткимъ смѣхомъ, идетъ въ перемежку.

Въ сущности, Нинѣ нѣтъ никакого дѣла до того — о чемъ они говорятъ; но ее задѣваютъ почтительные фасоны Эсаулова съ Лили Бахтуриной. Не одну „интересную" женщину онъ въ ней отличаетъ, а жену родовитаго, настоящаго барина, съ большимъ родствомъ, сдѣлавшую „un beau mariage", послѣ того, какъ она выѣзжала не меньше десяти лѣтъ на послѣднія крохи.

— Je le sens!—долетаетъ до нея голосъ Лили.—Mon âme a déjà habité un autre corps.

Эсауловъ что-то возразилъ. Лили не унималась и перешла на англійскій языкъ, засыпала какими-то мудреными словами.

И Эсауловъ обрадовался—ему бы только показать свое языкознаніе — пустился въ англійскій разговоръ, щеголяя произношеніемъ. Лили не сдавалась, перебивала его и трещала нестерпимо. Ежесекундно выпаливала она: „I say", точно она играетъ въ крокетъ, или кричитъ съ одного конца „Lawntennis'a" на другой.

Все это Нина находила „отвратительной" претензіей, и готова была послать сказать своему „другу", чтобы онъ закрылъ клапанъ и пересталъ форсить англійскимъ акцентомъ.

Наконецъ-то въ дверяхъ залы встала высокая фигура съ худыми ногами и каска блеснула въ рукахъ Гольца. Имъ овладѣла Смоквина.

Нина выпрямилась и вся себя подтянула. Она боялась, какъ бы внезапная краснота не выдала ее. Подъ корсетомъ она по-

чувствовала ускоренное біеніе, и ладони, подъ перчатками, стали вдругъ влажны.

— Это кто?—спросилъ въ носъ и нараспѣвъ графъ Дулинъ.

— Не знаю,—небрежно отозвался губернаторъ.

— Баронъ Гольцъ,—назвалъ Кишкетовъ.

Смоквина повела его черезъ всю гостиную въ угловую, гдѣ скучились „дѣвчонки“ — Нина иначе не называла дѣвицъ, съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ. И Гольцъ шагаетъ, точно аршинъ проглотилъ—и не смотритъ совсѣмъ въ ея сторону.

Ей—до боли—захотѣлось сказать одному изъ троихъ „сатировъ“: „Подведите ко мнѣ барона Гольца“.

Но зеленый глазъ генерала, смотрѣвшій изъ-за монокля, удержалъ ее.

Вотъ Смоквина съ барономъ по срединѣ гостиной—въ трехъ шагахъ. Онъ наклонился—Смоквина что-то ему сказала—увидалъ ее, остановился и отдалъ ей военный поклонъ. При этомъ онъ усмѣхнулся, и эта усмѣшка кольнула Нину.

Точно онъ хотѣлъ своей миной сказать:

„Сиди, голубушка, со старьёмъ. Я передъ тобой прыгать не намѣренъ“.

Она поклонилась ему горделиво—легкимъ движеніемъ головы.

— А! Генералъ!—воскликнулъ губернаторъ.—Каковъ у нашей красавицы поклонъ? Царица!

— Молчите, пожалуйста, Баевъ!—вырвалось у Нины.

Она готова была ударить его вѣеромъ по лицу—такъ его тонъ сдѣлался для нея невыносимъ.

А глаза ея—противъ воли—потянули за длинной и стройной фигурой офицера, въ короткомъ вицъ-мундирѣ, съ золотой каской въ рукѣ. Смоквина вела его къ дѣвицамъ.

Оставаться на мѣстѣ Нинѣ было тяжко. Она встала и, не извиняясь передъ своими кавалерами, замѣтила имъ на ходу:

— Съ вами скучно, господа. Вы слишкомъ сладки.

Она быстро пересѣкла гостиную и подошла къ Идѣ, а та сидѣла все въ той же позѣ, съ полу-закрытыми глазами.

Нина окликнула ее:

— Vous dormez?

— Presque,—отвѣтила Ида невозмутимо.

— Quelle soirée assomante! Marchons!

Ей надо было съ кѣмъ-нибудь пройти по гостиной, чтобы незамѣтно проникнуть въ угловую.

— Et ma chère tante?—спросила она.

— La voici,—указала Ида.

Акридина сидѣла съ Боярцевымъ въ сторонѣ и что-то, въ эту минуту, горячо говорила ему, сдерживая звукъ голоса.

„Даже тетенька обработываетъ свой предметъ",—съ задорнымъ юморомъ подумала Нина, медленно двигаясь, подъ-руку съ Идой.

Въ другое время она ни за что бы не пошла съ ней подъ-руку, какъ пріятельница. Но ей точно нужно было это прикрытіе.

Угловая, освѣщенная фонарикомъ и двумя лампами на штативахъ, занята была, сбоку у дверей, группой дѣвицъ въ свѣтлыхъ платьяхъ. Гольцъ сѣлъ между ними.

Однимъ взглядомъ окинула Нина эту группу: узнала двухъ сестеръ—внучекъ старухи, извѣстныхъ подъ прозвищемъ *Модъ* и *Мэджъ*. Модъ была ниже ростомъ, блондинка, съ вздернутымъ носикомъ и англійской повадкой, со стрѣлой въ круто задранномъ пучкѣ волосъ. Мэджъ—темнорусая, съ плоскимъ бюстомъ, очень высокая. Обѣ, взапуски болтая, безпрестанно двигались на стульяхъ и дѣлали много широкихъ жестовъ. Ихъ красивенькія лица то-и-дѣло мѣняли выраженіе.

И еще двухъ барышенъ Нина могла назвать по фамиліямъ, но никогда съ ними не разговаривала. Одна была графиня Тырхова; другая, кажется, Сомова.

Всѣ четыре дѣвицы считались съ приданымъ. Старшей изъ внучекъ старухи тетка—старая дѣва—оставляла, кромѣ того, свое имѣніе.

„Офицеръ прицѣнивается",—выговорила, про себя, Нина и беззвучно разсмѣялась.

И быстро перешла она къ тому времени, когда сама была въ дѣвицахъ. Не проживи состоянія ея отецъ—какую бы партію представляла она изъ себя для всякаго гвардейца!

Внутри у ней закипало отъ обиды и желанія сейчасъ же проучить этого профессіональнаго красавца—„professional beau", —перевела она почему-то по-англійски,—а въ головѣ вертѣлась все одна и та же мысль: баронесса Гольцъ, рожденная княжна Зарайская, чувствовала бы себя иначе. Она бы и не знала о существованіи міра разночинцевъ, гдѣ такія ужасныя фамиліи, какъ Кумачевъ, играютъ роль.

XX.

У дверей въ угловую Нина сѣла съ Идой, и у ней даже вырвалось слово:—Ecoutons!

Кружокъ дѣвицъ, съ барономъ по рединѣ, оживленно бол-

талъ. Мэджъ очень бойко, въ лицахъ, разсказывала, какъ она, съ своими кузенами, ѣздила „въ отъѣзжее поле". Охотничьи слова такъ и сыпались у ней.

— Будто живого волка брали?—спросилъ ее Гольцъ и поглядѣлъ на нее взглядомъ опытнаго офицера, передъ которымъ корнетъ хвастаетъ въ манежѣ.

— Матерого—понятно—не брала!

„Матерого",—повторила, про себя, Нина:—вотъ онѣ какія!—и, наклонившись къ Идѣ, она полугромко сказала:

— Elles sont infectes, ces demoiselles chasseresses!

Гольцъ продолжалъ сидѣть къ ней спиной и, кажется, не догадывался даже, что она тутъ, въ двухъ шагахъ, около двери.

Ида взглядывала на нее сбоку, и чувство жалости опять закралось въ нее, хотя она и не считала Нину способной на такое увлеченіе, гдѣ нѣтъ ничего для тщеславія. Кто знаетъ, и она можетъ пойматься все на томъ же вѣчномъ женскомъ недугѣ—на притягательной силѣ мужчины.

Болтовня дѣвицъ все возростала. Теперь уже разговоръ перешелъ на живопись, на мастерскія, на натурщиковъ и натурщицъ.

Модъ училась живописи въ Италіи и ходила въ натурный классъ. Она разсказывала про забавные случаи въ мастерской.

— Какъ же,—перебилъ ее баронъ и пододвинулся къ ней.—И мужчины у васъ были?

— Еще бы!

— То-есть, какъ же это... въ натурѣ? Какъ есть?

Всѣ дѣвицы фыркнули.

— Еще бы!

— Мое почтеніе!

Онъ даже мотнулъ головой и щелкнулъ языкомъ.

— Ils ont la culotte!..—добавила Модъ дѣловымъ тономъ.

— То-то!—наставительно выговорилъ Гольцъ.

Нина жадно прислушивалась.

— Hein? Comment trouvez-vous ces vierges-là?—спросила довольно громко Нина.

Ида только усмѣхнулась.

— Les torses d'hommes n'ont plus de secrets pour elles!

И она сквозь зубы разсмѣялась.

Потомъ пошли разныя словечки жаргона, и хохотъ дѣвицъ возросталъ.

Говорили про какую-то даму—можетъ быть, про нее, про ея туалеты, волосы, бюстъ—и кто-то изъ дѣвицъ крикнулъ:

— Фа, фа! Трру!

Гольцъ разсмѣялся и спросилъ:

— Откуда у васъ это?

— Отъ брата!—отвѣтила дѣвица.

Модъ и Мэджъ еще разъ съ особымъ выраженіемъ вскрикнули:

— *Фа, фа! Трру!*

Нина переглянулась съ Идой и выговорила:

— Sont-elles assez ignobles!

Но она желала бы очутиться въ кружкѣ ихъ, овладѣть разговоромъ, смѣяться и болтать, употреблять слова этого офицерско-дѣвичьяго языка.

О чемъ-то заспорили, и вдругъ Модъ, или сестра ея Мэджъ, пустила стремительно:

— И—никакихъ!

Она хотѣла этимъ непонятнымъ, безсмысленнымъ словечкомъ отличиться передъ Гольцемъ.

Онъ захлопалъ въ ладоши, и всѣ были въ восхищеніи. Они отлично понимали, что̀ это значитъ.

„Господи!—воскликнула, про себя, Нина:—что же это такое?"

— „И—никакихъ"!—повторяла она, беззвучно переводя губами и стараясь запомнить таинственный терминъ.

Въ кружкѣ дѣвицъ перешли къ оцѣнкѣ какого-то сумскаго драгуна или заѣзжаго гусара.

Модъ, особенно сильная по части офицерскаго жаргона, выговорила, сдѣлавъ забавную мину ртомъ:

— Выправка есть; но у него *энъ ума.*

— И это знаете? Ха, ха!

Гольцъ былъ въ восхищеніи. Теперь четыре дѣвицы совсѣмъ окружили его, и изъ-за ихъ причесокъ и плечъ видна была только его коротко остриженная аккуратная голова нѣмецкаго склада.

Нина старалась понять, что̀ значитъ „*энъ*—ума"... Вѣроятно, студентъ или юнкеръ изъ алгебры вынесъ этотъ „энъ", и вмѣсто „онъ—глуповатъ" начали говорить: „у него—энъ ума".

И красивый „бѣлофуражникъ", котораго она не смогла сразу объѣздить, совершенно въ своей стихіи, болтая съ дѣвчонками, искусившимися во всемъ, что̀ только можетъ сдѣлать ихъ тонъ пріятнымъ для жениховъ.

Ей стало дѣлаться больно за себя. Смѣшно сидитъ она тутъ, точно всѣми забыта. Никогда она еще не вела себя такъ въ обществѣ. У нея недоставало даже духа завести нарочно разговоръ съ Идой и притвориться, что ей особенно пріятно съ ней разговаривать.

Изъ кружка дѣвицъ смѣхъ раскатами врывался въ уши Нины.

Разсказывала теперь третья дѣвица—графиня Тырхова, небольшого роста, пухлая брюнетка, съ высокой грудью молодой женщины и дѣтскими глазами. Она въ Петербургѣ побывала на поварскихъ курсахъ и взяла дипломъ.

— И школилъ васъ поваръ порядкомъ? — донесся до Нины вопросъ Гольца.

— Какъ еще! Пришлось разъ дѣлать глазурь для пирожнаго. Сахаръ кипитъ въ кастрюлѣ... Поваръ кричитъ намъ: „ну-ка, барышни, суньте большой палецъ; коли глазурь сейчасъ обсохнетъ корочкой—тогда ладно!" А сахаръ-то горячій, какъ кипятокъ!

— Молодецъ!—одобрилъ Гольцъ.

Остальныя дѣвицы прыснули.

— „Суньте, кричитъ! Здѣсь дѣло надо дѣлать, а не кочевряжиться!"

— Кочевряжиться!—подхватили остальныя.

— И сунули?—спросилъ серьезно Гольцъ.

— И стали опускать... Только я говорю: „надо бы хоть руки-то вымыть"... А онъ ужасная свинушка, и рукъ никогда не мылъ. Онъ обидѣлся; но пошелъ — вымылъ. Только потомъ отомстилъ мнѣ. Мы готовили по очереди. Я ждала и сидѣла. Поваръ подходитъ: „что вы сидите, прохлаждаетесь"... „Не моя очередь"... „Нечего, нечего! Этакія здоровыя руки нагуляли". Взялъ да и ущипнулъ меня около локтя. „Извольте морковь чистить".

— И ты пошла? — спросила Модъ.

— Пошла.

— А то какъ же? — одобрилъ Гольцъ. — А мы чѣмъ хуже васъ? Я былъ—рядовой. И вахмистръ Чупренко, какъ подопьетъ, бывало, кричитъ мнѣ на всю казарму: „Ты хоть тамъ и баронъ, а изволь-ка на конюшню отправляться—лошадей чистить!"... И сколько васъ было?—основательно освѣдомился Гольцъ.

— Семнадцать въ нашемъ выпускѣ. Мы снялись группой въ курткахъ и беретахъ. Были всякія... одна княжна. И нѣмецкая баронесса была,—курсистки, изъ института, всякія. Три простыхъ... Тѣ намъ сейчасъ сказали: „мы хотимъ въ кухарки". Очень милыя, мы ихъ любили.

— Навѣрно, толковѣе васъ?

— Одна — да, Даша. И хорошенькая! Очень способная! А другія двѣ—изъ чухонокъ. Тѣ были плохи!

— Будто вы умѣете все готовить?

— Все, что было въ программѣ. И экзаменъ сдавали по

нумерамъ. У насъ не вызывали: Тырхова; а нумеръ третій—телятина подъ бешемелью!

Тутъ взрывъ хохота дошелъ до припадка. Когда онъ улегся, графиня Тырхова докончила свой разсказъ.

— Экзаменовали насъ всего строже изъ мясовѣденія.

— Какъ? Какъ?—подхватили Модъ и Меджъ.

— Мясовѣденія. Такъ называлось въ нашихъ лекціяхъ. Я получила только четверку.

Нина переглянулась съ Идой не въ первый разъ. Онѣ — каждая по своему—думали объ одномъ и томъ же: какъ нынѣшнія дѣвицы лѣзутъ изъ кожи, чему-чему не учатся, даже и въ томъ обществѣ, гдѣ не въ почетѣ курсы и ученость, ведущая къ нигилизму. Брать самой волка, рисовать съ голыхъ мужчинъ, проходить выучку кухарки—и все это затѣмъ, чтобы было больше шансовъ изловить кого-нибудь.

„Бѣдняжки! — говорила, про себя, Ида.—Хорошо, если вы найдете въ такихъ талантахъ утѣшеніе, когда познаете, что̀ такое страсть и мужчина заставитъ васъ сдѣлаться его рабой!"

Другое чувство саднило въ груди Нины. И она была, когда-то, дѣвица съ талантами: знала языки, рисовала по фарфору, пѣла. Но эти дѣвчонки — новѣе ея. Онѣ скачутъ за волкомъ, онѣ не боятся голыхъ натурщиковъ, онѣ умѣютъ готовить по ученому и сдаютъ экзамены изъ „мясовѣденія", онѣ точно изъ одного класса и одной казармы съ своими женихами — штатскими и военными. Съ ними теперешней молодежи веселѣе и удобнѣе.

Четвертая дѣвица казалась „ничевушкой", и Нина мягче поглядѣла на нее.

— Вы знаете,—обратилась Модъ къ Гольцу, не называя его „баронъ":—Маня у насъ играла въ прошломъ году по-гречески.

И она положила руку на плечо „ничевушки".

Та—бѣлокурая и не рѣчистая, умѣющая только смѣяться — кивнула головой.

— Быть не можетъ!—изумился Гольцъ.

— Понятно, она — фишерка!.. Въ чемъ ты играла, Маня? Какъ бишь заглавіе?

— По-русски — „Умоляющія".

— Понимаете,—пояснила Модъ:—троянки послѣ взятія Трои. Какъ эта главная?

— Гекуба, — скромно проговорила „ничевушка".

„Ну да, ну да!—вскипѣла Нина.—Онѣ и по-гречески знаютъ".

Она чуть-чуть не расхохоталась.

Оставаться тутъ дольше было невыносимо и нелѣпо.

Шумно подошла къ угловой дочь хозяйки и объявила, что въ залѣ будутъ танцы. Она поручила Гольцу дирижировать, отчего онъ хотѣлъ-было отговориться. Увидавъ Нину, Смоквина всплеснула руками.

— Вы, красавица, стали невидимкой. Я васъ ищу, ищу... Баронъ, дайте руку нашей звѣздѣ!

Гольцъ тутъ только подошелъ къ Нинѣ и самымъ простымъ тономъ сказалъ:

— Здравствуйте! Я васъ и не видалъ совсѣмъ.

И повелъ ее черезъ гостиную.

— Вы были въ восхищеніи отъ этихъ дѣвчонокъ?—спросила она.

— Смѣшныя!

— И говорятъ вашимъ жаргономъ. Чтò такое значитъ, скажите мнѣ Бога-ради: „*И—никакихъ*“?

Онъ, не смущаясь, сталъ ей объяснять значеніе этого возгласа кавалерійской команды, лѣниво ведя ее въ залу.

Ида поднялась вслѣдъ за ними, довольная тѣмъ, что ушла отъ приставаній Смоквиной.

На нее налетѣла Акридина, сидѣвшая все время съ Боярцевымъ въ томъ же углу—блѣдная, съ измѣнившимся лицомъ.

— Милая! Мы ѣдемъ! За нимъ прислали изъ дому. Матери хуже. Я настояла, чтобы онъ позволилъ мнѣ помочь ему и провести ночь у больной.

— Онъ согласился?—спросила Ида.

— Да! Я такъ счастлива.

Елена схватила ея руку и сильно пожала.

— Онъ уѣхалъ?

— Я предложила ему ѣхать съ нами. Но онъ полетѣлъ. Мы—за нимъ. Идемъ... Только чтобы старуха насъ не остановила. Ты меня завезешь. Идемъ, идемъ!

Она стремительно взяла ее подъ-руку и потащила.

XXI.

Было не больше половины перваго, когда карета, на восьми рессорахъ, подвезла Нину къ дому.

Она уѣхала послѣ вальса и одной кадрили.

Оставаться дольше на этомъ тошномъ вечерѣ она не могла.

Гольцъ протанцовалъ съ ней кругъ вальса и потомъ пошелъ добросовѣстно „поднимать“ всѣхъ этихъ невозможныхъ дѣвчо-

ковъ, берущихъ волка за уши, сующихъ палецъ въ горячую сахарную глазурь, играющихъ по-гречески какихъ-то тамъ трояновъ и пишущихъ съ итальянскихъ натурщиковъ, у которыхъ одна только „culotte". Она приготовила къ кадрили нѣсколько самыхъ язвительныхъ фразъ—это было бы еще глупѣе!—но на кадриль Гольцъ пригласилъ старшую внучку старухи. Какъ же иначе могъ поступить такой аккуратный полунѣмецъ?

Единственное, что она получила отъ него—это подробное объясненіе нелѣпаго возгласа:

— „И никакихъ!"

Дѣвицы и ихъ кавалеры употребляютъ его тогда, когда надо сказать:

„Нечего тутъ разговаривать, это такъ, или это превосходно".

Пошло это съ ученій, когда взводу или эскадрону офицеръ кричитъ:

— „Смирно—и никакихъ движеній!"

Вотъ и она должна бы себѣ приказать, какъ взводу гусаръ или конногвардейцевъ:

— *И—никакихъ*!

Она надѣлала на этомъ вечерѣ слишкомъ много всякихъ „движеній". Ужъ лучше бы она скромненько попросила объясненія и другого нелѣпаго возгласа:

„*Фа, фа! Тpру!*"

Должно быть, безъ такихъ казарменно-охотницкихъ словечекъ она не заставитъ Гольца поддаться.

Никогда не презирала она себя такъ, какъ теперь, возвращаясь отъ Кѳзлишевой. И тотъ уколъ, который она испытала своему дворянскому чувству тамъ, на вечерѣ—только еще сильнѣе засаднилъ, когда она уѣзжала оттуда. Никто и не обратилъ вниманія на ея ранній уходъ изъ залы. Даже сладкая вдова Смоквина какъ бы забыла о ея существованіи.

— Захаръ Лукьяновичъ вернулся?—спросила Нина швейцара, пока выѣздной снималъ съ ея плечъ шубу съ цвѣтнымъ тибетскимъ мѣхомъ.

— Никакъ нѣтъ!

— А князь?

— Князь только-что пріѣхали.

— Онъ у себя?

— У себя-съ.

Ей захотѣлось зайти къ дядѣ—потребность въ чемъ-то излиться, о чемъ-то поговорить со свѣжимъ человѣкомъ—именно вотъ съ

Князь грузно всталъ и заходилъ по ковру.

— Ничтожество! Блажь! Вотъ что̀ обозначаетъ!.. Une créature misérable dans tous les sens!..

Слова выходили изъ властнаго и сочнаго рта Нины съ злобнымъ усиліемъ.

Она клеймила, въ лицѣ своемъ, женщину, оттого, что все ея существо, въ ту минуту, безповоротно болѣло отъ сознанія, что она уже не племянница вотъ этого Рюриковича, князя Жеребьева-Зарайскаго,—а разночинка, жена фабриканта „пунцоваго" товара, которая должна быть благодарна за то, что ее принимаютъ въ старо-дворянскомъ обществѣ за милліоны ея мужа. Нужды нѣтъ, что этотъ старикъ—чудаковатъ, считается полоумнымъ, почти нищій, по доброй волѣ. Но куда онъ ни приди, въ какую угодно гостиную, онъ—„князь Иларіонъ"; свою породу онъ такъ презрѣнно не продавалъ, какъ продала она.

И ея „Закки"—совсѣмъ чужой для нея человѣкъ, хоть и отецъ ея дѣтей. Онъ просто „Захаръ Лукьяновичъ"—„ваше степенство"...

— Нѣтъ! Не говори этого!—вскричалъ князь и остановился по срединѣ комнаты.—Женщина преобразуетъ собою двѣ идеи: красоту и свободу. Этого и держись! Богъ одѣлилъ тебя благообразіемъ. Это—великій даръ, источникъ радости для всего сущаго, тотъ свѣточъ, безъ котораго мужчина никогда бы не позналъ божественной истины въ формѣ прекраснаго. И свобода женщины—также безусловна. Она—царица!

— Царица!..—повторила Нина и нервно расхохоталась.

— Да, царица. Ея „амплитуды", ея области воздѣйствія никто не можетъ ограничить. Только бы она сама не гналась за воображаемымъ равенствомъ, не уродовала бы себя, взваливая на свои плечи мужскую, низменную, разсудочную работу. Но въ тебѣ, дитя мое, я ничего подобнаго не вижу. Ты царишь въ домѣ, радуешь сердце твоего мужа, въ духѣ свободы и красоты—исконныхъ аттрибутовъ женщины.

— Ce n'est pas du tout gai, mon oncle!—рѣзко перебила его Нина и выпрямилась въ креслѣ.—Je ne suis qu'une déclassée! Voilà.

— Declassée! Pourquoi?

— Ахъ, Боже мой!—вскрикнула она, нервно и безцеремонно.—Вы не хотите понять. Я польстилась на милліоны его степенства Захара Лукьяновича Кумачева, и теперь я—жена купчишки, лѣзущаго въ дворяне.

— Fi donc! mon enfant! Къ чему такое низменное, жалкое...

— Ахъ, оставьте!

Нина опустила голову въ полуобнаженныя руки и сразу зарыдала. Слезы закапали на ея затканное серебромъ платье, и плечи поводило отъ порывистыхъ подергиваній.

— Полно, полно!

Князь растерялся и заходилъ около нея, не зная, что̀ ему дѣлать.

— Ну, полно же, Нина! Встряхни себя. Это нервы... Душныя залы! Глупые разговоры!

Сдерживая рыданія, Нина старалась найти платокъ, запрятанный сзади тугой юбки, и дрожащими губами выговорила съ трудомъ:

— Разговоры!.. Ха, ха! Разговоры! Чудесные! У господъ гвардейцевъ! Фа, фа! Трру! И никакихъ! Никакихъ!

Слово „никакихъ" перешло опять въ рыданія, прерываемыя смѣхомъ.

— Я позову твою камеристку. Встряхни себя.

Князь вышелъ изъ комнаты возбужденнымъ шагомъ молодого человѣка. Его племянница прикладывала платокъ ко рту, силясь преодолѣть приступъ истерики.

Припадокъ былъ въ ея жизни счетомъ—первый. Еще этого недоставало: превратиться въ истеричку. Изъ-за чего? Изъ-за того ли, что она „купчиха", или изъ-за того, что какой-то „бѣлофуражникъ" не желаетъ признать ее достойной быть его любовницей?

XXII.

У Ко̀злишевой танцы шли тихо.

Баронъ Гольцъ взялъ на себя, не безъ оговорокъ, быть распорядителемъ; но котильонъ не клеился. Онъ сократилъ его насколько возможно.

Ужинали во второмъ часу, очень скудно. Онъ сидѣлъ между Модъ и Мэджъ, и ему было бы весело, еслибъ не предстояло— прямо съ вечера—ѣхать къ Липѣ.

Когда онъ—у себя въ отелѣ—уже совсѣмъ одѣтый поправлялъ шпагу, ему подали депешу отъ Липы.

„Умоляю пріѣхать сегодня, въ какомъ бы то ни было часу".

Эта депеша не обѣщала ему ничего добраго. Опять какая-нибудь исторія.

Она была съ отвѣтомъ. Онъ написалъ: „Буду послѣ вечера у Ко̀злишевой; поздно".

Въ исходѣ третьяго часа подъѣхалъ онъ къ „Дворянскому гнѣзду“. Ему было непріятно будить своимъ звонкомъ швейцара, врываться поздно ночью, какъ непорядочный человѣкъ, выставлять на показъ свою связь съ „актеркой“.

Но онъ обѣщалъ пріѣхать—и надо исполнить свое слово.

Очень долго звонилъ онъ. Заспанный дневальный, съ пиджакомъ въ накидку, отворилъ наружную дверь.

Ему сдѣлалось просто стыдно проходить мимо этого „хама“.

На цыпочкахъ, чтобы его шпоры не звенѣли по коридору—прокрался онъ къ двери и тихонько постучалъ.

Липа сама отворила со свѣчей въ рукѣ.

Видно было, что она такъ и не ложилась и не перемѣняла платья, надѣтаго передъ обѣдомъ.

Молча повѣсилъ Гольцъ свою шинель и аккуратно снялъ калоши.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ, садясь на диванъ.

Онъ ее не поцѣловалъ и даже не пожалъ ей руки.

Глаза ея были заплаканы, щеки блѣдны, прическа не въ порядкѣ; крылья ноздрей вздрагивали.

Не присаживаясь къ нему, Липа сдѣлала нѣсколько короткихъ шаговъ поперекъ комнаты и глухо вскрикнула:

— Ты долженъ, наконецъ, вступиться за меня!

— Что такое? — медленно и немного въ носъ спросилъ Гольцъ.

— Если меня всякій презрѣнный пасквилянтъ можетъ такъ безнаказанно позорить, то я покончу съ собою! Слышите! Вотъ полюбуйтесь, баронъ, извольте прочесть!

Липа схватила съ письменнаго столика давно уже скомканный листокъ газеты и бросила его на круглый столъ передъ диваномъ, гдѣ сѣлъ Гольцъ.

Онъ, не беря листка въ руку, только поглядѣлъ на нее вкось.

— Опять... газетчики... Стоило вызывать меня въ такой часъ!

— По-вашему, не стоило? Извольте, извольте прочесть сами... Я требую.

Дрожащими пальцами развернула она скомканный листокъ и сунула ему въ руки.

Ея горячее дыханіе коснулось его волосъ. Онъ только повелъ плечами.

— Тутъ и вамъ наложили столько же, сколько и госпожѣ Днѣпровской. Вся Москва узнала! Можете быть благонадежны.

Какъ ему все это надоѣло! И зачѣмъ только бабьё „лѣзетъ" къ нему? Нѣтъ у нихъ ни въ чемъ мѣры, ни чувства чести, не могутъ онѣ вò-время понять, когда надо оставить человѣка въ покоѣ, ничего не знаютъ, кромѣ своего задора и тщеславія.

Почти съ отвращеніемъ наклонилъ онъ голову и началъ пробѣгать столбецъ, обведенный краснымъ карандашемъ.

Понять было не трудно. Театральная фамилія Липы обозначена прописной буквой Д.; Гольцъ прямо названъ „барономъ" и „кавалеристомъ". И хроникеръ-юмористъ—все тотъ же, который уже задѣвалъ Липу—передавалъ слухъ, что баронъ, пріѣхавшій жениться на милліонщицѣ—въ видѣ отступного своей содержанкѣ—„отвалилъ кушъ" дирекціи театра, гдѣ она уже жестоко „провалилась" на первомъ дебютѣ, и ей даютъ теперь выступить въ той роли, которой она добивалась первоначально.

Замѣтка эта кончалась воззваніемъ къ публикѣ, которая не дастъ себя „провести", и возмущеннымъ возгласомъ: „пора покончить со всей этой закулисной грязью, вносимой въ искусство жрицами, принадлежащими больше къ явной торговлѣ своими прелестями".

Протянулась цѣлая минута послѣ того, какъ Гольцъ, прочтя столбецъ, отстранилъ отъ себя газетный листокъ брезгливымъ движеніемъ руки.

— Этого мало?—спросила Липа, строго, безъ слезъ въ голосѣ, и, стоя по другую сторону стола, она глядѣла на Гольца въ упоръ.

— Чтò же тутъ новаго?.. Это опять тоже свинство!—отвѣтилъ онъ и рукой полѣзъ въ рейтузы за папиросницей.

Такой его жестъ точно бросилъ искру въ то, чтò у ней тлѣло въ груди. Она схватила его за обшлагъ, начала трясти и, дрожа всѣмъ тѣломъ, заговорила:

— Да вы развѣ не понимаете, господинъ баронъ, что я тутъ приравнена къ проституткѣ? А вы являетесь милашкой-женихомъ, торгующимъ собою, который бросаетъ мнѣ передъ свадьбой отступного въ видѣ подкупа дирекціи? Вы этого не понимаете, значитъ?

— Понимаю! Но плюю.

— Плюешь, когда самъ оплеванъ!

— Прошу безъ этихъ рѣзкостей!.. Я запрещаю вамъ говорить со мною въ такомъ тонѣ.

Въ голосѣ его заслышались ноты, ей еще неизвѣстныя; онъ разсердился и сталъ кусать губы.

Липа сѣла къ нему, но не касалась его ни плечомъ, ни рукой.

— Что же это?—глухо и почти растерянно выговорила она.—Выходить, стало быть, что я для васъ дѣйствительно тѣ, о чемъ этотъ мерзавецъ Спондѣевъ докладываетъ публикѣ. Вы оставите безъ послѣдствій такое оскорбленіе женщинѣ, которую вы не имѣете права уважать меньше, чѣмъ себя? Вѣдь и вы не праведникъ! И у васъ было прошедшее съ женщинами. Развѣ я продавала себя? Развѣ я васъ подсылала со взяткой къ директору?

— Вы желали вмѣшать меня въ ваши интриги. Дебютировать, во что бы то ни стало, когда у васъ нѣтъ настоящаго таланта... Дѣйствовать черезъ меня!

— Вы лжете!—глухо перебила Липа.—Если вамъ не хотѣлось сдѣлать для меня то, чтѣ сдѣлалъ бы первый попавшійся добрый знакомый, и не надо! Но вѣдь тутъ позорящая, гнусная клевета. Господи!.. Да всякій мальчишка—кадетъ, юнкеръ—полетѣлъ бы въ редакцію и обрубилъ бы уши этому нахалу, избилъ бы его до полусмерти... только чтобы угодить какой-нибудь дѣвчонкѣ, которая мизинца моего не стоитъ! А тутъ вѣдь и васъ топчутъ въ грязь!

— Я это игнорирую.

— Ха, ха! Игнорирую! Чего лучше! А васъ ударятъ въ публичномъ мѣстѣ?

— Это другое дѣло.

— Газета—тоже публичное мѣсто. Вся Москва знаетъ теперь—кто этотъ баронъ.

— Для общества, гдѣ я бываю, такіе листки не существуютъ.

— Какъ бы не такъ! И я—ваше общество. И ко мнѣ вы обязаны относиться—если въ васъ есть хоть капля порядочности—какъ относитесь къ вашимъ дамамъ и дѣвицамъ. Слышите?

— Я уже сказалъ вамъ, что такого тона не выношу, и уѣду сейчасъ.

— Ступайте!.. Съ трусомъ я не хочу марать себя.

— А-а!

Онъ схватилъ ее за руку и такъ сжалъ, что она заметалась на мѣстѣ.

Не выпуская ея руки и процѣживая слова сквозь зубы, онъ проговорилъ тихо, почти шопотомъ:

— Довольно! Вы сами себя до всего довели. И я не намѣренъ ни драться изъ-за васъ, ни бить этого газетчика. Не вамъ судить—трусъ я или нѣтъ. У меня были дуэли на десять шаговъ, и у меня рука не дрогнула, прошу васъ вѣрить этому. Прошу васъ также оставить меня въ покоѣ совсѣмъ! Я передъ

вами, послѣ такихъ выходокъ, ни въ чемъ не обязанъ. Ни въ чемъ! Будь на вашемъ мѣстѣ мужчина—онъ не вышелъ бы отсюда живой. Женщинъ не вызываютъ. Порядочный человѣкъ и не бьетъ ихъ. Довольно!

Онъ отпихнулъ отъ себя ея руку, быстро всталъ и прошелъ къ двери. Липа кинулась-было за нимъ. У нея позеленѣло въ глазахъ... Она способна была подбѣжать къ нему и—не помня себя—ударить его, начать душить. Обида—шедшая отъ человѣка, съ которымъ она жила, какъ честная женщина, полюбившая его искренно, затмевала собою все то, что̀ презрѣнный газетчикъ-пасквилянтъ кинулъ ей въ лицо на весь городъ.

Ноги у ней подкосились. Она безпомощно доплелась до постели и опустилась на нее.

— Подлый, подлый!.. беззвучно шептали ея запекшіяся губы.

И все тѣло трепетало. Въ головѣ мутилось. Не было силы даже подняться, ноги отбило и руки болтались, какъ плети.

— Заявляю вамъ,—долетѣли до нея слова Гольца отъ входной двери:—мы другъ друга больше не знаемъ. И вы это вполнѣ заслужили.

Дверь захлопнулась, издавъ знакомый ей мягкій звукъ. По коридору прогудѣли мужскіе шаги съ чуть слышнымъ призвякиваньемъ шпоръ; потомъ все замерло. Только на ея бюро бронзовые часы тикали часто и бойко.

Липа двинула руками, заложила ихъ за голову и потянулась. Встать и пройтись по комнатѣ она не смогла, упала на кровать и долго лежала, не раздѣваясь.

Слезъ не было. Въ груди не жгло. Въ глазахъ уже не пестрѣли цвѣтные круги. Въ головѣ вдругъ все прояснилось и она мысленно проговорила:

„Стало, изъ-за такихъ, какъ я—не только не дерутся на дуэли, но и не бьютъ палкой пасквилянтовъ?"

Фактъ былъ на-лицо. Баронъ не трусъ. Онъ, дѣйствительно, имѣлъ дуэли. На медвѣдя ходилъ онъ, у себя въ имѣніи, съ простой рогатиной. И здѣсь, еще недавно, убилъ нѣсколько штукъ, въ одинъ разъ.

Онъ не трусъ. Но онъ не пожелалъ, изъ-за нея, рукъ марать. Онъ, а не она. Изъ-за чего же, въ самомъ дѣлѣ, будетъ онъ впутываться въ грязную исторію, когда все это—и она первая—ниже его, какъ что-то нечистоплотное, пакостное?

„Ты, послѣ того, кто же? Липа Углова?"—продолжала она допрашивать самое себя.

„Содержанка! Хуже того! За любовницъ, которыя умѣютъ

ихъ держать въ рукахъ, мужчины дерутся дὸ-смерти, по малой мѣрѣ—бьютъ оскорбителя палкой. А за тебя не желаютъ!"

Изъ схватки съ барономъ, изъ всего потока рѣчей и возгласовъ, передъ ея умственнымъ вглядомъ выяснились ея собственныя слова:

„Я покончу съ собой!"

Чтὸ же это было? Пошлая выходка? Попугать хотѣла? И не удалось. Ей „прописали" отставку, бросили ее, какъ вещь, отъ которой нѣтъ ни услады, ни покоя, и она осталась валяться на кровати.

Жить послѣ того—гнусность! Дѣвчонки-гимназистки, изъ-за двойки въ алгебрѣ, покушаются на свою жизнь, а она, наглотавшись позору, будетъ опять обнажать себя въ какой-нибудь „Прекрасной Еленѣ"?!

Глаза ея стали рыскать кругомъ, точно ища того, чтὸ можетъ ей помочь покончить съ собою.

Револьверъ-бульдогъ дома есть, но онъ безъ патроновъ.

— Все равно,—вслухъ выговорила она:—не нынче—завтра.

И закрыла глаза, тихо переводя дыханіе.

П. Боборыкинъ.

КОНДОРСЭ

род. 1743 г. — ум. 1794 г.

Характеристика.

I.

Въ столѣтнюю годовщину смерти Кондорсэ, родоначальника теоріи „прогресса", Франція ставитъ ему памятникъ, котораго до сихъ поръ не имѣетъ ни Мирабо, ни Верньё и Бриссо, ни вожаки монтаньяровъ, за исключеніемъ одного только Дантона. Въ чемъ лежитъ причина такого пристрастія; какую особую притягательную силу имѣетъ въ себѣ эта личность; что̀ заставляетъ различныя партіи окружать ее одинаковымъ почетомъ? Въ Кондорсэ воплощаются одновременно и духъ великаго вѣка философіи, духъ энциклопедистовъ и физіократовъ, и политическія стремленія восторжествовавшихъ уже только въ наше время во Франціи республиканцевъ. Въ немъ—ученый математикъ, блестящій экономистъ и публицистъ сливаются съ однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ и основателей народовластія, съ дѣйствительнымъ виновникомъ проведенной конвентомъ реформы публичнаго образованія и провозглашенной тѣмъ же конвентомъ демократической конституціи 1793 года; наконецъ, съ творцомъ той новой науки, которая въ гораздо большей степени, чѣмъ построенія Вико, приближается къ современной намъ исторіи культуры и гражданственности. Онъ—ближе всѣхъ дѣятелей своего времени къ задачамъ и стремленіямъ французской демократіи. Какъ централистъ, какъ противникъ всякой попытки оживленія провинціаль-

ной автономіи, онъ выгодно выдѣляется въ глазахъ современныхъ французовъ изъ среды преслѣдуемыхъ за-одно съ нимъ жирондистовъ, съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ основаніемъ обвиняемыхъ въ федералистическихъ тенденціяхъ. Онъ не забрызганъ кровью сентябрьскихъ жертвъ; его имя не встрѣчается въ спискѣ ближайшихъ виновниковъ смерти Людовика XVI; но, съ другой стороны, оно стоитъ во главѣ тѣхъ немногихъ, которые еще въ эпоху учредительнаго собранія, вслѣдъ за бѣгствомъ въ Вареннъ, требовали установленія демократическаго народоправства подъ главенствомъ избираемаго совѣта,—во главѣ тѣхъ, кого не испугало кровавое подавленіе республиканской агитаціи, связанное съ памятью объ избіеніи мирныхъ петиціонеровъ, собравшихся на Марсовомъ полѣ.

Современные французы чтутъ въ Кондорсэ редактора первой республиканской газеты. Они чтутъ въ немъ самаго широкаго провозвѣстника принциповъ 93-го года, требующихъ, на ряду со свободой и равенствомъ всѣхъ предъ закономъ, равенства всѣхъ предъ школою и предъ нуждою, другими словами, признающихъ обязанность государства доставить всѣмъ возможность образованія и труда. Его соціальные запросы не идутъ далѣе, и то же можетъ быть сказано въ равной мѣрѣ о всѣхъ безъ исключенія дѣятеляхъ французской революціи, какъ и большинствѣ современныхъ вожаковъ республики. Онъ—сторонникъ частной собственности, противникъ всякихъ ограниченій въ свободѣ распоряженія ею, врагъ протекціонизма, врагъ закона о максимумѣ, врагъ прогрессивнаго налога. Какъ послѣдователь физіократовъ, онъ хочетъ, чтобы налогъ падалъ исключительно на чистую прибыль земельныхъ собственниковъ, на ихъ ренту, и, подобно своимъ учителямъ, не видитъ, что проведеніе этой мысли до крайнихъ ея предѣловъ, до обложенія всей ренты собственниковъ, повело бы къ экспропріаціи ихъ государствомъ, другими словами, къ національзаціи земель. Еще одной стороной своихъ общественныхъ и политическихъ симпатій Кондорсэ приближается къ самымъ передовымъ агитаторамъ нашего времени: онъ требуетъ для женщинъ гражданскаго и политическаго равноправія; онъ—предшественникъ Милля и первый, можетъ быть, провозвѣстникъ идеи женской эмансипаціи. Нужно ли говорить также, что его имя золотыми буквами занесено въ списокъ піонеровъ аболиціонизма, первыхъ противниковъ торга неграми. Принимая задолго до революціи ревностное участіе въ дѣятельности подготовившихъ ее масонскихъ ложъ, онъ въ средѣ ихъ впервые встрѣтился съ Бриссо̀ и въ тѣсномъ единеніи съ нимъ основалъ

„общество друзей черныхъ". Отвѣчая такимъ образомъ на всѣ запросы своего времени, онъ подготовилъ также тѣ рѣшенія, какія даны были—нашимъ. Тѣмъ же посредникомъ двухъ вѣковъ является онъ и въ области соціальной науки, впервые давая формулу человѣческому прогрессу.

Прибавимъ ко всему сказанному необыкновенное величіе характера, стойкость въ убѣжденіяхъ, неустрашимость въ опасности и тотъ вѣнецъ мученичества, который наложенъ на Кондорсэ его преждевременнымъ концомъ,—и легко будетъ понять, почему эта центральная, но не бьющая въ глаза фигура республиканскаго дѣятеля и мыслителя, временно затемненная болѣе громкою извѣстностью такихъ великихъ ораторовъ, какъ Мирабо или Верньё, и такихъ народныхъ трибуновъ, какъ Дантонъ, должна была найти рано или поздно заслуженную оцѣнку въ рядахъ французскихъ республиканцевъ и современныхъ соціологовъ, которымъ онъ одинаково проложилъ дорогу своей дѣятельностью.

Къ этимъ именно рядамъ и принадлежитъ его недавній біографъ. Сочиненіе доктора Робиннэ, сотрудника Лафита и одного изъ самыхъ горячихъ послѣдователей контизма, посвящено изображенію жизни Кондорсэ и оцѣнкѣ его сочиненій. Такъ значится, по крайней мѣрѣ, на заглавномъ листѣ. Въ дѣйствительности оно можетъ быть названо скорѣе сборникомъ выдержекъ изъ весьма цѣнныхъ и не всѣмъ доступныхъ источниковъ, рисующихъ отношенія Кондорсэ къ современникамъ и современниковъ къ Кондорсэ,—нежели полной и окончательной характеристикой этой личности. Оно послужитъ только пособіемъ при составленіи его будущей біографіи, пособіемъ несравненно болѣе цѣннымъ, чѣмъ та краткая замѣтка о его жизни, какая предпослана къ изданію его сочиненій г-жею Оконоръ и Франсуа Араго. Повидимому, мы далеко еще не владѣемъ всѣми матеріалами, необходимыми для полнаго выясненія его личности. Право думать это даетъ намъ недавнее обнародованіе такихъ документовъ, какъ неизвѣстная переписка Кондорсэ съ Тюрго. Ничто не мѣшаетъ предположенію, чтобы подобныя же изданія, иллюстрирующія отношенія историка прогресса къ другимъ выдающимся современникамъ, не дали намъ новыхъ свѣденій о тѣхъ вліяніяхъ, подъ которыми сложился этотъ столь оригинальный и въ то же время разнообразный характеръ. Сочиненія Кондорсэ, его письма и отрывокъ изъ личной апологіи являются пока главными источниками его біографіи.

Первый періодъ его дѣятельности посвященъ почти исключительно трудамъ математическимъ. Принадлежа по рожденію къ

высшему дворянству (отецъ его былъ маркизъ и служилъ капитаномъ въ полку „Barbançon Cavalerie"), Кондорсэ получилъ, подобно Вольтеру, начальное воспитаніе у іезуитовъ. Семнадцати лѣтъ онъ поступаетъ въ коллегію Навары въ Парижѣ и сразу принимается здѣсь за изученіе математики. Какъ большинству дворянскихъ дѣтей, ему открывалась возможность военной карьеры. Дядя епископъ (въ Лязьё), оплачивавшій дотолѣ всѣ издержки по его воспитанію, легко могъ бы сдѣлаться и для него тѣмъ же Провидѣніемъ, тѣмъ же поставщикомъ средствъ и протекцій, какимъ высшіе церковные сановники являлись для своей обѣднѣвшей аристократической родни. Но Кондорсэ самъ избралъ научную карьеру, весьма ясно выдѣляя ее въ то же время отъ всякой амальгамы съ богословскими и церковными интересами. Въ письмѣ къ Тюрго, относящемся къ 1762 году [1], будущій историкъ человѣческаго прогресса, имѣя 19 лѣтъ отъ рода, уже говоритъ о необходимости отложить въ сторону, при преслѣдованіи идей справедливости и добродѣтели, всякаго рода теологическія соображенія [2]). Три года спустя, онъ печатаетъ первый свой научный трудъ — „Опытъ интегральнаго исчисленія". Д'Аламберъ пишетъ объ этомъ трактатѣ: „онъ свидѣтельствуетъ о большомъ талантѣ", а Лагранжъ спѣшитъ отвѣтомъ: „ваши похвалы вполнѣ заслужены". Когда въ 1772 году сочиненіе это напечатано было въ мемуарахъ академіи наукъ, тотъ же Лагранжъ снабдилъ его своимъ введеніемъ; въ немъ мысли автора объявляются столь же широкими, сколько и плодотворными. Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшими научными успѣхами Кондорсэ и, отмѣтивъ его занятія теоріей вѣроятій, впослѣдствіи примѣненной имъ и къ рѣшенію нѣкоторыхъ проблемъ избирательнаго устройства; ограничимся заявленіемъ, что въ 1773 году пріобрѣтенная имъ извѣстность доставила ему постъ секретаря академіи наукъ. Въ этомъ званіи онъ въ теченіе семнадцати лѣтъ (съ 1773 по 1790) написалъ 61 характеристику разнообразнѣйшихъ по своей спеціальности ученыхъ, французскихъ и иностранныхъ, бывшихъ членами академіи или ея корреспондентами. Эти характеристики носили названіе похвальныхъ словъ, но онѣ скорѣе являлись безпристрастными оцѣнками, оправдывая обѣщаніе автора воздать мертвымъ тѣмъ же, что̀ дорого и живымъ, — истиной и справедливостью. Чтобы говорить съ одинаковымъ знаніемъ дѣла не только о математикахъ и астрономахъ, но и о физикахъ,

---

[1]) Въ городкѣ Рибемонъ, въ Пикардіи.
[2]) Robinnet, Vie de Condorcet, стр. 8.

зоологахъ, ботаникахъ, экономистахъ, Кондорсэ пришлось вникнуть въ глубь всѣхъ этихъ наукъ, пріобрѣсть въ полномъ смыслѣ слова энциклопедическія знанія. Біографіи Лопиталя и Трюдена, въ частности, потребовали отъ него знакомства съ тѣми спорами физіократовъ съ меркантилистами, начало которымъ положено было Буагильберомъ. Кондорсэ заинтересовался, впрочемъ, теоріями Кэне и Гурне еще въ министерство ихъ ученика и послѣдователя—Тюрго. Слѣдя съ живымъ интересомъ за проводимыми имъ реформами, раздѣляя его пристрастія и вражды, онъ то въ добавочныхъ томахъ энциклопедіи, то въ отдѣльныхъ брошюрахъ развивалъ идеи физіократовъ въ ихъ примѣненіи къ поставленнымъ временемъ вопросамъ. „Письма пикардскаго пахаря къ протекціонисту", напечатанныя въ 1775 году, были отвѣтомъ Неккеру на извѣстную его защиту взглядовъ Галліани о необходимости въ интересахъ народнаго продовольствія ограничить свободу хлѣбной торговли. Та же борьба съ этимъ новымъ оживленіемъ меркантильныхъ и протекціонистическихъ идей заставила его въ томъ же году напечатать свою извѣстную статью о монополіи и монополистахъ, полную полемическаго жара и заканчивающуюся словами: „къ чему вѣшать ихъ?—ихъ единственной казнью должна быть отдача на посмѣяніе публики". Тайная поддержка, оказанная Тюрго Бонсерфу, автору извѣстнаго памфлета объ упраздненіи феодальныхъ правъ, и свидѣтельствовавшая о готовности самого министра произвести эту мирную революцію, побуждаетъ Кондорсэ обнародовать въ томъ же 1775 году „Разсужденія о барщинѣ", въ которыхъ уже поставлено открыто требованіе выкупа всѣхъ вещныхъ правъ феодаловъ путемъ добровольнаго соглашенія съ крестьянами и даровой отмѣны тѣхъ, источникомъ которыхъ является созданная нѣкогда самимъ государствомъ монополія или привилегія (Кондорсэ называетъ ихъ налогами на низшіе классы общества въ пользу военнаго). Это сочиненіе заслуживаетъ тѣмъ бóльшаго вниманія, что въ немъ впервые проведена мысль о выгодѣ, какую въ отмѣнѣ крѣпостныхъ отношеній и связанныхъ съ ними хозяйственныхъ порядковъ найдутъ одинаково и землевладѣльцы и земледѣльцы — и сеньоры и крестьяне. Когда въ слѣдующемъ году Тюрго ставитъ вопросъ объ упраздненіи барщины, Кондорсэ, объявившій еще въ 1774 году, въ письмѣ къ министру, что ихъ отмѣна была бы самымъ быстрымъ и самымъ ощутительнымъ благодѣяніемъ для провинцій [1]), защищаетъ проектъ своего друга въ новыхъ

[1]) См. письмо, отъ 23-го сент. 1774, (т. I, Собр. сочиненій (изд. Араго), стр. 252.

разсужденіяхъ и начинаетъ ихъ словами: „Благословимъ имя благодѣтельнаго министра, который не только освобождаетъ насъ отъ проклятія натуральной дорожной повинности, но и отъ чиновниковъ, приставленныхъ къ ея вынужденію [1]). Никогда не тяготѣло надъ людьми свободными болѣе ненавистнаго ига, какъ то, какое упразднила нынѣ милосердная рука правительства".

Въ томъ же 1776 г. Кондорсэ издаетъ и свой наиболѣе извѣстный экономическій трактатъ, снова направленный противъ Неккера,—„Разсужденіе о хлѣбной торговлѣ". На основаніи его всего легче познакомиться съ теоретическими воззрѣніями автора, которыя выступаютъ на этотъ разъ съ особенною полнотою. Объявивши, вслѣдъ за физіократами, задачею экономической политики заботу о томъ, чтобы затраченные на землю издержки и трудъ возмѣщены были съ лихвою, и чтобы эта прибыль не только не падала, но, наоборотъ, возростала съ каждымъ годомъ, Кондорсэ разсматриваетъ затѣмъ причины, содѣйствующія и препятствующія такому паденію, и вліяніе, какое оно можетъ оказать на матеріальное благосостояніе собственниковъ, арендаторовъ, сельскихъ и городскихъ рабочихъ. По его мнѣнію, земледѣлецъ первый терпитъ отъ него, а собственникъ—послѣдній. Всѣ издержки покрываются изъ того фонда, какой представляетъ излишекъ выручки надъ затратами. Но изъ этого фонда собственникъ прежде всего беретъ все нужное для своего существованія. Одинъ остатокъ питаетъ трудъ земледѣльцевъ и рабочихъ. Не будь этого остатка, собственнику предстояло бы самому сдѣлаться воздѣлывателемъ. За собственникомъ земледѣлецъ получаетъ изъ того же фонда необходимое ему для жизни, и только за этимъ настаетъ очередь прочихъ потребителей, т.-е. всей массы рабочаго люда, всего класса лицъ, живущихъ платою за трудъ. А все это вмѣстѣ взятое не доказываетъ ли, что сокращеніе размѣровъ „воспроизводствъ", т.-е. возмѣщенія съ прибылью сельско-хозяйственныхъ затратъ, прежде всего отразится невыгодно на судьбахъ рабочаго класса, обусловливая собою недостатокъ средствъ къ ихъ пропитанію [2]).

Но, скажутъ, эти средства могутъ быть получены на сторонѣ покупкою хлѣба у иностранцевъ, и заработокъ, пріобрѣтенный занятіемъ промышленностью, пойдетъ на эту покупку. Современная намъ экономическая доктрина такъ и понимаетъ дѣло, признавая возможность полученія чистаго до-

---

[1]) Т. XI, стр. 89.

[2]) Ibid.. стр. 118.

хода одинаково съ земледѣлія и промышленности, и не видя причины, по которой необходимо было бы пріурочивать народный трудъ преимущественно къ хлѣбопашеству, а не къ промышленности и торговлѣ. Но не такъ думали физіократы и послѣдователь ихъ ученія—Кондорсэ. Не то чтобы его доктринерство доходило до признанія, вмѣстѣ съ Кенэ, что трудъ ремесленника и фабричнаго рабочаго безплоденъ (stérile) [1]). Нѣтъ, онъ выдвигаетъ въ пользу физіократическихъ пристрастій чисто политическія соображенія. „Страна, получающая продукты питанія со стороны,—пишетъ онъ,—слишкомъ зависима отъ иностранцевъ и содержитъ въ себѣ поэтому зародыши слабости и внутреннихъ безпорядковъ. Къ тому же землевладѣльцы и земледѣльцы болѣе всѣхъ другихъ заинтересованы въ добрыхъ законахъ и хорошемъ правительствѣ, такъ какъ они одни не могутъ покинуть отечества. Наконецъ, занятіе земледѣліемъ формулируетъ болѣе сильныхъ гражданъ, удаляя ихъ отъ городскихъ соблазновъ, разсѣивая съ большею равномѣрностью по селамъ и хуторамъ и устраняя возможность того развращающаго вліянія, какое производитъ скученность населенія въ промышленныхъ центрахъ [2]).

Переходя къ вопросу о средствахъ устранить невыгоды временной и мѣстной нужды, Кондорсэ указываетъ на торговлю на протяженіи возможно широкаго района, торговлю издавна пользующуюся свободою въ накопленіи запасовъ, какъ на единственный факторъ борьбы. Чѣмъ больше будетъ лицъ, принимающихъ въ ней участіе, тѣмъ сильнѣе будетъ оказываемая ими другъ другу конкурренція, а это поведетъ къ паденію той прибыли, какой они вознаграждаютъ себя за свое посредничество, что̀ въ свою очередь отразится на пониженіи хлѣбныхъ цѣнъ. Доказывая вслѣдъ за Тюрго, что заработокъ трудящагося люда никогда не падаетъ ниже минимума средствъ существованія, Кондорсэ дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что онъ всегда соотвѣтствуетъ, болѣе или менѣе, цѣнѣ припасовъ, возростаетъ съ ея возростаніемъ и падаетъ съ ея паденіемъ,—другими словами, заработная плата опредѣляется не средней цѣною припасовъ, а той, какая существуетъ

---

[1]) Аббатъ Бодо объяснилъ, впрочемъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать эту безплодность: рабочій получаетъ вознагражденіе изъ чистаго дохода, доставляемаго земледѣліемъ; слѣдовательно, промышленность не создаетъ новаго фонда для покрытія государственныхъ и частныхъ издержекъ, и только въ этомъ смыслѣ должна быть признана stérile. Толкованіе это, разумѣется, падаетъ вмѣстѣ съ вызвавшей его къ жизни теоріей produit net, и вмѣстѣ съ признаніемъ, что всякій трудъ производительно ведетъ къ созданію цѣнностей,—но это установлено вполнѣ только Ад. Смитомъ.

[2]) Ibid., стр. 119.

въ каждый данный моментъ [1]). А если такъ, то чрезмѣрное паденіе цѣнъ на хлѣбъ, невыгодное для собственниковъ и земледѣльцевъ, не можетъ быть выгоднымъ и для рабочихъ. Вѣдь получаемое ими вознагражденіе покрывается тѣмъ же фондомъ, что̀ и рента собственника, и трудъ земледѣльца. Интересъ рабочихъ лежитъ, наоборотъ, въ томъ, чтобы средняя цѣна хлѣба стояла возможно близко къ ходячимъ цѣнамъ, другими словами, чтобы колебаніе хлѣбныхъ цѣнъ было возможно ничтожнымъ [2]). Рабочій долженъ одинаково бояться и быстраго вздорожанія, при которомъ его заработокъ временно можетъ оказаться недостаточнымъ, и низкой цѣны, при которой онъ можетъ остаться безъ работы. Его интересъ лежитъ въ возможномъ уравновѣшеніи цѣнъ, но ничто въ большей степени не содѣйствуетъ такому уравновѣшенію, какъ свобода торговли, практикуемая въ широкомъ районѣ. Она дѣлаетъ возможнымъ накопленіе запасовъ въ дешевые годы, что̀ удержитъ цѣны на хлѣбъ на извѣстной высотѣ, и продажу этихъ запасовъ въ дорогіе годы, что̀ поведетъ къ пониженію цѣны [3]). Ею можетъ быть привлеченъ необходимый для хлѣбной торговли капиталъ, ею вызывается сильнѣйшая конкурренція между покупателями, когда хлѣбъ дешевъ, и между продавцами, когда онъ дорогъ [4]). Свобода внутренней торговли на возможно широкомъ районѣ приближаетъ цѣны на хлѣбъ въ странѣ къ той, какая въ данный моментъ существуетъ въ прочихъ странахъ (Кондорсэ употребляетъ выраженіе — „къ общей европейской цѣнѣ"); наконецъ, она ведетъ къ паденію средней цѣны хлѣба, какъ въ данномъ государствѣ, такъ и въ цѣлой Европѣ. Высказываясь такимъ образомъ въ пользу неограниченной свободы хлѣбной торговли, Кондорсэ допускаетъ, однако, ограниченіе вывоза, говоря, что его свобода въ меньшей мѣрѣ отвѣчаетъ требованіямъ справедливости и той государственной пользы, которая для правителей болѣе обязательна, чѣмъ польза всего человѣчества [5]). Тѣмъ, кто, подобно Неккеру, доказываетъ необходимость регламентаціи хлѣбной торговли и принятія мѣръ противъ скупщиковъ, Кондорсэ отвѣчаетъ, что государство не создало естественныхъ правъ свободы и собственности, а только приняло на себя обязательство ихъ охраны, и что нельзя считать это обязательство выполненнымъ, разъ собственность будетъ признаваться

---

[1]) Ibid., стр. 134.
[2]) Ibid., стр. 137.
[3]) Ibid., стр. 148.
[4]) Ibid., стр. 149.
[5]) Ibid., стр. 223

правительствомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это покажется ему отвѣчающимъ общему благу [1]). Но что же дѣлать правительству въ случаѣ наступленія голодовокъ? Не сидѣть же ему, скрестя руки?—Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчаетъ Кондорсэ:—его долгъ придти на помощь нуждающимся и затратить съ этою цѣлью часть налога, взимаемаго имъ со всѣхъ гражданъ. Оно можетъ и должно обезпечить бѣднымъ трудъ и заработокъ [2]). Такимъ образомъ, вслѣдъ за Тюрго, Кондорсэ объявляетъ себя сторонникомъ права на трудъ. Онъ останется вѣренъ этой мысли и впослѣдствіи, при составленіи проекта конституціи 1793 года. Отказывая государству въ правѣ установленія максимума, онъ признаетъ въ то же время обязанность государственной помощи въ нуждѣ и пріисканіи работы [3]).

Несамостоятельность Кондорсэ въ области экономическихъ вопросовъ сказывается и въ его взглядахъ на налогъ. И здѣсь онъ является ученикомъ физіократовъ. Въ жизнеописаніи Тюрго, напечатанномъ имъ и появившемся въ 1786 году, Кондорсэ говоритъ: „Доказано, что въ какой бы формѣ ни взимался налогъ, онъ всѣмъ своимъ бременемъ падаетъ на ту часть ежегоднаго воспроизводства, которая остается за вычетомъ всѣхъ издержекъ. Не менѣе доказано, что наиболѣе справедливымъ обложеніемъ надо считать подать, пропорціональную чистой выручкѣ, produit net, отдѣльныхъ земельныхъ участковъ. Наконецъ, доказано, что единственнымъ практическимъ средствомъ достигнуть этой пропорціональности является прямой налогъ, взимаемый непосредственно съ чистаго продукта земель [4]).

Выступая защитникомъ пропорціональности въ обложеніи, Кондорсэ отнюдь не можетъ считаться сторонникомъ прогрессивнаго налога. „Долженъ ли богатый человѣкъ, — спрашиваетъ онъ себя, —платить больше того, что слѣдуетъ, имѣя въ виду соотвѣтствіе платимаго имъ съ размѣромъ его состоянія? Не будемъ предаваться этимъ идеямъ преувеличенной морали; будемъ справедливы къ народу, — мы еще далеки отъ этого; но воздержимся отъ всякой несправедли-

---

[1]) Ibid., стр. 168.

[2]) Ibid., стр. 198 и 199.

[3]) Самъ Кондорсэ не скрываетъ того, что мысли, имъ высказанныя, являются только развитіемъ чужихъ взглядовъ. „То, что можно открыть полезнаго и вѣрнаго въ моихъ разсужденіяхъ,—пишетъ онъ въ заключительной главѣ своего трактата о торговлѣ хлѣбомъ,—принадлежитъ не мнѣ" (ibid., стр. 248). Сходство его взглядовъ съ тѣми, какихъ придерживался Тюрго, слишкомъ очевидно, чтобы можно было сомнѣваться, что именно хочетъ онъ сказать этими словами.

[4]) Полное собр. сочин., т. V, стр. 124.

вости даже въ его пользу" [1]). По той же причинѣ Кондорсэ отвергаетъ и всякій налогъ на роскошь. Онъ не вѣритъ, чтобы подобные налоги достигали преслѣдуемой ими цѣли подавленія роскоши. Они заставятъ только замѣнить одинъ видъ роскоши другимъ: прежде покупали лошадей, теперь будутъ покупать голоса избирателей и должности. Къ тому же роскошь доставляетъ заработокъ трудящемуся люду. Отмѣна того или другого вида ея сдѣлаетъ необезпеченнымъ существованіе тѣхъ категорій рабочихъ, труды которыхъ отвѣчали предъявленному ею запросу. „Предлагая налогъ на роскошь,—пишетъ Кондорсэ,—предлагаютъ несправедливость; думаютъ сократить утѣхи богатыхъ, и уничтожаютъ источникъ дохода для бѣдныхъ. Всякій разъ, когда въ политикѣ люди станутъ руководствоваться другими принципами, помимо строгой справедливости, они не только не послужатъ общему благу, но, напротивъ, причинятъ ему вредъ, внося шарлатанство, взамѣнъ истины, и фарисейство, взамѣнъ правдивости [2]). Раздѣляя взгляды физіократовъ на природу налоговъ, Кондорсэ не могъ не явиться противникомъ косвенныхъ сборовъ: „Всякій подобный налогъ,—пишетъ онъ,—оплачивается въ концѣ концовъ чистымъ доходомъ земель; но нельзя при установленіи его соблюсти пропорціи съ этимъ доходомъ; къ тому же всѣ косвенные сборы влекутъ за собою бо̀льшія издержки взиманія, чѣмъ прямые; наконецъ, они могутъ обогатить казну только подъ условіемъ нарушеній правъ гражданъ всякаго рода запретами и притѣсненіями. Необходимо поэтому отмѣнить ихъ, ставя на ихъ мѣсто единый прямой налогъ; только при немъ можно соблюсти строгое соотвѣтствіе между размѣромъ обложенія и нуждами государства, между имуществомъ и долею плательщика. Одинъ этотъ налогъ не задѣваетъ естественныхъ правъ человѣка и гражданина" [3]).

Кондорсэ высказывается также противъ всякаго рода личныхъ налоговъ. „Ихъ неудобства,—пишетъ онъ въ особомъ трактатѣ, посвященномъ этому предмету,—лежатъ въ ихъ произвольности и въ той инквизиціи, какой они подчиняютъ частныя имущества. Изъ всѣхъ формъ личнаго налога одинъ квартирный кажется ему соединяющимъ въ меньшей степени только-что указанные недостатки, да и то подъ условіемъ изъятія тѣхъ квартиръ, которыя по своей скромности отвѣчаютъ минимуму требованій, предъявленныхъ отъ жилищъ, и должны быть включены поэтому въ

---

[1]) См. Essai sur la constitution et la fonction des Assamblées provinciales 1788 года, т. VIII, Сочиненія, стр. 337.

[2]) Ibid., стр. 391 и 392.

[3]) Ibid., стр. 339 и 340.

издержки существованія, покрываемыя трудомъ и свободныя отъ обложенія" [1]). Нечего и говорить, что всѣ производительныя монополіи, отправляемыя самимъ государствомъ, будетъ ли предметомъ ихъ соль, табакъ и т. д., встрѣчали въ Кондорсэ рѣшительнаго противника. Изъ всѣхъ видовъ налога на продукты потребленія самымъ отяготительнымъ, и для кошелька гражданъ, и для ихъ личной свободы, кажется Кондорсэ тотъ, какой представляютъ собою монополіи; онъ не находитъ достаточно красокъ въ изображеніи всѣхъ тѣхъ бѣдствій, къ какимъ повлекла во Франціи соляная монополія, такъ называемая gabelle [2]).

Мы не сказали пока ни слова объ его отношеніи къ таможеннымъ пошлинамъ. Оно стоитъ въ связи съ его воззрѣніями на задачи промышленной и торговой политики. Раздѣляя взгляды Гурнэ и Тюрго на преимущества полной экономической свободы, Кондорсэ является однимъ изъ первыхъ французскихъ фритредеровъ. Въ похвальномъ словѣ, посвященномъ имъ канцлеру Лопиталю, можно найти критику меркантильной системы. „Простимъ ему,—пишетъ онъ,—регламентацію ремеслъ и промышленности, простимъ ему незнаніе той истины, что подобная регламентація посягаетъ на самый священный видъ собственности—на трудъ человѣка. Онъ хотѣлъ поощрить промышленность, а на самомъ дѣлѣ только подвергъ ее лишнему налогу. Думая оказать помощь торговлѣ, Лопиталь обложилъ иностранные товары пошлинами, но такія пошлины вредны, такъ какъ, подавляя конкурренцію, онѣ устраняютъ единственное справедливое и практическое средство вызвать соревнованіе въ обработывающей промышленности. Такія пошлины по природѣ своей несправедливы, такъ какъ увеличиваютъ цѣнность товаровъ и издержки потребителей. Онѣ имѣютъ то еще неудобство, что поощряютъ одни виды сельскаго производства и мануфактуръ въ ущербъ другимъ. Но какое ручательство имѣемъ мы тому, что министръ не ошибся въ выборѣ и не далъ предпочтенія менѣе доходной статьѣ надъ болѣе доходной? Администраторы! предоставьте этотъ выборъ частному интересу и природѣ вещей, которые никогда не ошибаются" [3]).

Въ похвальномъ словѣ Трюдену, сотруднику Тюрго, исполнявшему при немъ обязанности интенданта финансовъ, Кондорсэ развиваетъ тѣ же взгляды, прославляя министра за то, что онъ былъ сторонникомъ свободы торговли; всѣ ея ограниченія казались ему налогами на торговцевъ, налогами, перелагаемыми на

---

[1]) Sur l'impôt personnel, 1790 года, томъ XI, стр. 474.

[2]) Т. VIII, стр. 375—387.

[3]) Томъ III, стр. 552 и 555.

потребителей. Онъ думалъ,—пишетъ Кондорсэ,—что самые мудрые законы не могутъ произвесть большаго блага, чѣмъ то, какое доставитъ одна свобода. Въ администрацію промышленности Трюденъ,—говоритъ его біографъ,—внесъ тѣ же принципы свободы, считая нужнымъ однако восполнить ея благотворное вліяніе поощреніемъ новыхъ производствъ и новыхъ пріемовъ. Но, стараясь узнать секретъ тѣхъ, которыхъ держались за границей, онъ не скрывалъ отъ иностранцевъ нашихъ собственныхъ. Тѣ меркантильныя воззрѣнія, которыя заставляютъ смотрѣть на чужеземную промышленность, какъ на естественнаго врага и противополагать частный интересъ націи интересу всего человѣчества, были ему чужды. Онъ раздѣлялъ убѣжденіе, что люди всѣхъ странъ имѣютъ одинъ и тотъ же интересъ. Этотъ интересъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ земли производили возможно больше и всѣ виды промышленности находились на высшей ступени совершенства. Вѣдь истинный интересъ безразлично для всѣхъ людей лежитъ въ томъ, чтобы въ возможно большемъ обиліи имѣть возможно лучшіе сырые продукты и мануфактураты [1]).

Кондорсэ самый авторитетный представитель физіократіи въ эпоху конвента [2]). Правда, Дюпонъ и Морелле еще писали въ это время, но обстоятельства уже устранили ихъ отъ дѣлъ, а враждебность ихъ къ новымъ порядкамъ лишила ихъ голосъ всякаго авторитета. Ошибочно, впрочемъ, было бы ставить всѣхъ трехъ писателей на одну доску. Дюпонъ оставался наиболѣе вѣрнымъ доктринѣ перваго основателя новой экономической школы, и Тюрго не разъ приходилось отстаивать независимость своей мысли противъ попытокъ суроваго редактора „Эфемеридъ"—подогнать ихъ подъ ходячую доктрину. Морелле и Кондорсэ гораздо менѣе исключительны; оба они цитируютъ уже Адама Смита и не считаютъ его тѣмъ блуднымъ сыномъ физіократіи, какимъ являлся онъ въ глазахъ Дюпона. Но тогда какъ Морелле въ позднѣйшій періодъ своей дѣятельности, совпадающій съ эпохой французской революціи, занимается болѣе политическими вопросами, расходясь между прочимъ открыто съ основателями физіократіи въ сужденіи объ англійской конституціи,—Кон-

---

1) Томъ II, стр. 217 и 222.

2) Мерсье де-Ларивьеръ умеръ, правда, въ 1793 или 1794 году, но съ начала революціи онъ не издавалъ болѣе ничего, помимо политическихъ памфлетовъ, отстаивая въ нихъ свой идеалъ просвѣщенной деспотіи. Аббатъ Бодо скончался въ 1792 году, но задолго до смерти онъ лишился разсудка и долженъ былъ прекратить всякую литературную дѣятельность. Что же касается до Летрона, автора трактата объ общественномъ интересѣ, то онъ скончался еще въ 1780 году.

дорсэ продолжаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ проводить экономическія теоріи физіократовъ, уклоняясь отъ нихъ лишь въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ Тюрго предложены были новыя рѣшенія,—такъ напримѣръ, въ вопросѣ о рентѣ, которая для него, какъ и для его ближайшаго учителя, является уже неоплаченнымъ даромъ природы, а не исключительнымъ результатомъ приложенія труда при начальной обработкѣ, какою она остается въ глазахъ Дюпона. За-одно съ Тюрго, Кондорсэ отдаляется также отъ суроваго примѣненія формулы laissez faire, laissez passer, провозглашая обязанность государства доставлять неимущимъ работу. Во всемъ этомъ онъ стоитъ гораздо ближе къ нашему времени, нежели первые основатели физіократіи и ея послѣдніе эпигоны.

II.

Кондорсэ ничего не напечаталъ по вопросамъ чистой метафизики. Кто хочетъ узнать его мнѣніе о научной постановкѣ въ XVIII вѣкѣ этой области человѣческаго знанія, тотъ найдетъ это въ перепискѣ Кондорсэ съ Вольтеромъ. Говоря о „Системѣ природы" Гольбаха и возраженіяхъ на него царя философовъ, Кондорсэ пишетъ: „метафизика останется темной областью еще на долгія времена, можетъ быть навсегда" [1]).

Сочиненія современниковъ, такъ или иначе затрогивающія метафизическія темы, интересуютъ Кондорсэ лишь настолько, насколько въ нихъ встрѣчается протестъ противъ гасителей знанія и преслѣдователей свободы мысли. И для него, какъ для Вольтера, цѣнность новой философіи сводится къ пробужденію умовъ, къ привитію людямъ привычки думать. Онъ готовъ подписаться подъ словами фернейскаго философа: „чѣмъ больше люди будутъ думать, тѣмъ менѣе они сдѣлаются несчастными" [2]). Если онъ расходится съ Тюрго и Вольтеромъ [3]) въ оцѣнкѣ книги Гельвеція, если онъ отказывается видѣть въ ней одно извращеніе всѣми признанныхъ нравственныхъ понятій и одну холодную декламацію, то только потому, что эта книга рѣзко нападаетъ на враговъ знанія. Онъ далекъ отъ мысли ставить Гельвеція въ уро-

[1]) Собр. соч., т. I, стр. 86.

[2]) Письмо Вольтера къ Кондорсэ, отъ 10-го октября 1770 (Ibid., стр. 2).

[3]) См. письмо Тюрго къ Кондорсэ, писанное въ началѣ декабря 1773 года. Corresp. inédite, стр. 142 — 147; см. также письмо Вольтера къ Кондорсэ, отъ 1-го февр. 1772 года (Oeuvres de Condorcet, т. I, стр. 4).

вень съ Локкомъ или Монтескьё [1]). Если, вопреки Тюрго, „Книга о разумѣ“ кажется Кондорсэ хорошею книгою, то прежде всего потому, что она „заключаетъ въ себѣ энергическія нападки на нетерпимость“ [2]). Но онъ далекъ отъ мысли видѣть въ личномъ интересѣ единственный источникъ всѣхъ нашихъ стремленій къ справедливости и добродѣтели. „Я вошелъ въ такую же ярость, какъ и вы,—пишетъ онъ Тюрго,—прочитавъ у Гельвеція, что дѣти ненавидятъ родителей, и что мы любимъ только тѣхъ, кого презираемъ“ [3]). Для Кондорсэ источникъ справедливости и добродѣтели лежитъ въ томъ горѣ, какое нашей чувствительности причиняютъ страданія ближнихъ [4]). Такимъ образомъ, онъ оправдываетъ данное ему мадемоазель Леспинасъ прозвище „добраго“, прозвище, оставленное за нимъ потомствомъ. Кондорсэ откровенно сознается въ своихъ письмахъ въ нерасположеніи къ католическому духовенству, называя его членовъ „mangeurs d'homme“ (людоѣдами) и ставя на видъ то обстоятельство, что никогда оно не „посылало въ рай“ короля, который не былъ бы гонителемъ и не позорилъ бы трона добродѣтелями капуцина [5]). Если для Кондорсэ Вольтеръ не только знаменитый, но и дорогой учитель, то потому, что, по собственному сознанію, онъ связанъ съ нимъ неразрывно любовью къ истинѣ и къ человѣчеству, а также и въ ненависти къ ихъ врагамъ [6]). „Если добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать добро и любить человѣчество со страстью, то кто больше Вольтера заслуживаетъ названія добродѣтельнаго?“ —говоритъ Кондорсэ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Тюрго.— „Желаніе добра и любовь къ славѣ—единственныя страсти, никогда его не покидавшія“ [7]). Кондорсэ не слѣпъ къ его недостаткамъ. Онъ готовъ согласиться, что ему иногда не хватаетъ глубины, готовъ написать самому Вольтеру, что его отзывы о Монтескьё несправедливы и пристрастны, что автора „Духа законовъ“ нельзя ставить рядомъ съ какимъ-нибудь Шастелю (авторомъ сочиненія объ общественномъ благополучіи), и совѣтуетъ своему корреспонденту воздержаться отъ обнародованія письма

---

[1]) Письмо къ Тюрго, отъ 1-го октября 1772 года. См. Correspondance inédite de Condorcet et Turgot, стр. 99.

[2]) Ibid., письмо 4-го декабря 1773 года, стр. 141.

[3]) Ibid., письмо 13-го дек. 1773 г., стр. 149.

[4]) Ibid., стр. 148.

[5]) Письмо къ Вольтеру, отъ 10-го апр. 1772 года и 16-го мая 1773 года, т. I, стр. 5 и 14.

[6]) Ibid., стр. 16.

[7]) Corresp. inédite, стр. 189, письмо начала августа 1774 года.

къ Лагарпу, въ которомъ имѣется неуважительный отзывъ о Монтескьё. „Я знаю, что онъ былъ неправъ по отношенію къ вамъ, но ваше достоинство требуетъ, чтобы вы забыли объ этомъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что забыли" [1]). „Вольтера,—пишетъ онъ, шутя, къ Тюрго,—можно было бы признать безсмертнымъ, еслибы нѣкоторая несправедливость его къ Руссо не доказывала, что онъ человѣкъ" [2]). Въ „Біографіи Вольтера" Кондорсэ съ особенной любовью останавливается на тѣхъ сторонахъ его дѣятельности, въ которыхъ онъ является апостоломъ человѣчности и врагомъ всякаго угнетенія и неправды. Поэмы „Естественный законъ" и „Разрушеніе Лиссабона" дороги ему тѣмъ, что доказываютъ существованіе морали, независимой отъ вѣрованій,—морали, открываемой разумомъ всѣмъ людямъ, и санкція которой лежитъ въ ихъ сердцѣ, сказываясь въ угрызеніяхъ совѣсти. Ему дорогъ также протестъ противъ холоднаго резонерства оптимистовъ, и онъ готовъ поэтому провозгласить „Кандида" самымъ замѣчательнымъ изъ современныхъ ему романовъ [3]). Но всего болѣе хвалитъ Кондорсэ Вольтера за такія его сочиненія, какъ „Трактатъ о вѣротерпимости", поводъ къ которому данъ казнью Каласса, или „Вопіющая кровь невиннаго", вызванное приговоромъ парижскаго парламента надъ де-ла-Барромъ. „Общій интересъ человѣчества,—пишетъ онъ,—эта главная забота всѣхъ добродѣтельныхъ сердецъ,—требуетъ свободы мнѣній, свободы совѣсти, свободы культа прежде всего, потому что эта свобода одна можетъ установить братство людей. Разъ невозможно соединить ихъ въ общихъ вѣрованіяхъ, надо по крайней мѣрѣ пріучить ихъ къ тому, чтобы они смотрѣли на людей разныхъ съ ними мнѣній какъ на братьевъ. Одна свобода способна дать человѣческому разуму всю необходимую ему энергію для познанія истины. Но кто рѣшится утверждать, что истина не составляетъ высшаго блага человѣчества! Кондорсэ доказываетъ также, что терпимость необходима для устойчивости правительства; она одна устраняетъ возможность внутреннихъ безпорядковъ, отнимая у нихъ всякій поводъ" [4]).

Забота о вѣротерпимости заставляетъ Кондорсэ посвятить въ 1781 г. цѣлый трактатъ анализу законовъ, регулировавшихъ тогда во Франціи гражданское положеніе протестантовъ. Людовикъ XVI рѣшился смягчить ихъ участь. Изложивъ дѣйствующее законо-

[1]) Письмо, отъ 20-го іюня 1777 года. Соч. т. I, стр. 151—154.
[2]) Corresp. inédite, стр. 20.
[3]) Oeuvres, т. IV; Vie de Voltaire, 1789, стр. 89 и 91.
[4]) Ibid., стр. 287 и 258.

дательство, Кондорсэ прибавляетъ отъ себя: „Нужно ли доказывать его противорѣчіе съ справедливостью и гуманностью? Отвѣчаетъ ли оно, по крайней мѣрѣ, интересамъ религіи и здравой политики? Интересъ религіи, очевидно, не лежитъ въ томъ, чтобы всѣ люди внѣшнимъ образомъ исповѣдовали католицизмъ, но чтобы они раздѣляли его вѣрованія и примѣняли на практикѣ его нравственное ученіе. Но что встрѣчаемъ мы въ дѣйствительности? Чѣмъ больше преслѣдуютъ за вѣру, тѣмъ больше является людей безъ вѣры. Опытъ вполнѣ установилъ этотъ фактъ. Страны, гдѣ господствуетъ инквизиція, полны атеистовъ. Наоборотъ, тамъ, гдѣ существуетъ терпимость, встрѣчаешь только христіанъ. Говорятъ, протестанты—враги существующаго политическаго порядка, такъ какъ они республиканцы, и республиканизмъ у нихъ—послѣдствіе ихъ религіознаго ученія. Придворные интриганы всегда готовы на такіе навѣты; вѣдь стоиковъ заподозривали въ заговорѣ съ Брутомъ и Кассіемъ, потому только, что они за-одно съ ними вѣрили въ безсмертіе души и связывали счастіе съ добродѣтелью. Не обвиняли ли также іезуиты янсенистовъ во враждѣ ко всякой власти на томъ лишь основаніи, что они вооружились противъ притязаній римскаго двора. Трудно, опираясь на факты, доказать республиканизмъ протестантовъ. Какъ найти его въ Бранденбургѣ, Саксоніи, Ганноверѣ и Даніи? —а вѣдь жители всѣхъ этихъ странъ протестанты" [1]). Интересы свободы такъ дороги Кондорсэ, что его отношенія къ людямъ и учрежденіямъ опредѣляются главнымъ образомъ ихъ приверженностью или враждебностью къ ней. Онъ привѣтствуетъ назначеніе Тюрго министромъ, потому что считаетъ его способнымъ принести себя въ жертву свободѣ, истинѣ и общему благу, соединяющимъ въ себѣ смѣлость, самоотверженность, любовь къ истинѣ и ревность къ ея распространенію [2]). Даже въ Руссо, который, по его мнѣнію, всего меньше высказалъ новыхъ истинъ, Кондорсэ готовъ чествовать освободителя. „Если дѣти,—пишетъ онъ,—не носятъ больше корсетовъ, если ихъ разумъ не напичканъ разными прописями, если ихъ молодые годы избѣгаютъ рабства и тисковъ, то кому обязаны мы этимъ, какъ не Руссо?" [3]) Кондорсэ ненавидитъ католическое духовенство и парламенты только потому, что считаетъ ихъ врагами свободы. Никто изъ

[1]) См. Requeil de pièces sur l'état des protestants en France. 1781 года. Собр. сочиненій, томъ V, стр. 436, 442 и 443.

[2]) Письмо къ Вольтеру, отъ 22 іюля 1774 года. Oeuvres, т. I, стр. 36.

[3]) Lettres d'un théologien à l'auteur du dictionnaire des trois siècles. 1774, томъ 5, стр. 306.

энциклопедистовъ не позволилъ себѣ такого рѣзкаго и откровеннаго тона съ противниками просвѣтительной философіи, какъ авторъ „Писемъ богослова къ редактору біографическаго лексикона трехъ послѣднихъ столѣтій". При одной мысли, что эта анонимная брошюра можетъ быть приписана ему, Вольтеръ приходитъ въ ужасъ. Онъ ждетъ преслѣдованій для всѣхъ философовъ и, не зная настоящаго автора, порицаетъ его за ту неосмотрительность, съ какою онъ готовъ навлечь бѣду на своихъ единомышленниковъ. „Къ чему давать противъ себя оружіе?— пишетъ онъ:—къ чему самому поставлять тѣ камни, которыми побиты будутъ философы?" [1]) Только удостовѣрившись въ авторствѣ своего корреспондента, Вольтеръ пишетъ ему: „Вы такъ же человѣчны, смѣлы, мудры, какъ и самъ Тюрго" [2]). Защищая свой памфлетъ отъ упрековъ въ несвоевременности, Кондорсэ пишетъ Тюрго: „Я не могу согласиться, чтобы этихъ каналій (подъ ними разумѣются клеветники на энциклопедію) можно оставлять долѣе безъ нападокъ. Они разсчитываютъ на поддержку, становятся наглѣе съ каждымъ днемъ, интригуютъ въ пользу возвращенія іезуитовъ, оскорбляютъ публично въ своихъ рѣчахъ Вольтера. Пора осадить ихъ, пора принизить ихъ высокомѣріе, хотя бы для того, чтобы стало извѣстно, что они далеко не пользуются тѣмъ кредитомъ, какимъ готовы хвастаться" [3]). Въ другомъ письмѣ Кондорсэ объясняетъ свое поведеніе, говоря: „если нельзя открыто охотиться за дикими звѣрями, то нужно, по крайней мѣрѣ, нашумѣть настолько, чтобы помѣшать имъ броситься на стадо" [4]).

Кондорсэ вооружается на аббата Сабатье, автора инкриминированнаго имъ лексикона, отстаивая отъ него такихъ людей, какъ д'Аламберъ, Вольтеръ, Руссо. „Будьте увѣрены,—пишетъ онъ, обращаясь къ своему противнику,—что пока земной шаръ, ворочаясь вокругъ своей оси, будетъ очерчивать кругъ по небу, всѣмъ будетъ извѣстно имя д'Аламбера, впервые опредѣлившаго проходимый имъ путь" [5]). Вольтеру никогда не забудутъ его мужественной и энергичной защиты Калассовъ и Сирвеновъ, его предстательства за крѣпостныхъ, угнетаемыхъ монахами Сенъ-Клода [6]). Если женщины дерзаютъ въ наши дни вскармливать сами своихъ мла-

[1]) Письмо Вольтера къ Кондорсэ, отъ 20 авг. 1774 года. Oeuvres de Condorcet, томъ I, стр. 40—42.

[2]) Ibid., письмо, отъ 23 ноября 1774 г.

[3]) Письмо, отъ ноября 1774 года. Corresp. inédite, стр. 204.

[4]) Письмо отъ конца іюля 1774 года, стр. 183 (Corresp. inédite).

[5]) Сочиненія, томъ V, стр. 310.

[6]) Ibid., стр. 310.

денцевъ, если онѣ высказываютъ желаніе быть матерями и подчасъ даже женами своихъ мужей, честь этого принадлежитъ Руссо. Онъ пробудилъ въ нашей молодежи энтузіазмъ къ добродѣтели, столь необходимый, какъ противовѣсъ страстямъ. Въ этомъ лежитъ его право на человѣческую признательность" [1])...

„Въ чемъ состоятъ преступленія, приписываемыя современнымъ философамъ, на которыхъ вы призываете месть королей и ненависть народовъ? Они разрушаютъ, утверждаете вы, нравственность;—да, они нападаютъ на ту, какой вы держитесь, ту, которая считаетъ преступленіемъ самое дорогое изъ всѣхъ благъ жизни—любовь,—которая наказываетъ слабости сердца на ряду съ самыми ужасными преступленіями, которая позволяетъ католическимъ священникамъ зарѣзывать противниковъ ихъ вѣры и запрещаетъ имъ имѣть законныхъ супругъ, которая вводитъ въ рай убійцъ еретическихъ королей, а въ адъ—читателей философскаго словаря Бэйля. Но нравственность, которая научаетъ быть справедливымъ и человѣчнымъ, которая приказываетъ сильному и могущественному видѣть въ слабомъ брата, а не простое орудіе своего честолюбія; нравственность, основанная на естественномъ благорасположеніи къ ближнимъ, на прирожденномъ равенствѣ людей, никогда не встрѣчала противниковъ въ рядахъ философовъ. Вы пишете на нихъ доносъ государю ужъ не за то ли, что философы имѣли рѣшимость сказать, что правители держатъ свою власть отъ подданныхъ и не должны ею пользоваться иначе, какъ къ благу народа? Ужъ не потому ли, что они осмѣлились напомнить о естественныхъ правахъ, которыхъ не можетъ лишить людей никакой общественный договоръ? Неужели тѣ, кто ставитъ королямъ въ обязанность быть справедливыми, могутъ считаться ихъ врагами? Нѣтъ, истинные враги ихъ тѣ, кто дѣйствуетъ противъ нихъ обманомъ, подчиняетъ ихъ игу предразсудковъ, внушаетъ имъ кровожадные законы, кто не только не призываетъ ихъ къ исправленію причиненныхъ ими золъ, но еще приказываетъ имъ загладить свои грѣхи избіеніемъ враговъ вѣры. Одинаково страшные, какъ послушнымъ, такъ сопротивляющимся королямъ, они то вызываютъ возстанія гражданъ своими насиліями, то вооружаютъ одинъ народъ на другой, то нанимаютъ тайныхъ убійцъ для изведенія тѣхъ монарховъ, которымъ они обѣщали гнѣвъ небесный (намекъ на теоріи іезуита Маріаны и на убійство Генриха IV Равальякомъ). Истинные враги королей —не философы, а патеры [2]). Не ждите больше пощады!—такъ

[1]) Ibid., стр. 307.
[2]) Ibid., стр. 333—335.

заканчиваетъ Кондорсэ свою филиппику:—страшный голосъ поднялся противъ васъ, онъ раздается во всѣхъ концахъ Европы; она видитъ въ васъ только злыхъ и заслуживающихъ посмѣянія людей. Ваши негодующіе крики не трогаютъ никого. Къ нимъ относятся, какъ къ реву тигра, у котораго отнята его жертва" [1]).

Одинаковое нерасположеніе высказываетъ Кондорсэ и къ парламентамъ той эпохи. „Признаюсь,—пишетъ онъ Тюрго, отъ 29 іюля 1770 года,—что въ моихъ глазахъ ихъ преслѣдованіе такъ же страшно, какъ и деспотизмъ министровъ. Послѣдній опасенъ для людей съ положеніемъ и властью, тогда какъ первое грозитъ въ особенности частнымъ лицамъ. Я не думаю, чтобы министръ, не побуждаемый къ тому личной ненавистью, рѣшился произнесть приговоръ надъ Ла-Барромъ [2]). Порядокъ, какимъ правосудіе отправляется въ провинціи, убѣждаетъ меня, что притязанія парламентовъ, ихъ предразсудки и предубѣжденія, весь образъ ихъ дѣйствій и тѣ законы, которымъ они слѣдуютъ, являются главной причиной бѣдствій Франціи. Они—бичъ для нашихъ селъ, самый прочный оплотъ фанатизму и главное препятствіе ко всякому добру, какое можно было бы сдѣлать" [3]). Почти всѣ письма къ Тюрго и многія къ Вольтеру содержатъ въ себѣ нападки на парламентъ. „Пока парламентъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ полицію книгопечатанія и цензуру, онъ останется опасенъ. Отнимите ихъ у него — сила останется за нимъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда правда и разумъ будутъ на его сторонѣ. Это заставило бы его или раздѣлить мнѣніе людей просвѣщенныхъ, или хранить молчаніе. Необходимо искоренить въ немъ духъ фанатизма и политическаго ханжества [4]). Пусть дадутъ народу хлѣба и даровыхъ судей—и можно будетъ терпѣливо ждать неминуемой гибели предразсудковъ и всего, что̀ находитъ въ нихъ свою защиту, — читаемъ мы въ другомъ, почти одновременномъ письмѣ [5]).

Мѣсяцъ спустя, Кондорсэ спѣшитъ подѣлиться съ Тюрго радостнымъ слухомъ, что уголовная юстиція будетъ реформи-

[1]) Ibid., стр. 337.

[2]) Ла-Барръ присужденъ былъ парижскимъ парламентомъ къ потерѣ правой руки, къ проколу языка и т. д. за открытое чтеніе молитвы къ Пріапу и другіе акты, признанные кощунствомъ. Вольтеръ выступилъ въ его защиту; но мысль потребовать пересмотра его процесса впервые внушена была Вольтеру Кондорсэ. См. письмо Вольтера къ Кондорсэ, отъ 23 ноября 1774 года. Oeuvres, т. I, стр. 43 – 47; въ частности примѣчаніе къ послѣднимъ.

[3]) Письмо, изъ Рибемонъ 29 іюня 1770 года. Corresp. inédite, стр. 16.

[4]) Письмо, отъ конца августа 1770 года. Corresp. inédite, стр. 17 и 18.

[5]) Отъ 23 дек. 1770. Ibid., стр. 29.

рована во Франціи по англійскому образцу [1]). Кондорсэ не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что призванные замѣнить парламенты судьи (дѣло шло о введеніи подобія окружныхъ судовъ, такъ называемыхъ présidiaux) будутъ болѣе подкупны, такъ какъ члены ихъ менѣе зажиточны. Онъ считаетъ такія опасенія нелѣпыми и высказываетъ надежду, что новые суды не проникнутся тѣмъ духомъ нетерпимости, невѣжества, педантизма и варварства, которымъ отличался парижскій парламентъ [2]). Онъ открыто высказываетъ свои симпатіи суду присяжныхъ, получая въ отвѣтъ отъ Тюрго слѣдующее признаніе: „я предпочитаю ихъ всѣмъ другимъ, но думаю, что они еще долгое время останутся для насъ предметомъ однихъ теоретическихъ разсужденій". Письмо написано въ 1772 году, менѣе чѣмъ за 20 лѣтъ до учрежденія во Франціи суда присяжныхъ [3]). Когда два года спустя возстановленные во власти парламенты снова высказываютъ свою вражду къ энциклопедистамъ, приказывая сжечь трактатъ „О разумѣ" Гельвеція и сочиненіе барона Гольбаха „О здравомъ смыслѣ", Кондорсэ сравниваетъ ихъ поведеніе съ поведеніемъ императора Тиберія [4]). Онъ шлетъ своему другу цѣлый обвинительный актъ противъ верховныхъ судовъ. „Никакая законодательная реформа,—пишетъ онъ,—немыслима при ихъ существованіи, такъ какъ дѣйствующее законодательство имъ благопріятно и тягостно только для подсудимыхъ. Чѣмъ свирѣпѣе будутъ кары и чѣмъ процессъ будетъ окруженъ большей тайной, тѣмъ сильнѣе будетъ могущество парламентовъ. Какъ ждать также реформъ въ финансахъ и какъ могутъ эти реформы не сдѣлаться разорительными для націи, когда придется жертвовать большими суммами, чтобы добиться, если не согласія на нихъ парламентовъ, то одного ихъ молчанія?" [5])

Кондорсэ не видитъ необходимости въ возстановленіи парламентовъ, не подвергнувъ ихъ власть нѣкоторымъ ограниченіямъ, не защитивъ гражданъ отъ ихъ угнетенія и не исправивъ предварительно гражданскихъ и уголовныхъ кодексовъ, по которымъ они судятъ. Онъ не можетъ простить парламентамъ ихъ неуваженія къ общественному мнѣнію, ихъ защиту всѣхъ тиранническихъ мѣръ, связанныхъ съ протекціонной системой; они остаются для него по прежнему защитниками нетерпимости. „Ла-Барра они зарѣзали

---

1) Письмо, отъ 22 января 1771 года. Ibid., стр. 39.
2) Ibid., письмо отъ 17 февр. 1771 г., стр. 42.
3) Ibid., стр. 80 и 81.
4) Письмо, отъ 16 янв. 1774 года. Ibid., стр. 162.
5) Октябрь и ноябрь 1774 г. Ibid., стр. 201.

за неуважительную пѣсенку, Морисо—за дурной отзывъ о нихъ самихъ, священника Лингэ—подъ предлогомъ, что онъ объявилъ Даміена янсенистомъ, Лали—чтобы унизить въ его лицѣ военное дворянство. И всѣ эти юридическія убійства совершены были за какихъ-нибудь двадцать лѣтъ, и за все это время ни разу не явилось упрека совѣсти, и они ни въ чемъ не отступили отъ прежней наглости. По своимъ убѣжденіямъ они не пошли далѣе того, что думали неучи XIV столѣтія. Все, что не стоитъ въ ихъ старинныхъ реестрахъ—„olim", они считаютъ несуществующимъ. Они презираютъ науку и философію, они противники всякихъ знаній, будутъ всегда преслѣдовать ихъ и сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы погрузить насъ въ прежнее варварство, которое въ ихъ протестахъ (remontrances) носитъ названіе простоты древнихъ нравовъ" [1]. „Вы ничего не сдѣлаете великаго, — пишетъ Кондорсэ Тюрго,—пока не отымете у парламентовъ всякую полицію" [2],—пророческія слова, которымъ суждено было сбыться вскорѣ. Онъ не поддается тому увлеченію, съ какимъ нѣкоторые общественные слои относятся къ краснорѣчію фрондирующихъ правительство парламентскихъ ораторовъ. Знаменитый впослѣдствіи д'Эпремениль для него не болѣе, какъ маленькій американецъ, который, не щадя негровъ своимъ хлыстомъ, постепенно накопилъ достаточно сахару и индиго, чтобы купить должность совѣтника въ парламентѣ и пріобрѣсть возможность жечь книги" [3].

Въ 1775 году опасность быть сожженнымъ представилась и для Кондорсэ. Д'Эпремениль обратилъ вниманіе своихъ товарищей на появленіе брошюры „Объ отмѣнѣ барщины". Парламентъ рѣшилъ запретить ее, „и послышались голоса,—пишетъ Кондорсэ,—которые требовали преданія ея пламени. Годъ спустя та же участь постигла сочиненіе Бонсерфа: „О неудобствѣ феодальныхъ правъ", —„сочиненіе самое мудрое и самое патріотическое изъ всѣхъ когда-либо мною читанныхъ",—замѣчаетъ Вольтеръ, въ письмѣ отъ 6 марта 1776 года. Фернейскій философъ счелъ нужнымъ написать къ Бонсерфу сочувственное письмо, которое долгое время ходило по рукамъ и произвело въ свое время не мало шуму [4]. Онъ справедливо видѣлъ въ его преслѣдованіи косвенный ударъ Тюрго; „они желаютъ его погибели",—пишетъ онъ Кондорсэ 6 марта 1776 года, и его опасенія сбываются не далѣе, какъ мѣсяцъ спустя. Въ отвѣтъ на представленные Тюрго

[1] Ibid., стр. 282.
[2] Письмо отъ 1776 года. Ibid., стр. 272.
[3] Письмо къ Вольтеру отъ декабря 1775 г. Oeuvres, т. I, стр. 88.
[4] См. письмо Кондорсэ, отъ 3 апр. 1776 года.

эдикты парижскій парламентъ отвѣчаетъ демонстраціями въ пользу натуральной дорожной повинности, сохраненія цеховъ,— „тѣхъ самыхъ цеховъ,—замѣчаетъ Кондорсэ, — противъ которыхъ онъ самъ вооружался въ 1581 году". Этотъ фактъ даетъ поводъ корреспонденту Вольтера къ сопоставленію современной ему французской магистратуры съ прежней. Сопоставленіе это отнюдь не клонится къ чести живущихъ. Въ XVI вѣкѣ Монтэнь, Ла-Боэси, Губертъ, Лангэ, Бодэнъ были членами парламента. Въ XVII—магистратура считала еще въ своихъ рядахъ историка де-Ту, Френикля, Ферма и Ла-Мотъ-Ле-Вайé; въ XVIII—одного Монтескьё, да и тотъ покинулъ его, едва открылъ въ себѣ талантъ. Прежде лучшіе умы составляли магистратуру; въ настоящее время—самые подонки интеллигенціи (la lie des esprits) [1]).

11-го мая 1776 года Тюрго получаетъ отставку. Кондорсэ видитъ въ этой побѣдѣ парламентовъ общественное бѣдствіе. „Она отымаетъ у всѣхъ честныхъ людей надежду и бодрость. Наглость парламентскихъ дѣятелей дошла до того,—прибавляетъ авторъ письма,—что они домогаются запрещенія писать противъ нихъ; они надѣются закрыть намъ уста: наши жалобы нарушаютъ ихъ спокойствіе. Вотъ до чего мы пали, дорогой и великій учитель, и съ какой высоты!" [2])

Надо имѣть въ виду это отношеніе Кондорсэ къ парламентамъ, чтобы понять первоначальный характеръ его публицистической дѣятельности. Во время столкновенія верховныхъ судовъ съ Бріенномъ и Калонномъ онъ стоитъ на сторонѣ министерства, ставя ему въ заслугу созданіе провинціальныхъ собраній, освобожденіе государственныхъ крестьянъ, смягченіе участи протестантовъ.

III.

Въ первыхъ политическихъ памфлетахъ Кондорсэ ничто не предвѣщаетъ одного изъ творцовъ конституціи 1793 года. Будущій сторонникъ всеобщаго права голосованія, подчиняя свои сужденія авторитету физіократовъ, высказывается еще за ограниченіе права голоса на выборахъ. Имъ должны располагать только лица, собственность которыхъ достигла извѣстнаго минимума. Тѣ, кто владѣетъ земельными участками, цѣнность которыхъ не достигаетъ законнаго уровня, пользуются совмѣстно столькими голо-

[1]) Ibid., стр. 112.
[2]) Письмо къ Вольтеру, отъ 1776 года. Ibid., стр. 114.

сами, сколько разъ общая цѣнность ихъ имущества превышаетъ легальный минимумъ. „Скажутъ, что передача выборовъ въ руки однихъ собственниковъ,—пишетъ Кондорсэ,—противорѣчитъ общему праву людей и естественному равенству. Мнѣ кажется возможнымъ защищать ее слѣдующими соображеніями. Она на самомъ дѣлѣ не создаетъ никакихъ изъятій, такъ какъ человѣку, не впавшему въ крайнюю бѣдность, легко пріобрѣсть небольшое имущество и тѣмъ получить доступъ къ выборамъ. Дайте равный голосъ всѣмъ гражданамъ, бѣднымъ и богатымъ, и вы усилите тѣмъ вліяніе богатыхъ, тогда какъ въ собраніи менѣе численномъ и составленномъ изъ однихъ собственниковъ владѣльцы небольшихъ участковъ въ состояніи оказать противовѣсъ богачамъ". На ряду съ этими мотивами, Кондорсэ приводитъ одинъ, цѣликомъ заимствованный имъ у физіократовъ: „не-собственники заинтересованы въ законодательствѣ наравнѣ съ собственниками. Но интересъ послѣднихъ больше, когда дѣло идетъ о гражданскихъ законахъ (охраняющихъ ихъ имущество) и о законахъ налоговыхъ (непосредственно затрогивающихъ ихъ доходъ); нѣтъ поэтому никакой опасности ввѣрить имъ интересы всего (?) общества". По природѣ вещей не-собственники только потому и сидятъ на земляхъ, что собственникамъ, сдающимъ имъ землю въ аренду, угодно было допустить ихъ къ этому [1]). Если они располагаютъ другими правами, помимо права на жизнь и на свободу, то только по надѣленію отъ собственниковъ. Собственники могутъ поэтому, не нарушая справедливости, считать себя единственными гражданами государства. Кондорсэ еще такъ далекъ отъ мысли, что политическое равенство непримиримо съ цензомъ, что вслѣдъ за сказаннымъ заявляетъ: „я могу помириться только съ конституціей, основанной на признаніи естественныхъ правъ человѣка и въ томъ числѣ на равенствѣ" [2]). Это равенство требуетъ, по его мнѣнію, того, чтобы женщины пользовались тѣми же правами, что и мужчины. Онъ уже въ 1789 году высказываетъ тѣ мысли, которыя болѣе подробно развиты имъ впослѣдствіи въ трактатѣ о допущеніи женщинъ къ отправленію правъ гражданъ. Такъ какъ въ этомъ послѣднемъ его взгляды изложены болѣе систематично, то мы и остановимся на немъ по преимуществу.

Трудно доказать,—думаетъ Кондорсэ,—что женщины неспособны къ пользованію политическими правами. Почему беременность можетъ помѣшать имъ больше въ этомъ отношеніи, чѣмъ мужчинамъ

---

[1]) Lettres d'un bourgeois de New-Haven à un citoyen de Virginie. 1787 г. Oeuvres, т. IX, стр. 11—13.

[2]) Ibid, стр. 14.

подагра или подверженность простудѣ? Если допустить даже, что умственныя преимущества мужчинъ не зависятъ исключительно отъ бо̀льшаго образованія,—а это далеко не доказано,—то все же необходимо признать, что эти преимущества проявляются только въ двоякомъ направленіи. Женщины не заявили себя пока серьезными открытіями въ наукахъ, не обнаружили генія въ искусствахъ и литературѣ. Но кто же рѣшится утверждать, что политическія права должны принадлежать только людямъ геніальнымъ! Говорятъ также, что женщины не имѣютъ тѣхъ свѣденій и той силы разсудка, какой пользуются нѣкоторые мужчины. Но если отнять этихъ немногихъ, то какъ не сказать, что между остальными мужчинами и женщинами незамѣтно въ этомъ отношеніи большой разницы. Можно ли утверждать, что женскій умъ и женское сердце представляютъ извѣстныя особенности, которыя стоятъ на пути къ пользованію политическими правами? Но развѣ Елизавета англійская, Марія-Терезія, Екатерина I и Екатерина II не доказали, что сила духа и неустрашимость ума вполнѣ свойственны женщинамъ? Нашлись люди, рѣшившіеся доказывать, что разумъ никогда не руководитъ поступками женщины. Въ этомъ заявленіи справедливо только одно: женщины слѣдуютъ велѣніямъ не мужского, а своего собственнаго разума. Такъ какъ законы, которымъ онѣ подчиняются, отличны отъ тѣхъ, какимъ слѣдуютъ мужчины, то многое, что̀ для насъ имѣетъ особую цѣну, не имѣетъ ея для нихъ. Ихъ интересы отличны отъ нашихъ; а если такъ, то, не нарушая требованій разума, онѣ могутъ руководиться въ своихъ поступкахъ другими принципами и преслѣдовать отличныя отъ насъ цѣли. Сказано было еще о женщинахъ, что имъ чуждо понятіе справедливости, что онѣ слѣдуютъ скорѣе указаніямъ чувства, нежели совѣсти. Это наблюденіе болѣе вѣрно, но и оно ничего не доказываетъ. Указанное различіе создано не природой, а воспитаніемъ и тѣми общественными условіями, въ какія поставлены женщины. Ни школа, ни среда, не научили женщинъ тому, что̀ надо считать справедливымъ, а только тому, что̀ надо считать приличнымъ. Но, скажутъ намъ, допущеніе женщинъ къ пользованію политическими правами имѣетъ то неудобство, что чрезмѣрно усилитъ ихъ политическое вліяніе на мужчинъ. Мы отвѣтимъ, что это вліяніе, какъ и всякое другое, болѣе опасно, когда проявляется въ тиши. Не доказываетъ ли также опытъ прошлаго, что чѣмъ ниже падало положеніе женщинъ благодаря законамъ, тѣмъ сильнѣе становилась опасность ихъ вліянія на мужчинъ. Не болѣе вѣско и слѣдующее возраженіе: общая польза пострадаетъ отъ надѣленія женщинъ политическими правами, такъ

какъ устранить ихъ отъ тѣхъ занятій, для которыхъ онѣ созданы природой. Какова бы ни была конституція въ существующихъ условіяхъ гражданственности, только весьма небольшое число людей можетъ посвятить себя государственнымъ заботамъ; а если такъ, то почему думать, что уравненіе женщинъ съ мужчинами отниметъ женщинъ въ большемъ числѣ отъ домашняго хозяйства, чѣмъ земледѣльцевъ отъ плуга и ремесленниковъ отъ мастерской? Кондорсэ обращаетъ вниманіе на то противорѣчіе, въ какое законодатель впадаетъ самъ съ собою, допуская женщинъ къ престолу и устраняя отъ занятія всякой другой публичной должности. Онъ проситъ, чтобы на его доводы не отвѣчали однѣми шутками и декламаціей; онъ готовъ сдаться только тогда, когда ему будетъ доказано, что между мужчинами и женщинами существуетъ природное различіе, на которомъ можно основать невыгодное для нихъ изъятіе [1]).

На ряду съ защитой политическаго равноправія женщинъ съ мужчинами, мы находимъ въ политическихъ памфлетахъ Кондорсэ едва ли не первую попытку примирить идею народной автократіи съ системою представительства. Извѣстно, что Руссо отвергалъ возможность такого примиренія и потому являлся противникомъ парламентаризма. Политическая свобода въ его глазахъ могла мириться только съ прямымъ народоправствомъ. Оно возможно въ государствахъ съ ограниченной территоріей и немыслимо въ большихъ. Только федерація дозволяетъ соединить преимущества чистой демократіи и политическаго единства на большомъ протяженіи. Руссо собирался посвятить развитію этой мысли цѣлый трактатъ. Первые наброски его сохранились въ бумагахъ извѣстнаго д'Антрега, сперва депутата въ генеральныхъ штатахъ и учредительномъ собраніи, затѣмъ эмигранта и дипломатическаго агента Людовика XVIII. Рукопись, по собственному сознанію д'Антрега, была уничтожена имъ изъ опасенія тѣхъ ложныхъ толкованій, какимъ мысли Руссо могли подвергнуться среди всеобщаго возбужденія и революціонной ярости. Для насъ осталась, такимъ образомъ, неизвѣстной послѣдняя мысль автора „Общественнаго договора“ по вопросу о примиреніи свободы древнихъ демократій съ требованіями національнаго единства, предъявленными государствомъ новаго времени. Ученикъ Руссо, Мабли, не послѣдовалъ за нимъ въ отрицаніи пользы представительства. Онъ, напротивъ того, объявляетъ себя его сторонникомъ, и то же въ равной степени можетъ быть сказано о Сіэйсѣ,

---

[1]) Sur l'admission des femmes au droit de cité. Oeuvres. T. X, стр. 121—130.

Мирабо, Черутти и Рабо-Сентъ-Этьеннѣ. Ни одинъ изъ только-что названныхъ писателей не поднималъ, однако, вопроса о возможности примирить выгоды представительства съ прямымъ участіемъ народа въ законодательствѣ. Кондорсэ впервые задается этой мыслью. Въ „Письмахъ ньюгэвенскаго буржуа къ гражданину Виргиніи" онъ предлагаетъ сложную систему вмѣшательства избирательныхъ собраній въ законодательную дѣятельность. Трети голосовъ въ трети избирательныхъ собраній достаточно для того, чтобы добиться внесенія тѣхъ или другихъ добавочныхъ статей въ тотъ основной законъ, въ ту декларацію правъ, которая, по мысли автора, должна включить въ себя порядокъ составленія законодательнаго корпуса и границы предоставленной ему власти. Измѣненіе во всѣхъ прочихъ законахъ требуетъ уже согласія большинства избирательныхъ дистриктовъ. Законы приводились бы въ дѣйствіе тотчасъ по ихъ изданіи; но ихъ можно было бы измѣнить съ помощью такого народнаго referendum'а. Этотъ терминъ еще не встрѣчается у Кондорсэ, но все, что̀ онъ говоритъ о порядкѣ народнаго контроля за законами, вызываетъ въ умѣ представленіе именно о такомъ referendum'ѣ. Избирательнымъ собраніемъ ставится вопросъ, желаютъ ли они утвердить своимъ согласіемъ ту или другую статью новаго закона. Они не въ правѣ потребовать измѣненій въ немъ и должны ограничиться однимъ утвержденіемъ или отрицаніемъ. Только при ихъ согласіи декреты собранія получали бы силу закона [1]). То же желаніе предохранить и на будущее время свободу народнаго самоопредѣленія заставляетъ Кондорсэ высказаться противъ неизмѣнности конституціонныхъ законовъ и требовать ихъ пересмотра спеціально созваннымъ для того представительствомъ. Онъ боится деспотизма собранія въ такой же мѣрѣ, какъ и деспотизма министровъ, и не желаетъ, чтобы оно могло связать свободу грядущихъ поколѣній, свободу устроиться такъ, какъ они вздумаютъ. Его не пугаетъ то обстоятельство, что задуманныя имъ реформы не освящены опытомъ и не находятъ себѣ примѣра въ Англіи. Онъ раздѣляетъ мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что только отсутствіе цензуры и право ассоціаціи, habeas corpus, судъ присяжныхъ, гласность и публичность — одни содѣйствовали сохраненію свободы англичанъ, вопреки недостаткамъ ихъ конституціи, въ числѣ которыхъ однимъ изъ главныхъ можно считать косность [2]).

---

[1]) Lettres d'un bourgeois de New-Haven, стр. 30 и 31, 41 и 42.

[2]) Ibid., стр. 75 и 76.

Какъ мало понималъ Кондорсэ механизмъ англійскаго парламентаризма, видно изъ того, что онъ говоритъ о вредѣ политическихъ партій. Періодическая смѣна виговъ и торіевъ въ управленіи страною кажется ему опасной для свободы и благопріятной развитію политическихъ софизмовъ и политическаго подкупа. Онъ не хочетъ понять того, что одно распаденіе представительства на двѣ партіи, одинаково готовыя взять въ свои руки завѣдыванье судьбами націи, дѣлаетъ возможнымъ мирное теченіе политической жизни. Съ перемѣщеніемъ голосовъ въ парламентѣ соотвѣтственно измѣненіямъ въ общественномъ мнѣніи, измѣняется въ Англіи и правительство. Это происходитъ безъ потрясеній, безъ заговоровъ и революцій. Голосъ націи или, вѣрнѣе, ея большинства, играетъ при этомъ рѣшающую роль, и народная автократія является такимъ образомъ не пустымъ звукомъ, а дѣйствительностью. Взгляды Кондорсэ и въ данномъ вопросѣ составились подъ вліяніемъ физіократическихъ ученій. Его, какъ и физіократовъ, пугалъ прежде всего корпоративный духъ. Съ большимъ или меньшимъ основаніемъ онъ видѣлъ въ вигахъ и торіяхъ наслѣдственныхъ защитниковъ неизмѣнныхъ политическихъ программъ. Этого было достаточно, чтобы осудить ихъ, признать ихъ противниками свободы, такими же противниками, какими въ глазахъ физіократовъ благодаря своему корпоративному духу, являлись католическое духовенство и магистратура. Эта враждебность къ корпораціямъ, подсказанная Кондорсэ ненавистью къ нетерпимости и консерватизму верховныхъ судовъ, сказалась наглядно, въ 1787 году, при столкновеніи короля и министровъ съ парламентами. Общественное мнѣніе, видимо, клонилось въ пользу послѣднихъ. Парламенты настаивали на свободѣ своихъ регистрацій и протестовъ, отказывали въ повиновеніи законамъ, не внесеннымъ ими въ реестры, и, въ виду отсутствія генеральныхъ штатовъ, провозглашали себя единственными тормазами самовластія. Кондорсэ отнесся враждебно къ такимъ притязаніямъ. Подъ псевдонимомъ „Американскаго гражданина“, онъ въ открытомъ письмѣ къ французамъ представляетъ цѣлый обвинительный актъ противъ парламентовъ. Для него ясно, что парламенты грозятъ установить во Франціи аристократическую тираннію. Съ этою цѣлью они желали бы присоединить къ неограниченной судебной власти и veto въ законодательныхъ вопросахъ. Такое соединеніе властей прямо грозитъ свободѣ, тѣмъ болѣе, что парламенты не считаютъ себя строго связанными буквой закона и не желаютъ признать ни за кѣмъ права кассаціи своихъ рѣшеній. „Прибавьте къ этому захватъ ими верховной полиціи королевства (и въ частности книж-

ной цензуры), прибавьте пополненіе ихъ личнаго состава не въ силу королевскаго назначенія или народнаго выбора, а путемъ своего рода кооптаціи, принимающей форму покупки должности и дѣлающей возможнымъ переходъ ея отъ отца къ сыну,—и вы поймете, что нашей главной задачей должна быть борьба съ парламентской аристократіей. — Я ненавижу деспотизмъ, — пишетъ Кондорсэ,—но я еще болѣе ненавижу аристократію, т.-е. деспотизмъ не одного, а нѣсколькихъ. Моя ненависть вворостаетъ по мѣрѣ того, какъ деспотизмъ этотъ становится анархическимъ; а такимъ только и можетъ быть союзъ духовенства дворянства и тридцати верховныхъ судовъ, разсѣянныхъ по провинціямъ" [1]).

Кондорсэ посвящаетъ цѣлый трактатъ выясненію той мысли, что деспотизмъ не связанъ необходимо съ единовластіемъ. Онъ можетъ быть, по его мнѣнію, двоякаго рода — прямымъ и косвеннымъ. Прямой существуетъ тамъ, гдѣ представители націи не пользуются правомъ veto и не могутъ поэтому повліять на измѣненіе законовъ, не согласныхъ съ разумомъ и справедливостью; косвенный—всюду, гдѣ, вопреки волѣ закона, имѣется подчиненіе какому-нибудь авторитету, что̀ бываетъ всего легче, когда представительство распредѣлено неравномѣрно. Примѣромъ послѣдняго Кондорсэ приводитъ Англію, въ которой,—говоритъ онъ,—палата общинъ, благодаря только-что указанной причинѣ, не является дѣйствительнымъ представителемъ націи, а аристократическимъ тѣломъ, рѣшенія котораго диктуются сорока или пятью-десятью лицами — министрами, пэрами и нѣкоторыми вліятельными членами палаты общинъ.

Это утвержденіе далеко не въ такой мѣрѣ противорѣчитъ истинѣ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Кондорсэ имѣетъ передъ глазами не англійскій парламентъ, реформированный треия послѣдовательными избирательными законами 1832, 1863 и 1884 годовъ, а англійскій парламентъ, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ Вальполя, практиковавшаго въ широкой степени фаворитизмъ и систему оффиціальныхъ кандидатуръ. Онъ помнитъ обвиненія Болингброка, помнитъ, какъ, благодаря правительственному давленію и надѣленію избирательнымъ правомъ „гнилыхъ мѣстечекъ", небольшая кучка аристократовъ и людей на жалованьѣ замѣщала скамьи парламента своими креатурами, тщательно устраняя возможность всякаго независимаго мнѣнія, всякаго неподдѣльнаго выраженія народныхъ нуждъ и желаній.

---

[1]) Lettres d'un citoyen des Etats-Unis à un français sur les affaires présentes. Oeuvres. T. IX, стр. 98.

Англійскіе друзья—Прайсъ, Пристлэ, Стенгопъ, не могли не познакомить его со всѣми несовершенствами избирательныхъ законовъ, надъ реформою которыхъ задумывался въ концѣ вѣка не одинъ Фоксъ и его политическіе союзники, но и торіи съ Питтомъ (младшимъ) во главѣ.

Больше физіократическаго доктринерства заключаютъ въ себѣ нападки Кондорсэ на англійскую систему раздѣленія властей. Для него она равносильна анархіи и инерціи.

Вѣчная вражда и безсиліе одинаково въ добрѣ и злѣ—ея необходимыя послѣдствія. Кондорсэ предлагаетъ мѣры для борьбы съ обоими видами деспотизма. Прямой деспотизмъ сдѣлается невозможнымъ тогда, когда ни одинъ законъ не будетъ издаваться безъ согласія народныхъ представителей, и ни одинъ налогъ не будетъ установленъ безъ того же согласія. Но что это, спросимъ мы, какъ не исконныя англійскія вольности? Кондорсэ указываетъ причины, порождающія косвенный деспотизмъ правительства, законодательныхъ и судебныхъ палатъ. Когда представительство распредѣлено неравномѣрно, деспотизмъ собранія становится неизбѣжнымъ. Только реформой въ избирательномъ законѣ можно положить конецъ такому деспотизму, а чтобы открыть путь къ подобнымъ реформамъ, необходимо допустить періодическій пересмотръ конституціи. Лучшимъ средствомъ избѣжать деспотизма правительства являются мѣры, обезпечивающія свободу представителей вотировать налогъ, собираться и расходиться по собственному выбору. Чтобы положить конецъ деспотизму сословій, необходимо устранить всякія различія, всякія привилегіи, налоговыя, служебныя, законодательныя. Необходимо установить свободу культа и свободу печати. Деспотизмъ судебныхъ палатъ—самый ненавистный изъ всѣхъ видовъ деспотизма, такъ какъ онъ пользуется закономъ, какъ орудіемъ. Всюду, гдѣ судьи являются постоянными и не подлежатъ народному выбору, гдѣ гражданская юстиція не отдѣлена отъ уголовной, нѣтъ настоящей свободы. Соглашеніе судовъ съ главою арміи (королемъ) достаточно для установленія деспотизма. Послѣдній еще болѣе неизбѣженъ въ томъ случаѣ, когда суды имѣютъ участіе въ законодательствѣ и образуютъ изъ себя корпорацію, такъ какъ въ этомъ случаѣ они достаточно сильны, чтобы внушить главѣ арміи (королю) готовность ладить съ ними. Кондорсэ какъ нельзя лучше выражаетъ предубѣжденіе своихъ современниковъ противъ независимой магистратуры и построенный ими идеалъ избираемыхъ на срокъ судей, лишенныхъ права распространительнаго толкованія законовъ. Ему совершенно недоступно пониманіе той

истины, что борьба интересовъ и торжество той или другой партіи на выборахъ можетъ придать народной магистратурѣ тотъ пристрастный характеръ, какого не имѣютъ пожизненные органы правосудія, не запугиваемые возможностью будущей забаллотировки. За-одно съ современниками онъ видитъ только противоположеніе корпоративнаго духа общему духу націи. Для него, какъ и для Сіэйса, виновникомъ всѣхъ золъ является l'intérêt particulier des corps. Въ заслугу Кондорсэ надо поставить то предвидѣніе, съ какимъ, въ самый годъ созыва генеральныхъ штатовъ, онъ предсказалъ возможность и новой формы деспотизма,—деспотизма толпы. Деспотизмъ этотъ, по его словамъ, особенно опасенъ въ государствѣ съ многолюдной столицей и большими торговыми центрами. Предупредить его можно противясь искусственному скопленію черни въ городахъ, благодаря пріуроченью къ нимъ однимъ права занятія ремеслами. Свобода промышленности и торговли можетъ оказать эту услугу.

Кондорсэ настаиваетъ на необходимости отличать деспотизмъ отъ тиранніи. Послѣдняя состоитъ въ нарушеніи правъ человѣка положительнымъ закономъ. Чтобы предупредить ее, необходимо издать декларацію правъ, тѣхъ правъ человѣка, противъ которыхъ законодательная власть ничего не можетъ предпринять. Такимъ образомъ, Кондорсэ въ числѣ первыхъ подаетъ голосъ въ пользу ограниченія самой верховной власти націи и ея выразителя—народнаго представительства. Англійская теорія всемогущества парламента не удовлетворяетъ его. Онъ предпочитаетъ ей американскую практику. Въ тѣсномъ общеніи съ Джефферсономъ, исполнявшимъ въ это время должность посланника отъ Соединенныхъ Штатовъ, онъ проникся американскими идеями политической свободы. И для него, какъ и для составителя виргинской деклараціи правъ (Джефферсона), надъ положительными законами стоятъ естественныя права. Они существовали до нихъ и не могутъ быть отмѣнены ими. Эти права—свобода личности и ея безопасность; свобода собственности и ея безопасность; наконецъ, равенство, не въ смыслѣ одинаковости матеріальныхъ условій, а въ смыслѣ отмѣны всякихъ различій предъ закономъ. Самое это уравненіе не требуетъ отмѣны избирательнаго ценза. Въ полномъ соотвѣтствіи со сказаннымъ имъ прежде, Кондорсэ еще въ 1789 году рѣшается утверждать, что равенство не нарушено въ томъ случаѣ, когда собственники одни пользуются политическими правами, такъ какъ они одни владѣютъ территоріей [1]).

---

[1]) Idée sur le despotisme, стр. 167. (Oeuvres, т. IX).

Въ то время какъ большинство его современниковъ ждетъ для Франціи обновленія отъ созванныхъ по иниціативѣ парижскаго парламента генеральныхъ штатовъ, Кондорсэ относится къ нимъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Правильное представительство націи могло возникнуть естественнымъ путемъ изъ объединенія тѣхъ провинціальныхъ собраній, планъ которыхъ задуманъ еще Тюрго. Въ этихъ собраніяхъ основой представительства должна была служить уже не сословность, а землевладѣніе. Къ чему же оживлять снова устарѣвшія привилегіи, прибѣгать къ созыву сословныхъ камеръ! Не лучше ли было бы поручить провинціальнымъ собраніямъ назначеніе депутатовъ въ національное. Парламентъ потребовалъ генеральныхъ штатовъ потому, что надѣется съ ихъ помощью отстоять налоговыя изъятія дворянства. Онъ боялся также того, чтобы по истинѣ національное собраніе не приняло мѣръ противъ дальнѣйшаго существованія постоянныхъ верховныхъ палатъ [1]). Но разъ генеральные штаты созваны, необходимо, по крайней мѣрѣ, направить ихъ дѣятельность въ желательную сторону, изложивши въ особой деклараціи права, обязательныя для нихъ самихъ. Вѣрнѣйшимъ средствомъ достигнуть наилучшей редакціи Кондорсэ считаетъ частную иниціативу. Самъ онъ даетъ примѣръ другимъ, издавая въ формѣ брошюры мотивированный текстъ такой деклараціи. Въ массѣ статей, изложенныхъ въ его проектѣ, нѣкоторыя заслуживаютъ быть отмѣченными, по той связи, въ какой онѣ стоятъ съ физіократическими доктринами. Законодательная власть не въ правѣ установить налога, который бы не былъ пропорціоналенъ чистому доходу; или еще—граждане въ правѣ устроивать ассоціаціи, но подъ условіемъ признанія ихъ законодательной властью [2]). Это недовѣріе къ ассоціаціямъ и къ проводимому ими частному интересу, всегда якобы враждебному общему, составляетъ столь же характерную черту физіократической доктрины, какъ и предлагаемый ею единый земельный налогъ. Но оно оказало еще большее вліяніе на законодательство конституанты, упразднившее цехи и запретившее рабочія сообщества.

IV.

Мы видѣли пока въ Кондорсэ экономиста и политическаго писателя. Намъ необходимо познакомиться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, узнать различныя стороны этого характера, понять

[1]) Sentiments d'un républicain sur les assemblées provinciales et les états généraux. Oeuvres, т. IX, стр. 127—131.

[2]) См. Déclaration des droits. 1789. Oeuvres, т. IX, стр. 199 и 208.

причины, побуждавшія ученаго математика выйти изъ сферы своей спеціальности и съ жаромъ посвятить себя обсужденію текущихъ вопросовъ. Двѣ женщины, одинаково близко знавшія Кондорсэ, оставили нѣчто въ родѣ его нравственнаго портрета: жена его друга академика Сюара и знаменитая дѣвица Леспинасъ, та самая, которую госпожа Дюдефанъ прозвала музой энциклопедіи —такъ тѣсна была ея близость къ выдающимся философамъ вѣка. Обѣ свидѣтельницы сходятся въ признаніи, что господствующей чертою характера Кондорсэ была доброта. „Тѣ, кто встрѣчалъ его мелькомъ, скорѣе скажутъ о немъ:—вотъ добрякъ!—нежели вотъ это умный человѣкъ!—пишетъ мадемуазель Леспинасъ,—и говоря это, они сказали бы большую глупость. Кондорсэ добръ, добръ по преимуществу, но далеко не такъ, какъ бываютъ добры добряки. Добрякъ обыкновенно человѣкъ слабый и умственно ограниченный. Его доброта состоитъ только въ томъ, чтобы не дѣлать зла. Но характеръ Кондорсэ далеко не заключаетъ въ себѣ такихъ пассивныхъ качествъ. Онъ получилъ отъ природы великій умъ, великій талантъ, великую душу. Одинъ талантъ сдѣлалъ бы его извѣстнымъ, но его прекрасная душа завоевала ему личныхъ друзей во всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его близко“ [1])... „Прелесть, какую я находила въ его обществѣ,—пишетъ въ свою очередь госпожа Сюаръ,—обусловливалась не изумительнымъ разнообразіемъ его идей, обнимавшихъ одновременно и физическіе, и нравственные законы, все, что волнуетъ разумъ и воображеніе... Нѣтъ, прелесть эта лежала прежде всего въ его добротѣ, въ добротѣ постоянной и неизсякаемой... Всегда забывая о себѣ для другихъ, онъ, повидимому, даже не замѣчаетъ приносимыхъ имъ жертвъ; его снисходительность ободряетъ каждаго; охотно сознаешься ему въ своихъ слабостяхъ, и онъ жалѣетъ васъ, словно готовъ раздѣлить ихъ. Его простота обращенія удаляетъ всякую мысль о томъ, что вы находитесь въ обществѣ одного изъ самыхъ широкихъ умовъ вѣка. Не покидая никогда той высоты, на которой самъ онъ находится, Кондорсэ готовъ снизойти до интересовъ, волнующихъ заурядные умы. Спокойствіе, съ какимъ онъ обсуждаетъ все, что его касается лично, стоитъ въ поразительномъ контрастѣ съ тою живостью, съ какою онъ относится къ несчастіямъ своихъ друзей, и готовностью поспѣшить имъ на помощь. Онъ хладнокровно переноситъ несправедливость, разъ она касается его самого. Наоборотъ, малѣйшая обида его близкимъ вызываетъ въ немъ энергическій отпоръ [2]). Самъ ядовитый Гриммъ, которому Руссо

[1]) Oeuvres, т. I, стр. 626 и слѣдующія.

[2]) Robinnet, стр. 56.

такъ охотно приписывалъ разрывъ свой съ энциклопедистами, и чьи сарказмы преслѣдовали его до могилы, не находитъ для Кондорсэ ничего, кромѣ похвалъ. „Это сильный умъ,—пишетъ онъ,—склонный къ философіи; доброта блещетъ въ его глазахъ, и вся наружность говоритъ о прекраснѣйшихъ и самыхъ мирныхъ душевныхъ качествахъ. Всѣ друзья въ одно слово величаютъ его „добрымъ Кондорсэ“ [1]).

Эта высокая человѣчность, эта сердечная сострадательность къ чужимъ бѣдствіямъ и готовность придти имъ на помощь въ связи съ вѣрою въ человѣческій прогрессъ и въ то ускоряющее вліяніе, какое окажетъ по отношенію къ нему революція, достаточно объясняютъ причину, помѣшавшую Кондорсэ удовольствоваться одной карьерой ученаго математика и постояннаго секретаря академіи. Еще въ 1772 году онъ чувствуетъ призывъ къ практической дѣятельности.—„Вы счастливый человѣкъ,—пишетъ онъ Тюрго,—такъ какъ имѣете возможность удовлетворить вашей страсти къ общему благу. Такое удовлетвореніе я ставлю выше того, какое доставляютъ одни научныя занятія“ [2]). Тюрго приходится разувѣрять его, говоря: „я увѣренъ, что однимъ служеніемъ наукѣ можно принести людямъ больше пользы, чѣмъ занимая тѣ второстепенные посты, на которыхъ мы тщетно стараемся сдѣлать добро и всего чаще становимся, нехотя, орудіемъ несравненно бо̀льшаго зла“ [3]). Но Кондорсэ не хочетъ согласиться съ этимъ, и во всей его перепискѣ съ знаменитымъ интендантомъ Лиможа и будущимъ великимъ министромъ вопросы экономической и политической реформы занимаютъ такое же мѣсто, какъ и вопросы чисто научные и философскіе. Если подчасъ Кондорсэ пускается въ длинныя разсужденія о Гельвеціѣ, если въ другой разъ онъ рекомендуетъ Тюрго, уже сдѣлавшемуся въ это время министромъ морскимъ, переводъ сочиненій Эйлера „О канализаціи“, если въ перепискѣ друзей часто встрѣчаются математическія выкладки, то еще чаще въ нихъ идетъ рѣчь о реформѣ обложенія, объ отмѣнѣ суровыхъ законовъ противъ протестантовъ, объ отнятіи книжной цензуры у парламентовъ, объ упраздненіи барщины, о закрытіи цеховъ, о свободѣ внутренней торговли и т. п. Сознавая вполнѣ ту истину, что политическія программы, въ противоположность научнымъ убѣжденіямъ, расширяются вмѣстѣ съ обстоятельствами, что одно самодовольное доктринерство позволяетъ человѣку застыть въ однажды установлен-

[1]) Correspondance littéraire, etc. T. X, стр. 197.
[2]) Ibid., стр. 222.
[3]) Письмо къ Тюрго, отъ 14-го іюня 1772 года. Oeuvres, т. I, стр. 201.

ныхъ имъ рамкахъ,—Кондорсэ постепенно вводитъ въ свое profession de foi, въ свою, выражаясь по-американски, „политическую платформу“, все новые и новые вопросы. Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ думаетъ только о томъ, чтобы „сдѣлать невозможнымъ на будущее время фанатизмъ, установить равновѣсіе между наказаніями и преступленіями, отмѣнить пытки и варварскія кары, оскорбляющія нравственное чувство, наконецъ, создать трибуналъ, въ которомъ возможно было бы обжаловать дѣйствія не только чиновниковъ, но и судей“ [1]). Вскорѣ экономическія реформы Тюрго и защита его сокровенныхъ взглядовъ объ отмѣнѣ крѣпостного права поглощаютъ все вниманіе Кондорсэ. Тюрго падаетъ, унося съ собою неосуществившіяся надежды философа-реформатора. Кондорсэ думаетъ, и не безъ основанія, что надо сломить прежде всего тѣ преграды, которыя помѣшали осуществленію реформъ Тюрго. Онъ ведетъ борьбу съ парламентами, и когда министерство Неккера, а затѣмъ Калонна и Бріенна, снова ставитъ на очередь вопросъ о провинціальныхъ собраніяхъ и реформѣ налоговъ, онъ, несмотря на личныя антипатіи, становится на сторону министерства, такъ какъ видитъ въ его программѣ, правда, неполное и нѣсколько искаженное воспроизведеніе реформъ своего великаго друга и учителя.

Въ 1787 и 1788 годахъ, въ эпоху изданія имъ обширнаго мемуара о провинціальныхъ штатахъ и разобранныхъ нами выше статей и памфлетовъ, Кондорсэ является монархистомъ; онъ раздѣляетъ общую, впрочемъ, увѣренность современниковъ, что Людовикъ XVI серьезно желаетъ блага родинѣ и готовъ сдѣлать нужныя для того пожертвованія. Что бы ни говорили о республиканизмѣ Кондорсэ въ это время, его личныхъ заявленій достаточно, чтобы допустить противное. Онъ выступаетъ монархистомъ во всѣхъ своихъ памфлетахъ, даже въ томъ, который носитъ названіе: „Мысли республиканца о провинціальныхъ и генеральныхъ штатахъ“; именно здѣсь встрѣчаемъ мы слѣдующія похвалы по адресу короля и министровъ: „мудрости правительства, его желанію положиться на голосъ провинціальныхъ собраній и прекратить протесты парламентовъ въ пользу престарѣлыхъ обычаевъ, обязана будетъ нація возстановленіемъ своихъ вольностей“ [2]). Много лѣтъ спустя, вспоминая о своемъ прошломъ въ той личной апологіи, какая написана была имъ почти на краю могилы, самъ Кондорсэ говоритъ: „пока измѣна Людовика XVI не сдѣлалась

[1]) См. письмо къ Тюрго, отъ 20-го іюля 1774. Corresp. inédite, стр. 184.
[2]) Oeuvres, т. IX, стр. 137.

осязательной, я не считалъ возможнымъ установленіе республики" [1]).

Съ момента созыва генеральныхъ штатовъ политическая программа Кондорсэ быстро расширяется. Джефферсонъ, видѣвшій его часто въ это время, сообщаетъ въ своей перепискѣ съ американскими друзьями, что обнародованіе особой деклараціи, въ которой выражены были бы неотъемлемыя права личности, составляетъ для близкаго къ нему кружка,—а въ немъ Кондорсэ игралъ выдающуюся роль,—первую задачу собранія [2]). Въ позднѣйшіе годы, говоря объ этомъ періодѣ своей дѣятельности, Кондорсэ слѣдующимъ образомъ опредѣлялъ свою политическую программу. „Я думалъ, что конституція, согласно которой законы, изданные небольшимъ числомъ представителей, поступали бы затѣмъ на утвержденіе гражданъ, и исполнительная власть имѣла бы возможно ограниченныя функціи, по преимуществу экономическаго характера, была высшей цѣлью, къ которой должны быть направлены всѣ политическія реформы. Но это было только высшею цѣлью. Я думалъ въ то же время, что надежнѣйшее и скорѣйшее средство къ ея достиженію не обгонять общественнаго мнѣнія на большое разстояніе, не задѣвать его открыто, не дѣлать ему ненавистными тѣ учрежденія, пользу которыхъ оно само узнало бы со временемъ по мѣрѣ своего роста. Въ началѣ революціи абсолютное равенство гражданъ, единство законодательнаго органа, передача конституціи на утвержденіе первичнымъ собраніямъ и періодическій пересмотръ ея особымъ для этой цѣли собираемымъ конвентомъ, наконецъ возможность требовать его созыва раньше положеннаго срока—казались мнѣ тѣми основами, на которыхъ должно опираться новое устройство общества" [3]). Мы видѣли, что въ это время Кондорсэ еще стоялъ за ограниченіе политическихъ правъ одними собственниками и рѣшительно высказывался противъ всякой идеи прогрессивнаго налога. Въ 1790 году онъ уже возстаетъ противъ ценза для кандидатовъ на депутатство, но ничего не имѣетъ противъ „небольшой и легкой таксы" на всѣхъ тѣхъ, кто пожелаетъ отправлять обязанности активнаго гражданства. Въ этомъ смыслѣ составленъ имъ адресъ отъ имени парижской коммуны, отъ 20-го апрѣля 1790 года, адресъ, напечатанный впослѣдствіи въ жур-

---

[1]) См. Fragment, найденный госпожею Вернэ и составляющій часть личной апологіи; въ отличіе отъ другихъ частей это написано въ 1794.

[2]) См. переписку Джефферсона съ Гаррисономъ, Мадисономъ, Пэномъ, Вашингтономъ и другими за 1789 годъ, во II томѣ полнаго собранія его сочиненій.

[3]) Fragment de justification (juillet 1793). Oeuvres, т. I, стр. 575.

налѣ клуба 1789 года [1]). Такимъ образомъ въ агитаціи, поводъ къ которой подалъ декретъ собранія „о маркѣ серебромъ" прямого обложенія, платимой лицами, изъ среды которыхъ могутъ быть выбраны депутаты, онъ стоитъ въ одномъ ряду съ Робеспьеромъ. Годъ спустя Кондорсэ счелъ возможнымъ еще болѣе расширить основы представительства, и при обсужденіи закона 10-го августа 1791 года, разрывая открыто съ идеями физіократіи, онъ уже настаиваетъ на предоставленіи избирательнаго права всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ постоянную осѣдлость, все равно, будутъ ли ими собственники или съемщики [2]). Въ представленномъ имъ въ 1793 году проектѣ конституціи признается уже всеобщее право голосованія.

Но если Кондорсэ считалъ возможнымъ дать въ республикѣ болѣе широкое участіе народу въ выборахъ, то съ другой стороны—онъ не допускалъ компромисса по такому коренному для физіократіи пункту, какъ возможность или невозможность подвергнуть имущества гражданъ прогрессивному налогу. Въ 1793 году онъ высказываетъ на этотъ счетъ мысли, однохарактерныя съ тѣми, какихъ онъ держался въ первые годы своей публицистической дѣятельности. Установленіе прогрессивнаго налога въ его глазахъ имѣло бы послѣдствіемъ укрывательство капиталовъ, что̀ въ свою очередь повело бы къ сокращенію производства и заработковъ. „Предоставимъ,—пишетъ онъ,—полную свободу для богатыхъ расточать свои сокровища и проявлять свою роскошь; иначе мы отнимемъ у бѣдняка единственное его сокровище—трудъ въ привычномъ ему производствѣ" [3]). Это сопоставленіе, съ одной стороны, измѣнчивости, съ другой—неизмѣнчивости Кондорсэ по основнымъ государственнымъ вопросамъ, доказываетъ и отсутствіе въ немъ всякаго доктринерства, и нежеланіе приспособляться къ обстоятельствамъ. Кондорсэ остался вѣренъ своему прошлому, поддерживая и въ эпоху своего близкаго общенія съ Жирондою идею политической централизаціи и естественное главенство, какое столь численный городъ, какъ Парижъ, являющійся въ то же время умственной столицею міра, долженъ имѣть въ дѣлахъ Франціи [4]). Независимость его отъ духа партій и личныхъ пристрастій какъ нельзя лучше сказалась въ его отношеніяхъ къ Лафайету и въ тѣхъ отзывахъ, которые онъ даетъ

[1]) Oeuvres, т. X, стр. 79 и слѣдующія.

[2]) Fragment de justification. Oeuvres, т. I, стр. 576.

[3]) Sur l'impôt progressif (1 juin 1793). (Journal d'Instruction sociale).

[4]) См. его статью о мнимомъ противорѣчіи интересовъ Парижа съ интересами департаментовъ.

о Дантонѣ въ своей „личной апологіи". „Я не могъ,—пишетъ онъ о первомъ,—не идти за-одно съ человѣкомъ, который задолго до революціи озабоченъ былъ свободою и выборомъ средствъ для ея упроченія во Франціи. Мнѣ ввѣрялъ онъ свои проекты, я зналъ, какой славы онъ добивается и въ чемъ лежитъ его честолюбіе. Мнѣ невозможно было поэтому жертвовать близостью къ нему людямъ, которые, въ то время какъ онъ стремился къ свободѣ, довольствовались однимъ вымаливаньемъ мѣстъ у правительства" (намекъ на Мирабо) [1]. Но дружба къ одному изъ ближайшихъ виновниковъ революціи не помѣшала Кондорсэ разорвать съ нимъ всякія сношенія съ того момента, когда Лафайетъ, по его словамъ, сдѣлался игрушкою въ рукахъ интригановъ. Этимъ моментомъ была кровавая расправа его съ петиціонерами Марсова поля, желавшими низложенія задержаннаго на пути въ Вареннъ Людовика XVI. По этому случаю Кондорсэ обратился къ Лафайету со слѣдующимъ письмомъ: „Двѣнадцать лѣтъ васъ всѣ считали защитникомъ свободы; если вы не перемѣните своего поведенія, васъ вскорѣ признаютъ однимъ изъ ея гонителей". Всякія сношенія прекратились съ этого момента между бывшими друзьями [2]). Столь же характерно для Кондорсэ его отношеніе къ Дантону. „Меня,—пишетъ онъ въ 1793 году въ своей личной апологіи,—обвиняли въ томъ, что я содѣйствовалъ назначенію Дантона министромъ юстиціи. Вотъ что̀ побудило меня къ этому: въ министерствѣ необходимъ былъ человѣкъ, который располагалъ бы народнымъ довѣріемъ, и по своему превосходству могъ бы сдержать тѣ презрѣнныя орудія, какихъ не могла избѣжать революція 10-го августа; надо было выбрать для этого человѣка, который бы, благодаря своему ораторскому дарованію, своему уму, своему характеру, не унизилъ бы ни министерства, ни собранія. Дантонъ одинъ имѣлъ всѣ эти качества: я выбралъ его и не жалѣю объ этомъ. Быть можетъ, онъ слишкомъ утрировалъ принципы народной конституціи; быть можетъ, онъ слишкомъ подчинялся народнымъ воззрѣніямъ и черезъ-чуръ руководствовался въ своихъ мѣропріятіяхъ поведеніемъ толпы, но только дѣйствуя за-одно съ народомъ и черезъ посредство народа, направляя его въ то же время, можно въ эпоху революціи сохранить повиновеніе законамъ. Всякія политическія партіи, которыя отдѣлятся отъ народа, неизбѣжно приготовятъ погибель, и не только себѣ, но подчасъ и ему. Дантонъ имѣетъ

---

[1]) Письмо къ неизвѣстному, отъ 1790 года. Oeuvres, т. I, стр. 329.

[2]) Fragment de justification. Oeuvres, т. I, стр. 584.

еще одно цѣнное качество, свойственное только людямъ необыкновеннымъ: онъ не питаетъ ненависти и страха къ знаніямъ, талантамъ и добродѣтелямъ" [1]).

Безпристрастіе, съ какимъ Кондорсэ относится къ людямъ и событіямъ, въ значительной степени находитъ объясненіе себѣ въ томъ, что лично онъ не преслѣдовалъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ. Когда въ 1774 году Тюрго вздумалъ-было назначить его инспекторомъ чекана и присвоить ему значительный окладъ, онъ поспѣшилъ отказаться отъ того и другого въ пользу Форбоннэ, человѣка, экономическія теоріи котораго отнюдь не встрѣчали его сочувствія [2]). Даромъ исполнялъ онъ за-одно съ д'Аламберомъ обязанности ученаго консультанта при морскомъ министерствѣ, пока во главѣ его оставался Тюрго. Съ переходомъ же послѣдняго на постъ министра финансовъ, онъ удовольствовался скромной должностью предсѣдателя комитета по уравненію мѣръ и вѣсовъ. Результатомъ его работъ была принятая учредительнымъ собраніемъ десятичная система, которую самъ Кондорсэ старался пропагандировать затѣмъ въ другихъ государствахъ Европы, обращаясь съ этой цѣлью письменно, между прочимъ, къ польскому королю Станиславу-Августу [3]). Во все время продолженія учредительнаго собранія Кондорсэ довольствуется постомъ сперва члена муниципальнаго совѣта столицы, а затѣмъ, по выходѣ Неккера въ отставку, однимъ изъ назначаемыхъ собраніемъ казначеевъ. Выбранный депутатомъ въ законодательный корпусъ, Кондорсэ тотчасъ же слагаетъ съ себя прежнія полномочія, и съ этого времени обязанности депутата до самой смерти остаются единственнымъ предметомъ его честолюбія. Какъ ораторъ, онъ не имѣлъ, однако, большого успѣха: ему недоставало голоса, дикціи, жестовъ. Это обстоятельство заставило его довольно рѣдко всходить на трибуну [4]) ограничиться ролью газетчика и политическаго памфлетиста. Для этого онъ имѣлъ всѣ нужныя качества. Еще Вольтеръ хвалилъ необыкновенную ясность его слова, ставя его въ этомъ отношеніи рядомъ съ д'Аламберомъ [5]). Не

---

[1]) Ibid., стр. 603.

[2]) Corresp. inédite. Письмо къ Тюрго, отъ 1774 года, стр. 199.

[3]) Письмо отъ 17-го апр. 1791 года. Oeuvres, т. I, стр. 330.

[4]) Въ томъ портретѣ, какой Кондорсэ пишетъ съ самого себя, прикрываясь именемъ Филодема, друга народа, изображенъ человѣкъ, который, рѣдко всходя на трибуну, говоритъ только то, что самъ считаетъ правдою, пренебрегая всякимъ внѣшнимъ успѣхомъ (Le véritable et le faux ami du peuple. Oeuvres, т. I, стр. 529).

[5]) См. письмо Вольтера къ Кондорсэ, отъ 1-го сент. 1772 года и 5-го декабря 1773 г. Oeuvres, т. I, стр. 9 и 21.

раздѣляя предразсудка людей науки противъ популяризаціи, Кондорсэ охотно принималъ названіе памфлетиста, замѣчая, что памфлетистомъ, очевидно, можно считать только человѣка, которому пришлось не разъ задумываться надъ законами своей родины и знакомить затѣмъ своихъ согражданъ съ результатами собственныхъ размышленій. Цицеронъ, Локкъ, Юмъ, Монтескьё были такими памфлетистами. Терминъ этотъ только входилъ въ употребленіе и впервые примѣненъ былъ въ уничижительномъ смыслѣ нѣкоторыми роялистами въ 1790 году [1]).

Какъ журналистъ, Кондорсэ сотрудничаетъ сперва въ „Journal de Paris", а затѣмъ въ основанной имъ самимъ „Библіотекѣ публичнаго дѣятеля". Здѣсь онъ печатаетъ рядъ компиляцій изъ Аристотеля, Маккіавелли, Бодэна, Бэкона, Юма, Локка, Адама Смита, снабжая трактатъ послѣдняго „О богатствѣ народовъ" своими примѣчаніями. Здѣсь же появляется его комментарій на XXIX книгу „Духа Законовъ" и четыре мемуара о народномъ образованіи, которые вмѣстѣ съ картиною человѣческаго прогресса даютъ Кондорсэ особое право на признательность потомства. По временамъ онъ печатаетъ также мемуары въ журналѣ клуба 1789 года, въ бюллетеняхъ основаннаго аббатомъ Фоше общественнаго союза, выходившихъ подъ заглавіемъ: „Желѣзный ротъ" (Bouche de fer). Вслѣдъ за бѣгствомъ въ Вареннъ онъ приступаетъ къ редакціи, въ сообществѣ съ Томасомъ Пэномъ, первой во Франціи республиканской газеты: „Республиканецъ или защитникъ представительнаго правительства". Эта газета, издаваемая, какъ значится на ея заглавномъ листѣ, обществомъ республиканцевъ, выходила весьма недолго. Вслѣдъ за неудачной манифестаціей 17-го марта „Республиканецъ" хирѣетъ и наконецъ вовсе прекращается. Въ октябрѣ 1791 года Кондорсэ снова пишетъ въ „Journal de Paris". Но его сотрудничество продолжается не болѣе двухъ недѣль; издатели вскорѣ были запуганы его республиканизмомъ, а онъ не согласился на поправки и оставилъ редакцію. 17-го ноября 1791 г. Кондорсэ вступаетъ въ число постоянныхъ сотрудниковъ „Парижской хроники" и остается имъ до 17-го марта 1793 г., т.-е. до погрома и истребленія шрифта той типографіи, въ которой печатался этотъ журналъ [2]). Вліяя на общественное мнѣніе своими брошюрами и статьями, Кондорсэ не отказывается также собирать у себя своихъ политическихъ единомышленниковъ, а ими долгое время были почти всѣ выдающіеся дѣятели революціи, не принадлежавшіе къ

---

[1]) См. Sur le mot pamphlétaire (1790). Oeuvres, т. I, стр. 527.

[2]) Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ сочиненія Робинэ, стр. 98, 102, 105.

королевской партіи, или къ ограниченному численно кружку французскихъ англомановъ. Бракъ на дѣвицѣ Груши, счастливо прервавшій неудачную страсть, едва не поведшую къ самоубійству, скоро сдѣлалъ изъ дома Кондорсэ одинъ изъ прекраснѣйшихъ и наиболѣе посѣщаемыхъ салоновъ Парижа. Его жена съ большой красотою соединяла выдающійся умъ и сердечность. Она извѣстна въ литературѣ переводомъ книги Адама Смита: „Теорія нравственныхъ чувствованій", и самостоятельнымъ мемуаромъ о симпатіи. Оклеветанная въ лагеряхъ, враждебныхъ ея мужу, изображаемая монархистами мстительнымъ честолюбцемъ, а Маратомъ—невѣрной супругой, она сохранила глубокую привязанность мужа до послѣднихъ минутъ его жизни. Ей посвящаетъ онъ свое едва ли не единственное стихотвореніе. Оно написано Кондорсэ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, въ то время, когда онъ скрывался въ гостепріимномъ домѣ госпожи Вернэ. Вспоминая о семигодичномъ супружествѣ, Кондорсэ заявляетъ, что былъ счастливъ все это время и счастливъ любовью жены. Все его горе сводится теперь къ необходимости жить далеко отъ нея и ребенка-дочери, улыбка которой ободряла его въ минуты усталости и горя [1]). Мысли о женѣ и дочери посвящаетъ Кондорсэ и послѣднія минуты своей жизни. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ проситъ свою великодушную укрывательницу, госпожу Вернэ, часто говорить Элизѣ (имя его ребенка) о глубокой привязанности, какою постоянно окружала его ея мать [2]). Въ совѣтахъ дочери, написанныхъ имъ въ то же время, онъ говоритъ и о нѣжности своей жены, и о ея большой умственной силѣ [3]).

Въ салонѣ госпожи Кондорсэ эпигоны энциклопедіи сходились съ выдвинутыми революціей новыми дѣятелями и мыслителями; здѣсь же появлялись посѣщавшіе Парижъ иностранцы. Докторъ Робиннэ приводитъ длинный списокъ лицъ, принадлежавшихъ къ числу ближайшихъ друзей дома. Въ немъ мы встрѣчаемъ имена: Гримма, Вилькса, Стерна, Юма, Робертсона, Адама Смита, Гиббона, Галліани, Беккаріи, Альфьери, Томаса Пэна, Макинтоша, женевца Дюмона, нѣмца Анахарзиса Клотца. Трудно перечислить всѣхъ выдающихся французовъ, бывавшихъ обычными посѣтителями этого салона. Лафайетъ встрѣчался въ немъ съ Мирабо, а когда умеръ послѣдній, его личный другъ докторъ Кабанисъ занялъ его мѣсто. Всѣ современники сходятся въ вос-

---

[1]) Epître d'un polonais exilé en Sibérie (Condorcet) à sa femme (дек 1793). Oeuvres, т. I.

[2]) См. Testament. Oeuvres, т. I, стр. 625.

[3]) Ibid., стр. 613.

торженной оцѣнкѣ красоты, граціи и ума госпожи Кондорсэ. Изамберъ называетъ ея домъ центромъ всей просвѣщенной Европы. Гара̀ говоритъ, что въ него перекочевали всѣ тѣ, кто посѣщалъ салонъ дѣвицы Леспинасъ, не исключая короля датскаго и пословъ Швеціи, Англіи и Америки. Въ этомъ салонѣ политическіе вопросы не замедлили занять выдающееся мѣсто, и многое изъ того, что̀ впослѣдствіи напечатано Кондорсэ въ формѣ брошюръ и журнальныхъ статей, изложено было сперва передъ друзьями и подвергнуто ихъ всестороннему обсужденію [1]).

V.

Однимъ изъ средствъ прямого воздѣйствія на общество было для Кондорсэ произнесеніе академическихъ рѣчей и чтеніе курсовъ въ основанномъ въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія свободномъ университетѣ, такъ называемомъ лицеѣ. Этотъ „лицей", просуществовавшій во Франціи до 1848 года, имѣлъ честь сдѣлаться по истинѣ колыбелью соціологіи, такъ какъ въ немъ не только были прочитаны лекціи Кондорсэ объ исторіи развитія математическихъ наукъ и астрономіи, но и преподаны Огюстомъ Контомъ его первые курсы. Въ академическихъ рѣчахъ Кондорсэ и въ его чтеніяхъ въ „лицеѣ" уже можно отмѣтить зарожденіе тѣхъ идей, которыя получатъ болѣе полное развитіе въ „Картинѣ прогресса человѣческаго разума" и въ опытѣ построенія науки, имѣющей предметомъ приложеніе математики къ обществовѣденію. Академическія рѣчи и лекціи занимаютъ Кондорсэ въ періодъ времени отъ 1782 года по 1787 годъ. Быстрый ходъ политическихъ событій вскорѣ отвратилъ его вниманіе отъ чисто научныхъ вопросовъ, заставляя предпочесть публицистическую дѣятельность. Но и въ своихъ памфлетахъ и журнальныхъ статьяхъ Кондорсэ не отказывается иногда отъ примѣненія той теоріи вѣроятностей, которой онъ придавалъ такое значеніе въ дѣлѣ научной постановки обществовѣденія. Такъ, напримѣръ, онъ прибѣгаетъ къ ней съ цѣлью доказать, что установленіе двухкамерной системы представительства не увеличитъ вѣроятности зрѣлыхъ рѣшеній. Онъ придавалъ этой теоріи такое значеніе, что основывалъ на ней по преимуществу свое право на политическую дѣятельность и на выборы въ депутаты. Отвѣчая тѣмъ, которые считали страннымъ видѣть его въ рядахъ кандидатовъ, Кондорсэ

---

[1]) См. Сочиненіе доктора Робинэ, стр. 78—84.

объявлялъ, что въ теченіе двадцати лѣтъ ему не приходилось проводить дня безъ обсужденія тѣхъ или другихъ политическихъ вопросовъ, и что въ частности имъ впервые внесена въ нихъ научная точность, благодаря примѣненію теоріи вѣроятностей.

Не вдаваясь въ подробности его профессорской дѣятельности, отмѣтимъ въ академическихъ рѣчахъ и публичныхъ лекціяхъ будущаго теоретика прогресса тѣ стороны, которыя доказываютъ, что задолго до начертанія имъ этой первой по времени попытки построить исторію цивилизаціи или, употребляя терминъ Конта, соціальную динамику, вполнѣ созрѣли въ его умѣ ея основныя положенія. Иначе трудно было бы объяснить, какъ при почти совершенномъ отсутствіи книжныхъ пособій въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ могла быть написана книга, требующая по истинѣ энциклопедическихъ знаній и въ частности обширныхъ свѣденій по исторіи наукъ.

Однимъ изъ основныхъ положеній Кондорсэ, принятыхъ затѣмъ Контомъ и всѣми современными историками культуры и гражданственности, и можно считать соотвѣтствіе и взаимодѣйствіе, существующее между успѣхами знаній, искусствъ, нравственности, общественныхъ и политическихъ формъ. Эта мысль намѣчена Кондорсэ уже 21-го февраля 1782 года въ рѣчи, произнесенной по случаю пріема во французскую академію. „Всякое открытіе въ наукахъ,—читаемъ мы въ ней,—есть благодѣяніе человѣчеству; ни одно не остается безплоднымъ". Доказывая громадные успѣхи, сдѣланные человѣческимъ знаніемъ въ XVIII вѣкѣ, онъ на первый планъ выдвигаетъ тотъ фактъ, что и общественныя науки пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ точность наукъ физическихъ. Опираясь, подобно имъ, на наблюденіи фактовъ, онѣ должны слѣдовать тому же методу и пріобрѣсть ту же точность и опредѣленность терминологіи и ту же несомнѣнность, что и науки физическія [1]).

Одного этого отрывка достаточно, чтобы признать въ Кондорсэ предвозвѣстника научныхъ стремленій нашего времени. Но на этомъ не ограничивается сходство заявленій, сдѣланныхъ Кондорсэ еще въ 1782 году, съ тѣми, къ какимъ пріучили насъ современные соціологи. Кондорсэ вѣрно указываетъ и причину, по которой ростъ общественныхъ наукъ долженъ быть медленнѣе того, какому слѣдовали научи физическія. Хотя онѣ и имѣютъ въ основѣ наблюденія, но эти наблюденія производятся лицами, пристрастно относящимися къ ихъ резуль-

[1]) Oeuvres, т. I, стр. 332.

татамъ. Не будь этого, имѣй мы возможность относиться къ общественнымъ фактамъ съ тѣмъ же объективизмомъ, съ какимъ мы изучаемъ жизнь бобровъ или пчелъ, мы бы могли разсчитывать на ту же несомнѣнность выводовъ, какая присуща наукамъ физическимъ. Вотъ, разумѣется, самое серьезное возраженіе противъ того метода самонаблюденія, въ которомъ метафизика и долгое время психологія искали единственный путь къ построеніямъ. Позитивисты XIX-го вѣка не могли бы сказать на этотъ счетъ ничего сильнѣе. Завершеніе прогресса физическихъ наукъ зарожденіемъ новыхъ наукъ общественныхъ, которыя для Кондорсэ имѣютъ ближайшей цѣлью человѣческое благополучіе (dont le but direct est le bonheur de l'homme), позволяетъ ему говорить о неизбѣжномъ воздѣйствіи, какое прогрессъ наукъ оказываетъ на прогрессъ нравственности и добродѣтели. Протестуя противъ обратнаго мнѣнія Руссо, Кондорсэ указываетъ и на бо̀льшую рѣдкость войны, и на смягченіе допускаемыхъ ею жестокостей, и на прекращеніе тѣхъ религіозныхъ преслѣдованій, которыми омрачены были предшествовавшія столѣтія. Все это—наглядныя доказательства тому, что и въ области нравственности совершился значительный прогрессъ. „Сравните,—говоритъ онъ,—наше столѣтіе съ прошлыми, смотря на него глазами историка. Вы найдете, что въ тѣхъ столѣтіяхъ, которыя кажутся вамъ столь добродѣтельными, болѣе грубый развратъ соединялся съ болѣе необузданной жестокостью и съ низкой алчностью. Пороки, почти неизвѣстные нашему времени, составляли отличительныя черты народнаго характера, а преступленія считались обыденными фактами. Посмотрите теперь, что̀ дѣлается въ наши дни. Съ одного конца Европы до другого люди просвѣщенные напрягаютъ всѣ свои усилія къ человѣческому благополучію. Варварскій обычай пытки почти отмѣненъ, и общественное мнѣніе, всемогущее, когда имъ руководитъ гуманность, требуетъ новыхъ и новыхъ реформъ. Американцы разрывомъ собственныхъ цѣпей указали на необходимость разорвать цѣпи своихъ рабовъ (негровъ). Первые они призвали всѣхъ гражданъ своего государства къ равнымъ правамъ и равной свободѣ. Рѣшеніе португальской королевы, что въ ея владѣніяхъ не будетъ болѣе рождаться рабовъ, также является счастливымъ залогомъ, что свобода черныхъ—ненавистный остатокъ варварской политики XVI-го вѣка—перестанетъ вскорѣ безчестить наше время“ [1]). Кондорсэ указываетъ также,

[1]) Прекращенію торга неграми и ихъ освобожденію Кондорсэ посвятилъ особый трактатъ въ 1781 году, появившійся снова въ 1788. Въ немъ разобраны всѣ возраженія противниковъ аболиціонизма и доказывается возможность замѣны насильствен-

какъ на доказательство прогресса нравовъ, на то обстоятельство, что сумасшедшихъ перестали заковывать въ цѣпи, что общественная благотворительность и въ частности призрѣніе недужныхъ встрѣтили въ правительствахъ Европы небывалую дотолѣ поддержку; наконецъ, что преграды, мѣшавшія мирному развитію народовъ, и въ частности торговые запреты—падаютъ съ каждымъ днемъ, и монархи Европы все болѣе и болѣе проникаются той мыслью, что истинный интересъ ихъ націй неразлученъ съ интересами человѣчества.

Имѣя въ виду мнѣніе тѣхъ писателей, которые думаютъ, что прогрессъ знаній невыгодно отразится на прогрессѣ искусствъ, Кондорсэ особенно настаиваетъ на той мысли, что руководящіе ими принципы также являются плодомъ наблюденія и опыта; а если такъ, то, очевидно, искусства должны совершенствоваться по мѣрѣ того, какъ наблюденія становятся болѣе методичными, точными и тонкими. Языкъ, который онъ также относитъ къ области искусства, обогащается и совершенствуется, теряя въ то же время въ своей образности. Изящная литература выигрываетъ отъ распространенія знаній, и въ доказательство Кондорсэ приводитъ примѣръ Вольтера, талантъ котораго возросъ и расширился подъ вліяніемъ накопленныхъ имъ свѣденій. Искусства не только не падаютъ съ успѣхами знаній, но они остановились бы въ своемъ ростѣ, еслибы науки не прогрессировали. Вѣдь искусство состоитъ въ подражаніи, а слѣдовательно новыя и болѣе обстоятельныя наблюденія могутъ доставить художнику тѣ новыя точки зрѣнія и тѣ новыя комбинаціи, которыя внесутъ оригинальность въ его творчество [3]).

Однимъ изъ положеній контовской философіи является единство человѣческаго знанія и связь отдѣльныхъ наукъ между собою. Эта истина сознается Кондорсэ еще въ 1784 году. Въ похвальномъ словѣ, посвященномъ памяти д'Аламбера, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующее заявленіе: „науки связаны неразрывной цѣпью между собою, и въ тѣхъ своихъ частяхъ, въ которыхъ онѣ стоятъ всего ближе другъ къ другу, онѣ ока-

---

наго труда черныхъ свободнымъ трудомъ бѣлаго населенія. Въ числѣ мотивовъ къ уничтоженію торга неграми приводятся, между прочимъ, правильно понятые интересы самихъ плантаторовъ, страдающихъ отъ непроизводительности несвободнаго труда и дурного качества обработки. Кондорсэ желаетъ, чтобы освобожденіе негровъ совершилось безвозмездно. См. т. VII, Réflexions sur l'esclavage de Nègres. Neuchatel, 1781. Стр. 63—140.

[3]) Discours prononcé dans l'académie française (le jeudi 21 février 1782). Oeuvres, т. I, стр. 393--404.

зываютъ взаимныя услуги [1]). Правда, Кондорсэ далекъ еще отъ мысли поставить эту помощь въ зависимость отъ того іерархическаго порядка, въ какомъ слѣдуютъ одна за другой эти науки. Самая іерархія ихъ по началу умаляющейся абстрактности ему неизвѣстна, и онъ допускаетъ возможность непосредственной помощи математики при рѣшеніи задачъ обществовѣдѣнія.

Огюстъ Контъ строго осудилъ попытки, сдѣланныя имъ въ этомъ направленіи, и его послѣдователи, какъ доказываетъ примѣръ доктора Робиннэ, по справедливости настаиваютъ на той мысли, что общественныя явленія слишкомъ сложны, чтобы допустить примѣненіе къ нимъ математическаго метода, имѣющаго дѣло только съ такими наипростѣйшими явленіями, какъ количества и измѣренія. Нельзя однако отрицать того, что приложеніе простой ариѳметики къ вычисленію смертностей и рожденій дало возможность Кетлэ построить цѣлую науку, и что примѣненіе математическаго метода къ политической экономіи, не обогативъ ее новыми истинами, позволило формулировать ихъ точнѣе. Но все, что сдѣлано въ наше время въ томъ или другомъ направленіи, уже предвидится Кондорсэ, который сперва въ лекціяхъ, читанныхъ въ лицеѣ, затѣмъ въ особомъ трактатѣ, посвященномъ обоснованію того, что онъ называетъ соціальной математикой, доказываетъ возможность и пользу примѣненія ариѳметики, геометріи, алгебраическаго анализа и теоріи вѣроятностей къ рѣшенію такихъ, напримѣръ, вопросовъ, какъ опредѣленіе причинъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ смертность, причинъ, обусловливающихъ собою колебаніе цѣнъ и тому подобное. Кондорсэ не имѣетъ въ виду упраздненія политической экономіи и замѣны ея придуманною имъ новою наукою. Наука, созданная Тюрго и Адамомъ Смитомъ, имѣетъ свой особый методъ — наблюденіе и дедукцію; но въ ней чувствуется на каждомъ шагу потребность въ вычисленіяхъ, и этой-то потребности и должна удовлетворить заимствующая у нея посылки соціальная математика [3]). Ни Кетлэ, ни Джевонсъ, ничего не имѣютъ противъ такого пониманія пользы, какую общественныя науки могутъ извлечь изъ примѣненія къ нимъ математики.

Мы изучили въ Кондорсэ экономиста, метафизика, политика,

---

[1]) Discours de M. de Condorcet en réponse à celui de M. de comte de Choiseul-Gouffier (le jeudi 26 février 1784). Oeuvres, т. I, стр. 489.

[2]) См. Discours sur l'astronomie et le calcul des probalités lu au lycée 1787. (Oeuvres, т. I, стр. 500—503), а также: Tableau général de la science qui a pour objet l'application du calcul aux sciences politiques et morales. (Ibid., стр. 539 и слѣдующія до 573).

мы представили его борцомъ за торжество принциповъ энциклопедіи, физіократіи, школы естественнаго права и народнаго самовластія, наконецъ, теоріи прогресса, впервые формулированной Тюрго. Намъ остается представить его въ новомъ свѣтѣ, какъ одного изъ ближайшихъ творцовъ республики и организатора ея системы публичнаго образованія, наконецъ, какъ основателя соціологіи или точнѣе—соціальной динамики.

Максимъ Ковалевскій.

ГЕКТОРЪ

ОТРЫВОКЪ.

Восемь часовъ утра, самоваръ стоитъ на столѣ, маленькой дѣвочкѣ пора идти въ гимназію.

— Зининька!—будитъ ее горничная.

Папа и мама зовутъ дѣвочку Зиной и Зиночкой, братъ Вася называетъ ее чаще всего „Зинка“, но горничныя и кухарки почему-то зовутъ ее непремѣнно „Зининька“.

Дѣвочка молчитъ и продолжаетъ лежать въ своей кроваткѣ, укутанная одѣяломъ.

Горничная дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ кроваткѣ, но изъ-подъ одѣяла выставляется черная голова собаки съ оскаленными острыми и крѣпкими зубами. Горничная отступаетъ и снова начинаетъ уговаривать дѣвочку.

— Ну что, право, Зининька! маменька опять сердиться будутъ.

Дѣвочка не отзывается и потихоньку поглаживаетъ подъ одѣяломъ Гектора, поощряя его къ дальнѣйшимъ воинственнымъ мѣропріятіямъ.

— Вотъ, барыня,—обращается горничная къ входящей мамѣ: —Вехторъ опять не пущаетъ.

— Вставай, Зина!—строго говоритъ мама и съ рѣшительнымъ видомъ подходитъ къ кроваткѣ.

При такомъ явномъ нападеніи, Гекторъ вскакиваетъ на всѣ четыре ноги, злобно рычитъ и принимаетъ такой видъ, который ясно выражаетъ, что кому жизнь недорога, тотъ можетъ подойти, но за послѣдствія онъ, Гекторъ, не отвѣчаетъ. Мама, какъ и горничная, понимаютъ это и отступаютъ отъ кровати.

— Пошелъ, Гекторъ! — кричитъ издали мама; но Гекторъ

находитъ, что другъ его въ опасности, и рѣшается грудью защищать его отъ всего свѣта.

Маленькая дѣвочка давно проснулась и однимъ глазомъ выглядываетъ изъ-подъ одѣяла. Она знаетъ, что пора вставать и успѣла уже увидѣть на столѣ свою любимую горячую шаньгу, которую такъ вкусно приготовляетъ по утрамъ для нея Аксинья; но постель такъ тепла и то, чтò передъ ней происходитъ, такъ интересно, что она продолжаетъ притворяться спящей.

Маленькій шарикъ изъ хлѣба попадаетъ ей въ носъ—послѣднее средство, которое остается въ такихъ случаяхъ мамѣ, и дѣвочка вскакиваетъ съ кроватки.

— Чтò это, мама!—недовольнымъ голосомъ говоритъ она:—вѣдь такъ можно испугать человѣка. Знаешь, какъ это опасно!

Мама, очевидно, не видитъ въ этомъ большой опасности и дѣлаетъ строгое внушеніе соскочившему съ кровати Гектору. Гекторъ сконфуженъ. Онъ всѣмъ видомъ старается показать, что такъ поступать онъ больше не будетъ и съ поджатымъ хвостомъ, бочкомъ по стѣнѣ пробирается къ двери.

— Вотъ я прогоню твоего Гектора, если это будетъ повторяться!—говоритъ мама.

Дѣвочка сидитъ за столомъ, торопливо пьетъ горячій чай и ѣстъ свою шаньгу. Передъ ней лежитъ раскрытая ариѳметика, которая служитъ ей надежной крѣпостью отъ всякихъ нападеній мамы.

— Ахъ, мама, развѣ ты не видишь, я повторяю урокъ, — отвѣчаетъ она.

Дѣвочка не особенно безпокоится. *Это* повторяется каждое утро, и тѣмъ не менѣе она увѣрена, что мама никогда не прогонитъ Гектора, такъ какъ любитъ Гектора именно за то, что онъ такъ привязанъ къ ея дѣвочкѣ. Она одѣта; за дверью ждетъ ее вѣрный Гекторъ.

— Ну, Гекторчикъ, въ гимназію!

Они опоздали и бѣгомъ отправляются оба въ путь. Между Гекторомъ и гимназическимъ сторожемъ всегда происходятъ нѣкоторыя недоразумѣнія, такъ какъ Гекторъ опасается отпустить дѣвочку одну внутрь этого большого темнаго каменнаго дома и порывается проскользнуть за ней. Обстоятельства сильнѣе насъ, и Гектору приходится уходить одному домой. Онъ идетъ спокойнымъ шагомъ, съ самоувѣреннымъ видомъ, равнодушно посматривая на собакъ, снующихъ на городской площади. Городскія собаки знаютъ его и по надлежащей стоимости оцѣниваютъ его широкую грудь, стальные мускулы и острые, крѣпкіе зубы.

Если на него нападала какая-нибудь деревенская глупая собака, онъ даже и не грызся съ ней, а только налеталъ на нее грудью, и отъ этого удара собаки гораздо крупнѣе его летѣли кубаремъ и не повторяли больше своихъ попытокъ.

Гекторъ заходитъ въ конюшню повидаться со своимъ старымъ пріятелемъ—съ маленькой, но крѣпкой и быстрой сибирской лошадкой. Соловко коситъ на него глаза и переступаетъ съ ноги на ногу. Съ Гекторомъ они старые пріятели еще по обозамъ, въ которыхъ они вмѣстѣ хаживали между Томскомъ и Красноярскомъ, по тѣмъ долгимъ странствованіямъ, въ которыхъ прошла вся жизнь Гектора, отъ которыхъ у него посѣдѣла грудь, прострѣлено пулей ухо и многочисленные рубцы на кожѣ свидѣтельствуютъ о битвахъ, которыя ему приходилось вести съ волками и лихими людьми, нападавшими на обозы.

Соловко боится болѣе демонстративно привѣтствовать своего друга, такъ какъ въ эту минуту его чиститъ кучеръ Михайло, а Михайло сегодня сердитъ, что̀ Соловко отлично чувствуетъ по тому, какъ скребница ходитъ по его спинѣ.

У Михайла болитъ шея, болитъ спина, всего его ломаетъ, а въ обломокъ зеркала, сохраняющагося въ его сундучкѣ, онъ увидѣлъ утромъ не совсѣмъ пріятную опухоль подъ лѣвымъ глазомъ. Но не это смущаетъ Михайла... У него осталось смутное воспоминаніе, что ночью въ кухню заходилъ баринъ и съ бариномъ у нихъ вышелъ разговоръ; какой разговоръ — онъ не помнитъ, но полагаетъ, что разговоръ былъ непріятный. Михайло оставляетъ Соловко, садится на порогѣ конюшни и посылаетъ себѣ въ носъ хорошую понюшку табаку, что̀ всегда въ подобныхъ случаяхъ освѣжаетъ его мыслительныя способности.

Такъ и теперь. Въ смутной головѣ Михайла начинаютъ мелькать кое-какія подробности вчерашняго вечера...

Было пито... это онъ твердо помнитъ, и три листика тоже... И какъ это у него съ картой неладно вышло! всегда удавалось, а тутъ на́-поди! и эти дьяволы, пріисковые рабочіе. Въ особенности съ удовлетворительною ясностью вспоминается Михайлѣ одна мерзкая рожа... и кулачище у подлеца!..

Михайло даже сплевываетъ и невольно трогаетъ свою шею. „Ну, такъ, это̀ все было... А дальше?“...

Тутъ нить воспоминаній прерывается, и Михайло съ недоумѣніемъ разсматриваетъ валяющійся у порога разбитый фонарь, тщетно силясь установить связь между нимъ и тѣмъ ночнымъ разговоромъ съ бариномъ, который въ особенности интересуетъ

Михайла. Онъ посылаетъ въ носъ вторую понюшку и снова возвращается къ вчерашнему вечеру въ Береговомъ кабакѣ.

— Челдонъ, такъ онъ челдонъ и есть! — вслухъ выговариваетъ Михайло.

Къ челдонамъ онъ относится враждебно. Какъ-ни-какъ, все-таки онъ, Михайло, дьячкомъ былъ, да еще подъ Москвой. Два года въ духовномъ училищѣ учился. Ну, взломалъ кружку, это вѣрно,—такъ вѣдь въ кружкѣ-то всего два рубля шестнадцать копѣекъ было. И за такія-то деньги жизнь долженъ кончать съ ними, съ челдонами!.. Отецъ у него въ дьяконскомъ санѣ состоялъ, а братъ и сейчасъ профессоромъ семинаріи, надворный совѣтникъ, — должны бы, кажется, понимать, а они безо всякаго вниманія—въ ухо... Черти! право, черти!

— Эй вы, челдоны! — кричитъ онъ на лошадей.

Во время размышленій Михайла, Соловко пробрался къ мѣшку съ овсомъ, довольно ловко просунулъ голову въ мѣшокъ и въ эту минуту спокойно жевалъ овесъ, пофыркивая и переступая съ ноги на ногу.

Толстая гнѣдая Просвирня употребляла напрасныя усилія отодвинуть Соловко и просунуть и свою голову въ мѣшокъ.

Отъ удара полѣномъ, которое запустилъ въ нее Михайло, она лѣниво побрела въ стойло, а Соловко вынулъ голову изъ мѣшка и косился на Михайла, давая понять, что совѣсть его чиста и онъ тутъ не при чемъ.

Михайлѣ скучно, Михайло тоскуетъ.

— Ты, Вехторъ, иси, сюда!—кричитъ онъ. — Ну, служи!

Гекторъ, какъ и вся Сибирь, демократическаго происхожденія и демократическаго образа мыслей, и учиться у Михайла служить на заднихъ лапахъ, и вообще аристократическимъ манерамъ не желаетъ. Оскорбленный грубымъ тономъ и попыткой поставить его на заднія лапы, онъ выходитъ изъ конюшни, равнодушно пропускаетъ мимо ушей посланное ему въ догонку восклицаніе Михайла: „дуракъ!“—и направляется въ кухню.

Кухню Гекторъ любитъ; тамъ такъ тепло и такъ славно пахнетъ, и его отношенія съ Аксиньей вполнѣ дружественныя. Онъ съѣдаетъ завтракъ и растягивается на своемъ любимомъ мѣстѣ, возлѣ плиты. Одинъ глазъ его засыпаетъ, а другой бодрствуетъ и лѣниво слѣдитъ за тѣмъ, какъ Аксинья управляется въ кухнѣ.

— Чтò, Кехтуръ: — говоритъ Аксинья, она недавно поступила и еще не выучилась, какъ слѣдуетъ, выговаривать Вехторъ, — чай вѣдь Зининька идетъ.

При словѣ: „Зининька“, Гекторъ вскакиваетъ и бѣжитъ къ мосту, гдѣ обыкновенно происходитъ встрѣча двухъ друзей.

— Зинаида Васильевна! — останавливаетъ дѣвочку Михайло. Онъ большой политикъ и знаетъ, что маленькой дѣвочкѣ очень лестно, когда ее называютъ по имени и отчеству.

— Что̀ я васъ хотѣлъ попросить! — говоритъ онъ, маня дѣвочку въ конюшню. — Ежели, можетъ, разговоръ съ папенькой выйдетъ, будьте столь прекрасны — словечко за меня!

— Что̀ это у тебя, Михайло? — всматривается дѣвочка въ распухшій глазъ Михайла, успѣвшій посинѣть съ утра: — гдѣ ты ушибся?

— Вотъ въ этомъ-то и притча, — отвѣчаетъ Михайло. — Ночью, знаете, обряжалъ Соловко... Кабы у насъ фонарь настоящій былъ, какъ у другихъ людей... задуло вѣтромъ, я споткнулся о порогъ-то, да вотъ объ эту скамейку и хряснулся. И фонарь-то разбилъ.

— Больно, Михайло? — спрашиваетъ дѣвочка.

Какъ всегда, когда она слышитъ о чьей-нибудь боли, у нея начинаетъ ныть подъ ложечкой.

— Ужъ такъ ли, барышня, больно! свѣтъ помутился, и по сейчасъ спину ломитъ.

— Вотъ, погоди, я сейчасъ сбѣгаю къ мамѣ, — примочку принесу.

— Нѣтъ, барышня, не безпокойтесь, — останавливаетъ ее Михайло: — пройдетъ, бывальщина...

Въ голосѣ Михайла слышатся жалобныя ноты.

— Вы, вѣдь, вотъ, Зинаида Васильевна, посмотрѣли, сейчасъ увидѣли, что ушибся, а папенька извѣстно, подумалъ на другое; а я, сейчасъ умереть, вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ... „Получай разсчетъ“... Конечно, они въ своемъ правѣ, наймутъ другого кучера, а я страдать долженъ. Время-то идетъ осеннее, холодное. Бѣднаго человѣка долго ли обидѣть...

Михайло куксить здоровый глазъ и выказываетъ рѣшительное намѣреніе заревѣть.

— А ужъ я ли, кажется, Соловка не жалѣлъ! Ночью-то встанешь сколько разъ, посмотришь, потому Соловко лошадь, — не то, что эта вотъ дура, Просвирня-то! — Дѣвочка очень любила Соловка и терпѣть не могла Просвирню. — Ужъ вы, Зинаида Васильевна, не оставьте, попросите папеньку.

— Хорошо, хорошо, — спѣшитъ успокоить его дѣвочка, уходя изъ конюшни. Она волнуется, она возмущена до глубины души. Человѣкъ ушибся, а его прогоняютъ, и такую несправедливость

сдѣлалъ ея папа, котораго она всегда считала такимъ справедливымъ!

Въ комнатахъ не оказалось ни папы, ни мамы, она успѣла успокоиться и направляется въ кухню.

— Ну, чтò, Зининька, много васъ нынче учили?—спрашиваетъ ее Аксинья.

Онѣ состоятъ въ очень близкихъ отношеніяхъ. Маленькая дѣвочка учитъ Аксинью читать, и пусть успѣхи не слишкомъ велики, зато учительница и ученица совершенно довольны ими.

— Кочерыжка есть? — спрашиваетъ вмѣсто отвѣта дѣвочка.

— Маменька опять браниться будутъ, — сопротивляется Аксинья.

— Я только немножко, Аксиньюшка, мама не узнаетъ.

За кочерыжкой слѣдуютъ брюква, рѣпа и прочіе сибирскіе фрукты, — все то, чтò такъ строго запрещается наверху, въ комнатахъ.

Дѣвочка усаживается съ ногами на кровать Аксиньи, и начинается обычный дружественный передъ-обѣденный обмѣнъ мыслей между Аксиньей и маленькой дѣвочкой.

— Гектора кормила?—предварительно освѣдомляется дѣвочка.

— Какъ же, Зининька, рубцы варила.

Дѣвочка смотритъ, какъ Аксинья, здоровенная двадцатипятилѣтняя дѣвушка, управляется съ горшками, и теперь ея лицо— серьезное и дѣловое—очень нравится ей и совсѣмъ не кажется смѣшнымъ, какъ тамъ на верху, въ комнатахъ, гдѣ Аксинья не могла сказать слова, не покраснѣвши до корня волосъ. Дѣвочка молчитъ и думаетъ свою думу, которая уже давно занимаетъ ее.

— А можетъ, Аксинья, Гекторъ изъ человѣковъ?

Аксинья поворачиваетъ отъ печки удивленное лицо.

Мысли въ головѣ дѣвочки толпятся во множествѣ, все бѣгутъ и толкаютъ другъ друга и выскакиваютъ, не всегда одѣвшись, какъ слѣдуетъ.

— Можетъ, Гекторъ людъ,—поправляется дѣвочка.

Слово опять вышло неподходящее, дѣвочка сердится; но Аксинья отлично понимаетъ ея мысль.

— И очень просто, Зининька, — немедленно соглашается она:—развѣ не бываетъ. Съ сестрой у меня случилось...

— Ну?—по-сибирски протягиваетъ дѣвочка.

— Хозяинъ пропалъ у ней...

— Какъ пропалъ?

— Въ рѣкѣ утопъ. Ну, она тосковать, сестра-то. Тосковать да тосковать, совсѣмъ-было ума рѣшилась. И стала тутъ летать

къ ней птичка. Такъ, махонькая птичка—все пикъ да пикъ... И день летаетъ, и мѣсяцъ летаетъ. Ежели сестра въ избѣ сидитъ, птичка у оконца вьется; въ огородѣ работаетъ—птичка на рябину сядетъ и все пикъ да пикъ, пикъ да пикъ...

Стала сестра примѣчать и говоритъ однова: „что ты птичка пикаешь?"

А птичка-то ей человѣчьимъ голосомъ: „Али не узнала, Дунюшка? Пошто убиваешься! будетъ тосковать-то!" И пропала.

По мѣрѣ разсказа глаза дѣвочки расширяются, и она спрашиваетъ:

— Онъ?

— Онъ.

— Ну, а сестра-то?

— Օмрокъ ошибъ ее. Такъ безъ памяти и нашли въ грядахъ. Ну, потомъ ничего, отошла и тосковать меньше стала.

Дѣвочка молчитъ, подавленная разсказомъ, а мысли все толпятся, все бѣгутъ.

— Это, значитъ, душа...

— Одно дѣло, душенька его. Батюшка Царь-Небесный отпущалъ.

— А какъ же, Гекторъ-то? Онъ же живъ...

— Кехтуръ-то?—переспрашиваетъ Аксинья и задумывается.— И этакъ бываетъ,—поправляется она.—Мамонька сказывала, у нихъ въ деревнѣ,—изъ Большой Алани она взята,—мужикъ два года медвѣдемъ бѣгалъ.

— А можетъ, это настоящій медвѣдь?—сомнѣвается дѣвочка.

— Какой медвѣдь! Съ рыжиной медвѣди-то. А это чо-ор-ный... и мужикъ-то былъ черный, ровно сажа... И въ берлогу не ложился. Сколько скота перепортилъ! и все больше, Зининька, со своего двора. Хозяйку помялъ-было.

— Съѣлъ?—встревожилась дѣвочка.

— Нѣтъ, такъ поломалъ маленько... А потомъ опять объявился въ человѣчьемъ видѣ, худой-худой изъ себя, да скучный. И гдѣ пропадалъ—молчитъ.

— Какъ царь Навуходоносоръ, — въ раздумьѣ говоритъ дѣвочка.

— Чтò царь?—заинтересовывается Аксинья.

— А это... царь былъ такой, Навуходоносоръ. Такъ Богъ разсердился на него, на семь лѣтъ быкомъ сдѣлалъ.

Аксинья поставила ухватъ на полъ. Лицо ея знаменуетъ неописуемое изумленіе.

— А ты не врешь часомъ, Зининька?

— Ну вотъ! Хочешь я тебѣ книжку принесу.

— Царь? говоришь, Ухосоръ?

Дѣвочка заливается хохотомъ.

— Наву-ходо-носоръ,—смѣется она.

— Я и говорю: Вухосоръ. Слышала...

Аксинья дѣлаетъ обиженное лицо; дѣвочка перестаетъ смѣяться и подтверждаетъ:

— Ну да, Вухосоръ.

— Настоящій царь?—спрашиваетъ Аксинья.

— Надъ всѣми царями царь.

— И быкомъ, говоришь? Пасся? Траву щипалъ? Семь годовъ?

Щи выступаютъ въ печкѣ изъ чугуна, но Аксинья такъ поражена, что ничего не замѣчаетъ.

Обѣ молчатъ, охваченныя важностью обсуждаемой темы, и обѣ взглядываютъ на Гектора. Гекторъ лежитъ у плиты, на своемъ любимомъ мѣстѣ, и дѣлаетъ такой видъ, какъ будто разговоръ идетъ совсѣмъ не о немъ. Одинъ глазъ у него спитъ, а другой неопредѣленно блуждаетъ по кухнѣ.

— Я и то стала примѣчать, Зининька,—уже полушопотомъ, съ испуганнымъ видомъ, говоритъ Аксинья, наклонившись къ дѣвочкѣ.—Запримѣтила ты, Кехтуръ ровно въ полночь изъ горницъ выходитъ?

Еще бы дѣвочкѣ не знать этого: каждую ночь въ двѣнадцать часовъ Гекторъ скребется въ дверь, пока горничная не встанетъ, не выпуститъ и опять не впуститъ его.

— Ну?—спрашиваетъ она.

— Такъ примѣчала я за нимъ,—говоритъ Аксинья:—спустится это съ лѣстницы и сейчасъ къ конюшнѣ. Постоитъ у дверей, послушаетъ; потомъ къ воротамъ, къ амбару, къ погребу. У кухни постоитъ, ровно вотъ человѣкъ, хозяинъ который настоящій... Въ порядкѣ ли, молъ, все, заперто ли, прибрано ли. И не лаетъ, развѣ за воротами кто шляется.

Послѣ долгаго молчанія дѣвочка выговариваетъ:

— А мама вотъ все не вѣритъ, говоритъ—глупости.

— Да вѣдь маменька ваша ученая, да и по городамъ все больше жили, ну а въ городахъ-то этого не слыхать. Да вотъ и ты, Зининька, говоришь... царь Вухосоръ-то.

Въ головѣ дѣвочки происходитъ борьба; она вѣритъ и мамѣ, но теперь доводы Аксиньи, подкрѣпленные ея личнымъ опытомъ и примѣромъ царя Навуходоносора, кажутся ей гораздо болѣе убѣдительными, чѣмъ голословное заявленіе мамы, что этого не бываетъ.

II.

Дѣвочка въ большомъ горѣ. Конечно, безъ горя не проживешь, но бываютъ такіе дни, когда, кажется, всѣ горя сваливаются на человѣческую голову. Такъ было и съ дѣвочкой въ этотъ день. Началось съ пожара. Дѣвочка не могла не побѣжать къ горѣвшему дому, когда мимо нея проскакали пожарные. Разыскала ее тамъ горничная, посланная мамой, и привела въ довольно плачевномъ видѣ, съ мокрыми волосами и мокрымъ платьемъ. Семья сидѣла уже за столомъ, и дѣвочку встрѣтили не особенно ласково.

Ну, папа еще ничего, онъ всегда пріѣзжаетъ къ обѣду усталый и сердитый, но маму она рѣшительно отказывалась понимать. Во-первыхъ, мама должна знать, что ея дѣвочка давно рѣшила послѣ гимназіи поступить въ пожарные, и сколько разъ она именно мамѣ разсказывала, какъ въ мѣдной каскѣ съ крикомъ: „берегись!“ будетъ летѣть она на тройкѣ лошадей съ колокольчикомъ и какъ влѣзетъ въ горящій домъ и вытащитъ маленькаго ребеночка, котораго забыла какая-нибудь другая мама. А потомъ, что-жъ тутъ особеннаго, что платье и волосы мокры, вѣдь мочитъ же людей дождикъ. И случилось это очень просто. Она хотѣла немножко поближе посмотрѣть,—ну подъ трубу и попала! Обидно было, что отъ мамы досталось по дорогѣ и Гектору, оказавшемуся въ такомъ же прискорбномъ положеніи и попытавшемуся влѣзть на диванъ,—хотя мама должна понимать, что Гекторъ тутъ совсѣмъ ужъ не при чемъ.

Обѣдъ вышелъ вообще непріятный для дѣвочки. Когда она заговорила-было папѣ, что Михайла нехорошо обижать и прогонять за то, что онъ ушибся въ конюшнѣ, папа очень сурово остановилъ ее, сказавши, что ей не слѣдуетъ мѣшаться не въ свое дѣло, и что она маленькая дѣвочка и ничего не понимаетъ. „Маленькая дѣвочка“, когда ей почти девять лѣтъ! Это второе горе. Потомъ этотъ противный Васька, братъ ея. Воображаетъ о себѣ, что первоклассникъ—дѣвочка была приготовишка—и ужъ все знаетъ. А Васька въ этотъ разъ говорилъ особенно возмутительныя вещи. Говорилъ, что дѣвочкѣ за ея пятерки у нихъ въ гимназіи ставили бы колы, что дѣвчонокъ учатъ такъ-себѣ, и дошелъ до того, что высказалъ общую мысль, что всѣ дѣвчонки дуры, и что потому ихъ и не учатъ латинскому языку.

Обидно было, что мама противъ обыкновенія не поддержала ее, и папа такъ странно улыбался надъ тарелкой. Положимъ,

по мѣрѣ силъ она защищалась и выдвинула цѣлый рядъ обвинительныхъ пунктовъ:—гимназисты во время класса играютъ въ карты и проигрываютъ все имущество до послѣдняго перышка, а второклассники курятъ табакъ, и вообще это народъ отвратительный — пьяницы, картежники и мошенники. Спеціально же Васѣ она предсказала горькую судьбу—сдѣлаться жиганомъ и пьяницей.

— Ты хорошенько подумай, Васенька,—говорила она тѣмъ особенно ласковымъ тономъ, отъ котораго Вася приходилъ въ бѣшенство:—вотъ и будешь, какъ Ванька Безпечальный, по кабакамъ шляться.

Здоровый тумакъ въ бокъ, полученный ею отъ Васи за „жигана",—далъ ей нѣкоторое удовлетвореніе, но тѣмъ не менѣе она чувствовала, что вышла изъ спора неполной побѣдительницей, и эти дурацкіе древніе языки остались вѣчнымъ оружіемъ противъ нея.

Но самое горькое вышло послѣ обѣда, когда мама только за то, что дѣвочка хотѣла идти на пожаръ, чтобы посмотрѣть, загорѣлся ли сосѣдній домъ, о каковомъ обстоятельствѣ были большіе споры въ толпѣ, сказала ей, что она гадкая, и что такую гадкую дѣвочку мама вовсе не желаетъ любить.

Это уже было выше силъ восмилѣтней человѣческой души; и потому дѣвочка лежала въ спальнѣ поперекъ широкой кровати,—обычнаго мѣста, гдѣ изливались ея горести,—энергично болтала ногами и кричала на весь домъ тѣмъ ровнымъ, безъ повышеній и пониженій, отчаяннымъ плачемъ, который, какъ ей было извѣстно по долговременному опыту, имѣлъ особенное свойство разжалобить ея маму. Время отъ времени она останавливалась, чтобы прислушаться, не идетъ ли мама мириться; но мама выдерживала характеръ и лежала въ своей комнатѣ, завернувшись по уши въ эту противную сѣрую шаль, и читала свою противную книгу. Послѣ такихъ остановокъ дѣвочка начинала кричать еще сильнѣе, и мысли ея принимали болѣе мрачный характеръ.

— И хорошо, и превосходно!—шептала она про себя.—У меня заболитъ голова и сдѣлается жаръ, вотъ тогда они увидятъ!

Дѣвочка знала, что мама больше всего боится, когда у нея дѣлается жаръ, и тогда она думаетъ, что ея дѣвочка собирается умирать. Но Зинѣ вспомнилось, какъ она кричала такъ прошлый разъ и сказала, что у нея жаръ, и мама испугалась, уложила ее въ постель, напоила чаемъ съ вареньемъ, накормила конфектами, а папа пришелъ и поставилъ этотъ скверный термометръ: жара не оказалось—и вышло очень конфузно.

— Ну, хорошо!—и дѣвочка придумываетъ болѣе удачную комбинацію. Она уйдетъ въ тайгу, и ее съѣстъ медвѣдь. Вотъ тогда-то ужъ *они* узнаютъ, да будетъ поздно! И ей представилось, какъ она ушла далеко въ тайгу, и на нее вылѣзъ медвѣдь большой, страшный, и сталъ ее ѣсть. И дѣвочкѣ стало страшно и жалко себя, и теперь уже отъ этой жалости она заплакала еще сильнѣе; но мама не шла и оставалась глуха къ ея крикамъ.

Только Гекторъ изнывалъ отъ желанія утѣшить свою пріятельницу. Онъ перепробовалъ всѣ средства, оказывавшіяся въ такихъ случаяхъ дѣйствительными: прыгалъ на нее, подвывалъ жалостнымъ голосомъ, трогалъ ее тихонько лапой. Дѣвочка продолжала болтать ногами, отпихивала его и въ промежуткахъ между криками поворачивала къ нему мокрое отъ слезъ лицо и сердито шептала: „Убирайся, Гекторъ, и ты такой же скверный, какъ человѣки. Гадкій Гекторъ, скверный, уйди отъ меня!

Гекторъ обижался сравненіемъ съ „человѣками" и въ видѣ протеста начиналъ коротко и сердито лаять.

Прошла минута, двѣ, Гекторъ не подавалъ признаковъ жизни. Дѣвочка не могла утерпѣть и потихоньку обернулась, чтобы посмотрѣть, что̀ дѣлается съ Гекторомъ. Она увидѣла такое, отъ чего ни одинъ человѣкъ не можетъ совладѣть съ собой.

Гекторъ сидѣлъ на заднихъ лапахъ и, закусивши верхнюю губу, при чемъ выставлялись его зубы, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на дѣвочку. Выходило одно изъ тѣхъ рѣдкихъ выраженій физіономіи Гектора, когда, казалось, онъ улыбался. Дѣвочка не могла удержаться отъ нахлынувшаго на нее смѣха, вскочила съ постели и черезъ голову испугавшагося и отшатнувшагося Гектора бросилась черезъ всѣ комнаты съ крикомъ: — Мама, Гекторъ смѣется!— Она вбѣжала, какъ буря, въ комнату, гдѣ лежала мама, стащила съ нея сѣрую шаль и, схвативши за руки, повторяла:—мама, посмотри, Гекторъ смѣется!

— Вѣдь ты не хочешь мириться со мной,—смѣялась мама.

— Ахъ, мама, какая ты злая! голубчикъ, миленькая, пойдемъ, посмотри, Гекторъ смѣется—это такъ интересно!

Она прыгала и плясала, пока не стащила маму и не привела въ спальню, гдѣ Гекторъ, ошеломленный всѣмъ случившимся продолжалъ сидѣть въ той же позѣ и по прежнему улыбаться. При видѣ смѣющагося, оживленнаго лица дѣвочки, недоразумѣнія Гектора кончились; онъ весело прыгнулъ и успѣлъ лизнуть дѣвочку въ самый носъ.

Семейный миръ возстановленъ, слезы высохли на рѣсницахъ

дѣвочки, и вся встрепенувшаяся и умиротворенная, она безъ сопротивленія идетъ въ свою комнату и охотно садится за книжку.

— Ну, Гекторъ, ты дуракъ, необразованный, учись и сиди смирно.

Гекторъ садится на заднія лапы и приготовляется слушать.

— Тула лежитъ... населеніе... уѣздные города...—громко и быстро читаетъ дѣвочка. Потомъ она нѣкоторое время молчитъ и повторяетъ Гектору:

— Ну, такъ слушай. Тула лежитъ... Ту-у-ла...—начинаетъ вслушиваться дѣвочка въ звукъ своего собственнаго голоса.—Какое гадкое слово! Тула ты, Гекторъ!

Гекторъ сердито мотаетъ головой и коситъ глаза въ уголъ, въ знакъ того, что Тула ему рѣшительно не нравится, и что Тулой зваться онъ не желаетъ.

— Да, да! Тула ты, Тула!—настаиваетъ дѣвочка.—Фу, противная Тула! — Дѣвочка на нѣсколько секундъ углубляется въ книгу.—Нѣтъ, ты хуже,—снова обращается она къ Гектору:—Ка-а-лу-га ты! Какъ тебѣ не стыдно, Гекторъ!—Ка-лу-га!

Гекторъ выказываетъ признаки сильнѣйшаго неудовольствія; онъ сердито лаетъ и порывается выхватить зубами географію изъ рукъ дѣвочки. Тогда она смягчается, начинаетъ перебирать города россійской имперіи, которые больше были бы достойны Гектора, и останавливается на Курскѣ.

— Курскъ, Курскъ! Фью-фью!—дѣвочка подсвистываетъ и снова повторяетъ:—Курскъ, Курскъ! Курскъ ты, миленькій Гекторъ, а не Калуга.

Гекторъ согласенъ; онъ даетъ понять, что Курскъ совсѣмъ не то, что Тула и Калуга, поэтому утвердительно постукиваетъ обрубленнымъ хвостомъ по полу и отъ удовольствія даже взвизгиваетъ.

— А можетъ быть ты Орелъ?—соображаетъ дѣвочка.—Орелъ! —дѣвочка останавливается.—Большой, большой орелъ, непремѣнно бѣлый...—Она задумалась, молчитъ и, опершись локтями на столъ, смотритъ черезъ окно на плывущія по небу облака. — Высоко, высоко летаетъ, вотъ какъ облако это, а внизу Кавказъ, гдѣ „у Казбека съ Шатъ-Горою былъ великій споръ“...

Она мысленно повторяетъ про себя свое любимое стихотвореніе: „Ихъ ведетъ, г-р-ровя очами, генералъ сѣдой“...— вырывается у нея, и она добавляетъ:—Вотъ какъ ты, Гекторъ.

Дѣвочка продолжаетъ смотрѣть въ окно. Вотъ гуси опять летятъ черезъ городъ. Противные! Она вспомнила, какъ они сѣли вчера на островѣ противъ города, и когда поднялись потомъ,

одинъ гусь остался. Должно быть, ногу сломалъ или крыло. Какъ онъ бѣгалъ по острову и какъ кричалъ, бѣдный, вслѣдъ удаляющейся стаѣ!.. Слезы блеснули на глазахъ у дѣвочки; она обняла сѣдую шею Гектора, поцѣловала его въ губы и проговорила:—Я тебя, Гекторчикъ, не покину.

Такимъ образомъ, урокъ географіи благополучно оконченъ, и начинается изученіе исторіи россійскаго государства.

Игоря дѣвочкѣ жалко, но онъ самъ виноватъ. А ужъ эта Ольга, такъ просто... Ахъ какая,—всѣхъ вдругъ въ яму закопать! —У дѣвочки, по обыкновенію, заныло подъ ложечкой.—Живыми!..

Зато Святославъ утѣшилъ ее. Дѣвочка даже не можетъ сидѣть, —патріотическій пылъ наполняетъ ея маленькое сердце. Она надѣваетъ гимназическую фуражку своего брата, съ оторваннымъ козырькомъ. Въ рукѣ оказалась линейка, которая должна изображать тяжелый Святославовъ мечъ. Дѣвочка ходитъ большими шагами по комнатѣ и съ трагическимъ воодушевленіемъ кричитъ:

„Не посрамимъ земли русской! ляжемъ здѣсь костьми, мертвые срама не имутъ!"

— Слышишь, Гекторъ, не посрамимъ земли русской!

Гекторъ оказывается на высотѣ призванія. Онъ всѣмъ своимъ существомъ стремится доказать, что онъ тоже готовъ положить душу за русскую землю. Онъ прыгаетъ, радостно визжитъ и въ знакъ ненарушимой вѣрности успѣваетъ неоднократно лизнуть дѣвочку въ носъ, въ губы и въ щеки.

Урокъ исторіи конченъ.

— Ну-съ, Гекторчикъ, не пойти ли намъ гулять?

При словѣ „гулять", Гекторъ поднимаетъ уши и моментально вскакиваетъ на всѣ четыре ноги.

— Можетъ быть, рано, Гекторчикъ, погода скверная, вотъ простудишься и будутъ тебѣ мазать въ горлѣ этимъ противнымъ іодомъ, компрессъ положатъ. Нѣтъ, Гекторчикъ, давай лучше учиться географіи.

Дѣвочка хочетъ снова открыть книгу; но Гекторъ уже обезумѣлъ; онъ отворилъ грудью дверь и, обернувши голову, смотритъ на свою хозяйку. При видѣ открытой книги, онъ схватываетъ зубами ея платье, тащитъ къ двери и сердито лаетъ.

— Тебѣ очень хочется гулять?—сдается, наконецъ, дѣвочка. —Ну, хорошо.

Она повязываетъ шею Гектора краснымъ шолковымъ платкомъ и, расправляя бантъ на груди его, дѣлаетъ послѣднія наставленія.—Иначе простудишься. Да смотри, Гекторъ, не промочи ноги, а то сдѣлается жаръ—и ты умрешь.

— Разъ, два!—командуетъ она.

И скоро громомъ гремятъ ступеньки лѣстницы, ведущей въ садъ, и шесть ногъ летятъ по огороду, прыгаютъ черезъ гряды; чьи-то ноги падаютъ, чьи-то прыгаютъ черезъ упавшія, и вдали уже нельзя разобрать гдѣ Гекторъ, гдѣ дѣвочка.

Проходитъ минута—и на крышѣ сосѣдняго амбара появляется дѣвочка съ испачканнымъ землей лицомъ и разорваннымъ подоломъ платья и кричитъ оттуда: „Курскъ, Курскъ!“

„Курскъ“ негодующе и завистливо бѣгаетъ вокругъ амбара и сердито лаетъ на измѣнившую ему пріятельницу. Онъ скоро догадался—обѣжалъ вокругъ, нашелъ полѣнницу дровъ, прислоненную къ амбару съ другой стороны, и вотъ уже вмѣстѣ съ дѣвочкой гордо ходитъ по крышѣ, съ краснымъ бантомъ на груди, ясно показывая, что онъ не хуже человѣковъ можетъ лазить по крышамъ.

Вечеромъ роли мѣняются.

Гекторъ становится скученъ и унылъ, и дѣвочка ухаживаетъ за своимъ пріятелемъ. Какъ только горничная начинаетъ носить дрова для топки печей, Гекторъ уже безпокоится. Онъ слѣдитъ за каждой вязанкой, выбѣгаетъ на дворъ вмѣстѣ съ горничной и провожаетъ ее по лѣстницѣ, словно хочетъ помочь, словно боится, что она не затопитъ печку.

Загораются дрова, онъ садится противъ пламени и не уходитъ отъ него, пока не потухнутъ угли и не закроется дверца. Что-то странное тянуло его къ печкѣ, и что-то странное дѣлалось въ это время съ Гекторомъ. Его манили ѣдой, дѣвочка звала его играть, онъ равнодушно, со скучающимъ видомъ оборачивался на голосъ и снова продолжалъ цѣлыми часами неподвижно сидѣть у печки и смотрѣть въ пламя ея.

Случалось, двѣ крупныя слезы показывались въ старыхъ глазахъ Гектора и медленно дрожали и катились по посѣдѣвшему лицу его, тогда дѣвочка, любившая сидѣть вмѣстѣ съ Гекторомъ у печки, потихоньку вставала, шла въ комнату къ своему брату и взволнованнымъ голосомъ говорила ему:

— Знаешь, Вася, Гекторъ опять плачетъ.

Скептическій Вася пробуетъ объяснить это простымъ образомъ.

— Мама говоритъ, что это отъ огня у него слезы показываются.

— Ну, вотъ еще! — говоритъ недовольная дѣвочка: — развѣ мама понимаетъ это, она ничему не вѣритъ. Просто это Гекторъ вспоминаетъ Рыжова.

Вася нѣкоторое время колеблется, но потомъ соглашается.

— А очень можетъ быть!—и считаетъ нужнымъ добавить:— Знаешь, Зина, я очень люблю Гектора.

И они идутъ оба, садятся по бокамъ Гектора, смотрятъ въ мигающее пламя печки, время отъ времени взглядываютъ на неподвижнаго, упорно смотрящаго въ печку Гектора и не тревожатъ его, а только тихо и осторожно поглаживаютъ его черную блестящую спину...

III.

То была брошенная въ глухую тайгу маленькая сибирская деревня, зимой заносимая снѣгомъ, лѣтомъ пустѣвшая, такъ какъ жители выѣзжали на заимки. Печально смотрѣли вытянувшіяся въ одну линію пятнадцать-двадцать избъ, сжатыя, съ одной стороны, глухой стѣной на тысячи верстъ тянущейся тайги, съ другой—огромною, въ пять-шесть верстъ ширины, глубокой рѣкой.

Въ лачужкѣ, полу-врытой въ землю, на краю утеса, обрывавшагося въ рѣку, жилъ юноша, другъ Гектора.

Тамъ вѣчно выла тайга и вѣчно холодная мрачная рѣка съ глухимъ ропотомъ билась объ утесъ; тамъ солнце было такъ холодно, а осеннія ночи такъ долги и такъ темны; тамъ не пахли цвѣты и не пѣли птицы.

А юноша пріѣхалъ изъ далекой стороны, оттуда, гдѣ звенитъ жаворонокъ надъ весенними полями и кричитъ перепелъ въ спѣющей ржи, гдѣ такъ сладко пахнетъ цвѣтущая яблонь и такъ страстно поетъ соловей пѣснь любви въ тихой заросли пруда, гдѣ рѣки такъ кротки и лѣса такъ ласковы, а степи задумчивы, гдѣ все свѣтло и широко и дышетъ миромъ и тишиной.

Свѣтлымъ радостнымъ днемъ считалъ тогда юноша жизнь; свѣтлой и плодоносной, открытой для всѣхъ нивой казался ему міръ. Въ этомъ свѣтломъ мірѣ не должно быть мѣста людской злобѣ.

И юноша вѣрилъ, что люди перестанутъ грызть другъ друга, и ждалъ того времени—оно должно было скоро наступить—когда люди сойдутся на обновленной нивѣ и запоютъ такой свѣтлый гимнъ любви, какъ звенящая пѣснь жаворонка въ ясномъ небѣ надъ весенними полями...

А тайга все выла, и въ этомъ ровномъ немолчномъ шумѣ, шедшемъ изъ тайги и днемъ, и ночью, и цѣлыми недѣлями, было что-то непреклонное, требовательное, повелительное.

И юноша началъ бояться тайги.

Днемъ этотъ шумъ не безпокоилъ его. Юноша ходилъ за дровами, копался въ своемъ маленькомъ огородѣ, готовилъ себѣ

обѣдъ и долго гулялъ со своимъ неразлучнымъ другомъ Гекторомъ. Наступалъ вечеръ, затоплялась маленькая печка, согрѣвавшая избушку въ осенніе и зимніе вечера, человѣкъ и собака садились на полу передъ пламенемъ печки, которую оба они такъ любили.

Тогда тайга наполняла комнату своимъ таинственнымъ шумомъ, ровнымъ, однообразнымъ, и, казалось, все что-то говорила, чего-то требовала.

Иногда, словно усталая, тайга затихала—и тогда начиналось молчаніе.

Молчала пустая деревня, молчала тайга, все замирало кругомъ, и это молчаніе постепенно становилось такъ страшно, что юноша бѣжалъ къ рѣкѣ и цѣлыми часами сидѣлъ на утесѣ и смотрѣлъ на сумрачныя ощетинившіяся горы, уходившія за рѣкой въ даль, на молчавшую и своимъ молчаніемъ грозившую ему тайгу, на эту темную огромную рѣку, которая все билась у ногъ его и все несла свои холодныя волны туда, онъ зналъ—въ тотъ безбрежный холодный мертвый океанъ. У него начинала кружиться голова, ему казалось, что рѣка тянетъ и уноситъ его съ собой; тогда онъ возвращался въ свою избушку и желалъ, ждалъ, чтобы снова завыла тайга.

Снова выла тайга и снова сидѣлъ человѣкъ передъ огнемъ и думалъ все одну и ту же думу, такую же упорную и неотвязную, какъ этотъ ровный, ни на минуту не смолкающій вой тайги. Ему становилось все яснѣе, и яснѣе, что то̀, во что онъ вѣрилъ, обмануло его, и чего онъ ждалъ, не приходило, что міръ теменъ, какъ осенніе сумерки, и узокъ, какъ та полоска земли между тайгой и рѣкой, гдѣ онъ жилъ, что міръ полонъ такимъ же злобнымъ воемъ, какъ вотъ этотъ вой тайги, а измученныя людскія жизни съ такой же неумолимой настойчивостью, какъ волны рѣки, несутся къ тому холоду и ужасу, который называется смертью. Подъ вой тайги все тянется мысль, какъ нитка изъ безконечнаго клубка.

Онъ вспоминалъ, что его родные умерли, и близкіе, кого онъ любилъ, разсѣялись и пропали, какъ листья, сорванные осеннимъ вѣтромъ и занесенные неизвѣстно куда; онъ чувствовалъ, что то, чѣмъ онъ жилъ, кончилось, и тайга встала между нимъ и прошлымъ, и что у него ничего не осталось впереди, кромѣ той же тайги, той же тоски, холода, тьмы...

Онъ понялъ что-то страшное въ шумѣ тайги,—она совершенно явственно говорила ему: „умри, умри!"

Кругомъ не было никого, кто посмѣялся бы надъ слезами

взрослаго человѣка и юноша плакалъ отъ нестерпимаго горя, наполнявшаго его сердце, отъ жалости къ себѣ, къ своей молодой жизни, отъ ужаса предъ тѣмъ, что̀ говорила ему тайга.

Цѣлыми вечерами сидѣлъ онъ передъ печкой, охвативши колѣни руками и неподвижно смотря на горѣвшіе, словно облитые кровью угли.

Тогда Гекторъ просовывалъ голову подъ руку плачущаго юноши, лизалъ ему лицо и начиналъ протяжно и жалобно выть. И отъ этой ласки, отъ этой чужой печали становилось еще горче на душѣ, и юноша громко рыдалъ, обнявъ шею Гектора.

Медленно тянутся сибирскіе осенніе вечера. Все не хочетъ засыпа̀ть зимнимъ сномъ тайга и цѣлыми днями съ бѣшеной злобой воетъ своими обледенѣвшими иглами. Страшно бьется тогда рѣка, и остывающія волны въ предсмертныхъ судорогахъ лѣзутъ на утесъ, ледяными иглами сѣчетъ дождь въ окна, яростно налетаетъ вѣтеръ на стѣны и пробирается въ щели дырявой избушки и ходитъ по комнатѣ, и тогда догорающіе угли на время вспыхиваютъ, и пламя освѣщаетъ сидящихъ передъ печкой человѣка и собаку. Медленно тянется одинокая мысль въ эти вечера; безъ борьбы, всѣ охваченные ужасомъ, тупо смотрятъ въ огонь сухіе, давно переставшіе плакать глаза.

Короткими мгновеніями, какъ вспыхивающее пламя углей, встаютъ обрывки прошлаго, глянутъ издали старыя ветлы, наклонившіяся надъ соннымъ прудомъ, мелькнетъ улыбка на миломъ лицѣ, прозвучитъ давно забытое слово далекаго друга, и опять тупо смотрятъ сухіе глаза на потухающее пламя углей.

Угли перегорѣли и пламя потухло. Юноша перестал хотѣть жить и пересталъ жить! Въ эту минуту не было Гектора; когда онъ вернулся, юношу уже увезли, и Гекторъ засталъ въ избѣ вмѣсто своего друга чужихъ людей. Онъ бросился къ тому красному пятнышку, что̀ осталось на полу, и выбѣжалъ изъ комнаты, обѣгалъ огороды и утесы, на которомъ сидѣлъ другъ, и тайгу, куда они ходили вмѣстѣ за дровами, не нашелъ тамъ своего друга и снова вернулся въ комнату, обнюхалъ красное пятно на полу и красные брызги на стѣнѣ и завылъ страшнымъ, отчаяннымъ воемъ. Онъ исчезъ изъ избы и побѣжалъ по дорогѣ въ такую же маленькую деревню, сжатую той же тайгой и той же рѣкой, гдѣ на краю утеса стояла темная избушка, въ которую положили его друга.

Спустилась ночь, горѣлъ костеръ у избушки, у костра сидѣли люди и стерегли того, кто уже ушелъ и оставилъ послѣ себя только холодное, блѣдное тѣло, что̀ лежало теперь на соломѣ на земляномъ полу сибирской лачужки.

Долго бились сторожа съ налетѣвшей на нихъ откуда-то изъ тайги обезумѣвшей и страшной черной собакой, которая все рвалась въ запертую дверь лачужки и все выла отчаяннымъ воемъ. Собака ушла, наконецъ, въ тайгу, и сторожа полегли спать вокругъ костра.

Не приходили родные и близкіе плакать надъ мертвымъ юношей, только долго въ ту ночь пѣла тайга похоронные гимны и съ тихимъ рыданіемъ все билась рѣка объ угрюмый утесъ.

Стояла тьма; колебалось, какъ факелъ, пламя костра, и одинокія звѣзды, какъ свѣчи, тускло мерцали вверху.

Въ ту ночь пришла зима. Одна за другой тихо падали пушистыя снѣжинки на потухавшіе угли костра и тотчасъ таяли и блестѣли, какъ свѣтлыя слезы... Все больше заливали холодныя слезы потухавшій костеръ, и колеблющаяся пелена, какъ бѣлый саванъ, простерлась надъ волнующейся рѣкой и надъ шумящей тайгой и спускалась все ниже, бѣлымъ покрываломъ укутывая маленькую избушку, гдѣ лежалъ юноша.

И все рѣже вздыхала тайга, все тише рыдала рѣка и кончился поминальный обрядъ, потухъ костеръ, погасли звѣзды.

Тогда пришелъ единственный другъ и близкій. Онъ выбилъ грудью окно избушки, всю ночь лизалъ холодное лицо юноши и просовывалъ голову подъ руки его, все ожидая, что другъ обниметъ его, и всю ночь тихіе жалобные вопли неслись изъ избы.

Когда утромъ пришли люди и отперли дверь, они увидѣли бѣлый замерзшій трупъ юноши съ раскинувшимися руками, а на груди юноши лежала черная злая собака съ оскаленными зубами; она хрипло рычала и все не хотѣла отдать имъ своего друга...

IV.

Синіе огоньки бѣгаютъ по догорающимъ углямъ. Время отъ времени они вспыхиваютъ и освѣщаютъ сѣдую грудь и блестящіе глаза Гектора и сидящую рядомъ съ нимъ дѣвочку, съ тѣмъ задумчивымъ и кроткимъ лицомъ, которое бываетъ у нея по вечерамъ.

Вьется вѣтеръ вокругъ дома и стучитъ въ стѣны, а дождь, не умолкая, сѣчетъ въ окна. Иногда вѣтеръ затихаетъ и дождь перестаетъ биться въ стекла, и ровный шумъ тайги смутно доносится въ комнату; тогда Гекторъ поднимаетъ голову, начинаетъ тихо и жалобно выть, а дѣвочка обнимаетъ его сѣдую шею и тихо шепчетъ:

„Ну, о чемъ же, Гекторъ? Вѣдь я люблю тебя, Гекторчикъ!"

Печка закрыта. Гекторъ уныло бредетъ въ свою комнату. Дѣвочка нѣсколько времени стоитъ въ нерѣшимости въ темномъ залѣ.

— Папа!—тихо говоритъ она, отворяя дверь кабинета.— Ты не сердись, папа! вѣдь такъ нехорошо... Зачѣмъ ты прогоняешь Михайла?

Папа поднимаетъ голову отъ стола, заваленнаго бумагами, и съ удивленіемъ смотритъ на растроганное, съ дрожащими на глазахъ слезинками лицо своей дѣвочки. Онъ хочетъ отвѣтить, но дѣвочка перебиваетъ его и торопливо начинаетъ излагать свои доводы.

— Онъ говоритъ, что фонарь былъ скверный. Понимаешь, споткнулся о порогъ и... Ты подумай, папа, вонъ какой вѣтеръ и дождикъ,—куда Михайло дѣнется? Какъ можно обижать бѣднаго человѣка!.. Папа, милый!..

— Ты любишь „Соловка"?—спрашиваетъ папа.

Глаза дѣвочки оживляются.

— О, папа, это такая прелесть, я его ужасно люблю! Вонъ „Просвирня"—та дура.

— Ну такъ вотъ,—возражаетъ ей папа:—ты знаешь, что вчера Михайло не поилъ и не кормилъ весь день твоего „Соловка". И онъ тебя обманулъ: просто онъ подрался въ кабакѣ, ему и подбили глазъ.

— А можетъ, разбойники?—вырывается у дѣвочки, но она останавливается и молчитъ. Въ ея душѣ борьба. Она держится того мнѣнія, что мучить животныхъ могутъ только гадкіе, скверные люди. Ей жалко „Соловка", и она сердится на Михайла.

— А все-таки, папа,—говоритъ она:—прости Михайла! можетъ, онъ больше не будетъ.

Папа прощаетъ, но дѣвочкѣ не хочется уходить.

— Къ тебѣ можно, папа?—говоритъ она.

Дѣвочка любитъ сидѣть вечеромъ на колѣняхъ у отца, когда онъ занимается въ кабинетѣ.

— Знаешь, папа, я новый стихъ выучила,—сообщаетъ она. Дѣвочка говоритъ „стихъ", какъ Аксинья и горничная.

— Какой стихъ?

— „Ночевала тучка золотая"—знаешь?

— А!..—протягиваетъ отецъ.—Хорошій „стихъ".

Оба молчатъ.

— Тебѣ жалко его, папа?—Дѣвочка заглядываетъ отцу въ лицо.

— Кого?

— Утесъ... Ты представь — старый-престарый утесъ и все одинъ, все одинъ... И эта противная тучка...

Папа оставляетъ книгу. Онъ очень хорошо понимаетъ дѣвочку и пробуетъ заступиться за тучку.

— Она вѣдь молоденькая, Зиночка, тучка-то, можетъ быть, только-что родилась, ей полетать хочется.

— Нечего сказать, очень хорошо: отдохнула и улетѣла! Какъ это ты, папа, не понимаешь: она улетѣла, а онъ плачетъ... Ей только бы летать! Терпѣть не могу!..—сердитымъ голосомъ заканчиваетъ дѣвочка.

Она имѣетъ сказать еще много горькихъ истинъ по адресу тучки, но ей мѣшаетъ вѣтеръ, что такъ воетъ въ окно, мѣшаютъ свѣчи, которыя лѣзутъ въ глаза и не даютъ смотрѣть.

„Какую книгу читаетъ этотъ старикъ съ сѣдой бородой, что сидитъ противъ нея на стѣнѣ и котораго папа называетъ Фаустъ?..“ —силится думать дѣвочка. Но Фаустъ уходитъ отъ нея далеко, молчитъ вѣтеръ, и она остается одна съ папой, и папа становится все больше и больше, выростаетъ, какъ гора, а дѣвочка дѣлается совсѣмъ маленькой, какъ кусочекъ... Вотъ гора поколебалась въ своемъ основаніи и двинулась съ мѣста, и дѣвочка плыла, и ей хотѣлось безконечно плыть въ томъ мягкомъ и тепломъ, что̀ несло ее.

— Ты смотри, Оля, сейчасъ же разбуди его,—говоритъ она съ закрытыми глазами, лежа въ кроваткѣ, въ то время, какъ горничная раздѣваетъ ее:—папа не сердится, простилъ.

Дѣвочка усиливается вспомнить оставшуюся ей не совсѣмъ понятной фразу отца.

— Да,—говоритъ она:—папа велѣлъ сказать, что онъ подождетъ слѣдующаго фонаря.

— Ахъ, Зининька! Ахъ, Зининька!..

„Чему смѣется эта Оля?“

— Какая ты, Оля, глупая,—говоритъ дѣвочка, не открывая глазъ:—смѣешься, а чему—сама не знаешь.

— Ужъ больно у него фонарь-то смѣшной, Зининька!

Дѣвочка чувствуетъ, какъ входитъ мама, наклоняется надъ ней и гладитъ ея волосы. Но ей не хочется открывать глаза. Она продолжаетъ плыть, и кровать будто качается подъ ней, а вѣтеръ тоненькимъ голосомъ тихо и жалобно что-то поетъ ей въ трубѣ.

Мама потушила огонь въ комнатѣ и ушла, поцѣловавши дѣвочку.

— Гекторъ!—тихо шепчетъ тогда дѣвочка:—иди сюда!

Гекторъ давно ждетъ этого призыва и проворно взбирается на кроватку.

Въ эту ночь, какъ вотъ ужъ двѣ недѣли, къ дѣвочкѣ опять прилетаетъ изъ Флоренціи Андерсеновскій „Мѣдный Кабанъ“, очень похожій на Гектора, и, какъ прежде, дѣвочка крѣпко прижимается къ черной спинѣ „Мѣднаго Кабана“ и пускается въ свое ночное путешествіе.

Они летятъ надъ сибирской тайгой, надъ огромными рѣками, надъ туманными горами, надъ деревнями и городами и спускаются въ томъ тихомъ садикѣ, гдѣ вѣтви со спѣлыми вишнями опускаются до земли и на развѣсистыхъ яблоняхъ зрѣютъ краснобокія яблоки. „Мѣдный Кабанъ“ смирно ждетъ, пока дѣвочка обѣжала домикъ, закрытый старыми акаціями, и цѣлыми горстями ѣла сладкія вишни. Потомъ они опять полетѣли и поднялись высоко-высоко, такъ что вѣтеръ свисталъ въ уши и тучи плыли, задѣвая ихъ, и мѣсяцъ глядѣлъ въ глаза; летѣли они надъ Кавказомъ, гдѣ смотритъ въ небо шапка Казбека и Мцыри борется съ барсомъ; летѣли надъ мертвой, недвижимой пустыней, гдѣ плачетъ по тучкѣ одинокій утесъ.

Сны тревожатъ стараго Гектора. Чутко дремлетъ онъ, время отъ времени просыпается и подозрительно всматривается въ темноту комнаты, — онъ боится все, чтобы у него не отняли его маленькаго друга.

Но друга отняли у Гектора. Дѣвочку увезли въ ту страну, гдѣ цвѣтетъ яблоня и поетъ соловей, и Гекторъ остался одинъ.

Два дня онъ не ѣлъ и все тосковалъ.

Онъ, правда, еще разъ полюбилъ и нашелъ себѣ новаго друга. Въ той же комнатѣ и на той же кроваткѣ, гдѣ спала дѣвочка, поселился новый жилецъ, бѣлокурый и блѣдный маленькій мальчикъ, тихій и кроткій, и по прежнему лежалъ у кровати Гекторъ, по прежнему ревниво берегъ своего друга и не пускалъ никого къ кровати его.

Когда послѣ увезли и мальчика, старое сердце Гектора опустѣло и не могло уже больше никого полюбить. Какъ ни ухаживали за нимъ, онъ все тосковалъ, не принималъ никакой пищи и черезъ нѣсколько дней умеръ отъ голода и тоски...

С. Елпатьевскій.

ДРУЖБА
ШИЛЛЕРА И ГЁТЕ
1794—1805 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Въ моментъ, когда возникла дружба на всю жизнь между двумя великими нѣмецкими поэтами, на политической европейской сценѣ совершались громадныя событія. 27 іюля (9 термидора) 1794 года палъ Робеспьеръ, и былъ положенъ предѣлъ террору. Въ слѣдующемъ году, 5 апрѣля 1795 г. (16 жерминаля), Франція заключила трактатъ съ Пруссіею, подъ условіемъ нейтралитета нѣмецкихъ государствъ на сѣверъ отъ р. Майна. Жестокости и излишества революціи сильно охладили энтузіазмъ Шиллера и поколебали его вѣру въ возрожденіе человѣчества. Онъ возненавидѣлъ господство черни, насильственный и кровавый образъ дѣйствія, всѣ вообще революціонные пріемы. Выраженіемъ этого измѣнившагося настроенія была начатая въ 1788 г. и напечатанная въ 1800 г. *Пѣснь о колоколѣ.* Никогда Гёте, даже и въ молодости своей, не сочувствовалъ революціонному образу дѣйствій, въ чемъ онъ расходился съ Виландомъ, Гердеромъ и съ Шиллеромъ въ его ранніе года, но онъ оцѣнилъ сразу и вполнѣ объективно великое значеніе революціи, ея разливъ по всей Европѣ, существо

---

*) См. февр., 672 стр.

глубокихъ измѣненій, имѣющихъ произойти и въ общественномъ строѣ, и въ нравахъ. Увидѣвъ подъ Вальми расположенную вогнутымъ полукружіемъ и извергающую густой пушечный огонь армію Келлермана, онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Von hier und heute geht eine neue Epoche der Weltgeschichte aus; und ihr könnt sagen, ihr seid dabei gewesen" (отсюда и отнынѣ началась новая эпоха въ міровой исторіи; можете сказать, что и вы при томъ присутствовали). Гёте не принималъ сердечнаго участія въ этомъ наступательномъ движеніи, но констатировалъ только фактъ. События шли одни за другими и развертывались съ роковою силою. Пестрая мозаика владѣній прирейнскаго бассейна, родины Гёте, не укладывалась ни въ какое народное единство; она исполнена была смутныхъ и отжившихъ архаизмовъ, которые любы были Гёте какъ артисту, какъ первому въ Германіи романтику. Французы хозяйничали тутъ какъ у себя дома, поддерживая крошечныя владѣнія и вольные города противъ такихъ громадъ, какъ Австрія или Пруссія. Растаптываемыя, урѣзываемыя, расхищаемыя и медіатизируемыя мелкія нѣмецкія владѣнія только и ждали того, чтобы сдѣлаться добычею всякаго, кто будетъ сильнѣе.

Шиллеръ не дожилъ до самыхъ бѣдственныхъ для Германіи дней, но полтора года послѣ его смерти, въ декабрѣ 1806 г., Веймаръ былъ уже преданъ французскимъ войскамъ на разграбленіе. Домъ Гёте и его пожитки спасены только энергіею и присутствіемъ духа хозяйки, Христіаны Вульпіусъ, на которой Гёте вскорѣ женился, упорядочивъ церковнымъ вѣнчаніемъ свои къ ней отношенія. Въ октябрѣ 1808 года Гёте вызванъ былъ Наполеономъ въ Эрфуртъ и принятъ имъ съ большимъ почетомъ („Voilà un homme!" сказалъ Наполеонъ, простившись съ нимъ). Но въ 1813 герцогъ веймарскій попалъ въ немилость у Наполеона, ему грозило отрѣшеніе отъ престола. Гёте выходилъ изъ себя, горячился несвойственнымъ ему манеромъ и говорилъ со слезами на глазахъ (Biedermann, № 518): „Чего они хотятъ, эти французы? люди ли они? зачѣмъ требуютъ они безчеловѣчнаго? Стоитъ ли ваша вчера возникшая имперія на столь твердыхъ ногахъ, что уже ничего не боится въ будущемъ? Съ посохомъ въ рукѣ пойдемъ мы въ изгнаніе за нашимъ государемъ. Скажутъ люди:—вотъ старикъ Гёте и бывшій герцогъ веймарскій, отрѣшенный отъ престола императоромъ французовъ за то, что заботился о своихъ несчастныхъ друзьяхъ и сослуживцахъ... Я буду пѣть, прося о подаяніи, я буду оплакивать наши бѣдствія. Я пойду пѣть про срамъ нѣмецкій по всѣмъ селамъ и школамъ"...

Обстоятельства сильно измѣнились послѣ похода на Москву; въ

1813 году промелькнула даже возможность кровавой отместки въ будущемъ,—не національной еще (Германія еще не была сплочена въ одну цѣльную національность), но только племенной. Гёте въ эту минуту посторонился и не приложилъ не только руки, но и одного пальца къ войнѣ за свободу (Freiheitskrieg), поднятой по почину нѣмецкихъ государей и профессоровъ и увлекшей народныя массы противъ французовъ. Отъ него не требовалось, чтобы онъ шелъ на врага съ оружіемъ въ рукахъ, что̀ и не соотвѣтствовало бы его преклонному возрасту. Ожидали, что онъ одобритъ только добровольцевъ и обратится къ нимъ съ воззваніемъ къ оружію. Этого-то воззванія Гёте не захотѣлъ сдѣлать. Весьма характеренъ слѣдующій разсказъ о Гёте бывшаго доцента гейдельбергскаго университета Людена (Biedermann, № 570), познакомившагося съ Гёте въ 1806 г. и дружески этимъ послѣднимъ принятаго. Люденъ хотѣлъ поступить въ армію вольноопредѣляющимся, но друзья переубѣдили его, посовѣтовавъ основать патріотическій журналъ въ духѣ мщенія французамъ: „Немезиду". Люденъ за благословеніемъ отправился къ Гёте въ полной увѣренности въ томъ, что найдетъ въ немъ поддержку и сотрудника, но Гёте осадилъ его слѣдующими ледяными словами: „Въ настоящемъ состояніи возбужденія, или, такъ сказать, воодушевленія (Aufregung-Begeisterung), какъ должностное лицо, я ничего противъ вашего предпріятія не имѣю; ни въ чьей протекціи вы не нуждаетесь. Но, какъ человѣкъ, я вамъ посовѣтую—предоставьте судьбы міра ихъ теченію и не вмѣшивайтесь въ эти распри государей, въ которыхъ ни на мой, ни на вашъ голосъ никто не обратитъ вниманія". До глубины души задѣтый, Люденъ вспылилъ и разразился словами негодованія. Гёте выслушалъ рѣчь его терпѣливо и спокойно, а потомъ произнесъ тихо и кротко слѣдующія слова: „Думаете ли, что вы научили меня чему-нибудь новому, мнѣ неизвѣстному? Развѣ вы полагаете, что я равнодушенъ къ великимъ идеямъ свободы народа, отечества!.. И я люблю Германію, и мнѣ было больно за этотъ народъ, столь достопочтенный въ отдѣльныхъ лицахъ и столь ничтожный въ совокупности! Сопоставленіе его съ другими народами порождаетъ тяжелое чувство, которое я всячески стараюсь одолѣть. Въ наукѣ и художествѣ я нашелъ крылья, съ помощью коихъ можно воспарить; но наука и художество принадлежатъ всему свѣту, и передъ ними исчезаютъ національныя грани. Наука и художество доставляютъ слабое утѣшеніе и не могутъ замѣнить гордое сознаніе принадлежности къ могучей, уважаемой и внушающей боязнь національности. Думаетъ ли вы, что я не вѣрую въ

будущее Германіи? Я вѣрю не хуже васъ; я вѣрую, что германцы предназначены совершить нѣчто больше того, что̀ уже сдѣлали,—то-есть, разрушенія Рима и учрежденія средневѣковаго устройства. Нынѣ не настало еще время; каждый по одиночкѣ обязанъ, сообразно своей склонности, положенію и таланту, содѣйствовать образованію народа, укрѣплять его и развивать, дѣйствуя преимущественно снизу вверхъ, и подготовлять его къ великимъ дѣламъ, когда придетъ день славы. Что̀ намъ предстоитъ дѣлать? Въ наилучшемъ случаѣ мы лишь въ началѣ конца. Либо побѣдитъ Наполеонъ—и тогда все останется по старому; допустимъ, что этотъ исходъ мало вѣроятенъ. Либо Наполеонъ будетъ разбитъ, вполнѣ разбитъ. Вы скажете о пробужденіи и подъемѣ нѣмецкаго народа; но дѣйствительно ли этотъ народъ пробудился? знаетъ ли онъ—чего ему желать? Всякое ли движеніе есть въ то же время и подъемъ? Спрашивается: что̀ пріобрѣтутъ—не весьма немногіе образованные люди, но громадныя массы, но милліоны людей? Вы скажете: они пріобрѣтутъ свободу! Я бы только сказалъ: освобожденіе,—но отъ чего? Отъ ярма одного иностранца, но не отъ иностраннаго ярма вообще. Исчезнутъ французы, какъ исчезли римляне, но я вижу вмѣсто нихъ казаковъ, башкиръ, кошубовъ, хорватовъ, коричневыхъ и иныхъ гусаръ. Мы такъ привыкли смотрѣть только на западъ, что лишь оттуда выжидаемъ опасности, а она можетъ грозить и съ востока. Вы ссылаетесь на превосходные манифесты государей, туземныхъ и иностранныхъ; эти манифесты—то же, что монологъ Ричарда III: „коня, коня, все царство за коня!..“ Люденъ такъ и ушелъ отъ Гёте съ пустыми руками, но ушелъ обезоруженный и убѣжденный, что такое отреченіе Гёте отъ активной роли въ національномъ движеніи было только слѣдствіемъ глубокаго его знанія людей и обстоятельствъ, за что̀ и винить его невозможно.

II.

Наше сужденіе не можетъ быть столь снисходительно, какъ сужденіе Людена. Гёте совсѣмъ не чуялъ того могучаго, уже пробуждавшагося въ Германіи и весьма далеко мѣтящаго національнаго движенія, не по недостатку дальновидности или зрѣлости ума, а по поразительному недостатку государственнаго смысла. Этотъ недостатокъ не былъ у него прирожденный, но появился вслѣдствіе бездѣйствія и запущенности, вслѣдствіе доведенія до атрофіи о̀ргана, соотвѣтствующаго этому смыслу. Естествоиспытатель, для

котораго не было въ природѣ никакихъ тайнъ, человѣкъ, изслѣдовавшій всѣ ступени лѣствицы органическихъ существъ, Гёте никогда не изучалъ внимательно государства, какъ одного изъ главныхъ, самостоятельныхъ факторовъ въ исторіи культуры; онъ обходилъ систематически государство въ своихъ изслѣдованіяхъ, чтò и обнаруживается, напримѣръ, въ „Годахъ ученія Вильгельма Мейстера". Въ этой именно области Гёте не былъ на высотѣ своего вѣка. Извѣстно, что никто такъ не содѣйствовалъ зрѣлости политическаго смысла въ Германіи, какъ Гегель, котораго философія была въ теченіе извѣстнаго времени оффиціальною, государственною философіею Германіи, выклевывавшейся изъ ячейки прусской монархіи. Гегель знакомъ былъ съ Гёте, онъ былъ принимаемъ въ Веймарѣ и высоко чествуемъ со стороны поэта въ 1827 году (Biedermann, № 1132), но изъ этого общенія не вытекало сближенія. Гёте такъ и остался человѣкомъ до-гегелевской эпохи. Оправдываясь, въ послѣдніе года, въ своемъ политическомъ нейтралитетѣ (Bied., № 1276, 1830 г.), Гёте ссылался на свой преклонный возрастъ и на неуступчивость своего уже окончательно выработавшагося характера. „Могъ ли я взяться за оружіе, могъ ли я дѣйствовать оружіемъ безъ ненависти, могъ ли я, наконецъ, ненавидѣть, имѣя не 20, а слишкомъ 60 лѣтъ?"

Дружась съ Шиллеромъ въ 1794 г., Гёте имѣлъ только 45 лѣтъ, слѣдовательно былъ въ полномъ цвѣту силъ; однако нѣтъ данныхъ, которыя бы показывали, что онъ мыслилъ и чувствовалъ и тогда не такъ, какъ въ 1813 г., наканунѣ войны за освобожденіе. Спрошенный въ то время, онъ бы объяснилъ свой политическій индифферентизмъ тѣми доводами и мотивами, которые приводилъ въ 1828 г. въ своемъ разговорѣ съ Эккерманомъ: „Я былъ радъ, когда отъ насъ убрались французы, но ненавидѣть ихъ я не могъ. Я не могъ ненавидѣть одинъ изъ культурнѣйшихъ народовъ, которому я самъ обязанъ значительною долею моего образованія. Національная ненависть проявляется всего сильнѣе на нижайшихъ ступеняхъ культуры, но на болѣе высокихъ она немыслима. Тогда стоишь надъ національностями и ощущаешь счастіе или несчастіе народа-сосѣда, какъ и свое собственное. До этой степени культуры я дошелъ далеко раньше 60 лѣтъ". Уваженіе Гёте къ Наполеону, какъ человѣку, было весьма глубокое до самой смерти. Вотъ какъ выражался онъ въ 1828 г. (Bied., № 1144): „Молодецъ онъ былъ, всегда ясно видящій и рѣшительный, ежеминутно снабженный достаточною энергіею, чтобы осуществить то, чтò признавалъ выгоднымъ и необходимымъ. Жизнь его была все равно что походъ полубога съ боя

на бой, отъ побѣды къ побѣдѣ. Молодецъ онъ былъ, которому мы не пара (ein Kerl dem wir es freilich nicht nachmachen können). При этомъ своемъ космополитическомъ увлеченіи одною только культурою вообще, Гёте вовсе и не желалъ политическаго преобладанія Германіи; онъ его не предчувствовалъ, онъ не воображалъ себѣ, чтобы Германія могла сплотиться въ крупную державу. Поразительно странное по слѣпотѣ своей впечатлѣніе производятъ слѣдующія слова изъ разговора его съ Мюллеромъ въ 1808 году (Bied., № 386): „Германія ничто, но каждый нѣмецъ отдѣльно взятый—многое; однако странно, что всѣ они воображаютъ себѣ противное тому, чѣмъ они суть на самомъ дѣлѣ. Нѣмцы должны быть разсѣяны и разсажены по всему свѣту, подобно евреямъ, дабы всю ту массу добра, которая въ нихъ есть, они могли развить ко благу всѣхъ народовъ".

Шиллеръ былъ болѣе Гёте чутокъ и отзывчивъ на духъ времени и на настроеніе своей націи даже въ года наихудшіе для Германіи, предшествовавшіе самому бо́льшему ея униженію, послѣдовавшему уже по смерти Шиллера (1805 г. Аустерлицъ, 1806 г. Іена, 1807 г. тильзитскій миръ). Въ наименѣе тенденціозныхъ послѣднихъ его произведеніяхъ: „Орлеанской Дѣвѣ", „Вильгельмѣ Теллѣ", сквозитъ ненамѣренно его горячій національный патріотизмъ. Его біографъ Паллеске (II, 570) замѣтилъ весьма основательно, что Шиллеръ вооружилъ свой народъ противъ Наполеона, насколько лишь можетъ поэтъ вооружить свой народъ. Самъ Шиллеръ говорилъ въ письмѣ къ Кёрнеру, относившемся къ сочиняемому тогда Теллю: „Если мнѣ посодѣйствуютъ боги въ исполненіи того, что̀ мною задумано, то выйдетъ полезная вещь, которая потрясетъ германскія сцены". Спрашивается: что̀ бы произошло, еслибы Шиллеръ прожилъ еще лѣтъ десятокъ—до паденія Наполеона? Онъ не могъ бы относиться къ событіямъ пассивно. Онъ или увлекъ бы за собою Гёте и заставилъ его принять участіе въ борьбѣ противъ французовъ, или бы произошло между ними раздвоеніе, и тѣмъ кончилось бы ихъ безпримѣрное умственное единеніе и гармонія. Однако, такъ какъ за все время ихъ сближенія не мерцалъ ни единый лучъ надежды, такъ какъ иной политики нельзя было вести, кромѣ политики пассивнаго выжиданія, такъ какъ общественная жизнь притихла и почти остановилась,—то поэтому представилась полная возможность работать, не развлекаясь, въ возвышенной странѣ науки и чистаго искусства. Шиллеръ въ качествѣ профессора и философа создалъ цѣлую систему эстетики, вполнѣ соотвѣтствующей переживаемому историческому моменту, отрывающей людей отъ дѣй-

ствительности и переселяющей ихъ въ область идеальной, но нереальной свободы, въ область идеаловъ никогда не осуществимыхъ.

Въ этой эстетикѣ своей Шиллеръ не былъ вполнѣ самостоятельнымъ творцомъ; онъ обвился, точно плющъ, вокругъ могучаго ствола философіи Канта. Однако начинающееся нынѣ изученіе этой эстетики можетъ быть рекомендуемо какъ весьма полезное. Въ послѣднее время появились двѣ цѣнныя работы по этому предмету: Fréderic Montargis, „L'ésthétique de Schiller", 1892, и Karl Berger, „Die Entwickelung von Schillers' Aesthetik", Weimar, 1894. Эдуардъ Гартманнъ въ своей „Эстетикѣ" (т. II, 1886 г.) выражался слѣдующимъ образомъ о трудахъ Шиллера по эстетикѣ: „Гдѣ только Шиллеръ слѣдуетъ своей тонкой самонаблюдательности и чутью, тамъ попадаются крупицы настоящаго золота; но гдѣ онъ затянутъ въ корсетъ Кантова ученія, тамъ сужденія его выходятъ отвлеченныя, кривыя, натянутыя и безплодныя". Въ немъ самомъ былъ матеріалъ, чтобы сдѣлаться однимъ изъ величайшихъ эстетиковъ XIX в., еслибы онъ больше пожилъ и освободился отъ двойственности ученія Канта и отъ его морализма. По необходимости мы беремся теперь за весьма сухую матерію, и по пословицѣ: a Jove principium, начнемъ съ учителя, то-есть съ бѣглаго очерка философіи Канта въ ея главныхъ чертахъ.

III.

Справедливо замѣтилъ Виндельбандъ (Geschichte der neueren Philosophie, II, 20), что Кантъ (род. 1724, ум. 1800) доводитъ до конца и завершаетъ просвѣтительное движеніе XVIII в., и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно выходитъ за его предѣлы. Онъ стоитъ на рубежѣ двухъ періодовъ въ развитіи философіи. Изъ него истекаютъ самыя противоположныя направленія—позднѣйшій позитивизмъ, современный агностицизмъ, трансцендентальный идеализмъ и даже мистицизмъ,—такъ что когда историкъ запнется на какомъ-нибудь узелкѣ въ этихъ расходящихся теченіяхъ, то по необходимости ему приходится возвращаться къ Канту и опять съ него начинать. Философія Канта прежде всего критическая; онъ привлекъ къ своему суду гордый и зазнавшійся человѣческій разумъ и поставилъ въ тѣсныя рамки *опытное* знаніе. Мы знаемъ только явленія вещей, ихъ отпечатки въ нашихъ чувствахъ; мы знать не можемъ сущности вещей. За доступными намъ явленіями—феноменами—кроется цѣлый такъ называемый трансцендентальный міръ существъ вещей—„нуме-

новъ", знанію недоступныхъ. Нашъ разумъ приводитъ опытныя данныя въ порядокъ, укладываетъ ихъ во врожденныя апріорныя формы мышленія, или *категоріи*—время и пространство, и связываетъ ихъ посредствомъ понятія причинности, заимствуемаго нами не изъ внѣшняго міра, но почерпаемаго изъ внутренняго опыта, изъ наблюденій надъ самосознаніемъ. Для объясненія трансцендентальныхъ предметовъ, вполнѣ метафизическихъ, не существующихъ внѣ сознанія, каковы: добро, красота, міръ, душа,—Кантъ усвояваетъ себѣ оказавшееся потомъ несостоятельнымъ и отвергаемое нынѣ дѣленіе разума на Verstand и Vernunft — на простой умъ или разсудокъ, созидающій изъ реальныхъ впечатлѣній отвлеченныя понятія, и высшій или философскій умъ, подводящій эти добытыя такимъ образомъ отвлеченности подъ извѣстные значки или такъ называемыя *идеи*. Ограничивъ и сведя до минимальныхъ размѣровъ чувственность и чувственный опытъ въ познаніи, то-есть, до простой совокупности упорядочиваемыхъ умомъ впечатлѣній отъ вещей, Кантъ въ своей философіи воли, названной имъ *критикой практическаго разума*, совсѣмъ исключилъ опытъ и чувственность изъ своей этики и построилъ нравственность на основаніи уже совсѣмъ не философскомъ—на непосредственномъ чувствѣ, или такъ называемомъ *категорическомъ императивѣ*, или на прямомъ велѣніи практическаго разума, совсѣмъ не требующемъ никакихъ доказательствъ. Громадный успѣхъ, которымъ увѣнчалась эта теорія морали, ни на чемъ твердомъ не основанной и висящей, такъ сказать, на воздухѣ, требуетъ нѣкоторыхъ объясненій.

XVIII-й вѣкъ былъ, какъ извѣстно, весьма нерелигіозный. Вмѣстѣ съ религіею падала и религіозная мораль, опирающаяся на церковный авторитетъ и состоящая изъ документированныхъ божескихъ приказаній или завѣтовъ и имѣющая свое утвержденіе или *санкцію* въ чаемыхъ благахъ настоящихъ или посмертныхъ. По мѣрѣ того какъ эта религіозная мораль падала, выдвигалась ей противоположная другая, весьма на видъ понятная и простая: мораль эвдемонизма, раціоналистическая и утилитарная, основанная на томъ, что всякому человѣку присуще желаніе наслаждаться и стремленіе къ достиженію наибольшаго счастія и блаженства. Человѣкъ по природѣ эгоистъ, но культура ведетъ его неизбѣжно къ тому, что его эгоизмъ утончается и дѣлается болѣе благоразумнымъ. Съ одной стороны, устанавливаются коллективною волею общества запреты дѣйствій, которыя приносятъ болѣе общаго вреда, чѣмъ частной пользы для дѣйствующаго лица; съ другой стороны, человѣкъ пріучается радоваться и пе-

чалиться не только за себя, но и за другихъ людей—своихъ ближнихъ—по сочувствію къ нимъ. Такимъ-то образомъ созидаются измѣнчивыя и шаткія правила какъ закона положительнаго, такъ и морали, при чемъ главными двигателями при выработкѣ морали являются личныя стремленія недѣлимыхъ къ наибольшему личному блаженству. Кантъ не пошелъ ни по одному изъ этихъ двухъ путей. Онъ жилъ въ то время, когда ни „догма", ни мораль, уже не строились на авторитетѣ, но онъ сознавалъ также непроходимую тряскую топь, въ которую заводитъ людей мораль облагороженныхъ чувственныхъ влеченій, гдѣ нѣтъ отвѣтственности, гдѣ все прощается, потому только, что влеченіе могло имѣть страшную силу, но гдѣ мельчаютъ и становятся ниже нуля—характеръ, сила воли, позывъ къ геройству и къ самопожертвованію. Сложите вмѣстѣ всѣ влеченія и всякія пользы—изъ этой суммы все еще не выйдетъ ни одного атома нравственнаго долга. Для вывода понятія долга Кантъ присовокупляетъ къ двумъ видамъ разума, составляющимъ въ сложности познавательную способность (Verstand и Vernunft), третій видъ разума—*разумъ практическій*, руководитель воли, родитель дѣяній. Его велѣнія вполнѣ независимы отъ всякихъ утилитарныхъ соображеній и чувственныхъ влеченій. Признакъ и показатель нравственнаго достоинства совершаемыхъ по его велѣніямъ дѣяній — тотъ, что они будутъ противны влеченіямъ. Такъ какъ эти велѣнія истекаютъ изъ глубины самосознанія, изъ единственнаго извѣстнаго и доступнаго намъ „нумена", изъ души нашей, то они не могутъ имѣть и не требуютъ доказательствъ. Содержаніе ихъ: дѣлай что̀ долженъ; коль скоро ты долженъ дѣлать, то и можешь дѣлать! Въ этомъ принужденіи воли со стороны практическаго разума, то-есть, чувства и совѣсти, состоитъ вся нравственная цѣнность дѣйствія. Оно—автономія человѣка, его свобода или независимость дѣйствующаго субъекта отъ какихъ бы то ни было внѣ его лежащихъ побужденій.

Цѣлое столѣтіе прошло со времени появленія главныхъ произведеній Канта, многое съ тѣхъ поръ выяснилось или перемѣнилось, нѣкоторыя коренныя положенія этой философіи поколеблены или разрушены. Нынѣшняя эволюціонная философія отвергаетъ апріорныя формы познанія. Она объясняетъ опытомъ, приспособленіемъ къ средѣ и наслѣдственностью образованіе даже такихъ понятій, какъ время и пространство. Свобода воли объявлена была небылицей и сказкой со стороны столь распространеннаго нынѣ ученія *детерминизма*, по началамъ котораго человѣкъ роковымъ образомъ дѣйствуетъ по направленію сильнѣйшаго изъ

толкающихъ его на дѣло психическихъ мотивовъ. Нашъ вѣкъ религіознѣе XVIII-го, въ немъ невозможно отношеніе къ религіозному чувству, какъ къ суевѣрію; но въ области современной науки авторитетъ не возстановленъ, и донынѣ продолжается широкій разливъ выступившихъ изъ береговъ всякихъ утилитарныхъ ученій, разлагающихъ нравственность до тла. Среди этого разлива виднѣется вынесенная Кантомъ изъ потопа и поставленная на высотѣ идея нравственнаго долга, отдѣленная отъ прежняго ея основанія—авторитета. Доказать ее онъ и не пытался, но онъ заставилъ вѣрить въ возможность самопожертвованія для добра,—потому лишь, что оно добро. Вундтъ (Ethik, 1886, стр. 820) вполнѣ основательно заключаетъ, что въ строгости Кантова понятія долга ожилъ аскетическій духъ христіанской церкви. Мы бы могли прибавить: духъ протестантскій, духъ человѣка, поставленнаго съ глазу на глазъ со своею совѣстью и получающаго отъ нея внушенія безъ всякаго внѣшняго руководительства.

IV.

Намъ приходится разобраться еще въ „Эстетикѣ“ Канта, то-есть, въ послѣднемъ изъ его капитальныхъ трудовъ, „Критикѣ силы сужденія“ (Kritik der Urtheilskraft, 1790). Этотъ одиновій человѣкъ проживалъ безвыѣздно въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ городовъ сѣверо-восточной окраины Германіи—Кёнигсбергѣ, среди некрасивой природы, вдали отъ движенія искусства, отъ музеевъ. Притомъ онъ былъ мало способенъ отъ природы наслаждаться красивыми вещами и не имѣлъ въ себѣ, такъ сказать, никакой артистической жилки. Однако, одною только силою весьма тонкаго и проницательнаго ума онъ положилъ главныя основанія новѣйшей эстетики,—столь твердыя, что и нынѣ тò, чтò онъ по этой части написалъ, несравненно глубже всего, чтò было до сихъ поръ писано по эстетикѣ (Windelband, II, 171). Кантова эстетика вѣрна кореннымъ основаніямъ его міросозерцанія. Въ ней тотъ же дуализмъ, та же бездонная пропасть, которую онъ пытается замостить между „нуменомъ“ и „феноменомъ“, между сверхчувственнымъ и чувственнымъ, между свободою самоопредѣляющагося духа и механизмомъ внѣшней природы, слѣпо подчиняющимся необходимымъ законамъ. И этика, и эстетика Канта—аналогичны. О нравственности умъ судитъ по апріорному сужденію, посредствомъ категорическаго императива; о красотѣ же онъ судитъ тоже апріорно и по тому же непосредственному чувству—по *вкусу*.

Коль скоро красота вещи не прочувствована, то нельзя непрочувствовавшему ее втолковать, ни доказать ему, что вещь прекрасна. Эти сужденія о красотѣ предметовъ, *вкусовыя* или эстетическія, коренным образомъ отличаются отъ другихъ сужденій о природѣ, нами себѣ подчиняемой, которыя мы называемъ *цѣлевыми* или тэлеологическими. Въ сужденіи цѣлевомъ мы сознаемъ, что вещь намъ полезна, что она удовлетворяетъ наши потребности, а потому она желательна и пріятна. Цѣль вещи — не въ предметѣ, но въ насъ самихъ; чувство, вызываемое этимъ мышленіемъ, зависитъ отъ связи предмета съ потребностями, отъ отнесенія предмета къ нашему субъективному состоянію. Мы до того привыкли мыслить цѣлесообразно, что эту намъ присущую цѣлесообразность, дѣйствіемъ нашего воображенія, мы влагаемъ въ самую природу. Существовала даже цѣлая система философіи (въ особенности Лейбницъ), которая бралась объяснять всю вселенную по конечнымъ цѣлямъ, которыми руководствовался Создатель при устроеніи мірозданія, выдаваемымъ за научныя истины. Кантъ исключилъ изслѣдованіе этихъ цѣлей изъ области знанія; но достовѣрно, что наше мышленіе, по цѣлямъ, предполагаетъ цѣли даже тамъ, гдѣ существованіе ихъ не доказано; оно вѣритъ въ цѣлесообразное устройство вселенной и судитъ о ней и о всякой жизни органической по цѣлямъ воображаемымъ, имманентнымъ, то-есть присущимъ предмету безъ всякаго вѣдома его о томъ; таково, напримѣръ, дѣйствованіе по простому инстинкту. Кантъ даетъ такому виду дѣятельности названіе: zwecklose Zweckmässigkeit (безцѣльная цѣлесообразность), — правильнѣе бы ее назвать безсознательною цѣлесообразностью.

Отъ этихъ „цѣлевыхъ" сужденій рѣзко отличаются сужденія „вкусовыя". Предметъ вдругъ и сразу или при постепенномъ его изученіи приходится намъ по-вкусу, признается нормально чувствующими людьми прекраснымъ предметомъ, не рождая въ насъ никакого вожделѣнія, не будучи связываемымъ съ нами какимъ бы то ни было нашимъ интересомъ. Это и будетъ сужденіе *эстетическое*; оно внушается намъ прямо чувствомъ, которое возбуждено пріятнымъ представленіемъ предмета, его нравящеюся намъ формою. Форма можетъ проявиться и при полной безсодержательности предмета. Кругъ такихъ безсодержательныхъ, но *чисто* или *свободно красивыхъ* предметовъ (reine Schönheit, freie Schönheit) крайне ограниченъ: арабески, цвѣты, картины идиллической природы. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ эстетическія сужденія возникаютъ по поводу *смѣшанныхъ* красотъ, то-есть, представленій пріятныхъ по формѣ и занимательныхъ по

содержанію, по воображаемой въ нихъ имманентной цѣлесообразности, доходящей въ нихъ до совершенства. Къ области смѣшанной красоты принадлежатъ и представленія съ примѣсью извѣстнаго нравственнаго элемента, при созерцаніи которыхъ пробуждается въ душѣ чувство *возвышеннаго*. Кантъ—рѣшительный *субъективистъ* въ своей эстетикѣ: вещи сами по себѣ въ его глазахъ не бываютъ красивы или некрасивы, онѣ и не возвышенны; но есть между ними такія, которыя могутъ насъ приводить въ особое состояніе, отличающееся подъемомъ духа, когда, въ виду нашего физическаго ничтожества передъ какимъ-нибудь громаднымъ явленіемъ природы, мы одолѣваемъ его мысленно волею, то-есть, сверхчувственною стороною нашего бытія.

На основаніи изложенныхъ выше началъ Кантъ производитъ размежеваніе области прекраснаго отъ смежныхъ съ нею областей чувственно-пріятнаго и нравственнаго, отъ добра какъ утилитарнаго, такъ и моральнаго. Громадное преимущество Кантовой эстетики заключается въ томъ, что онъ отсѣкъ и исключилъ изъ области прекраснаго весь эстетическій эпикуреизмъ, всякое щекотаніе чувствъ, всякое сладострастіе, всякую разнузданность похотей,—онъ водворилъ начало полной цѣломудренности искусства. Отличительнымъ признакомъ эстетическаго удовольствія есть полная наша *незаинтересованность* (interessloses Wohlgefallen) въ возбуждающемъ удовольствіе предметѣ при вполнѣ безкорыстномъ его созерцаніи нами. Для поясненія своей мысли Кантъ употребляетъ сравненіе, которое стало классическимъ и господствуетъ въ философіи прекраснаго отъ Шиллера вплоть до Герберта Спенсера. Кантъ сравнилъ именно эстетическое удовольствіе съ удовольствіемъ отъ игры, которая заключается только въ безпрепятственномъ упражненіи нашихъ способностей. Въ немъ есть волненіе чувства, но только идеальное, съ полнымъ сознаніемъ, что оно не серьезно и не имѣетъ никакого соотвѣтствующаго ему реальнаго предмета.

Такое размежеваніе области прекраснаго отъ другихъ смежныхъ съ нею остается въ силѣ до сихъ поръ; но такъ какъ оно имѣетъ свойство, присущее всему, что̀ дѣлалъ Кантъ, то-есть, такъ какъ оно слишкомъ прямолинейное, то и требуетъ нынѣ нѣкоторыхъ и то не очень существенныхъ исправленій. Кантъ исключилъ изъ эстетики чувственность; между тѣмъ несомнѣнно, что чувственность имѣетъ въ эстетикѣ большое, хотя только подначальное значеніе. Артистъ обладаетъ обыкновенно тонкою и сильною чувственностью; сильная чувственность дѣлаетъ произведеніе привлекательнымъ и обаятельнымъ. Новѣйшая эсте-

тика не начинаетъ своихъ выводовъ отъ отвлеченной идеи прекраснаго, но изучаетъ прежде всего, что̀ вообще людямъ нравится, то-есть, начинаетъ съ чувственнаго пріятнаго, и затѣмъ уже, строя эстетику, по выраженію Фехнера, снизу вверхъ, доходитъ до идеи прекраснаго. Если, слѣдуя за Кантомъ, мы выбросимъ изъ эстетики всякое чувственное щекотаніе, все то, что̀ имѣетъ хотя бы самую отдаленную связь съ порнографіею, всякія вожделѣнія, порождаемыя предметомъ,—то въ концѣ концовъ, при всей безкорыстности и незаинтересованности предметомъ, остается въ насъ нѣчто свойственное людямъ развитымъ и безъ чего искусство процвѣтать не можетъ, а именно: не матеріальный, а чисто идеальный интересъ, съ которымъ люди со вкусомъ относятся къ прекрасной обстановкѣ; они ее ищутъ, они не отказываются даже отъ денежныхъ затратъ, чтобы только жить въ красивой мѣстности и среди произведеній искусства. Кантъ признаетъ, что красота присуща не изображаемымъ вещамъ, а только формѣ изображеній, значитъ, — надобно отличать реальную вещь, можетъ быть, и не красивую, отъ эстетическаго ея вида въ изображеніи (aesthetischer Schein); значитъ, можно оставаться вполнѣ равнодушнымъ къ существованію вещи и увлекаться, однако, и волноваться отъ ея эстетическаго вида, безъ всякой примѣси реальныхъ чувствъ, порождаемыхъ предметомъ.

Отмѣтимъ, наконецъ, нѣкоторыя замѣчательныя мысли Канта о художественной геніальности. Съ помощью хорошей школы талантъ способенъ производить художественно красивые предметы, но настоящее творчество въ искусствѣ принадлежитъ только генію. Въ ущербъ самому себѣ и съ явною несправедливостью для философовъ и ученыхъ, Кантъ признаетъ геніальность только за художниками—людьми воображенія. Онъ думаетъ, что ученый отличается только количественно отъ средняго мыслителя, такъ что къ выводамъ какого-либо Ньютона могъ бы дойти и обыкновенный умъ, долго и много размышляя. Пониманіе геніальности Кантомъ поразительно. Онъ считаетъ геніальнымъ лишь ненамѣренно цѣлесообразное, то-есть, то, что̀ въ глазахъ другихъ людей кажется дѣломъ самой природы, относительно которой не ставятся вовсе вопросы: откуда и зачѣмъ? Дѣятельность генія есть для него самого тайна; хотя онъ дѣйствуетъ сознательно, но въ этой дѣятельности проявляется нѣчто столь же неудержимое, какъ стихійная сила (das Genie ist eine Intelligenz, die als Natur wirkt). Дѣятельности этой мы удивляемся, но ее мы не постигаемъ. Художникъ, такимъ образомъ творящій, существовалъ въ то время, —онъ назывался Гёте. Никогда его не видавшій, спеціально его

не изучавшій и не имѣвшій ничего артистическаго въ темпераментѣ, Кантъ описалъ его творчество такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности,—такъ что ученикъ его, Шиллеръ, начавшій непосредственно наблюдать Гёте съ 1794 года, могъ только подтвердить полное сходство съ оригиналомъ изображенія, начертаннаго своимъ учителемъ.

V.

Отъ Канта перехожу къ Шиллеру—и начну съ болѣе ранняго періода его творчества, предшествовавшаго моменту, когда въ началѣ 1791 г., во время своей тяжкой болѣзни, онъ познакомился съ вышедшею въ 1790 г. „Kritik der Urtheilskraft". Шиллеръ былъ прежде всего человѣкъ запоздавшаго въ Германіи „возрожденія", сродни тѣмъ „язычникамъ", которыми богаты были XVI и XVII столѣтія, и которые обожали эстетически греческихъ олимпійцевъ и почти сожалѣли, что пришлось „на счетъ всѣхъ обогатить только одного" (Einen zu bereichern unter Allen). Шиллеръ одинаково былъ способенъ и философски анализировать прекрасное, и поэтически сочувствовать отвлеченной идеѣ. Таковы его „Ideendichtungen", какъ ихъ называлъ Вильгельмъ Гумбольдтъ; два этого рода капитальныя *идейныя* стихотворенія написаны были имъ въ 1788 г.: „Die Götter Grichenlands" и „Die Künstler". Въ обоихъ онъ—эллинизирующій поэтъ, восторженно увлекающійся этимъ свѣтлымъ міромъ здоровой силы, тонкой чувственности и жизнерадостности. „Во время оно,—писалъ Шиллеръ,—чарующій покровъ поэзіи красиво правду обвивалъ; и свята была красота—ни одной радости не стыдился Богъ" (Der Dichtung zauberhafte Hülle Sich noch lieblich um die Wahrheit wand... Damals war nichts heilig als das Schöne,—Keiner Freude schämte sich der Gott)... „Тогда у смертнаго ложа не становился гадкій остовъ, но только геній наклонялъ свой факелъ"... „милое время расцвѣта природы — лишь въ волшебной странѣ пѣсней живутъ еще твои сказочные слѣды" (Holdes Blüthenalter der Natur,—Ach, nur im Feenland der Lieder—Lebt noch deine fabelhafte Spur).

Скорбь о пропажѣ идеаловъ (die Ideale sind zerronnen) и о томъ, что исчезла вѣра „въ существа, созданныя моимъ сномъ" (an Wesen die mein Traum gebar), иными словами—тоска по сдѣлавшемся невозможнымъ въ нашъ вѣкъ антропоморфизмѣ природы, была бы, несмотря на всю свою задушевность, чистымъ ребячествомъ, еслибы не существовалъ весьма осмысленный прозаическій

ея комментарій, въ одномъ изъ позднѣйшихъ эстетическихъ писемъ Шиллера (6-мъ), объясняющій глубокія основанія скорби современнаго человѣка объ утраченномъ Олимпѣ. Греки были дѣльнѣе, нежели мы; они относились съ любовью къ веществу и не калѣчили его. Изслѣдуя человѣческую природу, они проекціонировали ее въ увеличенныхъ размѣрахъ, въ видѣ группы своихъ боговъ, но такимъ образомъ, что всѣ человѣческія черты присущи были каждому изъ боговъ. Мы, современники, стали крайними во всемъ спеціалистами. Мы проекціонируемъ въ увеличенномъ размѣрѣ также родовой типъ человѣческій, но въ видѣ отдѣльныхъ членовъ или частей нашего организма, и эти части приходится потомъ подбирать. Общество дѣлится на классы; ни одна личность не является полнымъ представителемъ своего вѣка. У грековъ государство походило на полипа—каждая особь чувствовала, что она остается членомъ живого цѣлаго. Нынѣ политика довела государство до того, что оно только механизмъ,—жизнь его подобна ходу заведенныхъ часовъ, государство чуждается гражданъ, граждане возвращаются въ первичное неустроенное состояніе; правительство въ глазахъ народа—только господствующая партія, наиболѣе, слѣдовательно, для него ненавистная. Аналитическій умъ лишилъ воображеніе огня. У аналитика-мыслителя *холодное* сердце, потому что онъ расчленяетъ впечатлѣнія, а впечатлѣнія могутъ трогать насъ только въ своей совокупности; у дѣлового же практика—*узкое* сердце, потому что его воображеніе не переступаетъ заколдованнаго круга его профессіи.

Чья же въ томъ вина, что люди спеціализировались, измельчали, сдѣлались некрасивыми и даже уродливыми? Конечно, виновата только культура и неизбѣжныя условія (какъ бы сказали нынѣ) эволюціи культуры. Мы пожертвовали цѣльностью нашего существа и стали изслѣдовать природу въ разсыпную и по частямъ, точно наблюдая ее въ увеличительное стекло. Совокупность мірозданія значительно прояснилась, но единицы страдаютъ, неся иго міровой цѣли (unter dem Fluche dieses Weltzweckes), при чемъ онѣ изувѣчены, запечатлѣны слѣдами этой рабской подчиненности, съ цѣлью доставить будущимъ поколѣніямъ возможность наслаждаться на полномъ досугѣ нравственнымъ здоровьемъ. Изъ трехъ главныхъ руководителей человѣчества: религіи, искусства и науки,—первая, т.-е. религія, не ставилась уже въ счетъ въ XVIII вѣкѣ и считалась упраздненною; ея функція сливалась съ функціею искусства. Какъ литераторъ и художникъ, Шиллеръ озабоченъ наибольшимъ преуспѣяніемъ рода человѣческаго при посредствѣ искусства, а потому онъ и превозноситъ роль поэзіи съ явнымъ и несправедливымъ

ущербомъ для науки. Поэзія есть, во-первыхъ, утѣшительница рода человѣческаго. Какъ нѣкогда, такъ и нынѣ „поверхъ убогой нашей жизни блещетъ поэзія—бодрый міръ тѣней“ (Es schimmert auf dem dürftigen Leben—Der Dichtung muntre Schattenwelt). Во-вторыхъ, поэзія предвосхищаетъ тѣ истины, до которыхъ доходитъ потомъ своимъ черепашьимъ ходомъ рефлектирующій разумъ. „То, чтò послѣ многихъ вѣковъ открылъ старѣющій разумъ, лежало уже въ символѣ прекраснаго и возвышеннаго, явленное напередъ дѣтскому пониманію“ (Was einst nachdem Jahrchunderte verflossen—Die alternde Vernunft verstand—Lag im Symbol des Schönen und des Grossen,—Voraus geoffenbart dem kindlichen Verstand). Конечно, Шиллеръ ошибается, предоставляя наукѣ одно движеніе ползкомъ и передавая въ вѣденіе одной поэзіи всѣ еще не доказанныя предположенія научныя. Этимъ заблужденіемъ объясняется у Шиллера высокомѣрное отношеніе поэзіи къ сухому научному изслѣдованію [1]). Шиллеръ всю жизнь былъ убѣжденъ, что искусство есть главный воспитатель рода человѣческаго, чтò онъ потомъ и развилъ въ особомъ сочиненіи. Когда Шиллеръ поселился въ Іенѣ въ 1789 г., получивъ университетскую каѳедру, то на продолжительное время онъ разстался съ поэзіею и занялся только наукою, исторіею, а отчасти и эстетикою. Онъ почувствовалъ, что въ немъ ожила испытываемая имъ въ юности „старая страсть философствовать“—die alte Lust zum philosophiren (Письма Шиллера, изд. Jonas'а, № 521). Всѣ прозаическія его работы по эстетикѣ помѣчены годами 1791—1795 и имѣютъ связь какъ съ университетскими его занятіями, такъ и съ философіею Канта, которую онъ себѣ усвоилъ.

VI.

Университеты германскіе похожи въ нѣкоторомъ родѣ на микрофоны: чтò сочинялось, напримѣръ, въ кабинетѣ Кантомъ въ Кёнигсбергѣ и о чемъ ближайшіе его знакомые не знали, тò оглашалось во всеуслышаніе на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ въ другомъ университетскомъ городѣ, напримѣръ, въ Іенѣ, гдѣ дѣйствовалъ спеціальный апостолъ кантизма, профессоръ Рейнгольдъ, который, по словамъ о немъ Шиллера (письмо къ Кёр-

[1]) *Die Künslter*: Wenn aus der Denckens freigegebnen Bahnen—Der Forscher jetzt mit kühnem Glücke schweift... Mit fester Hand schon an die Krone greift,—Wenn er mit niederm Söldnerlohne—Den edlen Führer schon zu entlassen glaubt -Und neben dem geträumten Throne—Der Kunst den ersten Sclavenplatz erlaubt-..

неру), утверждалъ, что чрезъ сто лѣтъ Кантъ будетъ столь же повсюду уважаемъ, какъ Христосъ. Еще въ 1787 г., Рейнгольдъ возвѣщалъ, что скоро выйдетъ критика воли и вкуса (Письма, № 214). Шиллеръ получилъ эту книгу (Kritik der Urtheilskraft, 1790 г.) во время своей болѣзни. Приведу нѣкоторыя выдержки изъ его переписки, чтобы показать, какъ сильно онъ ею интересовался.

„3-го марта 1791 г. (письмо къ Кёрнеру, № 563).—Угадай, что̀ я читаю и изучаю. Не что иное, какъ Канта. Его „Kritik der Urtheilskraft" увлекаетъ меня своимъ яснымъ, остроумнымъ содержаніемъ и поселила во мнѣ живѣйшее желаніе вработаться постепенно во всю его философію"... „1-го янв. 1792 г. (№ 695). —Ревностнѣйшимъ образомъ занимаюсь философіей Канта. У меня твердая рѣшимость не покидать ее, пока не познаю ея до дна, хотя бы то мнѣ стоило трехъ лѣтъ"... „15-го октября 1792 г. (№ 628).— Я по уши погруженъ въ Кантову „Urtheilskraft" и не успокоюсь, пока не проникну насквозь эту матерію и не сдѣлаю изъ нея что-нибудь въ моихъ рукахъ"... Еще до своей болѣзни Шиллеръ читалъ студентамъ въ 1790 г. о *трагедіи*—не по учебникамъ, а по личнымъ воспоминаніямъ и по трагическимъ образцамъ; онъ удивлялся количеству припасенныхъ имъ наблюденій по собственной сценической дѣятельности (№ 519, 524). Въ ноябрѣ 1792 г., Шиллеръ преподавалъ курсъ эстетики (privatissima) при 24 слушателяхъ, отъ 4 до 5 лекцій въ недѣлю. Онъ былъ увѣренъ (№ 629), что это Kollegium повліяетъ на исправленіе его вкуса; матеріалъ у него росъ, приходили свѣтлыя идеи, накоплялось многое для послѣдующаго писательства; кромѣ того, онъ уповалъ, что достигнетъ извѣстнаго результата въ искусствѣ.

На первыхъ порахъ, результатомъ этимъ оказался недоконченный опытъ, не нашедшій мѣста даже въ полномъ собраніи сочиненій Шиллера. Онъ задумалъ издать къ Пасхѣ 1793 г. разговоръ о красотѣ, озаглавленный: *Калліасъ*. Въ письмѣ къ Кёрнеру (№ 635) онъ выражается такъ: „Я думаю, что я открылъ то, въ отысканіи чего отчаялся Кантъ, а именно объективное понятіе о красотѣ, которое тѣмъ самымъ пригодится для объективнаго основанія вкуса". Въ другомъ письмѣ (№ 641) онъ думаетъ, что развяжетъ узелокъ, развязать который Кантъ считалъ невозможнымъ.

Надежда была напрасная—Шиллеръ шелъ не по надлежащему пути и искалъ чего-то въ родѣ квадратуры круга, потому что мы только чувствуемъ, но не познаемъ красоту, и слѣдовательно, красота существуетъ только въ сознаніи нашемъ, а не въ при-

родѣ. Намъ придется, однако, остановиться на этой работѣ, стоившей Шиллеру неимовѣрнаго труда.

VII.

Шиллеръ сталъ цѣликомъ на почвѣ Кантовой философіи, а Кантъ, какъ извѣстно, отдѣлилъ міръ чувственный отъ міра самосознанія: первый онъ подчинилъ необходимымъ законамъ, а второй —предоставилъ свободѣ воли и духа. Эта свобода сдѣлалась идеаломъ для Шиллера, онъ сталъ ея восторженнымъ почитателемъ. Въ 1827 г., Гёте, разговаривая съ Эккерманомъ (Biedermann, № 1074), ставилъ Шиллеру въ недостатокъ увлеченіе его этимъ идеаломъ, въ сущности только отрицательнымъ, и утверждалъ, что само понятіе свободы у Шиллера мѣнялось: въ юности онъ обожалъ болѣе свободу физическую, а потомъ—только идеальную. Во всякомъ случаѣ, его идея свободы обозначала нѣчто совсѣмъ иное, нежели у Канта, который отождествлялъ ее съ подчиненіемъ воли категорическому императиву и искалъ ее въ возможности дѣйствовать по чувству долга, вопреки влеченіямъ, насилуя ихъ и обуздывая. Такое пониманіе свободы возмущало Шиллера; оно было прямо противно его темпераменту. Позаимствуемъ опять отрывки изъ его переписки (1793 г., Переписка съ Гёте, № 362): „Меня поражаетъ въ старомъ баринѣ нѣчто юношеское, почти эстетическое; но какая же дикая форма (greuliche); слогъ его, можно сказать, философско-канцелярскій“ (1793 г., № 670, письмо къ герцогу Аугустенбургскому)... „Многимъ положеніямъ Канта ихъ строгая и слишкомъ схоластическая форма сообщаетъ такую жестовость (Härte) и странность, которыя чужды ихъ содержанію. Философскія истины должны быть открываемы вовсе не такъ, какъ онѣ должны быть примѣняемы и распространяемы. Красота зданія открывается только тогда, когда сняты лѣса и припрятаны орудія каменьщика и столяра“... Но несочувствіе Шиллера не останавливалось на формѣ и заходило гораздо глубже (Переписка съ Гёте, № 21)... „Философія Канта слишкомъ ригористична и отличается нетерпимостью“ (Переп., № 553)... „Кантъ выворачиваетъ наружу патологическую (дурную) сторону человѣческой природы, естественную склонность человѣка ко злу, чтò сообщаетъ его практической философіи такой скверный видъ. Въ немъ, какъ и въ Лютерѣ, сказывается бѣглый монахъ, не сгладившій на себѣ слѣдовъ монастыря“. Еще рѣшительнѣе обрисовывается діаметральная противоположность двухъ натуръ, изъ которыхъ одна обра-

щается съ человѣкомъ по закону, а другая по любви"... Въ письмѣ 17-го авг. 1795 г., № 86, Шиллеръ дѣлаетъ Канта представителемъ ветхаго завѣта въ противоположность новому завѣту христіанскому, такъ какъ превосходство христіанства заключается въ томъ, что оно отмѣнило законъ, то-есть, кантовскій императивъ, и замѣстило его свободною склонностью, слѣдствіемъ чего является то, что получилась прекрасная нравственность и единая эстетическая религія.

Въ этихъ немногихъ словахъ сосредоточено все содержаніе шиллеровской эстетики въ ея противоположности—кантовской. Въ позднѣйшемъ своемъ трактатѣ, 1793 г., „Ueber Anmuth und Würde", Шиллеръ открыто нападаетъ на Канта, называя его Дракономъ своего времени и поясняя, что суровость его морали заставила бѣжать отъ этой морали всѣхъ Грацій; она можетъ побудить слабые умы искать нравственнаго совершенства въ мрачномъ монашескомъ аскетизмѣ.

Итакъ, Шиллеръ далеко не полный кантіанецъ. Онъ расходится съ Кантомъ въ весьма существенныхъ пунктахъ, и эти-то размолвки мы должны прослѣдить шагъ за шагомъ.

Они расходились, *во-первыхъ*, въ томъ, что по Канту признаніе предмета красивымъ есть нѣчто вполнѣ субъективное, сужденіе вкусовое апріорное, очевидное, безъ всякихъ доказательствъ. Надо сначала прочувствовать красоту, и только послѣ того можно пріискать резоны, подкрѣпляющіе и оправдывающіе испытанное художественное ощущеніе. Шиллеръ еще все ищетъ, напротивъ того, формулы, опредѣляющей красоту, ищетъ объективнаго ея основанія, но попытки окажутся неудовлетворенными.

Во-вторыхъ, Кантъ отнесъ въ область чистой красоты одни пустые, безсодержательные предметы, между тѣмъ какъ все распланированное, налаженное къ дѣйствію и технически совершенное, а въ томъ числѣ и человѣкъ, отнесены имъ въ область смѣшанной красоты. Шиллеръ отвергаетъ это дѣленіе, пользуясь заимствованнымъ отъ Канта понятіемъ безсознательной цѣлесообразности, то-есть понятіемъ о цѣляхъ, присущихъ самимъ вещамъ безъ ихъ вѣдома о томъ, или о цѣляхъ, предполагаемыхъ въ существахъ по логикѣ вещей. Помимо всякаго внѣшняго опыта умъ нашъ не можетъ отрѣшиться отъ убѣжденія въ существованіи подобныхъ цѣлей. Наше воображеніе влагаетъ въ предметы эти предполагаемыя цѣли и судитъ такимъ образомъ о предметахъ не логически, а тэлеологически, то-есть цѣлесообразно и разумоподобно. Каждое организованное существо въ природѣ есть объединенная совокупность частей, есть нѣчто болѣе или менѣе правильно

устроенное для жизни, для дѣятельности, для функціонированія. Эта приспособленность частей къ дружному функціонированію цѣлаго и есть *техника* вещи, ея форма. Допустимъ, что эта техника доведена до совершенства. Шиллеръ въ тотъ періодъ развитія его эстетики, когда онъ собирался писать „Калліаса“, еще не допускалъ въ ней красоты; она—не жизнь, она еще не красота, она—лишь необходимое условіе красоты. Возведите эту технику, употребляя языкъ алгебры, въ квадратъ, возьмите форму этой формы, возьмите непринужденное функціонированіе этого предмета по всѣмъ правиламъ его техники—это и будетъ красота.

Мы подходимъ къ капитальнѣйшей точкѣ въ эстетикѣ Шиллера въ тотъ періодъ, къ *третьему* и существенному отличію этой эстетики отъ кантовской. Кантъ красоты совсѣмъ не опредѣляетъ, а Шиллеръ уже формулируетъ ее, называя красоту *свободою въ явленіи* (Freiheit in der Erscheinung). Я извиняюсь,—я не поведу читателей по ухабистой и утомительной дорогѣ, идя по которой Шиллеръ додумался до окончательныхъ своихъ умозаключеній. Я самъ буду модернизировать языкъ его, напоминающій схоластическую терминологію философіи XVIII-го вѣка. Сущность же идей Шиллера о прекрасномъ въ этомъ періодѣ заключалась въ слѣдующемъ.

VIII.

Мы мыслимъ двояко. Или мы умомъ нашимъ только *наблюдаемъ* предметъ въ явленіи, при чемъ извлекаемъ изъ него чистое, холодное, безцвѣтное отвлеченное понятіе, лишенное всякихъ индивидуальныхъ его примѣтъ. Или мы этотъ предметъ *созерцаемъ*, при чемъ нами получается нѣчто конкретное, живой и чувственный образъ предмета, воспроизведенный въ отсутствіи его совокупною дѣятельностью ума и воображенія. При мышленіи перваго рода, то-есть, посредствомъ одного *отвлеченія*, не можетъ быть и рѣчи о красотѣ. Міръ самъ по себѣ не красивъ, когда его разбираютъ научно, сочетая одни съ другими наблюденія, по заимствованному умомъ изъ одного внутренняго, психическаго, а не изъ внѣшняго опыта, понятія причинности. Въ нескончаемой цѣпи причинъ и слѣдствій всякая вещь объясняется по какой-нибудь внѣ ея существующей и породившей ее причинѣ; она судится по той цѣли, ради которой она создана, при чемъ весь міръ, устроенный по непреложнымъ законамъ, представляется въ видѣ колоссальнѣйшаго благоустроеннаго механизма. Это заключеніе объ отсутствіи красоты во всемъ чисто-механиче-

скомъ вполнѣ примѣнимо не только къ міру физическому, но и къ нравственному. Человѣкъ, какъ нравственное существо, свободенъ только потому, что онъ способенъ уклониться отъ нормы долга, отъ категорическаго императива. Мы нравственно одобряемъ это подчиненіе воли игу долга; оно съ нравственной точки зрѣнія даже тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ бо̀льшихъ усилій потребовало преодолѣніе чувственныхъ наклонностей. Но иго долга есть все-таки иго по отношенію къ нашей волѣ, есть нѣчто внѣшнее; процессъ же самой борьбы и укрощенія склонностей вовсе не эстетиченъ. Нравственность и красота—величины несоизмѣримыя, предметы не только разные, но зачастую и несовмѣстимые. „Нравственный поступокъ, — пишетъ Шиллеръ (8-го февр. 1793 г., № 643, Письмо 14),—никогда не покажется намъ красивымъ, коль скоро мы будемъ всматриваться въ пріемы, посредствомъ коихъ онъ вымученъ у нашей чувственности". Итакъ, Кантъ объяснилъ мораль нашихъ поступковъ, но не указалъ ни основанія, ни условій ихъ красоты.

Разрѣшеніе вопроса о красотѣ дѣйствій возможно лишь при употребленіи иного пріема, при мышленіи инымъ способомъ,—при участіи воображенія. Не разсѣкая вещей ножемъ анализа, мы можемъ ихъ брать какими онѣ намъ представляются (wie sie erscheinen), какими мы ихъ себѣ воображаемъ,—предметы не абстрактные, но конкретные, не отвлеченности, но образы живые, одѣляемые нами же тою самоопредѣляемостью, которую мы въ себѣ испытываемъ, а внѣ насъ только предполагаемъ, и которую мы вкладываемъ въ природу (антропоморфизмъ). Что касается до совсѣмъ неразумныхъ существъ, то мы предполагаемъ, что то, чѣмъ они себя проявляютъ, проистекаетъ свободно изъ нутра ихъ природы (aus reiner Natur). Такъ какъ свобода есть качество сверхчувственное, опыту внѣшнему недоступное, влагаемое умомъ въ представленіе предмета, который, можетъ быть, ею вовсе и не пользуется, то она и не есть свобода дѣйствительная, а только *свобода въ явленіи*, свобода воображаемая — она и есть настоящій источникъ красоты. Въ примѣненіи того же понятія къ человѣку, при обсужденіи его поступковъ по *морали*, существенно важно знать, дѣйствовалъ ли онъ по категорическому императиву, или былъ къ дѣйствію побужденъ какою-либо внѣшнею причиною, напримѣръ, нуждою, страстью, или инымъ тому подобнымъ стимуломъ. Даже и въ томъ случаѣ, когда лицо дѣйствовало вполнѣ нравственно, то-есть по категорическому императиву, самый видъ этой проволоки или пружины превращаетъ явленіе въ нѣчто неживое, машинообразное, и слѣдовательно

лишаетъ его всякой красоты. Не подлежитъ сомнѣнію, что могутъ быть дѣянія одновременно и нравственныя, и прекрасныя, но то и другое объясняется по разнымъ основаніямъ и причинамъ. Прекрасными они становятся не потому, что согласуются съ нормою долга, съ императивомъ, а только потому, что они— проявленія личности со вкусомъ, дѣйствующей безъ внутренней борьбы, по естественному влеченію своей доброй натуры, своей прекрасной души (schöne Seele). Самоопредѣляемость къ добру по разуму есть *мораль*; самоопредѣляемость по чувству есть *красота*. У разума и у чувственности какъ будто бы существуютъ двѣ воли, взаимно себя исключающія: воля чувственная, прямо и во-очію себѣ человѣкомъ представляемая, и воля разумная, не входящая въ явленія, потому что они только правило. Такъ какъ эта послѣдняя только мыслится, такъ какъ она является, такимъ образомъ, чѣмъ-то внѣшнимъ, то эстетически дѣйствующій субъектъ представляется какъ бы не-автономнымъ, не-самоопредѣляющимся, некрасивымъ.

Для нагляднаго представленія другу Кёрнеру, въ чемъ состоитъ эстетическая красота дѣянія, Шиллеръ (№ 643) препровождаетъ ему пять картинокъ въ лицахъ, которыя столь характерны, что мы воспроизведемъ ихъ.

1) Разбойники ранили и ограбили человѣка, послѣ чего они его нагого бросили на холоду, на большой дорогѣ. Его застаетъ проѣзжій, который сожалѣетъ о несчастномъ, но видъ страданій противенъ ему и непріятно поражаетъ его нервы. Онъ предлагаетъ ограбленному деньги для нанятія другихъ людей, которые бы его спасли.—Этотъ образъ дѣйствія не полезный, не нравственный, не великодушный, не красивый; онъ только добродушный, и то лишь по темпераменту.

2) Второй проѣзжій хотѣлъ бы помочь ограбленному, но онъ разсчетливъ. — „Если ты мнѣ обѣщаешь, — сказалъ онъ,—дать червонецъ за мою потерю времени, я тебя свезу въ ближайшій монастырь на излеченіе“.—Этотъ образъ дѣйствія только утилитарный; онъ невеликодушенъ, некрасивъ и ненравственъ.

3) Третій ѣздокъ, выслушавъ ограбленнаго, пожалѣлъ своего плаща, которымъ пришлось бы прикрыть ограбленнаго, пожалѣлъ своего коня, коего пришлось бы обременить двойною ношею. Онъ сознаяъ, однако, свой долгъ и скрѣпя сердце предложилъ ограбленному свой плащъ, своего коня и свои услуги. Однако ограбленный отклонилъ предложеніе, замѣтивъ, что оно дѣлается неохотно.—Это образъ дѣйствія типически нравственный по Канту (rein moralisch), внушенный императивомъ, но не болѣе того.

4) Вдругъ появились на дорогѣ два заклятые врага ограбленнаго, преслѣдовавшіе его съ тѣмъ, чтобы его убить, но, нашедши его раненымъ и безпомощнымъ, они рѣшаются спасти его просто по своему великодушію. Когда ограбленный простеръ къ нимъ руки, предлагая имъ примиреніе и забвеніе прошлаго, они осадили его, однако, холоднымъ замѣчаніемъ, что помочь-то ему они помогутъ, но отъ разсчетовъ съ нимъ не отказываются. Ограбленный отвергъ и ихъ предложенія.—Образъ ихъ дѣйствія несомнѣнно великодушный, но красивъ онъ, однако, невполнѣ.

5) Наконецъ, появился на дорогѣ пѣшеходъ, обремененный тяжелою ношею, который, видя, что ограбленный истекаетъ кровью, а помощь далека, оставилъ на произволъ судьбы свою ношу, взвалилъ ограбленнаго на свои плечи и отнесъ его въ ближайшее селеніе. „Объясни мнѣ,—спрашивалъ Шиллеръ у Кёрнера,—почему послѣднее дѣяніе прекрасно?"—и самъ поясняетъ въ припискѣ: „потому что долгъ исполненъ съ такою легкостью, какъ будто бы дѣяніе совершено по одному инстинкту".

Кончая разборъ того періода дѣятельности Шиллера, въ которомъ на первомъ планѣ стояла формула: „свобода въ явленіи", замѣтимъ, что Шиллеръ не прекращаетъ опытовъ опредѣлять философски то, что̀ не поддается никакому опредѣленію, а именно: чувство красоты, и что формула его слишкомъ одностороння и узка, потому что она вводитъ въ область прекраснаго одни элементы дѣятельности и движенія, то-есть, начала *динамическія*, и исключаетъ всѣ начала *статическія*, а слѣдовательно, и всякую технику, хотя бы совершеннѣйшую, всякую архитектонику, даже красоту человѣческаго тѣлосложенія, въ которую столь влюблены были греки и люди „возрожденія". Этого рода пріемъ слишкомъ односторонен, его нельзя допустить, какъ нельзя бы одобрить, еслибы, напримѣръ, кто-либо признавалъ искусствомъ одно искусство—музыку, и совсѣмъ не признавалъ пластики, или когда какой-нибудь художникъ захотѣлъ бы производить свое художество только во времени, а не въ пространствѣ. Замѣтимъ еще, что, заимствовавъ отъ Канта удачное понятіе *объ эстетическомъ видѣ* (aesthetischer Schein), Шиллеръ развилъ и дополнилъ эту идею великолѣпнѣйшимъ образомъ. Открыта новая область бытія, *царство тѣней* (Reich der Schatten — такъ озаглавилъ Шиллеръ свое стихотвореніе 1793 г., извѣстное нынѣ подъ названіемъ: „Das Ideal und das Leben", заканчивающее серію его идейныхъ стихотвореній). Въ этомъ царствѣ эстетическихъ видовъ или видѣній воображеніе властвуетъ самодержавно, населяя эту область людьми, имъ созданными, гораздо болѣе живыми, долго-

вѣчными и къ природѣ близкими, нежели настоящіе люди въ дѣйствительности. Разъ эти порожденія фантазіи закрѣплены въ артистическую форму—они уже дѣлаются обыкновенными, вліяютъ на общество и плодятся, рождая одни другихъ, подраздѣляются на виды и типы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою эволюцію.

Кромѣ идей, живьемъ заимствованныхъ отъ Канта, или тѣхъ, зародыши которыхъ бралъ Шиллеръ у Канта и разработывалъ самостоятельно, были у него еще и свои собственныя, вполнѣ своеобразныя, восходящія ко временамъ, когда Шиллеръ еще не былъ вовсе знакомъ съ кантовскою эстетикою. Одна изъ такихъ излюбленныхъ имъ теорій, занимавшая его до конца жизни, но имѣвшая, впрочемъ, не главное, а лишь второстепенное значеніе, касалась установленія отношенія между тремя факторами всякаго художественнаго произведенія. Факторы эти суть: 1) самъ изображенный предметъ съ его природными качествами; 2) вещество, medium или сырецъ, употребляемый на изображеніе, и 3) сама личность творца-художника. Весь художественный процессъ заключается въ томъ, чтобы 1) завладѣвъ сырцомъ, растворить его въ формѣ, тѣлесное въ идеальномъ, дѣйствительность въ явленіи,—сдѣлать, напримѣръ, чтобы камень преобразился въ мягкую и живую плоть; 2) въ томъ, чтобы произведеніемъ была поглощена и совсѣмъ въ немъ исчезла сама личность художника, съ ея особенностями, его вкусомъ, его такъ называемой манерой, чтобы произведеніе выдержано было въ высокомъ стилѣ, въ полной независимости отъ субъективныхъ или случайныхъ объективныхъ признаковъ и опредѣленій. Только *великій* артистъ представляетъ предметъ въ чистѣйшей его природѣ; *средственный*—высказываетъ и свою собственную особу, а *плохой*—обличаетъ и тотъ матеріалъ, который онъ видоизмѣнялъ, работая надъ нимъ (П. Ш., 28-го февр. 1793 г., № 646).

IX.

Намъ предстоитъ теперь изложить дальнѣйшую эволюцію эстетики Шиллера послѣ его приготовленій къ „Калліасу", и окончательные выводы, къ которымъ онъ пришелъ. „Калліасъ" не былъ вовсе написанъ; не состоялась также обдумываемая Шиллеромъ „Теорія Красоты" (письмо 20-го іюня 1793 г., № 662), или „Аналитика Прекраснаго". „Охота философствовать", проснувшаяся въ немъ въ 1790 г., продолжалась до 1795 г. и не произвела ничего цѣльнаго; изъ на-

писанныхъ имъ въ два послѣдніе года работъ всего замѣчательнѣе разсужденіе: „Ueber Anmuth und Würde“ (о граціи и достоинствѣ) и „*Письма объ эстетическомъ воспитаніи человѣчества*“. Исторія ихъ такова: желая чѣмъ-нибудь отплатить герцогу Христіану Аугустенбургскому за весьма своевременное денежное пособіе во время болѣзни, Шиллеръ написалъ ему, въ 1793 г., девять писемъ объ искусствѣ. Подлинники этихъ писемъ сгорѣли во время пожара королевскаго дворца въ Копенгагенѣ, 26-го февраля 1794 г., но нѣкоторыя письма сохранились въ ходившихъ по рукамъ копіяхъ. Изъ этихъ копій, черняковъ и продолженій составилась серія 27 писемъ, помѣщенныхъ въ 1795 г. въ журналѣ „Horen“.

Сущность громадныхъ перемѣнъ, происшедшихъ во взглядахъ Шиллера на красоту, выражается всего рельефнѣе въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ письма его къ Кёрнеру, отъ 25-го октября 1794 года (тотчасъ послѣ сближенія съ Гёте).

„Мы привыкли класть въ основаніе красоты понятіе, заимствованное у опыта, которое реально вовсе не существуетъ. То, чтò мы ощущаемъ, какъ прекрасное, не есть красота. Она не опытное понятіе, а скорѣе только одинъ „императивъ“. Она, конечно, объективна, но только въ смыслѣ необходимой задачи для нашей природы чувственно-разумной; въ дѣйствительности же она неосуществима. Сколько бы ни былъ прекрасенъ предметъ, но когда забѣжитъ впередъ разумъ, то моментально онъ превращаетъ это прекрасное въ нѣчто совершенное, а если забѣжитъ чувственность, то она превратитъ его въ нѣчто просто пріятное“. *Опытное*, значитъ, одно и то же, что *объективное*; упраздняя его, Шиллеръ перешелъ на сторону Канта, съ которымъ онъ хотѣлъ состязаться. Рядомъ съ императивомъ долга поставленъ другой, подобный ему императивъ—неутолимая жажда, стремленіе къ чему-то недостижимому, но мерцающему вдали, какъ жизненная наша задача. Самъ взглядъ на красоту сталъ несравненно шире. Она проявляется не только въ движеніи, въ дѣйствіи, но и въ покоѣ, и въ устройствѣ и въ гармоническомъ сочетаніи частей. Такова прежде всего красота человѣческаго тѣлостроенія (архитектоника человѣка), чувственно обаятельная—помимо и прежде всякаго проявленія въ образѣ человѣка его нравственной личности.

Въ трактатѣ „Ueber Anmuth und Würde“ Шиллеръ прибѣгаетъ для выраженія своей мысли къ греческому миѳу и заставляетъ насъ поклоняться Венерѣ, въ тотъ моментъ, когда она, еще никѣмъ незримая, выходила еще безъ пояса изъ пѣны морской. Эта фиксированная красота тѣлостроенія, независимо отъ того, какая въ ней выра-

жается личность, есть низшая степень красоты. Вторую, высшую ступень образуетъ грація (Anmuth), красота игры, не природою даруемая, но истекающая изъ души. Не всѣ движенія граціозны; прежде всего надобно выдѣлить движенія хотя и естественныя, но непроизвольныя, — хотя бы они и выражали пробужденную, но неудовлетворенную потребность, такъ какъ всякая разнузданность похоти есть господство грубой силы надъ волею. Равнымъ образомъ исключается, какъ нѣчто неграціозное, насильственное укрощеніе похоти или даже холодное исполненіе долга. Движеніе становится граціознымъ, когда оно не только намѣренное, но и *симпатичное*, то-есть, когда, будучи произвольнымъ, оно еще запечатлѣно волненіемъ чувства, обличающимъ соотвѣтствующее, сочувственное движенію настроеніе души,—когда оно проявляетъ совпаденіе ума и чувственности, обязанности и влеченія. Нравственное совершенство лица только и заключается въ томъ, что влеченіе участвуетъ въ дѣяніи, что человѣкъ наклоненъ къ обязанности. Наивысшимъ идеаломъ для человѣчества есть такъ называемая у Шиллера *прекрасная душа* (schöne Seele), то-есть такая, въ которой руковожденіе волею можетъ быть вполнѣ и безошибочно предоставлено одному аффекту, порыву, съ увѣренностью, что онъ не ошибется. Когда человѣкъ пріобыкъ желать только благородно, воля его тогда совпала съ его идеаломъ и поглощена этимъ идеаломъ. Ему незачѣмъ заботиться о томъ, чтобы нравственно дѣйствовать,—онъ сталъ весь и насквозь нравственнымъ человѣкомъ. Такимъ образомъ, Шиллеръ послѣдовательно дошелъ до того результата, совпадающаго съ философіею Канта, что конкретный человѣкъ есть единственный возможный идеалъ красоты. Въ рецензіи стихотвореній Маттисона онъ утверждаетъ, что неодушевленная природа можетъ служить лишь матеріаломъ для символизирующаго вдохновенія; она входитъ въ область искусства только какъ символъ чисто-человѣчнаго. Надъ человѣкомъ, какъ конкретнымъ явленіемъ, нѣтъ уже предмета для искусства, а развѣ только для науки, потому что здѣсь кончается область воображенія. Ниже человѣка—также нѣтъ предмета для художественно прекраснаго, а развѣ только для чувственно-пріятнаго, потому что здѣсь царитъ одна необходимость.

Поставивъ согласованіе наклонности и долга наивысшимъ идеаломъ красоты, Шиллеръ очень хорошо понимаетъ, однако, что бываютъ случаи, когда они сталкиваются, и когда приходится дѣлать выборъ между ними—и чтобы сохранить свое достоинство, стать внѣ природы, въ разрѣзъ съ нею, учинить надъ нею насиліе. Мы доходимъ тогда до другого полюса красоты. Она не всегда

—въ наслажденіи; она возможна и въ страданіи, въ выдѣляющейся и чувственно контрастирующей съ граціею области *возвышеннаго*. Эта полная пригодность страданій для эстетики тѣмъ менѣе чужда Шиллеру, что онъ главнымъ образомъ занимался, какъ трагикъ, свойственною этому виду творчества постановкою на сцену величайшихъ страданій человѣческихъ. Кантъ считалъ, что *возвышенное* есть нѣчто чуждое эстетикѣ, и разсматривалъ его какъ привитую къ эстетикѣ вѣтвь морали. Шиллеръ уравниваетъ *граціозное*, или просто красивое, съ *возвышеннымъ* и разсматриваетъ ихъ, какъ два коренные вида красоты, при чемъ онъ дѣлаетъ глубокій анализъ возвышеннаго съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, а именно, съ нравственной и эстетической. Видъ страданія поражаетъ непріятно нервы созерцателей, но эта непріятность окупается созерцаніемъ противодѣйствія страданію со стороны страждущаго лица. Если это противодѣйствіе идетъ отъ непреклонно нравственнаго человѣка, то хотя бы оно кончалось гибелью этого лица,—оно интересуетъ насъ прежде всего, какъ нравственное явленіе; но оно можетъ и не плѣнять насъ, какъ красивое явленіе,—вообще въ немъ тѣмъ мѐньшая доля красоты, чѣмъ болѣе человѣкъ пріобыкъ быть добродѣтельнымъ и чѣмъ больше онъ добродѣтеленъ — почти безъ борьбы надъ собою, почти автоматически. При эстетической оцѣнкѣ противодѣйствія страданію заинтересованъ не практическій разумъ съ его этикою, а преимущественно воображеніе. Оно увлекается не направленіемъ силы, а ея напряженіемъ, оно плѣняется тою свободою, съ которою человѣкъ въ борьбѣ играетъ со всѣми препятствіями и попираетъ всякіе законы, всякіе —и физическіе, и даже нравственные—порядки. Художникъ въ правѣ избирать въ герои всякихъ людей, и добрыхъ, и злыхъ, но всегда необыкновенныхъ, только могучихъ, ставящихъ, такъ сказать, на карту жизнь и счастіе въ дерзновенной игрѣ. Въ своемъ разсужденіи „О патетическомъ“ Шиллеръ утверждаетъ, что всегда происходитъ явное смѣшеніе границъ, когда требуютъ нравственной цѣлесообразности для расширенія области разума—и вытѣсняютъ воображеніе изъ его владѣній. Такимъ образомъ у Шиллера поставлена, какъ коренное начало, полная раздѣльность морали и красоты, доходящая до того, что не все нравственное красиво, и художество можетъ заниматься изображеніемъ даже и того, что̀ совсѣмъ безнравственно. Эту полную самостоятельность художества по отношенію къ морали выражаетъ особенно рельефно письмо Шиллера къ Кёрнеру, 25-го декабря 1788 г., № 357: „Я убѣжденъ, что художественное подлежитъ отвѣтственности только передъ правилами красоты самого искус-

ства. Поэтъ, который ставитъ цѣлью одну только красоту и свято служитъ ей одной, пріобрѣтаетъ въ концѣ концовъ въ придачу, самъ того не вѣдая и не желая, то, къ чему ведутъ другія соображенія. Напротивъ того, кто перебѣгаетъ отъ морали къ красотѣ, и обратно—отъ красоты къ морали, или ухаживаетъ за обѣими, тотъ можетъ не успѣть ни у одной изъ нихъ".

X.

Кто предположилъ бы, основываясь на этомъ отрывкѣ и на множествѣ другихъ ему подобныхъ, что Шиллеръ—теоретикъ сепаратизма искусства, проповѣдникъ вкусового сибаритизма или такъ-называемаго самодовлѣющаго искусства, выражаемаго избитою формулою: „искусство для искусства", тотъ ошибся бы самымъ рѣшительнымъ образомъ, потому что его мнѣніе было бы опровергнуто всею совокупностью идей Шиллера о судьбахъ человѣчества и въ особенности уцѣлѣвшими его письмами къ герцогу Аугустенбургскому и письмами объ эстетическомъ воспитаніи человѣчества. Шиллеръ выдаетъ себя многократно и неуклонно за настоящаго гражданина своего вѣка и своего народа (Zeitbürger und Staatsbürger); онъ и не желалъ принадлежать къ иному вѣку и народу. Онъ заявляетъ, что еслибы былъ близокъ къ осуществленію идеалъ политической свободы, то онъ посвятилъ бы этому великому дѣлу всю свою жизнь, совсѣмъ разставшись съ музами. Но онъ изввѣрился даже въ возможность начала политическаго возрожденія; самое ожиданіе этого начала онъ отложилъ на цѣлыя столѣтія, такъ какъ опытъ (т.-е. французская революція) не удался. Можетъ быть, моментъ для опыта и былъ подходящій, но поколѣніе оказалось испорченнымъ, либеральный режимъ разума оказался несвоевременнымъ. Современные люди съ трудомъ защищаютъ себя отъ дикой животной силы; они не подготовлены даже къ гражданской свободѣ, не только что къ общечеловѣческой. Всякія попытки государственнаго пересозданія будутъ напрасны, пока общество не выработаетъ широкой подкладки для строенія въ облагороженномъ характерѣ народныхъ массъ, послѣ чего пойдетъ подготовка гражданъ для конституціи, наконецъ—и сама конституція. Къ выработкѣ характера ведутъ два пути: *разъясненіе понятій*—задача философская, и *очистка* чувствъ, влекущая за собою и усовершенствованіе воли,—двѣ задачи эстетической культуры. Для первой уже кое-что сдѣлано, для второй приходится работать соединенными усиліями вкуса и искусства. Задачи искус-

ства расширяются безмѣрно, техника же осталась гдѣ-то въ сторонѣ и назади, а на первомъ планѣ становится эстетика самой жизни, эстетика нравовъ.

Въ 4-мъ эстетическомъ письмѣ Шиллеръ отмѣтилъ три класса или типа людей во всякомъ обществѣ, даже и въ образованномъ. Первый классъ—это люди грубые и *дикіе*, обрѣтающіеся еще почти въ первобытномъ состояніи. Это—рабы своихъ чувствъ и похотей; они и изображены имъ въ стихотвореніи: „Die Künstler" „Слѣпыми кандалами похоти привязаны эти люди къ явленію; отъ нихъ ускользаетъ непрочувствованная, не принесшая наслажденій прекрасная душа природы" (An der Begierde blinde Fessel nur—An die Erscheinung angebunden... Es floh ihm ungenossen, unempfunden—Die schöne Seele der Natur). Второй классъ—это *варвары*, насилующіе свои чувства при осуществленіи своихъ нравственныхъ началъ (я полагаю, что Шиллеръ помѣстилъ бы и своего учителя Канта въ этомъ классѣ). Третій классъ—едва-ли не самый малочисленный—это люди *эстетически* образованные, съ уравновѣшенными чувственностью и разумомъ, дѣлающіе добро по склонности и вкусу, люди пользующіеся полною эстетическою свободою, то-есть, находящіеся въ переходномъ состояніи отъ страдательнаго ощущенія къ активному мышленію и дѣйствію воли. Тѣ, чему человѣкъ преданъ и къ чему стремится нереально, заключается въ совокупности красивыхъ вымысловъ, эстетическихъ видѣній, о коихъ онъ знаетъ, что они не соотвѣтствуютъ ничему дѣйствительно существующему. Сила движущая въ немъ не есть *чувственное* влеченіе (Sinntrieb), она и не наклонность къ *формѣ* (Formtrieb), которая господствуетъ въ строгой истинѣ и морали, а нѣчто посредствующее между двумя этими силами: *наклонность къ игрѣ*, одно лишь непрестанное упражненіе чувства и воли, съ сознаніемъ, что все это не можетъ имѣть никакихъ положительныхъ, практическихъ результатовъ. Въ своемъ *физическомъ* состояніи, человѣкъ—покорный рабъ природы; въ своемъ *моральномъ*—онъ владычествуетъ надъ природою; въ *эстетическомъ*—онъ только отъ природы независимъ. Какъ къ пріятно-полезному, такъ и къ нравственному добру человѣкъ относится серьезно; но съ красотою, то-есть, съ милымъ вымысломъ, *онъ только играетъ*. Однако, несмотря на посредствующую лишь роль такого состоянія, Шиллеръ до того преданъ ему, до того обожаетъ свое призваніе, какъ художника, что превозноситъ человѣка-эстетика надъ всѣми другими людьми, дѣлаетъ его вѣнцомъ созданія и провозглашаетъ, что тотъ вполнѣ только человѣкъ, кто такимъ образомъ „играетъ красотою" (es ist nur da Mensch, wenn er spielt—письмо 15). Самъ Шиллеръ пред-

усматриваетъ, что его положеніе объ „игрѣ“ можетъ быть принято за парадоксъ,—а что оно парадоксально, на то мы укажемъ, когда къ этому положенію еще возвратимся. Пока отмѣтимъ словами Шиллера (письмо 27), что между ужасающимъ царствомъ силъ и святынею законовъ помѣщается мирный пріютъ игры видѣніями, въ которомъ съ человѣка сняты цѣпи всѣхъ отношеній, и онъ освобожденъ отъ всякаго принужденія и въ физическомъ отношеніи, и въ нравственномъ. Истина живетъ здѣсь въ художественномъ своемъ подобіи, и по подобію можетъ быть возстановляемъ самъ оригиналъ послѣ случающагося порою его затмѣнія и упадка. Самъ вовсе о томъ не стараясь и не заботясь, въ своемъ служеніи красотѣ, художникъ является невольнымъ сѣятелемъ добра, что̀ и выразилъ Шиллеръ въ слѣдующемъ двустишіи въ „Xenien“:

Wirke Gutes, du nährst der Menschlichkeit göttliche Pflanze;
Bilde Schönes, du streust Keime des Göttlichen aus!

(т.-е., твори доброе—ты взлелѣешь божественное растеніе человѣчества; создай прекрасное—ты посѣешь сѣмена божественнаго.)

XI.

Слѣдуя приведенному выше совѣту, преподанному Шиллеромъ, постараюсь снять съ представленной имъ въ главныхъ очертаніяхъ постройки, то-есть, съ его системы эстетики, лѣса̀, убрать инструменты каменщика и столяра—и бросить послѣдній всеобъемлющій взглядъ на цѣлость сооруженія.

Фундаментъ постройки—старый, кантовскій, довольно прочный: незаинтересованность ни художника, ни зрителей, или слушателей, въ изображаемомъ прекрасномъ. Искусство цѣломудренно; никакихъ похотей оно возбуждать не должно. Въ этомъ отношеніи не былъ настоящимъ художникомъ и Пигмаліонъ, когда онъ влюбился въ изваянную имъ Галатею, и мы въ художественномъ отношеніи потеряли бы безконечно, еслибы вмѣсто мраморной богини предъ нами очутилась еще болѣе красивая живая женщина. Каждому изъ насъ открыты двѣ дороги, изъ которыхъ надо пойти только по одной: либо чувственное удовлетвореніе, либо созерцательное наслажденіе одною лишь идеальною формою. „Однимъ видомъ подобаетъ человѣку наслаждаться,—за преходящія радости обладанія онъ будетъ наказанъ скорымъ исчезновеніемъ похоти“ (Zwischen Sinnenglück und Seelenfrieden—Bleibt dem Menschen nur die bange Wahl... An dem Scheine muss der Blick sich wei-

den.—Des Genusses wandelbare Freuden—Rächet schleunig der Begierde Flucht—„Das Ideal und das Leben").

Одинаково крѣпко держится и до сихъ поръ установленное Кантомъ начало субъективности искусства, выводъ его изъ чувства субъекта, невозможность опредѣлить его какими бы то ни было философскими формулами. Всѣ придуманныя Шиллеромъ основныя формулы эстетики оказались неудачными. Его опредѣленіе красоты какъ „свободы въ явленіи"—въ настоящее время невозможно уже потому, что, во-первыхъ, свобода воли, или произволъ, изъяты изъ обращенія „детерминизмомъ", и во-*вторыхъ*, конечныя цѣли, на которыхъ строилась разумоподобная безсознательная цѣлесообразность въ природѣ, упразднены въ философіи и замѣнены теоріями приспособляемости организмовъ къ средѣ и наслѣдственности. Оспаривается само пониманіе искусства, какъ дѣла чистой формы, а также и та излюбленная Шиллеромъ, изобрѣтенная имъ формула, что *форма уничтожаетъ вещество*; что вещество должно быть, такъ сказать, вытравлено безъ остатка и превратиться въ одну чистую форму [1]). Формула: „der Stoff ist durch die Form vertilgt"—не хороша уже потому, что даетъ поводъ къ двусмысленностямъ. Если смотрѣть на вещество какъ на сырецъ, изъ котораго выдѣлывается произведеніе, то, несомнѣнно, оно пропадаетъ и исчезаетъ въ формѣ; но это превращеніе совершается пока въ области одной только техники, а она—только подготовка, преддверіе, церковная паперть, вводящая въ церковь искусства, но еще не храмъ, и она сама вся внѣ этого храма. Въ области эстетики форма можетъ быть противополагаема не сырцу, а развѣ только *содержанію* произведенія, то-есть, тому, чтò называется сюжетомъ, фабулою, отвлеченнымъ замысломъ, который въ воображеніи художника превратился въ конкретный, живой, чувственный образъ, который изъ яичка выклюнулся и сталъ одушевленнымъ предметомъ. Процессъ художественнаго творчества заключается несомнѣнно въ превращеніи идей-замысловъ въ образы, причемъ сюжетъ растворяется въ поэтическомъ вымыслѣ, — но, несомнѣнно, не о такомъ погашеніи содержанія формою помыш-

---

[1]) „Das Ideal und das Leben": Wenn das Todte bildend zu beseelen,—Mit dem Stoff sich zu vermählen—Thatenvoll der Genius entbrennt... und im Staube bleibt die Schwere—Mit dem Stoff den sie beherrscht zurück... Schlank und leicht wie aus dem Nichts entsprungen—Steht das Bild vor dem entzückten Blick.

Т.-е.: Когда, одушевляя образуемое неодушевленное и сочетаясь съ веществомъ, геній возгорается и дѣйствуетъ... въ прахъ повергается тяжесть, вмѣстѣ съ веществомъ, которое она порабощала... Тонкій и легкій, точно изъ небытія возникшій, стоитъ образъ передъ восхищенными взорами.

лялъ Шиллеръ; онъ только имѣлъ въ виду превращеніе чувственно-осязаемаго въ нѣчто созерцаемое идеально („Der Körper muss sich in der Idee verlieren".—Письма Шиллера, № 646).

Самую характерную особенность шиллеровской эстетики составляетъ взятое имъ также отъ Канта, но всесторонне и великолѣпно разработанное, съ великимъ восторгомъ и увлеченіемъ провозглашенное начало нереальности поэтическаго вымысла, или эстетическаго призрака (des Scheins), сознательное выдѣленіе его изъ дѣйствительности. Это начало выражается слѣдующимъ образомъ въ стихѣ „An die Freunde": „все только повторяется въ жизни—вѣчно молода лишь одна фантазія—одно то, что̀ никогда и нигдѣ не бывало—не старѣется никогда" (Alles wiederholt sich nur im Leben,—Ewig jung ist nur die Phantasie;—Was sich nie und nirgends hat begeben,—Das allein veraltet nie)... „Умъ человѣка всевластенъ и самодержавенъ въ этомъ не-реальномъ царствѣ воображенія" („in dem wesenlosen Reich der Einbildungskraft"—26-е письмо). Слѣдовательно и наоборотъ, вымыселъ эстетиченъ только до тѣхъ поръ, пока онъ не претендуетъ на реальное существованіе, пока онъ и не пытается произвести обольстительную иллюзію. Разъ онъ начинаетъ обольщать до того, что исчезнетъ возможность распознать, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается фикція, тамъ онъ превращается въ непозволительную ложь и обманъ. Непроходимая грань раздѣляетъ обѣ области: реальную и мечтательную. „Никогда кажущееся не должно равняться съ дѣйствительностью—гдѣ побѣждаетъ природа, тамъ искусству нѣтъ уже мѣста"—„Der Schein soll nie die Wirklichkeit erreichen,—Und siegt Natur, so muss die Kunst entweichen" (Стихотвореніе по поводу постановки на сцену Вольтерова „Магомета"). Искусству не подобаетъ даже и хлопотать объ иллюзіи, объ обманѣ чувствъ. Его средства и пріемы условные, никого не обольщающіе; освѣщеніе его искусственное, рѣчь его мѣрная, риѳмованная; обнажены въ немъ и подчеркнуты тѣ только черты изъ жизни, которыя утопаютъ въ дѣйствительности множества несущественныхъ и ненужныхъ примѣсей и случайностей. Все, что̀ происходитъ на сценѣ, есть только символъ дѣйствительности,—сказано въ предисловіи къ „Мессинской невѣстѣ" [1]). Эта нереальность

---

[1]) Изъ того же стихотворенія къ Гёте, по случаю Вольтеровскаго „Магомета":

Verbannt aus ihrem festlichen Gebiet (der Scene)
Sind der Natur nachlässig rohe Töne,
Die Sprache selbst erhebt sich ihm zum Lied —
Es ist ein Reich des Wohllauts und der Schöne
In edler Ordnung greifet Glied in Glied,

поэзіи существенно важна, какъ необходимое условіе художественной мысли, какъ основаніе подсудности художника одному суду только своего искусства и только по кодексу этого искусства. Въ 1788 г., № 357, Шиллеръ писалъ къ Кёрнеру: „Художникъ, и въ особенности поэтъ, никогда не обработываетъ дѣйствительное, а только идеальное,—иными словами, только художественно выдѣленное изъ извѣстнаго дѣйствительнаго предмета. Онъ обращается не съ моралью и не съ дѣйствительностью, а лишь съ такими особенностями каждой изъ нихъ, которыя онъ пожелаетъ мысленно выдѣлить и затѣмъ сочетать. Онъ не можетъ погрѣшать противъ которой нибудь изъ нихъ, а только развѣ противъ эстетическаго строя и вкуса. Если я успѣю изъ злоупотребленій религіею или моралью создать красивое, стройное цѣлое, то мое произведеніе будетъ хорошо, но не безнравственно и не безбожно—именно потому, что я взялъ оба предмета не такими, какъ они суть, но какими они стали послѣ насильственной операціи, то-есть послѣ насильственнаго отдѣленія и сочетанія".

Этой безпредѣльности эстетической свободы, играющей всѣми предметами на свѣтѣ и переиначивающей ихъ по-своему, соотвѣтствуетъ также и особаго рода блаженство, столь же безпредѣльное,—тѣмъ болѣе, что оно не отъ міра сего. Вполнѣ и досыта этимъ блаженствомъ наслаждаются главнымъ образомъ только поэты. Поэтъ запоздалъ, по Шиллеру, къ раздѣлу земли, замѣшкавшись на небѣ; все уже было роздано Зевесомъ; но Зевесъ смилостивился и сказалъ: „Если со мной ты пожелаешь жить— то, когда ты на небо зайдешь, оно тебѣ откроется"—„Willst du in meinem Himmel mit mir leben,—So oft du kommst er soll dir offen sein" („Theilung der Erde"). Но не однимъ поэтамъ это небо доступно,—Шиллеръ неустанно зоветъ туда всѣхъ, заманиваетъ ихъ убѣдительно въ выраженіяхъ самаго пылкаго энтузіазма. Земное бытіе человѣка крайне убого (menschliche Bedürftigkeit). Поэтъ предлагаетъ намъ бѣжать изъ тѣсноты ощущеній на просторъ мысли (aus der Sinne Schranken in die Freiheit der Gedanken), въ тѣ ясныя страны, гдѣ витаютъ чистыя формы (heitre Regionen— Wo die reinen Formen wohnen). Поэтъ предлагаетъ намъ сдѣлаться богоподобными, переселяясь изъ душной жизни въ цар-

---

Zum ernsten Tempel füget sich das Ganze,
Und die Bewegung borget Reiz vom Tanze.

Т.-е.: Исключены изъ области сцены небрежно рѣзкіе звуки природы. Самъ языкъ восходитъ къ пѣснопѣнію. Здѣсь царство благозвучія и красоты; въ стройномъ порядкѣ сочетались части, цѣлое составило великолѣпный храмъ. Само движеніе обаятельно, какъ танецъ.

ство идеаловъ, гдѣ надъ нами вѣчная лазурь небесная и ликъ человѣческій, обожествленный, прохаживается по яснымъ полянамъ между богами [1]).

Одно только обстоятельство тревожитъ и смущаетъ насъ у входа въ этотъ рай. Въ жизни ничто не пріобрѣтается даромъ: за богатою подачкою всегда скрывается либо ловушка, либо обманъ. То райское блаженство, которое предлагаетъ Шиллеръ, достается человѣку совсѣмъ безмездно, безъ натугъ и страданій, безъ всякихъ терній и колючекъ въ срываемыхъ цвѣтахъ. Шиллеръ ободряетъ насъ, что въ этой странѣ чистыхъ формъ „не шумитъ бѣдствій жестокая буря, не врѣзывается въ душу боль, нѣтъ и слезы, извлекаемой видомъ страданія, а есть только слеза, уплачиваемая бодрости противодѣйствующаго духа“ [2]). Это блаженство порождается не реальнымъ предметомъ, а только вымысломъ, однимъ призракомъ, подобіемъ вещей. Оно, повидимому, не ловушка, зато тѣмъ вѣрнѣе то, что оно только якобы счастіе, только призракъ счастія. Эта призрачность тѣмъ неоспоримѣе, что такое блаженство моментально. Убѣгая отъ дѣйствительности, человѣкъ погрузился въ мечту и тотчасъ же опять проснулся. Итакъ, самъ Шиллеръ признаетъ (предисловіе къ „Мессинской Невѣстѣ“), что большинству людей искусство доставляетъ немногія, большими промежутками времени раздѣленныя, минуты забвенія дѣйствительности, и что только на художника оно дѣйствуетъ сильнѣе, укореняя въ немъ привычку отдалять гнетущій его чувственный міръ на бо̀льшее разстояніе и на болѣе продолжительное время. Если же человѣку эстетическое блаженство доставляется только мечтою, то это наслажденіе мечтою ничѣмъ не отличается отъ радости ребенка, скачущаго на деревянномъ конѣ и считающаго себя героемъ и владыкою міра, когда онъ машетъ деревяннымъ мечомъ и надѣлъ картонный шлемъ или бумажную корону.

Точно такимъ же жалкимъ и призрачнымъ ребячествомъ представляется и чувство возвышеннаго, имѣющее столь важное значеніе въ художествѣ, такъ какъ оно-то и производитъ эстетическій подъемъ духа и ставитъ способнаго ощущать его человѣка пре-

---

[1]) Fliehet aus dem dumpfen Leben in des Ideales Reich,—In der Ruhe heit'res Blau... Wandelt oben in des Lichtes Fluren—Göttlich unter Göttern die Gestalt. — „Das Ideal und das Leben“.

[2]) Rauscht des Jammers trüber Sturm nicht mehr;
Hier darf Schmerz die Seele nicht durchschneiden,
Keine Thräne fliesst hier mehr dem Leiden,
Nur des Geistes tapfrer Gegenwehr.

выше толпы. Мы ходимъ въ театръ, чтобы ощутить въ себѣ этотъ подъемъ духа, но мы бы изъ театра убѣжали, еслибы намъ въ дѣйствительности пришлось трепетать за себя, подвергаясь ужасамъ и бѣдствіямъ, разыгрывающимся на сценѣ, или хотя быть просто ихъ зрителями-очевидцами. Они на сценѣ причиняютъ намъ только сначала боль; но эта непріятность превращается постепенно въ удовольствіе, когда мы одолѣемъ эти страданія мысленно, когда мы вообразимъ, что могли бы дать имъ отпоръ. Это чувство превосходное, когда оно — начáло возникающаго процесса; но оно пустое и жалкое, когда на немъ и обрывается процессъ, когда оно только игра въ геройство, въ великодушіе. Само по себѣ оно не вселяетъ никакой увѣренности въ томъ, что выдержитъ испытаніе при настоящемъ опытѣ жизни, что оно есть въ самомъ дѣлѣ—„des Geistes tapfre Gegenwehr". И такъ, напитокъ, подносимый намъ самымъ возвышеннымъ искусствомъ, вкусенъ, сладокъ и имѣетъ свойство возбуждать жизненныя отправленія,—но пользоваться безъ вреда этимъ напиткомъ можно лишь употребляя его въ мѣру, въ непреизбыточныхъ количествахъ; въ противномъ случаѣ—охмелѣешь и уснешь. Злоупотребляющій этимъ веществомъ, имѣющимъ весьма наркотическія свойства, кончаетъ безплоднымъ и недостойнымъ самоуслажденіемъ возвышенными чувствами у непереступаемаго имъ никогда порога—настоящаго живого дѣла. Роль художника въ общемъ ходѣ жизни человѣчества только подготовительная. Она кончается, когда художество довело насъ до этого порога,—переступить этотъ порогъ оно ни въ какомъ случаѣ не поможетъ. Самъ Шиллеръ превосходно сознаетъ существованіе и этого живого дѣла, и непереступаемой грани, отдѣляющей его отъ забавы вымысломъ. Никогда Шиллеръ не дошелъ бы до предпочтенія вымысла живому дѣлу, до той ереси, которую проповѣдовалъ и Пушкинъ въ извѣстномъ стихѣ: „тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ"! Въ 26-мъ эстетическомъ письмѣ Шиллеръ выражается весьма основательно слѣдующимъ образомъ: „*Полнѣйшая простота* и *высочайшій разумъ* (то-есть, два крайніе члены дѣленія рода человѣческаго, между которыми стоитъ, какъ третій, эстетичность) имѣютъ между собою то сродство, что ищутъ только реальнаго и вполнѣ нечувствительны по отношенію къ вымыслу". Этотъ рядъ, восходящій отъ простоты, черезъ художество, до наивысшей ступени, то-есть, до высочайшаго разума, объемлетъ въ послѣднемъ классѣ великихъ вѣроучителей, какъ Моисей, великихъ философовъ, какъ Сократъ или Кантъ, великихъ строителей государствъ, какъ поражавшій воображеніе людей въ первой

четверти XIX-го столѣтія—Наполеонъ. Собственно художники и поэты не стоятъ на первыхъ мѣстахъ въ кругу этихъ міровыхъ дѣятелей; между тѣмъ Шиллеръ поставилъ ихъ чуть ли не во главѣ всей этой группы, сдѣлавъ ихъ представителями полной человѣчности, и выразившись, что только тотъ вполнѣ человѣкъ, кто лишь играетъ красотою.

Шиллеръ увлекся, хватилъ черезъ край... suum cuique! Художникъ—не первенствующій работникъ въ великомъ дѣлѣ общественности; его незачѣмъ ставить во главу угла общественнаго зданія; но не подлежитъ сомнѣнію, что даже и послѣ освобожденія взгляда на него отъ всякихъ преувеличеній дѣятельность художника оказывается весьма существенною и плодотворною. Дѣятельность эта представляется намъ троякою.

Художникъ есть, *во-первыхъ*, изобразитель живой природы. „Природа,—говоритъ Шиллеръ въ предисловіи къ „Мессинской Невѣстѣ“, — есть идея, не подпадающая подъ чувства; она лежитъ гдѣ-то подъ покровомъ явленій и никогда сама не показывается. Только идеальному искусству дано обнять этотъ духъ всего сущаго и заключить его въ тѣлесную форму. Искусство не можетъ поставить природу предъ чувствомъ; но своею творческою силою оно ставитъ природу предъ воображеніемъ, вслѣдствіе чего это представленіе природы видимѣе всякой дѣйствительности и реальнѣе всякаго опыта“.

Во-вторыхъ, искусство въ своихъ великихъ образцахъ представляетъ собою громадный запасъ веществъ, такъ сказать, санитарныхъ, необходимыхъ для освѣженія воздуха и для оздоровленія умственной атмосферы въ эпохи порчи вкуса и нравственнаго упадка. Искусство фиксируетъ жизнь въ данный моментъ въ вѣчно юной, никогда не старѣющейся формѣ. О цѣлительномъ вліяніи великихъ произведеній искусства на послѣдующія поколѣнія выражается слѣдующимъ образомъ Шиллеръ въ 9-мъ эстетическомъ письмѣ: „Человѣчество могло терять по временамъ свое достоинство, но оно было тогда выручаемо искусствомъ, которое сохранило достоинство человѣческое въ выразительныхъ камняхъ, въ храмахъ, остающихся священными для глазъ, хотя изъ нихъ бѣжали осмѣянные боги. Истина продолжаетъ жить въ вымыслѣ, и по этой копіи можетъ быть возстановленъ самъ оригиналъ“.

Наконецъ, *въ-третьихъ*, искусство безконечно дорого всякому изъ насъ еще и потому, что оно есть одинъ изъ утѣшителей рода человѣческаго, одно изъ средствъ, вселяющихъ въ насъ бодрость, укрѣпляющихъ насъ въ борьбѣ съ судьбой, одно изъ сильнѣйшихъ лекарствъ противъ свирѣпствующей порою, въ нѣкоторыя

эпохи, заразной болѣзни, противъ скорби бытія, весьма распространенной въ концѣ XIX вѣка, противъ такъ называемаго *пессимизма*. Фр. Ницше („Geburt der Tragödie“, 1871) указываетъ на три такія средства, противодѣйствующія пессимизму и имѣющія то между собою общее, что они привязываютъ людей къ жизни посредствомъ распространяемыхъ ими несомнѣнныхъ иллюзій: либо *жажда* знанія, сопровождаемая обманчивою надеждою, что можно все въ мірѣ уразумѣть, а затѣмъ и исцѣлить вѣчно гноящуюся язву бытія;—либо порывъ къ *нирванѣ*, мысленное погруженіе въ небытіе, которое одно и есть нѣчто сущее, потому что всѣ вихремъ мчащіяся явленія дѣйствительности призрачны и обманчивы (Schopenhauer, Leconte de l'Isle);—либо, наконецъ, *волшебство искусства*, накидывающее на все сущее прозрачное покрывало, расшитое дивными цвѣтными узорами, которые до того плѣнительны, что у заглядѣвшагося на нихъ приходитъ охота сорвать это покрывало и взглянуть на вещи, какими онѣ представляются въ дѣйствительности. Человѣку хорошо извѣстно, что его обольщаетъ завѣдомо несуществующее, кажущееся, что его услаждаетъ мечта; но само это услажденіе—не мечта: оно было восхитительно и доставило ему не минуты, а можетъ быть года успокоенія; оно освободило его отъ жесткихъ объятій дѣйствительности. Одного этого достаточно, чтобы безконечно любить искусство и его цѣнить.

Итакъ, эстетика Шиллера согласовалась во многомъ съ обыкновеннымъ настроеніемъ Гёте, съ политическимъ индифферентизмомъ послѣдняго и даже съ его не очень большимъ расположеніемъ къ философіи. Гёте писалъ Шиллеру (19-го декабря 1798, № 532) по поводу Канта: „Я ненавижу все, что̀ меня только поучаетъ, не усиливая и не оживляя непосредственно моей дѣятельности“. Оба поэта стояли внѣ партій политическихъ, общественныхъ и даже чисто литературныхъ. Они находились нѣкоторымъ образомъ внѣ времени и пространства, интересовались наиболѣе только задачами искусства и обозрѣвали ихъ, согласно различіямъ въ складѣ умовъ и темпераментовъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Нашъ дальнѣйшій разборъ результатовъ совмѣстной работы Шиллера и Гёте будетъ главнымъ образомъ основываться, какъ на капитальномъ источникѣ, на ихъ перепискѣ.

В. Спасовичъ.

ГЛУХАЯ НОЧЬ

Темная, долгая, зимняя ночь...
Я пробуждаюсь среди этой ночи;
Рой сновидѣній уносится прочь;
Зрячія въ мракъ упираются очи.

Сумрачныхъ думъ прибывающій рядъ
Быстро смѣняетъ мои сновидѣнья...
Ночью, когда всѣ замолкнутъ и спятъ,
Грустны часы одинокаго бдѣнья.

Чувствую будто бы въ гробѣ себя.
Мракъ и безмолвье. Не вижу, не слышу...
Хочется жить, и, смертельно скорбя,
Сбросить я силюсь гнетущую крышу.

Гроба подобіе—сердцу не въ мочь;
Духа слабѣетъ бывалая сила...
Темная, долгая, зимняя ночь
Тишью зловѣщей меня истомила...

Вдругъ, между тѣмъ какъ мой разумъ больной
Грезилъ, что часъ наступаетъ послѣдній,—
Гулко раздался за рамой двойной
Благовѣстъ въ колоколъ церкви сосѣдней.

Слава тебѣ, возвѣститель утра!
Сонный покой мнѣ ужъ больше не жутокъ.
Свѣта и жизни настанетъ пора!
Кончится темный межъ нихъ промежутокъ!

Алексѣй Жемчужниковъ.

Январь, 1894 г.—Москва.

ПО ВИЗИТАМЪ

День думскаго женщины-врача въ С.-Петербургѣ.

I.

Жаркій іюньскій день. Съ восьми часовъ утра я начала принимать своихъ амбулаторныхъ, т.-е. приходящихъ ко мнѣ на домъ больныхъ. Въ послѣдніе дни ихъ являлось особенно много: сегодня пришло 40 человѣкъ, не считая тѣхъ изъ бывшихъ уже прежде, которые пришли только для полученія лекарствъ. Оно и понятно: конецъ Петрова поста; думскому врачу вѣдь приходится имѣть дѣло съ тѣмъ людомъ, который соблюдаетъ строго посты, т.-е. съ бѣднотою; въ началѣ поста желудки кое-какъ еще справлялись съ постною пищею,—съ тою постною пищею, какая доступна бѣднотѣ, а потомъ и пошли желудочно-кишечныя заболѣванія. Является много именно съ этими болѣзнями.

Квартира моя состоитъ изъ трехъ маленькихъ комнатъ, прихожей и кухни. Одну изъ своихъ комнатъ я и отдѣлила для пріема больныхъ; дожидаются же они пріема частію въ кухнѣ, частію въ прихожей, а иногда нѣкоторые и на лѣстницѣ. Чтò будешь дѣлать: думскому врачу нанимать большую квартиру не по средствамъ. Можно поэтому представить, чтò у меня бываетъ въ квартирѣ во время пріема! Въ этотъ день явилось 40 человѣкъ, а иногда ихъ приходитъ и больше. Нужно при этомъ замѣтить еще, что бабы, которыя вмѣстѣ съ своими ребятами и составляютъ обыкновенно главную часть моей амбулаторной публики, часто являются не съ больными только дѣтишками, а приводятъ или приносятъ съ собою и

здоровыхъ, если они очень малы, а дома ихъ не на кого оставить. Отъ тѣсноты, отъ духоты, отъ испареній—отъ больныхъ-то еще и большею частію грязныхъ тѣлъ—воздухъ вскорѣ дѣлается невыносимымъ; всякая вентиляція—окна и двери стоятъ открытыми—плохо дѣйствуетъ. При этомъ говоръ не одного десятка человѣкъ, звуки часто тяжелаго и непрерывнаго кашля, иногда стоны больныхъ, въ особенности же неугомонная трескотня бабъ и крикъ и плачъ дѣтей—образуютъ въ общемъ такую музыку, отъ которой, на продолжительное по крайней мѣрѣ время, можетъ и у человѣка съ крѣпкими нервами закружиться голова. Между тѣмъ принять 40 человѣкъ больныхъ скоро нельзя: при сколько-нибудь добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу это требуетъ много времени и много разнообразной хлопотни, а особенно много разговору. У каждаго вѣдь надо спросить и записать въ амбулаторную книгу: его имя и фамилію, лѣта, сословіе, занятія, мѣстожительство (адресъ), затѣмъ—какою болѣзнію боленъ и какое ему лекарство назначено, и выдать каждому билетъ съ №, чтобы можно было потомъ его безъ затрудненія отыскать по книгѣ, если придетъ въ другой разъ; надо затѣмъ разспросить каждаго о его болѣзни, осмотрѣть, выслушать, если нужно,—написать рецептъ или, что̀ чаще всего, выдать прямо готовое лекарство—вѣдь нищета все больше; наконецъ, надобно, и иногда по нѣскольку разъ, растолковать каждому, ка̀къ и когда принимать лекарство и что̀ вообще слѣдуетъ ему дѣлать. При этомъ больные часто обращаются и просятъ разъясненія для такихъ, напр., вопросовъ, что, молъ, какъ надо принимать порошки—въ рюмкѣ или въ ложкѣ? Часто бабы путаютъ адреса; иная не сразу вспомнитъ имя своего ребенка: „много ихъ у меня, матушка,—запамятовала“. Для всего этого нужно много времени и много терпѣнія и вниманія. Бабы къ тому же сплошь и рядомъ лѣзутъ съ своими вовсе неотносящимися къ дѣлу разговорами, которые между тѣмъ онѣ такъ любятъ, что трудно ихъ и сдерживать въ этомъ случаѣ. Иная, наприм., съ увлеченіемъ и подробностями начнетъ разсказывать про то, какъ и когда и отъ какой болѣзни умеръ ея мужъ, сколько у нея осталось дѣтей и какъ ея квартирная хозяйка, не боясь Бога, выгнала ее подъ Рождество съ квартиры. А иногда еще и такія вещи случаются, тоже безъ нужды затягивающія время: въ то время, какъ какая-нибудь Пелагея Горюнова затѣетъ разсказъ въ родѣ приведеннаго, попросишь ее разстегнуть платье, чтобы осмотрѣть ее,—а она вдругъ заупрямится, застыдится своего грязнаго бѣлья,—приходится уговаривать; иная такъ-таки и не согласится,—ска-

жетъ, что не думала, что докторша будетъ ее осматривать, и попроситъ позволенія придти въ другой разъ. На одни потомъ благодарности и благопожеланія, которыя непремѣнно каждый и особенно каждая изъ больныхъ считаетъ нужнымъ высказать докторшѣ послѣ пріема, порядочно уходитъ времени.

И вотъ—съ восьми часовъ начинаютъ въ мою пріемную одинъ за другимъ входить: бабы съ дѣтишками и безъ дѣтишекъ, мужики, парни, мальчишки, дѣвчонки, старики, старухи,—всѣ съ какими-нибудь недугами своими и, значитъ, съ какимъ-либо горемъ своимъ и страданіями. Въ какомъ именно родѣ приходится прямо уже по дѣлу заниматься со всѣмъ этимъ людомъ—можно видѣть изъ нѣсколькихъ примѣровъ. Я должна предупредить, что главное мѣсто въ моемъ описаніи я даю своимъ визитамъ къ больнымъ на домахъ; на думскомъ врачѣ лежитъ обязанность: сначала принять у себя въ квартирѣ приходящихъ больныхъ, а затѣмъ посѣтить на дому тѣхъ изъ нихъ, которые не въ состояніи къ нему придти, и о которыхъ будетъ ему сообщено (доставлены адресы), или въ тотъ же день, или наканунѣ. Я дала главное мѣсто этимъ визитамъ потому, во-первыхъ, что считаю ихъ наиболѣе интересными, такъ какъ при нихъ приходится имѣть дѣло съ болѣе тяжелыми больными, и главное—приходится сталкиваться непосредственно съ домашнимъ бытомъ больныхъ, а затѣмъ я считаю эти визиты наиболѣе характерными по отношенію къ дѣятельности думскаго врача, частію вслѣдствіе сказаннаго, а также и потому, что именно эти визиты составляютъ наиболѣе трудную и сложную часть этой дѣятельности.

II.

Такъ, приведу нѣсколько примѣровъ изъ моихъ амбулаторныхъ пріемовъ. Входитъ въ пріемную женщина съ дѣвочкою, которую она уже приводила ко мнѣ прежде,—у дѣвочки была на шеѣ большая плотная опухоль. Я назначила тогда ей дѣлать припарки къ опухоли: опухоль размягчилась, образовался нарывъ и вскрылся. Женщина очень довольна, благодаритъ меня, говоритъ, что теперь все хорошо,—только вотъ язва не заживаетъ. Развязываетъ платокъ съ опухоли—и я вижу: на язву налѣплены зеленые березовые листья,—значитъ, примѣнена уже своя терапія. Я осторожно снимаю листья и, пока ничего не говоря, кладу ихъ въ тазикъ, который тутъ же стоитъ на табуретѣ; промываю язву водою съ карболкою, сыплю на нее іодоформъ: но

не успѣла я отойти къ шкафу, чтобы взять ваты и бинтъ, какъ мать, вѣроятно изъ желанія помочь мнѣ, протянула руку къ тазику, взяла испачканный гноемъ березовый листъ, поплевала на него и моментально опять налѣпила его на язву. Значитъ, лечи—и тутъ же еще исправляй глупое вмѣшательство матери. И кромѣ того, нужно же было мнѣ хоть сколько-нибудь растолковать этой бабѣ нелѣпость и вредъ вообще сдѣланнаго ею, и надо это дѣлать съ возможнымъ хладнокровіемъ и сдержанностью: иначе, если горячиться, начать кричать,—баба растеряется и совсѣмъ ничего не пойметъ и не замѣтитъ. Я вѣрю и убѣждаюсь изъ опыта, что разговоры съ этими людьми въ концѣ концовъ не пропадаютъ даромъ: не сразу, а постепенно все-таки достигается какая-либо польза; что-нибудь изъ того, что̀ говоришь имъ, все-таки остается въ ихъ головахъ и усвоется и примѣняется на дѣлѣ. Но чтобъ добиваться толку, нужно много терпѣнія и самообладанія и настойчивости. А терпѣніе и самообладаніе съ этимъ людомъ часто—ахъ, какъ бываютъ трудны!

Входитъ баба съ груднымъ ребенкомъ—въ первый разъ. Записавъ его въ книгу, спрашиваю, что̀ съ ребенкомъ. „Кричитъ, не унимается день и ночь, грудь мало беретъ". Велю положить ребенка на столъ и распеленать, при чемъ прежде всего обращаю вниманіе на то, какъ содержится ребенокъ,—чистъ ли онъ, вымытъ ли и чисто ли бѣлье. Какъ въ большинствѣ случаевъ, оказывается — ни то, ни другое не соблюдается: ребенокъ не мытъ, должно быть, недѣли двѣ, пеленки и рубашонка испачканныя, грязныя. Начинаю читать нотацію. „Какъ же тебѣ не грѣхъ, не стыдно—держать ребенка въ такой грязи! Ужъ если ты къ докторшѣ принесла его такимъ, такъ дома, вѣрно, и еще грязнѣе его водишь".—„Боялась, родная, боялась купать-то его: думала—хуже бы не было отъ купанья-то".—„Хуже будетъ отъ грязи, а чистота никогда не вредитъ. А рубашку и пеленки тоже боялась выстирать? Вѣдь отъ грязи у него сыпь пойдетъ по тѣлу: а тебѣ и не вдомёкъ будетъ, что это оттого, что ты полѣнилась лишній разъ вымыть его или выстирать рубашонку и пеленки". Баба очевидно не находитъ, что̀ возразить, — конфузится и молчитъ. Иная начнетъ при этомъ извиняться: „извините, госпожа докторша!"—какъ будто то, что̀ я стараюсь внушить, нужно для меня! Впрочемъ это хорошо, если извиняется: значитъ, сознаетъ свою вину и постарается исправиться. Осматриваю ребенка, который, конечно, при этомъ благимъ матомъ кричитъ: смотрю у него ротъ, зѣвъ, выслушиваю грудь; отъ матери, что̀ нужно, узнала уже прежде: убѣждаюсь, что вся болѣзнь ребенка и причина его крика

—въ желудкѣ. Спрашиваю, чѣмъ кормитъ. „Грудью, милая, грудью, да вотъ когда соску даю“.—„А что въ соску кладешь?“—„Да булочку, або сухарикъ,—пожую и кладу“.—„Ну, вотъ! я такъ и знала! Такъ вотъ что: ты вѣрно этого еще не знаешь, никто тебя не научилъ,—грудному ребенку ничего, кромѣ молока, нельзя давать; отъ всего другого у него непремѣнно разстроится и будетъ болѣть желудокъ, и онъ будетъ кричать, вотъ такъ же, какъ у тебя теперь кричитъ. Да еще жуешь и жеванное кладешь въ соску!“—„Отъ матери-то„ говорятъ, ничего, хорошо“.—„Вѣрно, хорошо, если ты его ко мнѣ принесла! А я тебѣ говорю, что это совсѣмъ нехорошо, — напротивъ, очень дурно: мало ли что можетъ быть у тебя во рту! ротъ можетъ быть и нечистый, или болѣзнь какая въ немъ есть или была: а для ребенка это гибель. Да ничего ему, кромѣ молока, и давать нельзя. Ты вотъ сказала, что у тебя седьмой, и что всѣ прежніе маленькими помирали: а ты подумала ли когда-нибудь, отчего это у другихъ живутъ, а у тебя умираютъ? Оттого, можетъ быть, и помирали, что ты такъ за ними ходишь: держала въ грязи, да соскою съ жеваною булкою кормила. Будешь кормить соскою — и этотъ помретъ“. Баба видимо оробѣла.—„Долго ли ребенку желудокъ испортить! А желудокъ у него испорченъ, онъ и весь боленъ, и ему до смерти не далеко. Корми только грудью, а если ужъ когда и соску дашь—можетъ своего-то молока мало,—такъ давай соску съ свѣжимъ коровьимъ и прокипяченымъ молокомъ; смѣшай пополамъ съ кипяченою водою, непремѣнно съ кипяченою—и давай. А теперь, такъ какъ желудокъ ужъ у него испорченъ, вотъ давай ему эти порошки,—три раза въ день по порошку, въ кипяченой также водѣ, въ ложечкѣ“.

Является женщина, у которой я лечила прежде язвы на ногахъ. Она ходила ко мнѣ на перевязку аккуратно черезъ день недѣли три; язвы совсѣмъ-было почти прошли, и она перестала ко мнѣ являться. Съ тѣхъ поръ прошло недѣли двѣ. Я встрѣчаю ее какъ старую знакомую, и, думая, что у нея ноги совсѣмъ уже зажили, спрашиваю, что у нея теперь болитъ: къ моему удивленію, она садится и начинаетъ разбинтовывать свои ноги, и моимъ глазамъ представилась картина ужасная: болѣзнь стала гораздо хуже, чѣмъ была, когда баба въ первый разъ ко мнѣ пришла. Оказывается: когда язвы совсѣмъ уже почти зажили, ей одна знакомая дала мази и сказала, что отъ нея все скоро пройдетъ; но увы! отъ данной мази стало дѣлаться все хуже и хуже; къ докторшѣ уже совѣстно было идти,—помазала еще какою-то мазью. А когда уже силъ не стало терпѣть,—явилась. „Зачѣмъ

же ты опять пришла ко мнѣ?“ говорю бабѣ съ нескрываемою досадою и злобою: „вѣдь я, значитъ, тебя плохо лечила, если ты стала лечиться у бабъ! Ты думаешь, что бабы скорѣе вылечатъ,—такъ и иди-жъ теперь, лечись у нихъ“. Баба мнется на мѣстѣ и дѣлаетъ жалобную гримасу. „Уходи и не смѣй больше ко мнѣ показываться; только время отнимаешь: я такихъ лечить не буду“.—„Прости, милосердная, прости!“—„Что мнѣ въ твоемъ „прости“! Вѣдь твои ноги болятъ, не мои: дѣлай съ ними что̀ хочешь,—твоя воля! Уходи, уходи,—некогда мнѣ: видѣла, сколько народу ждетъ въ передней? уходи!“ Баба не двигается съ мѣста и начинаетъ голосить и причитать: „Пропали мои ноженьки! куда-жъ я теперь пойду! несчастная моя головушка! горькая моя долюшка!“ Что будешь съ нею дѣлать: не прогнать же ее въ самомъ дѣлѣ. Но и не поругать также нельзя: не вытерпишь, да и ей это нужно. „Будешь меня одну слушаться?—говорю ей наконецъ:—не станешь слушать другихъ?“—„Буду, буду, вѣкъ буду тебя слушать, и другимъ накажу слушать!—голоситъ уже совсѣмъ баба:—не оставь, милосердная, не оставь!“—„Только теперь ужъ придется тебѣ ходить не три недѣли,—хочу еще больше попугать ее,—а три мѣсяца: сама виновата—такъ растравила язвы! И знай, если опять станешь меня обманывать, Богъ накажетъ тебя: меня обманешь, а Бога не обманешь, — останешься тогда совсѣмъ безъ ногъ,—попомни мое слово!“ Сдѣлала ей опять перевязку. Вотъ, сколько нужно бываетъ разговору. И подобныя приведенной исторіи не въ рѣдкость.

Но бываютъ и пріятные, утѣшительные случаи. Сегодня, напримѣръ, входитъ мужикъ среднихъ лѣтъ и вдругъ, ни слова не говоря, кланяется мнѣ въ ноги. „Что ты, Господь съ тобою! зачѣмъ это? я ужасно этого не люблю“. Опять безмолвный поклонъ. „Скажи, что̀ тебѣ нужно“.—„Вотъ, матушка, безъ костылей, самъ къ тебѣ пришелъ: такую ты мнѣ помогу дала! Думаю: какъ встану, такъ и пойду перво-на̀перво докторшѣ въ ноги поклонюсь. Вѣдь на костыляхъ еле ходилъ! а боль-то, боль какая была! Всюду кидалась, а выйти никакъ не могла. Какъ началъ я твое лекарство пить, что въ бутылочкѣ на девять дёнъ дала,—такъ она это и начала выходить,—такъ и выходитъ, и выходитъ. Какъ ты приказывала, все выполнилъ: девять дёнъ пролежалъ, выпилъ бутылочку и, значитъ, эту, какъ ее, клеёночку-то съ тряпочками все на колѣнки навязывалъ и ватой закрывалъ,—на девятый день какъ рукой сняло!“—„Очень рада, что помогло тебѣ, оттого, что послушался меня и исполнилъ все, что̀ я велѣла. —„Дай ты мнѣ еще этого лекарствица-то, чтобъ ужъ всю ее вы-

гнать".—„Лекарства еще дамъ. Да бойся простуды,—потеплѣе обувай ноги". У мужика былъ острый сочленовный ревматизмъ. Я ему дала растворъ салициловаго натра—принимать внутрь, научила его, какъ накладывать на больныя мѣста ногъ согрѣвающіе компрессы, дала матеріалъ для этого и велѣла полежать не вставая девять дней. Онъ все исполнилъ—и вотъ выздоровѣлъ.

Начавъ съ восьми часовъ, я окончила пріемъ къ двѣнадцати. Впереди предстояла главная работа—визиты къ больнымъ на домахъ, которыхъ въ настоящій день нужно было сдѣлать одиннадцать. Я хотѣла часъ-другой отдохнуть, закусить и потомъ отправляться въ походъ. Но не тутъ-то было: вбѣгаетъ въ прихожую страшно перепуганная и разстроенная женщина, на рукахъ ребенокъ лѣтъ двухъ—съ ошпареннымъ лицомъ и шеей; ребенокъ отъ крику даже хрипитъ, мать плачетъ... Не могла же я отказать этой женщинѣ на томъ только основаніи, что она опоздала (по думскимъ правиламъ пріемъ полагается только до десяти часовъ). Сдѣлала ребенку повязку. Только-что я это окончила, является фабричный мастеровой и проситъ выдать свидѣтельство о смерти его мальчика. „Ты бы приходилъ пораньше, — говорю ему: — мнѣ некогда, я должна спѣшить къ больнымъ; приходи завтра утромъ; да и мнѣ надо же самой посмотрѣть, дѣйствительно ли умеръ мальчикъ: безъ этого вѣдь намъ запрещено выдавать свидѣтельства".—„Да завтра утромъ мы его хоронить будемъ: онъ ноньче ночью померъ, утромъ я ходилъ къ батюшкѣ,—тамъ прождалъ: сдѣлайте милость — не задержите?" Кланяется, проситъ. „Что-жъ его держать!—думаю:—теперь жарко, въ квартирѣ народу много,—живетъ, конечно, какъ и всѣ эти мастеровые, въ одной квартиренкѣ съ другими такими же бѣдняками; притомъ кланяется". Пишу свидѣтельство. Вдругъ слышу въ прихожей: „Прости, родная, прости,—опоздала! знаю, что опоздала, да ноги не ходятъ, — стара стала; и рано вышла изъ дому, да по дорогѣ разъ пять отдыхала. За мазью-то ты велѣла прійти,—не откажи, желанная, сладкая,—Господь тебя не оставитъ". Говорила это страшно запыхавшаяся, тяжело переводя духъ и опускаясь въ прихожей на стулъ, дряхлая старуха. „Давно бы пора на покой, да Господь забылъ про меня грѣшную!" Даю старухѣ мазь. Послѣ этого я, боясь, чтобъ еще кто-нибудь не задержалъ, поскорѣе одѣваюсь, на ходу закусывая, и поспѣшно выбѣгаю изъ квартиры.

III.

Итакъ, иду дѣлать визиты. Жара страшная, солнце такъ и палитъ. Нужно сказать, что участокъ мой приходится въ одной изъ окраинъ города, а потому путешествовать приходится много. Пройдя съ полверсты, я отъискиваю первый нужный № дома 31. Звоню, чтобы вызвать дворника и спросить, гдѣ квартира № 20; но звонокъ оборванъ, торчитъ одна проволока,—по ней нахожу дворницкую; отворяю: маленькая комнатка, на половину заставленная кроватью; въ углу передъ столомъ сидитъ молодая женщина, очевидно, дворничиха, съ нахмуреннымъ лицомъ; у нея на рукахъ ребенокъ, на полу еще двое; она набираетъ ложечкою изъ крохотнаго горшечка, который стоитъ на столѣ, кашу, подержитъ ее немного во рту, вѣроятно чтобъ согрѣть и обслюнявить, и запихиваетъ ребенку въ ротъ; тотъ кричитъ, дѣлаетъ глотательныя движенія, выплевываетъ изо рта,—она пальцами собираетъ у него со щекъ и съ подбородка кашу и опять суетъ ему въ ротъ; все это продѣлываетъ она такъ ловко и быстро, что видишь только мелькающую ложку,—видно, опытная уже въ этомъ дѣлѣ рука. Баба такъ поглощена своимъ занятіемъ, что не замѣчаетъ—какъ я вошла. „Гдѣ дворникъ?" спрашиваю.—„А не знаю; вѣрно въ портерную ушелъ".—„Гдѣ № 20-й квартиры?"—„А не знаю".—Ребенокъ въ это время поднялъ невообразимый крикъ; баба стала его трясти изо всей мочи, поднялась, шлёпнула ребенка, который попался ей подъ ноги,—тотъ тоже заоралъ... Вхожу въ эти подробности,—чтобы показать, какъ не легко бываетъ иногда даже отъискать нужный № квартиры. Я вышла на дворъ — и тотчасъ же вокругъ меня собралась цѣлая публика изъ дѣтей; я обратилась къ дѣвочкѣ, которая была постарше: не знаетъ ли она, гдѣ № квартиры 20-й.—„А вамъ кого надо?"—„Да не знаю—тамъ кто-то боленъ". Дѣвочка ведетъ меня: сначала проходимъ черезъ одинъ дворъ, потомъ черезъ другой и, наконецъ, на третьемъ дѣвочка подводитъ меня къ маленькому, полуразрушенному деревянному домишку: нужный № квартиры оказался въ этомъ домишкѣ, на чердакѣ, подъ самою деревянною крышею. Взбираюсь; лѣстница шатается, кое-гдѣ не хватаетъ ступенекъ; наконецъ, вижу—на маленькой дверкѣ написано мѣломъ: № 20. Отворяю: крошечная комната съ низкимъ потолкомъ; у покосившагося окна сидитъ къ дверямъ спиною, въ одномъ бѣльѣ, дряхлый старикъ и согнувшись что-то шьетъ. На кровати около печки лежитъ сухень-

кая, маленькая, сморщенная старушонка,—глаза закрыты, губы запеклись. Подхожу къ ней и начинаю ее осматривать и разспрашивать: у старухи оказался брюшной тифъ.—„Тебя въ больницу, бабушка, надо отправить,—говорю ей:—болѣзнь у тебя тяжелая—дома не вылечишься; нуженъ за тобою уходъ хорошій, надо лекарство давать во́-время, надо тебя кормить хорошо, а тутъ кто же за тобой будетъ ухаживать?"—„А это я могу-съ, поухаживаю, какъ прикажете",—слышу сзади; оборачиваюсь: передо мной, выпрямившись, стоитъ въ мундирѣ старый николаевскій солдатъ, вся грудь въ орденахъ, чубъ на головѣ приглаженъ, руки по швамъ, грудь впередъ, голова вверхъ. Когда этотъ дряхлый, согнувшійся старикъ, сидѣвшій у окна, успѣлъ преобразиться въ такого браваго молодца!—я подивилась. И вотъ что я отъ него узнала: самъ онъ пристроенъ въ богадельню, старуха же его еще на волѣ, можетъ кое-какъ заработывать себѣ пропитаніе, и даже ему въ богадельню гостинцевъ приноситъ; хоть и дряхлая старуха, а работящая: лѣтомъ на Сѣнную пойдетъ, ягоды для варенья чиститъ,—по 15 к. въ день получаетъ,—по ея лѣтамъ заработокъ хорошій; а то гдѣ помретъ кто, позовутъ покойника омыть, — это она тоже можетъ: вѣдь не каждая это съумѣетъ,—тутъ тоже нужно понимать, чтобъ другого-то покойника въ домѣ не случилось; бѣлье, въ которомъ померъ покойникъ, ужъ ей поступаетъ, да за труды что-нибудь жалуютъ. „Въ богадельню-то ей, говорятъ, еще года не вышли. Да какое! и дѣтей всѣхъ они пережили, и внуковъ, и правнуковъ,—всѣ родные какъ есть перемерли, — двое съ нею только и остались на бѣломъ свѣтѣ. — „Ну, если тебѣ жалко старуху, то послужи ей хорошенько,—говорю старику:—приди завтра ко мнѣ утромъ за лекарствомъ, а теперь вотъ давай ей эти порошки—одинъ теперь же дай, а другой вечеромъ, въ рюмкѣ или въ ложкѣ съ водою". И затѣмъ даю старику подробныя наставленія, какъ надо вообще ухаживать за больною: чѣмъ кормить ее и поить, какъ накладывать ей на голову холодные компрессы, насчетъ возможно частой перемѣны бѣлья и т. д., говорю, между прочимъ, чтобы давалъ старухѣ раза три въ день по чайной ложкѣ водки. Старикъ все время, какъ я говорила, продолжалъ стоять въ вытяжку и все повторялъ: „слушаю-съ, слушаю-съ", или: „сдѣлаемъ-съ", а въ заключеніе, какъ я кончила, онъ съ особенною рѣшительностью произнесъ: „все будетъ исполнено—какъ приказываете". Думаю—на такую сидѣлку можно положиться,—простилась и ушла.

Только-что я прошла первый дворъ—догоняетъ меня дѣвочка

лѣтъ двѣнадцати,—худенькая, тоненькая, блѣдненькая. — „Госпожа докторша! зайдите къ намъ: папа очень боленъ“.—„А что у него болитъ?“—„Да у него рука подвязана“.—„Такъ скажи папѣ, чтобы завтра утромъ ко мнѣ пришелъ,—тамъ и посмотрю ему руку“.—„Да ему нельзя идти,—онъ безъ рубахи даже, а рука привязана къ потолку“. Чтò за исторія! думаю: надо зайти, —все равно завтра принесутъ адресъ,—лучше ужъ сегодня зайти. Иду за дѣвочкою,—приходимъ: на кровати сидитъ больной старикъ, грудь обвязана большимъ платкомъ, руки голыя; въ потолкѣ надъ кроватью вбитъ большой гвоздь, къ гвоздю привязано полотенце въ видѣ петли, и въ эту петлю вложена правая рука старика—вся распухшая, красная. Я осматриваю его и вижу: подъ мышкою большая синебагровая опухоль, величиною съ яблоко. Боленъ уже двѣ недѣли; чтò дальше, тò хуже. Мазалъ керосиномъ, примачивалъ водкою, натиралъ масломъ деревяннымъ, прикладывалъ хлѣбъ съ солью,—все пользы нѣтъ.—„А что же къ доктору не пошелъ?“—„Да нельзя,—на службѣ“. Старикъ служитъ сторожемъ гдѣ-то, получаетъ 8 рублей. Жена умерла давно отъ чахотки; старшая дѣвочка живетъ въ услуженіи, а младшая при немъ; младшую онъ никуда не хочетъ отдавать—жалко: послѣ матери осталась двухъ лѣтъ—и такая слабенькая; онъ боится, чтобы она тоже не умерла отъ чахотки—все кашляетъ. Да и дома нужна: она и сваритъ, и починитъ, и постираетъ.—„Есть у васъ вата?“—спрашиваю у дѣвочки.—„Нѣту, да я сейчасъ сбѣгаю въ суровскую“, и убѣжала. Чтобъ не терять времени, я пошла въ сѣни, набрала въ ковшикъ воды, вылила въ чашку, достала изъ своей сумки сулему, кусокъ клеенки, марлевыхъ тряпочекъ и свой наборъ съ инструментами. Сторожъ, увидя, что я достаю ножичекъ, испугался.—„Вы рѣзать будете? охъ, я боюсь этого! лѣтъ тридцать назадъ мнѣ рѣзали ногу,—я и теперь хромаю: а если руку-то, да еще правую, чтò я буду дѣлать безъ руки-то?!“—„Успокойся, я рѣзать не буду,—я только проколю нарывъ и выпущу гной: сейчасъ же тебѣ полегчаетъ и ты опустишь руку. А рѣзать не буду“. Прибѣжала дѣвочка и принесла вату. Я попросила у нея полотенце и ножницы, разрѣзала полотенце на узкія полосы и велѣла дѣвочкѣ сшить ихъ въ видѣ бинта. Дѣвочка помогала мнѣ съ большимъ усердіемъ и торопливостью,—вообще видно было, что она любитъ своего отца. Пока она шила, я обмыла опухоль и вскрыла; потекла масса гною. Больной даже не почувствовалъ укола.—„Ну, дѣвочка, смотри, какъ я буду ему перевязывать: такъ и ты потомъ дѣлай,—учись. Вотъ: клади такъ ему сначала марлевую тряпочку чистую—я

тебѣ оставлю такихъ тряпочекъ,—намачивай ихъ прежде вотъ въ этой водѣ, что въ чашкѣ; потомъ положи вотъ такъ клеенку сверху, а потомъ побольше ваты; давай, что ты принесла,—всю надо положить, чтобы ему мягче подъ мышкою было; а теперь давай твой бинтъ: чтобъ все это у него хорошо держалось, вотъ такъ и забинтуй". Дѣвочка со вниманіемъ слѣдила, какъ я дѣлала, поддерживая въ то же время больную руку отца. „Теперь давай ему рубаху надѣнемъ,—онъ уже можетъ руку опустить и рубаха не будетъ ему давить". Надѣли рубаху. Дѣвочка сіяетъ; больной перекрестился: „Господи, свѣтъ увидѣлъ!"—прошепталъ онъ.—„Ты, дѣвочка, дня два ему такъ перевязывай—утромъ и вечеромъ, а на третій день пусть онъ самъ придетъ ко мнѣ,—я посмотрю и мази дамъ, чтобы скорѣе заживало. А вотъ это все грязное—вату, эти тряпочки, которыми я вытирала у него гной—видишь, онѣ всѣ испачканы гноемъ,—ты сейчасъ же брось въ печку и сожги".—„Да говорятъ—не хорошо это жечь,—говоритъ больной: — болѣзнь не пройдетъ, если что̀ изъ боли выходитъ—жечь".—„Ну, ты ужъ слушай меня, а не то, что̀ болтаютъ зря темные люди: вѣдь ты видишь—я тебѣ худа не желаю, а хочу тебя вылечить—и облегчила ужъ твою болѣзнь, ты самъ это почувствовалъ: ну и слушай же, что̀ я говорю. Если всю эту грязь бросить куда-нибудь на полъ, въ соръ, на дворъ,—тамъ дѣтишки бѣгаютъ: какой наступитъ босою ногою, какой еще ручонками схватитъ да въ ротъ возьметъ—хорошо это? Потомъ вѣдь все это высохнетъ, въ воздухъ перейдетъ, а вы этимъ воздухомъ дышать будете: можетъ, и къ другому пристать болѣзнь-то; еще и дѣвочка твоя, пожалуй, заразится".—„Сожги ужъ, поскорѣе сожги!"—говоритъ старикъ дѣвочкѣ. Я все-таки, впрочемъ, осталась въ недоумѣніи: потому ли онъ согласился сжечь тряпки, что повѣрилъ моимъ словамъ—и испугался, что дѣвочка можетъ заразиться, или же просто—чтобъ отдѣлаться отъ моихъ нотацій. Мнѣ очень часто приходится разговаривать съ этими людьми по поводу такого рода предразсудка, т.-е. что нехорошо тряпки отъ ранъ сжигать, и никакъ я не могла понять, откуда у нихъ это взялось.—Нельзя жечь, нехорошо, да и только, а почему—никто не скажетъ. Помню, какъ-то разъ я, перевязывая у одной старухи язву на ногѣ, бросила въ топившуюся тутъ же печку загноенныя тряпки отъ язвы: она застонала, заголосила и благимъ матомъ закричала другой, бывшей тутъ же, женщинѣ, чтобы она поскорѣе вытащила тряпки; но было уже поздно,—тряпки сгорѣли. Старуха была не на шутку опечалена и взволнована...

Торопливо я пробѣгаю черезъ три двора,—боюсь, чтобы

опять кто-либо не задержалъ, а у воротъ уже дожидается меня баба: она увидѣла, какъ я прошла туда, и стала поджидать у воротъ; проситъ посмотрѣть ея дочь. Чтò ни говорю, какъ ни убѣждаю, что мнѣ надо торопиться,—обѣщаю придти завтра,—не слушаетъ никакихъ резоновъ; и воетъ, и стонетъ, и причитаетъ, и пройти мнѣ не даетъ, и слѣдомъ бѣжитъ... Изъ оконъ квартиръ высовываются головы, собирается публика: чтò подѣлаешь,—захожу. Дѣвушка лѣтъ семнадцати обварила всю грудь кипяткомъ; сначала засыпàла ожоги мѣломъ, потомъ картофельною мукою, потомъ посовѣтовали ей примачивать женскимъ молокомъ; явилась баба сосѣдка, нацѣдила ей изъ своей груди стаканъ молока,—дѣвушка и примачивала этимъ молокомъ два дня; молоко отъ жары, конечно, испортилось. И когда такимъ образомъ растравили своимъ домашнимъ леченіемъ ожоги до того, что язвы начали гноиться, появилась сильная воспалительная краснота и страшныя боли,—тогда позвали докторшу; докторша, значитъ, сначала поправляй ихъ грѣхъ, а потомъ уже лечи,—двойная работа: чтò можно было вылечить въ недѣлю, теперь не вылечить и въ три недѣли. Больная лежитъ на спинѣ, обѣ грудныя железы ничѣмъ не прикрыты,—больно очень; на нихъ садится пыль, мухи ползаютъ по язвамъ. Прописываю мазь, велю купить въ аптекѣ, даю наставленіе—кàкъ и чтò дѣлать—и прежде всего дѣлать только то, чтò я сказала. Почти бѣгомъ устремляюсь на улицу и отправляюсь дальше.

И это сплошь и рядомъ бываетъ,—что, дѣлая одинъ визитъ, по необходимости должна бываешь дѣлать и другіе непредвидѣнные, такъ что, напримѣръ, вмѣсто предположенныхъ одиннадцати визитовъ, сдѣлаешь ихъ, пожалуй, и шестнадцать-семнадцать, а то и больше.

IV.

Минутъ черезъ пятнадцать спѣшной ходьбы, по невыносимой жарѣ, отъискиваю слѣдующій нужный мнѣ домъ. Приходится опять взбираться на чердакъ,—домъ громадный, каменный. Медленно поднимаюсь, отдыхая на каждой площадкѣ; а лѣстница, крутая и грязная, чѣмъ выше, тѣмъ все становится круче и грязнѣе; на площадкахъ и по ступенькамъ красуются ведра съ помоями, корки отъ картофеля, перья, пролитая вода, въ углахъ цѣлыя кучи сора; запахъ — невольно зажимаешь носъ и стараешься какъ можно меньше дышать. Двое дѣтишекъ вмѣстѣ со мною

взбираются, — одинъ лѣтъ трехъ, а другой поменьше—карабкается на четверенькахъ... Вхожу: большая комната съ перегородкою, очевидно, „углы"; множество бабъ—повидимому и изъ сосѣднихъ квартиръ набѣжали,—всѣ взволнованы и стрекочутъ какъ сороки; онѣ такъ увлечены своимъ разговоромъ, что не замѣчаютъ моего прихода.— „Чтò у васъ такое? въ чемъ дѣло? кто здѣсь боленъ? за мною присылали". Бабы притихли.—„Да вотъ, госпожа докторша, ребенокъ помираетъ,—говоритъ одна:—не знаемъ, чтò и дѣлать". Осматриваю ребенка: крохотный, слабенькій новорожденный; обернутъ онъ въ грязныя тряпки и, вмѣсто свивальника, скрученъ веревочкой; въ ротъ заткнута соска изъ толстой тряпки, соска завязана суровыми нитками, концы ихъ попали тоже въ ротъ ребенка. Я молча вынимаю изо рта соску, подхожу къ окну и выбрасываю ее въ окно. „Чей это ребенокъ? твой?"— спрашиваю я строго у ближайшей бабы; думаю задать ей хорошенько за соску, за веревку, за грязныя тряпки, а потомъ уже разговаривать о болѣзни ребенка. Вдругъ онѣ всѣ разомъ затараторили, одна перебиваетъ другую: оказывается, что у нихъ общее горе. Вмѣстѣ съ ними въ „углу" жила деревенская дѣвушка, ходила на фабрику, чтò заработывала—проживала да роднымъ въ деревню посылала, а тутъ пришло время родить: денегъ нѣтъ, отправилась въ родильный домъ, а тамъ ей и говорятъ: новое положеніе вышло—даромъ не принимаютъ, надо шесть рублей заплатить; ну, она тутъ ночью-то въ уголку, за занавѣскою, и родила; „мы и не слыхали, только какъ мальчикъ-то закричалъ, мы и догадались, что вѣрно ей Богъ далъ". На другой день она его понесла въ воспитательный,—ей и тамъ говорятъ—новое положеніе: даромъ опять же не принимаютъ, двадцать пять рублей надо заплатить,—тогда примутъ. Возвратилась она съ ребенкомъ-то,—раздумалась ли она очень, съ глазу ли, Богъ знаетъ! только ночью ей и сдѣлалось худо, палитъ ее всю какъ огнемъ, говоритъ не вѣсть чтò; днемъ еще хуже. Вчера свезли въ больницу, а ныньче ребенокъ-то и притихъ; то кричалъ, а теперь чуть пищитъ. „Помретъ,—безъ свидѣтельства отъ доктора хоронить не будутъ; спаси Богъ, и насъ въ судъ потянутъ; некрещеный,—боимся, что и мы въ отвѣтѣ будемъ. А кому хлопотать-то? у всякаго своего дѣла много".—„Эхъ, бабы, бабы! и много васъ тутъ, а толку мало, — говорю я имъ: — дѣвушка ваша заболѣла не съ глазу, а первое оттого, что сама безъ всякой помощи родила,—вы-то спали и никто ей не помогъ, а потомъ на другой же день послѣ родовъ понесла сама въ воспитательный: деревенская вѣдь, ничего не знаетъ,—сколько небойсь

проходила, пока нашла воспитательный! да обратно взошла на вашъ чердакъ; можетъ, не пивши, не ѣвши была. Оттого и заболѣла; родильницѣ надо хоть дня два полежать, чтобы не заболѣть и не испортить себя на всю жизнь. А вы сейчасъ съ глазу! Ну, да теперь ужъ нечего съ этимъ дѣлать,—надо вотъ насчетъ ребенка похлопотать. Съ ребенкомъ вы вотъ что̀ сдѣлайте: онъ не боленъ, а только голоденъ, отощалъ очень, три дня не ѣлъ,—соску ему не давайте, Боже сохрани! отъ соски онъ помретъ; вы вѣдь въ соску пихаете всякую всячину,—и булку, и хлѣбъ, и свеклу, и сухарики, и баранки,—а это для ребенка гибель; новорожденнаго ничѣмъ, кромѣ молока, нельзя кормить, и всего лучше грудью; такъ вотъ что: сколько между вами тутъ съ груднымъ молокомъ?„—„Трое".—„Ну вотъ и ладно. Вы,—обратилась я къ троимъ указаннымъ бабамъ:—теперь вотъ сидите дома съ дѣтьми, не ходите на работу,—вотъ и покормите его; одна пусть кормитъ утромъ, другая послѣ обѣда, а третья ночью; вѣдь ему немного надо. Дня два такъ покòрмите, а я тѣмъ временемъ схожу къ приставу и похлопочу—его опредѣлятъ куда-нибудь и безъ денегъ. А если будете ему пихать соску, онъ помретъ, и тогда на вашей же душѣ будетъ грѣхъ. Да не скручивайте его веревочкою, а пеленки непремѣнно выстирать надо. Если постараетесь для чужого ребенка, за это Богъ не забудетъ и вашихъ дѣтей. Ну-ка, возьми, вотъ хоть ты,—обратилась я къ одной изъ троихъ бабъ, что̀ были съ молокомъ:—покорми его; кстати я посмотрю, будетъ ли онъ сосать; можетъ, онъ очень уже слабъ,—скажете: груди не беретъ,—и опять соску пихнете. А если не будетъ сосать, придется его пока съ ложечки кормить. Баба осторожно взяла ребенка на руки, дала ему грудь, потянула съ себя платокъ и прикрыла имъ ребенка: „сосетъ!"—прошептала она, улыбнувшись.—„Ну, вотъ и слава Богу! Выздоровѣетъ,—мать спасибо скажетъ, что не дали умереть съ голоду; можетъ, она его и изъ воспитательнаго возьметъ потомъ. Да и отецъ долженъ объявиться: вѣдь его дитя!"—„Да у него нѣтъ отца".—„Какъ нѣтъ отца? въ умѣ ли вы?"—„Вѣдь она дѣвушка, какой же отецъ!"—Законный или незаконный, все равно отецъ; не можетъ, не смѣетъ онъ бросить своего ребенка".—„Это пристяжной-то? ищи вѣтра въ полѣ!"—„А вотъ погодите;—быть можетъ, скоро и на пристяжныхъ отцовъ выйдетъ новое положеніе: это вѣдь они должны будутъ платить и въ воспитательный, и въ родильный; согрѣшилъ—и плати".

— „А мы больнишныя платимъ!"—слышу мужской охрипшій голосъ: на одной изъ кроватей раздвинулась занавѣска и показа-

лась всклокоченная голова съ заспанною физіономіею, съ припухшими глазами молодого парня.—„Сколько же ты платишь?"—„Рубль и полтора въ годъ".—„Ну вотъ: если ты заболѣешь,—я приду и дамъ тебѣ лекарства на рубль и полтора,—вотъ и всѣ твои больничныя; а если въ другой разъ заболѣешь, на чьи же деньги тебя лечить? А если въ больницу поступишь, то вѣдь каждый больной обходится рубль въ день. А ты, значитъ, думаешь, что если ты платишь рубль въ годъ больничныхъ, то за это и грѣшить можно, и въ родильный домъ должны принимать, и въ воспитательный твоего ребенка брать, содержать его — кормить, одѣвать, няньчить? Кто же это все обязанъ дѣлать? Самъ согрѣшилъ—самъ и отвѣчай. Ты вотъ сегодня на работу не пошелъ, — вчера вѣрно пьянствовалъ: вотъ отъ нечего дѣлать и подумай хорошенько обо всемъ этомъ, чтобъ и съ тобою не случился такой же грѣхъ".

— „А вѣдь докторша правду говоритъ!—затрещала одна изъ бабъ:—намедни иду я по набережной,—народу, народу бѣжитъ — страсть! Шла это одна дѣвушка, да въ Неву-то и вздумала бросить узелокъ; ее остановили, а въ узелкѣ-то ребенокъ живенькій; ее сейчасъ схватили, мужики бить начали, руки связали, въ участокъ потащили; принесли ей и ребенка, чтобъ она покормила; а приставъ-то и говоритъ: „развяжите ей руки-то—какъ же она кормить будетъ?" Приложила она его къ груди-то, — такъ и засосалъ, и засосалъ! Она говоритъ: недѣлю ей самой ѣсть было нечего, въ воспитательный деньги надо платить,—ну и кинула,—нарочно среди бѣлаго дня кинула, чтобъ народъ ребенка спасъ. А пристяжной-то, говорятъ, приказчикъ, 50 рублей получаетъ,—да женатый,—обманывалъ, что холостой; жениться обѣщалъ, а какъ дѣло-то подошло къ концу, говоритъ: „я тебя не знаю и ты меня не знай". Приказали вѣдь ему платить матери на ребенка-то: не обманывай другой разъ".

Когда это еще разсказывала баба, гляжу изъ-за перегородки ползетъ ко мнѣ въ сидячемъ положеніи старикъ: руками опирается въ полъ, ноги двигаетъ впередъ: „Полечи, родная! ради Христа полечи! дай мнѣ только встать на ноги-то; самъ бы прибрелъ къ тебѣ, да распухли какъ колоды". Старикъ начинаетъ развязывать свои ноги: сначала разматываетъ веревочки, тесемочки, обрывочки,—все это служитъ ему вмѣсто бинта,—потомъ начинаетъ снимать: лоскуточки, тряпочки, и суконные, и холщевые, и ситцевые, —кусочки ваты, войлока, бумажки; все, чтò дѣтишки на дворѣ ни находили мягкаго,—все тащили къ старику, и онъ, за неимѣніемъ настоящихъ тряпокъ, все это и укладывалъ на свои

язвы, чтобы помягче было. Грязь на ногахъ и вонь отъ нихъ ужасныя!—„Чѣмъ ты лечишь?" —„Да вотъ—кто что скажетъ: маслицемъ отъ лампадки, когда бабы дадутъ,—золою, песочкомъ присыпалъ; сказали—хорошо табакомъ засыпать: сначала табакъ-то объѣлъ, шибко кусало; а то ребятишки скорлупокъ отъ яицъ приносили: говорятъ — тожъ хорошо потолочь и засыпать... Да все пользы нѣтъ! Когда ходилъ-то, изъ-подъ коровы теплое клалъ,—много тогда вышло дряни-то: а все не заживаетъ! Вотъ есть трава — бѣлокопытникъ называется: ужъ какъ она хороша отъ ранъ-то! она въ нашей сторонѣ ростетъ. Ужъ сколько я спрашивалъ! Одинъ добрый человѣкъ далъ сушеной, — говоритъ — это и есть самый бѣлокопытникъ: сыпалъ, сыпалъ, — видно сушеная мало пользы даетъ". — „Много ты, значитъ, уже пробовалъ лекарствъ,—говорю ему,—и слушалъ — кто что скажетъ, но ты слушалъ все людей темныхъ, которые сами не знаютъ— что и когда нужно. Теперь послушай еще меня: я тебя вылечу; если язвы совсѣмъ и не заживутъ, то ходить ты будешь; только условіе—никого ужъ кромѣ меня не слушать, а иначе и лечить не стану. Посуди самъ: я буду навѣдываться къ тебѣ хоть разъ въ недѣлю, буду давать лекарства, дамъ бинтъ, ваты, тряпокъ хорошихъ,—все это денегъ стоитъ,—а ты возьмешь—да опять послушаешь кого зря и опять начнешь засыпать Богъ знаетъ чѣмъ: тогда всѣ мои труды и лекарства пропадутъ даромъ, а ты останешься безъ ногъ. Я ужъ буду лучше лечить тѣхъ, кто меня слушаетъ". Старикъ всхлипываетъ, наклоняется и стучитъ лбомъ объ полъ: „Вотъ-те Христосъ, все буду дѣлать—какъ скажешь! помоги только, ради Христа помоги!" — Въ богадельню его не принимаютъ—язвы на ногахъ, въ больницу не принимаютъ—лечить долго придется, мѣсто только будетъ занимать. Кормится милосердіемъ той же нищеты: дѣтишекъ приглядываетъ—бабы и даютъ ему то щецъ похлебать, то хлѣбца, а въ праздникъ и чайкомъ попоятъ; рубаху выстираютъ. А за уголъ хозяйкѣ онъ самъ платитъ,—все-таки кое-что заработываетъ: дѣлаетъ фонарики изъ бумаги,—на дачахъ господамъ для иллюминацій требуются; паренекъ тутъ изъ магазина бумаги приноситъ, картону, — ну старикъ-то и дѣлаетъ, за сотню копѣекъ 30 получаетъ. Велю прислать ко мнѣ за лекарствомъ и за перевязочнымъ матеріаломъ, толкую старику, что и какъ надо дѣлать.—„Всѣ же его лоскутки и тряпочки,—говорю бабамъ,—сожгите, а то онъ будетъ ихъ беречь; всѣ вѣдь они грязные, гнойные,—все вѣдь это гнить будетъ, а это зараза; я дамъ ему большія тряпки, — ихъ мыть удобно. Какъ вата вся испортится, я еще дамъ.—Да что это

вы на лѣстницѣ такую грязь завели? пройти невозможно! На дворника нечего надѣяться,—сами о себѣ хлопочите: отъ грязи вѣдь и болѣзни у васъ разныя бываютъ. Прощайте!"

Черезъ порядочное время отъискиваю домъ № 29; мнѣ нужна квартира № 62. Тутъ приходится спускаться въ подвалъ, по грязнымъ, скользкимъ ступенькамъ. Вхожу въ темный коридоръ: ничего не вижу, сыро и прохладно, что было бы и пріятно послѣ жары, но пахнетъ помойною ямою и еще какою-то гнилью; протягиваю руку впередъ, чтобы не наткнуться на что-нибудь, и медленно подвигаюсь; дворникъ сказалъ, что дверь—въ концѣ коридора. Нащупываю, отворяю: въ комнатѣ полутемно, окна маленькія, въ одно стекло, выходятъ на панель. Разглядываю: на какомъ-то помостѣ лежитъ больная старуха; худа какъ скелетъ; подушка грязная, въ дырьяхъ, изъ которыхъ торчитъ солома. И затѣмъ въ комнатѣ больше никого. Осматриваю старуху: у нея сильный жаръ, слабость и кашель,—по всѣмъ признакамъ инфлуэнца. При этомъ я замѣчаю, что у старухи на обоихъ плечахъ красныя, съ бѣлыми присохшими пузырями, величиною въ ладонь, мозоли. Недоумѣваю: какія такія тяжести могла таскать на плечахъ своихъ эта дряхлая старуха! Оказывается, что она ежедневно ходила версты за двѣ на Неву; тамъ пригоняютъ плоты изъ большихъ бревенъ, которыя связываются брусьями; бревна продаютъ, а брусья разрубаютъ и тутъ же сбрасываютъ на берегу; какое назначеніе потомъ этимъ брусьямъ—я не знаю, но если дать рабочимъ на табакъ или сороковку, то они позволятъ ихъ брать: старуха и ходила туда разъ по пяти въ день и таскала на плечахъ своихъ вязанки этихъ брусьевъ, — дрова на зиму запасала. Вчера она могла притащить только двѣ вязанки, а сегодня уже не встаетъ. Ей шестьдесятъ лѣтъ; недавно схоронила сына,—осталась невѣстка съ пятью дѣтьми; невѣстка ходитъ на фабрику, а старуха ей подсобляетъ. Христомъ Богомъ умоляетъ она меня вылечить ее,—боится, что невѣсткѣ одной будетъ не поднять на ноги ея пятерыхъ внуковъ, — дѣтей любимаго сына. Я стараюсь успокоить ее, — говорю, что у нея болѣзнь не смертельная, что у нея только сильная простуда; велю ей спокойно полежать съ недѣльку; дала ей выпить порошокъ съ водкою, которая нашлась у нея въ шкафу, — укрыла ее потеплѣе, дала липоваго цвѣту, чтобъ ей заварили вмѣсто чаю, да чтобы она напилась побольше, и велѣла завтра утромъ прислать ко мнѣ за лекарствомъ—принимать внутрь, и за мазью для „мозолей".

V.

Когда я вышла изъ подвала, мнѣ на дворѣ показалось еще жарче, и дѣйствительно—солнце жгло невыносимо. Дѣлается уже тяжеленько ходить, а отбыто только три визита изъ одиннадцати, которые еще нужно сдѣлать. Между тѣмъ извозчика ни одного — такія мѣста—конка не по пути, — приходится по неволѣ тащиться на своихъ на двоихъ. Едва передвигаю ноги; уже не раскрываю зонтика, а опираюсь на него. Въ рукахъ—сумка съ подходящими на всякій случай медикаментами и другими нужными вещами: порошки, капли, пилюли, немного ваты, клеенки, марли, бинта, наборъ простѣйшихъ хирургическихъ инструментовъ, градусникъ, молоточекъ, плэсиметръ, стэтоскопъ, маленькая чернильница съ перомъ и т. под.,—все-таки своего рода тяжесть. Больные большею частію все такая бѣднота, что самъ видишь и во-очію убѣждаешься, что покупать имъ лекарства и все что нужно вообще для леченія — не на что, а иногда и прислать за этимъ некого, или придутъ не въ тотъ часъ, когда назначишь—и не застанутъ меня дома. А потому я и предпочитаю то, что наиболѣе необходимо, носить съ собою.

Ищу домъ № 77. Странно: уже почти конецъ зданіямъ; вижу № дома 63, дальше идетъ заборъ, а потомъ виднѣется огородъ: „Не напутали ли чего, какъ бываетъ иногда, въ адресѣ? можетъ, —вмѣсто 77 мнѣ надо читать 44? Не идти ли лучше назадъ?—думаю:—городового нѣтъ, спросить не у кого... А если въ самомъ дѣлѣ искомый № дальше? все равно завтра опять принесутъ адресъ—и опять придется идти сюда же“... Иду,—прошла огородъ, вижу — домишко № 65: значитъ, надо идти еще дальше. Опять заборъ, потомъ огородъ, березы, опять домишко... Наконецъ, дѣйствительно вижу: на покосившемся ветхомъ домишкѣ въ два этажа написанъ № 77-й; всхожу по деревянной шатающейся лѣстницѣ безъ перилъ на чердакъ—искомая квартира оказалась тамъ, — отворяю дверь — и моимъ глазамъ представилась такая картина: противъ самой двери кровать, на которой лежитъ больной, лѣтъ тридцати-пяти, въ послѣднемъ градусѣ чахотки: это былъ во истину живой мертвецъ, — скелетъ, обтянутый блѣдною, прозрачною кожею, но съ большими, блестящими, ввалившимися глазами. О, эти глаза чахоточныхъ! я ихъ узнаю и отличу всегда: кажется, весь остатокъ жизни сосредоточивается въ нихъ однихъ; тѣло уже почти мертво, но глаза живутъ, хотятъ жить, молятъ, просятъ жизни. Руки какъ плети, ноги какъ тростинки. Больной

нѣсколько приподнимается и говоритъ глухимъ, хриплымъ голосомъ: „Благодаримъ, благодаримъ! ужъ я ждалъ, ждалъ,—думалъ —вы не будете“.—Я очень устала, присѣла на лавку и оглянулась кругомъ: окна нѣтъ, а какое-то четырехугольное отверстіе съ разбитымъ стекломъ, на половину заклеенное бумагою; въ углу большой образъ; у одной стѣны столъ и лавка, у противоположной —помостъ съ набросанными на немъ тряпками, узлами и подушками,—вѣроятно, все это служитъ постелью для жены и дѣтей. Около кровати больного такъ заплевано, что я затрудняюсь, какъ подойти къ нему, чтобъ не испачкать башмаковъ и платья; мокрота вся обсажена мухами: „вѣроятно, въ этой конурѣ большіе милліоны различныхъ бациллъ носятся въ воздухѣ“, подумалось мнѣ. А больной тѣмъ временемъ, видя, что я сижу и молчу, задыхаясь и кашляя — все говоритъ и говоритъ,—торопится все высказать, что̀ у него на душѣ, точно ему легче отъ этого будетъ. „Съизмальства работалъ на заводѣ; въ ротъ капли хмельного во всю жизнь не бралъ. Баба попалась работящая: сначала все недостатки были, — дѣти помирали, ну, а потомъ и на черный день малость откладывали: дѣти жить стали, четверо ихъ у меня, — теперь старшенькому десятый годикъ. Работалъ не покладая рукъ, —штрафу на меня никогда не было; мастеромъ сдѣлали,—жить бы теперь жить—да Бога благодарить: а здоровье-то вотъ Господь и отнялъ; вотъ ужъ другой годъ, какъ хвораю. И началось ни съ чего: кровь горломъ пошла, и съ тѣхъ поръ кашель и кашель... Сначала по докторамъ ходилъ, деньги платилъ, лекарства покупалъ, — все пролечилъ; по лечебницамъ, по больницамъ пошелъ, и сколько ихъ есть въ Питерѣ, всѣ исходилъ... Въ началѣ доктора еще, бывало, посмотрятъ, разспросятъ, грудь выслушаютъ, а теперь и не глядятъ даже и говорить не хотятъ: „поѣзжай“, говорятъ, „въ деревню“, да и только. А какая у меня деревня! мой отецъ завсегда на заводѣ работалъ, и я съизмальства съ нимъ; я и деревни своей не знаю. Пошелъ-было, чтобъ лечь въ больницу,—говорятъ: „ты еще на ногахъ, твоя болѣзнь долгая,— чего тебѣ въ больницѣ лежать?“ Ну, вотъ теперь уже и слегъ! Жена-то на работѣ замучилась. Пошла-было тоже на дняхъ попросить, чтобъ въ больницу меня приняли, а ей и говорятъ: „да онъ у тебя, можетъ, помретъ скоро,—чего-жъ его лечить-то!“ И самъ я такъ думаю, что скоро помру: ужъ отъ меня духъ тяжелый идетъ... Эхъ, вотъ и мастеромъ сдѣлали, а Господь здоровье-то и отнялъ!“

Бѣднягѣ, очевидно, особенно горько было то, что мастеромъ его сдѣлали, а здоровье-то Господь отнялъ „Посмотрите, пожа-

луйста, у меня во рту, — обратился онъ ко мнѣ: — что тамъ такое, — отчего это духъ-то, духъ-то отъ меня идетъ; и вотъ здѣсь въ груди такъ болитъ, и вотъ главное — кашель: еслибы кашель только унять, я бы, можетъ, еще и поправился". Что же смотрѣть его! что слушать эту провалившуюся грудь, въ которой ужъ и легкихъ, должно быть, почти нѣтъ! Но эти блестящіе глаза такъ мучительно-тревожно смотрятъ на меня! и вдругъ подернулись слезою... Нѣтъ, я рѣшительно не могу отказать ему въ этомъ; надо, хоть для утѣшенія умирающаго, изслѣдовать его, тѣмъ болѣе, что онъ уже леченый—и знаетъ всѣ подробности и пріемы изслѣдованія. Смотрю ему зѣвъ, слушаю и тихонько выстукиваю грудь; а мои пальцы такъ и прилипаютъ къ его тѣлу: оно—грязное, покрытое липкимъ потомъ и горячее.

Больной очень доволенъ, лицо просіяло, съ какою-то надеждою смотритъ онъ на меня: давно ужъ, вѣроятно, его такъ не изслѣдовали. „Болѣзнь у васъ трудная,—говорю ему:—вылечить скоро нельзя, а облегчить можно. Прежде всего надо, чтобъ у васъ въ комнатѣ былъ чистый воздухъ: надо отворить окно—оно не отворяется? такъ отклеить эту бумагу; на дворѣ жарко,—не бойтесь, что простудитесь; а дышать вамъ будетъ легче и кашель будетъ меньше". А сама въ это время подхожу къ окну и отдираю бумагу. „На ночь или если станетъ холодно, пусть лучше его затыкаютъ чѣмъ-нибудь, если ужъ не можете устроить форточку. А потомъ не плюйте вы на полъ куда попало: отъ васъ духъ идетъ—сами чувствуете,—вы кашляете и плюете,—все вѣдь это здѣсь на полу отъ жары гніетъ — и отсюда духъ идетъ, а вы этимъ воздухомъ дышете. А потому, какъ жена придетъ съ фабрики, велите ей вымыть хорошенько полъ кипяткомъ, да купите глиняную чашку, налейте въ нее воды, я дамъ вамъ карболки,— вы и подливайте въ воду и плюйте въ эту чашку съ карболкою; да раза три, четыре въ день велите своему сынишкѣ выливать изъ нея. А потомъ вѣдь и отъ тѣла вашего духъ идетъ: въ баню вы не можете сходить, да и не надо,—купите водки, смѣшайте пополамъ съ водою, и пусть жена вамъ на ночь этимъ и вытираетъ губкою все тѣло".—„Это можно, можно",—говоритъ обрадованный больной. „Кушать вы все можете, только не сразу, а понемногу, но почаще, если есть аппетитъ. Вотъ вамъ порошки —два раза въ день принимайте; да пришлите мальчика ко мнѣ завтра утромъ пораньше,—я дамъ мази натирать вамъ грудь и бока, дамъ карболки, чтобы лить въ воду; а чтобъ духъ изо рта не шелъ, пришлю вамъ полосканье. Прощайте!"

Господи, сколько благодарностей и благожеланій услышала я,

уходя! А за что, подумаешь? что обратила вниманіе? да что толку въ этомъ вниманіи, когда дни его уже сочтены!—Тяжело было у меня на душѣ: одинъ,—на чердакѣ, безъ свѣта, безъ воздуха, умираетъ! жена на работѣ, дѣтишки малы,—на дворѣ бѣгаютъ: вѣдь напиться подать некому!—Что можетъ быть несчастнѣе вообще и ужаснѣе положенія чахоточнаго больного! Эти невыносимыя страданія, — этотъ мучительный безпрерывный кашель, разбивающій грудь и все тѣло, эти обильные, разслабляющіе поты, одышка, боли подъ ребрами, колотье въ бокахъ и груди и ужасная слабость во всемъ тѣлѣ: это мученики и страдальцы, заживо погребенные въ могилу! Болѣзнь тянется долго, а смерть все не приходитъ! Да хорошо еще, если у кого есть средства и любящая семья,—а въ бѣдности! Здѣсь для самыхъ близкихъ людей такой больной становится тяготою: его безпрерывный кашель никому не даетъ спать по ночамъ, его стоны раздражаютъ и ожесточаютъ окружающихъ; онъ уже не работникъ, на него надо работать; всѣ знаютъ, что онъ уже не жилецъ на свѣтѣ, что онъ долженъ умереть,—за нимъ и ухода нѣтъ: слишкомъ долго болѣетъ, чтобъ обращать на него вниманіе. А больной все тянетъ и тянетъ: уже и ноги отекли, ужъ и перевернуться и встать не можетъ, а все живъ и кашляетъ, кашляетъ, и страдаетъ все больше и больше... Мнѣ пришлось встрѣчать мать, нѣжно любившую свою, подвергшуюся этой ужасной болѣзни, дочь—и та, бывало, съ грустью скажетъ: „хоть бы Господь прибралъ скорѣе,—ужъ очень тяжко глядѣть — какъ мучается". Всѣ окружающіе относятся къ этимъ больнымъ уже не съ участіемъ, а наоборотъ—съ какимъ-то озлобленіемъ и ожесточеніемъ: „хоть бы помиралъ поскорѣе!" Я помню, какъ одна баба попрекала чахоточнаго старика, что онъ не помираетъ.—„Да я бы и радъ,—вотъ-те Христосъ, радъ бы померетъ, да смерть не идетъ!"—„А оттого Господь смерти тебѣ не посылаетъ, что ты нагрѣшилъ вѣрно много; а ты покайся, проси прощенія у Господа, — Онъ и смилуется и скорѣе пошлетъ тебѣ смерть". Въ больницы чахоточныхъ весьма неохотно принимаютъ: лежатъ они долго и въ концѣ концовъ помираютъ, а кровати нужны для больныхъ съ острыми заболѣваніями, которыхъ можно вылечить; принявъ чахоточнаго —сколько нужно за то время, пока онъ будетъ лежать, отказать больнымъ, которыхъ можно поправить! Мѣстъ въ больницахъ уже не такъ много, чтобы принимать хрониковъ, да и больницъ въ Петербургѣ по его населенію вообще мало, а спеціально для чахоточныхъ и совсѣмъ не имѣется — есть отдѣленія.

VI.

Выхожу опять. А солнце все еще печетъ и печетъ, ни одной тучки на небѣ. Тащусь дальше. Сворачиваю въ переулокъ, вижу—стоитъ конка,—хочу воспользоваться ею, но вагонъ уже двинулся; я бѣгу, чтобъ догнать, несмотря на жару и усталость, — кричу кондуктору, чтобъ остановилъ; тотъ звонитъ, лошади замедляютъ ходъ, но я уже не въ силахъ бѣжать, только иду поскорѣе—и не могу догнать лошадей, которыя идутъ уже шагомъ; наконецъ, конка останавливается,—я сажусь, задыхаясь и обливаясь потомъ. Смотрю въ окно на №№ домовъ; мнѣ нуженъ 33-й—еще далеко—успокоиваюсь; опять смотрю—и вдругъ вижу № 33-й, а конка на всемъ ходу; я кричу кондуктору, чтобъ задержалъ, а кондукторъ на верху--раздаетъ билеты; выхожу на площадку,—думаю: надо беречь каждый шагъ; пока придетъ кондукторъ, конка въ это время проѣдетъ порядочное разстояніе; приготовляюсь спрыгнуть.—„Не дѣлайте этого!"—говоритъ мнѣ какой-то пожилой господинъ, стоявшій на площадкѣ, и начинаетъ звонить. Но я уже на панели. Домъ № 33-й большой, четырехъ-этажный. „Подвалъ или чердакъ?" думаю; оказывается—подвалъ. Спускаюсь: въ квартирѣ по обыкновенію полутемно, сыро, гнилой запахъ, но хорошо, что хоть прохладно. Здоровенный мужикъ, черный, съ всклокоченными волосами и сумрачный, стоитъ около кровати; на одной рукѣ держитъ дѣвочку лѣтъ двухъ, а другою рукою качаетъ люльку, привѣшенную къ потолку; въ люлькѣ кричитъ ребенокъ; на кровати лежитъ больная женщина,—тяжело дышетъ и не переставая стонетъ. Мужикъ, увидѣвъ меня, посадилъ дѣвочку на кровать,—та заплакала,—подошелъ ко мнѣ и тихо спросилъ:—„не сходить ли за попомъ? жена помираетъ совсѣмъ". —„Погоди — говорю, — дай посмотрѣть". Дѣвчонка кричитъ, ребенокъ въ люлькѣ тоже, а мужикъ стоитъ и какъ-то тупо смотритъ на меня и на жену. Осмотрѣвши больную, я говорю: „Въ больницу ее надо отправить,—у нея воспаленіе легкихъ". Мужъ безнадежно махнулъ рукою: „Пусть ужъ дома помираетъ!"—„Да она поправится, не умретъ".—„А грудной младенецъ-то какъ же будетъ? вѣдь съ младенцемъ не примутъ; да нѣтъ—что ужъ!.." Вижу—твердо рѣшилъ, что жена помираетъ и пусть помретъ дома. „Она выздоровѣетъ,—говорю я увѣреннымъ тономъ,—но только за нею уходъ хорошій нуженъ, а вѣдь ты не съумѣешь? Вотъ сейчасъ ей надо горчичники на весь бокъ поставить; сначала нужно на одно мѣсто,—вотъ тутъ, потомъ

пониже, потомъ выше, потомъ сбоку,—сдѣлаешь? съумѣешь?" — „Сдѣлаемъ",—говоритъ онъ равнодушно. Мнѣ что-то не вѣрится: слишкомъ онъ здоровъ—и о горчичникахъ навѣрное понятія не имѣетъ; будетъ сидѣть, колыхать люльку, поить больную квасомъ, который уже стоитъ на столѣ, да смотрѣть—какъ стонетъ и помираетъ жена. Раскрываю свою сумку, нахожу клеенку и рѣшаю—горчичники замѣнить согрѣвающимъ компрессомъ. „Слушай,—говорю я мужику,—давай мнѣ тряпочку или маленькое полотенце". На гвоздѣ, вижу, виситъ небольшой байковый платокъ,—беру его и складываю вчетверо. Мужикъ, несмотря на свою неповоротливость, мигомъ открылъ сундукъ и началъ рыться въ немъ; наконецъ, подаетъ два полотенца, хотя и грубаго холста, но чистыя и расшитыя на концахъ красною бумагою. „Эти велики очень, надо въ половину этого поменьше". Не успѣла я сказать это, какъ онъ моментально разорвалъ полотенце пополамъ. —„Жалко полотенца-то,—говорю,—ты бы поискалъ поменьше". —„Баба дороже полотенца,—это дѣло наживное".—„Ну, ладно; а эту другую половину ты сшей съ цѣлымъ полотенцемъ и принеси мнѣ воды". Мужикъ подаетъ воду въ ковшѣ, я приготовляю компрессъ—и думаю: „что же я дала ему шить! развѣ онъ сможетъ?" Оглядываюсь — мужикъ уже съ иглою величиною въ спицу и суровыми нитками шьетъ, и игла такъ и мелькаетъ, точно у опытной портнихи: мгновенно полотенца были сшиты. Поворачиваемъ больную, какъ нужно, чтобъ наложить компрессъ. „Ну, вотъ—смотри теперь: клади ей вотъ такъ на бокъ сначала мокрую тряпку; потомъ клеенку, видишь—какъ я кладу,—чтобъ она отовсюду плотно закрывала тряпку; потомъ байковый платокъ; а теперь давай полотенце, которое ты сшилъ, и забинтуй хорошенько, чтобы все это не сползло. А теперь я заколю: булавокъ-то нѣтъ? ну, ничего". Вынимаю изъ своей головы двѣ шпильки и закалываю. „Точно такъ и ты дѣлай, черезъ каждые три часа; тряпочку-то намачивай каждый разъ въ новой холодной водѣ и выжимай ее хорошенько, какъ я дѣлала. А теперь я напишу рецептъ въ аптеку,—купи лекарство".—„А дорого?"— „Да вѣдь ты же самъ сказалъ, что жена дороже денегъ".—„Оно не жалко, а получка-то у насъ будетъ въ субботу".—„Что, если онъ,—думаю,—отложитъ до субботы и не купитъ лекарства теперь, когда ее еще можно спасти! Займетъ гдѣ-нибудь? а если не дадутъ? а если подумаетъ, что, можетъ-де, и компрессъ одинъ поможетъ безъ лекарства?"—„Ну, если у тебя нѣтъ денегъ, то я напишу въ аптеку записку,—по ней тебѣ дадутъ лекарство и безъ денегъ. Черезъ три часа, какъ будешь мѣнять компрессъ,

и давай ей этого лекарства по ложкѣ; да купи водки и давай ей по рюмкѣ утромъ и вечеромъ. Сдѣлаешь все такъ, какъ я говорю,—жена твоя выздоровѣетъ". Мужикъ кланяется, благодаритъ,—его мрачное лицо немного просвѣтлѣло. Баба затихла. „Кваску не угодно ли?" — говоритъ онъ мнѣ ласково. — „Спасибо, давай". Онъ наливаетъ въ ковшъ изъ горшка квасъ; въ ковшъ падаютъ двѣ мухи,—мужикъ грязными пальцами быстро ихъ вынимаетъ... Что ужъ тутъ думать о заржавленномъ ковшѣ, о мухахъ, о грязныхъ пальцахъ, когда у меня пересохло во рту и я умираю отъ жажды! Съ наслажденіемъ выпиваю я эту тепловатую, кислую, бураго цвѣта, съ какимъ-то неопредѣленнымъ запахомъ влагу, точно самый вкусный и ароматическій напитокъ.

Выхожу на улицу, останавливаюсь, вынимаю книжку съ записанными адресами, чтобы справиться, куда еще идти: вдругъ мимо меня промелькнулъ, приподнявъ шапку, съ веселымъ лицомъ, тотъ самый мужикъ, что только-что поилъ меня квасомъ, и почти бѣгомъ побѣжалъ по направленію къ аптекѣ. Не ожидала я отъ него такой развязности: квасомъ напоилъ, повеселѣлъ, побѣжалъ въ аптеку,—значитъ, повѣрилъ тому, что̀ я говорила. А если повѣрилъ, то женщина выздоровѣетъ. И дѣйствительно: мужикъ аккуратно являлся ко мнѣ за лекарствомъ, въ точности исполнялъ все, что̀ я приказывала, раза три я сама навѣдывалась къ больной,—и черезъ нѣкоторое время она выздоровѣла.

Нанимаю, наконецъ, извозчика, потому больше ходить не въ силахъ. Доѣзжаю до слѣдующаго записаннаго въ книжкѣ дома: дворника не оказывается дома. Блуждаю по двору и ищу Марью Трофимову: на адресѣ № дома означенъ, а квартира не показана,—написано только: больная Марья Трофимова. Наконецъ, отыскиваю: въ деревянномъ флигелишкѣ, во второмъ этажѣ. Большая комната съ перегородкою—„углы"—вся заставлена кроватями съ занавѣсками, столами, лавками, сундуками, корзинами; множество люлекъ; масса бабъ и особенно много дѣтей: подумаешь—откуда ихъ здѣсь столько берется—въ бѣднотѣ! И всѣ-то они большею частію блѣдныя, чахлыя, изнуренныя; посмотришь—отцы и матери—такой здоровенный народъ: какъ-то не вѣрится, что это ихъ дѣти. Двѣ бабы переругиваются между собою, одна слезливо всхлипываетъ. На одной изъ кроватей храпитъ мужикъ. Въ комнатѣ слышенъ запахъ водки и махорки. „Здѣсь больная Марья Трофимова?"—спрашиваю. Публика стихаетъ, и затѣмъ одна баба указываетъ на одну изъ занавѣсокъ: „Вотъ тутъ"... Изъ-за перегородки еще выходятъ бабы и дѣти. Эти дѣтишки всегда такія любопытныя,—вѣчно протискаются ко мнѣ впередъ,

окружать меня и смотрять какъ ни вѣсть на что. Бабы ихъ шлепаютъ; одинъ, получивъ подзатыльникъ, молча отойдетъ, а другой заоретъ—и получитъ подзатыльникъ еще вдвое сильнѣе. Иная дѣвчонка побойчѣе—подойдетъ сразу ко мнѣ поближе и скажетъ: „здравствуй, тетенька!“ Ну, погладишь ее по головкѣ,—скажешь: „здравствуй, умница“. Не ласкаютъ вѣдь ихъ здѣсь, не забавляютъ, а только все ругаютъ да шлепаютъ. Подхожу къ указанной кровати, открываю занавѣску: на кровати лежитъ навзничь, неподвижно, въ платьѣ женщина; руки сложены на груди, все лицо и шея закрыты толстою, бураго цвѣта, шерстяною тряпкою, осыпанною мѣломъ; на подушкѣ тоже слѣды мѣла, на плечахъ, на платьѣ—всюду мѣлъ. Приподнимаю тряпку: страшно распухшее, съ багровымъ цвѣтомъ, лицо, съ пузырями на губахъ и на лбу; глазъ не видно: вѣки такъ вздулись, что даже рѣсницы скрылись,—и все это ужасное лицо засыпано мѣломъ сѣроватаго цвѣта; пульсъ не сосчитать, жаръ сильнѣйшій. „День или ночь?“ —едва слышно спрашиваетъ больная.—„День,—отвѣчаю я.—Тебя надо отправить въ больницу,—у тебя рожа лица и головы“. —„Вотъ, вотъ,—мы такъ и думали,—затараторили бабы:—говорятъ, отъ рожи надо красную тряпку съ мѣломъ,—красной-то мы не нашли“... „Гдѣ хозяйка? позовите квартирную хозяйку“. Идутъ отыскивать хозяйку.

„Родимая ты моя, желанная, посмотри ты моего мальчишку,—обратилась тѣмъ временемъ ко мнѣ одна изъ бабъ:—кричитъ безперечь, ни днемъ, ни ночью покою не даетъ; только на рукахъ и молчитъ“.—„Принеси его ко мнѣ на домъ,—тамъ и посмотрю; а теперь мнѣ некогда, надо торопиться къ тяжело больнымъ“.—„Да отъ кого уйдешь-то? вѣдь проходишь да прождешь, а у меня смотри—ихъ сколько; будь милостива—взгляни!“—Хозяйки все еще нѣтъ.—„Ну, покажи“. Подхожу къ люлькѣ. Баба приподняла занавѣску и начала распеленывать своего мальчишку,—вижу: мелькаютъ какія-то темноватыя точки—и по грязнымъ пеленкамъ, и на подушкѣ, и на рубашонкѣ, и по оголеннымъ ножкамъ и ручкамъ ребенка; всматриваюсь—клопы; оглядываю веревки, на которыхъ виситъ люлька, полотно, деревянную основу, занавѣску: все, все унизано, усажено клопами. „Да это клоповникъ!—говорю я: — какъ же ты не догадаешься, что ребенокъ твой кричитъ отъ клоповъ?! легла бы сама сюда и попробовала заснуть, да еще руки бы тебѣ связать, какъ у него,—вѣдь онъ спеленатый у тебя лежитъ“.—„Да у насъ въ кроватяхъ еще больше“.—„Да вы большіе,—устанете на работѣ—и не слышите, а ты этого крошку спеленаешь, свяжешь ему руки, ноги и по-

ложишь въ клоповникъ, да еще хочешь, чтобъ онъ не кричалъ,— полечить его просишь отъ крику".—„Да у насъ весь домъ такой,— ихъ не выведешь".—„А я васъ научу, какъ ихъ вывести: всѣ бабы, которыя на работу не ходятъ, а сидятъ дома съ дѣтьми, пусть дня три сряду ошпариваютъ кипяткомъ и мажутъ керосиномъ кровати, доски, щели, люльки; а потомъ каждую субботу, какъ моете полы, и кровати мойте,—и у васъ въ квартирѣ не будетъ ни одного клопа˙ Слышите, бабы?—говорю я строго:—я вамъ приказываю это сдѣлать; я вѣдь узнàю—у хозяйки, у дворника спрошу; если же вы этого не будете дѣлать, то никогда и не зовите меня—не приду. Вотъ ты сама говоришь, что и дѣвочку твою вылечила, и тебѣ помогу дала: а тогда лечитесь— гдѣ хотите; чтò мнѣ за охота ходить—гдѣ меня не слушаютъ!" —„Сдѣлаемъ, все сдѣлаемъ, какъ приказываешь!—хоромъ заговорили бабы:—вѣдь это не трудно". Является квартирная хозяйка. „Скажи дворнику, какъ придетъ, чтобъ эту больную отвезъ въ больницу: болѣзнь заразная и опасная,—она можетъ умереть".—„Да на какія деньги ее повезешь? она мнѣ за уголъ не платила два мѣсяца,—у нея нѣтъ ни гроша; а тамъ еще, пожалуй, въ больницѣ не примутъ—только на извозчика истратишься".—„Я дамъ записку,—по моей запискѣ примутъ; а насчетъ денегъ ужъ сама похлопочи: выздоровѣетъ—она тебѣ отдастъ; а то вѣдь тебѣ же хуже будетъ, когда всѣ твои жильцы переболѣютъ, да квартиру твою будутъ обновлять. А намъ этого допустить нельзя, чтобъ такіе больные оставались въ квартирахъ: съ насъ тоже взыскиваютъ, чтобъ зараза не распространялась. Какъ увезутъ больную, приди ко мнѣ,—я дамъ порошка: ты его всыпь въ воду и намочи въ этой водѣ всѣ ея тряпки и высуши, и такою же водою вымой полы, кровати, окна и двери; окна порастворяйте—и пусть такъ постоятъ подольше. Бабы тебѣ помогутъ, а то и онѣ могутъ переболѣть".—„Спаси Христосъ, помилуй Богъ отъ такой напасти!"—„Дѣтишекъ пока прогоните всѣхъ на дворъ, на улицу,—пусть тамъ бѣгаютъ". Хозяйка огорчена, взволнована. Я ухожу.

Слѣдующій адресъ—чердакъ въ деревянномъ домишкѣ, подъ самою крышею. Взбираюсь: сначала мнѣ показалось, что въ квартирѣ никого нѣтъ; потомъ разглядываю: на большой кровати лежитъ страшно исхудалая дѣвочка лѣтъ двухъ; длинные волосенки слиплись у нея отъ пота и падаютъ на глаза; мухи такъ и облѣпили ее, особенно въ углахъ рта и глазъ,—точно черныя пятна; она такъ слаба, что не можетъ ихъ отогнать, или отгоняла, да устала. Увидѣвъ меня, она начала плакать, но какъ-то

тихо, хрипло. Надъ кроватью виситъ люлька съ грязною, дырявою занавѣскою; заглядываю въ люльку — ребенокъ мѣсяцевъ шести, глаза открыты, но странные, безсмысленные и устремлены на одну точку; онъ не переставая двигаетъ головою и тихо стонетъ. И затѣмъ въ квартирѣ больше никого. Я выхожу и отворяю дверь въ другой №, къ сосѣдямъ: въ комнатѣ полутемно, такъ какъ окно выходитъ въ стѣну; на полу въ повалку спятъ мужики,—вѣроятно, былъ часъ ихъ отдыха. „Послушайте, кто живетъ въ 10 №? я—докторша, меня звали къ больнымъ, но тамъ никого нѣтъ, кромѣ дѣтей". Одинъ изъ мужиковъ медленно поднимается, встаетъ съ заспанными глазами и идетъ въ 10 №; я—за нимъ; онъ подошелъ къ люлькѣ и сталъ ее качать.—„Ты отецъ этихъ дѣтей?"—„Нѣтъ, не отецъ".—„Такъ поди же, пожалуйста, позови поскорѣе: кто-нибудь же смотритъ за этими дѣтьми". Мужикъ ушелъ. Жду минуты двѣ-три; прибѣгаетъ запыхавшись баба и сообщаетъ: „Матери нѣтъ,—она ушла, полы мыть позвали: просила меня приглядѣть,—говоритъ—придетъ докторша, такъ побудь; мужъ-то ея запьянствовалъ, третья недѣля—какъ его нѣтъ, а пить, ѣсть надо,—ну и побѣжала полы мыть; а у меня свои дѣти". Осматриваю больныхъ дѣтей: они оба оказались въ совершенно безнадежномъ состояніи: у дѣвочки катарральное воспаленіе легкихъ въ сильнѣйшей степени, у мальчика—воспаленіе мозга. Даю для дѣвочки капли, для мальчика порошки, говорю бабѣ—какъ давать ихъ, но, воздерживаясь съ ней отъ подробныхъ объясненій, велю передать матери, чтобы та непремѣнно пришла ко мнѣ завтра утромъ на домъ,—и ухожу.

Что̀ же еще можно сдѣлать въ подобномъ случаѣ? Между тѣмъ визиты такого рода, т.-е., когда въ квартирѣ найдешь однихъ маленькихъ дѣтей, между которыми кто-либо или всѣ они больны, а надзоръ за ними порученъ или какой-либо сосѣдкѣ, которую съ трудомъ отъищешь или и вовсе не отъищешь, или же при нихъ окажется какая-либо глухая и изъ ума выжившая старуха, отъ которой ничего не узнаешь и ничего ей не растолкуешь,—такого рода, безполезные совсѣмъ, визиты приходится нерѣдко дѣлать.

VII.

Случается сталкиваться и съ исторіями или, лучше сказать, съ слѣдами исторій, которые отвращаютъ вашъ взоръ отъ того низменнаго люда, съ которымъ непосредственно приходится имѣть дѣло, къ люду высшему, интеллигентному, и даютъ также не-

веселыя впечатлѣнія относительно этого высшаго люда. Прихожу въ квартиру въ подвалѣ, и сначала, по обыкновенію, за темнотою, ничего не вижу; затѣмъ разглядываю старую бабу въ сарафанѣ и около нея немало дѣтишекъ. Въ подвалѣ живетъ нѣсколько семей: все, какъ обыкновенно, загромождено кроватями и разною мебелью; нѣсколько люлекъ. Баба оказалась безъ лѣвой руки, а вмѣсто руки виситъ одинъ рукавъ, завязанный узломъ; она приглядываетъ за дѣтьми, когда матери уходятъ на работу, а тѣ за это кормятъ ее сообща. По воскресеньямъ и праздникамъ старуха стоитъ у церкви,—добрые люди подаютъ ей на ея калѣчество; руку ей лѣтъ двадцать назадъ отрѣзали, послѣ того какъ ее раздробило колесомъ на фабрикѣ; чтò соберетъ, уплачиваетъ хозяйкѣ за уголъ и одѣвается. Когда дѣти здоровы, ей легко: выгонитъ ихъ на дворъ и приглядываетъ; а теперь на половину больны—все корью. Она подводитъ меня то къ одной, то къ другой кровати, то къ люлькѣ, и сама заявляетъ: „Этотъ помретъ, а эта еще, може, вывволится. А вотъ еще посмотрите двѣ дѣвочки,—говоритъ она мнѣ:—мать наказывала, чтобъ вы особенно поглядѣли вотъ эту—черноглазую". Одна изъ дѣвочекъ пухленькая, съ курносымъ носикомъ, съ маленькими голубенькими глазками,—другая же совсѣмъ иного типа и какъ будто совсѣмъ не по обстановкѣ: тонкія, нѣжныя черты лица, большіе черные глаза, брови какъ нарисованныя и темные, вьющіеся волосы. Подивилась я: какъ это двѣ сестры—и такая неимовѣрная разница! Понятно, почему мать такъ просила поглядѣть и полечить особенно вторую: жаль потерять такую красавицу. У первой дѣвочки оставались еще жаръ и сыпь; черноглазая же совсѣмъ почти выздоровѣла, только былъ еще сильный кашель. Бѣлье на обѣихъ невообразимое,—грязное, ветхое, въ видѣ какихъ-то лохмотьевъ, засиженное насѣкомыми, пропитанное деревяннымъ масломъ. Въ простомъ народѣ почему-то твердо убѣждены, что если сыпь на тѣлѣ, то не слѣдуетъ мѣнять бѣлье, пока сыпь не пройдетъ. Много съ ними приходится изъ-за этого воевать и убѣждать, и просто приказывать. И вотъ старуха сообщила мнѣ, что красавица-то дѣвочка—дочь какой-то француженки-гувернантки; мать отдала дѣвочку бабѣ на грудь и сначала года два платила за нее по 5 р. въ мѣсяцъ, и хоть не часто, а все-таки приходила навѣщать, приносила и чаю, и сахару, и бѣлья; но теперь вотъ ужъ годъ, какъ не является: „може, померла; може, уѣхала куда". Баба-то все ждетъ—не думаетъ, чтобы мать кинула дитя свое. Гдѣ жила эта гувернантка, неизвѣстно,—у бабы нѣтъ никакой бумаги, и разъискать мать невозможно.

Баба-то и боится, что какъ дѣвочка помретъ—она ничего за нее не получитъ, а если останется жива, то авось мать заплатитъ, какъ объявится. Я велю бабѣ передать матерямъ, чтобъ пришли или прислали ко мнѣ за лекарствомъ для дѣтей, и чтобъ тотчасъ же, какъ придутъ, у всѣхъ дѣтей перемѣнили бѣлье, а если у кого нѣтъ чистаго—чтобъ сегодня же выстирали: „иначе не буду лечить, если въ другой разъ приду—и увижу такую грязь; такъ и скажи бабамъ". Старуха обѣщаетъ въ точности передать мои приказанія.

На слѣдующемъ затѣмъ визитѣ мнѣ пришлось, во-первыхъ, опять увидѣть нѣкоторыя отраженія на низшемъ людѣ люда высшаго, а затѣмъ пришлось, подъ вліяніемъ одного факта, испытать горькое чувство отъ сознанія, что вотъ какъ будто и трудишься, и стараешься принесть хоть какую-нибудь пользу людямъ, и вдругъ, даже въ то время, когда будешь представлять эту пользу почти достигнутою, она можетъ быть совершенно разрушена вмѣшательствомъ невѣжества тѣхъ самыхъ людей, для которыхъ трудишься! Такое настроеніе было вызвано во мнѣ собственно не прямымъ очереднымъ визитомъ, какой я должна была сдѣлать, а другимъ, какой я потомъ по своей волѣ сдѣлала въ томъ же домѣ.

Очередной визитъ былъ у больного—бывшаго кондуктора желѣзной дороги. Здѣсь нашла слѣдующее. Въ квартирѣ въ одну комнату, въ деревянномъ, пошатнувшемся на сторону, флигелечкѣ, лежалъ на кровати навзничь страшно исхудалый и съ чисто мертвенною блѣдностью человѣкъ лѣтъ 35,—глаза ввалились, носъ заострился, губы совсѣмъ бѣлыя. При моемъ появленіи дряхлая старуха выставила изъ-подъ кровати большой тазъ, наполненный кровью. Въ то же время я замѣчаю, что около кровати стоитъ на табуреткѣ бутылочка съ водкою и рюмка. „Кровь горломъ пошла,—заговорилъ, увидѣвъ меня, сдавленнымъ и хриплымъ голосомъ больной:—говорятъ—водкою хорошо унимать,—вотъ и послалъ, хоть и не люблю ея: да нѣтъ пользы! что̀ ни кашляну, то кровь, то кровь,—такъ печенками и валитъ; вотъ и опять". Старуха подставляетъ ему тазъ. „Не говорите вы, молчите: вамъ хуже отъ этого будетъ,—спѣшу я предостеречь больного.—Вотъ проглотите пока эту пилюлю",—вынимаю изъ сумки и даю ему пилюлю. „А ты, старуха, бѣги скорѣе за льдомъ".—„Какъ же это вы!—говорю я съ мягкимъ укоромъ больному:—сами видите, что водка вамъ не приноситъ пользы, а пьете! Вамъ, напротивъ, ничего такого и капли нельзя: больше кровь будетъ; пить вамъ можно только холодную воду съ лимо-

номъ или холодное молоко; ничего также горячаго нельзя".—„Боюсь умереть, госпожа докторша: вѣдь семь человѣкъ дѣтей, все малъ-мала меньше; жена сначала все рожала по одному, а тутъ вдругъ сразу двоихъ"...—„Не говорите же!—останавливаю я его: — не думайте ни о чемъ, не волнуйтесь, иначе кровь у васъ не остановить, а это прежде всего надо сдѣлать. Вы волнуетесь, да еще водки выпили..." Больной смолкаетъ. Я оглядываюсь по комнатѣ: дѣйствительно — куда ни посмотрю, всюду дѣтишки: и на кровати, и въ люлькѣ, и на полу, и на сундукѣ; двое зачѣмъ-то забрались подъ столъ. Тутъ же замѣчаю я другую старуху, сидѣвшую неподвижно за столомъ и очевидно слѣпую. „Какъ не думать!—съ видимою растроганностью начинаетъ опять больной:—вотъ жена теперь по стиркамъ ходитъ! да еще барыни обсчитываютъ,—кто пятачка, кто гривенника не додастъ: поздно, молъ, пришла! тоже аспиды!"—„Перестаньте же!"—говорю я уже съ сердцемъ. Но онъ, какъ будто не въ силахъ будучи сдержать себя и почти рыдая, продолжаетъ все-таки:—„Два года безъ мѣста! куда ни поступлю, кашель изведетъ—и не могу... Съ тѣхъ поръ, какъ грудь мнѣ придавило вагонами, пропало мое здоровье". Я уже не останавливаю его, потому вижу—безполезно. „Пенсію, говорятъ, проси,—десять лѣтъ прослужилъ: какъ же! дадутъ! еслибы мнѣ руку или ногу оторвало, а то только грудь раздавило! Вытащили замертво изъ-подъ колесъ: отправили въ больницу, продержали тамъ три мѣсяца, да и выпустили на всѣ на четыре стороны, потому ходить сталъ. А съ тѣхъ поръ вотъ все кашель и кашель, и кровь нѣтъ-нѣтъ, да и пойдетъ". Старуха принесла льду; я накладываю больному на грудь холодный компрессъ, уча вмѣстѣ и старуху, какъ надо это дѣлать, пишу рецептъ капель, объясняю—какъ нужно ихъ принимать, приказываю сейчасъ же вылить кровь изъ таза и вымыть его, и велю старухѣ, чтобы дать больному покой, увести дѣтей на дворъ. „Вамъ нужно лечь въ больницу,—говорю затѣмъ больному:—тамъ, что̀ случится, сейчасъ же докторъ, фельдшера, сидѣлки—всѣ къ вашимъ услугамъ,—тамъ вы поправитесь скорѣе".—„Нѣтъ, госпожа докторша, извините, въ больницу я не пойду".—„Да вы тамъ поправитесь".—„Я ужъ лежалъ тамъ три мѣсяца—знаю".—„Вѣдь вамъ же помогли: васъ вытащили замертво изъ-подъ вагоновъ, а тамъ васъ все-таки на ноги поставили. И теперь помогутъ".—„Нѣтъ, лучше ужъ помру дома, а въ больницу не пойду!"—повторяетъ съ возростающимъ раздраженіемъ больной. Чтобы не волновать его больше, я прекратила разговоръ и, повторивъ еще разъ, какъ ему вести себя, ухожу.

На лѣстницѣ я встрѣтила молодую, но страшно худую и изнуренную женщину, которая шла едва переводя духъ отъ усталости.—„Вы у насъ были, госпожа докторша?"—обратилась она ко мнѣ.—„Да, вѣроятно, у васъ, вы—жена бывшаго кондуктора?"—„Такъ точно".—„Уговорите его непремѣнно лечь въ больницу: иначе, если кровотеченіе повторится, онъ помретъ".—„Да я и сама рада бы его помѣстить въ больницу; измучилась совсѣмъ; капризный такой сталъ. Былъ кондукторомъ, жалованье хорошее получалъ, избалованъ, а теперь вотъ на одни мои гроши приходится жить. Вчера: купи, говоритъ, мнѣ семги,—присталъ, присталъ; если купишь, говоритъ, хоть кусочекъ, мнѣ полегчаетъ. Нечего дѣлать,—купила; да еще на пятачекъ не даютъ, на гривенникъ отрѣзали кусочекъ. Ну что-жъ! и не ѣлъ: откусилъ капельку,—нѣтъ, говоритъ, не вкусная. И ему пользы нѣтъ, и мой гривенникъ пропалъ".—„Завтра же везите его въ больницу, вотъ моя карточка—его примутъ. Скажите,—полюбопытствовала я между прочимъ:—что вамъ за охота держать у себя этихъ двоихъ старухъ, изъ которыхъ одна такъ дряхла, что еле ходитъ, а другая кромѣ того и слѣпа? или это ваши родственницы?"—„Нѣтъ, совсѣмъ чужія; да вѣдь онѣ мнѣ ничего не стоютъ: онѣ только помѣщаются у меня—и за это приглядываютъ за дѣтьми. Къ церкви онѣ ходятъ: кто что подастъ—вотъ и кормятся. Слѣпая-то отлично ходитъ за дѣтьми,—лучше зрячей; она всю жизнь, видите ли, по нянюшкамъ жила, у генераловъ, да у благородныхъ господъ, а подъ старость-то вотъ и пришлось безъ угла, безъ пристанища. Эта-то мнѣ еще подсобляетъ; если въ праздникъ подадутъ побольше, она купитъ ситничка и моихъ дѣтишекъ накормитъ". Какъ слѣпой старухѣ можно поручать приглядывать за дѣтьми, этого я не могла и не могу теперь понять. Такъ вотъ, значитъ, гдѣ подъ старость находятъ пріютъ наши нянюшки, горничныя и кухарки; нищета помогаетъ нищетѣ.

Выйдя на дворъ, я захотѣла воспользоваться случаемъ, чтобъ на томъ же дворѣ побывать еще въ другой квартирѣ, куда меня не звали, но гдѣ я недавно лечила дѣвочку отъ тифа; мнѣ захотѣлось освѣдомиться о состояніи этой дѣвочки. Дѣвочка заболѣла брюшнымъ тифомъ съ мѣсяцъ назадъ; мать тогда очень ужъ упрашивала меня не отправлять ее въ больницу, и я согласилась, но поставивъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы мать въ точности исполняла все, что я буду приказывать относительно ухода за дѣвочкою. Мать дала мнѣ клятвенное обѣщаніе все исполнять. И дѣйствительно, къ моему удовольствію, я увидѣла, что женщина строго держала свое слово: сама постоянно оста-

валась при дѣвочкѣ, аккуратно присылала за лекарствами, кормила тѣмъ только, чѣмъ я велѣла; когда я навѣщала дѣвочку, заставала ее всегда въ чистомъ бѣльѣ и т. д. Словомъ, мать, повидимому, вполнѣ довѣрилась мнѣ и старалась исполнять все, что я ни приказывала. И въ скоромъ времени дѣвочка стала замѣтно поправляться. Давненько ужъ мать не присылала ко мнѣ ни за чѣмъ, ни сама не являлась; думаю, можетъ быть, дѣвочка настолько уже оправилась, что ей и діэту нужно перемѣнить. Подхожу къ двери, звоню,—отворяетъ сама мать, сильно взволнованная; увидѣвъ же меня, она съ радостію заговорила: „Ахъ, Господи! самъ Богъ васъ прислалъ сюда: только-что собиралась бѣжать къ вамъ, а ангелъ святой и послалъ васъ".—„Что ваша дѣвочка?"—„Да посмотрите, госпожа докторша: совсѣмъ помираетъ! Отчего сталось—сама не знаю: вѣдь она уже ходить понемногу начала, совсѣмъ было-поправилась, да вдругъ сегодня поднялась рвота, на животикъ все жалуется—и такъ ослабла, такъ ослабла!.. Спасите ее, госпожа докторша!—плачетъ баба:—вѣкъ буду Бога за васъ молить".—„Вы ее чѣмъ-нибудь накормили?"—„Ничего, ничего не давала: какъ вы приказывали, только и давала кипяченое молоко, да жиденькой манной каши, да супъ варила,—нарочно для ней одной полфунта мяса брала; чаю давала"...—„А еще что?"—„Да ничего, какъ передъ Богомъ ничего".—„А сегодня что давали?"—„Вотъ сегодня только: купила я корюшки,—жарко теперь, долго хранить-то ее нельзя, такъ потому дешевая; я и купила и нажарила на постномъ маслѣ,—постъ вѣдь теперь; ѣдимъ мы это, а она и попроси, да такъ это въ охотку покушала,—все проситъ: еще и еще... Въ этомъ дѣйствительно виновата, дала, что-жъ, виновата"...

Должно быть, мое лицо, подъ вліяніемъ этого сообщенія, сдѣлалось очень нехорошимъ—злымъ, что баба замѣтно смутилась и усиленно начала придавать своей рѣчи тонъ какого-то раздумья и виноватости. „Виновата, виновата, что-жъ, дала; думала—дѣвочка поправилась,—отчего жъ не дать? думала—что-жъ васъ безпокоить попусту! дала, что-жъ—дѣйствительно дала". Я молча сѣла у стола—и не знала, что мнѣ сказать или сдѣлать: такая досада и злоба бушевали у меня въ душѣ, что, кажется, взяла бы да исколотила эту негодную мать, накормившую тухлою рыбою свою больную дѣвочку. Но затѣмъ у меня мелькнуло въ головѣ: *не вѣдятъ—что творятъ.* Я попросила воды напиться и, немного успокоившись, осмотрѣла дѣвочку и затѣмъ возможно спокойнѣе сказала: „Я ее лечить больше не буду; я вамъ приказывала кормить ее тѣмъ, чѣмъ нужно,—вы не послушались

и накормили ее тухлою рыбою,—ну, и лечите ее теперь сами". При этомъ баба быстро опустила руку въ карманъ, вынула кошелекъ, достала оттуда два двугривенныхъ—и суетъ мнѣ въ руку. Отъ такой неожиданности я совсѣмъ опѣшила и растерялась. Сказавъ, что я не буду лечить дѣвочку, я имѣла въ виду употребить съ бабою хитрость,—разсчитывала, что она испугается, станетъ каяться, станетъ умолять меня не оставить дѣвочку, и я соглашусь, но уже настоявъ еще строже прежняго на точномъ и безпрекословномъ исполненіи всего, что̀ буду приказывать,—заставлю ее сознать, что я хорошо лечила ея дѣвочку, что дѣвочка совсѣмъ было-умирала, но благодаря мнѣ, моимъ лекарствамъ и исполненію моихъ приказаній, совсѣмъ было-выздоровѣла,—внушу ей и на будущее время довѣріе къ себѣ и сознаніе надобности исполнять, что̀ я скажу. И вдругъ эти два двугривенныхъ! Хитрость моя, такимъ образомъ, была разрушена съ самаго начала. У бабы, значитъ, явилось соображеніе: „ходила, молъ, докторша, ходила, а теперь не хочетъ,—нужно ее подмаслить". Я совсѣмъ была сбита съ толку, чувствовала, что совсѣмъ не въ силахъ хоть сколько-нибудь дать понять бабѣ смыслъ того, что̀ она сдѣлала и что̀ происходило у меня въ душѣ, и только могла сказать ей: „Мнѣ вашихъ денегъ не нужно; мнѣ нужно только, чтобы вы мнѣ вѣрили и слушались меня, для вашей же пользы. Вотъ порошки, давайте ей по одному порошку утромъ и вечеромъ. Кормите ее только тѣмъ, чѣмъ я велѣла, а если другое еще будете давать, я приду—и скажу: прощайте!" И поспѣшила поскорѣе выйти, чтобъ не расплакаться тутъ же передъ бабою; слезы неудержимо подступали у меня къ горлу—такъ было тяжело и больно на душѣ.

VIII.

Слѣдующій, впрочемъ, визитъ потребовалъ отъ меня столько работы и заботы, что пришлось забыть про нахлынувшія невеселыя и малодушныя мысли. Когда я подходила къ дому, гдѣ была слѣдующая искомая мною квартира, ко мнѣ подбѣжали на встрѣчу отъ воротъ двое дѣтишекъ,—дѣвочка лѣтъ восьми и мальчикъ лѣтъ шести. „Сюда, сюда, къ намъ, госпожа докторша!—кричали они:—мы васъ давно дожидаемъ,—у насъ мама больна". Они ведутъ меня,—спускаемся въ подвалъ, квартирка—крохотная кухня безъ окна и за нею маленькая полутемная комнатка съ оконцемъ въ одно стекло, еле пропускавшимъ свѣтъ. На помостѣ

лежала женщина лицомъ къ стѣнѣ; въ то же время я замѣчаю, что въ углу, лицомъ также къ стѣнѣ, стоитъ молодой парень и обѣими руками прижимаетъ къ глазамъ грязную тряпку. „Чтò это онъ—плачетъ что-ли?—думаю:—ужели эта женщина умираетъ?“ Подхожу — начинаю ее осматривать и спрашивать; дѣтишки такъ и впились въ меня своими глазенками: дѣти какъ-то инстинктивно чувствуютъ опасность, и чтò выражаютъ въ этихъ случаяхъ ихъ глаза—до того трогательно, что трудно и передать: видишь въ нихъ и испугъ, и мольбу, и страданіе, и робкій просвѣтъ надежды—все вмѣстѣ. У женщины оказалось сильнѣйшее кровотеченіе. „Что тутъ дѣлать?—думаю:—помощь нужна немедленная, а у меня нѣтъ съ собою нужныхъ приспособленій! Слушай,—обращаюсь я къ парню:—сбѣгай ко мнѣ на квартиру“.—„Да онъ слѣпой, слѣпой!“—говорятъ дѣтишки.— „Слѣпенькій, матушка, сынокъ мой,—слѣпенькій, — шепчетъ, едва шевеля губами, больная: — а мужъ-то на работѣ“.—„Дѣвочка,—обращаюсь я къ дѣвочкѣ:—бѣги ты, вѣдь ты знаешь, гдѣ я живу,—не очень далеко; ты вѣдь сегодня приносила мнѣ адресъ,—туда и бѣги,—скажи моей прислугѣ: докторша, молъ, велѣла взять кружку,—она уже знаетъ какую; да не разбей,—пусть она ее завернетъ въ бумагу и лети сюда живо“. Дѣвочка умчалась. Тѣмъ временемъ я дала матери подходящихъ къ случаю капель, оказавшихся въ моей сумкѣ. Но какъ теперь достать горячей воды—не знаю: помощники-то у меня остались одинъ слѣпой, другой малый! Плита, впрочемъ, есть и котелокъ есть. „Гдѣ вода?—спрашиваю:—крана нѣтъ?“—„А вотъ въ кадкѣ“,—отвѣчаетъ мальчикъ. Я наливаю воду въ котелокъ. „А гдѣ у васъ дрова?“—„А дровъ нѣту-ти, а я щепокъ со двора принесу, тамъ плотники рубятъ,—такъ щепки можно брать,—живо загорятся“.—Ну, бѣги, бѣги, да только не упади по ступенямъ-то, темно вѣдь у васъ тутъ“. Сама же сняла съ гвоздя полотенце, намочила его холодною водою и положила пока больной на животъ; посмотрѣла пульсъ—еще есть, хотя слабый. Мальчуганъ притащилъ щепокъ,—я положила ихъ подъ плиту, подожгла—и онѣ, дѣйствительно, быстро разгорѣлись.—„Иди неси еще и еще, пока вода согрѣется“. Онъ носитъ, я подкладываю; скоро вода почти была готова; дѣвочка только не идетъ. Думаю, дай посмотрю пока парня: чтò у него за слѣпота такая.—„Подойди сюда къ окну,—говорю ему:—да отними тряпку-то отъ глазъ; отъ одной этой тряпки и здоровые глаза разболятся“.—„Да слеза шибко бьетъ, и глазъ даже чуточки не могу раскрыть,—такъ и бьетъ и бьетъ! Лечился, да пользы нѣтъ“.—Я смотрю у

него глаза: мутные, красные, заплыли гноемъ, и на роговицѣ одного—язвы.—„Доктора́ тебѣ,—говорю ему́,—давали капли для глазъ, ты ихъ, можетъ, и впускалъ, а глаза грязною тряпкою растиралъ,—и доктора́ же по-твоему виноваты, а можетъ быть, разъ только и впустилъ, и вообще не дѣлалъ, что̀ тебѣ приказывали. Приходи завтра же ко мнѣ,—дѣвочка тебя проведетъ; ты этимъ не шути,—ослѣпнешь вѣдь".—„Да и то уже ослѣпъ". „Пока еще, слава Богу, не ослѣпъ,—поправить можно. Если самъ не захочешь лечиться, не придешь,—такъ я городового за тобою пришлю".—„Да я и самъ приду".—„А пока брось тряпку-то: я тебѣ на глаза повязку наложу,—и то тебѣ лучше будетъ". На счастье въ моей сумкѣ оказался еще конецъ марлеваго бинта,—туго накладываю ему на глаза повязку. „Вотъ такъ тебѣ лучше будетъ: моргать не будешь, и тереть не будешь, и слеза меньше будетъ идти". Есть типъ упрямыхъ больныхъ, которые или съ необыкновеннымъ упорствомъ примѣняютъ свою терапію, или же, махнувъ совсѣмъ на леченье рукою, не хотятъ ничего дѣлать. Къ такому типу, очевидно, принадлежалъ этотъ больной глазами парень. Съ такими не мѣшаетъ и власть употреблять.

Наконецъ, прибѣгаетъ дѣвочка, приноситъ кружку. „Есть ли у васъ тазъ или чашка большая?—спрашиваю:—надо приспособить, чтобы вода стекала".—„А корыто не годится?" отвѣчаетъ дѣвочка — и быстро подползаетъ подъ помость; мальчикъ тоже бросился помогать ей, и они вдвоемъ вытащили корыто. Я поставила корыто передъ кроватью на полъ, положила больную какъ нужно, налила въ кружку горячей воды, дѣтишекъ выслала въ кухню, а парня съ завязанными глазами заставила держать кружку и начала дѣлать больной горячія спринцеванія. Мало-помалу кровь остановилась; больная только стонала да жаловалась, что горячо очень.—„Зато здорова будешь,—не помрешь". Кончивъ спринцеванія, я уложила больную какъ слѣдуетъ въ постель. „Теперь лежи,—говорю,—спокойно и не говори ничего. Видишь—ноги-то совсѣмъ холодныя!" Налила двѣ бутылки—дѣтишки нашли — горячею водою, хорошенько закупорила и положила больной въ ноги; вытащила изъ-подъ нея всѣ окровавленныя тряпки, выбросила ихъ въ сѣни, вымыла руки, укрыла больную — чѣмъ только можно было и сѣла писать рецептъ; позвала дѣвочку и велѣла ей тотчасъ же бѣжать въ аптеку за лекарствомъ.—„Лекарства тебѣ дадутъ безъ денегъ; отца-то долго дожидаться, да еще, можетъ быть, и денегъ у него нѣтъ. Это лекарство ты и давай матери—чтобъ она пила черезъ каждые два часа по сто-

ловой ложкѣ: замѣтишь это?" — „Черезъ два часа по столовой ложкѣ", повторила твердо дѣвочка. „Когда придетъ отецъ, скажи, чтобъ купилъ молока, скипятилъ его и давалъ матери, когда она захочетъ ѣсть или пить. Да скажи еще, чтобы тряпки, что я выбросила въ сѣни, поскорѣе отдалъ помыть кому-нибудь". Говорила я все это дѣвочкѣ, разсчитывая, что будутъ слышать и мать, и парень; и авось всѣ втроемъ замѣтятъ. Простилась и ушла. Это и былъ мой послѣдній визитъ къ бѣднымъ больнымъ.

IX.

Но затѣмъ я должна была сдѣлать и сдѣлала еще одинъ визитъ—не къ бѣднымъ, о которомъ также разскажу, но о которомъ, прежде чѣмъ говорить, я должна предпослать маленькое замѣчаніе. Въ числѣ доставленныхъ мнѣ утромъ адресовъ, написанныхъ большею частію или, лучше сказать, нацарапанныхъ на клочкахъ сѣрой и грязной бумаги безграмотнымъ почеркомъ, была подана мнѣ и одна печатная визитная карточка, съ надписью на оборотѣ: „Прошу пожаловать къ больному ребенку": значитъ—приглашеніе въ „интеллигентную" семью. По поводу этой карточки я разсудила такъ: какъ думскій врачъ, я обязана лечить только бѣдныхъ больныхъ своего участка, — тѣхъ, которые сами не имѣютъ возможности ни приглашать къ себѣ на домъ врачей, ни являться къ нимъ за помощью за плату, и эти больные, кромѣ меня, не могутъ уже обратиться ни къ какому другому врачу за безплатною помощью; интеллигентная же и, значитъ, болѣе или менѣе состоятельная семья можетъ обойтись и безъ меня,—можетъ за плату пригласить другого врача, и прямо являться на приглашеніе въ такую семью я не обязана. Поэтому я сочла справедливымъ, прежде чѣмъ дѣлать этотъ визитъ по печатной карточкѣ, обойти своихъ бѣдныхъ больныхъ, а потомъ уже отправиться и туда, разсчитывая, что еслибы тамъ нужна была немедленная помощь, могли бы пригласить и другого врача; если же дѣло потерпѣло бы до моего прихода, тогда, что̀ нужно и можно, сдѣлать и тамъ.

Итакъ, послѣ описаннаго послѣдняго визита къ бѣднымъ — это было уже часовъ въ шесть вечера, — я возвратилась домой, наскоро пообѣдала, переодѣлась и на извозчикѣ отправилась въ интеллигентную семью. Квартира оказалась на чистой лѣстницѣ не высоко; отворила мнѣ дверь прислуга; квартира небольшая, но приличная и обстановка въ ней приличная; имѣлась особая

гостиная, съ неизбѣжнымъ круглымъ столомъ передъ диваномъ и между двухъ креселъ; столъ былъ накрытъ недешевою скатертью и на немъ красовалась большая лампа съ затѣйливымъ абажуромъ,—словомъ, какъ во всѣхъ квартирахъ петербургскихъ буржуа средней руки. Хозяинъ, какъ значилось на его визитной карточкѣ, состоялъ кассиромъ гдѣ-то. Какъ только я вошла въ гостиную, изъ сосѣдней комнаты тотчасъ же выскочилъ, видимо ажитированный, худой и нервный господинъ и съ нескрываемымъ раздраженіемъ набросился на меня: „Что же это значитъ? къ вамъ послали адресъ въ семь часовъ утра, а вы являетесь въ семь часовъ вечера! Да такимъ образомъ можно умереть двадцать разъ, прежде чѣмъ дозовешься доктора! У меня боленъ ребенокъ — и вотъ мы должны дожидаться васъ цѣлыя полсутки! Это безсердечно! это безчеловѣчно, вы, милостивая государыня, не знаете вашихъ обязанностей: я буду въ Думу на васъ жаловаться!"

Между тѣмъ поспѣшно вышла изъ другой комнаты молодая дама, очевидно супруга: „Оставь, оставь!" укоризненно заговорила она мужу. „Успокойтесь, милостивый государь!" говорю, наконецъ, и я ему въ свою очередь. „Покажите мнѣ сначала,—обращаюсь къ дамѣ,—вашего ребенка, а затѣмъ", — къ нервному господину:—„я вамъ объясню мои обязанности, такъ какъ вы, очевидно, имѣете насчетъ ихъ совершенно превратныя представленія". Дама приноситъ дѣвочку лѣтъ трехъ; я внимательно ее осматриваю, разспрашиваю о ней мать. „Болѣзнь у вашей дѣвочки,—говорю ей,—не опасная, не смертельная: у нея просто начинается корь. Не простудите только, да вотъ купите въ аптекѣ лекарство,—я напишу рецептъ: будете давать ей это черезъ два часа по чайной ложкѣ". — „Какъ, купите лекарство?!—начинаетъ опять съ прежнимъ раздраженіемъ хозяинъ:—да вѣдь по вашему же рецепту должны въ аптекѣ отпустить лекарство безплатно!"—„Гдѣ же это вы слыхали, чтобы въ аптекахъ кому-либо отпускали лекарства безплатно?" отвѣчаю я. „Да вѣдь думскій же врачъ обязанъ и лечить безплатно, и выдавать или выписывать лекарства безплатно".—„Такъ какъ я думскій врачъ, то полагаю—лучше васъ знаю, что̀ я обязана или имѣю право дѣлать: не позволите ли мнѣ—я вамъ объясню, въ чемъ состоятъ обязанности и права думскаго врача. Я это сдѣлаю съ большимъ удовольствіемъ, потому что взглядъ, высказываемый вами, приходится вообще нерѣдко слышать среди интеллигентной публики: авось вы, узнавъ — въ чемъ дѣло, вразумите кого-либо и другого". — „Сдѣлайте одолженіе", отвѣчаетъ нѣсколько уже пониженнымъ тономъ хозяинъ. —„Въ городѣ существуетъ громадное множество такихъ бѣд-

няковъ, которые сами не въ состояніи не только приглашать къ себѣ на домъ врачей, но зачастую не имѣютъ возможности даже купить самыхъ дешевыхъ лекарствъ. Всѣхъ больныхъ изъ этого обездоленнаго люда помѣщать въ больницы—немыслимо: для этого потребовалось бы, чтобы въ Петербургѣ существовало по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше больницъ, чѣмъ сколько ихъ есть теперь. И прежде многіе, очень многіе изъ этого класса людей переносили всякаго рода болѣзни, страдали и умирали — не получая никакой врачебной помощи. Вотъ Дума, чтобы дать возможность и такимъ несчастнымъ сколько-нибудь пользоваться, въ случаѣ надобности, врачебною помощью раздѣлила городъ на участки—очень большіе, нужно сказать—и учредила въ каждомъ участкѣ должность особаго думскаго врача, на обязанности котораго лежитъ: каждый день, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, во-первыхъ, — принять у себя на квартирѣ приходящихъ къ нему бѣдныхъ больныхъ, а затѣмъ посѣтить и на дому тѣхъ изъ больныхъ, которые не въ силахъ къ нему придти; въ томъ и другомъ случаѣ врачъ оказываетъ помощь больнымъ безъ всякой съ ихъ стороны платы, но ему уплачиваетъ за эти его труды Дума, а именно: за пріемъ больныхъ въ квартирѣ ему выдается опредѣленное содержаніе, по 50 рублей въ мѣсяцъ, а за визиты на домахъ уплачиваетъ по 30 к. за каждый визитъ (за визиты ночью—по 60 к.). Кромѣ того, Дума предоставляетъ своему врачу тѣмъ изъ бѣдныхъ больныхъ, которые сами не въ состояніи купить и нужныхъ лекарствъ, или выдавать эти лекарства, безплатно также, въ готовомъ видѣ, или же, если нужныя лекарства очень сложны, а между тѣмъ требуются немедленно, выписывать ихъ на особыхъ бланкахъ изъ аптекъ, безъ уплаты также со стороны предъявителей; въ послѣднемъ случаѣ за забранныя въ аптекахъ лекарства расплачивается потомъ сама Дума. Но все это только для крайнихъ бѣдняковъ, которые сами не могутъ нести указаннаго рода расходовъ. Нужно при этомъ принять во вниманіе и то, что и бѣдные пользуются врачебной помощью отъ Думы не совсѣмъ уже безплатно: ими вѣдь вносятся каждогодно такъ называемыя больничныя деньги, правда, далеко не покрывающія всѣхъ производимыхъ на настоящій предметъ Думою расходовъ, но все же вносятся, а вы вѣдь даже и больничныхъ не вносите. И вы еще на меня накричали, наговорили мнѣ столько оскорбительнаго! Отъ бѣдноты мы, думскіе врачи, по крайней мѣрѣ ничего никогда не видимъ къ себѣ, кромѣ почета и благодарностей. И вы же еще мнѣ прямо въ

глаза изрекли надо мною приговоръ, что я не знаю своихъ обязанностей!"

Можетъ быть, все это лучше бы было высказать въ другой, болѣе мягкой и деликатной формѣ, но признаюсь — у меня у самой были очень возбуждены нервы... Когда я кончила, онъ совсѣмъ уже смягченнымъ и даже сконфуженнымъ тономъ сказалъ мнѣ: „Ну, извините, я, дѣйствительно, хорошенько не зналъ, какъ тамъ у васъ это все. Мы ужъ васъ какъ-нибудь потомъ отблагодаримъ". — „Нѣтъ, благодарствуйте, — отвѣтила я: — вы вотъ теперь, кажется, успокоились и, кажется, сознали несправедливость бывшаго у васъ взгляда насчетъ обязанностей думскаго врача: пусть это и послужитъ для меня вознагражденіемъ. Прощайте".

Такъ окончился мой дневной трудъ.

Е. Сланская.

ДНИ ИСПЫТАНІЙ

— Jours d'épreuve, par Paul Marguerite *).

Изъ быта французской буржуазіи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

„Любовь?.. Любовь—вздоръ! — думалъ Андрэ. — Чувствовать поверхностную, мимолетную радость въ то время, какъ въ глу-

*) Поль Маргеритъ выступилъ на литературное поприще лѣтъ десять тому назадъ. Въ первыхъ его произведеніяхъ интересна не столько внѣшняя ихъ форма, сколько простота и жизненность типовъ, свидѣтельствующія о его наблюдательности; онъ рисуетъ преимущественно буржуазную среду. Несмотря на свою литературную молодость, П. Маргеритъ не подражаетъ никому изъ представителей, такъ сказать, исключительно-парижской школы романистовъ. Его герои и героини не захватываютъ вниманія читателя своею преступностью; у него нѣтъ сочувственныхъ типовъ кокотки и падшей женщины; его герои—простые смертные съ извѣстной долей дурныхъ и хорошихъ задатковъ, присущихъ каждому человѣку. Изъ числа первыхъ его произведеній въ печати появились: „Mon Père“ — въ 1884 г.; „Tous Quatre“ — въ 1885 г. и т. д. Изъ позднѣйшихъ же: „Ma Grande“,—романъ, выходившій въ журналѣ „Mode pratique“ въ 1892 году, и „La Tourmente“,—появившійся въ минувшемъ, 1893 году, въ „Revue des Deux Mondes“. Въ противоположность многимъ молодымъ литераторамъ, начавшимъ блестяще свою авторскую дѣятельность, Поль Маргеритъ въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ доказалъ, что развитіе его таланта замѣтно идетъ впередъ. Вмѣстѣ съ полнымъ жизненной правды содержаніемъ, его романы соединяютъ и красоту внѣшнихъ формъ, простоту и картинность изложенія. Нагляднымъ доказательствомъ того служитъ, напримѣръ, его сборникъ небольшихъ разсказовъ: „Le Cuirassier blanc“, гдѣ даже такія часто повторяющіяся описанія, какъ описанія картинъ природы, изображены имъ живо и оригинально.

бинѣ души тоскуешь; въ лѣтнюю ночь ощущать безпричинное желаніе то плакать, то смѣяться; мечтать о прелестяхъ дѣвственной чистоты и отдаваться продажнымъ ласкамъ. Да развѣ это не самое ужасное, безпредѣльное разочарованіе?.. А, помнится, не я ли, въ наивности своей, стремился къ мукамъ и наслажденіямъ любви, — той самой любви, которую воспѣваютъ поэты, и которой каждый готовъ подчиниться? Не ее ли прославляютъ творенія чистаго искусства? Не ради ли этой любви человѣкъ, не задумываясь, становится обманщикомъ, воромъ и даже убійцей?.. Но, въ сущности, гдѣ же любовь, да и есть ли она на свѣтѣ? Не похожа ли она на ту книгу, которую разсѣянно перелистываетъ Гамлетъ, отвѣчая на вопросъ Полонія:—Чтò вы читаете, принцъ?..—Слова, слова, слова...

„А впрочемъ, не все ли равно, если эти „слова" имѣютъ отрадную, волшебную силу хоть на время отвлекать человѣка отъ мелочныхъ житейскихъ заботъ, если они чаруютъ и опьяняютъ его?..

„Но отчего же меня они никогда не опьяняли, не давали забыться? Или я очерствѣлъ душою, или это простая случайность?.. Но нѣтъ, у меня есть сердце; скорѣе всего — мнѣ просто не случалось полюбить прочно, глубоко. Изо всѣхъ моихъ мимолетныхъ любовныхъ приключеній во мнѣ не осталось даже воспоминаній, которыя отрадно отзывались бы теперь у меня на душѣ. Они прошли, и послѣ нихъ не осталось ничего, кромѣ полнаго равнодушія и сожалѣній о потерянномъ времени, и о томъ, что не дали они мнѣ ни минуты полной, чистой отрады..." Такъ думалъ Андрэ, не сводя глазъ съ высокой мрачной стѣны, которая не давала солнечнымъ лучамъ пробиться и освѣтить потускнѣвшія стекла окна, передъ которымъ онъ сидѣлъ. На его большомъ конторскомъ столѣ, страшно засаленномъ и закапанномъ чернилами, безпорядочными кучами лежали бумаги. Въ сторонѣ, сбоку отъ стола, разливалось яркое пламя камина и освѣщало сгорбленную фигуру старика-чиновника, углубившагося, по обыкновенію, въ составленіе и повѣрку реестровъ. Вдоль стѣнъ возвышались непрерывные ряды служебныхъ папокъ, отъ которыхъ несло затхлымъ запахомъ пыли и старыхъ бумагъ. Тоскливымъ взоромъ окинулъ Андрэ привычную обстановку своей долголѣтней неволи, и, потягиваясь, какъ звѣрь въ клѣткѣ, усердно зѣвнулъ.

„Что-жъ такое? — продолжалъ онъ свои размышленія, раздраженно уставивъ локти на столъ.—Если ужъ не можешь любить, если настоящая любовь не дается, такъ надо хоть воображать, что любишь. Но жить безъ женщины, безъ ея постоянныхъ, нѣжныхъ и зачастую пустыхъ, но милыхъ ласкъ и заботъ, просто

немыслимо! Какая тоска, какая пустота въ нашей холостой жизни! Сходишься съ женщиной—и знаешь, что это на время, видишься съ нею урывками, и то пока не надоѣстъ, и... бросаешь! А между тѣмъ, рано или поздно, наступаетъ время, когда привычка пріобрѣтаетъ въ глазахъ холостяка особую прелесть, когда невольно стремишься къ болѣе серьезной, постоянной и отвѣтственной жизни; когда бракъ прельщаетъ именно своими трудами и заботами, своими семейными привязанностями, своими отеческими радостями и тревогами. О, что за наслажденіе знать, что съ тобой неразлучна преданная и любящая женщина, которая дѣлитъ съ тобой все, все до мелочей: твои труды и ласки, скромную пищу и даже тотъ воздухъ, которымъ ты дышишь въ небольшой, но уютной квартиркѣ!..“

Да, одиночество надоѣло! Будетъ шататься по чужимъ угламъ; —пора и остепениться! Рано или поздно, все равно, вѣдь придется жениться; такъ не лучше ли ужъ разомъ покончить съ этимъ вопросомъ, пока еще молодость придаетъ ему болѣе поэтичную окраску? Андрэ уже давно подумывалъ объ этомъ, но ему жаль было огорчить мать, которая всю свою жизнь посвятила сыну. Она—женщина болѣзненная, склонная ревновать его ко всякому пустяку; она живетъ своей привязанностью къ нему; ея единственное блаженство—его ласки. Ея чувство къ сыну глубоко и страстно, но эгоистично.

„Но какъ же быть?“ И этотъ вопросъ едва ли не оказывается для Андрэ неразрѣшимою загадкой.

Первой и мрачной преградой къ счастію, къ семейной жизни, является опять-таки эта ужасная стѣна, передъ которой онъ, уже много лѣтъ подъ-рядъ, тянетъ свою чиновничью лямку, сидя изо дня въ день въ спертой комнатѣ, за большимъ, грязнымъ столомъ. Заработываетъ онъ гроши, которые—сущій позоръ для потомка древняго вельможнаго рода Дю-Гаспръ де-Мерсй. Вотъ уже двадцать-пять лѣтъ, какъ онъ, Андрэ, носитъ это историческое, славное имя, и имѣетъ всѣ данныя къ тому, чтобы носить его съ честью. Наружность его самая аристократическая: стройная и изящная фигура, довольно красивыя черты лица, умные выразительные глаза,—и только нѣкоторая блѣдность да грустная складка въ углахъ рта лишаютъ его нѣкотораго свѣтскаго апломба. Но это пустяки: еслибы ему въ жизни повезло, онъ бы давно былъ докторомъ правъ, занималъ бы, пожалуй, высокій постъ и не былъ бы на немъ неумѣста. А въ этой канцеляріи онъ, рѣшительно, *не* на своемъ мѣстѣ,—и только оттого, что бѣдность одолѣла.

Почему-то принято считать бѣдняками только тѣхъ, чтѐ живутъ въ грязи и въ лохмотьяхъ, ютятся подъ небесами въ нездоровыхъ и холодныхъ чердакахъ, сидятъ на хлѣбѣ и на водѣ. Всѣ думаютъ, что бѣдность непремѣнно должна быть неопрятна, отвратительна, и никому въ голову не приходитъ, какъ ужасна и унизительна нужда для богатыхъ людей, которымъ послѣ приходится скрывать, что они теперь бѣдны, и погрязнуть въ мелочныхъ, грошевыхъ разсчетахъ, для которыхъ они не рождены.

Андрэ хорошо знаетъ, чтѐ такое нужда. Онъ полностію испыталъ чувство глупаго довольства, когда въ концѣ мѣсяца онъ можетъ позвенѣть кучкой золотыхъ, отъ которыхъ на слѣдующій же день не остается ни гроша: все разобрали по своимъ карманамъ торговцы припасами, необходимыми для поддержанія жалкаго, будничнаго существованія. И вотъ, опять впереди цѣлый мѣсяцъ самыхъ ужасныхъ натяжекъ и лишеній. Нечего и думать о какомъ бы-то ни было—хотя бы самомъ дешевомъ—удовольствіи. Извозчикъ—излишняя роскошь: приходится во всякую погоду мѣсить грязь пѣшкомъ, тщательно подобравъ панталоны, и носить старую, потертую шляпу и выцвѣвшее, порыжѣлое пальто, когда идетъ снѣгъ или дождь. Зайти въ кафé—тоже страшно: неравно съ кѣмъ встрѣтишься, а отказать знакомому въ какой-нибудь пустой суммѣ „въ долгъ"—какъ-то не вяжется съ достоинствомъ дворянина и аристократа. И надо притворяться, надо держать себя спокойно и самодовольно, чтобы не дать замѣтить, что нуждаешься въ грошахъ.

Да, такой обманъ и притворство просто невыносимы! Въ тысячу разъ легче было бы на душѣ у Андрэ, еслибы можно было не стѣсняясь ходить въ потертомъ платьѣ и поломанной шляпѣ, вмѣсто того, чтобы носить ихъ исподтишка, свято храня для торжественныхъ случаевъ, или для хорошей, сухой погоды, свой вполнѣ приличный костюмъ. Еслибы въ Андрэ не было глубочайшаго, священнаго уваженія и покорности материнской волѣ, то, конечно, безпрестанно приходилось бы краснѣть за свой жалкій, вылощенный видъ, за чищенныя перчатки и за то, какъ онъ обманывалъ всѣхъ своихъ аристократическихъ знакомыхъ, съ которыми мать его, по старой привычкѣ, не хотѣла прерывать знакомства. Въ молодости она была хороша собой и блистала въ свѣтѣ; затѣмъ, овдовѣвъ, все-таки продолжала посѣщать богачей, которые, какъ ему казалось, презирали ее; но она и по сейчасъ не хочетъ понять, какъ пусто и безцѣльно проводятъ жизнь въ такъ называемомъ высшемъ кругу. Андрэ любитъ ее, свою мать, а она души въ немъ не слышитъ; между тѣмъ

ему ничуть не жаль оставить ее,—жениться. Конечно, разлука ихъ будетъ только въ отвлеченномъ смыслѣ, потому что молодые будутъ жить съ матерью, какъ жилъ Андрэ и до свадьбы. Но вотъ въ чемъ вопросъ: уживутся ли подъ одною кровлей двѣ женщины, которымъ онъ будетъ одинаково дорогъ?

Эта мысль встревожила его, и ему невольно взгрустнулось. Впрочемъ онъ можетъ выбрать себѣ въ жены дѣвушку кроткаго нрава, здоровую, способную вести хозяйство и возиться съ дѣтьми. Но воленъ ли онъ самъ рѣшить свою участь? Не обязанъ ли онъ сначала подумать о матери? Относительно жены, онъ увѣренъ, что исполнитъ свой долгъ и не побоится труда для поддержанія семьи. А какъ же мать?.. Что съ нею будетъ?.. И Андрэ вспомнилось его грустное прошлое,—дѣтство и юношество, проведенное въ училищѣ одного изъ городовъ восточной части Франціи: это было совершенно безцвѣтное, сѣренькое существованіе, лишенное какихъ бы то ни было радостей. Его отецъ, разоренный тяжбами, тогда еще только началъ впадать въ тихое помѣшательство; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ заходилъ за сыномъ. Домой, отъ обѣдни, приходили мать и сестра Люси, которая и тогда уже хворала. По смерти отца, мать, проживъ довольно безпечно среди свѣтскихъ удовольствій, переселилась въ Парижъ вмѣстѣ съ дѣтьми, и черезъ три года схоронила тамъ свою дочь, которая умерла въ чахоткѣ. Люси угасла кротко и тихо, почти радостно, какъ будто ей было отрадно сознавать, что она умираетъ такой молодой и хорошенькой,— не успѣетъ состариться и высохнуть, какъ старая дѣва и безприданница; ее будто утѣшала мысль, что съ ея смертью уменьшатся расходы въ ихъ маленькомъ хозяйствѣ... И въ самомъ дѣлѣ (какъ это ни ужасно!), они какъ будто стали богаче потому, что однимъ членомъ семьи стало меньше. Мать наняла небольшую квартирку въ четвертомъ этажѣ, изъ оконъ которой открывался видъ на крыши и на каштановыя деревья Люксембургскаго бульвара.

И началась однообразная, безцвѣтная жизнь, въ которой единственнымъ развлеченіемъ являлись отвѣтные визиты тѣхъ лицъ, у кого бывала г-жа де-Мерси. Она рѣдко обѣдала въ гостяхъ, а интимный кружокъ ея знакомыхъ ограничивался лишь двумя семейными домами: Дамуровъ и Д'Эраль, да аббатомъ Люремъ.

Сдавъ выпускной экзаменъ, Андрэ долженъ былъ избрать себѣ карьеру и, конечно, рѣшилъ, что для обѣднѣвшаго дворянина самая подходящая служба—военная. Онъ выслужился и вышелъ

бы въ люди не хуже другихъ, а пока что, въ военномъ дѣлѣ и бѣдность не была бы для него такъ замѣтна и унизительна. И, наконецъ, для имени Дю-Гаспръ де-Мерси военный мундиръ не былъ бы позоромъ! Но мать... мать и слышать объ этомъ не хотѣла! Ей казалось ужаснымъ остаться одной, и ея слезы сдѣлали свое дѣло: Андрэ уступилъ ея желанію, воспользовался своимъ правомъ единственнаго сына, который, по закону, считается кормильцемъ матери-вдовы. Онъ уступилъ, но не примирился со своей участью, и нерѣдко огорчалъ мать своими воспоминаніями о загубленной карьерѣ. А взамѣнъ ея, чего же онъ добился? Незначительнаго мѣста въ канцеляріи большого административнаго учрежденія—и только! Но скольких трудовъ и интригъ это стоило, — вспомнить, такъ покраснѣешь!.. Нѣтъ, какъ подумать, какъ взвѣсить хорошенько все, чѣмъ онъ пожертвовалъ для нея, то врядъ ли онъ останется у матери въ долгу. Онъ взялъ на себя бремя скучнаго, безсмысленнаго труда безъ будущности, безъ надежды на повышеніе. Неужели онъ лишенъ даже права возмущаться своимъ безвыходнымъ положеніемъ и стремиться измѣнить его къ лучшему.

И вдругъ у него вырывается невольный крикъ:

— Женюсь на Жерменѣ!..

Отъ неожиданности Андрэ вздрогнулъ и оглянулся въ предположеніи, что его могли услыхать.

Дрова въ каминѣ уже догорали. Старикъ, согнувшись надъ своими счетами, сидѣлъ неподвижно съ перомъ въ рукѣ, будто не прерывая своихъ занятій.

— Да, на Жерменѣ!.. А какъ же Маріетта?

Передъ Андрэ, какъ живыя, встаютъ обѣ женщины, хоть онъ и чувствуетъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти за это невольное сравненіе. Ужъ если онъ рѣшительно больше не хочетъ жить одинокимъ, такъ надо прежде всего рѣшить: на которой изъ нихъ остановить свой выборъ?

Жермена Дамуръ—нѣжное, зябкое, изящное созданіе,—почти дитя, несмотря на свои восемнадцать лѣтъ. Ей необходимо теплое пуховое гнѣздышко и красивыя, дорогія тряпки. Отецъ ея, адвокатъ, преданный семейству де-Мерси, слишкомъ балуетъ дочку. По понедѣльникамъ Андрэ бываетъ у нихъ. Мать Жермены, безцвѣтная и болѣзненная женщина, ютится въ углу гостиной, а молодая дѣвушка сидитъ подлѣ нея съ работой. Андрэ слѣдитъ глазами за движеніями ея бѣлыхъ, тонкихъ пальчиковъ, за игрой свѣта, который падаетъ изъ-подъ абажура на ея губы и на подбородокъ, въ то время, какъ глаза и лобъ остаются въ

тѣни. Онъ чувствуетъ пріятное смущеніе, когда она вскидываетъ на него глазами, а между тѣмъ его идеалъ жены и матери—простая, неизбалованная, здоровая дѣвушка—хорошая хозяйка и трудолюбивая семьянинка... Все равно! Жермена такъ нѣжна и прелестна, что Андрэ, не задумываясь надъ послѣдствіями такого рѣшенія, говоритъ самъ себѣ:

— Женюсь на Жерменѣ!..

А Маріетта? Вѣдь, и ее онъ любитъ,—конечно, иначе, чѣмъ Жермену, но все же любитъ.

Съ нею онъ встрѣтился на улицѣ... въ саду, совершенно случайно. Бѣдно одѣтая, дрожа отъ рыданій, она сидѣла на скамейкѣ и охотно прислушалась къ словамъ утѣшенія. Андрэ проводилъ ее до дому и на другой день зашелъ провѣдать. Въ одинъ прекрасный вечеръ они узнали, что любятъ другъ друга и съ той поры жили дружно, пока Маріетта не бросила его изъ-за какого-то богатаго покровителя. Затѣмъ они снова встрѣтились и снова сошлись. Пожили вмѣстѣ, поссорились, разошлись и сошлись опять, благодаря тому, что Маріеттѣ надоѣлъ ея покровитель. Андрэ раздѣлялъ ея новыя мечты: жить и трудиться—и хоть немного стыдно ему было подумать, что она будетъ по прежнему брать работу, чтобы не быть ему въ тягость, все же онъ про себя шепталъ:

— Буду жить съ Маріеттой!

Но и тутъ сказывалась его слабость характера. Онъ невольно начиналъ возражать самъ себѣ.

— Жить съ нею и ради нея бросить мать—непристойно. Такое сожительство влечетъ за собою весьма возможную бѣду—силу привычки, и я не могу, не долженъ на него рѣшиться; тѣмъ болѣе, что (къ сожалѣнію) мнѣ кажется, что Маріетта недостаточно порядочная дѣвушка и броситъ меня, какъ только я ей надоѣмъ. Наконецъ, я ей ничѣмъ не обязанъ, а Жерменѣ я уже признался въ любви... Да, кажется, и она мнѣ сказала, что любитъ меня. Значитъ, я уже съ нею связанъ. Но будетъ ли она для меня такой женой, какая мнѣ нужна? Будетъ ли она доброй матерью моимъ дѣтямъ?—и при мысли о томъ, какъ его миніатюрной пріятельницѣ придется нянчить толстенькихъ малютокъ, ему это даже показалось невѣроятнымъ. Въ глубинѣ души онъ даже сомнѣвался во взаимномъ согласіи родителей; а между тѣмъ его влекло къ Жерменѣ въ силу противорѣчія, а также и потому, что она ему нравилась.

— Почемъ знать? Можетъ быть, ее и отдадутъ за меня.

Приданое у нея небольшое, но мнѣ это на-руку: я ни подъ какимъ видомъ не женился бы на деньгахъ!.. О, нѣтъ!..

Андрэ припомнилъ, сколько споровъ ему уже пришлось выдержать по этому поводу. Г-жа де-Мерси давно высказывалась за бракъ по разсчету. Съ этой цѣлью она уже восьмой годъ, какъ поддерживала вліятельныя знакомства и нерѣдко имѣла тайныя совѣщанія со своей старой пріятельницей, г-жей Д'Эраль, а также и съ духовникомъ своимъ, аббатомъ. Невольно въ молодомъ человѣкѣ кипѣла злоба при мысли объ этой проектируемой сдѣлкѣ, которую онъ считалъ позоромъ для себя...

Кто-то окликнулъ Андрэ. Онъ встрепенулся и увидѣлъ, что старикъ-чиновникъ стоитъ передъ нимъ въ полу-вопросительной позѣ.

— Простите, что я васъ потревожилъ; но уже пятый часъ. Не угодно ли вамъ, чтобы я снесъ директору вашу работу вмѣстѣ съ моею?—и, аккуратно сложивъ разбросанныя бумаги Андрэ, старикъ почтительно остановился передъ своимъ молодымъ сослуживцемъ.

— Благодарю васъ, Малюрюсъ!—проговорилъ Андрэ въ то время, какъ тотъ взялъ бумаги подъ мышку.

Милліонъ разъ уже видѣлъ онъ передъ собою его тощую фигуру въ поношенномъ пиджакѣ и засаленномъ жилетѣ, въ обившихся брюкахъ. Помятый галстухъ жгутомъ охватывалъ худую шею, надъ которой виднѣлось желчное и блѣдное старческое лицо, обрамленное будто приклеенными на вискахъ посѣдѣвшими волосами, которымъ подъ цвѣтъ были голубые выцвѣвшіе глаза. Несмотря на свою плачевную наружность, Малюрюсъ держался съ большимъ достоинствомъ и въ общемъ могъ вполнѣ служить типомъ стараго чиновника, всю жизнь просидѣвшаго повѣся носъ надъ бумагами, благодаря чему всю жизнь не смывались у него съ пальцевъ чернильныя пятна и не могли согрѣться зябкія ноги. Это былъ типъ чиновничьяго самодовольства, нужды и забитости.

Бѣдняга удалился. Андрэ проводилъ его глазами и съ ѣдкой усмѣшкою подумалъ:

„Онъ меня уважаетъ, потому что думаетъ, что я человѣкъ состоятельный; съ его точки зрѣнія, я могу попасть въ начальники отдѣленія!“

Андрэ всталъ и собрался уходить. Взглянувъ мелькомъ на календарь, онъ подумалъ:

„Вотъ и еще день прошелъ; а развѣ я могу сказать, что я его прожилъ?.. Еще еслибъ я былъ женатъ, время шло бы

скорѣе, и мнѣ не казалось бы, ежедневно, что на меня наваливается всей своей тяжестью и душитъ эта ужасная стѣна!..“

II.

Возвратясь домой, Андрэ былъ настолько задумчивъ и озабоченъ, что, противу своего обыкновенія, забылъ поцѣловать руку матери, когда садился за столъ. Это обидѣло г-жу де-Мерси, большую формалистку.

— Ты нездоровъ, Андрэ?—спросила она.

Самый вопросъ и тонъ, которымъ онъ былъ сдѣланъ на этотъ разъ (какъ, впрочемъ, и всегда), уже заранѣе раздражили его и онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

Пораженная сухою краткостью отвѣта, мать вскинула на него глазами и имѣла неосторожность замѣтить вслухъ:

— Или ты, по меньшей мѣрѣ, не въ духѣ?

Андрэ, со страдальческимъ выраженіемъ на лицѣ, поднялъ голову и молча принялся ѣсть. Но мать продолжала:

— Ты не особенно внимателенъ ко мнѣ, Андрэ; у меня сегодня мигрень, но *я все-таки* побывала у д'Эгберовъ и говорила съ ними о тебѣ.

Сынъ опять взглянулъ на нее.

Люди, которые живутъ долгое время вмѣстѣ, привыкаютъ угадывать съ полу-слова, что̀ хочетъ сказать, или чѣмъ хочетъ уколоть близкій имъ человѣкъ; и потому Андрэ былъ готовъ возразить: „Я не невнимателенъ къ тебѣ, какъ ты меня укоряешь, и мнѣ очень жаль, что у тебя мигрень. Но что касается д'Эгберовъ, у которыхъ ты заискиваешь, въ надеждѣ на ихъ покровительство, я не могу къ тебѣ чувствовать признательности, потому что совершенно не одобряю твоего поступка“... Однако онъ удержался и только сказалъ:

— Не пойдешь ли ты вечеромъ къ Дамурамъ?

— Я-то?—съ притворнымъ изумленіемъ переспросила она.— Это еще чего ради? Я нахожу ихъ несвѣтскими и необразованными и даже удивляюсь, что̀ тебѣ можетъ нравиться... Ахъ, да: Жермена... Знаю, знаю, но...—и г-жа де-Мерси остановилась.

Съ затаенной злобой Андрэ думалъ про себя:

„О, да, конечно, они несвѣтскіе люди. Отецъ вышелъ изъ крестьянъ и самъ воспиталъ себя, но Дамуръ—душа человѣкъ, чего нельзя сказать о Д'Эгберахъ. Тотъ готовъ за насъ въ огонь

и въ воду, а эти... Хорошо еще, что мать ничего дурного не сказала о Жерменѣ: я бы, кажется, не выдержалъ"...—а вслухъ сказалъ только:

— Въ такомъ случаѣ, я пойду одинъ.

— Иди, дитя!—сказала мать съ грустной улыбкой, прибавивъ:—Въ мои годы можно привыкнуть оставаться одной.

И улыбка, и самый тонъ ея голоса, огорчили Андрэ.

— Ну, что же?—продолжала она, чтобы перемѣнить разговоръ:—Много у тебя было сегодня дѣла въ министерствѣ?

— О, еще бы! Я очинилъ три карандаша, вставилъ два пера, линовалъ бумагу, переписывалъ завалящія дѣла, скоблилъ чернильныя кляксы, поистеръ свою резинку и поломалъ ножикъ.

Г-жа де-Мерси поднесла къ глазамъ платокъ.

— Андрэ! Зачѣмъ ты меня огорчаешь?

Хоть такія сцены и были ему не въ новость, онъ все-таки подбѣжалъ къ матери и обнялъ ее:

— Ну, не плачь же, не плачь! Я виноватъ.

— Нѣтъ, это я виновата. Я вижу, что огорчаю тебя.

— Молчи! Молчи!—повторялъ Андрэ, осыпая ее поцѣлуями.

— Но если тебя мучаетъ твое невеселое положеніе, неужели ты думаешь, что я сама не грущу объ этомъ? Съ такимъ именемъ, какъ твое, ты вездѣ нашелъ бы себѣ дѣло и давно бы могъ быть гораздо больше, чѣмъ простымъ чиновникомъ. Отчего ты не хочешь бывать въ обществѣ и просить себѣ болѣе подходящаго мѣста? Еслибъ ты только далъ мнѣ волю... но нѣтъ, ты предпочитаешь сидѣть себѣ въ тѣсномъ, забытомъ углу... Да развѣ это мѣсто—достойное рода де-Мерси?

— Что же дѣлать? Вѣдь я хотѣлъ пойти въ военную службу...

Мать нахмурилась и закусила губы.

„Опять упреки!—подумала она.—Онъ не щадитъ меня".

Но Андрэ не переставалъ распространяться.

— Мнѣ было по-душѣ военное дѣло; но ты этого не хотѣла, и я исполнилъ твое желаніе. Разсуди же сама: разъ, что я не пошелъ въ офицеры, не хотѣлъ быть юристомъ (ты же сама меня отговорила) и не могъ быть священникомъ, къ чему у меня не было ни малѣйшаго влеченія,—мнѣ ничего больше не оставалось, какъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ тебѣ было угодно... чиновникомъ.

— Но ты скоро будешь помощникомъ начальника отдѣленія! Не можетъ быть, чтобы твое начальство тебя не отличило!

Андрэ и не пробовалъ ее разувѣрять. Вотъ уже пятый годъ, какъ онъ занимаетъ все одну и ту же должность, и за это время

успѣлъ убѣдиться, что будущности для него не существуетъ... за неимѣніемъ протекціи.

Выйдя изъ-за стола, мать и сынъ долго молчали. Часы стали бить, и Андрэ порывисто всталъ.

— Ты ужъ уходишь?

— Прости, пожалуйста, но... меня ждутъ.

— Но вѣдь къ Дамурамъ идти еще рано? — многозначительно замѣтила мать.

Андрэ покраснѣлъ; его раздражало, что она хочетъ ему дать это замѣтить.

— О, если это секретъ... Не надо, мой другъ, я тебя не разспрашиваю!

Ему показалось это несправедливымъ, и онъ возразилъ:

— Да у меня нѣтъ секретовъ!

— Ну, хорошо, хорошо... Такъ ужъ, видно, ведется въ наше время, чтобы молодежь бросала стариковъ... Ну, что-жъ, ты меня не поцѣлуешь?

Андрэ нѐхотя наклонился и поцѣловалъ мать.

— Былъ бы живъ твой отецъ, ты бы не бѣгалъ такъ отъ меня.

Ужъ не впервые приходилось Андрэ выслушивать этотъ упрекъ, и онъ обыкновенно выводилъ его изъ себя.

— „Что-жъ я, малый ребенокъ, что-ли? Веду себя дурно?" — возражалъ онъ мысленно.

Сухо простился онъ съ матерью, и она это замѣтила, подумавъ про себя:

„Какъ онъ ко мнѣ измѣнился!" — Но она ошибалась. Выйдя на улицу, Андрэ на ходу злобно помахивалъ тростью, и, посылая все къ чорту, разсуждалъ самъ съ собою:

„И какъ это мы не можемъ не обижать другъ друга; — не можемъ сойтись и разговориться, чтобы не дойти до ссоръ и упрековъ! То тотъ, то другой выходитъ изъ терпѣнія и наговоритъ колкостей, какъ будто ему это пріятно. Право, можно подумать, что это ей доставляетъ удовольствіе. А я бы готовъ былъ и вовсе безъ этого обойтись!" — Но и Андрэ былъ неправъ: частенько случалось, что онъ самъ подавалъ поводъ къ раздору.

„Да, — продолжалъ онъ разсуждать, — пора положить конецъ нашимъ ссорамъ: вотъ, кстати, и еще одинъ доводъ въ пользу брака. Но... но неужели подобныя сцены могутъ возникнуть между мужемъ и женою?.. Впрочемъ, нѣтъ! Мама столько выстрадала на своемъ вѣку, что характеръ ея могъ испортиться, и она сама себя терзаетъ своей излишней совѣстливостью. Она—

воплощенная нѣжность и преданность. Когда бывало, чтобы она думала и заботилась о чемъ бы то ни было, кромѣ своихъ дѣтей? Каждый взглядъ, каждая ея мысль принадлежала намъ!

И Андрэ припомнилъ, какимъ почитаніемъ, какими ласками платила матери за ея самоотверженіе покойница Люси. Еслибы она еще была жива, пожалуй, ему и въ умъ бы не пришло жениться. Она была бы ему подругой, и ихъ нѣжная, тѣсная дружба пополнила бы тотъ жизненный пробѣлъ, который теперь такъ тяжело отзывался на немъ. Она была не кокетка, держалась крайне изящно, но просто и серьезно, какъ это бываетъ съ людьми, которые развиваются рано, и которыхъ подстерегаетъ смерть. Память Люси была для него священна; ему казалось, что духъ ея, кроткій и любящій, не могъ исчезнуть безслѣдно, умереть вмѣстѣ съ нею, и этотъ духъ былъ для него второю совѣстью. Когда грѣхъ или злоба увлекали его, онъ вспоминалъ о сестрѣ, и мысль, что духъ ея можетъ осудить его поступокъ, часто останавливала его во-время.

Андрэ былъ не изъ вѣрующихъ; но, проходя мимо церкви, этотъ разъ зашелъ въ нее и остановился въ полутьмѣ сводчатой ниши, слабо освѣщенной лампадами, тихо мерцавшими передъ изображеніемъ Богоматери. Онъ не преклонилъ колѣна, потому что не вѣрилъ, что его молитвы услышитъ Творецъ Небесный, но невольно съ благоговѣніемъ предался свѣтлымъ и чистымъ воспоминаніямъ о той, которая такъ часто, на этомъ самомъ мѣстѣ, на колѣняхъ, въ сердечной мольбѣ возносилась мыслью къ Богу. Ему казалось, что здѣсь скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, время и мѣсто помянуть ее;—и онъ пожалѣлъ о томъ, что ужъ не можетъ больше вѣрить такъ слѣпо и горячо, какъ тѣ, что находятъ себѣ утѣшеніе въ несокрушимой вѣрѣ въ вѣчную, блаженную жизнь за гробомъ.

Невольно ему пришло на умъ сравненіе между матерью и сестрой, и оно оказалось всецѣло въ пользу послѣдней. Люси вѣдь знала, что онъ невѣрующій, и жалѣла его отъ души, но никогда не говорила ему по этому поводу ничего обиднаго или непріятнаго. Мать же, наоборотъ, безпрестанно укоряла его въ невѣріи и дѣлала ему непріятности, въ своемъ увлеченіи, какъ онъ выражался, ханжествомъ... Онъ задумался, углубившись въ свои мечты.

Очутившись снова на улицѣ, Андрэ прибавилъ шагу. Онъ обѣщалъ Маріеттѣ побывать у нея сегодня, но его охватило какое-то странное чувство стыдливости: онъ именно теперь, прямо изъ церкви, идетъ къ ней. Всю дорогу онъ говорилъ самъ себѣ:

„Нѣтъ, не зайду: пройду мимо!“—и все-таки, у подъѣзда, рѣшимость оставила его, и всѣ мысли заполонилъ образъ красивой и молодой женщины. Сильнѣе прежняго вспыхнула въ немъ потребность любви и ласки, потребность въ дружескомъ сочувствіи. И вдобавокъ Маріетта имѣла еще для него всю прелесть чего-то непонятнаго, неразгаданнаго...

Продолжительно зазвенѣлъ звонокъ; но никто не спѣшилъ отворять, и Андрэ позвонилъ еще и еще.

Наконецъ, дверь отворила сама Маріетта, всклокоченная и недовольная, въ туфляхъ нá босу-ногу.

— Какъ? Это ты?

— Ну, да: это я!—и Андрэ почувствовалъ себя какъ-то неловко, будто чужой, который пришелъ не вò-время. Сознаніе своей бѣдности, не покидавшее его ни на минуту, еще болѣе усилилось, и онъ, уже совершенно растерянно, какъ виноватый, выслушалъ укоры Маріетты.

— Я уже перестала ждать тебя; почему ты не зашелъ за мною, чтобы вмѣстѣ пойти обѣдать? Я прогнала прислугу и одна поѣла хлѣба да сардинокъ.

Значитъ, у нея не было денегъ на обѣдъ!.. Андрэ покраснѣлъ, и ему стало еще болѣе не по себѣ въ этой квартирѣ, которой Маріетта была обязана не ему, а своему покровителю.

Пока Маріетта безпечно болтала и была съ нимъ любезна, ему еще казалось, что онъ ее любитъ; но какъ только она начинала говорить колкими намеками,—всѣ его нѣжныя чувства мигомъ испарялись, и онъ не находилъ словъ, чтобы снова завязать или перемѣнить разговоръ.

— Полно, я не сержусь! — говорила она и смотрѣла ему прямо въ лицо своими большими зеленоватыми глазами, сверкавшими, будто звѣзды, надъ блѣдными щеками, и, заломивъ руки, потянулась всѣмъ своимъ стройнымъ, молодымъ тѣломъ.—Но вѣдь и у тебя не было ни гроша... Правда, дружочекъ?—Какъ кошечка, приласкалась она къ нему и нѣжно зашептала:

— Бѣдный мой, бѣдный Рэрэ!.. Конечно, ты тутъ не причемъ... но, представь себѣ: мой дуралей такую мнѣ сдѣлалъ сцену!.. Ну, и задалъ же онъ мнѣ... нечего сказать!—И Маріетта принялась расписывать подробности происшедшаго, чтò сегодня еще болѣе, чѣмъ когда-либо, подѣйствовало на нервы Андрэ.

Его желаніе, его стремленіе къ ласкамъ и къ сочувствію прошло, разсѣялось безслѣдно. Маріетта сидѣла у него на колѣняхъ, обнимала его, но онъ оставался къ этому совершенно равнодушнымъ и безучастнымъ.

— Поцѣлуй же меня!..

Андрэ послушно, но машинально поцѣловалъ ее въ щеку. Куда дѣвались его ласки, его горячая, юная страсть, которой еще наканунѣ кипѣло его сердце? Отчего же сегодня оно молчитъ, будто замерло, или вовсе остановилось?

„И какъ это я могъ подумать о томъ, чтобы связать себя съ нею на всю жизнь?—думалось ему теперь.—Неужели я до такой степени заблуждался? Не ясно ли, что она никого и ничего не любитъ, кромѣ денегъ?"...

Андрэ взглянулъ на нее пристально, и ему вдругъ стало жаль ея красоты. Онъ ласково провелъ рукой по ея пушистымъ волосамъ и, наперекоръ чувству презрѣнія, въ немъ начало нарождаться желаніе страстно ее обнять. Приливъ нѣжности вдругъ охватилъ его, и онъ обвилъ ея станъ рукою...

— Не шепнуть ли тебѣ на ушко, ка́къ я тебя люблю?— проговорила Маріетта.

Эти слова охладили пылъ влюбленнаго.

„Лжешь!"—подумалъ онъ, но вслухъ проговорилъ, неувѣренно улыбаясь:—Нѣтъ, это *я* тебя люблю!

Маріетта потянулась поцѣловать его, но Андрэ, вдругъ охваченный недовѣріемъ къ ней и къ самому себѣ, нагнулся, чтобы ея поцѣлуй пришелся ему въ голову, а не въ губы.

„Я не люблю ее!.. Зачѣмъ же я ей сейчасъ солгалъ?"—Онъ поднялъ голову и увидѣлъ, что на лицѣ у нея написано равнодушіе и разсѣянность: она, очевидно, думала о чемъ-то постороннемъ.

Андрэ немного надулся; Маріэтта—также.

И они неласково простились.

III.

У Маріетты Андрэ провелъ нѣсколько минутъ: весь вечеръ былъ у него еще впереди. Куда теперь дѣваться,—вотъ вопросъ?

Свѣжій мартовскій воздухъ отрезвилъ его, и онъ совершенно безпристрастно принялся обсуждать свое поведеніе, будто думая о комъ-то другомъ, постороннемъ. Въ душѣ его произошло какъ бы раздвоеніе, и онъ получилъ возможность судить о себѣ со стороны. Итакъ, онъ пошелъ къ Дамурамъ.

По дорогѣ, въ то время, какъ онъ осуждалъ самъ себя за недостатокъ порядочности, другая половина его самого относилась къ нему снисходительнѣе: „Что̀ за бѣда—говорило ему тще-

славіе,—идти прямо отъ любовницы къ чистой душою невѣстѣ? Это дѣло обыкновенное!"

Прибавивъ шагу, Андрэ, на ходу, снова принялся копаться въ своихъ настоящихъ чувствахъ къ Жерменѣ и на этотъ разъ былъ самъ передъ собою совершенно чистосердеченъ.

„Давно ли я сталъ думать, что люблю ее?.. Да, кажется, съ мѣсяцъ. До того времени мнѣ и въ голову не приходило смотрѣть на нее иначе, какъ на ребенка, какимъ она была недавно и какимъ еще по сей часъ осталась.

„Прежде я бывалъ у нихъ совершенно равнодушно: ни особаго удовольствія, ни особой скуки я тамъ не чувствовалъ. Откуда же такая перемѣна? Что̀ за причина такой внезапной привязанности? Просто приливъ безотчетной ревности!

„За Жерменой сталъ ухаживать какой-то франтоватый, завитой юноша, и я, у котораго не было и тѣни чувства къ Жерменѣ, вдругъ приревновалъ ее къ нему. Что она не любитъ этого завитого франта,—такъ это вѣрно; но вѣрно и то̀, что вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ мы съ нею собираемся повѣнчаться... Боже мой! Неужели это можетъ оказаться пустымъ ребячествомъ? Неужели это только заблужденіе съ моей стороны?.. Можетъ быть, меня просто смущаетъ ея миніатюрная, полу-дѣтская фигурка? Можетъ быть, съ моей стороны будетъ даже нечестно жениться на ней, когда еще она сама не понимаетъ, что̀ ее ожидаетъ, какія обязанности налагаетъ на женщину семейная жизнь?.. Да, она—сущій ребенокъ! Но почему же мнѣ только сегодня пришло это въ голову? Ужъ не оттого ли, что я иду теперь къ ней прямо отъ „той"?.. Какъ ужасно, что мы принимаемъ за любовь мимолетное чувство чисто-физическаго влеченія, минутной страсти, которую иногда зажигаетъ въ насъ простое тщеславіе?.."

Минутъ черезъ пять Андрэ уже входилъ въ гостиную Дамуровъ. Поздоровавшись съ хозяиномъ дома, онъ замѣтилъ, что на него смотритъ съ милой улыбкой Жермена,—и этого было достаточно для того, чтобы онъ снова почувствовалъ себя безпредѣльно влюбленнымъ и чуть ли не вообразилъ ужъ себя, въ близкомъ будущемъ, отцомъ семейства. Смущенный и растроганный, онъ предпочелъ молчать и предоставилъ остальнымъ присутствующимъ вести разговоръ. Оглядывая маленькое общество, собравшееся въ уютной гостиной, Андрэ будто впервые подробно разглядывалъ Дамура. Это былъ рослый, тяжеловѣсный господинъ съ простымъ и толстымъ лицомъ, которое, несмотря на свой красноватый оттѣнокъ и на густую бороду, не лишено было нѣкотораго добродушія. Привѣтливо смотрѣли на окружающихъ его

небольшіе, но умные глаза, а немного отвислая, толстая нижняя губа даже прибавляла ему простодушія. Дамуръ былъ строгъ къ своимъ и жёстокъ, даже грубъ, съ чужими; по крайней мѣрѣ, такая шла о нёмъ молва. Но къ Андрэ онъ всегда особенно благоволилъ и былъ съ нимъ вѣжливъ, — той вѣжливостью, за которой ясно читалось особое, почтительное расположеніе и дружелюбіе. Когда адвокатъ былъ еще студентомъ и ему приходилось круто, г. де-Мерси-отецъ помогалъ ему деньгами и участіемъ, по традиціямъ добраго стараго времени: весь родъ де-Мерси споконъ-вѣку благоволилъ къ Дамурамъ,—примѣрнымъ фермерамъ и земледѣльцамъ. Адвокатъ не считалъ для себя унизительнымъ воспоминаніе объ этой ленной зависимости отъ предковъ молодого человѣка, и съ удовольствіемъ, въ свою очередь, приходилъ имъ на помощь. Такъ, напримѣръ, онъ не одну тяжбу велъ въ интересахъ отца Андрэ и, по его смерти, перенесъ свою привязанность на сына. Дамуръ жилъ широко и неутомимо трудился; дѣла его шли прекрасно, и онъ съ нѣкоторой робостью и смущеніемъ думалъ о томъ, какъ должны нуждаться вдова и сынъ де-Мерси. Ему хотѣлось подѣлиться съ ними, придти имъ на помощь, но какъ это сдѣлать, чтобы ихъ не обидѣть, не оскорбить ихъ самолюбіе? Онъ было-думалъ, что Андрэ можетъ поступить къ нему въ помощники; съ теченіемъ времени изъ него вышелъ бы дѣльный адвокатъ, и Дамуръ передалъ бы ему свою многочисленную кліентуру. Но нѣтъ, — мадамъ де-Мерси и слышать объ этомъ не хотѣла... и мечты Дамура такъ и остались мечтами.

Мысль выдать дочь за Андрэ не приходила ему въ голову. Жена его была женщина слабая и болѣзненная, и настоящимъ другомъ отца въ семьѣ была Жермена. По свойственному родителямъ эгоизму, онъ и не думалъ когда-либо съ нею разставаться. Въ оправданіе ему могла служить крайняя нѣжность сложенія и юность Жермены, но, кромѣ того, онъ хотѣлъ еще поработать, чтобы какъ можно больше увеличить ея приданое, которое пока находилъ слишкомъ для нея ничтожнымъ. Онъ страстно любилъ дочь и выдать ее замужъ чуть не ребенкомъ казалось бы ему преступленіемъ.

Жермена и Андрэ сидѣли вдвоемъ въ сторонѣ, въ уголкѣ гостиной. Солидные гости усѣлись за карты; завитой юноша что-то наигрывалъ на фортепіано; двѣ барышни шушукались между собою и робко посмѣивались вполголоса. Андрэ не сводилъ глазъ съ Жермены, которая сидѣла напротивъ него, и оба молчали, чувствуя себя вполнѣ счастливыми. Ему было отрадно сознавать, что онъ нравится такой миловидной и изящной дѣвушкѣ; ее же

и радовало, и удивляло то странное смущенье, которое она чувствовала въ его присутствіи. Дѣвическое стремленіе къ любви еще только начинало въ ней зарождаться.

— Жермена!—прошепталъ Андрэ:—любите вы меня?

— Да,—отвѣчала она такъ тихо-тихо, что ему даже показалось: не самъ ли онъ выдумалъ ея отвѣтъ?

— Хотите, я сегодня же вечеромъ переговорю съ вашимъ отцомъ?

Молодая дѣвушка подняла свою низко склоненную головку, окинула его милымъ, испуганнымъ взглядомъ и инстинктивно возразила:

— Нѣтъ! Лучше я сама!

— Но поскорѣе!.. Пожалуйста!

Въ нерѣшимости—вѣроятно, сердце ея еще не заговорило,— Жермена остановилась и, немного подумавъ, сказала, обманывая и себя, и его, съ чисто-женской увѣренностью:

— Конечно, поскорѣе!

— Вы обѣщаете,—навѣрно?

— Ну да, ну да: обѣщаю!

— Вы знаете, у меня нѣтъ состоянія. Я живу съ матерью, и много надо будетъ съ вашей стороны доброты, снисходительности и твердости характера, чтобы...—Андрэ запнулся, не рѣшаясь заговорить о дѣтяхъ.

Жермена все краснѣла. Ее пугала реальная сторона брака; ей было гораздо пріятнѣе, когда онъ говорилъ не такимъ серьезнымъ, дѣловымъ, а мягкимъ и ласковымъ тономъ. Она инстинктивно чувствовала, что еще не подготовлена къ суровымъ житейскимъ обязанностямъ; быть его „милой", принимать его нѣжное ухаживаніе—дѣло другое... Это было бы такъ прелестно!

Но Андрэ продолжалъ говорить все въ томъ же духѣ, и на личикѣ молодой дѣвушки промелькнуло выраженіе не то тоски, не то испуга. Она вдругъ вскочила и, прошептавъ:—Тише! Папà идетъ!—убѣжала.

Молодой де-Мерси ужъ и самъ замѣтилъ свою ошибку.

„И чего я сунулся? Точно не могъ догадаться, что это ее испугаетъ, что... мы не любимъ другъ друга!"

А между тѣмъ, на всякій случай,—заговорилъ съ Дамуромъ о важномъ для него вопросѣ.

— Видите ли: я хочу жениться. Одиночество мнѣ надоѣло; служба для меня—одно мученье. Необходимость кормить и поддерживать семью придастъ мнѣ силъ и охоты къ работѣ. Это меня оживитъ и разбудитъ. Для меня это вопросъ жизни или смерти!

Серьезно выслушалъ адвокатъ его сѣтованія.

— Обстоятельства сложились для васъ неблагопріятно,—это правда; но въ этомъ вы сами много виноваты. Какое ни есть ваше положеніе въ министерствѣ, но оно у васъ есть, и вы давно бы могли пойти въ гору, еслибы захотѣли. Я самъ уже нѣсколько разъ предлагалъ вамъ лучшее мѣсто, но вы упрямо отклоняли всякое ходатайство за себя. Я помню характеръ вашего отца и думаю, что тутъ васъ ужъ не переспоришь: вы считаете недостойнымъ себя снискать благосклонность высокопоставленныхъ особъ, не хотите ими одолжаться?.. Но вашъ отецъ оказалъ правительству столько вѣскихъ услугъ, что по отношенію къ его сыну будетъ лишь справедливостью обратить на васъ вниманіе... Здравствуй, голубчикъ!..—и Дамуръ пожалъ руку своему племяннику, еще юному артиллерійскому офицеру.— Итакъ, я вполнѣ одобряю ваше намѣреніе жениться, но при условіи, чтобы это былъ бракъ вполнѣ достойный древняго рода де-Мерси и его общественнаго положенія.

— Это значитъ—жениться на деньгахъ!—возмутился Андрэ.

— Позвольте!—спокойно возразилъ адвокатъ.—Я не совѣтую вамъ ни входить въ сдѣлку съ честью и совѣстью, ни жениться на женщинѣ неравнаго съ вами происхожденія. Но вы — какъ представитель рода де-Мерси, не имѣете права жениться на комъ ни попало. Вамъ необходимо, изъ уваженія къ своему имени и къ вашей матери, и, наконецъ, къ самому себѣ, — имѣть пятнадцать тысячъ годового дохода. Вы неудачно начали свою жизнь и карьеру: вотъ вамъ и средство поправиться!

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! — повторялъ Андрэ, энергично качая головою.

— Полноте! Неужели это можетъ поставить васъ въ зависимость отъ жены? Да вы только тò разсудите, что вы ей принесете несравненно болѣе богатое и блестящее приданое: — ваше имя!.. И, наконецъ, развѣ женины деньги помѣшаютъ вамъ любить ее, сдѣлать ее счастливой? Или онѣ отнимутъ у нея способность питать къ вамъ нѣжныя и достойныя чувства?.. Нѣтъ, бѣдность, нищета въ бракѣ,—вотъ гдѣ настоящая бѣда, гдѣ конецъ всему, о чемъ вы теперь мечтаете! Вы сами бѣдны. Женитесь на безприданницѣ—и вы увидите, какую жалкую жизнь вамъ придется вести: жизнь безъ отрады, безъ уваженія къ самому себѣ, безъ идеаловъ и... безъ любви!

Тѣмъ временемъ артиллерійскій офицеръ просто и любезно болталъ съ Жерменой, которая, краснѣя, слушала его въ пріят-

номъ смущеніи. Андрэ ничего не отвѣчалъ Дамуру, не сводя глазъ съ юной парочки. Дамуръ продолжалъ:

— Ну, что же? Хотите, я пріищу вамъ подходящую невѣсту? Повѣрьте, что это для меня будетъ просто наслажденіемъ.

А Жермена, между тѣмъ, улыбалась и, не глядя ни на кого, ни даже на своего собесѣдника, томно смотрѣла куда-то вдаль. Чистосердечно ли было то чувство, которое говорило теперь устами молодого офицера? Или она только нравилась ему, какъ хорошенькая игрушка, какъ миловидное созданье, съ которымъ ему не скучно?..

— Хотите?—повторилъ Дамуръ.

— Нѣтъ!—отрывисто произнесъ Андрэ и, чтобы нѣсколько смягчить грубость своего отказа, прибавилъ:—Не знаю, право, какъ вамъ это объяснить; но только я презиралъ бы себя, еслибъ женился на деньгахъ!

— Ну, голубчикъ!.. — какъ-то неопредѣленно вырвалось у адвоката, и онъ вдругъ отвѣтилъ мысленно на свою внезапную мысль:—„А вѣдь это было бы недурно!"...

Но Андрэ ошибочно понялъ его восклицаніе и горячо возразилъ въ свое оправданіе:

— Не думайте, чтобы я преслѣдовалъ эгоистическія цѣли; что я предпочитаю жениться на бѣдной для того, чтобы имѣть право помыкать ею; что я хочу сдѣлать изъ нея свою рабу и служанку... Да вѣдь это было бы еще во сто разъ хуже и унизительнѣе, чѣмъ... жениться на деньгахъ!.. Но я не таковъ.

— Тѣмъ лучше! — радостно воскликнулъ Дамуръ и, будто осѣненный какимъ-то соображеніемъ, еще разъ повторилъ:—Тѣмъ лучше!

— Впрочемъ,—заключилъ Андрэ,—я еще подумаю!

Немного сконфуженный тѣмъ, что Андрэ не такъ его понялъ, адвокатъ не удерживалъ его и, какъ всегда, радушно съ нимъ простился. Подойдя къ Жерменѣ, Андрэ замѣтилъ, что она смутилась, какъ бы понимая, что поступала непохвально и вѣтренно; но онъ любезно раскланялся и улыбнулся ей и офицеру.

Страсть его улеглась совершенно.

— Вчера — тотъ, завитой; сегодня—я, завтра поручикъ,—думалъ онъ. Такія дѣти, какъ она, еще никого не могутъ полюбить любовью: она только инстинктивно влечетъ ихъ къ себѣ.

Вернувшись домой, Андрэ легъ спать; но сонъ ему не дался, и онъ мучительно волновался ужасными для него сомнѣніями. Въ чемъ должна была состоять его жизнь, отъ чего зависѣть, чтобы ему жилось легче, и главное—счастливѣе? Сколько различ-

ныхъ чувствъ и впечатлѣній пришлось ему вынести за одинъ только день! И зачѣмъ все это? Зачѣмъ ему было признаваться въ любви двумъ женщинамъ, изъ которыхъ онъ, въ сущности, не любилъ ни одной? Зачѣмъ?.. Мысли у него путались; въ головѣ шумѣло. Но что-жъ ему дальше дѣлать? Гдѣ искать поддержки и совѣта? Онъ далъ себѣ слово непремѣнно на слѣдующее же утро объясниться съ матерью, поговорить съ ней серьезно. Отчего бы ему не спросить совѣта и у аббата, и у г-жи д'Эраль?..

Его томила безсонница, и отъ нечего-дѣлать онъ старался представить себѣ, какъ онъ войдетъ поутру въ полу-темную спальню г-жи де-Мерси, какъ сядетъ на низенькій мягкій стулъ у ея ногъ, въ то время, какъ она еще будетъ лежать въ своей большой, старинной кровати.

Затѣмъ ему представилась холодная пріемная аббата и будуаръ г-жи д'Эраль, обитый ветхимъ, старомоднымъ шолкомъ, и, наконецъ, она сама, — такая милая и привѣтливая, увѣнчанная сѣдыми гладкими волосами. Въ воображеніи своемъ онъ прислушивался къ ихъ разсужденіямъ: всѣ они говорили тò же, чтò и Дамуръ.

Мать умоляла его не жениться такъ рано. Аббатъ совѣтовалъ обратиться къ Богу съ мольбою вразумить его, разсѣять его сомнѣнія. Г-жа д'Эраль, съ легкомысліемъ бывшей кокетки, жалѣла, что онъ хочетъ такъ рано отказаться отъ своей молодости и свободы.

И Андрэ сказалъ самъ себѣ:

„Къ чему же и заговаривать съ ними объ этомъ?.. Рѣшено: я не женюсь!"

На слѣдующій же день онъ, по обыкновенію, пошелъ на службу и продолжалъ свою скучную, однообразную работу, поглядывалъ на Малюрюса и жилъ изо дня въ день, по прежнему: безъ развлеченій, безъ отрады, безъ интереса къ своему дѣлу. И только порой случалось ему прислушиваться къ чиновничьимъ бреднямъ и къ воркотнѣ старика-сослуживца, да безцѣльно поглядывать на угрюмую высокую стѣну, за которой скрывалось ясное весеннее солнце.

Такъ прошли дни, недѣли и мѣсяцы.

IV.

Наконецъ, насталъ день, когда его терпѣніе рѣшительно лопнуло, и въ голову ему стали лѣзть самыя мрачныя и безотрадныя мысли. Усталость жить и неизбѣжность смерти не въ

первый разъ одолѣвали его: это чувство было ему знакомо еще съ тѣхъ поръ, когда умерла Люси, и долго тогда не могъ онъ отъ него отдѣлаться. Но тогда онъ былъ еще юношей, и это ему давалось легче, чѣмъ теперь.

Теперь же Андрэ, какъ мужчина, чувствовалъ еще глубже тотъ же самый ужасный недугъ. Правъ онъ былъ или неправъ, только ему упорно казалось, что его пѣсенка спѣта: карьера его сдѣлана, и положеніе—безъисходно.

И въ самомъ дѣлѣ:—гдѣ искать исхода?

Единственное средство оправиться, встряхнуться,—женитьба,—и то̀ ему не давалось! Съ тѣхъ поръ, какъ рушился его планъ сватовства на Жерменѣ, онъ не зналъ, какъ быть, гдѣ искать себѣ жену? Въ обществѣ онъ не бывалъ; встрѣтиться на улицѣ или въ саду и завести такимъ образомъ знакомство съ порядочной дѣвушкой — нечего было и думать. И вотъ онъ выжидалъ, что̀ пошлетъ ему дальше судьба: самъ по себѣ, своими собственными силами онъ не съумѣлъ бы найти и устроить свое счастье.

Вдобавокъ, отношенія его къ матери становились враждебнѣе и съ каждымъ днемъ обострялись все больше и больше. Между ними были непрерывныя ссоры и разногласія. Иногда, то онъ, то она, подъ вліяніемъ прилива былой нѣжности, смягчались и говорили безъ колкостей, безъ желанія обидѣть, но не надолго. Опять они переставали понимать другъ друга, опять начинались ихъ обоюдныя муки.

Андрэ терялъ всякую бодрость передъ грозившимъ ему безотраднымъ, мучительнымъ будущимъ, которое ему предстояло еще Богъ вѣсть на сколько лѣтъ. Служба стала для него просто невыносима.

Какъ въ ужасномъ кошмарѣ, шелъ онъ утромъ по улицѣ, приходилъ въ пропитанную запахомъ пыли, тѣсную и мрачную комнату, обмѣнивался съ Малюрюсомъ неизбѣжнымъ привѣтствіемъ: —Ну, что, какъ вы?—Благодарю васъ, а вы?—Затѣмъ садился за столъ, мокалъ перо въ чернила и принимался переписывать и подсчитывать книги и бумаги. Въ двѣнадцать часовъ Андрэ вставалъ съ мѣста и говорилъ: — Пойду позавтракать!—на что Малюрюсъ отвѣчалъ неизмѣнно:—Пріятнаго аппетита!—На̀скоро закусивъ, онъ спѣшилъ обратно, и опять до пяти часовъ время шло тоскливо и однообразно; въ комнатѣ водворялась глубочайшая, мертвая тишина, прерываемая лишь скрипомъ пера, сухимъ, отрывистымъ кашлемъ старика да иногда замѣчаніемъ начальства. Въ пять часовъ Андрэ, какъ ошеломленный, выходилъ на воздухъ и направлялся домой; обѣдалъ, перелистывалъ какую-нибудь книгу

и уходилъ къ себѣ; ложился въ постель, чтобы заснуть и дать нервамъ отдыхъ;—но его мучила безсонница и сознаніе, что съ утра опять все пойдетъ тѣмъ же самымъ однообразнымъ, неизбѣжнымъ порядкомъ.

Андрэ зналъ, что у него, по наслѣдству, есть предрасположеніе къ болѣзни печени, и это его тревожило. Если случалось, что кровь сильнѣе приливала къ сердцу, Андрэ краснѣлъ, его душило. Иногда онъ даже выбѣгалъ въ коридоръ, чтобы подышать воздухомъ. Но, возвратившись, онъ все-таки не могъ углубиться въ бумаги, а развлечься чтеніемъ, хотя бы на минуту, было немыслимо: помощникъ начальника отдѣленія безпрестанно забѣгалъ сюда, и попасть подъ замѣчаніе ему не хотѣлось. Чѣмъ-то забитымъ, болѣзненнымъ вѣяло ото всей этой канцелярской обстановки и отъ его товарища по заключенію, бѣдняги Малюрюса, который за двадцать-пять лѣтъ непрерывной службы успѣлъ только обратиться въ живую машину и нажить себѣ раздражающій кашель. Глядя на него, Андрэ съ ужасомъ думалъ, что и его ожидаетъ та же участь. Мысль, что и ему грозитъ помѣшательство, начала преслѣдовать Андрэ.

Его мучили не одни нравственныя, но и физическія страданія: онъ замѣтно слабѣлъ, худѣя и мѣняясь въ лицѣ, получившемъ желтоватый, нездоровый оттѣнокъ. Злость и раздраженіе терзали его. Онъ злился, что его жизнь сложилась не такъ, какъ бы, по его мнѣнію, слѣдовало; злился, что не можетъ сдержать себя; злился, наконецъ, что здоровье непроизводительно уходитъ. И снова тоска одиночества овладѣвала имъ, и онъ горячо завидовалъ влюбленнымъ парочкамъ законныхъ или незаконныхъ сожителей, которыя мелькали мимо него на улицѣ. Его манилъ запахъ духовъ, шелестъ женскаго платья, тихій женскій говоръ, но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ его охватывало презрѣніе къ женщинамъ и сознаніе житейской пустоты.

Единственнымъ исходомъ изъ того чувства отвращенія ко всѣмъ и ко всему на свѣтѣ, которое имъ всецѣло овладѣло, казалась ему смерть.

Да, вотъ единственное и вѣрное средство къ полному, настоящему успокоенію!..

Отъ матери Андрэ наслѣдовалъ способность чувствовать страстно и глубоко; отъ отца—умѣнье разсуждать.

Онъ чувствовалъ, что лучше всего — лишить себя жизни и, разносторонне обсудивъ этотъ вопросъ, пришелъ къ заключенію, что разумнымъ и вполнѣ достаточнымъ къ тому поводомъ будетъ

полнѣйшее отсутствіе будущности и безполезность дольше терпѣть безцѣльныя муки.

Съ религіозной точки зрѣнія ему не могло быть помѣхи: онъ вѣдь не вѣрилъ вообще, а тѣмъ болѣе въ безсмертіе души. Но изъ этого не слѣдовало, чтобы онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. А что̀, какъ она еще живетъ за гробомъ, или хоть временно сохраняетъ способность воспринимать свои земныя ощущенія?.. Ахъ, да не все ли равно! Все лучше, чѣмъ настоящія душевныя и физическія терзанья!

И Андрэ считалъ себя въ правѣ умереть. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувство подсказывало ему, что смерть его оставитъ г-жу де-Мерси беззащитной и одинокой, и что это будетъ низостью съ его стороны.

„Лишить себя жизни,—да это то же, что убить ее!" говорило ему сердце, и онъ не находился, чѣмъ возразить на это простое, но неопровержимое доказательство.

Тогда Андрэ сталъ искать себѣ оправданія въ софизмахъ.

„Она набожна; она найдетъ себѣ утѣшеніе въ молитвѣ. Вѣра дастъ ей возможность успокоиться и примириться съ горемъ; она утѣшится. Она добра, — пожалѣетъ меня и придетъ къ сознанію, что это было неизбѣжно.

„И, наконецъ,—продолжалъ онъ, возражая самъ себѣ:— будетъ ли она, дѣйствительно, такъ одинока, какъ это мнѣ кажется? По всей вѣроятности, г-жа д'Эраль предложитъ ей поселиться вмѣстѣ; аббатъ тоже давно чувствуетъ къ ней дружбу и расположеніе. Они всѣ, втроемъ, прекрасно понимаютъ другъ друга; между ними несравненно больше согласія, нежели когда бы то ни было существовало между мной и матерью... Нѣтъ, нѣтъ! Это будетъ слишкомъ дурно съ моей стороны! Не могу я на это рѣшиться!.." воскликнулъ онъ вдругъ, и совѣсть его какъ будто успокоилась... Но не надолго.

Слишкомъ ужъ тяжело было бремя будничной жизни; слишкомъ легко и пріятно казалось умереть!

Мало-по-малу послѣднія сомнѣнія Андрэ рушились, и онъ сталъ подумывать о томъ, какъ лучше покончить съ жизнью, при какой именно обстановкѣ? Ему и больно, и отрадно былоередить это больное мѣсто, но онъ старался разсуждать хладнокровно, считая постыднымъ жалѣть самого себя. Онъ самъ произнесъ свой приговоръ, и его собственное „я", съ этой минуты, уже не возбуждало въ немъ болѣе интереса.

Разъ, что его сомнѣнія пришли къ концу, они утратили и свою внѣшнюю форму. Теперь онъ уже только о томъ и думалъ,

что смерть его доставитъ матери много тратъ и хлопотъ. И воображеніе уже рисовало ему картину не горя матери, а ея возни и ухищреній, чтобы прилично похоронить сына.

Андрэ хотѣлось бы исчезнуть безслѣдно, не подвергаясь униженію быть выставленнымъ на показъ въ „моргѣ" и не возбуждая отвращенія окружающихъ. Если утопленникъ противенъ, то вѣдь и висѣльникъ не лучше. Хватить себя прямо въ сердце ножомъ?.. А что, если рука дрогнетъ, и онъ только ранитъ себя, на потѣху всѣмъ? Нѣтъ! Пулю въ лобъ—куда вѣрнѣе! Только нѣтъ, не въ лобъ (размозженная голова такъ безобразна!), а прямо въ сердце. Андрэ выдвинулъ ящикъ и вынулъ револьверъ, въ которомъ изъ шести зарядовъ пять были еще неразряженныхъ. Окно было открыто, и въ него далеко виднѣлись блестящія площади крышъ, дома и деревья, залитые солнцемъ. Въ окнахъ убогихъ чердаковъ мелькали грязныя тряпицы бѣдняковъ, вывѣшенныя для просушки. Въ окнѣ молодой швеи, которая жила напротивъ, въ клѣткѣ щебетали какія-то пташки. Закрытыя рамы тускло отливали на солнцѣ пылью и грязью, которыя на нихъ ежедневно наростали. Снизу, съ пыльныхъ улицъ къ Андрэ долеталъ шумъ и говоръ, крикъ разносчиковъ и грохотъ колесъ.

Сколько мелочной суеты, сколько нужды, страданія и смерти кипѣло вокругъ! Сколько людей неутомимо боролось съ житейскими невзгодами, чтобы дожить до микроскопическихъ радостей или до крупныхъ печалей?.. И какъ жалки казались они теперь Андрэ, съ гордостью сознававшему свое превосходство надъ ними: не онъ ли смѣло рѣшился освободить себя отъ такого мелочнаго, недостойнаго существованія?

— Матери нѣтъ дома; я одинъ; револьверъ заряженъ—чего же больше? Стоитъ только спустить курокъ—и готово!—Его привела въ восторгъ мысль, какъ легко и просто человѣку навѣки освободиться отъ гнетущихъ его житейскихъ узъ. Увѣренность, что онъ во всякое время можетъ лишить себя жизни, подѣйствовала на него успокоительно и заставила улыбнуться.

Андрэ спокойно положилъ револьверъ въ столъ, задвинулъ ящикъ и, облокотясь на какую-то книгу, задумался... отдался весеннимъ грезамъ.

Вдругъ онъ всталъ, захватилъ мимоходомъ шляпу и пошелъ въ Люксембургскій садъ.

Воздухъ былъ полонъ свѣжимъ запахомъ молодой зелени и щебетаньемъ птицъ. Толпа дѣтей пестрѣла у бассейна. Мальчики съ крикомъ и спорами спускали на воду свои самодѣльные кораблики; дѣвочки катали куколъ, играли въ серсо или въ мячъ.

Дѣвушки-подростки шептались, обмѣниваясь, вѣроятно, другъ съ дружкой дорогими для нихъ тайнами. Молодыя и старыя маменьки, съ вышиваньемъ въ рукахъ, частенько подзывали къ себѣ своего малютку, тихо что-то шептали ему, вытирали носикъ или потный лобъ и, съ поцѣлуемъ, снова отпускали на волю; и долго еще потомъ не могла оторваться отъ него милая материнская улыбка.

Чиновники дѣловымъ шагомъ проходили мимо, будто опять шли на службу. Солдаты съ глупымъ и самодовольнымъ видомъ слонялись изъ аллеи въ аллею. Мимо фонтана Медичи прогуливалась взадъ и впередъ красивая, но печальная дама, вся въ черномъ. Немного поодаль, какой-то длинноволосый господинъ съ добродушнымъ лицомъ дѣлился съ птичками крошками хлѣба, которыя отламывалъ отъ своего собственнаго ломтя; цѣлая стая, чирикая, прыгала и порхала вокругъ него. Студенты важно шагали съ лекціями подъ мышкой; ихъ безцеремонно толкали мимоходомъ замазанные глиной каменщики. Актеръ съ актрисой смотрѣли и говорили между собою, улыбаясь, какъ на подмосткахъ, и голоса ихъ смѣшивались, какъ реплики. Косматые поэты бросали томные взгляды на блѣдненькихъ швей, которыя замедляли шаги и пересуживали щеголихъ подозрительнаго вида.

„И всѣ-то они страдаютъ,—думалъ Андрэ,—несмотря на то, что всѣ—разныхъ состояній и сословій. А между тѣмъ изо всей этой толпы много ли найдется такихъ, которые умерли бы охотно? Неужели же въ нихъ все-таки живетъ надежда на что-то лучшее, или въ нихъ просто говоритъ инстинктивная жажда жизни? Сказать имъ, что имъ предоставятъ средства хоть сейчасъ же умереть,—и вѣдь никто не воспользуется этимъ предложеніемъ: всѣ поблѣднѣютъ, испугаются и сочтутъ тебя за сумасшедшаго или, по меньшей мѣрѣ, за круглаго дурака и идіота!.. Но почему же я созданъ иначе, чѣмъ они, почему я не слѣдую ихъ примѣру? А между тѣмъ я не философъ и не пессимистъ; я не читалъ Шопенгауера и... какъ бы я любилъ жизнь, еслибы мнѣ жилось лучше!“

Имъ снова овладѣло уныніе, и все окружающее получило въ его глазахъ какой-то безжизненный, мертвенный оттѣнокъ: солнце все еще свѣтило, но какъ-то странно и тускло; женщины будто всѣ вдругъ подурнѣли. Толпа его направляла то туда, то сюда, надѣляя нечаянными пинками... Онъ шелъ какъ во снѣ, ничего не видя и не слыша; все его тяготило, все раздражало.

Онъ не помнилъ, какъ добрелъ до дому и, какъ снопъ, повалился на постель, громко рыдая, словно безутѣшный ребенокъ.

— Андрэ!—раздался надъ нимъ чей-то отчаянный крикъ:— О, Боже мой!.. Андрэ!..

Вся въ черномъ, какъ и всегда, не спуская съ него испуганнаго взора, надъ нимъ склонилась мать, и по ея осунувшемуся лицу молча катились слезы. Не двигаясь, не говоря ни слова, она продолжала стоять надъ нимъ и давала полную волю слезамъ, которыя проливала, будто предчувствуя, что сынъ хочетъ ее покинуть.

Андрэ смотрѣлъ на нее, и ему было стыдно, что она застала его врасплохъ. Ея сочувствіе тронуло его, и онъ ласково взялъ ея обѣ руки въ свои и попробовалъ ей улыбнуться.

— Чтò съ тобою, голубчикъ?.. Ужъ не Жермена ли...

Онъ нѣжно ее разувѣрилъ.

— Ну такъ что-либо... другое?..—допытывалась она, и нарочно не договорила.

Андрэ понялъ, что это намекъ на Маріетту, и поспѣшилъ чистосердечно поклясться, что если и мучаетъ его что-нибудь, такъ только не любовь.

Тревожно заглядывая ему въ глаза, мать наклонила еще ниже свою сѣдую голову и, почти опустясь передъ нимъ на колѣни, просила, умоляла сказать ей всю правду, не таить свое горе, которое ей еще тѣмъ тяжелѣе, что она его не знаетъ. И Андрэ раскрылъ ей всю свою душу, безъ утайки; но всѣ свои муки, все отвращеніе, которое ему внушала жизнь, взвалилъ исключительно на службу, на свой тоскливый, притупляющій трудъ безъ цѣли, безъ надежды на болѣе свѣтлое время. Потрясенная до глубины души его грустнымъ признаніемъ, г-жа де-Мерси была ужъ и тѣмъ счастлива, что сынъ говорилъ съ нею по душѣ, откровенно.

— И не смѣй больше туда ходить!.. Довольно!.. Оставайся только со мной!

Андрэ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ и благодарностью, но онъ понималъ, что это немыслимо, и ласково старался ее успокоить, доказывалъ, что это не годится...

— Да не хочу же я, чтобъ ты мучился!—повторяла она.— Бѣдное дитя! Мы, правда, небогаты, у насъ нѣтъ лишняго, но, благодаря Бога, мы еще не такъ бѣдны, чтобы не могли сдѣлаться еще бѣднѣе! Всѣ мои крохи, все, чтò у меня есть—твое. Подавай же скорѣе въ отставку!.. Если это окажется неизбѣжнымъ,—что-жъ, можно жить и въ провинціи, гдѣ подешевле... Лишь бы ты пересталъ страдать, мое сокровище!..

— Да я и не буду больше страдать, — твердо говорилъ онъ.

Но мать настаивала на своемъ, не догадываясь о тайномъ смыслѣ его словъ.

— Можно продать домъ и ферму въ Алжирѣ, на которыхъ просчитался тогда твой отецъ. Положимъ, это дастъ намъ гораздо меньше процентовъ, нежели они теперь приносятъ дохода; но можно вѣдь постѣсниться и жить не роскошно, а экономно. Или ужъ лучше просто жить на арендныя деньги? Ну, да: мы такъ и сдѣлаемъ! — заключила она энергично и еще горячѣе повторила:—Подавай только скорѣе въ отставку, мой милый, хорошій!

„Да развѣ это не тô же, что сдѣлаться еще бѣднѣе?" — мысленно возражалъ матери Андрэ.—„Бѣдная мама! въ простотѣ душевной, она и не подозрѣваетъ, что ея предложеніе равносильно горчайшей нищетѣ! Жить на ея счетъ, понятно, я не хочу и не буду: вѣдь плачу же я ей теперь несчастные сто франковъ за свое содержаніе! Для двоихъ ея доходы слишкомъ скудны; одна она прекрасно на нихъ устроится...

Онъ горячо поблагодарилъ мать за ея ласку, и она была глубоко тронута его вниманіемъ.

Состарѣвшаяся у нихъ въ домѣ, преданная прислуга доложила, что кушать подано, и мать съ сыномъ съ облегченнымъ сердцемъ сѣли за столъ. Обѣдъ прошелъ мирно и отрадно. Въ глубинѣ души каждый изъ нихъ былъ доволенъ собою: мать — тѣмъ, что предложила немыслимую жертву, а сынъ—тѣмъ, что отказался отъ нея. Въ десятомъ часу г-жа де-Мерси ушла къ себѣ. Андрэ наскоро одѣлся и ушелъ изъ дому.

Необходимость, какъ можно скорѣе выйти изъ фальшиваго положенія была для него теперь еще болѣе очевидна. Пора, пора покончить!..

Андрэ энергично громилъ мостовую и тротуары, смѣло смотря въ лицо этой необходимости: его только смущало, что онъ не догадался съ вечера оставить матери хотя бы коротенькую записку, чтобы хоть немного подготовить ее къ предстоящему ей на утро жестокому удару.

Андрэ долго бродилъ по улицамъ шумнаго, оживленнаго Парижа. Долго стоялъ онъ, свѣсившись надъ перилами моста, и уставившись глазами въ воду и слѣдя за мутнымъ теченіемъ Сены. Почти съ завистью заглядывался онъ на освѣщенныя окна книжныхъ магазиновъ и въ душѣ пожалѣлъ о томъ, что ихъ сокровища всю жизнь были недосягаемы для него: въ его распоряженіи бывали только засаленныя, пыльныя книги дешевыхъ библіотекъ или трактировъ. Изъ театровъ, изъ ресторановъ на улицу неслись звуки шумныхъ голосовъ, лились потоки серебристаго

яркаго свѣта. Жизнь и безпечность кипѣли вокругъ и охватили его своей кипучей волною.

— О, какъ красивъ, какъ роскошенъ Парижъ!—невольно проговорилъ Андрэ.—Счастливъ тотъ, кто съумѣетъ въ немъ жить и блистать! Счастливцы—художники и артисты! Счастливцы —богачи и богатые властью!

Его потянуло въ толпу, въ самую давку. Публика уже расходилась по домамъ. Часы бѣжали; Андрэ медлилъ покончить съ собою.

„Еще успѣю!—думалъ онъ.—Ночь велика!"—и, самъ того не замѣчая, машинально, по ежедневной привычкѣ, побрелъ домой, будто возвращаясь съ прогулки.

На поблѣднѣвшемъ синемъ небѣ мерцали звѣзды. Шумъ и суматоха на улицахъ пріумолкли. Мрачно и безстрастно возвышались высокія колонны и памятники. Андрэ не могъ понять, что̀ за странное чувство нѣги или трусости удерживало его на краю могилы; а между тѣмъ глаза его съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за женскими фигурами, казавшимися ему, всѣ безъ разбора, привлекательными.

Онъ зашелъ въ кафе́. Тамъ было шумно и накурено. За однимъ изъ столиковъ сидѣла довольно красивая, блѣдная женщина. Она какъ будто кого-то поджидала и, соскучившись ждать напрасно, съ любопытствомъ взглянула на Андрэ. Быстро подошла она къ нему и хотѣла заговорить, но промолчала и вышла на улицу; Андрэ—за нею.

Его, какъ ребенка, забавляла быстрота этого, послѣдняго въ его жизни, любовнаго приключенія, и онъ рѣшилъ отложить самоубійство до завтра.

V.

На утро онъ все еще находился подъ вліяніемъ вчерашней разнѣженности, и въ то же время гордость громко осуждала его: „Стыдись, трусъ! Ты боишься покончить съ собою!" Но, какъ отъ назойливой мухи, Андрэ старался уйти отъ ея жужжанья. Напрасный трудъ! Какой-то голосъ нашептывалъ ему самыя ужасныя истины, и ему приходилось съ ними считаться. Помимо своей воли, онъ пускался въ разсужденія, и онѣ приводили его къ самому неутѣшительному выводу. Онъ вѣдь самъ добровольно рѣшилъ, что застрѣлиться необходимо: слѣдовательно, онъ сознаетъ неизбѣжность такого конца. Чего же ждать? Чего откладывать со дня на день свое рѣшеніе? Или онъ просто...

струсилъ?.. Въ такомъ случаѣ, значитъ, онъ передъ непріятелемъ не могъ бы выдержать, не сталъ бы грудью, какъ доблестный и вѣрный воинъ?..

Да, онъ—постыдный трусъ, жалкій трусишка!..

Такъ рѣшилъ самъ про себя молодой человѣкъ и такое заключеніе помогло ему ободриться, дало силы опять крѣпко утвердиться въ своемъ намѣреніи—покончить съ собою.

Прошло еще восемь дней, и Андрэ, прожившій ихъ спокойнѣе, чѣмъ когда-либо, приступилъ къ осуществленію своей цѣли.

Хладнокровно, съ револьверомъ въ карманѣ, онъ вышелъ изъ управленія и, вмѣсто того, чтобы идти домой, направился въ Булонскій лѣсъ, — въ поиски за какой-нибудь уединенной скамейкой, гдѣ бы ему никто не могъ помѣшать. По дорогѣ туда онъ случайно увидалъ себя въ зеркалѣ и удивился: лицо его было спокойно и даже не блѣдно. Онъ понялъ, что сегодня ему легко будетъ совладать съ собою: онъ совершенно бодръ, не только нравственно, но и физически.

— Право, смѣшно! Неужели отъ нашихъ нервовъ или отъ состоянія нашего желудка зависитъ бодрость духа и героизмъ?—усмѣхнулся Андрэ.

Но первое, что̀ ему тотчасъ же пришло на умъ, было—ужасъ матери, когда она все узнаетъ; и передъ мысленными его очами встала картина ея тревоги, что онъ долго нейдетъ. Вотъ она заглядываетъ въ окна, ходитъ по комнатамъ... Шатаясь, предчувствуя бѣду, она идетъ къ нему въ спальню... шаритъ повсюду и, наконецъ, замѣчаетъ положенную на самомъ виду записку. Это его послѣдняя ласка... послѣднія слова безполезнаго и жалкаго утѣшенія. Застывши въ нѣмомъ ужасѣ, читаетъ она короткія, безжалостныя и нѣжныя строки и съ громкимъ воплемъ падаетъ безъ чувствъ...

Андрэ старается ни о чемъ не думать, чтобы больше не поддаться опасной чувствительности, и съ облегченнымъ вздохомъ смотритъ на часы.

„Черезъ полчаса!“ бодро рѣшаетъ онъ—и вдругъ съ крикомъ отскакиваетъ въ сторону: на него чуть не наѣхала карета. Сердце его усиленно забилось, и онъ бѣгомъ перебѣжалъ дорогу.

Очутившись въ безопасности, Андрэ не могъ не разсмѣяться: сначала не особенно охотно, а затѣмъ все громче и откровеннѣе. Не онъ ли призывалъ смерть, а какъ только она ему пригрозила,—бѣжалъ отъ нея, какъ ребенокъ? Но это вздоръ! Дѣло не въ боязни за жизнь, а въ томъ дурацкомъ инстинктѣ самосохраненія, который судьба застигла врасплохъ!..

Андрэ прибавилъ шагу и скоро вошелъ подъ зеленую сѣнь Булонскаго лѣса.

„Черезъ четверть часа!" сказалъ онъ самъ себѣ.

Но не такъ-то легко было найти уединенную скамейку: всѣ скамейки или были заняты, или находились по близости толпы, всадниковъ и экипажей. Андрэ пожалѣлъ, что выборъ его не остановился на Венсенскомъ лѣсу, который и дальше отъ города, и безлюднѣе.

Безучастно, но все-таки не настолько, какъ бы слѣдовало умирающему, оглядывалъ онъ пеструю толпу, веселыхъ и изящныхъ женщинъ въ кружевахъ и цвѣтахъ.

„Неужели пройдетъ еще нѣсколько минутъ,—и я ничего этого уже больше не увижу? Перестану чувствовать и, какъ безжизненное тѣло, стану для всѣхъ предметомъ ужаса и отвращенія?.. Да полно: можетъ ли это быть?"

Рѣшительными шагами Андрэ повернулъ по направленію къ Пасси и, дѣйствительно, скоро очутился въ полномъ уединеніи. Будто подчиняясь усталости, онъ опустился на скамейку: онъ усталъ идти, усталъ жить!..

Изъ невольнаго чувства кокетства, Андрэ сегодня съ утра былъ въ сюртукѣ, въ безукоризненно чистомъ бѣльѣ и въ почти новыхъ брюкахъ. Печальнымъ, неторопливымъ движеніемъ руки Андрэ нащупалъ то мѣсто сюртука, подъ которымъ еще билось его сердце.

„Я живъ!—подумалъ онъ.—Я еще живъ!... Но еще двѣ-три секунды—и меня не будетъ!.. Да! Я умру... Скоро умру... Меня уже нѣтъ въ живыхъ... Нѣтъ: сердце еще бьется!"

Чувство жалости и нервнаго напряженія становилось все нестерпимѣе. Какая-то тревога и тяжесть въ груди все усиливались...

Мигомъ Андрэ зарядилъ револьверъ, прижалъ дуло въ упоръ къ самому сердцу, глубоко вздохнулъ еще разъ. Обливаясь холоднымъ потомъ, онъ закрылъ глаза и нажалъ курокъ... собачка глухо щелкнула... Осѣчка!

Ошеломленный Андрэ безсмысленно смотрѣлъ на револьверъ. Сердце его билось въ груди страшными порывами.

„Чортъ побери! Вѣдь не чудо же это? Теперь чудесъ не бываетъ. И, наконецъ, чего ради стало бы Провидѣніе путаться въ мои дѣла? Просто капсюль отсырѣлъ или патронъ попался дрянной!.. Впрочемъ, вѣдь и тогда тоже меня остановила случайность... Не странно ли это?"

Неясно и неопредѣленно въ душѣ у него начало зарож-

даться предчувствіе, что испытаніе его кончено, что онъ еще останется жить, но онъ все еще былъ ошеломленъ происшедшимъ и съ трудомъ приходилъ въ себя.

Въ глубинѣ дорожки показались какія-то человѣческія фигуры. Андрэ машинально сунулъ револьверъ въ карманъ и мысленно сказалъ:

„Подожду, пока они пройдутъ“.

Они прошли, но тотчасъ же вслѣдъ за ними показался молодой человѣкъ, по росту и по осанкѣ похожій на самого Андрэ: онъ велъ подъ-руку молодую женщину, которая довѣрчиво къ нему прижималась. Передъ ними весело бѣжалъ бѣлокурый ребенокъ.

Маленькая семья не спѣша проходила мимо него. Профили молодыхъ, счастливыхъ лицъ ясно выдѣлялись на фонѣ листвы, освѣщенной животворными лучами солнца. Андрэ почудилось, что это галлюцинація: этотъ господинъ—онъ самъ; эта дама—его жена; ихъ ребенокъ—его собственное дитя. И ихъ счастье показалось ему указаніемъ на возможность въ будущемъ и для него новой, отрадной жизни!

„Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что именно *теперь*, въ настоящую минуту, встрѣтились со мною эти люди, которымъ я завидую? Ихъ счастье внушаетъ мнѣ еще невѣдомыя и невозможныя для меня надежды... Впрочемъ, почемъ знать? Можетъ быть, онѣ далеко не такъ невозможны, какъ это мнѣ кажется? Вѣдь казалось же мнѣ, что мой выстрѣлъ вѣренъ? А между тѣмъ...“ Андрэ все еще не оставлялъ мысли о томъ, чтобы еще разъ попытать удачи. Смѣлости у него хватитъ,—это несомнѣнно: вѣдь не сробѣлъ же онъ теперь въ рѣшительную минуту: трусости въ немъ не было и слѣда.

На чистомъ, лазурномъ фонѣ высокаго неба кружевнымъ узоромъ раскинулись мощныя вѣтви старыхъ, коренастыхъ деревъ. Отъ ихъ густой листвы, отъ бархатистой травы вѣяло запахомъ свѣжей, здоровой зелени, и Андрэ съ жадностью вдыхалъ въ себя ея ароматъ. Снова почувствовалъ онъ приливъ жизненныхъ силъ и снова впервые, за послѣдніе три мѣсяца, или даже за всѣ истекшія пять лѣтъ, съ радостью почувствовалъ, что жить отрадно.

Рѣшительно онъ воскресалъ постепенно, и вмѣстѣ съ жизнью его охватила тревога: онъ вспомнилъ о матери и поспѣшно отправился домой, чтобы мать не успѣла безъ него найти его прощальную записку.

Къ счастію, все обошлось благополучно. Андрэ сжегъ зловѣщія строки и съ аппетитомъ принялся за обѣдъ. Вечеръ онъ

провелъ съ матерью и давно уже не чувствовалъ себя такимъ довольнымъ и счастливымъ.

Засыпая, онъ не могъ удержаться отъ искренняго смѣха: „Что, голубчикъ? Небось, не захочешь вторично испробовать счастья пустить себѣ пулю въ лобъ?.. Не бѣда: все вѣдь къ лучшему!..“ подумалъ онъ и послѣ нѣкотораго размышленія прибавилъ:

„Да! Все къ лучшему!“

VI.

На другой день Андрэ позвали къ начальству, и ему пришлось выслушать цѣлый выговоръ за неаккуратность въ исполненіи служебныхъ обязанностей.

— Вчера вы изволили несвоевременно отлучиться со службы! —строго и съ сознаніемъ собственнаго величія проговорилъ начальникъ.—Прошу васъ впредь быть аккуратнѣе и не разгуливать, когда вамъ вздумается!

Андрэ промолчалъ и внутренно усмѣхнулся: въ сущности, съ юмористической точки зрѣнія, онъ вѣдь именно *только прогулялся* наканунѣ.

Въ своей конторѣ онъ нашелъ одного изъ управляющихъ другимъ отдѣленіемъ, который зашелъ къ нему за справкой. Въ министерствѣ была такая масса служащихъ, что многіе даже и въ лицо никогда не видывали другъ друга.

Управляющій сидѣлъ на мѣстѣ Андрэ и, опираясь на столъ, дышалъ тяжело, очевидно страдая удушьемъ. Замѣтивъ молодого чиновника, онъ привсталъ и съ полу-улыбкой проговорилъ:

— Г. де-Мерси? — и тотчасъ же самъ рекомендовался: — Сильвестръ Крессанъ!

Въ то время какъ Андрэ давалъ ему необходимыя указанія, Крессанъ не спускалъ съ него глазъ и невольно почувствовалъ къ нему симпатію. Ему нравилось въ молодомъ человѣкѣ его задумчивое, даже печальное лицо, стройный ростъ, осанка, полная изящнаго достоинства, и аристократическія, бѣлыя и тонкія руки.

Съ своей стороны и Андрэ внимательно разглядывалъ своего случайнаго знакомца,—далеко не изящнаго, приземистаго человѣка съ большой круглой головою, въ которой особенно привлекали вниманіе задумчивые и привѣтливые глаза; черты лица его были довольно рѣзко очерчены, но губы какъ бы постоянно сложены въ улыбку.

Безъ словъ оба поняли, что пришлись пo-сердцу другъ другу, и Крессанъ, покончивъ со своей справкой, и не думалъ уходить. Онъ усѣлся въ ближайшее кресло, бесѣда тотчасъ же завязалась. О себѣ онъ поспѣшилъ сообщить, что вотъ уже восемнадцатый годъ, какъ сидитъ въ должности управляющаго отдѣленіемъ, получаетъ три тысячи франковъ въ годъ и даже не надѣется дослужиться до сана помощника начальника департамента. Собственно говоря, онъ еще не особенно стѣсненъ работой, которую сдавалъ раза три-четыре въ годъ, позанявшись, каждый разъ, поусерднѣе недѣли по двѣ, по три; остальное время въ году онъ употреблялъ на постороннія занятія и могъ распоряжаться имъ вполнѣ по своему усмотрѣнію...

Съ трудомъ поднялся онъ на ноги и, прощаясь съ Андрэ, долго жалъ ему руку, будто сожалѣя о томъ, что пора разставаться. Наконецъ, все съ тою же привѣтливой улыбкой, онъ громко проговорилъ:

— Итакъ, до свиданія!—и ушелъ.

„Какой странный и добродушный господинъ! — подумалъ ему вслѣдъ Андрэ.—Кажется, онъ что-то говорилъ о женѣ... о дѣтяхъ? Значитъ, онъ женатъ, и къ тому же работаетъ круглый годъ, какъ только можетъ усиленнѣе. А между тѣмъ онъ, повидимому, совершенно счастливъ и доволенъ своей судьбою. Какъ же онъ это ухитряется?..“

Грустно принялся Андрэ за работу, но мысль о новомъ знакомомъ не покидала его.

„Странно, какъ это мы никогда раньше не встрѣчались?— опять подумалъ онъ.—Право, онъ, кажется, хорошій человѣкъ!.. Чортъ побери! Это первая удобоваримая физіономія, которую я вижу въ министерствѣ!“

Послѣднее и послужило поводомъ къ тому, что дня два спустя, когда Крессанъ зашелъ къ Андрэ просто перекинуться словечкомъ, Андрэ принялъ его очень благосклонно, даже охотно отдалъ ему визитъ.

Рабочая комната Крессана въ министерствѣ помѣщалась подъ небесами, въ концѣ длиннѣйшаго коридора, загроможденнаго картонками и пыльными, туго-связанными кипами бумагъ. Въ окнахъ лишь порой виднѣлись тяжело-летавшія вороны да верхушки высокихъ деревъ.

Часто Крессанъ заходилъ за своимъ молодымъ сослуживцемъ и оба уходили вмѣстѣ со службы. Несмотря на разницу въ годахъ, они сошлись и подружились. Уже раза три Крессанъ звалъ его къ себѣ обѣдать; Андрэ все отказывался, и, наконецъ, согла-

сился. Его, правда, немного смущало, что онъ еще не представилъ матери своего новаго пріятеля; но въ то же время онъ не былъ увѣренъ въ томъ, пойметъ ли она его дружбу съ такимъ „простымъ“ человѣкомъ? Однако, въ глубинѣ души и самъ Андрэ считалъ себя несравненно выше Крессана, и это даже льстило его самолюбію.

Управляющій отдѣленіемъ жилъ со всей семьею въ Батиньолѣ, въ старинномъ домѣ съ большимъ дворомъ, поросшимъ травою. На крыльцо вела широкая каменная лѣстница, какъ въ старыхъ помѣщичьихъ домахъ.

Андрэ позвонилъ.

Вслѣдъ за его звонкомъ за дверью раздался шумъ, хохотъ и крикъ. Дверь отворилась, и Андрэ увидалъ трехъ небольшихъ дѣвчурокъ и бутуза-мальчишку, толпившихся за спиной блѣднаго юноши и молодой дѣвушки, очевидно его сестры. Они привѣтливо встрѣтили гостя и проводили въ гостиную.

Тамъ поджидалъ его Крессанъ, сіяющій отъ удовольствія, что видитъ Андрэ у себя.

— Рекомендую тебѣ, женушка: г. Андрэ де-Мерси!.. Г-жа Крессанъ—моя жена!.. А вотъ и дѣти: ихъ не малое количество,—не правда ли? Позвольте ихъ вамъ представить поочередно. Вотъ этотъ,—самый старшій, готовится къ экзамену въ политехнической школѣ; эта дѣвица уже имѣетъ дипломъ домашней учительницы; три дѣвчурки—бѣгаютъ себѣ въ училище; Томъ—наша пышка, нашъ бутузъ!—онъ пока еще не успѣлъ научиться ничему другому, какъ только шарить по ящикамъ да по шкафамъ. Ну, а этотъ,—это у насъ самый грозный (и Крессанъ указалъ на малютку, который сладко спалъ у матери на колѣняхъ): чуть чтò не по немъ, реветъ, какъ корова!

При этихъ словахъ раздался взрывъ такого чистосердечнаго хохота, на оживленныхъ дѣтскихъ лицахъ отразилось такое безпечное веселье, что на душѣ у Андрэ стало какъ-то легко и тепло, и онъ позавидовалъ семейному счастью Крессана.

И въ самомъ дѣлѣ, его сослуживецъ не могъ не чувствовать себя счастливымъ, когда вокругъ него не было надутыхъ или хмурыхъ лицъ,—когда типъ современныхъ тощихъ и натянутыхъ дѣвочекъ былъ незнакомъ здоровымъ и непринужденнымъ дѣтямъ Крессана. Лица ихъ дышали свѣжестью и добродушіемъ, и только старшій братъ былъ блѣденъ отъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ надъ книгами, но зато онъ былъ коренастаго тѣлосложенія и въ глазахъ его свѣтился незаурядный умъ. Взрослую барышню-учительницу (ее звали Мари) трудно было назвать хоро-

шенькой, но улыбка ея была такъ прелестна, что сразу располагала въ ея пользу всѣхъ окружающихъ. Сестры-подросточки подкупали своею свѣжестью: темные живые глазки, розовыя щечки и сверкающіе своей бѣлизной, ровные зубки были ихъ отличительными чертами. Что же касается бутуза Тома, онъ исключительно предавался своему любимому занятію—ковырянью въ носу—и глубокомысленно уставился въ свѣтлыя брюки гостя: они, повидимому, возбуждали въ немъ мысли неисчерпаемой мудрости.

— Только не этотъ!—вдругъ воскликнулъ Крессанъ и испуганно подбѣжалъ къ Андрэ, который взялся за спинку стула, чтобы придвинуть его поближе и сѣсть.—Видите: онъ безъ ножки!

Дѣйствительно, бѣдный калѣка былъ только на трехъ ногахъ и Богъ вѣсть какимъ чудомъ держался равновѣсія.

— Вотъ, вотъ: садитесь сюда, на кресло!.. Ахъ, Боже мой! Посмотри, душечка, изъ него лѣзетъ волосъ! Фанни, пожалуйста, поищи скорѣе, куда бы можно было посадить гостя!.. Позвольте-ка, я попробую очистить мѣсто на диванѣ!

Съ этими словами добродушный хозяинъ дома бросился къ дивану и принялся поспѣшно сваливать съ него, опять-таки въ кучу, безпорядочную массу бумагъ, лоскутковъ, линеекъ и даже какихъ-то пустыхъ пузырьковъ, вѣроятно, забытыхъ здѣсь мимоходомъ.

— Кушать подано!—заявила Мари.

Въ сосѣдней комнатѣ уже слышался дѣтскій шумъ и гамъ. Дѣти рады были обѣду. Бутузъ уже водворился на своемъ высокомъ стулѣ и большущей ложкой уписывалъ супъ; на затылкѣ у него уже торчали, какъ ослиныя уши, концы большой салфетки. Онъ испуганно ворочалъ глазами, но все въ немъ нравилось отцу, который съ гордостью кивнулъ головою на сына и прибавилъ въ поясненіе гостю:

— Ему еще только четвертый годъ.

Андрэ съ любопытствомъ присматривался къ подробностямъ новаго для него семейнаго быта.

Мари, какъ старшая, нѣжно заботилась о мелюзгѣ и насильно отняла у матери грудного крошку, чтобы уложить его въ постельку. Андрэ взглянулъ на г-жу Крессанъ. Она, по всей вѣроятности, была въ молодости красива, но непрерывные роды и связанныя съ ними траты и заботы изнурили ее. Изъ прежнихъ ея прелестей уцѣлѣли только пепельнаго цвѣта волосы, довольно моложавое выраженіе лица и милая улыбка.

Обѣдъ прошелъ очень весело и оживленно, если не считать

такого грустнаго факта, какъ ссора со слезами, возникшая между двумя меньшими сестренками. Та, которая была повертлявѣе, облила супомъ свою скромную и тихую сосѣдку, на что послѣдняя отвѣчала громкимъ, отчаяннымъ крикомъ, что „платье пропало"! Мари пришла къ нимъ на помощь и спокойно вывела зловѣщее пятно. Послѣ обѣда подали кофе, но и тутъ представилась нѣкоторая помѣха: малютка завопилъ такъ настойчиво и сильно, что г-жѣ Крессанъ пришлось на время къ нему отлучиться. Мужъ и Андрэ перешли въ гостиную. Дѣти помогали Мари убирать со стола, а старшій братъ прилежно засѣлъ за работу.

Оставшись вдвоемъ, съ глазу на глазъ, Крессанъ улыбнулся гостю своей привычной радушной улыбкой и, отбросивъ всякую оффиціальность въ тонѣ, сказалъ:

— Простите, пожалуйста, за такой плохой и неумѣлый пріемъ: домъ у насъ постоянно вверхъ дномъ... Жена сейчасъ вернется... Но, знаете, когда въ домѣ столько дѣтей...—Андрэ показалось, что этотъ добрякъ докончилъ такъ свою мысль про себя: „Много съ ними возни и заботъ, но много и радостей!"

— Да,—продолжалъ Крессанъ:—у насъ не мало дѣтей. Что-жъ подѣлаешь? Мы не богачи, чтобы на этомъ экономить! Вольно имъ пускаться на хитрости; смѣшно мнѣ на нихъ, право, смѣшно! Живемъ мы съ женой дружно, съ глазу на глазъ, и ни за что не сталъ бы я съ ней обращаться какъ съ любовницей. Не имѣть дѣтей,—да развѣ это не подлость? Я и знать не хочу, ка̀къ и что̀ дѣлаютъ другіе! Мнѣ моя жизнь въ тысячу разъ пріятнѣе, чѣмъ ихъ богатства!.. Чортъ побери!

Но въ эту минуту вошла Мари; она подала отцу чубукъ и зажженный бумажный фитиль. Отецъ зажегъ трубку, и дочь ушла опять къ дѣтямъ.

Снова тихо стало въ гостиной, и Андрэ взгрустнулось.

— Вы что-то невеселы, мой другъ?—обратился къ нему хозяинъ дома.—Можно спросить: что̀ съ вами?

— Я бѣденъ, и мнѣ завидно смотрѣть на вашу счастливую семейную обстановку. Я бы хотѣлъ жениться, но въ нашемъ кругу это для меня недоступно...

Ему показалось тяжело объясняться подробно, и онъ замолчалъ.

— Мнѣ повезло,—даже гораздо больше, чѣмъ я того стою,—продолжалъ Крессанъ.—Фанни (тутъ онъ понизилъ голосъ) хорошей и богатой семьи. Матери она лишилась рано, мачиха ее не любила и такъ настроила отца противъ нея, что тотъ всѣмъ

женихамъ отказывалъ безъ разбору, говоря, что ихъ привлекаетъ только богатое приданое. Я служилъ тогда въ окружномъ правленіи и былъ совсѣмъ еще мелкою сошкой. Познакомились мы и, какъ дѣти, полюбили другъ друга совершенно невинной, но преданной любовью. Наша привязанность вдругъ открылась, и мачиха была радёшенька спихнуть падчерицу „на солому", какъ она выражалась. Отецъ обозлился, но не мѣшалъ намъ жениться, потому что его уговорила жена. Первый годъ, съ грѣхомъ пополамъ, они выплатили намъ сколько полагалось доходовъ съ приданаго Фанни; но при первомъ же удобномъ случаѣ они съ нами поссорились, и мы больше не видали отъ нихъ ни сантима. Переѣхавъ въ Парижъ (жена уже была беременна), мы пробѣдствовали цѣлую зиму. Я кое-какъ перебивался уроками, Фанни хозяйничала и вязала кружева на продажу... Наконецъ, мнѣ удалось пристроиться въ министерство и, несмотря на всю свою скудость, на всѣ заботы и тревоги, я еще благодарю Бога за свое матеріальное и семейное положеніе... О, конечно, когда мнѣ было двадцать лѣтъ, вовсе не къ такой будущности я стремился! Мнѣ казалось, что изъ меня выйдетъ художникъ, но, можетъ быть, это только казалось? Вѣроятно, не было во мнѣ особаго, врожденнаго призванія или таланта, если я примирился съ нынѣшнимъ своимъ положеніемъ. Но вѣдь, въ сущности, нельзя же и не смиряться передъ судьбою,—не правда ли? Передо мной наилучшій тому примѣръ:—моя жена! Она была избалована, росла въ богатствѣ и почти въ роскоши, но вышла за меня, сына бѣдняковъ, и даже съумѣла привязать ихъ къ себѣ: они любятъ ее, какъ родную дочь! Слабаго тѣлосложенія, бѣлоручка, она неутомимо трудилась и трудится еще и по сейчасъ, не гнушаясь даже самою грубой работой въ хозяйствѣ. А вышла она замужъ, когда ей только-что пошелъ девятнадцатый годъ!..

Тутъ вошла г-жа Крессанъ; глаза ея были влажны. Съ грустной улыбкой подошла она къ мужу и ласково положила руку ему на плечо, тихо проговоривъ:

— Ты не боишься надоѣсть г. де-Мерси?

— Ему-то!.. Да онъ самъ хотѣлъ бы жениться! Ему тоже кажется, что въ жизни мужчинѣ необходимо имѣть жену и дѣтей, дѣлить съ ними тревоги и радости. Я увѣренъ, что онъ положился бы на нашъ выборъ и охотно посватался бы за ту дѣвушку, на которую мы бы ему указали... Вѣрно я говорю?—обратился онъ къ Андрэ и прибавилъ:—къ сожалѣнію, мы никого такого не знаемъ!

Инстинктивно, по врожденному чувству порядочности, ни

мужу, ни женѣ не пришло въ голову, что ихъ собственная дочь, Мари, по возрасту уже невѣста.

— Но г. де-Мерси такъ молодъ... жизнь у него еще впереди... Мы часто говоримъ о васъ,—обратилась хозяйка дома къ гостю:—но, — простите меня, — я не совсѣмъ раздѣляю мнѣніе Сильвестра...

— То-есть?...

— Сильвестръ находитъ для васъ возможнымъ бракъ съ дѣвушкой нашего, буржуазнаго круга; я же съ нимъ совершенно несогласна. Мнѣ кажется, что ваша обязанность, какъ передъ обществомъ, такъ и передъ вашей матерью, жениться на свѣтской дѣвушкѣ-аристократкѣ (Андрэ сдѣлалъ отрицательное и быстрое движенье)... Постойте, дайте мнѣ сказать! Допустимъ, что вы женились и вполнѣ счастливы съ бѣдной дѣвушкой, стоящей ниже васъ въ общественной іерархіи. Можете ли вы съ твердой увѣренностью поручиться за тò, что *никогда* не попрекнете ни самого себя, ни—ни въ чемъ неповинную жену своей неудавшейся карьерой? Бракъ съ аристократкой, бракъ съ разсчетомъ дастъ вамъ тѣ связи и ту возможность служебныхъ успѣховъ, которой, въ противномъ случаѣ, вамъ ни откуда не дождаться. Или вы такъ смѣлы, что не боитесь тяжелыхъ цѣпей, какими для васъ несомнѣнно, въ концѣ концовъ, будетъ семья? Вѣрьте мнѣ: неизмѣримой храбрости и бодрости духа требуетъ такая жизнь!

Сама того не желая, она высказывала сомнѣнія, которыя могли бы испугать Андрэ, но они только утвердили въ немъ принятое рѣшеніе.

— Нѣтъ, милочка,—возразилъ ей мужъ:—г. де-Мерси не какой-нибудь вѣтрогонъ! Его чувства, его понятія дѣлаютъ ему только честь, и я отъ души желалъ бы ему помочь всѣмъ, чѣмъ только могу!

Въ это время Мари привела дѣтей прощаться.

Взъерошенные, съ сонными глазами, они двигались какъ во снѣ. Утихъ веселый шумъ и говоръ, ихъ воинственныя ручки и ножки висѣли какъ плети. Съ полусонной, сконфуженной улыбкой стояли они передъ взрослыми.

Дверь за ними захлопнулась, и бесѣда продолжалась своимъ чередомъ. Постепенно Андрэ поддавался чувству довѣрія къ этимъ простымъ и добродушнымъ людямъ; мало-по-малу въ немъ явилось желаніе высказаться передъ ними, откровенно повѣдать имъ свои страхи и сомнѣнія, свои еще недавнія душевныя терзанья. Онъ зналъ, что встрѣтитъ въ нихъ,—особенно въ г-жѣ

Крессанъ,—полное сочувствіе, и, дѣйствительно, печально и задумчиво были устремлены на него ея глаза. Андрэ излилъ передъ ними всю свою душу, но только въ одномъ не рѣшился признаться—въ своемъ неудавшемся самоубійствѣ. Ему казалось, что онъ, пожалуй, еще подѣлился бы этимъ наединѣ съ мужчиной, со своимъ сослуживцемъ, но съ его женой... никогда!

Въ голосѣ его звучала такая искренность, такое нравственное утомленіе, и, въ то же время, такое твердое желаніе бороться съ невзгодами будущаго, что супруги были глубоко растроганы и обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ.

— А вотъ мы его сейчасъ женимъ!—воскликнулъ Крессанъ.— Живо, Фанни! Подай сюда альбомъ!

Жена его разразилась звонкимъ, еще юнымъ смѣхомъ.

— Что̀ ты, голубчикъ? Да развѣ это возможно?

— Конечно, возможно: вѣдь у насъ чуть ли не весь Шатолюсъ въ альбомѣ. Наконецъ, мы знаемъ хорошо почти всѣ дворянскія семейства, и это будетъ чортъ знаетъ какъ глупо, если мы не найдемъ никого подходящаго... Давай же скорѣе!

Довольно долго пришлось искать злополучный альбомъ: онъ былъ въ бѣгахъ, и его едва-едва вытащили изъ-за стѣнки комода.

Супруги дружно занялись показываніемъ карточекъ и поясненіемъ ихъ, какъ какихъ-нибудь рѣдкостей.

Первыми по порядку, конечно, оказались портреты папеньки и маменьки.

— Мой отецъ!—пояснилъ Крессанъ.

— Моя матушка!

Вслѣдъ за ними показалась напыщенная и злая женская физіономія, которая осталась безъ поясненій и въ нихъ не нуждалась: Крессанъ поспѣшилъ перевернуть страницу, и Андрэ понялъ, что это была мачиха его жены.

Друзья и подруги, хорошіе знакомые и родные поочередно удостоивались каждый хоть краткаго замѣчанія.

При видѣ какого-то старичка Крессанъ неудержимо разсмѣялся и обмѣнялся съ женою какими-то непонятными намеками на какое-то забавное приключеніе.

Какія-то причастницы въ своемъ поэтичномъ нарядѣ; толстенькій ребеночекъ-бутузъ; поясной портретъ юнаго подпоручика и тощая, длинная, какъ жердь, дѣвица — слѣдовали одинъ за другимъ.

— А! Вотъ и Жанна Лезинель! — воскликнулъ Крессанъ, когда пришла очередь какой-то довольно красивой особы, съ дѣланной улыбкой на губахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ! Она недостаточно богата.

И мужъ послушно перевернулъ страницу.

— А эта?

— Помнишь, ея мать... ну, и всю эту исторію съ серьгами...

— Дальше, дальше!—перебилъ ее мужъ.

Андрэ такъ и не узналъ исторіи съ серьгами.

— Чортъ побери!—волновался Крессанъ.—Да это потруднѣе, чѣмъ что бы-то ни было!.. А вотъ m-lle де-Сентрэ: она, пожалуй, самая подходящая!

Блѣдное личико, озаренное большими задумчивыми глазами, производило впечатлѣніе бѣленькаго, изящнаго дѣвственнаго лица, на которомъ какъ бы отражалась готовность принять постриженіе; особенно характерны были поджатыя, серьезныя губы.

Г-жа Крессанъ понизила голосъ.

— Доктора боятся за нее: говорятъ, у нея чахотка!

— Гм! — задумчиво произнесъ мужъ, и оба поспѣшили перейти къ другимъ карточкамъ.

Вдругъ Андрэ замѣтилъ плохенькую по исполненію карточку молодой дѣвушки: уголокъ ея былъ поломанъ. Но лишь на мгновеніе привлекъ его къ себѣ привѣтливый дѣвичій взглядъ: супруги быстро перевернули страницу, не останавливаясь на ней, и углубились въ разборъ физическихъ и матеріальныхъ достоинствъ здоровенной дочери богатаго землевладѣльца. Конкурренткой ей могла бы служить только дочь богача-юриста и судьи. Всѣ эти блестящія партіи оставляли Андрэ совершенно хладнокровнымъ, но его такъ и тянуло опять взглянуть на маленькую поломанную карточку, о которой ему ничего не сказали. Онъ принялся снова пересматривать альбомъ и наконецъ отыскалъ ее.

— А это кто?—спросилъ онъ равнодушно.

— О, это Туанетта!—небрежно отвѣчалъ Крессанъ.

— А по фамиліи?..

— Ее зовутъ Антуанетта Розенъ,—вмѣшалась г-жа Крессанъ.—Это дальняя родственница Сильвестра; она сдаетъ экзамены на званіе домашней учительницы.

— Она мнѣ очень нравится, — сказалъ Андрэ, и сказалъ правду. Простота ея позы, почти дѣтскій по наивности взглядъ, стройность и изящество бюста заставили его горячо пожелать, чтобы и она была въ числѣ невѣстъ.

— Бѣдняжка! — задумчиво проговорилъ хозяинъ дома. — Я думаю, она и не подозрѣваетъ, что въ настоящую минуту парижскій баринъ-аристократъ разглядываетъ ея изображеніе!.. Да, вотъ кто ужъ вполнѣ былъ бы вамъ подъ пару, но только...

— Она безприданница!—твердо проговорила г-жа Крессанъ, но такимъ тономъ, за которымъ можно было угадать сожалѣніе: вѣдь и она сама вышла замужъ безъ гроша за душою.

— Антуанетта принадлежитъ къ низшимъ слоямъ средняго сословія,—продолжалъ хозяинъ:—и если какой бракъ для васъ уже совершенно немыслимъ, такъ именно этотъ самый!

— Но почему же?

— А хотя бы по той причинѣ, что на него ваша матушка ни за что не дастъ своего согласія... Впрочемъ, намъ, кажется, писали, что Туанетта чуть ли ужъ не невѣста... Правда, Сильвестръ?

— Да, кажется, правда, — пробормоталъ добрякъ, смущенный необходимостью поддержать женину ложь, тѣмъ болѣе, что Андрэ задумчиво, блестящими глазами уставился на карточку молодой дѣвушки.

Г-жа Крессанъ тихонько взяла у него изъ рукъ альбомъ и снова постаралась привлечь его вниманіе на богатыхъ невѣстъ, снова еще подробнѣе принялась выхвалять ихъ.

— Ну, которая же изъ нихъ вамъ больше понравилась? — наконецъ спросила она.

— Ни та, ни другая!

Мужъ и жена разсмѣялись и, тономъ шутливой горести, проговорили:

— Очень жаль, что мы вамъ показали цѣлый альбомъ барышенъ, и ни одна изъ нихъ вамъ не нравится!

— Нѣтъ, мнѣ нравится... m-lle Туанетта,—возразилъ Андрэ.

— Что за вздоръ! Можетъ быть, и помолвка ея уже состоялась... Завтра вы о ней и думать забудете!

Андрэ какъ-то неловко раскланялся и съ принужденной улыбкой простился съ радушными хозяевами.

Въ передней на стѣнѣ висѣла большая черная доска и старшій сынъ Крессана усердно выводилъ на ней мѣломъ какія-то мудреныя линіи и фигуры. Мари сидѣла тутъ же, у стола и при свѣтѣ одинокой свѣчи чинила бѣлье... На улицѣ была тишина.

VII.

Ни на другой день, ни во всѣ послѣдующіе дни и недѣли, не изгладился изъ памяти Андрэ образъ Туанетты Розенъ. Ему даже казалось вполнѣ естественнымъ и желаннымъ—жениться на невинной и простой провинціалочкѣ, лишь бы она имѣла за собою

добрую нравственность и здоровье. Скоро это желаніе сдѣлалось его упорной, единственной мечтою.

Дополняя своимъ воображеніемъ тѣ качества, которыя онъ примѣтилъ мимоходомъ въ маленькой, плохой карточкѣ, онъ все болѣе и болѣе прельщался ими. Ему ничуть не казалось страннымъ, что онъ готовъ построить свою семейную, свою будущую жизнь на такихъ, собственно говоря, неосновательныхъ данныхъ. Его даже забавляло, что онъ избралъ себѣ въ подруги жизни дѣвушку, которая живетъ за сотни верстъ отъ него, которую онъ и въ глаза не видалъ.

„Да развѣ не такъ, или почти такъ, составляется большинство браковъ?—оправдывался Андрэ самъ передъ собою. Развѣ сплошь да рядомъ не состоятся такіе браки, о которыхъ никто бы и помыслить не могъ? Наконецъ, знаютъ ли, строго говоря, другъ друга новобрачные до свадьбы, какъ бы давно ни были они знакомы? Гдѣ та среда, въ которой женихъ могъ бы изучить подробно всѣ достоинства и недостатки невѣсты? Само такъ называемое „воспитаніе“ у насъ, во Франціи, мѣшаетъ ихъ чистосердечному сближенію. Правила вѣжливости и приличія мѣшаютъ имъ видѣться одинъ-на-одинъ. Да развѣ можно при такихъ условіяхъ быть увѣреннымъ, что знаешь другъ друга?.. Но сегодня, положимъ, вы повѣнчаны и съ завтрашняго же дня вы начнете открывать всѣ сокровеннѣйшія мелочи въ характерѣ жены, будущей матери вашихъ дѣтей.

„Какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты, бракъ —та же лотерея: самый увѣренный въ выигрышѣ можетъ проиграть—и наоборотъ.

„Эта дѣвушка мнѣ нравится и мое имя, моя должность, могутъ быть для меня порукой въ томъ, что мнѣ не откажутъ. Слѣдовательно, судьба Антуанетты (нѣтъ: „*Туанетта*“—гораздо милѣе!) уже теперь въ моихъ рукахъ. Отъ меня зависитъ, чтобы счастливо и разумно сложилась ея дальнѣйшая жизнь, какъ дѣвушки, такъ и женщины, матери будущей семьи. Не посватаюсь я за нее—она выйдетъ за другого; но будетъ ли она съ нимъ счастлива?.. Если я того захочу, она полюбитъ „*меня*“, а не того, другого. Но я-то... сдѣлаю ли я ее счастливой?..“

Эта мысль привела его въ умиленіе, потому что онъ не хотѣлъ для себя эгоистичнаго счастья. Рѣшившись ей понравиться, Андрэ скоро пришелъ къ убѣжденію, что съумѣетъ дать ей супружеское счастье, и сомнѣнія его окончательно разсѣялись. Отъ словъ онъ перешелъ къ дѣлу.

Твердымъ голосомъ онъ объявилъ г-жѣ де-Мерси о своемъ

намѣреніи жениться; сказалъ, что имѣетъ въ виду дѣвушку безъ приданаго, но честной, хорошей семьи, и что онъ умоляетъ ее, свою мать, дать свое согласіе.

Тяжелымъ молотомъ ложилось каждое его слово на душу матери. Она такъ страшно поблѣднѣла, что Андрэ подумалъ, ужъ не конецъ ли это? Но она сдѣлала надъ собой усиліе и заговорила со всей раздражительностью истомленнаго горемъ человѣка. Ее особенно раздражалъ тонъ холодной рѣшимости, который звучалъ въ словахъ сына; заговори онъ съ бо́льшей мягкостью, съ болѣе просительнымъ оттѣнкомъ, и ей было бы легче перенести ударъ, она скорѣе бы поддалась его доводамъ. Мысль, что сынъ хочетъ бросить ее,—ее, которая только его и любила на свѣтѣ, только имъ и дышала; ревность къ той, чужой женщинѣ, которая теперь завладѣетъ его привязанностью; злоба на нее и тревога за будущее... все это потрясло бѣдную женщину, которая жила только въ силу долга и вѣры въ Бога.

Горячимъ потокомъ полилась ея возбужденная рѣчь...

Чувствуя себя правымъ, Андрэ, не щадя выраженій, возражалъ ей съ жестокою прямотой, которая особенно больно отозвалась въ материнскомъ сердцѣ. Произошла ужасная, бурная сцена; съ матерью сдѣлался нервный припадокъ.

Преданная своей барынѣ старушка-служанка бережно увела ее подъ-руку. Андрэ остался одинъ и предался своему озлобленію.

„Да, вѣдь вотъ: мы и любимъ другъ друга, и какъ другъ друга терзаемъ! Не лучше ли вовсе не имѣть никакой привязанности, но зато не чувствовать обиды? Ну, чѣмъ я виноватъ, что не хочу умирать, а хочу жить?“

Андрэ разсчитывалъ, что, поразмысливъ хорошенько, мать успокоится, смягчится и въ послѣдующіе дни придетъ къ заключенію, что ей слѣдуетъ примириться съ необходимостью.

Къ завтраку она не вышла, но за обѣдомъ, блѣдная и печальная, протянула ему руку. Сынъ поцѣловалъ молча эту слабую, блѣдную руку, и, какъ это ни странно, ему показалось, что все уже улажено.

Съ своей стороны, и г-жа де-Мерси ожидала того же отъ сына: она думала, что онъ вотъ-вотъ придетъ покаяться передъ ней въ своей глупости, въ своемъ заблужденіи. Ее тоже обмануло взволнованное молчаніе сына; но нѣсколькихъ словъ было достаточно для того, чтобы выяснилась ихъ взаимная ошибка. Увидавъ, что между ними все осталось по прежнему, мать и сынъ снова нахмурились, снова между ними водворилось молчаніе, пол-

ное горечи и тоски. Инстинктивно они стали избѣгать взаимнаго сближенія, обычныхъ своихъ домашнихъ разговоровъ: говорили только о постороннихъ, никому изъ нихъ неинтересныхъ предметахъ, и то будто нéхотя, сквозь зубы. Такъ прошла недѣля, другая.

Между тѣмъ Андрэ приставалъ къ Крессану, чтобы тотъ похлопоталъ за него. Сначала тому казалось, что это лишь мимолетная вспышка молодого человѣка, и охотно отвѣчалъ на его разспросы о семьѣ Туанетты. Такимъ образомъ Андрэ узналъ, что Розены—давнишніе обитатели Шатолюса и что у нихъ трое дѣтей: сынъ, дочь-вдова и дочь-дѣвушка, Туанетта. Отецъ служитъ въ конторѣ желѣзныхъ дорогъ, а дѣдушка Розенъ, бывшій фермеръ, живетъ въ семьѣ сына. На невѣсткѣ его, г-жѣ Розенъ, лежитъ хозяйство.

Туанетта воспитывалась въ сосѣднемъ городѣ, въ монастырскомъ пансіонѣ, гдѣ окончила курсъ. Подмѣтивъ, что всѣ эти подробности серьезно интересуютъ его молодого сослуживца, Крессанъ сталъ сдержаннѣе, и это еще болѣе увеличило стремленіе Андрэ разспрашивать его еще и еще. Но Крессанъ сталъ молчаливѣе изъ боязни, что его могутъ заподозрить въ желаніи сосватать бѣдную родственницу. Особенно смущали его доводы жены, которая боялась, что, женившись и не найдя счастія съ Туанеттой, Андрэ обвинитъ ихъ въ своихъ семейныхъ неладахъ, какъ, положимъ, невольныхъ, но все-таки посредниковъ его брака. Въ то же время, однако, она глубоко сочувствовала молодому человѣку, находя его желаніе и его воззрѣнія вполнѣ естественными и похвальными. Ее подкупали врожденное изящество, умъ и порядочность Андрэ, и она была увѣрена, что онъ выкажетъ въ борьбѣ съ жизнью и съ ея невзгодами необходимую бодрость духа и постоянство. Крессанъ тоже былъ о немъ самаго лучшаго мнѣнія и отъ души желалъ ему добра. Въ концѣ концовъ, настойчивость молодого человѣка растрогала его, и онъ обѣщалъ помочь его сватовству; но при этомъ жена его поставила непремѣннымъ условіемъ согласіе г-жи де-Мерси. Какъ ни разумно, какъ ни естественно было ея требованіе, для Андрэ оно показалось особенно тягостнымъ, потому что день ото дня отношенія его къ матери становились все болѣе натянутыми. Они обоюдно мучились другъ за друга; обоюдно было ихъ горе, ихъ жалость; но ни тотъ, ни другой и думать не хотѣлъ покориться. Андрэ раздражало такое упорное молчаніе, а г-жу де-Мерси приводило въ ужасъ его упорство: она не рѣшалась сама себѣ признаться, что боится, какъ бы сынъ не обошелся и безъ ея согласія. Въ

дѣйствительности же, ему это и въ умъ не входило: онъ считалъ бы такой поступокъ слишкомъ жестокимъ по отношенію къ ней. Но она этого не знала и возмущалась мыслью о такомъ непочтеніи къ себѣ гораздо болѣе, чѣмъ даже всѣми бѣдствіями и нуждою, по ея мнѣнію, ожидавшими его въ семейной жизни.

Наконецъ, истомленная своими душевными тревогами, она рѣшилась и клятвенно умоляла сына сказать ей все откровенно:

— Если я откажу тебѣ въ своемъ согласіи, обойдешься ли ты безъ него?

Повинуясь своему раздраженію, онъ хотѣлъ уже крикнуть: — Да!—но одумался и вполнѣ чистосердечно, устыдившись своего дурного порыва, грустно-растроганнымъ голосомъ сказалъ:

— Ты знаешь, что нѣтъ... никогда въ жизни!—и, будто въ нѣмой мольбѣ, опустился передъ ней на колѣни. Его тихія, покорныя слова смягчили мать гораздо больше, чѣмъ тысячи объясненій, и она вдругъ сказала:

— Ну, такъ женись же!.. И будь счастливъ!

Но едва сорвались съ ея губъ эти рѣшающія слова, отъ которыхъ уже не было возврата, какъ она горько въ нихъ раскаялась и какъ послѣднее „прости!“ зазвучалъ ея тихій укоръ:

— Такъ ты хочешь меня бросить!?

Въ голосѣ ея слышалась жалоба на свое вдовство и на грядущее одиночество.

— Никогда! Ни за что на свѣтѣ! — воскликнулъ Андрэ.— Мы будемъ жить всѣ втроемъ, и такъ тебя будемъ любить!..

Они проговорили до самой ночи и строили въ будущемъ самые несбыточные, самые невозможные планы.

Съ гибкостью ума, особенно свойственной женщинамъ, г-жа де-Мерси поддалась новымъ мечтамъ и надеждамъ, и серьезныя возраженія, казалось, приходили ей въ голову лишь для виду, по обязанности. Какъ только она принималась ихъ высказывать, Андрэ цѣловалъ ей руки или ласково настаивалъ на своемъ мнѣніи, — и сомнѣнія ея исчезали, ей снова становилось легко на душѣ.

На слѣдующій день Андрэ побѣжалъ къ Крессанамъ. Онъ точно обезумѣлъ отъ восторга; говорилъ много и весело, не замѣчая, что дѣвочки въ удивленіи таращатъ глаза на угрюмаго гостя, который еще недавно поражалъ ихъ своей грустной молчаливостью. Не замѣтилъ онъ и того, что Мари опустила глазки и поблѣднѣла, плотно зажавъ губы, будто изъ боязни выдать какую-то дорогую ей тайну, которой не зналъ Андрэ и не долженъ былъ знать никогда... Теперь Крессанамъ не оставалось

больше повода отклонять свое вмѣшательство въ сватовство; но они приняли рѣшеніе Андрэ молча, и только задумались. Имъ какъ будто стало страшно, что дѣло приняло такой оборотъ. Но Андрэ ихъ расшевелилъ и успокоилъ.

— Знаешь ли, другъ мой? — сказала г-жа де-Мерси нѣсколько дней спустя, и недовѣрчивая улыбка скользнула у нея по губамъ.—Вѣдь мы съ тобой слишкомъ скоро поддались своему увлеченію; изъ желанія видѣть тебя счастливымъ, я слишкомъ скоро сдалась на твои доводы. Потолкуемъ же теперь о дѣлахъ. Повѣрь моему совѣту, — выясни свой бюджетъ.

— Но, мама̀, неужели ты хочешь, чтобы мы жили врозь? Я вѣдь буду отдавать тебѣ все, что̀ заработаю, а ты...

— Нѣтъ, дитя, нѣтъ: я буду жить отдѣльно!

— Но какъ же это такъ?.. Почему?..—смущенно допрашивалъ Андрэ, и въ то же время чувствовалъ, что онъ почти доволенъ такимъ рѣшеніемъ, хотя самъ никогда не рѣшился бы его предложить, потому что не могъ понять, почему мать его, боявшаяся тоски одиночества, могла желать жить отдѣльно отъ семьи.

— Я долго обсуждала этотъ вопросъ, — твердымъ голосомъ продолжала она: — совѣтовалась съ аббатомъ и убѣдилась, что г-жа д'Эраль также раздѣляетъ мое мнѣніе. Видишь ли, мой другъ: жизнь моя только какъ блѣдная тѣнь похожа на прошлую. Но какія ни остались у меня отъ нея привычки, все же я не могу теперь отъ нихъ отступиться. Какъ только войдетъ твоя жена въ нашу семью, такъ обнаружится, по всей вѣроятности, что ея вкусы не сходятся съ моими... Словомъ, намъ лучше всего разстаться. Но вы-то сами какъ думаете устроиться?

Андрэ хотѣлъ отвѣчать, но мать рѣшительно и ласково перебила его:

— Сейчасъ я тебѣ скажу: вмѣстѣ съ жалованьемъ, съ наградами и съ небольшими процентами, твой годовой доходъ равняется всего 2.000 фр. Если жена (это слово она произнесла съ большимъ трудомъ) не принесетъ тебѣ ничего, — какъ ты ухитришься на это прожить?

— Но вѣдь живутъ же люди и бѣднѣе насъ?

— Дитя мое! Неужели ты готовъ забиться подъ самую крышу, или всей семьей отказывать себѣ въ кускѣ мяса? Развѣ согласится твоя жена дѣлать всю черную работу? Или ты прямо такъ и обратишь ее въ прачку и судомойку?.. Я допускаю—по-

спѣшила она возразить на движеніе Андрэ,—и даже надѣюсь, что она будетъ сама стряпать или простираетъ кое-что тонкое; но все-таки вамъ придется нанять, по крайней мѣрѣ, хоть простую прислугу; небольшую, но приличную квартирку; имѣть здоровую пищу и опрятное платье... Прости меня, я вижу, что тебѣ противны эти грубыя, мелочныя подробности, но, повѣрь, для меня онѣ еще противнѣе!.. Выслушай же, что̀ я хочу сдѣлать. Ты знаешь, что у меня есть домъ, за который можно получить двадцать тысячъ франковъ. На него нашелся теперь покупатель, и я рѣшила его продать. Какъ тебѣ извѣстно, онъ—моя неотъемлемая собственность, поэтому я имѣю полное право распорядиться этими деньгами по своему усмотрѣнію. Итакъ, половину я оставляю себѣ; другая половина—твоя. Если ты разумно пристроишь свой маленькій капиталъ, онъ можетъ тебѣ приносить отъ 400 до 500 фр. годового дохода, которые хоть немного увеличатъ твои небольшія средства. Это тебѣ мой свадебный подарокъ.

— Но ты сама, мама̀? Какъ же ты будешь"...

— Я, дитя мое... я немножко постѣснюсь и заживу помаленьку, окруженная въ своемъ одиночествѣ старыми воспоминаніями, старыми вещами и... старыми людьми: со мной остается моя старушка—Одилія. Объ одномъ только прошу я тебя: когда ты будешь женатъ, не требуй отъ меня бо̀льшаго, чѣмъ я тебѣ отдаю; этимъ ты обидишь не только меня, но и себя. При жизни мнѣ это будетъ невозможно; и, вдобавокъ, что̀ же тогда останется тебѣ по моей смерти?.. Но и то, бѣдное дитя мое, на 3.000 фр. придется тебѣ жить крайне разсчетливо, даже скудно. Жена твоя можетъ быть... въ такомъ положеніи; доктора стоютъ дорого. Она можетъ оказаться немного кокеткой (это такъ извинительно въ молодой женщинѣ!): ей понадобятся наряды и шляпки. Надо, чтобы молодая г-жа де-Мерси была скромна и благоразумна и чтобы ты съумѣлъ ей облегчить эту необходимость. Ты честный, добросовѣстный человѣкъ и, я надѣюсь, не влѣзешь въ долги, какъ это сдѣлалъ твой покойный отецъ. Онъ былъ прекрасный человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ денежныхъ. Старайся, другъ мой, чтобы жена твоя полюбила тебя; можетъ быть, тогда она и меня полюбитъ! Впрочемъ, я ничего отъ нея не требую. Видѣться мы будемъ только тогда, когда вамъ это вздумается, но не чаще! Я не буду стѣснять вашей свободы, а вы — моей!.. Итакъ, постарайся быть счастливымъ, мой бѣдный мальчикъ!

Смущенный, въ глубокомъ волненіи, Андрэ не почувство-

валъ, какъ крупныя слезы скатывались у него по щекамъ; ни слова не могъ онъ сказать въ отвѣтъ на такія рѣчи матери, и только осыпалъ ея руки долгими и горячими поцѣлуями.

— Главное: не дѣлай долговъ!—продолжала г-жа де-Мерси. —При всемъ моемъ желаніи я не въ состояніи буду ихъ покрыть. Еще двѣ-три недѣли, много мѣсяцъ, — и ты женишься. Не проси меня быть у тебя на свадьбѣ: это было бы свыше силъ моихъ. Я скажусь больной,—да я и дѣйствительно больна: я грустна, подавлена горемъ. Потомъ, немного спустя послѣ свадьбы, я вернусь, побываю у васъ и приму твою жену съ распростертыми объятіями.

Голосъ г-жи де-Мерси прервался. Волненіе душило ее. Она невольно подняла глаза къ небу и воскликнула:

— О, Боже мой, Боже!.. Мы лелѣемъ, воспитываемъ дѣтей, мы влагаемъ въ нихъ всю свою душу, всѣ помыслы, и вотъ... Какъ разъ тогда, какъ они уже въ состояніи вознаградить насъ за всѣ наши труды, заботы и муки,—они насъ бросаютъ и никогда, никогда уже къ намъ не вернутся... Неблагодарное, неблагодарное дитя! Будешь ли ты со мной дѣлиться хоть тѣми невзгодами, которыя у тебя будутъ?.. А что онѣ будутъ, такъ это вѣрно!..

А. Б—г—

ЛЕГЕНДЫ И АПОКРИФЫ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Въ теченіе всего стараго періода, древняго и средняго, русская письменность владѣла только крайне ограниченными и смутными познаніями въ области науки; нѣкоторое улучшеніе, наступившее, какъ увидимъ, въ этомъ отношеніи впервые со второй половины XVI вѣка и особливо къ концу XVII-го, мало однако коснулось большинства книжныхъ людей, и средній уровень образованія оставался на той же низкой степени. Но если было слишкомъ мало свѣденій научныхъ,—или, собственно говоря, совсѣмъ ихъ не было, — то взамѣнъ старинный русскій книжникъ былъ очень богатъ знаніемъ легендарнымъ и апокрифическимъ. Мы уже имѣли случай указывать, что этого рода знаніе возникало съ самыхъ первыхъ шаговъ нашей письменности, и съ теченіемъ времени оно только расширялось и все глубже проникало въ умы. Первобытное мышленіе неизмѣнно соединяется съ фантастикой: просто и трезво понимаются только внѣшнія матеріальныя отношенія, только ближайшіе, непосредственные факты личной и бытовой жизни,—но если и здѣсь, когда дѣлается попытка обобщеній, начинается фантастическая окраска, то тѣмъ больше она господствуетъ тамъ, гдѣ возникаютъ основные вопросы бытія природы и человѣка. Мы говорили о томъ, какъ древній языческій бытъ былъ проникнутъ миѳологіей: это была единственная привычная форма отвлеченной мысли и знанія; съ христіанствомъ она была мало-по-малу вытѣсняема новыми представленіями и, кромѣ истинъ вѣры, въ этихъ представленіяхъ съ самаго начала заняла мѣсто новая миѳологія своего рода, воспитанная легендой и апокрифическимъ сказаніемъ.

„Двоевѣріе“ стало все больше смѣняться фантастическимъ міровоззрѣніемъ, развивавшимся на христіанской почвѣ, и на помощь которому явился обширный матеріалъ, приходившій изъ того же главнаго источника — Византіи, отчасти черезъ южно-славянское посредство, отчасти и прямо. Легендарная и апокрифическая стихія, какъ мы имѣли случай указывать, находила мѣсто даже въ книгахъ вполнѣ авторитетныхъ или признаваемыхъ авторитетными [1]); тѣмъ больше было этой стихіи въ собственно апокрифическихъ сочиненіяхъ, которыя въ полномъ составѣ или въ отрывкахъ и отголоскахъ являются въ первыхъ памятникахъ русской письменности, какъ перенятыхъ отъ южнаго славянства, такъ и собственныхъ. Эта стихія имѣла особенные задатки успѣха именно потому, что приносила богатый запасъ фантастики, которая—въ своемъ источникѣ имѣя нерѣдко своего рода народно-поэтическое происхожденіе,—хотѣла дополнить недосказанное въ писаніи и церковномъ ученіи и всего чаще касалась самыхъ таинственныхъ, и завлекательныхъ для наивной мысли, вопросовъ міротворенія, событій священной исторіи, божественнаго міроправленія отъ самыхъ крупныхъ до мелкихъ фактовъ человѣческой жизни, и, наконецъ, вопросовъ будущей судьбы человѣка и вселенной. Въ соединеніи съ признанной христіанской легендой, къ которой она обыкновенно примыкала и какъ бы съ нею совпадала, эта апокрифическая стихія не могла не производить сильнаго впечатлѣнія на умы, не вооруженные знаніемъ, не владѣвшіе критикой, но уже съ пробужденной потребностью съ одной стороны понять вопросы, поставленные христіанскимъ ученіемъ, а съ другой видѣть ихъ рѣшеніе въ наглядной поэтической картинѣ,—потому что предшествующая ступень развитія заставляла искать именно фантастическаго сказанія, если не настоящаго эпоса. Такимъ образомъ создалось цѣлое оригинальное міровоззрѣніе, въ которомъ соединились и отголоски туземной миѳологической и поэтической старины, и новые матеріалы изъ церковнаго ученія, изъ миѳологіи и поэзіи христіанской. Когда христіанство, въ ученіи, обрядѣ и легендѣ, возобладало надъ умами, вся жизнь окружена была религіознымъ колоритомъ: изъ писанія и легенды заимствованы были представленія о твореніи міра, о прошедшей исторіи человѣчества, о жизни природы, о силахъ, правящихъ участію народовъ и каждаго человѣка, о мірѣ загробномъ. Церковное освященіе простерлось

[1]) Выше названы книги, какъ напр. Златоструй, Палея, Козьма Индикопловъ, церковные писатели, византійскіе хронисты, и т. д.

на всѣ факты общественной и личной жизни: въ молитвѣ и видѣніи человѣкъ вступалъ въ прямое отношеніе къ божественнымъ силамъ, или посредниками являлись святые, которые бывали ближайшими покровителями каждаго человѣка, принимавшаго ихъ имя; святые становились патронами цѣлыхъ народовъ или областей, городовъ, обителей; на всякій случай жизни готово было легендарное средство защиты, помощи, исцѣленія въ видѣ особой молитвы, заклинанія, талисмана; все это становилось религіей и поэзіей вмѣстѣ. Понятно, что въ этой религіи и поэзіи оставлялъ свой отпечатокъ тотъ умственный уровень, въ которомъ они созидались: вѣра слишкомъ часто становилась суевѣріемъ, даже крайне грубымъ; въ понятіяхъ о природѣ изъ-за фантастической легенды забывался даже непосредственный опытъ; почитаніе святыни впадало иногда въ фетишизмъ; въ концѣ концовъ это настроеніе умовъ становилось помѣхой, удаляло самую возможность анализа или, при возникавшей работѣ мысли, приводило къ тѣмъ крайностямъ, какія представляются во многихъ умствованіяхъ средневѣковой схоластики. Съ другой стороны, легендарное міровоззрѣніе не всегда способствовало нравственному воспитанію въ духѣ христіанства: религія, заражаясь суевѣріемъ, не оказывала своего дѣйствія на жестокіе нравы: бывали строгіе подвижники, но рядомъ сохранялась первобытная дикость, въ которой не отдавали себѣ отчета. Когда это міровоззрѣніе начинало колебаться и возникала потребность въ новыхъ представленіяхъ, то на первый разъ работа мысли шла въ томъ же кругу легендарныхъ идей и выражалась „ересью“.

Указанный порядокъ представленій былъ въ разныхъ оттѣнкахъ (при бо́льшей или меньшей степени культуры) общею чертой первыхъ вѣковъ христіанства, на востокѣ и на западѣ. Съ распространеніемъ христіанства это міровоззрѣніе, — которое вообще представляется спеціально „средневѣковымъ“, и которое, въ различной степени, хранится до сихъ поръ въ народныхъ массахъ христіанскаго міра,—водворялось у вновь обращаемыхъ народовъ, воспринимавшихъ источники его въ христіанской легендѣ первыхъ вѣковъ; у вновь обращенныхъ эта легенда получала новые отростки, но съ тѣмъ же традиціоннымъ характеромъ. Отсюда—то обиліе параллелей, какія новѣйшее изслѣдованіе находитъ въ восточныхъ и западныхъ легендарныхъ сказаніяхъ: частію это были тѣ же самые мотивы, которые нѣкогда укрѣплялись и на восточной и на западной почвѣ, частію ихъ новые варіанты, въ которыхъ сберeглось сходство ихъ основы. При всемъ различіи національной почвы, на которую въ разныхъ

странахъ попадалъ этотъ легендарный матеріалъ, его средневѣковыя изложенія очень часто представляютъ замѣчательное сходство: единство основной темы и общаго тона мысли между прочимъ должно было очень облегчать международное распространеніе легенды. Была однако великая разница въ литературной судьбѣ легенды и апокрифическаго сказанія на славяно-русскомъ востокѣ и на средневѣковомъ западѣ. Вслѣдствіе того, что на западѣ уже рано началось сильное литературное развитіе, какого древнее славянство и древняя Русь никогда въ такихъ размѣрахъ не знали, легендарно-апокрифическій матеріалъ рано получилъ на западѣ литературную обработку, и латинскую и національную, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и впослѣдствіи началось новое литературное развитіе: этотъ матеріалъ вошелъ и въ схоластическія умствованія, и въ проповѣдь, и въ легендарную повѣсть, поэму и драму, гдѣ къ нему присоединялись мало-по-малу и новые литературные мотивы. Въ письменности славяно-русской литературное развитіе легендарно-апокрифическаго матеріала было тѣснѣе: онъ вошелъ въ агіографію, доставлялъ обильные мотивы для устной легенды и суевѣрія, и повидимому только довольно поздно отразился въ поэзіи духовнаго стиха, и частію—былины; но ни духовный стихъ, ни былина не вышли изъ области народнаго устнаго творчества. Съ другой стороны, если средневѣковая національная литература запада начала складываться раньше (латинская литература первыхъ среднихъ вѣковъ была уже ея подготовленіемъ), то въ ней гораздо раньше закончился и тотъ періодъ наивной непосредственности, который продержался у насъ до самаго XVIII вѣка: собственно говоря, эта полная непосредственность на западѣ была нарушена уже очень рано потому, что, когда въ популярной книжности еще господствовала сполна апокрифическая легенда, въ кругу болѣе образованномъ издавна сказывалось стремленіе къ обобщенію, къ критикѣ, и легенда потеряла непосредственную вѣру. Въ то время какъ у насъ до самаго XVIII вѣка апокрифическій матеріалъ сохранялъ весь свой авторитетъ и начитанность въ его разнообразныхъ произведеніяхъ считалась глубокимъ знаніемъ, въ западной литературѣ онъ не только потерялъ непосредственную вѣру, но становился уже предметомъ историко-критическаго изслѣдованія.

Обратимся къ произведеніямъ этой литературы.

Прежде всего мы опять встрѣчаемся здѣсь съ тою общею чертой нашей древней письменности, которую уже имѣли случай

указывать. Литература апокрифическихъ памятниковъ, какъ и всѣ источники церковнаго ученія и чтенія, была (за немногими исключеніями) происхожденія византійскаго, черезъ южно-славянское посредство. Въ цѣломъ она представляла довольно обширную массу крупныхъ и мелкихъ памятниковъ, но время появленія ихъ въ нашей письменности въ большинствѣ случаевъ не поддается опредѣленію: когда и какъ пришли они въ нашу письменность,— неизвѣстно; но, разъ появившись въ ней, они входятъ въ обращеніе и живутъ вѣками—рядомъ, старое съ болѣе позднимъ, первобытная форма съ новѣйшимъ варіантомъ; за однимъ исключеніемъ „болгарскихъ басенъ" попа Іереміи, нѣтъ указанія на источникъ этихъ сказаній. Не раздѣленные никакими литературными эпохами, эти памятники сливались въ одну безразличную массу, — какъ мы и находимъ ихъ разбросанными въ старыхъ сборникахъ.

Обширная популярность этой литературы свидѣтельствуется большимъ числомъ списковъ ея произведеній, а съ другой стороны упомянутыми обильными отраженіями ея въ народной поэзіи и въ массѣ отдѣльныхъ народныхъ повѣрій и суевѣрій. Церковныя правила издавна запрещали эту литературу: это были книги „ложныя" и „отреченныя". Особое исчисленіе апокрифической литературы заключается въ такъ-называемой статьѣ „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ", которая очень часто встрѣчается въ старинныхъ сборникахъ и была, наконецъ, напечатана въ такъ-называемой Кирилловой книгѣ 1644—1786 годовъ. Церковныя правила издавна строго осуждали тѣхъ, кто читаетъ эти книги и полагаетъ ихъ истинными: книги должно было сожигать, читающіе ихъ предавались проклятію; въ русской статьѣ „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ" говорилось, что читающій еретическія отреченныя книги есть врагъ божій, что эти книги „отъ бѣсовъ еретиками насѣяны невѣжамъ, на пагубу душамъ, какъ плевелъ посреди пшеницы, разжигая пламень вѣчныхъ мукъ"; отреченныхъ книгъ надо бѣгать, какъ Лотъ—Содома и Гоморра; ежели духовный отецъ не будетъ воздерживать отъ чтенія этихъ книгъ и самъ имъ повѣритъ, то пусть извержется своего сана и вмѣстѣ съ тѣми еретиками да будетъ проклятъ, „и написаная та на тѣлѣ его да сожгутся"; вообще „кто ложное писаніе почитаетъ, да будетъ проклятъ".

Но всѣ эти заклятія не помогли: отреченныя книги переполняютъ старую русскую письменность, при чемъ мы находимъ ихъ или отдѣльными памятниками въ старыхъ сборникахъ, рядомъ съ обыкновеннымъ благочестивымъ чтеніемъ, или въ видѣ эпизоди-

ческихъ разсказовъ, между прочимъ находившихъ мѣсто въ книгахъ самыхъ авторитетныхъ, положительно названныхъ въ разрядѣ книгъ „истинныхъ“, какъ напримѣръ два чисто византійскихъ произведенія — Палея и книга Козьмы Индикоплова. Въ литературѣ первыхъ вѣковъ христіанства апокрифическія книги (древнѣйшія, имѣвшія ближайшее отношеніе къ исторіи ветхаго и новаго завѣта) имѣли двойственное положеніе. Названіе „апокрифическихъ“ (тайныхъ, скрываемыхъ, долженствующихъ быть скрываемыми) означало первоначально не то, чтобы онѣ были совершенно ложны и запретны, а только то, что ими должно было пользоваться съ осторожностью, что онѣ должны были служить только „для мудрыхъ“, для людей опытныхъ, и должны были быть скрываемы отъ людей неопытныхъ, которые не умѣли бы отличить, чтò могло быть въ нихъ истиннаго и чтò ложнаго. Дѣло въ томъ, что древнѣйшія апокрифическія книги, восходящія (по ветхому завѣту) еще ко временамъ до Рождества Христова, какъ полагалось (и какъ до сихъ поръ полагаютъ ученые), основывались не на одномъ произволѣ фантазіи, а передавали дѣйствительное (своего рода эпическое) преданіе еврейскаго народа, и цѣнились какъ такое преданіе. Эти книги не были приняты въ канонъ, потому что не все ихъ содержаніе сочтено было достовѣрнымъ; но многое изъ нихъ полагалось вѣроятнымъ, и у писателей первыхъ вѣковъ христіанства (въ двухъ-трехъ случаяхъ даже у писателей апостольскихъ) встрѣчаются очевидныя заимствованія изъ ветхозавѣтныхъ апокрифическихъ книгъ. Нѣчто подобное было и съ апокрифами новозавѣтными; но здѣсь появленіе самыхъ книгъ стояло гораздо ближе къ установленію канона, такъ что книги, въ него не вошедшія, раньше вызвали неодобреніе,—и только позднѣе высказано было формальное запрещеніе ложныхъ книгъ въ особомъ индексѣ. Но если у самихъ византійскихъ писателей, какъ Индикопловъ, какъ авторъ Палеи, какъ византійскіе хронисты и т. д., оказывался недостатокъ въ различеніи источниковъ истинныхъ и ложныхъ, то наши старые книжники страдали этимъ недостаткомъ еще въ гораздо большей степени. Повидимому, они даже не задавали себѣ этого вопроса: апокрифическое сказаніе, притомъ всего чаще прикрываемое какимъ-либо славнымъ и священнымъ именемъ, носило въ своемъ тонѣ всѣ признаки благочестиваго повѣствованія, и благочестивый обманъ удавался вполнѣ: критика не приходила въ голову, и старинный книжникъ вообще былъ къ ней мало способенъ по всему его умственному складу. Только позднѣе и въ исключительныхъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ подобной критикой — какъ, на-

примѣръ, у Максима Грека или князя Курбскаго. Но было налицо формальное запрещеніе ложныхъ книгъ, заповѣданное апостольскими правилами, постановленіями соборовъ, наставленіями отцовъ церкви, и на это нельзя было не обратить вниманія. Византійскій индексъ перешелъ и къ намъ въ видѣ упомянутой статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Первоначально это было только простое повтореніе византійскаго индекса, гдѣ притомъ было только перечисленіе однѣхъ „истинныхъ", каноническихъ книгъ, къ которому прибавлено было потомъ (еще въ греческомъ источникѣ) краткое указаніе книгъ апокрифическихъ. Повидимому, съ XIV-го вѣка византійскій кодексъ начинаетъ дополняться на первый разъ, можетъ быть, южно-славянскими, а затѣмъ, кажется, только исключительно русскими добавленіями. Въ этомъ расширенномъ составѣ статья и читается обыкновенно въ спискахъ XVI и XVII столѣтія [1]). Сводный текстъ ея, представляющій окончательную форму, въ какой сложилось понятіе старыхъ книжниковъ о составѣ отреченной литературы, еще носитъ на себѣ слѣды византійскаго индекса, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ самостоятельныя указанія о составѣ славяно-русской апокрифической литературы, а вмѣстѣ и о томъ, что уже не имѣло отношенія къ канону и было только суевѣріемъ, на которое книжникъ призывалъ громы церковнаго запрещенія. Дѣло въ томъ, что еще въ греческомъ индексѣ рядомъ съ апокрифическими церковными книгами поставлены были книги астрологическія и гадательныя. Нельзя сказать, чтобы въ древней Руси умы были слишкомъ заражены астрологіей, но по греческому примѣру въ нашей старой письменности предаются суровому осужденію „остронумѣя" и „звѣздочетье"; то и другое прописано въ числѣ „ложныхъ книгъ", а затѣмъ въ ряду тѣхъ же книгъ перечисленъ рядъ различныхъ народныхъ суевѣрій.

Исторія перехода въ нашу письменность отреченной литературы еще не вполнѣ выяснена, какъ еще не выяснено и отношеніе нашихъ текстовъ къ ихъ византійскимъ источникамъ.

---

[1]) Обзоръ источниковъ нашей статьи (съ XI-го вѣка), различныхъ варіантовъ ея и сводный текстъ, заключающій возможно полный составъ ея содержанія, сообщены были мною въ „Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи". Спб. 1862, I, стр. 1—55: „Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ". См. также „Памятники русской отреченной литературы", Тихонравова, 1863, предисловіе, и „Апокр. сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки", Порфирьева, 1877, стр. 1—31; и докладъ Тихонравова на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, о чемъ упомянемъ далѣе. О происхожденіи византійскаго индекса въ книгѣ Порфирьева: „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ". Казань, 1872—1873, стр. 142—168.

Едва ли сомнительно одно, что источникъ былъ византійскій и что памятники приходили къ намъ отъ южныхъ славянъ, особливо болгаръ: послѣдніе были вообще ближайшими сосѣдями греческой книги и какъ черезъ нихъ приходили къ намъ основныя произведенія святоотеческой литературы, такъ по всей вѣроятности они же были посредниками въ усвоеніи популярной церковной литературы, какою были апокрифы. Изъ южно-славянской литературы многое должно было погибнуть вслѣдствіе турецкихъ опустошеній, но въ тѣхъ рукописяхъ, какія изстари сохранились въ Россіи, а въ послѣднее время разысканы новѣйшими изслѣдователями (у насъ въ особенности Григоровичемъ и Гильфердингомъ), нашлись между прочимъ и многіе памятники литературы апокрифической. Нѣкоторыя указанія говорятъ прямо объ источникѣ южно-славянскомъ; у насъ существовало обозначеніе отреченныхъ книгъ названіемъ: болгарскія басни; въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, о нѣкоторыхъ книгахъ замѣчено, что ихъ „солгалъ" Іеремія, болгарскій попъ, который ставился въ какую-то связь съ попомъ Богомиломъ, родоначальникомъ богомильской ереси. Первое, извѣстное до сихъ поръ упоминаніе попа Іереміи въ индексѣ относится къ XIV вѣку [1]); но, собственно говоря, его „басни" могли быть у насъ извѣстны и гораздо раньше, какъ еще въ до-татарскомъ періодѣ существовали другія апокрифическія книги.

По старымъ рукописямъ, по упоминаніямъ и намекамъ памятниковъ можно возстановить цѣлый рядъ апокрифическихъ сказаній, которыя извѣстны были въ этомъ древнемъ періодѣ или въ цѣломъ составѣ, или въ отрывкахъ у церковныхъ писателей. Такъ въ Палеѣ, пришедшей къ намъ еще въ древнемъ періодѣ и уже извѣстной начальному лѣтописцу, помѣщены „Завѣты" двѣнадцати патріарховъ, „Лѣствица" патріарха Іакова, и разсѣяны различныя апокрифическія подробности библейской исторіи; „Видѣніе" пророка Исаіи, „Паралипомены" пророка Іереміи, апокрифическое „Сказаніе" отца Агапія извѣстны въ рукописи XII вѣка (Четьминея московскаго Успенскаго собора); „Хожденіе Богородицы по мукамъ"—также въ рукописи XII вѣка [2]); „Сказаніе Афродитіана о чудѣ въ персидской землѣ"—въ рукописи XIII вѣка; въ житіи Авраамія смоленскаго упоминается объ укорахъ ему, что онъ читалъ какія-то, видимо апокрифическія, „Глубинныя книги"; апокрифическое „Житіе преподобнаго Нифонта" находится

[1]) Погодинскій Номоканонъ, № 31; см. „Лѣтопись занятій Арх. Ком.", 1862, стр. 26—27.

[2]) Сборникъ Троицкой Лавры.

въ рукописи Троицкой Лавры 1219 года; подобное апокрифическое житіе священномученика Панкратія переведено было въ Болгаріи въ первой половинѣ XI вѣка; Меѳодія Патарскаго (или ему приписываемое) „Слово о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ“ было цитировано нашимъ начальнымъ лѣтописцемъ подъ 1096 годомъ [1]); мы упоминали, наконецъ, что эпизоды апокрифовъ знакомы были въ нашей письменности на самыхъ первыхъ порахъ изъ византійскихъ хронистовъ, Палеи, отчасти также изъ писаній самыхъ авторитетныхъ отцовъ церкви.

Позднѣе, съ XIV—XV вѣка, количество памятниковъ очень размножается, при чемъ первое появленіе рукописи, сохранившейся до нашего времени, конечно, не означаетъ перваго появленія самаго памятника; напротивъ, во многихъ случаяхъ, если не во всѣхъ, надо предположить, что самый памятникъ появился ранѣе,— и многое изъ нашего средняго періода можетъ быть отнесено въ періодъ до-монгольскій. Далѣе, апокрифическое сказаніе, разъ утвердившись въ нашей письменности, не оставалось неизмѣннымъ: оно подвергалось разнаго рода переработкамъ, дополненіямъ (по другимъ параллельнымъ сказаніямъ) и пріуроченіямъ, такъ что различные списки представляютъ обыкновенно большое количество варіантовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ разнорѣчіе столь значительно, что предполагаетъ съ самаго начала различныя редакціи сказанія. Къ XVI и XVII вѣку, внѣшній объемъ этой литературы чрезвычайно расширился, и мы говорили уже о томъ, что популярность ея выразилась наконецъ обширнымъ вліяніемъ ея на произведенія народной поэзіи. Для этого послѣдняго необходимо, конечно, предположить, что апокрифическія сказанія въ теченіе очень долгаго времени вращались въ средѣ грамотныхъ людей, отъ которыхъ принимали ихъ и неграмотные. Дѣйствительно, во всей нашей старой письменности мы постоянно встрѣчаемся съ этими отголосками апокрифическихъ сказаній), заимствованными или прямо изъ самихъ памятниковъ, или взятыми изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, когда они становились дѣломъ общеизвѣстнымъ [2]). Въ начальной лѣтописи, въ проповѣди греческаго философа передъ княземъ Владиміромъ,—слѣдовательно, въ первомъ, отмѣченномъ исторіею, изложеніи христіанскаго уче-

---

[1]) Ср. Голубинскаго, „Исторія русской церкви“, т. I, первая половина, стр. 745, 747, 756—757, и изданія ложныхъ книгъ.

[2]) „Въ памятникахъ древней письменности,—писалъ Порфирьевъ,—апокрифическіе элементы распространены такъ сильно, что въ рѣдкомъ изъ нихъ мы не встрѣчаемъ если не апокрифическаго сказанія, то по крайней мѣрѣ какой-нибудь апокрифической подробности“ и т. д. „Апокрифическія сказанія“, 1877, стр. 8.

нія и священной исторіи среди русскихъ,—мы находимъ цѣлый рядъ апокрифическихъ эпизодовъ (взятыхъ изъ Палеи): о паденіи Сатанаила и десятаго чина ангеловъ; о томъ, какъ дьяволъ научилъ Каина убить Авеля и какъ Адамъ и Ева тридцать лѣтъ оставили тѣло Авеля непогребеннымъ, не зная способа погребенія; о томъ, что Серухъ первый началъ дѣлать идоловъ, что Авраамъ, чтобы испытать силу идоловъ, зажегъ кумирницу своего отца Ѳары, о томъ, что египетскіе волхвы предсказали Фараону рожденіе Моисея, что дочь Фараона, взявшая Моисея на воспитаніе, называлась Ѳермуфіей, что Моисей, будучи четырехъ лѣтъ, сбросилъ вѣнецъ съ головы Фараона и т. д. Въ поученіи Владиміра Мономаха замѣчаютъ вліяніе апокрифическихъ „Завѣтовъ", именно завѣта патріарха Іуды; быть можетъ, ими внушена самая мысль написать поученіе дѣтямъ, гдѣ, какъ и въ „Завѣтахъ", разсказываются факты собственной жизни. Старые русскіе паломники отправлялись въ свои хожденія, уже подготовленные апокрифическими знаніями, и съ своей стороны подкрѣпляли ихъ собственными опытами: игуменъ Даніилъ разсказывалъ о главѣ Адамовой, погребенной въ томъ мѣстѣ Голгоѳы, гдѣ былъ распятъ Спаситель, о Мельхиседекѣ, о столпѣ Давидовѣ, на которомъ царь Давидъ составилъ псалмы; архіепископъ Антоній записываетъ апокрифическія преданія въ Царьградѣ; позднѣйшіе паломники также не упускаютъ упомянуть апокрифическихъ преданій въ своихъ разсказахъ о святой землѣ. Архіепископъ Нифонтъ новгородскій упоминаетъ апокрифическую подробность въ своихъ отвѣтахъ на вопрошанія Кирика; архіепископъ Василій разсказываетъ цѣлую апокрифическую исторію о земномъ раѣ, пріурочивая ее къ приключеніямъ „своихъ" новгородцевъ, и т. д. Церковныя запрещенія, на основаніи авторитета апостольскихъ правилъ и постановленій соборовъ, продолжали предавать проклятію отреченныя книги, объявлять врагами божіими ихъ читателей, грозить казнями въ будущемъ вѣкѣ; но чтеніе книгъ, очевидно, только возростало.

Параллельно съ тѣмъ, какъ расширялась эта литература, расширялся и индексъ. Въ своемъ докладѣ (оставшемся неизданнымъ и извѣстномъ только по краткому отчету) объ исторіи статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, Тихонравовъ замѣчалъ, что начало этой исторіи восходитъ къ первымъ памятникамъ русской письменности, а конецъ ея совпадаетъ съ эпохой, предшествовавшей реформамъ Петра Великаго, такъ какъ статья въ окончательномъ видѣ явилась въ знаменитой Кирилловой книгѣ 1644 г. „Этотъ небольшой памятникъ отразилъ важнѣйшіе фазисы куль-

турнаго развитія древней Россіи; поэтому разложеніе его на составныя части можетъ объяснить намъ, какого рода вліяніе на русскую письменность шло изъ Болгаріи, Сербіи, Византіи, далекаго христіанскаго Востока, и что̀ въ ней возникло независимо отъ посторонняго вліянія". О составленіи списка каноническихъ книгъ начали думать во второмъ вѣкѣ по Р. Х.; древнѣйшій славянскій списокъ относится къ XI вѣку: статья, приписываемая Анастасію (Синаиту), была основнымъ зерномъ, изъ котораго развилась впослѣдствіи русская статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Тихонравовъ съ особенною подробностью останавливался на болгарскомъ индексѣ, который принесенъ былъ въ Россіи митрополитомъ Кипріаномъ (во второй половинѣ XIV-го вѣка) и помѣщенъ въ его требникѣ. „Этотъ индексъ значительно отличается отъ своего оригинала, т.-е. указаній Анастасія. Главное отличіе его заключается въ страстной полемикѣ автора съ тѣми еретиками, которые распустили множество ложныхъ писаній на соблазнъ людей, и во главѣ которыхъ былъ попъ Іеремія. По всѣмъ соображеніямъ, составленіе этого индекса должно быть отнесено къ первой половинѣ XI-го в. Въ XV вѣкѣ статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ измѣнилась въ томъ отдѣлѣ, который посвященъ былъ книгамъ истиннымъ: здѣсь нашла себѣ представителей вся почти оригинальная русская письменность, которая была плодомъ христіанскаго просвѣщенія, развивавшагося подъ византійскимъ вліяніемъ и особенно процвѣтавшаго въ XV в. Затѣмъ, вопросъ о томъ, какія книги нужно считать ложными, въ XVI в. получилъ особенное значеніе. Онъ вытекалъ изъ потребностей русской жизни, смущенной еретическими ученіями и толками о концѣ міра. Подъ вліяніемъ эпохи измѣнилась и статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ... Съ конца XVI в. начинаютъ проникать въ русскую жизнь иностранныя вліянія, появились сочиненія, переведенныя съ нѣмецкаго, польскаго и латинскаго языковъ,—и вотъ въ статью заносятся заглавія этихъ сочиненій. Въ началѣ XVI в., когда господство византійскихъ догматовъ сильно ослабѣло, когда вліяніе западное, поддерживаемое московскими государями, все болѣе и болѣе укрѣплялось, уже немногіе заводили рѣчь о необходимости преслѣдовать ложныя книги. Только отсталые люди, напр., старовѣры, могли еще въ то время сѣтовать, что православные увлекаются ложными ученіями" [1]). Должно, впрочемъ, прибавить, что этихъ отсталыхъ людей въ XVII в. было еще — большинство.

[1]) Труды третьяго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 года. Кіевъ, 1878. I, стр. LVIII—LIX.

Въ подробностяхъ, литература апокрифическихъ сказаній до сихъ поръ еще далеко не изслѣдована. На первый разъ нужно было опредѣлить ея наличный составъ и напечатать ея памятники: это послѣднее, какъ и первыя изслѣдованія этой литературы, не обошлось безъ внѣшнихъ затрудненій [1]). Кромѣ нѣсколькихъ частныхъ изслѣдованій, первыя болѣе обширныя разысканія объ источникахъ нашихъ апокрифовъ и сличенія нашихъ памятниковъ съ греческими текстами сдѣланы были въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ Порфирьева. Затѣмъ много цѣнныхъ указаній подобнаго рода и изданій отдѣльныхъ памятниковъ заключается въ изслѣдованіяхъ г. Веселовскаго и далѣе въ трудахъ Андрея Попова, гг. Ягича, Жданова, Кирпичникова, Покровскаго, Мочульскаго и др. Чрезвычайно важный трудъ предпринятъ былъ въ этомъ направленіи однимъ изъ учениковъ Тихонравова, рано умершимъ А. Васильевымъ, который изучалъ въ западныхъ библіотекахъ греческіе памятники, служившіе ближайшимъ источникомъ славяно-русской апокрифической литературы: трудъ Васильева: Anecdota graeco-byzantina былъ изданъ только послѣ его смерти [2]). Первыя сличенія указываютъ уже, что и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, славяно-русскіе памятники могутъ доставить важныя дополненія и объясненія къ исторіи греческихъ текстовъ. Вслѣдъ за первыми русскими изданіями ложныхъ книгъ, многіе важные южно-славянскіе тексты напечатаны были учеными славянскими изъ мѣстныхъ памятниковъ: таковы труды Даничича, Ягича, Новаковича, Поливки, Начова и др. — цѣнные въ томъ отношеніи, что они служатъ къ разъясненію южно-славянскихъ связей нашей отреченной литературы.

Тотъ живой интересъ, какой возбуждали произведенія апокрифической литературы у насъ, какъ въ свое время на всемъ средневѣковомъ востокѣ и западѣ, объясняется состояніемъ религіозной мысли. Вообще говоря, апокрифы создавались въ такое время, которое исполнено было глубокой вѣры, но и—легковѣрія, происходившаго отъ неопытности критики, не воспитанной знаніемъ. Въ основѣ многихъ изъ этихъ произведеній лежало уже

[1]) Такія затрудненія представляла духовная цензура. Въ некрологическомъ воспоминаніи о Тихонравовѣ, г. Майкова, мы читаемъ, что онъ „лишенъ былъ возможности издать свое сочиненіе (объ отреченныхъ книгахъ) въ его полномъ составѣ". Журн. мин. просв. 1894, янв.

[2]) Пока только первый выпускъ, М. 1893; бо́льшая доля (оставшаяся въ бумагахъ Тихонравова) еще ждетъ изданія.

готовое народное преданіе; а если работала личная фантазія, то въ духѣ того же религіозно-поэтическаго творчества. Разъ занесенное въ книгу, сказаніе быстро распространялось въ средѣ, такимъ же образомъ настроенной, особливо въ тѣ времена, когда каноническое и не-каноническое было еще мало раздѣлено, а потомъ, когда это раздѣленіе не было достаточно извѣстно въ массѣ. Содержаніе сказаній было, однако, таково, что не могло не увлекать благочестиваго и любознательнаго читателя, и дѣйствительно увлекало его на всемъ пространствѣ христіанскаго міра отъ Палестины и Малой Азіи до крайняго запада Европы и отъ Эѳіопіи до скандинавскаго и русскаго сѣвера: исторія апокрифической литературы обнимаетъ всѣ христіанскія страны, лежавшія въ этихъ предѣлахъ, и даже переходитъ ихъ. Апокрифическія книги представлялись какъ бы съ тѣмъ же авторитетомъ, какъ книги самого св. писанія. Во главѣ ихъ стояли тѣ же славныя и священныя имена: книга Еноха, Завѣты двѣнадцати патріарховъ, Лѣствица Іакова, исторія Моисея; Давидъ, Соломонъ, пророки—съ новыми чудесными сказаніями и прореченіями; въ Новомъ Завѣтѣ — нѣсколько новыхъ евангелій сверхъ извѣстныхъ четырехъ, съ именами Іакова, Никодима, исторіи апостоловъ; тонъ этихъ книгъ былъ тотъ же библейскій и евангельскій — та же возвышенная простота, то же важное пророческое, иногда загадочное слово, тѣ же религіозныя представленія. Если эта внѣшность производила впечатлѣніе и вынуждала къ вѣрѣ, то самые разсказы представлялись какъ бы необходимымъ добавленіемъ къ тому, чтò не было досказано въ библейскихъ книгахъ и чтò было, однако, исполненно величайшаго интереса для вѣрующаго, который естественно стремился ближе узнать тайны творенія, недостававшія черты священной исторіи, тайны жизни загробной. Апокрифъ доставлялъ обо всемъ этомъ множество самыхъ завлекательныхъ, часто поразительныхъ и обыкновенно весьма наглядныхъ подробностей. Тамъ, гдѣ библейскій и евангельскій разсказъ былъ кратокъ, гдѣ у читателя возникалъ вопросъ, апокрифъ являлся, чтобы удовлетворить любознательность, досказать то, чего не было въ священной книгѣ, и въ представленіяхъ читателя то и другое сливалось въ цѣльную, опредѣленную картину. Такъ было въ первые вѣка христіанства, и такъ повторялось у новыхъ народовъ, обращаемыхъ въ христіанство: у нихъ снова являлось это настроеніе глубокой вѣры, принимавшей и то, чтò оффиціальная церковь сочла, наконецъ, нужнымъ останавливать и запрещать. Едва ли сомнительно, что апокрифическимъ сказаніямъ, представлявшимъ собою своего рода религіозный эпосъ, нерѣдко фанта-

стическій, принадлежала не малая роль въ замѣнѣ стараго языческаго міровоззрѣнія новымъ христіанскимъ: на народныя массы должно было особенно дѣйствовать въ апокрифѣ то чудесное, которое для нихъ всегда такъ заманчиво. Если въ первые вѣка по принятіи христіанства дѣйствительно было двоевѣріе съ большою примѣсью еще свѣжихъ воспоминаній язычества, то позднѣе въ этомъ двоевѣріи гораздо бóльшую долю начинаютъ занимать христіанскіе элементы въ видѣ своего рода христіанской миѳологіи, главный матеріалъ которой былъ доставленъ именно чудесными апокрифическими сказаніями.

Эти сказанія сопровождали всѣ главнѣйшія событія священной исторіи.

Міротвореніе, разсказанное въ книгѣ Бытія, было дополнено апокрифическими сказаніями, происходившими изъ іудейскихъ, христіанскихъ и, наконецъ, еретическихъ источниковъ. Такъ наша Палея разсказывала о сотвореніи ангеловъ въ первый день и о паденіи ихъ въ четвертый день. Здѣсь и въ другихъ сказаніяхъ сообщены были (неизвѣстныя Библіи) имена „воеводъ", стоявшихъ во главѣ девяти ангельскихъ чиновъ, и воеводы десятаго, отпавшаго чина, Сатанаила. Ученіе объ ангелахъ, правящихъ стихіями, было развито съ подробностями, опять неизвѣстными св. писанію. Пребываніе Адама въ раю, изгнаніе изъ рая, убійство Авеля Каиномъ, покаяніе Адама, смерть его опять передаются съ подробностями, отсутствующими въ Библіи, обставлены символизмомъ, въ которомъ судьба Адама прообразовала различныя будущія событія священной исторіи, и, наконецъ, въ исторію сотворенія Адама введена дуалистическая легенда.

Богъ создалъ человѣка въ землѣ мадіамской, взявши отъ восьми частей: 1) отъ земли—тѣло, 2) отъ камня — кости, 3) отъ моря—кровь, 4) отъ солнца—очи, 5) отъ облака—мысли, 6) отъ свѣта—свѣтъ, 7) отъ вѣтра—дыханіе, 8) отъ огня—тепло. Когда Богъ пошелъ взять отъ солнца очи и Адамъ лежалъ на землѣ, то пришелъ къ Адаму окаянный Сатана и вымазалъ всего его грязью; и когда Богъ, возвратившись, хотѣлъ вложить Адаму очи, то увидѣлъ его въ грязи, разгнѣвался на дьявола и проклялъ его. Дьяволъ исчезъ какъ молнія сквозь землю. Господь, снявши съ Адама „пакости сатанины", сотворилъ изъ этого собаку и повелѣлъ ей стеречь Адама, а самъ отошелъ въ горній Іерусалимъ за Адамовымъ дыханіемъ. Сатана во второй разъ пришелъ, чтобы напустить на Адама злую скверну, но, увидѣвъ въ ногахъ его собаку, которая начала на него лаять, испугался и, взявши дерево, истыкалъ имъ всего Адама и сотворилъ въ немъ семьде-

сять недуговъ. Господь, возвратившись, снова отогналъ дьявола, но недуги вошли внутрь человѣка. Затѣмъ Господь позаботился дать Адаму имя и послалъ ангела своего—взять *азъ* на востокѣ, *добро* на западѣ, *мыслете* на сѣверѣ и на югѣ, и человѣкъ былъ названъ Адамомъ. Онъ сталъ царемъ всѣмъ землямъ, и птицамъ небеснымъ, и звѣрямъ земнымъ, и рыбамъ морскимъ, и Богъ далъ ему „самовласть". Затѣмъ Господь насадилъ на востокѣ рай и велѣлъ Адаму пребывать въ немъ, навелъ на него сонъ, создалъ изъ ребра его Еву, и въ этомъ снѣ Господь показалъ ему свою смерть и распятіе и воскресеніе и вознесеніе за полъшесты тысячи лѣтъ: и увидѣлъ Адамъ Господа распятаго, Петра ходящаго въ Римѣ, Павла учащаго народъ въ Дамаскѣ и т. д. Проснувшись въ великомъ трепетѣ, Адамъ сказалъ Господу о своемъ видѣніи и Господь ему сказалъ: ради тебя подобаетъ мнѣ сойти на землю, быть распяту и воскреснуть на третій день, а ты никому не повѣдай этого видѣнія, пока не увидишь меня въ раю, сидящимъ одесную Отца, и ты объ этомъ поскорби. Адамъ пробылъ въ раю семь дней и этимъ прообразовалъ Господь жизнь человѣческую: „десять лѣтъ исполнится роженіе, 20 лѣтъ — юноша, 30 лѣтъ — свершеніе, 40 лѣтъ—средовѣчіе, 50 лѣтъ—сѣдина, 60 лѣтъ—старость, 70 лѣтъ—скончаніе". Эти же семь дней прообразовали и другое: семь дней означаютъ семь тысячъ лѣтъ существованія міра, „а восьмой тысячѣ нѣтъ конца". Это будетъ вѣкъ безконечный.

Приведенное сказаніе видимо составляетъ отголосокъ того дуалистическаго преданія о міротвореніи, которое приписывается богомильской ереси. Въ старой письменности встрѣчается и сказаніе о первоначальномъ актѣ міротворенія, въ которомъ подлѣ Бога является участникомъ Сатанаилъ въ видѣ плавающей птицы гоголя... Новѣйшія изслѣдованія объ этомъ дуалистическомъ преданіи, сдѣланныя особливо г. Веселовскимъ, указываютъ обширное распространеніе этой легенды, доходящей до глубины средней Азіи; но первый источникъ ея все еще представляется темнымъ. Съ какихъ поръ это преданіе, въ его повидимому именно богомильской формѣ, стало извѣстно въ нашей письменности и народномъ обращеніи, неизвѣстно: оно встрѣчено было пока только въ болѣе позднихъ рукописяхъ, но форма его свидѣтельствуетъ о давнемъ обращеніи легенды въ народной письменности.

Дуалистическое сказаніе, происходившее изъ источника еретическаго, собственно говоря, не совпадаетъ съ обычнымъ библейскимъ апокрифомъ, который хотя и не опредѣляетъ точнѣе отношенія добраго и злого начала, но не доходитъ до такого рѣзкаго

противоположенія ихъ, какъ въ богомильской легендѣ. Наши книжники, повидимому, совсѣмъ не замѣчали разнорѣчія: по обычаю, они принимали и то и другое—довольно того, что та или другая легенда разсказывала нѣчто символически таинственное и чудесное.

Въ апокрифахъ Палеи первая судьба человѣка старательно изображается, какъ прообразованіе будущей судьбы человѣчества, даже въ малѣйшихъ подробностяхъ. Напримѣръ, какъ отъ Адама произошла жена безъ сѣмени, такъ и Христосъ, хотя спасти человѣчество, родился отъ дѣвы безъ сѣмени. Какъ древо добра и зла стояло посреди рая и, вкусивши отъ него, Адамъ и Ева осуждены были на смерть, такъ крестъ Христовъ водрузился посреди земли и Адамъ, впадшій въ грѣхъ отъ древа, спасенъ былъ древомъ крестнымъ. Какъ Адамъ, вкусивши отъ древа, скрывался, такъ по расцятіи Господа тьма была по всей земли отъ 3-го часа до 9-го. Отъ ребра создана жена и черезъ нее вошелъ грѣхъ; потому и Спасъ нашъ милосердый вознесся на крестъ, чтобы исцѣлить ребро Адамово; отъ ребра Адамова вышелъ струпъ и вслѣдствіе грѣха смертный отвѣтъ на родъ человѣческій; отъ ребра же Спасова вышла пречистая кровь на омовеніе грѣховъ и т. д.

Въ апокрифѣ, имѣющемъ видъ „исповѣданія Евы“ на вопросы ея внуковъ, разсказъ о грѣхопаденіи и изгнаніи изъ рая ведется отъ лица Евы. Соблазняя первыхъ людей, дьяволъ пришелъ къ нимъ въ видѣ свѣтлаго ангела, и на слова ихъ, что Богъ не велѣлъ вкушать имъ отъ райскаго древа, жалѣлъ ихъ, что они этого не разумѣютъ, потому что, еслибы съѣли отъ того древа, то были бы какъ боги. Когда Ева вкусила отъ плода, то „сердце въ ней возмутилось“, она позвала Адама и сказала: приди ко мнѣ и посмотри великое чудо,—я отверзла уста и языкъ мой самъ во мнѣ заговорилъ. Когда и Адамъ, взявши отъ Евы, съѣлъ плода, ихъ очи отверзлись, они увидѣли свою наготу и въ сердцѣ явилась похоть; листья всѣхъ деревьевъ осыпались, кромѣ одной смоковницы. Они подошли подъ это неосыпавшееся дерево и сшили себѣ одѣяніе изъ листьевъ смоковницы. Адамъ тотчасъ почувствовалъ свой грѣхъ и молился Богу, но тѣмъ не менѣе ихъ изгнали изъ рая. Они почувствовали голодъ, обошли всю землю и не нашли никакой пищи, кромѣ травы; подошли опять къ раю, Адамъ плакался объ его утратѣ и просилъ Бога, чтобы онъ далъ ему райскаго благоуханія, чтобы поминать Бога, и Господь послалъ ему ѳиміамъ, ливанъ и ладанъ. Адамъ сотворилъ молитву и Богъ еще умилосердился: архангелъ Іоилъ „отдѣлилъ седь-

мую часть отъ рая" и подалъ имъ, и они поѣли плода терновнаго. Потомъ пришелъ архангелъ Михаилъ, научилъ Адама ручному труду, далъ ему пшеницу и медъ. Потомъ изгналъ всѣхъ животныхъ, звѣрей, гадовъ и птицъ и предалъ ихъ Адаму, который далъ имъ всѣмъ имена. Адамъ началъ воздѣлывать землю,— „и пришелъ къ нему дьяволъ и сталъ передъ нимъ говоря: земля моя, а божіи—небеса и рай; если хочешь быть моимъ, то воздѣлывай землю; если хочешь быть божіимъ, то иди въ рай. Адамъ сказалъ: божіи—небеса и земля, и вся вселенная. Напиши мнѣ рукописаніе, — сказалъ дьяволъ, — тогда дамъ тебѣ воздѣлывать землю (и не давалъ ему отойти), и тогда будешь мой. Адамъ сказалъ: чья земля, того и я и чада мои. Дьяволъ обрадовался и сказалъ: то мнѣ и запиши, что̀ говорилъ. И Адамъ далъ рукописаніе". Дьяволъ взялъ Адамово рукописаніе и скрылъ его подъ камнемъ въ Іорданѣ, а потомъ на этомъ мѣстѣ крестился Христосъ.

Но Адамъ сталъ помышлять объ избавленіи отъ дьявола и для этого наложилъ на себя и на Еву постъ. Онъ сказалъ Евѣ: войди въ рѣку Тигръ и положи камень себѣ на голову, а другой подъ ноги, и стой до выи въ водѣ, и никого не слушай, чтобы опять не прельститься,—онъ указалъ ей тайный знакъ и велѣлъ ей не выходить, пока онъ къ ней не придетъ. Самъ же онъ пошелъ каяться въ Іорданъ, и туда сошлись всѣ звѣри и птицы, и множество ангеловъ плакалось за Адама. Адамъ погрузился въ Іорданъ весь и пробылъ въ немъ сорокъ дней. Въ это время дьяволъ приходилъ къ Евѣ, чтобы соблазнить ее выйти изъ рѣки, сначала въ видѣ ангела, говоря ей, что Богъ услышалъ ея молитву и велѣлъ ей выйти изъ рѣки, потомъ въ видѣ самого Адама, но Ева не повѣрила, потому что не видѣла тайнаго знака, указаннаго ей Адамомъ. Наконецъ, Аеамъ совершилъ сорокъ дней и, идя отъ Іордана, увидѣлъ слѣдъ дьявола, приходившаго къ Евѣ, и очень убоялся, не была ли она прельщена, и очень обрадовался, увидѣвъ ее въ водѣ. Она не вѣрила и ему, пока онъ не указалъ ей тайнаго знака, и лишь тогда вышла изъ рѣки. „Тогда Богъ освободилъ насъ отъ дьявола и мы поселились въ Мадіамѣ".

Идетъ затѣмъ исторія Каина и Авеля, въ которой, между прочимъ, оказывается, что первому убійству научилъ также Сатана; исторія смерти Адама, при чемъ Адамъ послалъ своего сына Сиѳа къ вратамъ рая просить Господа, чтобы онъ послалъ своихъ ангеловъ и далъ ему „масла отъ древа милованія", чтобы помазать немощное тѣло. Тогда же или послѣ пошла къ раю Ева; на Сиѳа напалъ лютый звѣрь, „рекомый Горгоній", и гналъ Сиѳа; Ева вступилась за сына и напоминала звѣрю, какъ (вѣ-

роятно, еще въ раю) она „своими руками хранила его"; звѣрь отвѣчалъ укоризнами за ея грѣхъ и Ева восплакала такъ, что слышно было отъ востока до запада. Сиѳъ заклялъ звѣря и дошелъ съ матерью до рая и плакалъ, посыпая голову перстью. Ему явился архангелъ и на просьбы его отвѣчалъ, что отъ болѣзни Адамовой нѣтъ лекарства, но уломилъ вѣтвь отъ дерева, изъ-за котораго Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, и далъ Сиѳу. Когда вѣтвь была принесена Адаму, онъ глубоко вздохнулъ, свилъ изъ нея вѣнецъ, возложилъ на свою голову и увидѣлъ руку Господню, принимающую его душу. По смерти его явился архангелъ, который научилъ, какъ похоронить его тѣло. Въ это время былъ голосъ съ неба, призывавшій Адама и говорившій: ты земля и пойдешь въ землю. Черезъ шесть дней послѣ Адама умерла Ева. Изъ вѣнца, бывшаго на головѣ Адама, выросло пречудное дерево, ростущее на трое, и высотою превосходило оно всѣ деревья... По другимъ разсказамъ райское дерево выросло на три столба: одинъ—Адамъ, другой—Ева, третій по серединѣ—самъ Господь. Исторія этихъ деревьевъ продолжается въ другихъ апокрифахъ: чудесное ветхозавѣтное дерево послужило, во-первыхъ, царю Соломону при строеніи знаменитаго храма, во-вторыхъ послужило для крестнаго древа, на которомъ распятъ былъ Христосъ. Самое погребеніе Адама совершено было посреди земли въ Іерусалимѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ потомъ была Голгоѳа.

Мы упомянули только немногія апокрифическія сказанія, которыя связаны были съ именемъ Адама. Эти сказанія приходили изъ разныхъ источниковъ, смѣшивались отчасти еще на греческой почвѣ, а потомъ, быть можетъ, еще въ большей степени смѣшивались въ рукахъ нашихъ книжниковъ, большинство которыхъ не отличалось разборчивостью и нерѣдко сливало въ одинъ разсказъ разнорѣчивыя показанія, ставя ихъ рядомъ и не объясняя разнорѣчія. Исторія Адама повторялась апокрифически еще по другимъ поводамъ: по поводу строенія Соломонова храма, по поводу крестной смерти Спасителя; о раѣ и адѣ повѣствовали сказанія о новозавѣтныхъ святыхъ, которые или видѣли ихъ, или живали невдалекѣ отъ рая; случалось быть въ сосѣдствѣ этихъ мѣстъ и обыкновеннымъ смертнымъ, какъ, напримѣръ, тѣ русскіе мореходы, о которыхъ говоритъ новгородское сказаніе о раѣ; наконецъ, баснословная исторія Александра Македонскаго разсказывала, что въ своихъ чудесныхъ походахъ въ невѣдомыя страны царь Александръ былъ вблизи рая и видѣлъ двухъ исполинскихъ людей: это были Адамъ и Ева.

Длинный рядъ апокрифовъ сопровождалъ священную исторію,

и изъ нихъ было извѣстно многое, чего не знала Библія и что, между прочимъ открывало таинственную связь событій ветхаго и новаго завѣта. Такъ извѣстны были чудесныя сказанія о Мельхиседекѣ, объ Авраамѣ, о Лотѣ, о Моисеѣ, о волхвѣ Валаамѣ, который пророчествовалъ о Христѣ; извѣстно было сказаніе о Лѣствицѣ Іакова, Завѣты двѣнадцати патріарховъ и т. д. Разсказывалось, напримѣръ, какъ нѣкогда Богъ Отецъ, Сынъ и Святой Духъ въ видѣ путниковъ посѣтили Авраама: онъ велѣлъ Саррѣ омыть имъ ноги, а самъ пошелъ взять тельца, чтобы угостить странниковъ. Сарра разсказала потомъ мужу великое чудо: всѣмъ мимоходящимъ я омываю ноги, а теперь я вижу ноги, что они бездушны; я осязаю ихъ, а онѣ избѣгаютъ отъ моей руки. Когда Авраамъ приготовилъ трапезу, путники спросили его, есть ли у него сынъ; и когда онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, они сказами ему, что у него будетъ сынъ. Сарра „дерзо усклабилась" и сказала: господинъ мой старъ, а я—безчадная баба, то какъ я рожу сына? Она не вѣрила этимъ словамъ; но путники сказали, что они говорятъ правду. И когда они оканчивали трапезу, то прибѣжала мать закланнаго тельца, который былъ поданъ для трапезы, и ревѣла, отыскивая своего тельца; когда же путники встали отъ трапезы, то всталъ и заколотый телецъ и пошелъ вслѣдъ своей матери. „Увидѣвши это, Авраамъ палъ ницъ лицомъ, потому что не могъ смотрѣть на этихъ мужей".

О Лотѣ разсказывалось: Сотворивши грѣхъ, Лотъ пришелъ къ Аврааму съ покаяніемъ; Авраамъ былъ очень опечаленъ и сказалъ ему, чтобы онъ шелъ на рѣку Нилъ, исходящую изъ рая, и принесъ ему три головёшки, и Лотъ пошелъ черезъ непроходимыя пустыни. Авраамъ (не думая, чтобы Лотъ могъ искупить свой грѣхъ) полагалъ, что онъ или съѣденъ будетъ звѣрями, или погибнетъ отъ жажды и тѣмъ только избавится отъ своего грѣха. Но Лотъ спасся божіею помощью и, нашедши на рѣкѣ три головни отъ деревьевъ певга, кедра и кипариса, принесъ къ Аврааму. Послѣдній очень возрадовался, лобзалъ дерево и, пошедши съ Лотомъ на верхъ пустыни, водрузилъ три дерева лицомъ къ лицу на разстояніи трехъ локтей одно отъ другого и далъ Лоту завѣтъ, чтобы онъ ходилъ на Іорданъ и, самъ нося воду, поливалъ деревья, стоявшія на камнѣ, а Іорданъ былъ въ двадцати четырехъ поприщахъ. Трудясь такимъ образомъ, Лотъ поливалъ деревья и черезъ три мѣсяца сказалъ Аврааму, что деревья не только проросли, но и обнялись другъ съ другомъ. Авраамъ пришелъ на мѣсто и увидѣлъ, что деревья росли такъ, какъ сказалъ Лотъ, и поклонился Господу и сказалъ: это дерево

будетъ разрѣшеніемъ отъ грѣховъ. И такъ это дерево росло, имѣя корень, раздѣленный на три части, а въ серединѣ они не разлучались другъ отъ друга. „И такъ это было до царя Соломона, но объ этомъ древѣ скажемъ въ другомъ писаніи". Въ другомъ писаніи разсказывалось, что эти деревья послужили для Соломонова храма, а послѣ для креста, на которомъ былъ распятъ Христосъ.

О царѣ Давидѣ разсказывается, что однажды, когда онъ былъ въ большой болѣзни, ангелы восхитили его душу на небеса и показали ему на небесахъ образъ церковный (тема, которая впослѣдствіи повторялась много разъ, между прочимъ, въ Печерскомъ Патерикѣ) и сказали: пусть будетъ такой церковный домъ Богу въ Іерусалимѣ, и опять возвратили душу его въ тѣло. Вовставши, Давидъ началъ пѣть 83-й псаломъ и, призвавъ сына своего Соломона, разсказалъ ему свое видѣніе; Соломонъ усомнился, какъ можетъ жить Богъ въ рукотворенномъ храмѣ, но Давидъ подтвердилъ ему свое видѣніе и сдѣлалъ образъ церковный (чертежъ), который Соломонъ всегда носилъ съ собой. По смерти Давида пришелъ къ Соломону ангелъ и далъ ему на правую руку знаменіе, страшное и утаенное отъ всѣхъ людей (какъ полагаютъ, чудесный перстень, съ помощью котораго онъ, по еврейскому преданію, управлялъ духами, помогавшими ему строить храмъ), и Соломонъ началъ строеніе храма, для котораго работало множество людей и употреблены были громадныя богатства: „можно сказать, что все царство его трудилось надъ храмомъ". Давидъ предвидѣлъ, что Соломонъ „искуситъ Бога хитростью своего разума". Черезъ сорокъ шесть лѣтъ строеніе храма было окончено и Соломонъ обратился къ Богу, что хочетъ испытать его, не трудился ли безъ разума. Онъ сдѣлалъ изъ дерева, желѣза, серебра и золота двухъ орловъ на подобіе херувимовъ, и просилъ Бога, чтобы онъ сотворилъ ему знаменіе и чтобы эти птицы „приняли духъ". И дѣйствительно, „вошелъ въ нихъ духъ, онѣ задвигали крыльями и покрывались ими. И тогда Соломонъ прославилъ Бога и укрѣпилъ людей своихъ говоря: во-истину пріидетъ Господь на землю".

Разсказывалось о Давидѣ, какъ онъ писалъ псалтырь. Когда онъ сѣлъ писать псалтырь, то не зналъ, откуда идетъ ея разумъ (не зналъ, что идетъ отъ ангела) и чтò онъ пишетъ. Одинъ вельможа хотѣлъ тайно поговорить съ царемъ, и царь сказалъ ему: приходи въ эту ночь и скажешь мнѣ, чтò тебѣ нужно. И когда вельможа ночью пришелъ, то увидѣлъ юношу, шептавшаго на ухо царю; вельможа не сказался царю и вышелъ вонъ изъ

царской палаты. Утромъ царь спросилъ его, отчего онъ не пришелъ говорить съ нимъ? Вельможа пришелъ опять вечеромъ и увидѣлъ юношу свѣтлѣе солнца, говорившаго царю на ухо, и опять ушелъ. Утромъ царь уже съ гнѣвомъ говорилъ ему, зачѣмъ онъ не пришелъ, какъ было сказано, и вельможа отвѣчалъ, что приходилъ два раза и видѣлъ, что царь былъ не одинъ. Царь испытывалъ слова его, велѣлъ ему опять придти вечеромъ и спросилъ: есть ли здѣсь человѣкъ, котораго онъ прежде видѣлъ? вельможа отвѣчалъ, что видѣлъ его огненное лицо. „И царь уразумѣлъ, что ангелъ Господень указываетъ ему смыслъ и разумъ писать псалтырное сложеніе"... Наконецъ, Давидъ написалъ Псалтырь, и было въ ней всѣхъ псалмовъ 365. Тогда Давидъ устроилъ небольшой ковчежецъ и, запечатавъ Псалтырь, вложилъ въ ковчежецъ, залилъ оловомъ и по своей мудрости бросилъ въ море и сказалъ: если мое псалтырное составленіе истинно, то пусть выйдетъ ковчежецъ изъ моря и писаніе въ немъ. И была Псалтырь въ морѣ восемьдесятъ лѣтъ. И по смерти Давида, Соломонъ бросилъ въ море сѣти и нашелъ въ сѣтяхъ оловянный ковчежецъ. Распечатавши его, Соломонъ нашелъ псалмы отца своего Давида, числомъ 153, и объявилъ ихъ міру и положилъ въ соборной церкви... Позднѣе псалмы затерялись и снова собралъ 150 псалмовъ пророкъ Ездра и положилъ ихъ не въ томъ порядкѣ, какъ при Давидѣ были написаны. „И наполнился міръ пѣсней псалтырныхъ". Потомъ Христосъ велѣлъ своимъ апостоламъ бросить сѣти въ море въ томъ же мѣстѣ, и поймано было 153 рыбы. „И какъ Давидъ и Соломонъ наполнили весь міръ псалтырнымъ ученіемъ, такъ и апостолы исполнили міръ божества и правой вѣры: рыбы были новый завѣтъ и крещеніе Господне".

Царь Соломонъ окруженъ былъ цѣлымъ роемъ апокрифическихъ сказаній, которыя пользовались чрезвычайно обширной извѣстностью и популярностью на всемъ пространствѣ христіанскаго міра и даже за его предѣлами. Такъ эти сказанія были очень распространены и въ старой нашей письменности. Отчасти онѣ примыкаютъ (какъ въ приведенныхъ выше эпизодахъ) къ мотивамъ библейскимъ; отчасти остаются далеки отъ нихъ и впослѣдствіи вступали въ область чисто сказочной фантазіи.

Мы видѣли, что райскія и иныя ветхозавѣтныя деревья находятся въ связи съ построеніемъ Соломонова храма и съ крестомъ Спасителя. На Соломоновой чашѣ изъ драгоцѣннаго камня написаны были три стиха еврейскими и самарянскими письменами, „и ихъ никто не можетъ истолковать, кромѣ одного того

философа, который приходилъ учить великаго князя Владиміра". Стихи заключали разныя пророчества о Христѣ и „философъ" (который въ другихъ варіантахъ есть Кириллъ философъ) показываетъ, что апокрифъ успѣлъ даже получить русское примѣненіе... Въ другихъ случаяхъ сказанія о библейскомъ Соломонѣ разработываются уже въ чисто сказочномъ тонѣ на основѣ его великой мудрости. Мы остановимся на этихъ разсказахъ дальше.

Изъ апокрифовъ ветхозавѣтныхъ упомянемъ еще видѣніе пророка Исаіи, съ пророчествами о послѣднихъ временахъ. Апокрифъ заставляетъ библейскаго пророка говорить объ антихристѣ, рисуетъ картину человѣческихъ беззаконій и послѣднюю казнь отъ разгнѣваннаго Бога. Людей постигнутъ всевозможныя бѣдствія: сначала эти бѣдствія грозятъ, повидимому, только еврейскому народу,—на него нападутъ иноплеменники, на него обрушится голодъ, нападутъ дикіе звѣри и поѣдятъ его скотъ, „ратаи не будутъ пѣть на нивѣ", пути опустѣютъ, погибнутъ рыбы въ водахъ, птицы не будутъ парить въ воздухѣ, „земля будетъ вдовою", и легко будетъ только однимъ мертвымъ и неродившимся... Но въ концѣ концовъ долженъ погибнуть весь родъ человѣческій. Придетъ конецъ міра — „и тогда не будетъ между вами ни смѣха и богохульныхъ словъ, ни всякихъ игръ бѣсовскихъ, не будетъ коней борзыхъ, ни ризъ свѣтлыхъ, и тогда начнете падать умирая, другъ съ другомъ и братъ съ братомъ охватившись, и тогда дитя умретъ на колѣняхъ матери своей, а мать, охватившись съ своей дочерью, и тогда будетъ въ васъ горькое стенаніе и отъ крика вашего потрясется земля, солнце померкнетъ, луна преложится въ кровь, и тогда земля восплачется какъ красная дѣвица за погибель человѣческую, восплачется море и рѣки и вся глубина и преисподняя, и тогда восплачется бездна великимъ гласомъ, какъ въ златокованную трубу; тогда восплачутся ангелы, видя безъ милости погибающій родъ человѣческій за умноженіе его злобы, и тогда антихристъ начнетъ ходить явно съ своими бѣсами, прельщая и умерщвляя людей, пока сойдетъ съ неба Господь Саваоѳъ, воздавая каждому по его дѣламъ".

Эта картина конца міра и будущаго суда была обильно разработана въ литературѣ первыхъ вѣковъ и въ книгахъ истинныхъ и въ цѣломъ рядѣ сказаній апокрифическихъ, которыя начали проникать въ нашу письменность съ первыхъ ея памятниковъ, какъ, напр., особенно распространенное сказаніе Меѳодія Патарскаго.

Еще обширнѣе былъ отдѣлъ апокрифовъ новозавѣтныхъ. Прежде чѣмъ перейти къ нимъ, отмѣтимъ черту общую тѣмъ и

другимъ и связанную со всѣмъ характеромъ нашей древней письменности.

Памятники отреченной литературы, какъ мы упоминали, въ огромномъ большинствѣ, если не всѣ, пришли къ намъ готовыми изъ письменности южно-славянской. Повидимому, и въ этомъ источникѣ они гораздо чаще передавали греческіе подлинники не сполна, а въ извлеченіяхъ и отрывкахъ; въ старой нашей письменности эта отрывочность, быть можетъ, еще увеличилась и вмѣстѣ съ тѣмъ происходило то смѣшеніе сказаній, о которомъ мы имѣли случай выше упоминать. Большинство старыхъ книжниковъ было мало требовательно и мало опытно въ литературномъ отношеніи и, встрѣчая сказанія, близкія по сюжету, книжникъ не затруднялся смѣшивать ихъ въ одно цѣлое, хотя бы между ними были разнорѣчія; неисправность рукописей давала поводъ къ произвольнымъ исправленіямъ и къ новой порчѣ текстовъ. Не мудрено, что переходя въ народную массу, основа и подробности апокрифовъ видоизмѣнялись иногда до неузнаваемости. Такъ, напр., для нашихъ изслѣдователей до сихъ поръ остается камнемъ преткновенія знаменитый „камень алатырь", играющій такую важную роль въ старыхъ заговорахъ и заклятіяхъ и несомнѣнно происходящій изъ апокрифическаго источника, который затерялся въ долговременномъ народномъ обращеніи.

Самый составъ нашей отреченной литературы, — хотя и заключающей немаловажныя указанія для исторіи греческаго апокрифа, — далеко не исчерпываетъ своего источника. „Далеко не всѣ апокрифы (ветхозавѣтные), упоминаемые въ древнихъ индексахъ запрещенныхъ книгъ, — говорилъ Порфирьевъ, — были переведены на славянскій языкъ и были извѣстны у насъ въ древнія времена; и изъ извѣстныхъ апокрифовъ многіе распространены были болѣе въ передѣлкахъ, нежели въ подлинномъ видѣ, болѣе въ извлеченіяхъ и отрывкахъ, чѣмъ въ полныхъ сочиненіяхъ; такъ часто встрѣчающіяся въ разныхъ памятникахъ древней русской письменности апокрифическія сказанія и легендарныя подробности далеко не всегда заимствовались изъ первыхъ подлинныхъ источниковъ, а весьма часто и даже бо̀льшею частію изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, изъ разныхъ переводныхъ, греческихъ, болгарскихъ, сербскихъ и даже польскихъ книгъ, въ которыхъ они помѣщались. Это же самое надобно сказать и о новозавѣтныхъ апокрифахъ. Они также далеко не всѣ были извѣстны у насъ въ древнія времена и также извѣстны были больше въ сокращеніяхъ и въ извлеченіяхъ изъ разныхъ переводныхъ книгъ".

Такимъ образомъ въ нашей письменности извѣстны были въ

подлинномъ составѣ не всѣ тѣ новозавѣтные апокрифы, которые перечисляются въ византійскомъ индексѣ, а за нимъ въ славяно-русскомъ. Такъ изъ апокрифическихъ евангелій извѣстны были только первоевангеліе Іакова и евангеліе Никодима съ разными пропусками. Изъ множества апокрифическихъ писаній апостольскихъ извѣстны только отрывки, напр.: путешествія (обходы) апостоловъ; дѣяніе и мученіе святыхъ, славныхъ и верховныхъ апостолъ Петра и Павла; житіе и мученіе апостола Ѳомы; мученіе св. апостола и евангелиста Матѳея; мученіе апостола Андрея Первозваннаго; дѣяніе апостола Филиппа. Изъ апокрифическихъ апокалипсисовъ были извѣстны: апокалипсисъ апостола Павла, въ славянской передѣлкѣ, подъ заглавіемъ: „Слово о видѣніи апостола Павла"; апокалипсисъ пресв. Богородицы, подъ заглавіемъ: „Хожденіе Богородицы по мукамъ"; и (второй) апокалипсисъ Іоанна Богослова, подъ заглавіемъ: „Слово св. Іоанна Богослова о пришествіи Господни". Еще въ самой византійской литературѣ, кромѣ основныхъ древнихъ апокрифовъ, составилось впослѣдствіи большое количество апокрифовъ второстепенныхъ, которые были ихъ сокращеніемъ, варіантомъ или дополненіемъ: такимъ образомъ, цѣлая масса апокрифическихъ отрывковъ и древней и болѣе поздней формаціи разсѣяно въ разнообразныхъ толкованіяхъ священнаго писанія, въ книгахъ историческихъ, въ житіяхъ и поученіяхъ, и въ этомъ составѣ апокрифическіе эпизоды снова приходили, въ переводахъ, въ славяно-русскую письменность. Какъ Палея была преисполнена апокрифами ветхозавѣтными, которые иногда заносились въ нее даже цѣликомъ (а затѣмъ иные занесены были въ нее и самими русскими книжниками), такъ апокрифы новозавѣтные нашли мѣсто въ переводныхъ византійскихъ хроникахъ при изложеніи евангельской исторіи, въ прологахъ, четь-минеяхъ, собраніяхъ поученій и т. д. Наконецъ, масса апокрифическихъ сказаній разсѣяна въ сборникахъ, которые, особливо съ XV-го вѣка, становятся любимой формой книжнаго чтенія [1]).

По тѣмъ отреченнымъ памятникамъ, какіе существують въ нашей письменности, исторія Спасителя, Богоматери, апостоловъ излагается опять съ такими подробностями, какія совершенно неизвѣстны каноническимъ евангеліямъ и инымъ апостольскимъ писаніямъ. Какъ и въ апокрифахъ ветхозавѣтныхъ, событія излагаются обыкновенно съ большою наглядностью, съ наклонностію къ символизму и прообразованію, съ тономъ полной достовѣр-

---

[1]) См. предисловія Порфирьева къ апокрифамъ ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ.

ности (особливо въ апокрифахъ древнѣйшихъ) и нерѣдко съ неподдѣльной поэзіей.

Въ первоевангеліи Іакова разсказывается главнымъ образомъ о рожденіи Богоматери, и въ нашихъ рукописяхъ оно встрѣчается обыкновенно подъ названіемъ: „Слово о рождествѣ пресв. Богородицы“; разсказывается о введеніи во храмъ, о двухъ благовѣщеніяхъ (одно на колодцѣ, когда Богоматерь ходила за водой, другое въ храмѣ, когда она пряла золотыя нити для церковной завѣсы), о рождествѣ Христа, о поклоненіи волхвовъ, бѣгствѣ въ Египетъ и т. д. Не признанное каноническимъ, оно однако было очень распространено у церковныхъ писателей первыхъ вѣковъ, а затѣмъ и въ нашей письменности, при чемъ многія подробности его принимались у вполнѣ авторитетныхъ писателей, какъ исторически достовѣрный фактъ.

Въ сказаніи Афродитіана о чудѣ въ персидской землѣ разсказывается, какъ персидскіе жрецы первые узнали о рождествѣ Спасителя. „Персы прежде всего увѣдали о Христѣ“, говорится здѣсь въ началѣ, и въ доказательство достовѣрности сказанія сообщается, что писанія персидскихъ книгочіевъ ввяаны въ золотыхъ ковчегахъ и хранятся въ царскихъ палатахъ. Первое открытіе о великомъ событіи рождества Спасителя произошло такимъ образомъ, что однажды царь пришелъ въ кумирницу, наполненную золотыми и серебряными идолами, чтобы спросить у жрецовъ объясненія видѣннаго имъ сна. Жрецы иносказательно объявили ему о божественномъ рожденіи отъ дѣвы: они сказали царю, чтобы онъ остался въ кумирницѣ до вечера, и когда пришла ночь, онъ увидѣлъ, что „образы кумирные“ начали пѣть и играть. Царь ужаснулся и хотѣлъ уйти, но жрецъ сказалъ ему: „подожди, царь, потому что приспѣло конечное явленіе,—которое Богъ всѣхъ изволилъ показать намъ“. Тогда открылась кровля и вошла свѣтлая звѣзда и стала надъ кумиромъ источника и послышался голосъ, возвѣщавшій, что появился „неописанный младенецъ, начало и конецъ, начало къ спасенію, а конецъ къ пагубѣ“. При этомъ всѣ кумиры пали ницъ, стоялъ одинъ источникъ (кумиръ), въ которомъ оказался царскій вѣнецъ отъ камня анеракса и измарагда, а надъ источникомъ стояла звѣзда. Царь велѣлъ позвать всѣхъ мудрецовъ, разрѣшающихъ знаменія, сколько ихъ было въ его царствѣ. Когда всѣ они пришли въ кумирницу и увидѣли звѣзду надъ источникомъ и вѣнецъ съ каменіемъ и лежащихъ кумировъ, они сказали, что въ Іудеѣ возстало новое царство и кончилось время упавшихъ боговъ, и пусть царь пошлетъ въ Іерусалимъ, потому что тамъ находится „вседержитель,

державный женскими руками". Звѣзда осталась надъ источникомъ до тѣхъ поръ, пока волхвы пошли изъ Персіи, и тогда звѣзда пошла съ ними, руководя ихъ. Затѣмъ волхвы по возвращеніи разсказали о томъ, что̀ они видѣли, и повѣствованіе ихъ было написано на золотой доскѣ. Когда они пришли въ Іерусалимъ, ихъ спросили еврейскіе старѣйшины, зачѣмъ они пришли, и когда они отвѣчали, что родился Мессія, разрушающій ихъ законъ, тѣ просили волхвовъ взять дары и утаить такое чудо; возмутился и царь еврейскій, къ которому ихъ привели,—но волхвы не послушали ихъ и пошли, куда были посланы. Они увидѣли младенца Іисуса и мать его: отроча, по словамъ ихъ, сидѣло на землѣ, какъ бы по второму году, и младенецъ нѣсколько похожъ былъ на образъ его матери, которая была высока ростомъ, смуглая, съ круглымъ лицомъ, и волхвы взяли съ собой обличіе ихъ обоихъ и принесли въ свою страну и своими руками положили въ кумирницѣ. Волхвы принесли въ даръ младенцу золото, ливанъ и смирну, поклонились ему и привѣтствовали его, онъ же смѣялся и плескалъ руками, какъ бы похваляя слова ихъ. Къ вечеру пришелъ къ нимъ страшный юноша и велѣлъ имъ идти съ миромъ домой, потому что на нихъ долженъ былъ подняться Иродъ. Они послушались и отправились въ Персію. Сказаніе Афродитіана осложнялось потомъ другими апокрифическими легендами и, рано явившись въ нашей письменности, еще въ XVI столѣтіи пользовалось большой любовью читателей, такъ что противъ него счелъ нужнымъ вооружиться Максимъ Грекъ, доказывая его недостовѣрность. Опроверженіе было однако запоздалое и притомъ, касаясь одного этого памятника, не ослабило вліянія множества другихъ однородныхъ произведеній.

Никодимово евангеліе, принадлежащее къ очень древнимъ памятникамъ новозавѣтной апокрифической литературы, состояло первоначально изъ двухъ частей — изъ разсказа объ осужденіи Спасителя Пилатомъ, крестной смерти и воскресеніи, и разсказа о сошествіи Христа во адъ,—которые послѣ соединены были въ одно цѣлое. Въ старыхъ славянскихъ рукописяхъ извѣстна только первая часть. Въ цѣломъ, разсказъ объ осужденіи Спасителя сходенъ съ канонической исторіей и отличается только бо̀льшими подробностями и прикрасами. Разсказывается, напримѣръ, что когда Іисусъ былъ введенъ къ Пилату, то „боги демонскіе", стоявшіе въ палатахъ игемона, увидѣвъ Іисуса, преклонились передъ нимъ. Іудеи, увидѣвъ чудо, закричали людямъ, державшимъ боговъ, что они наклонили ихъ передъ Іисусомъ, и сказали Пилату, что сами это видѣли. Пилатъ призвалъ этихъ людей и спро-

силъ ихъ, зачѣмъ они это дѣлали; они отвѣчали, что они—греки и служители своихъ боговъ, то какъ могли бы они преклонить ихъ передъ Іисусомъ? Тогда Пилатъ сказалъ іудейскимъ старѣйшинамъ, чтобы они сами выбрали сильныхъ людей держать боговъ; іудеи выбрали крѣпкихъ людей и поставили у каждаго бога по шести человѣкъ и велѣли крѣпко держать ихъ, когда Іисусъ станетъ предъ судищемъ,—и Пилатъ велѣлъ вывести Іисуса, пока боги будутъ поставлены вновь. Когда Іисусъ снова вошелъ въ притворъ, то боги, увидѣвши его, опять пали и поклонились ему до земли. Судъ Пилата разсказанъ опять съ подробностями, неизвѣстными каноническимъ евангеліямъ. Пилатъ видѣлъ невинность Христа, но не могъ противиться настояніямъ іудеевъ и предалъ его на распятіе, „измывъ руки свои передъ солнцемъ". Услышавъ о распятіи и сопровождавшихъ его чудесахъ, Пилатъ и жена его отъ скорби не могли въ тотъ день ни ѣсть, ни пить. Разсказъ о погребеніи и воскресеніи Христа опять украшается новыми подробностями, которыя впослѣдствіи, несмотря на апокрифическое происхожденіе, пользовались полупризнаннымъ авторитетомъ.

Къ евангелію Никодима примыкаетъ „Посланіе Пилата къ Тиверію кесарю" въ различныхъ редакціяхъ, заключающее разсказъ о страданіяхъ, смерти и воскресеніи Спасителя. Затѣмъ связаны съ нимъ сказаніе о приходѣ въ Римъ сестеръ Лазаря, Маоы и Маріи, съ жалобами на Пилата, и разсказъ объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ. Посланіе имѣетъ видъ оффиціальнаго донесенія (оно названо „возношеніемъ") „его величествію", какъ бы по взгляду посторонняго свидѣтеля. Въ посланіи, чудеса при смерти Спасителя разсказаны подробнѣе, и самыхъ чудесъ было больше, чѣмъ въ евангельскомъ разсказѣ. Между прочимъ, „въ одну субботу ночью былъ съ неба великій шумъ и все небо было въ семь разъ яснѣе и свѣтлѣе всѣхъ дней, а отъ третьяго часа ночью возсіяло солнце, какъ никогда не бывало, и освѣтило всюду и все небо просвѣтилось, какъ молнія, внезапно пришедшая зимою. И нѣкіе высокіе мужи въ великолѣпныхъ одеждахъ и въ неисповѣдимой славѣ являлись въ великомъ множествѣ, восклицая: распятый Христосъ воскресъ, и голосъ ихъ слышался, какъ громовое величіе: слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, выйдите изъ ада порабощенные въ преисподней. Отъ голоса же ихъ всѣ горы и холмы земные колебались, камни разсѣлись и на землѣ явились великія пропасти... и многія тѣла умершихъ воскресли и все множество воспѣвало великимъ голосомъ: воскресъ изъ мертвыхъ Христосъ, и, воскресивъ всѣхъ мертвыхъ, оживилъ и, разру-

шивъ адъ, умертвилъ... Всю ночь, благочестивый владыка [1]), свѣтъ не переставалъ. Изъ іудеевъ же многіе умерли, такъ что и тѣла ихъ не явились. И одержимый страхомъ и лютымъ трепетомъ, видѣвши то, что происходило въ это время, я написалъ и возвѣстилъ вашей державѣ, изложивъ содѣянное іудеями на Іисуса"...

Судьба Пилата разсказывается разно и послужила впослѣдствіи темой для средневѣковыхъ варіацій. Передавалось между прочимъ сказаніе, что Пилатъ, осужденный кесаремъ на смерть, раскаялся и молился, идя къ мѣсту казни, и по окончаніи молитвы съ неба послышался голосъ, приносившій прощеніе: „...тобой совершились пророческія прореченія обо мнѣ, и ты будешь свидѣтелемъ во второмъ моемъ пришествіи, когда буду судить живымъ и мертвымъ". Отсѣченную голову Пилата принялъ ангелъ.

Вторая часть евангелія Никодима, говорившая о сошествіи Христа въ адъ, была извѣстна въ нашей древней письменности уже во вторичной формаціи, особливо въ видѣ „Слова въ великую субботу о погребеніи тѣла Спасителя", Епифанія Кипрскаго, и „Слова въ великую пятницу", Евсевія Александрійскаго. Въ обоихъ событіе излагается въ подробностяхъ, совершенно неизвѣстныхъ каноническому писанію и въ грандіозныхъ образахъ, безъ сомнѣнія, поражавшихъ воображеніе и доставлявшихъ этими произведеніями популярность.

Слово Епифанія считается подложнымъ. Оно открывается разсказомъ о томъ, какъ находившіеся въ аду ветхозавѣтные патріархи, пророки и праведники непрестанно молились Богу, прося избавленія. Когда послышался голосъ: „возьмитесь, врата вѣчныя", то всѣ основанія адской темницы поколебались и адскія силы въ ужасѣ бросились бѣжать; сбивая одинъ другого съ ногъ, спотыкаясь, иные цѣпенѣли какъ мертвецы; силы господни разрушали адъ: онѣ раскапывали темницу до самыхъ основаній, вязали мучителей, а другіе освобождали вѣчныхъ узниковъ. Первозданный Адамъ заслышалъ приближеніе Спасителя и обратился къ заключеннымъ вмѣстѣ съ нимъ: „я слышу, что нѣкто идетъ къ намъ, и если тотъ во истину соизволилъ придти сюда, то мы освободимся отъ узъ, и если во истину увидимъ его съ нами, то избавимся отъ ада". Въ это время вошелъ Господь съ побѣднымъ оружіемъ въ рукахъ, крестомъ; Адамъ въ ужасѣ, ударивъ себя въ перси, привѣтствовалъ его и Христосъ взялъ его за правую руку и воскресилъ, говоря: „востань, спящій, и воскресни изъ мертвыхъ и освѣтитъ тебя Христосъ твой; я—Богъ твой, ради тебя

---

[1]) Обращеніе къ кесарю.

бывшій сыномъ тебѣ, и нынѣ говорю: повелѣваю связаннымъ—выходите, и находящимся во тьмѣ—просвѣтитесь, и лежащимъ—возстаньте; а тебѣ повелѣваю: востань, спящій, потому что не для того я тебя сотворилъ, чтобы ты былъ связанъ въ аду; воскресни изъ мертвыхъ, потому что я—жизнь человѣкамъ и воскресеніе". Въ связи съ этимъ разсказомъ находится и извѣстное въ старой письменности „рукописаніе, данное Адамомъ дьяволу".

Другое слово, которое носитъ имя Евсевія Александрійскаго, приписывается въ нашихъ рукописяхъ и другимъ писателямъ—Евсевію Самосатскому, Евсевію Емесскому, блаженному Евстафію. Славянскій переводъ представляетъ, какъ нерѣдко, нѣкоторые варіанты въ сравненіи съ извѣстнымъ греческимъ подлинникомъ. Слово Евсевія, по замѣчанію Порфирьева, любопытно и въ художественномъ отношеніи: „оно представляетъ высокій образецъ церковнаго краснорѣчія и вмѣстѣ христіанской церковной поэзіи". Событія, изложенныя въ Никодимовомъ евангеліи, представлены здѣсь въ видѣ настоящей драмы, въ трехъ отдѣлахъ: ожиданіе искупленія находящимися въ аду ветхозавѣтными праведниками и сошествіе въ адъ Іоанна Предтечи; предательство Іуды и козни адскихъ силъ; сошествіе въ адъ Спасителя, разрушеніе ада и изведеніе изъ него праведниковъ. Напр., когда Іоаннъ Предтеча сошелъ въ адъ, ветхозавѣтные праведники стали спрашивать: придетъ ли Спаситель освободить ихъ—потому что всѣ пророчества о немъ окончились, т.-е. совершились. Іоаннъ спрашиваетъ ихъ, чтò они пророчествовали о Христѣ. Пророкъ Давидъ сказалъ: я разумѣлъ, что безъ молвы тихо сходитъ Христосъ съ небеси, какъ туча на руно. Исаія сказалъ: я провидѣлъ, что отъ Дѣвы родится, и потому говорилъ: се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ. Одинъ сказалъ: я провидѣлъ, что двѣнадцать учениковъ будутъ служить ему. Другой сказалъ: мнѣ явлено было Духомъ Святымъ, какія дѣла и чудеса сотворитъ: отверзутся очи слѣпымъ и уши глухихъ услышатъ. Другіе говорили: я разумѣлъ, что ученикъ его предастъ; я разумѣлъ, что на тридцати сребреникахъ хотятъ предать. Исаія опять сказалъ: я провидѣлъ, что на судище будетъ веденъ. Іеремія сказалъ: я зналъ, что на крестѣ хотятъ его распять, и т. д. Эти радостные разговоры услышалъ Адъ [1]) и совѣщается съ дьяволомъ, чтò имъ слѣдуетъ предпринять. Дьяволъ разсказываетъ, что онъ сдѣлалъ все, чтò нужно—вооружилъ на Христа іудеевъ, отъискалъ Іуду для предательства; изъ словъ Спасителя: „прискорбна

[1]) „Адъ" вообще нерѣдко олицетворялся.

есть душа моя даже до смерти", дьяволъ заключилъ, что Христосъ боится смерти, и съ радостью пришелъ въ адъ и говорилъ: „готовъ будь, брате мой Аде, уготови мѣсто твердо, чтобы заключить нарицаемаго Іисуса; я уже устроилъ на него смерть, уготовилъ гвоздіе, наострилъ копіе, налилъ оцта, Іуду и жидовъ наострилъ на него, какъ оружіе". Христосъ много досадилъ ему, разрушая всѣ его козни, творя знаменія и чудеса, которыя привлекають къ нему народъ, и въ особенности тяжело было дьяволу то, что Христосъ воскресилъ Лазаря и т. д. Съ этими словами Епифанія и Евсевія связаны были новые апокрифы, гдѣ отчасти повторяются тѣ же подробности, отчасти вносятся новыя. Между прочимъ таковы: „Слово святыхъ апостолъ, иже отъ Адама во адѣ къ Лазарю", и „Слово въ субботу шестую поста на воскресеніе друга божьяго Лазаря", первое—извѣстное по рукописи XVI вѣка, второе XVI—XVII вѣка. Въ первомъ изъ нихъ ветхозавѣтные праведники, услышавъ о пришествіи Спасителя, возрадовались, припоминають всѣ предсказанія о немъ и просятъ Лазаря, уходящаго изъ ада на землю, передать Спасителю объ ихъ положеніи и ихъ ожиданіи. Адамъ поручаетъ Лазарю, чтобы онъ сказалъ Спасителю: „Свѣтлый другъ Христовъ Лазарь, повѣдай отъ меня владыкѣ: на то ли ты меня, Господи, создалъ, чтобы на короткій вѣкъ быть на этой землѣ, а вотъ и меня осудилъ мучиться многіе годы въ аду; для того ли я наполнилъ землю, а вотъ мои возлюбленные внуки сидятъ во тьмѣ, на днѣ адовомъ, мучимые Сатаной, скорбью и тугою сердце тѣшатъ, и слезами очи и зѣницы омываютъ... На малое время я былъ царемъ всѣмъ божіимъ тварямъ, а нынѣ на многіе дни сталъ рабомъ аду и бѣсамъ его—плѣнникомъ... Я сотворенъ по твоему образу, а нынѣ дьяволъ мнѣ ругается". И Адамъ исчисляетъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ и праведниковъ—Авраама, Ноя, Моисея, Давида, Еноха, Илію: что̀ они совершили и за что̀ мучатся? Во второмъ Словѣ продолжается разсказъ о томъ, какъ Лазарь исполнилъ просьбу Адама, когда, воскресши, возвратился на землю.

Оба Слова, по замѣчанію Порфирьева, должны восходить къ одному общему источнику, къ болѣе полному слову о Лазарѣ, и какъ будто носятъ слѣды народной редакціи. Въ способѣ выраженія есть дѣйствительно обороты народные и любопытныя совпаденія съ языкомъ Слова о полку Игоревѣ [1]).

[1]) Напримѣръ: „Воспоемъ, дружино, пѣсньми днесь"; „воспоемъ пѣсни тихи и веселыя"; „Исаія и Іеремія, ругающеся алови"; „тугою сердце тѣшатъ"; „да мене жаль ли ти, Господи, или не жаль"; „а се твои извольницы, Авраамъ съ сыномъ своимъ.. полоняникъ"; „Ему же Адаму глаголаше Давидъ, во преисподнемъ адѣ

Особая группа сказаній излагала исторію Іуды предателя. Сказанія были разнорѣчивы и согласны были только въ одномъ— въ изображеніи его злодѣйства и предательства, съ обычными фатальными совпаденіями и предзнаменованіями. Такъ еще въ первоевангеліи Іакова разсказывается, что однажды на дорогѣ напалъ на Спасителя бѣсноватый мальчикъ и укусилъ его въ правый бокъ; этотъ мальчикъ былъ Іуда Искаріотскій. Тридцать сребренниковъ, которые Іуда получилъ за свое предательство, имѣли очень длинную исторію: это были тѣ самые сребренники, которые получили братья Іосифа, когда продали его египетскимъ купцамъ; затѣмъ эти сребренники попали за купленный хлѣбъ къ Фараону, а отъ него перешли къ царицѣ савской. Царица послала ихъ къ Соломону и они лежали въ царской казнѣ до вавилонскаго плѣна. Похищенные во время плѣна, они попали опять въ Іерусалимъ, когда волхвы принесли ихъ въ даръ къ новорожденному Іисусу. Во время бѣгства въ Египетъ святое семейство потеряло ихъ; ихъ нашелъ пастухъ и т. д. Далѣе, разсказывается, что Іуда, предавши Христа, былъ мучимъ совѣстью, возвратилъ іудеямъ деньги и, пришедши домой, просилъ у жены веревки, чтобы повѣситься, потому что Христосъ на третій день долженъ былъ воскреснуть и тогда ему грозила великая бѣда. Жена его въ это время жарила на вертелѣ пѣтуха и не вѣрила воскресенію: „какъ этотъ жареный пѣтухъ не воскреснетъ, такъ и Іисусъ не воскреснетъ". Но едва она сказала эти слова, какъ пѣтухъ взмахнулъ крыльями и три раза прокричалъ. Іуда взялъ веревку и повѣсился и т. д.

Подобнымъ образомъ разсказывались цѣлыя исторіи о двухъ разбойникахъ, которые распяты были вмѣстѣ съ Христомъ.

Въ нашихъ отреченныхъ книгахъ разсказываются далѣе повѣсти объ іерействѣ Христа, о перепискѣ Христа съ Авгаремъ и нерукотворенномъ образѣ.

Группа сказаній сосредоточена была на успеніи Богоматери. Древнѣйшимъ изъ нихъ считается Слово Іоанна Богослова, апокрифическое, какъ и другія повѣсти объ этомъ событіи; тѣмъ не менѣе эти сказанія были чрезвычайно распространены и пользовались большимъ уваженіемъ. „Онѣ входили въ церковныя пѣснопѣнія и проповѣди, въ прологи, синаксари и четь-минеи... Разные анахронизмы, которые встрѣчаются въ Словѣ Іоанна Богослова, не позволяютъ приписать его Іоанну Богослову и пока-

---

сѣдя, накладая очитыя перьсты на живыя струны". Порфирьевъ, Апокрифы Новозавѣтные, стр. 48—49.

зываютъ, что оно составлено въ концѣ III или въ началѣ IV вѣка. Неизвѣстный составитель назвалъ его именемъ св. Іоанна Богослова, конечно, для того, чтобы придать ему болѣе авторитета. Іоаннъ Богословъ былъ самымъ любимымъ и близкимъ ученикомъ Спасителя; его попеченію и защитѣ Спаситель поручилъ предъ своею крестною смертію свою матерь, которая, по преданію, и жила въ его домѣ до самаго успенія" [1]). На основаніи евангельскаго упоминанія объ этихъ отношеніяхъ, онѣ были развиты въ легендѣ и дали поводъ приписать повѣствованіе именно Іоанну Богослову. Повѣствованіе рисуетъ величественную картину событія, къ которому собрались въ Виѳлеемъ принесенные Святымъ Духомъ апостолы изъ разныхъ странъ, гдѣ они вели проповѣдь; въ событіи приняли участіе небесныя силы и самъ Господь. Когда апостолы собрались, Святой Духъ сказалъ: какъ въ недѣлю [2]) было благовѣщеніе, рождество въ Виѳлеемѣ, входъ Господень въ Іерусалимъ, и въ недѣлю при кончинѣ міра пріидетъ Господь судить живыхъ и мертвыхъ, такъ въ недѣлю же Онъ имѣетъ прійти съ небесъ ради преставленія св. Дѣвы. Событіе сопровождалось великими чудесами. Когда Богоматерь благодарила Господа, что онъ услышалъ ея молитву и привелъ къ ней апостоловъ, съ неба послышался громъ и страшный звукъ какъ бы отъ колесницъ, и голосъ какъ бы сына человѣческаго, явилось множество ангельскаго воинства, и серафимы стояли вкругъ храмины, гдѣ находилась Богородица. Въ средѣ собравшагося народа происходили знаменія и чудеса: слѣпые прозрѣвали, глухіе начали слышать, прокаженные и бѣсноватые исцѣлялись. Іудеи просили игемона послать войско въ Виѳлеемъ, но Богоматерь и апостолы находились уже въ Іерусалимѣ въ ея домѣ, перенесенные туда силою Святого Духа. Іудеи хотѣли сжечь домъ Богоматери, но огонь обратился противъ нихъ и попалилъ множество народа и т. д. Когда успеніе совершилось и Господь принялъ святую душу Богоматери, апостолы понесли на одрѣ ея тѣло изъ Іерусалима, но въ это время (при чемъ совершилось еще одно чудо) двѣнадцать облаковъ внезапно восхитили ихъ и перенесли въ рай, гдѣ апостолы видѣли между прочимъ Елизавету, матерь Іоанна, и Анну, мать Пресвятой Дѣвы, Авраама и Давида и т. д.

Кромѣ другихъ сказаній, связанныхъ съ разсказомъ объ успеніи Богоматери, столь же апокрифическихъ, но признаваемыхъ

[1]) Порфирьевъ, тамъ же, стр. 74—75.
[2]) Древнее названіе воскреснаго дня.

у весьма авторитетныхъ писателей, существовало цѣлое житіе пресвятой Богородицы, іерусалимскаго монаха Епифанія, гдѣ были собраны легендарныя сказанія объ ея жизни съ дѣтства до успенія.

Исторія апостоловъ также имѣла свои апокрифическіе памятники. Таковы были путешествія апостоловъ, названныя въ славяно-русскомъ индексѣ „Обходами апостольскими“, въ рукописяхъ подъ заглавіями: Слово святыхъ апостолъ Петра и Андрея, Матѳея и Руфа и Александра; дѣянія и мученіе апостоловъ Петра и Павла; дѣянія апостола Павла и великомученицы Ѳеклы; дѣянія апостола Филиппа; дѣянія и мученіе апостола Ѳомы; житіе святаго Іоанна Богослова; сказаніе о немъ же ученика его Прохора; житіе апостола Іакова, брата Господня; Слово апостола и евангелиста Марка; наконецъ упоминаются въ индексахъ и частію встрѣчаются въ рукописяхъ еще многія сочиненія съ именами апостоловъ: Слово Іакова, брата Господня, о святой недѣлѣ; Варнавино евангеліе, Варнавино посланіе, Петрово обавленіе (апокалипсисъ), Павлово хожденіе по мукамъ, Вопросы Іоанна Богослова Господу на Ѳаворской горѣ и вопросы Іоанна Аврааму на Елеонской горѣ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы еще встрѣтимся далѣе.

Уже древніе соборы обратили вниманіе на ложныя сказанія о мученикахъ и запрещали ихъ, чтобы не подавать повода къ невѣрію. Греческіе и латинскіе индексы называютъ уже мученіе Георгія и житіе Кирика и Іулитты. Въ славяно-русскомъ индексѣ указанъ цѣлый рядъ подобныхъ апокрифическихъ житій:—„Суть же и о мученицѣхъ словеса криво складена, а не тако, яко же истинна о нихъ писана въ Миніахъ-четьихъ и въ Пролозѣхъ,—яко се: Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіяна царя мученъ, онъ же бяше мученъ отъ Діоклитіяна царя,—Никитино мученіе, нарицающе его сына Максимьянова царева, иже бѣ самъ мучилъ, все же то лгано, вся же суть та, прилогъ обличаетъ; Еупатіево мученіе, что седмижды умеръ, а седмью ожилъ,—Климентово мученіе Анкирьскаго,—и Ѳеодора Тирона, еже о зміи,—и Иринино мученіе—несогласна суть, и иныхъ мнозѣхъ“... И дѣйствительно въ нашихъ рукописяхъ встрѣчаются еще многія здѣсь не упомянутыя апокрифическія житія, изъ которыхъ иныя пользовались большою славою и распространеніемъ у старинныхъ читателей, при чемъ они заносимы были въ самыя Минеи и Прологи, напримѣръ сказаніе о святомъ Макаріи римскомъ или „Слово о трехъ мнисехъ, како находили св. Макарья отъ рая поприщъ двадцать“, житія Зосимы, Ипатія, Дмитрія Солунскаго, семи отроковъ въ Ефесѣ и др.

Длинный рядъ памятниковъ посвященъ вопросамъ эсхатологическаго характера, т.-е. концу міра, второму пришествію и страшному суду, а также вопросамъ о жизни загробной. Эсхатологическія сказанія были чрезвычайно распространены въ славяно-русской, какъ вообще въ средневѣковой христіанской литературѣ, и это было естественно: подобные вопросы возникаютъ уже въ первобытныхъ миѳологіяхъ; при нѣкоторой степени сознанія человѣкъ не можетъ не задавать себѣ вопроса о будущей судьбѣ, о загробной жизни, которой ожидали въ той или другой формѣ. Христіанская эсхатологія, повидимому, вполнѣ овладѣвала умами новообращаемыхъ, между прочимъ потому, что категорически, хотя и не вполнѣ ясно, поставлена была въ самыхъ основахъ новаго вѣроученія. Неясности по обыкновенію были раскрыты въ сказаніяхъ апокрифическихъ. Средневѣковыя апокрифическія сказанія о концѣ міра произошли въ особенности изъ двухъ источниковъ. Однимъ изъ нихъ были собственно іудейскія представленія о пришествіи Мессіи и объ его царствѣ: много разъ это царство было указано ветхозавѣтными пророчествами и понято было евреями въ реальномъ смыслѣ, такъ какъ бѣдствія народа въ многократныхъ разореніяхъ и плѣненіяхъ заставляли ожидать избавленія и освобожденія въ этомъ будущемъ царствѣ. Самымъ яркимъ выраженіемъ ожиданій будущаго царства явилась книга пророка Даніила, написанная во время вавилонскаго плѣненія, и еврейская апокрифическая книга Еноха, возникшая еще до христіанства. Обѣ книги (и послѣдняя, испытавшая потомъ много видоизмѣненій) пользовались большимъ авторитетомъ у самихъ христіанъ и служили образцами для эсхатологическихъ сочиненій христіанскихъ. Въ іудейской средѣ возникло и представленіе объ извѣстномъ количествѣ времени, въ теченіе котораго предоставлено было существовать земному міру, послѣ чего должно было наступить царство Божіе на землѣ. Это время было 6000 лѣтъ, опредѣленныхъ въ соотвѣтствіе съ шестью днями творенія: послѣ 6000 лѣтъ бѣдствій и испытаній седьмой день или седьмая тысяча лѣтъ должна была быть временемъ торжества и счастія для избраннаго народа. Евреи исполнены были этими ожиданіями и во время пришествія Спасителя, но они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, когда онъ говорилъ не о матеріальномъ царствѣ, а о царствѣ не отъ міра сего: поэтому они и отвергли его. Христіане приняли это опредѣленіе лѣтъ существованія человѣчества и только впослѣдствіи продолжили существованіе міра до семи тысячъ лѣтъ. Другимъ источникомъ средневѣковой эсхатологіи служили собственно новозавѣтныя писанія, въ особенности апока-

липсисъ Іоанна Богослова. Здѣсь были уже даны извѣстныя указанія о концѣ міра и богатый мистическій матеріалъ, который широко развился впослѣдствіи. Внѣшнія историческія условія способствовали ожиданіямъ конца міра: въ первые вѣка гоненія христіанства, позднѣе опустошительныя нашествія варваровъ на христіанскія страны внушали предположеніе, что наступили послѣднія времена (какъ подобное предположеніе явилось у нашихъ книжниковъ во время татарскаго нашествія); изслѣдователи этой литературы замѣчаютъ, что распространенію легендарныхъ сказаній этого рода содѣйствовалъ между прочимъ и упадокъ просвѣщенія на востокѣ въ эти вѣка. Рядомъ съ легендами о концѣ міра слагались и распространялись апокрифическія сказанія о будущей жизни: загробный міръ видѣла Богоматерь и объ этомъ разсказала легенда; о немъ говорили сказанія съ именами Іоанна Богослова, апостола Павла, апостола Варѳоломея, святыхъ мучениковъ. Въ особенности авторитетнымъ свидѣтелемъ былъ Іоаннъ Богословъ, о которомъ существовало мнѣніе, что онъ будетъ жить до второго пришествія и передъ концомъ міра явится на землю съ Енохомъ и Иліей. Въ евангеліи Матѳея говорилось, что Христосъ бесѣдовалъ съ учениками на Елеонской горѣ о разрушеніи Іерусалима и о знаменіяхъ второго пришествія, а евангелистъ Лука говорилъ, что во время преображенія на Ѳаворской горѣ были тѣ же ученики (Петръ, Іаковъ и Іоаннъ) и съ Христомъ бесѣдовали Моисей и Илія: въ апокрифическихъ книгахъ явилась бесѣда и на горѣ Елеонской, и на горѣ Ѳаворѣ, а затѣмъ и другія бесѣды между священными лицами о тайнахъ міра и т. д.

Эту литературу по основнымъ чертамъ содержанія дѣлятъ на три отдѣла: сказанія объ антихристѣ и концѣ міра, о страшномъ судѣ, о будущей жизни. Понятно, что эти предметы разсматривались не въ одной апокрифической литературѣ, но также и въ признанныхъ церковныхъ писаніяхъ, какъ и вообще апокрифы не однажды только примыкали къ каноническимъ книгамъ, составляя къ нимъ своеобразное объясненіе и дополненіе. Грань между тѣми и другими была не всегда ясна, даже для церковныхъ учителей, особливо въ эпохи слабаго просвѣщенія. Такъ бывало особенно у насъ: мы приводили уже примѣры того, какъ проникали въ церковную литературу апокрифическіе элементы и многія отреченныя писанія нашли мѣсто въ Четь-минеяхъ митрополита Макарія. Для обыкновеннаго книжника упомянутая грань часто совсѣмъ не существовала.

Въ старой русской письменности извѣстно было не мало ска-

заній объ антихристѣ и концѣ міра и наиболѣе любимы были тѣ, которыя отличались особенною подробностью изображенія страшныхъ будущихъ событій. Таковы были писанія св. Ипполита о Христѣ и антихристѣ (было собственно два слова Ипполита: одно, дѣйствительно присвояемое этому писателю II—III вѣка, и другое апокрифическое, ему не принадлежавшее); слово св. Ефрема Сирина о пришествіи Господа, о концѣ міра и пришествіи антихриста; и житіе св. Андрея Юродиваго, гдѣ сообщены отвѣты этого святого о концѣ міра на вопросы ученика его Епифанія,—и сочиненія апокрифическія: Слово Меѳодія Патарскаго „о царствіи языкъ послѣднихъ временъ“ въ различныхъ его редакціяхъ; подложное „Сказаніе о скончаніи міра и антихристѣ“ упомянутаго Ипполита; „Вопросы Іоанна Богослова Господу на Ѳаворской горѣ“ (апокрифическій апокалипсисъ Іоанна), которые отразились въ другихъ апокрифическихъ книгахъ, какъ „Вопросы Іоанна Богослова Аврааму на горѣ Елеонской“ и „Вопросы Іоанна Богослова Аврааму о праведныхъ душахъ“, „Бесѣда трехъ святителей“ [1]) и др.

Изъ сочиненій, представляющихъ описаніе страшнаго суда, а также частнаго суда по смерти каждаго человѣка, въ старой русской письменности въ особенности распространены были: слова Ефрема Сирина, особливо „на второе пришествіе“, слово Палладія Мниха о второмъ пришествіи, житіе Василія Новаго—одно изъ самыхъ грандіозныхъ изображеній страшнаго суда и частнаго суда надъ каждымъ человѣкомъ, какіе были въ средневѣковой литературѣ. Житіе Василія Новаго (онъ умеръ въ 944 г.) состоитъ изъ двухъ частей: въ первой ученикъ Василія, мнихъ Григорій, передаетъ разсказъ умершей кормилицы Василія, Ѳеодоры, о томъ, какъ она ходила по мытарствамъ, а во второй тотъ же Григорій разсказываетъ, какъ, при помощи св. Василія, онъ видѣлъ страшное зрѣлище послѣдняго суда. Представленіе о мытарствахъ, проходимыхъ душой человѣка послѣ смерти, не находится въ числѣ прямыхъ церковныхъ догматовъ, но издавна принимается преданіемъ, изложено во многихъ сочиненіяхъ отцовъ и въ житіяхъ: повѣствованіе Ѳеодоры принадлежитъ къ числу самыхъ яркихъ и самыхъ популярныхъ разсказовъ о хожденіи по мытарствамъ. Въ русской письменности оно изложено было,

---

[1]) Съ апокалипсисомъ Іоанна смѣшивали апокрифическую „Книгу святого Іоанна“ или считали послѣднюю богомильской передѣлкой этого апокалипсиса; но это два разныя сочиненія, и въ „Книгѣ Іоанна“ преобладаетъ космогоническое содержаніе, разсказъ о твореніи міра двумя силами, о паденіи Сатанаила, и только во второй части говорится о концѣ міра. Ср. Порфирьева Апокрифы Новозавѣтные, стр. 105.

на основаніи общепринятыхъ представленій, въ „словѣ о небесныхъ силахъ", которое приписывается Авраамію Смоленскому (въ XIII вѣкѣ) и говоритъ, между прочимъ, о томъ, какъ при рожденіи человѣка Богъ даетъ ему ангела-хранителя, и о томъ, какъ по смерти душа человѣка совершаетъ хожденіе по мытарствамъ.

Новый рядъ сказаній посвященъ изображеніямъ жизни загробной. Здѣсь повѣствованіе опять соединено съ самыми авторитетными именами или вносится въ житія святыхъ, изображая будущую жизнь на „томъ свѣтѣ"—въ раю или въ аду, или, по средневѣковымъ представленіямъ,—на землѣ. Таковы: „Хожденіе Богородицы по мукамъ" (въ греческомъ подлинникѣ, откровеніе или апокалипсисъ пресв. Богородицы); Слово о видѣніи апостола Павла (въ греческомъ подлинникѣ „апокалипсисъ"); упомянутые двоякіе „Вопросы Іоанна Богослова Аврааму"; видѣніе рая въ житіи Андрея Юродиваго. Далѣе, были изображенія рая, существовавшаго будто бы на землѣ; таковы: житіе Макарія Римскаго; хожденіе Зосимы къ Рахманамъ, житіе св. Агапія. Все это—памятники исключительно апокрифическіе и большею частію извѣстные въ нашей письменности съ очень древнихъ временъ.

„Хожденіе Богородицы по мукамъ" и „Видѣніе" апостола Павла излагали тему, которая должна была живѣйшимъ образомъ затрогивать религіозное чувство и воображеніе въ средніе вѣка, и первый изъ этихъ памятниковъ пользовался особенной популярностью у нашихъ старинныхъ книжниковъ. Пожелавъ видѣть мученія грѣшниковъ, Богородица, руководимая архангеломъ Михаиломъ, проходитъ всѣ мѣста адскихъ мукъ и, пораженная страшнымъ зрѣлищемъ, обращается къ Спасителю съ молитвой объ облегченіи этихъ ужасныхъ казней: по молитвѣ ея, грѣшникамъ дано облегченіе отъ мукъ отъ великаго четверга до пятидесятницы. „Видѣніе" апостола Павла болѣе сложно. Господь повелѣваетъ апостолу призвать людей къ покаянію и къ уразумѣнію того, что вся тварь повинуется Богу и одинъ человѣкъ согрѣшаетъ. Слѣдуютъ жалобы природы къ Богу на человѣческое беззаконіе: свѣтлое солнце, ночныя свѣтила и особенно земля, свидѣтели человѣческихъ грѣховъ, приносятъ свои жалобы и обличенія. Когда заходитъ солнце, всѣ ангелы приходятъ къ Богу и приносятъ ему людскія дѣла, добрыя и злыя; они приходятъ и утромъ, и т. д. Затѣмъ излагается самое видѣніе. Апостолъ былъ въ святомъ духѣ и ангелъ обѣщаетъ показать ему блаженство праведныхъ и мученія грѣшныхъ. Подъ небесною твердью увидалъ онъ ангеловъ страшныхъ и ангеловъ добрыхъ,

которые посылаются за душами людей грѣшныхъ и людей праведныхъ. Посмотрѣвши съ небесъ на землю, апостолъ увидѣлъ ее совсѣмъ ничтожной и уразумѣлъ суетность „величества человѣческаго"; посмотрѣвъ снова, онъ увидѣлъ надъ всѣмъ міромъ огненное облако: это было беззаконіе, смѣшанное съ молитвою грѣшниковъ. Онъ увидѣлъ потомъ, какъ душа отлучается отъ тѣла, душа праведная и грѣшная, и какъ онѣ предстаютъ предъ Господомъ. Далѣе, ангелъ показалъ ему мѣста праведныхъ на третьемъ небѣ: у воротъ были два золотыхъ столпа, и на столпахъ скрижали, гдѣ написаны были имена работающихъ Богу; на вопросъ апостола ангелъ объяснилъ, что не только имена, но и образъ и подобіе служащихъ Богу извѣстны ангеламъ на небѣ. Взглянувъ на землю, апостолъ увидѣлъ рѣку, текущую млекомъ и медомъ, на берегу были насаждены деревья, а земля блестѣла свѣтлѣе серебра. Это была земля обѣтованная. Потомъ ангелъ повелъ апостола во градъ Христовъ; на озерѣ Херусійскомъ [1]) онъ взялъ апостола въ золотой корабль и передъ ними пѣли ангелы, когда они вошли во градъ Христовъ. Этотъ городъ свѣтился сильнѣе земного свѣта; его окружали двѣнадцать стѣнъ и внутри каждой стѣны была тысяча столповъ. Тамъ текли четыре рѣки: медовая, молочная, рѣка съ виномъ и елеемъ, и масляная. Эти рѣки образуются на землѣ, объяснилъ ангелъ, и называются Фисонъ, Тигръ, Гіонъ и Евфратъ [2]). Здѣсь апостолъ увидѣлъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, пророковъ и блаженныхъ людей, славящихъ Бога; посереди города стоялъ алтарь, свѣтлый какъ солнце; подлѣ него былъ мужъ, съ гуслями и псалтырью въ рукахъ, и пѣлъ; его слушали стоявшіе на столпахъ воротъ и возглашали аллилуія, такъ громко, что потрясались основанія города. Это былъ конечно царь Давидъ, а ворота были—ворота небеснаго Іерусалима. Ангелъ показалъ потомъ апостолу страшныя мученія грѣшниковъ, при чемъ злыя казни назначались іереямъ, епископамъ, чтецамъ, не исполняющимъ заповѣди, и самая злая мука предназначалась тѣмъ, кто не вѣрилъ пришествію Христа на землю во плоти. Затѣмъ отверзлось небо, сошелъ архангелъ Михаилъ со множествомъ воинства и стали просить Господа, и апостолъ Павелъ съ ними, чтобы Господь помиловалъ свое созданіе. Небо заколебалось, апостолъ увидѣлъ алтарь Божій; потомъ небо отверзлось, сынъ Божій сошелъ съ небесъ, грѣшники возопили къ нему о помилованіи и Господь сказалъ

---

[1]) Въ греческомъ текстѣ: Ахеруза.

[2]) Въ другихъ сказаніяхъ эти рѣки представляются текущими изъ рая.

имъ, что ради архангела Михаила и ради Павла даетъ имъ покой въ день и ночь Святой недѣли. Затѣмъ ангелъ ведетъ апостола въ рай: „это мѣсто есть рай Едемскій, въ которомъ пали Адамъ и Ева". Апостолъ увидѣлъ въ раю четыре рѣки (уже названныя выше) и древо, изъ котораго шли воды, давшія начало рѣкамъ, на деревѣ почивалъ духъ Божій, и когда онъ дышалъ, тогда шли воды. Ангелъ объяснилъ, что это—Святой Духъ, который до сотворенія міра носился вверху бездны, а по сотвореніи неба и земли почиваетъ на этомъ древѣ. Апостолъ увидѣлъ древо, черезъ которое смерть вошла въ міръ, и древо жизни, которое охранялъ херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ. Далѣе, апостолъ видѣлъ Богородицу, которая гуляла въ сопровожденіи двухъ сотъ ангеловъ и, увидѣвъ апостола, привѣтствовала его; видѣлъ Авраама, Исаака, Іакова, Моисея, Исаію и Іеремію, разговаривалъ съ Ноемъ о потопѣ, наконецъ видѣлъ Илію и Елисея [1]).

Въ сравненіи съ мрачными изобрзженіями ада, картины рая въ подобныхъ произведеніяхъ являются вообще гораздо болѣе монотонными и скудными, и наиболѣе живописнымъ представляется изображеніе рая въ житіи Андрея Юродиваго. Рай, согласно первому библейскому сказанію, изображается вообще какъ цвѣтущій садъ, исполненный благоуханіемъ, съ рѣками текущими медомъ и молокомъ, съ свѣтлой землей, какъ изъ серебра, съ чудными птицами и т. д.

Какъ мы упоминали, была еще группа сказаній, въ основаніи которыхъ лежитъ предположеніе, что рай существуетъ на землѣ: были люди, которые видѣли его хотя бы издали или слышали о немъ отъ очевидцевъ. Таковы сказанія о святомъ Макаріи Римскомъ, Зосимѣ, Агапіи. Сюда присоединяется и та новгородская легенда, которая излагается въ посланіи, не разъ нами упомянутомъ, новгородскаго архіепископа Василія [2]).

---

[1]) Въ греческомъ подлинникѣ вмѣсто Елисея названъ Енохъ, а послѣ Іереміи названъ еще Іезекіилъ.

[2]) О литературѣ этихъ сказаній см. изслѣдованія В. Сахарова: „Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности и вліяніе ихъ на народные духовные стихи" (Тула, 1879), гдѣ русскіе апокрифы изложены въ связи съ древней христіанской литературой и отчасти сравнены съ ихъ греческими оригиналами; также въ изслѣдованіяхъ г. Веселовскаго, который спеціально останавливался на различныхъ вопросахъ этой литературы, какъ, напр., на тѣхъ сказаніяхъ о концѣ міра, которыя связаны съ историческими условіями Византійской имперіи („Опыты по исторіи развитія христіанской легенды"), на житіи Андрея Юродиваго („Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха") и во многихъ другихъ случаяхъ. См. также отдѣльныя изслѣдованія Невоструева („Слово Ипполита объ антихристѣ"), Срезневскаго, Андрея Попова и др.

Въ древнѣйшей редакціи статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, какая была до сихъ поръ найдена въ Номоканонѣ XIV вѣка [1]), въ первый разъ названы ложныя писанія Іереміи попа болгарскаго, которыя впослѣдствіи неизмѣнно вносились въ эту статью. Попу Іереміи приписано здѣсь, во-первыхъ, сказаніе о трясавицахъ (лихорадкахъ), которыхъ называлъ онъ семью дочерями Иродовыми, при чемъ ссылался на святого отца Сисинія на горѣ Синайской, и упоминалъ ангела Сихаила; „но,—говоритъ статья,—это онъ баснословилъ на соблазнъ многимъ: ни евангелисты, и никто изъ святыхъ не называли ихъ (дочерей Ирода) семь, а была только одна, испросившая, чтобы усѣчена была глава Предтечи, и объ ней извѣстно, что она была дочь Филиппова, а не Иродова; великій же Сисиній, патріархъ Константинова-града [2]) въ своихъ словахъ говорилъ такъ: не считайте меня за того лживаго Сисинія, котораго написалъ Іеремія попъ, на соблазнъ неразумнымъ". Далѣе, статья говоритъ еще: „о древѣ крестномъ, извѣщеніе святыя Троицы, и о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, какъ онъ былъ въ попы ставленъ—тотъ же Іеремія изолгалъ". Въ позднѣйшихъ спискахъ статьи, тому же Іереміи приписаны „молитвы врачевальныя о недугахъ и о нежитахъ, исходящихъ изъ пустыни", а въ одномъ спискѣ статьи находится намекъ, что попъ Іеремія былъ именно знаменитый ересіархъ, попъ Богомилъ [3]).

Въ этомъ указаніи различаются два отдѣльныя произведенія: молитвы о трясавицахъ, и апокрифъ о крестномъ древѣ и другихъ предметахъ. Первыя, повидимому, уже очень давно извѣстны были въ нашей письменности и во множествѣ варіантовъ распространены въ старыхъ рукописяхъ и современномъ народномъ употребленіи. Въ послѣднее время издано было не мало, между прочимъ древнихъ, южно-славянскихъ текстовъ такихъ „врачевальныхъ молитвъ", похожихъ на заклятія,—несомнѣнно тѣхъ

---

[1]) Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи. I, Спб. 1862, стр. 25—27.

[2]) Сисиній, патріархъ константинопольскій, жилъ въ 969—999 годахъ.

[3]) А именно въ Румянцовскомъ спискѣ № 449, въ церковномъ уставѣ 1608 года, читается: „...Іеремія попъ болгарскій, паче же Богу не милъ". Въ послѣдней фразѣ имѣлись въ виду слова Козьмы Пресвитера: „бысть попъ именемъ Богумилъ, а во истиннѣ Богу не милъ, иже нача первіе учити ереси въ земли болгарстѣй". Лѣтопись, тамъ же, стр. 40. Въ индексѣ русскаго митрополита Зосимы (1490—1494) это мѣсто читается такъ: „Іеремѣа попъ, Богомиловъ сынъ и ученикъ, паче же Богу не милъ" (въ другомъ спискѣ той же редакціи, словъ: „сынъ и", нѣтъ). Въ синодальномъ индексѣ XVI вѣка они раздѣлены: „попъ Еремѣй да попъ Богумилъ",—но все-таки поставлены рядомъ. Ср. цитаты въ „Матеріалахъ и замѣткахъ по старинной славянской литературѣ" М. Соколова, М. 1888, стр. 115–116.

самыхъ, какіе имѣлъ въ виду старый индексъ [1]). Нашелся и апокрифъ о крестномъ древѣ въ нѣсколькихъ старыхъ рукописяхъ, изъ которыхъ одна сохранила въ заглавіи самое имя „Іереміи пресвитера" [2]). Первый изслѣдователь этого апокрифа, г. Ягичъ, нашелъ уже, что это сказаніе представляетъ собственно компиляцію изъ нѣсколькихъ памятниковъ, которую онъ разложилъ на пять отдѣльныхъ эпизодовъ [3]); г. Соколовъ нашелъ здѣсь до семнадцати отдѣльныхъ апокрифическихъ мотивовъ,— въ большинствѣ, слѣдовательно, не упомянутыхъ индексомъ. О лицѣ попа Іереміи ничего неизвѣстно кромѣ проклятій въ индексѣ, гдѣ онъ поименованъ нѣсколько разъ и гдѣ, какъ мы видѣли, иногда намекается на его тождество или близость съ попомъ Богомиломъ. Изъ названныхъ съ его именемъ апокрифовъ (часть которыхъ была уже давно извѣстна, а другіе отыскались теперь) можно было видѣть, что они не представляли собственно богомильскихъ измышленій; но изъ сопоставленій Іереміи съ Богомиломъ предполагалось, что апокрифическая компиляція была составлена еретикомъ-богомиломъ, или переработана изъ богомильскаго оригинала. Такимъ образомъ, съ открытіемъ сочиненій Іереміи мы имѣли бы передъ собой отсутствовавшія славянскія сочиненія самихъ еретиковъ, извѣстныя до сихъ поръ только по отраженіямъ ихъ въ западной литературѣ или по обличеніямъ противниковъ; но новѣйшій изслѣдователь этого вопроса, разобравъ содержаніе апокрифа, дошедшаго до насъ по старымъ рукописямъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ знали его составители индекса, находитъ, во-первыхъ, что въ словѣ Іереміи нѣтъ ничего богомильскаго и что пресвитеръ Іеремія никакъ не можетъ быть отождествленъ съ попомъ Богомиломъ, распространителемъ ереси въ Болгаріи [4]).

Исторія настоящихъ богомильскихъ апокрифовъ остается такимъ образомъ мало выяснена, но существованіе и распростра-

---

[1]) Особенно замѣчательны тексты, изданные М. И. Соколовымъ, изъ сербской пергаменной рукописи XIII—XIV вѣка, представляющей вообще замѣчательную коллекцію апокрифовъ; см. „Матеріалы и замѣтки", стр. 13 и т. д.

[2]) Два текста этого апокрифа изданы были въ первый разъ г. Ягичемъ, по глаголической сербо-хорватской рукописи 1468 года и болгарской XIII—XIV вѣка (въ берлинской королевской библіотекѣ), третій—Андреемъ Поповымъ по русской рукописи XIV вѣка (собранія Хлудова), наконецъ четвертый—г. Соколовымъ по упомянутой выше сербской рукописи XIII—XIV вѣка (см. обширный трактатъ о цѣломъ этомъ памятникѣ въ „Матеріалахъ и замѣткахъ", стр. 73—211).

[3]) А именно: 1) о крестномъ древѣ; 2) о главѣ Адамовой; 3) какъ Іисусъ плугомъ оралъ; 4) какъ Провъ Іисуса братомъ назвалъ; 5) какъ Іисусъ попомъ сталъ.

[4]) Соколова, Матеріалы и Замѣтки, стр. 141—142.

неніе ихъ въ южно-славянской, и потомъ въ русской письменности не подлежитъ сомнѣнію. Правда, извѣстные до сихъ поръ памятники, какъ, напримѣръ, „Свитокъ божественныхъ книгъ", заключающій въ себѣ отраженія богомильства, очень поздни и отличаются смѣшаннымъ характеромъ [1]), но, во-первыхъ, дуалистическая легенда, какъ мы видѣли, и кромѣ этого памятника проникала въ нашу письменность, а затѣмъ свидѣтельствомъ ея вліянія остаются широко-распространенные памятники народной поэзіи, не только въ видѣ безформенныхъ легендъ, но и въ видѣ пѣсеннаго преданія, какъ извѣстныя колядныя пѣсни о сотвореніи міра. Недавнія изслѣдованія г. Веселовскаго указали столь обширное распространеніе дуалистическаго миѳа о сотвореніи міра, что вопросъ вступаетъ на новую почву, гдѣ потребуетъ новыхъ широкихъ изслѣдованій.

Въ нѣкоторыхъ индексахъ въ разрядъ апокрифовъ, которые „солгалъ" попъ болгарскій Іеремія, отнесены между прочимъ „вопросы и отвѣты, что отъ колика частей сотворенъ бысть Адамъ" [2]). Въ упомянутой компиляціи пресвитера Іереміи этихъ вопросовъ нѣтъ: они ему вовсе не принадлежали и вводятъ насъ въ новый, чрезвычайно распространенный отдѣлъ старинной литературы, заключающейся въ мнимыхъ „бесѣдахъ" или „вопросахъ и отвѣтахъ" между какими-либо знаменитыми представителями церковнаго ученія о всевозможныхъ предметахъ міротворенія, священной исторіи, судьбы человѣка, такъ что въ концѣ концовъ эти бесѣды обнимали очень разнообразный кругъ интересовъ, занимавшихъ пытливаго средневѣковаго человѣка. Тонъ этихъ бесѣдъ былъ также весьма различенъ—отъ схоластическихъ богословскихъ тонкостей—до историческаго анекдота, до загадки, наконецъ до шутки. Начало этого рода произведеній восходитъ, какъ обыкновенно, до византійской литературы: отсюда они расходились на латинскій западъ и славяно-русскій востокъ. Знаменитѣйшимъ произведеніемъ этого рода въ нашей старой письменности была „Бесѣда трехъ святителей" (Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста), которая, вслѣдствіе массы апокрифическихъ подробностей въ ея содержаніи, занесена была въ списокъ книгъ ложныхъ.

„Бесѣда",—замѣчаетъ Порфирьевъ,—„имѣетъ видъ сборника, составленнаго изъ разныхъ, преимущественно апокрифическихъ и легендарныхъ сочиненій. Когда и гдѣ она составилась, опре-

---

[1]) На этомъ основаніи г. Соколовъ почти отказываетъ имъ въ исторической доказательности (Матеріалы и Замѣтки, стр. 130).

[2]) Такъ въ индексѣ Кирилловой книги 1644 года.

дѣлить нельзя, какъ нельзя точно опредѣлить происхожденіе всякаго сборника, составившагося не вдругъ и не однимъ лицомъ, а постепенно и разными лицами. Извѣстно, что сборники краткихъ свѣденій о замѣчательныхъ лицахъ и событіяхъ историческихъ, мудрыхъ изреченій разныхъ знаменитыхъ лицъ о разныхъ предметахъ, замысловатыхъ загадокъ, вопросовъ и отвѣтовъ о недоумѣнныхъ вещахъ, начали составляться (на византійской почвѣ) очень рано изъ разныхъ источниковъ—изъ книгъ св. писанія, писаній отеческихъ, Палеи, хронографовъ, изъ сочиненій древнихъ поэтовъ, философовъ, историковъ и ораторовъ. Эти сборники носили разныя названія, каковы: Памятныя записи [1]); Антологіи, или Цвѣтники, и Пчелы; каковы сборники Максима Исповѣдника (VII в.) и инока Антонія; вопросы и отвѣты, каковы Вопросы князя Антіоха и отвѣты Аѳанасія (VII в.)...; состязаніе или преніе между противниками, каково Преніе Панагіота съ Азимитомъ; бесѣда между нѣсколькими лицами, какъ Бесѣда трехъ святителей; разговоры между учителемъ и ученикомъ, какъ западный сборникъ Луцидаріусъ [2]). Для того, чтобы подобнымъ сборникамъ придать бо́льшее значеніе, ихъ приписывали разнымъ знаменитымъ лицамъ. Изъ лицъ библейскихъ въ этомъ случаѣ чаще другихъ упоминались имена премудрыхъ царей израильскихъ, Давида и Соломона, какъ это мы встрѣчаемъ въ сборникахъ священныхъ загадокъ, въ „Іерусалимской Бесѣдѣ“ и „Голубиной книгѣ“. Царь Давидъ былъ извѣстенъ всему народу по своей премудрой книгѣ Псалтырь, а Соломонъ — по книгамъ Притчи, Премудрость и Экклезіастъ“... По библейскимъ сказаніямъ объ его мудрости, „имя Соломона какъ у іудеевъ, такъ и у христіанъ сдѣлалось центромъ, вокругъ котораго сосредоточивались самыя разнообразныя сказанія, а вопросная форма, форма разговора, бесѣды, притчи и загадки дали форму разнымъ апокрифическимъ сочиненіямъ (таковы разсказы въ Талмудѣ, повѣсти о Соломонѣ и Китоврасѣ, разныя загадки и пр.). Изъ лицъ новозавѣтной библейской исторіи чаще другихъ, какъ авторы апокрифическихъ сочиненій, выставляются апостолы Павелъ и Іоаннъ Богословъ. Іоаннъ Богословъ былъ любимымъ и ближайшимъ ученикомъ Спасителя, такъ что имѣлъ дерзновеніе обращаться къ нему съ вопросами въ разныхъ недоумѣнныхъ случаяхъ; ему открыты были тайны царствія божія и судьбы міра въ Апокалипсисѣ; отсюда естественно могли возникнуть съ его именемъ

[1]) Какъ напр. Hypomnesticon Іосифа, изданный въ сборникѣ апокрифовъ Фабриція.

[2]) Пришедшій и къ намъ уже въ болѣе позднее время.

(указанныя выше) эсхатологическія сочиненія. Изъ отцовъ церкви особенною популярностью пользовались имена Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Въ старыхъ рукописяхъ сохранилось множество псевдонимныхъ словъ, поученій и посланій, означенныхъ именами того или другого изъ этихъ святителей; но есть и такія сочиненія, на которыхъ выставляются имена всѣхъ этихъ трехъ святителей вмѣстѣ, какъ всѣ они вмѣстѣ соединяются въ церковныхъ праздникахъ, въ церковныхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, въ изображеніяхъ на иконахъ... „Бесѣда", конечно, не можетъ принадлежать тремъ святителямъ; она названа ихъ именемъ для приданія ей бо́льшаго авторитета и въ виду существовавшаго обычая отъ ихъ имени производить пренія по разнымъ богословскимъ вопросамъ" [1]).

Древнѣйшій памятникъ подобнаго смѣшаннаго апокрифическаго характера (съ именами пока только двухъ святителей, Григорія Богослова и Василія Великаго) встрѣчается уже въ знаменитомъ Святославовомъ (Симеоновомъ) Сборникѣ 1073 года и посвященъ богословскимъ вопросамъ о воплощеніи Сына Божія, о духовности божія существа и п. Впослѣдствіи „бесѣды" этого рода съ различными именами (но въ особенности съ именами трехъ святителей) и въ различныхъ редакціяхъ встрѣчаются во множествѣ списковъ: очевидно, онѣ принадлежали къ числу самыхъ популярныхъ произведеній старой письменности, что̀, какъ увидимъ далѣе, доказывается съ другой стороны ихъ широкой разработкой въ народной поэзіи духовнаго стиха. Въ основѣ „бесѣдъ" лежало нѣсколько различныхъ памятниковъ, почти всегда византійскаго происхожденія; при первомъ заимствованіи эти произведенія оставались вѣроятно близки къ своимъ подлинникамъ, но затѣмъ въ рукахъ усердныхъ книжниковъ они подвергались разнообразнымъ передѣлкамъ, дополненіямъ изъ другихъ сродныхъ источниковъ и въ концѣ концовъ составилось нѣсколько редакцій, болѣе или менѣе связанныхъ другъ съ другомъ, такъ что взаимное отношеніе ихъ становится очень запутаннымъ вопросомъ.

Содержаніе подобныхъ бесѣдъ, какъ мы замѣтили, касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ священной исторіи и наконецъ вообще знанія, обыкновенно въ замысловатой формѣ, такъ что разрѣшеніе вопросовъ въ глазахъ стариннаго простодушнаго читателя представлялось дѣломъ великой мудрости, носителями которой могли быть только такіе ветхозавѣтные мудрецы, какъ Да-

[1]) Порфирьевъ, Апокрифы Новозавѣтные, стр. 113—116.

видъ или Соломонъ, или знаменитѣйшіе святители изъ отцовъ церкви: богословскій вопросъ становился мудрой загадкой, какія бывали въ ходу въ сказочной литературѣ.

Вотъ нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ, которые даютъ понятіе о складѣ подобныхъ произведеній. Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, какіе представлялись древней любознательности, былъ вопросъ о томъ, отъ сколькихъ частей (изъ какихъ элементовъ) созданъ былъ Адамъ? Отвѣтъ говорилъ: отъ восьми частей: первое взято отъ земли тѣло, второе отъ камня кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли, отъ вѣтра духъ, отъ огня теплота, душу Господь вдохнулъ. (Источникъ этого отвѣта мы видѣли уже въ апокрифическихъ сказаніяхъ о созданіи Адама). Сколько времени Адамъ пробылъ въ раю? Отъ шестого часа до девятаго.—Кому Господь прежде всего сослалъ грамоту? Сиѳу, Адамову сыну.—Когда четвертая часть міра умерла? Когда Каинъ убилъ Авеля.—Когда возрадовался весь міръ? Когда Ной вышелъ изъ ковчега.—Какого звѣря не было у Ноя въ ковчегѣ? Не было рыбы въ ковчегѣ.—Какой городъ стоитъ, а пути къ нему нѣтъ? Ноевъ ковчегъ стоитъ на водѣ.—Кто не рожденъ, кто не умеръ, кто не истлѣлъ? Не рожденъ Адамъ, не умеръ Илья Пророкъ, не истлѣла Лотова жена.—Что такое—гробъ ходилъ, а въ немъ мертвецъ пѣлъ? Іона во чревѣ китовѣ, три дня и три ночи, живой вышелъ изъ чрева китова.—Что есть высота небесная и широта земная и глубина морская? Отецъ и Сынъ и Святой Духъ.—Что такое рѣка посреди моря течетъ? Море есть весь міръ, а рѣка—божественныя писанія и прочитаніе книжное.—Какой городъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ? Іерусалимъ городъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ, а въ немъ пупъ земли и церковь святая святыхъ и Господень гробъ, и т. д.

„Бесѣда“ знаетъ множество подробностей, не упомянутыхъ въ писаніи, потому что вообще обильно черпаетъ изъ апокрифическихъ книгъ. „Бесѣда“ знаетъ имена рабы Пилатовой, обличившей Петра, имя человѣка, дѣлавшаго крестъ Господень, человѣка, поразившаго Господа на крестѣ копьемъ, и т. д. Нѣкоторые вопросы и отвѣты имѣютъ характеръ шуточныхъ загадокъ, напр: Кто родился прежде Адама съ бородой? Козелъ.—Что значитъ: волъ родилъ корову? Адамъ родилъ Еву.—Какое было на землѣ первое художество? Швечество: Адамъ и Ева сшили себѣ одѣяніе изъ листвія смоковнаго.—Что такое: стоялъ городъ на пути, а пути къ нему нѣтъ, пришелъ къ нему нѣмой посолъ, принесъ грамоту неписанную? Городъ былъ ковчегъ, а посолъ—голубь, принесъ масличный сучокъ. Живой мертваго билъ, а

мертвый вопіялъ? Живой—звонарь, а мертвый—колоколъ, и т. д. „Бесѣда“ знала, наконецъ, что земля основана „на трехъ китѣхъ великихъ“ [1]) и т. д.

Послѣ всѣхъ упомянутыхъ произведеній, или въ полномъ составѣ апокрифическихъ, или представляющихъ отрывки и пересказы, нашъ индексъ приводитъ еще длинный рядъ „ложныхъ книгъ“, уже не имѣвшихъ никакого отношенія къ церковнымъ апокрифамъ и вызывавшихъ запрещеніе потому, что въ нихъ видѣли суевѣріе, которое въ тѣ времена отождествлялось съ ересью и бѣсовскимъ прельщеніемъ. А именно уже въ византійскомъ индексѣ названы были сочиненія, относившіяся къ астрономіи—вѣроятно по обычному предубѣжденію противъ античной науки, отчасти потому, что къ астрономіи примѣшивалась и астрологія, нарушавшая понятіе о божественномъ провидѣніи. Нѣсколько статей астрономическаго содержанія было переведено еще въ древнемъ періодѣ славяно-русской письменности и впослѣдствіи въ нашемъ индексѣ отмѣчено было нѣсколько сочиненій подобнаго рода, въ общемъ счетѣ съ апо-

---

[1]) „Бесѣда“ и сродныя ей произведенія вызвали уже много изслѣдованій. Въ первый разъ указалъ ея значеніе въ связи съ произведеніями народной поэзіи г. Буслаевъ; въ изданіяхъ памятниковъ нашей отреченной литературы (моемъ, Тихонравова) издано было нѣсколько текстовъ и затѣмъ явилось много спеціальныхъ изслѣдованій отчасти и съ новыми текстами:

— Кн. П. П. Вяземскаго, въ Памятникахъ древней письменности. Вып. I, Спб. 1880 : „Бесѣда трехъ святителей“, стр. 63—130.

— Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Изслѣдованіе В. Мочульскаго. Варшава, 1887.

— Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. Матвѣя Соколова. Выпускъ первый. Москва, 1888.

— Архангельскаго, Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—IV. Казань, 1888—1890, II, стр. 9.

— Красносельцева, Къ вопросу о греческихъ источникахъ „Бесѣды трехъ святителей“. Одесса, 1890.

— Порфирьева, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Спб., 1890, стр. 113—127 и 378—402.

— И. Н. Жданова, Бесѣда трехъ святителей и Ioca Monachorum. Въ Журн. мин. прос. 1892, № 1, стр. 157—194.

— Н. Никольскаго, О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича, писателя XII вѣка. Спб. 1892.

— В. Мочульскаго, Слѣды народной Библіи въ славянской и въ древне-русской письменности. Одесса, 1893.

— Болгарскій „Сборникъ на народни умотворения, наука и книжнина“, т. VIII. Софія, 1892, стр. 402 и далѣе, новый текстъ „Разумника“, раньше изданнаго по сербской рукописи Григоровича у Тихонравова, II, 442.

крифами церковными, какъ, напр., „Астрологъ“, „Колядникъ“, „Мѣсяцъ окружится“, „Звѣздочтецъ“ [1]), къ которымъ позднѣе присоединился и „Альманакъ“. Независимо отъ индекса, въ старыхъ нашихъ памятникахъ по византійскому образцу очень осуждалась „остронумѣя“, хотя наши предки не имѣли объ ней никакого понятія, зная только двѣ-три переводныя съ греческаго статейки объ астрономическихъ или календарныхъ вычисленіяхъ. Вмѣстѣ съ этими науками запрещалось и „землемѣріе“, которое въ своемъ научномъ смыслѣ (какъ „геометрія“) было у насъ совершенно неизвѣстно; запрещался и „Зелейникъ“, т.-е. собраніе указаній о лечебныхъ травахъ. Далѣе, какъ суевѣріе, запрещались предсказанія или примѣты по грому и молніи—„Громникъ“ и „Молніянникъ“, примѣты о добрыхъ и злыхъ дняхъ и часахъ, и еще нѣсколько подобныхъ книгъ, отчасти гадательнаго, отчасти волшебнаго содержанія, изъ которыхъ иныя были, повидимому, еще произведеніемъ древняго періода нашей письменности, другія встрѣчаются только въ болѣе позднихъ индексахъ и иныхъ церковныхъ запрещеніяхъ (какъ, напр., въ Стоглавѣ и т. п.). Въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ они перечисляются вообще такъ: „Чаровникъ“, „Мысленикъ“ (?), „Волховникъ“, „Птичникъ“, „Трепетникъ“, „Путникъ“, „Сонникъ“, „Рафли“, „Аристотелевы Врата“ и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ до сихъ поръ еще не были отысканы въ старой письменности и единственнымъ свидѣтельствомъ объ ихъ существованіи и содержаніи остаются указанія индекса, который въ своихъ обличеніяхъ счелъ нужнымъ дать нѣкоторымъ изъ нихъ подробное описаніе [2]).

---

[1]) Ихъ считалось два, и объ одномъ въ индексѣ пишется: „Звѣздочтецъ... ему-жь имя шестодневецъ, въ нихъ же бсзумніи людіе вѣрующе волхвуютъ, ищуще дней рожденій своихъ, сановъ полученія, бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей, казней въ службахъ и въ ремяслехъ“.

[2]) Напримѣръ:

„Чаровникъ: въ нихъ же суть 12 главизнъ стихи опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ, еже есть сіе: тѣло свое мертво хранитъ; летаетъ орломъ, ястребомъ, ворономъ, дятломъ, совою, рыщутъ рысію, лютымъ звѣремъ, звѣремъ дикимъ, волкомъ, медвѣдемъ, летаютъ зміемъ.

„Мысленикъ.

„Сносудецъ.

„Волховникъ, волхвующе всякими коби, птицами и звѣрьми, еже есть: храмъ трещитъ; ухозвонъ; окомигъ; огнь бучитъ; песъ воетъ; мышей пискъ; мышъ порты погрызетъ, жаба воркочетъ, кошка въ окнѣ; изгоритъ нѣчто; огнь пищитъ; искра изъ огня; кошка мявкаетъ; падетъ человѣкъ; свѣща угаснетъ; конь ржетъ; волъ на волъ; пчела, рыбы, трава шумитъ, древо къ древу, листъ шумитъ, волкъ воетъ; гость пріидетъ.

Наконецъ, еще одна подробность возвращаетъ къ церковному быту. Уже въ древнѣйшемъ спискѣ индекса XIV-го вѣка упомянуты „худые номоканонцы у поповъ по молитвеникамъ“ и „лживыя молитвы о трясавицахъ“ —оба запрещенія идутъ вѣроятно еще изъ южно-славянскаго источника. Молитвы о трясавицахъ (къ которымъ присоединялись и другія лживыя молитвы) мы упоминали уже какъ произведеніе попа Іереміи [1]). Худые номоканонцы, то-есть произвольно составленныя церковныя правила разнаго рода, были отмѣчены въ очень старыхъ памятникахъ и любопытны, какъ примѣръ очень ранняго развитія обрядоваго формализма: наклонность къ нему можно видѣть уже въ извѣстныхъ вопросахъ Кирика изъ XII-го вѣка.

Мы только въ общихъ чертахъ изложили этотъ обширный отдѣлъ старой письменности, не касаясь еще многихъ его подробностей и дальнѣйшей судьбы его въ народномъ обращеніи. Довольно сказать, что эта отрасль письменности твердо сохранялась въ теченіе всего древняго періода до самаго XVIII-го вѣка и въ народной средѣ даже до нашихъ дней: въ изданіяхъ памятниковъ этой отреченной литературы многіе изданы были именно по новѣйшимъ рукописямъ XVIII-го, даже XIX-го вѣка (Хожденіе Богородицы по мукамъ, Сонъ Богородицы, Лживыя молитвы, Свитокъ божественныхъ книгъ, Бесѣда трехъ святителей, Трепетникъ и др.); съ другой стороны эта литература вошла въ существо народныхъ религіозныхъ и космогоническихъ представленій въ духовныхъ стихахъ, какъ знаменитый стихъ о

„Птичникъ различныхъ птицъ: воронограй, куроклинъ, сорока пощекочетъ, дятелъ.

„Трепетникъ: мышца подрожитъ, лопаточникъ, волхвованія рзличныя.

„Путникъ книга, въ ней же есть писано о встрѣчахъ коби всякія еретическія; слѣпца стрѣтитъ.

„Сонникъ“.

Нашлись пока только нѣкоторыя изъ этихъ книгъ. „Рафли“ напечатаны въ моемъ собраніи отреченныхъ книгъ (принадлежавшая мнѣ рукопись, маленькаго формата, какъ единственная пока въ своемъ родѣ, передана была мною въ Публ. Библіотеку). „Трепетникъ“ изданъ былъ мною въ „Архивѣ историческихъ и практич. свѣденій“ Калачова, Спб. 1860—61, кн. 2 (рукопись передана въ московскій Румянцовскій Музей); греческій образецъ нашей ложной книги изданъ былъ мною, по рукописи вѣнской библіотеки, въ „Археолог. Вѣстникѣ“ моск. Археологич. Общества, 186 „Аристотелевы Врата“ указаны были г. Буслаевымъ въ (болѣе позднемъ) перево мнимаго сочиненія Аристотеля „Тайная тайныхъ“.

[1]) Новый подборъ лживыхъ молитвъ сдѣланъ былъ Порфирьевымъ въ „Труда четвертаго археологическаго съѣзда (1877), Казань, 1891, т. II, стр. 1—24: „А крифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки“.

Голубиной книгѣ, какъ стихи легендарнаго содержанія, стихи о концѣ міра, а также въ былинахъ и, наконецъ, въ массѣ мелкихъ народныхъ повѣрій, суевѣрій и примѣтъ. Обычный для стараго періода недостатокъ данныхъ о литературной судьбѣ памятниковъ не позволяетъ съ точностью судить о способѣ и степени ихъ распространенія въ средѣ старинныхъ читателей; но нѣкоторые отдѣльные факты и общій тонъ стараго міровоззрѣнія убѣждаютъ, что какихъ-нибудь опредѣленныхъ границъ ихъ распространенія, въ какую-либо эпоху, въ какомъ-либо особомъ классѣ читателей, не было: это было общее достояніе — общее вѣрованіе, общая поэзія и общая первобытная степень умственнаго развитія. Далѣе, къ самому концу XVII-го вѣка, мы еще встрѣтимъ факты, которые свидѣтельствуютъ о полной живучести стараго міровоззрѣнія даже въ наиболѣе просвѣщенномъ кругу тѣхъ временъ — въ царскомъ кругу.

За исключеніемъ немногихъ памятниковъ, названныхъ въ старомъ индексѣ, содержаніе которыхъ остается пока неизвѣстно, источникомъ ихъ были почти безъ исключенія византійскіе памятники очень древняго времени. Нѣкогда, въ глубинѣ среднихъ вѣковъ, это было общее достояніе всей европейской книжности, восточной и западной. Какъ мы уже упоминали, литературная судьба этого легендарнаго матеріала была тамъ и здѣсь весьма различна: у насъ онъ послужилъ только для устной народной словесности; на западѣ онъ очень рано вступилъ въ процессъ литературнаго развитія, гдѣ, напр., монументальнымъ поэтическимъ созданіемъ на почвѣ легенды, а вмѣстѣ съ тѣмъ на почвѣ философскаго міровоззрѣнія и общественно-національной жизни, была знаменитая поэма Данта: матеріалъ легенды былъ пережитъ и передуманъ; поэтическій памятникъ, воплотившій его, сталъ великимъ фактомъ національной литературы и вмѣстѣ открывалъ путь къ новымъ задачамъ поэзіи и просвѣщенія. Подобнымъ образомъ средневѣковое содержаніе было пережито у другихъ народовъ западной Европы. Уже задолго до грани новыхъ вѣковъ складывалось и, наконецъ, возобладало новое просвѣтительное движеніе — въ гуманизмѣ и реформѣ. Средневѣковое содержаніе стало далекимъ воспоминаніемъ, которое въ наиболѣе просвѣщенныхъ кругахъ общества было, наконецъ, совсѣмъ забыто и отвергнуто, и осталось памятно только для научнаго изслѣдованія. У насъ, за рѣдкими исключеніями, это древнее средневѣковое міровоззрѣніе осталось господствующимъ до самой Петровской реформы.

А. Пыпинъ.

БЕЗЪ КРОВА

Изъ Марiи Конопницкой.

Взошла на небо ночь, вся въ бѣловатой мглѣ,
Серебрянымъ дымкомъ столицу окурила
И розсыпь яркихъ искръ по снѣгу, на землѣ,
И размела, и засвѣтила.
Кто теплый кровъ имѣлъ, и любящая грудь
Кого въ тотъ часъ звала въ раскрытыя объятья,
Тотъ ночи слалъ привѣтъ: „благословенна будь!"
Кто не имѣлъ—шепталъ проклятье.
И сколько вдругъ такихъ раздалось голосовъ...
Отъ холода они, казалось, всѣ дрожали,
И глухо было ихъ проклятiе безъ словъ...
Земныя слышитъ Богъ печали?
Но нѣтъ отвѣта мнѣ—нѣмая тишина!
Несется снѣжный вихрь, метель заноситъ крышу...
О, звѣзды, если мнѣ изъ васъ хотя одна
Отвѣтитъ,—я ужъ не разслышу.

Да, ты, царица-ночь, серебряная ночь,
Съ желѣзнымъ скипетромъ царишь надъ бѣдняками!
Твой головной уборъ отъ инея точь-въ-точь
Горитъ застывшими слезами.
Не звѣздъ ли золотыхъ, на землю льющихъ свѣтъ,
Озябшая толпа достать желаетъ съ неба,
Сорвать желаетъ ихъ... Послушай, ночь,—о, нѣтъ!—
Имъ хлѣба надо—только хлѣба...
И если бъ стала я, царица, вдругъ тобой,

Алмазъ, что ярче всѣхъ горитъ въ лазури темной
Отдала бы на хлѣбъ толпѣ полуживой,
Толпѣ голодной и бездомной.
Я знаю, небеса не стали бы блѣднѣй,
Когда бъ взамѣнъ звѣзды, въ лазури погашонной,
Зажегся на землѣ отрадный блескъ очей
Лучами жизни возрожденной.
Плывешь ты, ночь, тиха, безмолвна въ небесахъ,
Морозъ твое чело облекъ въ вѣнецъ хрустальный,
А снѣжной ризы ткань, бѣлѣющей въ поляхъ,
Для бѣдныхъ—саванъ погребальный.

У двери, гдѣ былъ свѣтъ отъ фонаря разлитъ
Такъ ярко, гдѣ метель, казалось, тише вѣетъ,
Укрылся мальчуганъ... Онъ думалъ—пріютитъ
Холодный камень, отогрѣетъ.
Но сторожъ заперъ дверь, и брызнули изъ глазъ
Слезинки, засверкавъ алмазами живыми:
„Еще замерзнетъ онъ... ну, слѣдствіе сейчасъ...
Допросъ... свяжись-ка только съ ними!"
И мальчикъ отошелъ, рыдая... Тамъ, вдали
Бѣлѣлъ высокій храмъ изъ сѣраго гранита
И крестъ рѣзной купалъ въ серебряной пыли;
Надъ храмомъ туча шла сердито.
Въ морозной мглѣ снѣжокъ искрящійся леталъ...
И тихо сирота склонился предъ порогомъ.
Онъ въ храмъ войти хотѣлъ—замо̀къ не пропускалъ,
Храмъ былъ затворенъ вмѣстѣ... съ Богомъ!
О, если бы Христосъ здѣсь съ нами вмѣстѣ жилъ,
Я вѣрю, по землѣ ненастными ночами
Искалъ бы бѣдныхъ Онъ, озябшихъ находилъ
И грѣлъ бы сирыхъ Онъ во храмѣ.

Ребенокъ, весь дрожа, глядѣлъ на Млечный Путь,
Что лентой золотой надъ нимъ по небу вился;
Заплакать онъ хотѣлъ, да нѐ къ кому прильнуть,—
И мальчикъ къ Богу обратился.
„Отецъ нашъ!"... Какъ, дитя, царь неба—твой отецъ,
Кого весь міръ зоветъ великимъ, сильнымъ Богомъ?
А ты, свой взоръ вперивъ въ святой Его дворецъ,
Безъ крова гибнешь, предъ порогомъ!
Ты шепчешь: „Отче нашъ"... А кто, скажи, твой братъ?

Не тѣхъ ли сытыхъ баръ и знатныхъ милліоны,
Что въ роскоши живутъ и звономъ чашъ глушатъ
Твоей мольбы живые стоны?
О, Боже, слышишь Ты вопль сына Твоего,
Что блѣдныя уста безсильно раскрываетъ?
Какъ свято вѣритъ онъ, что Ты—отецъ его,
И съ этой вѣрой... умираетъ!

Ребенокъ „Отче нашъ“ шепталъ... Ночная мгла
Какъ будто развилась, повиснувшая мрачно,
И стала вдругъ она такъ радужно-свѣтла,
Потомъ—воздушна и прозрачна,
И тихо поплыла... Уста полураскрывъ,
Онъ пересталъ шептать святой молитвы слово,
А звѣздный храмъ былъ тихъ, холоденъ, молчаливъ,
И умерло дитя безъ крова.

Мих. Гербановскій.

НОВЫЕ СПОРЫ

объ

ОБЩИНѢ.

— *Г. П. Сазоновъ.* Быть или не быть общинѣ? Спб., 1894.
— Экономическіе этюды. I. Экономическія причины голодовокъ въ Россіи и мѣры къ ихъ устраненію. Проф. ново-александрійскаго института *А. И. Скворцова.* Спб., 1894.

I.

Въ концѣ прошлаго года въ печать проникли какія-то неопредѣленныя, отрывочныя свѣденія о томъ, что вопросъ объ общинномъ землевладѣніи поставленъ на очередь и можетъ будто бы разрѣшиться въ отрицательномъ смыслѣ, благодаря нападкамъ и доводамъ „одной современной записки“. Въ императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ происходили горячія пренія по поводу доклада, спеціально посвященнаго разбору упомянутой таинственной „записки“; докладчикъ, г. Сазоновъ, выражалъ надежду, что удастся удержать „такъ легкомысленно занесенную на общину руку и тѣмъ оградить государство отъ неминуемыхъ грозныхъ катастрофъ“. По слухамъ,—говорилъ далѣе г. Сазоновъ, „благородную задачу защиты общины взялъ на себя мощный сударственный человѣкъ. Въ добрый часъ! Исторія запишетъ этъ фактъ, какъ разумнѣйшую и величайшую услугу государ-у и народу“.

Публика не могла понять, въ чемъ дѣло. Что это за „совре-чая записка“, возбудившая грозную борьбу противъ общины?

Кто этотъ „мощный“ дѣятель, выступившій на защиту общиннаго землевладѣнія? Гдѣ и какъ возникла эта титаническая борьба? Можно ли утверждать, что исторія запишетъ факты въ томъ или другомъ смыслѣ, если эти факты неизвѣстны даже современникамъ? Кажется, что не было ни малѣйшей надобности прибѣгать къ загадочнымъ намекамъ, когда дѣло идетъ о такомъ прозаическомъ и общедоступномъ предметѣ, какъ крестьянское землевладѣніе. У насъ существуетъ цѣлая обширная литература по вопросу о земельной общинѣ; печать постоянно и много занималась этимъ вопросомъ, а между тѣмъ до насъ только случайно, урывками, доходятъ неясные слухи о какихъ-то важныхъ проектахъ и спорахъ относительно общины. Серьезная борьба по этому поводу происходитъ гдѣ-то за кулисами; вопросъ, быть можетъ, рѣшается въ ту или другую сторону, а мы ничего объ этомъ не знаемъ и не подозрѣваемъ. Можно было бы подумать, что общество и литература не существуютъ для составителей оффиціальныхъ проектовъ, что эти проекты касаются лишь небольшого круга лицъ, призванныхъ участвовать въ ихъ обсужденіи, и что обыкновенные смертные не имѣютъ даже права интересоваться сущностью обсуждаемыхъ мѣропріятій. Однако, бывали весьма серьезныя законодательныя работы, которыя своевременно отдавались на судъ общественнаго мнѣнія и печати, съ большою пользою для дѣла; нерѣдко крупные недосмотры и ошибки предупреждались единственно благодаря возможности критическаго разбора и обсужденія законопроектовъ въ журналистикѣ. Чтобы не обращаться къ болѣе отдаленному прошлому, ограничимся указаніемъ на недавній случай съ финляндскимъ уголовнымъ кодексомъ, въ которомъ открыты были значительные недостатки уже послѣ одобренія его компетентною властью. Обычный канцелярскій способъ подготовленія законовъ имѣетъ свои чувствительныя неудобства, которыя сознаются всѣми, независимо отъ какихъ-либо партійныхъ соображеній и тенденцій; эти неудобства усиливаются въ громадной степени, когда къ нимъ присоединяется устарѣлый принципъ канцелярской тайны. Существуютъ вопросы,—напримѣръ, дипломатическіе или политическіе въ тѣсномъ смыслѣ,—относительно которыхъ можетъ считаться нежелательнымъ допущеніе преждевременной огласки; но обнародованіе оффиціальныхъ записокъ и проектовъ по вопросамъ о ростовщичествѣ или о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ служило бы только къ надлежащему всестороннему выясненію предмета и несомнѣнно способствовало бы болѣе успѣшному ходу законодательства. Соблюденіе тайны въ этихъ случаяхъ есть скорѣе дѣло рутины, чѣмъ сознательной си-

стемы или принципа. Законъ о ростовщичествѣ выработывался съ конца семидесятыхъ годовъ, и множество собранныхъ матеріаловъ и свѣденій осталось похороненнымъ непроизводительно въ архивахъ спеціальныхъ коммиссій, безъ пользы не только для спеціальной литературы предмета, но и для самихъ составителей окончательнаго проекта. Работа шла медленно и вяло исключительно потому, что происходила какъ бы въ полутьмѣ, вдали отъ живого печатнаго слова, вдали отъ критики и указаній свѣдущихъ „посторонних" лицъ. Законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ подготовлялся съ 1884 года; дѣло тянулось въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, и опять-таки по той же причинѣ,—по отсутствію оживляющаго элемента гласности. Смѣняющіеся работники не руководствуются забракованными или забытыми трудами предшественниковъ и не могутъ быть увѣрены въ томъ, что ихъ собственныя попытки приведутъ къ какой-либо практической цѣли; а сознаніе, что произведенная работа не увидитъ свѣта и сдѣлается, быть можетъ, безплоднымъ достояніемъ канцелярскаго архива, невольно подрываетъ энергію въ участникахъ дѣла и кладетъ на ихъ дѣятельность отпечатокъ безжизненности. Второстепенные по значенію и небольшіе по объему законопроекты не могли бы выработываться и обсуждаться десятки лѣтъ, еслибъ они съ самаго начала доступны были публичной оцѣнкѣ и содѣйствію компетентной печати. Спеціалисты по обсуждаемымъ вопросамъ, равно какъ практическіе люди и публицисты, интересующіеся задачами новыхъ законовъ, имѣли бы возможность высказываться заблаговременно и дѣлали бы это тѣмъ съ бо́льшею охотою и обстоятельностью, что видѣли бы предъ собою реальную и серьезную цѣль, а не простое теоретическое словопреніе, большею частью запоздалое, какъ это обыкновенно бывало до сихъ поръ. Печать и общество были бы тогда избавлены отъ того фальшиваго положенія, которое бросается въ глаза каждому безпристрастному человѣку и кажется столь удивительнымъ и непонятнымъ иностранцу: въ нашихъ газетахъ не сообщается никакихъ свѣденій—кромѣ развѣ неопредѣленныхъ слуховъ—о текущихъ работахъ и проектахъ въ области отечественнаго законодательства, тогда какъ о законахъ и мѣропріятіяхъ чужихъ государствъ приводятся изо дня въ день аккуратные отчеты и подробныя разсужденія. Почему, напр., русскій читатель долженъ больше знать о венгерскомъ законопроектѣ относительно гражданскаго брака, чѣмъ о законодательныхъ работахъ и предположеніяхъ, касающихся нашей собственной страны? Эта ненормальность не имѣетъ, конечно, разумнаго оправданія и объясняется

единственно бюрократическими традиціями, отъ которыхъ все болѣе отказываются отдѣльныя правительственныя учрежденія. Самый механизмъ предварительной законодательной работы отличается крайнею сложностью и неповоротливостью: по каждому вопросу и проекту требуются заключенія различныхъ вѣдомствъ, и на этотъ обмѣнъ письменныхъ отзывовъ уходятъ иногда цѣлые годы. Съ перемѣною представителей и юрисконсультовъ того или другого вѣдомства, мѣняются и мнѣнія его по данному предмету, и это обстоятельство служитъ опять поводомъ къ дальнѣйшимъ проволочкамъ или заставляетъ даже вновь начинать дѣло съ самаго начала. Замѣна излишней переписки единовременнымъ личнымъ обсужденіемъ могла бы весьма значительно облегчить и ускорить успѣшное движеніе законодательства.

Такъ какъ проекты, вызвавшіе упомянутую выше полемику относительно общины, получили уже силу закона, то объ этой полемикѣ можно теперь говорить, какъ объ эпизодѣ вполнѣ законченномъ, и элементъ канцелярской тайны отпадаетъ здѣсь самъ собою. При разсмотрѣніи проектированныхъ правилъ о передѣлахъ общинныхъ земель, одно изъ вѣдомствъ, стоящее довольно далеко отъ задачъ экономической политики, дало обстоятельный отзывъ (отъ 30-го января 1893 года), въ которомъ рѣшительно и краснорѣчиво высказалось противъ общины. Эта записка, какъ выражается г. Сазоновъ, представляла собою „грозный и бичующій обвинительный актъ“ противъ общиннаго землевладѣнія. „Въ суммѣ,—говорится въ этой запискѣ,—что̀ же сдѣлала община, какъ она оправдала оказанное ей довѣріе и возлагавшіяся на нее надежды? Она поставила общинное владѣніе землею въ такія условія, что общиннаго въ немъ ничего не осталось, а каждаго отдѣльнаго домохозяина, по отношенію къ пользованію имъ общинною землею,—въ такія, въ которыхъ никакая культура, никакая хорошая обработка земли невозможны; она, такимъ отношеніемъ къ дѣлу, укрѣпила трехпольную систему сѣвооборота, при которой третья часть надѣльныхъ земель остается непроизводительною; постоянными передѣлами земель она лишила возможности домохозяевъ унавоживать свои участки, а безъ унавоженія земли никакое хозяйство немыслимо; она вызвала агломерацію населенія въ огромныхъ селахъ, ежегодно горящихъ, и тѣмъ обезцѣнила и сдѣлала мертвымъ капиталомъ всѣ земли, лежащія вдали отъ поселеній; она содѣйствовала распространенію овраговъ, которые служатъ природными дренажами для изсушенія почвы и уносятъ ея плодородный слой; она убила всякую частную иниціативу, двигающую всякое дѣло; она породила кулаковъ земельныхъ; она

породила земельный пролетаріатъ и постоянно его развиваетъ; она развила преувеличенное стремленіе крестьянъ къ переселенію, ставя ихъ въ такія условія, изъ которыхъ нельзя не желать уйти; она содѣйствовала уничтоженію семьи и тѣмъ сдѣлала семейные раздѣлы необходимостью, бороться съ которою безсильны всякіе законы...; она содѣйствовала паденію вѣры въ народѣ и уваженія къ церкви...; она создала въ народѣ увѣренность, что, держась общины, въ массѣ онъ неуязвимъ и ненаказуемъ въ тѣхъ правонарушеніяхъ, которыя онъ себѣ позволяетъ по отношенію къ чужой собственности. Этимъ она внушала массѣ понятіе, что въ этомъ смыслѣ міръ силенъ. Она уже проявила зачатки аграрныхъ безпорядковъ. Вотъ что̀ за тридцать два года жизни сдѣлала община. Неужели этого ряда доказательствъ ея полнѣйшей несостоятельности руководить жизнью народа—мало? Неужели въ угоду защитникамъ общины нужно больше ростить ихъ дѣтище и ждать дальнѣйшихъ доказательствъ того зла, которое она еще можетъ сдѣлать?.. Возростаніе недоимокъ, увеличеніе процента безлошадныхъ, постоянное возростаніе сельскаго пролетаріата, неимѣніе никакихъ запасовъ у населенія, какъ доказалъ это прошлый неурожайный годъ,—все это факты, которые краснорѣчиво поддерживаютъ и доказываютъ основательность такого мнѣнія... А потому общинное землевладѣніе и круговая порука, постепенно, начиная съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они болѣе всего стѣснительны и вредны, должны быть упразднены. Это есть главная цѣль, къ которой надо идти, и идти безотлагательно".

Составители записки полагали, что община была навязана крестьянству закономъ и что самъ народъ желаетъ отъ нея избавиться. „Зачѣмъ настаивать на ошибкѣ, зачѣмъ навязывать ее тому народу, который всѣми стремленіями своей жизни, всѣмъ тѣмъ, что̀ онъ до сихъ поръ дѣлалъ, въ теченіе почти 32-хъ лѣтъ старается доказать, что это была ошибка—стремится быть самостоятельнымъ хозяиномъ своей собственности и имѣть возможность примѣнить къ дѣлу ту силу, которую онъ въ себѣ чувствуетъ и сознаетъ?.. Всѣ усилія общины, всѣ цѣликомъ, направлены къ тому, чтобы отъ общиннаго владѣнія отойти. Но голосъ народа, во имя идеи, никому не нужной и всѣмъ вредной, какъ будто никто не слышитъ". Все зло въ нашей жизни происходитъ будто бы отъ общины и отъ земельныхъ передѣловъ. „Соціалистическіе инстинкты нашли себѣ почву въ общинѣ, и если Россіи суждено когда-нибудь пережить потрясенія, вызванныя стихійными движеніями народныхъ массъ, то починъ въ этомъ дѣлѣ, вопреки примѣрамъ западной Европы, будетъ принадлежать массѣ аграрной. Факты

уже доказываютъ это" [1]) и т. д. Необходимо, поэтому, замѣнить общинное землевладѣніе подворнымъ и установить нормальные размѣры участковъ, „недѣлимыхъ, не продаваемыхъ, не закладываемыхъ".

Въ болѣе умѣренномъ тонѣ и съ гораздо большею основательностью развивалась мысль о вредѣ общины и о превосходствѣ личнаго мелкаго землевладѣнія въ двухъ запискахъ, принадлежащихъ перу извѣстнаго ученаго экономиста, бывшаго министромъ финансовъ. Эти двѣ записки, составленныя въ апрѣлѣ и ноябрѣ 1893 года, относятся уже къ вопросу о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и заключаютъ въ себѣ много ссылокъ на факты западно-европейской жизни и на мнѣнія иностранныхъ писателей. Высказанныя такимъ образомъ замѣчанія противъ общины были подробно разобраны въ обширномъ разсужденіи, подписанномъ высшимъ представителемъ вѣдомства, ближе всего стоящаго къ интересамъ нашего государственнаго и народнаго хозяйства. Этотъ интересный трактатъ заслуживаетъ особеннаго вниманія по массѣ собранныхъ въ немъ фактическихъ свѣденій, заимствованныхъ изъ матеріаловъ земской статистики, равно какъ изъ нашей новѣйшей экономической литературы и журналистики.

Наконецъ, заключительный отвѣтъ того вѣдомства, которое подняло вопросъ объ упраздненіи общины, написанъ уже несравненно мягче и осторожнѣе и ограничивается только указаніемъ на необходимость реформы общинныхъ порядковъ въ пользованіи землею, по образцу нѣмецкихъ колоній, безъ уничтоженія самаго принципа общиннаго землевладѣнія; при этомъ указывается на неудовлетворительность и ненадежность данныхъ земской статистики, на невозможность основывать на ней какіе-либо положительные выводы, на существенную важность общаго изслѣдованія хозяйственнаго быта и положенія крестьянъ, въ связи съ предполагаемымъ общимъ пересмотромъ разрозненныхъ постановленій о сельскихъ обывателяхъ. Любопытно, что авторъ этой записки, считающій недостаточно надежнымъ огромный, тщательно собранный запасъ цифровыхъ данныхъ и наблюденій земской статистики, опирается съ своей стороны на случайные, поверхностные выводы личнаго сельско-хозяйственнаго опыта и на такія отдѣльныя сочиненія, какъ книга г. Евг. Постникова о южно-русскомъ крестьянствѣ; въ то же время цитаты, дѣлаемыя другимъ вѣдомствомъ изъ трудовъ извѣстнаго изслѣдователя общины, г-на В. В.,

---

[1]) Заимствуемъ эти цитаты изъ брошюры г. Сазонова: „Быть или не быть общинѣ", стр. 1—3, 24, 73 и др.

отвергаются на томъ основаніи, что г. В. В., „какъ извѣстно, по профессіи — врачъ", а по стремленіямъ — фанатикъ идеи общины. Само собою разумѣется, что въ дѣйствительности званіе врача нисколько не мѣшаетъ разумному пониманію и изученію хозяйственныхъ условій и во всякомъ случаѣ мѣшаетъ не болѣе, чѣмъ другія спеціальныя профессіи и служебныя занятія лицъ, изрекающихъ нынѣ свои приговоры о нашемъ народномъ хозяйствѣ. Но когда могущественныя вѣдомства спорятъ о значеніи работъ скромныхъ частныхъ изслѣдователей, то въ этомъ прежде всего выражается признаніе за литературою нѣкотораго права голоса и участія въ обсужденіи законодательныхъ вопросовъ. А для того, чтобы это участіе было плодотворно, слѣдуетъ желать, чтобы оно относилось къ предварительнымъ законопроектамъ и къ ихъ мотивамъ, а не только къ готовымъ уже законамъ, относительно которыхъ критика является запоздалою и отчасти безцѣльною.

Оффиціальная полемика, о которой идетъ рѣчь, имѣла прямую связь съ разногласіями, возникшими въ высшемъ государственномъ установленіи, сначала по поводу общинныхъ передѣловъ, а затѣмъ по вопросу о неотчуждаемости крестьянскихъ земель; споры эти, какъ извѣстно, закончились утвержденіемъ предположенныхъ правилъ объ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія, какъ общиннаго, такъ и подворнаго. Вопросъ о неотчуждаемости надѣловъ, какъ упомянуто выше, обсуждался около десяти лѣтъ, и нынѣшніе противники общины успѣли за это время значительно измѣнить свои взгляды, насколько можно судить по запискѣ 1887 года, исходившей отъ того же вѣдомства, которое теперь такъ рѣзко выступило противъ общиннаго землевладѣнія. Главнымъ недостаткомъ спорнаго проекта выставлялось тогда коренное противорѣчіе его съ тѣми началами, которыя „лежатъ въ основаніи, какъ нашихъ общихъ гражданскихъ законовъ и въ частности усвоеннаго ими понятія о правѣ собственности, основныхъ его частяхъ и способахъ его пріобрѣтенія, такъ и спеціальныхъ узаконеній о крестьянскомъ землевладѣніи". Предположенная мѣра отвергалась потому, что „она совсѣмъ почти отнимаетъ у крестьянъ всякое право свободнаго распоряженія пріобрѣтенными ими въ собственность землями и разрушаетъ такимъ образомъ въ корнѣ установленное самимъ закономъ понятіе крестьянъ-собственниковъ. Допущеніе такой мѣры, идущей въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ дѣйствующаго о крестьянахъ законодательства, могло бы найти себѣ оправданіе развѣ только въ виду такихъ новыхъ жизненныхъ явленій, которыя заставили бы прийти къ заключенію о безусловной ошибочности всей принятой

раньше, по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію, системы и неотложной необходимости коренного ея измѣненія. Но настоящее положеніе крестьянскаго дѣла едва-ли содержитъ въ себѣ достаточно данныхъ для подобныхъ выводовъ". По мнѣнію составителей записки 1887 года, „слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, оставить безъ всякихъ новыхъ ограниченій право распоряжаться по своему усмотрѣнію своими надѣлами за цѣлыми сельскими обществами, тѣмъ болѣе, что ограниченіе этого права шло бы въ разрѣзъ даже и съ тѣмъ принципомъ", который, повидимому, желаютъ установить въ законѣ,—„о признаніи всей вообще надѣльной земли собственностью міра и объ укрѣпленіи ея за цѣлыми сельскими обществами, а не за отдѣльными ихъ членами". Притомъ, проектированное нововведеніе могло бы „создать большія и непредотвратимыя опасности на мѣстахъ: съ одной стороны, крестьянское населеніе, лишившись, благодаря новому принципу, весьма значительной части правъ своихъ на отведенныя ему въ надѣлъ земли, можетъ выражать, хотя бы и совсѣмъ неосновательныя, опасенія и насчетъ другихъ правъ, дарованныхъ ему при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости реформою 19-го февраля, а съ другой—мѣра эта можетъ возбудить въ крестьянахъ столь же неосновательныя надежды и ожиданія, коренящіяся въ томъ представленіи, что если во имя общаго блага у нихъ отнимаются извѣстныя ихъ права, то во имя того же блага могутъ быть также отняты въ ихъ пользу такія же или подобныя права и отъ другихъ сословій". Введеніе новой мѣры „безъ предварительнаго общаго пересмотра всѣхъ законоположеній, до крестьянскаго дѣла относящихся, неминуемо повлекло бы за собой включеніе въ одно и то же законодательство совершенно различныхъ и по своей основной идеѣ взаимно другъ друга уничтожающихъ постановленій о характерѣ правъ крестьянъ на надѣльныя земли", и это неудобство имѣло бы вредныя послѣдствія „для хода всего крестьянскаго дѣла вообще". Что же касается права досрочнаго выкупа участковъ общинной земли отдѣльными домохозяевами, то отмѣна этого права „была бы равносильна искусственному поддержанію общинной связи вопреки желанію отдѣльныхъ общниковъ".

Очевидно, въ основѣ этихъ замѣчаній лежитъ еще мысль объ охранѣ главнѣйшихъ началъ крестьянскихъ положеній 19-го февраля 1861 года,—и, конечно, за послѣднія шесть лѣтъ не произошло ничего такого, что̀ побуждало бы отказываться отъ результатовъ великой реформы и нарушать установленныя поземельныя права сельскихъ обществъ новою системою принудительнаго у[...]ст-

коваго землевладѣнія. Если община имѣетъ свои недостатки, то они были одинаково хорошо извѣстны, какъ до, такъ и послѣ 1887 года. Особенности поземельнаго строя крестьянской массы едва-ли имѣли какую-либо опредѣленную связь съ разнообразными и сложными причинами хозяйственнаго упадка, приведшаго къ голоду 1891 года и явившагося логическимъ послѣдствіемъ общей экономической политики за многіе годы. Во всякомъ случаѣ существованіе такой связи между земельной общиной и бѣдствіями народнаго голода ничѣмъ еще пока не доказано и составляетъ лишь произвольное предположеніе, на которомъ было бы слишкомъ рискованно строить серьезные практическіе выводы. Предлагать общее изслѣдованіе экономическаго положенія крестьянъ, въ виду отсутствія или сомнительности имѣющихся данныхъ, и въ то же время заранѣе формулировать возможные выводы этого будущаго изслѣдованія, въ видѣ безспорныхъ истинъ,— было, разумѣется, непослѣдовательно и нелогично.

II.

Главные доводы новѣйшаго „обвинительнаго акта“ противъ общины легко могутъ быть обращены въ другую сторону, противъ землевладѣнія помѣщичьяго и подворнаго. Если допустить, что экономическій упадокъ крестьянства свидѣтельствуетъ о вредѣ общиннаго принципа, то чѣмъ объяснить еще бо̀льшій и повсемѣстный упадокъ помѣщичьяго хозяйства, основаннаго на началѣ полной личной собственности? Почему привилегированный землевладѣльческій классъ обыкновенно сдаетъ свои земли тому же захудалому крестьянству и пользуется крестьянскимъ скотомъ и инвентаремъ для эксплуатаціи своихъ имѣній? „Земская статистика,—говоритъ г. Сазоновъ въ указанной выше брошюрѣ,— производитъ подсчетъ крестьянскихъ дворовъ, не ведущихъ хозяйства, не имѣющихъ скота и инвентаря. Процентъ ихъ, какъ увидимъ, значительный, но онъ неизмѣримо ниже (процента) безхозяйныхъ помѣщиковъ. Несмотря на благопріятныя условія крупнаго землевладѣнія, сравненіе съ общиннымъ служитъ не въ пользу его. Помѣщичье разорилось и выпустило изъ рукъ массу земель, общинное—почти ничего не потеряло изъ надѣльнаго фонда, да прикупило огромное количество земель при помощи крестьянскаго банка и безъ посредства его, и кромѣ того оно составило немалый денежный фондъ, внеся сотни милліоновъ рублей сбереженій за выкупленныя земли“. Приблизительно такой

же результатъ получается при сравненіи общиннаго землевладѣнія съ подворнымъ: „по всѣмъ важнѣйшимъ факторамъ, характеризующимъ экономическое положеніе, подворное землевладѣніе стоитъ ниже общиннаго;—въ первомъ скота меньше, безземельныхъ больше, безрабочихъ и малорабочихъ хозяйствъ больше", и вообще „пролетаріатъ сильнѣе развивается при подворномъ землевладѣніи". Чтобы яснѣе подтвердить этотъ выводъ, г. Сазоновъ приводитъ статистическія данныя по уѣздамъ съ смѣшанными формами крестьянскаго землевладѣнія. Весь этотъ матеріалъ, касающійся практическихъ достоинствъ и преимуществъ земельной общины, хорошо разработанъ въ трудахъ земскихъ статистиковъ и сгруппированъ въ извѣстной сводной работѣ г. В. В. Въ этомъ отношеніи докладъ г. Сазонова не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, и автору не трудно было разобрать и опровергнуть содержаніе „обвинительнаго акта" по пунктамъ, пользуясь существующими свѣдѣніями, которыя почему-то остались неизвѣстными составителямъ смѣлой записки.

Но г. Сазоновъ идетъ далѣе и, не довольствуясь экономическою стороною вопроса, становится на скользкую почву политики, чтобы не оставить безъ отвѣта указаній противниковъ на мнимую опасность общиннаго духа для государства и правительства. По мнѣнію г. Сазонова, крестьянскій „міръ" служитъ не только вѣрнѣйшимъ оплотомъ государственнаго порядка, но и удобнѣйшимъ орудіемъ администраціи; въ доказательство онъ ссылается на нѣкоторые „замѣчательные" факты успѣшнаго административнаго воздѣйствія на сельскія общины. Въ пензенской губерніи, говоритъ онъ, до 1872 года, „частные передѣлы, повидимому (?), были едва-ли не ежегодно, что̀ вызывало справедливыя жалобы" (чьи?). Губернаторъ тогда „объѣхалъ бо̀льшую часть волостей и, созывая крестьянскія общества, разъяснилъ имъ весь вредъ отъ ежегоднаго передѣла полей и ихъ неудобренія, доказывая возможность извлечь изъ почвы то, что̀ она можетъ дать при разумномъ пользованіи ею и, какъ на способъ къ достиженію таковой возможности, указалъ на необходимость безобидно раздѣлить между собою землю разъ навсегда или по крайней мѣрѣ на долгій срокъ, чтобы каждый крестьянинъ доставшуюся ему полосу удобрялъ и холилъ, какъ свою собственность". Результатомъ этихъ объясненій было то, что 1.754 общества, состоящія изъ 437.000 душъ, составили приговоры о раздѣлѣ земли на продолжительные сроки, отъ 15 до 20 лѣтъ, и только 224 общества, въ числѣ 3.500 душъ, не могли воспользоваться совѣтомъ потому, что одни не прекратили еще о[illegible]я-

зательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, другія—потому, что получили надѣлъ въ неразмежеванныхъ дачахъ. Въ 1874 году такихъ обществъ осталось 165". При этомъ, ни одно селеніе не перешло къ подворному владѣнію. Въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1873 годъ сказано, по поводу этихъ передѣловъ, слѣдующее: „Значеніе и важность этой мѣры какъ нельзя лучше понята крестьянами. Общественные приговоры о долгосрочномъ раздѣлѣ земли не остались мертвою буквою; крестьяне, подѣливъ надѣлъ, начали мало-по-малу удобрять его, а кирилловское общество мокшанскаго уѣзда, замѣтивъ, что нѣкоторые однообщинники по прежнему продолжаютъ дурно обработывать землю въ надеждѣ, что при новомъ передѣлѣ имъ безъ труда достанется удобренный участокъ, составило новый приговоръ, которымъ опредѣлило: по истеченіи десятилѣтняго срока, на который раздѣлена земля, тѣ участки, какіе окажутся неудобренными, оставить у прежнихъ хозяевъ безъ жеребья". Другой случай: въ 1884 году тотъ же пензенскій губернаторъ, при объѣздѣ своей губерніи, „на всѣхъ сходахъ внушалъ крестьянамъ о необходимости обязательно посылать дѣтей въ церковь, изъ дальнихъ деревень наряжать по очереди подводы для подвозки ихъ, а для наблюденія за дѣтьми, чтобы они чинно и съ благоговѣніемъ стояли въ храмѣ Божіемъ, избрать особыхъ попечителей и попечительницъ изъ лицъ, отличающихся усердіемъ къ церкви. Всѣ сельскія общества съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ этому предложенію и представили 1.378 приговоровъ по этому предмету". При обозрѣніи губерніи въ 1885 году губернаторъ удостовѣрился, что „возникшее въ этомъ отношеніи движеніе не заглохло, но приноситъ добрые плоды". Этотъ фактъ долженъ, по мнѣнію г. Сазонова, успокоить читателей насчетъ упадка вѣры въ народѣ, ибо „бороться съ этимъ зломъ, еслибы оно дѣйствительно проявилось гдѣ,—опираясь на общину, легче, и тамъ, гдѣ есть безпристрастное отношеніе къ народу, опасность легко можетъ быть устранена". Мыслимо ли что-либо подобное,—заключаетъ г. Сазоновъ,—при подворномъ владѣніи?

Мы думаемъ, что при всякой формѣ владѣнія губернаторъ можетъ заставить сельскихъ обывателей соглашаться на какія угодно мѣры, предлагаемыя начальствомъ, ибо способы воздѣйствія, которыми располагаетъ административная власть, исключаютъ мысль о согласіи или несогласіи крестьянства. Сельскія общества не могли не исполнить воли губернатора, хотя бы выраженной въ формѣ совѣтовъ и пожеланій,—и общинное землевладѣніе тутъ рѣшительно ни при чемъ. Видѣть преимущество мірского строя въ этой легкости на-

чальственнаго обращенія съ общиною—значитъ впадать въ тонъ противниковъ сельскаго самоуправленія, а община безъ самоуправленія есть нѣчто мертвое, фальшивое и безплодное. Г. Сазоновъ видимо одобряетъ странную попытку превратить посѣщеніе церкви въ особую натуральную повинность, не предусмотрѣнную закономъ; онъ не замѣчаетъ, что эти внѣшнія мѣропріятія, налагающія на крестьянъ заботу о доставкѣ подводъ „по наряду" и т. п., составляютъ скорѣе профанацію религіознаго чувства, чѣмъ серьезный способъ поддержанія вѣры въ народѣ. Столь же оригинально, въ устахъ защитника общины, допущеніе произвольнаго вмѣшательства администраціи въ земельные передѣлы, въ видахъ борьбы съ „дѣйствительнымъ зломъ" деревенскаго быта. Выходитъ какъ будто, что крестьяне устроиваютъ ежегодные передѣлы, безъ всякой надобности, въ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ, и они перестаютъ держаться этой нелѣпой практики только послѣ того какъ губернаторъ лично разъяснитъ имъ „весь вредъ отъ ежегоднаго передѣла полей и ихъ неудобренія". Неужели крестьяне, въ большинствѣ,—такіе безпомощные идіоты, что даже въ своемъ собственномъ сельскохозяйственномъ дѣлѣ не могутъ отличить полезное отъ вреднаго и поступаютъ наобумъ, безъ цѣли и смысла, пока не дождутся надлежащихъ начальственныхъ внушеній? Должны же чѣмъ-нибудь руководствоваться сельскія общества, когда прибѣгаютъ къ частымъ переверсткамъ и жеребьевкамъ, и надо по крайней мѣрѣ ознакомиться съ разнородными мотивами этихъ распоряженій, прежде чѣмъ признать ихъ ненужными и вредными. Хороши были бы общинные порядки, еслибъ администраторамъ приходилось устранять ихъ безтолковость своими совѣтами и указаніями! И эта община, столь легко поддающаяся активной оффиціальной опекѣ и склоняющаяся, подобно слабому тростнику, то въ ту, то въ другую сторону, смотря по мѣстнымъ административнымъ вѣяніямъ,—выставляется какъ надежная, устойчивая сила, обезпечивающая самостоятельное внутреннее развитіе народной жизни!

Противорѣчія такого рода встрѣчаются очень часто у защитниковъ общиннаго землевладѣнія. Публицисты, стоящіе горою за общину, нерѣдко относятся весьма пренебрежительно къ тѣмъ элементарнымъ условіямъ, которыя одни только могутъ придать общинѣ прочную силу и жизненность. Шаблонныя фразы о великихъ достоинствахъ общины и народнаго обычнаго права идутъ рядомъ съ проповѣдью безправія и произвола, съ требованіями постоянной чиновничьей опеки и регламентаціи по отношенію къ тому же крестьянскому міру. Поклоннику и хвалителю общины

ничего не стоитъ въ одно и то же время провозглашать наши сельскіе порядки наилучшими въ мірѣ, предметомъ зависти всей Европы, и доказывать пользу и необходимость подчиненія этихъ порядковъ личнымъ вкусамъ и идеямъ хорошаго, энергическаго губернатора. Мы должны,—какъ говоритъ г. Сазоновъ,—„не разрушать, а оберегать, поддерживать и устроить (!) общину. Она оказала безцѣнную услугу государству и народу; она сплотила его въ мощный народъ, съ нею онъ создалъ могущественное безпредѣльное (?) государство. Община воспитала народъ въ истинно-христіанскихъ началахъ, вдохнула въ него великіе принципы, на которые такъ жадно (sic!) начинаетъ смотрѣть западная Европа, испившая до дна чашу индивидуализма и эгоизма".

Авторъ, безъ сомнѣнія, проникнутъ добрыми намѣреніями и искренно выражаетъ свои чувства относительно общины; но мы опасаемся, что приведенныя слова его могутъ быть приняты за напыщенную фразеологію, скрывающую въ себѣ нѣкоторую путаницу понятій. Чтò означаетъ это предательское словечко „устроить", когда дѣло идетъ объ обязанности оберегать и поддерживать общину? Зачѣмъ надо устроивать и регламентировать крестьянскую общину, если она оказалась столь превосходною на практикѣ и доставила намъ такія громадныя преимущества предъ другими просвѣщенными націями? Роль устроителей общины для крестьянъ выпадала бы, конечно, на долю чиновниковъ, служащихъ при хорошемъ, энергичномъ губернаторѣ; тогда, пожалуй, западная Европа должна съ завистью смотрѣть на достоинства и заслуги нашего чиновничества, устроивающаго такъ успѣшно поземельный бытъ сельскаго населенія. Община сплотила народъ, воспитала его, вдохнула въ него великіе принципы и пр.;—кто же создалъ и выработалъ самую общину? Явилась ли она откуда-то извнѣ для воспитанія и облагодѣтельствованія нашего народа, или, быть можетъ, ее выдумали идеальные чиновники прошлаго? Если крестьянство само установило свои общинные порядки, то нельзя уже сказать, что созданная народомъ община „вдохнула въ него великіе принципы"; напротивъ, она была только порожденіемъ этихъ принциповъ, жившихъ въ народной массѣ.

Нѣтъ надобности останавливаться на томъ наивномъ предположеніи, что западная Европа завидуетъ поземельнымъ благамъ нашего бѣднаго, нерѣдко голодающаго крестьянства, которое будто бы не знаетъ духа индивидуализма и эгоизма. Смѣшно и обидно читать эти избитыя фразы у тѣхъ самыхъ авторовъ, которые спеціально изучали развитіе кулачества и хищничества въ нашихъ селахъ. Эксплуатація народнаго труда и невѣжества нигдѣ, кажется,

не процвѣтаетъ такъ открыто, въ такихъ грубыхъ и тяжелыхъ формахъ, какъ у насъ; новыя кабальныя связи все болѣе охватываютъ значительную часть нашего сельскаго люда, и тысячи семействъ изъ года въ годъ бѣгутъ отъ гнета родной обстановки въ далекіе края, на поиски новыхъ земель, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ и бѣдствіямъ,—а среди нашей серьезной, преданной народу интеллигенціи находятся еще люди, готовые хвастать господствомъ у насъ истинно-христіанскихъ началъ и великихъ нравственныхъ принциповъ, возбуждающихъ будто бы зависть въ Европѣ. Пора уже бросить эти неумѣстныя хвастливо-патріотическія фантазіи, столь мало соотвѣтствующія дѣйствительному положенію и ходу дѣлъ; пора отнестись трезво къ крестьянской общинѣ, не возводя ее на степень какой-то небывалой спасительной панацеи, но и не позволяя себѣ предлагать ея ломку и передѣлку по усмотрѣнію канцелярскихъ реформаторовъ и устроителей.

Нельзя не видѣть внутренней фальши въ разсужденіяхъ многихъ приверженцевъ общины, которые съ одной стороны превозносятъ достоинства народныхъ обычаевъ, а съ другой—обнаруживаютъ полное неуваженіе къ пріобрѣтеннымъ правамъ крестьянства, къ его понятіямъ и обычаямъ, когда послѣдніе не согласуются съ личными идеями пишущихъ. Въ вышедшей недавно книгѣ г. Ап. Карелина, составленной вообще весьма добросовѣстно, мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующія характерныя замѣчанія по поводу стремленія многихъ четвертныхъ владѣльцевъ (однодворцевъ) усвоить практику мірскихъ передѣловъ: „Несмотря на то, что министерскій циркуляръ 1839 года прямо разрѣшаетъ четвертнымъ крестьянамъ переходить къ общинному типу землевладѣнія, это стремленіе рѣдко имѣетъ успѣхъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, силенъ протестъ богачей „широкодачниковъ“, не отступающихъ, при защитѣ старой формы владѣнія, передъ страшными, кончающимися иногда убійствомъ, драками... Прямой, совершенный законодательнымъ путемъ передѣлъ четвертныхъ земель по ѣдокамъ, съ обязательствомъ дѣлить землю черезъ опредѣленные сроки, былъ бы серьезною реформою въ дѣлѣ поднятія крестьянскаго благосостоянія... Вообще говоря, теперь настоятельно чувствуется необходимость объявить четвертныя земли неотчуждаемыми“ [1]).

Никому, разумѣется, не пришло бы въ голову говорить въ такомъ тонѣ о землевладѣніи помѣщичьемъ или купеческомъ; никто не станетъ требовать открыто, чтобы дворяне „широкода-

---

[1]) Общинное владѣніе въ Россіи, Ап. А. Карелина, Спб., 1893, стр. 240—3.

ники“ отказались отъ своихъ имущественныхъ правъ, или чтобы законодательство устроило передѣлъ помѣщичьихъ имѣній „по ѣдокамъ“ или по заслугамъ, для поднятія общаго благосостоянія дворянскаго сословія. А когда рѣчь идетъ о крестьянахъ, то наслѣдственныя права и энергическіе протесты ихъ устраняются безъ всякихъ церемоній, простою ссылкою на „министерскій циркуляръ“, разрѣшающій (но не предписывающій?) переходъ къ другому типу владѣнія. Не поразительно ли это легкое, развязное отношеніе къ имущественнымъ правамъ, обычаямъ и интересамъ лицъ, принадлежащихъ къ „низшему“ земледѣльческому классу? Надо имѣть въ виду, что четвертное владѣніе есть владѣніе наслѣдственное, родовое, съ нѣкоторыми своеобразными признаками общины, и что „министерскій циркуляръ“ 1839 г., примѣнившій къ однодворцамъ правила о государственныхъ крестьянахъ, рѣзко нарушалъ или, вѣрнѣе, уничтожалъ формальныя права владѣльцевъ, вслѣдствіе чего не могъ быть приведенъ въ исполненіе безъ крутыхъ насильственныхъ мѣръ. Въ новѣйшее время среди однодворцевъ замѣчается наклонность къ усвоенію общинныхъ порядковъ, господствующихъ въ массѣ государственныхъ крестьянъ,—и это стремленіе заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія; но имѣемъ ли мы малѣйшее подобіе права насильно заставлять людей переходить къ такой имущественной системѣ, которую мы тщательно остерегаемся примѣнять къ нашимъ собственнымъ владѣніямъ? Вѣра въ общину остается для насъ чѣмъ-то теоретическимъ, отвлеченнымъ, тогда какъ крестьянство вынесло общину на своихъ плечахъ; люди, воспитанные на индивидуализмѣ и эгоизмѣ, не могутъ и не должны отзываться презрительно о законныхъ побужденіяхъ индивидуализма и эгоизма въ народной массѣ, выработавшей общинный типъ землевладѣнія. То, что законно и естественно для насъ, должно признаваться законнымъ и естественнымъ для крестьянъ: этой простой истины не понимаютъ иные поклонники общины, считающіе себя демократами, друзьями и защитниками народа.

III.

Община имѣетъ двоякаго рода противниковъ: одни возстаютъ противъ нея во имя сельско-хозяйственнаго прогресса, съ которымъ будто бы несовмѣстимы мірскіе порядки землевладѣнія, а другіе отвергаютъ ее въ силу того общаго и весьма распространеннаго взгляда, что личная собственность есть высшая куль-

турная форма поземельнаго строя, которая должна рано или поздно вытѣснить общинный бытъ, унаслѣдованный отъ далекой старины.

Первые обыкновенно смѣшиваютъ соображенія сельско-хозяйственной техники съ политико-экономическими и вслѣдствіе этого приходятъ къ невѣрнымъ и одностороннимъ выводамъ; такую ошибку дѣлаетъ, между прочимъ, проф. Скворцовъ, который въ своихъ „экономическихъ этюдахъ" предлагаетъ преобразовать общину исключительно съ точки зрѣнія интересовъ земледѣльческаго производства. Почтенный авторъ аккуратно вычисляетъ степень производительности и доходности крестьянскаго земледѣлія, и въ результатѣ оказывается, что послѣднее не приноситъ никакихъ выгодъ, при господствующихъ нынѣ первобытныхъ хозяйственныхъ пріемахъ; поэтому нужно измѣнить систему обработки земли, хотя бы для этого пришлось превратить часть сельскаго населенія въ безземельный пролетаріатъ. „Если идетъ рѣчь о высотѣ земледѣльческой техники,—говоритъ г. Скворцовъ,—то, очевидно, присутствіе и отсутствіе безземельныхъ не можетъ ни понизить, ни повысить уровня техники. Съ другой стороны, если хотятъ опредѣлить значеніе той и другой формы землевладѣнія, какъ фактора, обусловливающаго высоту благосостоянія всего населенія государства, то одного указанія на существованіе или скорѣе на возможность существованія безземельныхъ при данной формѣ землевладѣнія—также еще недостаточно. Нужно было доказать, во-первыхъ, что это явленіе невозможно при общинномъ землевладѣніи. Этого, очевидно, доказать нельзя, ибо факты показываютъ, что обезземеленіе возможно и при общинѣ. Во-вторыхъ, нужно было доказать, что безземелье само по себѣ представляетъ зло, наличность котораго не покрывается выгодами лучшей земельной культуры. И этого, полагаемъ мы, доказать нельзя, по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ объ обезземеленіи нѣкоторой части наличнаго крестьянскаго населенія Россіи напримѣръ настолько, чтобы процентъ земледѣльцевъ съ 85% понизился до 65% всего населенія, т.-е. чтобы образовалось приблизительно то отношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, какое существуетъ въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Если, благодаря такому уменьшенію численности крестьянства, будетъ достигнуто прочное обезпеченіе благосостоянія оставшихся земледѣльцевъ, то это кажется намъ предпочтительнѣе того равненія съ приведеніемъ всѣхъ къ нищенству, какое имѣетъ мѣсто въ настоящее время. Тогда государство могло бы, по крайней мѣрѣ, возвысивъ налоги съ состоя-

тельныхъ земледѣльцевъ, сдѣлать нѣчто существенное для обезпеченія существованія обезземеленныхъ,—напримѣръ, хоть предпринять организацію переселенія ихъ на окраины съ надѣленіемъ землей; теперь же, какъ мы видѣли, стоимость этого мѣропріятія превышаетъ средства государства".

Можно было бы идти еще дальше по этому пути, придерживаясь требованій сельско-хозяйственной техники. Наиболѣе усовершенствованнымъ и производительнымъ хозяйствомъ было бы, пожалуй, такое, которое совершенно устранило бы мелкое крестьянское землевладѣніе и велось бы крупными капиталистами или акціонерными компаніями при помощи машинъ и немногихъ батраковъ, подъ руководствомъ опытныхъ агрономовъ, какъ это устроено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Америки и отчасти на большихъ фермахъ въ Англіи. Интересы сельско-хозяйственной техники могутъ требовать, чтобы сельское населеніе было согнано съ земли и уступило мѣсто усовершенствованнымъ породамъ рогатаго скота; дѣло только въ томъ, что земледѣліе существуетъ для народа, а не для техники и культуры, и что послѣднія составляютъ только средства, а не цѣль. Разсужденіе г. Скворцова въ самой своей основѣ несостоятельно и нелогично. Искусственно понижать процентъ сельскаго населенія на 20%, т.-е. способствовать образованію новаго класса батраковъ, приблизительно въ двадцать милліоновъ человѣкъ,—было бы дѣломъ безумія. Для того, чтобы численность городского населенія возросла у насъ до нормы, существующей въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, необходимо, чтобы условія промышленнаго и культурнаго развитія были у насъ такія же, какъ въ сѣверной Америкѣ. Государство не можетъ взять на себя заботу объ обезпеченіи не только двадцати, но и двухъ милліоновъ пролетаріевъ, а разсчитывать для этого на возвышеніе налоговъ „съ состоятельныхъ земледѣльцевъ" (землевладѣльцевъ?) — это уже просто насмѣшка надъ крупнымъ и „состоятельнымъ" землевладѣніемъ, которое едва выноситъ теперь лежащіе на немъ платежи и повсюду болѣе или менѣе подавлено непосильными долгами.

Между тѣмъ, исходя изъ своихъ произвольныхъ предположеній, проф. Скворцовъ выставляетъ готовую программу радикальныхъ реформъ, которыя почему-то должны быть примѣнены къ однимъ лишь крестьянскимъ владѣніямъ. Прежде всего, „черезъчуръ многолюдные поселки должны быть уничтожены (!)", путемъ разселенія ихъ. „Во многихъ случаяхъ, конечно, встрѣтятся нѣкоторыя препятствія къ осуществленію этой мѣры, и нужно бу-

детъ прибѣгнуть къ поощренію выселяющихся особыми льготами". Земство можетъ, при пособіи государственнаго казначейства, открыть выселенцамъ кредитъ на возведеніе построекъ на новыхъ мѣстахъ и понизить сумму страховыхъ платежей на извѣстный срокъ; можно также открыть кредитъ или выдавать безвозвратныя пособія на устройство водоснабженія и т. п. Откуда возьмутся фонды для безконечныхъ ссудъ и пособій, которыя потребуются при новомъ устройствѣ десятковъ милліоновъ сельскихъ обывателей,—это уже не входитъ въ соображенія земледѣльческой техники, и до этого нѣтъ уже дѣла г. Скворцову. Если недостаточно будетъ указанныхъ мѣръ, то,—продолжаетъ авторъ,— „можно будетъ, безъ сомнѣнія, сообразно мѣстнымъ условіямъ, найти еще и иныя; въ крайности же *не слѣдуетъ останавливаться передъ обязательнымъ разселеніемъ*" (стр. 160). Разселивъ крестьянъ по новому плану, мы, однако, ничего еще не достигли; ибо „пока существуетъ общинное землепользованіе съ принудительною обработкою, чрезполосицей и передѣлами, введеніе новаго, болѣе раціональнаго сѣвооборота почти невозможно, или, по крайней мѣрѣ, трудно ожидать, что распространеніе улучшеннаго хозяйства пойдетъ съ желательною быстротою, хотя уменьшеніе числа членовъ въ общинѣ и облегчитъ соглашеніе ихъ въ этихъ видахъ". Нужно еще распредѣлить земли на хутора, съ сохраненіемъ возможности деревенскаго сожительства. „Въ сущности, однако,—добавляетъ г. Скворцовъ,—рѣшеніе этой задачи вовсе не такъ трудно, какъ кажется многимъ: такъ, при участкахъ прямоугольной формы и 15 десятинъ пашни и усадьбы на дворъ, разстояніе между сосѣдними усадьбами не будетъ превышать 30—40 саженъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшее разстояніе полей составитъ только 600 саженъ, если усадьбы будутъ расположены по срединѣ длинныхъ сторонъ фигуры. Слѣдовательно, на разстояніи одной версты можетъ быть помѣщено 12—16 усадьбъ... Но можно придумать (!) еще болѣе удобныя формы размѣщенія, и нѣтъ основанія бояться уничтоженія деревень, какъ это показываетъ примѣръ не только Германіи, но и степныхъ поселеній нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ, особенно, напримѣръ, менонитовъ".

Придумать можно многое, въ тиши кабинета или канцеляріи; но авторъ, кажется, забылъ, что дѣло идетъ не о составленіи теоретическаго проекта, а объ устройствѣ быта многихъ милліоновъ людей, населяющихъ обширныя пространства нашего отечества съ разнообразнѣйшими условіями климата, почвы и всей естественной и экономической обстановки; онъ забылъ также, что

эти милліоны человѣческихъ существъ могутъ имѣть свои собственныя чувства, желанія, потребности и понятія, которыхъ нельзя ломать по произволу. Онъ не принялъ также въ разсчетъ, что для цѣлесообразнаго осуществленія подобной колоссальной задачи потребовалась бы, сверхъ всего прочаго, цѣлая армія идеальныхъ исполнителей,—если предположить, что крестьянство добровольно и охотно подчинилось бы новому устройству, безъ крупныхъ недоразумѣній, протестовъ и противодѣйствій. Г. Скворцовъ нѣсколько разъ оговаривается, что онъ „отнюдь не предлагаетъ насильственнаго введенія“ подворнаго пользованія землею, и что это даже „просто невозможно“; онъ не хочетъ также упразднить общинное землевладѣніе, а довольствуется только коренною реформою способовъ „землепользованія“. Эти оговорки, однако, противорѣчатъ самой сущности предлагаемыхъ имъ мѣропріятій и теряютъ всякій смыслъ, въ виду системы „обязательнаго разселенія“. Авторъ заявляетъ категорически, что „необходимо радикально измѣнить современный порядокъ пользованія общинными землями въ томъ смыслѣ, чтобы совершенно уничтожить всякіе передѣлы и переверстки, и отвести въ пользованіе каждаго домохозяина опредѣленную площадь, по крайней мѣрѣ, полевой земли (пашни), которая, составляя нераздѣльное хозяйство, передается по наслѣдству въ видѣ таковаго, безъ раздробленія. Какъ предварительную, совершенно неотложную мѣру, слѣдуетъ провести разселеніе крупныхъ общинъ, а равно размежеваніе тѣхъ общинъ, земли которыхъ лежатъ черезполосно съ землями другихъ владѣльцевъ“.

Когда-то считалось столь же „неотложнымъ“ прямо обратное тому, что̀ проектируетъ теперь г. Скворцовъ, и иные изъ прежнихъ проектовъ исполнялись на дѣлѣ съ суровою настойчивостью. „Хуторяне уѣздовъ таврической и екатеринославской губерній,—разсказываетъ покойный Д. А. Столыпинъ, постоянный и убѣжденный защитникъ хуторскаго хозяйства,—были въ концѣ тридцатыхъ годовъ поселены по плану большими деревнями. При спросѣ моемъ, какъ оное производилось, приставъ 2-го стана бердянскаго уѣзда сказалъ мнѣ, что онъ оповѣстилъ ранней весной хуторянъ, находившихся въ его станѣ на казенномъ участкѣ, переселиться деревней на указанномъ мѣстѣ, что въ продолженіе лѣта никто изъ хуторянъ не тронулся, а такъ какъ приказаніе должно было быть исполнено, то въ ноябрѣ онъ взялъ понятыхъ и изломалъ печи на всѣхъ существовавшихъ тамъ 720 хуторахъ. По свидѣтельству пристава, хуторяне эти были зажиточные хозяева. На замѣчаніе мое, что жаль этихъ хуторовъ, онъ мнѣ отвѣ-

чалъ, что многія тысячи такихъ хуторовъ были разрушены въ днѣпровскомъ уѣздѣ и въ екатеринославской губерніи. Еще въ 1874 году я писалъ... о семи такихъ хуторахъ, уцѣлѣвшихъ на казенномъ участкѣ, сдававшемся въ частныя руки. Всѣ семеро хуторянъ были великоруссы, очень исправные хозяева. Въ настоящее время хутора эти упразднены" [1]). Теперь г. Скворцовъ совѣтуетъ, наоборотъ, разселить деревни и возстановить хутора, и уже не на казенныхъ участкахъ, а на земляхъ крестьянъ-собственниковъ; но увѣренъ ли онъ, что его проектъ будетъ окончательнымъ и что черезъ десять или двадцать лѣтъ, вслѣдствіе перемѣны взглядовъ и обстоятельствъ, не окажется опять „неотложнымъ" исполненіе другого плана, прямо противоположнаго?

Проф. Скворцовъ могъ бы найти нѣчто для себя поучительное въ благоразумныхъ предостереженіяхъ землевладѣльца Д. А. Столыпина по поводу фермерской системы хозяйства. „Говоря объ устройствѣ хуторовъ для сдачи въ аренду крестьянамъ,—пишетъ Столыпинъ,—я отнюдь не имѣю въ виду быстрое устройство таковыхъ. Всегда на практикѣ должно брать во вниманіе существующее положеніе дѣла; быстрое устройство многихъ хуторовъ заразъ равносильно лишенію деревенскихъ крестьянъ земли. Это согласно только съ экономическою системою абсолютной свободы—ломать круто производство... Но нельзя ли немного потише. Хотя бы взять во вниманіе, что крестьяне теперь на общинномъ положеніи; не логично ли прежде всего подумать о томъ, чтобы поставить ихъ на ноги, пособляя имъ переходъ къ частной подворной собственности?" Но г. Скворцовъ несогласенъ дѣйствовать „потише"; онъ находитъ, что „нужно спѣшить съ регулированіемъ крестьянскаго землевладѣнія и земледѣлія, такъ какъ выполненіе всякихъ направленныхъ къ этой цѣли мѣропріятій, можно сказать, становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе труднымъ". Не нужно забывать,—говоритъ онъ далѣе,—„что мы живемъ въ вѣкъ пара и электричества, когда жизнь экономическая движется, какъ говорятъ, въ семимильныхъ сапогахъ локомотива. Это значитъ, между прочимъ, что тотъ процессъ разрушенія общины, который въ западной Европѣ совершался въ теченіе столѣтій, у насъ можетъ совершиться въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій". Другими словами, надо, какъ выражаются марксисты, „облегчить роды" новаго экономическаго строя и ускорить тягостный процессъ, котораго ходъ и развязка, будто бы, предопредѣлены и извѣстны

[1]) Д. А. Столыпинъ, Очерки философіи и науки. Книга II: объ организаціи нашего сельскаго быта. Москва, 1893, стр. 155—6.

заранѣе. Мало того,—г. Скворцовъ не сомнѣвается даже въ „простотѣ тѣхъ мѣръ, которыя требуется провести", а такъ какъ „выполненіе ихъ все же возьметъ не мало времени, то нужно спѣшить начинать это выполненіе, чтобы спасти быстро падающее крестьянское хозяйство".

Совершивъ на бумагѣ это грандіозное переустройство всего земледѣльческаго быта страны, проф. Скворцовъ долженъ былъ неизбѣжно остановиться передъ такою естественною мыслью: крестьяне, разселенные по хуторамъ и подчиненные новому порядку землевладѣнія или „землепользованія", останутся тѣми же хозяевами, какими были раньше, и только увеличатъ собою число нынѣшнихъ подворныхъ, участковыхъ владѣльцевъ, у которыхъ хозяйство идетъ не лучше, чѣмъ у общинниковъ. Это важное обстоятельство припоминается только мимоходомъ, и оно побуждаетъ автора мимоходомъ же сознаться, что всѣ предложенныя имъ радикальныя мѣры, требующія затраты многихъ сотенъ милліоновъ рублей и употребленія многихъ, едва-ли возможныхъ легальныхъ насилій надъ народомъ, составятъ, въ концѣ концовъ, „только первый шагъ (!) къ поднятію благосостоянія крестьянъ". Авторъ вспомнилъ то, о чемъ слѣдовало подумать съ самаго начала, —что нужно дать народу возможность элементарнаго образованія, облегчить крестьянамъ доступъ къ полученію надлежащихъ сельскохозяйственныхъ свѣденій. „Если уже западно-европейскія государства,—разсуждаетъ г. Скворцовъ,— находятъ необходимымъ давать крестьянамъ руководителей, въ лицѣ странствующихъ учителей, для раціональнаго устройства ихъ хозяйства, то тѣмъ болѣе должны мы дѣлать это. Въ западной Европѣ крестьянинъ имѣетъ передъ собою массу примѣровъ въ крупныхъ и среднихъ хозяйствахъ, которымъ можетъ подражать, если не вполнѣ, то отчасти". У насъ же нѣтъ почти ничего подобнаго, а „самая цѣль (придуманнаго г. Скворцовымъ) перехода отъ общиннаго пользованія къ подворному заключается во введеніи улучшенной культуры, которой, конечно, придется просто учить крестьянъ". Такое „обученіе можетъ или должно быть ведено и въ видѣ школьнаго обученія, и въ видѣ демонстративныхъ полей, и въ видѣ совѣтовъ и бесѣдъ съ отдѣльными крестьянами, но во всякомъ случаѣ оно должно существовать обязательно вездѣ, а не зависѣть отъ воли или каприза того или другого земскаго дѣятеля или кружка дѣятелей. Для того, чтобы дѣло это стало прочно, необходимо, чтобы оно было поставлено въ связь съ компетентнымъ центральнымъ органомъ, каковымъ можетъ быть только министерство земледѣлія" (а не народнаго просвѣщенія?). Объ этомъ говорится

лишь въ концѣ книжки; но не правильнѣе ли было начать съ этого основного вопроса объ обязательномъ народномъ обученіи, о повсемѣстномъ устройствѣ народныхъ школъ, о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній въ крестьянской массѣ, — прежде чѣмъ создавать фантастическіе проекты „обязательнаго разселенія“? Разумно ли возлагать на общину отвѣтственность за упадокъ крестьянскаго хозяйства, когда у народа нѣтъ даже способовъ и средствъ получить необходимыя свѣденія о болѣе раціональномъ воздѣлываніи земли? Справедливо ли обвинять въ отсталости крестьянство и изобрѣтать на этомъ основаніи крутыя мѣропріятія, когда образованный помѣщичій классъ безпрепятственно разоряетъ и забрасываетъ свои имѣнія, не вызывая противъ себя никакихъ опекунскихъ и реформаторскихъ мѣръ, въ родѣ проектированныхъ г. Скворцовымъ? Пробовали ли снабдить сельскія общины разумно поставленными школами, агрономами-совѣтниками и руководителями, прежде чѣмъ спрашивать съ крестьянъ раціональной земледѣльческой культуры? Гдѣ это слыхано, чтобы прогрессъ требовался и даже взыскивался съ бѣдныхъ и темныхъ, а не съ богатыхъ и просвѣщенныхъ? Достаточно только поставить эти и подобные имъ вопросы, чтобы дать надлежащую оцѣнку новѣйшимъ смѣлымъ проектамъ нашихъ преобразователей и устроителей крестьянскаго землевладѣнія и крестьянской общины...

Л. Слонимскій.

ИЗЪ „ODES ET BALLADES“

В. Гюго.

I.—СОЖАЛѢНІЕ.

Dans ses bras on se livre au sommeil...
V. Hugo.

Недолго длилися счастливыя мгновенья.
Въ объятьяхъ счастія на мигъ забывшись сномъ,
Обмануты мы имъ, какъ жертва обольщенья,
Что видитъ вдругъ, въ минуту пробужденья,
Себя покинутой тайкомъ.

Съ тѣхъ поръ грустя о немъ и на пути встрѣчая
Лишь блескъ и мишуру веселья одного—
Съ воспоминаніемъ утраченнаго рая,
Блуждаемъ мы отъ края и до края,
Не находя его.

Я твердо оттолкну напитокъ наслажденья,
Соблазну я скажу:—Дары твои—позоръ!
На смѣну счастію явилось сожалѣнье,
А ты во слѣдъ себѣ оставишь угрызенье
И роковой укоръ.

Печаль души своей я не открою міру
И не повѣдаю испытаннымъ друзьямъ.
Въ часы унынія отъ нихъ я прячу лиру.
Съ улыбкою веселому ихъ клиру
Я вторю самъ.

Не каждый ли изъ нихъ страдаетъ одиноко,
Но вмѣсто жалобы отъ нихъ мы слышимъ смѣхъ!
Не всѣ ли крестъ несутъ безъ стона и упрека,
Страданія въ душѣ своей глубоко
Тая́ отъ всѣхъ?

Зачѣмъ стыдимся мы своихъ воспоминаній?
Зачѣмъ отъ нашихъ слезъ краснѣемъ предъ собой,
Какъ будто наша жизнь для вѣчныхъ ликованій—
Не для борьбы и тяжкихъ испытаній—
Дана судьбой!

Да, счастье отцвѣло, и было бы ошибкой
Вновь ожидать его, но, въ сладостныхъ мечтахъ
Являясь предо мной какой-то тѣнью зыбкой,
Оно мнѣ кажется сіяющей улыбкой
На дорогихъ устахъ.

II.—ПОЭТЪ.

Sa parole luit comme un feu...

Держа въ рукахъ святую лиру,
Проходитъ онъ, далекій міру
И чуждый дольней суеты.
Вся жизнь его—лишь трудъ суровый,
Его чело вѣнокъ лавровый
Собой вѣнчаетъ, не цвѣты.

Земная скорбь, земныя нужды
Душѣ возвышенной не чужды,
Поэтъ лишь радостей лишенъ.
Безсмертною увѣнчанъ славой,
Слезой отчаянья кровавой
За эту славу платитъ онъ.

Онъ все клянетъ: и радость нашу,
И опьяняющую чашу,
Гдѣ въ нектарѣ таится ядъ.
И жизнь, и свѣтъ, и вдохновенье,
И тѣ небесныя видѣнья,
Что̀ сердцу счастья не сулятъ.

Онъ прозрѣваетъ вѣщимъ окомъ
Все, что̀ открылося пророкамъ,
Но самъ онъ—тайна для людей.
Небесъ чистѣйшіе восторги
И упоенье дикихъ оргій—
Постигнулъ онъ душой своей.

Когда враждой горитъ полъ-міра,
Вѣщать слова любви и мира
Его порою муза шлетъ.
И онъ, сомнѣнія не зная,
Какъ Моисей съ высотъ Синая
Нисходитъ съ пламенныхъ высотъ.

И жгутъ слова его, какъ пламень,
И имъ внимаетъ даже камень,
И сила духа не мертва!
Онъ смотритъ въ даль спокойнымъ окомъ,
И на челѣ его высокомъ
Сіяетъ отблескъ Божества.

III.—* * *.

Quand l'impie a porté l'outrage au sanctuaire...

Когда осквернена святыня дерзновенно—
Испуганный народъ спѣшитъ покинуть храмъ,
И только вѣрный жрецъ богини неизмѣнно,
Еще восторженнѣй склоняя тамъ колѣна,
Приноситъ ей мольбы и куритъ фиміамъ.

Свобода Франціи, и ты лежишь во прахѣ,
Но съ вѣрой прежнею, въ благоговѣйномъ страхѣ
Спѣшатъ жрецы твои къ разбитымъ алтарямъ...

О. Михайлова.

САХАРНАЯ ОПЕРАЦІЯ КАЗНЫ

въ 1893 году.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о росписи на 1894 годъ сообщается, что разрѣшенная Высочайшимъ повелѣніемъ 6-го ноября 1892 года покупка сахарнаго песка за границею, предпринятая въ видахъ удержанія цѣнъ на сахаръ, *возвышавшихся несоотвѣтственно съ условіями рынка*, оказала желаемое дѣйствіе: покупкою съ 1-го сентября прошлаго (1893) года и обращеніемъ во внутреннюю торговлю около 1.700.000 пудовъ заграничнаго сахарнаго песка, цѣна его за пудъ на станціяхъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ удерживалась на уровнѣ 5 р. 10 к. Операція эта, при расходѣ около 6.200.000 рублей и выручкѣ около 9.400.000 р., дала казнѣ дохода около 3.200.000 р., которые и подлежатъ причисленію къ таможеннымъ сборамъ.

Прежде, чѣмъ говорить объ этой покупкѣ, мы коснемся развитія у насъ вообще сахарнаго производства. Какъ извѣстно, до конца прошлаго столѣтія въ Европѣ употреблялся исключительно тростниковый колоніальный сахаръ, и только въ послѣдніе годы того столѣтія былъ сдѣланъ въ Германіи удачный опытъ добыванія сахара изъ свекловицы. Въ первые годы настоящаго столѣтія свеклосахарный заводъ былъ основанъ и у насъ съ значительною правительственною субсидіею. За первымъ заводомъ послѣдовали другіе, и вскорѣ сахарный заводъ сталъ постоянною принадлежностью болѣе крупнаго сельскаго помѣщичьяго хозяйства, при чемъ рядомъ съ сахарнымъ— фигурировалъ обыкновенно и заводъ винокуренный, такъ какъ изъ сахарной патоки курилось *вино*, т.-е. спиртъ. Къ сороковымъ годамъ числилось въ Россіи слишкомъ 200 сахарныхъ заводовъ,—почти столько же, сколько ихъ существуетъ и теперь,—но на нихъ выдѣ-

лывалось сахарнаго песка всего лишь около полумилліона пудовъ. Даже въ пятидесятыхъ годахъ, при 400 заводахъ, добыча сахара, по оффиціальнымъ даннымъ, не превышала 800.000 п., при чемъ, по тѣмъ же даннымъ, привозъ сахара изъ-за границы показывался въ размѣрѣ 1.100.000 пудовъ.

Съ сороковыхъ годовъ производство сахара хотя и остается еще съ характеромъ сельско-хозяйственнымъ, но замѣтно развивается. Этому содѣйствовали какъ усилившаяся потребность населенія въ сахарѣ, такъ и высокая таможенная пошлина, которою былъ обложенъ привозный „колоніальный" сахаръ. Уже по тарифу 1825 года пошлина эта была высока; по тарифу же 1841 г. ввозъ въ Россію рафинада былъ совершенно запрещенъ, а сахарный песокъ обложенъ пошлиной въ 3 р. 80 к. съ пуда. Хотя за тѣмъ тарифъ этотъ временно и понижался, но все-таки оставался настолько высокъ, что привозъ заграничнаго сахара оказывался возможенъ только при исключительныхъ обстоятельствахъ. По такъ называемымъ „либеральнымъ" тарифамъ 1857 и 1868 гг., которые сторонниками запретительной таможенной системы до сихъ поръ ставятся въ упрекъ финансовой администраціи того времени, пошлина на сахарный песокъ была въ размѣрѣ отъ 2 до 3 р., а на рафинадъ—отъ 4 до 5 р. Съ установленіемъ, съ 1877 года, взиманія пошлины въ прежнихъ цифрахъ, но золотыми рублями, она сама собою увеличилась на разницу стоимости между кредитнымъ и золотымъ рублемъ, т.-е. на 50, 60 и даже въ иные годы на 80 процентовъ. По послѣднему тарифу 1891 года пошлина на сахарный песокъ установлена въ 3 р. золот., а на рафинадъ—въ 4 р. золот., что при современномъ курсѣ кредитнаго рубля составляетъ 4 р. 50 к. и 6 р. кред. съ пуда. Такая пошлина устраняла всякую возможность потребленія въ Россіи заграничнаго сахара; онъ привозился къ намъ, въ размѣрѣ 4—5 тысячъ пудовъ, только случайно, преимущественно въ дальнія окраины.

Охраняя запретительнымъ таможеннымъ тарифомъ отъ иноземнаго соперничества развивающееся отечественное сахарное производство, финансовое вѣдомство стремилось обложить его внутреннимъ акцизомъ, но, повидимому, проекты новыхъ обложеній принимались въ прежнее время съ менѣе легкимъ сердцемъ, чѣмъ впослѣдствіи. Цѣлыхъ девять лѣтъ понадобилось министерству финансовъ для проведенія этого налога, проекты котораго нѣсколько разъ отклонялись государственнымъ совѣтомъ. Только въ 1848 году акцизъ съ сахара былъ, наконецъ, установленъ въ размѣрѣ 30 коп. съ пуда, съ послѣдовательнымъ его возвышеніемъ чрезъ каждые два года (до 1-го сентября 1854 г.) на 15 копѣекъ. Количество облагаемаго сахара опредѣлялось не по дѣйствительному его выпуску съ завода (какъ дѣ-

лается нынѣ), а по установленнымъ нормамъ, съ учетомъ свекловицы, работы снарядовъ и дней сахароваренія (способъ до нынѣ существующій во Франціи, отчасти въ Германіи и др.). Но нормы были приняты очень низкія, не соотвѣтствовавшія дѣйствительному выходу сахара.

Сельско-хозяйственное значеніе наши сахарные заводы утратили лишь въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, съ уничтоженіемъ крѣпостного права и съ отмѣной винныхъ откуповъ. Бо́льшая часть помѣщичьихъ сахарныхъ заводовъ, невыгодныхъ при наемномъ трудѣ, закрылась; вмѣсто нихъ, образовались новые, промышленно-коммерческіе, основанные преимущественно на акціонерныхъ началахъ. Число заводовъ сильно сократилось: вмѣсто 450 заводовъ, существовавшихъ въ 1860 году, къ 1870 году ихъ насчитывалось лишь 200, но производительность ихъ возросла; количество выдѣлываемаго сахара считалось уже не сотнями тысячъ пудовъ, а десяткомъ милліоновъ. Въ 1880 году сахара, по показаніямъ самихъ заводчиковъ, было выдѣлано до 12½ мил. пудовъ, но по заключенію техниковъ министерства финансовъ въ дѣйствительности его было выпущено не менѣе 16 милліоновъ пудовъ.

Несмотря на развитіе сахарнаго производства, казна извлекала немного дохода отъ установленнаго акциза, хотя размѣръ акциза уже въ 1876 году былъ доведенъ до 80 коп. съ пуда. Причина этого заключалась въ несоотвѣтствіи установленныхъ нормъ съ дѣйствительнымъ выходомъ сахара. Уже въ 1848 году нормы были слишкомъ малы, а въ теченіе тридцати лѣтъ и снаряды, и техника выдѣлки сахара настолько усовершенствовались, что въ семидесятыхъ годахъ казна, по компетентному разсчету департамента неокладныхъ сборовъ, вмѣсто номинальныхъ 80 коп. акциза, получала въ среднемъ выводѣ всего лишь 35 коп., а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже 20 коп. съ пуда. Особенно невыгодными для казны послѣдствіями сопровождалась льгота, дарованная сахарозаводчикамъ съ 1876 года, въ видахъ поощренія отечественнаго сахарнаго производства: за вывозимый за границу сахаръ положено было возвращать полученный за сахаръ акцизъ. Въ 1877 году сахара было вывезено до 4 милл. пудовъ, за которые казна возвратила акциза слишкомъ 3 мил. р., т.-е. чуть не половину полученнаго въ этотъ годъ сравнительно весьма большого дохода (до 7 мил. р.). По разсчетамъ департамента неокладныхъ сборовъ казна въ этомъ случаѣ *возвращала* 80 коп. тамъ, гдѣ сама получала акциза за пудъ всего 20—25 коп., другими словами, выдавала премію за вывезенный за границу сахаръ въ размѣрѣ 55—60 коп. за пудъ. Въ слѣдующіе годы повторилось то же, съ той

разницей, что за слѣдующіе четыре года сахарный доходъ казны составлялъ въ средней цифрѣ всего лишь $4^1/_2$ м. р. въ годъ.

Но акцизъ, въ незначительной цифрѣ попадавшій въ казну, несомнѣнно въ полной суммѣ ставился въ цѣну сахара и цѣликомъ взимался съ населенія. При расходѣ сахара въ 15—16 мил. пудовъ, восьмидесятикопѣечный акцизъ составлялъ 12 милліоновъ рублей, въ четыре раза больше, нежели получила казна. Мы постоянно указывали вообще на крайнюю невыгодность разнообразныхъ и многочисленныхъ налоговъ, особенно косвенныхъ. Ложась бременемъ на платежныя силы населенія, препятствуя развитію его производительности вслѣдствіе стѣсненій, неразлучныхъ съ обложеніемъ и надзоромъ, такіе налоги приносятъ казнѣ весьма мало сравнительно съ тѣмъ, что уплачиваетъ или чего лишается населеніе. Это было доказано у насъ цифрами относительно налоговъ питейнаго (главнымъ образомъ), таможеннаго (доставившаго 2 милліона тамъ, гдѣ ожидалось увеличеніе въ 30 мил., которые притомъ несомнѣнно были уплачены населеніемъ), даже нефтяного. То же оказалось и по сахарному доходу. Дальнѣйшія перипетіи сахарнаго производства и сахарнаго налога еще болѣе убѣдятъ въ этомъ.

Въ 1883 году послѣдовало весьма существенное измѣненіе въ порядкахъ сахаропромышленности. Вновь назначеннымъ въ этомъ году министромъ финансовъ, А. А. Абазою (который и самъ былъ владѣльцемъ крупнаго сахарнаго завода), былъ проведенъ законъ о взиманіи акциза съ сахара не по нормамъ, а по дѣйствительному выпуску сахара, опредѣляемому взвѣшиваніемъ подъ бдительнымъ акцизнымъ надзоромъ. Этимъ была прекращена возможность эксплуатаціи сахарозаводчиками казны указаннымъ выше способомъ. Нашли ли сахарозаводчики и при новомъ способѣ возможность обходить бдительность акцизнаго надзора—рѣшить, разумѣется, трудно; но во всякомъ случаѣ сахарный доходъ казны, не превышавшій въ среднемъ размѣрѣ за пятилѣтіе 1877—1881 годовъ 5 мил. р. въ годъ, а въ 1881 году упавшій до $3^1/_2$ м. р. съ небольшимъ, въ слѣдующіе три года доставилъ 8, 9 и $12^1/_2$ мил. рублей, хотя на это трехлѣтіе акцизъ, вмѣсто прежнихъ 80 коп., былъ назначенъ первоначально всего въ 50 коп. съ пуда [1]). Разница между доходомъ 1881 года при акцизѣ въ 80 коп. и доходомъ 1882 года (8 мил. р.) при акцизѣ въ 50 коп. наглядно

[1]) Назначенный въ 1881 году акцизъ въ 50 коп. съ пуда установлено было возвышать каждые три года на 15 и 20 коп. Въ 1890 году акцизъ дошелъ до рубля съ пуда; въ 1892 г. состоялось дополнительное обложеніе рафинада въ 40 коп. съ пуда; съ 1-го сентября настоящаго года предстоитъ новое весьма значительное увеличеніе акциза на сахаръ вообще. Объ этомъ увеличеніи мы скажемъ дальше.

показываетъ, какія суммы даромъ доставались сахарозаводчикамъ на счетъ какъ казны, такъ и населенія.

Потерявъ до нѣкоторой степени возможность систематически пробавляться на счетъ казеннаго сундука и ограничившись партизанскими противъ него вылазками, сахарозаводчики повели правильную атаку на мошну обывателей. Администрація, неожиданно для самой себя, явилась въ этомъ ихъ союзникомъ. Огромные барыши, получаемые сахарными заводами, вызвали въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ увеличеніе числа ихъ и расширеніе производства. Къ 1884 году заводовъ насчитывалось 245, а количество выработаннаго ими сахара дошло до 19 мил. пудовъ, — по разсчету нѣкоторыхъ экономистовъ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ внутреннему потребленію. Дѣйствительно, при стомилліонномъ населеніи имперіи, такое количество сахара давало по $7^1/_2$ фунтовъ въ годъ, т.-е. по небольшому кусочку сахара въ день на русскую *душу*, всего лишь въ 10 разъ меньше, чѣмъ въ Англіи и въ 3 раза меньше Германіи и Франціи!.. Между тѣмъ предвидѣлось, что въ слѣдующемъ же году количество выдѣланнаго сахара дойдетъ—страшно вымолвить!—до 29 м. п. Вслѣдствіе лишь одного такого опасенія, цѣны на сахарный песокъ, еще недавно достигавшія въ Кіевѣ 8 р. за пудъ, быстро понижались и могли упасть чуть не до издержекъ производства. Гибель была на носу. Сахарозаводчики всполошились, разумѣется, не ради ускользавшихъ отъ нихъ барышей—для этого они, какъ и всѣ наши промышленники, слишкомъ большіе патріоты — а во имя спасенія русской промышленности и благополучія обездоленнаго бѣднаго работящаго русскаго люда, который, какъ извѣстно, если и живъ до сихъ поръ, то лишь щедротами нашихъ фабрикантовъ, заводчиковъ и вообще промышленниковъ.

Тревога была, впрочемъ, не безъ основанія, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ. Отрасль промышленности, поставленная чрезвычайно благопріятно вслѣдствіе покровительства запретительнаго таможеннаго тарифа, вывозныхъ льготъ, наконецъ—возможности злоупотребленій, должна была привлекать аферистовъ. Сахарные заводы возникали въ условіяхъ, нисколько не соотвѣтствовавшихъ успѣшной дѣятельности при нормальныхъ промышленныхъ отношеніяхъ. Едва имъ пришлось считаться съ этими отношеніями,—предпріятія оказались несостоятельны. Самое правильное было бы, разумѣется, предоставить и сахарозаводчиковъ, и сахаръ, естественному ходу вещей: кто разсчитываетъ на барыши, основанные на случайныхъ обстоятельствахъ, долженъ предвидѣть съ измѣненіемъ ихъ возможности убытка. Благ[illegible] и населеніе, не въ примѣръ прочимъ годамъ, могло, хотя и въ теченіе весьма незначительнаго срока, пріобрѣтать сахарный песокъ по 11

и 12 к. фунтъ, т.-е. около 4 р. 50—4 р. 80 коп. за пудъ. А такъ какъ въ 1885 году, по свѣденіямъ, собраннымъ по порученію министерства финансовъ на мѣстахъ производства сахара, средняя стоимость одного пуда его, съ акцизомъ и со всѣми расходами, опредѣлялась для большинства заводовъ въ 3 р. 15 к. [1]), то указанная выше цѣна могла быть убыточной только въ отдѣльныхъ случаяхъ, по большей же части оказывалась выгодной. Но сахаровары жаловались, и жалобы ихъ не остались безъ послѣдствій. Въ половинѣ года состоялось постановленіе: за вывезенный за границу сахаръ не только возвращать акцизъ, но выдавать еще премію въ размѣрѣ 80 коп. и 1 рубля за пудъ. Преміи за сахаръ, вывезенный чрезъ азіатскую границу, выдавались безвозвратно, а за сахаръ, выпущенный чрезъ европейскую, подлежали возмѣщенію разверсткой на все выпущенное съ заводовъ въ данномъ году количество сахара; другими словами, онѣ возмѣщались повышеніемъ акциза на сахаръ, назначенный для внутренняго потребленія.

Эта мѣра, предложенная особой коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ директора департамента торговли и мануфактуръ, съ участіемъ представителей сахарозаводчиковъ юго-западнаго края и царства польскаго, заслуживаетъ вниманія. Сущность ея въ слѣдующемъ: сахарозаводчики, благодаря обчету казны и эксплуатаціи публики, требованія которой на сахаръ превышали предложеніе, получали изъ своего предпріятія огромные барыши. Но времена измѣнились: эксплуатація казны прежнимъ способомъ стала труднѣе, а барыши привлекли соискателей; стали основываться новые заводы, цѣны на сахаръ понижались, такъ какъ предложеніе грозило если не превзойти спросъ, то близко подойти къ нему. Отъ сахарозаводчиковъ, чрезъ посредство биржевыхъ обществъ и биржевыхъ комитетовъ разныхъ городовъ, полетѣли въ министерство финансовъ петиціи [2]). Дѣло шло, разумѣется, объ уменьшеніи количества сахара на внутреннемъ рынкѣ, т.-е. о вывозѣ сахара за границу. Но тамъ сахаръ дешевле нашего; слѣдовательно, туда его и по заводской цѣнѣ не продашь. Акцизъ, правда, возвращался; но этого было мало; брать подъ видомъ возврата акциза значительную премію, какъ въ семидесятыхъ годахъ, теперь было нельзя. Оставалось прямо просить, сверхъ возврата акциза, о выдачѣ явной преміи. Насчетъ Азіи дѣло было просто: Азія всегда была great attraction нашей торговой политики, готовой на всевозможныя жертвы для поддержанія престижа нашей промышленности у персовъ и туркменовъ. Выдача преміи *безвозвратно* за вы-

---

[1]) Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1885 годъ, стр. 86.
[2]) Тамъ же, часть вторая, стр. 201 и слѣд.

везенный сахаръ по азіатской границѣ не встрѣтила препятствій. Но европейская граница? Не кормить же, въ самомъ дѣлѣ, нѣмцевъ или румыновъ дешевымъ сахаромъ за счетъ русской казны. Премію можно было получить, но не иначе, какъ съ возвратомъ. Съ кого же? Съ сахарозаводчиковъ? Но тогда зачѣмъ имъ и получать премін? Подумали—и нашли искомый объектъ: *съ населенія*, т.-е. съ тѣхъ, противъ кого вся мѣра была направлена, кому не только приходилось приплачивать за сахаръ, вздорожавшій вслѣдствіе уменьшенія его количества, но оплатить еще и ту мѣру, посредствомъ которой, съ устраненіемъ убытковъ заводчиковъ, это уменьшеніе достигнуто.

Маневръ удался, можетъ быть, именно вслѣдствіе его замысловатости. Не пришло, повидимому, въ голову, что если обиженнымъ людьми и судьбою сахарозаводчикамъ необходимо пособіе, то всего естественнѣе выдать его непосредственно и отнести выданное на счетъ временно и съ этою цѣлью увеличеннаго сахарнаго акциза. Правда, при такомъ способѣ вспомоществованія не была бы достигнута другая цѣль: сокращеніе внутренняго предложенія. Но заботиться именно объ искусственномъ подъемѣ цѣнъ на предметы внутренняго потребленія, въ ущербъ населенію, — никакъ не составляло непремѣнную обязанность министерства финансовъ.

Премія за сахаръ, вывозимый по европейской границѣ, не очень порадовала сахарозаводчиковъ: она была разрѣшена всего на годъ, но премированный вывозъ сахара по азіатской границѣ установленъ на шесть лѣтъ, по 1 мая 1891 года, и сахаропромышленники не замедлили, какъ это будетъ показано дальше, воспользоваться имъ самымъ оригинальнымъ и неожиданнымъ образомъ.

Ненормальность нашего сахарнаго вывоза всего лучше показывается его колебаніями. Въ 1877 году, какъ показано, сахара было вывезено, съ обчетомъ казны на возвратѣ акциза, до 4 милл. пудовъ; но за тѣмъ въ слѣдующія семь лѣтъ, за всѣ вмѣстѣ, вывозъ не достигъ и милліона пудовъ. Такъ же ничтоженъ онъ былъ и въ первую половину 1885 г. (около 90.000 пудовъ); но во второй половинѣ, съ разрѣшеніемъ преміи, онъ разомъ поднялся до 4.325.000 пудовъ: 4.241.000 пуд. по европейской границѣ и 84.000 пуд. по азіатской. Въ 1886 году было вывезено по 1 іюля, т.-е. съ выдачей преміи, около 3.250.000 пудовъ. Всего за это время вывезено 7.582.351 пудовъ; изъ нихъ 7.329.932 пуда по европейской и 258.419 пудовъ по азіатской границѣ. Преміи за этотъ сахаръ причлось приблизительно 6.700.000 рублей, т.-е. на каждый изъ 245 заводовъ, круглымъ числомъ, около 27.000 р.,—деньги по размѣру вожделѣній сахарозаводчиковъ совершенно ничтожныя, хотя, разумѣется коноводамъ (а въ нихъ-то и сила) изъ этой суммы досталась не одна, а нѣсколько

львиныхъ долей на каждаго. Утѣшительно, что эта благодать достигнута вносомъ съ населенія, считая поголовно, всего лишь по 7 коп. съ души. Любопытно, что впослѣдствіи, въ 1892 г., когда по провѣркѣ выданной сахарозаводчикамъ преміи и поступившихъ въ возмѣщеніе ея акцизныхъ сборовъ (съ населенія) оказался въ этихъ сборахъ излишекъ въ 294.475 р., то и его порѣшили отдать *сахарозаводчикамъ*.

Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, напримѣръ въ Германіи, въ Австріи, при вывозѣ сахара за границу выдается премія, но она по размѣру меньше взимаемаго за сахаръ акциза, который при вывозѣ не возвращается. Такимъ образомъ, выдача преміи не что иное, какъ возвратъ части внесеннаго за сахаръ акциза, при чемъ часть его все-таки остается въ пользу государства.

Для болѣе нагляднаго представленія о дальнѣйшемъ движеніи сахарнаго производства приведемъ цифровыя данныя о количествѣ сахара, полученнаго на заводахъ и вывезеннаго за границу:

Года.	Число заводовъ.	Количество выработаннаго сахара.	Вывезено по евр. гран.	Вывезено по азіат. гр.
		тысячи пудовъ.		
1885	245	21.000	4.241	84
1886	241	29.039	3.298	573
1887	229	25.949	2,976	1.008
1888	218	23.749	3.939	1.295
1889	220	28.393	3.510	1.432
1890	220	25.823	1.541	1.596
1891	223	29.464	5.655	1.801
1892	227	30.812	1507	1.360

Изъ приведенныхъ цифръ видно, во-первыхъ, относительно вывоза сахара чрезъ азіатскую границу, что вывозъ этотъ, ничтожный до 1885 года, и въ этомъ году, несмотря на разрѣшенную за вывозъ премію, не увеличился. Не великъ, сравнительно, былъ онъ и въ 1886 году, когда вниманіе сахаропромышленниковъ было устремлено на западъ. Только съ прекращеніемъ выдачи преміи за вывозъ по западной границѣ, вывозъ на восточной быстро поднялся и шелъ crescendo до 1891 года включительно, т.-е. до отмѣны съ 1 мая этого года выдачи преміи. Тѣмъ не менѣе и въ 1892 году онъ все еще былъ весьма значителенъ.

Причина первоначальнаго невниманія къ востоку заключалась, повидимому, въ дальнемъ разстояніи его отъ сахарнаго района, необезпеченномъ сбытѣ и въ томъ, что въ Азію нужно было сбывать не песокъ, а рафинадъ (изъ всего количества сахара его во всѣ года отправляется приблизительно двѣ трети), при томъ сформованнаго

особымъ образомъ (плитками): это требовало излишнихъ хлопотъ и участія рафинадныхъ заводовъ. Наконецъ, въ первое время промышленники, какъ кажется, не додумались до выгодной операціи, открытой ими позднѣе: *до контрабанднаго водворенія русскаго сахара въ русскіе предѣлы.* На эту замысловатую операцію нѣсколько лѣтъ назадъ указывалось въ печати многими. Теперь она подтверждается оффиціально. Въ отчетѣ департамента неокладныхъ сборовъ за 1892 годъ [1]) читается: „Еще съ 1888 года стало развиваться тайное контрабандное водвореніе въ наши предѣлы сахара изъ среднеазіатскихъ ханствъ. Съ цѣлью противодѣйствія тайнаго привоза къ намъ сахара по закаспійской желѣзной дорогѣ, усиленъ былъ надзоръ за провозомъ онаго по этой дорогѣ. Хотя мѣры эти и повели къ нѣкоторому сокращенію контрабандной торговли сахаромъ, но дѣйствительному преграждeнію доступа контрабанднаго сахара въ наши предѣлы препятствовала необезпеченность здѣсь, въ таможенномъ отношеніи, нашихъ границъ, особенно Закаспійской области. То же надо сказать и про сахаръ, вывозимый чрезъ названную область въ область Хоросанъ, въ восточной Персіи, откуда контрабандный ввозъ этого сахара по той же причинѣ, т.-е. необезпеченности границы, былъ также весьма значителенъ".

Отмѣна выдачи преміи не прекратила этой *коммерціи*: для нея былъ, повидимому, достаточенъ возвратъ акциза. Поэтому министерство финансовъ рѣшилось отмѣнить возвратъ акциза за сахаръ, вывозимый на азіатскіе рынки и вообще чрезъ Закаспійскую область. Но принять ту же мѣру относительно „главнаго нашего сбыта сахара въ Азію, въ Персію, какъ морскимъ путемъ, такъ и чрезъ сухопутную закавказскую границу, не представлялось удобнымъ въ виду серьезной конкурренціи иностраннаго сахара".

Такимъ образомъ, лазейка все-таки осталась. Предстоящее возвышеніе акциза съ сахара облегчитъ задачу и контрабандистовъ, и сахарозаводчиковъ.

Вывозъ сахара по европейской границѣ, несмотря на прекращеніе выдачи преміи, въ слѣдующія шесть лѣтъ (при нѣкоторыхъ колебаніяхъ) не уменьшался, такъ какъ сахарозаводчики усмотрѣли въ немъ лучшее средство *регулированія* цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ. Къ этому періоду относится, какъ кажется, окончательная организація *боевой* позиціи, въ какую стали сахаропромышленники къ кошельку населенія. Формы, въ какихъ проявлялась и проявляется эта позиція,—*синдикатъ* и *нормировка*. Синдикатъ—это собраніе производителей сахарозаводчиковъ, безапелляціонно направляющее и...

[1]) Часть 2-я, стр. 91.

дѣйствія. Нормировка — способъ держанія *сахарнаго рынка*, такъ сказать, впроголодь, съ разсчетомъ, чтобы спросъ превышалъ предложеніе и тѣмъ поддерживалъ цѣны сахара на требуемой высотѣ. Детальныхъ свѣденій о синдикатѣ и нормировкѣ въ печати не было: остаются скрыты отъ солнечнаго свѣта и личный составъ сахарнаго синдиката, и дисциплинарныя мѣры, которыми синдикатъ держитъ въ должномъ „решпектѣ“ сахарозаводчиковъ, и та роль, какую играли или играютъ, по отношенію къ синдикату и нормировкѣ, лица съ высокимъ общественнымъ и оффиціальнымъ положеніемъ. Не желая основываться на слухахъ, мы ограничимся оффиціальной печатью. Такъ, въ отчетѣ департамента неокладныхъ сборовъ за 1889 годъ (стр. 155) съ нѣсколько философскимъ благодушіемъ сообщается: „Въ общемъ собраніи 11-го октября 1888 года представители сахарозаводчиковъ, для предупрежденія дальнѣйшаго паденія цѣнъ на сахаръ, признали необходимымъ назначить дополнительный *ускоренный* вывозъ за границу сахарнаго песка въ размѣрѣ 6% сверхъ условленной нормы, что составило, въ общемъ, до милліона пудовъ... „Сахаръ не является у насъ предметомъ правильной отпускной торговли—говорилось въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ [1]) по поводу большаго вывоза сахара въ 1891 г. Изъ Россіи сахаръ вывозится главнымъ образомъ съ цѣлью *регулированія* цѣнъ, *освобожденія* (?) внутреннихъ рынковъ отъ *избытковъ* (?) производства“... „Главною причиной вздорожанія сахара,—говорится въ отчетѣ департамента неокладныхъ сборовъ за 1892 годъ [2]),—представлялось вліяніе спекуляціи, доведшей цѣну его до уровня, не оправдываемаго дѣйствительною стоимостью производства и положеніемъ свеклосахарной промышленности“... „Въ противодѣйствіе дальнѣйшему возвышенію цѣнъ сахара, сахарозаводчиками отмѣненъ былъ вывозъ за границу излишковъ сахара противъ установленной ими нормы, съ предоставленіемъ каждому заводу выпустить на внутренній рынокъ все количество сахара, которое поступитъ къ учету въ періодъ 1892—3 года“ [3]).

Изъ приведеннаго можно заключить, что между сахарозаводчиками существуетъ вѣдомая и прочно организованная стачка, обяза-

---

[1]) „В. Финансовъ“ 1892 г., № 27, стр. 51.

[2]) Часть 2-ая, стр. 97.

[3]) Тамъ же, часть 1-ая, стр. 151. Послѣдняя сдѣланная нами цитата повторена въ отчетѣ во 2-ой части, стр. 97, буквально, но лишь съ переносомъ запятой послѣ слова „сахарозаводчиками“. Это совершенно измѣняетъ смыслъ и возбуждаетъ вопросъ, кѣмъ отмѣнено, кѣмъ предоставлено? Словомъ, указываетъ на какое-то руководство рѣ[illegible]зніями сахарозаводчиковъ, т.-е. ихъ синдиката, чего, судя по другимъ даннымъ, въ дѣйствительности нѣтъ.

тельная для всѣхъ сахарозаводчиковъ, направленная къ ненормальному подъему цѣнъ на производимые ими продукты.

Для противодѣйствія этой стачкѣ и была предпринята операція, о которой говорится во. всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ. Министромъ, 6-го ноября 1892 года, было испрошено разрѣшеніе на пріобрѣтеніе за границею сахарнаго песка съ обложеніемъ его пошлиной, вмѣсто установленной (3 р. зол.), такою, чтобы цѣна этого сахара равнялась съ доставкою его на станціи юго-западныхъ дорогъ 5 р. 10 коп.

„Вѣстникъ Финансовъ" [1]) сообщаетъ детали произведенной операціи, къ сожалѣнію не вполнѣ разъясняющія обстоятельства, которыми она сопровождалась. Главныя фактическія сообщенія таковы: производство операціи было поручено министерствомъ финансовъ кіевскому отдѣленію с.-петербургскаго международнаго коммерческаго банка, съ предоставленіемъ „по сказанной операціи покупки и продажи сахара въ пользу банка $^3/_4$ процента. Банкомъ, съ марта по 1-е сентября 1893 года, на пріобрѣтеніе 1.697.077 пудовъ сахара, съ доставкой его до русской границы, было истрачено 5.634.259 (слѣдовательно, 3 р. $31^1/_2$ коп. за пудъ); провозъ, коммиссія банка, артельные, таможенные и *другіе* расходы составили около 590.809 р. ($34^2/_3$ к. на пудъ, больше 10% покупной цѣны). Такимъ образомъ, общая стоимость сахара съ накладными расходами опредѣлилась въ 6.225.068 р. (3 р. 66 к. пудъ); за этотъ сахаръ выручено 9.436.561 руб. (5 р. 55 к. пудъ), чистая прибыль казны, въ видѣ таможенной пошлины, опредѣлилась въ 3.211.993 р. [2]) (1 р. 88 к. съ пуда).

Несмотря на нѣсколько столбцовъ, отведенныхъ свѣдѣніямъ объ этой операціи, „Вѣстникомъ Финансовъ" оставлены въ сторонѣ наиболѣе существенныя и интересныя ея стороны. Прежде всего возникаетъ вопросъ, почему министерство финансовъ, вмѣсто непосредственнаго руководства операціей, поручило ее частному учрежденію, при томъ банку, да еще въ Кіевѣ, въ центрѣ дѣятельности сахарозаводчиковъ, изъ которыхъ многіе навѣрное—наиболѣе доходные кліенты кіевскаго отдѣленія международнаго банка. Мѣра, какъ понимало ее общественное мнѣніе, была направлена противъ злоупотребленія сахарозаводчиковъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ и имѣла цѣлью не доставить казнѣ нѣсколько милліоновъ дохода, а избавить страну отъ излишнихъ переплатъ, вызванныхъ не[illegible]сными коммерческими аферами. Порученіемъ, даннымъ коммерческо[illegible]у

[1]) 52-ой № 1893 г.

[2]) Здѣсь въ „Вѣстникъ Финансовъ" вкралась описка: по даннымъ цифрамъ [illegible]купки и продажи прибыль выходитъ въ 3.211.593 рубля.

учрежденію, вся операція оставлена въ туманѣ коммерческой аферы. Неясно, какъ покупка сахара могла быть поручена *банку*, и въ чемъ могло состоять исполненіе *банкомъ* этого порученія? Въ деньгахъ банка для этой операціи, или въ его кредитѣ, министерство финансовъ, очевидно, не могло нуждаться. Коммерческія свѣденія, которыми располагалъ банкъ, едва-ли были недоступны министерству финансовъ. Если дѣло шло объ услугахъ отдѣльныхъ лицъ, занимающихъ въ банкѣ какія-либо должности, и въ то же время по опытности и другимъ качествамъ пользующихся довѣріемъ министерства финансовъ, то по исполненію операціи они могли дѣйствовать лишь какъ агенты не банка, а министерства. При чемъ тогда вознагражденіе банка за коммиссію? Въ какомъ размѣрѣ банкъ получилъ это вознагражденіе? Въ пользу его предоставлено $^{3}/_{4}$ процента *по покупкѣ и продажѣ*. Это, повидимому, значитъ, что банкъ получилъ проценты съ $15^{1}/_{2}$ м. р. (6 м. р. покупки и $9^{1}/_{2}$ м. р. продажи)—способъ вознагражденія въ нѣкоторыхъ спекуляціяхъ обычный, но для непривыкшихъ къ воззрѣніямъ банковъ нѣсколько неудобный (чѣмъ дороже купишь, тѣмъ болѣе получишь!). По приведенному разсчету, сумма вознагражденія банка около 120.000 р.,—сумма по аппетитамъ банковъ безспорно ничтожная, но по сущности дѣла, заключавшагося въ покупкѣ милліона-двухъ пудовъ сахара, въ переговорахъ и заключеніи условій съ десяткомъ заводскихъ или торговыхъ фирмъ, весьма солидная. Ограничивается ли расходъ на банкъ этою суммой, —или вознагражденіе его агентамъ, занимавшимся порученіемъ въ нѣдрахъ банка, или разъѣзжавшихъ въ качествѣ коммиссіонеровъ по заводамъ и биржамъ, фигурируетъ отдѣльно, въ числѣ *и другихъ* расходовъ? Не получилъ ли банкъ или его агенты *коммиссіонныхъ* съ другой, продающей стороны,—не даромъ онъ банкъ,—все это остается мало выясненнымъ.

Любопытно, что „Вѣстникъ Финансовъ“ и словомъ не промолвился о томъ, гдѣ именно пріобрѣтенъ банкомъ сахаръ. А какъ интересно было бы намъ узнать, гдѣ именно тѣ обѣтованныя страны—онѣ очевидно тутъ гдѣ-то подъ бокомъ,—въ которыхъ, если рѣки и не текутъ въ сахарныхъ берегахъ, то фунтъ сахара все-таки можно пріобрѣтать по 8—9 коп., т.-е. ровно въ половину дешевле нашего, да и одинъ ли сахаръ...

Когда послѣдовало разрѣшеніе на покупку сахара за счетъ казны, и указывали и на безполезность этой мѣры, и на неудобство для министерства финансовъ вести коммерческую операцію. Само министерство финансовъ сознало, что такая операція ему непосильна, и передало ее въ распоряженіе частнаго учрежденія. Правда, при этомъ казна за 1.700.000 пудовъ сахарнаго песка, сверхъ 1.700.000

руб., которые причитались бы за акцизъ съ этого количества, пріобрѣла еще около $1^1/_2$ м. р., но дѣло шло о томъ, чтобы дать отпоръ стяжательнымъ стремленіямъ сахарной спекуляціи, а не о томъ, чтобы часть чрезмѣрныхъ барышей ея обратить въ казну. Это не столько обуздывало спекуляцію, сколько ее поощряло и оправдывало. По мнѣнію „Вѣстника Финансовъ", привозъ изъ-за границы сахара положилъ предѣлъ дальнѣйшему возростанію цѣнъ; но можно, напротивъ, думать, что впередъ намѣченная цѣна сахара, при которой сахаропромышленникамъ грозило соперничество привознаго сахара, дала имъ возможность безъ всякихъ опасеній довести цѣны до указаннаго предѣла. Въ людяхъ, стоящихъ не близко къ сахарнымъ и другимъ операціямъ, въ такъ называемой публикѣ, легко можетъ возникнуть мысль, не повторилась ли съ привозомъ сахара по европейской границѣ исторія сахарнаго вывоза по азіатской: не былъ ли это привозъ къ намъ изъ-за границы русскаго сахара? Собственно въ этомъ не было бы ничего ни нелегальнаго, ни предосудительнаго. Тотъ или другой заграничный корреспондентъ международнаго банка могъ заключить съ русскими сахарными заводами договоръ на поставку продукта въ такое-то мѣсто, а затѣмъ, совершивъ продажу банку, потребовать исполненія договора. Да и въ самомъ дѣлѣ, для чего непремѣнно покупать заграничный сахаръ у нѣмцевъ, когда не дороже можно купить свой? Съ другой стороны, и сахарозаводчики,—вѣдь сбывали же они постоянно, и при томъ за безцѣнокъ, избытокъ своего сахара за границу; почему бы имъ не сбыть, хотя бы чрезъ посредство и иностраннаго агента и международнаго банка, излишка запасовъ своимъ соотечественникамъ, къ несомнѣнной выгодѣ казны? И сколько по дорогѣ разныхъ процентовъ и коммиссіонныхъ!

Мы нѣсколько разъ высказывали убѣжденіе, что промышленныя и особенно торговыя предпріятія и невыгодны, и непосильны для правительственнаго вѣдомства (потому-то мы и сомнѣваемся въ успѣхѣ и пользѣ предстоящей казенной торговли спиртными напитками). Сахарная операція прошлаго года могла только подтвердить это. Видѣть успѣхъ ея въ томъ, что она доставила казнѣ 3.200.000 р., было бы ошибочно: 1.700.000 р. не что иное, какъ сахарный акцизъ, а $1^1/_2$ м. р.—случайный результатъ совсѣмъ иной мѣры, соединенной лишь косвенно съ операціей,—результатъ пониженія таможенной на сахаръ пошлины. Въ примѣненіи къ данному случаю мѣра эта мо[illegible] вовсе не принести выгоды казнѣ или принести лишь незначительн[illegible] выгоду: стоило лишь международному банку купить сахаръ доро[illegible] Но пониженіе пошлины на сахаръ, не въ видѣ мѣры случайно[illegible] временной, а постоянной, несомнѣнно принесло бы выгоду не тол[illegible] казнѣ, но еще больше населенію.

Операція покупки заграничнаго сахара даетъ приблизительно указаніе, сколько переплачивается населеніемъ въ пользу сахарозаводчиковъ. При продажѣ полученнаго операціею сахара по рыночнымъ цѣнамъ, казна, сверхъ возмѣщенія акциза въ 1 рубль съ пуда, получила еще прибыли по 88—89 коп. на пудъ, что при расходѣ сахара въ количествѣ 25 мил. рублей, равняется 22 м. рублей. Переплата сахарозаводчикамъ была больше, такъ какъ въ концѣ 1892 г. цѣны сахара на кіевской биржѣ достигали 5 р. 70 к. за пудъ, затѣмъ, въ октябрѣ 1893 года, тотчасъ по прекращеніи съ 1-го сентября продажи заграничнаго сахара, были подняты съ 5 р. 10 к. до 5 р. 30 к.—5 р. 35 к. [1]), несмотря на то, что наступившій уже періодъ сахарной кампаніи 1893—94 г. обѣщалъ по прекрасному и обильному урожаю свекловицы выгодную добычу сахара.

Для нѣкотораго представленія о томъ, что получаютъ сахарозаводчики съ населенія, есть и другія данныя.

Промышленные и торговые обороты, какъ извѣстно, составляютъ у насъ такъ называемую *коммерческую* тайну, болѣе священную, чѣмъ любое государственное дѣло. За примѣромъ ходить не далеко: „Вѣстникъ Финансовъ" не могъ же узнать, гдѣ и у кого купленъ сахаръ по операціи, произведенной за счетъ казны. Но и съ коммерческой тайны, какъ и съ Изиды, снимается иногда покровъ. Въ послѣднее время и въ оффиціальной печати, и въ періодической, все чаще появляются сообщенія, разоблачающія тактику и *коммерцію* сахаропромышленниковъ. Относительно барышей сахарныхъ заводовъ беремъ двѣ корреспонденціи одной изъ газетъ. Сахарный заводъ Ченстоцице,—сообщаетъ варшавскій корреспондентъ „Новостей" (№ 18 этого года),—владѣющій основнымъ капиталомъ въ 500.000 рублей, получилъ за послѣднюю кампанію чистаго дохода 130.000 рублей, что составляетъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ 26 процентовъ на каждую тысячерублевую акцію. Тѣмъ не менѣе и ченстоцицкій заводъ примкнулъ къ синдикату и то-и-дѣло молитъ правительство о „поддержкѣ". Въ 19 № „Новостей", въ корреспонденціи изъ Варшавы, находимъ: „Громадные сахарозаводческіе дивиденды все еще составляютъ злобу дня въ Варшавѣ. Самый крупный, положительно невѣроятный дивидендъ далъ сахарный заводъ Потужинъ, не входящій къ тому же въ составъ синдиката сахарозаводчиковъ. Заводъ этотъ, ...рирующій на складочный капиталъ въ 300.000 рублей, получилъ ... послѣднюю кампанію чистаго дохода, предназначеннаго для распредѣленія между акціонерами, 230.850 рублей, т.-е. почти 80 про...товъ. Громадные дивиденды составляютъ достояніе сахарныхъ

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ", № 52, 1893 г.

заводовъ, не только находящихся въ царствѣ польскомъ, но также и въ юго-западномъ краѣ. Изъ числа 62 находящихся тамъ сахарныхъ заводовъ лишь 9 дали дивидендъ отъ 5 до 11 проц. на складочный капиталъ; остальные же 53 завода—не менѣе 12 проц. Самые крупные дивиденды дали слѣдующіе заводы: Бершадскій—30 проц., Боровскій—27, Соболевскій—25, Черняковскій—23 процента. Дивидендъ Добжелинскаго сахарнаго завода достигаетъ 29½ проц.; при складочномъ капиталѣ въ 600.000 р., онъ получилъ въ послѣднюю кампанію 176.000 р. чистаго дохода. Несмотря на такіе крупные барыши, гг. сахарозаводчики все еще жалуются на угнетенное состояніе сахарной промышленности, для спасенія которой оказывается, яко бы, надобность въ такомъ средствѣ, какъ общій принудительный, сахарозаводскій синдикатъ".

Опредѣленность указаній корреспондентовъ, или корреспондента, служитъ если не полной, то сильной порукой за вѣрность сообщаемыхъ имъ цифръ, которая притомъ поддерживается другими соображеніями и свѣденіями.

Наиболѣе ревностные сторонники покровительственной и даже запретительной таможенной системы не отвергаютъ несправедливости дѣлать страну вѣчнымъ данникомъ той или другой отрасли промышленности. И по ихъ мнѣнію высокая пошлина—явленіе временное, съ цѣлью дать той или другой отрасли промышленности возможность окрѣпнуть и развиться съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи дешевизной и доступностью продукта вознаградить страну за принесенныя ею жертвы. Такое переходное время для сахарной промышленности во всякомъ случаѣ прошло. Она, состоя подъ защитой до нельзя высокаго тарифа, доведеннаго теперь до размѣра, исключающаго всякую мысль о возможности привоза въ Россію иностраннаго сахара, —въ теченіе по крайней мѣрѣ послѣднихъ 25 лѣтъ, видѣла, въ лицѣ почти однихъ и тѣхъ же своихъ главныхъ представителей, всю страну своею усердной и безмолвной данницей. Заводская и фабричная промышленность вообще поставлена у насъ ненормально и имѣетъ болѣе или менѣе характеръ эксплуатаціи массы. Но ни одна отрасль промышленности не относилась и къ населенію съ такой безцеремонностью, какъ сахарная. Тѣсно сплотившись, со всѣми признаками стачки, представители сахарозаводчиковъ въ теченіе десятковъ лѣтъ обременяли финансовое управленіе безпримѣрными жалобами и требованіями. Мудрено ли, что оно вышло, наконецъ, изъ терпѣнья и обратилось къ мѣрамъ, которыя могли бы обуздать домогательства сахарозаводчиковъ!

Разумѣется, не всѣ сахарные заводы находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Основаніе многихъ изъ нихъ было вызвано выходящимъ

изъ ряда привилегированнымъ положеніемъ сахарной промышленности: переходъ ея къ нормальному экономическому порядку несомнѣнно заставитъ эти заводы закрыться или разоритъ ихъ, если они станутъ, въ надеждѣ на измѣненіе теченій, продолжать свою дѣятельность. Это тѣмъ болѣе жаль, что такіе заводы менѣе другихъ воспользовались жирнымъ пирогомъ, который столько лѣтъ былъ въ распоряженіи сахаропромышленниковъ. Но ради выгоды даже невыгодныхъ заводовъ нельзя обрекать населеніе безпощаднымъ нескончаемымъ поборамъ, какъ нельзя затопить страну ради орошенія пажитей и плантацій, непредусмотрительно взобравшихся слишкомъ высоко на холмъ.

Въ способахъ противодѣйствовать стяжательнымъ вожделѣніямъ сахарозаводчиковъ мы не стоимъ за какія-нибудь особыя мѣры: ни за преслѣдованіе коноводовъ судебнымъ путемъ на основаніи статей уложенія относительно стачекъ, ни путемъ часто гораздо болѣе вліяющихъ административныхъ внушеній синдикату. Затѣмъ, мы признавали бы нежелательнымъ и не ведущимъ къ цѣли непосредственное хозяйственное вмѣшательство казны въ сахарный вопросъ, какъ напримѣръ: основаніе казеннаго сахарнаго завода и даже казенную торговлю сахаромъ, пріобрѣтеннымъ внутри ли Россіи или за границей. Воздѣйствіе казны, по нашему мнѣнію, должно бы выражаться исключительно постановленіями, направленными къ устраненію обстоятельствъ, препятствующихъ отношеніямъ промышленности къ потребителямъ сложиться нормальнымъ и мирнымъ образомъ. Въ настоящее время, такими обстоятельствами въ сахарной торговлѣ слѣдуетъ признать необъясняемый прямыми коммерческими цѣлями вывозъ сахара за границу, предпринимаемый лишь какъ средство эксплуатаціи населенія имперіи, и слишкомъ высокую таможенную пошлину на сахаръ, не дающій этому населенію возможности пользоваться сахаромъ привознымъ. Препятствовать русскимъ сахарозаводчикамъ вывозить сахаръ за границу, если они находятъ для себя это выгоднымъ, нѣтъ ни малѣйшей надобности, но поощрять этотъ вывозъ, зная цѣль его, также нѣтъ основанія. По этому самой простой и естественной мѣрой была бы отмѣна возврата акциза за сахаръ, вывозимый по европейской границѣ, какъ онъ отмѣненъ по нѣкоторой части азіатской границы. Со временемъ, когда направленіе дѣятельности сахарозаводчиковъ измѣнится, когда вывозъ сдѣлается результатомъ развитія русской сахарной промышленности, будетъ служить ея дальнѣйшимъ успѣхамъ, а не фигурировать, какъ боевое средство противъ кармана обывателей,—льгота, въ томъ или другомъ размѣрѣ, можетъ быть возстановлена.

Но для нормальнаго положенія сахарной торговли одной отмѣны

возврата акциза недостаточно. Съ предоставленіемъ сахарозаводчикамъ права вывозить сахаръ за границу (воспрещеніе въ формѣ финансовой мѣры могло бы послѣдовать установленіемъ вывозной пошлины), населенію должна быть дана возможность пользоваться привознымъ сахаромъ, а это возможно лишь при коренномъ пониженіи сахарной пошлины. Какъ показано выше, пошлина на заграничный сахаръ установлена въ размѣрѣ 3 рублей золотомъ на песокъ и 4 р. зол. на рафинадъ, т.-е., при нынѣшнемъ курсѣ кредитнаго рубля, въ 4 р. 50 и 6 р. кредитныхъ, т.-е. въ размѣрѣ значительно превышающемъ заводскую стоимость продукта. Ясно, что такая пошлина, къ прямой невыгодѣ казны, имѣетъ значеніе полнаго запрещенія ввоза сахара. Желая ввести иностранный сахаръ въ Россію въ прошедшемъ году, министерство финансовъ испросило разрѣшеніе на уменьшеніе этой пошлины и, какъ было показано, получила ее въ размѣрѣ 1 р. 88 коп. кред. съ пуда, т.-е. въ размѣрѣ двухъ-пятыхъ пошлины, установленной тарифомъ. Для правильнаго развитія торговли мѣра случайная и временная должна быть обращена, къ равной выгодѣ и казны и населенія, въ постоянную. Размѣръ пошлины пришлось бы соразмѣрить съ установленнымъ на сахаръ акцизомъ въ размѣрѣ нѣсколько его превышающемъ. Это вызвало бы предпочтеніе русскаго сахара иностранному. Еслибы техническія условія нашихъ сахарныхъ заводовъ шли въ уровень съ иностранными, а цѣны сахара не обнаруживали бы попытки перейти въ „боевыя",—то заграничный сахаръ былъ бы устраненъ съ нашего рынка, и наоборотъ, отсталость производства или проявленіе алчности сахаро-промышленниковъ тотчасъ вызвало бы его появленіе, словомъ, установились бы должныя торговыя отношенія.

При нынѣ существующемъ акцизѣ: 1 рубль на сахарный песокъ и 1 р. 40 коп. на рафинадъ, пошлина на заграничный сахаръ могла бы быть опредѣлена въ 1 р. зол. на песокъ (1 р. 50 к. кр.) и въ 1 р. 20 коп. зол. на рафинадъ (1 р. 80 к. кредитныхъ). Съ конца этого-года предстоитъ измѣненіе акциза. По закону 12-го января прошлаго года, дополнительный акцизъ въ 40 коп. на рафинадъ, съ 1-го сентября 1893 года, отмѣняется и устанавливается на всѣ виды сахара однообразный акцизъ въ 1 р. 75 коп. Если это увеличеніе акциза останется въ силѣ, то и размѣръ пошлинъ нужно бы исчислить иначе. Едва ли однако было бы желательно исчислять ихъ въ полуторномъ размѣрѣ акциза. Было бы, повидимому, соотвѣтственно пользамъ населенія, безъ подрыва однако промышленности, назначить пошлину на песокъ въ размѣрѣ 1 р. 60 к. зол. (2 р. 40 коп. кр.), а на рафинадъ 1 р. 75 к. зол. (2 р. 62½ к. кред.).

Злоупотребленіе положеніемъ, явно проявляющееся въ нашей

сахарной промышленности, не только давно уже вызвало ропотъ населенія, но и обратило на себя серьезное вниманіе правительства. Оно удостовѣрено оффиціальными органами министерства финансовъ и вызвало, наконецъ, вышеуказанную мѣру. Зло такимъ образомъ указано, взвѣшено и измѣрено. Есть полное основаніе разсчитывать, что, наконецъ, будутъ приняты коренныя мѣры къ его устраненію. Это въ настоящее время тѣмъ болѣе важно, что предстоящее повышеніе акциза на сахаръ, помимо маневровъ сахарозаводчиковъ, подниметъ цѣну на этотъ весьма важный для народнаго питанія продуктъ.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1894 г.

Земство и продовольственное дѣло.—Продовольственныя ссуды или безвозвратныя пособія?—Замѣчанія губернской администраціи на земскія смѣты и раскладки. — Можно ли считать земскія учрежденія „низшими", подчиненными органами административной власти?—Приближеніе конца таможенной войны.

Новое земское положеніе 1890 г. не предрѣшило окончательно судьбу земскихъ учрежденій. Многое зависѣло отъ того, какъ оно будетъ пониматься и примѣняться на практикѣ, какъ отнесется къ нему съ одной стороны—административная власть, съ другой—само земство; многое зависѣло и отъ дальнѣйшаго движенія законодательства, въ областяхъ, смежныхъ съ земскимъ дѣломъ. Теперь, по прошествіи трехъ слишкомъ лѣтъ, можно сказать утвердительно, что всѣ эти условія слагаются не совсѣмъ благопріятно для земства. Мы видѣли уже [1]), какъ рѣзко измѣняетъ къ худшему положеніе земства новый законъ объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ; теперь мы узнаемъ, что ему предстоитъ другая, еще болѣе крупная потеря. По словамъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 26), коммиссія (подъ предсѣдательствомъ В. К. фонъ-Плеве), работавшая надъ пересмотромъ продовольственнаго устава, составила законопроектъ, сущность котораго заключается въ томъ, что продовольственная часть изъемлется изъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій и передается въ руки министерства внутреннихъ дѣлъ. Мѣстными органами его являются особыя губернскія и уѣздныя присутствія и земскіе начальники. Губернскія присутствія состоятъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющихъ казенною палатою и государственными имуществами, предсѣдателя и членовъ губернской земской управы и непремѣннаго члена губернскаго присутствія; уѣздное

[1]) См. 1893 г., сент., 344 стр.

присутствіе образуется, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы, исправника, податного испектора и всѣхъ земскихъ начальниковъ. „Уже однихъ этихъ краткихъ свѣденій" — восклицаютъ „Московсковскія Вѣдомости"—„вполнѣ достаточно, чтобы быть спокойнымъ за дальнѣйшую судьбу нашего продовольственнаго дѣла. Оно должно перейти въ вѣденіе учрежденій правительственныхъ — и передъ подавляющею важностью этого обстоятельства отступаютъ на второй планъ всѣ остальные вопросы продовольственной организаціи (о натуральныхъ запасахъ, о волостныхъ или сельскихъ магазинахъ и т. п.), чисто техническіе и гораздо болѣе простые, чѣмъ о нихъ думаютъ". Намъ кажется, наоборотъ, что именно это выдвиганіе на первый планъ внѣшней формы учрежденій, и только ея одной, ничего хорошаго въ будущемъ не обѣщаетъ. Важно не столько то, кто будетъ руководить продовольственнымъ дѣломъ, сколько то, изъ чего и какъ будутъ слагаться продовольственныя средства, на какомъ основаніи они будутъ выдаваться населенію. Мѣстные запасные магазины, пополняемые одними крестьянами, путемъ взноса натурой— или государственные хлѣбные склады, содержимые на счетъ всѣхъ сословій; срочныя ссуды — или безвозвратныя пособія: вотъ главные основные вопросы, вытекающіе изъ опыта послѣднихъ лѣтъ и несравненно болѣе серьезные, чѣмъ торжество администраціи надъ земствомъ. Законопроектъ, составленный коммиссіей В. К. фонъ-Плеве, не намѣчаетъ, повидимому, никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ организаціи продовольственнаго *дѣла*, возлагая всю надежду на новую организацію продовольственныхъ *учрежденій*. Съ точки зрѣнія московской газеты, это—великое достоинство законопроекта; съ нашей точки зрѣнія, это—существенный его недостатокъ.

Присмотримся поближе къ мотивамъ побѣднаго гимна, раздающагося на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей". Роковую ошибку послѣднихъ десятилѣтій московская газета усматриваетъ въ томъ, что государственная власть, въ дѣлѣ обезпеченія народнаго продовольствія, „играла роль скорѣе пассивнаго зрителя, чѣмъ правителя и вершителя, а въ активные дѣятели былъ призванъ земскій человѣкъ, у котораго не было для этого рѣшительно никакихъ данныхъ: ни административной опытности, ни государственнаго пониманія, ни необходимой власти, ни *интереса* въ правильной постановкѣ дѣла... Государственная власть, въ силу исконной связи своей съ крестьянствомъ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ оставить его безпомощнымъ въ бѣдствіи; поэтому государственная власть является наиболѣе заинтересованною въ правильной постановкѣ продовольственнаго дѣла, а слѣдовательно, именно ей долженъ принадлежать рѣшающій голосъ

какъ въ его устроеніи, такъ равно и въ постоянномъ его веденіи... Завѣдуя продовольственною частью, земство завѣдывало не *своимъ*, а *чужимъ* дѣломъ и, въ довершеніе бѣды, завѣдывало имъ безконтрольно, на правахъ хозяина". Что государственной власти, и только ей одной, принадлежитъ *устроеніе* продовольственнаго дѣла, т.-е. опредѣленіе основныхъ его началъ и главныхъ руководящихъ правилъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, да никогда никѣмъ и не оспаривалось; общее направленіе продовольственнаго дѣла никогда не ускользало изъ рукъ правительства. Совершенно иной вопросъ—непосредственное *веденіе* дѣла. Всѣ доводы, приводимые московской газетой противъ компетентности земства въ этой области, могутъ быть примѣнены съ такимъ же правомъ—или, лучше сказать, съ такимъ же отсутствіемъ права,—и къ другимъ отраслямъ земской дѣятельности. Если у земскихъ дѣятелей нѣтъ „административной опытности", то зачѣмъ же возлагать на нихъ какія бы то ни было административныя функціи? Если у нихъ нѣтъ „государственнаго пониманія", зачѣмъ призывать ихъ къ участію въ такихъ общегосударственныхъ задачахъ, какъ охраненіе народнаго здоровья и развитіе народнаго образованія? Если у нихъ нѣтъ интереса къ одной сторонѣ народной жизни, то на какомъ же основаніи предполагать въ нихъ интересъ къ другимъ, одинаково важнымъ? Отчего не замѣнить ихъ, во всемъ и вездѣ, обыкновенными чиновниками — отчего, другими словами, не положить конецъ существованію земскихъ учрежденій?.. Qui veut trop prouver, ne prouve rien; избытокъ усердія, свойственный реакціонной газетѣ, увлекъ ее слишкомъ далеко, такъ какъ упраздненіе земства не входитъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, въ ея программу... Дѣйствительность, конечно, вовсе не такова, какою изображаютъ ее „Московскія Вѣдомости". „Административною опытностью" и „государственнымъ пониманіемъ" земскіе дѣятели обладаютъ, въ среднемъ выводѣ, отнюдь не въ меньшей степени, чѣмъ чины мѣстной администраціи или предводители дворянства; *интересъ* къ благосостоянію населенія развитъ у первыхъ (опять-таки въ среднемъ выводѣ) даже больше, чѣмъ у послѣднихъ, по той простой причинѣ, что они тѣснѣе связаны съ мѣстностью и представляютъ собою всѣ классы населенія — въ томъ числѣ и тотъ, для котораго наиболѣе важно правильное разрѣшеніе продовольственныхъ вопросовъ.

Въ *веденіи* продовольственнаго дѣла необходимо различать два существенно-различные момента: образованіе хлѣбныхъ запасовъ и наблюденіе за ихъ полнотою и сохранностью—и выдачу продовольственныхъ ссудъ или пособій. Если въ первомъ отношеніи дѣятельность земскихъ учрежденій не вездѣ была вполнѣ удовлетворительною, то причина этому, нимало не зависѣвшая отъ земства, указана

самою московскою газетой. „Законодательство шестидесятыхъ годовъ, —читаемъ мы въ той же передовой статьѣ, — создало для земскихъ учрежденій (въ области продовольственнаго дѣла) совершенно невозможныя условія дѣятельности. Самостоятельность и независимость сельскихъ обществъ была поставлена столь высоко и недосягаемо, что земскія управы не имѣли въ своемъ распоряженіи рѣшительно никакихъ дѣйствительныхъ средствъ для того, чтобы заставить сельскія власти исполнять свои законныя требованія: они могли лишь писать свои распоряженія и замѣчанія, писать, писать и писать... безъ малѣйшаго прока". Ошибочна, въ этихъ словахъ, только ссылка на „самостоятельность и независимость" сельскихъ обществъ; къ исполненію *требованій власти* ихъ всегда можно было принудить— но въ томъ-то и дѣло, что земству не было предоставлено никакой *власти*, и поэтому никакихъ *требованій*, въ собственномъ смыслѣ слова, оно къ сельскимъ обществамъ предъявлять не могло. Въ чемъ же, затѣмъ, оно виновато, чѣмъ доказывается неспособность его къ завѣдыванію такимъ, сравнительно, простымъ дѣломъ, какъ засыпка и храненіе зерна въ запасныхъ магазинахъ?.. Что касается до раздачи ссудъ, то въ этомъ отношеніи земство имѣетъ безспорныя преимущества передъ всѣми другими властями, не исключая земскихъ начальниковъ. Ему всего легче восполнить, до извѣстной степени, недостатокъ мелкой всесословной административной единицы, призвавъ на помощь гласныхъ и другихъ мѣстныхъ жителей и организовавъ изъ ихъ среды мѣстныя попечительства, непосредственно соприкасающіяся съ нуждающимся населеніемъ. Образованныя земскимъ начальникомъ, попечительства являются *властью*, на которую не всегда безопасно жаловаться, дѣйствія которой не всегда удобно подвергать критикѣ; образованныя земствомъ, они никого не пугаютъ, не претендуя ни на безусловное повиновеніе, ни на непогрѣшимость. Безспорно, не всѣ земства, во время послѣднихъ неурожайныхъ годовъ, оказались на высотѣ трудной задачи; но пускай намъ назовутъ хоть одно изъ нихъ, которое допустило бы что-нибудь похожее на образъ дѣйствій лукояновской продовольственной коммиссіи. Эта коммиссія, въ первоначальномъ своемъ составѣ, совершенно совпадала съ проектируемымъ теперь уѣзднымъ продовольственнымъ присутствіемъ: предсѣдательствовалъ въ ней уѣздный предводитель дворянства, членами были земскіе начальники, исправникъ и—доведенные до полнаго ничтожества—предсѣдатель и члены земской управы. Какими цѣлями она задалась, какими средствами старалась ихъ достигнуть, какъ оборонялась отъ всякаго контроля, какъ смотрѣла на всякое заявленіе неудовольствія—объ этомъ еще недавно напомнила превосходная книга В. Г. Короленко: „Въ го-

лодный годъ". Случайнымъ элементомъ въ лукояновской исторіи можно признать только крайнія увлеченія коммиссіи, въ ея борьбѣ съ губернскимъ начальствомъ; все остальное—совершенно естественный результатъ соединенія функцій, по существу своему несоединимыхъ. Одно дѣло—приказывать и наказывать, другое—помогать; одно дѣло—распоряжаться, другое—самому работать надъ изслѣдованіемъ и облегченіемъ нужды. Одинаковыя условія всегда приводятъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Земскіе начальники, съ уѣзднымъ предводителемъ во главѣ, вездѣ составляютъ тѣсно сплоченную корпорацію, ревниво относящуюся къ своему престижу и солидарную, въ большинствѣ случаевъ, съ начальникомъ уѣздной полиціи; присоединенные къ такой корпораціи, предсѣдатель и члены уѣздной управы вездѣ окажутся столь же безсильными, какъ въ Лукояновѣ. Не вездѣ, конечно, они такъ легко примирятся съ своимъ безсиліемъ —но отъ ихъ протестовъ немного выиграетъ дѣло, тѣмъ болѣе, что и въ губернскомъ продовольственномъ присутствіи земскій элементъ будетъ обрѣтаться не въ авантажѣ. Не слѣдуетъ забывать, что нижегородская губернская продовольственная коммиссія пошла войной на Лукояновъ только тогда, когда онъ необдуманно поднялъ знамя бунта противъ губернскаго авторитета; до тѣхъ поръ лукояновскій духъ вѣялъ, съ бо́льшей или меньшей силой, по всей губерніи [1]...

Чтобы окончательно убѣдиться въ тщетѣ надеждъ, возлагаемыхъ на административное всевластіе въ продовольственномъ дѣлѣ, необходимо вспомнить еще одно, существенно важное обстоятельство. Неурожай 1891 г. поразилъ не однѣ только земскія губерніи; отъ него пострадали, между прочимъ, губерніи тобольская и оренбургская. Что же, лучше ли оказалось положеніе этихъ послѣднихъ губерній, больше ли онѣ были приготовлены къ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая, успѣшнѣе ли велась самая борьба? Нѣтъ; никакого превосходства губерній не-земскихъ надъ земскими опытъ 1891-92 года не обнаружилъ. Нигдѣ, можетъ быть, бѣдствіе не достигало такихъ размѣровъ, какъ именно въ оренбургской губерніи. „Общее количество голодныхъ въ моей епархіи"—писалъ, 6 января 1892 г., преосвященный оренбургскій и уральскій — „достигаетъ 60 тысячъ... Для утоленія голода люди ѣдятъ негодныя внутренности животныхъ, траву, корни камыша, даже глину. Помощь крайне слаба; даже получающіе ее сильно голодаютъ. Малютки до пяти лѣтъ какъ бы вовсе обречены на то, чтобы не жить; да и старшимъ-то при 15 фунтахъ въ мѣсяцъ нельзя прокормиться" [2]). 15 фунтовъ въ

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 5 „Вѣстн. Европы" за 1892 г.

[2]) См. Обществ. Хронику въ № 6 „Вѣстн. Европы" за 1892 г.

мѣсяцъ—это цифра совершенно „лукояновская"; въ огромномъ большинствѣ земскихъ губерній размѣры ссуды не спускались ниже 30 фун. въ мѣсяцъ, да и на дѣтей ссуда назначалась начиная не съ пяти, а съ двухъ или трехъ лѣтъ... Цѣлесообразнымъ, въ виду всего вышесказаннаго, мы можемъ признать предоставленіе администраціи только одной отрасли продовольственнаго дѣла: закупокъ хлѣба, когда онѣ превышаютъ извѣстную норму и должны быть произведены внѣ предѣловъ губерніи. Именно къ этой области относятся главнѣйшія ошибки, сдѣланныя земствомъ въ 1891-92 г.; и это вполнѣ понятно, такъ какъ здѣсь требуется, съ одной стороны, знакомство съ условіями хлѣбной торговли, рѣдко встрѣчающееся у земскихъ дѣятелей, съ другой стороны—обладаніе свѣдѣніями о положеніи хлѣбныхъ рынковъ и хлѣбныхъ цѣнъ, наиболѣе доступное для центральной администраціи.

Возставая противъ безвозвратныхъ продовольственныхъ пособій, какъ *системы*, „Московскія Вѣдомости" допускаютъ ихъ, какъ исключеніе изъ общаго правила. Онѣ ссылаются, по этому поводу, на одну оффиціальную записку, относящуюся къ началу пятидесятыхъ годовъ. „Опытъ показалъ, — сказано въ этой запискѣ, — что безвозвратныя пособія составляютъ одну изъ неблагопріятныхъ сторонъ всѣхъ страховыхъ учрежденій, поощряя, болѣе или менѣе, безпечность. При повтореніи чрезвычайныхъ неурожаевъ, безвозвратныя ссуды могли бы очень скоро истощить запасы". Руководясь этими соображеніями, тогдашнее министерство государственныхъ имуществъ отвергло способъ безвозвратныхъ пособій, какъ общую, огульную мѣру; но въ особенныхъ случаяхъ оно постоянно къ нему прибѣгало, выдавая безвозвратныя пособія отставнымъ, не обзаведшимся еще хозяйствомъ солдатамъ, солдаткамъ, семействамъ безсрочно-отпускныхъ солдатъ, призванныхъ на службу, бѣднымъ и престарѣлымъ и т. п. За восемь лѣтъ (1845—52) цифра такихъ пособій составила слишкомъ 900 тыс. четвертей, почти непрерывно возростая (въ 1845 г.—3 тыс., въ 1852 г.—199 тыс. четв.). Этотъ примѣръ московская газета признаетъ заслуживающимъ подражанія; ей нравится, что управленіе государственными крестьянами, *ничего не обѣщая* (курсивъ въ подлинникѣ), вводило безвозвратныя пособія постепенно, безъ всякаго риска. Само собою разумѣется, что лучше какія-нибудь безвозвратныя пособія, чѣмъ никакихъ; но это еще не значитъ, чтобы образъ дѣйствій, съ успѣхомъ практиковавшійся полвѣка тому назадъ, былъ и теперь наилучшимъ или единственнымъ возможнымъ. Въ пятидесятыхъ годахъ не былъ еще сдѣланъ опытъ обязательнаго страхованія отъ огня; теперь, когда онъ произведенъ въ обширныхъ размѣрахъ, едва-ли позволительно повторять, что „безвозвратныя

пособія составляютъ неблагопріятную сторону всѣхъ страховыхъ учрежденій, поощряя, болѣе или менѣе, безпечность". Гораздо правильнѣе было бы сказать, наоборотъ, что безвозвратныя пособія, составляя сущность всякаго страхованія, являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главнымъ его достоинствомъ. „Деревянная Россія" горитъ, правда, по прежнему, но не больше прежняго; самые пожары менѣе разорительны, благодаря повсемѣстному распространенію страхованія. Если у нѣкоторыхъ земствъ не образовалось до сихъ поръ запасныхъ страховыхъ капиталовъ, то это зависитъ отъ недостатковъ въ организаціи страхового дѣла, а не отъ „безпечности" страхователей; лучшее доказательство этому — значительные страховые капиталы, имѣющіеся на-лицо во многихъ земскихъ губерніяхъ. „Безпечности" страхованіе отъ огня не поощряетъ уже потому, что страховая сумма, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, далеко не возмѣщаетъ *всего* убытка, понесеннаго погорѣвшимъ крестьяниномъ. Не вознаградитъ страховая сумма и всего убытка отъ неурожая, предотвратить который населеніе, при страхованіи посѣвовъ, будетъ заинтересовано отнюдь не меньше, чѣмъ въ настоящее время. То же самое слѣдуетъ сказать и о безвозвратныхъ продовольственныхъ пособіяхъ другого рода, основанныхъ не на страховомъ началѣ. Какимъ бы путемъ ни были образованы продовольственные запасы или капиталы, предназначенные для выдачи безвозвратныхъ продовольственныхъ пособій—эти пособія всегда будутъ приближаться къ минимуму, едва обезпечивающему существованіе крестьянской семьи, и никогда, слѣдовательно, не будутъ имѣть характера преміи за „безпечность". Огромное преимущество безвозвратныхъ продовольственныхъ пособій—передъ продовольственными ссудами заключается въ томъ, что за несчастьемъ, постигшимъ крестьянина и только отчасти смягченнымъ земскою или правительственною помощью, не слѣдуетъ новое увеличеніе обязательныхъ платежей, благодаря чему пострадавшій получаетъ возможность сравнительно-скораго возвращенія къ прежнему состоянію. Это преимущество такъ важно, что нѣтъ никакого основанія пріурочивать его только къ нѣкоторымъ категоріямъ населенія—отставнымъ солдатамъ, одинокимъ старикамъ, бездѣтнымъ вдовамъ и т. п. Средній крестьянинъ сплошь и рядомъ страдаетъ отъ неурожая настолько сильно, что поддержать или возстановить его благосостояніе можетъ только безвозвратное пособіе, а отнюдь не ссуда, хотя бы и на льготныхъ условіяхъ... Между безвозвратными пособіями, какъ исключеніемъ, и безвозвратными пособіями, какъ общимъ правиломъ, существуетъ еще одно важное различіе. Въ первомъ случаѣ пособіе является чѣмъ-то въ родѣ *милостыни*, во второмъ — осуществленіемъ *права*. Въ первомъ случаѣ

назначеніе или неназначеніе его въ значительной степени зависитъ отъ произвола; во второмъ случаѣ условія назначенія опредѣляются закономъ. Отсюда не только бо́льшая увѣренность пострадавшихъ въ полученіи пособія, но и совершенно иное отношеніе къ нему. Далеко не одно и то же—просить о подачкѣ или заявлять о правѣ. Во время послѣднихъ неурожайныхъ годовъ въ реакціонной печати много, слишкомъ много говорилось о „деморализаціи", вносимой въ народъ щедрой раздачей продовольственныхъ *ссудъ;* не трудно угадать, какіе вопли поднялись бы, въ той же печати, противъ щедрой раздачи *пособій*, основанныхъ единственно на „усмотрѣніи". Другое дѣло—пособія, основанныя на законѣ, на общей для всѣхъ системѣ; о деморализующемъ ихъ вліяніи точно такъ же не можетъ быть и рѣчи, какъ о деморализующемъ вліяніи страховыхъ суммъ, получаемыхъ за сгорѣвшія постройки.

Ограниченіе сферы дѣйствій земскихъ учрежденій—только одна изъ сторонъ анти-земскаго движенія, все болѣе и болѣе усиливающагося въ послѣднее время. Въ исполненіи функцій, оставляемыхъ за земствомъ, оно должно быть, по теоріи его противниковъ, какъ можно болѣе зависимымъ, какъ можно менѣе самостоятельнымъ и свободнымъ. Его выставляютъ чѣмъ-то въ родѣ расточительнаго или, по меньшей мѣрѣ, нерадиваго хозяина, котораго давно пора взять подъ самую строгую опеку. Главнымъ аргументомъ въ пользу этой темы служитъ неудовлетворительное, во многихъ губерніяхъ и уѣздахъ, состояніе земскихъ финансовъ. Задолженность земствъ, перевѣсъ расходовъ надъ доходами, быстрый ростъ недоимокъ — все это приписывается непроизводительнымъ затратамъ, непомѣрно возвышающимъ цифру земскихъ сборовъ. „Земскія учрежденія,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости",—идутъ по той же ложной дорогѣ, на которую выступили съ самаго основанія. Несмотря на *хозяйственный* характеръ своей дѣятельности, они прежде всего плохіе, неисправимо плохіе хозяева, такъ какъ не умѣютъ слѣдовать первымъ и основнымъ правиламъ хорошаго хозяйства — жить по средствамъ и умѣть различать потребности по степени ихъ насущности и необходимости". Единственное спасеніе московская газета видитъ, какъ и всегда, въ административномъ вмѣшательствѣ, въ усиленіи контроля надъ земствомъ, въ принудительномъ сокращеніи земскихъ расходовъ. Она привѣтствуетъ недавній циркуляръ министра финансовъ, предлагающій управляющимъ казенными палатами сообщать губернаторамъ „обстоятельныя соображенія о степени соотвѣтствія между производимыми земствомъ расходами и состояніемъ его де-

нежныхъ средствъ, а также и по другимъ важнѣйшимъ вопросамъ земскаго хозяйства". Этотъ циркуляръ, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", „долженъ напомнить кому слѣдуетъ, что *вся безъ остатка* (курсивъ въ подлинникѣ) платежная способность населенія всецѣло принадлежитъ государству".

Нетрудно замѣтить, въ чемъ заключается коренное заблужденіе московской газеты. Упершись въ одну точку, она не хочетъ видѣть ничего другого; заранѣе рѣшивъ, что земство производитъ много лишнихъ расходовъ, она не придаетъ никакого значенія главнымъ причинамъ земскихъ финансовыхъ затрудненій—ограниченности предметовъ и предѣловъ земскаго обложенія и порядку взысканія земскихъ сборовъ и недоимокъ [1]). Вслѣдствіе льготныхъ условій, созданныхъ закономъ 21-го ноября 1866 г. для промышленности и торговли, вслѣдствіе нераспространенія земскихъ сборовъ на многіе источники дохода, которые ничто не мѣшало бы привлечь къ земскому обложенію, тяжесть послѣдняго падаетъ преимущественно на землю, часть которой—состоящая во владѣніи крестьянскихъ обществъ—безъ того уже несетъ на себѣ крупное податное бремя. Это способствуетъ, конечно, накопленію недоимокъ—но еще больше, можетъ быть, онѣ ростутъ вслѣдствіе того, что принудительное ихъ взысканіе, по отношенію къ большинству личныхъ землевладѣльцевъ, почти вовсе не существуетъ. Настоять на томъ, чтобы полиція приступила къ описи и продажѣ помѣщичьяго имѣнія, земскимъ управамъ почти никогда не удается, какъ бы велики ни были размѣры недоимки, какъ бы ясно ни было систематическое уклоненіе владѣльца отъ уплаты земскихъ сборовъ. Это признаютъ даже сотрудники „Московскихъ Вѣдомостей"; одинъ изъ нихъ, г. Преображенскій (№ 26), именно этимъ мотивируетъ необходимость передать взиманіе повинностей съ частныхъ владѣльцевъ изъ рукъ полиціи въ руки податныхъ инспекторовъ, „какъ лицъ болѣе самостоятельныхъ, назначаемыхъ, притомъ, не мѣстною властью, а министерствомъ". Между тѣмъ постоянный ростъ недоимокъ составляетъ самое больное мѣсто земскихъ финансовъ; взыскавъ хотя бы только третью или четвертую ихъ часть, многія земства возстановили бы вполнѣ равновѣсіе своего бюджета [2]).

---

[1] Мы говоримъ здѣсь о причинахъ *постоянныхъ* и *повсемѣстныхъ*; временнымъ, но весьма существеннымъ ихъ усложненіемъ послужили, во многихъ мѣстахъ, неурожаи 1891 и 1892 г.

[2]) Приведемъ, для примѣра, слѣдующія цифры по одному изъ уѣздовъ петербургской губерніи (лужскому), положеніе котораго не представляетъ собою ровно ничего исключительнаго. На 1-е января 1893 г. за лужскимъ земствомъ числилось долговъ и невыполненныхъ расходовъ около 43 тыс. рублей—а недоимокъ земскаго сбора состояло, къ тому же времени, болѣе 183 тыс. рублей (въ томъ числѣ на лич-

Понятно, что усилія земствъ направлены именно въ эту сторону; понятно, что земскія собранія не рѣшаются сократить производительные расходы, пока у нихъ есть хоть какая-нибудь надежда на иной, болѣе нормальный выходъ изъ тяжелаго финансоваго положенія. Безспорно, производительность расхода—понятіе относительное. Бюрократу-рутинеру можетъ показаться непроизводительнымъ расходъ на земскую статистику, на содѣйствіе экономическому прогрессу населенія; сторонникъ невѣжества и безграмотности можетъ отрицать пользу расходовъ на земскую начальную школу—но нельзя же ожидать, чтобы земство, хотя и преобразованное, сразу усвоило себѣ воззрѣнія рутинеровъ и обскурантовъ. Быть можетъ, оно и встанетъ когда-нибудь подъ знамя „Московскихъ Вѣдомостей"—но для этого нужно еще очень и очень потрудиться надъ измѣненіемъ его состава, надъ искорененіемъ традиціоннаго „земскаго духа"... Не знаемъ, что́ будетъ дальше—но покамѣстъ взгляды „Московскихъ Вѣдомостей" еще не совпадаютъ даже со взглядами администраціи. Перечисляя мнимыя ошибки и увлеченія земства, московская газета ставитъ, между прочимъ, въ его пассивъ „какой-то сложный проектъ о введеніи института земскихъ агрономовъ-экспертовъ", только-что принятый тамбовскимъ губернскимъ земствомъ,—а въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" (№ 30) появляется, почти въ то же самое время, статья о „земскихъ агрономахъ въ вятской губерніи", какъ нельзя болѣе сочувственно относящаяся къ этому виду земской дѣятельности. Поменьше усердія, господа газетные противники земства!

Циркуляръ министра финансовъ, о которомъ упоминаютъ „Московскія Вѣдомости", основанъ на ст. 13 Правилъ о земскихъ смѣтахъ и раскладкахъ, составляющихъ приложеніе къ ст. 6 земскаго Положенія 1890 г. Земскія смѣты и раскладки, за силою этой статьи, сообщаются управляющему казенною палатою, который замѣчанія свои на нихъ препровождаетъ на усмотрѣніе губернатора. Губернаторъ, по ст. 14 тѣхъ же правилъ, возраженія свои противъ уѣздныхъ земскихъ смѣтъ и раскладокъ предлагаетъ губ. земскому собранію; дальнѣйшій ходъ дѣла, равно какъ и порядокъ разсмотрѣнія замѣчаній губернатора на губернскія смѣты и раскладки,

---

ныхъ землевладѣльцевъ—болѣе 75 тыс. руб.). А вотъ что сказано въ докладѣ ревизіонной коммиссіи, представленномъ лужскому уѣздному земскому собранію въ ноябрѣ 1893 г.: „на многихъ имѣніяхъ цифра недоимокъ превышаетъ окладъ въ 10, 20 и болѣе разъ; есть имѣнія, по которымъ ничего или почти ничего не платилось съ самаго основанія земскихъ учрежденій. На одной лѣсной дачѣ, напр., при окладѣ въ 800 руб. накопилось недоимки 7.566 руб., на другой, при окладѣ въ 120 р.— 2.556 руб.". Весьма часто недоимки превосходятъ цѣнность имѣнія, и продажа его съ публичнаго торга, если она, наконецъ, и состоится, не покрываетъ долга земству, который такъ легко было погасить своевременнымъ взысканіемъ.

опредѣляется ст. 88—94 Земскаго Положенія [1]). Судя по примѣру петербургской губерніи, можно предполагать, что на практикѣ замѣчанія управляющихъ казенными палатами будутъ направлены не столько противъ „непроизводительныхъ расходовъ", сколько противъ неточнаго опредѣленія тѣхъ или другихъ статей доходной смѣты. Правила 1890 г. (ст. 5) разрѣшаютъ земскимъ собраніямъ обращать на покрытіе исчисленныхъ по смѣтѣ расходовъ недоимки по земскимъ сборамъ, *признаваемыя благонадежными къ поступленію въ предстоящемъ смѣтномъ году*. Нѣкоторыми изъ числа уѣздныхъ земскихъ собраній петербургской губерніи поступленія недоимокъ на 1894 г. были предположены въ такомъ размѣрѣ, на который, судя по опыту послѣднихъ лѣтъ, можно было разсчитывать только съ большимъ рискомъ, съ весьма малой долей вѣроятности. Это было указано въ замѣчаніяхъ губернатора, основанныхъ на сообщеніи управляющаго казенной палатой—и губернское земское собраніе согласилось съ тѣмъ, что цифры ожидаемаго поступленія недоимокъ должны быть понижены, а цифры оклада земскаго сбора—соотвѣтственно повышены. *Такія* поправки не угрожаютъ стройности и полнотѣ земскаго хозяйства, не стѣсняютъ дѣятельности земства и не имѣютъ ничего общаго съ передѣлками и пертурбаціями, рекомендуемыми реакціонной печатью.

Замѣчанія управляющаго петербургской казенной палатой коснулись еще одного вопроса, довольно интереснаго и спорнаго. Статья 3-я Правилъ о смѣтахъ и раскладкахъ *требуетъ* внесенія въ смѣту суммы на непредвидѣнные издержки и недоборы въ доходахъ, въ размѣрѣ не свыше пяти процентовъ общаго итога расходовъ (а съ разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ—и свыше этого предѣла). Въ смѣты нѣкоторыхъ уѣздовъ петербургской губерніи эта сумма была внесена въ размѣрѣ далеко меньшемъ, чѣмъ максимальные пять процентовъ. Управляющій казенною палатой и губернаторъ нашли, что въ виду постояннаго и крупнаго недобора доходовъ, замѣчаемаго въ этихъ уѣздахъ, цифра отчисленія на недоборъ и на непредвидѣнныя издержки должна быть повышена. Въ губернскомъ земскомъ собраніи мнѣнія раздѣлились. Одни находили, что размѣръ отчисленія, дѣлаемаго земствомъ на основаніи ст. 3, зависитъ исключительно и всецѣло отъ самого земства, лишь бы оно не выходило за предѣлы максимальныхъ пяти процентовъ; другіе

[1]) На основаніи этихъ статей протесты губернатора, мотивированные нарушеніемъ закона, разрѣшаются губ. по земск. дѣламъ присутствіемъ—въ первой инстанціи, сенатомъ—во второй, а протесты, мотивированные нецѣлесообразностью постановленія—государственнымъ совѣтомъ или комитетомъ министровъ, смотря по тому, могутъ ли они или не могутъ имѣть послѣдствіемъ возвышеніе земскаго обложенія.

полагали, что цѣлесообразность земскаго постановленія по этому вопросу, какъ и по всякому иному, можетъ быть оспариваема администраціей. Формальнаго голосованія произведено не было, но большинство губернскихъ гласныхъ склонялось, повидимому, на сторону перваго мнѣнія; въ цифрахъ отчисленія, установленныхъ уѣздными земскими собраніями, никакихъ перемѣнъ губернскимъ собраніемъ не сдѣлано. Мы думаемъ, что именно такъ и слѣдовало поступить губернскому земству. Протесты противъ земскихъ смѣтъ, по новому земскому положенію, регулируются тѣми же правилами, какъ и протесты противъ другихъ земскихъ постановленій. За силою этихъ правилъ, постановленіе земскаго собранія, ни въ чемъ не противное закону, можетъ быть опротестовано губернаторомъ только тогда, когда онъ найдетъ его несоотвѣтствующимъ общимъ государственнымъ нуждамъ и пользамъ, или явно нарушающимъ интересы мѣстнаго населенія (ст. 91). *Общегосударственнымъ* нуждамъ и пользамъ постановленіе о размѣрахъ отчисленія на непредвидѣнныя издержки и на недоборъ въ доходахъ никогда, очевидно, противорѣчить не можетъ; трудно представить себѣ и такія условія, при которыхъ оно *явно* нарушало бы интересы мѣстнаго населенія. Отъ того, будетъ ли назначено на вышеупомянутый предметъ два или три, четыре или пять процентовъ, ничего существеннаго не зависитъ, никакой замѣтной перемѣны къ лучшему или къ худшему произойти не можетъ.

Мы замѣтили уже, въ началѣ обозрѣнія, что многое въ дѣятельности преобразованнаго земства зависѣло и зависитъ отъ его собственнаго взгляда на свое новое положеніе. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что земскія собранія и управы станутъ считать себя, какъ ихъ къ тому усердно приглашаетъ реакціонная пресса, *низшими органами* государственной власти. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого взгляда будетъ отреченіе отъ всякой иниціативы, стараніе приспособиться къ чужимъ желаніямъ, пассивное ожиданіе приказаній или внушеній. Земскія учрежденія обратятся, de facto, въ присутственныя мѣста, ничѣмъ не отличающіяся отъ всѣхъ остальныхъ. Рано или поздно фикція, никому не нужная и ни къ чему не ведущая, будетъ отброшена: земскія управы войдутъ въ составъ губернскаго или уѣзднаго управленія, земскія собранія превратятся въ съѣзды землевладѣльцевъ, съ совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ мѣстнаго обложенія. Чтобы избѣжать такого печальнаго конца, земство должно помнить свои права и постоянно пользоваться ими. Это въ особенности важно для земскихъ управъ, самостоятельность которыхъ, при дѣйствіи новаго положенія, обезпечена гораздо меньше, чѣмъ самостоятельность земскихъ собраній. Гласные никѣмъ не

утверждаются, на службѣ не числятся, дисциплинарной отвѣтственности по усмотрѣнію административной власти не подвергаются—и все-таки въ земскихъ собраніяхъ раздаются иногда голоса, принципіально отрицающіе возможность разногласія съ администраціей [1]). Еще легче подобныя воззрѣнія могутъ найти себѣ почву въ средѣ земскихъ управъ, члены которыхъ, по ст. 124 новаго земскаго положенія, считаются состоящими на государственной службѣ. „Мы—чиновники, мы носимъ вице-мундиръ, мы не можемъ идти противъ начальства", — вотъ что намъ не разъ уже случалось слышать отъ предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ. Такое самоуничиженіе основано, какъ намъ кажется, на незнаніи или непониманіи закона. Наиболѣе существенные признаки подчиненности, въ административной сферѣ—это, съ одной стороны, обязанность безпрекословнаго повиновенія, съ другой—право отмѣны, собственною властью, распоряженія, сдѣланнаго подчиненнымъ. Этихъ признаковъ отношенія между губернаторомъ и земской управой не представляютъ. По закону (Зем. Полож. 1890 г. ст. 103, 129, 130), если губернаторъ найдетъ въ дѣйствіяхъ управы что-либо неправильное, онъ предлагаетъ ей о возстановленіи нарушеннаго порядка. Управа, если встрѣтитъ затрудненія къ исполненію такого предложенія, представляетъ о томъ губернатору, который передаетъ дѣло на разрѣшеніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія. Рѣшеніе присутствія обязательно для управы и можетъ быть обжаловано лишь земскимъ собраніемъ, въ порядкѣ, указанномъ ст. 89 Положенія (т.-е. въ прав. сенатъ). Отсюда ясно, что земскія управы, въ отличіе отъ другихъ „низшихъ органовъ власти", вовсе не *подчинены* губернатору, въ обычномъ смыслѣ этого слова. Не подчиненъ тотъ, кто имѣетъ право отказаться отъ исполненія предъявленнаго къ нему требованія; не подчиненъ тотъ, по чьей иниціативѣ можетъ быть принесена жалоба на рѣшеніе коллегіальной власти, подтвердившее обязательность требованія. Замѣтимъ, что право возраженія и жалобы не обусловлено, въ данномъ случаѣ, *незаконностью* требованія. Стоитъ только управѣ усмотрѣть какія-либо *затрудненія* въ исполненіи требованія—и она можетъ перенести дѣло на разрѣшеніе губ. по земскимъ дѣламъ присутствія; стоитъ только земскому собранію найти, что рѣшеніе присутствія *неправильно*—и оно можетъ обжаловать его сенату. Составленіе и принесеніе жалобы, въ такихъ случаяхъ, возложено закономъ на земскую управу, что опять-таки не

---

[1]) Припомнимъ слова одного изъ гласныхъ саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія: „Земство теперь учрежденіе казенное, подчиненное губернатору. Идти противъ прямого начальства—неудобно и неловко. Мы теперь чиновники, обязаны подчиняться начальству" (см. Обществ. Хронику въ № 5 „В. Европы" за 1892 г.).

согласуется съ мыслью о *подчиненіи* ея губернатору... Намъ могутъ замѣтить, что права, предоставленныя управѣ ст. 103 новаго земскаго положенія, парализуются ст. 133—135 того же закона, по которымъ губернаторъ можетъ привлекать, а губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе и совѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ—подвергать предсѣдателей и членовъ управъ дисциплинарной отвѣтственности, доходящей до удаленія отъ должности. Это справедливо въ томъ смыслѣ, что опасеніе отвѣтственности можетъ стѣснить земскихъ дѣятелей—если въ нихъ недостаточно развито гражданское мужество и чувство долга—въ пользованіи правами, предоставленными имъ закономъ; но сущность и объемъ правъ отъ этого не измѣняются. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, что въ совершенно законномъ отказѣ управы исполнить требованіе губернатора или въ столь же законномъ ея предложеніи обжаловать рѣшеніе согласившагося съ губернаторомъ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія будетъ усматриваться нѣчто въ родѣ проступка, подлежащаго дисциплинарной карѣ... Мы вообще слишкомъ мало и слишкомъ рѣдко пользуемся нашими правами. Отъ земскихъ дѣятелей слѣдуетъ ожидать, въ этомъ отношеніи, хорошаго примѣра—такого же хорошаго, какъ тотъ, который неоднократно подавали ихъ предшественники. Правда, обстоятельства были тогда гораздо болѣе благопріятны; но мы старались показать, что и теперь возможность „законнаго сопротивленія" на земской почвѣ устранена не безусловно.

Таможенная война между Россіей и Германіей близка, повидимому, къ желанному, миролюбивому концу—желанному для громадной массы обоихъ народовъ. По обѣ стороны границы раздаются страстные протесты противъ достигнутаго соглашенія — но это протесты частныхъ интересовъ, затронутыхъ проектомъ договора и не имѣющихъ ничего общаго съ государственною пользой. „Германія ликуетъ!" —это сенсаціонное заглавіе газетной статьи, написанной однимъ изъ нашихъ агитаторовъ, можетъ служить девизомъ всей агитаціи. „Ликованіе" Германіи—далеко, притомъ, не всеобщее и не единодушное—выставляется доказательствомъ тому, что Россія должна посыпать главу пепломъ и облечься въ трауръ. Этотъ жалкій софизмъ заранѣе опровергнутъ „Вѣстникомъ финансовъ, промышленности и торговли", въ сообщеніи, напечатанномъ одновременно съ текстомъ договора. По справедливому замѣчанію „Вѣстника", „подписаніе трактата, послѣ упорной и продолжительной борьбы, могло воспослѣдовать лишь при обоюдномъ убѣжденіи договаривающихся сторонъ, что постановленія, въ трактатѣ содержащіяся, выгодны для каждой изъ нихъ. Посему

выгодность условій трактата для Германіи нимало не исключаетъ таковую же выгодность для Россіи, и обратно. Вообще, трактатъ, заключенный на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, можетъ удовлетворять своему назначенію, какъ государственному акту успокоенія и умиротворенія, только въ томъ случаѣ, если онъ обоюдно выгоденъ и полезенъ, а слѣдовательно и не можетъ давать поводовъ къ неудовольствіямъ дѣйствительно основательнымъ". Это — истины элементарныя; но „Вѣстникъ Финансовъ" имѣлъ основаніе о нихъ напомнить. Онъ предвидѣлъ, что односторонніе защитники узкихъ, мелкихъ интересовъ не отступятъ передъ обращеніемъ къ узкой, мелкой сторонѣ патріотизма, передъ попыткой доказать, что интересы одного народа могутъ быть ограждены только въ ущербъ интересамъ другого...

Въ печальной и вмѣстѣ съ тѣмъ комической картинѣ, представляемой суетою нашихъ газетныхъ ультра-протекціонистовъ, поразительна, между прочимъ, та безцеремонность, съ которою отбрасываются въ сторону краеугольные камни ретрограднаго катехизиса [1]). Непогрѣшимость высшей администраціи, не нуждающейся ни въ указаніяхъ, ни въ совѣтахъ, некомпетентность общества въ государственныхъ вопросахъ, низведеніе „общественнаго содѣйствія" на степень молчаливаго согласія и благодарнаго послушанія—всѣ эти обычные тезисы реакціонной прессы теперь не только забыты ею, но замѣнены прямо противоположными. „Ликуетъ ли Петербургъ",—читаемъ мы въ статьѣ о „ликованіяхъ" Германіи—„по поводу *удачно* (курсивъ въ подлинникѣ) оконченнаго имъ дѣла, въ которомъ *онъ одинъ* (id.) взялся говорить за русскую промышленность и за русское земледѣліе?.. Многочисленные и вліятельные даже здѣсь въ Петербургѣ круги, сильные знаніемъ и опытностью, твердо стоящіе на почвѣ экономической самостоятельности Россіи, — та самая публика, которая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, при открытіи таможенной войны, такъ рукоплескала извѣстному докладу М. И. Кази въ Обществѣ содѣйствія русской промышленности, — эти круги, эта публика ужъ конечно не ликуютъ... Безусловно стоятъ за договоръ тѣ, кто, въ той или другой степени, чувствуютъ себя какъ бы отвѣтственными за договоръ и его послѣдствія, хотя бы въ томъ отношеніи, что они стояли за сохраненіе берлинскихъ переговоровъ въ полной таинственности, *съ устраненіемъ*, такимъ образомъ, *голоса народа въ вопросѣ затрогивающемъ самые корни его благосостоянія*". Итакъ, Петербургъ (читай: высшая администрація, сосредоточенная въ Петербургѣ) не

---

[1]) Въ московскомъ газетномъ мірѣ ультра-протекціонизмъ и политическій обскурантизмъ сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое.

долженъ брать исключительно на себя рѣшеніе важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ; онъ долженъ выслушивать *голосъ народа*, долженъ сообразоваться съ взглядами людей, *сильныхъ знаніемъ и опытностью*, хотя бы они и не принадлежали къ правящимъ сферамъ. Вотъ къ какимъ еретическимъ выводамъ приводитъ пламенное увлеченіе интересами фабрикантовъ! Примемъ ихъ къ свѣденію, запомнимъ ихъ на тотъ случай, если, по минованіи надобности въ „вольныхъ мысляхъ“, московская газета опять затянетъ свою обычную пѣсню...

Къ какимъ средствамъ прибѣгаетъ агитація, чтобы достигнуть своей цѣли—объ этомъ даетъ понятіе конецъ все той же статьи: „Германія ликуетъ“. Указавъ на опасность неутвержденія договора германскимъ рейхстагомъ и подчеркнувъ надежду, возлагаемую защитниками договора на непреклонную волю императора Вильгельма II, авторъ статьи восклицаетъ: „какъ-то странно и даже жутко слушать здѣсь, въ Петербургѣ, на русской почвѣ, отъ русскихъ подданныхъ, эти увѣренія, что рѣшеніе крупнаго внутренняго вопроса въ Россіи—вопроса всей нашей торговой политики, нашей экономической жизни,—зависитъ въ окончательномъ выводѣ отъ *нѣмецкаго собранія* (курсивъ въ подлинникѣ); странно слушать эти ссылки на непоколебимую волю *германскаго* (id.) государя“. Странно, на самомъ дѣлѣ, только одно: удивленіе, что судьба *международнаго* трактата зависитъ не отъ одного изъ заинтересованныхъ государствъ, а отъ обоихъ. Воля германскаго государя — въ совокупности съ дополняющей ее волей германскаго законодательнаго собранія—имѣетъ, въ данномъ случаѣ, точно такое же значеніе, какъ и воля государя русскаго; и это не можетъ быть иначе, потому что договоръ, въ международномъ правѣ точно такъ же какъ и въ частномъ, есть соглашеніе одной самостоятельной воли съ другою, столь же самостоятельною. Это, конечно, понимаетъ и московская газета; но ей нужно раздразнить національное тщеславіе, въ самой элементарной, полу-сознательной его формѣ—и вотъ, рядомъ съ картиной ликующей Германіи рисуется картина нѣмецкаго собранія и нѣмецкаго государя, гордѣливо диктующихъ законы русскому правительству...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта 1894.

Экономическій миръ съ Германіею. — Отношеніе къ русско-германскому торговому трактату у нѣмцевъ и у насъ.—Разногласія и перемѣны въ отзывахъ нашей печати. —Подъемъ и упадокъ промышленнаго патріотизма.—Два мнѣнія о причинахъ вооруженій въ Европѣ.

Происходившіе въ Берлинѣ переговоры между представителями Германіи и Россіи по таможенному вопросу закончились вполнѣ благополучно: 29-го января (10-го февраля) подписанъ окончательный проектъ русско-германскаго трактата о торговлѣ и мореплаваніи. Это событіе, встрѣченное съ живѣйшимъ сочувствіемъ всѣми сторонниками мирнаго развитія международныхъ сношеній, возбудило сильное неудовольствіе среди лицъ и кружковъ, заинтересованныхъ въ безусловномъ устраненіи или подрывѣ иностранной конкурренціи. Нѣмецкіе крупные землевладѣльцы, „аграріи“, энергически протестуютъ противъ пониженія пошлинъ на русскіе земледѣльческіе продукты, точно такъ же, какъ наши московскіе фабриканты, съ своей стороны, горько жалуются на облегченіе ввоза нѣмецкихъ фабричныхъ издѣлій. Противники договора въ Германіи имѣли, однако, возможность не только высказывать свои возраженія, но и давать имъ политическую силу при посредствѣ имперскаго сейма, такъ какъ заключенный трактатъ нуждался еще въ санкціи парламента. Поэтому нѣмецкое общественное мнѣніе чрезвычайно интересовалось разыгравшеюся борьбою партій по поводу договора,—борьбою, которая горячо велась въ печати и затѣмъ перешла въ имперскій сеймъ. Парламентскія пренія, открывшіяся въ засѣданіи 26-го (14-го) февраля длинною рѣчью графа Мирбаха, отличались необыкновенною страстностью. Такъ называемые консерваторы рѣзко нападали на правительство, на канцлера Каприви и на министровъ, обвиняли ихъ въ отступленіи отъ существенныхъ основъ тройственнаго союза и въ ненужномъ ухаживаніи за Россіею, при чемъ язвительно ставили имъ въ примѣръ князя Бисмарка, который, будто бы, всегда съ неизмѣнною настойчивостью защищалъ экономическіе интересы страны и не допускалъ въ этомъ отношеніи никакихъ компромиссовъ. Съ такою же энергіею отстаивали выгодность и необходимость договора представители средняго промышленнаго класса, національ-либералы и прогрессисты

У насъ, конечно, нѣтъ и не можетъ быть подобной борьбы мнѣній и интересовъ,—и вопросъ разрѣшается безповоротно уже однимъ тѣмъ фактомъ, что извѣстное рѣшеніе принято правительствомъ. На это обстоятельство прямо указано было въ оффиціальномъ органѣ нашего министерства финансовъ. „Естественно — говоритъ нашъ „Вѣстникъ финансовъ, торговли и промышленности", —что всякое международное торговое соглашеніе затрогиваетъ разнообразные и подчасъ противоположные интересы отдѣльныхъ группъ населенія, и примиреніе этихъ интересовъ представляетъ, при нѣкоторыхъ формахъ государственнаго устройства, немаловажныя затрудненія, а иногда оказывается и совершенно невозможнымъ отвлечься отъ интересовъ частныхъ въ цѣляхъ общегосударственныхъ. Въ семъ отношеніи русское правительство могло дѣйствовать въ настоящихъ переговорахъ съ существеннымъ преимуществомъ, непрестанно сообразая отдѣльныя условія договора съ пользами и видами общегосударственными. Такая основа дѣйствій порождаетъ и достаточную увѣренность въ томъ, что условія трактата гарантируютъ именно то сочетаніе интересовъ, при которомъ гармоническое развитіе хозяйственной жизни страны можетъ слѣдовать съ наибольшимъ успѣхомъ. Единственно съ точки зрѣнія общегосударственнаго интереса можетъ воспослѣдовать и правильная оцѣнка выгодности для Россіи подписаннаго нынѣ торговаго трактата" (№ 5, отъ 30-го января 1894 г.). Само собою разумѣется, что то или другое пониманіе государственныхъ интересовъ можетъ оказаться ошибочнымъ, одностороннимъ или неполнымъ; господствующіе взгляды могутъ зависѣть отъ разныхъ перемѣнчивыхъ вліяній и обстоятельствъ, и сегодняшнее пониманіе можетъ противорѣчить тому, которое существовало вчера,—хотя общіе интересы страны остаются тѣ же самые. Весьма нерѣдко частные промышленные интересы съ успѣхомъ выдавались за государственные и клались въ основу экономической политики, вслѣдствіе нѣкотораго смѣшенія понятій; такъ было, между прочимъ, въ прежней организаціи желѣзно-дорожнаго дѣла, въ заботахъ объ обезпеченіи и увеличеніи доходности сахарныхъ заводовъ на казенный и общественный счетъ и т. п. Особенно трудно разграничивать частныя выгоды отъ государственныхъ при системѣ протекціонизма, поддерживающей своекорыстныя монопольныя стремленія крупной промышленности силами и средствами государства. Съ этой точки зрѣнія нынѣшній договоръ съ Германіею представляетъ собою серьезный шагъ къ побѣдѣ государственныхъ интересовъ надъ частными, и потому онъ одинаково выгоденъ для обѣихъ сторонъ, несмотря на протесты нѣмецкихъ аграріевъ и нашихъ фабрикантовъ.

„Несомнѣнно,—замѣчаетъ справедливо „Вѣстникъ финансовъ",—

что подписаніе трактата, послѣ упорной и продолжительной борьбы, могло воспослѣдовать лишь при обоюдномъ убѣжденіи договаривающихся сторонъ, что постановленія, въ трактатѣ содержащіяся, выгодны для каждой изъ нихъ. Посему выгодность условій трактата для Германіи ни мало не исключаетъ таковую же выгодность для Россіи и обратно. Было бы вполнѣ ошибочно изъ полезности договора для одной стороны заключать о безвыгодности его для другой. Вообще трактатъ, заключенный на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, можетъ удовлетворять своему назначенію, какъ государственному акту успокоенія и умиротворенія, только въ томъ случаѣ, если онъ обоюдно выгоденъ и полезенъ, а слѣдовательно и не можетъ давать поводовъ къ неудовольствіямъ, дѣйствительно основательнымъ". Обѣ стороны дѣлали лишь тѣ уступки, безъ которыхъ не могло бы состояться заключеніе договора, а такъ какъ всякій миръ былъ неизмѣримо лучше безъисходнаго разлада и разрыва, то результатъ долженъ считаться благопріятнымъ для Россіи и для Германіи. Преимущество нашего финансоваго вѣдомства при веденіи переговоровъ заключалось не столько въ бо̀льшей легкости примиренія противоположныхъ интересовъ различныхъ отраслей нашей промышленности, сколько въ возможности игнорировать существующія у насъ разногласія и не придавать значенія газетнымъ и общественнымъ толкамъ и мнѣніямъ. Эти толки и мнѣнія обыкновенно слѣдуютъ за направленіемъ вѣтра и не имѣютъ ни устойчивости, ни самостоятельности; они легко и быстро мѣняются сообразно предполагаемымъ мыслямъ и намѣреніямъ оффиціальныхъ дѣятелей, — какъ это краснорѣчиво показала наша „патріотическая" печать за послѣдніе мѣсяцы, во время всего хода и завершенія берлинскихъ переговоровъ. Германское общественное мнѣніе не обладаетъ такими свойствами флюгера, и въ этомъ едва ли можно видѣть преимущество наше предъ нѣмцами.

Когда началась таможенная война съ Германіею, наши промышленные и газетные патріоты прониклись „горячимъ и неподдѣльнымъ энтузіазмомъ" по поводу предстоящаго самобытнаго экономическаго развитія и процвѣтанія Россіи. О какихъ-либо уступкахъ нѣмцамъ и вообще о какомъ-либо измѣненіи или смягченіи чрезмѣрно-покровительственнаго тарифа 1891 года не хотѣли и слышать наши протекціонисты. Можетъ ли быть какая-нибудь рѣчь,— спрашивалъ М. И. Кази въ изданной имъ спеціальной брошюрѣ,—„не только объ уменьшеніи таможенныхъ пошлинъ, установленныхъ этимъ тарифомъ, но даже о стѣсненіи себя обязательствомъ не возвышать ихъ за все время дѣйствія договора? Одна мысль объ этомъ кажется чудовищною". Мы заключили уже, „къ сожалѣнію", торговую конвенцію съ Франціею; но если мы далѣе пойдемъ по этому пути уступокъ, то,

по мнѣнію г. Кази, „мы фактически, постепенно, упразднимъ свой нормальный таможенный тарифъ 1891 года и тѣмъ нанесемъ роковой ударъ всей нашей экономической политикѣ, купленной цѣною тяжелыхъ уроковъ въ прошедшемъ". Г. Кази не сомнѣвался, что для Россіи выгоднѣе продолжать таможенную войну, чѣмъ прекратить ее отступленіемъ отъ существующаго тарифа, „цѣною всей нашей экономической политики и связанной съ нею будущности нашего народнаго хозяйства"; поэтому онъ предлагалъ обществу для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ ходатайствовать о томъ, чтобы никакія измѣненія тарифа, „ни въ общемъ, ни въ частности по отдѣльнымъ статьямъ, не были допущены, кромѣ такихъ, которыя, послѣ предварительнаго обсужденія въ государственномъ совѣтѣ, удостоятся Высочайшаго утвержденія". Послѣ обычныхъ преній, названное общество приняло это рѣшеніе „единогласно".

Подъ вліяніемъ „горячаго и неподдѣльнаго энтузіазма", вызваннаго оффиціальнымъ сообщеніемъ объ экономическомъ разрывѣ съ Германіею, г. Кази высказывалъ въ своемъ докладѣ нѣкоторыя смѣлыя соображенія о прежнихъ нашихъ ошибкахъ и неудачахъ. „Почти два года,—заявлялъ онъ съ грустью,—хранились отъ Россіи въ бюрократической тайнѣ переговоры съ иностранными государствами о дѣлѣ самыхъ жизненныхъ интересовъ для всей будущности нашего народнаго хозяйства, и лишь мѣсяцъ назадъ изъ правительственнаго сообщенія министра финансовъ сдѣлалось извѣстнымъ, какимъ рискамъ подвергались эти интересы и какъ вся наша экономическая система, такъ медленно и осторожно созидавшаяся, не подверглась полному крушенію, благодаря только дерзкимъ до наглости (sic!) требованіямъ, которымъ Германія отвѣчала на наши предложенія, переходившія постепенно въ уступчивость, граничащую со слабостью". Другія государства, не одаренныя такимъ разнообразіемъ природныхъ богатствъ, какъ Россія, принуждены по неволѣ искать взаимнаго экономическаго сближенія; но въ этихъ случаяхъ они „усчитываютъ до мельчайшихъ подробностей всѣ выгоды и невыгоды проектируемыхъ торговыхъ договоровъ, привлекаютъ участіе извѣстнѣйшихъ и опытнѣйшихъ знатоковъ и организованныя представительства своей промышленности и торговли, и опираясь на широкую гласность и обсужденіе прессою всѣхъ сторонъ дѣла, привлекаютъ къ нему вниманіе всѣхъ заинтересованныхъ, а себя гарантируютъ отъ промаховъ и ошибокъ, которые могутъ отразиться неблагопріятно и даже лечь тяжелымъ гнетомъ на народное хозяйство. Таково ли положеніе Россіи, такъ же ли обставляется у насъ заключеніе торговыхъ договоровъ, и можемъ ли мы надѣяться полу-

чить за требуемыя отъ насъ уступки равноцѣнныя экономическія или политическія выгоды?“ [1])

Однако, вопреки ожиданіямъ, на дѣлѣ оказалось преждевременнымъ осуждать „уступчивость, граничащую со слабостью“ и говорить о „дерзкихъ до наглости требованіяхъ“ Германіи,—ибо въ концѣ концовъ уступчивость была обнаружена, и значительная часть дерзкихъ до наглости требованій удовлетворена. Соотвѣтственно этому и протекціонисты сразу понизили и измѣнили тонъ. Въ „Вѣстникѣ финансовъ“, отъ 6 февраля, напечатано заявленіе, поданное министру финансовъ представителями нашей горнозаводской промышленности и подписанное прежде всего г. Кази, какъ председателемъ Высочайше утвержденной постоянной совѣщательной конторы желѣзозаводчиковъ. Въ этомъ заявленіи говорится, между прочимъ, что высказываемыя въ запискѣ одного изъ металлургическихъ обществъ „опасенія по поводу сдѣланныхъ Германіи уступокъ въ таможенныхъ пошлинахъ нѣсколько преувеличены, такъ какъ, судя по свѣденіямъ, только-что напечатаннымъ въ „Вѣстникѣ финансовъ“, уступки эти не такъ значительны, какъ предполагалось ранѣе“. Хотя „за дѣйствительно сдѣланными уступками должно быть признано отрицательное значеніе для промышленности“, но оцѣнка ихъ уже не имѣетъ въ себѣ ничего отрицательнаго: „Настоящее финансовое управленіе дало столько доказательствъ своихъ заботъ о развитіи нашего внутренняго производства и такъ отзывчиво относится къ нуждамъ русской промышленности, что контора желѣзозаводчиковъ увѣрена, что сдѣланныя Германіи уступки вызваны были причинами политическаго и государственнаго характера, а потому она надѣется, что управленіе это (финансовое?) найдетъ средства облегчить трудное положеніе, которое будетъ создано торговымъ договоромъ съ Германіей“. Въ заключеніе контора желѣзозаводчиковъ заявляетъ, что при живомъ содѣйствіи министерства, неоднократно уже доказанномъ, „русская металлургическая промышленность съ полною готовностью идетъ на встрѣчу стремленіямъ правительства и найдетъ возможность съ успѣхомъ выйти изъ этого положенія, которое создается для нея торговымъ договоромъ съ Германіею, твердо вѣруя въ производительныя силы нашей страны и цѣлесообразность ихъ направленія“ подъ ближайшимъ руководствомъ министра. Финансовое ли управленіе „найдетъ средства“, или сама горнозаводская промышленность „найдетъ возможность“ еще болѣе увеличить огромные барыши предпринимателей,—во всякомъ случаѣ

[1]) М. И. Кази, „По поводу таможенной войны съ Германіей“. Докладъ общему собранію Высоч. утв. общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, 1 сентября 1893. Спб., 1893.

договоръ съ Германіею является удобнымъ предлогомъ для дипломатическаго, деликатнаго возбужденія вопроса о вознагражденіи, въ видѣ новыхъ льготъ и казенныхъ субсидій. Понятно поэтому, что мысль о таможенныхъ уступкахъ и обязательствахъ, объявленная „чудовищною“ въ сентябрѣ прошлаго года, признается уже теперь законною, и что политическія и государственныя соображенія, которыя прежде отрицались, оказываются вполнѣ возможными и цѣлесообразными.

Гораздо болѣе любопытны тѣ внезапные повороты и скачки, которые замѣчаются въ разсужденіяхъ извѣстной части ежедневной печати, не заинтересованной, повидимому, въ промышленныхъ дѣлахъ и субсидіяхъ. Вѣянія данной минуты улавливаются здѣсь публицистами съ чисто-акробатскимъ проворствомъ. Въ одной распространенной газетѣ мы долго находили лишь отголоски узкаго протекціонизма, постоянную проповѣдь вражды къ чужимъ національностямъ, не только иностраннымъ, но и туземнымъ,—къ нѣмцамъ, финляндцамъ („чухонцамъ“), полякамъ,—не говоря уже объ евреяхъ или „жидахъ“, которыхъ эта газета, кажется, даже не считаетъ вовсе людьми. Таможенная война съ Германіею была привѣтствована въ этой газетѣ съ патріотическимъ восторгомъ. Теперь, по заключеніи договора, редакторъ газеты тотчасъ проникся прямо противоположными чувствами и идеями. „Будущее,—пишетъ онъ,—отнюдь не за высокими пошлинами, не за торговою войною, не за кровью и желѣзомъ, не за враждою національностей. Будущее за миромъ и любовью, съ какою бы ироніей вы ни встрѣчали эти слова, какъ бы ни билась въ васъ національная жилка. Это національное чувство надо держать въ равновѣсіи, не спускаясь до равнодушія и космополитизма и не напрягаясь до человѣконенавистничества, которое надѣлало людямъ столько страшнаго, столько непоправимаго зла. Когда эти враждующія партіи, въ родѣ аграріевъ и нашихъ промышленниковъ, такъ громко и злобно кричатъ, не надо забывать, что ими руководитъ прежде всего личный интересъ, личные разсчеты... Договоръ заключается на десять лѣтъ... Десять лѣтъ мирной жизни во всякомъ случаѣ лучше года войны, враждебныхъ отношеній, вооруженій и т. д. Я бы желалъ, чтобы договоръ былъ заключенъ. Я бы желалъ, чтобы въ ближайшемъ будущемъ былъ собранъ обще-европейскій конгрессъ для того, чтобы покончить съ этимъ вѣчнымъ вооруженіемъ, съ этимъ бряцаніемъ оружія, съ этими угрозами и вѣчнымъ ожиданіемъ войны. Для чего она? Какой народъ ее желаетъ?“ („Новое Время“, отъ 17 февраля.) Вчерашній проповѣдникъ в[illegible]чихъ національныхъ насилій превращается сегодня въ приверженца мира и любви,—и это превращеніе, конечно, столь же мимо-

летно, какъ и всѣ предшествовавшія. Въ Германіи существуютъ и борются между собою опредѣленныя мнѣнія, не зависящія отъ оффиціальныхъ взглядовъ и перемѣнъ; эта живая общественная борьба есть прежде всего признакъ сознательной національной жизни, тогда какъ громкія и противорѣчивыя фразы людей, не знающихъ сегодня, чтò имъ придется сказать завтра, свидѣтельствуютъ лишь о внутренней пустотѣ и фальши.

Договоръ или, вѣрнѣе, проектъ договора, подписанный въ Берлинѣ, заставляетъ даже ярыхъ націоналистовъ вспомнить объ общихъ условіяхъ культурныхъ международныхъ сношеній въ Европѣ, объ обширныхъ и сложныхъ интересахъ, требующихъ постояннаго взаимнаго обмѣна услугъ и грубо нарушаемыхъ безцѣльною системою злобнаго соперничества. Принципы договора не имѣютъ ничего общаго съ идеями вражды и недовѣрія. Въ первой же статьѣ выставляется правило, что „подданные каждой изъ договаривающихся сторонъ, постоянно или временно проживающіе въ предѣлахъ государства другой стороны, пользуются равноправностью съ туземцами по производству торговли и промысловъ и не облагаются иными или болѣе тяжелыми сборами", за исключеніемъ только случаевъ существованія особыхъ постановленій, примѣняемыхъ ко всѣмъ иностранцамъ. Затѣмъ, „подданнымъ каждой изъ договаривающихся сторонъ въ государствѣ другой стороны предоставляется право пріобрѣтать всякаго рода собственность, движимую или недвижимую, и владѣть оною, насколько пріобрѣтеніе таковой собственности и владѣніе оною дозволено или впредь будетъ дозволено законами страны иностранцамъ какой-либо иной національности". Взиманіе налоговъ, пошлинъ или сборовъ производится съ нихъ на тѣхъ же основаніяхъ и въ томъ же размѣрѣ, какъ съ мѣстныхъ подданныхъ. Они пользуются услугами судебныхъ учрежденій по законамъ страны, на совершенно равныхъ правахъ съ туземцами (ст. 2). Германскія суда и ихъ грузы въ Россіи, равно какъ русскія суда и ихъ грузы въ Германіи, „пользуются полною равноправностью съ туземными судами и ихъ грузами, независимо отъ мѣста откуда суда эти прибыли или куда направляются, а также отъ происхожденія и назначенія ихъ груза",—за исключеніемъ только особыхъ правилъ о льготахъ для туземнаго торговаго флота, о каботажѣ и рыболовствѣ (ст. 13). По отношенію къ паспортамъ подданные обѣихъ договаривающихся сторонъ будутъ пользоваться правомъ наиболѣе благопріятствуемой державы. Всякая уступка или льгота, допущенная одною изъ сторонъ для подданныхъ какого-либо государства, примѣняется тотчасъ къ подданнымъ другой стороны. Договоръ „во у-

паетъ въ дѣйствіе 8 (20) марта 1894 года или ранѣе, если можно и останется въ силѣ до 19 (31) декабря 1903 года".

Уже изъ этихъ немногихъ указаній можно видѣть, что русско-германскій трактатъ имѣетъ большое политическое значеніе, независимо отъ возможнаго своего вліянія на промышленность. Въ наше время упроченіе и регулированіе экономическихъ связей между народами составляютъ вѣрнѣйшую гарантію мира. Германія не заключила бы подобнаго договора съ Россіею на десять лѣтъ, еслибы не была увѣрена въ возможности сохранить съ нами миръ и дружбу по крайней мѣрѣ въ продолженіе означеннаго срока; точно такъ же съ нашей стороны существуетъ, очевидно, увѣренность въ полномъ миролюбіи германской имперіи относительно Россіи. Когда Германія заключила торговый трактатъ съ Австро-Венгріею, то сдѣланныя тогда уступки оправдывались важными политическими соображеніями, а именно необходимостью тѣснѣе сблизиться съ державами тройственнаго союза; теперь же всѣ германскія уступки въ пользу австрійцевъ распространяются ео ipso на русскихъ подданныхъ, въ силу признанія за Россіею правъ наиболѣе благопріятствуемой державы. Получивъ отъ Германіи всѣ тѣ промышленныя и торговыя льготы, которыя предоставлены были ближайшей ея союзницѣ, Австро-Венгріи, мы тѣмъ самымъ вступаемъ въ періодъ мирныхъ сосѣдскихъ отношеній съ германскою имперіею и выходимъ изъ положенія изолированности относительно державъ тройственнаго союза. Австро-Венгрія лишается своихъ преимуществъ передъ Россіею въ торговлѣ съ Германіею и не пользуется правами послѣдней въ сношеніяхъ съ нашимъ отечествомъ по ввозу и вывозу товаровъ; поэтому она заинтересована въ скорѣйшемъ заключеніи такого же трактата съ Россіею, чтобы не потерпѣть сильнаго ущерба въ своей международной торговлѣ. Русско-германскій договоръ долженъ повлечь за собою столь же благополучное окончаніе таможенныхъ переговоровъ между Австріею и Россіею. Было бы по меньшей мѣрѣ преждевременно утверждать, что основы австро-германскаго союза подрываются или ослабляются этими попытками прочнаго экономическаго сближенія съ тою именно державою, противъ которой этотъ союзъ прежде всего направленъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что средне-европейская „лига мира" теряетъ свою прежнюю сосредоточенность и замкнутость, что искусственныя политическія узы постепенно слабѣютъ, отчасти благодаря тяжелымъ разочарованіямъ, постигшимъ Италію, и что русско-германскій договоръ, по своему внутреннему смыслу и духу, является однимъ изъ крупныхъ симптомовъ поворота въ общемъ ходѣ международныхъ дѣлъ Европы.

Въ послѣднее время все чаще и настойчивѣе поднимается вопросъ о необходимости положить конецъ дальнѣйшимъ вооруженіямъ въ Европѣ. Въ теоріи всѣ согласны насчетъ безцѣльныхъ и разорительныхъ тягостей вооруженнаго мира; самые смѣлые и предпріимчивые государственные люди убѣждаются, что дальше идти некуда. Военные бюджеты европейскихъ державъ возросли въ одно десятилѣтіе на два милліарда рублей; за послѣднія двадцать лѣтъ государственные долги Германіи, Франціи, Австро-Венгріи, Россіи и Италіи увеличились на двадцать одинъ милліардъ рублей. Только за одно пятилѣтіе, съ 1882 и по 1887 годъ, издержки на содержаніе арміи возросли въ Германіи на 54 процента, т.-е. болѣе чѣмъ въ полтора раза; въ Австріи—почти на 44%, въ Италіи—приблизительно на 36%, во Франціи наименѣе—всего на 3% съ небольшимъ. Расходы на военный флотъ увеличились за это время—въ Италіи больше чѣмъ вдвое, на 124%, въ Германіи—на 38%, въ Австріи—на 32%, во Франціи—на 18%. Эти колоссальныя увеличенія военныхъ издержекъ, достигающія наибольшихъ цифръ для державъ тройственнаго союза, приходятся именно на тотъ періодъ времени, когда средне-европейская „лига мира“ окончательно утвердилась и расширилась присоединеніемъ къ ней Италіи.

Всѣ сознаютъ и чувствуютъ въ Европѣ, что положеніе ненормально и долго продолжаться не можетъ, — и однако каждое правительство считаетъ своимъ первымъ и священнѣйшимъ долгомъ поддерживать и усиливать эту систему напряженнаго военнаго мира. Несостоятельность этой системы провозглашается и разъясняется повсюду, на всѣхъ языкахъ, въ печати и въ парламентахъ, даже въ рѣчахъ оффиціальныхъ дѣятелей, не только политическихъ, но и военныхъ. Коренныя разногласія начинаются лишь тогда, когда рѣчь заходитъ о причинахъ зла и способахъ его устраненія. Въ этомъ различномъ пониманіи однихъ и тѣхъ же фактовъ заключается въ сущности источникъ того безсилія, на которое осуждены всѣ новѣйшія стремленія къ выходу изъ современной военно-политической путаницы въ Европѣ.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Revue des deux Mondes“ (отъ 1-го февраля) мы находимъ, напримѣръ, статью о „вооруженномъ мирѣ и его послѣдствіяхъ“, подписанную тремя звѣздочками. Авторъ, проникнутый, очевидно, серьезнымъ желаніемъ общаго и прочнаго мира, видитъ причину и корень болѣзни въ неправильной, насильственной политикѣ Пруссіи и Германіи, начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Главнымъ виновникомъ нынѣшняго ненормальнаго состоянія международныхъ отношеній оказывается Бисмаркъ, создавшій германскую имперію рядомъ политическихъ насилій и войнъ а

единственное лицо, могущее измѣнить это положеніе, есть германскій императоръ, Вильгельмъ II, унаслѣдовавшій созданіе Бисмарка. Статья, подписанная таинственными тремя звѣздочками и помѣщенная во главѣ февральской книжки. „Revue des deux Mondes“, перваго и наиболѣе авторитетнаго изъ французскихъ политическихъ журналовъ,—должна была обратить на себя вниманіе далеко за предѣлами Франціи; а между тѣмъ она полна самыхъ грубыхъ историческихъ неточностей и извращеній, проистекающихъ изъ особаго взгляда французовъ на политическія дѣла, свои и чужія.

„Европа,—говоритъ неизвѣстный авторъ,—находилась въ состояніи глубокаго мира, когда принцъ, достигшій уже старости, вступилъ на престолъ своихъ предковъ“. Вильгельмъ I сдѣлался королемъ прусскимъ въ 1861 году, когда первенствующая роль въ Европѣ принадлежала Наполеону III; это было два года спустя послѣ итальянской кампаніи французовъ, незадолго до возбужденія польскаго вопроса, за нѣсколько лѣтъ до начала мексиканской экспедиціи, — и этотъ періодъ постоянныхъ честолюбивыхъ плановъ и военныхъ предпріятій французской второй имперіи изображается какъ эпоха „глубокаго мира“! Дѣйствія Вильгельма I и его перваго министра, направленныя къ политическому сближенію и союзу отдѣльныхъ государствъ Германіи, „оскорбляли публичное европейское право“ и „нарушали уваженіе къ публичному праву, котораго спасительныя начала составляли прежде основу международныхъ отношеній и лучшую гарантію мира“. Почему германскія государства и народности не имѣли права стремиться къ объединенію, и какое высшее чужое право они нарушали этимъ своимъ законнымъ стремленіемъ,—остается неизвѣстнымъ. Бисмаркъ нарушалъ всякія права и прибѣгалъ къ военнымъ насиліямъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей; но развѣ Франція при Наполеонѣ III поступала иначе? Бисмаркъ былъ только ученикомъ и послѣдователемъ французскаго императора, и если онъ превзошелъ и побѣдилъ учителя, то видѣть въ этомъ неуваженіе къ основамъ публичнаго европейскаго права было бы болѣе чѣмъ странно. Все существованіе и господство имперіи Наполеона III было нарушеніемъ публичнаго права, грубою насмѣшкою надъ какимъ бы то ни было правомъ. Въ тюльерійскомъ дворцѣ выработывались проекты „округленія границъ“ лѣвымъ берегомъ Рейна и присоединеніемъ или раздѣломъ Бельгіи; Савойя и Ницца были присоединены въ самую тяжелую пору итальянской борьбы за національное единство, когда добровольное согласіе итальянцевъ могло быть только мнимымъ, вынужденнымъ,—и объ этой эпохѣ произвольныхъ и насильственныхъ политическихъ комбинацій говорится, какъ объ эпохѣ мирнаго мира и глубокаго уваженія къ публичному и международ-

ному праву! Злой Бисмаркъ нарушилъ это мирное, добродушное господство права и справедливости. „Европа жила бы въ мирѣ и въ полной безопасности, еслибы Пруссія оставалась въ предѣлахъ своихъ правъ и еслибы она исполняла всѣ свои обязанности, какъ великая держава, и прежде всего обязанность соблюденія трактатовъ. Пруссія увеличилась, отдавшись своему честолюбію, но старое положеніе дѣлъ, освященное временемъ и согласіемъ всѣхъ заинтересованныхъ, она замѣнила новымъ порядкомъ, лишеннымъ устойчивости и не представляющимъ никакихъ гарантій сохраненія общаго мира".

Другими словами, Пруссія должна была остаться маленькою, а Франція—великою и сильною,—и тогда было бы все хорошо. Европа наслаждалась миромъ и спокойствіемъ, когда Наполеонъ III каждые два-три года устраивалъ какую-нибудь войну или экспедицію; французы были будто бы довольны, и слѣдовательно всѣ „заинтересованные" народы, въ томъ числѣ и нѣмцы, должны были чувствовать себя вполнѣ удовлетворенными. Какъ все это ребячески-наивно и—tranchons le mot—непростительно глупо! Чтобы изобразить въ невинномъ розовомъ свѣтѣ политическое положеніе, предшествовавшее подвигамъ Бисмарка, авторъ употребляетъ удивительный по своей простотѣ пріемъ,—онъ совершенно умалчиваетъ о существованіи второй имперіи и нигдѣ не упоминаетъ даже имени Наполеона III, хотя рѣчь идетъ именно о періодѣ его владычества и о неизбѣжныхъ результатахъ его политики. Была просто Франція, уважавшая публичное право и всеобщій миръ; была Европа, пользовавшаяся плодами французскаго миролюбія и уваженія къ трактатамъ,—а никакихъ войнъ и завоевательныхъ проектовъ Наполеона III, какъ и самаго этого правителя, вовсе не существовало. Въ 1870 году Пруссія „напала" на Францію, „безъ законной причины", и Бисмаркъ рѣшился даже „поддѣлать" знаменитую депешу изъ Эмса, чтобы вынудить французское правительство къ объявленію войны. Французская дипломатія невиннѣйшимъ образомъ подняла воинственный шумъ по поводу гогенцоллернской кандидатуры на испанскій престолъ, предъявляла Пруссіи грозныя требованія и ультиматумы, а послѣ устраненія вопроса объ испанской кандидатурѣ стала требовать отъ короля Вильгельма гарантій насчетъ будущаго его поведенія,—и все это будто бы не привело бы къ войнѣ, еслибы не была сокращена или измѣнена депеша о послѣднемъ свиданіи французскаго посла Бенедетти съ прусскимъ королемъ въ Эмсѣ. Такъ пишется исторія серьезными французскими публицистами, въ серьезнѣйшемъ французскомъ журналѣ!

Разбирать дальнѣйшее содержаніе статьи нѣтъ никакой надобности. Послѣ русско-турецкой войны Бисмаркъ „заставилъ" Россію

согласиться на созваніе берлинскаго конгресса, „рѣшилъ“ отдать Австріи Боснію и Герцеговину, отнялъ у Россіи главные плоды ея побѣды и затѣмъ, опасаясь заслуженнаго возмездія, заключилъ союзъ съ Австро-Венгріею, къ которому позднѣе присоединилъ Италію. Посѣявъ въ Европѣ сѣмена раздора и непримиримой вражды, германскій канцлеръ создалъ обманчивое зданіе внѣшняго могущества, покоящееся на крайне шаткомъ и зыбкомъ фундаментѣ. Эта общая оцѣнка положенія сама по себѣ вполнѣ справедлива, но она не даетъ еще основанія выставлять идеаломъ тотъ порядокъ вещей, который существовалъ раньше и держался на обманчивомъ могуществѣ французской второй имперіи. Въ настоящее время главная трудность, какъ намекаетъ авторъ въ концѣ статьи, касается Эльзаса-Лотарингіи, т.-е. вопроса спеціально-французскаго, не затрогивающаго остальной Европы. Выйти изъ безконечныхъ затрудненій можно только при помощи дипломатическаго конгресса, который устроилъ бы дѣла ко всеобщему удовольствію. „Германскій императоръ можетъ оказать наибольшее вліяніе на упроченіе европейскаго мира; онъ одинъ способенъ дать миру тѣ основанія, которыя необходимы для сообщенія ему долговѣчности“.

Авторъ не договариваетъ своей мысли; но нѣтъ сомнѣнія, что дѣло идетъ о добровольной отдачѣ французамъ Эльзаса-Лотарингіи. Что въ такомъ случаѣ и Франція должна была бы, въ свою очередь, добровольно возвратить итальянцамъ Ниццу и Савойю,—объ этомъ французы какъ-то не думаютъ. Точка зрѣнія французовъ на эльзасъ-лотарингскій вопросъ отличается вообще какою-то принципіальною неясностью. Никогда французы не отрицали вообще законности территоріальныхъ присоединеній послѣ счастливой войны; Франція много разъ примѣняла на дѣлѣ эту вѣковую практику, точно такъ же, какъ и всѣ другія великія европейскія державы,—и никто противъ этого не возставалъ. Почему собственно нѣмцы не должны были поступить съ Франціею такъ, какъ другіе народы, и въ томъ числѣ прежде всего сами французы, всегда поступали съ побѣжденными государствами,—этого понять нельзя. Но таковъ уже французскій взглядъ или, вѣрнѣе, таково французское чувство, и противъ него безсильна простая логика общечеловѣческаго здраваго смысла.

Противъ французскаго пониманія политической исторіи стоитъ нѣмецкое пониманіе, находящееся съ нимъ въ непримиримомъ противорѣчіи; противъ французскихъ взглядовъ и чувствъ мы имѣемъ взгляды и чувства нѣмецкой націи, и отыскать какую-либо точку соприкосновенія между этими двумя категоріями явленій нѣтъ возможности. Не такъ давно появилась въ Германіи брошюра неизвѣстнаго автора, который также подписался тремя звѣздочками; брошюра

эта трактуетъ о „мирѣ и разоруженіи“ и предлагаетъ „практическій способъ“ обезпеченія всеобщаго и прочнаго мира народовъ. Стараясь систематически изслѣдовать причины возростающихъ военныхъ усилій и постоянной политической тревоги въ Европѣ, нѣмецкій авторъ приходитъ къ убѣжденію, что „бацилла безпокойства“ имѣетъ свой источникъ во Франціи, въ французскомъ національномъ характерѣ, честолюбіи и шовинизмѣ. Франція подчиняется Парижу, а Парижъ претендуетъ на роль всемірнаго центра и непрерывно грозитъ мирному благополучію Европы; поэтому необходимо освободить французскую провинцію отъ тиранніи столицы, дать отдѣльнымъ областямъ полную автономію и устроить новый „французскій союзъ“, на подобіе прежней германской федераціи. Въ одной области можетъ царствовать король, въ другой—Бонапартъ, въ третьей утвердится республика, а Парижъ будетъ процвѣтать самъ по себѣ; тогда французы успокоятся и не будутъ опасны для другихъ народовъ. Таковъ „практическій проектъ“ (praktischer Vorschlag), придуманный добросовѣстнымъ и аккуратнымъ нѣмецкимъ публицистомъ. „Французскій союзъ“, поставленный на мѣсто нынѣшней централизованной Франціи, будетъ „основою внутренняго и внѣшняго мира страны, мира всей Европы“. Что касается Германіи, то она во всѣхъ отношеніяхъ есть страна миролюбія, надежный оплотъ европейскаго мира. Національная зависть, соперничество и вражда, страсть къ завоеваніямъ и внѣшнимъ пріобрѣтеніямъ свойственны исключительно Франціи и отчасти также Россіи; французы постоянно грозятъ Италіи, грозятъ Бельгіи и Голландіи, и одна только Франція вынуждаетъ Европу вооружаться и готовиться къ кровавымъ катастрофамъ.

Чтобы дойти до этого вывода, нѣмецкій авторъ—быть можетъ, безсознательно—примѣняетъ тотъ самый пріемъ, который мы видѣли у французскаго публициста. Какъ послѣдній забываетъ о войнахъ и предпріятіяхъ второй имперіи, такъ для нѣмецкихъ „трехъ звѣздочекъ“ не существуетъ тѣхъ политическихъ насилій и войнъ, которыя увеличили Пруссію при Бисмаркѣ и завершились образованіемъ новой германской имперіи. Нѣмецкій авторъ совершенно умалчиваетъ о нападеніи на Данію въ 1864 году, о захватѣ Шлезвига и Голштиніи, о нападеніи на Австрію въ 1866 году, о присоединеніи Ганновера и т. д. Цѣлаго этого періода германской и европейской исторіи какъ будто не было вовсе, а жилъ себѣ просто миролюбивый нѣмецкій народъ, управляемый миролюбивыми и справедливыми монархами и министрами, которыхъ благія намѣренія смущались и расстраивались Франціею. Представивъ положеніе дѣлъ въ такомъ фантастическомъ видѣ, авторъ съ первой же главы убѣждается, что „Франція больна, очень больна“, что ея болѣзнь есть единствен

причина недуга, чувствуемаго всею Европою, и что поэтому исцѣленіе Франціи будетъ исцѣленіемъ для всѣхъ другихъ народовъ, угнетаемыхъ нынѣшнею системою вооруженнаго мира. Думаетъ ли авторъ, что французы сами согласятся испытать на себѣ его способъ леченія или должны быть принуждены къ этому силою оружія,—это не совсѣмъ ясно; повидимому, однако, на случай войны, онъ рекомендуетъ „освободить" Францію отъ Парижа и создать изъ нея союзное государство насильственнымъ путемъ [1]).

Мысль о принужденіи чужого многомилліоннаго народа къ такому политическому устройству, которое противорѣчитъ всѣмъ его понятіямъ, желаніямъ и традиціямъ, — достаточно ярко характеризуетъ спутанность и сумбурность идей въ современныхъ умахъ, зараженныхъ бакциллою слѣпого „патріотическаго" націонализма. Быть можетъ, Франція и больна, какъ утверждаютъ нѣмецкія „три звѣздочки"; возможно также, что Германія больна, какъ рѣшили французскія три звѣздочки, — но мы склонны предположить, что прежде всего и наиболѣе больны сами авторы подобныхъ разсужденій, отыскивающіе болѣзни у сосѣдей и берущіеся ихъ лечить противъ воли. Отсутствіе элементарнаго уваженія къ чужой человѣческой личности, къ чужой національности и автономіи, къ чужимъ интересамъ, идеямъ и стремленіямъ, — вотъ дѣйствительный корень того политическаго недуга, отъ котораго страдаютъ народы въ современной Европѣ. Французы не могутъ и не хотятъ понять нѣмцевъ, нѣмцы не могутъ и не хотятъ отнестись справедливо къ французамъ; вездѣ патріоты замѣчаютъ малѣйшіе грѣхи и недостатки сосѣдей, но не видятъ своихъ собственныхъ, несравненно болѣе важныхъ погрѣшностей и увлеченій. Пока эта основная болѣзнь существуетъ и развивается въ массѣ европейскаго общества, до тѣхъ поръ трудно надѣяться на успѣхъ сторонниковъ разоруженія въ Европѣ.

---

[1]) См. брошюру: „Friede und Abrüstung". Ein praktischer Vorschlag, von *** Dre[illegible]n und Leipzig, 1892.

НЕКРОЛОГЪ.

Франциск Рачкій
1/13 февраля 1894 г. †.

Въ дѣлѣ культурнаго возрожденія хорватскаго народа первое мѣсто послѣ знаменитаго епископа Штроссмайера несомнѣнно принадлежитъ его другу и главному помощнику, загребскому канонику и президенту юго-славянской академіи, Франциску Рачкому. Со смертью этого замѣчательнаго человѣка хорватскій народъ потерялъ самаго твердаго и энергичнаго патріота, а славянская историческая наука —одного изъ лучшихъ своихъ дѣятелей.

Рачкій родился 25-го ноября 1829 г. въ хорватскомъ поморьѣ близь города Фіуме (Рѣка), въ купеческомъ семействѣ, котораго родоначальникъ былъ выходцемъ изъ чеховъ. Окончивъ гимназическій курсъ въ Вараждинѣ, онъ поступилъ въ духовную семинарію города Сенья, а потомъ на теологическій факультетъ вѣнскаго университета. Принявъ священный санъ въ 1852 г., онъ преподавалъ нѣкоторое время въ сеньской семинаріи физику и математику. Получивъ затѣмъ въ Вѣнѣ степень доктора теологіи, онъ вернулся опять въ свою семинарію, какъ профессоръ церковнаго права и церковной исторіи. Первое свое сочиненіе Рачкій напечаталъ еще будучи студентомъ; это былъ морально-богословскій трактатъ „о христіанствѣ и человѣчествѣ", появившійся въ загребскомъ церковномъ журналѣ „Католицке листы". Въ то же время онъ кромѣ духовныхъ наукъ сталъ заниматься славянскою филологіей и исторіей; первыя его изслѣдованія по этимъ предметамъ помѣщены въ „Архивѣ югославянской исторіи", проф. Кукулевича. Въ 1857 г., Рачкій сближается съ епископомъ Штроссмайеромъ и по его совѣту поселяется на нѣсколько лѣтъ въ Римѣ для ученыхъ занятій; первымъ ихъ результатомъ появляется замѣчательная его книга о Кириллѣ и Меѳодіѣ („Вѣк и дѣлованье свв. Кирила и Метода". Загреб, 1857—9). Изъ общихъ сочиненій по этому предмету трудъ Рачкаго до сихъ поръ остается самымъ важнымъ. Въ 1861 г. появились два другихъ его изслѣдованія: „Писмо словѣнско" и „Одломци изъ државного права хрватского", а въ 1864 онъ вмѣстѣ съ Ягичемъ и Торбаномъ основалъ ученый журналъ *Книжевникъ*, гдѣ между прочимъ помѣщена его „Оцѣна

старих извора за хрватску и србску повѣст". Въ 1865 г. онъ вмѣстѣ съ Ягичемъ издалъ древнее глаголитское евангеліе (codex Assemanii). Въ слѣдующемъ, 1866 году основана въ Загребѣ на средства епископа Штроссмайера академія наукъ и искусствъ. Рачкій былъ тогда же избранъ ея президентомъ, что повторялось и при всѣхъ послѣдующихъ выборахъ [1]). Едва ли. существуетъ во всемъ мірѣ учрежденіе, которое въ столь короткое время издало бы такъ много цѣнныхъ трудовъ: ученыя изданія загребской академіи (изъ коихъ важнѣйшія суть: „Рад југослав. акад.", „Старине", „Стари писцы хрватски") составляютъ уже нѣсколько сотъ томовъ. Душою и двигателемъ всей этой обширной дѣятельности все время оставался неутомимый Рачкій. Но роль внушителя и организатора чужихъ ученыхъ работъ нисколько не мѣшала его собственнымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Послѣ двухъ интересныхъ монографій о богомилахъ и патаренахъ и о борьбѣ южныхъ славянъ за государственную независимость въ IX вѣкѣ, онъ предпринялъ въ обширныхъ размѣрахъ полную и всестороннюю исторію хорватскаго народа. Въ виду его бодрости и быстроты въ работѣ, можно было надѣяться, что и этотъ громадный трудъ (печатавшійся по частямъ въ Радѣ ю.-сл. ак.) будетъ доведенъ до конца. Но и то, что имъ оставлено, достаточно, чтобы увѣковѣчить его имя.

Какъ человѣкъ, Рачкій представлялъ въ высшей степени симпатичный типъ славянской натуры, насквозь проникнутой европейскимъ, въ частности—германскимъ образованіемъ. Это образованіе не только развило его умъ, но и закалило нравственный характеръ. Главнымъ и постояннымъ мотивомъ всей его жизни было чувство долга—явленіе столь рѣдкое между славянами. Оригинально также въ немъ было соединеніе пламеннаго хорватскаго и всеславянскаго патріотизма съ величайшею разсудительностью, здравымъ взглядомъ на вещи и людей. При всемъ своемъ крайнемъ руссофильствѣ онъ отлично видѣлъ недостатки и недуги нашей жизни, хотя и не любилъ распространяться о нихъ передъ своими соотечественниками, —изъ политики. Нѣкоторыхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ онъ лишь мелькомъ видѣлъ во время своего быстраго путешествія по Россіи (въ 1884 г.), онъ сразу оцѣнилъ по достоинству, и я былъ пораженъ мѣткостью его отзывовъ.

Со смертью Рачкаго осиротѣли юго-славянскія Аѳины... Я, по крайней мѣрѣ, не могу себѣ представить Загреба безъ вездѣ-сущей, всюду-мелькающей фигуры этого малорослаго, но крѣпкаго человѣка

---

[1]) Съ 1888 г. австрійское правительство не утверждало выбора Рачкаго, но фактически онъ до конца оставался во главѣ академіи.

въ короткой сутанѣ и высокихъ сапогахъ, быстрыми и ровными шагами переносящагося изъ собора въ академію, изъ академіи въ типографію, оттуда въ свой рабочій кабинетъ, изъ кабинета за городъ въ виноградники (Рачкій сверхъ всего прочаго былъ образцовымъ хозяиномъ вообще и винодѣломъ въ особенности).

Когда въ Загребѣ было большое землетрясеніе, на половину разрушившее его готическій соборъ, Рачкій въ этомъ самомъ соборѣ служилъ обѣдню. Всѣ въ ужасѣ бѣжали; онъ остался одинъ и, схватясь за края престола, ничего не видя отъ пыли, поднятой обвалившимся потолкомъ, докончилъ службу и вышелъ весь бѣлый отъ пыли, но цѣлый и невредимый. Какъ въ эту трагическую минуту, такъ и во всю свою жизнь онъ былъ прежде всего человѣкомъ долга и непоколебимой вѣрности. Вѣчная ему память!

Владиміръ Соловьевъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта 1894.

— Замѣтки о современной литературѣ, 1856—1862 гг. („Современникъ" 1856—1862 гг.). Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Спб., 1894.

Настоящій томъ есть уже четвертый въ предпринятомъ изданіи сочиненій извѣстнаго писателя пятидесятыхъ годовъ. Какъ и предъидущіе, этотъ томъ представляетъ подборъ статей по возможности однороднаго содержанія: наибольшая часть его занята литературными обозрѣніями, которыя велись авторомъ съ февраля 1856 года до половины 1857; въ концѣ прибавлено нѣсколько статей критическаго содержанія (между прочимъ большая статья о сочиненіяхъ Грановскаго) и нѣсколько полемическихъ статей 1861—1862 года. Литературныя обозрѣнія посвящены весьма разнообразнымъ предметамъ: здѣсь говорится и о тогдашнихъ интересахъ литературы художественной (стихотворенія Огарева, К. Аксакова; „Рудинъ" Тургенева; „Семейная Хроника" С. Т. Аксакова; „Губернскіе Очерки" Щедрина; разсказы гр. Л. Н. Толстого, комедіи Островскаго), о разныхъ общественныхъ вопросахъ, впервые тогда возникавшихъ (разнаго рода мнѣнія о воспитаніи, по поводу статей Бёма и Пирогова; о народной школѣ, по поводу писаній Даля; о вопросахъ сельско-хозяйственныхъ, по поводу первыхъ ожиданій крестьянской реформы и т. д.). Теперь, почти черезъ сорокъ лѣтъ, все это отошло въ исторію, но для тѣхъ, кому не чужда исторія нашего общества и литературы (не говоря о настоящемъ историкѣ, который бы занялся изученіемъ той эпохи), все это исполнено величайшаго интереса: передъ нами въ живыхъ литературныхъ фактахъ проходитъ судьба общественныхъ интересовъ, связанныхъ съ первыми проявленіями этой эпохи, которой суждено занять важное мѣсто въ исторіи внутренней жизни русскаго общества и самого государства. Здѣсь корень того литературнаго и общественнаго развитія, дальнѣйшіе результаты котораго совершаются

въ настоящую минуту. Не трудно видѣть, что въ тогдашнемъ литературномъ движеніи, хотя оно и не имѣло еще возможности касаться прямо тѣхъ основныхъ вопросовъ, о которыхъ шло дѣло (какъ напр. освобожденіе крестьянъ),—что въ немъ сказывались самыя задушевныя желанія наиболѣе просвѣщенной части общества, какъ очевидны были и противодѣйствія тѣхъ приверженцевъ старины, которые или по яснымъ эгоистическимъ побужденіямъ, или по искреннему непониманію желали бы удержать жизнь въ старой колеѣ, не чувствуя настоятельной необходимости реформы.

Историческое изученіе, спокойное и безпристрастное, всегда приноситъ благотворный результатъ, научая понимать жизненныя явленія въ ихъ логической и нравственной необходимости. Такое изученіе въ особенности было бы полезно въ нашемъ обществѣ, для всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли бы осмыслить для себя ту настоящую минуту въ жизни общества, когда имъ самимъ приводится занять въ ней то или другое мѣсто. Исторія указала бы имъ, что прошедшее этой жизни для нихъ не безразлично, что въ немъ начатки тѣхъ стремленій, какія продолжаютъ жить въ настоящую минуту; въ этомъ прошедшемъ они увидѣли бы, по какимъ побужденіямъ волновалась эта старая жизнь: то новое, къ которому она стремилась, получало особенно сильное подкрѣпленіе въ слишкомъ большой близости того стараго, которое она хотѣла замѣнить, даже совсѣмъ забыть. Восторженныя ожиданія, съ какими обращались къ открывавшейся перспективѣ крестьянской реформы, преобразованія суда, болѣе благопріятныхъ условій печати и т. д. совершенно понятны, когда были на лицо вопіющіе недостатки стараго порядка вещей: злоупотребленія крѣпостного права, невозможный старый судъ, подавленное состояніе литературы и съ нею, конечно, безсиліе, даже полное отсутствіе общественнаго мнѣнія. Защищать подобныя явленія открыто было бы въ то время не легко, потому что всѣмъ были хорошо знакомы эти черты стараго порядка: всякій, нѣсколько знакомый съ деревней, зналъ о крѣпостныхъ злоупотребленіяхъ; всякій, кто имѣлъ дѣло съ тогдашними судами, зналъ, до какой невыносимой степени простирались судебная волокита и продажность суда и т. д. Знаменитыя статьи Бёма и Пирогова высказывали истины въ сущности весьма обыкновенныя—что школа должна воспитывать человѣка, пробуждать его умственную самодѣятельность и нравственное сознаніе, внушать ему любовь къ правдѣ, твердость въ своихъ убѣжденіяхъ, любовь къ людямъ,—а не воспитывать въ немъ только бездушную машину для исполненія начальственныхъ приказаній, съ тѣснымъ объемомъ мелкаго практическаго знанія и съ мелкой душой, лишенной нравственнаго сознанія: эти статьи произвели однако чрезвычай-

ное впечатлѣніе; онѣ казались открытіемъ—изъ этого можно судить о томъ, какъ низокъ былъ уровень господствовавшей воспитательной рутины; восхищаясь статьями Бёма и Пирогова, общество тѣмъ самымъ свидѣтельствовало о полной дѣйствительности того зла, но которое они указывали.

Въ издаваемыхъ теперь сочиненіяхъ писателя пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, читатель встрѣтитъ множество отраженій той знаменательной исторической эпохи и найдетъ также обильныя объясненія того вліянія, какое имѣлъ нѣкогда этотъ писатель, и той заслуги, какая будетъ принадлежать ему въ исторіи нашего общества и литературы. Какъ мы сказали, изученіе той эпохи имѣетъ существенную важность и для сознательной постановки нашей собственной дѣятельности. Только та дѣятельность бываетъ крѣпка и плодотворна, которая имѣетъ свой историческій корень, находитъ себѣ опору въ преданіи и дорожитъ имъ. Преданіе сберегаетъ силы, сохраняя то, что̀ было уже пріобрѣтено раньше; оно доставляетъ дѣятелямъ новой эпохи сознаніе, что они имѣютъ за собой пріобрѣтенные результаты, которые облегчаютъ ихъ дѣло; оно обновляетъ для нихъ тѣ сочувствія, какія нѣкогда возбуждалъ трудъ ихъ предшественниковъ. Таково во многихъ случаяхъ можетъ быть для нашего времени преданіе пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, въ лучшей долѣ тогдашней литературы, въ дѣятельности „славянофиловъ“ и „западниковъ“ безразлично. (Въ существенныхъ вопросахъ они въ то время нерѣдко шли рядомъ: въ настоящемъ томѣ читатель встрѣтитъ весьма сочувственные отзывы Чернышевскаго о славянофилахъ, и между прочимъ онъ горячо рекомендовалъ тогда напечатанную въ томъ же „Современникѣ“ статью В. И. Ламанскаго „О распространеніи знаній въ Россіи“, — которая, замѣтимъ кстати, была бы чрезвычайно поучительна и въ настоящую минуту).

Нельзя сказать, чтобы въ нашей литературѣ было сильно чувство этого преданія: гораздо чаще это преданіе забыто,—чему, безъ сомнѣнія, способствовала и та исключительная мѣра, которая удаляла изъ обращенія (въ общественныхъ библіотекахъ и читальняхъ) цѣлую массу старыхъ книгъ и повременныхъ изданій. Самимъ дѣятелямъ литературы слѣдовало бы, конечно, знать ея прошедшее; но къ удивленію и въ ихъ средѣ можно въ послѣднее время видѣть не только полное разобщеніе съ этимъ преданіемъ, но и какую-то странную, ожесточенную вражду къ нему. Эта вражда, несомнѣнно свидѣтельствующая прежде всего объ историческомъ невѣжествѣ, есть также и печальное свидѣтельство современнаго литературнаго упадка.

— Безцѣльный трудъ, „не-дѣланіе“ или „дѣло“? Разборъ взглядовъ Эмиля Зола, Александра Дюма и графа Л. Н. Толстого на трудъ. В. А. Кожевникова. Москва, 1893.

О послѣднихъ сочиненіяхъ гр. Л. Н. Толстого, посвященныхъ вопросамъ философско-религіознымъ и общественнымъ, составилась уже цѣлая большая литература, главнымъ образомъ обличительная: опровергались взгляды гр. Толстого на религію, науку, извѣстныя установленія и обычаи и т. д. Многія обличенія бывали очень суровы, какъ были, напр., обличенія одного іерарха, направленныя противъ религіозныхъ ученій гр. Толстого; многія обличенія, напр. тѣ, въ которыхъ указывалась несостоятельность представленій гр. Толстого о наукѣ и образованіи, бывали совершенно справедливы. На самого писателя эти обличенія и опроверженія, повидимому, не оказывали никакого дѣйствія. Нельзя сказать, чтобы въ каждомъ послѣдующемъ произведеніи его давалось новое доказательство его прежнихъ положеній; бывало, напротивъ, и совсѣмъ иное: одна экстравагантная теорія смѣнялась другою, и авторъ, мало заботясь о томъ, что̀ говорила критика, мало заботился и о томъ, что между самыми его теоріями выходило противорѣчіе,—авторъ просто излагалъ свои мысли, какъ онѣ складывались у него въ данную минуту. Убѣждать въ чемъ-нибудь графа Толстого было бы очевидно дѣломъ безплоднымъ; но давняя слава великаго писателя-художника, большое мастерство психологическаго анализа и бытовой картины среди самихъ теоретическихъ разсужденій, привлекали ему множество послѣдователей, когда притомъ онъ затрогивалъ самые глубокіе вопросы личной вѣры и нравственности. Большинство было безсильно противъ софизмовъ, какими преисполнены послѣднія произведенія гр. Толстого, и противникамъ его оставалось по крайней мѣрѣ заботиться о томъ, чтобы ограничить вліяніе этихъ софизмовъ, которое нерѣдко бывало положительно вредно, сбивая съ толку людей простодушныхъ, принимавшихъ ученія гр. Толстого буквально, а иной разъ давая пищу лицемѣрію. При томъ, философско-религіозныя ученія гр. Толстого заняли у насъ положеніе, иногда очень затруднявшее ихъ критику: въ то время, какъ нѣкоторыя изъ его произведеній были уже переведены на всѣ главные европейскіе языки, издавались въ Европѣ и Америкѣ, въ нашей литературѣ онѣ не имѣли права гражданства. Послѣднее, какъ говорятъ, наиболѣе замѣчательное произведеніе графа Толстого вышло во французскомъ переводѣ, въ двухъ англійскихъ, появляется въ нѣмецкой литературѣ,—у насъ остается неизвѣстнымъ: принадлежитъ ли оно нашей литературѣ?

Такимъ образомъ русская критика едва-ли въ состояніи дать

полное изслѣдованіе этихъ произведеній гр. Толстого, а въ то же время нѣкоторые изъ его противниковъ и обличителей еще запутываютъ дѣло—или не умѣя схватить главной мысли его проповѣди, или опровергая его не тамъ, гдѣ нужно.

Авторъ книжки, заглавіе которой мы выписали, начинаетъ свое разсужденіе отчаяннымъ эпиграфомъ изъ Леконта-де-Лиля (Dies irae):

Mais nous, nous consumés d'une impossible envie,
En·proie au mal de croire et d'aimer sans retour,
Répondez, jours nouveaux! nous rendrez-vous la vie?
Dites, o jours anciens! nous rendrez-vous l'amour?
...Oui, le mal éternel est dans sa plénitude.

И затѣмъ самъ авторъ разсуждаетъ такъ:

„Да, оно настало, время давно подготовлявшагося перелома общественнаго сознанія,—не тихой перемѣны, не едва уловимаго для наблюденія перехода, а именно перелома, остраго, рѣзкаго, болѣзненнаго, мучительнаго, но необходимаго и, быть можетъ, спасающаго! Его ждали долго; неизбѣжность его смутно чувствовалась вездѣ, гдѣ нравственная шаткость и слабость съ одной стороны, умственная разрозненность съ другой, порождали чувство мучительной неудовлетворенности и заставляли, если не опредѣленно надѣяться, то по крайней мѣрѣ туманно мечтать о возможности появленія иного, болѣе яснаго и болѣе сильнаго склада убѣжденій. Но предсказывать его близость не рѣшались, предпочитая малодушно прикрываться бездоказательными надеждами на то, что невѣдомый Богъ нашего времени, прогрессъ, въ понятіи, опредѣленіи, средствахъ и цѣли котораго еще не могутъ согласиться его поклонники, рано или поздно, самъ собою, выведетъ истрадавшееся человѣчество, утомленное разладомъ чувствъ, страстей и мыслей, на новый, хотя и трудный, но ярко озаренный свѣтомъ знанія путь, гдѣ мы вздохнемъ, наконецъ, свободнѣе, и бодрѣе, дружнѣе, съ большею силою убѣжденія и воли двинемся впередъ къ вѣчно манящей насъ и, увы! никогда недостижимой цѣли (?). На этой смутной надеждѣ успокоивались еще такъ недавно многіе лучшіе умы, ее, эту слѣпую вѣру, только и считали возможнымъ противопоставить отчаянію пессимизма, заволакивавшаго своимъ мертвеннымъ мракомъ блескъ нашей цивилизаціи и призывавшаго къ разслабляющей апатіи вѣкъ такой разнообразной, болѣзненно-возбужденной дѣятельности. Говорить о томъ, что переломъ духовнаго склада жизни близокъ, что онъ „при дверяхъ", казалось еще наивностью, признакомъ малодушія, слишкомъ скоро разочаровывающагося въ великихъ достоинствахъ настоящаго изъ-за временныхъ затрудненій, либо признакомъ

фанатической реакціи, всегда будто бы готовой коварно воспользоваться минутою смущенія и усталости, чтобы выступить еще разъ впередъ со своими ретроградными замыслами...

„Но, пока мы обманывали себя этою туманною вѣрою, этою шаткою надеждою, этою безотчетною и потому неплодотворною любовью къ лучшему будущему, правда жизни дѣлала свое дѣло и ежедневно, ежечасно обличала несостоятельность принятаго малодушнаго компромисса... Можно было въ замкнутомъ святилищѣ философскаго уединенія, забывавшаго о неотлагаемыхъ нуждахъ жизни, или на страницахъ исходившихъ изъ него ученыхъ книгъ, или даже въ краснорѣчивыхъ рѣчахъ учителей отвлеченной вѣры въ прогрессъ успокоиваться на сознаніи существующей духовной неурядицы, но выносить въ дѣйствительности муки этого разлада съ самимъ собою и съ другими, довольствоваться ощущеніемъ мертвенной пустоты, образовавшейся на мѣстѣ утраченныхъ положительныхъ вѣрованій, безъ опредѣленной надежды на ея скорое пополненіе новыми, было трудно. Неудовлетворенность росла; недовольство міровоззрѣніемъ, сознающимъ несостоятельность настоящаго и предоставляющимъ исправить его будущему, увеличивалось... болѣзненные стоны духовныхъ страданій все сильнѣе и чаще стали нарушать гармонію похвалъ настоящему (?) и мистически-благоговѣйныхъ гимновъ будущему (?), все настойчивѣе стали слышаться требованія (?) дать скорѣйшее удовлетвореніе насущнымъ запросамъ изстрадавшихся умовъ и сердецъ“.

Изобразивъ это трагическое положеніе вещей, авторъ извѣщаетъ насъ, что оно дошло уже до послѣдняго предѣла и что кризисъ наступилъ.

„И вотъ,—говоритъ онъ,—удивляя насъ своею неожиданностью, наступаетъ моментъ перелома въ отношеніяхъ къ болѣзни вѣка, духовной неудовлетворенности: преобладавшая такъ долго неопредѣленность убѣжденій и надеждъ смѣнилась опредѣленностью запросовъ и признаній (?). Нѣтъ сомнѣнія, болѣзненный процессъ назрѣлъ и вступилъ въ свой острый кризисъ; положеніе дѣлъ, такъ недавно еще поражавшее своею сложностью настолько, что дать его цѣльную картину не отваживалась ни наука, ни искусство, сразу, словно для всѣхъ неожиданно, выяснилось, выяснилось въ одномъ, встающемъ надъ взволнованнымъ моремъ нашей жизни крикѣ отчаянія, который для чуткаго, не предубѣжденнаго привычными, убаюкивающими мотивами слуха слышится въ настоящую минуту отовсюду: „дайте намъ вѣру во что-либо положительное, или, если этого сдѣлать нельзя, по крайней мѣрѣ, скажите намъ опредѣленно и честно, что это невозможно. Либо то, либо другое! полумѣры, отсрочки, недо-

молвки невыносимы! Намъ надо знать, есть ли намъ во что вѣрить, можно ли на что надѣяться, стоитъ ли что-либо любить, или мы безповоротно и безнадежно должны погрузиться въ непроглядную, безразсвѣтную тьму отчаянія".

Авторъ указываетъ, что множество такихъ запросовъ можно найти въ новыхъ книгахъ, журнальныхъ статьяхъ, рѣчахъ, сказанныхъ „высшими жрецами науки, философіи и искусства", въ разговорахъ людей ученыхъ и неученыхъ, и впередъ отвергаетъ возраженія: „правда,—говоритъ онъ,—не всѣ имѣютъ уши, чтобы ихъ слышать, и многіе хотятъ насъ увѣрить, что эти волненія, сомнѣнія, запросы и признанія—старая пѣсня, что всегда такъ было, есть и будетъ, что здѣсь нѣтъ ничего специфически-современнаго, что это только одна изъ понижающихся волнъ вѣчной смѣны пессимизма и оптимизма, только одинъ крутой изгибъ прихотливо-извилистой, но въ концѣ концовъ все же восходящей линіи прогресса". Авторъ обращается къ умамъ „непредубѣжденнымъ"...

Но что бы ни говорили „высшіе жрецы", мы все-таки не понимаемъ, гдѣ происходятъ тѣ ужасныя явленія, которыя описываетъ авторъ, кто эти *мы* („дайте *намъ*", „*намъ* надо знать", „*мы* должны" и пр.), отъ лица которыхъ заявляются требованія, и кто—тѣ другіе, къ которымъ обращены эти запросы, которые должны „дать", „сказать" и пр.; и несмотря на отрицанія автора, что никогда ничего подобнаго не бывало, мы думаемъ, напротивъ, что подобное бывало и не однажды. Что касается перваго, авторъ, повидимому, хочетъ сказать, что указываемые имъ запросы заявляетъ чуть не все человѣчество, которое, повидимому, недовольно современной наукой и ищетъ, во что ему вѣрить; но все человѣчество, очевидно, не находится въ такомъ положеніи. Только небольшая доля его способна возъимѣть тѣ глубокіе запросы, какіе приводитъ авторъ; напротивъ, громадныя массы человѣчества живали и живутъ въ твердой и спокойной вѣрѣ вообще, не знающей сомнѣній и особенно тѣхъ, какія указываетъ г. Кожевниковъ. Эти массы живутъ—кто въ христіанствѣ различныхъ исповѣданій, кто въ буддизмѣ и магометанствѣ и т. п., а кто и просто въ язычествѣ, и не имѣютъ понятія о томъ, чѣмъ, по словамъ нашего автора, озабочены „высшіе жрецы". Притомъ дальше оказывается, что сами высшіе жрецы разсуждаютъ объ этихъ предметахъ не совсѣмъ такъ, какъ утверждаетъ нашъ авторъ. Онъ негодуетъ на знаменитаго Гёксли, который утверждаетъ (по передачѣ нашего автора), что „еслибы все человѣчество молило у знанія удовлетворенія своихъ душевныхъ и нравственныхъ нуждъ, наука не подвинется ни на одинъ шагъ отъ своихъ убѣжденій и цѣлей, чтобы снизойти къ этимъ милліонамъ жалкихъ, слабыхъ существъ, отво-

рачивающихся поэтому отъ нея, чтобы съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ и дѣтскою довѣрчивостью идти вслѣдъ за обѣщающими хлѣбъ жизни". Мы дальше возвратимся къ этому мнѣнію, которое нашъ авторъ обличаетъ, какъ величайшее ученое высокомѣріе, и отмѣтимъ пока только, что на этотъ разъ „высшіе жрецы" (кромѣ Гёксли, автору пришлось назвать еще Геккеля) оказались не совсѣмъ согласны съ г. Кожевниковымъ... Такимъ образомъ оказывается, что трагическіе запросы автора должны быть весьма ограничены: громадное большинство человѣчества проживаетъ въ самой положительной вѣрѣ (христіанской, магометанской, буддійской, языческой и пр.) и слѣдовательно въ этомъ отношеніи совершенно спокойно; надо полагать, что этихъ тревожныхъ запросовъ не раздѣляютъ и тѣ изъ жрецовъ науки (въ родѣ Гёксли и Геккеля), у которыхъ кромѣ или вмѣсто вѣры религіозной есть вѣра въ науку,—такъ что „мы", о которыхъ говоритъ нашъ авторъ, должны считаться людьми, потерявшими непосредственную религіозную вѣру и не пріобрѣвшими вѣры въ науку (вѣрнѣе, не дошедшими до ея пониманія).

Такимъ образомъ размѣры трагедіи ограничиваются: она должна совершаться только въ извѣстномъ кругѣ людей, задающихъ себѣ вѣчные, едва-ли одолимые для человѣка вопросы,—и рѣшающихъ эти вопросы чрезвычайно различно, иногда съ желаніемъ остаться въ предѣлахъ логики, иногда болѣе или менѣе фантастически; но авторъ во всякомъ случаѣ глубоко заблуждается, когда думаетъ, что нынѣшній „кризисъ" не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ исторіи. Совсѣмъ напротивъ: въ различныхъ степеняхъ культуры, въ различныхъ условіяхъ времени и національности, но тотъ же кризисъ много разъ совершался въ исторіи, а именно во всѣхъ религіозныхъ движеніяхъ, увлекавшихъ массы, создававшихъ новое міровоззрѣніе въ быту религіозномъ, умственномъ, политическомъ и экономическомъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться хотя бы при нѣкоторомъ вниманіи къ предмету.

Мы поставили выше вопросъ о томъ, гдѣ совершается этотъ ужасный „кризисъ",—и думаемъ, что едва-ли у насъ, и по слѣдующей причинѣ. Еслибы для человѣчества дѣйствительно предстоялъ такой рѣшительный вопросъ: быть или не быть въ нравственномъ смыслѣ, то надо думать, что для рѣшенія этого вопроса необходима была бы элементарная возможность свободнаго и всесторонняго обсужденія данныхъ, входящихъ въ этотъ вопросъ. Литература и общество просвѣщеннѣйшихъ европейскихъ народовъ имѣютъ эту возможность, обладая полною свободой научнаго изслѣдованія; имѣется ли это условіе въ нашей литературѣ? — не говоря о необходимомъ запасѣ научныхъ силъ по разнымъ отраслямъ знанія, который, какъ извѣстно,

у насъ не очень великъ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ ставить, при нашихъ скромныхъ средствахъ, эти универсальные вопросы, благоразумнѣе было бы, кажется, помыслить о болѣе насущныхъ нуждахъ нашего просвѣщенія. Мы упоминали, что, напр., новѣйшее и, какъ говорятъ, самое капитальное философско-религіозное твореніе гр. Толстого остается недоступно для нашей литературы. Какъ съ этимъ быть?

Мы не будемъ входить въ настоящую тему брошюры г. Кожевникова, по поводу вопроса о дѣланіи или не-дѣланіи, поставленнаго двумя французскими беллетристами - резонерами, между которыми судитъ гр. Толстой. Это—дѣло довольно скучное. Нашъ критикъ отчасти на сторонѣ гр. Толстого, но крайностей послѣдняго не одобряетъ, доказывая, напр., что ученіе о не-дѣланіи не можетъ быть основано на Евангеліи. Отмѣтимъ еще только, что въ своихъ представленіяхъ о наукѣ нашъ критикъ стоитъ самъ на той же толстовской точкѣ зрѣнія и разсуждаетъ въ той же манерѣ. Изъ приведенныхъ выше цитатъ мы видѣли, что онъ не расположенъ къ „прогрессу" и нападаетъ на какихъ-то его приверженцевъ, которые будто бы обѣщаютъ человѣчеству полное благополучіе въ будущемъ; но авторъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, признать, что „прогрессъ" расширяетъ человѣческое знаніе, которое можетъ однако чѣмъ-нибудь пригодиться для будущаго. Съ другой стороны, авторъ предъявляетъ строгія требованія къ наукѣ, которая обязана заботиться о „неотлагаемыхъ нуждахъ жизни", которая должна внять „болѣзненнымъ стонамъ духовныхъ страданій", которая „обязана служить жизни и дѣлу"; и авторъ съ негодованіемъ обрушивается на знаменитыхъ естествоиспытателей (тѣхъ же Гёксли и Геккеля), которые „явили образецъ по истинѣ первокласснаго ученаго высокомѣрія и пренебреженія къ неученому или менѣе ученому человѣчеству"; обрушивается на тѣхъ „фанатическихъ служителей знанія, которые (будто бы) своимъ девизомъ избрали: fiat scientia, pereat mundus". Гёксли провинился тѣмъ, что выразилъ мысль, что „изъ ученія объ эволюціи, какъ ему *кажется*, не вытекаетъ понятіе нравственности" [1]), и думалъ вообще, что наука обязана только строго изслѣдовать факты и не имѣетъ права утверждать того, что̀ не находитъ доказаннымъ. И въ этомъ случаѣ Гёксли, безъ сомнѣнія, совершенно правъ, потому что иначе наука стала бы лгать. Правъ былъ,

---

[1]) „The notion that the doctrine of evolution can furnish a foundation for morals *seems to me* to be an illusion". Нашъ авторъ передаетъ это такъ: „изо *всей* эволюціонистической теоріи нельзя выжать *ни единой капли* нравственности" (стр. 14), т.-е. скромное предположеніе, предоставляемое сужденію критики, подмѣниваетъ рѣшительнымъ приговоромъ.

конечно, и Золá, когда спрашивалъ: „развѣ наука *обѣщала* счастье?" и отвѣчалъ: „не думаю". Нашъ авторъ, утверждающій, что наука должна не только обѣщать, но и устроить счастье, видимо имѣетъ о ней весьма смутное представленіе, какъ и въ томъ случаѣ, когда, по образцу гр. Толстого, подобравши единичныя мнѣнія двухъ-трехъ ученыхъ, считаетъ ихъ за „науку"—и безъ милосердія казнитъ. Онъ не имѣетъ представленія о томъ, что наука (въ особенности такъ называемыя нравственныя науки) не есть что-нибудь законченное, что она находится въ постоянномъ движеніи и развитіи, что ей служатъ множество отдѣльныхъ силъ, которыя вовсе не отождествляются съ ея цѣльнымъ содержаніемъ, что на небольшую долю вопросовъ, ею болѣе или менѣе объясненныхъ, остается громадная масса вопросовъ, еще ожидающихъ — даже не рѣшенія, а только приготовленія данныхъ для этого рѣшенія; что цѣлые отдѣлы науки (какъ особливо соціологическіе) впервые возникаютъ только въ самое послѣднее время; что въ „наукѣ" (какъ массѣ единичныхъ трудовъ, направляемыхъ къ ея цѣлямъ) существовали и существуютъ разнообразныя теоріи, исключающіе другъ друга взгляды, бывали и бываютъ ожесточенные споры, и т. д.

Нашъ авторъ неумолимъ къ наукѣ: отъ нея не принимается никакихъ отговорокъ; она должна говорить то, чтò желается автору. „Наука, поставляющая своею единственною конечною цѣлью только разоблаченіе истины, то-есть констатированіе существующаго порядка вещей въ природѣ и человѣкѣ, вмѣсто того (!), чтобы видѣть эту цѣль въ разумномъ воздѣйствіи при помощи силъ знанія на этотъ порядокъ для измѣненія его въ иной, лучшій, соотвѣтствующій потребности человѣчества въ правдѣ (!), наука, существующая только для любознательности, а не для жизни (!), наука только для знанія природы, а не для дѣйствія на природу (!), — такая наука, — называйте ее какъ хотите, позитивною ли, праздною ли, или безсердечною (!),—должна быть вѣрна себѣ и не включать увертливаго „какъ будто" [1]) туда, гдѣ царитъ неумолимое, безотрадное „непремѣнно". Эта наука не можетъ не констатировать, а напротивъ, если она не лжива и не труслива (!), должна констатировать и несправедливость, и жестокость природы, и отвратительность существующаго строя жизни, гдѣ дѣйствительно царитъ право сильнаго, разрушающее всякую нравственность и ведущее всѣхъ и каждаго къ той или иной формѣ деспотизма и рабства. Все это обязана обнаруживать наука, потому что все это—истина, хотя и обидная для признающихъ чело-

---

[1]) Послѣднее было употреблено въ рѣчи Золà; но и самъ Золà не считаетъ себя „жрецомъ" науки, такъ что ему естественно было взять осторожное выраженіе.

вѣческое достоинство", и т. д. (стр. 13). Авторъ, кажется, не подозрѣваетъ, что есть и такая „наука", которая все это говорила...

Въ заключеніе, отвергая, какъ и слѣдовало, ученіе о не-дѣланіи, вовсе не подтверждаемое Евангеліемъ, и даже обвиняя статью гр. Толстого въ рѣзкомъ цинизмѣ, нашъ авторъ даетъ человѣчеству благіе совѣты: уважать науку (но только „уважать знаніе, направленное не къ одной любознательности, знанію не для знанія, а для пользы"), вѣрить въ правду, трудиться для достиженія всеобщаго счастія; надѣяться, что эта великая цѣль будетъ достигнута, и, наконецъ, „надо прежде всего и больше всего любить, — любить все положительное, благотворящее, жизнь укрѣпляющее и все ведущее къ положительному"... Въ концѣ эти выводы повторены еще въ стихотворной формѣ.

Опасаемся только, что совѣты нашего автора слишкомъ неопредѣленны: въ той борьбѣ, какая ведется въ современномъ обществѣ, обѣ стороны считаютъ каждая свое дѣло за „положительное" и „благотворное".

—„Землевѣдѣніе". Періодическое изданіе Географическаго Отдѣленія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Книжка I. Подъ редакціей предсѣдателя Географическаго Отдѣленія, Д. Н. Анучина. Москва, 1894.

—Извѣстія Импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Труды Географическаго Отдѣленія. Выпускъ I. А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. Москва, 1894. 4°.

Мы уже не разъ указывали неутомимую дѣятельность московскаго Общества, которое, при всей ограниченности своихъ матеріальныхъ средствъ, предпринимаетъ массу изданій, посвященныхъ въ особенности антропологіи и этнографіи: кромѣ спеціальныхъ трактатовъ, оно предприняло, нѣсколько лѣтъ назадъ, періодическое изданіе, „Этнографическое Обозрѣніе", представившее уже много цѣнныхъ работъ по этнографіи русскаго и инородческаго населенія Россіи. Съ начала нынѣшняго года началось изданіе новаго научнаго органа, который долженъ служить для изученій географическихъ: болѣе крупные труды предположено издавать отдѣльными выпусками, какъ изданъ теперь трудъ г. Краснова; для менѣе крупныхъ статей, рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія, географическихъ обозрѣній и т. п., должно служить „Землевѣдѣніе", по четыре книжки въ годъ, съ приложеніемъ картъ, чертежей, фототипій и т. д. „Осуществленіе обоихъ изданій оказалось возможнымъ, благодаря лишь дѣятельному сочувствію цѣлямъ Отдѣленія его сочленовъ, выразившемуся и въ посильномъ матеріальномъ содѣйствіи. Особенно суще-

ственная помощь была оказана покойнымъ П. А. Сиверсомъ, передавшимъ Отдѣленію тысячу рублей и тѣмъ обезпечившимъ его начальныя изданія... Редакція питаетъ надежду, что новый географическій журналъ встрѣтитъ достаточное сочувствіе и поддержку со стороны лицъ, интересующихся землевѣдѣніемъ и, особенно,—членовъ Географическаго Отдѣленія, для того, чтобы не только обезпечить на первыхъ порахъ свое существованіе, но и получить возможность бо̀льшаго развитія въ своемъ содержаніи, размѣрахъ, а также въ снабженіи нужными картами и рисунками".

Таковы скромныя средства, на которыя начато новое изданіе,—упоминаемъ объ этомъ, чтобы вообще указать скудныя средства русской науки,—и тѣмъ больше чести членамъ Географическаго Отдѣленія, которые отдаютъ свой трудъ на дѣло науки.

Изданіе открывается статьей г. Анучина: „Нѣсколько словъ о развитіи русскаго землевѣдѣнія и о задачахъ Географическаго кружка въ Москвѣ". Это — небольшая, но содержательная статья, гдѣ въ общихъ чертахъ разсказана исторія географическаго знанія въ Россіи и указано то, очень многое, что̀ остается еще сдѣлать русской географіи, чтобы удовлетворить основнымъ требованіямъ науки. Перечисливъ то, что̀ сдѣлано было за послѣднее время для изученія русской географіи, г. Анучинъ говоритъ: „Такое развитіе въ теченіе какихъ-нибудь 100—125 лѣтъ, несомнѣнно, громадно, но оно не должно насъ ослѣплять. Большая часть того, что̀ сдѣлано, принадлежитъ правительственнымъ учрежденіямъ и гораздо менѣе выполнено по частной иниціативѣ. Съ другой стороны, рядомъ съ важными пріобрѣтеніями въ области землевѣдѣнія, мы встрѣчаемъ у насъ и многочисленные пробѣлы, сравнительно съ тѣмъ, что̀ представляетъ намъ географія на западѣ". И г. Анучинъ даетъ краткій обзоръ тѣхъ крупныхъ недостатковъ, какіе слѣдуетъ пополнить русской географіи не только для цѣлей науки и образованія, но и для прямой государственной необходимости.

„Если начать съ картографіи,—говоритъ онъ,—то слѣдуетъ замѣтить, что мы не имѣемъ еще ни одного научнаго всемірнаго атласа, въ родѣ Stieler, Berghaus или даже новаго французскаго атласа, изд. Hachette. Подробные атласы Россіи также заставляютъ еще желать многаго... Географическія пособія наши ничтожны сравнительно съ заграничными, равно какъ и учебники значительно уступаютъ, по разнообразію, изяществу и приспособленности къ разнымъ возрастамъ, иностраннымъ. Мы до сихъ поръ еще не имѣемъ обстоятельнаго оригинальнаго общаго труда по географіи нашего отечества и принуждены довольствоваться соотвѣтственными томами переводнаго сочиненія Э. Реклю, теперь во многомъ устарѣвшими...

„Географическо-статистическій Словарь Россійской Имперіи“, изданный Географическимъ Обществомъ, при всѣхъ его достоинствахъ, неполонъ и теперь настолько устарѣлъ, что требуетъ полной переработки... Еще недавно мы имѣли совершенно невѣрное представленіе о рельефѣ Европ. Россіи, и только гипсометрическая карта А. А. Тилло указала намъ дѣйствительныя черты его распредѣленія. Но трудъ Тилло (въ который притомъ не вошла сѣверная часть Россіи) представляетъ большую точность лишь для западной половины Европ. Россіи, тогда какъ рельефъ восточной—намѣченъ лишь въ общихъ чертахъ... Въ болѣе отдаленныхъ областяхъ, напримѣръ въ Сибири, многія мѣстности остаются еще совершенно неизслѣдованными; когда недавно обсуждался вопросъ о Сибирской желѣзной дорогѣ и понадобились точныя данныя объ орографіи и гидрографіи восточной Сибири, о свойствахъ ея почвъ, климата и т. д., то пришлось убѣдиться, что данныхъ этихъ почти нѣтъ и что онѣ вообще очень недостаточны... Подобнымъ же образомъ обстоятельное изученіе нашихъ внутреннихъ водъ, озеръ и рѣкъ оставляетъ еще много желать и тоже, можно сказать, еще только начинается. Климатологія Россіи нуждается еще въ болѣе частой сѣти метеорологическихъ станцій... Географическое распространеніе въ Россіи растеній и животныхъ также еще изучено только въ главныхъ своихъ чертахъ... Могутъ замѣтить, что за границей другія условія и другія потребности, какъ научныя, такъ и практическія. Тамъ ощущается большая необходимость въ прогрессѣ и распространеніи географическихъ знаній... Но развѣ Россія менѣе нуждается въ развитіи и распространеніи географическихъ знаній, въ познаніи собственной страны и сосѣднихъ съ ней государствъ?.. Для нея не менѣе важно изученіе своихъ естественныхъ путей сообщенія, рѣкъ и морей, и проложеніе искусственныхъ желѣзно-дорожныхъ путей къ ея отдаленнымъ окраинамъ. Она не менѣе заинтересована въ обстоятельномъ изученіи своихъ естественныхъ богатствъ и нуждается, еще болѣе чѣмъ Западъ, въ изслѣдованіи тѣхъ факторовъ (почвенныхъ, климатическихъ и др.), которыми обусловливается ея земледѣльческая производительность“.

Составъ первой книжки „Землевѣдѣнія“ очень интересенъ. Нѣсколько статей посвящено общей географіи, какъ напр. статья г. Анучина о судьбѣ Колумба, какъ исторической личности, и о темныхъ пунктахъ его біографіи, и гр. П. С. Уваровой объ итальянскихъ и испанскихъ конгрессахъ и выставкахъ 1892 г. въ память Колумба. Далѣе рядъ статей по русской географіи: „Зарастающія и періодически исчезающія озера Обонежскаго края“—чрезвычайно любопытныя наблюденія, собранныя г. Куликовскимъ и до сихъ поръ

совсѣмъ неизвѣстныя въ географической наукѣ: „Гора Иремель“ (въ Южномъ Уралѣ)—г. Мамина-Сибиряка; „Въ верховьяхъ Томи“—г. Головачова; „Очерки природы и населеніе крайняго сѣверовостока Сибири“ (отъ Якутска до Средне-Колымска)—г. Шкловскаго; „О восточномъ концѣ Сибирской желѣзной дороги и о торговомъ портѣ Амурскаго бассейна“—г. Подрузскаго; „Горныя группы и ледники центральнаго Кавказа“—г. Михайловскаго. Далѣе, мелкія географическія извѣстія, библіографическія замѣтки, и въ приложеніяхъ—протоколы засѣданій Географическаго Отдѣленія и отчетъ о первой русской географической выставкѣ въ Москвѣ лѣтомъ 1892 г. —Почти къ каждой статьѣ приложены объяснительные рисунки и чертежи.

Трудъ г. Краснова есть чисто спеціальное научное изслѣдованіе.

Территорія нашего отечества такъ громадна и изученіе ея такъ необходимо, что русская географія имѣетъ передъ собой особенно трудную задачу. Великая заслуга принадлежитъ здѣсь академическимъ экспедиціямъ, начавшимся еще съ первой половины прошлаго вѣка, и особливо трудамъ Географическаго Общества въ Петербургѣ и его отраслей въ провинціи,—но такъ обширна область, подлежащая изученію, что, какъ мы видѣли изъ краткаго обзора г. Анучина, сдѣланное до сихъ поръ оставляетъ еще крупные пробѣлы. Къ сожалѣнію, и здѣсь, какъ во всѣхъ другихъ областяхъ научной дѣятельности, приходится встрѣчаться съ фактомъ крайней бѣдности русской науки—и слишкомъ малаго числа дѣятелей, и ничтожныхъ матеріальныхъ средствъ. Знаніе своей страны составляетъ, конечно, одну изъ самыхъ настоятельныхъ, элементарныхъ потребностей не только науки, но самой національной жизни; это знаніе очень неполно,—но пониманія этой національной необходимости въ массѣ общества (въ которомъ тупые или нечестные люди находятъ перепроизводство интеллигенціи!) такъ мало, что кружокъ ревностныхъ ученыхъ въ первопрестольной столицѣ, центрѣ экономической жизни, съ первымъ и старѣйшимъ русскимъ университетомъ, едва находитъ средства для скромнаго научнаго изданія при помощи частныхъ пожертвованій. Въ сущности очень скудны и средства Географическаго Общества въ Петербургѣ; бюджетъ его провинціальныхъ отдѣловъ „на ученыя предпріятія“ ограничивается сотнями рублей... (напр., нѣсколько сотъ рублей на изслѣдованіе Восточной Сибири!). Казалось бы, что бо́льшая обезпеченность русской науки должна бы составлять вопросъ не только національной пользы, но и національнаго достоинства.—А. В.

- **Пособіе къ практическому изученію французскаго языка. Для старшаго возраста. Сост. М. Бобрищева-Пушкина. Спб. 94. Стр. 420.**

Кромѣ оглавленія книги, на русскомъ языкѣ написано еще „предисловіе“ къ ней; самый же текстъ книги—весь французскій, почему она и предназначается для насъ, русскихъ, какъ пособіе, и притомъ для старшаго возраста, въ предположеніи, что въ старшемъ возрастѣ пользующійся книгою уже можетъ владѣть французскимъ языкомъ настолько, чтобы довольно свободно читать (по-французски), не прибѣгая на каждомъ шагу къ помощи лексикона. Французское же заглавіе книги: „Cours théorique et pratique de langue française à l'usage de la jeunesse“ — говоритъ и о другомъ назначеніи книги —для самихъ французовъ, такъ какъ она называется „курсомъ“, не только практическимъ, но и „теоретическимъ“, и притомъ вообще для юношества, а не для одного старшаго возраста. У насъ эта книга можетъ послужить дѣйствительно пособіемъ уже для дальнѣйшаго усовершенствованія и ближайшаго изученія французскаго языка въ его тонкостяхъ и особенностяхъ, не только лексическихъ, фонетическихъ, но и историческихъ. Это, такъ сказать, подробный и разнообразный комментарій къ французскому языку, но безъ предопредѣленной системы, и излагаемый въ томъ случайномъ порядкѣ, какой представляетъ избранный составителемъ книги рядъ диктовокъ, изъ которыхъ она вся и состоитъ; за каждой диктовкой слѣдуютъ комментаріи почти къ каждому слову, что̀ даетъ составителю поводъ сообщать чрезвычайно разнообразныя свѣденія не только грамматическія, но и изъ исторіи политической, естественной, географіи и т. д. Чтобы судить объ обширности этихъ комментарій, довольно указать на первые шесть уроковъ: самый текстъ диктовки для шести уроковъ занимаетъ всего двѣ страницы, а комментарій къ этимъ двумъ страницамъ расположенъ на 123 страницахъ. Предоставляемъ спеціалистамъ судить о степени пригодности подобной хрестоматіи, какъ пособія при обученіи языку въ старшихъ классахъ; во всякомъ случаѣ, въ рукахъ опытнаго преподавателя она можетъ оказать весьма существенныя услуги желающимъ усовершенствоваться въ пріобрѣтенномъ уже ими знаніи французскаго языка. — Р.

Въ февралѣ мѣсяцѣ поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

***Альбовъ*, М. Н. — День да ночь. Эпизоды изъ жизни одной человѣческой группы. Спб. 94. Стр. 318. Ц. 1 р. 50 к.**

Анненковъ, К. — Система русскаго гражданскаго права. Т. I: Введеніе и Общая часть. Спб. 94. Стр. 591. Ц. 4 р.

Бальмонтъ, К.—Подъ сѣвернымъ небомъ. Элегіи, стансы, сонеты. Спб. 94. Стр. 84. Ц. 50 к.

Барсуковъ, Н.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 8. Спб. 94. Стр. 629. Ц. 2 р. 50 к.

Бертенсонъ, В. А. — По югу Россіи. Вып. 1 и 2. Спб. 94. Стр. 66 и 77. Ц. 50 и 75 к.

Бикеласъ, Дм.—Луки-Ларосъ. Ром. изъ эпохи греческаго возстанія, съ рис. Ралли. Перев. съ новогреч. Н. Н. К. Москва, 94. Стр. 191.

Бобрищева-Пушкина, М. — Пособіе къ практическому изученію французскаго языка для старшаго возраста. Спб. 94. Стр. 420.

Борзенко, А. А.—Промышленная собственность. Од. 94. Стр. 20. Ц. 30 к.

Борисовъ, Н. А.—Отовсюду. Пересказы и переводы. Для юношества. Рис. М. Клодта и В. Максимова. Спб. 94. Стр. 132. Ц. 1 р.

——— Гибель военнаго корабля „Ингерманландъ". Съ 2 рис. Л. Лагоріо. Спб. 94. Стр. 26. Ц. 30 к.

Брэмъ, А.—Жизнь животныхъ, популярное изданіе. Вып. 7: Хищники. Перев. съ нѣм. 2 изд., п. р. С. М. Переяславцевой. Од. 94. Стр. 193—224. Ц. 25 к.

Бѣлинскій, В. А. — Провинціальный публицистъ-мечтатель. Сборникъ газетныхъ и журнальныхъ статей (за время съ 1876 по 1892 г.). Съ приложеніемъ двухъ писемъ къ нему: И. С. Тургенева и А. С. Аксакова. Спб. 94. Стр. 270. Ц. 1 р.

Вадимъ, В.—Стихотворенія. 1891—93 г. Спб. 94. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к.

Вейнеръ, А. П.—Консулы въ христіанскихъ государствахъ Европы и с.-а. Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 94. Стр. 248.

Венгеровъ, С. А.—Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями, библіографическими примѣчаніями и портретами. Вып. III: 8. Хемницеръ. 9. Херасковъ. 10. Богдановичъ. Спб. 93. Стр. 453—602. Ц. 2 р.

Гильти, К. — Счастье. Популярныя лекціи по нравственной философіи. Перев. съ 4-го нѣм. изд. А. Острогорскаго. Спб. 94. Стр. 94. Ц. 50 к.

Гиляровскій, Вл. — Забытая тетрадь. Стихотворенія. М. 94. Стр. 174. Ц. 2 руб.

Гогебашвили, Як. — Нормальное письмо (Педагогическіе вопросы. № 1). Тифлисъ, 94. Стр. 32. Ц. 20 к.

Гоголь, Н. В.—Тарасъ Бульба. Разборъ повѣсти для учащихся, съ приложеніемъ статьи: „Характеристика и значеніе Гоголя", С. Бураковскаго. Новг. 94. Стр. 30. Ц. 25 к.

Гурьевъ, А. Н. — Къ реформѣ крестьянскаго банка. Спб. 94. Стр. 67. Ц. 50 коп.

——— О привилегіяхъ на изобрѣтенія. Къ реформѣ законодательства. Спб. 94. Стр. 67. Ц. 50 к.

Евреиновъ, П. А.—Докторъ Славинъ, ком. въ 4 д., въ стихахъ. Кіевъ, 93. Стр. 75. Ц. 50 к.

Жеденовъ, Н.—Общественное призрѣніе дѣтей на началахъ самостоятельнаго ихъ существованія, въ связи съ вопросомъ о сельско-хозяйственномъ и кустарномъ образованіи. Сарат. 94. Стр. 24. Ц. 20 к.

Кожевниковъ, В. А.—Безцѣльный трудъ, „не-дѣланіе" или „дѣло"? Разборъ

взглядовъ Эм. Зола, А. Дюма и гр. Л. Н. Толстого на трудъ. М. 94. Стр. 56. Ц. 20 к.

Кранцфельдъ, М. I. — Очеркъ санитарно-гигіеническихъ условій 75 учебныхъ заведеній г. Одессы, состоящихъ въ вѣденіи Дирекціи народныхъ училищъ. Од. 93. Стр. 51.

Мартьяновъ, П. К. — Дѣла и люди вѣка. Отрывки изъ старой записной книжки, статьи и замѣтки. Т. I и II. Спб. 93. Стр. 304 и 375. Ц. 3 р. 50 к.

——— Современное русское общество. Кроки и эскизы (La Société russe contemporaine. Croquis et Esquises). Спб. 93. Стр. 162. Ц. 1 р.

Мятлевъ, И. П.—Полное собраніе сочиненій. Кіевъ, 93. Стр. 656 Ц. 1 р.

Мышъ, М. И.—Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12-го іюня 1890 г., со всѣми относящимися къ нему узаконеніями, судебными и правительственными разъясненіями. Спб. 94. Стр. 711. Ц. 3 р.

Окольскій. А., проф. — Ѳома Карлейль и англійское общество XIX ст. Варш. 93. Стр. 146.

Плискій, Н.Н.—Мстительность животныхъ. Вып. 1: Мстительность обезьянъ, слоновъ и лошадей. Спб. 94. Стр. 23. Ц. 20 к.

——— Реклама, ея значеніе, происхожденіе и исторія. Примѣры рекламированія. Спб. 94. Стр. 175. Ц. 1 р. 50 к.

Позняковъ, Н. И.—На память дѣткамъ. Разсказы и стихотворенія. Съ рис. 2-е изд. Спб. 94. Стр. 220. Ц. въ пер. съ золот. обр. 2 р.

Попруженко, М.—Начало космографіи (математическая географія). Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній. М. 94. Стр. 148. Ц. 1 р.

Португаловъ, В.—Школа во Франціи. Стр. 44 (оттискъ изъ ж. „Вѣстникъ воспитанія).

Салтыковъ, М. Е. — Смерть Пазухина. Ком. въ 4 д. Спб. 94. Стр. 116. Ц. 1 р.

Святловскій, д-ръ В. В.—Кустари-кожевники полтавской губерніи. Полт. 94. Стр. 58.

Селезневъ, В. И.—Производство и украшеніе глиняныхъ издѣлій въ настоящемъ и прошломъ (Керамика). Съ 104 рис. Спб. 94. Стр. 336. Ц. 3 р.

Стриндбергъ, А. — Скандинавскія повѣсти и разсказы, въ переводахъ В. Фирсова. М. 94. Стр. 216. Ц. 75 к.

Терновскій, А. А.—Матеріалы для біографіи Сибири. Тобольскъ, 93. Стр. 52.

Халютинъ, С. Л.—І. С. Бахъ и его значеніе въ музыкѣ. Минскъ, 94. Стр. 119. Ц. 40 к.

Харузинъ, А. Л. — Временникъ Эстляндской губерніи. Кн. 1. Ревель, 94. Стр. 411. Ц. 2 р.

Цейнеръ, М. А. — Стихотворенія въ элегіи и прозѣ. Томскъ, 94. Стр. 120. Ц. 85 к.

Чернышевскаго, М. Н., изд.—Замѣтки о современной литературѣ. 1856—1862 г. („Современникъ", 1856—1862 г.). Спб. 94. Стр. 444. Ц. 2 р.

Чешихинъ, Всев.—Стихи (1887—1893). Рига, 94. Стр. 320. Ц. 1 р.

Adams, Frencis.—The new Egypt. A social sketch. Lond. 93. Стр. 286.

Murray, David.—Japan. Lond. 94. Стр. 420.

Sichler, L. — A propos de l'assurance de récoltes en France et en Russie. Par. 94. Стр. 44.

— Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Кн. 4. Изд. п. р. В. Н. Смольянинова. Саратовъ, 94. Стр. 478. Ц. 4 р.

— Архивъ юго-западной Россіи, изд. Коммиссіею для разб. древн. актовъ Ч. 8, т. I: Акты Барскаго староства. Ч. 1, т. IX: Ли. Кіевъ, 93. Стр. 372 и 445. Ц. по 2 р.

— Для школъ и грамотнаго народа. № 5: Ив. Жирковъ. Спасибо отцу. № 1: Н. А. Рубакинъ. Испытаніе доктора Исаака. М. 94.

— Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея. Вып. 1. Тобольскъ, 93. Стр. 69, съ прилож.

— Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ 23 губерній Россіи (1865—1892 г.). Вып. 1. Полт. 94. Стр. 76.

— Международная Библіотека. № 6: Ф. Брюнетьеръ, Отличительный характеръ французской литературы. № 7: Шарль Рише, Геніальность и помѣшательство. № 8: Г. фонъ-Шель, Самоубійство и современная цивилизація. № 9: Ипп. Тэнъ, В. Шекспиръ. Ц. по 15 к.

— Между прочимъ. Сборникъ разсказовъ: Чехова, Гнѣдича, Щеглова, Потапенка, Щепкиной-Куперникъ, Гомовскаго, Михеева. М. 94. Стр. 172. Ц. 80 коп.

— Моя Библіотека. № 78 и 79: Б. Ауэрбахъ, Шварцвальдскіе деревенскіе разсказы, т. II. № 80: Г. Лессингъ; Эмилія Галотти. № 85, 86 и 87: Франсуа Коппе, Разсказы. Спб. 94.

— Нашему юношеству о хорошихъ людяхъ. № 11: Петръ Пахтусовъ, Н. А. Борисова. Спб. 94. Стр. 82. Ц. 30 к.

— Отчетъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ за 1892 г., съ приложеніемъ краткаго обзора 10-лѣтней дѣятельности Общества, А. К. Шипицына. Томскъ, 93.

— Планъ Кіева, составленный въ 1695 г. Кіевъ, 93. Три чертежа.

— Пятидесятилѣтіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ (1843—1893 г.). Историческая записка о ея дѣятельности. Состав. О. Левицкій. Кіевъ, 93. Стр. 140.

— Сборникъ статистическихъ свѣденій о Тверской губерніи. Т. VIII: Тверской уѣздъ. Вып. 1. Тв. 93. Стр. 254. Ц. 2 р.

— Сборникъ пермскаго земства 1893 г. Пермь, 93.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Тверской губерніи за 1893 г. Тв. 93.

— Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи 1893 г. Вып. III. П. р. А. К. Голубева. Спб. 93. Стр. 27, съ картограммой.

— Статистическій сборникъ свѣденій по земельному округу въ Россіи. Т. III, вып. 1. П. р. А. К. Голубева. Спб. 93. Стр. 81, съ 2 картограммами и 3 діаграммами.

— Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ въ его примѣненіи, со включеніемъ рѣшеній гражд. Кассац. д-та Правит. Сената. Изд. 4-е. Спб. 94. Стр. 196. Ц. 2 р.

— Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона. Т. X, А: Десмургія—Домиціанъ. Т. XI: Домиціи—Евреинова. Спб. 93. Стр. 481—960 и 466. Ц. по 3 р. въ пер.

ДВА НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЯ Е. А. БАРАТЫНСКАГО.

Два стихотворенія Е. А. Баратынскаго, написанныя покойнымъ поэтомъ въ ранній періодъ его литературной дѣятельности, извлечены мною изъ альбома, принадлежавшаго нѣкогда моей родственницѣ Софьѣ Дмитріевнѣ Пономаревой, урожденной Познякъ, и съ тѣхъ поръ переходившаго по наслѣдству сначала къ единственному сыну ея, а послѣ смерти его — къ дядѣ моему, отставному гвардіи полковнику Н. Н. Пономареву, у котораго этотъ альбомъ хранится по настоящее время. — Еще съ юныхъ лѣтъ окруженная молодежью [1]), умная и образованная, прекрасная наружностью и талантами, какъ выражался увлеченный ею А. Е. Измайловъ, умѣвшая „шутя класть на сердце узы", Софья Дмитріевна принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ личностей первой половины 20-хъ годовъ; она была долгое время руководящимъ центромъ литературнаго салона, извѣстнаго подъ именемъ „Дружескаго общества" [2]). Гостиная Пономаревой въ Петербургѣ была чѣмъ-то въ родѣ Hôtel Rambouillet — этого представителя золотого вѣка во Франціи—и служила связующимъ звеномъ людей разныхъ взглядовъ и направленій, а часто и мѣстомъ встрѣчи двухъ враждебныхъ теченій въ русской литературѣ. Здѣсь Пушкинъ, посылавшій свою молдаванскую пѣсню изъ Кишинева, встрѣчался съ издателемъ „Сына Отечества"—Николаемъ Гречемъ, воспѣвавшимъ красоту хозяйки; Дельвигъ — писалъ рядомъ съ Вл. Панаевымъ; И. А. Крыловъ, Баратынскій, Кюхельбекеръ сходились съ Орестомъ Сомовымъ и др. сотрудниками „Благонамѣреннаго". Страсти могли тогда кипѣть—и кипѣли въ дѣйствительности—внѣ симпатичнаго домика князя Таврическаго на Фурштадтской, гдѣ жила съ семьей Софья Дмитріевна; но, разъ вступивъ на нейтральную почву, гости подчинялись безпристрастному режиму „соперницы Венеры", гдѣ личнымъ чувствамъ антипатіи не было мѣста: солнце хозяйки одинаково свѣтило злымъ и добрымъ. Всѣмъ извѣстно, какую пользу принесли развитію нашей литературы эти русскія Madame de Сталь, Севиньé, Рекамьé и др.? Будущій историкъ русской цивилизаціи, вѣроятно, оцѣнитъ ихъ по достоинству, а насъ бы это завело слишкомъ далеко и, по-

[1]) Братъ Софьи Дмитріевны, И. Д. Познякъ, воспитывался въ лицеѣ и былъ друженъ съ знаменитыми впослѣдствіи питомцами этого заведенія: Пушкинымъ, Дельвигомъ, Кюхельбекеромъ и др.

[2]) Предисловіе Валеріана Майкова къ соч. бар. Дельвига (изд. журнала „Сѣверъ" за 1893 г.).

жалуй, не удержало бы въ предѣлахъ тѣхъ краткихъ біографическихъ данныхъ изъ жизни Софьи Дмитріевны Пономаревой, которыя составляютъ цѣль настоящей замѣтки.

Баронъ Н. В. Дризенъ.

Февраль, 1894 г.

I.

Въ Альбомъ.

Когда бъ вы менѣе прекрасной
Случайно слыли у Молвы;
Когда бы прелестью опасной
Не столь опасны были вы...
Когда бъ еще сей голосъ нѣжный
И томный пламень сихъ очей
Любовью менѣе мятежной
Могли грозить душѣ моей;
Когда бы больше мнѣ на долю
Даровъ послалъ Цитерской богъ;
Тогда я далъ бы сердцу волю,
Тогда любить я васъ бы могъ.
Предаться нѣжному участью
Мнѣ тайно голосъ не велитъ...
И удивленіе, по счастью,
Отъ стрѣлъ любви меня хранитъ.

II.

* * *

Слѣпой поклонникъ красоты,
Любви и нѣги сынъ безпечный,
Я несъ ей въ даръ восторгъ сердечный
И сладострастныя мечты.
Я трепеталъ въ тоскѣ желанья
У ногъ волшебницъ молодыхъ;
Но тщетно взоръ во взорахъ сихъ
Искалъ отвѣта и узнанья!
Огонь утихъ въ моей крови;
Покинувъ знамя Купидона,
Я промѣнялъ альковъ любви
На верхъ безплодный Геликона;
Но свѣтлый міръ унылъ и пустъ,
Когда душѣ ничто не мило:
Руки пожатье замѣнило
Мнѣ поцѣлуй волшебныхъ устъ!

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Joseph Milsand. Littérature anglaise et philosophie. Paris 1893. Стр. 502.

Французскую критику очень часто упрекаютъ въ равнодушіи къ литературнымъ явленіямъ другихъ странъ и въ непониманіи всего того, что̀ чуждо національному духу французовъ. Въ доказательство приводится тотъ фактъ, что, начиная съ Вольтера и до нашихъ дней, во Франціи не понимали и искажали Шекспира. Но это только отдѣльные случаи шовинистской ограниченности критическаго пониманія. Въ общемъ же совершенно несправедливо обвинять французскихъ писателей въ отсутствіи интереса къ литературѣ другихъ странъ. Напротивъ того, всякія литературныя теченія, возникающія за предѣлами Франціи, находятъ отголосокъ въ французской литературѣ, вызывая въ ней изслѣдованія и обсужденія, а нерѣдко и подражанія. Особенно это обнаруживается относительно Англіи, духовная связь съ которой непрерывно держится еще съ прошлаго и даже съ XVII вѣка. Не только самыя крупныя явленія англійской литературы, но и общее ея теченіе въ различные моменты служитъ предметомъ изученія для французскихъ критиковъ и историковъ литературы. Вспомнимъ, что одна изъ лучшихъ исторій англійской литературы написана Тэномъ, и что по большинству вопросовъ современной англійской литературы во Франціи появляются изслѣдованія, которымъ придается большее значеніе въ самой Англіи. Такъ, напр., одною изъ самыхъ яркихъ и вѣрныхъ характеристикъ Броунинга считается даже англійскими критиками этюдъ французскаго писателя Саразэна и т. п. Если же прослѣдить французскіе журналы, „Revue des deux Mondes", „Nouvelle Revue" и мн. др. за послѣднія 30—40 лѣтъ, то въ нихъ можно найти наглядное доказательство интереса, съ которымъ французская литература слѣдила за развитіемъ духовной жизни Англіи. Выработался цѣлый рядъ писателей, очень близко знакомыхъ съ англійской литературой и жизнью и знакомящихъ французскую публику какъ съ ея наиболѣе яркими представителями, такъ и съ любопытными въ томъ или другомъ отношеніи явленіями, хотя бы и не имѣющими особеннаго значенія.

Кромѣ Тэна, много писавшаго объ Англіи, на этомъ поприщѣ подвизались Филаретъ Шаль (Ph. Chasles), Ж. Мильзанъ и др.

Ж. Мильзанъ былъ очень виднымъ журнальнымъ критикомъ 50-хъ и 60-хъ годовъ; его блестящія статьи объ англійской поэзіи въ „Revue des deux Mondes“ 1861 г. составили ему большое имя. Живя подолгу въ Англіи въ разное время, онъ былъ другомъ Броунинга и другихъ выдающихся поэтовъ и писателей того времени и имѣлъ возможность близко изучить англійскую литературу и жизнь. Сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ живую связь съ французскими идеалами въ поэзіи, искусствѣ и философіи, онъ вводитъ въ свои очерки очень интересныя параллели между литературными судьбами двухъ сосѣднихъ націй, столь различныхъ по темпераменту и складу ума. Этими характеристиками и интересными сопоставленіями богаты какъ изданная при жизни автора „Esthétique anglaise“, такъ и недавно вышедшее въ свѣтъ посмертное изданіе отдѣльныхъ литературно-историческихъ и философскихъ очерковъ, объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Littérature anglaise et philosophie“.

Въ этой книгѣ мы находимъ интересные этюды изъ области англійской поэзіи, романа и философіи, при чемъ на ряду съ такими литературными корифеями, какъ Теннисонъ, Броунингъ, Диккенсъ, удѣляется мѣсто сравнительно малоизвѣстнымъ за предѣлами своего отечества, но заслуживающимъ вниманія писателямъ.

Въ этомъ отношеніи очень интересенъ этюдъ о Вильямѣ Блэкѣ, поэтѣ-художникѣ, пользующемся въ Англіи большою, хотя и очень своеобразной репутаціей, но совершенно неизвѣстномъ внѣ своей страны. Мильзанъ—одинъ изъ первыхъ иностранныхъ писателей, попытавшихся приступить къ изученію этого оригинальнаго поэта-пророка, и если ему не удается объяснить внутренній смыслъ мистическихъ „пророческихъ книгъ“ Блэка,—это не удается и англійскимъ критикамъ,—то онъ выясняетъ по крайней мѣрѣ роль Блэка въ литературной исторіи Англіи и отмѣчаетъ характеристическія черты его таланта. Вильямъ Блэкъ—приверженецъ и нѣкоторымъ образомъ продолжатель Сведенборга въ Англіи. Онъ родился въ половинѣ прошлаго вѣка, началъ писать незадолго до французской революціи, и умеръ въ 1827 г., оставивъ два сборника лирическихъ стихотвореній, „Songs of Innocence“ и „Songs of Experience“, нѣсколько „пророческихъ книгъ“ (Prophetic books), сочиненныхъ, иллюстрированныхъ и напечатанныхъ разноцвѣтнымъ шрифтомъ самимъ же авторомъ, и наконецъ множество картинъ и рисунковъ, представляющихъ такую же смѣсь геніальности и сумасшествія, какъ его мистическія писанія и мелодичная лирическая поэзія. При жизни Блэкъ слылъ сумасшедшимъ, иллюминатомъ, а его произведенія—

безсвязнымъ бредомъ; только отдѣльные голоса раздавались въ его защиту, и въ числѣ ихъ были Вордсвортъ, Чарльсъ Лэмбъ, художникъ Фюзели и нѣкоторые другіе. Они смутно чувствовали въ творчествѣ Блэка какую-то внутреннюю силу, не дисциплинированную, но кроющую въ себѣ зачатки идеаловъ, которымъ суждено развиться и окрѣпнуть въ дальнѣйшемъ теченіи литературной жизни. Много лѣтъ послѣ смерти Блэка, въ 1863 г., появилась книга, выведшая изъ забвенія имя одинокаго при жизни мечтателя. Книга эта [1])—біографія Блэка, написанная Гилькристомъ. Гилькристъ установилъ связь между ученіемъ Блэка, не столько изложеннымъ, сколько смутно носящимся въ фантастическихъ видѣніяхъ его пророческихъ книгъ, и тѣмъ идеаломъ свободнаго, непосредственнаго творчества, который отразился на періодѣ „возрожденія англійской поэзіи и искусства" въ срединѣ нашего вѣка. Вслѣдъ за Гилькристомъ вся новая англійская литература принялась изучать и комментировать поэзію и живопись Блэка, и имя его сдѣлалось, на ряду съ именемъ Тёрнера въ живописи, однимъ изъ самыхъ громкихъ въ Англіи. О немъ написаны и пишутся обширныя изслѣдованія, изъ которыхъ книга Свинборна [2]) считалась самымъ авторитетнымъ до прошлаго года, когда вышло изданіе всѣхъ сочиненій Блэка и большинства его рисунковъ въ роскошно-изданныхъ огромныхъ трехъ томахъ, снабженныхъ обширнымъ предисловіемъ поэта Уитса (Yetts). Послѣдній даетъ ключъ къ пониманію мистическаго ученія Блэка и возводитъ его въ число геніальныхъ поэтовъ Англіи. За исключеніемъ Уитса съ его попыткой разгадать „пророческія книги", всѣ изслѣдователи и критики Блэка (въ томъ числѣ и Свинборнъ) признаютъ, что до „сокровенной глубины" ученія Блэка они не дошли; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, они признаютъ, что неясные намеки на божественное откровеніе въ писаніяхъ Блэка, истинно пророческій экстазъ, неисчерпаемое богатство фантазіи, витающей въ таинственномъ мірѣ божественныхъ видѣній, и чисто поэтическія красоты его творчества, создаютъ Блэку совершенно особое положеніе поэта-пророка въ англійской литературѣ.

Конечно, этотъ культъ Блэка принялъ, какъ большинство литературныхъ увлеченій въ Англіи, преувеличенные размѣры. Идеямъ и мистическому ученію Блэка едва-ли можно приписать то значеніе, которое признаетъ за нимъ англійская критика, забывающая, что даже самые ярые поклонники Блэка не отрицаютъ его сумасшествія въ то время, когда онъ писалъ свои мистическія „пророческія книги".

---

[1]) Life of William Blake. By Alexander Gilchrist.

[2]) Swinburne, „William Blake", 1866.

Но во всякомъ случаѣ, совокупность элементовъ, составлявшихъ творчество Блэка, дѣлаетъ его интереснымъ явленіемъ въ исторіи англійской литературы, и Мильзанъ справедливо замѣчаетъ, что „недоставало бы страницы въ исторіи возрожденія поэзіи и искусства въ XIX в., еслибы вычеркнуто было изъ нея имя В. Блэка".

Мильзанъ вполнѣ правъ, приступая къ характеристикѣ Блэка съ историческимъ критеріемъ. Важно то, что Блэкъ принадлежитъ еще къ XVIII вѣку, что онъ жилъ и приводилъ въ исполненіе свои артистическіе замыслы въ эпоху полнаго подчиненія человѣческой личности отвлеченнымъ требованіямъ общественныхъ и философскихъ системъ. Это было время господства сенсуализма, отрицавшаго самостоятельное значеніе мыслительной способности человѣка, время господства и даже тиранніи разума и здраваго смысла. Противъ этого торжества отлившагося въ извѣстныя формы здраваго смысла и во имя способности къ инстинктивнымъ побужденіямъ человѣческаго „я" Блэкъ сталъ отстаивать попираемыя обычной моралью проявленія индивидуальныхъ инстинктовъ.

Исходя изъ своего пониманія полной свободы личности, Блэкъ создаетъ цѣлую оригинальную систему этики (какъ истый англичанинъ, онъ стремится не къ метафизическимъ цѣлямъ объясненія мірозданія, а къ этическимъ, къ познанію добра и зла), въ которой общепринятое понятіе о божествѣ, карающемъ проявленія страстей, замѣняется понятіемъ о сатанѣ, при чемъ духъ зла, освобождающій отъ оковъ человѣческій духъ, возводится на божественный престолъ. Этотъ опрокинутый катехизисъ вмѣстѣ съ постояннымъ смѣшиваніемъ трехъ различныхъ миѳологій, классической, германской и скандинавской, а также варварская терминологія, которую Блэкъ вводитъ для обозначенія божествъ, воплощающихъ для него первоначальныя силы природы, — все это усугубляетъ невозможность разобраться въ пророчествахъ Блэка; но за этой сложной и спутанной символикой чувствуется инстинктивное стремленіе къ тому, что было оформлено и возведено въ принципъ лишь преемниками Блэка, которые по-своему поняли смутныя мечты, носившіяся въ видѣ фантастическихъ видѣній въ душѣ идеалиста, затеряннаго въ раціоналистической сферѣ XVIII вѣка. Свободное „я", торжество инстинкта, т.-е. непосредственнаго влеченія надъ разсудочностью, свободная вѣра, не стѣсненная обрядностью, и наконецъ любовь и самопожертвованіе, какъ основа жизни на землѣ (къ этому онъ пріурочиваетъ, какъ символъ, искупленіе грѣховъ людей самопожертвованіемъ Христа),—таковы основныя идеи Блэка, разработанныя каждая отдѣльно въ разнообразныхъ литературныхъ и философскихъ теченіяхъ XIX вѣка. Но самъ Блэкъ не только не выразилъ ясно этихъ идей

въ своихъ поэмахъ и картинахъ, а очевидно даже не сознавалъ ихъ вполнѣ ясно;—инстинктивное чувство истины и добра прямо отливалось у него въ фантастическіе образы. Онъ былъ иллюминатомъ въ буквальномъ смыслѣ слова; съ дѣтства посѣщали его видѣнія религіознаго характера. Богъ заглядывалъ ему въ окно; онъ видѣлъ деревья, на вѣткахъ которыхъ сидѣли ангелы, и т. д. Его поэмы тоже полны галлюцинацій, не говоря уже о картинахъ и о раскрашенныхъ рисункахъ, которыми онъ снабжалъ свои произведенія,—въ нихъ замысловатость формъ и прихотливость красокъ производятъ впечатлѣніе какого-то кошмара—хотя, быть можетъ, и геніальнаго. Изъ его „пророческихъ книгъ" наиболѣе понятна и поэтична книга „Thel", символизирующая любовь и самопожертвованіе, какъ живительныя основы жизни. Въ ней трогателенъ и поэтиченъ образъ героини, Тэль, дочери серафимовъ (символъ человѣческой души), которая томится своей безполезностью въ мірѣ и разспрашиваетъ у всѣхъ созданій природы о цѣли ихъ бытія: она узнаетъ въ отвѣтъ, что всѣ они счастливы сознаніемъ, что приносятъ или пользу, или наслажденіе другимъ, и что даже земляной червь (представленный въ образѣ младенца, покоящагося на лепесткѣ лиліи), и вскармливающая его земля участвуютъ въ общемъ праздникѣ любви. Другая изъ „пророческихъ книгъ", „Врачный союзъ неба и ада" (Marriage of Heaven and Hell), считается самымъ глубокомысленнымъ изъ мистическихъ писаній Блэка, заключающимъ въ зародышѣ весь пантеизмъ Шелли, мистицизмъ Розетти и философскій идеализмъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Но вполнѣ разобраться въ туманной символикѣ этой книги не удается ни одному изъ критиковъ Блэка, и преклоненіе передъ этой предполагаемою мудростью сводится въ концѣ концовъ къ толкованіямъ понятныхъ и прекрасныхъ, какъ поэтическіе символы, „пословицъ ада" (Proverbs of Hell), и поражающихъ своей фантастической красотой и силой отдѣльныхъ видѣній, „достопамятныхъ видѣній" (memorable visions), какъ ихъ называетъ авторъ.

Замѣчательно, что доходящее до бреда мистическое настроеніе Блэка очень мало отразилось на его лирикѣ. „Songs of Innocence" и „Songs of Experience" по прозрачности, мелодичности и легкости стиха напоминаютъ англійскихъ лириковъ Елизаветинской эпохи; внутреннее же ихъ содержаніе дышетъ тѣмъ пониманіемъ природы и любовью къ ней, тѣмъ широкимъ пантеизмомъ, который составляетъ основной характеръ поэзіи Шелли. Гимнъ Блэка „Къ лѣту" и нѣкоторыя отдѣльныя стихотворенія („Mad Song", „To the Evening Star" и др.) несомнѣнно принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ этого жанра. В. Блэкъ служитъ для Мильзана примѣромъ одного изъ тѣхъ „непонятыхъ геніевъ", которые оказываются слишкомъ опередившими

идейную жизнь своихъ современниковъ, чтобы встрѣтить у нихъ пониманіе и сочувствіе; во всѣхъ литературахъ и въ самыя различныя эпохи являлись представители этого типа, пророки и писатели будущаго, сознающіе свою правду, несмотря на отрицательное отношеніе къ нимъ современниковъ. Къ этой категоріи можно причислить Стендаля, писавшаго въ первой четверти нашего вѣка, и оцѣненнаго по достоинству лишь въ послѣдней его четверти,—Шелли, между смертью котораго и расцвѣтомъ его славы прошло нѣсколько десятилѣтій, и нѣк. другихъ.

Но на ряду съ этимъ сравнительно рѣдкимъ, типомъ писателей, составляющихъ какъ бы живой анахронизмъ, Мильзанъ характеризуетъ въ другомъ изъ своихъ этюдовъ противоположный первому и очень распространенный литературный типъ. Разбирая дѣятельность и литературную судьбу извѣстнаго англійскаго поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ историка литературы, Томаса Кэмпбелля, Мильзанъ доказываетъ, что слава его основана была, въ противоположность Блэку, не на оригинальности и новизнѣ его дарованія, а на умѣніи понять и воплотить нарождающіеся идеалы своего поколѣнія. Т. Кэмпбелль—поэтъ переходной эпохи, и въ этомъ все его значеніе и тайна его безпримѣрнаго успѣха при жизни, и очень скораго, полнаго забвенія послѣ смерти. Когда въ 1799 г. появилась первая и лучшая поэма Кэмпбелля, его „Pleasures of Hope“, она произвела взрывъ энтузіазма, выдержала массу изданій (чтобы купить у автора право изданія этой книги, одинъ лондонскій издатель предлагалъ ему въ 1803 г. 200 ф. ст. пожизненной ренты), ввела автора въ лучшее общество Шотландіи и Англіи, вызвала восторженное преклоненіе предъ его талантомъ Байрона, m-me de Сталь, лорда Голланда и др.; увлеченное общимъ энтузіазмомъ, правительство, во главѣ котораго стоялъ Чарльсъ Фоксъ, назначило ему пенсію въ 200 ф. ст., и со всѣхъ сторонъ, какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи, гдѣ онъ совершилъ нѣсколько путешествій, ему оказывали почести, какъ самому замѣчательному поэту своего времени. А между тѣмъ поэма, создавшая эту громкую славу, представляетъ довольно мало новаго и интереснаго въ нашихъ глазахъ: описаніе лазури, окутывающей горы на дальнемъ горизонтѣ, воспѣваніе надежды, какъ вдохновительницы человѣческой дѣятельности, украшающей личную и общественную жизнь людей, мысли о прогрессѣ, цивилизаціи, о свободѣ, разбивающей оковы,—все это кажется теперь общими мѣстами, изложенными притомъ сильно напыщеннымъ слогомъ.

Чтобы понять, почему „Pleasures of Hope“ произвели на современниковъ Кэмпбелля впечатлѣніе какого-то поэтическаго откровенія, нужно имѣть въ виду моментъ появленія поэмы. Это было время

упадка поэтической школы Попа, съ ея искусственностью, сентенціозностью и отвлеченностью; она выродилась въ сантиментальныя „bergeries“, замѣнившія прежнія оды на отвлеченныя темы („Постоянство“, „Ода о милосердіи“, „Къ дружбѣ“ и т. д.). Но эти поддѣлки подъ естественныя чувства перестали удовлетворять общество, въ которомъ чувствовалась потребность возврата къ жизни и природѣ; въ литературѣ появилось стремленіе вернуться къ среднимъ вѣкамъ народной поэзіи; Вальполь и Перси издавали старинныя національныя пѣсни; проф. Вартонъ (знаменитый авторъ „Исторіи англійской поэзіи“) съ каѳедры оксфордскаго университета возбуждалъ интересъ къ поэзіи XVI в.; Боркъ въ своемъ „этюдѣ о прекрасномъ“ протестовалъ противъ господства отвлеченныхъ идей въ поэзіи и доказывалъ, что область поэзіи—непредѣленныя смутныя настроенія и чувства. Наконецъ явился Куперъ, внесшій новый поэтическій стиль въ поэзію, а Бернсъ и вслѣдъ за нимъ Вордсвордъ съ своими „лирическими балладами“ вдохнули въ нее новое содержаніе своей любовью къ природѣ и умѣніемъ живо описывать ее.

Понятно, что въ это время, когда дѣлались первые шаги по пути обновленія поэзіи, каждый сторонникъ новыхъ вѣяній встрѣчалъ горячее сочувствіе. Т. Кэмпбелль—несомнѣнно талантливый поэтъ, и все свое дарованіе онъ направилъ на то, чтобы слѣдовать носившимся въ воздухѣ идеаламъ. Онъ не настолько удаляется отъ живыхъ еще традицій XVIII в., чтобы быть непонятнымъ, и это объясняетъ, почему на ряду съ образами, взятыми изъ наблюденія дѣйствительности, у него являются отвлеченности въ жанрѣ Попа, какъ напр., „милосердіе у одра страданія“, „выразительность, вѣнчающая красоту Венеры“ и т. п. Но, дѣлая эту уступку традиціямъ, Кэмпбелль завоевываетъ симпатіи новаторовъ своими описаніями природы,—онъ осмѣливается точно описывать видѣнное имъ, вмѣсто того, чтобы повторять книжныя и высокопарныя клише своихъ предшественниковъ; у него появляются детали въ передачѣ, вмѣсто сухого обезличиванія людей и предметовъ и приведенія ихъ къ родовымъ понятіямъ. Въ этомъ его заслуга передъ современной поэзіей, и она была щедро вознаграждена громаднымъ успѣхомъ первой поэмы Кэмпбелля. Послѣ нея онъ девять лѣтъ ничего не писалъ, подавленный своей собственной славой; его позднѣйшія произведенія—„Gertrude of Wyoming“, „Theodoric“ и „The Pilgrim of Glencoe“—уступаютъ первому, но они тоже отражали вполнѣ романтизмъ и любовь къ природѣ, которую проповѣдовала „озерная школа“, и это обезпечивало Кэмпбеллю успѣхъ, который не оставлялъ его всю жизнь, даже тогда, когда, оставивши поэзію, онъ сдѣлался популярнымъ „lecturer“, привлекавшимъ обширную аудиторію своими чтеніями о

литературѣ. Извѣстность Кэмпбелля не пережила его; онъ имѣетъ значеніе для исторіи литературы какъ представитель извѣстнаго историческаго момента, интереснаго въ своей совокупности. А литературная судьба Кэмпбелля, съ его кратковременной, но блестящей славой, имѣетъ особый психологическій интересъ, который французскій критикъ и имѣлъ въ виду въ своемъ очеркѣ.

Изъ статей философскаго характера въ книгѣ Мильзана интересенъ очеркъ квакерства. Мильзанъ, хорошо знавшій Англію, сознавалъ, какимъ существеннымъ элементомъ англійской жизни сдѣлалась эта секта, несмотря на нѣкоторую узкость своихъ доктринъ и смѣшную въ глазахъ толпы эксцентричность внѣшнихъ манеръ. Мильзанъ, въ сущности,—противникъ ученія квакеровъ, которое онъ считаетъ слишкомъ радикальнымъ и въ то же время тормозящимъ просвѣщеніе. Но онъ признаетъ, что, послуживши исходнымъ пунктомъ для крайнихъ идеалистовъ, квакерство создало въ Англіи и въ Америкѣ за послѣдніе два вѣка почти всѣ движенія, направленныя къ облегченію страдающаго человѣчества. Во главѣ освободительнаго движенія негровъ въ Америкѣ стояло „общество друзей", какъ называютъ квакеры свой союзъ; вся широкая филантропія, попеченіе о тюрьмахъ, борьба съ пьянствомъ, съ пороками и нищенствомъ, —все это принадлежитъ имъ по иниціативѣ, не говоря уже о нравственномъ вліяніи людей, которые доводятъ свою ненависть къ лицемѣрію до уклоненія отъ общепринятыхъ формулъ вѣжливости: не употребляютъ условныхъ выраженій благодарности, привѣтствій и т. п., ни предъ кѣмъ не снимаютъ шляпы, не признаютъ никакихъ титуловъ, всѣмъ одинаково говорятъ „ты" и т. д. Теперь, когда квакерство—признанная правительствами Англіи и Америки секта, эти внѣшніе пріемы сдѣлались простымъ „переживаніемъ", придающимъ оттѣнокъ смѣшного строгимъ, старомодно одѣтымъ фигурамъ квакеровъ и квакершъ; но было время, когда для того, чтобы провести свой принципъ безусловной искренности отношеній между людьми и въ житейскихъ мелочахъ, имъ приходилось тяжело страдать. Отказъ давать присягу, обнажать голову предъ судьями, неподчиненіе постановленіямъ иного суда, кромѣ суда собственной совѣсти,—все это влекло за собой въ теченіе всего прошлаго вѣка лишеніе свободы, а иногда и жизни, когда врагамъ „общества друзей" удавалось придать ихъ поведенію политическій характеръ. Исторія квакерства насчитываетъ не мало мучениковъ, спокойно шедшихъ на страданія во имя покорности „внутреннему голосу Христа" (The Inner Christ). Другого божества, кромѣ этого внутренняго голоса откровенія, они не признаютъ, и это дѣлаетъ ихъ „общества друзей" единственною въ своемъ родѣ религіозною сектою, которая не навязываетъ своихъ

членамъ никакой опредѣленной доктрины и оставляетъ имъ полную свободу убѣжденій, объединяя ихъ лишь общимъ нравственнымъ принципомъ неуклоннаго слѣдованія истинѣ.

Давая обстоятельный очеркъ исторіи квакерства съ его возникновенія въ XVII в. и до нашихъ дней, Мильзанъ отмѣчаетъ два очень различные періода его развитія: „пророческій" періодъ, когда Драйтонскій пастухъ Георгъ Фоксъ впервые заговорилъ о своихъ инстинктивныхъ антипатіяхъ къ лицемѣрію людей, и законодательный, когда Барклэй оформилъ его наивныя поученія, выработавъ изъ нихъ сложное „ученіе" квакеровъ. Конечно, симпатіи Мильзана на сторонѣ перваго основателя секты, Фокса, непосредственной, импульсивной натуры, умѣвшей сильно любить. Его проповѣдь искренности, простоты и свободной совѣсти, не была чужда фанатизма, но она была проникнута горячею пророческою вѣрою. Въ поученіяхъ же Барклэя сказывается уже сектантская узкость и нетерпимость, послужившая причиной обособленности квакеровъ среди окружающаго населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ къ отсутствію положительныхъ основъ, которыя дали бы имъ возможность сплотиться въ самостоятельныя общины, руководимыя принципами справедливости, равенства и свободы.

II.

J. J. Weiss. A propos du théâtre. Paris, 1893. Стр. 377.

Очень распространенный въ современной Франціи жанръ „драматическаго фельетона" впервые возникъ въ эпоху романтизма; создалъ его главнымъ образомъ Теофиль Готьé своими фельетонами въ „Presse" и „Journal Officiel" въ 30-хъ годахъ. Съ тѣхъ поръ его многочисленные преемники усердно разработываютъ этотъ жанръ, сдѣлавъ его чѣмъ-то среднимъ между поверхностной газетной causerie и серьезной литературной критикой. Благодаря основательной литературной подготовкѣ большинства французскихъ журналистовъ, „драматическій фельетонъ" большихъ газетъ играетъ большую и вполнѣ заслуженную роль въ развитіи эстетическихъ вкусовъ публики и является трибуной для защитниковъ самыхъ разнообразныхъ принциповъ искусства.

Однимъ изъ очень видныхъ представителей драматической критики въ французской журналистикѣ былъ Ж. Ж. Вейсъ, предшественникъ Ж. Леметра въ „Journal des Débats". Онъ обладалъ большой живостью, воспріимчивостью и юморомъ; большая эрудиція достойнаго питомца Ecole Normale и любовь къ классицизму соединя-

лись у него съ пониманіемъ современныхъ ему теченій и сочувствіемъ къ молодымъ, пробивающимъ себѣ путь талантамъ. Драматическіе фельетоны Вейса, не собранные имъ въ отдѣльныя книжки при жизни, издаются теперь, послѣ его смерти. Недавно вышелъ второй томикъ коллекціи, носящей заглавіе: „Trois années du théâtre"; предполагается издать еще два тома: „Le drame historique et le drame passionnel" и „Les theâtres parisiens".

Въ томикѣ „A propos du théâtre" собраны фельетоны, относящіеся къ 1885 г. Это былъ, между прочимъ, годъ смерти и торжественныхъ національныхъ похоронъ Виктора Гюго; этому событію въ книгѣ Вейса удѣленъ очень интересный фельетонъ, вносящій нотку трезваго критическаго отношенія въ оглушительный хоръ диѳирамбовъ, раздававшихся въ то время надъ прахомъ „величайшаго поэта и мыслителя вѣка". Не отказываясь принимать участіе въ національномъ траурѣ по поводу утраты поэта-гражданина, онъ протестуетъ однако противъ апоѳеоза. Не страшась нападокъ печати, ослѣпленной величіемъ переживаемаго момента, Вейсъ спокойно заявляетъ, что при всемъ своемъ талантѣ В. Гюго не занимаетъ въ французской литературѣ исключительнаго положенія Шекспира въ англійской; вдохновителемъ же идейной жизни XIX в. онъ считаетъ Гёте, и изъ французовъ, быть можетъ, Руссо, но никакъ не метавшаго громы негодованія джерсейскаго изгнанника. Въ группѣ поэтовъ и ученыхъ, составлявшихъ славу Франціи въ эпоху романтизма (Шатобріанъ, Ламартинъ, Ж.-Зандъ, Мюссэ, Кювье, Клодъ Бернаръ, Жоффруа Сентъ-Иллеръ и др.), В. Гюго является однимъ изъ выдающихся дѣятелей, но никакъ не создателемъ и вдохновителемъ движенія, каковымъ его представляли въ періодъ всеобщаго безграничнаго увлеченія авторомъ „Châtiments" и „Légende des Siècles". Теперь, когда прошло почти десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вся нація ходила поклоняться праху поэта, покоящемуся подъ Тріумфальной аркой, взглядъ Вейса кажется вполнѣ раціональнымъ, но въ пору своего появленія фельетонъ о Гюго звучалъ дерзкимъ парадоксомъ и доказывалъ рѣдкое умѣніе критика взглянуть съ безпристрастіемъ историка на волнующій умы вопросъ дня. Въ краткой характеристикѣ Гюго, сдѣланной Вейсомъ въ этомъ замѣчательномъ для своего времени фельетонѣ, интересна психологія „наполеонизма", мѣтко очерченная авторомъ. Онъ видитъ въ В. Гюго яркаго представителя того двойного вліянія, которое судьба Наполеона оказала на французское общество: вліяніе это сказалось, во-первыхъ, въ безграничномъ и дерзновенномъ честолюбіи, побуждавшемъ каждаго прапорщика мечтать объ императорскомъ престолѣ, а Виктора Гюго—заявлять съ гордой самоувѣренностью, что вѣкъ, создавшій Наполеона,

долженъ неминуемо создать столь же великаго генія въ поэзіи. Что этотъ уже народившійся геній и есть В. Гюго—подразумѣвалось какъ-то само собою.

Другая, болѣе свѣтлая сторона наполеоновскаго культа отразилась въ творчествѣ В. Гюго апоѳеозомъ индивидуализма, свободы личности, силы природнаго генія, который преодолѣваетъ всѣ преграды общественныхъ предразсудковъ и кастовыхъ различій. Рюи Блазъ, любящій королеву, авантюристъ Эрнани, затмевающій Рюи Гомеза въ глазахъ его невѣсты,—все это отголоски наполеоновской эпохи, какъ очень вѣрно подмѣчаетъ это Вейсъ.

Просматривая содержаніе драматическихъ фельетоновъ Вейса за одинъ только театральный сезонъ, приходится удивляться тому значенію, которое классическій репертуаръ до сихъ поръ имѣетъ для французской публики. Трагедіи Корнеля и Расина, комедіи Мольера, представляютъ, очевидно, для зрителей и читателей большой интересъ, не менѣе чѣмъ сенсаціонныя новинки бульварныхъ театровъ. Иначе, популярный драматическій обозрѣватель „Journal des Débats“ не посвящалъ бы нѣсколько фельетоновъ сразу разбору и оцѣнкѣ Расиновскихъ „Esther“ и „Bérénice“, много другихъ фельетоновъ—вопросамъ о религіозныхъ и политическихъ взглядахъ Мольера, отразившихся въ знаменитой „cérémonie“, заканчивающей собой „Bourgeois gentilhomme“, затѣмъ—ученымъ изданіямъ французскаго классическаго театра и т. д. Эти очерки и характеристики, въ которыхъ сказывается большая литературная эрудиція Вейса, содержатъ въ себѣ много интересныхъ и оригинальныхъ взглядовъ. По поводу „Esther“ (Вейсъ пишетъ объ этой драмѣ Расина не по-случаю возобновленія ея на сценѣ, а потому, что чтеніе ея ему кажется подходящимъ занятіемъ въ пасхальную недѣлю), Вейсъ затрогиваетъ вопросъ о пригодности религіозныхъ сюжетовъ для театра. Какъ извѣстно, „законодатели французскаго Парнасса“, Буало, Фонтенель и др., утверждали, что вопросы вѣры и догматовъ чужды духу поэзіи и драмы, что, задаваясь ими, поэтъ оскорбляетъ и чувство вѣры, и эстетическій вкусъ. Это было однимъ изъ пунктовъ знаменитой „распри приверженцевъ старины и защитниковъ современности“ (querelle des anciens et des modernes). Буало, ярый защитникъ старины, рекомендовалъ другу своему Расину разработку исключительно классическихъ сюжетовъ, отвѣчающихъ всѣмъ требованіямъ Аристотеля. Расинъ же, хотя и причислявшій себя къ лагерю Буало, написалъ въ послѣдніе годы своей жизни „Esther“, драму полную глубокой вѣры. Этой драмой онъ доказалъ правоту защитниковъ современности несравненно краснорѣчивѣе всякихъ теоретическихъ разсужденій Перро (Perrault), противника Буало въ этомъ спорѣ. Самъ Буало призналъ

себя побѣжденнымъ, а Расиновскую „Esther“—блестящимъ доказательствомъ того, что христіанское настроеніе можетъ породить великія художественныя произведенія. Религіозную драматическую поэму Расина слѣдуетъ признать въ высшей степени отвѣчающей духу времени, въ которое жилъ поэтъ: ничто не волновало такъ умы въ XVII вѣкѣ, какъ вопросы религіи; споры янсенистовъ и квіетистовъ съ представителями установленной католической церкви, Паскаль съ его „Провинціальными письмами“ и „Pensées“, проповѣди Боссюэта и Бурдалу, наконецъ эпидемія піэтизма въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ, удаленіе въ монастыри блестящихъ свѣтскихъ женщинъ и т. п. явленія,—все это показываетъ, какъ искреннее настроеніе Расина въ его драмѣ должно было повліять на его современниковъ. Вейсъ отмѣчаетъ это въ своемъ фельетонѣ, восторгаясь вмѣстѣ съ тѣмъ чисто поэтическими красотами этой лебединой пѣсни великаго драматурга и поэта.

Отмѣтимъ въ книжкѣ Вейса нѣсколько очень содержательныхъ фельетоновъ о Дюма и нѣкоторыхъ его драмахъ. Вейсъ не поклонникъ его жанра и очень остроумно разбираетъ сценическіе эффекты, на которыхъ авторъ „Henri III et sa cour“ строитъ свои пьесы.

III.

Franz von Reber. Geschichte der Malerei vom Anfang des 14 bis zum Ende des 18 Jahrhunderts. München. 1894. Стр. 414.

„Исторія живописи“ Ребера имѣетъ связь съ издаваемымъ тѣмъ же авторомъ, вмѣстѣ съ А. Байерсдорферомъ, „Klassischer Bilderschatz“. Давая въ этомъ изданіи воспроизведенія лучшихъ образцовъ всѣхъ школъ живописи, Реберъ излагаетъ въ своей исторіи постепенное развитіе итальянской, нидерландской и другихъ европейскихъ школъ искусства. Изложеніе Ребера страдаетъ общимъ недостаткомъ нѣмецкихъ научныхъ сочиненій—большой сухостью. Авторъ ни на минуту не увлекается своимъ предметомъ, не обнаруживаетъ своего личнаго пониманія искусства и своихъ эстетическихъ вкусовъ. Съ большой добросовѣстностью и точностью онъ вычисляетъ всѣхъ мастеровъ разныхъ школъ, періоды ихъ артистическаго развитія, ихъ учениковъ и т. д., говоритъ объ условіяхъ, въ которыхъ они жили и работали, и даетъ такимъ образомъ очень полное руководство, которое можно рекомендовать какъ полезное пособіе при изученіи исторіи искусства.

Очеркъ итальянской живописи Реберъ дѣлаетъ, придерживаясь общепринятой системы, по вѣкамъ, носящимъ каждый весьма раз-

личную окраску. Основное различіе между итальянской живописью въ XIII и XIV вв. (trecento и quattrocento) и періодомъ высшаго развитія и слѣдующаго за нимъ упадка живописи въ XV и XVI ст. (cinquecento по технической терминологіи), Реберъ видитъ въ томъ, что въ первый періодъ искусство имѣло характеръ коллективности, а во второй сдѣлалось болѣе индивидуальнымъ и носитъ отпечатокъ сильнаго личнаго вліянія нѣсколькихъ геніальныхъ мастеровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотрѣвшись къ первымъ произведеніямъ итальянской живописи XIII в., мы видимъ, что они принадлежатъ или монахамъ, членамъ разныхъ общинъ, трудящимся надъ украшеніемъ своихъ монастырей, или членамъ церковныхъ корпорацій, ремесленникамъ, принимающимъ заказы на отдѣлку церквей или дворцовъ и работающимъ сообща, не заботясь о томъ, сохранится или нѣтъ для потомства воспоминаніе о личномъ участіи каждаго изъ нихъ въ разрисованныхъ фрескахъ церкви и т. п. Живопись носила прикладной характеръ, и должно было пройти еще много времени, прежде чѣмъ художники стали рисовать отдѣльныя картины, не имѣющія въ виду той или другой ниши у алтаря, не состоящія непремѣнно изъ трехъ частей, симметрическихъ pendants и т. д. На этомъ періодѣ Реберъ останавливается лишь вскользь, отмѣчая только, что индивидуальность художниковъ сказывалась очень слабо, и можно говорить скорѣе о школахъ, зародившихся въ XIII в. (сіенской, болонской, флорентинской, венеціанской, умбрійской и др.), чѣмъ объ ея отдѣльныхъ представителяхъ. Въ XIV в. въ флорентинской и другихъ итальянскихъ школахъ обнаруживается больше иниціативы со стороны отдѣльныхъ художниковъ, и такимъ образомъ подготовляется полный расцвѣтъ XV в., когда сильно выраженная индивидуальность великихъ мастеровъ разбиваетъ стѣснительныя преграды корпоративнаго и узко-провинціальнаго духа. Леонардо да-Винчи, Микель-Анджело, Андреа дель-Сарто, Рафаэль, Корреджіо утрачиваютъ характеръ представителей флорентійской, умбрійской и сѣверо-итальянской школы и воплощаютъ въ себѣ національный характеръ итальянскаго народа въ широкомъ смыслѣ слова. Дюреръ и Гольбейнъ младшій перестаютъ носить отпечатокъ нюрнбергскаго и аугсбургскаго цеха и вносятъ свой индивидуальный стиль въ нѣмецкую живопись.

Реберъ далѣе подробно останавливается на трехъ крупнѣйшихъ представителяхъ итальянскаго возрожденія (Леонардо да-Винчи, Микель-Анджело и Рафаэля), давая очень подробный и полный перечень ихъ работъ. Разсматривая обстоятельно дѣятельность Рафаэля въ три различные періода его творчества, онъ перечисляетъ большинство картинъ, носящихъ отпечатокъ вліянія Перуджино (въ томъ

числѣ „Madonna Connestabile" петербургскаго Эрмитажа), затѣмъ картины, на которыхъ отразилось пребываніе Рафаэля у Леонардо да-Винчи въ Миланѣ, и наконецъ его вполнѣ самостоятельныя работы римскаго періода.

Кромѣ итальянской живописи, Реберъ подробно останавливается на послѣдовательномъ развитіи нидерландскихъ школъ, начиная съ первыхъ попытокъ перейти отъ миніатюрнаго разрисовыванія рукописей къ писанію отдѣльныхъ картинъ въ XV в. и до полнаго расцвѣта фламандской и голландской живописи въ XVII и XVIII вв., когда во главѣ ея стоятъ Рубенсъ, Ванъ-Дикъ, Рембрандтъ и ихъ ученики. Характеризуя творчество Рубенса, онъ отмѣчаетъ въ немъ итальянское и главнымъ образомъ венеціанское вліяніе, которое сдѣлало его столь блестящимъ колористомъ и придало его картинамъ отличающую ихъ жизнерадостность. Нѣсколько подробнѣе другихъ біографій Реберъ передаетъ печальную исторію жизни Рембрандта, неудачъ, преслѣдовавшихъ его всю жизнь, нищеты, въ которой онъ прожилъ послѣдніе годы жизни, и непониманія его таланта, которое онъ встрѣчалъ у современниковъ.

Изъ другихъ европейскихъ школъ живописи Реберъ подробнѣе всего говоритъ о нѣмецкой, описывая съ большимъ количествомъ деталей всѣ отдѣльныя школы, процвѣтавшія въ Германіи съ XV по конецъ XVIII в. Характеристики Дюрера и Гольбейна сдѣланы очень тщательно и подробно, но съ тѣмъ же отсутствіемъ критическаго освѣщенія, которое замѣтно во всей книгѣ. — З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

Ѳ. М. Дмитріевъ.

род. 1829 г.—ум. 27 янв. 1894 г. †

Немного среди насъ оставалось замѣчательныхъ людей прошедшаго поколѣнія; еще одинъ изъ этихъ немногихъ ушелъ — и какъ мало это здѣсь замѣтили! Впрочемъ, лучшая пора жизни Ѳедора Михайловича Дмитріева принадлежала не Петербургу, а Москвѣ и симбирскому краю,—и тамъ навѣрное сильнѣе почувствовали его кончину.

Покойный Ѳ. М. принадлежалъ къ людямъ, которыхъ слѣдуетъ цѣнить не столько по тому, что̀ они сдѣлали, сколько по тому, чѣмъ они были. Сильная оригинальная индивидуальность, никогда не теряющая своей духовной свободы, никогда не переходящая всецѣло въ какую-нибудь внѣшнюю дѣятельность; острый критическій умъ, всегда владѣющій мѣткимъ язвительнымъ словомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательный даръ благоговѣнія (vénération) ко всему достойному и благородному; высоко-идеальный взглядъ на истинныя начала жизни и безпощадно-скептическое и сатирическое отношеніе къ ея пестрымъ явленіямъ. Съ этими природными свойствами соединялись у Ѳ. М. благопріятныя вліянія наслѣдственной и воспитательной среды. Происходя изъ стараго дворянскаго рода, внукъ Ивана Ивановича Дмитріева, извѣстнаго писателя и министра юстиціи, Ѳ. М. совмѣщалъ аристократическія традиціи съ литературными. Родившись въ 1829 г., онъ воспитывался въ Москвѣ въ то время, когда тамъ сосредоточивался расцвѣтъ нашей умственной жизни. Ученикъ Грановскаго, товарищъ Чичерина, онъ былъ и студентомъ и профессоромъ московскаго университета въ самую блестящую его эпоху. Между студенчествомъ и профессурою онъ былъ нѣкоторое время секретаремъ великой княгини Елены Павловны, около которой собиралось такъ много замѣчательныхъ людей. Рѣшившись посвятить себя ученой карьерѣ, Дмитріевъ сдѣлался скоро однимъ изъ самыхъ блестящихъ и любимыхъ профессоровъ. Его спеціальность была гражданское право, но онъ получилъ каѳедру иностранныхъ законодательствъ. Въ 1865 г. въ московскомъ университетѣ по поводу выборовъ въ деканы юридическаго факультета обнаружилась борьба между большинствомъ профессоровъ-чиновниковъ и меньшинствомъ, держав-

шимся иного направленія. Дмитріевъ принадлежалъ къ меньшинству и вышелъ въ отставку. Слѣдующія пятнадцать лѣтъ онъ провелъ въ симбирской деревнѣ, гдѣ кромѣ хозяйства усердно предавался земской и судебной дѣятельности въ качествѣ мирового судьи и предводителя дворянства. Въ 1881 г. онъ былъ назначенъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа, и съ честью занималъ три года это трудное въ то время мѣсто. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ новаго университетскаго устава, и немедленно вышелъ въ отставку, какъ только этотъ уставъ сталъ закономъ. Это было послѣднимъ общественнымъ дѣйствіемъ Ѳ. М.: сенатская служба была для него болѣе „присутствіемъ", нежели дѣятельностью.

Кто зналъ Дмитріева только въ Петербургѣ, какъ рѣдкаго по образованію и остроумію собесѣдника, тотъ имѣетъ о немъ далеко не полное понятіе, а преобладающій критическій и сатирическій характеръ его ума могъ внушать и ложное о немъ представленіе, какъ о человѣкѣ желчномъ, озлобленномъ. Чтобы узнать его настоящимъ образомъ, нужно было видѣть его въ деревнѣ, со своими, среди посаженнаго имъ самимъ новаго сада, которымъ онъ такъ гордился. Здѣсь вмѣстѣ съ обычными качествами его ума обнаруживалась и другая сторона: чрезвычайная сердечность, любовь къ дѣтямъ, къ природѣ.

Оставленное Дмитріевымъ литературное наслѣдіе не велико по объему, но состоитъ изъ вещей образцовыхъ. Кромѣ диссертаціи „Исторія судебныхъ инстанцій", которая по компетентнымъ отзывамъ остается незамѣненною, онъ печаталъ статьи въ разныхъ журналахъ и издалъ вмѣстѣ съ Ю. Самаринымъ за границей брошюру „Революціонный консерватизмъ". Очень желательно посмертное собраніе его сочиненій.

Владиміръ Соловьевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1894 г.

Семидесятипятилѣтіе с.-петербургскаго университета.—Четверть вѣка тому назадъ и теперь.—Новое нападеніе на литературный фондъ.—Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

Слишкомъ мало замѣченнымъ прошелъ, въ минувшемъ мѣсяцѣ, день, завершившій собою семидесятипятилѣтіе с.-петербургскаго университета. Всего лучше почтила его „Русская Жизнь", посвятившая почти весь нумеръ 8-го февраля „празднику науки"; въ другихъ газетахъ и журналахъ появилось нѣсколько ретроспективныхъ обзоровъ—но самъ университетъ ничего не прибавилъ къ своему обычному акту, кромѣ поздравительной рѣчи профессора Тимирязева, явившагося делегатомъ отъ московскаго университета. Для такого отношенія къ университетскому юбилею были, можетъ быть, достаточно вѣскія причины. Настроеніе нашихъ университетовъ вообще и петербургскаго въ особенности отнюдь нельзя назвать праздничнымъ. Сравненіе того, чтó было двадцать пять и даже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, съ тѣмъ, чтó есть въ настоящее время, не даетъ никакого повода къ ликованіямъ. Увеличилось число профессоровъ и студентовъ (хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ этого можно было бы ожидать, судя по его росту въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ), увеличилось количество матеріальныхъ средствъ, которыми располагаетъ университетъ для достиженія своихъ научныхъ цѣлей—но уменьшилась или, лучше сказать, почти исчезла самостоятельность университетской корпораціи, сложились новыя, болѣе тѣсныя рамки для университетскаго преподаванія, ослабѣла внутренняя связь между профессорами и студентами, понизился уровень студенческихъ знаній. Къ этой печальной картинѣ многіе—и, въ томъ числѣ, люди сердечно расположенные къ молодежи — прибавляютъ еще одну, самую печальную черту: они говорятъ, что понизился и нравственный уровень студенчества. Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ можно согласиться только условно.

Во всякой многочисленной средѣ, разнообразной по прошедшему и настоящему своихъ членовъ, не соединенной въ одно органическое цѣлое, существуетъ множество различныхъ, иногда противоположныхъ теченій. Меньшинствомъ то или другое изъ

этихъ теченій выбирается сознательно и свободно; большинство подпадаетъ, обыкновенно, подъ власть наиболѣе сильнаго, наиболѣе распространеннаго; скажемъ прямо—наиболѣе *моднаго* направленія. Между тѣмъ, большинство всегда замѣтнѣе меньшинства; оно чаще попадается на глаза, больше привлекаетъ къ себѣ вниманіе—и вотъ, заключеніе, примѣнимое только ко *многимъ*, поспѣшно распространяется на *всѣхъ* или почти всѣхъ, возводится на степень общаго приговора. Лѣтъ 15—20 тому назадъ именно этимъ способомъ составилось представленіе о студентѣ, какъ о бурномъ и буйномъ, растрепанномъ и не совсѣмъ опрятномъ носителѣ пледа, высокихъ сапогъ и красной рубашки; теперь оно уступило мѣсто представленію о студентѣ, какъ объ уравновѣшенномъ и чинномъ, чистенькомъ и аккуратномъ носителѣ сюртука на бѣлой подкладкѣ и фуражки гвардейскаго покроя. Переходя отъ наружности къ внутреннему содержанію, прежде типичнаго студента изображали вѣчно увлекающимся, погруженнымъ отчасти въ общестуденческіе, отчасти въ политическіе интересы, дѣлящимъ свое время между сходками и читальней; теперь его изображаютъ „солидно винтящимъ по вечерамъ и пылкимъ лишь въ ресторанныхъ кабинетахъ", или карьеристомъ, „молодымъ изъ раннихъ". Мы думаемъ, что оба представленія—и старое, и новое—грѣшатъ однимъ и тѣмъ же: смѣшеніемъ части съ цѣлымъ. Студенческое *большинство* семидесятыхъ годовъ едва-ли такъ сильно отличалось отъ нынѣшняго, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Общественными и научными интересами первое едва-ли было проникнуто гораздо глубже, чѣмъ послѣднее. Главная разница въ томъ, что тогда эти интересы были à l'ordre du jour; неловко, неудобно было открыто отъ нихъ открещиваться, открыто пренебрегать ими, да и въ воздухѣ носилось что-то такое, что̀ возбуждало къ нимъ по меньшей мѣрѣ поверхностное вниманіе. Кое-какія слова оставались въ памяти и даже повторялись—но это были, бо̀льшею частью, именно *слова*, забывавшіяся или исчезавшія изъ обихода, какъ только измѣнялась обстановка, какъ только оканчивался университетскій курсъ и порывались университетскія связи. Теперь господствуетъ направленіе болѣе „откровенное"; нѣтъ надобности притворяться, нѣтъ повода воображать себя заинтересованнымъ въ томъ, къ чему на самомъ дѣлѣ вполнѣ равнодушенъ... Отсюда еще не слѣдуетъ, конечно, чтобы прошедшее, съ занимающей насъ точки зрѣнія, было не лучше настоящаго; нѣтъ, на его сторонѣ было одно безспорное, большое преимущество. Оно воспитывало и поддерживало *стыдъ*, который не безъ причины такъ высоко цѣнился нашимъ великимъ сатирикомъ; оно не позволяло гордиться и щеголять тѣмъ, отъ чего приличнѣе краснѣть. Кромѣ того, интересъ, сначала

усвоенный чисто внѣшнимъ образомъ, изъ подражанія, подъ гнетомъ моды, становился иногда искреннимъ и реальнымъ, видоизмѣняя весь душевный складъ юноши. Такихъ случаевъ, однако, было сравнительно немного—иначе студенты-семидесятники не такъ быстро и не такъ часто обращались бы въ самыхъ заурядныхъ русскихъ филистеровъ. Прочное вліяніе тогдашній университетъ имѣлъ только на меньшинство. Вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, есть ли и теперь, между студентами, меньшинство—и, притомъ, меньшинство, числящееся не единицами, а десятками или даже сотнями,—хранящее лучшія преданія университета, способное передать ихъ слѣдующимъ поколѣніямъ, оправдывающее и поддерживающее надежду на болѣе свѣтлое будущее? На этотъ вопросъ мы, не колеблясь, отвѣчаемъ утвердительно. Нашихъ личныхъ впечатлѣній, дающихъ намъ основаніе для такого отвѣта, мы приводить не будемъ; убѣдительныя для насъ самихъ, они не могутъ быть убѣдительными для читателей. Мы сошлемся лучше на свидѣтеля, близко стоящаго къ дѣлу—на профессора Карѣева, напечатавшаго, въ юбилейномъ нумерѣ „Русской Жизни", весьма интересное „открытое письмо къ учащейся молодежи".

„Въ дни университетскихъ праздниковъ, на собраніяхъ учащейся молодежи, — пишетъ Н. И. Карѣевъ,—студентами обыкновенно овладѣваетъ особое настроеніе, какая-то жажда слышать слово, и такое именно слово, которое непремѣнно было бы отвѣтомъ на одинъ изъ волнующихъ ихъ вопросовъ. Молодежь охотно слушаетъ и профессоровъ, являющихся на ея зовъ, и вообще старшихъ товарищей, даже прямо требуетъ у нихъ слова, нерѣдко намѣчаетъ при этомъ тему и тѣмъ вызываетъ говорящаго на своего рода profession de foi. Это —самая симпатичная, воспитательная сторона такихъ праздниковъ".

Само собою разумѣется, что Н. И. Карѣевъ говоритъ здѣсь не о тѣхъ ужинахъ или обѣдахъ, гдѣ господствуетъ шумное веселье, питаемое или вызываемое виномъ; онъ имѣетъ въ виду собранія другого рода, приподнятое настроеніе которыхъ зависитъ не отъ того, что́ пьешь, а отъ того, что́ говоришь и слышишь. Существованіе такихъ собраній—достаточный противовѣсъ огульнымъ обвиненіямъ, расточаемымъ противъ современнаго студенчества... Не карьеристы и не жуиры составляютъ ту группу учащейся молодежи, къ которой Н. И. Карѣевъ обращается съ слѣдующими словами: „вы всѣ—мечтатели, и въ мечтаніяхъ вашихъ будущее на первомъ планѣ... Не въ укоръ говорю вамъ о томъ, что вы мечтатели; укора заслуживаетъ скорѣе та молодежь, которая не мечтаетъ, которая слишкомъ рано обнаруживаетъ практичность зрѣлаго возраста или старческое разочарованіе, ибо у такой молодежи, значитъ, нѣтъ ничего за душой...

Итакъ, вы — мечтатели, вы — идеалисты, и вамъ, поэтому, особенно должна быть доступна одна очень хорошая мечта — вѣра въ прогрессъ человѣчества, въ постепенное приближеніе его къ царству истины и справедливости". Все это могло бы быть сказано и въ лучшую пору университетской жизни, по адресу лучшихъ изъ тогдашнихъ студентовъ. Нѣтъ, слѣдовательно, той бездны между прошедшимъ и настоящимъ, которая пугаетъ однихъ, радуетъ другихъ; нѣтъ такого перерыва въ развитіи студенчества, который предвѣщалъ бы все бо́льшій и бо́льшій его упадокъ. Судя по письму Н. И. Карѣева, проведшему „Татьянинъ день" въ Москвѣ и встрѣтившемуся тамъ съ тѣми же явленіями, какъ и въ Петербургѣ, интересъ къ научнымъ и общественнымъ вопросамъ не изсякъ и въ другихъ университетахъ; не изсякъ онъ — судя по телеграммамъ, привѣтствовавшимъ петербургскій университетъ въ его юбилейный день—и въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, слушатели которыхъ, не замкнувшіеся всецѣло въ свою спеціальность, по прежнему чувствуютъ себя *студентами*, въ традиціонномъ смыслѣ этого слова.

Въ началѣ 1876 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ" появилась статья Г. З. Елисеева, содержавшая въ себѣ довольно рѣзкія нападки на дѣятельность общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (литературнаго фонда). Прошло пятнадцать лѣтъ; Г. З. Елисеевъ скончался, за нимъ послѣдовала въ могилу его вдова — и все его состояніе перешло, по его духовному завѣщанію, въ собственность того самаго учрежденія, къ которому онъ когда-то относился такъ недовѣрчиво и недружелюбно. Что же произошло въ этотъ промежутокъ времени? Измѣнился ли радикально составъ литературнаго фонда или способъ дѣйствій комитета, управляющаго его дѣлами? Ничуть не бывало; традиціи, обычаи, взгляды—все, въ комитетѣ литературнаго фонда, осталось прежнее, и между его членами, въ моментъ составленія завѣщанія Елисеева, было (да и теперь есть) немало такихъ, которые засѣдали въ немъ въ семидесятыхъ годахъ. Измѣнилось только настроеніе Елисеева, по той простой причинѣ, что онъ ближе узналъ дѣятельность комитета. Посвятивъ литературѣ лучшую часть своихъ силъ и своей жизни, покойный писатель любилъ ее такъ же горячо, какъ его приснопамятный другъ и товарищъ, М. Е. Салтыковъ; онъ рѣшилъ отдать ей все то, что было имъ пріобрѣтено черезъ ея посредство,—и сдѣлалъ литературный фондъ исполнителемъ своей послѣдней воли, потому что убѣдился въ его способности ее исполнить. Все это пришло намъ на память, когда мы встрѣтили, на страницахъ „Новостей" (№ 37),

новый походъ противъ литературнаго фонда. „Бѣдный русскій литературный фондъ!“ — хочется воскликнуть вслѣдъ за Салтыковымъ. Онъ долженъ бороться не только съ холодностью и равнодушіемъ публики, мало съ нимъ знакомой, но и съ недоброжелательствомъ людей, имѣющихъ полную возможность изучить его прошедшее и настоящее. На мѣсто одного разрушившагося предубѣжденія возникаетъ множество новыхъ; объясненіе задачъ и пріемовъ фонда, сколько бы разъ оно ни было дано, постоянно приходится начинать сызнова, и начинать при условіяхъ неблагопріятныхъ, потому что многаго сказать нельзя. Отчеты фонда печатаются безъ поименованія лицъ, пользовавшихся его помощью, — и это не можетъ быть иначе, какъ на основаніи устава общества, такъ и по самому существу дѣла. Не зная, кому выдаются пенсіи и пособія, трудно или, лучше сказать, невозможно судить о ихъ достаточности; не зная, чьи просьбы удовлетворяются и отклоняются, трудно судить о правильности постановленій комитета. Нападать на комитетъ, вслѣдствіе этого, гораздо легче, чѣмъ защищать его. Мы вовсе, впрочемъ, и не имѣемъ въ виду его защиту; мы хотимъ только показать, съ помощью общедоступныхъ данныхъ, всю несостоятельность тезисовъ, выставленныхъ въ статьѣ „Новостей“. Фактическія ошибки этой статьи будутъ, по всей вѣроятности, указаны самимъ комитетомъ литературнаго фонда.

Серьезной и плодотворной критика можетъ быть только тогда, когда она исходитъ изъ какихъ-либо положительныхъ началъ. Порицать можно только во имя чего-нибудь опредѣленнаго; чтобы находить дѣятельность учрежденія неправильною, нужно имѣть ясное представленіе о томъ, чѣмъ ей слѣдовало бы быть, къ чему ей слѣдовало бы стремиться. Авторъ статьи „Новостей“ не счелъ нужнымъ составить себѣ такое представленіе о литературномъ фондѣ. Онъ предъявляетъ къ нему два обвиненія, взаимно исключающія одно другое. „Нерѣдки случаи,—говоритъ онъ въ первой части своего фельетона, — гдѣ фондъ отказываетъ въ просьбахъ по чрезвычайно придирчивой требовательности относительно правъ, ихъ качества и объема. *Принятый на этотъ счетъ цензъ такъ притязателенъ и высокъ, какъ еслибы въ задачу фонда входило оказывать пособія только избраннымъ, первостепеннымъ писателямъ*, съ громкими именами и прочно составленными репутаціями. Задача была бы, сама по себѣ, безсмысленная уже потому, что перваго сорта писатели менѣе всѣхъ нуждаются въ филантропической помощи; но она еще нелѣпѣе, когда такой высокій масштабъ прикладывается къ заурядной, злосчастной пишущей братіи — и для чего же? Для того, чтобы облагодѣтельствовать на восемьдесятъ-восемь рублей съ копѣйками въ годъ, по среднему разсчету“! Итакъ, требуемый фондомъ литературный цензъ

слишкомъ высокъ, подъ него могутъ подойти только „первостепенные“ писатели. Въ послѣдней части фельетона мы читаемъ уже совершенно другое. „Въ результатѣ,—восклицаетъ авторъ,—было бы, можетъ быть, гораздо лучше, еслибы фондъ помогалъ *только избраннымъ*, только фаворитамъ, *подающимъ блестящія надежды впереди, или же совершившимъ уже нѣчто особенное и великое*“. Но вѣдь это значитъ рекомендовать фонду именно тотъ образъ дѣйствій, который раньше ставился ему въ вину, ту задачу, которая раньше признавалась „безсмысленной“! Если фондъ виноватъ въ „чрезвычайно придирчивой требовательности“, то онъ не можетъ быть, въ то же время, виноватъ въ раздачѣ пособій лицамъ, ничего особеннаго не совершившимъ и никакихъ надеждъ не подающимъ—и наоборотъ. Кто незнакомъ съ дѣятельностью фонда, тотъ, прочитавъ фельетонъ „Новостей“, почувствуетъ себя рѣшительно сбитымъ съ толку: для него будетъ совершенно непонятно, кому же, наконецъ, помогаетъ фондъ—однимъ ли „избраннымъ, первостепеннымъ писателямъ“, или, рядомъ съ ними, и заурядным дѣятелямъ литературы? Въ одномъ мѣстѣ фельетона онъ найдетъ одинъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ другомъ—другой, прямо противоположный. Столь же неяснымъ останется для него и взглядъ автора на то, какъ *долженъ* поступать литературный фондъ. Требованіе крупныхъ литературныхъ правъ является, въ глазахъ автора, то „страннымъ, неумѣстнымъ аристократизмомъ“, то единственнымъ средствомъ осуществить призваніе фонда. Помогать только однимъ избранникамъ,—говоритъ авторъ,—„было бы, можетъ быть, не совсѣмъ справедливо и не вполнѣ отвѣчало бы благотворительной задачѣ фонда, потому что въ его помощи менѣе всего могутъ нуждаться писатели сильные, талантливые и выдающіеся—но для тѣхъ изъ нихъ, которые, по несчастной случайности, впадали бы въ нужду, фондъ тогда могъ бы раскошеливаться уже не на жалкіе восемьдесятъ-восемь рублей, по среднему разсчету, а оказывать настоящую, существенную и вполнѣ достаточную помощь“. Въ концѣ концовъ фонду рекомендуется, такимъ образомъ, способъ дѣйствій *несправедливый* и *несоотвѣтствующій его задачѣ!* Хорошъ былъ бы комитетъ фонда, еслибы онъ послѣдовалъ такому совѣту!

Литературный фондъ существуетъ почти тридцать-пять лѣтъ. Дѣятельность его за первую четверть вѣка подробно описана въ „Лѣтописи“, напечатанной въ „Сборникѣ литературнаго фонда“ (1884). Немногія имена, названныя въ лѣтописи (за смертью ихъ носителей), служатъ достаточнымъ доказательствомъ тому, что помощью фонда пользовались иногда и весьма выдающіеся писатели. То же самое можно сказать и о послѣднемъ десятилѣтіи, когда фонду

удалось, напримѣръ, облегчить послѣдніе годы жизни С. Я. Надсона и Н. Д. Заіончковской-Хвощинской (Крестовскій - псевдонимъ). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ помощь фонда была довольно значительна, опредѣляясь не десятками, а сотнями и даже тысячами рублей. Нѣтъ, слѣдовательно, никакого основанія утверждать, что система, принятая фондомъ, мѣшаетъ ему оказывать серьезную поддержку корифеямъ литературы, когда она для нихъ необходима—и оказывать ее, весьма часто, не ожидая заявленія или просьбы со стороны самого нуждающагося. Конечно, эта поддержка могла бы быть и была бы гораздо болѣе значительна, еслибы фондъ располагалъ бо̀льшими средствами; но весь вопросъ въ томъ, откуда взять эти средства? Возможно ли пріобрѣтать ихъ путемъ отклоненія всѣхъ просьбъ, идущихъ не отъ „первостепенныхъ" писателей? Возможно ли закрывать глаза на самую вопіющую нужду, чтобы скопить какъ можно больше денегъ на случай обращенія въ комитетъ лица съ громкимъ литературнымъ именемъ или лица, подающаго „блестящія надежды"? Представимъ себѣ комитетъ литературнаго фонда, собирающійся каждыя двѣ недѣли только для того, чтобы отказать огульно всѣмъ просителямъ, такъ какъ между ними нѣтъ звѣзды первой величины. Много ли нашлось бы желающихъ поступить въ такой комитетъ и, въ особенности, въ немъ оставаться? Какова была бы его роль по отношенію ко всей литературной братіи? Мыслимо ли было бы, à la longue, самое его существованіе? Какіе нервы нужно было бы имѣть, чтобы отвѣчать на девяносто-девять просьбъ изъ ста: „у насъ есть деньги, но не для васъ, а только для тѣхъ, которые почище"?.. Что̀ стали бы дѣлать тѣ многочисленные труженики литературы, которые заработываютъ въ обрѣзъ столько, сколько нужно для жизни, и остаются совершенно безпомощными при первой неблагопріятной случайности—болѣзни, потерѣ работы, прекращеніи изданія, замедленіи расплаты и т. п.? „Первостепенному" писателю, надъ которымъ разразилось неожиданное несчастье, все же легче найти выходъ изъ бѣды, чѣмъ заурядному литератору; въ его пользу можно организовать общественную подписку, издать сборникъ статей, собрать средства на изданіе собственныхъ его сочиненій [1]). Ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи по отношенію къ простому журнальному или газетному работнику; у него, въ большинствѣ случаевъ, только и есть одинъ путь—обращеніе къ литературному фонду,—и этотъ-то путь предлагаютъ для него закрыть, въ пользу болѣе даровитыхъ его собратьевъ!..

[1]) Всѣ эти формы помощи встрѣчались на самомъ дѣлѣ; еще недавно, напримѣръ, собрано было черезъ посредство литер. фонда нѣсколько тысячъ рублей для одного больного писателя.

Автору статьи, на которую мы возражаемъ, небольшая помощь кажется равносильной отсутствію помощи. Пенсіи „больнымъ и престарѣлымъ“ писателямъ, не превышающія обыкновенно 300 рублей, онъ называетъ „нищенскими“ и относитъ ихъ къ области „обидныхъ парадоксовъ, въ родѣ евангельскаго камня, подносимаго голодному вмѣсто хлѣба“. Столь же безцѣльны, съ его точки зрѣнія, „продолжительныя пособія“, составляющія отъ 10 до 25 рублей въ мѣсяцъ. Не таково, мы въ этомъ убѣждены, мнѣніе самихъ получателей пенсій и продолжительныхъ пособій. Тамъ, гдѣ жизнь дорога, существовать на 15—20 руб. въ мѣсяцъ дѣйствительно почти невозможно—но не всѣ же кліенты литературнаго фонда живутъ въ столицахъ и большихъ городахъ, и, главное, не всѣ же они лишены всякихъ средствъ, кромѣ получаемыхъ отъ фонда. Нѣкоторые изъ нихъ еще въ состояніи трудиться; у другихъ осталось кое-что отъ прежнихъ, лучшихъ временъ или есть какіе-нибудь иные источники дохода [1]. Безъ помощи отъ фонда эти источники были бы недостаточны; вмѣстѣ съ нею они даютъ возможность существованія въ большинствѣ случаевъ—конечно, существованія скуднаго и труднаго. Что же дѣлать, однако, если средства фонда не позволяютъ ему идти дальше? Ставить ему въ вину незначительность назначаемыхъ имъ пенсій и продолжительныхъ пособій можно было бы только тогда, еслибы она зависѣла отъ излишней бережливости или, наоборотъ, отъ излишней щедрости комитета. О послѣдней не можетъ быть и рѣчи, разъ что самъ обвинитель упрекаетъ комитетъ въ „чрезвычайно придирчивой требовательности относительно правъ, ихъ качества и объема“. Въ первой комитетъ точно такъ же неповиненъ: онъ не только тратитъ *всѣ* получаемые имъ текущіе доходы, ничего изъ нихъ не откладывая, но прибѣгаетъ даже къ заимствованіямъ изъ неприкосновеннаго капитала. Еще недавно, лѣтъ пять тому назадъ, въ распоряженіи фонда было нѣсколько тысячъ расходнаго капитала; теперь онъ весь растаялъ, и трудно даже предвидѣть возможность его возстановленія, хотя оно, безъ сомнѣнія, было бы весьма желательно, на случай экстренныхъ выдачъ или временнаго оскудѣнія текущихъ доходовъ.

Самый спорный изъ всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ дѣятельностью фонда—это цѣлесообразность небольшихъ единовременныхъ пособій, колеблющихся около пятидесяти рублей, а въ исключительныхъ случаяхъ спускающихся даже до 10—15 рублей. И въ печати, и въ ревизіонныхъ коммиссіяхъ, и въ средѣ самого комитета, много разъ заходила рѣчь о томъ, не слѣдовало ли бы совершенно отка-

[1] Достаточно напомнить, что одна изъ самыхъ первыхъ пенсіонерокъ литер. фонда, вдова великаго писателя (недавно умершая), получала постоянный доходъ отъ продажи сочиненій ея покойнаго мужа.

заться отъ выдачи такихъ пособій, безплодныхъ для получателей и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своей совокупности, обременительныхъ для фонда. Изъ года въ годъ, однако, переходитъ старая практика, установившаяся еще въ самомъ началѣ дѣятельности комитета, и переходитъ не безъ причины. Нужда, въ средѣ литераторовъ, такъ велика, что облегчить ее можетъ, сплошь и рядомъ, и весьма небольшая сумма. Необходимость выкупить или пріобрѣсти платье, заплатить за квартиру или за лекарства—вотъ обыкновенные поводы, заставляющіе просить о 10—25 рубляхъ; пятьдесятъ рублей часто представляютъ собою возможность мѣсячнаго отдыха или небольшой поѣздки. Какъ отказать въ помощи, неотложность которой доказывается отзывомъ доктора, повѣстками судебнаго пристава, квитанціями ссудной кассы?.. Свысока отзываться о „мелкомъ попрошайничествѣ", о „выклянчиваніи десяти рублей на пропитаніе" можетъ только тотъ, кто не зналъ и не видѣлъ настоящей нужды; комитету литературнаго фонда, безпрестанно встрѣчающемуся съ нею лицомъ къ лицу, непозволительно было бы раздѣлять подобные взгляды.

Въ исторіи литературнаго фонда за послѣдніе годы особенно выдается одинъ фактъ: быстрое увеличеніе неприкосновеннаго капитала, въ пять лѣтъ удвоившагося и приближающагося къ 300 тысячамъ рублей (послѣ того какъ онъ цѣлые десятки лѣтъ держался почти неподвижно около ста тысячъ)—и, параллельно съ этимъ, постоянный перевѣсъ расходовъ надъ доходами. Объяснить это кажущееся противорѣчіе не трудно: капиталъ фонда ростетъ благодаря симпатіи отдѣльныхъ лицъ, хорошо изучившихъ его дѣятельность—доходы фонда (если не считать процентовъ на капиталъ) не ростутъ вовсе, вслѣдствіе равнодушія массы. Изъ числа крупныхъ пожертвованій, сразу поднявшихъ цифру неприкосновеннаго капитала, наиболѣе характеристичны тѣ, которыя сдѣланы Г. З. Елисеевымъ и А. Н. Плещеевымъ. О значеніи перваго мы уже говорили; не менѣе важно, съ занимающей насъ точки зрѣнія, и второе. А. Н. Плещеевъ два трехлѣтія былъ членомъ комитета литературнаго фонда: предоставляя, еще при жизни, въ его распоряженіе двадцать-пять тысячъ рублей, завѣщая ему такую же сумму, онъ выразилъ не только сочувствіе къ его задачамъ, но и довѣріе къ его стремленіямъ, къ его способу дѣйствій. Повторяемъ еще разъ: оба умершіе писателя много сдѣлали для фонда, *потому что хорошо его знали*. Наоборотъ, недостаточное знакомство съ исторіей фонда—вотъ первая причина холодности, съ которою относится къ нему читающая публика. Незнаніемъ обусловливается, дальше, и впечатлѣніе, производимое повторяющимися отъ времени до времени враждебными выходками противъ фонда. У насъ—да и не у насъ однихъ—большинство рас-

положено вѣрить скорѣе дурному, чѣмъ хорошему; къ обвиненію общественное мнѣніе всегда прислушивается внимательнѣе, чѣмъ къ защитѣ. Предубѣжденіе противъ фонда подхватывается и усвоивается тѣмъ охотнѣе, что оно даетъ удобный предлогъ къ освобожденію себя отъ обязанностей передъ фондомъ. Гораздо легче сказать себѣ: „я не хочу сдѣлаться членомъ фонда, потому что управленіе его находится въ неумѣлыхъ рукахъ", чѣмъ откровенно признаться, хотя бы только передъ самимъ собою, въ равнодушіи къ цѣлямъ фонда или въ нежеланіи оказать ему матеріальную поддержку. Большую нравственную отвѣтственность, поэтому, принимаетъ на себя всякій, толкующій вкривь и вкось о дѣятельности фонда. Спѣшимъ прибавить, впрочемъ, что главный источникъ невниманія публики къ литературному фонду лежитъ не въ газетныхъ статьяхъ, ему враждебныхъ, а гораздо глубже. Десять лѣтъ тому назадъ, въ „Недоконченныхъ бесѣдахъ", Салтыковъ писалъ слѣдующее: „общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ никто знать не хочетъ. А право, вѣдь это учрежденіе сотни Шпильгагеновъ стоитъ! [1]) Подумайте! оно одно поддерживаетъ (на сколько можетъ) интересы пишущаго пролетаріата, одно, которое безъ ужимокъ признаетъ свою солидарность съ русской литературой! Какихъ еще больше правъ на вниманіе общества! Бѣдный русскій литературный фондъ! Онъ всецѣло раздѣляетъ судьбы русской литературы. Подобно ей, онъ находится въ забвеніи; подобно ей, влачитъ унылое и скудное существованіе. Коли хотите, это логично; но какъ-то горько мириться съ этой логикою. Все думается: куда было бы лучше, еслибъ благоденствовала литература и вмѣстѣ съ нею благоденствовалъ бы и литературный фондъ!" Дальше Салтыковъ указываетъ на двѣ категоріи лицъ, болѣе другихъ обязанныхъ придти на помощь литературному фонду—писателей, вполнѣ обезпеченныхъ благодаря своимъ литературнымъ успѣхамъ, и книгопродавцевъ, „на костяхъ литературы создавшихъ свои болѣе или менѣе значительныя состоянія". Все это написано какъ будто вчера; но къ писателямъ и книгопродавцамъ слѣдуетъ, какъ намъ кажется, прибавить еще третью категорію, гораздо болѣе многочисленную—*читателей*. Нѣтъ человѣка, сколько-нибудь образованнаго, въ жизни котораго не играла бы роль книга или по крайней мѣрѣ газета, который бы не былъ чѣмъ-нибудь имъ обязанъ, не состоялъ бы въ долгу передъ ними. Участіе въ литературномъ фондѣ—одинъ изъ немногихъ способовъ уплатить хоть часть этого долга. Члены литературнаго фонда должны были бы считаться тысячами, десят-

---

[1]) Статья Салтыкова написана какъ разъ въ то время, когда въ Петербургѣ чествовали пріѣздъ Шпильгагена.

ками тысячъ, а не сотнями, быстро, притомъ, уменьшающимися въ числѣ, какъ только комитетъ начинаетъ повѣрять членскій списокъ и исключать изъ него, согласно съ уставомъ, неисправныхъ плательщиковъ. Въ 1868 г. числилось 745 членовъ, но послѣ повѣрки ихъ осталось только 302. Къ 1 января 1884 г. ихъ было около 800, къ 1 января 1893 г.—770; если теперь ихъ не болѣе 600, то причину этому нужно искать не въ неудовольствіи дѣятельностью комитета (какъ полагаетъ фельетонистъ „Новостей"), а просто въ вновь произведенной повѣркѣ, устранившей изъ списка болѣе ста мнимыхъ, т.-е. давно не платившихъ членовъ общества. *Шестьсотъ* членовъ на всю Россію, въ тридцать-пятый годъ существованія фонда—это цифра по истинѣ поразительная, въ особенности если принять во вниманіе, что лицъ, единовременно что-либо жертвующихъ въ пользу фонда, чрезвычайно мало. „Дружининской копѣйки", т.-е. процентнаго взноса съ литературнаго заработка, поступило въ 1891 г. 105, въ 1892 г.—155 рублей; „читательскаго рубля", т.-е. взносовъ отъ тѣхъ, кто, любя литературу, не имѣетъ возможности сдѣлаться членомъ фонда—въ 1891 г. поступило *три* рубля, въ 1892 г. *десять* рублей. Когда же, наконецъ, настанетъ тотъ моментъ, о которомъ мечталъ Салтыковъ? Когда падетъ стѣна, отдѣляющая читателей отъ писателей, публику — отъ литературнаго фонда?..

Допустимъ, на минуту, что фельетонистъ „Новостей" правъ, что комитету недостаетъ „выдумки" и иниціативы, что на немъ „застыла печать крохоборной рубрики". И въ такомъ случаѣ для перемѣны къ лучшему нуженъ, прежде всего, приливъ новыхъ членовъ. При нормальномъ ходѣ дѣлъ выборы въ комитетъ производятся по кандидатскому списку, составляемому самимъ комитетомъ; но если ревизіонная коммиссія найдетъ дѣйствія комитета „не соотвѣтствующими цѣли общества", то комитетскій списокъ перестаетъ быть обязательнымъ для общаго собранія. Отсюда ясно, какъ важно избраніе ревизіонной коммиссіи—а между тѣмъ въ декабрьское общее собраніе, гдѣ оно происходитъ, являются, сплошь и рядомъ, человѣкъ десять или еще меньше (не считая членовъ комитета, которые въ выборѣ ревизіонной коммиссіи не участвуютъ). Пускай всѣ тѣ, которымъ дороги интересы фонда, всѣ тѣ, которымъ не нравится дѣятельность комитета, вступятъ въ члены фонда и начнутъ принимать активное участіе въ общихъ собраніяхъ. Одно изъ двухъ: или этимъ путемъ выяснится неосновательность обвиненій, взводимыхъ на комитетъ—или въ управленіе обществомъ будетъ введенъ новый элементъ, отъ котораго и будетъ зависѣть новая постановка дѣла.

Литературный фондъ, помимо своей главной, непосредственной

цѣли, полезенъ еще тѣмъ, что онъ представляетъ собою готовую точку опоры для другихъ аналогичныхъ предпріятій. При немъ, и отчасти благодаря его ходатайству, открыта, три года тому назадъ, касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, успѣвшая уже пустить прочные корни и обѣщающая много полезнаго въ будущемъ. Основанная на принципѣ взаимнаго страхованія, она, покамѣстъ, исполняетъ преимущественно функціи похоронной кассы, выдавая опредѣленныя суммы наслѣдникамъ или правопреемникамъ умершаго члена; но, при бо̀льшемъ развитіи ея силъ и средствъ, она можетъ обезпечить своимъ участникамъ существенную поддержку и при жизни, въ случаѣ болѣзни или потери способности къ труду. Членовъ кассы теперь 208; многіе изъ нихъ живутъ не въ Петербургѣ; въ Москвѣ и Юрьевѣ (Дерптѣ) число ихъ такъ значительно, что въ первой уже открыто, во второмъ—скоро откроется отдѣленіе кассы. Вполнѣ сочувствуя цѣлямъ кассы, мы сомнѣваемся только въ правильности одного изъ постановленій, принятыхъ общимъ собраніемъ ея членовъ. Въ уставѣ кассы есть статья, по которой ея правленіе, состоящее изъ девяти членовъ, обновляется по частямъ; ежегодно выбираются три члена правленія, при чемъ члены, выбывающіе по очереди, могутъ быть выбраны вновь не раньше, какъ черезъ годъ. Такое же точно правило существуетъ и въ уставѣ литературнаго фонда (съ тою только разницею, что въ фондѣ число ежегодно выбывающихъ и вновь выбираемыхъ членовъ — не три, а четыре). Когда, въ силу этого правила, долженъ былъ выйти по очереди первый предсѣдатель комитета литературнаго фонда, Егоръ Петровичъ Ковалевскій, эта потеря очень живо чувствовалась и комитетомъ, и обществомъ; всѣ жалѣли, что нельзя удержать въ комитетѣ человѣка, такъ много способствовавшаго его успѣху, съ такимъ достоинствомъ занимавшаго первое въ немъ мѣсто. Никакихъ предположеній объ измѣненіи или обходѣ только-что изданнаго устава, однако, не возникало; для всѣхъ было ясно, что безусловно незамѣнимымъ, въ правильно поставленномъ общественномъ дѣлѣ, не можетъ считаться никто, и что вполнѣ достаточно вновь посадить Ковалевскаго на предсѣдательское кресло, какъ только явится къ тому законная возможность, т.-е. по прошествіи года. Такъ и было сдѣлано—конечно, безъ всякаго вреда для литературнаго фонда. Иначе поступила касса взаимопомощи. Общее собраніе ея членовъ, въ 1893 г., постановило ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи оставить нынѣшняго предсѣдателя кассы еще на одно трехлѣтіе, въ виду той громадной пользы, которую онъ приноситъ кассѣ. Министерство не встрѣтило къ тому препятствій, но съ тѣмъ, чтобы была произведена соотвѣтствующая перемѣна въ уставѣ кассы. Получивъ от-

вѣтъ министерства, общее собраніе членовъ кассы, 13-го минувшаго февраля, постановило ходатайствовать объ измѣненіи ея устава въ томъ смыслѣ, чтобы какъ правленію, такъ и общему собранію предоставлено было включать въ кандидатскій списокъ одного изъ выбывающихъ членовъ правленія. Нисколько не отрицая и не умаляя заслугъ иниціатора и организатора кассы, мы думаемъ, что въ продолженіе одного года правленіе кассы отлично могло бы обойтись безъ его оффиціальнаго участія (неоффиціально, частнымъ образомъ, онъ всегда могъ бы оказывать содѣйствіе кассѣ). Во всякомъ случаѣ оно не было столь необходимо, чтобы изъ-за него позволительно было идти на прямое нарушеніе устава кассы, т.-е. спеціальнаго закона, составленнаго согласно съ желаніями самихъ учредителей кассы. Такимъ учрежденіямъ, какъ литературная касса взаимопомощи, менѣе чѣмъ кому бы то ни было приличествуетъ подавать примѣръ безцеремоннаго отношенія къ законамъ, съ которыми у насъ теперь вообще обращаются слишкомъ свободно. Министерство народнаго просвѣщенія поступило, въ данномъ случаѣ, гораздо правильнѣе, признавъ возможнымъ измѣнить законъ, но отнюдь не дѣйствовать на-перекоръ ему, пока онъ остается неизмѣннымъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Спб. Комитета Грамотности.

С.-Петербургскій Комитетъ Грамотности, состоящій при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, преслѣдуя цѣли распространенія грамотности и полезныхъ знаній въ средѣ сельскаго населенія, въ засѣданіи 14-го декабря 1893 года, выслушавъ заявленіе 55 своихъ членовъ, постановилъ открыть подписку на учрежденіе, при посредствѣ земствъ, 100 безплатныхъ народныхъ читаленъ или библіотекъ, всего на сумму 25.000 рублей, возложивъ исполненіе этого постановленія на Совѣтъ Комитета. Для осуществленія этой задачи необходимо дѣятельное общественное сочувствіе. Исходя изъ глубокаго убѣжденія, что русское общество вполнѣ сознаетъ, что невѣжество есть главное препятствіе къ поднятію народнаго благосостоянія, Комитетъ Грамотности, на основаніи ст. 3 своего устава, открываетъ пріемъ пожертвованій и приглашаетъ всѣхъ, со-

чувствующихъ его начинанію, направлять свои взносы слѣдующимъ лицамъ:

Предсѣдателю Комитета А. Н. Страннолюбскому (Гороховая, 48), товарищамъ предсѣдателя: А. М. Тютрюмову (Коломенская, 1); Г. А. Фальборку (Гончарная, 11); секретарямъ: Э. Э. Анерту (Екатерининскій кан., 51); М. А. Лозинскому (Саперный, 20); Д. Д. Протопопову (В. О., Большой пр., 27), и В. И. Чарнолускому (Гончарная, 11),—а также членамъ Комитета: К. К. Арсеньеву (Мойка, 13); Н. А. Варгунину (М. Итальянская, 38); В. П. Воленсу (Симеоновскій, 5); Я. Г. Гуревичу (Лиговская улица, 1); баронессѣ В. И. Икскуль (Екатерининскій кан., 156); А. М. Калмыковой (Литейный, 60); Я. Т. Михайловскому (Невскій, 97); М. И. Соколову (Невскій, 21); и М. Н. Стоюниной (Воскресенскій, 17).

Всѣ означенныя лица имѣютъ особыя книги для выдачи квитанцій въ пріемѣ суммъ и подписные листы для сбора. О всѣхъ пожертвованіяхъ Комитетъ будетъ извѣщать въ газетахъ, а по окончаніи подписки будетъ опубликованъ подробный отчетъ объ израсходованіи суммъ.

Лица, внесшія не менѣе 250 рублей, могутъ указывать ту мѣстность, гдѣ должна быть открыта учреждаемая на ихъ средства читальня.

ОПЕЧАТКИ:

Въ февральской книгѣ слѣдуетъ исправить:

Стран.:	*строч.*	*напечат.:*	*вмѣсто:*
799	8 сн.	Черпига	Чернига
802	1 „	Грецъ	Гёрцъ
804	2 св.	первая	вторая
—	3 „	вторая	первая
—	10 сн.	нѣмцы	не-нѣмцы
823	14 св.	nрогресса	процесса

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова. Въ трехъ томахъ. Изданіе шестое, дополненное авторомъ. Спб., 1893, стр. 600+560+506. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.

Литературная дѣятельность маститаго поэта обнимаетъ періодъ болѣе полувѣка: самыя раннія произведенія помѣчены 1838-мъ годомъ, а послѣднія относятся къ 1891 г. Въ новомъ изданіи, предпринятомъ извѣстною фирмою А. Ф. Маркса, матеріалъ распредѣленъ не въ хронологическомъ порядкѣ, а по тремъ главнымъ отдѣламъ, которые однако разграничены не совсѣмъ ясно. Въ первомъ томѣ, озаглавленномъ: „Лирика“, помѣщены разнородныя произведенія, преимущественно лирическія, — въ томъ числѣ „Очерки Рима“, посланія къ разнымъ лицамъ и др.; второй, подъ общимъ названіемъ „Картинъ“ (?), заключаетъ въ себѣ небольшія поэмы, посланія (напр. къ Каткову), лирическія и юбилейныя стихотворенія, стихи на разные торжественные случаи и переложеніе „Слова о полку Игоревѣ“, съ вступительною статьею и съ подробными объяснительными примѣчаніями; наконецъ, въ третьемъ томѣ, въ число „Поэмъ“ попали трагедіи („Два міра“ и „Княжна“), сцены изъ „Агамемнона“, Эсхила, лирическая драма, и въ заключеніе прозаическіе разсказы изъ русской исторіи, для дѣтей и народа. Внѣшность изданія довольно изящна: портретъ автора, гравированный въ Лейпцигѣ, сдѣланъ превосходно. Ни біографическихъ свѣдѣній, ни библіографическихъ указаній нѣтъ въ этомъ изданіи; біографія А. Н. Майкова, составленная г. Златковскимъ, напечатана г. Марксомъ, въ видѣ отдѣльной книжки, нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Крушеніе монархіи во Франціи. Очерки и эпизоды первой эпохи французской революціи (1787—1790). Н. А. Любимова, заслуж. проф. московскаго университета. Москва, 1893. Стр. XX и 657. Ц. 3 р.

Не будучи спеціалистомъ по исторіи и обладая, повидимому, лишь общедоступными свѣдѣніями по политическимъ и общественнымъ наукамъ, проф. Н. А. Любимовъ пожелалъ изслѣдовать и объяснить одну изъ самыхъ сложныхъ эпохъ новѣйшей западно-европейской исторіи. Хотя авторъ старательно ознакомился съ печатными и архивными матеріалами, относящимися къ революціоннымъ событіямъ, но упустилъ изъ виду необходимую связь этихъ событій съ предшествующею исторіею Франціи, съ общимъ состояніемъ народа въ послѣдніе годы монархіи и съ умственнымъ движеніемъ французскаго общества въ XVIII вѣкѣ. Оттого вся исторія революціи превращается у автора въ рядъ случайныхъ происшествій и анекдотовъ, въ которыхъ главную роль играли, съ одной стороны, чрезмѣрная слабость и уступчивость королевскаго правительства, а съ другой—необузданная дерзость оппозиціи, исходившей преимущественно отъ интеллигентныхъ разночинцевъ и шарлатановъ. Впрочемъ, изъ фактовъ, приводимыхъ самимъ авторомъ, можно видѣть, что старый порядокъ имѣлъ еще другія черты, кромѣ слабости и снисходительности власти: версальскій дворъ отличался „крайнею распущенностью“ (стр. 15 и др.); въ администраціи господствовала неурядица, въ обществѣ жизнь шла какъ пиръ, безъ мысли о томъ, какъ и какими средствами изготовленъ этотъ пиръ, кто будетъ за него платить, и т. д. Странно только одно, что въ предисловіи и введеніи проводится какая-то параллель между тогдашними французскими условіями и нашимъ положеніемъ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Г. Любимовъ увѣряетъ даже, будто „многое въ событіяхъ французской революціи, особенно въ годы непосредственно предшествовавшіе взрыву, чрезвычайно уясняется (?) при освѣщеніи, какое доставляли явленія нашей общественной жизни въ эпоху нашего государственнаго и политическаго легкомыслія (!)“. Это мнимое сходство, должно быть, и вызвало его трудъ. Такая оригинальная идея, положенная въ основу изслѣдованія, не могла уже никакъ придать ему достоинство „серьезнаго ученаго трактата“, какъ называетъ свое сочиненіе самъ авторъ,—напротивъ. Выражая свою ненависть ко всякимъ вообще либераламъ, онъ, однако, дѣлаетъ о себѣ самомъ слѣдующій отзывъ: „если чувствую въ себѣ,—при легко смущающейся мягкости и внутренней робости нравственнаго существа своего, —какой-либо дѣятельный инстинктъ, то именно инстинктъ свободы, ближайше родственный съ инстинктомъ безпристрастія и отзывчивостью на каждое угнетеніе и страданіе“. Эти несомнѣнно высокія душевныя качества автора едва ли, однако, совмѣстимы съ идеями и пріемами „Московскихъ Вѣдомостей“, редакція которыхъ приняла на себя участіе въ изданіи его книги...

Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ тобольской и томской губерніяхъ. Спб. 94. Стр. 428.

Настоящее изданіе есть сводъ обширныхъ матеріаловъ, доставленныхъ изслѣдованіемъ хозяйственнаго быта государственныхъ крестьянъ двухъ губерній западной Сибири, и объемомъ до 450 печатныхъ листовъ. Самое же изслѣдованіе было предпринято министерствомъ государственныхъ имуществъ еще въ 1886 г. Программа свода должна быть признана вполнѣ всестороннею, но, по признанію самихъ его составителей, всѣ подобныя работы обыкновенно не могутъ приносить всей той пользы, ради которой онѣ были предприняты: прежде нежели дѣло дойдетъ до свода матеріаловъ, часть ихъ уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, измѣнившейся со времени добыванія матеріаловъ. Площадь изслѣдованія обнимаетъ собою $^1/_2$ милліона кв. верстъ, съ населеніемъ въ $1^1/_2$ милліона, а сверхъ того—до 150 тысячъ ссыльныхъ, кромѣ семей ихъ дѣтей и внуковъ, и свыше 50 тысячъ инородцевъ. Земли удобной въ обѣихъ губерніяхъ свыше 15 милл. дес., а неудобной до 5 милл. Относительно же свѣдѣній детальныхъ, напримѣръ, о скотоводствѣ, лѣсахъ, составители предупреждаютъ о неполнотѣ ихъ и неточности, зависѣвшихъ, конечно, не отъ нихъ. Для переселенческаго вопроса и вопроса о значеніи для Сибири ссыльнаго элемента подобныя работы приносятъ, однако, пользу. Оказывается, напримѣръ, что въ каинскомъ округѣ населеніе можетъ быть утроено, въ другихъ—удвоено, но въ нѣкоторыхъ уже достаточно наполнено.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1894 г.
(Двадцать-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою.	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.. .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ Съ перваго марта открывается подписка на вторую четверть 1894 года. ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;— въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.— *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1894.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1894.

Стр.

КОНДОРСЭ

род. 1743 г. — ум. 1794 г.

Характеристика.

Окончаніе.

VI *).

Бѣгство въ Вареннъ сдѣлало изъ Кондорсэ рѣшительнаго сторонника республики. Критическое отношеніе къ теоріи политическихъ противовѣсовъ, которому онъ научился изъ книгъ своихъ ближайшихъ учителей физіократовъ, увлеченіе американскими порядками, истолкованными ему такимъ недопускающимъ компромиссовъ республиканцемъ, какимъ былъ Джефферсонъ,—положили основу той внутренней эволюціи, которая изъ скромнаго сторонника административныхъ и финансовыхъ реформъ сдѣлала горячаго защитника неограниченнаго народовластія. Въ то время какъ большинство передовыхъ умовъ Франціи крѣпко держалось за сохраненіе той тѣни монархіи, какою, согласно конституціи 91-го года, являлась власть Людовика XVI,—тогда какъ не только Сіэйсъ, но и Робеспьеръ открыто провозглашалъ себя сторонникомъ монархіи, а клубъ якобинцевъ изгонялъ изъ своей среды Робера, автора памфлета о примѣнимости къ Франціи республиканскаго образа правленія,—Кондорсэ въ „соціальномъ клубѣ" дѣлалъ 12 іюля 1791 года докладъ о безполезности коро-

*) См. выше: мартъ, стр. 99.

приводитъ въ своемъ докладѣ рядъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ географическаго положенія Франціи, нигдѣ не пересѣкаемой непроходимыми горами или недоступными для переправы рѣками, и въ ея историческомъ прошломъ, привившемъ ей пристрастіе къ политической централизаціи, и въ томъ фактѣ, что населеніе каждой провинціи является смѣшаннымъ, включая въ себя массу пришельцевъ, какъ изъ сосѣднихъ, такъ и изъ дальнихъ мѣстностей. Интересъ военной защиты, особенно въ моментъ, когда вся Европа готова наброситься на республику, заставляетъ ее дорожить своимъ политическимъ единствомъ, той солидарностью частей, тѣмъ теснѣйшимъ ихъ общеніемъ, которое одно дастъ ей возможность выйти побѣдительницей изъ неравной борьбы. Примѣръ того филадельфійскаго конвента, которому американцы обязаны выработкой своей конституціи, кажется ему крайне поучительнымъ для тѣхъ, кто готовъ осложнить стоящія передъ Франціей задачи новымъ переворотомъ въ духѣ федерализма. „Всѣ просвѣщенные умы на этомъ конвентѣ,—пишетъ онъ,—всѣ патріоты жаловались на недостатокъ согласія между отдѣльными республиками и на отсутствіе всякой концентраціи во власти. Если они, тѣмъ не менѣе, не рѣшились потребовать политическаго сліянія отдѣльныхъ государствъ въ единое цѣлое, то потому, что не пожелали рисковать новымъ переворотомъ“.

Передъ этими заявленіями, очевидно, падаютъ всѣ тѣ обвиненія въ федерализмѣ, какія выдвинуты были противъ Кондорсэ партіей Робеспьера, смѣшивавшей его съ жирондистами и готовившей ему ту же участь.

Не менѣе послѣдовательнымъ съ самимъ собою является Кондорсэ и тогда, когда въ духѣ первыхъ своихъ политическихъ трактатовъ онъ признаетъ необходимость устройства республики на началахъ представительства и доказываетъ возможность примирить его съ системой народнаго суверенитета. Подобно Сіэйсу онъ отступаетъ въ этомъ отношеніи отъ доктрины общаго обоимъ учителя, Руссо, и приближается къ Мабли. Но онъ расходится съ обоими въ средствахъ, какими можетъ быть достигнуто это примиреніе суверенитета націи съ практическимъ всемогуществомъ небольшой кучки ея уполномоченныхъ. Онъ не требуетъ для послѣднихъ того повелительнаго „мандата“, на необходимость котораго указывалъ Мабли. За-одно съ Сіэйсомъ онъ желаетъ оставить за ними полный просторъ дѣятельности и возможность личной отвѣтственности. Но тогда какъ Сіэйсъ тщетно ищетъ какого-нибудь противовѣса ихъ всемогуществу въ дѣленіи палаты на двѣ части, одна за другой вотирующія одни и тѣ же предложенія,

Кондорсэ надѣется ограничить ихъ власть съ помощью спеціально созываемыхъ для этой цѣли первичныхъ собраній избирателей. Оживляя тѣ проекты народнаго referendum'а, которые впервые выставлены были еще нѣкоторыми членами учредительнаго собранія, и въ числѣ ихъ Барeромъ во время обсужденія вопроса о королевскомъ veto, Кондорсэ предлагаетъ цѣлую систему непосредственной апелляціи къ народу въ случаѣ недовольства конституціей или отдѣльными законами, обнародованными представительнымъ собраніемъ. Оригинальность его проекта составляетъ то обстоятельство, что эта апелляція каждый разъ должна исходить отъ частныхъ лицъ. Заявленія 50 избирателей одной общины достаточно, чтобы подвергнуть голосованію вопросъ о томъ, желателенъ или нежелателенъ новый законъ или новая конституція. При рѣшеніи этого вопроса одной изъ общинъ въ отрицательномъ смыслѣ является возможность требовать отъ департаментскихъ властей созыва избирателей всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ общинъ для подачи голоса по тому же предмету. При согласіи всѣхъ ихъ, или большинства, народное представительство обязано обратиться къ первичнымъ собраніямъ Франціи съ вопросомъ, есть ли основаніе подвергнуть обсужденію проектъ отмѣны признаннаго нежелательнымъ закона. И на этотъ разъ рѣшающій голосъ остается за большинствомъ. Если это большинство выскажется въ утвердительномъ смыслѣ, должны послѣдовать новые выборы представителей, и обновленному въ своемъ составѣ собранію надлежитъ послѣ предварительнаго обсужденія издать новый законъ въ отмѣну прежняго. И этотъ законъ, въ свою очередь, можетъ подвергнуться цензурѣ первичныхъ собраній. Но ни въ какомъ случаѣ за послѣдними не признается права законодательнаго почина, права обсуждать, въ какомъ смыслѣ долженъ быть измѣненъ непріятный имъ законъ. Страхъ федерализма заставляетъ Кондорсэ высказаться такъ же рѣшительно противъ дебатирующихъ собраній, секцій или округовъ, какъ раньше его высказывался противъ нихъ Мирабо. Этотъ же страхъ заставляетъ его лишить избирателей права цензуры надъ законами и требовать, чтобы она осуществлена была спеціально созываемыми для этой цѣли сходами тѣхъ же избирателей.

Кондорсэ остается вѣрнымъ своему прошлому и внушенной ему физіократами антипатіи къ теоріи политическихъ противовѣсовъ, когда высказывается въ пользу единства народнаго представительства и требуетъ сосредоточенія въ его рукахъ высшей политической власти. Самодержавіе собранія не пугаетъ его. Довѣріе къ патріотизму націи, къ ея безкорыстной преданности свободѣ

и равенству переносится имъ и на ея избранниковъ. Признавая тѣмъ не менѣе силу того возраженія, что при однокамерной системѣ принимаемыя представительствомъ рѣшенія нерѣдко являются недостаточно обдуманными и зрѣлыми, онъ надѣется отвратить эту опасность созданіемъ въ средѣ самой камеры постояннаго бюро для предварительнаго обсужденія внесенныхъ въ нее законопроектовъ.

Тираннію всемогущаго и всенаправляющаго народнаго совѣта должны парализовать также по его разсчету ежегодные выборы и созваніе каждыя двадцать лѣтъ въ силу закона и помимо всякой частной инціативы особаго конвента для пересмотра конституціи, наконецъ, широкое право частныхъ и коллективныхъ петицій, направленныхъ противъ тѣхъ или другихъ административныхъ регламентовъ собранія или декретовъ, отнюдь, однако, не противъ законовъ, такъ какъ для ихъ отмѣны существуетъ отличный отъ петицій путь—„цензура“ первичныхъ собраній.

Кондорсэ расходится съ Монтескьё и всѣми сторонниками англійской конституціи не только въ вопросѣ о политическихъ противовѣсахъ, но и во всемъ, чтò касается самаго устройства народнаго представительства. Вслѣдъ за Робеспьеромъ, начавшимъ еще въ 1791 году агитацію въ пользу всеобщаго права голосованія, онъ требуетъ отмѣны всякаго избирательнаго ценза. Этотъ цензъ кажется ему какимъ-то архаическимъ остаткомъ, какимъ-то переживаніемъ изъ той эпохи, когда федеральные собственники одни призваны были къ раздѣлу власти со своимъ сювереномъ-королемъ. Чѣмъ, спрашиваетъ онъ, можно защитить сохраненіе подобныхъ порядковъ, а также пріуроченіе къ тому или другому департаменту большаго и меньшаго числа депутатовъ, сообразно не одной численности его населенія, но и количеству платимыхъ имъ налоговъ? Ужъ не тѣмъ ли, что одни собственники отличаются осѣдлостью, связаны постояннымъ пребываніемъ съ избирающимъ ихъ округомъ? — Но почему та же осѣдлость не можетъ быть признана за тѣми, кто снимаетъ у нихъ землю въ аренду?—Одно соображеніе можетъ быть приведено въ пользу пріурочиванья политическихъ правъ къ имущественному цензу: это—большая легкость, съ какой люди зажиточные пріобрѣтаютъ необходимыя для представителя знанія. Но при всеобщемъ образованіи это соображеніе падаетъ само собою. Оправдывать же обдѣленіе большинства незажиточныхъ правомъ голоса на выборахъ тѣмъ опасеніемъ, что они станутъ торговать имъ, значитъ клеветать на націю, готовую на всѣ пожертвованія, благодаря

своему патріотизму и любви къ свободѣ. Кондорсэ высказывается противъ системы двойныхъ выборовъ и старается достигнуть обезпечиваемыхъ ею выгодъ сложнымъ путемъ установленія сперва каждымъ совершеннолѣтнимъ списка его кандидатовъ, составленія департаментскими властями на основаніи этихъ списковъ новаго, включающаго въ себѣ имена лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ, и производства затѣмъ окончательнаго выбора изъ среды тѣхъ, чьи имена стоятъ въ этомъ спискѣ.

Противникъ королевской власти, Кондорсэ враждебенъ также приближающемуся къ ней единоличному президентству. Какъ и въ 1791-мъ году онъ высказывается въ пользу устройства семичленнаго избирательнаго совѣта, которому должно быть поручено верховное завѣдываніе всѣми интересами администраціи, за исключеніемъ финансовъ и государственнаго счетоводства, поручаемыхъ самостоятельнымъ, также избираемымъ органамъ.

Подчиняя свой верховный совѣтъ законодательному собранію и ограничивая его функцію буквальнымъ примѣненіемъ закона въ сферѣ администраціи, помимо всякаго расширительнаго толкованія, лишая его поэтому даже права издавать регламенты, примѣняющіе законы къ частнымъ случаямъ, Кондорсэ желаетъ въ то же время придавать его членамъ нѣкоторую самостоятельность и съ этою цѣлью переносить на избирателей право выбора кандидатовъ на должности этихъ совѣтниковъ. Департаментскія власти, сосчитавъ число голосовъ, поданныхъ въ пользу тѣхъ или другихъ лицъ, вносятъ въ особые списки имена тѣхъ, въ чью пользу высказалось наибольшее число избирателей. Законодательное собраніе сохраняетъ тѣмъ не менѣе за собою право назначенія, но это право ограничено необходимостью не выходить за предѣлы списка, слившаго въ себѣ результаты всѣхъ общинныхъ выборовъ и включающаго имена лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ по департаментамъ. Въ этой оригинальной комбинаціи легко усмотрѣть косвенное вліяніе американскихъ порядковъ. Президентъ американскихъ Соединенныхъ Штатовъ также является избранникомъ народа, а не представительной камеры. Назначеніе его происходитъ путемъ двойныхъ выборовъ. Вся разница въ томъ, что этими вторичными выборщиками въ проектѣ Кондорсэ являются члены законодательной камеры, въ Соединенныхъ же Штатахъ—назначенныя первичными собраніями лица.

Какъ ни значительны принятыя Кондорсэ мѣры противъ возможности всякаго захвата власти высшими органами исполненія, онъ все же считаетъ не лишнимъ потребовать ежегоднаго возобновленія половины личнаго состава совѣта. Только этимъ пу-

темъ можетъ быть парализовано, — думаетъ онъ,—развитіе въ членахъ совѣта того корпоративнаго духа, который ему, какъ и всѣмъ послѣдователямъ Руссо, рисуется всегда противнымъ общему благу. Возобновленіе по частямъ имѣетъ еще то удобство, что способствуетъ продолженію административныхъ традицій, не вызывая перелома во всемъ предшествовавшемъ направленіи внутренней политики. Что же касаеся до внѣшней—то руководительство ею совершенно отнято у совѣта. Вопросы войны и мира и заключеніе трактатовъ и конвенцій рѣшаются народнымъ представительствомъ въ такой же мѣрѣ, какъ вопросы законодательства и налоговаго обложенія. У членовъ совѣта отнято всякое право законодательнаго почина; они только могутъ доводить до свѣдѣнія собранія о желательности тѣхъ или другихъ реформъ. Не имѣя въ немъ самостоятельнаго голоса, они могутъ быть призываемы, въ случаѣ надобности, къ дачѣ показаній, къ сообщенію необходимыхъ законодателямъ административныхъ данныхъ. Кондорсэ понимаетъ раздѣленіе властей въ смыслѣ ихъ полнаго обособленія. Этимъ объясняется, почему судамъ отказано въ правѣ непосредственнаго преслѣдованія административныхъ органовъ. Національное жюри подвергаетъ отвѣтственности и произноситъ приговоръ надъ членами совѣта и другими также избираемыми органами департаментскаго и общиннаго управленія не иначе, какъ въ силу особаго декрета законодательнаго собранія. Послѣдствіемъ приговора за преступленія по должности можетъ быть или простая отставка, или уголовная кара. Отъ законодательнаго собранія зависитъ при начатіи иска ходатайствовать передъ жюри или о простомъ удаленіи отъ должности обвиняемаго, или о присужденіи его къ тѣмъ или другимъ наказаніямъ, въ случаѣ признанной виновности.

Въ сферѣ департаментскаго и общиннаго управленія проектъ Кондорсэ не вноситъ многихъ существенныхъ измѣненій и оставляетъ администрацію въ рукахъ тѣхъ же избираемыхъ коллегіальныхъ органовъ, которымъ она была поручена конституціей 91-го года. Выбранныя народомъ лица входятъ въ составъ двухъ совѣтовъ, изъ которыхъ одинъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ функціи дѣятельной, а другой—совѣщательной администраціи.

Несравненно больше оригинальности въ предложенномъ Кондорсэ судебномъ устройствѣ. На-ряду съ отнятіемъ у судей права постановлять смертные приговоры, за частныя—отнюдь, однако, не политическія—преступленія, ея характерными чертами является широкое развитіе посредничества и передача въ руки присяжныхъ дѣлъ не только уголовныхъ, но и гражданскихъ. Третей-

скими разбирателями въ проектѣ Кондорсэ являются мировые судьи. Никакая тяжба не можетъ быть начата въ обыкновенныхъ судахъ, не прошедши предварительно черезъ руки посредниковъ. Только констатированная ими невозможность склонить стороны къ примиренію оправдываетъ, въ глазахъ Кондорсэ, необходимость прибѣгнуть къ содѣйствію обыкновенныхъ судей. Пристрастіе его къ суду присяжныхъ доходитъ до того, что даже въ спорныхъ вопросахъ налоговаго обложенія и государственнаго счетоводства, мало того, даже при постановкѣ кассацій какими-то странствующими судьями, которыхъ Кондорсэ называетъ ценворами, онъ только за одними присяжными признаетъ рѣшающій голосъ. По примѣру Англіи, Кондорсэ допускаетъ существованіе, рядомъ съ судебными присяжными, и присяжныхъ обвинительныхъ, т.-е. такихъ, согласіе которыхъ было бы необходимо для начатія уголовнаго преслѣдованія. Не въ примѣръ Англіи, въ которой списки присяжныхъ составляются правительственными чиновниками-шерифами, Кондорсэ передаетъ производство ихъ въ руки самихъ избирателей. Каждые шесть мѣсяцевъ первичныя собранія выбираютъ по одному присяжному на сто человѣкъ изъ собственной среды, не стѣсняясь тѣмъ, принадлежатъ ли назначенныя лица къ жителямъ общины или нѣтъ. Достаточно факта ихъ осѣдлости въ предѣлахъ департамента.

Случаи государственной измѣны не изъяты отъ вѣдомства присяжныхъ. Особому національному жюри, составляемому путемъ прямыхъ выборовъ, поручено высказываться насчетъ необходимости обвиненія и преступности обвиняемаго.

Отмѣтимъ еще слѣдующія любопытныя стороны въ проектѣ Кондорсэ, а именно заявленіе о томъ, что вотируемые собраніемъ налоги должны быть равномѣрно распредѣлены между всѣми гражданами, сообразно ихъ платежнымъ способностямъ, и что никакой налогъ не долженъ парализовать свободы въ распоряженіи собственностью и обращеніи капиталовъ, а также прогрессу промышленности и торговли (титулъ XII, статья IV и VI); наконецъ, что обложенію не подлежитъ та часть дохода, добываемаго трудомъ и промышленной предпріимчивостью, которая признана будетъ необходимой для обезпеченія издержекъ существованія.

Всеобщая воинская повинность находитъ признаніе въ той статьѣ проекта, которая говоритъ, что армія должна быть составлена изъ всѣхъ лицъ, способныхъ носить оружіе. Ея миссіей признается охрана республики отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. По примѣру Вольнэ, заявившему въ стѣнахъ учредительнаго собранія, что обновленная революціей Франція отказывается отъ

завоевательной политики, Кондорсэ въ послѣднемъ титулѣ своей конституціи обѣщаетъ, что къ оружію республика будетъ прибѣгать впредь только въ интересахъ сохраненія свободы, цѣлости территоріи и защиты союзниковъ; что одно только заявленіе большинствомъ жителей той или другой страны готовности присоединиться къ Франціи можетъ подать поводъ къ расширенію границъ государства; что въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными державами Франція намѣрена уважать ихъ учрежденія, разъ эти учрежденія встрѣчаютъ согласіе народа [1]).

По примѣру конституціи 91-го года, и предложенный Кондорсэ проектъ заключаетъ въ себѣ особую декларацію правъ, которая почти цѣликомъ перешла въ текстъ конституціи 1793 года. Къ числу новыхъ обязательствъ, принимаемыхъ въ ней государствомъ по отношенію къ гражданамъ, надо отнести обязательство доставить имъ возможность образованія и обезпечить общественную помощь въ нуждѣ. Въ этомъ послѣднемъ заявленіи легко усмотрѣть признаніе того права на трудъ, о которомъ впервые поднята была рѣчь учителемъ и другомъ Кондорсэ Тюрго, и которое не дальше, какъ въ нынѣшнемъ году, масса швейцарскихъ избирателей включила въ число своихъ политическихъ дезидератъ [2]). Съ этой необходимой поправкой декларація Кондорсэ и усвоившая ее себѣ конституція 93-го года принимаютъ всѣ провозглашенныя въ 89-мъ году естественныя права и въ числѣ ихъ собственность, которая, по буквальному опредѣленію Кондорсэ, должна состоять въ неограниченномъ распоряженіи каждымъ его имуществами, капиталами и доходами [3]). Для Кондорсэ, какъ и для дѣятелей 89-го года, равенство требуетъ одного только пользованія всѣми „равными гражданскими и политическими правами", того, чтобы законъ былъ одинъ для всѣхъ и въ равной мѣрѣ распространялъ на всѣхъ свою защиту, поощреніе и кару [4]). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ, заодно съ физіократами, Кондорсэ не допускаетъ противорѣчія экономическихъ интересовъ; въ самый годъ составленія имъ проекта конституціи и деклараціи правъ онъ обнародываетъ въ журналѣ общественныхъ

---

[1]) См. титулъ XIII и послѣдній. Ibid., стр. 499.

[2]) Я разумѣю агитацію, поднятую въ Швейцаріи съ цѣлью воспользоваться дарованнымъ первичнымъ собраніямъ законодательнымъ почином для включенія въ текстъ федеральной конституціи права на трудъ и соотвѣтствующаго обязательства государства доставлять работу нуждающимся.

[3]) Статья XVIII „Деклараціи естественныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ людей" (Ibid., стр. 420).

[4]) Статья VII и VIII той же деклараціи.

знаній мемуаръ, посвященный развитію той мысли, что всѣ классы общества имѣютъ общіе интересы. „Я берусь доказать,—пишетъ онъ въ этомъ мемуарѣ,—что предполагаемое противорѣчіе интересовъ трудящихся и необязанныхъ трудиться, собственниковъ и капиталистовъ, съ одной стороны, и рабочихъ, съ другой, на самомъ дѣлѣ не существуетъ" [1]). Нѣтъ, такимъ образомъ, ни малѣйшаго основанія къ тому утвержденію, будто дѣятели 93-го года по своимъ соціальнымъ стремленіямъ существенно расходились съ дѣятелями 89-го. Свобода и собственность, къ которымъ еще Локкъ сводилъ основныя права гражданина, остаются ими и въ глазахъ вожаковъ французской революціи. Они не допускаютъ еще возможности такихъ комбинацій, при которыхъ оба начала могли бы вступить въ непримиримую вражду. Всѣ они—индивидуалисты, имъ чужды соціалистическія, а тѣмъ болѣе коммунистическія тенденціи.

Видя во всеобщемъ образованіи лучшее и единственное средство если не парализовать, то по крайней мѣрѣ ослабить существующее между людьми неравенство, Кондорсэ еще въ эпоху учредительнаго собранія печатаетъ въ издаваемой имъ „Библіотекѣ публичнаго дѣятеля" цѣлыхъ пять мемуаровъ, заключающихъ въ себѣ полный выработанный въ частяхъ и вполнѣ законченный планъ реформы народнаго образованія во Франціи. Вопросъ поставленъ былъ на очередь. Упраздненіе монастырей—этихъ разсадниковъ не одного духовнаго, но и свѣтскаго знанія—заставляло государство принять на себя отнынѣ болѣе дѣятельную заботу о народномъ образованіи. Мирабо и Талейранъ готовили каждый свои доклады по этому предмету. Смерть помѣшала первому внести свои предложенія въ палату, и Кабанису осталось только напечатать ихъ въ числѣ неизданныхъ трудовъ своего покойнаго друга. Что касается до проекта Талейрана, въ которомъ проводился не только принципъ секуляризаціи всѣхъ сторонъ народнаго образованія, но и предлагалось ввѣрить верховное завѣдываніе имъ особому институту наукъ, искусствъ и литературы, то онъ былъ прочитанъ въ собраніи; но всякія дальнѣйшія пренія отложены, и такъ какъ вскорѣ само собраніе прекратило свою дѣятельность, то и докладу Талейрана пришлось раздѣлить съ мемуарами Мирабо приблизительно одну участь: оба послужили матеріаломъ для справокъ при дальнѣйшихъ работахъ членовъ законодательнаго собранія и конвента по тому же предмету.

---

[1]) См. мемуаръ, озаглавленный: Que toutes les classes de la société n'ont qu'un intérêt (Ibid., стр. 645).

Статьи Кондорсэ о народномъ образованіи имѣютъ только то общее съ докладами Талейрана, что, подобно имъ, проникнуты идеями „великой энциклопедіи", стараются провести ея педагогическіе взгляды, дать имъ возможно широкое практическое примѣненіе. Во всемъ остальномъ схема Кондорсэ задумана и развита вполнѣ самостоятельно. Такъ какъ его статьямъ суждено было сдѣлаться со временемъ главною канвою при составленіи проекта реформы всѣхъ частей публичнаго и частнаго обученія, а этотъ проектъ, въ свою очередь, обращенъ былъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ законъ 25-го октября 1795 года, которымъ конвентъ надѣлилъ Францію цѣлой системой публичныхъ школъ, такъ какъ многія стороны этого законодательства удержаны были безъ измѣненія Шапталемъ при устройствѣ имъ въ 1802 году донынѣ существующей во Франціи системы публичнаго образованія, то о мемуарахъ, напечатанныхъ Кондорсэ въ 1791—1792 годахъ приходится говорить, какъ объ исходномъ моментѣ въ развитіи нѣкоторыхъ принциповъ, доселѣ управляющихъ взглядами оффиціальной педагогики во Франціи.

Первый мемуаръ ставитъ себѣ задачей выяснить характеръ и предѣлы вмѣшательства государства въ образованіе. Онъ начинается категорическимъ заявленіемъ, что публичное обученіе является обязанностью государства, безъ него тщетны всѣ обѣщанія установить равенство и даже свободу, такъ какъ человѣкъ, не знающій читать и не знакомый съ начальными правилами ариеметики, поясняетъ авторъ, необходимо зависимъ отъ всякаго, кто образованнѣе его [1]. Только распространеніе въ обществѣ дарового обученія сдѣлаетъ возможнымъ столь желательное смягченіе нравовъ, ясное сознаніе каждымъ его обязанностей человѣка, отца семейства и гражданина. Только оно способно повесть къ искорененію предразсудковъ и привитію людямъ правильныхъ воззрѣній на государство и законы; только оно сдѣлаетъ возможнымъ осуществленіе того обѣщанія, что доступъ ко всѣмъ должностямъ будетъ открытъ каждому. Государство обязано въ этомъ отношеніи передъ обществомъ еще потому, что усовершенствованія человѣческой породы можно ждать лишь подъ условіемъ всеобщаго распространенія знаній. Кондорсэ подробно останавливается на развитіи той мысли, что интенсивность, какъ онъ выражается, всѣхъ нашихъ способностей зависитъ отъ совершенства умственныхъ органовъ, а это совершенство болѣе или менѣе обусловливается тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находились эти

[1]) См. Полное собраніе соч. Кондорсэ. Т. VII., стр. 169 и 170.

органы у нашихъ родителей" [1]). Такимъ образомъ, задолго до Дарвина, по всей вѣроятности подъ вліяніемъ своего друга Ла-Марка, Кондорсэ додумывается до той истины, что физическія и психическія свойства наслѣдственны, и что всякое ихъ усовершенствованіе въ живущихъ поколѣніяхъ является счастливымъ предзнаменованіемъ для грядущихъ. Не всѣ люди располагаютъ, однако, равнымъ досугомъ и одинаковою способностью къ усвоенію знаній. Отсюда необходимость нѣкоторыхъ градацій въ системѣ публичныхъ школъ. Кондорсэ предлагаетъ раздѣлить ихъ на три категоріи: однѣ низшія должны, соображаясь съ временемъ и способностями, доставить людямъ знаніе того, что необходимо всѣмъ и каждому изъ нихъ, каковы бы ни были ихъ профессіи и ихъ вкусы. Но вмѣстѣ съ передачей дѣтямъ начальныхъ элементовъ цивилизаціи, онѣ должны еще доставить имъ необходимѣйшія знанія для той профессіи, которой они намѣрены посвятить себя въ будущемъ. Вторая категорія имѣетъ въ виду различныя стороны профессіональнаго образованія, начиная отъ ремеслъ и оканчивая либеральными профессіями. Третья задается цѣлью доставить чисто научное образованіе. Она должна создать людей, которые новыми открытіями и изобрѣтеніями могутъ содѣйствовать прогрессивному ходу человѣчества [2]).

Одною изъ плодотворнѣйшихъ мыслей Кондорсэ надо признать ту, что публичныя школы всѣхъ трехъ категорій онъ предназначаетъ одинаково и для дѣтей, и для взрослыхъ. „Недостаточно,—думаетъ онъ,—пріобрѣсть въ ранней молодости тѣ или другія свѣденія. Если не поддерживать и не подновлять ихъ впослѣдствіи, они неизбѣжно будутъ утрачены, и человѣкъ впадетъ въ полное невѣжество. Занятые въ теченіе недѣли заботами своей профессіи, рабочій и земледѣлецъ располагаютъ, однако, воскреснымъ досугомъ. Этимъ обстоятельствомъ надо воспользоваться для созданія воскресныхъ курсовъ при школахъ, какъ низшихъ, такъ и среднихъ и высшихъ. Въ этихъ курсахъ—разумѣется, даровыхъ—должны сообщаться, примѣнительно къ пониманію слушателей, недавніе успѣхи наукъ и техники". Переходя въ частности къ начальному образованію, Кондорсэ и въ немъ желаетъ провесть извѣстную градацію. Не нужно,—думаетъ онъ,—слишкомъ съуживать его рамокъ, такъ какъ необходимо бороться съ тѣмъ вѣрно отмѣченнымъ Адамомъ Смитомъ притупленіемъ, къ которому ведетъ крайнее проведеніе начала раздѣленія труда [3]).

[1]) Ibid., стр. 183.
[2]) Ibid., стр. 186 и 187.
[3]) Ibid., стр. 191 и 192.

Но такъ какъ, съ другой стороны, не всѣ одинаково легко усвоиваютъ сообщаемыя имъ знанія, то необходимо раздѣлить задачи первоначальнаго образованія между нѣсколькими школами, низшими и высшими. Болѣе способные, какъ и болѣе свободные, въ состояніи будутъ воспользоваться услугами и этихъ менѣе элементарныхъ школъ, тогда какъ масса учащихся удовольствуется полученіемъ однихъ первоначальныхъ знаній.

Кондорсэ видитъ въ публичныхъ школахъ только орудіе образованія, отнюдь не воспитанія. Въ этомъ лежитъ, — говоритъ онъ,—существенная черта различія между древностью и нашимъ временемъ. Различіе это имѣетъ своимъ источникомъ то обстоятельство, что тогда какъ древнее государство стремилось къ тому, чтобы создать гражданъ по собственному образцу, сообщить имъ мысли и чувствованія, отвѣчающія задачамъ законодателя, новое согласно обезпечить за ними свободу ихъ мнѣній; но такая свобода была бы немыслима въ воспитательныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ извѣстныя нравственныя и политическія доктрины внушались бы, какъ нѣчто незыблемое и не допускающее критики. Какъ послѣдователь Тюрго, Кондорсэ боится также ввѣрить заботу о воспитаніи корпораціямъ, взаимно восполняющимъ себя путемъ выбора, разумѣя подъ ними не однѣ монастырскія конгрегаціи; такія corps enseignants кажутся ему тираннами или, по меньшей мѣрѣ, орудіями тиранніи [1]).

Публичное образованіе не должно ставить себѣ также задачей религіознаго обученія. Это значило бы стѣснять совѣсть тѣхъ, кто не принадлежитъ къ численно-преобладающей церкви. Принципы нравственности должны преподаваться въ школахъ независимо отъ религіи; заботу же о религіозномъ обученіи необходимо предоставить семьѣ [2]).

Кондорсэ требуетъ, чтобы государство не стѣсняло свободы образованія, навязывая школамъ ту или другою обязательную въ преподаваніи доктрину и запрещая проповѣдь всѣхъ остальныхъ; оно тѣмъ менѣе призвано къ этому, ибо нѣтъ основанія утверждать, что руководящія имъ лица всегда стоятъ на высшемъ уровнѣ вѣка [3]). Все, что̀ оно вправѣ и обязано сдѣлать,—это опредѣлить предметъ и границы преподаванія въ каждой изъ категорій содержимыхъ имъ школъ, да еще принять мѣры къ тому, чтобы учителя и учебныя пособія отвѣчали тѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены людьми просвѣщенными. А для этой цѣли,

---

[1]) Ibid., стр. 206.

[2]) Ibid., стр. 204.

[3]) Ibid., стр. 207.

какъ мы покажемъ впослѣдствіи, лучшимъ средствомъ въ глазахъ Кондорсэ является передача выбора преподавателей и учебниковъ въ руки ученыхъ и педагогическихъ сообществъ.

Другой не менѣе оригинальной мыслью Кондорсэ надо признать заявленіе, что образованіе должно быть общимъ для обоихъ половъ. Огюстъ Контъ, не раздѣлявшій его взглядовъ на необходимость женской эмансипаціи, въ то же время вполнѣ присоединился къ высказанному имъ мнѣнію о необходимости сдѣлать доступнымъ для женщинъ не только полученіе низшаго и средняго, но и высшаго образованія. „Почему,—пишетъ Кондорсэ,—закрывать имъ возможность пріобрѣтенія научныхъ свѣденій? Допуская даже, что онѣ не способны содѣйствовать прогрессу знаній новыми открытіями,—что̀, впрочемъ, примѣнимо только къ тѣмъ изъ этихъ открытій, которыя требуютъ чрезвычайной мозговой силы,—неужели женщины не могутъ содѣйствовать распространенію знаній въ обществѣ составленіемъ, напримѣръ, элементарныхъ руководствъ; онѣ, быть можетъ, болѣе призваны къ этому, чѣмъ мужчины, такъ какъ необыкновенная гибкость ихъ ума и частое общеніе съ дѣтьми даютъ имъ бо̀льшую легкость примѣниться къ дѣтскому пониманію. Но хорошій учебникъ можетъ быть написанъ только тѣмъ, кто знаетъ гораздо больше того, что̀ въ немъ изложено“.

Только получая равное съ мужчинами образованіе, могутъ женщины приготовиться къ миссіи первыхъ воспитательницъ подростающихъ поколѣній и неразлучныхъ подругъ мужей. Рѣзкій контрастъ въ образованіи ввелъ бы въ семью неравенство, опасное для семейнаго благополучія. Мужчинамъ легче сохранить пріобрѣтенныя ими свѣденія при общеніи съ получившими образованіе женщинами. Наконецъ, Кондорсэ доказываетъ свою мысль о правѣ женщинъ на полученіе равнаго съ мужчинами образованія и тѣмъ соображеніемъ, которое развито было имъ прежде въ статьѣ объ уравненіи политическихъ и гражданскихъ правъ, принадлежащихъ обоимъ поламъ. Женщины,—пишетъ онъ,—имѣютъ одинаковыя права съ мужчинами; онѣ должны поэтому располагать одинаковыми съ ними средствами къ пріобрѣтенію тѣхъ свѣденій, безъ которыхъ немыслимо осуществленіе этихъ правъ. Кондорсэ желалъ бы соединить въ однѣхъ и тѣхъ же школахъ мальчиковъ и дѣвочекъ; это могло бы предотвратить развитіе въ дѣтяхъ нѣкоторыхъ пороковъ, порождаемыхъ искусственнымъ обособленіемъ половъ. Руссо, придающій,—пишетъ онъ,—такое значеніе чистотѣ нравовъ, настаиваетъ, однако, на необходимости общихъ игръ для дѣтей обоего пола. Но если нѣтъ

опасности соединять ихъ для игръ, то какая причина видѣть ее въ совмѣстномъ исполненіи ими болѣе серьезныхъ задачъ? Не слѣдуетъ также устранять женщинъ и отъ преподаванія. Итальянскіе университеты,—пишетъ Кондорсэ,—представляютъ не одинъ примѣръ занятія научныхъ каѳедръ женщинами. Въ Болоньѣ Лаура Басси была профессоромъ анатоміи, а Франческа Агнези—профессоромъ математики [1]).

Во второмъ мемуарѣ, посвященномъ спеціально вопросу объ устройствѣ начальнаго образованія, Кондорсэ предлагаетъ въ каждомъ селеніи учредить школу съ четырехъ-годовымъ курсомъ для обученія чтенію и письму, четыремъ правиламъ ариѳметики, сообщенію простѣйшихъ свѣденій по геометріи, межеванію, естественной исторіи въ ея примѣненіи къ земледѣлію и простѣйшимъ ремесламъ. Такой циклъ занятій отвѣчаетъ основной задачѣ—освободить будущихъ гражданъ отъ всякой зависимости въ дѣлѣ пріобрѣтенія необходимѣйшихъ средствъ къ жизни и подготовляетъ ихъ въ то же время къ пріобрѣтенію, буде они пожелаютъ, болѣе спеціальнаго техническаго образованія. Но Кондорсэ не довольствуется сообщеніемъ дѣтямъ однихъ свѣденій; онъ желаетъ также воспитать ихъ чувство и, съ этой цѣлью, настаиваетъ на выборѣ при чтеніи такихъ книгъ, которыя бы содѣйствовали привитію имъ понятій о состраданіи къ людямъ и къ животнымъ, о благотворительности и гуманности и даже о простѣйшихъ правахъ и обязанностяхъ гражданъ [2]).

Высшую ступень по отношенію къ этимъ сельскимъ школамъ должны составить школы окружныя. Въ нихъ уже проводится различіе между общимъ и профессіональнымъ образованіемъ, и только часть времени отводится первому. Курсъ преподаванія и здѣсь распредѣленъ на четыре года. Сообщенія элементарныхъ свѣденій по математикѣ, естественной исторіи и физикѣ, въ государственномъ правѣ Франціи, въ грамматикѣ, метафизикѣ, логикѣ, исторіи и географіи—вотъ чего должно добиваться общее преподаваніе, доставляемое этими школами. Что касается до профессіональнаго образованія, то въ выборѣ предметовъ обученія и методовъ долженъ быть предоставленъ учителямъ широкій просторъ. Для преподаванія Кондорсэ рекомендуетъ выборъ тѣхъ спеціальныхъ наукъ, польза которыхъ чувствуется возможно большимъ числомъ людей. Оно должно быть поставлено такимъ образомъ, чтобы каждый, смотря по выбору, могъ пройти или всѣ

---

[1]) Ibid., стр. 220 и 221.

[2]) Ibid., стр. 229—259.

эти науки, или только одну изъ нихъ. Къ числу предметовъ обученія, какъ въ общемъ, такъ и въ специальномъ отдѣленіи, Кондорсэ относитъ и искусство изложенія своихъ мыслей на бумагѣ, которое, по его мнѣнію, призвано играть въ нашихъ обществахъ ту же роль, какую въ древнихъ ораторское искусство.

Высказываясь противъ мысли о принятіи на себя государствомъ задачъ воспитанія, Кондорсэ отступаетъ отъ чрезмѣрнаго ригоризма въ проведеніи этого принципа и требуетъ устройства въ каждомъ округѣ при школѣ двухъ казенныхъ пансіоновъ—мужского и женскаго, въ которые принимались бы наиболѣе способныя дѣти какъ бѣдныхъ, такъ и зажиточныхъ родителей. Исключеніе послѣднихъ, думаетъ онъ, извратило бы дѣйствительный характеръ, какой долженъ быть связанъ съ подобнымъ пріемомъ,—характеръ особой чести, особаго поощренія. Въ позднѣйшемъ докладѣ законодательному собранію Кондорсэ оставляетъ мысль о казенныхъ пансіонахъ и надѣется достигнуть тѣхъ же результатовъ простыми стипендіями въ пользу наиболѣе успѣшныхъ учениковъ. Эти стипендіи, выплачиваемыя не долѣе четырехъ лѣтъ, дали бы возможность кончившему начальную школу пройти среднюю, а кончившему среднюю—пройти высшую.

Третью ступень въ градаціи публичныхъ школъ составляютъ устроиваемые въ центрахъ департаментовъ такъ называемые институты, отвѣчающіе весьма отдаленно нашему представленію о гимназіяхъ; и въ нихъ прикладная математика, физика и естественныя науки, вмѣстѣ съ географіей и исторіей, политикой, экономіей и метафизикой, занимаютъ главное мѣсто въ преподаваніи. Классическимъ языкамъ удѣляется относительно мало времени. Они поставлены рядомъ съ новыми языками, и учащимся дозволено ограничиться знакомствомъ только съ одной латынью. „Образованіе, предлагаемое государствомъ совокупности гражданъ, должно доставить одну возможность дальнѣйшаго усовершенствованія. Достаточно поэтому обучить древнимъ языкамъ настолько, чтобы сдѣлать доступнымъ чтеніе наиболѣе легкихъ авторовъ. Для людей, считающихъ себя свободными отъ ига авторитетовъ, важнѣе познакомиться съ тѣмъ, что̀ доказано фактически, нежели съ тѣмъ, что̀ думали нѣкогда тѣ или другіе учителя и мыслители. Мы намѣрены руководствоваться разумомъ, а не принципами и примѣромъ древнихъ народовъ. Наши законы, становясь выраженіемъ общей воли, не могутъ быть только дальнѣйшимъ развитіемъ законовъ древности, законовъ, писанныхъ для людей отличнаго отъ насъ образа мыслей и иныхъ потребностей. Какое же основаніе дѣлать изъ классическихъ языковъ

главный предметъ общаго образованія?“ [1]) Кондорсэ не боится того возраженія, что въ его системѣ образованія отведено слишкомъ много мѣста наукамъ физическимъ. „Эти науки однѣ могутъ доставить свѣденія, необходимыя какъ въ домашнемъ, такъ и въ сельскомъ быту. Онѣ однѣ могутъ поднять тотъ и другой до желаемой высоты. Но этого мало: науки физическія болѣе всѣхъ другихъ сообщаютъ привычку правильнаго мышленія и тонкаго пониманія. Онѣ развиваютъ привычку думать и вкусъ къ истинѣ. Такимъ образомъ, ихъ косвенное вліяніе не меньше прямого. Онѣ не только доставляютъ учащимся полезное орудіе для будущей дѣятельности, но и дѣлаютъ изъ нихъ полезныхъ членовъ общества“ [2]).

Во главѣ всей задуманной имъ организаціи публичнаго образованія Кондорсэ желалъ бы поставить ученыя общества, преслѣдующія не педагогическія цѣли, а интересы чистаго знанія. Въ каждомъ департаментѣ онъ хотѣлъ бы видѣть образованіе подобнаго общества, въ которомъ всѣ науки находили бы своихъ представителей. Публичныя засѣданія этихъ обществъ сдѣлались бы однимъ изъ средствъ поддержанія во взрослыхъ—одинаково въ мужчинахъ и женщинахъ—пріобрѣтенныхъ ими въ школѣ свѣденій и къ обогащенію ихъ новыми, по мѣрѣ успѣховъ знаній. Во главѣ всѣхъ этихъ обществъ должно стоять національное общество искусствъ и наукъ. Его задача наблюдать за всѣми публичными школами и направлять ихъ дѣятельность, содѣйствовать усовершенствованію наукъ и искусствъ, поощрять ихъ, заботиться о примѣненіи и распространеніи полезныхъ открытій [3]). Эта высшая академія распадается на четыре секціи: 1) наукъ математическихъ и физическихъ, 2) наукъ нравственныхъ и политическихъ, 3) прикладныхъ наукъ, основу которыхъ составляетъ математика и физика, и 4) языковѣденія и изящной литературы, эрудиціи и искусствъ. Академія пополняетъ свой составъ путемъ выбора; но чтобы избѣжать фаворитизма, ей предписывается производить выборъ только изъ числа лицъ, внесенныхъ въ особые списки всѣхъ предающихся научнымъ занятіямъ [4]). Отдѣленіямъ національной академіи поручается въ предѣлахъ ихъ спеціальности назначать профессоровъ въ лицеи, а педагогическимъ совѣ-

[1]) Ibid., стр. 279.

[2]) Ibid., стр. 283 и 284.

[3]) Rapport et projet de décret sur l'organisation générale de l'instruction publique (20 и 21 апр. 1792). Ibid., стр. 501.

[4]) Изъ этихъ списковъ вся академія составляетъ одинъ сокращенный; выборъ же предоставляется отдѣленіямъ и секціямъ въ предѣлахъ ихъ спеціальности.

тамъ лицеевъ учителей въ институты и гимназіи. Что касается до учителей начальныхъ школъ и школъ муниципальныхъ, то учителя гимназіи ограничиваются составленіемъ однихъ списковъ кандидатовъ, выборъ же принадлежитъ собранію отцовъ семействъ и городскимъ совѣтамъ [1]). Кондорсэ справедливо настаиваетъ на необходимости не жертвовать интересами высшаго образованія на томъ основаніи, что оно недоступно *всѣмъ* гражданамъ. Отъ него одного зависитъ прогрессъ знаній, вліяніе котораго не замедлитъ сказаться благотворно на всѣхъ сторонахъ общественной жизни. Онъ озабоченъ въ равной мѣрѣ и упроченіемъ принципа дарового обученія, и возможностью для частныхъ школъ конкуррировать съ государственными, и обезпеченіемъ независимости и свободы преподаванія. „Правительство,—пишетъ онъ,—которое бы запретило преподаваніе взглядовъ, противорѣчащихъ тѣмъ основамъ, на которыхъ опираются законы страны, нарушило бы свободу мысли и воспрепятствовало бы усовершенствованію законодательства, которое возможно только при столкновеніи мнѣній и прогрессѣ знаній“ [2]). Во всѣхъ частяхъ народнаго образованія, за исключеніемъ начальныхъ школъ, равно необходима абсолютная независимость учителей, если не въ выборѣ предметовъ образованія и научныхъ пріемовъ, то въ передачѣ тѣхъ или другихъ теорій и ученій, еще не пользующихся общимъ признаніемъ.

Мы изложили взгляды Кондорсэ на народное образованіе лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, но и сказаннаго нами достаточно, чтобы показать, что всѣ защитники прикладного образованія, какъ и сторонники дарового обученія и свободы преподаванія, могутъ видѣть въ немъ своего родоначальника.

VII.

Говорить о дѣятельности Кондорсэ въ эпоху конвента значило бы излагать всю исторію героической борьбы жирондистовъ съ монтаньярами, значило бы разсказать въ подробности процессъ короля и участіе, принятое въ немъ этимъ первымъ по времени республиканцемъ,—значило бы изобразить его дѣятельность въ пропагандѣ революціонныхъ идей за границей, въ защитѣ столицы противъ навѣтовъ, взводимыхъ на нее ближай-

---

[1]) Ibid., стр. 505—512.
[2]) Ibid., стр. 523.

шими политическими союзниками самого Кондорсэ, значило бы говорить о его роли въ вопросахъ, связанныхъ съ расширеніемъ границъ французской территоріи, и т. д. Мы не пишемъ біографіи Кондорсэ и еще менѣе исторіи конвента; мы отмѣтимъ поэтому только тѣ стороны его дѣятельности въ эту эпоху, которыя необходимы для завершенія его характеристики, которыя обрисовываютъ его теоретическіе взгляды и выставляютъ въ яркомъ свѣтѣ свойства его нравственной личности.

Кондорсэ играетъ видную роль въ организаціи той иностранной пропаганды, которая такъ содѣйствовала успѣхамъ французскаго оружія, заставляя въ то же время правительства Европы смотрѣть на Францію какъ на очагъ революціи и для собственныхъ подданныхъ. Онъ печатаетъ одно за другимъ сравненіе англійскаго переворота 1688 года съ 10-мъ августа 1792 г., обращеніе отъ имени французской республики ко всѣмъ свободнымъ людямъ міра, совѣтъ испанцамъ, адресъ къ голландцамъ, посланіе къ нѣмцамъ, письмо къ другу въ Швейцарію, призывъ ко всѣмъ народамъ и т. д. Во всѣхъ онъ проповѣдуетъ свободу, равенство, братство, заявляя, что французская революція разорвала цѣпи всѣхъ людей, что она готова оказать поддержку всѣмъ народамъ, желающимъ установить въ своей средѣ свободную конституцію. Оптимизмъ Кондорсэ, раздѣляемый, впрочемъ, большинствомъ его современниковъ, сказывается въ совершенномъ непониманіи той истины, что государственное устройство народовъ должно отвѣчать всему ихъ историческому прошлому, установившимся пристрастіямъ, національнымъ предубѣжденіямъ и даже предразсудкамъ. Его доктринерство характерно сказывается въ такой, напримѣръ, сентенціи: „такъ какъ истина, разумъ, справедливость, права людей, интересы собственности, свободы и безопасности всюду одни и тѣ же, то нѣтъ препятствій къ тому, чтобы отдѣльныя государства имѣли общіе всѣмъ законы—гражданскіе, уголовные, торговые и т. д. Хорошій законъ хорошъ для всѣхъ, какъ правильный выводъ для всѣхъ обязателенъ“ [1]).

Въ пропагандѣ революціонныхъ идей за границей Кондорсэ находитъ союзника въ извѣстномъ Анахарсисѣ Клотцѣ, будущемъ противникѣ жирондистовъ. Но тогда какъ Клотцъ уже въ это время высказываетъ открыто желаніе, чтобы освободившіяся народности сдѣлались департаментами единой французской державы, которая такимъ образомъ станетъ всемірной республикой и ожи-

---

[1]) См. замѣчанія Кондорсэ на XXIX книгу соч. „Духъ законовъ“. Напечатаны въ „Библіотекѣ публичнаго дѣятеля“. См. Oeuvres, т. I, стр. 378.

вить традицію имперіи Карла Великаго,—Кондорсэ желаетъ образованія независимыхъ и союзныхъ съ Франціей республикъ. Его иллюзія насчетъ подготовленности всѣхъ народовъ къ принятію провозглашенныхъ въ 1789 году политическихъ принциповъ и наивность доходятъ до того, что онъ мечтаетъ даже о возможности воспользоваться тѣмъ антагонизмомъ, который будто бы существуетъ между Москвою и Петербургомъ, Петербургомъ и Новгородомъ (!), и высказываетъ увѣренность, что новгородскій колоколъ послѣ трехъ-вѣкового молчанія снова оповѣститъ своимъ благовѣстомъ свободу республики [1]).

Въ процессѣ короля, Кондорсэ не боится отстаивать независимость своихъ взглядовъ, доказывая, что судилищемъ не можетъ быть конвентъ, и что за послѣднимъ должно быть удержано право измѣнить приговоръ трибунала въ двухъ случаяхъ: при излишней строгости, которая могла бы повредить интересамъ республики, и если король будетъ признанъ невиннымъ. Его предложенія не прошли, и когда поставленъ былъ роковой вопросъ о казни, Кондорсэ не осталось другого исхода, какъ подать голосъ за „всякое наказаніе, которое бы не было смертью", и тщетно настаивать затѣмъ на отсрочкѣ исполненія приговора до момента обнародованія новой конституціи [2]).

Такъ же тщетны были усилія Кондорсэ воспрепятствовать изданію извѣстнаго закона объ эмигрантахъ, надолго раздѣлившаго французовъ на два враждебныхъ лагеря. Кондорсэ хотѣлъ ограничить конфискацію имуществъ только тѣми, кто поднялъ оружіе противъ родины, и настаивалъ на приравненіи всѣхъ прочихъ эмигрантовъ къ простымъ путешественникамъ, разъ они отвѣтятъ готовностью на призывъ вернуться на родину.

Въ столкновеніяхъ монтаньяровъ съ жирондистами Кондорсэ стоялъ на сторонѣ примиренія. Онъ не хотѣлъ „ни диктаторовъ, ни заговорщиковъ". Относясь съ симпатіей къ Дантону и съ безпристрастной холодностью къ Робеспьеру, онъ выходилъ изъ обычнаго равновѣсія только тогда, когда ему приходилось считаться съ Маратомъ. „Парижская хроника", 27-го сентября 1794 года, заключала въ себѣ рѣзкую статью Кондорсэ противъ той проповѣди анархіи и убійства, которой Маратъ предавался въ своемъ журналѣ. „Катонъ и Брутъ,—говоритъ онъ,—покраснѣли бы при мысли оказаться въ его сообществѣ". Но Кондорсэ отнюдь не присоединяется къ тѣмъ, кто желаетъ открытой вражды

[1]) См. Avis aux Germains. Oeuvres, т. XII, стр. 158.
[2]) См. Робинэ, стр. 249 и 250.

конвента съ парижской коммуной [1]). Діаніеръ, хорошо знавшій его въ это время, говоритъ, что Кондорсэ, несмотря на свою близость съ жирондою, несмотря на то, что всѣ адресы перваго комитета общественнаго спасенія, составленнаго почти исключительно изъ членовъ этой партіи, редактированы были по ихъ просьбѣ не кѣмъ другимъ, какъ авторомъ „Прогресса человѣческаго разума“, въ то же время умѣлъ сохранить свою самостоятельность и не пожертвовалъ своими дружескими отношеніями къ Дантону. „Жирондисты,—говорилъ онъ Діаніеру,—требуютъ отъ меня разрыва съ нимъ, а онъ—разрыва съ жирондистами; я же стараюсь о томъ, чтобы каждая партія занималась поменьше своими интересами и побольше общимъ благомъ [2]). Такъ осуществлялъ Кондорсэ имъ самимъ начерченную для себя программу. Въ его бумагахъ, доселѣ хранимыхъ въ архивѣ Института, Робинэ нашелъ отрывокъ, въ которомъ для собственнаго руководства будущій членъ конвента излагаетъ программу своего поведенія: „Какъ уполномоченный народа, я буду стоять за все, что̀ покажется мнѣ отвѣчающимъ его интересамъ. Онъ послалъ меня въ конвентъ не для защиты его взглядовъ, а для изложенія моихъ собственныхъ. Онъ разсчитываетъ не на одно мое рвеніе, но также на мои знанія и независимость. Я не буду членомъ ни одной партіи, какъ не былъ имъ до сихъ поръ“ [3]).

Но если Кондорсэ былъ врагомъ личныхъ счетовъ, то онъ энергически отстаивалъ общіе принципы. Эта настойчивость и была ближайшей причиной его гибели. Когда, вопреки предложенному имъ проекту, конвентъ принялъ конституцію, редактированную Геро̀-де-Сешелемъ, Кондорсэ выступилъ въ защиту дорогихъ ему взглядовъ и въ анонимной брошюрѣ сдѣлалъ призывъ къ французамъ оказать предпочтеніе его плану надъ закономъ конвента. Указывая на различіе обоихъ, Кондорсэ, между прочимъ, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ обнародованномъ текстѣ конституціи ни слова не говорится о вознагражденіи депутатовъ, а оно необходимо: при его отсутствіи депутатами могутъ быть только люди богатые [4]). Исполнительную власть проектъ Кондорсэ предоставлялъ малочисленному совѣту, назначаемому народомъ и настолько зависимому отъ законодательнаго корпуса, насколько это примиримо съ желаніемъ избѣжать произвола. Этимъ,—пишетъ авторъ,—достигалось бы единство воли и дѣй-

---

[1]) См. Парижскую хронику, отъ 12-го янв. 1792 года.

[2]) Робинэ, стр. 286.

[3]) Ibid., стр. 288.

[4]) Oeuvres т. XII (Aux citoyens français sur la nouvelle constitution), стр. 658.

ствія. Въ текстѣ же конституціи выборъ совѣта принадлежитъ законодательному корпусу, и избирательнымъ собраніямъ департаментовъ предоставленъ только выборъ кандидатовъ. 24 человѣка входятъ въ его составъ, и этого чрезмѣрнаго числа достаточно, чтобы парализовать его дѣятельность. Проектъ Кондорсэ настаивалъ на томъ, чтобы судебному разбирательству предшествовало каждый разъ посредничество. Въ конституціи Геро-де-Сешеля обыкновенные судьи носятъ названіе посредниковъ и этимъ „лицемѣріемъ" надѣются прикрыть неисполненіе принятаго обязательства.

Отъ тѣхъ разнообразныхъ мѣръ, какими первый проектъ желалъ обезпечить гражданскую свободу, текстъ конституціи оставляетъ только свободу петицій и народныхъ клубовъ. Очевидно, потому, замѣчаетъ Кондорсэ, что въ этихъ сообществахъ составители конституціи, которыхъ онъ называетъ мятежниками (factiaux), безраздѣльно господствуютъ. Проектъ устанавливалъ 20-тилѣтній срокъ для пересмотра конституціи и ввѣрялъ заботу объ этомъ спеціально созываемому собранію—конвенту. Онъ допускалъ возможность и народнаго почина въ этомъ дѣлѣ, объявляя, что конвентъ можетъ быть собранъ и раньше срока по требованію извѣстнаго числа избирательныхъ собраній. Въ текстѣ Геро-де-Сешеля законодательному корпусу предоставлено дѣло подготовленія конституціонной реформы. Въ немъ нѣтъ упоминанія о періодичности такого пересмотра. Инициатива народа въ этомъ дѣлѣ устранена, а его участіе въ самомъ пересмотрѣ парализовано требованіемъ, чтобы въ принимающихъ новую конституцію первичныхъ собраніяхъ присутствовало болѣе половины всѣхъ избирателей—требованіе, которое Кондорсэ считаетъ фактически неосуществимымъ. Кондорсэ обвиняетъ составителей конституціи въ томъ, что они даютъ перевѣсъ городамъ надъ селами, въ надеждѣ, что имъ легче сохранить власть въ первыхъ.

„Вамъ, французы,—пишетъ онъ,—судить, какой изъ двухъ проектовъ сохранилъ за гражданами болѣе ревниво полноту ихъ политическихъ правъ, какой болѣе бережно обезпечилъ ихъ права естественныя. Вамъ нетрудно будетъ признать, что все хорошее во второмъ проектѣ списано съ перваго, и что, желая исправить его въ нѣкоторыхъ частяхъ, только извратили его смыслъ. Отъ васъ не ускользнетъ прежде всего то обстоятельство, что онъ отнимаетъ у васъ возможность реформы безъ новаго потрясенія, новой революціи. Граждане! отказъ въ принятіи конституціи ввергнулъ бы родину въ великія опасности, но вы можете выбрать между двумя проектами. Взвѣсьте, какой изъ нихъ даетъ вамъ

бо́льшія гарантіи, спасаетъ васъ отъ опасности сдѣлаться жертвою партіи и интригъ. Не теряйте особенно изъ виду слѣдующаго соображенія. Совѣтъ 24-хъ, установляемый новой конституціей и надѣленный ею правомъ назначать министровъ, столь же далекъ отъ участія въ повседневныхъ дѣлахъ администраціи, какъ и король въ конституціи 91-го года. Онъ является препятствіемъ ко всякой оживленной дѣятельности, ко всякому единству взглядовъ и принциповъ. Не придетъ ли вамъ на мысль, что люди, озабоченные желаніемъ подготовить почву для новаго монарха, не сочли бы также нужнымъ создать подобный исполнительный совѣтъ въ надеждѣ, что онъ вскорѣ породитъ въ націи отвращеніе къ власти, которая не осуществляется однимъ человѣкомъ? Сохраняя всѣ прежнія пружины политической машины, легко было бы замѣнить исполнительный совѣтъ властью короля" [1]).

Мы привели это мѣсто, такъ какъ оно особенно было осаждаемо Шабо въ докладѣ, сдѣланномъ конвенту отъ имени комитета общественнаго спасенія. Этотъ докладъ прочитанъ былъ 10 іюля 1793 года. Конвентъ, не назначая слѣдственной коммиссіи, предписалъ задержаніе Кондорсэ, который поспѣшилъ укрыться отъ преслѣдованій. Изъ своего убѣжища онъ обратился къ конвенту со слѣдующимъ посланіемъ: „Граждане-товарищи! я бѣжалъ отъ тиранніи, отъ которой терпите и вы. Еслибы конвенту угодно было допросить меня, я бы поспѣшилъ моимъ отвѣтомъ; но декретъ о задержаніи, изданный даже безъ какого-нибудь изъ тѣхъ поводовъ, которыми прикрывается деспотизмъ, доказываетъ мнѣ, что топоръ все еще виситъ надъ вашими головами. Пока конвентъ не свободенъ, его законы не обязательны для гражданъ. Я не унижусь до апологіи моихъ принциповъ и моего поведенія; я не нуждаюсь въ этомъ ни во Франціи, ни въ Европѣ. Я только позволю себѣ спросить: почему люди, желавшіе еще въ 91-мъ году отмѣны королевской власти, люди, избѣжавшіе позора перемѣны убѣжденій, какъ Робеспьеръ и Вадьѐ, люди, всегда боровшіеся за республику,—въ настоящее время являются одни предметомъ преслѣдованія? Я спрошу также, почему съ такимъ стараніемъ удаляютъ отъ дѣлъ тѣхъ, чьи знанія и неизмѣнная преданность республикѣ представили бы серьезную плотину къ возстановленію королевской власти? Не заключаютъ ли насъ въ тюрьмы только для того, чтобы мы сдѣлались нѣмыми свидѣтелями величайшаго изъ всѣхъ бѣдствій—провозгла-

[1]) Ibid., стр. 674.

шенія новаго короля?" [1]) Отвѣтомъ на это посланіе былъ декретъ 3 октября 1793 года. Въ немъ къ числу преданныхъ суду по обвиненію въ заговорѣ противъ единства и нераздѣльности французской республики, противъ свободы и безопасности націи, на ряду съ Бриссо, Вернье, Жансоннэ, Дюпономъ, Кара, Сильери—стоитъ и имя Каритата, бывшаго маркиза Кондорсэ [2]).

Друзья Кабаниса, доктора Бойѐ и Пинель, нашли для Кондорсэ пріютъ у вдовы Вернэ, скульптора и близкаго родственника знаменитаго живописца. „Мы желаемъ спасти преслѣдуемаго",—сказали они ей при свиданіи.—„Честный онъ человѣкъ?"—спросила госпожа Вернэ.—„Да!"—послѣдовалъ отвѣтъ.—„Въ такомъ случаѣ пусть приходитъ".—„Мы скажемъ вамъ его имя".—„Вы сдѣлаете это впослѣдствіи. Не теряйте ни минуты; пока мы здѣсь разсуждаемъ, вашъ другъ можетъ быть задержанъ"... Въ тотъ же вечеръ Кондорсэ переселился къ вдовѣ Вернэ, № 21 улицы Сервандони. Таковъ, по крайней мѣрѣ, разсказъ Араго, который слышалъ его изъ устъ дочери Кондорсэ, госпожи Оконоръ, въ свою очередь получившей эти данныя отъ матери [3]). Здѣсь провелъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ своей жизни, посѣщаемый довольно часто своей женой, заработывавшей средства къ существованію сперва рисованьемъ портретовъ, а затѣмъ содержаніемъ бѣлошвейнаго магазина. Поставленная въ необходимость жить за парижской чертой (жизнь въ столицѣ представляла для нея слишкомъ большую опасность), она каждое утро приходила въ столицу вмѣстѣ съ поставщиками на рынокъ. Госпожа Вернэ великодушно несла вмѣстѣ съ женою Кондорсэ всѣ издержки его скромнаго существованія. Время его проходило въ письменныхъ занятіяхъ, въ чтеніи и въ обществѣ немногихъ посѣтителей, въ томъ числѣ Кабаниса и Діаніера, профессора математики Сарэ и нѣкоего Марко, депутата-замѣстителя, посланнаго отъ департамента Монъ-Бланъ. Черезъ его посредство Кондорсэ получалъ немногія изъ нужныхъ ему книгъ. Озабоченный успѣхомъ французскаго оружія, онъ черезъ того же посредника доставлялъ комитету общественнаго спасенія, т.-е., своимъ личнымъ врагамъ, важные и полезные мемуары. Однажды на вопросъ госпожи Вернэ, что̀ сдѣлалъ бы онъ со своими врагами, еслибы имѣлъ ихъ въ своей власти, Кондорсэ отвѣтилъ: „все зависящее отъ

---

[1]) Oeuvres, т. XII, стр. 682—684.

[2]) Ibid., стр. 685.

[3]) См. „Приложеніе къ біографіи Кондорсэ" Робинэ, стр. 372.

меня благо". Въ это время написано имъ посланіе Юніуса къ Вильяму Питту, въ которомъ онъ съ такой рѣзкостью нападаетъ на врага революціи и республики; совѣты дочери (январь 1794 года), и отрывокъ изъ личной апологіи, вскорѣ прерванной по настояніямъ его жены для болѣе крупнаго и менѣе личнаго сочиненія: „Картина прогресса человѣческаго разума".

VIII.

„Со временъ Монтескьё,—говоритъ Контъ въ своемъ „Курсѣ положительной философіи",—единственный успѣхъ, сдѣланный соціологіей, связанъ съ именемъ знаменитаго и несчастнаго Кондорсэ. Впервые въ его трактатѣ научно формулировано поступательное движеніе человѣчества". Основатель положительной философіи справедливо отмѣчаетъ, что главный интересъ „картины прогрессивнаго развитія человѣческаго разума" лежитъ въ той основной мысли, что отдѣльныя стадіи общественности естественно развиваются одна изъ другой. Это не было сдѣлано дотолѣ ни Монтескьё, ни Тюрго, хотя мысль о томъ, что человѣчество способно къ усовершенствованію и неудержимо стремится къ нему, вполнѣ формулирована уже послѣднимъ. Перечитывая на разстояніи многихъ лѣтъ этотъ первый опытъ научнаго обоснованія того, что̀ со временемъ будетъ названо философіей исторіи и соціальной динамикой, выносишь впечатлѣніе и о необыкновенной мощи ума, построившаго такія широкія обобщенія, не имѣя при этомъ подъ рукою никакихъ книгъ и никакихъ замѣтокъ, и о крайней недостаточности тѣхъ фактическихъ данныхъ, на которыхъ можно было опереть, въ концѣ прошлаго столѣтія, ученіе объ эволюціи человѣчества. Творческая сила Кондорсэ и оригинальность его построеній особенно оттѣняются тѣмъ фактомъ, что въ единственной сколько-нибудь полной попыткѣ представить всеобщую исторію, какъ нѣчто цѣльное и свободное въ своемъ развитіи отъ высшихъ велѣній, послѣдовательныя стадіи общественности, проходимыя однимъ и тѣмъ же народомъ и всѣмъ человѣчествомъ, уподоблены были возрастамъ младенчества, возмужалости, старости. Тѣмъ самымъ нарушалась всякая идея непрерывности въ развитіи, и жизнь общества пріобрѣтала характеръ какого-то круговращательнаго движенія, въ которомъ никакія усилія отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ поколѣній не могутъ предотвратить неизбѣжнаго конца — одряхленія и смерти. Говоря это, мы имѣемъ въ виду теорію Вико, основателя той „но-

вой науки" — Scienza nuova, — которую многіе считаютъ первымъ звеномъ въ исторіи развитія соціологіи. Построенія Вико могли показаться тѣмъ болѣе обоснованными, что до начала французской революціи ничто не давало права предвидѣть обновленія и прогресса, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ проявленіяхъ общественности, въ которыхъ всего нагляднѣе сказывается поступательный ходъ исторіи. Сравнивая республики древняго міра съ феодальной анархіей среднихъ вѣковъ — и абсолютизмъ XVI и XVII столѣтій съ итальянскими народоправствами и ограниченными сословіями монархіями XIV и XV столѣтій, — трудно вынести въ самомъ дѣлѣ впечатлѣніе безостановочнаго совершенствованія. Это видимое противорѣчіе не ускользало и отъ вниманія Кондорсэ, но онъ какъ нельзя удачнѣе разрѣшаетъ его въ слѣдующемъ положеніи: „прогрессъ человѣческаго разума не всегда идетъ рука объ руку съ движеніемъ человѣческихъ обществъ къ благополучію и добродѣтелямъ; другими словами, онъ то отстаетъ, то обгоняетъ его. Этимъ объясняется, почему въ средніе вѣка — эпоху полнаго упадка знаній — могъ совершиться одинъ изъ значительнѣйшихъ фактовъ въ прогрессѣ общественности: замѣна рабства крѣпостничествомъ, и какъ, въ періодъ возрожденія, регрессъ политическихъ формъ совпалъ съ обновленіемъ наукъ и искусствъ". Кондорсэ тѣмъ болѣе надо поставить въ заслугу разрѣшеніе этого видимаго противорѣчія, что господствующее въ его время ученіе клонилось, наоборотъ, къ утвержденію того взгляда, что по мѣрѣ удаленія отъ эпохи до-государственнаго сожитія, окрещеннаго именемъ „естественнаго состоянія", отдѣльныя народности все болѣе и болѣе утрачивали тѣ неотъемлемыя права личной свободы, равенства и самодержавія, которыми онѣ пользовались въ своей колыбели. Будучи самъ, какъ мы видѣли, ревностнымъ послѣдователемъ Руссо въ области политическихъ теорій, Кондорсэ рѣшительно разошелся съ нимъ въ толкованіи хода исторіи. „Читатель увидитъ, — пишетъ онъ, — что не ростъ знаній, а упадокъ порождалъ пороки въ средѣ цивилизованныхъ націй. Вмѣсто того, чтобы совращать людей, знанія только смягчали ихъ нравы, а подчасъ исправляли и измѣняли ихъ" [1]). Отрѣшившись отъ вліянія автора „Причинъ происхожденія неравенства между людьми", Кондорсэ обнаруживаетъ ту же самостоятельность и по отношенію къ автору „Духа законовъ". Монтескьё объясняетъ различіе общественныхъ и политическихъ формъ исключительно вліяніемъ той физической

[1]) Сочиненія Кондорсэ, изданіе Оконора, томъ VI, стр. 38.

среды, въ которой совершилось развитіе отдѣльныхъ племенъ и народовъ. Въ главахъ, посвященныхъ имъ вліянію климата, подъ которымъ онъ разумѣетъ всѣ условія этой среды, не сдѣлано ни малѣйшей попытки поставить законы и обычаи въ связь съ тѣми стадіями общественности, черезъ которыя проходятъ отдѣльныя государства и все человѣчество. Кондорсэ исправляетъ эту ошибку. Прежде чѣмъ задаваться вопросомъ о вліяніяхъ, тормазившихъ или ускорявшихъ развитіе отдѣльныхъ народностей, онъ задается мыслью о построеніи общей формулы прогресса. Его примѣръ намъ кажется назидательнымъ и въ наши дни для всѣхъ такъ называемыхъ „народныхъ психологовъ", которые такъ часто склонны объяснять психическими особенностями отдѣльныхъ расъ то, что на самомъ дѣлѣ является общей чертой проходимой ими стадіи развитія. Кондорсэ не ограничивается въ этомъ отношеніи однимъ установленіемъ принциповъ; онъ доказываетъ свою мысль отдѣльными примѣрами, то провозглашая патріархальную семью общественной ячейкой всѣхъ безъ различія племенъ и народовъ, то доказывая, за сто лѣтъ до Фюстель-де-Куланжа и всей современной исторической школы, что феодальная система вовсе не является „исключительнымъ бичомъ нашихъ странъ и климатовъ, и что ее можно констатировать на всей поверхности земного шара на однѣхъ и тѣхъ же ступеняхъ цивилизаціи" (aux mêmes époques de la civilisation) [1]).

Недостатки его трактата объясняются не столько отсутствіемъ въ немъ всякой попытки пріурочить умственное, общественно-политическое, этическое и эстетическое развитіе человѣчества къ тѣмъ тремъ стадіямъ: теологической, метафизической и позитивной, въ установленіи которыхъ уже Сенъ-Симонъ, а за нимъ Огюстъ Контъ думали найти важнѣйшій законъ соціологіи, — сколько незаконченностью тѣхъ конкретныхъ наукъ, на которыхъ должны были опираться его абстракціи. Всякій, желающій удостовѣриться въ томъ, что текущее столѣтіе не прошло безслѣдно для будущихъ судебъ соціологіи, что имъ накоплено много матеріала и даже приступлено къ построенію той новой науки „естественной исторіи человѣческихъ обществъ", которой суждено было въ будущемъ сдѣлаться такимъ же фундаментомъ для соціологіи, какимъ естественная исторія животныхъ и растеній въ концѣ прошлаго столѣтія была для біологіи, — онъ найдетъ чтеніе Кондорсэ для себя крайне поучительнымъ. Ему, какъ и всей школѣ Вольтера, — скажемъ болѣе, какъ всей философіи XVIII-го вѣка, — совершенно

[1]) Ibid., стр. 47.

недостаетъ того безстрастнаго научнаго отношенія къ религіи, которое одно позволило дать древнѣйшимъ миѳамъ и обрядамъ то естественное объясненіе, какое они нашли въ наше время. Правда, уже современникъ Кондорсэ, де-Броссъ, старался замѣнить ходячее обвиненіе первыхъ основателей религіи, жрецовъ и колдуновъ, въ простомъ надувательствѣ стройной психо-этнографической теоріи, въ которой фетишизмъ, т.-е. одухотвореніе всѣхъ предметовъ видимой природы, былъ объявляемъ общей и начальной фазой религіознаго развитія человѣчества. Но Кондорсэ не пошелъ по его слѣдамъ и примѣнилъ къ древнимъ жрецамъ и колдунамъ сатирическія выходки Вольтера противъ таинствъ и чудесъ католической церкви. По той же причинѣ было имъ совершенно упущено изъ виду громадное значеніе средневѣкового двоевластія папы и императора на выработку болѣе совершенныхъ общественныхъ формъ и на самый прогрессъ политической свободы. Трудно было, въ самомъ дѣлѣ, ждать отъ участника въ секуляризаціи церковныхъ имуществъ и „гражданскомъ устройствѣ духовенства“ объективнаго отношенія къ тому, что̀ и передовымъ людямъ XVIII-го вѣка казалось главнымъ препятствіемъ къ возрожденію человѣчества. Суждено было народиться новому поколѣнію, суждено было пройти черезъ новый искусъ наполеоновскаго единовластія, прежде чѣмъ за католицизмомъ и его верховнымъ главою папой признаны будутъ безпристрастно тѣ несомнѣнныя заслуги въ отношеніи къ умственному, нравственному, эстетическому и соціально-политическому прогрессу западно-европейскихъ обществъ, которыя съ такою яркостью очерчены де-Местромъ, а за нимъ Огюстомъ Контомъ.

Трудно также поставить въ вину Кондорсэ не только блѣдность, но и невѣрность въ деталяхъ, какую представляетъ его картина до-государственнаго общежитія. Не будемъ терять изъ виду, что общественная эмбріологія, все то, что̀ привыкли называть терминомъ „до-исторіи“ (le préhistorique), еще не зарождалась. Археологія съ ея періодами каменнаго, мѣднаго и желѣзнаго вѣка, сравнительная этнографія и сравнительная исторія права съ утверждаемымъ ими преемствомъ матріархальной и патріархальной семьи, общественной и частной собственности,—оставались столь же неизвѣстными, какъ и сравнительное языкознаніе и сравнительная миѳологія. Только какъ на исключеніе можно указать на такіе труды, какъ „Описаніе нравовъ дикарей Америки“, сдѣланное Лафито̀ въ срединѣ прошлаго столѣтія; тамъ отмѣчены уже всѣ особенности того общественнаго порядка, гдѣ сомнительный и чаще всего находящійся въ отлучкѣ отецъ замѣняется матерью

и когнатами во всемъ, что̀ касается вскармливанья и воспитанія подростающихъ поколѣній. Высказываемые Лафито взгляды, повидимому, не остались вполнѣ чужды Кондорсэ. Говоря объ устройствѣ архаической семьи, онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что привязанность отцовъ къ дѣтямъ является менѣе живой и всеобщей, чѣмъ привязанность матерей [1]); но онъ не дѣлаетъ изъ этого факта никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ и не видитъ того противорѣчія, въ какомъ онъ стоитъ къ идеѣ патріархальной семьи. Признавая вслѣдъ за Руссо индивидуальное присвоеніе источникомъ собственности [2]), онъ въ то же время, подъ вліяніемъ современной ему литературы путешествій и описаній нравовъ дикихъ и варварскихъ народовъ, дѣлаетъ ту существенную поправку, что допускаетъ сохраненіе многихъ земель въ нераздѣльности [3]). Доходомъ съ этихъ земель,—которыя въ его представленіи сливаются съ понятіемъ о національныхъ имуществахъ или доме́новъ, долгое время покрывались,—пишетъ онъ,—всѣ издержки по управленію, что̀ дѣлало возможнымъ отсутствіе всякой регламентаціи ремеслъ и торговли и ненужнымъ установленіе налоговъ.

Вмѣсто того, чтобы настаивать на неизбѣжныхъ несовершенствахъ въ изображеніи у Кондорсэ первыхъ эпохъ человѣчества, отмѣтимъ его положительныя стороны. Раньше всѣхъ историковъ народнаго хозяйства, Кондорсэ съумѣлъ пріурочить къ послѣдовательной смѣнѣ первичныхъ промысловъ, охоты и рыболовства,—сперва скотоводствомъ, а позднѣе земледѣліемъ,—три различныя стадіи въ развитіи человѣчества. Такимъ образомъ, онъ указалъ и современнымъ соціологамъ на необходимость положить въ основу, при установленіи древнѣйшихъ періодовъ, развитія особенно могущественно дѣйствовавшіе въ это время экономическіе факторы. Можно только пожалѣть, что многіе изъ позднѣйшихъ историковъ цивилизаціи сошли съ указаннаго имъ пути и, придавая умственному развитію то руководящее вліяніе, какого оно не могло имѣть въ самой колыбели человѣчества, поспѣшили построить на немъ одномъ, или преимущественно на немъ, дѣленіе „до-исторіи“ на періоды.

Все, что̀ Кондорсэ говоритъ о происхожденіи рабства, колонната и крѣпостничества, обособленіи ремеслъ и торговли, является рѣшительнымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи; но, признавая его заслуги въ этомъ отношеніи, нельзя не отмѣтить, что Монтескьё

[1]) Ibid., стр. 25.
[2]) Ibid., стр. 40.
[3]) Ibid., стр. 45.

и Тюрго, особенно послѣдній, своимъ объясненіемъ процесса происхожденія ренты, раздѣленія труда и обоснованія обмѣна, во многомъ проложили дорогу для его построеній.

Исторія наукъ обязана ему же установленіемъ того взгляда, что первоначальныя открытія въ области астрономіи и техники вызваны были потребностями обыденной жизни. Вліяніе восточной магіи на первыя попытки метафизическаго толкованія міра, связанныя съ именами семи мудрецовъ Греціи, и на первые шаги въ области математики, указано Кондорсэ съ большой опредѣленностью, а несамостоятельность римской науки по отношенію къ греческой, если не говорить о юриспруденціи, оттѣнена имъ съ такой силой, что Огюсту Конту оставалось только дать этой мысли болѣе обстоятельное и разностороннее развитіе.

Изъ всѣхъ періодовъ исторіи средніе вѣка всего менѣе поняты Кондорсэ, и ихъ роль въ поступательномъ ходѣ человѣчества очерчена имъ всего блѣднѣе. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе уже упомянутое нами предубѣжденіе автора противъ одного изъ главныхъ факторовъ средневѣковаго прогресса—римскаго католичества и его главы, папы,—если имѣть также въ виду его недавнюю борьбу со всѣми печальными переживаніями той феодальной системы, организація которой составляетъ оригинальную сторону соціальнаго и политическаго творчества среднихъ вѣковъ. И на этотъ разъ сказалась невозможность сколько-нибудь прочныхъ соціологическихъ обобщеній безъ помощи конкретнаго знанія. Средневѣковая жизнь, такъ обстоятельно изслѣдованная въ наше время, далеко не раскрыла всѣхъ своихъ тайнъ историкамъ и философамъ прошлаго вѣка. Правда, бенедектинцы уже въ это время накопляли тѣ обильные матеріалы, которые позже дали возможность исторіографамъ 30-хъ и 40-хъ годовъ нарисовать богатую деталями картину общественнаго и политическаго уклада европейскихъ народностей въ эту переходную отъ стараго къ новому міру эпоху. Но никто изъ писателей прошлаго вѣка, за исключеніемъ Монтескьё и его знаменитаго антагониста дю-Бо, не задавался еще подобными мыслями. Надо видѣть, съ какимъ изумленіемъ и пренебреженіемъ именно Вольтеръ относится къ попыткѣ „Духа законовъ“ найти разумное объясненіе феодальнымъ правамъ,—чтобы убѣдиться, какъ мало соціальныя и политическія условія прошлаго вѣка дѣлали возможнымъ сколько-нибудь объективное научное отношеніе къ среднимъ вѣкамъ. Нечего искать поэтому у Кондорсэ той широты взгляда, какая позволила Огюсту Конту видѣть въ установленіи феодальныхъ порядковъ рѣшительный шагъ къ ограниченію мили-

таризма, къ замѣнѣ военно-наступательной системы системою оборонительной; нечего ждать отъ него вѣрной характеристики того культурнаго вліянія, какое рыцарство, этотъ смѣшанный продуктъ католичества и феодализма, оказало на смягченіе нравовъ, на упорядоченіе отношеній между полами, на упроченіе въ обществѣ идеальнаго отношенія къ женщинѣ и любви. Недоступно также пониманію Кондорсэ величіе средневѣковой архитектуры, и онъ ни словомъ не упоминаетъ о той роли, какую католичество играло въ развитіи готическаго стиля, едва-ли превзойденнаго какъ древностью, такъ и новымъ временемъ. Его не интересуетъ нимало другой, не менѣе важный, факторъ эстетическаго развитія,— зарожденіе церковной музыки и изобрѣтеніе нотъ, неразрывно связанное съ именемъ аретскаго монаха Гвидо. Но если въ общемъ данная Кондорсэ характеристика среднихъ вѣковъ не можетъ быть признана удачной, то справедливость заставляетъ сказать, что нѣкоторыя культурныя вліянія, впервые проявившіяся въ эту эпоху, оцѣнены имъ должнымъ образомъ. Мы поставимъ на первый планъ вѣрную характеристику той миссіи, какую арабская наука и философія имѣла въ передачѣ греческаго знанія схоластикамъ, и того вліянія, какое крестовые походы оказали на сближеніе запада съ востокомъ,—не только на развитіе торговли и промышленности, но и на упадокъ религіознаго фанатизма, первый ударъ которому, какъ справедливо замѣчаетъ Кондорсэ, нанесенъ былъ знакомствомъ запада съ иными цивилизаціями, основы которыхъ составляли греческое православіе и магометанство.

Участникъ французской революціи, ревнитель упроченныхъ ею началъ религіозной и нравственной свободы, Кондорсэ не могъ не дать относительно широкаго развитія той части своей задачи, которая состояла въ изображеніи генезиса и поступательнаго хода идей, вызвавшихъ катаклизмъ, пережитый Франціею. Вліяніе, какое средневѣковое сектантство, проявившееся задолго до реформы Лютера въ сочиненіяхъ Виклефа и Гуса, оказало на развитіе духа критики по отношенію не только къ религіозной, но и политической догмѣ; ростъ человѣческихъ знаній, благодаря освобожденію его отъ тѣхъ узъ, какія налагала на разумъ католическая теологія; практическое значеніе такихъ изобрѣтеній, какъ, напримѣръ, компасъ и порохъ, сдѣлавшіе возможнымъ открытіе новыхъ материковъ и цѣлую революцію въ военной, а затѣмъ и гражданской организаціи общества,—все это представлено Кондорсэ въ строгой внутренней связи; она устраняетъ возможность видѣть въ реформаціи и возрожденіи классическихъ

языковъ и литературъ какой-то неожиданный переворотъ, не подготовленный всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ исторіи.

Послѣдній періодъ въ прогрессѣ человѣческаго разума Кондорсэ начинаетъ Декартомъ и оканчиваетъ революціей. Въ этомъ отдѣлѣ своей книги онъ слѣдитъ почти исключительно за однимъ ходомъ развитія знаній, начиная отъ математики и астрономіи—и оканчивая метафизикой и этикой. Важнѣйшій толчокъ данъ былъ изобрѣтеніемъ научныхъ методовъ, неразрывно связаннымъ съ именами Бэкона и Декарта. Эти методы состоятъ въ наблюденіи, опытѣ и вычисленіи [1]). Примѣненные постепенно ко всѣмъ наукамъ, они даютъ возможность не только къ широкому развитію математики, физики, понимая подъ нею и астрономію,—основы которыхъ положены были уже греческими и арабскими учеными и расширены открытіями Галилея, Коперника, Кеплера, Ньютона и въ особенности Декарта,—но и ведутъ къ образованію совершенно новыхъ наукъ, какъ, напримѣръ, химіи, анатоміи съ физіологіей и т. п. Прогрессивный упадокъ религіозныхъ вѣрованій во многомъ содѣйствуетъ этому счастливому исходу, допуская, напримѣръ, изслѣдованіе надъ трупами, еще недавно считавшееся грѣховнымъ. Духъ критики, въ связи съ открытіемъ Локка новаго метода, состоящаго въ анализѣ сложныхъ идей и сведеніи ихъ къ наипростѣйшимъ [2]), ведетъ также къ созданію метафизики, политики и экономіи, какъ самостоятельныхъ научныхъ дисциплинъ. Послѣдователь Гельвеція, Руссо и физіократовъ, Кондорсэ считаетъ эти науки вполнѣ сложившимися и указываетъ каждой ея самостоятельную область. Первая находитъ ее въ анализѣ нашихъ ощущеній. Самонаблюденіе является ея важнѣйшимъ методомъ; границы ей указаны уже Локкомъ, опредѣлившимъ область непознаваемаго. Вторая ставитъ своей главной задачей изобрѣтеніе такой соціальной и политической организаціи, которая дозволила бы сохраненіе каждымъ неотъемлемыхъ правъ личности, а всею совокупностью неотчуждаемыхъ началъ народнаго суверенитета. Что касается, наконецъ, до экономіи, то въ сочиненіяхъ Дюгальда Стюарта, Адама Смита и въ особенности Тюрго она нашла, по мнѣнію Кондорсэ, полное обоснованіе. Ея область составляютъ изслѣдованія условій накопленія богатствъ, или точнѣе—накопленія того излишка доходовъ надъ расходами (produit net), который одинъ даетъ возможность обогащенія какъ частнымъ лицамъ, такъ и государствамъ,—первымъ въ формѣ ренты, прибыли, заработной платы,

[1]) Ibid., стр. 168.
[2]) Ibid., стр. 182.

одинаково оплачиваемыхъ этимъ излишкомъ полученій надъ затратами; послѣднимъ—въ формѣ налога, которымъ, говоритъ Кондорсэ, долженъ быть обложенъ только этотъ чистый доходъ [1]).

Кондорсэ слѣдитъ не только за генезисомъ наукъ въ сочиненіяхъ ихъ основателей; онъ отводитъ еще особое мѣсто въ своемъ очеркѣ ихъ популяризаціи. Разрывъ съ средневѣковой традиціей, дозволявшей примѣненіе въ научныхъ трактатахъ одного принятаго церковью латинскаго языка, ускорилъ передачу основъ знанія толпѣ, а успѣхи педагогики облегчили и еще болѣе облегчатъ въ будущемъ усвоеніе этихъ основъ желающими.

„Этому росту и распространенію знаній въ обществѣ отвѣчаетъ ли,—спрашиваетъ себя Кондорсэ,—прогрессъ общественныхъ и политическихъ формъ?—Ничуть не бывало; тщетно стали бы мы искать даже въ государствахъ, слывущихъ свободными, свободы, не оскорбляющей естественныхъ правъ человѣка“ (очевидный намекъ на Англію, политическая организація которой въ XVIII вѣкѣ стоитъ въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ равенствомъ [2]).

Свобода совѣсти не только не сдѣлала успѣховъ, но, наоборотъ, благодаря возрожденію католицизма, начало которому положило созданіе іезуитскаго ордена,—нетерпимость сдѣлалась общимъ явленіемъ; она господствуетъ даже въ протестантскихъ странахъ. Въ самой Англіи свободой пользуются не всѣ.

Противорѣчіе между быстрымъ ростомъ умственной свободы и косностью учрежденій, все еще поддерживающихъ соціальное неравенство, религіозную и политическую деспотію, неизбѣжно должно было повесть къ катаклизму—къ революціи. Начало ей положено было американцами, пожелавшими завоевать себѣ естественную свободу отъ произвольныхъ податей.

Американская революція нашла подражателей во Франціи, не потому, чтобы въ остальной Европѣ не существовало тѣхъ же злоупотребленій, того же недовольства, но нигдѣ контрастъ умственнаго прогресса съ отсталостью соціальныхъ и политическихъ формъ не выступалъ такъ рѣзко и не требовалъ болѣе настойчиво разрѣшенія и выхода. Кондорсэ видитъ во французской революціи начало новой эры для цѣлой Европы. Дальнѣйшій прогрессъ человѣчества долженъ сказаться, мечтаетъ онъ, въ установленіи бо̀льшаго равенства въ умственныхъ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ какъ отдѣльныхъ народностей и племенъ, такъ и гражданъ одного и того же государства. „Насту-

---

[1]) Ibid., стр. 180.

[2]) Ibid., стр. 172.

нитъ тотъ моментъ,—пишетъ онъ,—когда солнце своими лучами будетъ освѣщать людей свободныхъ, не признающихъ надъ собою другой власти, кромѣ разума" [1]).

Что касается до гражданскаго равенства,—Кондорсэ ждетъ его упроченія отъ уравненія матеріальныхъ условій, благодаря отмѣнѣ всякаго рода монополій, признанія за всѣми гражданами политическихъ правъ, не стѣсняемыхъ болѣе никакими цензовыми изъятіями; наконецъ, отъ распространенія знаній, благодаря системѣ всеобщаго образованія. Какъ послѣдователю физіократовъ, какъ стороннику гармоніи интересовъ, Кондорсэ совершенно чуждо представленіе о неизбѣжномъ противорѣчіи, въ какомъ стоитъ ростъ матеріальнаго благосостоянія владѣтельныхъ и невладѣтельныхъ классовъ, лицъ, живущихъ рентою или прибылью съ капитала, и пролетаріевъ, не имѣющихъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ труда своихъ рукъ. Онъ ждетъ естественнаго уравненія состояній въ будущемъ отъ однѣхъ реформъ въ законодательствѣ, какъ-то: отъ упроченія свободы ремеслъ и торговли, установленія падающаго на чистый доходъ налога и т. п. „Разъ законы,—пишетъ онъ въ отрывкѣ, впервые обнародованномъ Араго въ 1847 году,—не будутъ нарушать естественнаго распредѣленія богатствъ въ обществѣ, интересы частныхъ лицъ никогда не будутъ расходиться съ интересомъ общимъ" [2]). Образованію предоставляетъ Кондорсэ исправленіе даже того природнаго неравенства, которое вызываетъ въ людяхъ различіе ихъ способностей; оно откроетъ всѣмъ возможность болѣе легкаго пріобрѣтенія средствъ къ существованію.

Освобожденный отъ узъ политическаго и соціальнаго рабства, а равно и отъ узъ невѣжества, человѣческій разумъ устремится неудержимо къ новымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ. Въ наукахъ уже сложившихся прогрессъ скажется въ замѣнѣ старыхъ методовъ, требующихъ чрезмѣрныхъ усилій при раскрытіи новыхъ истинъ, методами еще неиспробованными. Даже средніе умы пріобрѣтутъ возможность быстраго усвоенія того, что какому-нибудь Ньютону стоило труда цѣлой жизни; они внесутъ свою лепту въ сокровищницу знанія, обогащая его деталями, выясненіе которыхъ не требуетъ особеннаго генія, т.-е., поясняетъ Кондорсэ, той исключительной способности, которую мы называемъ умственной фантазіей (inmention).

Что касается до новыхъ наукъ, то Кондорсэ не видитъ пре-

[1]) Ibid., стр. 244.
[2]) Fragment de la X-me époque. Ibid., стр. 537.

дѣловъ для изобрѣтательности человѣческаго разума. Болѣе благопріятныя матеріальныя условія, успѣхи, напримѣръ, той „предупреждающей заболѣванія медицины", въ которой не трудно узнать современную намъ гигіену, обусловятъ собою нарожденіе болѣе здоровыхъ и сильныхъ личностей, удлиннятъ жизнь и сдѣлаютъ всѣ наши способности болѣе изощренными и потому болѣе пригодными къ умственному и эстетическому творчеству. Появленіе „всечеловѣка", или, употребляя терминъ философа Нитче, „Uebermensch" (существа, превышающаго человѣка по своей умственной энергіи), кажется Кондорсэ необходимымъ послѣдствіемъ того общаго подъема культуры, начало которому положено освободительной эпохой.

Понятно,—если онъ не считаетъ возможнымъ положить какія-либо границы человѣческому усовершенствованію,—почему идея безостановочнаго прогресса, идея, „раздѣляемая Тюрго, Прайсомъ и Пристле", кажется ему необходимымъ выводомъ изъ всей предшествующей исторіи. Этотъ прогрессъ долженъ задѣть всѣ стороны нашего существа, развить наши чувствованія и художественную воспріимчивость. Къ сожалѣнію, авторъ не пускается въ болѣе подробное изложеніе своей мысли, въ примѣненіи къ изящнымъ искусствамъ, и не указываетъ, каковы должны быть ближайшія задачи живописи, ваянія, музыки и поэзіи. Эта область, повидимому, всегда оставалась ему если не вполнѣ чуждой, то во всякомъ случаѣ менѣе доступной, чѣмъ область науки и техники. Но зато онъ весьма опредѣленно высказывается о томъ направленіи, какое должно принять дальнѣйшее нравственное усовершенствованіе человѣчества. Это усовершенствованіе можетъ быть выражено словами: „упроченіе въ людяхъ и націяхъ чувства солидарности", послѣдствіемъ чего должно быть прекращеніе милитаризма, завоевательной политики и покровительственной системы, ставящей себѣ задачей благо государства въ ущербъ сосѣдямъ.

Въ этой перспективѣ неограниченнаго прогресса человѣчества Кондорсэ, по собственному сознанію, находилъ и награду для своей дѣятельности, и утѣшеніе среди той мрачной картины заблужденій, несправедливостей и преступленій, которая раскрывалась предъ его глазами. „Это созерцаніе прогресса,—пишетъ онъ,—лучшее убѣжище, куда не можетъ проникнуть даже мысль о гонителяхъ. Въ умственномъ общеніи съ человѣкомъ будущаго, съ человѣкомъ возстановленнымъ въ его правахъ и обладающимъ всѣми достоинствами своей природы, находитъ всякій мыслитель тѣ

елисейскія поля, которыя теплая любовь къ человѣчеству рисуетъ ему преисполненными чистѣйшихъ наслажденій" [1]).

Такъ заканчиваетъ Кондорсэ трактатъ, написанный имъ въ ежечасномъ опасеніи ареста и казни. Онъ не успѣваетъ дать своимъ мыслямъ все необходимое имъ развитіе. Когда, по завершеніи общаго наброска, онъ рѣшается приступить къ обработкѣ своего плана по частямъ, къ болѣе широкой характеристикѣ отдѣльныхъ періодовъ,—отсутствіе книгъ даетъ себя чувствовать, и онъ поставленъ въ необходимость ограничиться изображеніемъ лишь раннихъ эпохъ въ исторіи человѣчества, не выходя за предѣлы древности. Къ позднѣйшимъ періодамъ относятся только нѣкоторые немногіе отрывки; къ числу ихъ принадлежитъ и тотъ проектъ устройства международнаго общества искателей истины, т.-е. ученыхъ и мыслителей, которое въ честь Бэкона онъ окрестилъ именемъ „Атлантиды". Это проектированное общество, по всей вѣроятности, послужило первымъ образцомъ для того новаго синедріона, которому Огюстъ Контъ хотѣлъ впослѣдствіи поручить завѣдываніе и руководство духовными интересами человѣчества.

Въ половинѣ марта 1794 года Кондорсэ закончилъ свою „Картину прогресса человѣческаго разума". Его трудъ не разъ прерываемъ былъ тѣми душевными потрясеніями, какія доставляли ему приходившія извнѣ извѣстія. Изъ устъ мадамъ Вернэ узналъ онъ однажды объ участи, постигшей его политическихъ союзниковъ и личныхъ друзей. „Онъ сидѣлъ въ креслѣ,—пишетъ она его дочери въ 1825 году,—передъ каминомъ, держа въ рукѣ страницу „Прогресса человѣческаго разума". Слезы полились у него ручьемъ, и онъ сказалъ мнѣ: „я буду объявленъ внѣ закона, и вы также; мнѣ надо васъ покинуть".—„Нѣтъ, вы останьтесь,—отвѣтила я:—комитетъ общественнаго спасенія можетъ объявить человѣка стоящимъ внѣ закона; но онъ не можетъ отнять у людей чувства человѣчности" [2]). Пять мѣсяцевъ прожилъ онъ еще у г-жи Вернэ, занятый между прочимъ составленіемъ учебника ариѳметики, предназначаемаго имъ для начальныхъ школъ.

Извѣстіе о торжествѣ Робеспьера не оставило къ концу этого срока въ Кондорсэ никакого сомнѣнія въ ожидавшей его участи. Онъ не желалъ вовлечь въ нее ту, которая оказала ему столь великодушное гостепріимство. Рѣшившись покинуть улицу Сервандони и зная, что ему не легко будетъ избѣжать задержанія, онъ, 25-го марта 1794 года, написалъ свое завѣщаніе. „Я желаю,

[1]) Ibid., стр. 276.

[2]) См. Письма госпожи Вернэ къ мадамъ Оконоръ, въ приложеніяхъ книги Робинэ, стр. 378.

чтобы дочь моя была воспитана въ идеяхъ свободы и равенства",— читаемъ мы въ этихъ послѣднихъ строкахъ Кондорсэ.—„Я боюсь, чтобы мои несчастія не зародили въ ней чувства мести. Пусть научатъ ее бороться съ этимъ чувствомъ, дѣйствуя моимъ именемъ и говоря ей, что самъ я никогда не питалъ его. Если Софи (Вернэ) не суждено будетъ погибнуть, то я прошу ее, чтобы она научила Элизу любить и почитать себя, какъ свою вторую мать; и пусть Софи не разъ разскажетъ дочери о той нѣжности, какою она окружала меня, и о той смѣлости, какая обнаружена ею во время моего долгаго преслѣдованія. Я не упоминаю о собственныхъ чувствахъ къ тому великодушному другу, о которомъ написаны эти строки. Пусть она представитъ себя на моемъ мѣстѣ,—и ея собственное сердце скажетъ ей то̀, что̀ я теперь чувствую".

Гара̀ предложилъ Кондорсэ убѣжище въ собственномъ имѣніи, расположенномъ на разстояніи десяти льё отъ Парижа въ Оверни. Но переходъ изъ одного департамента въ другой былъ немыслимъ безъ паспорта, и Кондорсэ пришлось оставить эту мысль. Не дожидаясь новыхъ предложеній и движимый исключительно желаніемъ избавить отъ опасности госпожу Вернэ, онъ рѣшился въ обычномъ своемъ костюмѣ—карманьолѣ и шерстяномъ колпакѣ— удалиться изъ дому въ обществѣ математика Саррэ. Ближайшимъ мотивомъ было появленіе наканунѣ незнакомца подъ предлогомъ найма квартиры. Онъ сообщилъ хозяйкѣ о предстоящихъ обыскахъ и нѣсколько разъ повторилъ совѣтъ скрыть все драгоцѣнное. Кондорсэ изъ своей комнаты слышалъ эти слова. Въ тотъ же вечеръ получено было имъ анонимное письмо, также предварявшее его объ обыскѣ. Сопровождаемый Саррэ, Кондорсэ вышелъ изъ Парижа, утромъ 26-го марта, направляясь въ Фонтене́-Розъ. Здѣсь жилъ его товарищъ по академіи и личный другъ—Сюаръ. Дважды стучался бѣглецъ въ его квартиру, и оба раза хозяина не было дома. Ему пришлось провести ночь въ сосѣдней каменоломнѣ. 27-го марта, въ девять часовъ, онъ снова явился къ Сюару; но провелъ съ нимъ не болѣе двухъ часовъ. Въ воспоминаніяхъ жены Сюара говорится, что хозяинъ отсовѣтовалъ гостю избрать его квартиру своимъ убѣжищемъ, ссылаясь на невозможность довѣриться служанкѣ, казавшейся ему подозрительной. Онъ въ то же время предложилъ немедленно съѣздить въ Парижъ и достать ему паспортъ. Въ восемь часовъ вечера Кондорсэ долженъ былъ вернуться и провести ночь у Сюара. Вышедши изъ дома своего друга, Кондорсэ направился въ Кламаръ. Здѣсь онъ вошелъ въ

---

[1]) Oeuvres, т. I, стр. 625.

трактиръ Людовика Крепинэ, который къ его несчастью оказался муниципальнымъ совѣтникомъ и начальникомъ военной команды. Въ трактирѣ сидѣло въ это время два террориста, Шампи и Брео. Наружность Кондорсэ показалась имъ странной. Они потребовали паспортъ. Его не оказалось. Въ сообщеніи имени и званія замѣтна была сбивчивость. Шампи сообщилъ о своихъ подозрѣніяхъ мѣстному комитету надзора, который предписалъ немедленно задержать неизвѣстнаго и привести его въ залу засѣданій. Кондорсэ назвалъ себя Пьеромъ Симòнъ, бывшимъ лакеемъ Трюдена. Двумя третями голосовъ комитетъ предписалъ отослать арестованнаго съ жандармами въ директорію дистрикта. Частью по причинѣ отвычки, частью вслѣдствіе поврежденія ноги, Кондорсэ оказался неспособнымъ пройти пѣшкомъ разстояніе, отдѣлявшее Кламаръ отъ Бургъ-ла-Рень, мѣстопребываніе дистриктной директоріи. Его посадили въ повозку между двухъ жандармовъ и къ вечеру 27-го марта доставили въ мѣстную тюрьму. Здѣсь провелъ онъ два дня. 29-го числа вошедшій въ его камеру привратникъ нашелъ его мертвымъ. Такъ какъ при немъ не оказалось никакого оружія и медицинскій осмотръ призналъ причиной смерти апоплексическій ударъ, то нѣтъ основанія вѣрить слуху, будто Кондорсэ покончилъ съ собою. Не только Робеспьеръ, но и личные друзья покойнаго, въ числѣ ихъ аббатъ Морелé, приписывали его смерть дѣйствію скрытаго яда. Никто не посмѣлъ потребовать тѣла покойнаго, и онъ похороненъ подъ вымышленнымъ именемъ на кладбищѣ Бургъ-ла-Рень.

Диктатура Робеспьера пала 9-го термидора, а 2-го апрѣля 1795 года личный другъ Кондорсэ, депутатъ Дону̀, провелъ въ конвентѣ предложеніе пріобрѣсть на счетъ казны для раздачи депутатамъ и школамъ 3.000 экземпляровъ только-что появившагося трактата „О прогрессѣ человѣческаго разума". „Кондорсэ,— сказалъ по этому случаю Дону,—написалъ свое сочиненіе въ добровольномъ забвеніи собственныхъ бѣдствій. Ничто въ книгѣ не воскрешаетъ въ памяти тѣхъ печальныхъ условій, при которыхъ она написана. О революціи авторъ выражается не иначе, какъ съ энтузіазмомъ; личныя преслѣдованія кажутся ему частными ошибками, почти неотвратимыми въ минуту общаго замѣшательства; исходомъ же всего должно быть счастіе человѣчества".

Максимъ Ковалевскій.

ПЕРЕВАЛЪ

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

XXIII.

— Иванъ Кузьмичъ здѣсь?

Лыжинъ остановилъ артельщика въ передней городской конторы Захара Лукьяновича, помѣщавшейся, рядомъ съ „амбаромъ", въ одномъ зданіи.

— Пожалуйте. Здѣсь они.

Во второй, просторной комнатѣ, увѣшенной видами Кумачевскихъ мануфактуръ, у широкаго тройного окна, Иванъ Кузьмичъ работалъ, сидя на табуретѣ передъ высокой конторкой.

— А!.. Дру́же! Какъ я радъ! Почеломкаемся!

Они обнялись и три раза поцѣловались.

— Да какъ же вы расцвѣли! На морозцѣ-то! Кладите шапку... Вашъ классическій ергакъ оставили тамъ, въ передней?

— Представьте,—весело заговорилъ Лыжинъ, съ утра очень старательно одѣтый:—я теперь гарцую въ хорьковой шубѣ.

— Какъ же это! Вѣдь вы для меня—„человѣкъ въ ергакѣ"... Ха, ха, ха!

— Былъ, голубчикъ, былъ! Это очень мѣткое прозвище для того, прежняго Лыжина: *человѣкъ въ ергакѣ*! Сбрую эту буду употреблять только въ кибиткѣ, а въ городѣ превращаюсь въ

---

*) См. выше: мартъ, 5 стр.

такого человѣка, котораго стоитъ встрѣчать... какъ бишь это эллинское привѣтствіе, Иванъ Кузьмичъ?

— *Хайрэ, полита*!..

— Именно.

— Вы когда-же изъ объѣзда?

— Сегодня только отъявился, чѣмъ свѣтъ, — отвѣчалъ Лыжинъ.

— Ну, и чтò нашли въ этихъ палестинахъ?

Кострицынъ подбѣжалъ къ стѣнѣ, противъ того дивана, гдѣ они сѣли, и провелъ рукой вдоль длинной панорамы одной изъ мануфактуръ.

— Да чтò!—воскликнулъ Лыжинъ.—Я нашелъ, милѣйшій мой, что, право, господамъ нытикамъ, ругающимъ всячески презрѣнныхъ буржуевъ, придется прикусить язычки. Сдѣлано для рабочаго если не все, то почти все, чтò только можно. Начать съ того, что лавки и пекарни—просто одинъ восторгъ. Вѣдь вы знаете, какъ у насъ господа народники и милостивцы меньшой братіи скрежещутъ зубами противъ этихъ видовъ эксплуатаціи. На другихъ фабрикахъ, можетъ, и происходитъ эксплуатація, но у Захара Лукьяновича всѣ цѣны такія, что ниже ихъ ставить—значитъ, на свой счетъ кормить народъ. Все по оптовымъ цѣнамъ: соль, мука, масло, коровье и постное, табакъ, сахаръ, чай.

— И прочая бакалéя,—подхватилъ, взвизгнувъ, Кострицынъ.—Вотъ видите, дрýже!

— А устройство пекаренъ просто привело меня въ восхищеніе. Особенно тамъ, на той, дальней мануфактурѣ.

Лыжинъ отодвинулся немного и сталъ, разводя длинными кистями рукъ, помогать своему разсказу.

— Во-первыхъ, самое помѣщеніе. Въ нѣкоторомъ родѣ храмъ: высота потолка, размѣръ оконъ, свѣту масса и воздухъ прекрасный. Когда войдешь—такой вкусный запахъ хорошо пропеченнаго хлѣба... Просто слюнки потекутъ.

— Будто?—какъ-бы усомнился Кострицынъ.

— Честнòй человѣкъ! Печи—заглядѣнье, съ мѣдными заслонками. Чистота образцовая. Все это дѣлается въ строгомъ порядкѣ, безъ всякой лишней возни и пачкотни. Я просто заглядѣлся на самый процессъ печенія, и чернаго, и бѣлаго хлѣба, и саекъ, и баранокъ, и калачиковъ. Панушникъ—вѣсовой—чудесный хлѣбъ, съ румяной коркой, легкій, бѣлый. Короваи чернаго пропечены превосходно. Я отрѣзывалъ отъ нѣсколькихъ короваевъ.

— И цѣны?

— Цѣны на копѣйку, на полторы дешевле здѣшней рыночной цѣны; черный хлѣбъ, разные сорта бѣлаго, даже на двѣ и на двѣ съ деньгой ниже базарной, а разница въ качествѣ—еще больше. Баранки такъ даже роскошны. Я такихъ давно не ѣдалъ. Купилъ себѣ цѣлую вязанку и привезъ сюда.

— Будто заплатили за нихъ?

— А то какъ же!

Оба засмѣялись, и Кострицынъ, слегка хлопнувъ пріятеля по ляжкѣ, выговорилъ, плутовато усмѣхаясь своими глазками:

— Вотъ видите... Изученіе-то дѣйствительности отрезвляетъ и бодритъ. А побывалъ-бы тамъ какой-нибудь господинъ Воденягинъ, онъ сталъ бы кричать, что хлѣбъ на половину съ отрубями и лебедой.

— По-моему, папушникъ слишкомъ даже роскошенъ. И если его покупаютъ всѣ почти рабочіе—я справлялся по заборнымъ книжкамъ—значитъ, у нихъ есть на это достатокъ. Да меньшинство ихъ, мастера въ красильной и тѣ, что̀ стоятъ при набивныхъ машинахъ, все народъ хорошо одѣтый, грамотны, похожи скорѣе на заграничныхъ рабочихъ.

— Кажется, слишкомъ уже смахиваютъ на „увріèровъ“,— вставилъ Кострицынъ.

— Ну, это я не скажу—насколько я теперь къ нимъ присмотрѣлся.

— И помѣщеніемъ ихъ довольны?

— Семейные живутъ тѣсновато. Нельзя сказать, чтобы совсѣмъ скверно, но могло бы быть лучше. Больше, разумѣется, отъ собственной неопрятности. Ребятишки, пеленки, кадушки съ капустой.

— Всѣ аттрибуты плодущаго великорусскаго племени. Хе, хе!

— Для холостыхъ на обѣихъ мануфактурахъ устроены общія спальни. Въ два этажа, койки на желѣзныхъ столбахъ. Вокругъ стѣнъ столы со шкафчиками, гдѣ у нихъ ѣда. Конечно, постели первобытныя, и ихъ къ чистотѣ не сразу пріучишь. Тюфяки даются даромъ, подушки свои. Воздуху достаточно и протоплено хорошо.

— А по части здоровья и духовной пищи?

— Больница, на главной фабрикѣ, въ отличномъ состояніи. Докторъ, холостякъ, душевный малый, мягкій, любимъ всѣми; и фельдшерица—милая дѣвушка, безъ непріятныхъ замашекъ. Вездѣ, и въ больницѣ, и въ ясляхъ, и въ родильномъ покоѣ—чистота такая, что лучше и желать нечего... Два вечера провелъ я въ клубѣ для рабочихъ.

— Это была идея матушки Захара Лукьяновича. Онъ сначала упирался.

— До сихъ поръ, по показаніямъ управляющаго, ничего подозрительнаго не замѣчается.

— Раиса Гордѣевна до сихъ поръ все мечтаетъ о театрѣ, по воскресеньямъ.

— Что-жъ! Это не плохая идея! Грамотнаго народа, въ молодежи, уже огромное большинство. Школа, размѣрами съ добрую гимназію, съ параллельнымъ классомъ. До трехсотъ человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

— Какъ же показался вамъ составъ учительницъ? Захаръ Лукьяновичъ поочистилъ ихъ въ прошломъ году.

— Прежнихъ замашекъ незамѣтно. Учатъ толково. И одѣты франтовато, у одной даже стрѣла въ шиньонѣ.

— Вотъ оно куда пошло!

— И двѣ прехорошенькія! На разговоръ очень бойкія... Даже и не подумаешь, что онѣ обѣ—изъ поповенъ. Одна завѣдуетъ библіотекой. И разборъ книгъ большой! Разумѣется, романы,—любятъ, однако, и путешествія. Первый у нихъ сочинитель, какъ-бы вы думали—кто?

— Господинъ Шпильгагенъ! Знаю! И главный герой—Леò, какъ они произносятъ! И это знаю.

— Да, да. Одинъ мнѣ даже сказалъ вечеромъ, въ клубѣ: „кабы теперь у насъ объявился такой баринъ!"

— Мало шаталось среди рабочаго люда доморощенныхъ Лео!—вырвалось у Кострицына.

— Но все это—добродушно. Озлобленныхъ лицъ, грубыхъ отвѣтовъ, разгула съ оттѣнкомъ протеста я что-то не замѣтилъ.

— Словомъ, вы вернулись съ тѣмъ выводомъ, что вамъ не надо кривить совѣстью, оставаясь у Захара Лукьяновича!

— Не знаю, чтò дальше будетъ.

— Да полноте, дружище! Порадуйте и его, и меня. Скажите,—Кострицынъ присѣлъ къ нему ближе и взялъ за руку:—развѣ вы не чувствуете теперь въ себѣ душевную норму, съ тѣхъ поръ, какъ стали брать жизнь, какъ она есть? А? Скажите, дорогой Юрій Петровичъ?

Глаза Кострицына ласково и вопросительно заблестѣли, и свободной рукой онъ прикоснулся къ плечу пріятеля.

Лыжинъ опустилъ слегка голову и полузакрылъ глаза. Ротъ его тихо улыбался.

— Нормы больше—это такъ! И я вамъ, голубчикъ, обязанъ моимъ, такъ сказать, перерожденіемъ. Дорòгой, туда и назадъ,

и съ одной фабрики на другую—я много думалъ о вашемъ пониманіи жизни. Знаете, теперь я и взрывъ вашего гнѣва противъ нѣкотораго племени — помните, по поводу поэтика, котораго гонятъ изъ Москвы—больше понимаю. Сами вы сочинили свою философію или почерпнули ее у какого ни на есть глубокаго нѣмца...

— Узнàете, узнаете! Дайте срокъ!—взвизгнулъ Кострицынъ.

— Только я прозрѣваю... И народъ, и предприниматели, весь этотъ Китай-городъ, ряды, амбары, банки и склады даже гешефтмахерство—проявляетъ жизнь, и чтобы ее улучшить—надо считаться съ ней умѣло и почтительно, а не уничтожать, не подрывать, не умничать, не ставить поверхъ всего свое книжное резонерство.

Кострицынъ захлопалъ въ ладоши и вскочилъ.

— Позвольте васъ поцѣловать, Юрій Петровичъ! Эхъ! Кабы мы были въ трахтирномъ заведеніи, я бы потребовалъ шипучаго вина русской флоры и попросилъ бы васъ удостоить меня, убогаго, выпить со мною брудершафтъ. Нѣтъ! Не хочу нѣмецкаго термина! У насъ есть прекрасное слово—побратимство!

Лыжинъ всталъ.

— Пойдемте въ „Славянскій". Тамъ и выпьемъ на *ты*. Я душевно радъ. Брудершафтомъ я никогда не злоупотреблялъ.

— Ой-ли? а для меня, значитъ, можно сдѣлать исключеніе? Лестно, дружище! И вдругъ—не пройдетъ года—и вы мнѣ бросите въ лицо: „ты, амбарный Сократъ, напоилъ оцтомъ гнилого ученія душу человѣка въ ергакѣ. Будь ты проклятъ!"

— Чтò вы, голубчикъ! Какъ страшно... Въ мои года пора перестать гоняться за огненными языками...

— Болотныхъ хлябей!—подсказалъ Кострицынъ.

И оба разомъ захохотали.

XXIV.

Возбужденные разговоромъ за завтракомъ, возвращались пріятели, выпившіе на „ты", изъ „Славянскаго Базара".

Они должны были завернуть на минуту въ „Дворянское гнѣздо". Лыжинъ забылъ дома двѣ вѣдомости, которыя нужно было показать Захару Лукьяновичу, вернувшись къ нему въ амбаръ.

Второй швейцаръ,—„подпасокъ", какъ его звали въ нумерахъ,—отворилъ имъ дверь. Онъ былъ безъ картуза и съ перепуганнымъ лицомъ.

На первую площадку выбѣжала незнакомая Лыжину блондинка—это была Леля Божеярина—и окликнула, свѣсившись съ перилъ:

— Пришли изъ аптеки?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ швейцаръ.

— Ахъ, Господи! Какъ копается!.. Это ужасно!

И убѣжала.

Шубы свои они сняли внизу.

— Чтò у насъ такое?—потише спросилъ Лыжинъ, наклоняясь къ швейцару.

— Неладно у насъ, Юрій Петровичъ.

— Да чтò именно?

Онъ сейчасъ подумалъ объ Идѣ, которую не видалъ еще по пріѣздѣ.

— У госпожи Днѣпровской. Пѣвица въ первомъ этажѣ живетъ.

— Ты ее развѣ не знаешь?—спросилъ Кострицынъ вполголоса.

— Нѣтъ,—протянулъ Лыжинъ.

— Въ одномъ домѣ живете... Она недавно здѣсь дебютировала... И мелкая пресса ее травитъ. Меня къ ней все тащитъ студентъ одинъ, Шипилинъ, мой пріятель.

— Заболѣла, что-ли, опасно?—обратился опять Лыжинъ къ швейцарику.

— Глотнули никакъ чего,—на ухо доложилъ ему тотъ и сдѣлалъ жестъ головой.

— Вотъ какъ! Докторъ былъ?

— Былъ... Уѣхалъ съ полчаса назадъ. И сидѣлка тамъ.

— А кто эта барышня? Справлялась насчетъ аптеки?

— Онѣ изъ школы... въ актрисы готовятся. Фамилія ихъ Божеярина. Къ госпожѣ Днѣпровской ходятъ часто.

Пріятели переглянулись. И оба смолкли.

Молча поднялись они въ отдѣленіе Лыжина.

— Исторія эта, кажется, довольна сложная,—заговорилъ Кострицынъ, закуривая папиросу, пока Лыжинъ началъ искать нужную ему бумагу въ письменномъ столѣ.

— Ты развѣ слышалъ?

— Не только слышалъ, но кое-что и читалъ. Тутъ, въ мелкой прессѣ, съ успѣхомъ подвизается нѣкій Спондѣевъ, кажется, родомъ изъ дворянъ „Господи помилуй“, побывавшій въ университетѣ. Онъ—достойный эпигонъ петербургскихъ борзописцевъ, сплетничаетъ и инсинуируетъ на славу. И вотъ эту

самую госпожу Днѣпровскую—по слухамъ, весьма красивую особу, съ прошедшимъ—онъ пропекаетъ каждую недѣлю. На дняхъ явилась его замѣтка, въ рубрикѣ слуховъ, о нѣкоторомъ баронѣ, состоявшемъ въ ея покровителяхъ... Тутъ дѣло осложняется... Баронъ этотъ—не кто иной, какъ баронъ Гольцъ, новый знакомый Антонины Борисовны.

Кострицынъ остановился и, подмигнувъ на особый ладъ, прибавилъ:

— Сдается мнѣ, что супруга принципала заинтересована этимъ Немвродомъ-медвѣжатникомъ.

Лыжинъ отошелъ отъ стола.

— Да, я его видѣлъ у нея!—воскликнулъ онъ, закуривая о папиросу Кострицына.

— Вотъ и выходитъ комбинація! Любовный мотивъ перемѣшался съ обидой артистки. Да и офицеру-то нанесенъ тѣмъ же строчилой немалый аффронтъ. Можетъ, и дуэль выйдетъ.

Лыжинъ немного встревожился. Всего больше ему стало непріятно за Кумачеву, какъ бы ее не впутали въ какую-нибудь грязную исторію. Къ этому заѣзжему гвардейцу онъ ничего враждебнаго не подмѣтилъ въ себѣ.

Нина напрашивалась на его дружбу. Играть роль наперсника около женщины, въ которую влюбленъ, было бы жалкой ролью; но онъ въ нее не влюбленъ. За все время своего объѣзда онъ ни разу о ней не мечталъ, къ ней его не тянуло. Только она его теперь больше интересуетъ—такъ, по просту, со стороны, какъ довольно махровый экземпляръ дворянской породы, поставленный въ курьезную среду—и онъ способенъ относиться къ ней мягче и терпимѣе, чѣмъ философъ Кострицынъ. Весьма вѣроятно, что она будетъ помогать упроченію его службы у Кумачева—и только.

— Вотъ оно чтò!—вдумчиво выговорилъ онъ.—Но мы-то, голубчикъ, тутъ не при чемъ... Жаль эту актрису. Должно быть, очень невкусно ей пришлось.

— Я не противъ спонтаннаго акта воли. Брутъ проигралъ битву при Филиппахъ и бросился грудью на мечъ. Даже Неронъ, покончивъ съ собою, показалъ этимъ хорошую античную традицію. Спартанцы въ прописяхъ учили: „лучше сейчасъ умереть, чѣмъ постыдно жить“. Но у насъ—въ послѣдніе годы и особливо среди молодежи обоего пола—развелась слякоть какая-то... пакостное самолюбьишко, трусость, кисляйство! А господа психіатры и терапевты ихъ по головкѣ гладятъ и нанизываютъ ученыя слова: абулія, анестезія, невропатія, гиперестезія. *Абулія*! Ну, да. От-

сутствіе энергіи, слякоть. Ничего нѣтъ примиряющаго въ этомъ греческомъ терминѣ. Слово въ слово: *безволіе*—и больше ничего!

Дверь отворилась, и это прервало рѣчь Кострицына.

Горничная Иды, Евгенія, остановилась въ дверяхъ.

— Я къ вамъ, баринъ, отъ Лидіи Павловны.

Въ рукѣ она держала записку.

Лыжинъ прочелъ:

„De grâce! Descendez au premier, chez la dame qui est en danger de mort. Vous m'y trouverez".

— Ида Павловна внизу?.. У той барыни?

— Такъ точно. Онѣ просили поскорѣе.

— Сейчасъ!

Лыжинъ подошелъ къ Кострицыну и положилъ ему руку на плечо.

— Ты ужъ одинъ поѣзжай въ амбаръ. Извинись за меня передъ Захаромъ Лукьяновичемъ. Я постараюсь попасть къ нему сегодня до обѣда... захватить его еще въ городѣ.

— Твоя пріятельница, значитъ, знакома была съ этой барыней?—спросилъ Кострицынъ вполголоса.

— Не знаю... Тутъ что-то неладно.

— Женское естество... Древніе-то вѣрили, что боги сами указали женщинѣ—знать свой горшокъ и свою прялку. А мы ихъ такъ распустили, что прядемъ-то мы, вмѣсто нихъ; только пряжа эта—постыдное женолюбіе и рабство передъ женской прелестью. Ступай! Ступай!

Они спустились вмѣстѣ.

Внизу, на площадкѣ второго этажа, Кострицынъ сказалъ Лыжину шопотомъ:

— Захара Лукьяновича въ амбарѣ теперь не захватить.

— Извинись за меня. Если опоздаю, буду у него передъ самымъ обѣдомъ.

— Вотъ она Москва! — пустилъ Кострицынъ. — Чревата всѣмъ!

Лыжинъ постучалъ въ двери отдѣленія, указаннаго ему швейцаромъ.

Никто не откликнулся. Онъ пріотворилъ дверь и вошелъ въ первую комнату.

Къ нему выбѣжала Лёля Божеярина.

— Вы къ Лидіи Павловнѣ?—быстро спросила она. Глаза ея были заплаканы, но взглядъ рѣшительный и строгій.—Она сейчасъ выйдетъ. Сядьте, пожалуйста.

Дѣвушка скрылась, затворивъ плотно дверь въ спальню. От-

туда раздавались глухіе стоны, и женскій голосъ—это и былъ голосъ Иды—что-то говорилъ просительно. Запахъ лекарствъ проникъ уже въ гостиную.

Ида вышла къ нему желтая въ лицѣ, съ впалыми глазами. Она всю ночь не спала и не раздѣвалась.

— Mon ami!

Она порывисто взяла его за руку и отвела въ дальній уголъ.

— La pauvre fille est en danger de mort.

Лыжинъ началъ-было ее спрашивать, какъ она сюда попала, но Ида не дала ему докончить.

— Послѣ разскажу,—продолжала она по-французски же.— Теперь вотъ что... У васъ есть знакомый докторъ... когда-то извѣстный. Онъ теперь живетъ здѣсь. Вы мнѣ говорили... Я не помню, какъ его фамилія.

— Докторъ! А! пріятель Цыбашева, Гурьяновъ... Но я его мало знаю.

— Все равно. Поѣзжайте къ нему, привезите... Ея докторъ плохой! Онъ далъ ей сразу не то противоядіе.

— Стало...

Лыжинъ не договорилъ и выразительно повелъ глазами.

— Да! Да!.. Только молчите, Бога ради! Мы боимся, какъ бы не проникло въ прессу.

И лицо Иды—въ эту минуту—приняло такой озабоченный видъ, точно она—родная мать несчастной, покусившейся на свою жизнь.

— Добрая вы моя!—вырвалось у него, и онъ поцѣловалъ ея руку.—Какъ вы лучше меня!

У нея не было никакой своей жизни, а душа все-таки трепетала. Она точно обрадовалась, что можно ей теперь спасать новую жертву страсти. Она не сомнѣвалась, что тутъ—любовная драма.

— Поѣзжайте!—торопила его Ида, толкая тихонько рукой къ выходной двери.

— Да я не знаю даже, гдѣ живетъ этотъ Гурьяновъ. Надо еще въ адресный столъ.

— Будьте здѣсь какъ можно скорѣе!—мягко приказывала она. И, одумавшись, она прибавила:—Видите, другъ мой... Я могла бы послать къ Нинѣ Кумачевой. У нея, навѣрно, хорошій годовой докторъ. Но я это сдѣлаю, если вы долго не пріѣдете.

Лыжинъ вспомнилъ лицо и фигуру доцента Шахматова, котораго не видалъ у Кумачевыхъ послѣ перваго своего обѣда.

— Дѣлайте такъ, какъ лучше будетъ. Я не стану терять времени.

Онъ попятился къ двери и, взявшись за ручку, шопотомъ спросилъ:

— А Елена?

— Елена!

Ида сдѣлала жестъ рукой.

— Больна?—съ безпокойствомъ спросилъ Лыжинъ.—Ужъ она не сбирается ли продѣлать то же самое?

— Елена поселилась у Боярцева.

— Чтò вы? Неужели?

Глаза Лыжина изумленно раскрылись.

— Vous n'y êtes pas!

Оба вышли въ коридоръ. Ида, въ нѣсколькихъ словахъ, разсказала ему, что Елена ухаживаетъ за матерью Боярцева и съ того вечера, когда она полетѣла туда отъ старухи Кòзлишевой, не выходитъ изъ комнаты больной, все еще очень опасной.

— Ловко! Кончится, пожалуй, законнымъ бракомъ!—весело выговорилъ Лыжинъ.

— Не знаю,—протянула Ида по-русски:—хотя и желаю ей хоть немножко счастья.

Лыжинъ еще разъ поцѣловалъ ея руку и сбѣжалъ въ переднюю, гдѣ, вмѣсто его классическаго ергака, ждала шубка на хорьковомъ мѣху.

XXV.

Войдя, черезъ часъ, въ ту же комнату, Лыжинъ нашелъ въ ней цѣлое общество.

Кромѣ Иды, сидѣли тутъ обѣ пріятельницы Липы—Лёля Божеярина и ея товарка Мухина, писатель Петровичъ и Воденягинъ.

Всѣ говорили шопотомъ.

Больная заснула, и въ ея спальнѣ осталась только сидѣлка.

— Ну, чтò? Привезли?

На него разомъ налетѣли всѣ три женщины.

— Сейчасъ будетъ. Я его искалъ и ѣздилъ въ два мѣста.

— Ахъ, Боже мой!—вырвалось у Иды.—А я уже написала Нинѣ... Думала, вы не найдете.

Она говорила теперь по-русски, и Лыжину было странно видѣть ее въ этой обстановкѣ. Но всѣ—и женщины, и мужчины—составляли точно одну семью. Даже Воденягинъ—одѣтый при-

лично—смотрѣлъ менѣе хмуро и глазами улыбнулся Лыжину, подавая ему руку.

Ни съ дѣвицами, ни съ Петровичемъ его не познакомили, да это и не нужно было.

Божеярина сказала ему первая:

— Вотъ вы какой милый!

Мухина прибавила:

— Поцѣловать стоитъ!

Всѣ тихо разсмѣялись и, продолжая говорить шопотомъ, сѣли кучкой вокругъ стола.

Особымъ тепломъ молодости повѣяло на Лыжина. И онъ видѣлъ, что Ида совсѣмъ ожила съ этой молодежью.

Приходъ Лыжина прервалъ разсказъ Воденягина. Тотъ отправлялся отъ себя, не будучи знакомъ ни съ кѣмъ изъ мелкой прессы, отыскивать Спондѣева и потребовать отъ него, чтобы онъ, въ ближайшемъ нумерѣ, назвалъ вздоромъ и выдумкой все, что онъ напечаталъ, въ послѣдній разъ, про Олимпіаду Дмитріевну.

Петровичъ, блѣдный, пощипывая свою бородку, заговорилъ спѣшно, обиженнымъ голосомъ:

— Но развѣ на выходки господина Спондѣева кто-нибудь обращаетъ вниманіе?

— Вы видите, что обращаютъ.

Воденягинъ показалъ жестомъ головы на дверь.

— Тутъ другіе есть мотивы,—возразилъ также обиженно Петровичъ.—Мы друзья Олимпіады Дмитріевны, мы можемъ это сказать.

— Положимъ, и другіе!—отрѣзала Лёля.—А главное, мужчины и ихъ подлость.

— Еще бы!—подтвердила Мухина, и ея пышная фигурка вся затрепетала.

Ида не знала еще—какая именно любовная подкладка была во всемъ этомъ, но Лёля уже проговорилась ей, что тутъ замѣшалась „каска съ птицей"—какъ она назвала Гольца. Она проговорилась даже, что написала ему негодующее письмо, и нѣсколько разъ, въ теченіе утра, повторяла:

— Хорошъ! Хоть бы носъ показалъ! Хорошъ!

— Вотъ видите!—обрадованно подхватилъ Петровичъ.—Мы всѣ—честные работники журнализма...

— Полноте!—перебилъ его Воденягинъ.—Ужъ лучше бы вы, батенька, примолчали.

— Но почему же?—еще обиженнѣе остановилъ его Петровичъ.

— А потому, что вы, честные, не должны бы терпѣть такихъ товарищей. Протестъ нуженъ. Коллективный протестъ!

— Коллективный? Развѣ теперь это мыслимо?

— Вы видите.

— Но еслибъ меня здѣсь не просили молчать, я бы первый сказалъ въ моемъ фельетонѣ...

— Плевать онъ хочетъ на всякія обличенія!—заговорилъ сердитѣе Воденягинъ и, обратившись къ Лыжину, продолжалъ:— Вотъ экземпляръ-то, я вамъ скажу! Чистый продуктъ доблестнаго десятилѣтія. Выходитъ ко мнѣ—видомъ точно изъ Солодовникова Пассажа приказчикъ въ галантерейномъ магазинѣ, капульчикъ на лбу и съ перстенькомъ на мизинцѣ. И хоть бы чуточку смутился. Такого нахальства я отродясь не видалъ. „Вы, говоритъ, братъ, или мужъ, или интимный другъ госпожи Днѣпровской? Желаете просить удовлетворенія?“ Грѣшный человѣкъ! Я чуть его не скомкалъ подъ себя. Вотъ, молъ, чего я желаю! И когда я ему свое требованіе предъявилъ, онъ осклабился и говоритъ, благоразумно удалившись за конторку: „Интимидировать себя я никому не позволю... Эта госпожа по имени названа не была. Вѣренъ слухъ или нѣтъ—не мое дѣло. Я хроникеръ, и это мое право—сообщать все пикантное публикѣ“.—Даже и завѣдомую ложь? спрашиваю. И безъ разбора грязно клеветать на женщину?—Знаете, у меня въ вискахъ застучало. А онъ только ухмыляется. „Должно быть, говоритъ, была тутъ доля правды, коли героиня накушалась какого-то снадобья; а герой до сихъ поръ что-то не защищалъ своей чести и ко мнѣ не являлся“.

— Стало, онъ все знаетъ?—почти крикнула Божеярина.

— Ему не знать! Этакіе хуже сыщиковъ! Со всѣми околоточными въ дружбѣ.

— Господа,—остановила ихъ Ида: — пожалуйста, умоляю васъ, monsieur,—она затруднилась въ фамиліи.

— Воденягинъ.

— Monsieur Воденягинъ... бросьте этого господина. C'est un misérable! И вы также,—она протянула руку Петровичу:— ничего не печатайте.

— Разумѣется, ничего!—сдерживая голосъ, воскликнула Лёля. —Вся гадость идетъ отъ этихъ газетчиковъ. Пойдутъ теперь плести... Еще больше грязи нанесутъ!

— Погодите,—перебилъ ее Воденягинъ:—уходя, я къ нему подошелъ и говорю: если вы хоть какую-нибудь сплетню или слухъ пустите еще о госпожѣ Днѣпровской, то я вамъ—извините—

ребра переломаю, потому что съ такими, какъ вы, не дерутся. Попомните это.

— И онъ ничего?—стремительно спросилъ Петровичъ.

— Съѣлъ! Только засмѣялся въ сардоническомъ вкусѣ!

— Все равно—сподличаетъ! Еще злѣе мстить будетъ,—съ презрительной миной сказала Божеярина.

Въ спальнѣ кто-то заговорилъ.

Всѣ разомъ смолкли.

Лыжинъ, сидя въ сторонѣ, прослушалъ всю горячую бесѣду. И ему сдѣлалось какъ бы совѣстно, что онъ не чувствуетъ такого же настроенія. Положимъ, онъ въ первый разъ слышалъ о существованіи какой-то госпожи Днѣпровской. Но развѣ Ида знала ее, еще сутки назадъ? Да врядъ ли и Воденягинъ — ея пріятель... Эти дѣвочки — навѣрно — забыли про свои курсы и будутъ проводить дни и ночи около больной.

А кто эта „жертва"? Опереточная актриса, вѣроятно, весьма легкихъ нравовъ, содержанка гвардейца. Если докопаться до самой сути, то все это окажется довольно неопрятнымъ... Но эти дѣвицы не смущаются ничѣмъ, онѣ—преданы всей душой своей пріятельницѣ. Ида—точно также внѣ всякихъ такихъ чопорныхъ соображеній. Какое ей дѣло—безупречна или нѣтъ эта госпожа Днѣпровская? Она видитъ въ ней женскую страдающую душу. Бѣда этой женщины — все изъ того же источника, которымъ и она сама отравлена на вѣки.

Всѣ они разомъ слетѣлись сюда: человѣкъ „съ ореоломъ", мелкій литераторъ, двѣ ученицы и никого изъ нихъ не знавшая Ида. И во всѣхъ этихъ обитателяхъ меблированныхъ комнатъ трепещетъ какой-то общій огонекъ, они понимаютъ другъ друга, они составляютъ одинъ станъ.

Дверь отворилась изъ коридора.

Вошелъ осторожно студентъ Шипилинъ, прямо въ пальто и въ большихъ сапогахъ.

Онъ заговорилъ, возбужденно и быстро пожимая руку Божеяриной:

— Неужели правда? Бѣдная Олимпіада Дмитріевна! Этотъ мерзавецъ Спондѣевъ!.. Мы, мой другъ Владиміръ Мечъ и еще нѣсколько однокурсниковъ, хотимъ отправиться въ редакцію этой пакостной газетченки и потребовать...

— Не надо, не надо!

И Божеярина замахала рукой.

Ида привстала съ мѣста и сказала:

— Пожалуйста.. Не дѣлайте ничего. Mademoiselle Углова

будетъ тронута вашимъ участіемъ. Но теперь не надо никакой исторіи. Она очень слаба.

Шипилинъ упавшимъ голосомъ спросилъ:

— Есть, значитъ, опасность?

Изъ дверей спальни показалась голова сидѣлки.

— Барышня!

Божеярина бросилась туда.

Всѣ опять смолкли.

Студентъ пожималъ руки Воденягина и Петровича.

Лёля вышла тотчасъ же изъ спальни.

— Жажда у ней сильная! И пульсъ ужасно слабъ.—Глаза ея покраснѣли, безъ слезъ, и грудь вздрагивала.—А изъ аптеки все еще не несутъ.

Она выбѣжала въ коридоръ.

— Я пойду къ ней,—сказала, поблѣднѣвъ, Ида, и легкими, беззвучными шагами пошла къ спальнѣ; Мухина—за нею слѣдомъ.

Остались четверо мужчинъ.

— Да что же съ ней? — спросилъ Лыжинъ Воденягина.

Студентъ насторожилъ уши и подсѣлъ къ нимъ.

— Симптомы обыкновенные.

— Чѣмъ же собственно она?—не договорилъ Лыжинъ.

— Должно быть, препаратомъ опія.

— Захватили вò-время? — участливо спросилъ Шипилинъ.

— Кажется.

Влетѣла Лёля.

— Докторъ!.. Вашъ!..—сказала она Лыжину.

Онъ всталъ и пошелъ на встрѣчу Гурьянову, котораго онъ не захватилъ ни дома, ни у знакомыхъ, и оставилъ адресъ его женѣ, упросивъ ее тотчасъ же прислать мужа къ больной; въ запискѣ онъ говорилъ о крайней опасности.

Гурьяновъ—съ обычной тихой усмѣшкой—входилъ въ коридоръ, протирая платкомъ замерзлыя стекла своего pince-nez.

— Извините... Я позволилъ себѣ обезпокоить васъ... Но такой случай!..

— Ничего!—махнувъ рукой, остановилъ его Гурьяновъ.

Лыжинъ шепнулъ ему на ухо, въ чемъ дѣло.

— Вотъ оно чтò! — добродушно промолвилъ Гурьяновъ, на цыпочкахъ вступая въ первую комнату.

— Здравствуйте, господа!

Всѣ ему молча поклонились.

Лёля успѣла еще разъ побывать въ спальнѣ. Мухина дер-

жалась у двери и—въ смущеніи — присѣла доктору, какъ присѣдаютъ въ классѣ танцевъ.

Гурьянова переняла Ида на порогѣ спальни и сказала, шопотомъ, по-французски:

— Она очень слаба... Я боюсь новаго припадка.

Докторъ только кивнулъ головой и ничего не сказалъ, входя въ спальню. Дверь за нимъ затворилась—и Мухина припала къ замочной скважинѣ. Всѣ четверо мужчинъ сидѣли въ тѣхъ же выжидательныхъ позахъ... Первый задвигался студентъ.

Онъ быстро пожалъ руку Воденягину и Петровичу и сказалъ:

— Я забѣгу въ университетъ... Ежели пароль такой, чтобы не давать никакого хода исторіи—я такъ и распоряжусь.

И, бросивъ взглядъ на дверь спальни, онъ скрылся.

XXVI.

Лыжину было давно пора въ амбаръ Кумачева, но его удерживала въ квартирѣ Днѣпровской общая тревога сочувствія и неизвѣстности — удастся ли спасти молодую женщину, которую онъ даже ни разу не встрѣчалъ въ коридорѣ „Дворянскаго гнѣзда".

Черезъ десять минутъ послѣ доктора Гурьянова пріѣхалъ посланный Ниной Кумачевой ея консультантъ Шахматовъ. Онъ приходился племянникомъ Гурьянову; но встрѣча ихъ была неожиданная. Лыжинъ не слыхалъ, какъ они заговорили у постели больной. Но ему хотѣлось бы присутствовать при консультаціи этихъ рѣзкихъ образчиковъ двухъ поколѣній. Онъ вспомнилъ, какъ отзывался про своего „племянника" Гурьяновъ у Цыбашева.

Воденягинъ и Петровичъ удалились. Лыжинъ сидѣлъ одинъ въ гостиной. Всѣ женщины были въ спальнѣ вмѣстѣ съ докторами. Черезъ пять минутъ доктора вышли въ гостиную.

Шахматовъ уже раскланивался съ Лыжинымъ, проходя къ больной.

Онъ держался чопорно—какъ профессоръ — и видимо былъ не особенно доволенъ тѣмъ, что его — извѣстнаго спеціалиста— потревожили точно перваго попавшагося полицейскаго врача— прописывать банальныя противоядія.

Лицо Гурьянова сложилось въ озабоченную мину. Его племянникъ только двойственно улыбался и поправлялъ золотыя очки.

Они вышли совѣщаться.

— Я вамъ, господа, мѣшаю? — спросилъ Лыжинъ.

— Нѣтъ, что же,—отозвался первый Гурьяновъ.—Вѣдь вы здѣсь—свой человѣкъ.

Лыжинъ хотѣлъ-было возразить на это—и промолчалъ.

— Я могу и удалиться.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ подошелъ поближе къ Гурьянову и, отведя его въ сторону, спросилъ:

— Не встанетъ?

— Богъ милостивъ, если ничѣмъ не осложнится... Но положеніе серьезное.

Его племянникъ разсѣлся въ креслѣ, въ позѣ человѣка, которому предстоитъ скучная процедура, не отвѣчающая его ученому достоинству.

Гурьяновъ подсѣлъ къ нему, и консультація пошла вполголоса, по-русски, со вставкой латинскихъ терминовъ, однако такъ, что Лыжинъ могъ бы, еслибъ хотѣлъ прислушиваться, все схватить.

Но его удержало совѣстливое чувство.

Мудренаго діагноза не надо было ставить. Признаки ясны, и оставалось только установить болѣе энергичный способъ леченія. Отъ леченія Шахматовъ отказался, сказавъ, что за нимъ послали „по недоразумѣнію". Говорилъ онъ пренебрежительно, процѣживая слова. Никакой симпатіи къ больной онъ не выказывалъ: напротивъ, брезгливо и жестко озирался, точно онъ попалъ въ какое-то непристойное мѣсто.

Совсѣмъ иначе велъ себя его дядя. Онъ—все тѣмъ же нутрянымъ и скромно-убѣжденнымъ тономъ—набросилъ планъ леченія и кончилъ такимъ восклицаніемъ:

— Сильно еще мучится, бѣдняжка! И такая славная баринька!

Шахматовъ пожалъ плечами и выговорилъ:

— Тутъ цѣлая исторія... Не отъ того, такъ отъ другого! Отойдетъ! Тѣла много!

И онъ всталъ, оправилъ свой вицъ-мундиръ и глазами какъ бы освѣдомился, кто ему вручитъ лиловую ассигнацію за этотъ визитъ.

Изъ спальни никто не показывался.

Онъ спросилъ Гурьянова:

— Кто же здѣсь собственно хозяинъ?

И поглядѣлъ въ сторону Лыжина.

— Не я!—отвѣтилъ тотъ сдержанно и сухо.

Какъ онъ ни зараженъ уже афоризмами своего друга Кострицына—его симпатіи были на сторонѣ старика, человѣка шестидесятыхъ годовъ, съ характерной складкой того времени. А его племянника хотѣлось взять за плечи и вышвырнуть—вмѣстѣ съ

его научностью и аккуратностью. Конечно, кромѣ лиловой ассигнаціи и отстаиванія своего ранга въ городской практикѣ, у него не можетъ ничего быть за душой.

— Мнѣ пора,—отрѣзалъ деревянно и отчетливо Шахматовъ, и щелкнулъ доской своихъ часовъ.

И еще разъ пустилъ особенный боковой взглядъ, какъ бы желая сказать:

„Значитъ, здѣсь отпускаютъ консультантовъ съ пустыми руками?“

Лыжинъ хотѣлъ бы вынуть красненькую—нарочно красненькую, не больше—и подать ему, но вспомнилъ, что̀ сейчасъ отвѣтилъ на вопросъ Шахматова.

Ему даже физически стало лучше, когда тотъ скрылся. Онъ подошелъ къ Гурьяному и не утерпѣлъ—спросилъ:

— Это тотъ племянникъ, о которомъ вы говорили у Цыбашева, помните?

И оба они переглянулись, какъ люди, хорошо понимающіе другъ друга.

— Да-съ!.. Человѣкъ текущаго десятилѣтія, — выговорилъ Гурьяновъ.—Не намъ чета!—добавилъ онъ, усмѣхнувшись глазами.

Ида и Леля вышли изъ спальни и сейчасъ же окружили Гурьянова.

— Eh bien?—упавшимъ голосомъ спросила Ида.

— Встанетъ? — подсказала Лёля.

— Встанетъ, встанетъ. Теперь вотъ что̀—только не волнуйтесь. Кто у васъ здѣсь главный распорядитель?

— Я, я! — назвалась Леля.

Онъ отвелъ ихъ обѣихъ въ уголъ и обстоятельно все объяснилъ, прописалъ три рецепта и еще разъ растолковалъ, ка̀къ и что̀ дѣлать.

Тутъ только Лёля сказала:

— А какъ же съ лекарствомъ, которое первый докторъ прописалъ?

— Вы, сударыня,—мягко сдѣлалъ онъ имъ выговоръ:—должны бы его предупредить. Ну, да онъ меня знаетъ немножко... А ежели обидится — что̀ дѣлать!

— Вы заѣдете, вы заѣдете?—просительно стала спрашивать Лёля.

— Заѣду.

Обѣ пошли провожать его въ коридоръ, и когда вернулись, Божеярина сдѣлала—въ дверяхъ—ручкой.

— Вотъ прелесть—докторъ! Лидія Павловна, а?

— Да, очень милый.

— Не то, что тотъ важнюшка! Точно женихъ изъ „Дикарки“. И онъ тоже не человѣкъ, а птица!.. Наша Олимпіада Дмитріевна — спасена! Я вѣрю!

И что-то вспомнивъ, она опять выбѣжала въ коридоръ.

Въ первый разъ Лыжинъ остался наединѣ съ Идой.

— Вы, голубушка, я думаю, измочалились? — заботливо спросилъ онъ и посадилъ ее на диванъ.

— Нѣтъ, ничего.

Глаза у ней совсѣмъ поблекли. Она не спала съ той минуты, какъ за ней прибѣжала Лёля Божеярина вся въ слезахъ и умоляла принять участіе въ Днѣпровской.

И только-что онъ хотѣлъ ее разспросить — какъ она попала сюда и знаетъ ли настоящую причину попытки на самоубійство актрисы — опять показалась въ дверяхъ Лёля — и уже не одна. Изъ-за нея выставлялась длинная фигура барона Гольца.

Оба встали и переглянулись.

Теперь Лыжинъ началъ яснѣе понимать, въ чемъ дѣло. Красиваго гвардейца онъ сейчасъ узналъ. Вѣроятно, офицеръ очутился между двухъ женщинъ — актрисой и блистательной Антониной Борисовной.

Ида нервно замигала. Она тоже узнала Гольца. Его фигура осталась у нея въ памяти, вмѣстѣ со всѣмъ, что она на вечерѣ у Кбзлишевой замѣтила въ Нинѣ, когда та, взявъ ее подъ-руку, повела къ угловой и сѣла слушать разговоръ офицера съ „дѣвчонками“.

— Пожалуйте! — строго поведя бровями сказала Лёля и, обратясь къ Идѣ, выговорила: — баронъ Гольцъ, знакомый Олимпіады Дмитріевны.

Гольцъ остановился въ нерѣшительной позѣ, согнувъ немного свою прямую и сухую спину.

Онъ тоже узналъ Лыжина и безстрастно проговорилъ:

— Имѣлъ удовольствіе...

Ида сейчасъ же вышла изъ замѣшательства и тихо спросила:

— Вы желаете ее видѣть?

И такъ при этомъ на него поглядѣла, что нельзя уже было играть роль и притворяться простымъ знакомымъ.

— Я не знаю... можно ли? — гораздо пониже тономъ вымолвилъ онъ и поглядѣлъ вбокъ на Лёлю.

Она „кипѣла“ на него негодованіемъ; но тайно была убѣждена, что Липа будетъ обрадована — и это ускоритъ ея „спасеніе“.

— Сейчасъ... я скажу.

Лёля пріотворила дверь въ спальню и на цыпочкахъ подошла къ кровати.

Дверь оставила она полуотворенной.

Всѣ трое стояли—въ неловкихъ позахъ—по срединѣ комнаты.

Гольцу было сильно не по себѣ. Уже третій день, какъ онъ не зналъ, чего ему держаться—газетная сплетня проникла всюду. Къ нему еще не приставали съ вопросами; положеніе становилось, однако, „поганымъ". Его пріятель Верховцевъ—первый—безцеремонно началъ его науськивать на газетчика; но онъ уперся на томъ, что съ такимъ народомъ не стрѣляются, а бить его онъ не станетъ, какъ перваго попавшагося „хама".

Письмо Лёли совсѣмъ его ошеломило въ первую минуту.

Онъ не испугался за жизнь Липы; но ему стало совѣстно. Во всякомъ случаѣ, если не вполнѣ, то на половину онъ былъ причиной ея покушенія на самоубійство.

Въ настоящую минуту онъ готовъ былъ сдѣлать все, чтобы спасти ее; только—опять-таки—не хотѣлъ возобновлять съ ней отношеній. Съ такими „шалыми" нельзя больше связываться.

Леля—стоя у изголовья кровати—довольно громко спросила:

— Олимпіада Дмитріевна... Дорогая... вы только не волнуйтесь... не говорите... Лежите молча... Можно войти на минутку барону Гольцу?

Никому изъ стоявшихъ въ гостиной не видно было кровати.

Слабо, но явственно послышался голосъ Липы.

— Зачѣмъ явился этотъ господинъ?—спросила она, медленно выговаривая слова.—Ему здѣсь нечего дѣлать.

Дверь, точно нарочно, не прикрывали изнутри.

Лыжинъ—чувствуя большую неловкость—отвернулъ голову. Ида стояла, не двигая ни однимъ мускуломъ своего утомленнаго лица, съ впалыми глазами.

Баронъ сдѣлалъ движеніе къ двери и—точно онъ ничего не разслышалъ—спросилъ вполголоса въ дверь:

— Нельзя?

— Это вы?—строго и сильнѣе звукомъ спросила Липа.

— Я.

— Вамъ здѣсь нечего дѣлать, баронъ... Только... пожалуйста не думайте, что я... изъ-за васъ...

Она не докончила.

— Вы этого не стоите!—почти крикнула она и застонала.

Дверь изнутри стремительно заперли.

Ида съ Лыжинымъ уже сидѣли на диванѣ.

Гольцъ пожалъ плечами и, старательно выговаривая, сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— У ней, должно быть, бредъ. Извините.

И не ускоряя шага—выдвинулся изъ комнаты.

Ида и Лыжинъ молча поглядѣли другъ на друга.

„Celui-ci est très fort,—подумала по-французски Ида.—Il va rouler beaucoup de femmes!“

„Изъ молодыхъ, да ранній!“—рѣшилъ по-русски Лыжинъ.

XXVII.

Ночное хмурое небо сѣяло снѣгъ частыми хлопьями и смягчало шумъ санной ѣзды.

На Тверской, противъ пекарни Филиппова, яркая пелена бѣлаго свѣта съ красной точкой большого электрическаго шара—какъ въ волшебномъ фонарѣ—пропускала по всему фону движущіяся фигуры пѣшеходовъ по тротуарамъ и санныхъ ѣздоковъ.

По самой срединѣ улицы лошадь дежурнаго жандарма стояла, изогнувшись и выпятя переднія и заднія ноги, неподвижно, въ напряженной посадкѣ. Молодой безусый парень сидѣлъ, уперевъ правую руку въ бокъ, въ наушникахъ и фуражкѣ.

— Каріатида!—на всю улицу раздался басъ изъ саней, проѣзжавшихъ вверхъ по улицѣ.

Князь Иларіонъ пустилъ этотъ возгласъ, указавъ рукой на жандарма.

Рядомъ съ нимъ, уйдя головой въ ергакъ, сидѣлъ Лыжинъ.

— И зачѣмъ—скажите на милость?

— Для порядка,—отвѣтилъ ему въ тонъ Лыжинъ.

— Или въ видѣ символа?

И князь захохоталъ своимъ зычнымъ, раскатистымъ смѣхомъ.

Они ѣхали на Садовую, въ квартиру одного изъ товарищей Шипилина, на студенческую вечеринку, куда князя и Лыжина пригласилъ Кострицынъ.

Тамъ они должны были его застать. Адресъ онъ далъ самый подробный: доѣхать до перекрестка у Тверской-Ямской, повернуть направо и третій домъ налѣво, пройти мимо палисадника и внизу, изъ сѣней, первая дверь.

— Стой!—крикнулъ Лыжинъ.—Должно быть тутъ! Князь, позвольте мнѣ сначала расчистить путь.

— Ничего, душа моя... Я не боюсь сугробовъ.

Снѣгу нанесло цѣлый холмъ—и пришлось ступать черезъ него къ двери, тоже занесенной.

Широко шагали они—и тотъ, и другой въ глубокихъ калошахъ, и ихъ шаги слегка хрустѣли по узкой тропкѣ, гдѣ виднѣлись слѣды мужскихъ ступней.

Улица стояла безмолвной, съ тусклымъ мерцаніемъ фонарей, занесенныхъ снѣгомъ до самаго верха стеколъ.

— Впору хоть на лыжахъ!—пошутилъ князь, высвобождая одну ногу.

— Вамъ, я думаю, не мало приводилось, если вы охотникъ?

— Нѣтъ, я давно бросилъ этотъ видъ хищничества! Старцу не полагается истязать живыхъ существъ!

Добрались они, наконецъ, и до сѣней—совершенно темныхъ. Лыжинъ нащупалъ звонокъ и дернулъ за него.

Имъ сейчасъ же отперли, и кухарка впустила ихъ въ довольно просторную прихожую, съ низкимъ потолкомъ, хорошо освѣщенную стѣнной лампой.

Первый выбѣжалъ къ нимъ въ прихожую Шипилинъ. Онъ и здѣсь былъ какъ бы распорядителемъ. Форменный сюртукъ замѣнилъ онъ тужуркой.

Лыжина онъ видѣлъ у Липы и поздоровался съ нимъ, какъ съ знакомымъ.

— Позвольте помочь вамъ, князь, а то она будетъ долго копаться.

Онъ отстранилъ кухарку и стащилъ съ плечъ князя его тулупъ, крытый синимъ сукномъ, на бараньемъ мѣху.

— Иванъ Кузьмичъ здѣсь, — сообщилъ онъ вполголоса.— Пожалуйте. Онъ сейчасъ только-что началъ намъ нѣкоторую притчу.

— Какую притчу?—спросилъ Лыжинъ.

— Философскую... И должно быть очень забористую.

Кострицынъ показался въ дверяхъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ квартиры—бѣлокурымъ студентомъ съ усиками, въ чистенькомъ вицъ-мундирѣ.

— Много обязали, князь, моихъ молодыхъ друзей,—сказалъ Кострицынъ.—Вотъ и хозяинъ. А это Шипилинъ, мой старый пріятель. Пожалуйте!

Студентикъ застѣнчиво улыбался, подавая руки гостямъ.

Ихъ ввели въ первую комнату, гдѣ по срединѣ комнаты стоялъ самоваръ. Общество разсѣлось гдѣ попало; двое-трое ходили въ углахъ. Лампа хорошо освѣщала только средину комнаты.

— Мы прервали что-то?—спросилъ князь.

— Нѣтъ. Это еще не къ спѣху,—отозвался Кострицынъ.

— Однако, вы начали какую-то притчу. Пожалуйста... Очень любопытно! Прошу.

Князь пригласилъ его рукой и тотчасъ же отошелъ къ печкѣ и опустился на стулъ.

Лыжинъ присѣлъ у дверей.

— Живетъ мудрецъ,—тихо, тономъ сказочника началъ Кострицынъ. — Живетъ, разумѣется, въ пещерѣ, куда удалился, уязвленный низостью и безуміемъ себѣ подобныхъ существъ. Вамъ не надо имени этого мудреца?

— Нѣтъ,—отозвался кто-то.

— Представьте его себѣ въ видѣ пустынника Антонія... И онъ пройдетъ сейчасъ черезъ искушенія... Живетъ онъ и вѣритъ, что рано или поздно его пустыню огласитъ призывъ того, кого онъ назвалъ на своемъ жаргонѣ: *Сверхъ-человѣкъ*...

— Сверхъ-человѣкъ?—переспросилъ Шипилинъ.

— Да, существо, поднявшееся надъ всѣми нами—быть можетъ, такія живутъ на планетѣ Марсѣ... Я склоненъ думать, что они возможны. Живетъ пустынникъ годъ, десять лѣтъ, сто лѣтъ—и вѣритъ, что на развалинахъ теперешняго человѣчества выростетъ иная раса, и прототипъ ея—*Сверхъ-человѣкъ*—явится къ нему и огласитъ пустыню своимъ призывнымъ кликомъ.

— Продолжайте, продолжайте!—прошепталъ Лыжинъ, чувствуя, какъ въ дѣтствѣ, когда ему сказывали сказки, что мурашки пробѣгаютъ по затылку.

— Продолжаю... Вдругъ слышитъ онъ отчаянный крикъ... Нѣтъ сомнѣнія... это Сверхъ-человѣкъ. Мудрецъ умильно и радостно ждетъ его въ свою пещеру, но вмѣсто него явились къ нему цѣлыхъ *девять* выдающихся людей, все изъ того же жалкаго и безумнаго человѣчества. Приходятъ они къ нему, одинъ за другимъ, и каждый—слышите, каждый—умоляетъ его о состраданіи за себя самого и за весь родъ людской.

— Девять человѣкъ?—окликнулъ Шипилинъ.

— Девять, — повторилъ Кострицынъ тономъ убѣжденнаго старца, разсказывающаго наивнымъ слушателямъ какое-нибудь дивное видѣніе. — Первымъ пришелъ *Возвѣститель великаго утомленія*, пессимистъ, тотъ нѣмецъ,—прибавилъ онъ, повернувъ голову къ князю и другимъ тономъ,—тотъ самый нѣмецъ, кто влилъ ядъ сомнѣнія и отчаянности въ столько душъ.

Онъ перевелъ дыханіе.

— Возвѣститель утомленія, великой прострацій, если выразиться по-докторски, объявившій ему о безъисходномъ отчаяніи.

За нимъ слѣдомъ явились *два Властителя*, люди доблестной породы, по крови и духу, и при нихъ оселъ.

— Оселъ? Зачѣмъ же оселъ?—удивился князь.

— Вы увидите зачѣмъ, дайте срокъ. За ними—человѣчекъ, невзрачный и замухрышный, крайне болтливый, весь голый, и къ тѣлу его, во всѣхъ мѣстахъ, присосались піявки; а онъ ихъ не срываетъ—пусть ихъ пьютъ кровь изъ его жилъ, онъ же тѣмъ временемъ будетъ наблюдать этихъ животныхъ и ихъ аппетиты. Вы узнаете, кто онъ?

— Кто?—спросилъ Лыжинъ.

— Нашъ братъ—*человѣкъ науки*... За нимъ пришелъ *Старый Колдунъ*. Онъ сталъ декламировать стихи, нараспѣвъ, въ вагнеровскомъ духѣ, и призывать къ чувственной похоти, подъ предлогомъ воздержанія отъ всего мірского. Вслѣдъ за нимъ—*Первосвященникъ*; но онъ назвалъ себя не такъ, а *Безработицей*. Божество умерло, и бѣдному Первосвященнику невого благословлять. Божество умерло, его убилъ *Скверный Человѣчишка*; не тотъ, лядащій, что отдаетъ піявкамъ свое тѣло; а другой—типъ отрицанія и упорной крамолы.

— Гдѣ же остальные?—спросилъ кто-то.

— Погодите! Пустынникъ самъ пошелъ искать остальныхъ и набрелъ на молодого человѣка, прекраснаго собою, посреди стада, съ небесной кротостью во всемъ существѣ. Это *Горній Проповѣдникъ*. Люди перестали его слушать. Ему остались несмысленныя животныя, и онъ говоритъ: „Тѣ, кто на нихъ похожи, тѣ только и будутъ на небесахъ“.

— Остается еще одинъ,—сказалъ Шипилинъ.

— Послѣдній изъ девяти—это онъ самъ, тотъ нѣмецъ, что сочинилъ эту притчу, нѣмецъ глубоко несчастный. Притча была его лебединой пѣснью. Онъ написалъ ее наканунѣ безумія.

— Да и эта парабола обличаетъ уже безуміе, — возразилъ князь.

— Почему?—живо отозвался Кострицынъ.—Въ ней символически изображены всѣ немощи и упованія теперешняго культурнаго человѣчества... Но позвольте кончить... Пустынникъ понялъ, что ни одинъ изъ этихъ высшихъ представителей рода людского не заслуживаетъ состраданія. Все, что̀ онъ можетъ для нихъ сдѣлать, это—пригласить ихъ поужинать въ свою пещеру и предложить имъ ночлегъ. И тутъ они себя показали: когда хорошенько выпили и закусили, то стали хохотать, пѣть шансонетки и разсказывать скабрёзныя исторіи, и только-что отъ нихъ отвернется Пустынникъ, они сейчасъ же всѣ бухъ передъ осломъ,

котораго привели два Властителя, и преклоняются передъ нимъ, какъ передъ идоломъ.

— Ха, ха!—вырвался смѣхъ у одного изъ студентовъ.

— Развѣ это не мѣтко и не ядовито, и не глубоко-безнадежно? Но нашъ несчастный нѣмецъ пошелъ дальше и успѣлъ набросить нѣсколько главъ новой посмертной книги подъ заглавіемъ: „Обезцѣненіе всѣхъ цѣнностей“, т.-е. доказательство, что вся жизнь, вся вселенная—пуфъ и не стоитъ мѣднаго пятака, что *ничего нѣтъ*. Дальше нигилизмъ уже не пошелъ въ концѣ девятнадцатаго вѣка. Эти главы — *посмертныя* главы нашего нѣмца, ибо онъ умеръ душой: онъ теперь—умалишенный.

По всему тѣлу Лыжина пробѣжала струя внутренней дрожи.

Кострицынъ точно почуялъ это и продолжалъ тише:

— Жутко вамъ, господа? Не правда ли? Тутъ мозгъ человѣка, маленькій ὀрганъ, доразвившійся до извѣстной, хоть и изумительно-тонкой стадіи, возмнилъ нѣчто дерзновенное: рѣшать безповоротно общую *нѣтовщину*, въ родѣ нашихъ изувѣровъ раскольниковъ, когда они жгли сами себя на кострахъ и вопили: „Нѣсть на свѣтѣ правды, нѣсть!“ — „Лесть одна на свѣтѣ— лесть!“

— Таковы выводы страждущей души дѣтей нашего вѣка,— началъ-было князь.

— Погодите... Какого еще вамъ отрицателя и проповѣдника всеобщаго отчаянія, какъ нашъ злополучный нѣмецъ,—но вѣдь и въ его притчѣ конецъ совсѣмъ не такой. Кого ждетъ его мудрецъ, который называется у него курьезнымъ восточнымъ именемъ,—кого? Вы не забыли?

— Того, какъ вы его назвали?..— подсказалъ Шипилинъ.

— Сверхъ-человѣка.

— По-каковски это, Иванъ Кузьмичъ?

— По-нѣмецки Ueber-Mensch. Какъ же перевести? Сверхъчеловѣкъ. И пустынникъ, отказавъ въ состраданіи и даже сочувствіи девяти образцовымъ людямъ, сталъ все такъ же страстно ждать *новаго человѣка*. И до сихъ поръ ждетъ его... Чтὸ онъ принесетъ съ собою?—Истину... Правда, нашъ нѣмецъ, послѣ своей притчи, досказалъ нѣчто горькое и про это явленіе новаго человѣка, воплощающаго истину. Она промолвила ему одно слово: „Несчастный“. Нужды нѣтъ, она все-таки явилась и не ея дѣло—кормить насъ райскими яблоками.

Кострицынъ смолкъ.

Всѣ съ минуту молчали.

— Притча, признаюсь! — первый отозвался Шипилинъ и, присаживаясь къ самовару, сказалъ:

— Нашимъ гостямъ—съ вьюги—чаю хочется?.. Я сейчасъ налью.

Кострицынъ сидѣлъ въ той же позѣ досужаго сказочника, уперевъ ладони рукъ въ колѣни и посматривая на всѣхъ своими искристыми, узкими глазками.

Слушая его притчу, Лыжинъ никого еще изъ студентовъ не разглядѣлъ въ отдѣльности, кромѣ Шипилина и хозяина квартиры.

Тутъ было человѣкъ до двѣнадцати—почти всѣ въ форменныхъ сюртукахъ или въ короткихъ сѣрыхъ пальто.

Двѣ наружности привлекли его раньше остальныхъ — сначала: уже на возрастѣ студентъ, въ „тужуркѣ", съ густой русой бородой и румянымъ, довольно строгимъ лицомъ.

Это былъ первый другъ Шипилина—Владиміръ Мечъ. Онъ курилъ и стоялъ у печки, и когда слушалъ Кострицына, то часто поднималъ брови, наклоняя своеобразнымъ жестомъ свою большую и красивую голову.

Другой—не смотрѣлъ студентомъ; скорѣе—поступающимъ въ университетъ семинаристомъ — въ штатскомъ сюртукѣ, на-распашку, бородатый, кудрявый, съ крестьянскимъ лицомъ. Онъ постоянно двигался въ своемъ углу, подходилъ къ самовару, подливалъ себѣ чаю и встряхивалъ волосами.

— Какое же, позвольте освѣдомиться, толкованіе слѣдуетъ дать этой притчѣ? — громко, волжскимъ говоромъ на „онъ", спросилъ онъ, разводя руками.

Онъ всталъ противъ Кострицына—по ту сторону круглаго чайнаго стола.

— Это — символическое изображеніе того, какъ мыслящій человѣкъ конца вѣка извѣрился въ людишекъ; какъ онъ, сохраняя свой идеалъ, отрицаетъ всѣ виды того дряблаго морализма, до котораго доработались руководители человѣчества.

Кострицынъ остановился и хлебнулъ изъ стакана.

Начало его рѣчи показалось Лыжину недостаточно яснымъ.

— Позвольте!—голосъ князя загремѣлъ, какъ труба. — Во-первыхъ—имя этого нѣмца?

— Nomina sunt odiosa, князь!—отвѣтилъ, вставая, Кострицынъ.—Будемъ обсуждать идеи, а не имена.

XXVIII.

— Будемъ!..— согласился князь и присѣлъ къ столу.

Глаза многихъ студентовъ заиграли. Кострицынъ обѣщалъ имъ добыть „чистокровнаго гегельянца“, въ нѣкоторомъ родѣ ископаемаго „плезіозавра“ діалектики. Схватка можетъ выйти перворазрядная — та „пря“, безъ которой Иванъ Кузьмичъ не могъ провести недѣли.

Князь зналъ его очень мало и, кромѣ того утра, когда Кострицынъ съ Лыжинымъ навѣстилъ его въ деревнѣ, не имѣлъ еще съ нимъ никакого разговора, гдѣ бы „амплитуда“ его идей и пріемовъ діалектики развернулась передъ нимъ.

Но онъ зачуялъ уже по этой притчѣ, взятой у какого-то полубезумнаго нѣмца, нѣчто, уничтожающее его „этику“ и „феноменологію“ духа... Кострицынъ, видимо, сочувствовалъ этому отрицателю — ненавистнику человѣка, подрывающему, повидимому, самыя основы морали, которыя для него были утверждены не на легендарныхъ китахъ, а на предпосылкахъ основныхъ положеній его безсмертнаго учителя.

Отъ присутствія цѣлаго кружка молодежи у князя заиграло въ груди. Ему хотѣлось присмотрѣться къ студентамъ, „войти въ общеніе“ со складомъ ихъ идей, того, что̀ они считаютъ теперь абсолютами мышленія. Многаго онъ не ждалъ. Ему давно уже сдавалось, что нѣтъ у нынѣшнихъ молодыхъ людей никакого философскаго завѣта; что съ непочтительнымъ отношеніемъ къ идеализму и діалектикѣ, которое водворили ограниченные „научники“—до сихъ поръ ему ненавистные и обокравшіе, по его мнѣнію, Гегеля — разлилось полное безпринципіе, грубый скептицизмъ, то, что̀ зубоскалы прозвали сами „неуважай-корытствомъ“.

Но, кажется, въ самые послѣдніе года всплываютъ признаки чего-то иного. Діалектика опять пробивается въ новыхъ почитателяхъ великаго кенигсбергскаго профессора, предтечи его учителя.

Тѣнь его, навѣрно, затрепещетъ тамъ, въ области духовъ, отъ скитской „нѣтовщины“, которой уже угостилъ ихъ этотъ Кострицынъ. Но надо сейчасъ же припереть его къ стѣнѣ и потребовать у него „вѣрительныхъ грамотъ“. Кто же онъ самъ? Держится ли какихъ-либо общихъ безусловныхъ началъ, которыя одни лишь и способны утвердить лучезарное тріединство: *истины*, *добра* и *красоты*?

Почти тѣ же вопросы захватили и Лыжина.

Давно ему не случалось попадать на такой турниръ. Отъ студенчества онъ тоже отсталъ. Идеи и упованія учащейся молодежи какъ-то ушли отъ него, заслонились въ послѣдніе годы личными исканіями. Но и онъ, какъ и князь Иларіонъ, считалъ поколѣнія недавнихъ лѣтъ захваченными, въ массѣ, духомъ житейскаго позитивизма. По теперешнему его настроенію ему пріятно было бы видѣть въ мыслящихъ „юнцахъ" бо́льшую смѣлость, желаніе добираться до всего своимъ умомъ, меньше того стаднаго увлеченія „послѣдними словами" науки или полуизувѣрскимъ идеаломъ „зипуна".

Но еще сильнѣе заинтересованъ былъ онъ: чѣмъ же выкажетъ себя его новый другъ, Кострицынъ,—на какихъ „устояхъ" основалъ онъ свое пониманіе жизни? Лыжинъ уже предвидѣлъ, что схватка произойдетъ въ области того, что̀ такое *добро*, *долгъ*, понятіе *вины* и нравственнаго *совершенства*.

Въ „амбарномъ Сократѣ" прельщало его освобожденіе отъ всякихъ кличекъ и лозунговъ, при внутренней порядочности, которую Лыжинъ чувствовалъ въ немъ даже когда онъ поддерживаетъ „изъ принципа" охранительныя замашки своего хозяина или разражается противъ племени, принесшаго, по его теоріи, въ свѣтлый античный міръ свою злобу, месть и безумное самомнѣніе „избраннаго" народа.

Изъ студентовъ трое въ особенности оживились: Шипилинъ, его другъ Мечъ и тотъ—видомъ семинаристъ—что̀ говорилъ на „онъ" и одѣтъ былъ въ штатское.

Тотъ даже подошелъ къ стулу, гдѣ сидѣлъ Кострицынъ, и уперся обѣими руками на спинку.

Студентъ Мечъ, не проронившій ни слова, прислонился къ изразцовой печкѣ и курилъ. Его глубокіе и блестящіе глаза уставились на библейской головѣ князя съ гораздо бо́льшей симпатіей, чѣмъ у остальныхъ молодыхъ людей. Шипилинъ зналъ впередъ, что Иванъ Кузьмичъ побьетъ „плезіозавра" діалектики. Онъ метафизику не уважалъ и считалъ Кострицына „здоровымъ скептикомъ", хотя и не зналъ въ подробностяхъ—въ чемъ „суть" его пониманія жизни и ея задачъ.

Для него „пря" обѣщала быть болѣе занимательной, чѣмъ цѣнной для своего собственнаго „нутра", въ смыслѣ символа вѣры.

— Позвольте васъ спросить,—началъ, откашлявшись, князь, —если вамъ не угодно назвать автора вашей „притчи", на какой почвѣ возможенъ между нами обмѣнъ положеній—считаете

ли вы себя съ нимъ солидарнымъ и въ чемъ состоятъ первоосновы его—въ данномъ случаѣ—этическаго жизнеразумѣнія?

Послѣдняя фраза заставила нѣкоторыхъ студентовъ переглянуться со сдержанной усмѣшкой.

— Автора притчи,—хлестко, безъ запинки отвѣчалъ Кострицынъ, — мы оставимъ въ покоѣ. Но я лично солидаренъ, какъ онъ, съ тѣми, кто не желаетъ повторять „буки-азъ—ба“, старыхъ прибаутокъ, взятыхъ изъ мистическихъ преданій и метафизическихъ абсолютовъ, и идутъ въ самый корень идеи добра, долга и нравственнаго совершенства, съ тѣми, кто отрицаетъ обязательность и даже реальную допустимость пресловутаго *категорическаго императива.*

Глазки Кострицына заискрились и круглыя щеки блестѣли отъ румянца.

Въ комнатѣ сдѣлалось очень тепло.

— Вотъ оно куда!—вмѣсто князя, только тряхнувшаго головой, пустилъ искренней и звонкой нотой кудрявый волжанинъ.—Значитъ, это—tabula rasa, въ замѣну всякой морали?—спросилъ онъ весело, но сильно, искреннимъ и молодымъ звукомъ.

— Дезидеріевъ!—авторитетно остановилъ его Шипилинъ. — Слова тебѣ никто не давалъ. Закрой фонтанъ!

Два-три человѣка фыркнули.

— Извините,—отозвался князь, оглядываясь на семинариста: — я очень радъ, что господинъ студентъ поставилъ вопросъ такъ опредѣленно!..—И, повернувъ голову къ Кострицыну, онъ продолжалъ:

— Слѣдственно, вы являетесь защитникомъ какой-то, какъ вы сами изволили выразиться, „нѣтовщины“?

— Comparaison n'est pas raison! — возразилъ, усмѣхаясь, Кострицынъ, и Лыжинъ въ первый разъ услыхалъ, что у него хорошее произношеніе. — Я употребилъ эту метафору только приблизительно. Но я ставлю сначала такія предпосылки...

Онъ отхлебнулъ изъ стакана и, сложивъ на груди руки, точно читая по печатному, въ видѣ отдѣльныхъ тирадъ началъ ставить свои предпосылки:

— Прежде всего, зло, наравнѣ съ такъ называемымъ благомъ, въ высшей степени полезно для развитія человѣка—я говорю человѣка, отдѣльнаго „я“, въ которомъ вся суть и смыслъ жизни; а не общества—терминъ, годящійся только для передовицъ нашихъ газетъ.

— Ловко!—крикнулъ Шипилинъ.

— И дальше-съ?—совсѣмъ уже барской, чопорной интонаціей выговорилъ князь.

— Поэтому, обязательный альтруизмъ, передъ которымъ всѣ пляшутъ—и притомъ лживо и лицемѣрно,—есть могила личности, устраненіе ея, обезличеніе, во имя какой-то муштры, гдѣ погибаютъ лучшія дарованія человѣка.

— Далѣе-съ?—напряженно сдерживаясь, подталкивалъ князь.

— Чтò сидитъ въ обществѣ, въ этомъ вышколенномъ человѣческомъ стадѣ? Не злобность, не яркій порокъ, не разрушительные инстинкты, а страхъ, гнусный страхъ—какъ бы могучая индивидуальность не захватила его врасплохъ.

— Это вѣрно, — про себя, чуть слышно, выговорилъ Метъ и отошелъ въ уголъ, за печку.

— И вотъ этотъ-то страхъ — главный источникъ ходячей, патентованной морали. Ничто больше,—по крайней мѣрѣ, для массы и для тѣхъ мандариновъ, которые муштруютъ ее по своему образцу. Страхъ поддерживаетъ понятіе вины и грѣха— этихъ ядовитыхъ снадобій, отравляющихъ жизнь на землѣ. А вина и грѣхъ — происхожденія самаго простого, матеріальнаго: вышли изъ оцѣнки убытка, изъ требованія денежной пени. Противъ этого, если здѣсь есть господа-юристы—трудно спорить.

— Я—кандидатъ правъ, — отозвался Лыжинъ, — но самый плохой!

— Потому и менѣе зараженъ,—весело замѣтилъ ему Кострицынъ.

— Вы изволили кончить?—спросилъ князь.

— Ха, ха! Далеко нѣтъ. Стадная безопасность—вотъ вашъ пресловутый императивъ. И всѣ, кто думаетъ, какъ я, многогрѣшный, желаютъ одного: чтобы настала для человѣка день, когда онъ ничего не будетъ бояться.

— Вотъ благодать-то будетъ! — не выдержалъ Шипилинъ.

— Въ пустыню надо тогда бѣжать! — прибавилъ кудрявый Дезидеріевъ и оглянулъ товарищей въ обѣ стороны.

— Не надо никакой пустыни! — возбужденно подхватилъ Кострицынъ, видимо увлеченный ходомъ своихъ мыслей.—Вся ходячая мораль—первобытная и философская—отзывается стадомъ, торжествомъ посредственности. Шаблонъ и форменный аршинъ—вотъ ея мѣрила.

— Извините, — перебилъ князь, какъ бы въ скобкахъ: — это—общее мѣсто всякихъ сѣтованій.

— Никакъ нѣтъ, князь!—порѣзче возразилъ Кострицынъ.— Всѣ такія сѣтованія идутъ изъ того стараго, гнилого источника...

изъ разныхъ абсолютовъ, прикрывающихъ страхъ и ненависть людского стада къ личности, къ ея „са́мости“, если вамъ угодно, терминъ, когда-то бывшій у насъ въ ходу.

— Историческій культъ великихъ людей противорѣчитъ этому,—отозвался Лыжинъ. Мысль напросилась ему тутъ же.

— Вовсе нѣтъ, другъ Юрій Петровичъ,—ласково отвѣтилъ ему Кострицынъ.—Великихъ людей стадное человѣчество выносило, когда они бросали ему подачку, пускали ему пыль въ глаза; но мандарины и представители мудрости—въ данный моментъ—всегда были имъ враждебны, строили ковы и радовались ихъ паденію... И вотъ,—заговорилъ онъ стремительно,—я ставлю категорическій вопросъ: гдѣ—вокругъ насъ—человѣкъ, и какъ типъ, и какъ отдѣльная личность, который бы служилъ оправданіемъ такъ называемаго культурнаго человѣчества? Гдѣ? Дрессировка превратила его въ карлика! Смягченіе нравовъ, дисциплина, гуманность — все это слюняйство, вырожденіе, похожее на то, какъ изъ злобнаго волкодава мы дѣлаемъ комнатную собаку, лизоблюда, и восхищаемся дѣломъ рукъ своихъ! И до тѣхъ поръ—всѣ наши прописи не будутъ стоить и мѣднаго гроша, пока мы не убѣдимся, что личность, ея расцвѣтъ, ея мощь и смѣлость, даже дерзость — конецъ и цѣль всего сущаго. Теперь же, въ наше безвременье, когда души обезсилены и мозги развращены трусостью и идіотскимъ повтореніемъ задовъ, каждый изъ насъ имѣетъ право создавать себѣ свой кодексъ, мы сами себѣ владыки, мы сами производимъ опыты за́ново и творимъ жизнь безъ прописей и пугалъ!...

XXIX.

Князь Иларіонъ началъ ерошить свою гриву и нѣсколько разъ порывался возражать.

Но Кострицынъ разошелся и его трудно было остановить.

— Вы всѣ, господа,—обратился онъ къ молодежи,—воспитаны на томъ, что за бѣдненькихъ и забитенькихъ надо полагать свои животы.

— А то какъ же?—спросилъ Дезидеріевъ, разводя своими широкими ладонями.

И Лыжинъ поглядѣлъ съ недоумѣніемъ на пріятеля.

„Ужъ не очень ли Иванъ Кузьмичъ пустилъ густо?“ подумалъ онъ.

— Вся фальшь ходячей морали та, что она возится съ

болью, страданіемъ и ихъ антиподами—удовольствіемъ и наслажденіемъ. Такая основа—самая тлетворная!

У кого-то вырвалось восклицаніе.

— Я вамъ сейчасъ покажу это. Удовольствіе и страданіе—только признаки, показатели. Сами по себѣ они—ничто. Боль нехороша—только когда она безсмысленна. Но когда надо перейти черезъ страданіе, чтобы дать ходъ своей личности, подняться на высшую ступень развитія, тогда страданіе въ разсчетъ нейдетъ. Отъ васъ же требуютъ—постоянно копаться въ самыхъ жалкихъ немощахъ человѣка. Въ каждомъ изъ насъ, господа, сидитъ одновременно тварь и творецъ. Тварь ноетъ и плачетъ, клянчитъ и выставляетъ на показъ болячки, прося милостыни... И вмѣсто того, чтобы идти къ освобожденію себя самихъ отъ твари, мы только съ нею и носимся, на нее и полагаемъ душу! И добро бы еще на могучую тварь, полную хищныхъ, здоровыхъ позывовъ, а то на самую дрянную, разслабленную гуманной культурой. А разъ цѣль нашего бытія на землѣ не можетъ быть ничто иное, какъ возвышеніе—въ каждомъ изъ насъ—творца надъ тварью, ибо человѣкъ самъ себѣ цѣль и ни у кого и ни у чего не обязанъ просить позволенія думать и чувствовать такъ, а не иначе, то изъ этого прямо вытекаетъ, что самое великое дѣло—въ молодыхъ лѣтахъ дать заказъ характеру—стать самимъ собою и въ самомъ себѣ найти смыслъ и удовлетвореніе. Единой же спасительной морали нѣтъ и быть не можетъ! Если ты, по натурѣ, злобенъ, то честнѣе быть злобнымъ, чѣмъ фальшиво или по доброй волѣ стукать лбомъ передъ прописями, годными только для уроковъ чистописанія. И когда личность освободитъ себя отъ какихъ бы то ни было цѣпей, тогда только творческая основа и возьметъ въ ней верхъ надъ тварью. Этого нельзя достигнуть, не преодолѣвъ самого себя.

— Позвольте!—громовымъ голосомъ пустилъ князь и всталъ во весь ростъ.—Вся эта доктрина—не что̀ иное, какъ перифраза древняго стоицизма.

— Ни мало!—неудержимо продолжалъ Кострицынъ, и тоже поднялся. — Маркъ Аврелій былъ изувѣръ обязательной терпимости. Онъ всѣхъ оправдывалъ и ставилъ себѣ въ священный долгъ: исполнять тысячу нелѣпыхъ обязанностей, вмѣсто того, чтобы творчески развивать свою душу, хоть и носился съ своимъ философскимъ превосходствомъ. Вы меня совсѣмъ не поняли! Стоики—вотъ это были защитники раскольничьей нѣтовщины. Для нихъ не было ничего новаго ни въ природѣ, ни въ исторіи; они повторяли, какъ фанатики ѳедосѣевцы, что все тлѣнъ и

прахъ и не стоитъ личныхъ усилій. Развѣ я тѣ развивалъ, господа?—спросилъ Кострицынъ, обернувшись къ дивану, на которомъ сидѣло нѣсколько студентовъ. — Только тѣ эпохи и двигали впередъ человѣка, когда личность жила во всю, кусалась, дралась, производила насилія, не знала никакого другого закона, кромѣ своего творческаго „я".

— Этакъ, однако, и до Ивана Грознаго дойдешь!—возразилъ кто-то изъ студентовъ.

— До чего бы ни дойти—только бы жизнь била ключомъ и только бы сдать въ архивъ прописную мораль и ея родного братца: признаніе равенства человѣческихъ личностей.

— Ого!..—пустилъ Дезидеріевъ.—И равенство отвергаете?

— Отвергаю,—настойчиво отвѣтилъ Кострицынъ.—Его нѣтъ въ природѣ, нѣтъ ни въ чемъ, что развивается. Въ избранникахъ человѣчества только и находимъ мы оправданіе его жизни на землѣ. А гдѣ избранники—тамъ и различіе, обособленіе, каста, если вамъ угодно. Безъ іерархіи немыслимо ничто живое. И торжество гнилого принципа—всеобщаго уравненія—будетъ концомъ всякой справедливости, смѣшеніемъ въ одной безобразной кучѣ—глупыхъ и умныхъ, калѣкъ и бойцовъ, геніевъ и жалкой бездарности, красоты и уродства. Поэтому-то и безуміе—дѣлать генія орудіемъ массы и ставить высшей цѣлью усилій избранниковъ: пошлое благополучіе стада, которое само не въ силахъ даже, безъ указки, пережевывать свою жвачку!

Кострицынъ перевелъ духъ, отошелъ къ печкѣ и вскричалъ:

— Dixi et animam laevavi!

Студенты, сидѣвшіе на диванѣ, задвигались и вполголоса заговорили. Шипилинъ подошелъ къ Кострицыну и спросилъ:

— Теперь за княземъ слово, Иванъ Кузьмичъ?

— Съ удовольствіемъ уступаю... Вѣроятно, и изъ васъ найдутся оппоненты.

— Еще бы!—отозвался Дезидеріевъ.—Только надо собраться съ мозгомъ. А то вы, какъ обухомъ, ошеломили насъ.

Всѣ почти разсмѣялись. Лыжинъ внимательно смотрѣлъ на студентовъ. Ему многія мысли пріятеля были по сердцу—въ теперешнемъ его настроеніи... И въ немъ, однако, зашевелился протестъ, когда Кострицынъ сталъ рвать въ клочки всѣ „прописи". Но въ послѣднихъ словахъ онъ опять услышалъ нѣчто такое же, какъ и въ остротѣ заграничнаго шестидесятника насчетъ тѣхъ, кто стукаетъ лбомъ передъ сермягой.

Князь не садился. Онъ закинулъ голову назадъ и послѣ небольшой паузы началъ тихо и вдумчиво:

— Во всемъ, чтò вы говорили на тему этики, я не вижу никакихъ основныхъ, ни абсолютныхъ, ни даже эмпирическихъ началъ. На чемъ все это держится? На какой-то ограниченной антропологіи? Вы возстаете противъ человѣческой твари, а ее-то и сажаете въ красный уголъ избы.

Кострицынъ отрицательно мотнулъ головой, но отъ возраженія воздержался.

Не разбивая положеній своего противника по пунктамъ, князь сейчасъ же—точно какимъ полетомъ воздушнаго шара—очутился на высотахъ своего мышленія.

Говорилъ онъ сначала сдержанно и хриповато, потомъ голосъ его получалъ все бóльшій размахъ, и слова полились рѣкой, съ характерными переливами и возвышеніями голоса.

Студенты слушали его съ особымъ чувствомъ. Онъ для нихъ былъ „плезіозавръ" и не могъ говорить иначе, какъ старомоднымъ языкомъ школы. Убѣжденность его была красива и располагала ихъ къ себѣ, но головы большинства не разгорались. Скорѣе въ груди—нѣтъ-нѣтъ да пріятно ёкнетъ отъ сочетанія фразъ, отъ полета великодушной мысли, согрѣтой вѣрой въ безусловную истину основныхъ положеній.

Вотъ эту-то безусловность никто изъ нихъ и не могъ признавать безъ возраженій. И тѣ, кто слушалъ лекціи, гдѣ „система", любезная сердцу старика, разбиралась какъ моментъ въ исторіи мышленія, давно сданный въ архивъ, такъ и тѣ, кто мало зналъ по этой части, но не могъ и не хотѣлъ поступаться выводами науки и привыкъ употреблять слово „метафизика" въ насмѣшливомъ тонѣ.

Трудно было и Лыжину—болѣе спокойному и постарше ихъ почти на два десятка лѣтъ—прослѣдить логическое сцѣпленіе идей и положеній въ рѣчи князя. Онъ отвѣчалъ не Кострицыну, а цѣлому стану противниковъ системы его безсмертнаго учителя. Долгіе годы онъ не имѣлъ случая пустить „во всю" самыя дорогія для него истины, обратившіяся для него въ изреченія, высѣченныя въ мраморѣ.

Даже Кострицынъ, улыбаясь въ усы, слушалъ его съ нѣкоторымъ художественнымъ удовольствіемъ и давно рѣшилъ, что возражать онъ ему не будетъ. Его дѣло сдѣлано. Онъ пустилъ „брандера" въ умы всей этой молодежи, и если кто-нибудь изъ нихъ будетъ задѣтъ его походомъ противъ морали вырождающагося человѣчества—больше ему ничего не нужно.

— Да, господа!—побѣдоносно провозгласилъ князь, широко взмахнувъ обѣими руками.—Мы не утратили нашего завѣта, хотя

бы насъ, во всей Европѣ, осталось полдюжины. Нашъ основной догматъ тотъ, что *идея*—начало всѣхъ вещей, и она была показана такой, какова она есть, въ своемъ вѣчномъ, абсолютномъ бытіи, нашимъ геніальнымъ учителемъ—голосъ его дрогнулъ на этомъ словѣ.—Слѣдственно—говорю я—исторія человѣчества и всего міра—науки, искусства, всего,—каково бы ни было ихъ развитіе—эволюція, по модному—и всѣ многоразличныя формы ихъ—не могутъ быть и двигаться внѣ этой идеи!

Онъ сдѣлалъ два шага къ Кострицыну и уперъ въ воздухъ оба кулака:

— Свобода и расцвѣтъ личности! говорите вы, государь мой, какъ единственная самодовлѣющая цѣль нашего бытія?.. Но коль скоро идея—главный источникъ этого бытія, а совмѣстно съ тѣмъ и правды, и добра—она тѣмъ самымъ—источникъ свободы. И чѣмъ выше поднимется человѣкъ въ сферу идей, тѣмъ онъ свободнѣе!

Лыжинъ сидѣлъ, закрывъ глаза, и ему показалось, что онъ опять въ избѣ князя Иларіона, когда они пріѣхали къ нему съ Кострицынымъ.

Тотъ же голосъ, точно труба, тѣ же истины и тѣ же, кажется, выраженія, или очень близкія.

„Старина повторяется и не можетъ не повторяться",—подумалъ онъ, и ему захотѣлось, чтобы князь пустилъ что-нибудь болѣе сильное и неожиданное.

— Вы хотите обойтись безъ высшаго вдохновенія всего сущаго, га, га!—загоготалъ онъ, точно травилъ краснаго звѣря по первой порошѣ.—Но что̀ такое Богъ? Не тотъ личный, котораго мы нечестиво надѣляемъ своими свойствами,—а тотъ, недосягаемый и вездѣсущій? Онъ есть мысль мысли.

— Вотъ такъ формула!—вставилъ Кострицынъ.

— Не я ее сочинилъ, государь мой! Аристотель такъ выразился. За это я отвѣчаю, хотя и не могу сказать—гдѣ именно. Идея идеи!—повторилъ онъ.—Небытію противопоставлено бытіе, путемъ становленія. Великій тройственный ходъ всего сущаго! И когда духъ вашъ, господа, проникнется этой истиной—вы застрахованы отъ шатаній мысли. Вы достигнете амплитуды вашей человѣческой личности!..

На этомъ словѣ, дорогомъ Кострицыну, князь смолкъ и опустился въ кресло.

XXX.

Въ дешевомъ ресторанѣ, въ началѣ Пушкинскаго бульвара, засидѣлись пятеро студентовъ, послѣ вечеринки, гдѣ происходило состязаніе Кострицына съ княземъ.

Тутъ были Шипилинъ, Мечъ, Дезидеріевъ и еще двое изъ тѣхъ, что занимали мѣста на диванѣ, во время и послѣ схватки, и въ преніяхъ участія не принимали.

Князь удалился раньше всѣхъ, сказавъ на прощанье:

— Друзья мои! На шаткомъ грунтѣ строите вы весь нынѣшній храмъ истины. Она не познается путемъ возмущенія нашего ограниченнаго „я".

Кострицынъ больше не сталъ ему возражать и уѣхалъ вмѣстѣ съ Лыжинымъ. Они отправились ужинать въ „Эрмитажъ".

Послѣдній возгласъ князя, произнесенный теплыми нотами, остался у всѣхъ въ памяти. Когда трое „стариковъ" —такъ студенты называли, про себя, даже Лыжина съ Кострицынымъ— уѣхали, хозяинъ квартиры послалъ за пивомъ, и они еще съ добрый часъ просидѣли. Оживленнаго спора что-то не вышло. Разговоромъ, какъ почти всегда, овладѣлъ Шипилинъ. Онъ хотѣлъ выяснить остальнымъ: можно ли то̀, что̀ Иванъ Кузьмичъ говорилъ о прописной и ходячей морали, согласить съ научнымъ принципомъ,—и показать, что можно. Но самъ ли Кострицынъ все это надумалъ или вычиталъ цѣликомъ у того нѣмца, который сочинилъ притчу, разсказанную имъ въ началѣ вечера, до появленія князя съ Лыжинымъ?

Это его немного стѣсняло. Ему бы хотѣлось знать это навѣрно. Останься съ нимъ Иванъ Кузьмичъ по уходѣ князя—онъ бы допросилъ его. Его натурѣ, пытливой головѣ и смѣлому характеру нравилась эта постановка идеала и смысла жизни, исключительно въ расцвѣтѣ своего „я", безъ преклоненія передъ тѣмъ, что̀ принято признавать добромъ и высшимъ долгомъ.

Въ такомъ духѣ началась бесѣда и въ ресторанѣ, куда всѣ пятеро—имъ почти было по дорогѣ—зашли „на огонекъ", хотя оставалось немного времени до закрытія.

Ихъ пустили, но буфетчикъ предупредилъ, что въ два часа будутъ тушить лампы. Они ушли въ дальнюю комнату, съ окнами на дворъ, и спросили себѣ закусить и три бутылки пива.

За ѣдой бесѣда перешла сейчасъ же въ горячій споръ.

— Нѣтъ, братъ!—встряхивая своей косматой головой, заговорилъ Дезидеріевъ, тыча вилкой въ воздухъ—онъ сидѣлъ противъ

Шипилина,—ты напрасно увлекаешься такимъ презорствомъ личности.

— Какъ?—смѣшливо переспросилъ одинъ изъ двухъ остальныхъ студентовъ.

— Презѳрство!—повторилъ Дезидеріевъ и отправилъ въ ротъ кусокъ ветчины.—Хорошее слово. Вѣдь мы знаемъ такую проповѣдь, въ другомъ только одѣяніи. Это—этическій анархизмъ. Какъ Иванъ Кузьмичъ самъ обмолвился—раскольничья нѣтовщина.

— Вздоръ!—обрѣзалъ его Шипилинъ.—Вздоръ говоришь, Елисей!—Дезидеріева звали Елисеемъ.—Напротивъ, это—самое положительное ученіе. Личность утверждается имъ побѣдоносно. Она не уходитъ въ какую-нибудь нирвану, не томится по всеобщемъ уничтоженіи—нѣтъ, а гордо поднимаетъ голову и заявляетъ, что въ ней—и только въ ней—весь смыслъ и цѣль жизни.

Шипилинъ необыкновенно быстро схватывалъ то, что онъ слышалъ, хотя бы въ первый разъ, и проникался этимъ, точно онъ самъ—творецъ извѣстной системы или ученія.

— Знаю, братъ,—остановилъ его не сдававшійся семинаристъ:—ты на діалектику мастакъ и сейчасъ все это себѣ пріурочишь—въ отличномъ видѣ, но ты вникни хорошенько въ самую суть такой проповѣди. Къ чему она поведетъ?

— Именно!—отозвался Мечъ и значительно поглядѣлъ на Шипилина.

Онъ и въ квартирѣ студента Туманскаго нѣсколькими короткими замѣчаніями далъ понять, что Кострицынъ его далеко не убѣдилъ.

Спорить съ нимъ Шипилину не хотѣлось. Онъ очень уважалъ его характеръ, но считалъ слишкомъ „прямолинейнымъ".

— Положимъ,—продолжалъ Дезидеріевъ, все сильнѣе напирая на „онъ", — положимъ, тотъ старый сіятельный гегельянецъ уже обросъ мхомъ. Рѣчь у него отшибаетъ тридцатыми годами; но развѣ, братцы, въ его убѣжденности нѣтъ чего-то достолюбезнаго? Имѣемъ ли мы резонъ смотрѣть съ кандачка на гегельянство, коли мы знаемъ, что изъ его рядовъ вышли такія головы, передъ которыми ты первый шапку ломишь?

— Еще бы!—подтвердилъ Мечъ:—Фейербахъ...

— Знаю! — крикнулъ Шипилинъ.—И Лассаль, и Марксъ, и Прудонъ, и наши всѣ столбы россійскаго свободомыслія. Да вѣдь не о томъ идетъ рѣчь, господа, — поймите вы это. Князь — типъ уже ископаемый, очень курьезный и даже достолюбезный. Я про него кое-что знаю. Душа у него—превосходная, и онъ давнымъ

давно на дѣлѣ показалъ, что любитъ меньшую братію и надѣлилъ ее своимъ достаткомъ по-царски. Но не въ томъ дѣло! Князь сегодня изображалъ собою хоръ старцевъ, поющихъ нѣчто архаическое, въ родѣ вѣры древнихъ въ рокъ, въ греческое „ананкè". Иванъ Кузьмичъ приподнесъ намъ его — въ видѣ гегельянской антиноміи. Но суть-то—въ самой моральной ереси, которая васъ, кажется, болѣе коробитъ, чѣмъ бы слѣдовало, если вы хотите давать смѣлый ходъ мысли.

— Коробитъ. Это точно!—подхватилъ Дезидеріевъ.—Всякій звѣрь, гасильникъ, извергъ естества — такъ сказать — будетъ, по своему, правъ... Первый—Неронъ!

— Онъ былъ психопатъ!—возразилъ Шипилинъ.

— Ты мнѣ этого доподлинно не докажешь. По своему—въ его гнусностяхъ была логика, именно логика личности, которая ничего, кромѣ себя, не знаетъ. У него былъ идеалъ—идеалъ великаго артиста и тонкаго сладострастника. Пускай пылаетъ Римъ —для меня это нарочитое зрѣлище, и я буду стоять на балконѣ и пѣть гимнъ пожару, ибо я поэтъ и артистъ и выше своего эстетическаго *я* ничего признавать не хочу. Онъ вѣрилъ въ себя какъ въ великаго артиста—иначе бы, бросаясь на мечъ, не крикнулъ: qualis artifex pereo!

— Дезидеріевъ! Этотъ примѣръ хорошъ для второклассниковъ.

— Выбери лучше. Ихъ не мало! Ты только раскуси такой возгласъ великаго изверга, и въ минуту смерти... У него совѣсть чиста. Онъ оплакиваетъ въ себѣ тенора, или тамъ баритона, что-ли... шутъ его знаетъ, какой у него былъ голосъ!

Шипилинъ хотѣлъ-было пустить, какъ ракету, уже готовое возраженіе; но Мечъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, взялъ его за руку.

— Погоди, Николай,—выговорилъ онъ вдумчиво и строго:— Дезидеріевъ сто разъ правъ. Ты только оглянись и всмотрись въ то, что̀ теперь дѣлается. Полюбуйся на развалъ всякихъ инстинктовъ.

— Въ нихъ, въ этихъ инстинктахъ, сидитъ тварь—по толкованію Ивана Кузьмича,—а не творческій духъ.

— Это вилами на водахъ писано,—отозвался также упорно Дезидеріевъ.—Кто будетъ судьей — какія во мнѣ поползновенія заиграютъ, въ данный моментъ — животненныя или духовныя? Поймите, братцы, что Кострицынъ выпалилъ: „Лучше, молъ, быть честно злобнымъ, чѣмъ стукать лбомъ передъ тѣмъ, что̀ приказано признавать идеаломъ!"

— Разумѣется!

— Ты это серьезно?—остановилъ Мечъ Шипилина.

— Архи-серьезно!

— Скольвкій путь!—все такъ же вдумчиво выговорилъ Мечъ.

Въ комнату вошелъ лакей и вполголоса сказалъ:

— Извините, господа. Заведеніе закрывать надо.

— Да вѣдь отсюда не видно на улицу?—возразилъ Шипилинъ.

— Нынче строгости большія. Никакъ невозможно. Прикажете подать счетъ?

Надо было расходиться. Они просидѣли бы до пѣтуховъ. Теперь только споръ попадалъ на жгучую почву, и Шипилинъ сбирался доказать и имъ, и себѣ, что „нѣтовщина“ Ивана Кузьмича есть, напротивъ, жизненное ученіе, за которое стоитъ вся исторія человѣчества, и наука оправдываетъ его своимъ безстрашнымъ разумѣніемъ всемірной борьбы за развитіе.

Комнаты ресторана, выходившія на бульваръ, стояли полуосвѣщенныя. Прислуга гасила лампы. Послѣдній полуночникъ — какой-то старичокъ въ военной фуражкѣ—надѣвалъ свою шинель. Кутящихъ компаній не было, и никого не привелось выводить.

Студенты кучкой вышли на бульваръ и тамъ же простились.

— Продолженіе впредь, коллега? — крикнулъ Дезидеріевъ Шипилину.

— Когда угодно!

Трое повернули къ памятнику; а Шипилинъ съ Мечемъ отправились по Бронной. Они не жили вмѣстѣ; но сегодня Шипилинъ хотѣлъ переночевать у пріятеля — далеко было тащиться домой; на извозчика у него не осталось ни одной копѣйки.

На тротуары нанесло цѣлые сугробы, и они шагали по рыхлому снѣгу, съ трудомъ высвобождая калоши. Шли они медленно. На одномъ поворотѣ Мечъ остановился и взялъ Шипилина за рукавъ пальто.

— Нѣтъ, Николай,—сказалъ онъ ему тономъ старшаго, хотя и былъ его помоложе:—нельзя вдаваться въ такое... въ такое...

Онъ искалъ слова. Говорилъ онъ туго и съ какимъ-то неуловимымъ акцентомъ. Происхожденіемъ онъ былъ сынъ русскаго и польки и уроженецъ юго-западныхъ губерній.

— Чего же бояться?—тише и скромнѣе спросилъ Шипилинъ.

— Помилуй! Такая теперь расовая вражда! И каждый патріотъ можетъ тебѣ объявить: я свое великорусское „я“ долженъ развивать всякими средствами. А потому бей, гни въ бараній рогъ, уничтожай въ другихъ расахъ все, что̀ тебѣ противно.

— Развѣ я съ ними солидаренъ, Володя?

— Можно и до солидарности дойти съ такой теоріей.

Они опять двинулись.

— Мнѣ дорога въ этомъ—свобода личности. Самоопредѣленіе.

— Смотри!—задушевнымъ звукомъ протянулъ Мечъ.—Не то что ужъ въ лагерѣ хищниковъ... и у насъ въ аудиторіяхъ забралась постыдная расовая злоба. Надо это, братъ, хоть немножко на себѣ испытать.

Шипилинъ не возражалъ и, нагнувъ голову, замедлилъ шагъ. Они поднимались вверхъ по переулку, гуськомъ.

Все уже спало. На колокольнѣ Страстного монастыря мягко пробило половину третьяго.

XXXI.

— Душка моя! Надо его поддержать. Ты съумѣешь... Право, онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Nanon говорила это, прощаясь съ Ниной. Она наклонилась надъ нею, стоя у дивана, и держала ее за обѣ руки.

— Alors... la petite?..

Жестомъ головы Нина дополнила эту фразу.

— Пойми!.. У нихъ все уже было кончено. И вовсе тутъ не отъ любви... Развѣ такія мамзели способны на любовь? А просто она провалилась на сценѣ, и ее газеты скандально разбранили.

— Ты куда же такъ торопишься?—спросила Нина, приподнимаясь.

— Въ тысячу мѣстъ! Прощай!

Звонко поцѣловались онѣ, и Нина пошла ее проводить до первой гостиной.

Она сегодня съ утра чувствуетъ себя вяло, съ легкой головной болью и не можетъ согрѣться.

— Къ намъ ты завтра — это рѣшено? И если не будетъ больше пятнадцати градусовъ, мы опять поѣдемъ на голубяхъ? А?..

— Не знаю,—оттянула Нина.

— Пожалуйста... милая!

И, подумавъ, Nanon спросила вполголоса:

— Твой мужъ не будетъ въ претензіи... если ты его съ собой обѣдать не возьмешь? Онъ вѣдь не ревнивъ?

— Не замѣчала до сихъ поръ,—какимъ-то особеннымъ тономъ выговорила Нина и потянула на себя короткую плюшевую накидку съ мѣховой опушкой.

Обидѣться за своего мужа она не расположена была. Но ей съ вечера у Козлишевой даже въ тонѣ ея пріятельницы слыша-

лись безцеремонныя ноты. Еслибъ та не пріѣхала говорить о Гольцѣ и не просила ее „поддержать его“, она бы дала ей это почувствовать.

— У Закки, кажется, есть какое-то засѣданіе... тотчасъ послѣ обѣда, и ему было бы тяжело.

— Вотъ и прекрасно... Ты сегодня до обѣда дома?

— Я не выѣду.

— Стало—мой Антоша застанетъ тебя?

— Est-ce arrangé?—спросила построже Нина.

— Онъ, навѣрно, сидитъ у Tonton. Я его пошлю.

— Съ какой стати?

Больше Нина ничего не прибавила.

— Такъ будешь?—порывисто сказала Верховцева и еще разъ поцѣловала ее.

— Хорошо, если не расхвораюсь.

— Какой вздоръ! А теперь ступай... Тамъ свѣжѣе.

Верховцева легкимъ шагомъ пошла къ лѣстницѣ. Нина замедленной походкой вернулась въ свой кабинетъ.

Ей въ самомъ дѣлѣ что-то нездоровилось. По спинѣ пробѣгали струйки дрожи. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ ея нервы развинчены—съ той ночи, когда она, у князя Иларіона, разревѣлась. И послѣ того—всю ночь не спала. На другой день ей было стыдно за себя. Старикъ хотѣлъ-было опять прочесть ей цѣлую лекцію на тему о „красотѣ“ и „свободѣ“ женщины; но она не допустила. Мужъ спросилъ ее вчера: отчего она „не похожа сама на себя“. Но приставать онъ не сталъ: она его, по этой части, достаточно воспитала, да онъ и самъ ведетъ себя всегда съ тактомъ и не позволяетъ себѣ никакихъ ненужныхъ выспрашиваній.

У себя въ домѣ ей впервые сдѣлалось прѣсно. Въ тягость и пріемы. Вчера она отдала даже приказаніе никого не принимать. И визиты ее тяготили. Идти гулять—страшный холодъ.

Свѣту было достаточно въ ея кабинетѣ: морозное солнце играло на краскахъ шолковаго панно, зарисованнаго ею. Но взяться за кисть не тянуло.

Съ книжкой въ рукахъ валялась она подъ своимъ балдахиномъ. И англійскій романъ какой-то „miss“ раздражалъ ее своей слащавой нравоучительностью.

Ничего-то не понимаютъ эти дѣвы въ страсти. У нихъ и мужчины-то—точно пряники, обмазанные сахаромъ. Разбираютъ по ниточкѣ душевныя побужденія влюбленныхъ паръ—и такъ-то это безвкусно, наивно или фальшиво!

Вернувшись къ себѣ, Нина опять взяла томикъ Таухницова изданія и стала пробѣгать страницу, гдѣ героиня, по пунктамъ, разбираетъ — имѣетъ ли она право полюбить какого-то молодого студента теологіи, который нравится ея подругѣ.

— Quelle cruche!

Она бросила книжку на диванъ.

И третьяго дня, и вчера, и особенно сегодня—она испытываетъ небывалое еще одиночество. Во всемъ этомъ домѣ съ однимъ княземъ Иларіономъ она еще чувствуетъ какую-то связь. Лучше сказать—могла бы чувствовать... Но онъ слишкомъ чудаковатъ, говоритъ Богъ знаетъ какимъ языкомъ, витаетъ въ „эмпиреяхъ", не въ состояніи понять того, чтò въ ней бродитъ.

Да она и сама больше не станетъ съ нимъ откровенничать. Такой чудакъ способенъ завести объ этомъ какой-нибудь неловкій разговоръ при мужѣ.

Она не желаетъ, прежде всего, чтобы у Захара Лукьяновича былъ хоть малѣйшій поводъ вторгаться въ ея душу.

Вотъ это-то нежеланіе и показало ей—такъ отчетливо только теперь, — до какой степени формальна ихъ супружеская жизнь. Она знаетъ, къ чему стремится онъ, какое желаетъ со временемъ занять положеніе. Въ этомъ она его тайно руководила—до сихъ поръ. Но сама-то она — развѣ она способна жить только честолюбіемъ Захара Лукьяновича? Для нея необходимо было вытянуть его въ особы четвертаго класса съ придворнымъ званіемъ. Ну, добьются они этого взаимными усиліями.

Все-таки онъ—купчишка, выскочка, а она—вышедшая за разночинца княжна, взятая за красоту и таланты. Не меньше десяти лѣтъ нужно убить на то, чтò мужъ изъ ея общества имѣлъ бы сразу. И губернаторшей она будетъ себя чувствовать такъ же одиноко.

У нея нѣтъ личной жизни — вотъ что въ эти дни выяснилось ей и начинаетъ засасывать! Ничего подобнаго она еще не подмѣчала въ себѣ.

О баронѣ Гольцѣ она не хотѣла думать, рѣшила, что онъ— „un palefrenier bête", самаго дурного тона, избалованный интригами „Богъ знаетъ съ кѣмъ".

Ея мужъ первый—три дня назадъ—сообщилъ ей про газетную сплетню объ опереточной актрисѣ и заѣзжемъ гвардейцѣ-баронѣ. И на попытку Липы на самоубійство былъ намекъ въ одной газетѣ.

Это ее странно взволновало. Гольцъ какъ бы выросъ въ ея

глазахъ, хотя она — на словахъ — способна была бы говорить о немъ какъ о пошлякѣ, о бездушномъ, грязномъ развратникѣ.

Визитъ Верховцевой показался ей чѣмъ-то подстроеннымъ. Гольцъ хочетъ, стало быть, выставить себя въ другомъ свѣтѣ? Nanon увѣряла ее, что его поведеніе во всей этой исторіи — самое порядочное.

Она хотѣла-было крикнуть:

— Да мнѣ-то какое дѣло!

Теперь она возбужденно перебираетъ въ головѣ: въ чемъ же тутъ — настоящее дѣло? Она чувствуетъ, въ то же время, что ей пріятно сознавать свое нравственное превосходство надъ нимъ. У ней на совѣсти и въ репутаціи нѣтъ ничего похожаго на такую, во всякомъ случаѣ, скандальную исторію.

Какъ бы газеты ни сплетничали и ни выдумывали всякіе пасквили, но вѣдь она и безъ газетъ знаетъ, что у него была связь. Эффектная брюнетка въ томъ гарни, гдѣ живетъ ея тетка — его возлюбленная.

Самый этотъ фактъ не колетъ ее въ сердце.

„Значитъ, я къ нему равнодушна?"—спрашиваетъ она себя.

Но она не можетъ отвѣтить: „да, значитъ!"

Ей вѣрится, что онъ дѣйствительно покончилъ съ той, и, быть можетъ, покончилъ разомъ — послѣ обѣда у Верховцевыхъ и катанья въ паркѣ.

Развѣ его небрежно-пріятельскій тонъ съ нею не могъ быть маской, желаніемъ перехитрить? Такія натуры — полу-нѣмецкія, полу-русскія—по доброй волѣ не сдадутся; а сначала продѣлаютъ разные опыты съ собой и съ любимой женщиной.

Она улыбнулась и, сидя на диванѣ, раскинула широко руки поверхъ подушекъ и сладко потянулась.

Потомъ взглянула на свой туалетъ. Плюшевая накидка — по цвѣту—шла къ ней; но пеньюаръ ей надоѣлъ.

Надо надѣть другой, только-что сшитый à la ville de Lyon... въ видѣ мѣшка или кружевной рубашки. Въ томъ у ней удивительны линіи тѣла.

Нина позвонила своей камеристкѣ и отдала ей приказъ—сейчасъ же достать новый пеньюаръ.

Какъ она себя ни настроивала на равнодушный пріемъ гостя, но въ ней зажглось сладкое охотницкое чувство.

Передъ ней всплыла картина медвѣжьихъ тушъ на искристомъ снѣгу, на дворѣ Верховцевыхъ.

Такъ же взвинтить себя долженъ былъ и баронъ, когда, стоя на опушкѣ лѣса, ждалъ появленія страшной медвѣдицы.

Если ей — блистательной Нинѣ — отказывать себѣ въ такомъ „спортѣ", то какой же женщинѣ, въ московскомъ обществѣ, онъ больше присталъ? Неужели послѣ шести лѣтъ такой безупречной жизни съ Захаромъ Лукьяновичемъ Кумачёвымъ не имѣть... „la plus petite toquade"?—добавила она французскимъ терминомъ.

Она не испугается, если это будетъ и настоящая „toquade" —природа надѣлила ее хорошей головой.

Чего другого, но головы она не потеряетъ до самозабвенія. Закружится голова... быть можетъ... Это было бы для нея неизвѣданное ощущеніе. На горныхъ обрывахъ въ Швейцаріи у ней голова никогда не кружилась.

Камеристка доложила, что платье готово. Нина уже другой походкой перешла въ свою уборную и начала туалетъ—точно она ѣдетъ на балъ—съ тѣхъ „dessous" изъ батиста и кружевъ, которыми она вообще отличалась отъ всѣхъ женщинъ ея круга. Все было надѣто подъ цвѣтъ пеньюара.

Причесала ее камеристка заново, не такъ, какъ она была причесана съ утра.

Передъ трюмо Нина, оставшись одна, долго стояла, оглядывая себя и прямо, и вбокъ.

Кружевной фартукъ придавалъ ей странный видъ дѣвочки огромнаго роста. Но этотъ покрой имѣлъ въ себѣ что-то неожиданное и располагающее.

Лакей постучалъ въ дверь изъ кабинета. Въ первый разъ она не разслыхала—что-то въ головѣ ея роилось. Глаза ея стали болѣе темными и по щекамъ разлился тонкій румянецъ.

Стукъ раздался во второй разъ. Она откликнулась, зная—что̀ ей доложатъ, и вышла въ кабинетъ.

— Прикажете принять—баронъ Гольцъ? Барина нѣтъ—они приказали вамъ доложить.

— Проси! — приказала она суховатымъ звукомъ, медленно подходя къ дивану, гдѣ и легла съ ногами, прислонившись къ подушкамъ спиной.

XXXII.

— Здравствуйте, баронъ,—встрѣтила она его по-русски.

Его французскій языкъ ей не нравился.

Гольцъ подошелъ твердымъ военнымъ шагомъ и щелкнулъ шпорами.

Не протягивая руки первый, онъ сдѣлалъ низкій поклонъ головой.

„То-то,—сказала Нина про себя:—такъ-то лучше будетъ".

И подала ему правую руку, только на половину прикрытую кружевнымъ рукавомъ пеньюара.

— Садитесь. Разскажите—какъ вы поживаете?

Она взяла, по-русски, его тонъ—небрежный, немножко безцеремонный.

Какъ онъ ни выдерживалъ характеръ всю послѣднюю недѣлю, но исторія съ Липой дѣлала то, что̀ ему стало рѣшительно неловко бывать въ свѣтѣ. Nanon сказала ему третьяго дня:

— Да что же вы это, Антоша, глазъ не кажете къ Нинѣ? Развѣ такъ можно?

Онъ ей первой сталъ говорить о своемъ „неказистомъ" положеніи. Ни на какой дальнѣйшій скандалъ онъ не пойдетъ. Газетчика ни бить, ни вызывать не будетъ, не станетъ и у Липы просить прощенія послѣ того, какъ она такъ дерзко — при постороннихъ—выпроводила его.

Будь тамъ мужчины—они бы поняли, какъ надо, эту выходку полу-безумной женщины, рѣшившейся на самоубійство отъ своего дьявольскаго самолюбія. Мотива ревности и любви онъ не допускалъ. Охлажденіе произошло взаимное.

Но тамъ были—на бѣду—„бабы". Онѣ всѣ—на одинъ ладъ въ любовномъ дѣлѣ: сначала „лѣзутъ", потомъ производятъ „гадости". Отъ нихъ пойдутъ опять по городу самыя презрѣнныя сплетни. Для нихъ онъ—прежде всего—бездушный развратникъ, человѣкъ безъ стыда и совѣсти, получившій достойное возмездіе отъ любимой женщины: его прогнали съ позоромъ.

И все имъ надо прощать! Потому что онѣ „шалыя".

Такъ чувствовалъ онъ до вчерашняго дня. Но его мысль повернула—неожиданно и для него самого—въ сторону Нины. Почему онъ такъ сухо и небрежно повелъ себя съ этой красивой и воспитанной барыней?..

Развѣ она „лѣзла" къ нему? Въ чемъ же это сказалось? Неужели онъ такой пошлый фатъ? Навѣрно, будь Кумачева его пріятельница — просто пріятельница, безъ обязательнаго ухаживанья—она бы давнымъ-давно помогла ему раздѣлаться съ Липой —безъ всякой скандальной исторіи.

У Нины открытый домъ. Она навѣрно умнѣе и терпимѣе другихъ „бабъ". Кто ихъ знаетъ! Можетъ быть, иная такую при всѣхъ скорчитъ физіономію, когда пріѣдешь къ ней съ визитомъ, что впору будетъ провалиться на мѣстѣ.

Только сѣвъ на низкомъ стульчикѣ, Гольцъ оглядѣлъ Нину

боковымъ взглядомъ. Ея туалетъ привелъ его сначала въ нѣкоторое недоумѣніе. Казалось—точно она въ кружевномъ мѣшкѣ.

„Что же это?—спросилъ онъ себя.—Развѣ нынче такъ носятъ?"

Но если она надѣла, значитъ это модно и совершенно прилично.

Легкій румянецъ даже пробрался на его щеки, поблѣднѣвшія въ послѣдніе дни.

На нее можно было заглядѣться въ этомъ „мѣшкѣ", съ полуоткрытой шеей и руками и съ блѣдно-голубоватыми чулками, которые, вмѣстѣ съ туфлями, выглядывали изъ-подъ борта пеньюара, скроеннаго довольно высоко.

Лицо ея смотрѣло разсѣянно, но не надменно.

Такой женщинѣ онъ обязанъ — передъ самимъ собою обязанъ—показать всю свою порядочность. Она пойметъ!

— Вы ѣздили опять на охоту, баронъ? — низкой музыкальной нотой протянула Нина и кистью руки стала играть бахромою одной изъ японскихъ подушекъ.

Глаза она полу-закрыла рѣсницами и лицо ея выходило отъ этого гораздо добрѣе и привлекательнѣе.

— Нѣтъ, я не двигался изъ Москвы.

„Вѣдь она же все знаетъ!"—подумалъ онъ тотчасъ же послѣ своихъ словъ. „Такъ я не хочу!"

— Нина Борисовна, — продолжалъ онъ и опустилъ голову, не глядя на нее:—вы со мной не хитрите. Вамъ извѣстна, разумѣется, вся эта глупая исторія.

Тутъ только онъ поднялъ на нее глаза.

Взглядъ его былъ открытый и пріятельскій, немножко смущенный. Она его не ожидала.

— Ахъ, Боже мой!

Нина повела въ воздухѣ рукой и подалась къ столику бюстомъ. Изъ-подъ кружевной пелены линіи ея гибкаго стана волнисто колебались.

Баронъ не сразу отвелъ отъ нея взглядъ.

— Однако,—серьезнѣе возразилъ онъ:—никто не знаетъ настоящей правды. Вотъ у насъ съ вами общіе друзья... Nanon и Tonton... Но и они—изъ деликатности—стѣсняются.

— Помилуйте, баронъ, зачѣмъ же?

— Не зовите меня такъ!

Онъ пододвинулъ стульчикъ къ дивану и сѣлъ въ позу, располагающую къ простому, искреннему разговору.

— Почему?—веселѣе вскричала Нина и показала свои бѣлые зубы.

— Это мнѣ напоминаетъ моветонныя выходки особы... изъ-за которой весь сыръ-боръ загорѣлся.

Какъ всѣ почти полу-нѣмцы, Гольцъ любилъ народныя поговорки.

— Помните,—заговорила Нина все еще съ опущенными рѣсницами:—когда мы возвращались изъ парка, я васъ спросила объ одной брюнеткѣ, оттуда, изъ гарни, гдѣ живетъ моя тетка Акридина?

— Да, да!—совсѣмъ простымъ звукомъ отозвался Гольцъ... Знаете, я всегда держался такого правила насчетъ женщинъ. Молчокъ!

— А теперь развѣ не держитесь?

— Конечно... и теперь... И вѣрьте мнѣ—понизилъ онъ голосъ—я не заикнулся-бы ни о чемъ, еслибъ не желаніе...

Онъ смущенно не договорилъ.

„Еслибъ не желаніе,—досказала она за него,—показать себя мнѣ въ другомъ свѣтѣ".

Тутъ только она подняла на него глаза и прошлась по немъ медленнымъ взглядомъ.

Онъ похудѣлъ; усы казались длиннѣе, красиво разрыхленные къ концамъ; въ глазахъ было больше выраженія, и чистота профиля выдѣлялась сегодня еще явственнѣе. Его тонъ подкупалъ ее. Вѣдь онъ, въ сущности, принесъ повинную. Зачѣмъ же продолжать быть съ нимъ сухой?

„Пускай попрыгаетъ!" — злобно вскричала она про себя, и ей захотѣлось выместить на немъ все то, что̀ она испытала — цѣлую недѣлю, всего же больше вечеръ у Кѳзлишевой и свой „ревъ" у князя Иларіона.

— Вы такая умница,—слышался ей голосъ Гольца, совсѣмъ точно другой, отъ котораго по ней проходили сладкія мурашки:— вы все поймете... Я — не святой... Въ провинціи такія встрѣчи ведутъ скорѣе къ связи,—онъ сталъ говорить спокойнѣе.—Никакихъ клятвъ не было—ни съ той, ни съ другой стороны. Здѣсь я, по пріѣздѣ, далъ понять, что не желаю, ни подъ какимъ видомъ, вмѣшиваться въ разныя дрязги по театру. Больше ничего и не было... Остальное—дѣло господъ пасквилянтовъ.

— Но ее, кажется, очень оскорбили?—тихо спросила Нина.

„Повертись, мой милый!"—добавила она про себя.

— Дѣйствительно... Замѣтка была мерзкая. Но скажите, ради Бога, Нина Борисовна!.. Зачѣмъ я пойду въ редакцію бить фелье-

тониста? Я бить никого безнаказанно не желаю. И вызвать его я отказался наотрѣзъ... Даже и послѣ того, какъ онъ позволилъ себѣ назвать меня барономъ.

Губы Гольца сложились въ улыбку искренняго презрѣнія. Онъ всѣмъ своимъ существомъ показывалъ, что баронъ Гольцъ не можетъ вызывать какого-то презрѣннаго газетчика.

Нина это почувствовала, и его натура стала выясняться передъ нею, какъ нѣчто цѣльное и сильное—и въ вопросахъ поведенія. Не одной смѣлостью на медвѣжьей охотѣ бралъ этотъ породистый гвардеецъ. Онъ не можетъ быть трусомъ и не изъ боязни не послалъ онъ вызова пасквилянту.

Не захотѣлъ онъ и унижать себя побоями, дракой,—гдѣ бы то ни было—въ редакціи или въ публичномъ мѣстѣ. Онъ слишкомъ высоко себя ставитъ.

Ей сдѣлалось не то что жаль его — жалостью она бы его обидѣла—а какъ бы совѣстно: она способна была—еще сегодня утромъ — считать его пошлякомъ, тогда какъ это настоящій — „мужчина". Онъ шелъ на тяжелое испытаніе, способенъ былъ лучше перенести афронтъ грязной сплетни, чѣмъ поступить не по своимъ правиламъ.

Ея „Закки" тоже—по своему—характеръ; но какая же разница: тотъ—попади онъ въ точно такую исторію—навѣрно повелъ бы себя... какъ...

„Какъ амбиціозный купчишка!" — вдругъ вырвалось у ней мысленно, и она себя не поправила.

— Вы были правы,—выговорила она и протянула ему руку.

Гольцъ взялъ ее и почтительно приложился къ ней губами.

— Но, стало, вы ее не любите?—спросила Нина, оставляя свою руку въ его рукѣ.

— Какая же любовь!

Онъ слегка повелъ плечами.

Руку она высвободила.

— Неужели,—спросилъ онъ, вздрагивая:—каждая встрѣча обязываетъ мужчину къ любви? Насъ часто обвиняютъ въ предательствѣ... Кричатъ, что мы циники, обманщики. Но чѣмъ же, иной разъ, виноватъ человѣкъ?..

На губахъ у него была его обычная фраза:

„Если бабы лѣзутъ".

— Конечно,—одобрила его Нина.—Наивно считать однѣхъ женщинъ жертвами! Il y a parmi nous des coquines.

— Я не скажу этого... про ту барыню. Нѣтъ... Она психопатка... Бывшая нигилистка.

— Такая способна подстроить вамъ какую-нибудь новую гадость.

— Я не боюсь.

— Ея покушеніе, быть можетъ, комедія?—живо спросила Нина, и ея щеки быстро зарумянились.

— Не думаю...

— Вы у ней были? Послѣ ея... escapade?

Вопросъ этотъ былъ бы безтактенъ, но онъ зазвучалъ у ней молодой, искренней нотой.

— Былъ.

Онъ разсказалъ бы ей и какъ Липа приняла его.

— Она этого не стоитъ! Вы, право, слишкомъ добры!

Гольцъ наклонилъ голову—въ видѣ поклона—и опять рука Нины протянулась къ нему.

Другой бы, пожавъ, сталъ цѣловать ее. Но его удерживало —такъ ей казалось—стыдливое чувство, высшая порядочность.

Въ ней точно что вспыхнуло въ груди, прошлось огнемъ по плечамъ и отдалось даже въ пальцахъ. Она и хотѣла бы отвести отъ него глаза, но продолжала смотрѣть долго, съ томленіемъ, ей до того неизвѣстнымъ. Въ глазахъ точно блестѣли слезинки. Въ груди сперлось дыханіе.

— Вы—славный!—съ дрожью въ голосѣ проронила она и—какъ въ туманѣ—приблизила свое лицо, а свободной рукой обняла его за шею и поцѣловала въ лобъ.

Черезъ секунду ея алыя трепетныя губы уже искали его губъ и замерли въ поцѣлуѣ...

XXXIII.

Въ сумерки Ида, все еще захваченная своими заботами о Липѣ Угловой—той было уже гораздо лучше,—наскоро одѣлась и поѣхала, въ извозчичьихъ саняхъ, отыскивать Елену.

Около недѣли Акридина не возвращалась домой.

Всякая другая, на ея мѣстѣ, могла бы найти, что это выходитъ за предѣлы всякаго приличія, для молодой еще женщины, съ общественнымъ положеніемъ Акридиной, еслибъ она не знала, по короткимъ запискамъ Елены, какъ та живетъ у Боярцевыхъ.

Вчера—посылая за своими вещами—Елена писала ей:

„Мать Романа Денисовича очень опасна. Я провожу около нея всѣ ночи. Завтра ожидается переломъ болѣзни. *Онъ* страдаетъ; но духомъ бодръ. Это необычайная натура—по кроткому

мужеству. Ахъ, Ида, я была бы счастлива, еслибъ не его горе... Но оно-то и сблизило насъ.

„Такъ хочется тебя обнять, милая! Но когда попаду къ тебѣ? Развѣ ты завернешь на минутку?"

Записка дышала почти радостью, несмотря на то, что въ ней стояло объ опасности для Боярцева—лишиться матери.

И она — когда-то — знала точно такой же безсознательный эгоизмъ любви. Тогда все—вплоть до крушенія міра—было благословенно, лишь бы оно вело къ сближенію съ *нимъ*.

Изъ двухъ женщинъ Елену считала она теперь счастливѣе Липы Угловой. Та пошла на самоубійство не изъ-за отвергнутой любви, а изъ другого оскорбляющаго чувства.

Ѣхала она къ Еленѣ и не боялась никакого внезапнаго огорченія—что̀ бы ни случилось у Боярцева. Умри мать его—все равно они сошлись и еще болѣе сойдутся. Его сиротство, ея порывъ спасти для него мать—сдѣлаютъ то, что̀ не могли дать ихъ споры о принципахъ.

Тихонько позвонила Ида на крыльцѣ дома, показавшагося и ей чрезвычайно похожимъ на характеръ самого Боярцева.

Ей отворилъ человѣкъ съ очень грустнымъ лицомъ и посмотрѣлъ на нее строго.

— Вамъ кого угодно?

— Елену Константиновну Акридину можно видѣть?

— Объ васъ какъ доложить? Онѣ тамъ, у барыни. Принимать никого не приказано.

Ида дала свою карточку.

Человѣкъ ушелъ. Она сняла шубу—въ передней было очень натоплено—и своимъ беззвучнымъ шагомъ проникла въ залу.

Тишина стояла полная. Кромѣ боя часовъ — ни единаго звука.

Въ полу-отворенную дверку, выходившую въ коридоръ, доносился запахъ лекарствъ—изъ спальни, помѣщавшейся въ концѣ.

Опаснымъ больнымъ дышала эта замершая городская усадьба.

Идѣ пришлось ждать нѣсколько минутъ. Сначала въ дверь показалось старое лицо и тотчасъ же исчезло; но она успѣла замѣтить его: это была нянька Ульяна.

Раздались и шаги Елены. Она выбѣжала къ ней совсѣмъ непричесанная, съ шолковой косыночкой, надѣтой на головѣ, и въ суконной кофточкѣ. Лицо было совсѣмъ землистаго цвѣта.

— Ты спала?—спросила ее Ида, уводя въ дальній уголъ.—Прости...

— Немножко прилегла... Милая! Ида!

Елена обняла ее крѣпко-крѣпко и припала головой къ ея плечу.

— Ты счастлива?—шопотомъ спросила Ида.

— Не знаю... Но онъ такъ страдаетъ.

— Старуха опасна?

— Очень! Вчера провела она ужасную ночь. И онъ не ложился. Сегодня утромъ былъ консиліумъ. Даже мнѣ никто не сказалъ правды. Она постоянно бредитъ. Температура поднялась до сорока и двухъ десятыхъ.

Ида покачала головой.

— Но надежда есть... Мнѣ она не кажется при смерти... Разумѣется,—продолжала Акридина, впадая въ свой болѣе задорный тонъ: — медицинскія свѣтила бросили ничего незначащее слово: „кризисъ"! Оно еще болѣе смутило его. Я его упросила проѣхаться... Послала его самого въ аптеку за одной вещью. Надо аппаратъ достать. Насилу согласился.

— На что ты похожа!—остановила ее Ида и привлекла къ себѣ.—Ты сама заболѣешь!

— Это ничего! Развѣ теперь можно заботиться о себѣ, о своей наружности? Онъ выше всего этого!—почти восторженно воскликнула Елена.

— Иди, иди спать! Я на минуту! Только взглянуть на тебя... У насъ тамъ много новаго; но объ этомъ послѣ... Пришли мнѣ депешу—какъ пройдетъ кризисъ.

Елена еще разъ крѣпко обняла ее и не удерживала. Она еле стояла на ногахъ и, какъ только проводила Иду, разбитой походкой пробралась по коридорчику въ свою комнату, съ окномъ на дворъ.

Это была когда-то дѣтская. Теперь въ нее поставили кровать и умывальный столъ. Два шкафа дѣлали ее еще тѣснѣе. Сюда она забѣгала поспать часъ, много два—не раздѣваясь, умыться, перемѣнить бѣлье.

Елена—какъ была—кинулась на кровать и закрыла глаза. Но тотчасъ же ее замозжило желаніе узнать, какъ чувствуетъ себя Татьяна Егоровна. На цыпочкахъ проскользнула она до крайней двери и, задерживая дыханіе, пріотворила дверь.

Няня Ульяна' сидѣла по сю сторону ширмъ, раздѣлявшихъ спальню на двѣ неравныя половины.

Она вязала чулокъ. Елена сочла это добрымъ знакомъ.

— Нянюшка!—окликнула она ее чуть слышно.

Ульяна поднялась и вышла къ ней въ коридоръ.

— Какъ Татьяна Егоровна?

— Забылись. Сначала все что-то говорили... Нараспѣвъ этакъ и не по-русски, а потомъ, вотъ какъ вы тамъ въ залѣ сидѣли, я по дыханію догадалась, что почиваютъ.

— И безъ бреда?

— Безъ бреда.

— Это отлично!

У ней такъ стало на душѣ свѣтло и молодо, что она — въ первый разъ—обняла Ульяну и поцѣловала ее въ лобъ.

— Я пойду—сосну.

— Измаялись вы—какъ же не соснуть!

Ульяна, въ первые дни, поглядывала на нее довольно сурово, зачуявъ въ ней „барышню", имѣющую виды на ея питомца—Романа Денисовича. Усердіе Елены проняло ее, и она, почему-то, убѣдила себя въ томъ, что эта „барышня" приходится господамъ ея дальней родственницей. Елену она продолжала считать не замужней, а дѣвицей—„подлѣточкомъ".

Вернувшись въ свою комнатку, Елена—съ спокойной совѣстью —разрѣшила себѣ часа два сна.

Глаза сами собой сомкнулись, и она—по своей еще дѣвичьей привычкѣ—свернулась на правый бокъ и тотчасъ же просунула руку подъ верхнюю подушку.

Но сонъ не сразу захватилъ ее. Отъ большой усталости возбужденіе не сразу успокоилось, и голова, послѣ свиданія съ Идой, заиграла ярко и стремительно.

Вѣра въ свой характеръ, въ волю, не знавшую до сихъ поръ преградъ, охватила ее. Вѣдь вотъ она—въ *его* домѣ! Не случись опасной болѣзни Татьяны Егоровны—она воспользовалась бы чѣмъ-нибудь другимъ.

И ей кажется, что она—у себя дома. Эта дѣтская комната точно давнымъ давно ея спальня. Весь его домъ сталъ ея домомъ, и она не уйдетъ изъ него одинокой, съ разбитымъ сердцемъ, съ обидой женщины, которую *не хотятъ* полюбить.

Они уже какъ родные, какъ братъ и сестра. И когда же тутъ спорить и воевать изъ-за идей и мнѣній у постели умирающей матери? Онъ смирился, тронутъ до слезъ ея беззавѣтной преданностью. Если онъ не изливается, то этому мѣшаетъ его сдержанная, цѣломудренная натура. Да и къ чему тутъ изліянія? Такъ, безъ фразъ и возгласовъ, чувство его крѣпнетъ не по днямъ, а по часамъ.

Она — весь день передъ нимъ, Богъ знаетъ какъ одѣтая, плохо причесанная, съ испитымъ—отъ безсонницы — лицомъ. И не думаетъ объ этомъ—знаетъ, что внѣшность для него не су-

ществуетъ. А душа его уже задѣта. Въ голосѣ, въ малѣйшемъ словѣ, обращенномъ къ ней, звучитъ ласка, признательность, если не преклоненіе передъ нею.

И какъ ей кажется нелѣпъ ея недавній задоръ! Съ какой стати препираться, выставлять на показъ свой радикализмъ? Развѣ нѣтъ примѣровъ пылкой любви между мужьями и женами двухъ враждебныхъ религій? Онѣ не дѣлаются ренегатами и любятъ другъ друга—до гробовой плиты.

Елена прислушивалась къ безмолвію дома. Изъ спальни—ни одного шороха. Значитъ—Татьяна Егоровна почиваетъ безъ бреда.

„Кризисъ!" — мысленно выговорила она, и что-то зловѣщее послышалось ей въ этомъ докторскомъ словѣ.

Стало, сегодня, когда докторъ пріѣдетъ послѣ обѣда, будетъ рѣшено—жить Татьянѣ Егоровнѣ или нѣтъ.

Онъ лишится матери? Но она тутъ — при немъ. Его горе еще неудержимѣе толкнетъ ихъ другъ къ другу.

На этомъ Елена заснула крѣпко — и, безъ малѣйшихъ сновидѣній, какъ трупъ, лежала на узкой постели, все еще свернувшись нȧ бокъ.

Совсѣмъ темно было въ комнаткѣ, когда она — не сознавая ясно, гдѣ она и который часъ—раскрыла глаза и начала смотрѣть въ темноту.

За дверью слышались заглушенные ковромъ шаги. Кто-то говорилъ—голосъ былъ скорѣе мужской.

Она сейчасъ же поднялась, точно ее обрызнули свѣжей водой—и слово „кризисъ" заиграло въ ея головѣ зловѣще и ярко—какъ огнекрасная точка на черномъ фонѣ.

Въ коридоръ свѣтъ проникалъ съ двухъ концовъ—изъ спальни и изъ залы.

Разговоръ вполголоса слышался въ залѣ.

Почти бѣгомъ очутилась тамъ Елена.

Старичокъ-докторъ—давнишній врачъ дома—что-то говорилъ Роману Денисовичу, держа его за руку.

Они двигались мелкимъ шагомъ къ двери въ переднюю.

У ней достало духу подойти къ нимъ и прямо спросить:

— Чтȯ, докторъ,—какъ?

— Слава Богу!—отвѣтилъ тотъ, подавая ей руку:—встанетъ Татьяна Егоровна.

— Встанетъ?—подтвердилъ Боярцевъ, и глаза его, съ дѣтскимъ выраженіемъ радости, стали вдругъ влажны.

— Непремѣнно!

Возгласъ доктора остался у ней въ ушахъ. И она такъ обрадовалась, что тутъ же опустилась на стулъ подъ часами.

— Елена Константиновна!

Окликъ Боярцева заставилъ ее встать.

— Голубушка! Вы ее спасли, больше науки!

Онъ взялъ ее за обѣ руки. Елена вся дрожала и, не высвобождая рукъ, глядѣла на него глазами, совсѣмъ растерянными отъ радости.

— Вы!—повторилъ онъ и поцѣловалъ ея правую руку.

Всѣ свои силы должна была она собрать, чтобы не упасть ему на грудь.

XXXIV.

Въ кабинетѣ Романа Денисовича лампа горѣла на письменномъ столѣ. Только-что пробило семь.

Онъ что-то писалъ, низко наклонившись надъ листомъ бумаги.

На лицѣ его—похудѣвшемъ за послѣдніе дни—уже не было напряженія страха и горечи. Мать его третій день внѣ опасности, только еще страшно слаба. Онъ упросилъ Елену Константиновну вернуться домой и отдохнуть... Съ трудомъ она согласилась; но и теперь навѣщаетъ ихъ по два раза на дню.

Слабымъ голосомъ мать его благодарила Акридину и даже заплакала.

Сегодня утромъ, когда сынъ вошелъ къ Татьянѣ Егоровнѣ, она взяла его за руку и тихо спросила:

— Она нравится тебѣ?..—И прибавила еле слышно: — Неужели она невѣрующая?

Боярцевъ ничего не отвѣтилъ. Вопросъ кольнулъ его. Не дальше, какъ вчера, когда служили въ залѣ благодарственный молебенъ, Елена Константиновна вошла въ залу и простояла до конца службы.

Но Боярцевъ хорошо замѣтилъ, что она не креститcя. Только лицо у ней было съ выраженіемъ теплой радости.

Развѣ она можетъ превратиться — въ нѣсколько дней — изъ „свободной мыслительницы“ въ женщину, исполненную религіознаго завѣта, незапятнаннаго никакимъ лжеученіемъ?

Конечно нѣтъ! Но въ сердцѣ женщины всегда теплится вѣра, чѣмъ бы она ни была пріодѣта, каковъ бы ни былъ налетъ тлетворной игры въ невѣріе. Всѣ задатки любящей и великодушной натуры въ ней — на лицо. И какъ будто нельзя сочетать вѣру съ знаніемъ, которое не боится откровенія? Имена великихъ уче-

ныхъ, оставшихся до гроба благочестивыми, напрашиваются сами на уста.

Такъ думалъ онъ, оставшись одинъ, передъ отходомъ ко сну. Съ такими же мыслями проснулся и теперь.

Подползи къ нему подозрѣніе—да полно, не изъ чувственнаго ли влеченія къ мужчинѣ она выказываетъ любящую душу христіанки, хотя и не принадлежитъ еще къ церкви!—онъ бы отогналъ его.

Слишкомъ явную симпатію къ нему этой женщины онъ не могъ не распознавать и уже платилъ ей теплой дружбой.

Съ тѣхъ поръ, какъ у кровати умирающей матери они сливаются въ одномъ чувствѣ—какъ-то дико было бы имъ спорить: ей — нападать на его „лампадное масло"; ему — уличать ее въ желаніи играть тщеславную роль, въ измѣнѣ духу своей земли, ея вѣрѣ и народной исторіи.

Вотъ и теперь, онъ пишетъ въ Петербургъ своему пріятелю и во многомъ учителю — Угличеву, даровитому защитнику его взглядовъ и упованій—и развиваетъ ему, въ письмѣ, идею высокой обязанности каждаго сѣять истину путемъ любовнаго единенія—на почвѣ высшей человѣчности.

Щеки его разгорались, по мѣрѣ того, какъ онъ усердно, движеніемъ руки, подходилъ къ концу письма.

Письмо было дописано и запечатано.

Боярцевъ прислушался. По деревянной лѣстницѣ кто-то поднимался — медленно и тяжело. Старыя половицы поскрипывали.

„Неужели мама?"—почти испуганно подумалъ онъ.

Этого быть не можетъ. Татьяна Егоровна еще слишкомъ слаба, чтобы встать и подняться наверхъ.

Да и шаги—мужскіе, со скрипомъ сапогъ.

Онъ всталъ и подошелъ къ двери. На площадкѣ было темно.

— Кто это?—тихо спросилъ онъ.

— Не ждали? — отвѣтилъ ему глухой, сиповатый голосъ, который онъ не сразу узналъ.

— Иль не узнали?

— Ахъ, Боже мой! Это вы — Дементій Саввичъ. Милости прошу! Позвольте вамъ посвѣтить.

Поспѣшно взялъ онъ со стола лампу и освѣтилъ площадку.

Держась крѣпко за перила, поднимался мужчина—такого же большого роста, какъ Боярцевъ, сѣдой. Испитое, бурое лицо и безпорядочная борода дѣлали его наружность суровой и жуткой по впечатлѣнію на всякаго свѣжаго человѣка. Морщинистый лобъ утолщался надъ густыми щетинистыми бровями. Небрежно одѣ-

тый въ сѣрую пару, онъ носилъ на шеѣ шолковый шейный платокъ поверхъ галстуха.

Боярцевъ не ждалъ этого визита. Онъ слышалъ, что Козьминъ съ начала зимы болѣетъ, и ему стало немного совѣстно, что онъ—до болѣзни матери—не удосужился навѣстить его.

Ихъ познакомилъ въ прошломъ году Угличевъ—тотъ самый пріятель и единомышленникъ, къ которому онъ сейчасъ писалъ.

Козьминъ—съ неизлечимой болѣзнью печени—доживаетъ въ Москвѣ, послѣ долгихъ странствій по Востоку, славянскимъ странамъ и русскимъ окраинамъ, и страстной защиты въ печати своихъ „устоевъ".

— Благодарю!.. Свѣту довольно! Задохнулся совсѣмъ!

Наверху онъ съ трудомъ отдышался.

— Не ждали? — повторилъ Козьминъ, и его возбужденный крутой взглядъ прошелся по всей фигурѣ Боярцева.

— Присядьте, присядьте, Дементій Саввичъ... Я къ вамъ собирался, да болѣзнь матушки...

— Слышалъ.

Въ кабинетѣ Козьминъ сейчасъ же опустился на мягкій диванъ и болѣзненно поморщился, взявшись за бокъ.

— Опасна была? Пріобщали святыхъ тайнъ?—спросилъ онъ тономъ суроваго монаха.

— Думали на дняхъ. До кризиса была больше въ бреду.

— Это ничего. Развѣ наше сознаніе что-нибудь значитъ? Послѣ того и младенцевъ не слѣдуетъ допускать до принятія святыхъ тайнъ?

Боярцевъ ничего не возразилъ. Козьмина онъ считалъ глубоко вѣрующимъ; но не могъ слѣдовать за нимъ до крайнихъ выводовъ изъ его „первоосновъ".

— А я, какъ разъ, кончилъ письмо къ Угличеву,—сказалъ онъ ласково, подсаживаясь къ нему на диванъ,—и говорилъ о васъ. Вы вѣдь сильно хворали?

— Да и теперь движусь лишь по инерціи. Что жъ? Человѣку и не полагается, за предѣлами извѣстнаго возраста, услаждаться вожделѣннымъ здравіемъ. Избалуешься. Всякій страхъ потеряешь. Расплывешься въ поганое лжеблагодушіе...

Козьминъ рѣзко повернулъ голову къ столу и кивнулъ ею на письмо, лежавшее подъ лампой.

— Такъ вы состоите въ постоянной перепискѣ съ милѣйшимъ Василіемъ Ивановичемъ?

— Какже... Я его очень люблю! И вы, кажется, Дементій Саввичъ, всегда хорошо къ нему относились?

— Пока его не раскусилъ.

— Мнѣ кажется—понять его нетрудно.

— Не въ трудности тутъ дѣло,—сердито перебилъ его Козьминъ и положилъ одну ногу подъ себя, сидя въ неловкой, перекошенной позѣ.—Личину онъ, безъ сомнѣнія, носитъ, хотя, быть можетъ, и самъ не разумѣетъ того. Я думалъ прежде, что онъ на пути къ твердому и явному пониманію того, какъ надо вести и народъ, и интеллигенцію, въ духѣ премудрости, которая дается однимъ страхомъ Божіимъ, а онъ теперь знается съ монастырями и фарисеями, кокетничаетъ со всѣмъ, что̀ только въ модѣ—тутъ и соціализмъ, и радикализмъ, и критицизмъ, и обиженный нигилизмъ.

— Что̀ вы?—почти испуганно выговорилъ Боярцевъ.

— А вы сами не видите этого?

— Нѣтъ, не вижу, Дементій Саввичъ.

Боярцевъ всталъ и отошелъ къ двери. Спорить онъ не желалъ... Человѣкъ этотъ—больной, озлобленный. Его вѣра дышетъ жестокостью аскета, схимника, не видящаго въ человѣкѣ ничего, кромѣ скверны.

Онъ съ того началъ. Но въ послѣдніе три-четыре года все безповоротнѣе вдавался въ мрачное инквизиторское византійство.

Чуткое ухо Боярцева заслышало по лѣстницѣ легкіе шаги Елены Константиновны.

Это его немного смутило. Ему не хотѣлось бы знакомить ихъ. Навѣрно Козьминъ знаетъ имя Акридиной и можетъ сейчасъ на нее накинуться.

— Виноватъ, Дементій Саввичъ, я сію минуту.

Боярцевъ вышелъ на площадку и въ полутемнотѣ окликнулъ:

— Елена Константиновна? Вы ко мнѣ?

— Да,—весело отвѣтила она.—Я сейчасъ отъ Татьяны Егоровны. Ей гораздо лучше... Только она проситъ чаю... А я боюсь. Какъ бы это не лишило ее сна.

— Разумѣется... благоразумнѣе не давать.

— У васъ гость? Дѣловой визитъ? — спросила она полуутвердительно.

Солгать Боярцевъ не хотѣлъ и вмѣсто отвѣта спросилъ ее, стоя у перилъ:

— А вы еще побудете у насъ?

— Побуду... Къ десяти меня ждутъ дома. Но я могу и опоздать.

Елена стояла на одной изъ нижнихъ ступеней, и ей въ

полутемнотѣ видна была голова Боярцева, и его добрые глаза свѣтились.

Сдерживая себя, она послала ему поклонъ и шопотомъ прибавила:

— Ида въ правѣ ревновать меня къ вамъ. Но она добра какъ ангелъ.

„Падшій",—хотѣлъ досказать Боярцевъ и устыдился такой злой остроты.

— Идите, идите!—заговорила Елена, точно прикованная къ своему мѣсту.

— Что-нибудь съ матушкой вашей?—все такъ же сурово спросилъ Боярцева Козьминъ.

— Нѣтъ, слава Богу, ей хорошо.

— Сидѣлка, что ли? Поди — изъ нынѣшнихъ? Крестъ на перевязи, а въ сердцѣ дьяволъ и повиваніе хребтомъ. Этакую прислали мнѣ тоже. Я въ ужасъ пришелъ. Только личина благодушія, а вся преисполнена фанаберіи и коварныхъ подвоховъ.

— Какихъ же, Дементій Саввичъ?—съ улыбкой спросилъ Боярцевъ, опять подсаживаясь къ нему на диванъ.

— Холостякъ... Нельзя ли угодливостью довести до наложенія на него брачныхъ узъ!

Онъ злобно разсмѣялся.

— Что-жъ! Дѣло житейское, Дементій Саввичъ.

— Гнусность великая! Даю я ей читать вслухъ псалтырь— не умѣетъ порядочно выговаривать по-славянски... безграмотно плетется... А разнымъ наукамъ обучена, по которымъ выходитъ, что человѣкъ—червякъ; только не въ смыслѣ ползущаго червя передъ грознымъ Небеснымъ Судьей, а по Дарвину!.. Гоните ее!

— Да это была наша добрая знакомая... дама изъ общества.

Фамилію Елены Боярцевъ умышленно не сказалъ.

— Всѣ онѣ рады болтѝ болтать и суесловить, когда въ болѣзни одна должна быть забота—достойно принять свой вѣнецъ и духъ свой предать въ ужасѣ,—протянулъ онъ,—отъ предстоящей достойной кары.

Онъ весь выпрямился, и его вдавленные глаза затеплились огнемъ мрачной смертобоязни.

Боярцеву дѣлалось не по себѣ. Но возражать онъ не хотѣлъ, да и что̀ бы онъ возразилъ противъ проповѣди этого человѣка, которую онъ обязанъ былъ, въ силу своихъ вѣрованій, считать допустимой?

XXXV.

Елена посидѣла у Татьяны Егоровны, но ее тянуло наверхъ.

— Вы видѣли Романа?—спросила та, открывая глаза.

— Только поздоровалась снизу. У него гость. Какой-то дѣловой визитъ.

— Изъ-за меня онъ совсѣмъ запустилъ свои дѣла... Пора ему въ уѣздъ.

Татьяна Егоровна подняла углы бровей, и лицо сейчасъ же приняло грустное выраженіе.

— Вы еще слабы,—остановила ее Елена:—вамъ говорить еще нельзя.

Она протянула ей руку и пожала.

Обѣ долго глядѣли одна на другую.

— Вы меня спасли,—повторила Татьяна Егоровна:—послѣ Господа Бога... Такъ ли?

— Гдѣ ужъ мнѣ... и послѣ него!—шутливо отвѣтила Акридина.

Онѣ долго помолчали.

— Послать Ульяну узнать—можетъ быть, гость уѣхалъ.

Елена ясно видѣла, что Татьяна Егоровна желаетъ ея сближенія съ сыномъ и дѣлаетъ это гораздо открытѣе, чѣмъ бы можно было ждать отъ ея характера.

— Со мной вамъ скучно, добрая моя,—слабѣющимъ голосомъ выговорила Боярцева.

— Пожалѣйте себя!—остановила ее опять Елена и поднялась съ своего кресла.—Я сама узнаю. Сегодня я обѣщала быть дома къ десяти часамъ; но я могу и опоздать.

Боярцева ласково кивнула ей головой.

Наверхъ Елену еще сильнѣе тянуло, и она быстро-быстро прошла коридоромъ и залой.

На лѣстницѣ ее остановилъ—точно прокололь—сверху гнѣвный возгласъ гостя:

— Вѣра въ такъ называемый прогрессъ есть чистая ересь и хула на Создателя!

„Что это такое?"

И она подумала тутъ же, что у Боярцева сидитъ какой-нибудь старецъ, суровый фанатическій монахъ—быть можетъ, его исповѣдникъ.

Это немного успокоило ее.

Почему же ему не имѣть постояннаго исповѣдника—разъ

онъ вѣрующій? Вѣдь она—по своей научной спеціальности—водится же съ лицами изъ духовенства. Нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно, готовы были бы провозгласить такую же истину, только съ нею они стѣсняются, да и разговоры съ ними вертятся вокругъ древностей.

Смѣлѣе поднялась она и постучала въ дверь.

Откликнулся Боярцевъ и подошелъ отворить.

— Романъ Денисовичъ,—заговорила она своей обычной манерой: — состояніемъ Татьяны Егоровны я очень довольна, но она все порывается говорить со мною, и я отъ нея убѣжала.

— И прекрасно сдѣлали. Вотъ позвольте познакомить васъ... Дементій Саввичъ Козьминъ. Его имя вамъ извѣстно.

— Очень пріятно!—выговорила, какъ можно мягче, Елена. Она вспомнила, что̀ представляетъ собою этотъ Козьминъ въ ненавистномъ ей направленіи. Но и отъ него она не ожидала возгласа, остановившаго ее на лѣстницѣ.

— Я не мѣшаю, у васъ дѣловой разговоръ?—спросила она, присаживаясь немного въ сторонѣ.

— Никакихъ у насъ дѣлъ нѣтъ,—осклабивъ свой нервный ротъ, возразилъ Козьминъ.—Если не считать дѣломъ—искорененіе похотей природы человѣческой, которая хочетъ всякими способами облыжно уйти отъ кары и грознаго суда.

Боярцевъ какъ бы избѣгалъ глядѣть на Акридину и сидѣлъ на диванѣ въ пол-оборота. Она замѣтила, что онъ не назвалъ ее Козьмину; но приняла это за разсѣянность и тотчасъ же обрадовалась.

Такой изувѣръ, услыхавъ ея фамилію, способенъ былъ нарочно пустить тираду, которую она не въ силахъ была бы пропустить, не возмутившись.

— Прогрессъ! Торжество науки!—продолжалъ, не стѣсняясь приходомъ Елены, Козьминъ и весь вздрагивалъ отъ накипѣвшаго въ немъ глубокаго протеста.—Вотъ нашъ милѣйшій Василій Ивановичъ...

— Это мой другъ—Угличевъ,—пояснилъ Еленѣ Боярцевъ.

— А-а!

— Онъ тоже вдается въ это безумное и еретическое двоевѣріе. Развѣ превращеніе однѣхъ формъ въ другія есть безконечное развитіе, въ смыслѣ блага, духовнаго совершенства? Господа дарвинисты—самые умные—давно установили, что правъ тотъ, кто душитъ и колетъ другихъ! Вотъ вамъ и прогрессъ! Мы съ вами сочувствуемъ долѣ нашихъ братьевъ славянъ... И Василій Ивановичъ... Было время, когда я за всю славянскую

братію душу свою готовъ былъ заложить, и одна только кличка „братъ славянинъ“ заставляла меня считать ихъ всѣхъ совершенствомъ, а теперь нѣтъ! Все, что̀ пропахло западнымъ ёрничествомъ —онъ даже и не поглядѣлъ на даму,—то̀ уже прогнило: всѣ эти культурные сербы, болгары, хорваты, лужича̀не, венды. О чешкахъ, —презрительно выговорилъ онъ,—и говорить нечего! И имъ не очиститься... Они ушли изъ Византіи, отъ того уклада жизни, которому теперь учиться можно только въ одномъ мѣстѣ во всей вселенной!

— Гдѣ же?—спокойно и тихо спросилъ Боярцевъ.

— На Аѳонѣ, любезнѣйшій Романъ Денисовичъ, на Аѳонѣ. И нигдѣ больше. Какъ я тамъ пожилъ—вся эта маниловщина съ меня слетѣла... Ничего хорошаго для западнаго славянства не предвижу. Ничего!—повторилъ онъ и поморщился, точно что его кольнуло внутри.

Боярцевъ не возражалъ.

„Онъ нарочно“,—подумала Акридина.

То, что этотъ ненавистникъ прогресса сейчасъ выпалилъ— не могло ее серьезно задѣть. Его дѣло—считать западныхъ славянъ жертвою гнилого запада. Это было для нея избитое мѣсто любого славянофила; только Козьминъ былъ послѣдовательнѣе, и это ей даже нравилось.

Спорить съ такимъ и Боярцеву было непріятно.

Но онъ все-таки слишкомъ почтительно выслушивалъ его. Вѣдь Козьминъ не сумасшедшій. Онъ говоритъ сильно и увѣренно, фраза—литературная и складъ мыслей вполнѣ опредѣленный. Если онъ пришелъ сюда, значитъ онъ считаетъ хозяина дома способнымъ—хоть отчасти—быть его единомышленникомъ.

Такой выводъ сталъ ее тревожить. Она сдерживалась—сколько возможно; но не могла отдѣлаться отъ чувства обиды за себя и любимаго человѣка. Будь онъ ея стана—развѣ бы она могла найти человѣка такого склада у него, и въ качествѣ знакомаго, который приходитъ безъ зова, за̀просто, въ ранній вечерній часъ?

— Всемогущество науки! — крикнулъ Козьминъ, точно кто-нибудь поднесъ пламя къ его кожѣ.—Соглашеніе съ выводами знанія! Но знаніе-то и показываетъ, какъ культура ведетъ къ полнѣйшему разгулу похоти и разнузданнаго себялюбія. Пресловутая наука ничего и никого не спасетъ, ни въ кого не вложитъ единаго спасительнаго начала—страха передъ Вѣчнымъ Судьей! Я тоже вѣровалъ въ точное знаніе и кончилъ—какъ видите— тѣмъ, что извѣрился во все, что̀ ухищреніе великой вавилонской блудницы, имя которой—Торжество науки! Эта ересь—и ника-

кая другая—надѣлила насъ всяческимъ юродствомъ, развела всяческую эмансипацію—духа и тѣла, дѣтей и слугъ, мужиковъ и баръ, а главное дѣвчонокъ и бабенокъ, мнящихъ себя носительницами передовыхъ идей!.. Ихъ и на Аѳонъ нельзя пустить. Тамъ этой нѣчисти не полагается.

Онъ даже сплюнулъ.

Въ щеки Елены разомъ вступило. Она приподнялась и, взглянувъ грустно на Боярцева, поспѣшно сказала:

— Я вернусь къ Татьянѣ Егоровнѣ... проститься.

— Вы совсѣмъ?—спросилъ Боярцевъ, тоже поспѣшно.

— Да, совсѣмъ, до завтра!

Акридина поклонилась Козьмину и скорымъ шагомъ направилась къ двери.

Еще минута—и произошелъ бы взрывъ.

Даже и теперь—въ присутствіи любимаго человѣка—она не была бы въ состояніи вынести, не давъ отпора, такую выходку. Не одна женщина была въ ней оскорблена; но она не могла бы снести, безъ разноса, самой сути того, что̀ проповѣдовалъ такой фанатикъ, вылѣзшій изъ аѳонскихъ пещеръ.

Ей—съ новой силой—сдѣлалось ясно, что Боярцевъ—при всей своей гуманности и честности—все-таки стоитъ на нижнемъ звенѣ той же цѣпи, къ которой прикованы вотъ и такіе Козьмины.

Иначе развѣ онъ выслушивалъ бы его такъ кротко?

Никакая свѣтская воспитанность не была бы въ состояніи дать подобнаго спокойствія и благодушія.

И разомъ она увидала—какъ она была уже близка къ измѣнѣ тому, на что̀ Елена Акридина—та, что̀ недавно воевала съ Боярцевымъ—положила всю свою жизнь.

Его она не передѣлаетъ; скорѣе онъ ее. Въ нее закралась запоздалая страсть, а не въ него. Ихъ сближеніе можетъ повести къ серьезной взаимной любви; но подъ нею пропасть только закрыта, а не заложена.

Сегодня ей надо бѣжать. Даже уйди Козьминъ—и все-таки вспыхнетъ споръ. И кто знаетъ, чѣмъ онъ могъ бы кончиться.

Въ коридорчикѣ нижняго этажа она на цыпочкахъ прошла въ комнату Ульяны—поглядѣть, не тамъ ли она.

— Что Татьяна Егоровна?—шопотомъ спросила она няню.

— Започивали.

— Ну, и прекрасно... Я ѣду. Вы меня не провожайте. Въ передней человѣкъ.

Торопливо завязала она передъ зеркаломъ черный пуховый

платокъ, и когда человѣкъ подалъ ей шубку, стала также торопливо застегивать ее.

Она сама лишала себя цѣлаго часа, а можетъ, и двухъ, разговора съ Романомъ Денисовичемъ.

Но страхъ все еще владѣлъ ею.

Съ верху донесся возгласъ Козьмина:

— И да будетъ имъ анаѳема!—разслышала она.

И засмѣялась.

Этотъ аѳонскій изувѣръ былъ ужъ слишкомъ курьёзенъ для нея, въ эту минуту, когда она одна, когда присутствіе мужчины, взявшаго надъ нею власть, не превращаетъ ее въ кроткую подругу его, способную вынести все, для того только, чтобы не прогнѣвить и не смутить его.

— Вамъ извозчика, сударыня?—спросилъ человѣкъ.

— Я сама найду... На перекресткѣ.

И бодрой походкой она вышла на улицу.

XXXVI.

Въ ихъ помѣщеніи Елена никого не нашла и послала сейчасъ узнать, дома ли Лыжинъ; если дома, то просить его къ себѣ.

Но его не оказалось тамъ. Снизу ей принесли записку отъ Иды: „Descends chez la petite. Tu nous y trouveras tous“.

Она немного задумалась. Про исторію Липы она уже знала, и когда Ида стала ей говорить, какъ ее оживляло общество молодежи, собирающейся у той, она ни однимъ словомъ не охладила ея настроенія.

Будь это мѣсяцъ назадъ, она бы считала „пошлымъ мѣщанствомъ“ сторониться отъ такой „жертвы любви“, какой она считаетъ Липу, и сама бы пошла за ней ухаживать, вмѣстѣ съ Идой.

Но теперь это ей представлялось „не совсѣмъ опрятнымъ“. Актриса жила „на содержаніи“ у офицера. Съ нею, вѣроятно, водятся такія же легкія женщины, какъ она сама.

Домъ Боярцевыхъ, Татьяна Егоровна, ея тонъ, правила, строгая религіозность и, поверхъ всего, образъ Романа Денисовича, его чистота, ихъ сближеніе, надежда на полное счастье, желаніе стоять—какъ и онъ—выше какихъ бы ни было нареканій, брали свое.

Она бы и не пошла, случись это вчера. Но отъ Боярцевыхъ

пріѣхала она все съ тѣмъ же осадкомъ недовольства, почти стыда за прежнюю Акридину. Ей хотѣлось попасть въ воздухъ молодыхъ чувствъ и разговоровъ и гдѣ все смѣло и ново, гдѣ не употребляютъ такихъ словъ, какъ тотъ изувѣръ съ Аѳонской горы, гдѣ хозяева не выслушиваютъ дикихъ выходовъ съ искреннимъ или поддѣльнымъ почтеніемъ и благодушіемъ.

Подумавъ немного, она сказала присланной снизу горничной, что сейчасъ будетъ, прошла въ свою спальню, поправила прическу и накинула на себя короткую мантильку съ двумя воротниками, зная, что эта мантилька идетъ къ ней.

У Липы было, дѣйствительно, цѣлое общество. Ее положили на кушетку въ углу, отодвинувъ піанино. Около нея, за самоваромъ, сидѣли Божеярина и Мухина. Ида съ Лыжинымъ—на диванѣ, и ближе къ столу, передъ ними—Петровичъ и художникъ Лукошкинъ. Воденягина незамѣтно было въ лѣвомъ углу отъ двери, за шкафчикомъ.

Елена только мелькомъ, разъ, въ началѣ своего житья въ нумерѣ, видѣла Липу на подъѣздѣ и нашла лицо ея „очень интереснымъ“.

Ида сейчасъ же подвела ее къ кушеткѣ.

— Вотъ мой другъ, Елена Константиновна Акридина!

Липа сильно пожала ей руку, приподнявъ голову. Худоба и впалые глаза дѣлали ее еще красивѣе. Она была въ темномъ; волосы лежали на плечахъ, распущенные. И въ тѣлѣ она похудѣла, что̀ дѣлало ея фигуру стройнѣе.

— Вы слишкомъ добры, Елена Константиновна, я, право, не заслуживаю.

Голосъ ея сталъ глуше и тонъ перемѣнился разительно.

Ей еще не позволяли много говорить, и она, передъ приходомъ Елены, больше слушала общій разговоръ, изрѣдка вставляя свое слово.

Акридина почуяла, что ея приходъ вызвалъ стѣсненіе—и въ хозяйкѣ, и въ нѣкоторыхъ гостяхъ.

Поэтому она сейчасъ же, присѣвъ къ Лыжину на диванъ, стала жать ему руку и заговорила:

— Лыжинъ! Какъ я рада васъ видѣть! Точно мы съ годъ не видались.

— Пожалуй!—откликнулся онъ, весело ее обглядывая.—У васъ все хорошо идетъ?—спросилъ онъ ее потише и поглядѣлъ съ выраженіемъ.

— Хорошо!—отвѣчала она.—Я, господа,—она обратилась

тотчасъ же къ остальнымъ:—прервала вашу бесѣду. Извините пожалуйста.

— Ничего!—откликнулась Липа и сказала Божеяриной:— Лёля, представь же всѣхъ Еленѣ Константиновнѣ.

Божеярина встала и, поводя сначала правой, потомъ лѣвой рукой, съ жестомъ драматической ученицы, проговорила:

— Вотъ это писатель Петровичъ и художникъ Лукошкинъ, а это моя подруга Мухина. Тамъ, въ углу, господинъ Воденягинъ.

— Что ты это все господинъ да господинъ?—со смѣхомъ перебила ее Мухина.

Всѣ разомъ разсмѣялись и всѣмъ стало ловко.

— Точно въ переводныхъ пьесахъ съ французскаго!—продолжала Мухина, и ямки заиграли на ея пухлыхъ щекахъ.— Первый любовникъ отступаетъ къ двери со шляпой и съ благороднымъ выраженіемъ восклицаетъ: „Сударыня!“ А первая любовница, на авансценѣ, ему въ тонъ: „Сударь!“

Опять раздался дружный смѣхъ. Липа только улыбнулась.

Съ нея—вмѣстѣ съ ея болѣзнью—точно слетѣла ея шумность.

— Вамъ чаю угодно?—спросила Божеярина и, круто обернувшись въ сторону своей подруги, выговорила съ особой интонаціей:—благодарю за репримандъ.

— У васъ здѣсь славно,—сказала Лыжину Елена вполголоса.—Такъ молодо! И я рада за Иду!—прибавила она.

Та разслышала ея слова.

— Да, мнѣ очень хорошо... И ты меня должна вдвойнѣ понимать.

Она наклонилась къ Еленѣ и досказала:

— У тебя тамъ, а у меня здѣсь... Вмѣсто смерти—жизнь.

Слово „смерть“ всѣ могли разслышать. Но здѣсь изъ „случая“ съ Липой секрета не дѣлали. Она сама, передъ приходомъ Акридиной, сказала, не приходя въ волненіе и съ тихой усмѣшкой:

— Лидія Павловна, Лёля да докторъ Гурьяновъ спасли меня. Нужно ли это было? Если нужно, надо постараться, чтобы они объ этомъ первые не жалѣли.

Она хотѣла показать, что никакого щекотливаго вопроса не дѣлаетъ изъ своей попытки покончить съ собою. Такъ всѣ ее и поняли. Ида и „дѣвочки“ знали уже, что она—когда и совсѣмъ оправится—не будетъ выступать въ Москвѣ и уѣдетъ въ провинцію. О баронѣ Гольцѣ она ни разу не спросила ни у кого и ни однимъ словомъ его не задѣла, точно онъ не существуетъ на свѣтѣ. И видно, что это не стòитъ ей никакихъ усилій надъ собою.

Елена еще считала ее жертвой любви, и теперь ее интересовалъ исходъ этой драмы. Она кое-что соображала насчетъ барона Гольца и своей племянницы. Кажется, Нина впервые поймалась. И пускай познаетъ, чтò такое страсть, хотя бы и къ офицеру. Пускай судьба собьетъ съ нея высокомѣрную увѣренность въ себѣ, весь этотъ нынѣшній позитивизмъ тщеславія и равнодушія ко всему, чтò не она, не ея домъ, не ея туалетъ, не ея наружность.

— Она гораздо красивѣе Нины,—вполголоса сказала Елена Лыжину.

— Вы находите?

— А вы все продолжаете млѣть передъ моей племянницей?

Вопросъ былъ сдѣланъ игриво, но не злобно.

Тотчасъ она взяла Лыжина за руку и прибавила почти шопотомъ:

— Полюбите, только не ее. Вы изстрадаетесь.

Лыжинъ разсмѣялся.

— Нѣтъ! Даже и въ наперсники врядъ ли гожусь... А такъ, смотрю со стороны, и ничѣмъ не возмущаюсь.

— Даже и гадостями?

— Все вѣдь относительно, другъ мой... Если жена моего хозяина дѣйствительно поймалась,—знаете, чтò меня будетъ занимать?

— Чтò?

— Не ея психологія, а то—какъ поведетъ себя Захаръ Лукьяновичъ. Онъ гораздо характернѣе, чѣмъ она.

Они разомъ замѣтили, что говорятъ вполголоса.

Общій разговоръ что-то не налаживался, и Еленѣ стало опять неловко. Она же помѣшала, а сама не можетъ оживить общество.

Неужели она такъ вся ушла въ то, чтò тамъ, въ старо-дворянскомъ домѣ съ мезониномъ,—и нѣтъ у ней въ головѣ ни на что отклика и въ сердцѣ ничего, кромѣ упорнаго захвата личнаго счастья?

Вошелъ лакей и у дверей перегородки доложилъ:

— Господинъ Брянцевъ; прикажете принять, Олимпіада Дмитріевна?

Всѣ переглянулись. Первая вскочила Божеярина и сейчасъ схватилась рукой за свой шиньонъ. Мухина убѣжала въ спальню оправиться. Появленіе такого крупнаго драматическаго „сюжета“ сейчасъ же подѣйствовало на обѣихъ.

— Просите!—отозвалась Липа и спросила Елену:—вы его, конечно, видали на сценѣ?

— Видала,—отвѣтила Елена, немного удивленная тѣмъ, какимъ тономъ Липа говорила о Брянцевѣ, точно будто она сама не принадлежитъ къ этому же мірку.

Брянцевъ заѣзжалъ разъ—во время ея болѣзни—и оставилъ карточку.

Вошелъ онъ грудью впередъ, одѣтый, какъ всегда, съ особой старательностью, съ бѣлымъ жилетомъ и слегка подзавитой. Онъ пожалъ руку Липы медленно, стоя съ наклоненной головой у кушетки. Потомъ онъ отдалъ всѣмъ круговой поклонъ и низко поклонился Акридиной, когда Липа, съ своего мѣста, представила его.

Запахъ тонкихъ англійскихъ духовъ пошелъ отъ него по комнатѣ, смѣшавшись съ дымомъ папиросъ.

Дѣвочки уже вернулись и, возбужденно поздоровавшись съ нимъ, стали угощать его чаемъ. Онъ имѣлъ съ ними особенный, благодушно-поощрительный тонъ.

Брянцевъ желалъ сначала нащупать почву, какъ здѣсь вести себя: вполнѣ „игнорируя“ исторію, или какъ товарищъ по искусству, безъ ненужной уклончивости.

Онъ выбралъ средній путь и, глотнувъ изъ стакана съ чаемъ, обратился къ двумъ молодымъ людямъ—писателю и художнику—и началъ:

— Вотъ, господа!.. Помните обмѣнъ нашихъ мыслей здѣсь, въ этой самой комнатѣ?

— Какже!—живо откликнулся Петровичъ.

Художникъ только мотнулъ головой, и его затуманенные глаза ушли въ тотъ уголъ, гдѣ было изголовье кушетки.

Изъ нихъ всѣхъ, кромѣ женщинъ, онъ всего больше страдалъ за женщину, за нанесенное ей оскорбленіе. Но онъ боялся высказаться. Нервы у него въ такомъ напряженіи, что онъ способенъ былъ и разревѣться.

— Да, господа,—продолжалъ сдержанно и мягко актеръ:—поучительный примѣръ. Съ душой артиста нынче играютъ какъ съ какимъ-то неодушевленнымъ предметомъ. И женщину щадятъ такъ же мало, какъ и мужчину!

— Брянцевъ!—остановила его Липа и приподнялась станомъ, облокотившись о спинку кушетки.—Спасибо за ваше участіе. Вы здѣсь можете говорить безъ всякихъ умолчаній,—она сдержала горькій смѣхъ:—но, право, не стоитъ. Чтò было—тò прошло!

— Зло и низость не заслуживаютъ прощенія, Олимпіада Дмитріевна!

— Мы сами всѣ виновиты.

— Кто же это всѣ?

— Люди того міра, гдѣ и я, грѣшная, до сихъ поръ билась. Слишкомъ àктеры и актёрки,—выговорила она полу-дурачливо:— падки до того, что про нихъ пишутъ. А кто накидывается на ядовитую приманку славы, тотъ самъ и виноватъ!

XXXVII.

— Олимпіада Дмитріевна принимаетъ?—раздался отъ дверей молодой звонкій голосъ.

Дѣвочки сейчасъ узнали голосъ Шипилина.

— Принимаетъ, принимаетъ!—крикнула Мухина, бросаясь къ нему на встрѣчу.

Леля Божеярина уже поддразнивала ее тѣмъ, что она „имѣетъ легкій интересецъ“ къ студенту.

Шипилинъ, не снимая пальто, выставилъ свою голову изъ-за портьеры и окликнулъ Лыжина:

— Юрій Петровичъ!

— Чтò угодно?

— Къ вамъ наверхъ прошелъ Иванъ Кузьмичъ.

— Кострицынъ?

— Да. Мы вмѣстѣ шли.

Лыжинъ приподнялся и, обращаясь къ Липѣ, спросилъ:

— Позвольте мнѣ просить сюда моего пріятеля. Я желалъ бы вамъ его представить.

— Очень рада... Мѣста, кажется, хватитъ,—откликнулась Липа.

— Можно еще послать за стульями,—сказала Мухина и поглядѣла съ лаской своихъ—и безъ того добрыхъ—глазокъ на студента.

Черезъ пять минутъ Кострицынъ уже сидѣлъ у круглаго стола, и Божеярина наливала ему стаканъ чаю.

Его пріятно встряхнулъ этотъ неожиданный визитъ къ Липѣ. Онъ смотрѣлъ на нее со смѣсью любопытства и неяснаго и быстраго сочувствія.

Еще вчера онъ, говоря о знакомствѣ съ ней Лыжина, считалъ ее „прожжёной“.

Здѣсь, въ двухъ шагахъ отъ кушетки, гдѣ лежала Липа,

такая величавая и тихо задумчивая въ лицѣ, съ него слетѣло всякое дурное отношеніе къ этой женщинѣ, которую онъ совсѣмъ не зналъ иначе, какъ по газетнымъ пасквильнымъ замѣткамъ.

Актеръ овладѣлъ опять разговоромъ на ту же тему.

— Олимпіада Дмитріевна,—началъ онъ въ позѣ лектора, приступающаго къ публичной бесѣдѣ.—Вы отчасти правы, находя, что мы, артисты разныхъ спеціальностей, слишкомъ отдаемся впечатлѣніямъ отъ прессы и публики. Но—спрашиваю я васъ всѣхъ, господа: развѣ артисту есть возможность уйти отъ прямого воздѣйствія этихъ двухъ трибуналовъ его таланта и умѣнья?

Присутствіе женщинъ заставляло Брянцева говорить красивѣе, употреблять выраженія—„на высотѣ положенія", какъ онъ привыкъ въ такихъ случаяхъ. Онъ зналъ, что Лыжинъ—„интересный интеллигентъ", Кострицынъ—магистрантъ, Воденягинъ—человѣкъ съ политическимъ прошедшимъ, Шипилинъ—студентъ, играющій роль въ средѣ своихъ товарищей.

Къ университету и студентамъ Брянцевъ имѣлъ почтительно-нѣжное чувство, какъ большинство актрисъ и актеровъ. Студенческая публика вліяетъ на ихъ репутацію, рѣшаетъ вызовы и часто успѣхъ роли или всей пьесы; а провалъ пьесы непремѣнно вліяетъ и на успѣхъ исполнителей.

— Да, вы не только правы, — повторилъ Брянцевъ и осторожно положилъ папиросу на край блюдечка:—такая неизбѣжная впечатлительность дѣлаетъ часто сценическихъ артистовъ мучениками особыхъ условій своего дѣла.

— Въ какомъ смыслѣ?—остановилъ его Кострицынъ, среди большого молчанія.

Онъ мысленно добавилъ одной изъ своихъ любимыхъ поговорокъ: „Хорошо птица поетъ—гдѣ-то сядетъ!"

— Очень понятно, господа! — груднымъ звукомъ отозвался Брянцевъ и выпрямилъ грудь.—Гдѣ же, въ какой другой области артистъ такъ подвергаетъ свое часто законное самолюбіе ежедневнымъ испытаніямъ?

— Да, вы вотъ въ какомъ смыслѣ!..

— Вы только сравните артиста съ писателемъ или даже съ художникомъ. Писатель написалъ одну пьесу, одну повѣсть въ годъ... Еще драматургъ приходитъ въ прямое столкновеніе съ залой. Его вызываютъ или ему шикаютъ.

— И свищутъ, — добавилъ Петровичъ.

Многіе засмѣялись.

— Но всего—разъ вѣдь, господа! Точно тоже и живописецъ, выставляющій свою картину. Этотъ даже и совсѣмъ гарантированъ отъ прямого дѣйствія на свои нервы, отъ прямыхъ оскорбленій. На выставкахъ не принято ни шикать, ни апплодировать... Писатель,—продолжалъ Брянцевъ съ жестомъ лектора, блестяще развивающаго по категоріямъ свои доводы,—писатель-беллетристъ и совсѣмъ не видитъ публики. Онъ можетъ абсолютно ее игнорировать, если ему это угодно.

— А господа рецензенты?—отозвался изъ своего угла Воденягинъ.—А милашки въ родѣ господина... Ну, да именъ не нужно!

Всѣ поняли, что онъ съ трудомъ воздержался отъ имени Спондѣева.

— Такъ вѣдь и для насъ, кромѣ всего остального, есть та же критика, та же брань, клевета, непониманіе, интрига! И поверхъ всего, господа, ежедневное, если хотите, раздраженіе нашего я вызовами. Хорошо, со стороны, философствовать, но надо быть человѣчнымъ... Сегодня васъ за роль вызвали пять разъ... Завтра, за ту же роль — безусловно одинаковую, на вашъ собственный взглядъ—ни хлопка... И рядомъ, товарища, которому вчера шикали—вызываютъ какъ бы вамъ въ пику.

— И очень!—крикнули разомъ дѣвочки.

Въ ихъ сторону Брянцевъ обернулся и наставительнымъ тономъ докончилъ:

— Вамъ, mesdames, предстоитъ все это испытать. И нѣтъ силы—особенно женской душѣ—закалить себя такъ, чтобы зала, пріемъ—это роковое актерское слово—не существовало для насъ. Нѣтъ такой силы!

— Нѣтъ!—подтвердила Божеярина и переглянулась съ Мухиной.

Обѣ онѣ, вразъ, подумали:

„Какой же онъ умный! Не мудрено, что такую силу забираетъ на сценѣ".

— Но вамъ, — мѣняя тонъ, заговорилъ Брянцевъ, уже въ сторону Липы, — вамъ, Олимпіада Дмитріевна, еще столько впереди! Вы, конечно, когда вполнѣ оправитесь, будете продолжать свои дебюты, вѣря въ свое дарованіе?

— Нѣтъ!—откликнулась Липа, и лицо ея стало еще серьезнѣе.

— Какъ нѣтъ?

— Очень просто. Съ меня „спала пелена", Брянцевъ,—знаете, какъ вы въ Чацкомъ вскрикиваете. Самой кажется, что всѣ въ стачкѣ противъ тебя, клевещутъ... И—ничуть не бывало!

— Помилуйте! — вмѣшался Шипилинъ и вскочилъ съ своего

мѣста.—Помилуйте, Олимпіада Дмитріевна! Вамъ грѣшно говорить. Вы насъ не подкупали... когда вамъ хлопали... мои товарищи. Ноты у васъ есть—въ душу забираются, ей Богу!

Его глаза блеснули. И обѣ дѣвочки закивали ему головой.

— „Въ душу забираются“!—повторила Липа, и ея тонъ заставилъ Акридину и Иду прислушаться съ особеннымъ интересомъ.

И Кострицынъ значительно поглядѣлъ на Лыжина, отъ котораго отдѣлялъ его столъ передъ диваномъ.

— Этого мало, господа,—продолжала Липа, все еще довольно медленно. — Одного нутра мало.

— Разумѣется!—докторально подтвердила Акридина.

— А нотъ нѣкоторыхъ нѣтъ, и на сильныя партіи не хватитъ регистра. Теперь—и Липа оглядѣла всѣхъ съ усмѣшкой — теперь и подавно... И средній-то регистръ можетъ оказаться слабъ... Да и вообще...

Не договоривъ, Липа повела рукой въ воздухѣ.

— Если вы, Олимпіада Дмитріевна,—возразилъ Брянцевъ,— чувствуете въ себѣ артистку, то вопросъ голоса—еще не все.

— Какъ же не все—для пѣвицы?—замѣтила Акридина.

Студентъ и дѣвицы тоже вопросительно поглядѣли на актера.

— Не будетъ нотъ оперныхъ, найдутся ноты для драмы,— выговорилъ онъ, сложивъ губы въ поощрительную усмѣшку и глазами приласкалъ Липу.—Въ васъ, Олимпіада Дмитріевна, всѣ задатки драматической артистки на крупныя роли — ростъ, фигура, лицо, тонъ, тембръ голоса, движенія. Повѣрьте мнѣ: опера— дѣло рискованное. Виртуозный голосъ въ нашемъ ужасномъ климатѣ—тепличное растеніе. А въ драмѣ женщина можетъ занимать первое мѣсто двадцать, тридцать лѣтъ, иногда всю жизнь... стòитъ только перемѣнить амплуа.

„Вотъ ты куда пробираешься,—подумалъ Кострицынъ, и ему вдругъ сдѣлалось жутко отъ мысли, что вотъ этотъ „первый сюжетъ“ займется Липой, станетъ готовить ее на драматическую сцену — съ задней мыслью легкой побѣды. Такой, небось, не упуститъ случая!

— Нѣтъ, Брянцевъ,—заговорила Липа, и голосъ ея дрогнулъ: — и опера, и драма — все это одна и та же ловушка. Ужасный этотъ міръ! Вы сами сейчасъ набросили намъ картину... всѣхъ гадостей. Жить весь свой вѣкъ въ ча́ду, кипѣть въ котлѣ! И постоянно лгать самой себѣ, цѣпляться за что-то, чтò отъ тебя предательски ускользаетъ. Все бросить въ эту бездонную пропасть—и тѣло, и душу, и всякое человѣчное чувство, и мысль,

и то, что̀ еще такъ недавно считала святымъ, ставила выше собственной особы и воображаемыхъ талантовъ.

Голосъ ея все сильнѣе вибрировалъ и дѣлался теплѣе; но болѣзненной нервности не замѣчалось.

Ида и Елена заслушались ее и взглядывали другъ на друга.

Въ Еленѣ слова Липы особенно отдавались. И она сама близка къ такому же перелому. Ея ученость, забота объ извѣстности, поѣздки, конгрессы, медали, оваціи—все это тамъ гдѣ-то. Безъ любви, безъ взаимности она не согласна жить. То же говоритъ и въ этой „актеркѣ".

Ида знала, что въ „актеркѣ" есть и еще что-то, и она дѣйствительно близка къ перелому не изъ одной отвергнутой любви.

Задумался и Лыжинъ... Изъ своего угла Воденягинъ, что-то заслышавъ „свое", поднялъ голову. Художникъ Лукошкинъ понималъ Липу больше всѣхъ остальныхъ, и у него вырвался — среди общаго молчанія—возгласъ:

— Это такъ!

Всѣ на него поглядѣли.

— Однако, — возразилъ Кострицынъ, чувствуя новое, незнакомое ему волненіе: — гдѣ же женщина царитъ, какъ не на сценѣ, гдѣ она можетъ поднять свою личность до высшаго предѣла?

— Царица!—глухо возразила Липа.—Царица! Полноте, господа. Кого прельщать? Передъ кѣмъ бѣса тѣшить? И въ какой странѣ?.. Совѣстно! Гадко!

И она взялась руками за лицо.

Всѣ опять примолкли.

XXXVIII.

По кабинету Захаръ Лукьяновичъ ходилъ большими шагами и курилъ.

Лыжинъ сидѣлъ въ креслѣ, въ глубинѣ комнаты.

— Такъ васъ Питеръ не прельщаетъ, Юрій Петровичъ? А то бы прокатились! Дня въ четыре я бы со всѣми дѣлами управился.

Только-что передъ тѣмъ Кумачевъ предложилъ Лыжину съѣздить съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ, куда онъ отправлялся, какъ глава депутаціи и, особенно, какъ попечитель нѣсколькихъ благотворительныхъ учрежденій.

Лыжинъ не любилъ Петербурга, и, кромѣ того, онъ не же-

лалъ ѣхать „при его степенствѣ“—какъ бы въ качествѣ его домашняго секретаря.

По возбужденному настроенію Кумачева видно было, что онъ надѣялся на особенную награду. Говорилъ онъ съ Лыжинымъ не объ этомъ, а о томъ ходатайствѣ, гдѣ онъ являлся защитникомъ „истинно-русскихъ“ интересовъ.

— Напрасно вы не желаете проѣхаться, Юрій Петровичъ. Тамъ бы я вамъ показалъ нѣсколько образчиковъ петербургскихъ высокоумныхъ администраторовъ, которые мудрятъ надъ святой Русью.

Лыжинъ зналъ, что предметъ ходатайства все то же—„поощреніе національной промышленности“. Прежде онъ бы посмотрѣлъ на это какъ на ненасытную погоню за барышемъ русскихъ „буржуевъ“, подъ прикрытіемъ любви къ отечеству. Теперь дѣло представлялось ему иначе, и онъ уже не считалъ такого Захара Лукьяновича „съ товарищи“ — жадными кулаками, способными только клянчить о запретительныхъ пошлинахъ и усиленной правительственной поддержкѣ. Фабричный людъ видѣлся ему изъ-за этихъ хозяйскихъ домогательствъ — тысячи рабочихъ, которымъ приходилось бы плохо, на ихъ тощей землишкѣ—не будь тутъ тѣхъ же Кумачевыхъ, постоянно расширяющихъ свое производство... А безъ высокихъ пошлинъ—гдѣ же имъ соперничать съ заграничнымъ товаромъ?

Ѣхать съ нимъ въ Петербургъ Лыжину все-таки не хотѣлось — не изъ одного только дворянскаго чувства. Здѣсь, въ домѣ Захара Лукьяновича—что-то начинало происходить, на половинѣ Антонины Борисовны. Въ ея обращеніи съ нимъ произошла на дняхъ перемѣна. Она — точно колебалась: быть ли съ нимъ совсѣмъ откровенной, или остаться въ тонѣ ласковаго благоволенія, не допуская ни до какой фамильярности.

Онъ себя допросилъ. Никакой претензіи онъ въ себѣ не подмѣчаетъ. Нина — какъ женщина—была бы въ его вкусѣ; но ему любить поздно, да и никогда онъ не склоненъ былъ къ связи съ замужней женщиной. Ему хотѣлось найти въ Нинѣ больше души и ума, чѣмъ предполагалъ пріятель его, Кострицынъ, и—обратись она къ нему искренно за поддержкой въ минуту женскаго кризиса—онъ готовъ былъ поддержать ее.

Кризисъ, кажется, явился. Его занимало также—догадывается ли о чемъ-нибудь „супругъ“.

Захаръ Лукьяновичъ казался совершенно довольнымъ, даже съ особенно приподнятымъ сознаніемъ своей личности. Никогда,

слушая его, нельзя бы было примѣнить къ нему прямѣе изреченія, выбраннаго имъ самимъ: „ibo singulariter donec transeam".

Или, быть можетъ, онъ такъ мастерски умѣетъ владѣть собою? Страннымъ могло бы и ему самому показаться хоть бы то, что Нина Борисовна совсѣмъ не участвуетъ въ его петербургской экспедиціи. Лыжину не было извѣстно—предлагалъ ли Кумачевъ и ей проѣхаться въ Петербургъ. Если и не предлагалъ, все-таки она съ своимъ тщеславіемъ должна была бы проявить чѣмъ-нибудь свое сочувствіе его поѣздкѣ и тому, съ чѣмъ она сопряжена.

И самъ Захаръ Лукьяновичъ—со вчерашняго дня—замѣчалъ то же. Онъ не приглашалъ жену прямо; но былъ бы очень радъ съ ней поѣхать. Нина сказала ему только:

— Что-жъ! Поѣзжай! Я очень рада.

Въ другое время она обо всемъ его, съ глазу на глазъ, обстоятельно бы допросила и дала бы указанія, у кого побывать изъ ея знакомыхъ и родственниковъ. На этотъ разъ—ничего.

Въ ея обращеніи съ нимъ онъ не подмѣчалъ ничего необычнаго; только ему сегодня утромъ, когда они проснулись, показалось, что она слишкомъ поспѣшно ушла въ свою уборную.

О баронѣ Гольцъ онъ разъ подумалъ съ такимъ чувствомъ, какого прежде не зналъ — и только. Этого, хотя бы и весьма благообразнаго, „калегварда" онъ не будетъ же—ни съ того, ни съ сего—ревновать къ женѣ! Антонину Борисовну онъ слишкомъ высоко ставитъ, да и не считаетъ совсѣмъ склонной къ увлеченіямъ: не такая у нея натура. Даже въ немъ, если его разбередить, — найдется гораздо больше темперамента. Слѣдовательно, если онъ за себя можетъ вѳ-время поручиться, то тѣмъ паче она.

Кумачевъ надавилъ пуговку звонка.

— Есть гости у барыни?—спросилъ онъ вошедшаго камердинера.

— Баронъ Гольцъ сидятъ у нихъ.

Въ лицѣ Захара Лукьяновича не дрогнула ни одна жилка.

Слова лакея: „сидятъ у нихъ", непріятно прошлись по немъ— точно у него кожу гдѣ-то засаднило.

— Не хотите подняться къ Антонинѣ Борисовнѣ?—спросилъ онъ Лыжина, когда камердинеръ вышелъ изъ кабинета.

— Съ удовольствіемъ, только позвольте мнѣ написать у васъ одно письмо.

— Сдѣлайте одолженіе.

Уходя, Кумачевъ обернулся къ столу, куда уже присѣлъ Лыжинъ, и, покачавъ головой, выговорилъ:

— Жаль, что вы не желаете проѣхаться въ Питеръ,—право, жаль.

„Питеръ" вмѣсто „Петербургъ" онъ говорилъ всегда, желая и въ этомъ держаться коренныхъ русскихъ названій.

Въ третій разъ счетомъ въ теченіе одной недѣли ему приводилось встрѣчаться съ барономъ и всегда въ одно и то же время. Правда, это,—пріемные часы Антонины Борисовны, однако —что-то частенько.

И въ первый разъ, когда онъ проходилъ по первой гостиной, ему стало немного тревожно—точно онъ боялся на что-нибудь наткнуться, если войдетъ невзначай въ кабинетъ жены.

Даже захотѣлось кашлянуть.

Онъ отлично зналъ, что ничего подобнаго никогда не испытывалъ. Да и съ какой стати?

Раздались шпоры—по ковру. Баронъ Гольцъ встрѣтился съ нимъ въ дверяхъ второй гостиной и, остановившись, отвѣсилъ ему почтительный поклонъ.

Захаръ Лукьяновичъ задержалъ его руку и спросилъ:

— Куда же вы спѣшите, баронъ? Или много еще визитовъ?

— Есть,—лаконически выговорилъ Гольцъ.

— Долго еще пробудете у насъ, на Москвѣ?

— Еще не рѣшилъ... вѣроятно до поста.

— Поживите.

Никогда еще Захаръ Лукьяновичъ не чувствовалъ себя такимъ джентльменомъ. И его голосъ звучалъ гораздо барственнѣе, чѣмъ у этого великосвѣтскаго офицера.

Проводивъ его до дверей первой гостиной, онъ спросилъ его на прощанье:

— Прикажете поклониться отъ васъ городу Санктпетербургу?

— Вы ѣдете?

Гольцъ спросилъ это умышленно спокойно.

— Какже—и не дальше, какъ сегодня вечеромъ.

Кумачевъ точно хотѣлъ и самого себя увѣрить, что онъ нисколько не смущенъ, да и офицеру показать, что не считаетъ его опаснымъ.

Входя въ кабинетъ жены, онъ подумалъ:

„А еслибъ вдругъ попросить Нину, чтобъ она поѣхала со мной?"

Средство показалось ему очень вѣрнымъ, только онъ опять-таки считалъ себя и ее выше такихъ подходовъ.

Будь онъ „самъ", на старо-купеческій ладъ—онъ бы, безъ

церемоніи, приказалъ ей укладываться, разъ его безпокоитъ то, что она остается безъ него.

Развѣ онъ — Захаръ Лукьяновичъ — способенъ на это?

Нина стояла передъ мольбертомъ, гдѣ уже зарисованы были ирисы, и смотрѣла на одинъ изъ цвѣтовъ.

— Это ты, Закки?

Лицо ея было ясное, глаза блестящіе, на губахъ легкая усмѣшка. Смущенія — ни единой капли.

— Ниночка! — онъ иногда такъ ее звалъ: — ты, кажется, не очень рада, что я ѣду?

— Почему?

Она повела своими бархатными бровями.

— Вѣдь ты знаешь, — онъ взялъ ее слегка за талію и прошелся съ нею по комнатѣ, — изъ этого похода твой Закки можетъ вернуться... кое съ чѣмъ.

Для нея это было важнѣе, чѣмъ для него самого. Получи онъ давно желанное званіе — онъ имѣетъ входъ всюду, а въ ближайшемъ будущемъ и четвертый классъ, и губернаторство — если она этого пожелаетъ.

— Ты надѣешься? — спросила она ласково, но безъ всякаго оживленія.

— Постараюсь вести себя, какъ мальчикъ-пай и заслужить награду — прежде всего отъ моей женушки.

Никогда онъ не называлъ ее „женушка".

Нина даже поглядѣла на него.

„Ой, попробуй средство! — подсказалъ себѣ Захаръ Лукьяновичъ: — пригласи ее въ Петербургъ и подмѣчай, какъ она поведетъ себя".

Пересилило сознаніе своего джентльменства.

— Ты скучать не будешь? — спросилъ онъ и поцѣловалъ ее въ шею.

Нина стояла неподвижно и та же холодная усмѣшка раскрывала ея пышный ротъ.

— Постараюсь не скучать.

Заслышавъ чьи-то шаги, она легкимъ притрогиваніемъ руки освободила свою талію.

— Это Юрій Петровичъ! — успокоительно выговорилъ Кумачевъ.

— А-а!

Она все-таки освободила свою талію и пошла къ дивану, на который опустилась въ свою полу-лежачую позу.

Захару Лукьяновичу было не по себѣ.

XXXIX.

Нина удержала Лыжина, послѣ того, какъ мужъ ея удалился.

Въ ней, на взглядъ Лыжина, была та „игра“ въ обращеніи съ мужемъ, какой прежде онъ не подмѣчалъ—что-то двойственное и трудно уловимое.

Когда они остались вдвоемъ и Нина приказала подать чай, онъ сказалъ ей:

— Вы, Антонина Борисовна, какъ я же—Петербурга не долюбливаете?

— Нѣтъ,—промолвила она, игриво поглядывая на него.— Съ Закки я не разсудила ѣхать. Зачѣмъ? Только ему мѣшать! Онъ цѣлые дни будетъ представляться и разъѣзжать по министерствамъ разнымъ... Морозы ужасные. И никого мнѣ не хочется особенно видѣть. Къ Фигнеру я равнодушна—достаточно слушала его и здѣсь... А Михайловскій театръ ужасно упалъ.

„Хитришь ты, голубушка,—весело поправлялъ ее, про себя, Лыжинъ.—И хитришь довольно ловко—отдаю тебѣ справедливость“.

Въ немъ—противъ собственнаго ожиданія—заговорило не злорадство барина при видѣ того, какъ зазнавшагося купчишку начинаетъ артистически обманывать его жена—родовитая дворянка, нѣтъ—совсѣмъ противное.

Захара Лукьяновича ему становилось жалко, какъ бы обидно за него.

— Вы скучать безъ него не будете,—сказалъ онъ не звукомъ вопроса, а съ интонаціей увѣренности.

Нина поглядѣла на него пристально.

Ея тонъ былъ сегодня не такой, какъ на дняхъ—проще и съ явнымъ оттѣнкомъ почти пріятельской искренности.

И это онъ отмѣтилъ, про себя.

Лыжина случай посылалъ ей, какъ единственнаго человѣка, котораго она могла приблизить къ себѣ, ничѣмъ не рискуя. Свою пріятельницу Nanon она не желала дѣлать своей наперсницей. Та придастъ всему банальный характеръ и начнетъ болтать по всему городу, хотя и станетъ божиться и клясться, что тайна умретъ съ ней вмѣстѣ. Къ Эсаулову она охладѣла... Да и ничего нѣтъ глупѣе, какъ говорить о своемъ любовномъ дѣлѣ мужчинѣ, который когда-то имѣлъ на васъ брачные виды.

Оставаться совсѣмъ одной съ своимъ „секретомъ“ было ей тяжко, чего она и сама бы не ожидала отъ себя. Только Лы-

жина она считала человѣкомъ „de son bord" въ своемъ домѣ, и съ того дня, когда, въ этой самой комнатѣ, она поцѣловала Гольца—ей надобенъ былъ сообщникъ-пріятель, съ которымъ она чувствовала бы себя въ своемъ лагерѣ—въ лагерѣ людей родовитыхъ, надѣленныхъ бѣлой костью. Такому сообщнику будетъ лестно ея довѣріе. Онъ его пойметъ, онъ—умный и бывалый холостякъ. Хорошія чувства къ своему „принципалу" онъ врядъ ли можетъ имѣть. Милліоны, себѣ на умѣ и напускное джентльменство Захара Лукьяновича должны тайно раздражать такого тонкаго человѣка, какъ Лыжинъ.

Въ глазахъ Нины онъ не прочелъ никакого предвкушенія скуки одиночества по отъѣздѣ супруга.

— Зачѣмъ, Юрій Петровичъ,—шутливо начала Нина,—говорить мнѣ казенныя фразы? Мы съ вами выше этого. Развѣ я сантиментальная Пульхерія Ивановна? Нашъ медовый мѣсяцъ давно прошелъ. И вообще мы держимся правила не быть постоянно вмѣстѣ. Развѣ вы не находите, что такъ лучше?

Лыжинъ молча согласился наклоненіемъ головы. Онъ могъ бы сейчасъ же перевести разговоръ туда, гдѣ Нина ждала его... И почему-то медлилъ, съ какой-то полусознательной хитростью.

— Знаете,—продолжала Нина въ нѣсколько иномъ тонѣ:— въ страстныхъ и сантиментальныхъ супружествахъ часто выходятъ такіе перевороты. Вы слышали, Юрій Петровичъ, про Орѣхову—двоюродную сестру нашего знакомаго... вы съ нимъ познакомились у насъ на обѣдѣ... Помните, когда были въ первый разъ?

— Помню, помню.

Она была сирота и наслѣдница шести милліоновъ.

— Господи!

— Только у купчихъ и могутъ быть такія безумныя деньги. Она еще дѣвочкой влюбилась въ приказчика своего дяди. Жгучая страсть! Опекунъ ей не позволялъ. Она тайно обвѣнчалась... Красавецъ-мужчина, какъ выражается Захаръ Лукьяновичъ.

Лыжинъ замѣтилъ, что она въ первый разъ называла своего мужа по имени и отчеству, а не „Закки".

— Пожили два года! Любовь такая—ни въ сказкѣ разсказать!.. Un Vésuve, quoi! И вдругъ встрѣча съ теноромъ—мужъ получаетъ милліонъ. Это у нихъ,—протянула она съ усмѣшкой,— называется...

— Отступное?—подсказалъ Лыжинъ.

— Ха, ха! Вы знаете? Да, да, отступное. Премилое слово... И разводъ готовъ въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца.

— Можно и скорѣе,—прибавилъ Лыжинъ.

— Можно?—спросила она, вдругъ блеснувъ глазами и вся придвинулась къ нему, полулежа на диванѣ.

— Это зависитъ отъ капиталовъ.

— А чтò... это стоитъ обыкновенно? Знаете... не такъ, чтобы глупо бросать... Вѣроятно, существуетъ что-нибудь въ родѣ таксы?

— Не прицѣнивался, Антонина Борисовна... Что-то, однако, приводилось слышать...

— Тысячъ двадцать, тридцать?

— Гдѣ! Это слишкомъ! Даже и для богачей дешевле.

— Неужели не больше десяти?

— Простыхъ смертныхъ и тысячи за двѣ освобождаютъ отъ узъ. Конечно, не такъ скоропалительно, съ нѣкоторой проволочкой. Кажется, дорогой цѣной считается—тысячъ шесть, семь.

— Mais c'est une misère!

Они оба засмѣялись, и Нина, не мѣняя своей полулежачей позы, наклонилась надъ маленькимъ японскимъ столикомъ, гдѣ стоялъ стаканъ Лыжина. И онъ придвинулся къ дивану.

— Особенно для такихъ барынь, какъ та коммерсантка, про которую вы сейчасъ разсказывали.

— Знаете, Лыжинъ,—съ злобнымъ блескомъ въ глазахъ продолжала Нина.—Вѣдь только эти купчихи и живутъ... selon leur fantaisie. Точно царицы какія-нибудь, вродѣ Клеопатры. Для нихъ нѣтъ препятствій... Выходятъ замужъ, откупаются отъ мужей, берутъ новыхъ, заводятъ обожателей. Enfin, elles jouissent de la vie, comme personne!

— Кажется, и въ дворянскомъ обществѣ нынче довольно часты разводы?

— Бываютъ! Въ Петербургѣ гораздо чаще, чѣмъ въ Москвѣ. Только,—она пренебрежительно улыбнулась,—все это гораздо трусливѣе... Cela traîne! Нѣтъ смѣлости!

— Потому-что капиталы не тѣ?

— Ха, ха, ха! Можетъ быть. En un mot, c'est plus mesquin! И это—право обидно.

Она не досказала чего-то. Лыжинъ посмотрѣлъ на нее, улыбаясь, и потише спросилъ:

— Вамъ что же завидовать, Антонина Борисовна:—вы далеки отъ всей этой купли-продажи мужей и женъ.

Не безъ задней мысли сказалъ онъ это и ждалъ.

Не сразу отвѣтила Нина. Она потянулась, закинула полуобнаженныя руки за шею движеніемъ, полнымъ нѣги, и промолвила:

— Я никогда никому не завидую. Но, не правда ли, намъ, женщинамъ d'un tout autre monde,—вставила она по-французски,—приходится брать примѣръ съ такихъ вотъ госпожъ. Онѣ только, повторяю, и умѣютъ жить и ставить свои страсти или даже... une simple toquade—выше всего. Онѣ только и умѣютъ кидать милліоны. Ça, c'est crâne!—почти крикнула она и вдругъ подобралась, опустила ноги и торопливо спросила:

— Который можетъ быть часъ?

— Четыре,—отвѣтилъ Лыжинъ, посмотрѣвъ на свои часы.

— Ah, mon Dieu! Я опоздаю!

Нина вскочила и, протягивая ему руку,—Лыжинъ тоже поднялся,—сказала потише:

— Мнѣ надо быть къ пяти—въ манежѣ.

— Берете уроки?

— Я ѣзжу съ дѣтства. У насъ репетиція карусели. Вы не ѣздите?

— По-казацки... По-ученому не умѣю.

— Когда у насъ пойдетъ получше — не хотите ли посмотрѣть?

Лыжинъ поблагодарилъ молча.

Для него все выяснилось. Она заспѣшила въ манежъ, гдѣ будетъ ѣздить съ барономъ. Въ отсутствіе Захара Лукьяновича произойдетъ нѣчто, если уже не произошло, судя по тому, что онъ схватилъ въ ея разспросахъ насчетъ расходовъ по бракоразводнымъ дѣламъ.

„Неужели она уже такая прожжёная?“ спросилъ онъ себя, проходя вторую гостиную, и вспомнилъ, что Кострицынъ этимъ именно словомъ выразился какъ-то про Липу Углову. Нѣтъ, Липа такъ же, какъ и онъ—обломокъ крушенія и способна очутиться теперь за тысячи верстъ отъ всякой актерской суеты и женской погони за серьезной ли любовью, за мелкими ли интригами.

Ей далеко до Антонины Борисовны. Будь у этой собственный милліонъ, она врядъ ли бы бросила его на отступное мужу; заведя друга, придержала бы свой капиталъ и только въ случаѣ прямой выгоды взять во вторые мужья любовника—начала бы добиваться развода у перваго.

Не ошибается ли она? Захаръ Лукьяновичъ можетъ оказаться посильнѣе ея натурой. Да и капиталы всѣ у него. Дарственной записи онъ еще не сдѣлалъ въ пользу своей, хотя бы и обожаемой, жены.

Въ уборной Нина, одѣваясь въ амазонку, чувствовала себя

гораздо какъ-то „уютнѣе“, послѣ разговора съ Лыжинымъ. Она была убѣждена, что очаровываетъ его своей простотой и смѣлостью. Такого пособника ей необходимо имѣть. Онъ—не „купчишка“, а свой братъ, дворянинъ, и чтò бы ни случилось—у ней всегда будетъ подъ рукой вѣрный человѣкъ. Ходы свои съ нимъ она прекрасно разочла. Да и чтò тутъ мудренаго, когда она и тому, кто ее захватилъ не на шутку—не желаетъ давать ходовъ больше того, какіе она разсудила допустить въ ожиданіи минуты, когда она доведетъ все свое „дѣло“ до желаннаго исхода.

XL.

Князь Иларіонъ съ самаго завтрака не выходилъ отъ себя. Лампа давно уже погасла у него на письменномъ столѣ, съ пріѣзда его покрытомъ рукописями и тетрадями всякихъ форматовъ.

Вчера вечеромъ уѣхалъ Захаръ Лукьяновичъ и, прощаясь съ нимъ—онъ зашелъ къ нему сюда,—нѣсколько разъ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Позвольте пожелать вамъ, князь, добраго здоровья и полнаго успѣха.

Онъ поглядѣлъ при этомъ на столъ съ рукописями... Князь даже покраснѣлъ. Это былъ прямой вызовъ: „обратись, молъ, ко мнѣ; я тебѣ издамъ хоть десять томовъ“.

Но ему опять стало совѣстно воспользоваться этимъ.

Кумачевъ — у двери — прибавилъ и какимъ-то особеннымъ тономъ:

— Спокойствіе моего дома, князь, поручаю вашему доброму вниманію. Ваша племянница привыкла почитать васъ; ежели чтò—прошу не оставить ее вашими совѣтами.

И не сразу ушелъ, а поглядѣлъ на него довольно-таки пристально.

Эти слова запали въ душу князя. Племянницу свою онъ еще сегодня не видалъ. Она дома не завтракала. Онъ съ ранняго утра сидитъ надъ тетрадями. Въ который разъ располагаетъ онъ ихъ въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ и только сегодня написалъ онъ своимъ крупнымъ живописнымъ почеркомъ полное оглавленіе, раздѣливъ свой трудъ на три отдѣла: общій и два конкретныхъ. Одинъ изъ нихъ—основы этики (онъ вездѣ писалъ по старинному: *ѳика*), какъ осуществленіе міровой кра-

соты и свободы и ея олицетворенія въ женщинѣ, ея любви, ея животворной роли въ родовомъ укладѣ, въ семьѣ и обществѣ.

Съ того вечера, когда князь вернулся послѣ пренія съ Кострицынымъ, его „трудъ“ — эти нѣсколько разъ переписанныя тетради—сталъ ему еще дороже. Онъ пугался мысли скоропостижно умереть, даже не прочитавъ ихъ никому, не вызвавъ ни въ комъ отклика — ни въ одномъ молодомъ существѣ. На студентовъ онъ не надѣялся. Они слишкомъ далеки отъ его міропониманія.

Переводъ подлинныхъ книгъ, изданныхъ еще самимъ учителемъ, лежитъ у него въ особомъ сундукѣ—въ спальнѣ. Тамъ уже нечего пересматривать.

Ему сдѣлалось совѣстно, когда онъ подумалъ, что на изданіе тѣхъ книгъ онъ точно поставилъ уже крестъ, а собственныя „измышленія“ все еще надѣется напечатать, найдя издателя. Положимъ, онъ завѣщаетъ весь этотъ многотомный трудъ—трудъ всей жизни—публичному книгохранилищу.

Перечитывая отдѣльные параграфы, князь все разгорался. Ему казалось уже менѣе унизительнымъ предложить Захару Лукьяновичу изданіе его „Введенія“ въ истинное пониманіе системы великаго мыслителя. Это ему будетъ доступнѣе, чѣмъ всѣ томы Феноменологіи, Энциклопедіи и другихъ частей ученія, выпущенныхъ самимъ учителемъ—на это князь особенно сильно напиралъ и считалъ лекціи, вышедшія по смерти его, неподлинными по тексту. И ему сдавалось, что духъ этихъ посмертныхъ лекцій жилъ только въ немъ. Ученіе о прекрасномъ излагалъ онъ въ своемъ собственномъ трудѣ особенно подробно. Надъ изложеніемъ этихъ главъ сидѣлъ всего больше.

Изъ нихъ надо выбрать самыя глубоко продуманныя страницы и, прежде чѣмъ знакомить съ ними Захара Лукьяновича, прочесть ихъ Нинѣ. Въ ту ночь, когда онъ началъ ей излагать идею красоты, претворенной въ естествѣ женщины, она была слишкомъ нервна. Но умъ у ней есть, и характеръ, и вѣрное чувство того, чѣмъ должна быть женщина. Она не держится разсудочно-лживыхъ поползновеній къ эмансипаціи, не добивается равенства съ мужчиной во всемъ томъ, что и въ немъ самомъ—только проявленіе его болѣе грубой и матеріально-ограниченной натуры. Отъ нея исходитъ на весь домъ дуновеніе красоты, достолюбезности, граціи и высшей свободы духа, присущей существамъ ея пола.

Съ разгорѣвшимися щеками и поводя правой бровью, перечитывалъ князь тѣ мѣста одной изъ тетрадей, гдѣ всего ярче

и неотразимѣе представлены доказательства того, на чемъ зиждется духъ женщины, любовь и семейный союзъ, безъ котораго немыслимъ никакой общественный укладъ. Вотъ эти мѣста онъ и прочтетъ Нинѣ; можетъ быть, сегодня же, до ихъ обѣда. А первоосновы ученія о красотѣ, какъ источникъ добра, повезетъ прочесть къ Цыбашеву, которому онъ еще ничего не читалъ... Пускай тотъ скажетъ свое слово, если не о самомъ ученіи — спорить съ нимъ ему будетъ тяжко, — то объ языкѣ, методѣ и силѣ діалектическихъ „предпосылокъ и королларіевъ".

Чѣмъ онъ внимательнѣе просматривалъ, тѣмъ сильнѣе увлекался самой формой изложенія и незамѣтно началъ читать вслухъ все громче и громче. Перелистывая медленно свои фоліанты и пропуская цѣлыя страницы, онъ выговаривалъ медленно своимъ музыкальнымъ басомъ, съ легкой хрипотой:

— „Красота женщины есть сладкое и непреодолимое плѣненіе, производимое ею на все окружающее. Ей все безгранично подчинено; никто и ничто не хочетъ сбросить съ себя ея плѣнительнаго ига. Въ ней красота—божественное сліяніе необходимости и свободы. Она есть чудо, и только грубый реализмъ не понимаетъ его"...

Тутъ князь закинулъ голову назадъ и, съ тихой восторженностью оглянувъ комнату, повторилъ:

— Великое чудо!

Страницы собственной прозы неудержимо привлекали его.

Онъ продолжалъ, пропуская по цѣлымъ страницамъ, выговаривать вслухъ:

— „Красота женщины есть сочетаніе несочетаннаго"...

— Разумѣется,—остановилъ онъ себя, — теперешніе разсудочники поднимутъ меня на смѣхъ за такое выраженіе, но лучше не придумаешь.

— „Сочетаніе несочетаннаго",—съ наслажденіемъ и убѣжденно повторилъ онъ и продолжалъ выхватывать изъ рукописи:

„Только одна красота — истинно реальна; матеріальная же реальность есть несообразность, полная противорѣчій. Сфера красоты — величайшая поэма человѣчества, ибо человѣкъ дѣйствительно живетъ лишь въ образахъ прекраснаго. Женщина согрѣла красоту на своей груди. Мужчина — грубый и жалкій умникъ"!..

Эту фразу князь раскатисто пустилъ по просторной комнатѣ и тряхнулъ сѣдыми кудрями.

„Для женщины сама жизнь есть цѣль; все же остальное— подспорье жизни. Нравы создаетъ только женщина. Она — ве-

ликій художникъ и творитъ въ себѣ, собою, и себя самоё, а черезъ то—семью, общество, все человѣчество. Она все въ себѣ самой вдохновляетъ и живитъ абсолютнымъ образомъ божественной красоты"...

Въ головѣ князя естество женщины окружило въ ту минуту сіяніе, и онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что нельзя ярче и значительнѣе выразить всѣ эти для него лучезарныя истины.

„Она сама себя восхищаетъ и тѣшитъ, и гонитъ изъ себя во внѣ то, что кроется въ тайникахъ ея естества. Въ силѣ ея любви—вся безпредѣльность бытія"...

Остановившись, князь быстро перевернулъ листъ и торжественно воскликнулъ:

„Ибо нельзя любить человѣка вообще—или общечеловѣка—внѣ проникновенія въ его духъ, внѣ великой тайны общенія мужчины и женщины"...

Онъ всталъ отъ волненія, отеръ влажный лобъ и нѣсколько разъ прошелся широкимъ шагомъ по комнатѣ.

Тетради все еще прельщали его. Онъ разохотился, и ему пришла тутъ же мысль: если онъ такъ же горячо и вѣско прочтетъ эти мѣста племянницѣ—она будетъ захвачена и повліяетъ на мужа. Вѣдь она, какъ большинство женщинъ, не догадывается, какую „идею" она собою изображаетъ въ брачномъ союзѣ.

На бракъ и семью князь держался взглядовъ—въ строгой послѣдовательности съ своими „первоосновами". Ему противны были всѣ новѣйшіе протесты, ведущіе къ торжеству ограниченнаго и безнравственнаго договорнаго начала.

„Любовь родовая — слово: „половая", онъ не хотѣлъ ставить—началъ онъ опять читать вслухъ: — высшій вдохновенный актъ воли. Не разумѣя глубочайшаго смысла бытія, нельзя и любить, нельзя и создавать брачнаго союза. Женщина и мужчина—высочайшія антиноміи. Женщина—осуществленная мечта дѣйствительности, и мечты этой не увидишь на торжищахъ возможности вещественной жизни"...

Восхищенный послѣднимъ опредѣленіемъ, онъ еще разъ повторилъ его.

„Въ своемъ домѣ женщина представляетъ собою самое дыханіе жизни. Сила родового начала претворяется въ ней въ ангельскую чистоту, въ радость, милосердіе, свободу и нетлѣнную красоту"...

Слезы задрожали въ могучихъ перекатахъ голоса.

Медленнѣе и тише проговорилъ онъ послѣднія тирады, доканчивая пересмотръ отдѣла.

„Первая *ипостась* добра и есть семья. Говорить о якобы рабской неволѣ семейнаго союза—все равно, что нападать на жизнь за то, что̀ въ ней есть самаго коренного и закономѣрнаго“...

Этотъ аргументъ показался ему сегодня еще несокрушимѣе.

„Все существуетъ только въ своемъ предопредѣленіи,—сталъ онъ читать болѣе задорно. — Безъ обязательствъ ничего создаться не можетъ. Бракъ есть проявленіе абсолютной свободы, актъ воли, упоенной глубочайшимъ смысломъ жизни“...

Его переполнило вслѣдъ за этимъ умиленіе отъ величія идей, навѣянныхъ на него тѣнью великаго Учителя.

„Мужчина и женщина одинаково стремятся къ союзу; а то, къ чему стремишься—не въ нашей волѣ. Въ семьѣ совершается духовная жертва, въ мірѣ же вещественныхъ реальностей нѣтъ ничего священнаго, какъ нѣтъ и ничего истинно-животворнаго. Только въ мірѣ дѣйствительности духа, красоты и свободы то, что̀ согрѣто любовью—безусловно нерасторжимо“...

Нерасторжимость брачнаго союза являлась передъ его умственнымъ взглядомъ твердыней, которую—по существу—никто и ничто не одолѣетъ.

„Брачный союзъ, — читалъ онъ восторженно, забывая, гдѣ онъ,—несокрушимъ. Договоръ и разводъ—жалкое безобразіе. — Отнять жену у мужа—значитъ, лишить его дѣйствительнаго бытія. Отнять мужа у жены — лишить ее руководящаго разума. Вспыхнетъ огонь семейнаго очага, и безпутный просторъ холостяка превратится въ чудный храмъ съ алтаремъ неугасимой любви. Въ брачномъ союзѣ вѣчность удвоивается; происходитъ божественное сліяніе двухъ вѣковѣчныхъ стремленій“...

Закрывая тетрадь, князь произнесъ такимъ же умиленно-торжественнымъ звукомъ:

— Въ супружеской любви человѣкъ и природа взаимно проникаются въ одно цѣлое, утверждаютъ себя и находятъ себѣ высшее оправданіе.

Онъ такъ былъ захваченъ своимъ чтеніемъ, что, взявъ тетрадь, быстро вышелъ отъ себя, поднялся наверхъ и изъ полуосвѣщенной первой гостиной направился къ племянницѣ.

Въ дверяхъ ея кабинета, на болѣе свѣтломъ фонѣ, онъ увидалъ ее и рядомъ высокаго офицера.

Князь не узналъ Гольца.

Ему показалось — онъ вдаль видѣлъ еще прекрасно, — что Нина, прощаясь съ офицеромъ, прильнула къ нему.

Князь сталъ какъ вкопаный и правой рукой взъерошилъ

волосы. Тетрадь упала на коверъ. Онъ—въ большомъ смущеніи—поднялъ ее и тѣмъ же быстрымъ шагомъ пошелъ назадъ, съ пылающими щеками.

XLI.

Въ избушкѣ Цыбашева гости и хозяинъ только-что отпили чай.

Противъ кресла Порфирія Алексѣевича, сидѣвшаго съ покрытыми одѣяломъ ногами, помѣщался князь Иларіонъ. Правѣе, ближе къ письменному столу, въ покойной, сгорбленной позѣ, курилъ докторъ Гурьяновъ.

Больше гостей не было. Передъ чаемъ князь уже читалъ—взволнованнымъ голосомъ, безъ увѣренности—общую часть „Введенія".

Онъ все еще не могъ оправиться: своимъ дальнозоркимъ глазамъ онъ довѣрялъ. По старинному, ему слѣдовало бы, выпроводивъ того офицера накинуться на племянницу, погрозивъ сообщить обо всемъ мужу, если она не прекратитъ тотчасъ же свои шуры-муры.

И безъ гнѣвнаго разноса можно было бы поговорить съ ней. На это онъ имѣлъ родственное право, да и долгъ человѣка и мыслителя приказывалъ подѣйствовать словами разума и любви.

Не пошелъ онъ ни на то, ни на другое. Въ него закралась неувѣренность. Онъ могъ и ошибиться. Въ гостиной стоялъ полусвѣтъ. Съ поличнымъ онъ ихъ не захватилъ бы: они услыхали бы его сильные шаги. Нина, пожалуй, обрѣзала бы его словами:

— Вы, дядя, подсматриваете за мною?

Обѣдать съ нею съ глазу на глазъ—онъ не былъ въ состояніи, ушелъ со двора, поѣлъ за кухмистерскимъ общимъ столомъ, гдѣ-то на бульварѣ, потомъ—все еще въ волненіи—часа два ходилъ по сильному морозу, дошелъ до Дѣвичьяго Поля и оттуда уже отправился на Плющиху, къ Цыбашеву.

Онъ ухватился за это чтеніе. Быть можетъ, онъ найдетъ у него одобреніе. У Цыбашева большое знакомство. Поговоритъ съ какимъ-нибудь издателемъ или купцомъ, играющимъ роль мецената: такихъ теперь довольно на Москвѣ; торгуютъ чаемъ или хлопкомъ, а издаютъ научныя и даже „философическія" книжки.

Когда онъ подходилъ къ домику Цыбашева, его взялъ новый приливъ стыда.

Къ чему непремѣнно добиваться появленія въ печати его „Вве-

денія", когда онъ уже помирился съ тѣмъ, что „подлинныя" книги Учителя останутся, и послѣ его смерти, въ видѣ рукописи?

„Вѣдь надо и честь знать!—повторялъ князь, шагая по неровнымъ, узкимъ троттуарамъ московской окраины.—Просто хочу слышать живое слово человѣка, хорошо знакомаго съ ученіемъ, не такого софиста и декадента, какъ тотъ рѣчистый приказчикъ Захара Лукьяновича"...

Кострицына онъ, послѣ того, видѣлъ раза два въ домѣ племянницы, но въ пренія больше съ нимъ не вступалъ, чувствуя совершенную ихъ безполезность.

Чтеніе длилось до чаю, съ добрый часъ. Онъ цѣликомъ прочелъ двѣ главы, въ которыхъ полагались предпосылки всего того сооруженія діалектики, откуда онъ, сидя у себя, такъ вдохновенно декламировалъ самыя вѣскія положенія.

Цыбашевъ слушалъ внимательно, но съ утомленнымъ лицомъ. Наканунѣ у него былъ сильный припадокъ, и докторъ Гурьяновъ, при князѣ, сказалъ ему:

— Пожалуйста, Порфирій Алексѣевичъ, ровно въ десять гоните насъ... Не увлекайтесь разговоромъ, особенно на отвлеченныя темы.

Авдотья Ѳоминишна, не очень дружелюбно посматривая на князя, за его долгое чтеніе, унесла въ послѣдній разъ поднось съ чашками.

Развернувъ опять свою рукопись, князь, тихимъ голосомъ и осторожно поглядывая изъ-подъ своихъ бровей на хозяина, сказалъ:

— Позволите продолжать... или имѣете сдѣлать мнѣ замѣчанія насчетъ отдѣльныхъ мѣстъ? Я буду вамъ, Порфирій Алексѣевичъ, много обязанъ, если не по существу, то въ смыслѣ діалектическомъ.

Цыбашевъ слегка нахмурилъ лобъ.

Ему было не особенно пріятно огорчить князя.

— Видите ли, Иларіонъ Ивановичъ,—какъ бы нѐхотя началъ онъ:—вы, какъ вѣрный поборникъ системы, вѣрны и языку вашего учителя.

— А то какъ же?—наивно спросилъ князь и оглянулъ обоихъ собесѣдниковъ.

— Я и не дѣлаю вамъ изъ этого ни малѣйшаго упрека. Но вѣдь вы желаете, конечно, чтобы васъ прочло возможно бо́льшее число.

— На пониманіе массы, грамотной черни... тѣхъ, что я называю чернью... разсчитывать не должно.

— А спеціалистовъ по философіи и вообще людей въ ней очень начитанныхъ—сколько во всей Россіи? Сотня—много двѣ. Ихъ вы не убѣдите.

— Постараюсь.

— Массу можно только оттолкнуть изложеніемъ. Съ ней надо говорить ея языкомъ. Нѣкоторые термины, которые намъ—старикамъ — съ перваго разу понятны, имъ покажутся тарабарщиной.

Князь жалобно усмѣхнулся и тряхнулъ головой.

— Иначе я писать не умѣю,—смиренно выговорилъ онъ.

— Позвольте мнѣ на минутку—самому прочесть! Андрей Сергѣичъ, дайте мнѣ очки.

Гурьяновъ поглядѣлъ вбокъ на своего пріятеля и какъ бы желая ему сказать: „напрасно вы будете напрягаться, дружище".

Цыбашевъ не обратилъ вниманія на взглядъ доктора, и какъ только надѣлъ очки и приблизилъ рукопись къ свѣчѣ—оживился; глаза его заиграли.

Онъ началъ пробѣгать ими по страницамъ.

— Вотъ! Сейчасъ!.. Вы позволите, князь?

— Поклонюсь въ ножки за всякое доброе слово.

— Напримѣръ, эта фраза! — Цыбашевъ кинулъ взглядъ на Гурьянова: — „Мертвенная потуга всяческихъ поползновеній"... Согласитесь... Молодежь сейчасъ...

— Подниметъ на смѣхъ?—подсказалъ князь.

— Да, будетъ глумиться непремѣнно. Вашу мысль можно понять; но выборъ словъ... отзывается именно потугой.—Ха, ха! Извините за каламбуръ. Или, напримѣръ, такой серьезнѣйшій для васъ аргументъ: „Въ разсѣянности явленій данъ разуму смыслъ бытія".

— Какъ же можно иначе выразить?—строже спросилъ князь.

— Но вѣдь это мы съ вами понимаемъ, въ какомъ смыслѣ вы ставите тутъ слово „разсѣянность".

— Разбросанность?

— А масса вашихъ читателей сразу этого не пойметъ. Или, напримѣръ, идущая въ концѣ той же страницы фраза: „Бытіе, разумъ, любовь—суть образы одного и того же умонапряженія". Грѣшный человѣкъ... и я этого не понялъ.

— Какъ же иначе?—крикнулъ князь и заходилъ по комнатѣ. —Коль скоро отъ идеи идетъ все, то мы только напряженіемъ нашего идейнаго „я" можемъ возсоздавать такія категоріи, какъ бытіе, разумъ или любовь.

— Помилуйте... Это тавтологія, и притомъ неудобоваримая...

Умъ, напрягаясь, родитъ разумъ. Это даже и по-гегельянски невѣрно. Умъ есть по-нѣмецки Verstand, а разумъ—Vernunft, и умъ, разсудокъ—находится въ подчиненіи у разума?

— Да-а, — озадаченно вымолвилъ князь и засунулъ пальцы правой руки въ волосы.

— Или вотъ еще: „Красота есть дѣйствительный образъ". Вѣдь это только начетчикъ по діалектикѣ идеализма пойметъ, что̀ вы хотите тутъ сказать словомъ *дѣйствительный* въ противоположность всему случайному и преходящему, недѣйствительному.

Щеки Цыбашева разгорѣлись. Въ немъ профессоръ и знатокъ языка проснулся и заигралъ.

Князь облокотился объ уголъ шкафа и стоялъ въ позѣ экзаменующагося студента.

— И рядомъ съ этимъ—чрезвычайно мѣткія старинныя слова. Напримѣръ, хоть бы такая строка: „па̀вечеріе нашего земного бытія". Прекрасно: „па̀вечеріе"...

Лицо князя сейчасъ же распустилось въ улыбку.

— Затѣмъ есть просто вещи, способныя сбить съ панталыку всякую молодую нетвердую голову.

— Боже меня избави!

— Помилуйте! Вдумайтесь только въ рядъ такихъ изреченій...

Цыбашевъ сталъ читать, подъ-рядъ, дѣлая короткія паузы между отдѣльными фразами.

— „Внѣ человѣка все научное—безсмысленно. Человѣкъ творитъ жизнь силою своего вдохновенія, и его призваніе—побѣдить свою реальную судьбу. Красота доступна человѣку—и она лишь реальна; реальность же преходящаго вещества есть несообразность, полная противорѣчій"... Каково, Андрей Сергѣичъ?

— Слышу, слышу!

— „Посему,—продолжалъ горячѣе читать Цыбашевъ:—посему красота не нуждается въ услугахъ знанія; знаніе же должно быть утверждено и озарено красотой"...

Онъ положилъ тетрадь на колѣни и всплеснулъ руками.

— Батюшка! Ваше сіятельство! На чемъ же могутъ держаться такіе афоризмы? Вѣдь это въ юной головѣ произведетъ—извините меня—чудовищный кавардакъ.

— *Еже писа́хъ—писа́хъ*!—выговорилъ князь упавшимъ голосомъ.

— Кто сказалъ эти слова? Уклончивый римскій чиновникъ! Вамъ они врядъ ли пристали. Искренность вашу я безусловно признаю; но одной ея мало, князь. Вы вотъ, двумя страницами

дальше, изволите опредѣлять три сорта мыслителей и обращаетесь съ ними... trop cavalièrement.

— Гдѣ же, скажите на милость?

Князь подошелъ къ креслу Цыбашева и заглянулъ, черезъ голову его, въ рукопись.

— А какъ же! Извольте. Чтò же это такое: „Одни,—то-есть крайніе спиритуалисты,—пояснилъ онъ въ сторону Гурьянова,—впадаютъ въ ложное притязаніе своей облыжной свободы“. Ну, это еще куда ни шло, хотя и очень туманно выражено. „Другіе —и это всѣ мы, кто держится знанія и опыта—довольствуются механическимъ безсмысліемъ“! Благодарю покорно! За всѣ наши труды и стремленія, за все, чтò намъ пришлось испытать горькаго и тяжкаго — человѣкъ вашихъ лѣтъ и вашего душевнаго благородства кидаетъ намъ такой приговоръ!

— Я разумѣю фанатиковъ узкаго позитивнаго духа.

— Вы не оговариваетесь! Даже вашъ приговоръ эклектикамъ —что они „пытаются все склеить своей разсудочной глупостью“— я считаю глубоко-несправедливымъ. Есть всякіе эклектики, и нѣкоторые изъ нихъ принесли вашему же гегельянству большую услугу! Первый—блаженной памяти Кузенъ.

— Не надо его! Не надо его! — гнѣвно крикнулъ князь и даже замахалъ руками.

Цыбашевъ собрался возразить, но изъ двери показалась голова Авдотьи Ѳоминишны.

— Довольно, Порфирій Алексѣевичъ, довольно! Властью мнѣ данной объявляю преніе законченнымъ! — сказалъ Гурьяновъ и взялся за шапку.

Десять минутъ спустя, князь шагалъ по безмолвному бульвару, и жесты рукъ его показывали, что онъ горячо думаетъ.

Цыбашевъ—даромъ, что когда-то зашибался самъ Гегелемъ—доканалъ его. Куда же тутъ издавать свою книгу? Только вызывать гомерическій хохотъ мальчишекъ и вреднѣйшихъ суесловов, въ родѣ господина Кострицына.

Дома ему—также жутко. Съ племянницей ему противно будетъ объясняться. Она загрязнила сразу образъ красоты и свободы—„на алтарѣ семейнаго храма“.

„Пора уходить со свѣту,—повторялъ онъ.—А пока земля не приберетъ—лучше возиться съ мужичками“...

И онъ вспомнилъ, что подъ Москвой живетъ его выученикъ, крестьянинъ, выписавшійся въ мѣщане, котораго онъ выучилъ дѣлать сыръ „на манеръ сестера“, какъ тотъ выговаривалъ.

„Поѣду къ нему въ гости, на двое сутокъ“, — рѣшилъ старикъ, переставъ разводить руками, и пошелъ спокойнѣе.

XLII.

Парныя четвероместныя сани подъѣхали къ крыльцу гостинницы „Дрезденъ“.

На переднемъ сидѣньѣ Нина помѣстила англичанку-бонну съ дѣтьми—Борей и Китти.

Дѣти, нарядно и тепло одѣтыя, держались по обѣимъ сторонамъ бонны.

— Мы выйдемъ всѣ,—сказала ей Нина по-англійски—никакого другого языка та не понимала.—Боря, вылѣзай!

Она сама разстегнула полость саней и первая вышла на крыльцо.

Стояла ясная, не очень морозная погода. По Тверской и по площади оживленно мелькали сани и пѣшеходы. Шелъ третій часъ.

Лакея она нарочно не взяла. У швейцара, отворившаго имъ дверь, она ничего не спросила и прошла наверхъ. Бонна и дѣти поднимались за ней слѣдомъ.

Дѣтей взяла она кататься. Дорогой она какъ будто что вспомнила и сказала англичанкѣ:

— Я должна сдѣлать визитъ... Это въ отелѣ, и дѣти могутъ подождать въ коридорѣ и отогрѣться.

Англичанка—очень молчаливая особа—только наклонила голову. Она ничего не знала и не подозрѣвала—кого могла Нина встрѣтить въ этомъ отелѣ и кто у ней бывалъ изъ молодыхъ людей. Кромѣ дѣтей, она ничего не знала въ домѣ и цѣлые дни проводила въ дѣтской.

— Дѣти! Вы посидите здѣсь. Вотъ тамъ диванъ. Только не шумѣть!

Она скорымъ шагомъ повернула вправо.

У проходившаго оффиціанта спросила, въ концѣ коридора:

— Гдѣ стоятъ Игумновы?

Фамилію Нина не выдумала. Она знала, что такая помѣщичья семья живетъ, по зимамъ, въ Москвѣ и кажется въ этой гостинницѣ.

Оффиціантъ взглянулъ на нее и, подумавъ, отвѣтилъ:

— У насъ такихъ нѣтъ, сударыня.

— Вы навѣрно знаете?

— Нешто сегодня утромъ пріѣхали... Я справлюсь у швейцара.

Онъ побѣжалъ внизъ, по другой лѣстницѣ.

Нина оглянулась и, что-то вспомнивъ, пошла назадъ, повернула влѣво и у одной изъ дверей постучалась.

Оттуда тотчасъ же вышелъ Гольцъ.

— Bonjour! — вызывающимъ тономъ выговорила она. — Me voilà!

Онъ, немного смутившись, протянулъ ей руку и взялся за дверь.

— Voulez-vous entrer? — спросилъ онъ вполголоса.

— Je ne suis pas seule.

И она пошла маленькими шагами по коридору.

Гольцъ взглянулъ на нее и улыбнулся.

— Я не считаю, — сказалъ онъ по-русски, — что вы выиграли пари.

— Какъ же нѣтъ?

— Это уловка.

— Но я у васъ. Вы видите...

— Ха, ха! Въ коридорѣ! Это все равно, что встрѣтить въ театрѣ или на бульварѣ.

— Oh! que non!

Они остановились у окна, въ короткомъ колѣнѣ коридора, гдѣ никто не могъ имъ помѣшать.

Вчера — когда она въ дверяхъ первой гостиной прильнула къ нему — онъ первый шепнулъ ей:

— Il y a quelqu'un!

Она узнала фигуру князя, быстро пошедшаго назадъ, и тревожно спросила:

— A-t-il vu quelque chose?

На это Гольцъ только пожалъ плечами.

Онъ находилъ, про себя, что мѣсто для прощальнаго поцѣлуя было выбрано не совсѣмъ удачно.

Передъ прощаньемъ — еще въ ея кабинетѣ — онъ поглядѣлъ на нее пристально и выговорилъ:

— Вы воображаете себя очень смѣлой; а хотите пари держать, что вы не рѣшитесь быть у меня?

— Въ отелѣ?

— Да, въ отелѣ.

Нина выдержала его взглядъ и сказала, подзадоривающимъ звукомъ:

— Извольте... Я принимаю пари.

— На что?

— На что хотите... хоть на фунтъ конфектъ.

Сегодня имъ обоимъ стало неловко; но Гольцъ скорѣе овладѣлъ собою и разсердился.

— Такъ нельзя,—глухо выговорилъ онъ, закусивъ губы.

— Вы хотите невозможнаго,—начала Нина, кутаясь въ шубу... Князь Иларіонъ уѣхалъ на два дня изъ Москвы. Онъ навѣрно видѣлъ и не желаетъ возвращаться до пріѣзда моего мужа.

Больше недѣли прошло, какъ она его поцѣловала въ первый разъ.

Цѣлый день—послѣ того—Нина не вѣрила сама этому факту. Она—Антонина Борисовна, — умѣвшая всегда такъ блистательно управлять собою, съ ея гордостью, съ ея знаніемъ мужчинъ,—и вдругъ, какъ первая попавшаяся дѣвчонка, чмокнуть офицера потому только, что онъ не сдавался!

Должно быть, знанія-то мужчинъ у ней и нѣтъ никакого. Да и откуда ему быть? У ней не было серьезнаго романа. Она никого не любила. Случай съ Гольцемъ показалъ ей, что она и не думала любить своего „Закки".

И стоило офицеру явиться на другой день—и ее опять потянуло. Какой-то незнакомый ей задоръ овладѣлъ ею. Какъ мужчина, мужъ уже не существовалъ для нея. Это произошло быстро въ одинъ, въ два дня. Впервые охватила ее сладкая прелесть тайнаго чувства. Ей сдѣлалось весело, такъ, какъ никогда не бывало, точно она взбирается на вершину снѣговой горы, по краю бездонной пропасти.

И со второго же интимнаго визита Гольца она показала ему, что такъ, „en passant", онъ ею не будетъ обладать.

Это онъ понялъ и выказалъ настолько ума и порядочности, что не разсердился.

Нина допускала, что онъ ей дороже, чѣмъ она ему; но въ себѣ самой она чувствовала достаточно силы, чтобы протянуть ихъ теперешнія отношенія такъ долго, какъ она находила нужнымъ.

Ни разу въ теченіе этой недѣли ее не схватилъ за сердце страхъ потерять его. Она говорила себѣ: „Такой человѣкъ, какъ Гольцъ—упоренъ... Онъ будетъ добиваться полной побѣды и поймается"... Въ какомъ видѣ поймается?

Она еще не выяснила себѣ этого во всѣхъ подробностяхъ; но вѣрила въ свою натуру и въ свой умъ. Если ей написано на роду связать свою дальнѣйшую судьбу съ этимъ человѣкомъ — она это сдѣлаетъ только послѣ того, какъ все въ ней будетъ стоять за такой исходъ.

Одно она знала уже и теперь: Гольца она чувствуетъ равнымъ себѣ.

„C'est l'homme de mon bord!"—повторяетъ она; а ея мужъ—какъ только начался ея романъ—точно совсѣмъ переставъ существовать для нея.

Ей никакого душевнаго усилія не стоило сейчасъ же начать съ нимъ „игру"—по замѣчанію Лыжина.

Пока ея сердце и темпераментъ молчали — она еще могла имѣть какія-нибудь „scrupules" съ Захаромъ Лукьяновичемъ; но теперь онъ—только „подробность" ея положенія, препятствіе къ полной свободѣ. Съ нимъ она себя не выдастъ; все равно, еслибъ онъ былъ ея приказчикомъ.

Осторожность, однако, нужна для себя самой, чтобы не давать лишнихъ ходовъ мужчинѣ, который, не желая того, вызвалъ въ ней „un coup de passion"—какъ она называла свое влеченіе къ Гольцу.

Медленно проходили они по коридору.

— Завтра у Верховцевыхъ?—спросила Нина.

— А сегодня вечеромъ?

Они опять остановились.

— Лучше не видаться.

— До пріѣзда супруга? — выговорилъ Гольцъ шутливо. — Такъ, разумѣется, благоразумнѣе... Но только...

— Только чтò?—задорно повторила Нина.

— Это игра—въ прятышки.

— Можетъ быть... Вы должны меня понять. Вы джентльменъ.

Безъ словъ онъ поклонился. Лицо его говорило:

„Я—порядочный человѣкъ. Благодарю за оказанное вниманіе и настаивать не буду".

— Пари я все-таки не считаю выиграннымъ,—сказалъ онъ весело и, мѣняя тонъ, спросилъ:—вамъ не угодно, чтобы я провожалъ васъ?

— Не угодно! Тамъ дѣти съ бонной.

— У! какая вы!

Они пожали другъ другу руку, и, уходя, Нина обернулась и проговорила чуть слышно:

— A demain!

Дѣти смирно сидѣли на площадкѣ. Бонна, конечно, была въ полной увѣренности, что ихъ мать дѣлала визитъ какой-нибудь дамѣ.

— Ну, ѣдемте! — возбужденно окликнула дѣтей Нина. — Я васъ завезу и сдѣлаю еще два визита, — прибавила она въ сторону англичанки.

Гольцъ не сразу ушелъ къ себѣ въ комнату. Нѣсколько разъ прошелся онъ по своему коридору, закуривъ папиросу.

На губахъ блуждала усмѣшка.

Всякаго мужчину, на его мѣстѣ, раздражилъ бы такой женскій „фортель". Онъ въ правѣ былъ ждать чего-нибудь совсѣмъ другого.

Она схитрила—и это ему понравилось. До сихъ поръ онъ еще не сходился съ свѣтской женщиной красивѣе и блестящѣе Нины. Правда, она первая его поцѣловала. Но онъ не нашелъ, что она „лѣзетъ". Это его тронуло, почти сконфузило. Самодовольства онъ не ощутилъ и на другой день не выказалъ съ нею никакого фатовства.

Они еще до сихъ поръ не на „ты". Въ ней онъ не видитъ ни разврата „бабёнки", ни бездушія кокетки, желающаго одурачить и вытолкать вонъ.

Эта женщина имъ искренно увлеклась, но выдерживаетъ свой „гонноръ", и это ему въ сущности нравится. Иначе вышло бы похоже на интрижку, которой „цѣна—грошъ". Пріятно ему и то, что Нина не впадаетъ въ восторженность, не стала сразу приставать съ вопросами: „m-aimes-tu? me jures-tu de m'aimer toujours?".. Она вѣдь знала, что у него была связь, и нисколько этимъ не смущалась. Если у нихъ выйдетъ что-нибудь прочное—связь съ нею будетъ, навѣрно, самое пріятное, что онъ только испыталъ въ своей холостой жизни.

Не очень ему по вкусу состоять въ друзьяхъ дома при самомъ мужѣ—онъ никогда этого не долюбливалъ. Но развѣ этого Захара Лукьяновича—какъ онъ ни лѣзь въ господа—можно считать себѣ равнымъ? И она не ставитъ ихъ на одну доску. Это сейчасъ чувствуется.

Ни съ кѣмъ еще не бывало ему такъ ловко, съ тѣхъ поръ, какъ онъ оцѣнилъ ее. Разумѣется, онъ для того, чтобы быть около нея, не броситъ службу и не поселится здѣсь безъ дѣла.

Да такая умная женщина и не потребуетъ этого. Изъ Петербурга будетъ онъ наѣзжать.

Пора ему туда. Еще нѣсколько дней—и она будетъ у него въ гостяхъ уже безъ всякой хитрости.

Въ головѣ Гольца все это укладывалось довольно стройно и отвело его отъ „пакостной исторіи", испортившей ему его жизнь въ Москвѣ.

XLIII.

Потемнѣвшій отъ ѣзды снѣгъ взбивался клубами изъ-подъ копытъ вороной пары.

Нина, кутаясь въ свою шубу съ собольей оторочкой, ѣхала по направленію къ Воздвиженкѣ.

Она только-что завезла дѣтей и въ домъ сама не заходила.

Въ шапочкѣ съ собольей оторочкой, она глядѣла впередъ весело и смѣло. На душѣ у ней было какъ-то особенно молодо. Эта „escapade" съ посѣщеніемъ Гольца въ отелѣ удалась ей чрезвычайно; по крайней мѣрѣ она такъ думала.

Ноготка она не завязила, а пари выиграла. *Онъ* теперь ясно долженъ видѣть, съ какой женщиной имѣетъ дѣло. И онъ не фатъ. Съ каждымъ свиданіемъ она все сильнѣе убѣждается въ этомъ.

И какъ ловко все обдумала—вплоть до малѣйшихъ подробностей. Еслибъ ее встрѣтили въ коридорѣ, до нумера Гольца—она сказала бы, что была съ визитомъ; увидалъ бы кто-нибудь, когда они вдвоемъ шли къ выходу—онъ ее провожаетъ внизъ: она съ дѣтьми заѣзжала и вызвала его въ коридоръ. А заѣзжала она—пригласить къ себѣ.

Что-то дѣтски-радостное и плутоватое наполняетъ ее. Какая это „славная" вещь, когда тебя сильно влечетъ къ мужчинѣ, и ты настолько владѣешь собою, что можешь продлить время!

Развѣ она можетъ сравнить это съ тѣми мѣсяцами, когда она „состояла" въ невѣстахъ Захара Лукьяновича? Потому только тогда и не было скучно, что они цѣлые дни ѣздили по магазинамъ. И это, внутренно, ее обижало, хотя она и видѣла впереди обладаніе милліонами.

Теперь она и о милліонахъ совсѣмъ забыла.

Гольцъ не богачъ; но у него хорошее дворянское состояніе. Хватитъ и на нихъ обоихъ, и даже на дѣтей.

Вся ея жизнь—дома; въ гостяхъ, на улицѣ — весь городъ, эта Москва, начинавшая пріѣдаться—окрашены другимъ цвѣтомъ. И ей хотѣлось, чтобы чувство запретнаго плода, опасность, рискъ—увеличились. Она уже слишкомъ осторожна; но такъ—до поры до времени—умнѣе и пріятнѣе.

Ей нужно было сдѣлать визитъ въ титулованный домъ, гдѣ хозяйка ужасно важничаетъ и все еще, въ сорокъ лѣтъ, считаетъ себя молоденькой. Нина терпѣть ее не могла; но поддерживать связи надо.

Нина вспомнила о своей „тетенькѣ", Еленѣ Константиновнѣ Акридиной. Сколько времени она къ ней не кажетъ глазъ. Сегодня она способна быть съ ней по родственному. Если та дѣйствительно „втюрилась" въ своего предводителя,—пускай наслаждается. Она готова даже позвать ихъ обоихъ обѣдать, и пусть они у ней объяснятся въ любви.

— Въ переулокъ, первый подъѣздъ направо! — приказала Нина кучеру.

Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" — она сейчасъ же почувствовала себя особенно. Здѣсь вѣдь — до сихъ поръ — живетъ недавняя возлюбленная „Антоши". Она не умерла отъ яда. Вѣроятно, опять появится на сценѣ и опять ее будутъ ругать.

Ревности и безпокойства въ ней не было ни малѣйшихъ. Чего же ей еще бояться? Развѣ за него? Еслибъ та особа позволила себѣ шантажъ—она сейчасъ обратится къ генералу Кишкетову. Тотъ съумѣетъ удалить „cette drôlesse",—мысленно выразилась Нина, поднимаясь на крыльцо.

Ни Акридиной, ни Иды, не было дома. Нина вынула изъ бокового кармана шубы книжечку, и когда она отдавала двѣ карточки швейцару—въ переднюю вошелъ Кострицынъ.

— Антонина Борисовна! Мое почтеніе!

— Къ кому вы? — спросила Нина, запахиваясь въ шубу и не подавъ ему руки.

— Я-то?..

Онъ почему-то не сразу отвѣтилъ и предпочелъ спросить ее:

— У вашей тетушки изволили быть?

Нина, прищурившись, взглянула на него и, отведя немного въ уголъ, спросила:

— Вѣдь здѣсь и Лыжинъ?

— Какже... Я собственно къ нему и зашелъ.

— Et la dame en question?—Нина сдѣлала жестъ головой вверхъ.—Comment va-t-elle?

— Не знаю,—отвѣтилъ Кострицынъ какъ-то нетвердо.

— Вы знаете, что Закки пробудетъ еще два дня въ Петербургѣ?

— Какже... Захаръ Лукьяновичъ далъ депешу.

„Далъ депешу"!—повторила Нина, садясь въ сани.—„Какой этотъ Иванъ Кузьмичъ гостинодворецъ, хоть и ученый!"

Кострицынъ оставилъ свое пальто внизу, и когда швейцаръ вернулся въ сѣни, посадивъ Нину, онъ вполголоса спросилъ его:

— Лыжинъ у себя?

— У себя-съ.

— А госпожа Днѣпровская?
— Онѣ никуда еще не выѣзжають.
— Ихъ можно видѣть?
— Я доложу... Да, онѣ принимають.
— Ну, такъ докладывать не надо. Кто-нибудь сидитъ у ней?
— Никакъ нѣтъ. Была госпожа Божеярина, да ушла еще передъ завтракомъ.
— Такъ вы не безпокойтесь, голубчикъ.

Антонинѣ Борисовнѣ онъ солгалъ. Пришелъ онъ не къ одному Лыжину. Къ нему онъ поднимется послѣ визита къ Липѣ Угловой.

Визитъ онъ обязанъ ей сдѣлать. Иначе это будетъ „порядочное свинство“. Но онъ не признался бы даже самому себѣ, что его какъ будто, третій день, тянуло сюда. И въ то же время онъ стѣснялся чего-то; хотѣлъ, еще вчера, завернуть къ Лыжину и попросить—провести его къ госпожѣ Днѣпровской, какъ будто онъ самъ какой-то дикій гимназистъ, онъ — Иванъ Кузьмичъ, про котораго злые языки давно поговариваютъ, что онъ у самого Юпитера табачку бы попросилъ.

Тихонько постучался онъ у дверей Липы.

Оттуда донесся явственно ея голосъ — изъ первой же комнаты. Это его порадовало. Значитъ, она не больна и сидитъ въ гостиной.

— Олимпіада Дмитріевна принимаетъ?—спросилъ онъ, просовывая голову.

— Принимаетъ. Кто это?—окликнула Липа голосомъ здоровой. Небольшая хрипота слышалась въ немъ явственнѣе, чѣмъ это было до ея болѣзни.

Липа лежала на кушеткѣ, одѣтая, и читала.

Кострицынъ сейчасъ же узналъ обложку журнала.

— А! Садитесь! Садитесь! Спасибо за память... Какъ васъ зовутъ, извините... У меня память куриная.

— Иванъ Кузьмичъ... Можетъ, и фамилію забыли?

— Не хочу лгать. Не совсѣмъ тверда.

— Кострицынъ. Отъ кострйга... Народное слово. Знаете, то, что̀ отлетаетъ со льна. А „г“, по общимъ фонетическимъ законамъ, смягчено въ „ц“.

— Вонъ вы какой мудреный. До всего доходите.

Кострицынъ слегка покраснѣлъ, садясь поодаль, въ кресло. Его учительская болтовня показалась ему архи-педантской и просто глупой.

— Извините,—пролепеталъ онъ, чувствуя, что продолжаетъ краснѣть.

— Въ чемъ?—спросила Липа, широко раскрывъ глаза.

Эти глаза его и смущали. Онъ находилъ ее еще красивѣе, чѣмъ въ тотъ вечеръ. Цвѣтъ лица желтовато-матовый, точно мраморъ. Темнота подъ глазами прошла. Волосы небрежно причесаны, но такъ чудесно драпируютъ ея лицо! И что за бюстъ, что за руки!

Одѣта она все такъ же скромно, и, кажется, не безъ умысла скромно. А какова же она на сценѣ, съ обнаженной шеей и руками!

Великолѣпную Антонину Борисовну и сравнивать съ ней нельзя. У той злые глаза, все лицо жесткое и слишкомъ гладкое; голосъ самъ по себѣ не плохой, но дерзко-повелительный или нахальный.

„Ну, и пускай его, дурака!"—выбранилъ весело Кострицынъ, подумавъ о „кавалергардѣ", который бросилъ такую женщину.

И сейчасъ же ему стало обидно за Липу. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, она была просто его „содержанка" и мирилась съ такимъ положеніемъ?

— Скажите мнѣ, Иванъ Кузьмичъ,—заговорила Липа и повернула голову въ его сторону—книгу она положила рядомъ, на столикѣ:—вы чѣмъ занимаетесь?

Такой вопросъ показался бы ему отъ другой или черезъчуръ наивнымъ, или безцеремоннымъ.

— Вы извините,—тонъ у ней былъ самый искренній и она не улыбалась:—ни вашъ пріятель Лыжинъ, ни студентъ Шипилинъ, не сказали мнѣ тогда толкомъ.

— Я просто шатунъ, Олимпіада Дмитріевна.

— Какъ же это? Однако, вы очень учены... Профессоръ, можетъ быть?

— Нѣтъ! Куда! Если хотите, имѣю степень, даже двѣ... А живу частной службой.

Онъ не хотѣлъ досказать, у кого онъ служитъ. Навѣрно, она знаетъ про Кумачеву.

— И изъ какихъ вы?—продолжала допрашивать Липа, все такъ же искренно и серьезно, почти строго.

— Въ какомъ же это смыслѣ?—отозвался Кострицынъ, уже спокойнѣе, но все еще не овладѣвъ вполнѣ собою.

— Видите, Иванъ Кузьмичъ, когда я съ хорошими людьми встрѣтилась впервые, и они меня пригрѣли... за ихъ дѣло я готова была всю себя отдать. Только они меня пожалѣли. А сами всѣ почти погибли.

Голосъ Липы оборвался. Онъ слушалъ съ опущенной головой и старался проникнуть въ суть того, о чемъ она говоритъ въ общихъ выраженіяхъ.

— Что же это за люди были, Олимпіада Дмитріевна?

— Объ этомъ послѣ... если мы съ вами поближе познакомимся. А мой вопросъ: изъ какихъ вы сами—не примите за дерзость. Когда я—какъ народъ нашъ выражается—„дьявола тѣшила" и была актрисой—для меня всѣ мужчины были равны. На всѣхъ вѣдь у актера одинъ взглядъ—хищный. Да иначе и быть не можетъ. Теперь,—протянула она,—такъ мнѣ не полагается. И я каждаго, кто ко мнѣ приходитъ, спрашиваю. Я знаю, что вы порядочный человѣкъ. Васъ представилъ Лыжинъ; онъ—другъ Иды Павловны. А она сама—прелесть. По нынѣшнему времени, Иванъ Кузьмичъ, одной общей привязанности мало. Да и отчего неловко поставить вопросъ: изъ какихъ вы?—и ловко, совсѣмъ ловко, спросить: вы въ какомъ вѣдомствѣ служите, или на какомъ вы амплуа?

— Вы желаете, стало, знать, какого я направленія?

— Да.

— У меня его нѣтъ—въ обычномъ смыслѣ. Я хочу мыслить самъ по себѣ, а не повторять зады.

— Вотъ оно что̀!—откликнулась Липа и смолкла.

Кострицыну стало очень жутко.

XLIV.

— Нѣтъ, Иванъ Кузьмичъ, нельзя быть ни въ сихъ, ни въ оныхъ,—говорила Липа, уже ходя по комнатѣ съ заложенными назадъ руками.

Кострицынъ сидѣлъ въ неловкой позѣ и курилъ. Онъ съ удивленіемъ чувствовалъ, что его смѣлая рѣчистость куда-то ушла. Онъ не находилъ въ себѣ всегдашней увѣренности. Сталъ-было развивать теорію „личности"—и какъ-то ничего не вышло ни красиваго, ни вразумительнаго.

— Нѣтъ, — повторила Липа и подошла къ нему,—вы это такъ, Иванъ Кузьмичъ, себя только тѣшите.

— Почему-же-съ?—почти сконфуженно спросилъ онъ.

— Не можетъ быть, чтобы васъ не возмущало то, что̀ теперь въ ходу и въ модѣ. У Некрасова-то помните стихъ:

„Бывали хуже времена, но не было подлѣй"...

— Помню. Такъ, въ обличительномъ вкусѣ, про всякое время можно сказать.

— Нѣтъ, не про всякое. Даже десять лѣтъ назадъ совсѣмъ не то было.

Въ ушахъ у него застрялъ возгласъ Липы: „ни въ сихъ, ни въ оныхъ". И онъ вспомнилъ, что мать Захара Лукьяновича—Раиса Гордѣевна—въ началѣ зимы сказала ему, да еще гораздо язвительнѣе, ту же почти фразу, въ сѣняхъ дома Кумачева, послѣ своего столкновенія съ сыномъ, изъ-за учительницы Суревичъ.

— Позвольте, Олимпіада Дмитріевна, я на первое же знакомство съ вами не хочу спорить. Да и вообще рѣчь идетъ не обо мнѣ.

— А о комъ же, Иванъ Кузьмичъ?

— Если позволите—о васъ. Тогда вечеромъ... вы были въ такомъ настроеніи... въ прострація, такъ сказать, не столько физической, сколько душевной. И я, слушая вашу бесѣду съ Бранцевымъ, искренно жалѣлъ, что вы не желали сдаться на его доводы. Онъ, положимъ, хвостъ распустилъ въ родѣ павы. Безъ этого господа артисты не могутъ держать себя. И очень ужъ любитъ красиво выражаться... опять дѣло понятное: изъ ролей выхватилъ.

— Это вѣрно!—веселѣе воскликнула Липа.

— Но онъ дѣло говорилъ.

— Обо мнѣ, что-ли?

Липа опять остановилась.

— О васъ... Съ какой же стати, Олимпіада Дмитріевна,—бросать на вѣтеръ дарованіе? Чтò же есть самаго цѣннаго въ человѣческой личности? Талантъ все замѣняетъ—умъ, волю! Онъ только и позволяетъ стать выше всего, умаляющаго наше „я"!

— Ахъ, полноте!

И сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ къ двери, Липа вернулась и присѣла, опустивъ руки на колѣни, на кушетку, около Кострицына.

— Для нашей сестры театръ — прямой путь къ торговлѣ собою. Вотъ чтò, Иванъ Кузьмичъ!

— Помилуйте!

Кострицынъ весь встрепенулся.

— Знаю, чтò вы мнѣ возразите. Есть талантъ—тогда дорога широка и безъ всякихъ сдѣлокъ! Фразы! Будь у васъ талантъ, не будь, опеpетная вы или оперная—на сто женщинъ девяносто пять не обойдутся безъ поддержки!.. Вы слышите: слово, кажется, приличное, а чтò оно значитъ? Хорошо было здѣсь Брян-

цеву ратовать. Мужчины—другое дѣло... Да и то, сколько изъ нихъ вышло въ люди—кѣмъ? Женщиной! Начнетъ съ провинціи, смазливый мальчикъ... къ перезрѣлой премьершѣ поступитъ подъ крылышко. Она его и пуститъ въ ходъ. Контрактъ не подписываетъ иначе, чтобы и его на первое амплуа. Потомъ—въ столицу. Когда она состарится—онъ ее броситъ... А дѣвушкѣ—хоть расчестной—если ей не повезетъ сразу—какъ это бываетъ разъ въ двадцать лѣтъ—нельзя не продать себя, не въ томъ, такъ въ другомъ видѣ!

„Зачѣмъ это она говоритъ? — почти съ болью въ сердцѣ спросилъ мысленно Кострицынъ.—Можетъ быть, оно и такъ, но къ чему объ этомъ распространяться?“

— Мнѣ не хотѣлось только при моихъ дѣвочкахъ—Лёлѣ и Катѣ—выставить на показъ всю гнусность этой дороги, по которой я—еще мѣсяцъ назадъ—шагала. Самого-то Брянцева спросите! Развѣ теперь вездѣ—вы слышите, вездѣ—и въ привилегированныхъ театрахъ, каждая дѣвочка — хотя бы расчестная и талантливая—не ищетъ руки въ сильномъ персоналѣ, въ первомъ актерѣ? Это нынче у нихъ программа такая! А чтò это значитъ? Не продаетъ себя за деньги, такъ за протекцію... Это рѣшительно все равно.

— Но васъ это уже не касается, Олимпіада Дмитріевна.

— Ха, ха! Какъ не касается!—Липа всплеснула руками.—Какъ не касается! У меня былъ и голосъ, и наружность, и смѣлость—все. Я не нуждалась въ кускѣ хлѣба. И все-таки вышло то же, чтò съ сотнями выходныхъ дѣвочекъ. Иначе нельзя на подмосткахъ, которые господа рецензенты такъ обсахариваютъ. Все въ васъ вьѣстъ жадность къ пріему... Вся ты—одно безпардонное любованіе собою и суетность до мерзости! Тутъ какія же могутъ быть задержки? Сколько ни получай жалованья—хватать не будетъ: на костюмы, на всякія погремушки. Содержанія не хватаетъ, да еще изъ двухъ сезоновъ одинъ навѣрно васъ надуетъ антрепренеръ. Поддержка и является,—только мы себя сами морочимъ, думаемъ, что это любовь... и что нами не только увлекаются, но и уважаютъ, ставятъ—за талантъ—выше всѣхъ остальныхъ женщинъ! Какъ бы не такъ!

Липа пододвинулась къ нему и, уперевъ руки въ колѣни, вызывающе спросила его:

— Вы думаете—потому я хотѣла съ собой покончить, что гвардейскій офицеръ, считающійся красавцемъ-мужчиной, бросилъ меня?

На этотъ вопросъ Кострицынъ сначала только повелъ плечами и потупился.

Ему еще больнѣе стало за нее.

Зачѣмъ она такъ говоритъ о себѣ?

— Олимпіада Дмитріевна! Дорогая! Не разстроивайте себя!

Обѣ его руки протянулись къ ней.

— Никакого тутъ разстройства нѣтъ,—возразила Липа и, не мѣняя позы, продолжала, такъ же сильно, но поглуше:—этотъ поручикъ не хотѣлъ продолжать комедіи, да онъ ее и не игралъ. Это я воображала. Онъ мнѣ преспокойно показалъ, что всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ—и сверчокъ этотъ я... Глупое насѣкомое! Должно быть такое же тщеславное, какъ и всѣ актерки! Это меня ударило прямо... не въ сердце, а въ душу... Я душу особо ставлю, Иванъ Кузьмичъ. Женская натура не выдержала. Сейчасъ за склянку со снадобьемъ и схватилась. Ничего! Какъ видите—жива осталась!.. И прозрѣла.

— Прозрѣли?—повторилъ Кострицынъ и смѣлѣе поглядѣлъ на Липу.—Въ какомъ смыслѣ?

— А вотъ первымъ дѣломъ—поставила крестъ на артисткѣ Днѣпровской. Знаете, какъ кавалеристы часто говорятъ: и по конному, и по пѣшему строю. Такъ и я скажу: и на вокальную, и на драматическую актерку Днѣпровскую поставила крестъ—и баста.

— Это—то же самоубійство, Олимпіада Дмитріевна.

Кострицынъ всталъ. Липа опустила голову въ руки и молчала:

— Нѣтъ!—вырвалось у нея послѣ паузы.—Не самоубійство, а воскрешеніе личности, о которой вы такъ сильно хлопочете.

— Но какою же дорогой?

— Видите—непремѣнно дорога. Ха, ха! Точно мы всѣ отмѣчены божественнымъ перстомъ... А сотни милліоновъ только о томъ бьются, какъ бы имъ съ голоду не умереть...

— Да... Стало, спасаться желаете?

— Пожалуй, если вамъ нравится это слово.

Возобновлять бесѣду онъ не могъ. Онъ точно боялся, что Липа начнетъ опять изливаться, и отъ этихъ разоблаченій ему сдѣлается опять больно.

— А пока,—сказалъ онъ,—позвольте пожелать вамъ добраго здоровья.

— Что̀ мнѣ сдѣлается! Я—двужильная.

Она встала съ кушетки и, протянувъ ему руку, спросила:

— Вы что же такъ торопитесь?

— Долженъ зайти еще къ Лыжину.

— Онъ милый! Поклонъ ему отъ меня.

Наверхъ Кострицынъ входилъ ускоренной походкой—охваченный настроеніемъ, которое ему поскорѣе захотѣлось стряхнуть съ себя у Лыжина.

Тотъ собирался куда-то обѣдать.

— Откуда?—спросилъ онъ.

— Съ низу,—отвѣтилъ Кострицынъ страннымъ тономъ и сейчасъ же присѣлъ на диванъ.

— Былъ у Днѣпровской?

— Былъ.

— Она здорова?

Лыжинъ поглядѣлъ на него, прищуривъ одинъ глазъ,—и усмѣхнулся.

— Иванъ Кузьмичъ? Милѣйшій мой Сократъ? Что вы... по-гречески я не знаю, какъ это называется, а французы говорятъ: „tout-chose?“

— А что?

Кострицынъ тряхнулъ головой.

— Да знаешь, друже, эту женщину мнѣ стало жалко... не потому, что съ ней случилось... А она во что-нибудь ударится. Ты ничего не слыхалъ про ея прошлое?

— То же, что и ты.

— Нѣтъ, не любовное... или тамъ актерское, что-ли... А раньше, до поступленія на сцену—не было ли у ней такой полосы...

— Что-то мнѣ Ида говорила.

— Не зналась ли съ нелегальнымъ народомъ?.. Боюсь я, что старыя дрожжи опять забродили.

— Боишься?

Лыжинъ подошелъ къ нему и положилъ руку на плечо пріятеля.

— Она тебѣ нравится? Какъ женщина?

— Не хочу лукавить—нравится.

И онъ чего-то не досказалъ. Лыжинъ вспомнилъ свой разговоръ съ Еленой Акридиной—когда онъ поступилъ на службу къ Кумачеву—о Нинѣ. Тогда и онъ самъ точно побаивался за себя, допускалъ возможность увлеченія ею. Теперь онъ знаетъ навѣрно, что Нина для него не опасна.

Неужели въ Кострицына запала другая искра? Настоящая?

П. Боборыкинъ.

—○<>○—

ДРУЖБА
ШИЛЛЕРА И ГЁТЕ
1794—1805 г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ *).

I.

Задача моего труда заключалась вовсе не въ томъ, чтобы представить жизнеописанія поэтовъ или хотя бы подробный разборъ произведеній, написанныхъ ими за десять лѣтъ ихъ дружбы. Я имѣлъ въ виду только сопоставить—въ извлеченіяхъ изъ ихъ же переписки—ихъ сужденія о своихъ произведеніяхъ, и ихъ понятія о задачахъ, предѣлахъ и законахъ какъ искусства вообще, такъ и въ особенности главныхъ родовъ и видовъ поэзіи, въ которыхъ они отличались. Они сблизились въ то время, когда сдѣлались уже почти-что непрактикующими художниками. Шиллеръ ушелъ весь въ исторію, эстетику, журналистику; цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ отдѣляютъ его „Донъ-Карлоса" отъ постановки на сцену слѣдующаго за тѣмъ произведенія, „Смерти Валленштейна" (1786—1798). На первыхъ порахъ Шиллеръ подносилъ Гёте свою философскую прозу и посылалъ ему по частямъ, въ рукописи, свои эстетическія письма, которыя Гёте залпомъ поглощалъ („ich schlürfte es auf einem Zug."—№ 19, Briefwechsel, сентябрь 1794), а при второмъ чтеніи вполнѣ съ ними соглашался (№ 22). Шиллеръ пи-

*) См. выше: февраль, стр. 672; мартъ, стр. 166.

шетъ къ Кёрнеру (ноябрь 1794, № 768): „Эти письма озадачили и проняли Гёте насквозь... Гердеръ гнушается ими, какъ Кантовскими грѣшками, и дуется на меня".

Въ январѣ 1795 г. Шиллеръ читалъ продолженіе писемъ въ Іенѣ Гёте и Мейеру (№ 800), которые были увлечены отъ начала и послѣ самаго конца, и говорили, что никогда произведеніе краснорѣчія не могло бы произвести на нихъ такого впечатлѣнія. Шиллеръ интересовался литературной дѣятельностью Гёте не только какъ поэтъ, но и какъ издатель для успѣха своихъ „Горъ", которыя просуществовали три года (1795—1797) и своего ежегодника „Musenalmanach"; онъ старался вытягивать изъ портфеля Гёте какъ можно больше залежавшихся тамъ рукописей, съ изданіемъ которыхъ Гёте никогда не торопился. Было еще одно лицо, котораго интересамъ служилъ Шиллеръ, а именно книгопродавецъ Котта, готовый платить самые высокіе по тому времени гонорары.

По манерѣ писать, произведенія Гёте дѣлятся на три различные рода. Въ пылкой своей юности Гёте былъ начинателемъ того движенія, которое потомъ слыло подъ громкимъ именемъ романтизма. Къ этому роду принадлежатъ крупныя вещи, написанныя до итальянскаго путешествія. Ко второму роду принадлежатъ произведенія, сочиненныя послѣ того, какъ Гёте сжился съ античными образцами подъ небомъ Италіи; они исполнены божественной ясности, олимпійскаго спокойствія. Онъ постигъ всѣ тайны высокаго стиля, сталъ эпикомъ, исчезающимъ въ произведеніи, такъ что посредствомъ величайшаго, какое дано художнику, мастерства, казалось, какъ будто бы устами поэта открывалась и вѣщала сама природа. Однако, то, что̀ Гёте позаимствовалъ отъ древнихъ, не вытравило въ немъ окончательно прежней его натуры. Порою въ немъ воскресалъ сѣверянинъ, съ его порывами въ гущу лѣсовъ, въ туманную даль, съ его побѣгами изъ эпическаго въ трагическое. Таковы „Учебные годы Вильгельма Мейстера" и „Фаустъ", изъ которыхъ первые начаты, въ 1775 г., въ Веймарѣ (первыя двѣ книги), а затѣмъ докончены, по возвращеніи изъ Италіи, при дѣятельномъ участіи Шиллера въ ихъ окончательной обработкѣ; а второй начатъ еще въ Страсбургѣ и въ Вецларѣ, дополненъ нѣсколькими сценами въ Римѣ и напечатанъ неконченнымъ отрывкомъ въ 1790 г. въ первомъ собраніи сочиненій Гёте. „Фаустъ" такъ и не былъ конченъ при Шиллерѣ; полная его первая часть появилась въ печати только въ 1808 году. Сильно заинтересованный отрывкомъ, Шиллеръ употреблялъ всевозможныя, хотя и безуспѣшныя усилія къ тому, чтобы заставить Гёте довести до конца его работу.

Не будь, однако, понуканій со стороны Шиллера, очень можетъ быть, что „Фаустъ“ такъ и остался бы однимъ отрывкомъ. Начну съ „Фауста“.

II.

„Мнѣ казалось,—писалъ Шиллеръ (29 ноября 1794 г., № 26),—что я вижу торсъ Геркулеса. Въ этихъ сценахъ—страшная сила и полнота геніальности. Я бы хотѣлъ прослѣдить какъ можно дальше ту великую и смѣлую натуру, которая дышетъ въ этомъ произведеніи. Въ цѣломъ мірѣ поэзіи я ничего такъ не желаю, какъ прочтенія еще нѣсколькихъ сценъ изъ „Фауста“ (№ 37, начало 1795 г.)“. Отрывокъ, помѣщенный въ VII томѣ изданія 1790 г. сочиненій Гёте, былъ въ самомъ дѣлѣ только торсъ, начинался сценою въ лабораторіи Фауста, не заключалъ въ себѣ ни попытки отравиться, прерванной церковнымъ пасхальнымъ пѣніемъ, ни множества монологовъ и бесѣдъ Фауста съ Мефистофелемъ; значитъ, въ немъ не было настоящей философской части драмы. Но отрывокъ содержалъ уже сатирическія сценки,—какъ одѣтый въ тогу Фауста Мефистофель дурачитъ захожаго студента и фокусы въ лейпцигскомъ погребѣ Ауэрбаха. Въ Римѣ сочинены двѣ сцены: Hexenküche и Wald und Höhle (...Позвольте мнѣ въ природы грудь,—Какъ въ сердце друга, заглянуть). Вся такъ называемая Gretchentragödie была уже въ отрывкѣ на-лицо; она обрывалась на раскаяніи Маргариты и на внутреннихъ терзаніяхъ ея въ церкви, при звукахъ органа, до возвращенія на родину Валентина. То была часть драмы, животрепещущая, взятая изъ жизни Гёте, изъ горькихъ его воспоминаній и жгучихъ упрековъ совѣсти за то, что, еще будучи студентомъ, онъ въ Зезенгеймѣ безжалостно покинулъ влюбленную въ него дѣвочку, Фредерику Бріонъ. За эту невѣрность Гёте сказнилъ себя троекратно: и въ лицѣ Вейслингена въ „Гёцѣ“, и въ „Клавиго“, и въ „Фаустѣ“. На убѣжденія Шиллера продолжать „Фауста“ Гёте отнѣкивался; у него не хватало рѣшимости развязать пакетъ съ старыми листками (№ 27 Briefen). Наконецъ, въ іюнѣ 1797 (№ 327), зарокъ былъ снятъ, пакетъ развязанъ, съ тѣмъ, чтобы подвинуть впередъ произведеніе по новой основной идеѣ, при чемъ приходилось растворять то, что̀ уже имѣлось въ другомъ, болѣе обширномъ матеріалѣ. Не сообщая Шиллеру своего плана, Гёте просилъ его: „обдумайте это дѣло въ одну изъ вашихъ безсонныхъ ночей,—вы же разсказчикъ и толкователь моихъ сновъ“.

Шиллеръ запнулся; кромѣ напечатаннаго фрагмента, онъ ничего не зналъ. Онъ представилъ себѣ въ воображеніи, что нашелъ случайно этотъ фрагментъ, и задался мыслью, чѣмъ и какъ его дополнить? Тутъ онъ сразу почувствовалъ, что онъ—въ своей области, въ своемъ, мало свойственномъ Гёте, элементѣ рефлектирующаго ума; что нельзя въ этомъ произведеніи обойтись безъ символическаго содержанія, какъ подкладки, потому что оно основано на двойственности человѣческой природы, на неудающихся попыткахъ сочетать божественное съ физическимъ, что нельзя никакъ высвободиться изъ странной средневѣковой фабулы, не переходя къ идеямъ. „Требованія къ „Фаусту",—писалъ Шиллеръ,—будутъ неизбѣжно двойныя, и какъ бы вы ни вертѣлись, а существо сюжета заставитъ васъ философствовать, воображеніе ваше должно будетъ довольствоваться поступленіемъ въ услуженіе къ идеѣ разума" (Briefw., № 328). Шиллеръ признается, что когда онъ прочиталъ фрагментъ (№ 330), то у него закружилась голова отъ размышленій о развязкѣ; что для осуществленія основной идеи необходима такая масса матеріала,—напримѣръ, для проведенія Фауста сквозь дѣловую жизнь,—что онъ не постигаетъ, какъ все это можно будетъ поэтически связать. Онъ усматриваетъ противорѣчія между тѣмъ, чѣмъ должны быть Фаустъ и чортъ, и тѣмъ, какъ они себя держатъ на сценѣ, такъ что иногда они какъ будто бы мѣняются ролями. Трудности, съ которыми долженъ былъ бороться авторъ, были неимовѣрныя, *во-первыхъ*, потому, что самъ предметъ былъ средневѣковой, готическій, мало подходящій подъ вкусъ Гёте, превратившагося въ классика. Ему приходилось окунуться въ Symbol-und Nebelwelt (№ 329), возиться съ сѣверными привидѣніями, скрывающимися за позднѣйшими южными воспоминаніями. Ему иногда становилось противно это варварское сочетаніе, такъ что Шиллеру приходилось ободрять его въ этомъ сочетаніи благороднаго съ варварскимъ (№ 765). Оно трудно было, *во-вторыхъ*, еще потому, что автору необходимо было воскресить то настроеніе, въ которомъ онъ писалъ двадцать-пять лѣтъ назадъ имѣющіяся сцены, окружить себя призраками минувшаго, тѣми „колеблющимися ликами, которые являлись когда-то его смутному взору" (Schwankende Gestalten—Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt). „Вся моя работа,—писалъ Гёте о „Фаустѣ", —*субъективная*, я могу только работать въ немногіе отдѣльные моменты" (№ 327). Гораздо важнѣе была *третья* трудность, заключающаяся въ томъ, что произведеніе заложено было сма-

чала по одной символической идеѣ, а доканчивалось по другой, не совпадающей съ первою и даже съ нею несхожей.

Я не вхожу въ разборъ этой двойственности идей „Фауста" и сошлюсь на книжку, въ которой она по-моему мѣтко изложена, на „Goethe's Faust", Куно Фишера, 1878 г. Въ „Фаустѣ" три главныя дѣйствующія лица: Фаустъ, Богъ и дьяволъ; содержаніе, влагаемое въ дѣйствующія лица, совершенно измѣнилось. По первоначальному плану, Фаустъ—средневѣковой ученый съ неутомимою жаждою знанія и титаническою силою. Онъ вызываетъ своими заклинаніями Бога, природу, духа земли, и отъ этого духа получаетъ опредѣленнаго ему спутника, плута, проказника и насмѣшника въ родѣ кобольдовъ или шекспировскихъ Пука и Аріеля. По второму плану Богъ приблизился къ ветхозавѣтному библейскому, Мефистофель же превратился въ библейскаго сатану, въ духа отрицанія и сомнѣнія, въ искусителя, въ то идейное *нѣтъ*, отъ котораго колеблется всякое положительное *нѣтъ*, хотя бы оно было міромъ или Богомъ. Пришлось согласовать оба замысла, завершать зданіе, начатое въ одномъ стилѣ,—въ другомъ, напримѣръ, передѣлывать романскую постройку въ огивальную готическую, замазывая только противорѣчія. Гёте уставалъ отъ этой работы, возможной только при извѣстномъ настроеніи, уставалъ, развязывая постепенно узелокъ за узелкомъ (№ 382). „Мнѣ кажется,—писалъ онъ,—что я разбалтываю въ водѣ порошокъ, и какъ будто порошокъ и распустился, но поставь я только стаканъ, порошокъ осѣдаетъ тотчасъ на днѣ" (№ 80). Въ концѣ концовъ, въ 1797 г. (№ 382), Гёте сильно желалъ отдѣлаться отъ этого *трагелафа*, т.-е., по-гречески, отъ *козлооленя* (миѳологическое чудище, смѣшеніе двухъ натуръ), чтобы перейти къ болѣе высокому настроенію, можетъ быть, къ Теллю. Шиллеръ не дожилъ до этого поэтическаго разрѣшенія отъ бремени, но онъ зналъ о замышляемой второй части „Фауста", за которую Гёте взялся только въ 1824 г., когда ему было 75 лѣтъ; онъ зналъ, по крайней мѣрѣ, о сценахъ, въ которыхъ является воскресшая, имѣющая сочетаться съ Фаустомъ, троянская Елена. Первоначально многія сцены „Фауста" писались прозою, но Гёте нашелъ, что онѣ невыносимы по причинѣ ихъ реализма и рѣзкости, и взялся переложить ихъ въ стихи, такъ какъ съ одной стороны лучше, когда идея просвѣчиваетъ сквозь вуаль, а съ другой, когда стушевано вліяніе грубаго вещества (№ 457). Шиллеръ одобрилъ эту передѣлку, какъ подтверждающую его эстетическую теорію, что чистый реализмъ въ патетической ситуаціи чрезмѣренъ и производитъ излишнюю поэтическую серьезность, между

тѣмъ какъ существо поэзіи заключается именно въ томъ, чтобы серьезность и игра были всегда соединяемы (№ 457). Гёте все медлилъ, но отлично сознавалъ, что его произведеніе будетъ весьма популярно: „Мой Фаустъ по своей сѣверной природѣ долженъ найти и громадную публику на сѣверѣ" (1798 г., № 452). Онъ не ошибся: „Фауста" сразу поставили въ уровень съ „Гамлетомъ"; Жанъ-Поль провозгласилъ Гёте воскресшимъ Шекспиромъ. Еще и нынѣ господствуетъ то мнѣніе, что еслибы положить на одну чашку вѣсовъ одного только „Фауста", а на другую всѣ прочія произведенія Гёте, то чашка съ „Фаустомъ" перевѣсила бы все остальное.

III.

Перехожу къ „Годамъ ученія Вильгельма Мейстера". Они начаты въ 1775 г.; первыя шесть книгъ сочинены до конца 1785 г., и только въ послѣднихъ двухъ, а особенно въ восьмой, принималъ участіе и Шиллеръ своими замѣчаніями на рукопись, дававшими поводъ къ дополненіямъ и передѣлкамъ. За исключеніемъ „Фауста", нѣтъ произведенія, которое бы Гёте ставилъ выше или на ряду съ „В. Мейстеромъ". Въ 1825 г. онъ выражался такъ: „Es gehört zu den incalculabulsten Productionen" („оно принадлежитъ къ числу моихъ неизмѣримѣйшихъ произведеній, къ нему я потерялъ даже и ключъ", Biedermann, № 971). Бываетъ, что авторъ оказывается плохимъ оцѣнщикомъ своихъ произведеній. Мейстеръ исполненъ юношескаго титанизма, въ немъ вѣетъ бурный духъ der Drang und Sturm Periode, конца XVIII вѣка. Притомъ Гёте изобразилъ здѣсь самъ себя лично и во весь ростъ во множествѣ либо дѣйствительныхъ, либо мечтательныхъ положеній, что и могло предрасполагать его къ этому его дѣтищу. Но и Шиллеръ былъ преисполненъ такого же восторга послѣ прочтенія всѣхъ восьми книгъ „В. Мейстера" заразъ (№ 179): „Чего мы ищемъ и не всегда находимъ въ дали счастливаго античнаго міра, то лежитъ въ васъ самихъ. Не дивитесь, что васъ способны и достойны понять только немногіе. Дивная естественность, правда и легкость вашихъ образовъ устраняютъ изъ умовъ толпы всякую мысль о трудности и высотѣ искусства, а на тѣхъ, которые могли бы слѣдить за художникомъ и вникать въ средства, которыми онъ располагаетъ, геніальная сила, проявляющаяся въ произведеніи, дѣйствуетъ столь подавляющимъ образомъ и до того стѣсняетъ ихъ крошечное „я", что они отталкиваютъ отъ

себя книгу, но внутри себя, хотя и неохотно, не могутъ не преклоняться предъ вами".

Этотъ восторгъ едва-ли соотвѣтствуетъ впечатлѣнію, производимому романомъ на наше поколѣніе. Далеко не всѣ любители литературы его читаютъ; немногіе дочитываютъ романъ до конца, начиная съ шестой книги, то-есть съ „признаній прекрасной души". Шиллеръ догадывается, что успѣху романа вредитъ, при всемъ мастерствѣ слога, внѣшняя форма, то-есть, та разсудительная проза, которою вообще пишутся нынѣ романы; однако, такъ какъ этою формою пользовался поэтическій умъ, то и вышло колебаніе между двумя настроеніями, поэтическимъ и прозаическимъ; вымыслу недостаетъ поэтической смѣлости, но замѣчается и отсутствіе прозаической трезвости. Шиллеръ недоволенъ, что Гёте не прибѣгнулъ къ чистой формѣ, но развелъ содержаніе въ мутной средѣ,—иными словами, что онъ писалъ романъ не такъ, какъ писалъ онъ „Германа и Доротею", что не перевелъ сюжета изъ дѣйствительности въ божественный міръ поэзіи. Очевидно, что Шиллеръ не догадывался вовсе о громадной будущности нынѣшняго прозаическаго романа. Мало того, онъ возражаетъ противъ двухъ самыхъ поэтическихъ личностей въ романѣ, которыя вѣчно будутъ жить, хотя бы все остальное потонуло въ забвеніи,—противъ Миньоны и старика-арфиста. На его взглядъ въ В. Мейстерѣ слишкомъ много трагедіи, то-есть того зловѣщаго, непонятнаго, субъективно-чудеснаго, которое вносится въ разсказъ этими двумя лицами, такъ что читатель, натыкаясь на мракъ и загадку, не чувствуетъ подъ собою твердой почвы, на которой поставлено все остальное, что̀ крайне неудобно. Однимъ словомъ, по мнѣнію Шиллера, Гёте употребилъ средства, которыя не разрѣшались ему по роду и духу сочиненія (№ 367). Шиллеръ, очевидно, заблуждался. Проза и есть настоящая подходящая форма современнаго романа. Родъ этотъ, самый свободный, не чуждается вовсе лирическихъ и трагическихъ примѣсей, лишь бы онѣ не задерживали хода эпоса, какъ его задерживаютъ вставочныя „признанія прекрасной души", составляющія шестую книгу романа, не имѣющую ничего общаго со всѣми другими книгами. Замѣтимъ мимоходомъ, что сама фраза: „прекрасная душа" заимствована какъ будто бы отъ Шиллера и взята изъ его эстетическихъ писемъ. „Вильгельмъ Мейстеръ" во многомъ устарѣлъ, что̀ по необходимости бываетъ почти съ каждымъ романомъ. Романъ воспроизводитъ живьемъ и почти фотографически большія массы животрепещущей дѣйствительности, а потому со временемъ онъ перестаетъ интересовать

читателей по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны изображаемое измѣнилось, а съ другой стороны и самъ читатель измѣнился въ своей чувствительности, въ своей отзывчивости на представленныя ему романистомъ положенія и задачи.

Сдѣлаемъ съ этой точки зрѣнія оцѣнку въ концѣ XIX вѣка произведенія конца XVIII. Въ опредѣленіи основной задачи романа Шиллеръ и Гёте почти совсѣмъ сошлись. Шиллеръ предполагаетъ (Briefw., № 185, 8 іюля 1796 г.), что въ В. Мейстерѣ взятъ лучшій человѣкъ своего вѣка, и что въ немъ изображено, какъ онъ переходитъ отъ неопредѣленнаго, безсодержательнаго идеала къ дѣятельной жизни, не лишаясь при этомъ переходѣ своей способности идеализировать,—иными словами, какъ онъ опредѣляется, пріучаясь ограничивать себя, но и въ этой ограниченности находитъ въ формѣ своей дѣятельности путь въ безконечное. — Въ своемъ же разговорѣ съ Эккерманомъ въ 1825 г. (Biederm., № 971), Гёте выразился такъ: „Романъ мой выражаетъ только то, какъ человѣкъ, направляемый *высшею рукою*, несмотря на всѣ свои промахи и ошибки, достигаетъ счастливой цѣли.

Скажемъ мимоходомъ два слова объ этой „высшей рукѣ“; Гёте разумѣлъ здѣсь не Провидѣніе, но просто самую природу, которую онъ обоготворялъ какъ пантеистъ, и это я могу доказать ссылками на два мѣста изъ того же „Мейстера“, изъ которыхъ въ *одномъ* (книга VIII) прорываются съ лирическимъ увлеченіемъ чувства вполнѣ вертеровскія: „О, ненужная суровость морали! Природа подготовляетъ насъ любезнѣйшимъ образомъ къ тому, чѣмъ мы должны быть. О, дикія требованія гражданской общественности, которыя насъ путаютъ и вводятъ въ заблужденіе, а потомъ требуютъ отъ насъ бóльшаго, чѣмъ природа! Горе всякому роду образованія, который разрушаетъ надежнѣйшія средства образованія и указываетъ намъ на конецъ, вмѣсто того, чтобы осчастливить насъ на самомъ пути“. *Другое* мѣсто я беру въ 17-ой главѣ I книги „В. Мейстера“, гдѣ сказано: „мы воображаемъ, что мы благочестивы, когда мы проталкиваемся, не раздумывая, и рѣшаемся на дѣйствія, предаваясь пріятнымъ случаямъ, а затѣмъ результатамъ такого шатающагося житія даемъ названіе божественнаго промысла“...

Итакъ, В. Мейстеръ, списанный Гёте съ самого себя, есть наилучшій по своему времени идеальный человѣкъ, котораго отъ всѣхъ житейскихъ бѣдъ и треволненій спасаетъ высокая эстетичность его натуры. Замѣчательно, какъ мѣтко отыскалъ Шиллеръ въ этомъ человѣкѣ наиболѣе слабое и уязвимое мѣсто, ахиллесову его пяту (№ 188, 9 іюля 1796 г.). „Вы дали,—пишетъ онъ,—всему роману эстетическое направленіе. Внутри эстетиче-

скаго настроенія нѣтъ потребности въ утѣшеніяхъ, какія доставляетъ умозрѣніе (то-есть, этика, составляющая часть умозрѣнія); оно содержитъ въ себѣ и самостоятельность, и безконечность, потому что только тогда необходимо прибѣгать къ помощи чистаго разума (умозрѣнія), когда чувственное сталкивается враждебно съ нравственнымъ. Здоровая и прекрасная натура обходится безъ морали, безъ естественнаго права, безъ политической метафизики, она стоитъ и держится безъ Бога и безъ безсмертія души. Но достаточно ли твердъ нашъ общій другъ (В. Мейстеръ) въ такой эстетической свободѣ, чтобы уже не нуждаться въ помощи философіи? Онъ все-таки сантиментальный (рефлектирующій) человѣкъ, а всѣ сантиментальные люди склонны къ философствованію. При отсутствіи философскаго образованія, онъ, когда начнетъ мыслить, впадетъ неизбѣжно въ мистицизмъ (т. е. туда, куда пришла „прекрасная душа“ въ VI книгѣ „В. М.“). Можетъ ли вашъ питомецъ вѣчно стоять такъ, какъ онъ вами поставленъ, безъ внѣшней поддержки? Можетъ ли онъ въ своей эстетической зрѣлости быть безопасно поставленъ безъ всякаго философскаго образованія, котораго онъ чуждается? Достаточно ли онъ реалистъ, чтобы никогда не прибѣгать къ чистому разуму? Не слѣдовало ли бы побольше позаботиться и о потребностяхъ идеалиста?“

Что эта критика попадала прямо въ цѣль, это доказывается дальнѣйшимъ ходомъ романа, въ которомъ описываются похожденія зажиточнаго купеческаго сынка, въ то же время литератора, художника въ душѣ и большого театрала, который желалъ бы посвятить себя сценическому искусству, и узнаётъ на дѣлѣ, среди неожиданнѣйшихъ и порою весьма скабрёзныхъ приключеній, всю изнанку этой жизни, всю разнузданность и нечистоплотность этой кочующей цыганщины. Приставъ къ передвижной труппѣ актеровъ, В. Мейстеръ попадаетъ вмѣстѣ съ ними въ аристократическіе хоромы и зàмки, гдѣ царствуетъ то же лицедѣйство, то же притворство, та же распущенность, но подъ искусственною глазурью церемоніальности и этикета. Пестрота отъ смѣшенія элементовъ комедіантскаго съ великосвѣтскимъ—поразительна. Дѣйствующія лица до того живы и типичны, что имена ихъ сдѣлались общеизвѣстными, нарицательными,—напримѣръ, Филина. Случайно, по указанію одного изъ театральныхъ любителей-покровителей, Ярно, Мейстеръ знакомится съ Шекспиромъ и пристаетъ къ порядочнѣе составленной осѣдлой труппѣ, управляемой опытнымъ режиссеромъ—Серло. Ему вездѣ сопутствуютъ взятые имъ изъ милости подъ его охрану несложившаяся еще дѣвушка Миньона и полу-помѣшанный старикъ-арфистъ. Въ

труппѣ Серло В. Мейстеръ становится руководителемъ, ставитъ на сцену „Гамлета“ и беретъ на себя роль датскаго принца. Въ романъ введенъ цѣлый критическій этюдъ о „Гамлетѣ“, изумительно глубокій и принадлежащій къ лучшимъ, какіе донынѣ были написаны о „Гамлетѣ“.

Вся пятая книга романа посвящена первому представленію „Гамлета“ и исполнена такого захватывающаго духъ интереса, что, по словамъ Шиллера, онъ опьянѣлъ отъ продолжительнаго, ничѣмъ неразвлекаемаго впечатлѣнія, заставляющаго читателя завертѣться точно въ водоворотѣ (№ 74, 15-го іюня 1795 г.). Самъ Гёте чувствовалъ, что былъ въ ударѣ когда писалъ эту часть: „sie macht Epoche“. Эта часть обрывается на мѣстѣ, возбуждающемъ въ наивысшей степени любопытство читателя, на вопросахъ о томъ, кто былъ тотъ неизвѣстный, который вызвался явиться и явился, чтобы представить духа отца Гамлета?—онъ произвелъ такое впечатлѣніе, что сами актеры сторонились предъ нимъ какъ предъ привидѣніемъ, а потомъ безслѣдно исчезъ. Кто была та таинственная посѣтительница спальни В. Мейстера въ ночь послѣ представленія? Шиллеръ догадывается, не Миньона ли, которая научилась въ эту ночь многому относящемуся къ ея полу? (Таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ первоначальный замыселъ Гёте, по предположенію Гримма.)

Несмотря на нѣкоторыя картины, реалистическія до цинизма, которыя возбудили противъ Гёте и его произведенія обвиненіе въ безнравственности, всѣ первыя пять книгъ доставляютъ читателю, по выраженію Шиллера, „чувство сладкаго душевнаго довольства (süsse und innige Behaglichkeit), душевнаго и тѣлеснаго здоровья (№ 40). Въ сравненіи съ этою жизнью, какая блѣдная и сухая вещь философія!“ Шиллеръ, который самъ о себѣ выражался, что онъ больше, чѣмъ бы желательно, знакомъ съ театральнымъ хозяйствомъ и любительствомъ (№ 52), свидѣтельствуетъ о правдивости изображеній, но озадаченъ преобладаніемъ въ романѣ театральнаго элемента. Онъ пишетъ: „Кажется, вы намѣрены были писать объ актерахъ, а не для актеровъ. Техническія мелочи и подробности даютъ роману фальшивый видъ, какъ будто бы у васъ была спеціальная цѣль въ повѣствованіи. Не предполагающіе этой цѣли готовы винить васъ въ томъ, что васъ крайне увлекло личное расположеніе къ этимъ предметамъ“ (№ 75).

Опасенія Шиллера были неосновательны. Послѣ пятой книги происходитъ въ романѣ поворотъ въ противоположную сторону; шестая книга, съ религіозными „признаніями прекрасной души“, составляетъ родъ біографіи по юношескимъ франкфуртскимъ вос-

поминаніямъ о піэтисткѣ — дѣвицѣ Клеттенбергъ. Шиллеръ не хотѣлъ вѣрить религіозному настроенію Гёте, „не сродному съ вашимъ, — писалъ онъ, — существомъ. Религіозное мечтательство свойственно только умамъ, которые созерцательно и праздно погружаются сами въ себя, а съ вами не можетъ быть подобнаго случая“ (№ 58). Исповѣдь „прекрасной души“ въ шестой книгѣ, изображающая превращеніе свѣтской женщины почти въ монашенку, въ гернгутерскую піэтистку, интересна для насъ только по заключительнымъ ея словамъ: „Я почти не помню заповѣдей, ничто не является мнѣ въ видѣ закона (опять какъ будто бы идеи Шиллера въ его приготовленіяхъ къ Калліасу, какъ будто бы „Freiheit in der Erscheinung“?). Есть въ душѣ влеченіе руководящее и почти всегда вѣрно ведущее. Я слѣдую свободно моему настроенію и ничего не знаю ни объ ограниченіи, ни о покаяніи. Никогда я не позволю себѣ гордиться моими умственными силами, зная, какія чудовища могутъ рождаться и питаться въ каждой человѣческой груди, если не охранитъ насъ отъ нихъ высшая сила“ (опять та же природа, на которую указывалъ Гёте въ 1825 г. въ разговорѣ съ Эккерманомъ). Удивительно, какъ близко сошлись Шиллеръ и Гёте въ естественномъ влеченіи человѣка къ добру, упраздняющемъ суровый кантовскій императивъ. Кто изъ нихъ былъ инціаторомъ? Я полагаю, что Шиллеръ, который поработалъ философски надъ этимъ предметомъ, и Гёте присталъ только къ Шиллеру. Разница между ними, несмотря на конечное совпаденіе ихъ взглядовъ, та, что, сознавая всю недостаточность эстетики для образованія полнаго человѣка, какимъ онъ долженъ быть, Шиллеръ предлагалъ ему точку опоры въ философіи, между тѣмъ какъ при всемъ пантеизмѣ Гёте и непринадлежности его ни къ какому исповѣданію, въ немъ было больше религіознаго чувства и наклонности къ непосредственному единенію съ тѣмъ неизвѣстнымъ, которое представляетъ силу объединяющую вселенную и движущую ее: Богъ-природа, или природа-Богъ.

Недостаточность самодовлѣющаго эстетическаго чувства проявляется въ В. Мейстерѣ вполнѣ. Онъ превосходно изобразилъ Гамлета на сценѣ и обнаружилъ всѣ условія, чтобы стать великимъ сценическимъ артистомъ, но чувствуетъ, что онъ не можетъ всю свою жизнь наполнить однимъ художествомъ. Онъ способенъ хорошо съиграть только то, что̀ ему по натурѣ, что̀ содѣйствуетъ его личному образованію, выработкѣ характера, а не отчужденію его чрезъ перевоплощеніе при помощи лицедѣйства въ другія лица, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго. Оказалось, что въ своихъ похожденіяхъ за искусствомъ онъ созрѣлъ характеромъ

и уподобился Саулу, сыну Киса, который шелъ искать ослятъ отца, а обрѣлъ вѣнецъ и былъ помазанъ на царство пророкомъ Самуиломъ. На рукахъ у В. Мейстера оставались Феликсъ, сынъ его отъ Маріанны, Миньона и арфистъ; самъ онъ сдѣлался серьезнымъ человѣкомъ и вступилъ въ среду серьезныхъ людей. Вслѣдствіе такой перемѣны романъ перестаетъ быть занимательнымъ. Мы попадаемъ въ особаго рода утопію, весьма туманную и наполненную существами очень нравственными, но мало жизненными. Приходится сожалѣть о томъ, что Гёте не прекратилъ труда, кончая пятую книгу; мы бы имѣли превосходный торсъ, а вмѣсто того получилось неудовлетворительное цѣлое, о которомъ Гёте писалъ къ Шиллеру (26-го іюня 1796 г., № 174), что послѣ долгаго пути онъ ощущаетъ усталость и предлагаетъ читателю многое дополнять мысленно по намѣреніямъ автора. Утопія Гёте существенно разнится отъ подобныхъ ей современныхъ утопій тѣмъ, что она чуждается всякой организаціи, всякой государственности; что она переноситъ насъ въ состояніе, похожее на бытъ, напримѣръ, Польши подъ самый ея конецъ; что мы видимъ полное разложеніе верховной власти и неуваженіе къ ней. „Долой съ государствомъ и чиновниками!—говоритъ Филина во 2-ой главѣ IV-й книги;—я не представляю ихъ себѣ иначе какъ въ парикахъ; такъ и чешутся у меня руки, чтобы эти парики сорвать". „Увѣряю васъ,—говоритъ Вернеръ во 2-й гл. VIII книги,—(правда, тупой человѣкъ и филистеръ), что я никогда не думалъ о государствѣ, а только платилъ подати и сборы, какъ то заведено"... Идеальный человѣкъ въ романѣ, Лотаріо, заключаетъ: „патріотъ и хорошій гражданинъ—тотъ, кто прежде всего откладываетъ, что̀ онъ долженъ заплатить государству". Общественный строй въ романѣ представленъ крайне туманно, изъ толпы выдвигаются лучшіе люди и, родъ аристократіи, интеллигенція. Совокупность этихъ столповъ, таинственно между собою связанныхъ, образуетъ родъ масонства. Таковы Ярно, аббатъ, въ особенности Лотаріо, Тереза, Наталія. Они отыскиваютъ возможныхъ въ это братство кандидатовъ и, испытавъ ихъ, пріобщаютъ къ своему союзу; вмѣстѣ съ вступленіемъ въ союзъ и кончаются „годы ученія" новопоставленнаго лица. Романъ додѣланъ на скорую руку и довершенъ нѣсколькими счастливыми бракосочетаніями. В. Мейстеръ получаетъ идеальную жену Наталію, которая такимъ образомъ сама себя опредѣляетъ (4 гл. VIII кн.): „На меня не дѣйствуютъ красоты природы, ни прелести искусства, но для меня величайшее наслажденіе, когда я усматриваю какой-нибудь недостатокъ, нужду. Тогда я ищу мысленно, чѣмъ его дополнить, ищу

лекарства и помощи. Первое и послѣднее въ жизни, это—дѣятельность. Нельзя, однако, ничего сдѣлать, не имѣя къ тому расположенія, не имѣя инстинкта насъ, къ тому увлекающаго".

Забывая о томъ, по какому плану произведеніе было заложено, читатель хотя и не находитъ въ окончаніи его прежней жизненной правды въ изображеніяхъ, но его подкупаютъ этическія стремленія и идеалы автора. Онъ мѣритъ и оцѣниваетъ происходящее по этому новому масштабу, и самъ начинаетъ благодушествовать между этими прекраснодушными людьми. Мнѣ кажется, что и Шиллеръ, какъ критикъ, увлекся и отступилъ отъ своихъ эстетическихъ убѣжденій, въ силу которыхъ прекраснымъ въ искусствѣ было только то, что̀ не серьезно, что̀ есть одна игра воображенія. Съ 27-го іюня 1796 г., когда, получивъ конецъ романа, онъ предался сплошному перечитыванію его отъ начала до конца, по 9-ое іюля, Шиллеръ написалъ въ эти двѣ недѣли пять длиннѣйшихъ посланій къ Гёте, въ которыхъ онъ разобралъ по ниточкѣ каждое событіе и каждый характеръ. Ему понравилось даже и то, что̀ всего неестественнѣе. Онъ хвалитъ (№ 185) даже часть этого эпоса—машинообразную, напоминающую волю боговъ или рокъ греческой трагедіи, то-есть дѣятельность опекаемаго Мейстеромъ тайнаго союза, вслѣдствіе которой учебные года В. Мейстера имѣютъ видъ не слѣпой игры природы и случая, но составляютъ яко бы рядъ опытовъ, направляемыхъ издали разумными силами, которыхъ не угадываетъ руководимый, и которыхъ онъ и не долженъ знать. Шиллеръ совѣтовалъ Гёте довершить работу и послѣ годовъ ученія написать „годы мастерства"—идея, которую Гёте впослѣдствіи осуществилъ въ „W. Meisters Wanderjahren", самомъ слабомъ, растянутомъ и скучномъ произведеніи послѣднихъ годовъ его жизни.

IV.

Издательство „Горъ" продолжалось только три года (1795—1797), оно было въ связи съ изданіемъ ежегоднаго „Musenalmanach'a", въ которомъ на первомъ мѣстѣ стояли стихотворенія и въ особенности эпиграммы. Шиллеръ былъ крайне недоволенъ холоднымъ отношеніемъ къ „Го̀рамъ" публики и намѣренно систематически-враждебными на него нападками повременной печати, заурядныхъ критиковъ и рецензентовъ. „Нѣтъ въ нашей публикѣ,—писалъ онъ (май 1795, № 64),—ни единства дѣтскаго вѣрованія, ни единства высшей культуры,—есть нѣчто среднее. Наше время благое для плохихъ писакъ, но пресквернее для

пишущихъ не ради одной только наживы". Гёте въ особенности былъ противенъ этимъ, какъ онъ ихъ называлъ, собакамъ (Lumpenhunden, № 187); они его кусали или упорно замалчивали его [1]), а между тѣмъ капитальный по тому времени вопросъ для критики заключался въ томъ, какъ будутъ приняты публикою „Года ученія В. Мейстера", выходящіе частями и проданные авторомъ еще до появленія „Горъ" издателю Іегеру въ Берлинѣ. Въ концѣ 1795 г., друзья-поэты порѣшили сдѣлать общими силами вылазку противъ злословящихъ порицателей и произвести повальное избіеніе авторитетныхъ посредственностей или ничтожествъ тогдашней литературной критики, предавъ ихъ посмѣянію. Кличку замыслу они взяли отъ римскаго сатирика Марціала: они назвали свои эпиграммы *Ксеніями*. Въ обычаѣ было у римлянъ — послѣ пира домохозяинъ раздавалъ расходящимся гостямъ въ видѣ подарковъ (xenia) разныя лакомства; впослѣдствіи раздача лакомствъ замѣнена раздачею шутовскихъ эпиграммъ въ двустишіяхъ. Мысль о сочиненіи общими силами громаднаго числа сатирическихъ стиховъ, на подобіе Марціаловыхъ, для помѣщенія ихъ въ альманахѣ на 1797 годъ пришла въ голову Гёте (№ 132, дек. 23-го 1795). Цѣлый 1796 годъ стрѣлы выдѣлывались, закалялись; подобрано ихъ до 2.000 штукъ. Работа до того была общая, что одинъ изъ поэтовъ предлагалъ идею, другой ее отчеканивалъ; одинъ приготовлялъ стрѣлу, а другой ее оттачивалъ и заострялъ. „Теперь мы можемъ нападать,—писалъ Шиллеръ (№ 135)—и на священное, и на свѣтское; какой обильный предметъ для травли клики Штольберговъ, Рапницъ, Рамдоръ; міръ метафизическій со своими „я" и „не-я", другъ Николаи нашъ заклятый врагъ, лейпцигская трущоба вкуса, Тюммель, Гёшенъ и другіе". Гёте былъ мягкосердечнѣе; онъ сочинялъ не только хлесткія двустишія, но и похвальныя, имѣющія общій смыслъ и относящіяся къ жизни или къ искусству вообще. Шиллеръ былъ несравненно задорнѣе и злѣе; онъ-то и выпустилъ наибольшее число лисицъ съ зажженными хвостами на пажити филистимлянъ (№ 147). Сборникъ эпиграммъ увеличивался быстро въ объемѣ; но такъ какъ его полновластнымъ распорядителемъ былъ Шиллеръ, то, слѣдуя внушеніямъ своего воинственнаго темперамента, онъ исключилъ, къ великому сожалѣнію Гёте (№ 200), все болѣе мягкое, разсортировалъ остальное, сжалъ и расположилъ въ боевомъ порядкѣ все ехидное и колючее. „Когда они въ одной кучѣ и безъ примѣси серьезнаго, то

[1]) Goethe, въ письмѣ № 120: geheime Fehde des Verschweigens, Verrückens und Verdruckens.

тѣмъ ослабляется ихъ горьковатость; а при преобладаніи въ нихъ юмора выходитъ нѣчто цѣльное" (№ 202). Изъ припасенныхъ 2.000 штукъ выбраны 200 спокойныхъ, не задирающихъ, и 414 сатирическихъ, и пущены безъ подписей, безъ обозначенія, что кто писалъ. Альманахъ изданъ въ сентябрѣ 1796 года.

Успѣхъ его былъ громадный; въ мигъ разошлись двѣ тысячи экземпляровъ, послѣ чего потребовались еще два изданія. Побоище было усѣяно ранеными и изувѣченными; досталось святошамъ, педантамъ, болтунамъ, грубо чувственнымъ людямъ и морализующимъ эстетикамъ; самые благоразумные изъ числа задѣтыхъ промолчали и стушевались. Публика смѣялась; болѣе воспріимчивые изъ пострадавшихъ подняли вой, огрызались, ругались. Былъ моментъ, когда Шиллеръ, въ виду того, что его могутъ побить, помышлялъ о полиціи (№ 249). Всего забавнѣе, что публика ошибалась насчетъ того, кто былъ зачинщикомъ предпріятія. „Мнѣ достается,—писалъ Шиллеръ,—мизерная роль соблазненнаго; вы же (т.-е. Гёте) можете утѣшиться тѣмъ, что васъ возводятъ въ соблазнители". Хотя идея о походѣ посредствомъ „ксеній" блеснула первоначально у Гёте, но несомнѣнно, что во главѣ предпріятія стоялъ не кто иной какъ Шиллеръ, увлекшій Гёте, не представлявшаго себѣ наглядно результатовъ этой свалки; такъ втянулъ онъ его и въ журналистику, и вытягивалъ постоянно изъ портфеля залежавшіяся тамъ вещи, которыя безъ того не были бы изданы при жизни Гёте. Результаты „ксеній" были весьма значительные. „Въ республикѣ нѣмецкой литературы искони царило безначаліе, существовало извѣстное число талантовъ, вліявшихъ каждый въ своемъ околоткѣ; теперь же, по молчаливому всеобщему соглашенію, установилось никѣмъ не оспариваемое господство только двухъ братьевъ Діоскуровъ. Когда оказалось, что у противниковъ ихъ нѣтъ никакого оружія въ рукахъ, кромѣ самой пошлой ругани, самъ Гёте далъ сигналъ къ отбою и писалъ (15-го ноября 1796, № 241), что „послѣ сумасшедшей штуки съ „ксеніями" мы должны заниматься только великими и достойными произведеніями и къ посрамленію противниковъ обязаны воплощать нашу протеевскую натуру въ одни только лики благородства и добра". Когда писались эти слова, въ умѣ у Гёте и были великія произведенія: онъ доканчивалъ „Года учебные В. Мейстера", а съ осени (т.-е. съ изданія „ксеній") 1796 г. по іюнь 1797 сочинялъ самое мастерское и безупречное по формѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ самое свѣжее и, послѣ „Фауста", популярнѣйшее изъ своихъ произведеній: *Германа и Доротею*, по прочтеніи котораго въ печати Шиллеру показалось (октябрь 1797, № 367),

что онъ слышитъ „голосъ гомеровскаго рапсода, раздающійся среди современнаго политико-реторическаго міра". Шиллеръ былъ настолько восхищенъ эпосомъ, что въ письмѣ къ Мейеру (№ 344) провозгласилъ, что это созданіе и есть вершина всего тогдашняго художества нѣмецкаго. Онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ оно возникло, и удивлялся самому способу его возникновенія, той легкости, съ которою оно писалось: Гёте стоило только тряхнуть слегка дерево творчества, и сочные и зрѣлые плоды этого творчества падали съ него сами собою. Шиллеръ былъ убѣжденъ, что Гёте не создастъ никогда ничего выше этого эпоса, что ему слѣдуетъ продолжать воспроизводить ту же прекрасную форму, не ища новаго матеріала; что онъ долженъ посвятить себя всецѣло поэтической практикѣ на счастливо открытомъ пути. Гёте оцѣнивалъ себя трезвѣе и лучше и относился къ своему громадному успѣху съ нѣкоторою долею ироніи (2-го янв. 1798, № 397): „еслибы мы, поэты, были фокусники, еслибы задача наша состояла въ томъ, чтобы не дать никому понять, какъ мы дѣлаемъ фокусы, то мы были бы въ полномъ выигрышѣ, наравнѣ съ тѣми, которые знаютъ, что публика на ихъ сторонѣ, и, плывя по теченію, безошибочно разсчитываютъ на удачу. По выбору матеріала я въ „Германѣ и Доротеѣ" угодилъ нѣмцамъ досыта, и они весьма довольны. Думаю о томъ, нельзя ли написать, идя тѣмъ же путемъ, такую сценическую пьесу, которая бы прошла по всѣмъ театрамъ и была провозглашена всѣми какъ самая превосходная, хотя бы авторъ и не нуждался въ томъ, чтобы признавать ее за таковую". Изъ такой откровенности Гёте мы заключаемъ, что мы могли бы опредѣлить моментъ его творчества, соотвѣтствующій работѣ его надъ знаменитымъ эпосомъ, слѣдующими чертами: наивысшая степень намѣренности въ творчествѣ, къ какой только и могъ Гёте быть когда-либо способенъ; умѣренное вдохновеніе; величайшая умѣлость, полное знаніе какъ законовъ искусства, такъ и чувствъ, на которыхъ заигрываетъ въ читателяхъ поэтъ; весьма небольшая заботливость о матеріалѣ, т.-е. о фабулѣ, сюжетѣ, такъ какъ и ничтожнѣйшій сюжетъ можетъ быть возведенъ въ перлъ художества при помощи высокаго стиля, а тайну стиля артистъ постигъ и усвоилъ себѣ, вслѣдствіе чего все, что ни изображалъ онъ, бывало жизненно и природѣ подобно.

Главная поэма въ группѣ произведеній Гёте второй его манеры совсѣмъ непохожа на его произведенія первой манеры, задуманныя до итальянскаго путешествія. Сочиняя ее, Гёте отступился и отъ правила—ничего изъ этой поэмы никому до окончанія ея не показывать. Три первыя пѣсни онъ сообщилъ (февраль 1797)

Вильгельму Гумбольдту и Шиллеру; потомъ онъ хотѣлъ послать Шиллеру планъ остального (26-го апр., № 303), но пріостановился (28-го апр., № 304) и совѣщался съ Шиллеромъ затѣмъ только словесно, такъ что Шиллеръ могъ сказать, что онъ видѣлъ, какъ поэма созидалась (ich habe es entstehen sehen, № 944). Въ переписке поэтовъ имѣется богатый матеріалъ для установленія тѣхъ теоретическихъ правилъ искусства, какія занимали Гёте, когда онъ писалъ „Германа и Доротею", и какъ онъ ихъ дедуктивно проводилъ и примѣнялъ въ произведеніи. Поэмы я разбирать не стану, но, пользуясь перепискою, введу читателей въ рабочій кабинетъ Гёте и познакомлю ихъ съ пріемами и методомъ автора.

V.

Въ Италіи, среди античныхъ образцовъ, Гёте пріучился къ высокому стилю, то-есть, къ такой объективности въ творчествѣ, чтобы въ произведеніи не оставалось уже ни слѣда его личности, чтобы самъ онъ пропадалъ, исчезалъ, а имѣлось бы на лицо только само произведеніе, самостоятельно дѣйствующее какъ живой, цѣльный организмъ. Въ „Годахъ ученія В. Мейстера" нѣтъ еще такого мастерства; авторъ изображаетъ хорошо только то, чѣмъ самъ былъ и что̀ самъ перечувствовалъ, но Гёте „второй манеры" уже сталъ вполнѣ Протеемъ и былъ способенъ изображать по геніальной догадливости и то, что̀ совсѣмъ было чуждо его натурѣ. Эта способность, развитая вслѣдствіе общенія съ древними образцами, вела къ тому, что имъ были изображаемы не индивидуальныя характерныя лица, а только типы. Такъ было и у древнихъ. О греческомъ искусствѣ вѣрно сказалъ Шиллеръ (№ 290), что ихъ лица не недѣлимыя, а идеализированныя маски. О древней пластикѣ Гёте замѣчаетъ (№ 291), что у нея лица — абстракты, которые доведены до совершенства только высокимъ стилемъ художника,—иными словами, что они не копіи съ натуры, а художественныя идеализаціи совершеннѣйшаго тѣла, которыя проще естественныхъ и состоятъ изъ красивѣйшихъ сочетаній поверхностей и линій, никогда реально въ такихъ сочетаніяхъ не встрѣчавшихся. Эта простота линій и поверхностей доведена до высочайшей степени въ „Германѣ и Доротеѣ", равно какъ и въ позднѣйшей—„Незаконной дочери" (Die natürliche Tochter). Въ девяти пѣсняхъ „Германа и Доротеи" есть только семь дѣйствующихъ лицъ: трактирщикъ, его жена, аптекарь, священникъ, судья и любовникъ, сочетающійся со служанкою изъ переселенцевъ. Обста-

новку этихъ лицъ составляютъ живописные берега Рейна; малое мѣстечко, вдали зарево международнаго пожара и бѣгущія за Рейнъ толпы нѣмцевъ-переселенцевъ. Моментъ дѣйствія—самая послѣдняя современность, захолустный крестьянскій бытъ — самый простой; никакой образности, никакой вычурности нельзя было допустить въ незатѣйливомъ повѣствованіи; наконецъ, почти никакого драматизма нѣтъ въ событіи, занимающемъ всего одинъ день времени и дающемъ просторъ только чувствамъ физической любви, семейной привязанности и любви къ нѣмецкой родинѣ, тревожимой въ ея сонномъ покоѣ разливами французскаго революціоннаго движенія. Задавшись мыслью поэтизировать зауряднѣйшую житейскую прозу и возвести сельскую идиллію въ подобный гомеровскому эпосъ, Гёте поставилъ себѣ одну изъ труднѣйшихъ теоретическихъ задачъ, заключающуюся въ выборѣ для этого сырья подходящаго къ нему вида поэзіи, съ устраненіемъ всего, что̀ этому виду несвойственно. Онъ пишетъ Шиллеру (22-го апр. 1797, № 301): „Я теперь сильно заинтересованъ изслѣдованіемъ качества матеріаловъ для опредѣленія, насколько они требуютъ того или другого обращенія съ ними. Я сдѣлалъ въ жизни много промаховъ и хочу вполнѣ это дѣло себѣ уяснить, чтобы не впадать въ будущемъ въ ошибки“. Постановка задачи сходна была съ тѣмъ, какъ ее ставилъ Аристотель и какъ ее теперь ставитъ F. Brunetière, въ „Évolution des genres“ (Paris, 1890), то-есть, что въ литературѣ есть особи, но есть также и породы произведеній; что породы являются, плодятся, преобразовываются и вымираютъ, что онѣ совершенствуются посредствомъ подбора и вырождаются отъ противоестественныхъ скрещиваній; что каждая порода имѣетъ свои типическія черты и свои неизмѣнные законы, необходимые для красоты каждой особи въ породѣ, словомъ, —что каждое произведеніе не должно выходить за предѣлы своей породы.

Зародышъ идей Гёте о коренныхъ различіяхъ видовъ въ поэзіи содержится въ 7-ой главѣ V книги „В. Мейстера“, въ которой Серло излагаетъ свои взгляды на подвидъ эпоса—романъ, въ различіи его отъ драмы. „Романъ имѣетъ дѣло съ настроеніями и происшествіями; драма—съ характерами и дѣяніями. Романъ движется тихо, потому что изображеніе настроеній героя задерживаетъ развитіе цѣлаго. Драма торопится, характеръ героя гонитъ къ развязкѣ, его надо укрощать. Герой романа болѣе страдаетъ, нежели дѣйствуетъ, онъ запаздываетъ, а по его образцу моделировано все остальное. Въ драмѣ герой ничего не моделируетъ на свой образецъ, онъ только ломаетъ и упраздняетъ препятствія или самъ

уничтожается ими. Въ романѣ играетъ роль и случайность, но опредѣляемая и увлекаемая настроеніями дѣйствующихъ лицъ; въ драмѣ же большое значеніе имѣетъ судьба, увлекающая людей безъ вѣдома ихъ къ катастрофѣ при посредствѣ несвязныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Случайность ставитъ людей въ патетическія, но не трагическія положенія, но судьба бываетъ всегда трагическая, когда она есть несчастное сплетеніе и запечатлѣнныхъ виною, и безвинныхъ дѣяній, другъ отъ друга не зависящихъ".

Гёте замѣтилъ, что ходъ эпоса спокоенъ, что всѣ его подробности должны быть разсудочно осмыслены, и что такъ какъ ходъ его похожъ на движеніе зигзагами, то всѣ задерживающіе ходъ моменты (а ихъ бываетъ много) эпичны. Это не должны быть препятствія, какъ въ драмѣ, а только задержки (№ 299). Шиллеръ соглашается съ этимъ заключеніемъ въ виду того, что цѣль эпоса есть спокойное изображеніе вещей по ихъ натурѣ и взаимодѣйствія этихъ вещей, слѣдовательно цѣль эпоса осуществляется въ каждомъ моментѣ его движенія. Мы не спѣшимъ къ концу, но останавливаемся съ удовольствіемъ на каждомъ шагу (№ 300). Гёте не перестаетъ доискиваться высшаго закона, который бы объяснилъ запаздываніе дѣйствія въ эпосѣ, въ узловыхъ его задержкахъ, то-есть въ отдѣльныхъ эпизодахъ. Ему представляется, что въ эпосѣ интересуетъ не то, *что̀* происходитъ, но только то, *какъ* оно происходитъ („das Wie und nicht das Was das Interesse macht",—№ 301); иными словами, въ эпосѣ догадываешься сразу, какой будетъ конецъ, а слѣдовательно, въ исходѣ поэмы любопытство не принимаетъ уже никакого участія. Въ своемъ эпосѣ Гёте затрудненъ тѣмъ, что ходъ его идилліи, совершающейся въ теченіе одного дня, до того прямолинейный, что въ немъ нѣтъ ни остановокъ, ни запаздываній. Шиллеръ его успокоиваетъ такъ (№ 302): причины запаздываній могутъ быть двоякія,—однѣ зависятъ отъ свойства пути, другія отъ способа хожденія; слѣдовательно запаздыванія могутъ быть при прямолинейномъ пути, что̀ и имѣетъ мѣсто въ „Германѣ и Доротеѣ"; но, одобряя произведеніе Гёте съ этой стороны, Шиллеръ думаетъ, что эта поэма—не чистый эпосъ, а подвидъ эпоса, переходящій въ комедію, что̀ совершенно вѣрно. Всю повѣсть „Германъ и Доротея" можно бы живьемъ перенести на сцену и поставить на одномъ ряду съ наивными повѣстями изъ крестьянскаго быта Жоржъ-Занда, подвергавшимися подобной же инсценировкѣ. Съ другой стороны, есть въ эпосѣ Гёте и трагическія черты, несвойственныя эпосу, напримѣръ, когда сынъ, возставая противъ воли отца, задумываетъ идти въ солдаты. Что касается до

формулы: nur das Wie und nicht das Was,—то Шиллеръ думаетъ, что она слишкомъ обща и примѣнима ко всѣмъ прагматическимъ или дидактическимъ родамъ поэзіи. Шиллеръ исправляетъ ее, передѣлавъ слѣдующимъ образомъ» и эпикъ, и драматургъ, изображаютъ извѣстное дѣйствіе, но у драматурга оно — сама цѣль, а у эпика оно только простое средство для достиженія высшей эстетической цѣли; вотъ почему драматургъ торопится и идетъ на проломъ, а эпикъ часто мѣшкаетъ и намѣренно воздерживается отъ положеній, возбуждающихъ столь сильно любопытство или соучастіе, что дѣйствіе само становится уже близко интересующею насъ цѣлью.

Работая надъ „Германомъ и Доротеею", Гёте читалъ только Гомера и Библію. Кончивъ свой эпосъ и еще разъ перелистывая Иліаду и Софокла, въ виду новыхъ задуманныхъ имъ эпическихъ работъ (Ахиллеида), Гёте приходитъ къ заключенію, что у современниковъ (модерновъ) всѣ роды поэзіи смѣшались—до невозможности отдѣлить одинъ видъ отъ другого, вслѣдствіе стремленія публики къ достиженію наибольшей иллюзіи, наибольшаго правдоподобія (23-го декабря 1797, № 39). Въ практикѣ на первомъ планѣ стала у насъ живопись, доставляющая наибольшую иллюзію при помощи перспективы и красокъ. Въ поэзіи беретъ верхъ драма, какъ изображеніе вполнѣ настоящаго момента. Какъ только появится романъ, тотчасъ берутся его инсценировать, вслѣдствіе чего мы имѣемъ столько плохихъ драмъ. Лишь только обрисовалось интересное положеніе, тотчасъ гравируютъ эту сцену на мѣди, чтобы не осталось уже ничего додѣлывать воображенію, и чтобы по возможности приблизить драматическое къ дѣйствительному. Гёте возмущенъ этимъ варварскимъ безвкуснымъ направленіемъ и предлагаетъ противодѣйствовать ему всячески, отдѣлять родъ отъ рода непроходимыми гранями, держать каждый родъ особо, какъ то дѣлали древніе, вслѣдствіе чего они такіе мастера; но Гёте сомнѣвается, можно ли будетъ устоять противъ всеобщаго теченія.—Изъ своихъ замѣтокъ и изъ писемъ Шиллера Гёте составилъ родъ заключительнаго протокола (Absatz: Ueber epische und dramatische Dichtung), который онъ посылаетъ въ концѣ 1797 г., какъ бы для подписанія, Шиллеру. Главное содержаніе этого маленькаго трактата слѣдующее.

Оба, и эпикъ, и драматургъ, подчинены общимъ поэтическимъ законамъ, въ особенности закону единства и закону развитія. Они пользуются тѣми же предметами и употребляютъ всевозможные мотивы. Разница между ними та, что эпикъ повѣствуетъ о событіи какъ о *совершенно прошедшемъ*, а драматургъ представ-

ляетъ его какъ *вполнѣ современное.* Чтобы постигнуть это различіе во всѣхъ деталяхъ, надо себѣ вообразить съ одной стороны рапсода въ спокойно слушающемъ его кружкѣ и мимика въ созерцающей его и волнующейся отъ его дѣйствій и словъ средѣ. Тогда станетъ ясно, чтò каждому изъ нихъ наиболѣе подходитъ, чѣмъ онъ займется и какими мотивами онъ воспользуется. Предметы обоихъ видовъ должны быть важные, человѣчные и патетическіе. Дѣйствующія лица должны стоять на извѣстной степени культуры, всего лучше на той, когда занятія еще не спеціализировались, когда люди дѣйствуютъ самолично, а не наладились дѣйствовать рутинно-нравственно, политически или механически. Эпосъ изображаетъ ограниченную личную дѣятельность, а трагедія—ограниченное личное страданіе; эпосъ изображаетъ человѣка внѣшне дѣйствующаго (битвы, путешествія, широкія предпріятія), а трагедія—человѣка въ себѣ самомъ сосредоточеннаго, арена дѣйствія коего по возможности весьма мала. Обстановка въ обоихъ родахъ состоитъ изъ слѣдующихъ элементовъ: 1) міръ физическій ближайшій и отдаленнѣйшій. Въ ближайшемъ драматургъ стоитъ обыкновенно на одной точкѣ, но эпикъ движется свободнѣе. Отдаленнѣйшее—это вся природа, которую эпикъ выводитъ въ образныхъ сравненіяхъ, между тѣмъ какъ драматургъ пользуется ими гораздо бережливѣе; 2) міръ нравственный во всевозможныхъ и физіологическихъ и патологическихъ состояніяхъ души; наконецъ, 3) міръ сверхъестественный, міръ предчувствій, призраковъ, судебъ. Ихъ надобно матеріализировать, чтò для современныхъ людей затруднительно: у древнихъ были боги, чудеса, вѣщатели, оракулы—ихъ трудно намъ чѣмъ-либо замѣстить.

Рапсодъ обозрѣваетъ совсѣмъ прошлое. Онъ старается заставить слушателей внимать ему охотно и долго; онъ старается равномѣрно интересовать слушателей, потому что еслибы онъ сразу произвелъ весьма сильное впечатлѣніе, то ему уже было бы трудно какъ-нибудь его уравновѣсить. Онъ можетъ идти и впередъ, и назадъ; за нимъ послѣдуютъ, потому что онъ пробуждаетъ въ слушателяхъ воображеніе, которое уже само собою рождаетъ образъ за образомъ. Онъ—высшее существо,—ему бы и не показываться, а стоять за занавѣсью, лишь бы его слышали, не видавъ его лица и внимая только голосу его, какъ музыкѣ. Напротивъ того, мимикъ требуетъ, чтобы наблюдали только его и его наиближайшую обстановку, чтобы сочувствовали его страданіямъ душевнымъ и физическимъ, а себя при созерцаніи ихъ забывали. Конечно, и у него есть постепенность, но онъ позволяетъ себѣ сильнѣйшіе эффекты. Слушатели обрѣтаются въ постоянномъ чувственномъ возбужденіи,

имъ некогда раздумывать, фантазія ихъ бездѣйствуетъ, и даже то, что имъ разсказываютъ, должно быть воспроизведено чувственно предъ ихъ глазами.

Шиллеръ прибавилъ къ этому трактату Гёте одно поясненіе и одно существенное дополненіе. Поясненіе состоитъ въ слѣдующемъ: дѣйствіе драмы движется предо мною, я прикованъ къ чувственному настоящему, моя фантазія не свободна, я волнуюсь, я привязанъ къ объекту, не раздумываю и повинуюсь чужой увлекающей силѣ. Но эпическое дѣйствіе столь тихо, что оно почти неподвижно, и только я самъ около него вращаюсь, могу поспѣшить, могу и остановиться. Оно вѣдь все прошлое, и конецъ его напередъ извѣстенъ,—значитъ, всякій моментъ дѣйствія равнозначителенъ; его характеръ—спокойная свобода.

Дополненіе Шиллера весьма существенно и состоитъ въ связи съ началами его эстетики. Оба вида поэзіи не только граничатъ, но и дополняютъ себя взаимно, такъ что почти неразрывно одинъ съ другимъ сплетается. Отличительный признакъ эпики—*чувственность*, а трагики—*свобода*. Хотя эпикъ владѣетъ прошедшимъ, но чтобы сдѣлать его поэтичнымъ, эпикъ долженъ его модернизировать (vergegenwärtigen). Съ другой стороны, чтобы освободить зрителя отъ гнета грубаго матеріала, трагикъ долженъ отодвинуть въ даль дѣйствіе, идеализируя его настоящую, грубую дѣйствительность. Такимъ образомъ, трагедія поднимается по необходимости къ эпосу, чтобы сдѣлаться поэтичнѣе, а эпосъ опускается къ драмѣ, чтобы сдѣлаться также поэтичнѣе. Оба вида помогаютъ себѣ взаимно, охраняя родовое отъ подчиненія его видовому. Задача искусства заключается въ томъ, чтобы не допустить сліянія видовъ и смѣшенія граней, примиряя характерное съ прекраснымъ, чистоту съ полнотою и единство съ многообразіемъ.

VI.

По мѣрѣ того, какъ оба поэта элленизировались при изученіи древнихъ образцовъ и дѣлали успѣхи въ теоріи разныхъ видовъ искусства, ихъ отношенія къ прежнимъ своимъ же собственнымъ произведеніямъ сильно измѣнялись, и ихъ сужденіе объ этихъ произведеніяхъ дѣлалось критичнѣе. Въ 1788 г., Шиллеръ сокрушался, что не въ силахъ создать что-нибудь столь совершенное, какъ гётевская „Ифигенія“, а въ 1797 г. (№ 392) онъ уже признавалъ, что на этомъ солнцѣ есть пятна, что ходъ дѣйствія въ „Ифигеніи“ слишкомъ спокойный, что слишкомъ много задер-

жекъ, что развязка совсѣмъ не трагическая, а благополучная, противорѣчитъ понятію трагедіи. Впечатлѣніе, производимое пьесою, конечно, поэтическое, но не спеціально трагическое, что всегда бываетъ при наклоненіи трагедіи къ эпическому виду. Подобное же охлажденіе произошло и въ самомъ Гёге. Сюжетъ взятъ былъ у Эврипида, у котораго преслѣдуемый Эринніями за матереубійство Орестъ только тогда искупитъ свое кровавое дѣло, когда похититъ и привезетъ въ Грецію отъ тавровъ чтимое ими въ Тавридѣ изображеніе Діаны. Жрица Діаны, Ифигенія, помогаетъ похитителямъ, но они задержаны, и ихъ выручаетъ спасающая ихъ Аѳина, предъ которою преклоняются царь Тоасъ и его тавры. Въ пьесѣ Гёте весь религіозный механизмъ отсѣченъ и выкинутъ. Мѣсто боговъ занимаетъ чистѣйшее чувство человѣчности, воплощенное въ лицѣ Ифигеніи-жрицы. Жрица отвергла любовь царя, но обаяніемъ своей кроткой и благородной натуры достигла того, раскрывъ предъ царемъ дерзкій планъ похитителей, что Тоасъ отпускаетъ и ихъ, и ее, вмѣстѣ со статуею Діаны и разстается съ ними дружески и безъ злопамятства. Ясно, что подобнаго чувства гуманности не могло быть ни у тавровъ, ни у грековъ. Гёте поступилъ такъ, какъ совѣтовалъ поэтамъ поступать Андрé Шенье (Sur des pensées nouveaux faisons des vers antiques). При такомъ переводѣ дѣйствія изъ внѣшности въ одни душевныя настроенія дѣйствующихъ лицъ, движенія въ драмѣ вообще мало. Когда въ 1802 г. поэты задумали поставить Ифигенію на веймарскомъ театрѣ, отдавая пьесу въ полное распоряженіе Шиллеру съ правомъ урѣзывать и измѣнять ее, Гёте называетъ ее gräzisirendes Schauspiel и выражаетъ, что произведеніе *чертовски гуманно* (ganz verteufelt human). Шиллеръ отвѣчаетъ (№ 832): „то, что вы называете гуманнымъ, вывезетъ пьесу; я ничего изъ этого гуманнаго не исключу". Онъ опечаленъ тѣмъ, что Гёте устранилъ изъ пьесы грозныхъ Эринній, и что затѣмъ продолжительныя душевныя терзанія Ореста длинны, утомительны и лишены содержанія. Такъ какъ собственно дѣйствіе происходитъ совсѣмъ за кулисами, то Шиллеръ спрашиваетъ, нельзя ли какъ-нибудь расшевелить Тоаса и тавровъ, чтобы они не стояли такъ неподвижно и чтобы Орестъ и Пиладъ могли чего-нибудь отъ нихъ опасаться. „Меня,—пишетъ Шиллеръ (№ 834),—пьеса сильно взволновала при новомъ чтеніи, хотя бы въ ней и можно было поубавить сырца. Она имѣетъ то преимущество, что въ ней есть и „душа"... Гёте относился гораздо строже къ своему шедёвру и писалъ (май 1802 г., № 857): „со мной случилась при представленіи „Ифигеніи" курьезная вещь и въ моей жизни небывалая:

непосредственное созерцаніе давно прошедшаго состоянія моей души".

Мы подошли почти къ концу разбора произведеній музы Гёте, въ которыхъ принималъ участіе Шиллеръ своими совѣтами и указаніями. Обдумывая законы эпической поэзіи, Гёте затѣялъ продолженіе Иліады, обрывающейся на смерти Гектора; онъ началъ писать Ахиллеиду—повѣствованіе о судьбахъ Ахилла —предметъ трагическій, которому онъ пытался дать эпическую форму (№ 463). Въ 1830 году Гёте признавался (Biederm., № 1276), что писать баллады его подбивалъ Шиллеръ, нуждавшійся въ матеріалахъ для „Горъ". „Я былъ не тотъ, что смолоду, когда позывъ къ писанію приходилъ внезапно, и когда я набрасывалъ приходящее мнѣ въ голову на бумагу, не замѣчая, пишу ли я прямо или вкось. Сюжетъ давно лежалъ въ головѣ въ видѣ красивыхъ образовъ и мечтаній, которыми я наслаждался, играя ими въ воображеніи. Я неохотно съ ними разставался, воплощая ихъ въ скудныя слова, и ощущалъ, какъ будто бы я прощаюсь съ дорогими друзьями". Для поэтовъ годъ 1797 былъ по преимуществу *балладный* годъ. Наибольшее число балладъ задумано и написано во время частыхъ пребываній Гёте въ гостяхъ у Шиллера въ Іенѣ. Въ числѣ балладъ имѣется самое таинственное по замыслу изъ произведеній Гёте: „Коринеская Невѣста" (іюль, 1797), фабулу которой Гёте цѣликомъ извлекъ изъ сочиненія „О чудесныхъ вещахъ" Флегонта Траллескаго, вольноотпущенника императора Адріана (W. E. Weber, Vorlesungen aus der Aestetik. Hannover. 1831). Произведеніе состоитъ изъ дивнаго противопоставленія двухъ религій: языческой и эллинской, съ сердечнымъ предпочтеніемъ эллинизма христіанству по красотѣ и ясности (Biedermann, № 947). Напрасно мы бы искали ключа къ раскрытію смысла этой загадки у Шиллера. Шиллеръ сообщилъ только Кёрнеру (12-го февр. 1798 г.), что „Гёте пошутилъ, сочиняя то, что было внѣ его натуры и наклонностей". Шиллеръ не принималъ также никакого участія въ другомъ загадочномъ сценическомъ произведеніи Гёте: „Die natürliche Tochter" (Незаконная дочь), исторія котораго такова. Въ началѣ 1799 г. появились въ печати неважныя записки: „Mémoires historiques de Stéphanie Louise de Bourbon Conti". Заимствуя драму изъ этихъ записокъ, Гёте не обмолвился, по своему обычаю, ни словечкомъ о томъ, что онъ ее сочиняетъ, вплоть до ея окончанія и постановки на сценѣ въ Веймарѣ, 2-го апрѣля 1783 г. Драма понравилась въ Веймарѣ, но съ трескомъ провалилась въ Берлинѣ и не осталась въ нѣмецкомъ репертуарѣ, хотя Гёте ее счи-

талъ однимъ изъ задушевнѣйшихъ своихъ произведеній, и хотя онъ ее тщательнѣйше обдѣлалъ бѣлыми стихами (См. Düntzer: „Goethes Leben", Leipzig, 1880, S. 504). Оно не пришлось по вкусу публикѣ, когда появилось, не нравится и теперь. Оно составляетъ въ дѣятельности Гёте переходъ отъ второй его манеры (обезличенныхъ, но художественныхъ классическихъ произведеній) къ третьей его манерѣ — символической. Отрѣшеніе отъ характеристики мѣста, времени и фактической обстановки доходитъ до того, что дѣйствуютъ на сценѣ не лица, а званія и типы: король, герцогъ, судья, губернаторъ и т. под. Вслѣдствіе полнаго обезличенія выводимыхъ на сцену типовъ, они изображены не чертами, а какими-то расплывающимися штрихами. Несмотря на эти художественные недостатки, самъ замыселъ богатъ по содержанію и гораздо современнѣе (moderne) всего театра Шиллера въ совокупности. При всемъ своемъ политическомъ индифферентизмѣ Гёте былъ необычайно отзывчивъ на болѣе глубокіе соціальные вопросы далекаго будущаго. Не проходитъ нынѣ года безъ того, чтобы не появлялись книжки и брошюры о Гёте, какъ пророкѣ, о Гёте, какъ соціалистѣ. И французскую революцію понялъ онъ сразу лучше, чѣмъ увлекавшіеся ею его современники, и несравненно глубже проникъ онъ мысленно въ значеніе этого міроваго событія для строя европейскихъ обществъ; онъ постигъ полную гнилость и разложеніе верхнихъ слоевъ французской націи, доходящія до самыхъ корней, прибой демократической волны и излишества побѣдителей. Наконецъ, ему приснилось какое-то примиреніе враждебныхъ началъ, приходящихъ къ новому укладу, нѣчто въ духѣ тэновскихъ идей въ „Origines de la France contemporaine". Ему представился выдвигающійся и всѣхъ уравнивающій подъ собою единый общегражданскій законъ (вспомнимъ, что годъ постановки пьесы, 1803, совпадаетъ съ годомъ опубликованія Code Napoléon). Гёте задумалъ цѣлую серію драмъ (трилогію), но остановился, окончивъ только первую часть. Сюжетъ драмы не могъ быть оцѣненъ даже и Шиллеромъ—до того онъ внѣ области эстетики и поверхностныхъ теченій тогдашней политики. Что касается до формы произведенія, то она не могла также понравиться Шиллеру, который постоянно боролся съ бывшими въ ходу взглядами теоретиковъ эстетики, Винкельмана и Лессинга, утверждавшими, что̀ настоящая красота, какъ ее понимали неподражаемые греки, состоитъ въ отрѣшеніи образа отъ всего, что̀ въ изображаемомъ предметѣ могло быть индивидуально-характернаго (№ 338, іюня 7-го, 1797 г.). По мнѣнію Шиллера, теоретики забѣжали впередъ слишкомъ

далеко, и до того выдолбили понятіе красоты, что подъ ея оболочкою образовалась полнѣйшая пустота.

VII.

Отъ работъ Гёте перехожу прямо къ работамъ Шиллера, и прежде всего къ исключительно почти занимавшему его въ теченіе трехъ лѣтъ Валленштейну. Тутъ Шиллеръ является въ полномъ своемъ величіи, въ лучшемъ и самомъ зрѣломъ своемъ произведеніи, принадлежащемъ притомъ къ тому виду поэзіи, въ коемъ Шиллеръ не имѣлъ себѣ равнаго, и сочиняя которое онъ дѣйствовалъ во всеоружіи теоретическаго знанія. Онъ былъ подготовленъ къ своей работѣ тремя превосходными научными своими трактатами: 1) Grund des Vergnügens an tragischen Gegenständen, 1792; 2) Ueber die tragische Kunst, 1792; и 3) Ueber das Päthetische, 1795. Шиллеръ безконечно далекъ отъ такого узкаго пониманія трагизма, какое мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у Георга Гюнтера (Grundzüge der tragischen Kunst, 1885). Гюнтеръ думаетъ, что въ наше время, при полномъ отсутствіи элементовъ для свойственной грекамъ трагедіи *рока* или *судьбы*, воспроизводящей конфликтъ героя съ непостижимымъ уму міровымъ порядкомъ, олицетворяемымъ въ произволѣ боговъ,—трагедія, будучи подвидомъ драматическаго искусства вообще и подчиняясь его техникѣ, имѣетъ еще ту специальность, которую авторъ именуетъ *трагикою*; что въ области явленій она прославляетъ окончательную побѣду отвлеченнаго нравственнаго порядка, при чемъ примиряетъ междоусобіе началъ чувственнаго и нравственнаго (стр. 439), иными словами, что суть трагедіи заключается въ *винѣ* героя, составляющей неизбѣжное условіе трагедіи; герой затѣмъ пріемлетъ должное наказаніе для удовлетворенія нравственнаго чувства зрителей. Надъ такимъ закрѣпощеніемъ трагизма этикѣ жестоко подтрунилъ Шиллеръ въ послѣднихъ словахъ своей пародіи: „Тѣнь Шекспира“: „когда вырветъ порокъ, добродѣтель садится обѣдать“ (Wenn sich das Laster erbricht, setzt sich die Tugend zu Tisch). Сцена не имѣетъ ничего общаго съ судомъ, ни религіознымъ, ни политическимъ, ни нравственнымъ. Она не мѣсто для отправленія какого бы то ни было, хотя бы только поэтическаго, правосудія. Нѣтъ человѣка безъ грѣха; герои трагедіи всѣ люди грѣшные, люди со слабостями; святые въ трагедію негодятся. Но во всякомъ случаѣ эти герои должны быть люди необыкновенные (Ничше сказалъ бы: Uebermenschen—

надчеловѣки), люди способные—Grosses begegnen, Grosses muss durch sie geschehen (нѣчто большое испытать, нѣчто большое совершить). Они входятъ на сцену уже со сложившимися характерами; съ такими же страстями, зависящими отъ характеровъ, они дѣлаютъ промахи, зачастую даже совершаютъ преступленія. Наибольшее, что̀ можетъ выразить о нихъ поэтъ—что они провинились, но никогда онъ не скажетъ, что они свои страданія заслужили. Для трагика вины и страданія—величины несоизмѣримыя; самыя малыя вины влекутъ за собою иногда гибель и смерть; притомъ страданія могутъ быть и безъ всякой вины. Чѣмъ виноваты Эдипъ, Антигона, Гамлетъ? чѣмъ виноваты всѣ герои, гибнущіе только вслѣдствіе того, что изъ двухъ прямо противоположныхъ и исключающихъ себя взаимно долговъ они избрали только одинъ и притомъ тотъ, который, можетъ быть, былъ самый почтенный и священный? Такъ какъ ни у поэта, ни у зрителей нѣтъ въ рукахъ вѣсовъ Ѳемиды, но нѣтъ также и на глазахъ ихъ повязокъ, то они ни на минуту не остаются нелицепріятными судьями, но пристращаются къ герою, съ замираніемъ сердца и притая дыханіе участвуютъ въ процессѣ борьбы героя съ его судьбою, то-есть съ противодѣйствующими ему внѣшними силами, вспомоществуемыми послѣдствіями его промаховъ, ошибокъ или даже преступленій. Зрители всегда бываютъ на сторонѣ бойкости, храбрости и сверхъестественныхъ усилій бойца, будь этотъ боецъ даже Макбетъ или Ричардъ III. И сама гибель пострадавшей единицы не всегда бываетъ наказаніемъ,—оно иногда настоящее торжество, апоѳеозъ героя въ міровомъ безконечномъ, когда, по словамъ Шиллера, „гигантская судьба превозноситъ человѣка въ то самое время, когда она его растаптываетъ“ [1]). О поэтическомъ правосудіи не можетъ быть и рѣчи, судъ предполагаетъ вмѣненіе; вмѣненіе предполагаетъ свободу воли, а свобода произвола оспаривается и вытѣсняется нынѣ даже и изъ юриспруденціи. Бывшій всегда фаталистомъ, Гёте потѣшается въ одномъ изъ своихъ писемъ (№ 631) надъ Кантомъ, вѣровавшимъ въ свободу, но вѣровавшимъ также и въ естественную по природѣ наклонность человѣка къ злу: „въ поэзіи и въ религіи свободѣ воли отводится преплохая роль. Если человѣкъ по природѣ добръ (какъ полагаетъ Шиллеръ), то свобода воли есть глупая способность расходиться съ добромъ, и такимъ образомъ провиняться. Если же человѣкъ по природѣ золъ, то-есть

---

¹) Woher nehmet ihr aber das Grosse gigantische Schiksal, — Welcher den Menschen erhebt, wenn er den Menschen zermalmt.

если онъ постоянно слѣдуетъ только своей наклонности, то свободная воля есть, значитъ, нѣкая знатная особа, которая по своей природѣ позволяетъ себѣ дѣйствовать наперекоръ природѣ.

На эту выходку Шиллеръ отвѣчаетъ (№ 632): „Слава Богу, что мы не призваны поучать родъ человѣческій въ этой матеріи и навсегда останемся только въ области явленій, иными словами, что, не входя въ суть вопроса, мы, поэты, должны стоять только на томъ, въ чемъ всѣ убѣждены; всѣмъ кажется, что они свободны, значитъ они свободны". Каковъ бы, впрочемъ, ни былъ трагикъ—детерминистъ или не-детерминистъ—ему нѣтъ дѣла до корней дѣйствій въ свободѣ воли, потому что задача его не состоитъ въ томъ, чтобы что-нибудь изслѣдовать, а только въ томъ, чтобы услаждать жизнь, радовать и тѣшить, задача же трагика—особаго, самаго высокаго и труднаго вида поэзіи—заключается въ томъ, чтобы трогать людей видомъ человѣческихъ страданій, пробуждать въ ихъ сердцахъ возвышенныя чувства, и тѣмъ доставлять зрителямъ и слушателямъ наивысшее изъ доступныхъ поэзіи наслажденій. Такая постановка задачи вмѣщаетъ въ себѣ какъ будто бы явное противорѣчіе. Всякое страданіе, и свое, и чужое, рождаетъ печаль; если же оно жестокое—вселяетъ ужасъ; оба чувства крайне непріятны. Спрашивается: какъ они могутъ сдѣлаться источникомъ высокихъ наслажденій? Съ этимъ вопросомъ возился эстетикъ Шиллеръ и далъ ему слѣдующее рѣшеніе.

Видъ страданія непріятно поражаетъ нашу чувственность; самъ по себѣ онъ только печаленъ, но если въ страдающемъ проявляется противодѣйствіе, если страдающій борется съ гнетущимъ его зломъ, то къ нему привлекается сверхчувственное нравственное начало нашего существа. Между страданіемъ и борьбою должна быть извѣстная пропорціональность. На страждущаго долженъ быть возложенъ полный грузъ страданія, и нельзя никакъ довольствоваться разсказами о страданіяхъ самого героя или постороннихъ лицъ, какъ то бываетъ въ псевдоклассической французской лжетрагедіи, въ которой лицедѣи декламируютъ, оглядываясь на зрителей и слѣдя за впечатлѣніемъ, какое производитъ ихъ разсказъ, а цари и царицы до того заняты церемоніаломъ, что даже и въ постель ложатся съ коронами на головахъ (Ueber das Pathetische). При оцѣнкѣ противодѣйствія страданію расходятся безконечно моралистъ и художникъ. Моралистъ цѣнитъ только подчиненіе воли категорическому императиву, и тѣмъ болѣе заслугъ приписываетъ дѣйствію, чѣмъ болѣе усилій употреблено лицами на укрощеніе противныхъ дѣйствію естественныхъ влеченій, но само это обузданіе влеченій совсѣмъ

не эстетично. Художникъ берется за дѣло иначе; исходная его точка—порывъ къ свободѣ и поставленію себя въ полную независимость отъ всякихъ внѣшнихъ цѣпей, отъ законовъ природныхъ или людскихъ, божескихъ или общественныхъ, игра при содѣйствіи воображенія со всѣми ограниченіями, при чемъ страданіе является какъ нѣчто самимъ героемъ желаемое, либо имъ на себя пріемлемое, вслѣдствіе чего онъ становится *высоконравственнымъ субъектомъ*; либо герой подвергаетъ себя всѣмъ карамъ и даже смерти за попраніе законовъ, вслѣдствіе чего онъ дѣлается *эстетически* увлекательнымъ *объектомъ*. Трагикъ ничѣмъ не стѣсняется; возводитъ въ герои онъ одинаково можетъ и служителей добра, и одаренныхъ демоническою силою злодѣевъ, лишь бы они были мощны, лишь бы какою-либо стороною своего существа они были симпатичны или достойны удивленія.

VIII.

Мы уже привели выше опредѣленіе Шиллеромъ драматической поэзіи въ рецензіи „Эгмонта"—самое широкое и по которому содержаніе трагедіи можетъ быть троякое: либо необычайныя положенія, либо страсти, либо характеры. Трагедія необычайныхъ положеній, въ которой герой—кто бы онъ ни былъ и что бы онъ ни дѣлалъ—разбивается своимъ жизненнымъ предпріятіемъ о гранитную твердыню мірового порядка,—преобладала на античной сценѣ; это трагедія судьбы или рока. Трагедія страстей не нуждается въ рокѣ: страсть губитъ человѣка, завладѣвая имъ всецѣло (Отелло, Макбетъ). Начиная съ Шекспира, новая сцена предпочитаетъ трагедію характеровъ. Ее превосходно опредѣлилъ стихъ Шиллера въ „Валленштейнѣ": In deiner Brust sind deines Schiksals Sterne (въ твоей груди созвѣздіе твоей судьбы). Таковъ трагизмъ въ „Гамлетѣ," таковъ и въ „Валленштейнѣ". Изучая своего мрачнаго героя въ „Исторіи 30-лѣтней войны", Шиллеръ написалъ въ концѣ четвертой книги его историческій портретъ: величайшій честолюбецъ, политикъ, нелицемѣръ, довольно равнодушный къ религіи, врагъ іезуитовъ. Весьма сомнительно, былъ ли онъ измѣнникомъ. Еслибы и нашлись со временемъ положительныя доказательства измѣны, то они бы обнаружили, что, окончательно проваливаясь, онъ прибѣгъ по необходимости и къ измѣнѣ. Онъ былъ мощный и властный человѣкъ, страхомъ господствовавшій надъ людьми, хитрый и щедрый, лишенный всякихъ нѣжныхъ чувствъ, всякой человѣчности. Въ разговорѣ, въ 1827 г.,

съ Эккерманомъ Гёте выразился такъ: „еслибы Шиллеръ спросилъ меня, писать ли ему „Валленштейна", я бы непремѣнно отсовѣтовалъ, потому что не могъ бы допустить, чтобы нѣчто путное могло выйти изъ такого сюжета". Однако Шиллеръ остановился на „Валленштейнѣ", начиная съ 18-го марта 1796 г. (№ 187), и занятъ былъ имъ почти непрерывно до 17-го марта 1799 г., когда отправилъ къ Гёте послѣднія дѣйствія „Смерти Валленштейна".

Автора подавляла громадная масса матеріала (№ 239), его обдавала холодомъ личность самого героя—сюжетъ трагедіи неблагодарный и непоэтическій. „Онъ меня совсѣмъ не интересуетъ,—писалъ Шиллеръ,—но я работаю съ большимъ жаромъ, то-есть, отношусь къ нему съ чисто-художественной любовью" (№ 246). Еще въ концѣ 1796 г. Шиллеръ сомнѣвался, сложится ли въ его рукахъ настоящая трагедія, одолѣетъ ли онъ страшное сопротивленіе сырого вещества (№ 244), думалъ, что, можетъ быть, выйдетъ не трагедія, а только рядъ историческихъ картинокъ. Всего затруднительнѣе было то обстоятельство, что герой уже слишкомъ много посодѣйствовалъ окончательной катастрофѣ своими ошибками, и слишкомъ мало въ паденіи его участвовала сама судьба, то-есть, непредвидѣнное и случайное. Войдя въ предметъ и очутившись на почвѣ самой сухой политики, Шиллеръ былъ самъ не свой и рѣшилъ писать *милой прозой*, какъ вполнѣ подходящей къ предмету (№ 258). Тутъ-то и сказались благія вліянія артистической зрѣлости, достигнутой при общеніи съ Гёте. Шиллеръ убоялся попасть въ свою нѣкогда имъ излюбленную реторическую манеру, а какъ самъ сюжетъ былъ и безъ того прозаиченъ, то онъ пришелъ къ заключенію, что во избѣжаніе и реторичности, и прозаичности, нужно дать цѣлому болѣе поэтическое настроеніе (№ 364). Послѣ громадныхъ усилій ему удалось не только облагородить характеръ Валленштейна, но и ввести въ трагедію новый поэтическій элементъ въ лицѣ имъ вымышленномъ—въ Максѣ Пикколомини. Тогда и совершился неизбѣжный переходъ отъ прозы къ риѳмическому языку бѣлыхъ стиховъ. „Нельзя поэтическое выражать прозаически,—пишетъ Шиллеръ (№ 375),—вышло бы нѣчто похожее на то, какъ еслибы владѣльцу парка, рѣшившемуся завести въ паркѣ прудъ, пришло въ голову для вящшей натуральности устроить не прудъ, а просто только болото: всѣ театральныя произведенія должны бы быть риѳмическія".

Въ своей перепискѣ Шиллеръ выражаетъ многократно мысль, что поэзія представляетъ только *символическія* существа, въ

томъ смыслѣ, что всѣ они изображаютъ нѣчто общечеловѣческое (№ 490). Не нова была также идея о томъ, чтобы поставить на сцену двойниковъ, до того взаимно связанныхъ, что у нихъ какъ бы одна душа, но въ которыхъ только не одинаково отражаются переживаемыя ими событія. И у Гёте бываютъ двойники, напримѣръ Фаустъ и Мефистофель; послѣдній изъ нихъ завѣдомо аллегорическое лицо, отвлеченная олицетворенная идея. Шиллеръ представилъ такими двойниками, впрочемъ конкретными лицами, донъ-Карлоса и Позу, Макса и Валленштейна, свѣтлое пятно на фонѣ темномъ и почти черномъ. Введеніе на сцену такъ сказать бѣлокрылаго Макса съ его безпредѣльною вѣрою въ обожаемаго вождя-героя, но и съ его непоколебимою солдатскою вѣрностью своему знамени, и изображеніе затѣмъ его любви къ дочери Валленштейна, разомъ освѣжили воздухъ, лишили сюжетъ сухости, ввели струю поэзіи въ отвратительную среду грубой солдатчины, генеральскаго себѣ-на-умѣ, циническаго своекорыстія, шпіонства, интригъ, подвоховъ и козней. Но и Валленштейна пришлось очеловѣчить, сдѣлать менѣе мрачнымъ, чтобы преданность ему Макса могла сдѣлаться сколько-нибудь правдоподобною. Герцогъ Фридландскій есть прежде всего крупный практическій реалистъ, властолюбецъ, человѣкъ одного лишь живого политическаго дѣла, съ широкимъ умомъ и далекими задачами, не соотвѣтствующими его роли полководца Австріи, въ которой тогда на многіе вѣка свили себѣ гнѣздо застой, косность и самый тупоумный религіозный фанатизмъ. Валленштейнъ желалъ бы умиротворить Европу, быть по возможности толерантнымъ, щадить изъ своихъ личныхъ видовъ даже и самихъ шведовъ. Онъ чувствуетъ, что широка мысль, но свѣтъ крайне тѣсенъ (Eng ist die Welt, und das Gehirn ist weit. „Wall. Tod.“, II д., 2-ая сцена). Чтобы выйти въ люди, чтобы занять свой почти царственный постъ, Валленштейнъ совершилъ многія вопіющія дѣла [1]). Онъ теперь видитъ, какъ изъ этихъ дѣяній образуется громадный валъ, преграждающій ему обратный путь [2]). Та сумма противодѣйствующихъ ему силъ, которая и составляетъ для него судьбу, ростетъ ежеминутно и расположена такимъ образомъ, что подвигается съ усиливающеюся страстью; но только онъ медлитъ, запаздываетъ и успокаиваетъ себя тѣмъ, что онъ лишь мыслью

---

[1]) Es übte dieser Kaiser durch meinen Arm im Reiche Thaten aus,—Die nach der Ordnung nie geschehen sollten.

[2]) Eine Mauer aus meinen eignen Thaten baut sich auf,—Die mir die Umkehr thürmend hemmt.

тѣшится, а само дѣло еще изъ рукъ его не ушло [1]). Однако обстоятельства надвигаются столь быстро, что у него нѣтъ свободы выбора, и онъ долженъ идти и на бунтъ, и на измѣну [2]). По мнѣнію Шиллера, эта неволя героя сильно возвышаетъ трагическое впечатлѣніе. Затѣмъ происходитъ крушеніе.

Такъ какъ герои были двойники: бѣлый и черный, то происходятъ двѣ катастрофы, сначала съ Максомъ, погибающимъ безъ вины (послѣ разрыва съ одной стороны съ отцомъ, а съ другой—съ Валленштейномъ, ему только и оставалась одна доблестная смерть солдатская въ стычкѣ съ шведами), а потомъ другая катастрофа: безславная смерть самого Валленштейна руками подосланныхъ убійцъ. Вслѣдствіе этой двойственности двухъ разныхъ дѣйствій, трагедія разростается почти до невозможныхъ размѣровъ. 18-го марта 1796 г. существовалъ только одинъ ея остовъ; въ январѣ 1797 г. планъ у Шиллера еще не установился прочно, но уже предвидѣлось, что будутъ десять дѣйствій, подраздѣленныхъ на двѣ пьесы: два Пикколомини и Валленштейнъ. По своему обыкновенію Шиллеръ начиналъ съ отдѣльныхъ набросковъ сценъ, которыя затѣмъ приходилось спаивать. Въ апрѣлѣ 1797 г., изложенъ на бумагѣ полный ходъ дѣйствія обѣихъ пьесъ; въ октябрѣ Шиллеръ сообщаетъ, что онъ уже крѣпко сидитъ въ сѣдлѣ (№ 365), такъ какъ „Валленштейнъ“ уплотняется (№ 377); автору даже непріятно, что „Валленштейнъ“ сильно пухнетъ (№ 379), вслѣдствіе того, что Шиллеромъ овладѣваетъ эпическій духъ, который онъ приписываетъ вліянію на него Гёте. Онъ полагаетъ, что произведеніе его совсѣмъ не можетъ быть поставлено на сцену, какъ по его громадности, такъ и по трудности заучиванія ролей артистами (4-го мая 1798, № 456). По первоначальному замыслу судьба Макса отнесена цѣликомъ къ пьесѣ „Два Пикколомини“, въ которую должны были войти и разрывъ сына съ отцомъ, и знаменитая сцена съ кирасирскимъ полкомъ Папенгейма, и прощаніе Макса съ Валленштейномъ, однимъ словомъ, все, кромѣ смерти Макса, совершающейся, какъ извѣстно, за кулисами. Для пьесы „Смерть Валленштейна“ оставалась бы только гибель самого Валленштейна—нѣчто трагически прямолинейное, между тѣмъ какъ въ „Двухъ Пикколомини“ еще много волнообразнаго, то-есть эпическаго. Но невозможность держать публику на одномъ представленіи дольше $4^1/_2$ часовъ заставила Шиллера перенести два бывшія послѣднія дѣйствія „Пикколо-

[1]) War's möglich? Könnt ich nicht mehr wie ich wollte?—Ich müsste die That vollbringen, wie ich sie gedacht.

[2]) Max: Ihr könnt ihn, weil ihr ihn schuldig wollt, noch schuldig machen.

мини" въ „Смерть Валленштейна". Даже и послѣ такого сокращенія „Двухъ Пикколомини", Шиллеръ медлилъ съ выдачею рукописи для представленія, пока не послѣдовалъ, 27-го декабря 1798 г. (№ 557), шуточный приказъ, за подписями Гёте и режиссера труппы, исходящій „отъ Мельпоменовской коммиссіи", о заарестованіи обоихъ Пикколомини, отца и сына, и препровожденіи ихъ по начальству.

Есть въ перепискѣ друзей одно мѣсто очень характерное, потому что въ немъ сказался Шиллеръ какъ чистокровный трагикъ, а не моралистъ. Мнѣ кажется, что оно относится къ явленію, въ которомъ дѣлается поворотъ къ катастрофѣ паденія, то-есть къ тому моменту, когда кирасиры Папенгеймовскіе, уже готовые къ бунту противъ правительства императора, съ вождемъ своимъ Валленштейномъ во главѣ, поворачиваютъ вдругъ направо кругомъ по командѣ ефрейтора, когда они почуяли союзъ съ шведами. „Я радъ,—пишетъ Шиллеръ (27-го февр. 1798 г., № 430),—что я вышелъ изъ положенія, въ которомъ требовалось выразить обыденное нравоученіе о преступленіи Валленштейна и представить умно и поэтически такую тривіальную и не-поэтическую матерію. Мнѣ кажется, что я угодилъ нашей весьма моральной публикѣ, но и въ этомъ случаѣ я вполнѣ чувствовалъ, какая въ сущности пустота въ этой морали, и сколь много труда стоитъ поэту, чтобы удержать предметъ на поэтической высотѣ".

Гёте оказалъ весьма существенное содѣйствіе Шиллеру правильною постановкою вопроса объ астрологіи, какъ одного изъ главныхъ мотивовъ въ жизни Валленштейна. Безъ астрологіи Валленштейнъ немыслимъ. Шиллеръ сталъ изучать ее основательно, но не могъ справиться съ задачею, потому что выходила странная и совсѣмъ непоэтичная чепуха (№№ 543—547); но Гёте надоумилъ его, объяснивъ, что астрологическій предразсудокъ есть плодъ смутно сознаваемой идеи о единствѣ вселенной, о зависимости нашей отъ отдаленнѣйшихъ силъ и фактовъ въ природѣ. При восхожденіи отъ каждой нашей единицы до безпредѣльной міровой громады, нѣтъ грани, за которою бы прекращалось вліяніе отдаленнѣйшихъ предметовъ на нашу нравственность, на наше счастіе и несчастіе. „Я бы не хотѣлъ,—говоритъ Гёте,—называть это заблужденіе предразсудкомъ, оно такъ близко къ нашей природѣ, что не хуже любого вѣрованія". Шиллеръ вполнѣ убѣдился и благодарилъ Гёте: „Не знаю, какой злой геній опуталъ меня: я не хотѣлъ серьезно приступать къ астрологическому мотиву въ „Валленштейнѣ", хотя я по натурѣ расположенъ брать вещи съ ихъ серьезной, а не съ легкомысленной стороны". Въ

этомъ замѣчательномъ умѣ былъ свой темный уголокъ. Этотъ мистицизмъ, заставляющій Валленштейна вѣрить звѣздамъ, даже когда совершались дѣла „наперекоръ теченію звѣздъ и судьбѣ",—этотъ мистицизмъ дѣлаетъ его слѣпымъ и онъ не видитъ опутывающее его со всѣхъ сторонъ шпіонство и предательство. Мы окружены подъ конецъ пьесы душною атмосферою, чувствуемъ приближеніе чего-то ужаснаго, ожиданіе какого-то громового удара. Шиллеръ проболѣлъ, дописывая этотъ конецъ, что̀ и приписывалъ своему физическому нездоровью (№ 383), но Гёте объяснилъ ему, что подобныя трагическія положенія не обходятся безъ приведенія себя самого авторомъ въ патологическое состояніе: „вотъ почему я,—говоритъ Гёте,—скорѣе избѣгалъ подобныхъ сюжетовъ, нежели ихъ отыскивалъ" (№ 384). Изъ этого наставленія Шиллеръ вывелъ заключеніе, что трагедія представляетъ только рѣдкіе чрезвычайные моменты, между тѣмъ какъ дѣло эпоса изображать болѣе постоянное, болѣе спокойное состояніе, свойственное людямъ при всякомъ ихъ настроеніи.

Въ теченіе почти трехъ недѣль, съ 11-го по 29-е ноября 1798 г., Гёте гостилъ въ Іенѣ и ежедневно бесѣдовалъ съ Шиллеромъ, послѣ чего Шиллеръ написалъ (№ 541): „Я такъ привыкъ къ тому, что каждый вечеръ вы заводили часы моихъ мыслей и поправляли на нихъ стрѣлки, что теперь въ одиночествѣ я самъ не свой". Есть въ „Валленштейнѣ" одна крупная часть его, одна бытовая картина, написанная столь бойко, какъ умѣлъ до сихъ поръ писать ихъ только Гёте. Это—„Wallenstein's Lager", картина пестрая, шумная, написанная съ величайшимъ знаніемъ сброда людей, проникнутыхъ сплошь однимъ солдатскимъ духомъ, но совсѣмъ не имѣющихъ никакого отечества [1]). Она объясняетъ въ концѣ концовъ и судьбу Валленштейна, потому что съ этимъ бичемъ народовъ въ рукахъ ни геніальный умъ, ни геройское сердце не въ состояніи были бы создать что-нибудь исторически великое и прочное.

Гёте былъ въ восторгѣ отъ „Смерти Валленштейна", потому что въ ней все содержаніе перестало быть политическимъ и стало только человѣчнымъ, и даже само историческое превратилось въ тонкую дымку, изъ-за которой проглядываетъ чисто-человѣческое (№ 585). Трилогія даваема была три дня сряду въ Веймарѣ на сценѣ въ апрѣлѣ 1799 г.; она имѣла неслыханный успѣхъ; весь театръ рыдалъ, не исключая и самихъ играющихъ

---

[1]) Der Oesterreicher hat ein Vaterland,—Doch dieses Heer, das Kaiserlich sich nennet,—Hat keins.

актеровъ. Явилась колоссальная образцовая національная драма. Шиллеръ впервые послѣ трехъ лѣтъ вздохнулъ свободнѣе, точно гора съ груди его свалилась; но вдругъ онъ испыталъ, что онъ какъ будто бы колышется безъ всякаго собственнаго направленія въ безвоздушномъ пространствѣ, и какъ будто бы онъ потерялъ уже способность произвести что-нибудь новое (№ 556, 19-го марта 1799 г.). Онъ искалъ прилѣпиться къ чему-то совсѣмъ новому, совсѣмъ не-историческому, а чисто фантастическому, лишь бы оно было страшно и человѣчно: „Довольно съ меня солдатъ, государственныхъ людей и героевъ, довольно, довольно!" Однако онъ не переступилъ чрезъ заколдованный кругъ своего исключительно историческаго творчества, къ которому принадлежатъ, за исключеніемъ „Мессинской Невѣсты", „Марія Стюартъ", „Орлеанская Дѣва" и „Вильгельмъ Телль". О нихъ я не буду распространяться, тѣмъ болѣе, что самъ источникъ, которымъ я пользовался, значительно оскудѣваетъ, вслѣдствіе того, что, переселившись въ Веймаръ, Шиллеръ не могъ уже вести съ Гёте пространной переписки. Они ежедневно другъ съ другомъ видались.

IX.

Въ то самое время (апрѣль 1790), когда происходила постановка на сцену трилогіи „Валленштейнъ", Шиллеръ уже работалъ надъ государственнымъ процессомъ, затѣяннымъ противъ шотландской королевы соперницею ея во всемъ, королевою-лицемѣркою Елизаветою. Шиллеръ не обѣлялъ нисколько Марію Стюартъ; онъ изобразилъ многогрѣшную женщину, имѣвшую на совѣсти бездну преступленій, но уже узницу, надъ головою которой съ первой же сцены виситъ на ниточкѣ роковой топоръ. Она сама на себя спускаетъ этотъ топоръ, разорвавъ ниточку при вспышкѣ страсти, послѣ чего ее поражаетъ смертельный ударъ. Она—существо въ высшей степени чувственное, натура демоническая; она не знаетъ и не внушаетъ нѣжныхъ чувствъ; судьба ея та, что она и сама ощущаетъ, и въ другихъ пробуждаетъ однѣ только сильнѣйшія страсти (№ 607). Первое представленіе послѣдовало 14 іюня 1800 г. Гёте ужаснулся, когда узналъ, что Шиллеръ намѣренъ поставить на сцену написанное имъ въ текстѣ драмы явленіе съ предсмертнымъ причащеніемъ королевы (№ 741). По его настоянію это явленіе выпущено.

Когда, окончивъ „Марію Стюартъ", Шиллеръ затѣялъ новую

романическую трагедію—„Орлеанскую Дѣву“ и занялся сюжетомъ, который страшно запятналъ Вольтера (La Pucelle), то герцогъ Карлъ-Августъ, настоящій французъ по воспитанію и литературнымъ вкусамъ, возсталъ рѣшительно противъ выбора сюжета; но, прочитавъ твореніе Шиллера, онъ долженъ былъ измѣнить свое мнѣніе, хотя не разрѣшилъ однако представленія въ Веймарѣ, такъ что постановка на сцену состоялась лишь по близости, въ маломъ провинціальномъ городкѣ Лаухштедтѣ. Въ „Дѣвѣ“ Шиллеръ отступилъ отъ правила, имъ же преподаннаго въ рецензіи „Эгмонта“,—что, избирая героемъ историческое лицо, авторъ можетъ сдѣлать его красивѣе, нежели какимъ оно является по несомнѣннымъ историческимъ даннымъ, но не долженъ его ставить ниже того, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности;—идеализировать его можно, но нельзя его умалять и портить. Орлеанская дѣва была существомъ, можно сказать, безполымъ; эта воительница, воспріявшая мученическую жизнь, можетъ быть и не годилась для трагедіи, не занимающейся вообще святыми людьми, но тогда не надо было и трогать Жанну д'Аркъ, нельзя было ее превращать въ обыкновенную женщину, дѣтски нѣжную, доступную слабостямъ любви и даже не совсѣмъ наивную, потому что въ рѣчахъ ея слишкомъ много лиризма, декламаціи и резонерства. Смерть ея на полѣ битвы, вымышленная въ драмѣ, не стóитъ настоящей ея смерти на кострѣ. Несмотря на явные недостатки, трагедія Шиллера имѣла успѣхъ, притомъ такой, какого Шиллеръ вѣроятно и не ожидалъ. Написанное безъ всякаго предвзятаго намѣренія, оно прославляло любовь къ отечеству, чувство жгучее, наболѣвшее и сильно раздражаемое въ тогдашней Германіи въ этотъ періодъ иноплеменнаго преобладанія и хозяйничанья. Дѣйствіе трагедіи представляетъ борьбу французовъ съ англичанами за національную независимость, но чувства, воодушевляющія нѣмцевъ въ началѣ XIX в., были похожи на чувства французовъ по отношенію къ англичанамъ въ началѣ XV столѣтія; въ этой поэзіи звучали уже аккорды десятками годовъ позднѣйшей освободительной войны.

Перехожу къ послѣднему по времени произведенію Шиллера —„Вильгельму Теллю“, поставленному впервые на сценѣ въ Веймарѣ 17-го марта 1804 г. Самъ авторъ далъ ему названіе не трагедіи, а только Schauspiel — исторической драмы; оно единственное въ своемъ родѣ въ цѣломъ театрѣ Шиллера и отступаетъ отъ правильнаго вида, которому Шиллеръ всегда служилъ: въ немъ нѣтъ героя, а есть множество героевъ; оно есть дивный, сценически представленный эпосъ великой національной

самообороны. Сюжетъ былъ открытъ Гёте и переуступленъ имъ Шиллеру при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Осенью 1797 г., въ то самое время, когда Шиллеръ цѣликомъ былъ погруженъ въ „Валленштейна", Гёте совершилъ поѣздку въ Швейцарію, началъ съ Шафгаузена, побывалъ въ Цюрихѣ и въ Стэфѣ у друга своего Мейера, на берегахъ озера Четырехъкантоновъ въ Альтдорфѣ, Швицѣ, Флюэлленѣ и Унтервальденѣ. Въ концѣ XVIII вѣка исторія Телля уже считалась сказкою. Гёте задался мыслью обработать ее эпически, населить эти дивныя горныя мѣстности выдуманными имъ лицами (Biederm., № 1097, „Разговоръ", 1827 г.). Онъ себѣ вообразилъ Телля какъ добрѣйшаго и безобиднѣйшаго простяка, по ремеслу носильщика, семьянина. И Гесслеръ представился ему не какъ по натурѣ своей злой тиранъ, а какъ полнѣйшій самодуръ, къ добру и злу людей совершенно равнодушный. Между этими двумя крайними довольно пассивными лицами помѣщалъ Гете активныхъ дѣятелей національнаго освобожденія швейцарцевъ, старшинъ и лучшихъ людей изъ горнаго простонародья: Вальтера Фюрста, Штауфахера, Винкельрида. Эти особы двигаются на разнообразномъ фонѣ швейцарскаго пейзажа. Гёте предполагалъ изобразить озеро при солнечномъ и лунномъ свѣтѣ и во время бури, свѣжесть лѣсовъ и пажитей, ужасы пропастей и горныхъ тропинокъ надъ обрывами. „Я обо всемъ разсказалъ Шиллеру,—говоритъ Гёте,—а такъ какъ гекзаметры мои шли туго и откладыванію сюжета не предвидѣлось конца, то я уступилъ сюжетъ Шиллеру, у котораго пейзажи и дѣйствующія лица сложились въ драму"...

На первое сообщеніе о задуманномъ „Теллѣ" Шиллеръ отвѣтилъ, поздравляя Гёте за счастливую идею (30-го окт. 1797, № 369), при чемъ замѣтилъ, что предметъ страшно стѣсненъ ограниченностью и малой горной мѣстности, и историческаго момента, такъ что надо разработывать его вглубь и интенсивно, но съ перспективами черезъ горные гребни на свободную даль равнинъ и на ширь всего рода человѣческаго. Сюжетъ—освобожденіе швейцарцевъ—былъ вполнѣ въ духѣ времени, соотвѣтствовалъ настроенію общественному. По ходячимъ слухамъ, Шиллеръ получалъ отъ разныхъ лицъ запросы о томъ, когда появится „Телль", прежде еще, нежели онъ началъ писать драму (1801). Къ писанію Шиллеръ приступилъ только въ 1802 году, когда онъ отыскалъ почти совсѣмъ подготовленную для своей работы канву въ швейцарской лѣтописи Чшуди (Tschudi). Весь фактическій матеріалъ взятъ Шиллеромъ цѣликомъ отъ Чшуди, со включеніемъ и самого Іоанна Паррициды, то-есть племянника, убивающаго своего дядю

императора Альбрехта, того самаго, который насылалъ своихъ намѣстниковъ въ горныя вольныя сельскія общины, съ тѣмъ чтобы ихъ закрѣпостить и превратить изъ имперскихъ въ австрійскихъ подданныхъ. И безчинства намѣстниковъ, и тайный сговоръ на Рютли, и стрѣляніе изъ лука въ яблоко, положенное на головѣ сына, къ которому Гесслеръ принуждаетъ Телля, имѣются уже въ лѣтописи. Эпизодъ съ Теллемъ былъ одной случайной искрой, которая превратила въ пламень весь горючій матеріалъ, подготовленный въ сердцахъ годами угнетенія. Природу страны Шиллеръ изучилъ не по однимъ разсказамъ Гёте, а по множеству книгъ географическихъ и историческихъ о Швейцаріи. Пріискивая для изображенія народныхъ сценъ подходящее настроеніе, онъ зачитывался „Юліемъ Цезаремъ" Шекспира (№ 918). Получая рукопись отдѣльными дѣйствіями съ января 1804 г., Гёте былъ этимъ произведеніемъ восхищенъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Шиллеръ значительно облагородилъ своихъ швейцарцевъ XIV вѣка и вложилъ въ нихъ всю полноту общечеловѣческихъ чувствъ, какая только была возможна въ тотъ вѣкъ по его задачамъ. Шиллеръ избралъ такой сюжетъ потому, что онъ ему понравился; онъ сочинялъ драму безъ всякой предвзятой мысли, возбуждалъ нѣмцевъ противъ французовъ и начинялъ ихъ для политическаго движенія, но онъ былъ сынъ своего вѣка и народа, его одушевляли чувства свободы и независимости, которыя, такъ сказать, сами собою струились изъ него и проникали въ произведеніе. Онъ это сознавалъ и писалъ къ Кёрнеру: „Если боги мнѣ посодѣйствуютъ исполнить то, что̀ мною задумано, то выйдетъ мощная вещь, которая потрясетъ германскія сцены". Она и потрясла эти сцены; впечатлѣніе оказалось еще сильнѣе въ Берлинѣ (іюль 1804), чѣмъ въ Веймарѣ.—Если мы сопоставимъ „Телля", какъ конецъ творчества Шиллера, съ „Разбойниками", какъ началомъ, то окажется, что въ „Теллѣ" не осталось ни малѣйшаго слѣда отъ бывшаго ученика Руссо, отъ бывшаго бунтовщика, посягающаго на весь строй общественный. Свобода, прославляемая „Теллемъ", есть свобода особаго рода, свобода историческая, мелкая и ограниченная, безъ всякихъ сверхъестественныхъ порывовъ въ мечтательно возможное, въ утопію. Это—свобода по обычаю и старинѣ, за которую долгъ велитъ человѣку и жизнь свою положить,—свобода, которую слѣдуетъ отстаивать даже противъ воли монарха, даже и поражая исполнителей воли деспота, но только не посягая на его особу. При чтеніи „Телля" чувствуется вполнѣ, что мы вышли изъ революціонной струи и обрѣтаемся въ совсѣмъ

противоположномъ теченіи, въ средѣ умѣреннаго практическаго либерализма, задающагося цѣлью закрѣплять конституціонными путями въ законахъ, въ необходимой мѣрѣ, свободу и права человѣка.

X.

Послѣ стольких произведеній великихъ и блистательныхъ приходится коснуться и тѣневой стороны быта великановъ нѣмецкой литературы, какъ граждан небольшого государства, которое было возвеличено ихъ пребываніемъ въ немъ, притомъ въ моментъ, когда Германія, въ силу внѣшнихъ условій, обречена была на полнѣйшее политическое бездѣйствіе. Саксенъ-Веймарское государство имѣло свой дворъ, своего государя. Serenissimus, онъ же и личный другъ обоихъ поэтовъ, имѣлъ свой личный вкусъ — особый. Онъ былъ человѣкъ XVIII-го вѣка, и хотя на его глазахъ рождались шедёвры нѣмецкой сцены, но онъ всегда предпочиталъ этимъ шедёврамъ французскую лже-классическую трагедію, и Шекспиру Расина. Шиллеръ былъ всегда самымъ взыскательнымъ критикомъ французской драмы. Онъ писалъ въ 1799 г. (№ 599): „Двадцать лѣтъ подъ рядъ мнѣ хвалятъ Корнеля, я же удивляюсь громадной несостоятельности его произведеній: дѣйствіе, построеніе, характеры, нравы, языкъ и даже стихи исполнены величайшихъ недостатковъ. Виною тутъ не только ложный вкусъ, но и убожество въ изобрѣтательности, худоба и сухость характеровъ, холодность въ страстяхъ, хромота и чопорность въ ходѣ дѣйствія и полная незанимательность. Расинъ несравненно выше Корнеля, хотя и ему присущи всѣ уродливости французской манеры". Но, несмотря на свою не-любовь къ французской сценѣ, распорядители по веймарскому гофъ-театру должны были считаться со вкусомъ и пристрастіемъ къ французамъ герцога, хотя бы по самой ихъ любви къ нему; они должны были ему порою угождать. Гёте переводитъ или, лучше сказать, передѣлываетъ Вольтеровскихъ „Магомета" (1799) и „Танкреда" (1800), а Шиллеръ—Расиновскую „Федру" (январь 1805). Вспомнимъ, что эти переводы предшествуютъ тому, какъ въ 1808 г. на эрфуртскомъ съѣздѣ актеры французскаго театра будутъ давать представленія передъ Наполеономъ и его публикою, состоящею изъ царей, то-есть изъ людей, не признававшихъ въ то время, чтобы могла существовать сцена лучше и образцовѣе французской. Сознавая всю унизительность такого колѣнопреклоненія предъ умственнымъ иностраннымъ игомъ, Шиллеръ сдѣлалъ нѣкоторую, неудовле-

творительную впрочемъ, попытку оправданія себя и Гёте (въ стихѣ по поводу постановки „Магомета"), объясняя, почему Гёте „дѣлаетъ жертвоприношеніе на разбитыхъ алтаряхъ поддѣльной музы, которой мы уже не чтимъ" (Du opferst auf zertrümmerten Altären—Der Aftermuse die wir nicht mehr ehren). „Ты не берешься,—говоритъ онъ, продолжая обращаться къ Гёте,—возлагать на насъ разбитыя цѣпи и возвращать насъ къ годамъ бezхарактернаго малолѣтства".

Въ чемъ же состоитъ въ такомъ случаѣ опредѣленіе поступка ухаживанія за поддѣльною музою? Въ томъ, якобы, что нигдѣ въ такой степени, какъ на французской сценѣ, не проведено то коренное начало шиллеровой эстетики, что сцена и жизнь—двѣ несоприкасающіяся и разнородныя вещи; сцена есть переводъ грубой дѣйствительности въ условной облагороженной формѣ, что̀ и поясняетъ Шиллеръ уподобленіемъ сцены древнегреческой Тесписовой колесницѣ, то-есть перевозимому на телѣгѣ театру этого кочующаго драматурга. Эта колесница похожа на Ахеронову ладью; она перевозитъ только однѣ тѣни да идоловъ (Nur Schatten und Idole soll es tragen); она распадается, разъ только вступитъ въ нее суровая жизнь".

Подобная опасность грозила, по словамъ Шиллера, искусству: здѣсь „воцарилась дикая фантазія, грозящая зажечь и сцену, и весь міръ, смѣшивающая низкое съ высокимъ; у однихъ только франковъ можно было найти искусство, хотя это искусство не доходитъ никогда до своего высокаго первообраза"... „Французъ не можетъ быть для насъ образцомъ, въ его искусствѣ нѣтъ живого духа... однако онъ годится намъ въ проводники къ лучшему... пускай является онъ, какъ образъ прошлаго, очищать часто оскверняемую сцену и дѣлать изъ нея достойную обитель древней Мельпомены" (Es komme wie ein abgeschiedener Geist — Zu reinigen die oft entweihte Scene—Zum würd' gen Sitz der alten Melpomene). Оправданіе вышло неловкое,—оно чуть ли не хуже откровеннаго принесенія повинной. Шиллеръ хвалитъ французскую Мельпомену съ ея холоднымъ лоскомъ и неестественностью за тѣ качества, которыхъ она не имѣла. Онъ позабылъ, что эта Мельпомена насквозь тенденціозная, что она есть непрестанное политиканство на сценѣ, ораторствованіе подъ вымышленными именами героевъ прошлаго о наипослѣднѣйшихъ политическихъ событіяхъ и вопросахъ настоящаго. Не иначе понималъ трагедію самъ Наполеонъ въ Эрфуртѣ, въ 1808 г., въ своемъ разговорѣ съ Гёте (Biedermann, № 372): „Трагедіи рока возможны только

во времена мрака; чего хотять отъ рока?—Рокъ—это политика". Тотъ переворотъ въ искусствѣ, которымъ себя прославили Гёте и Шиллеръ, состоялъ именно въ возвращеніи отъ искусственности и отъ политики къ правдѣ и къ природѣ (vom falschen Regelzwange zur Wahrheit und Natur). Въ этомъ только смыслѣ каждому изъ нихъ приличествовали бы стихи Шиллера:

Ein heimscher Kunst ist dieser Schauplatz eigen:
Hier wird nicht fremden Göttern mehr gedient.
Wir können muthig einen Lorbeer zeigen,
Der auf dem deutschen Pindus hat gegrünt [1]).

Шиллеръ самъ объяснилъ далѣе, какими путями нѣмецкій геній дошелъ до своей самостоятельности, а именно послѣ изученія лучшихъ и совершеннѣйшихъ образцовъ:

Und auf der Spur des Griechen und des Britten
Hat er dem bessern Ruhme nachgeschritten [2]).

Не уступая нисколько Гёте въ обожаніи Шекспира, Шиллеръ передѣлалъ для нѣмецкой сцены „Макбета", исключивъ изъ него все грубо-комическое, перевелъ Эврипида „Ифигенію въ Авлидѣ"; наконецъ, рѣшился состязаться съ Софокломъ, противопоставивъ его „Эдипу Царю" такую же, но поновѣе—трагедію судьбы или рока: „Мессинскую Невѣсту" (1803 г.). „Эдипъ Царь" есть самый типическій образецъ древне-греческой трагедіи рока. То ужасное, которое предопредѣляетъ судьбу Эдипа безъ всякой его собственной, личной, намѣренной вины, лежитъ уже безповоротно позади Эдипа въ прошедшемъ. Весь интересъ сценическаго представленія заключается только въ томъ, какъ постепенно обнаруживается для дѣйствующихъ лицъ то ужасное, отъ начала представленія извѣстное зрителямъ, но неизвѣстное дѣйствующимъ въ трагедіи лицамъ. Въ „Мессинской Невѣстѣ" мѣсто дельфійскаго оракула, то-есть, иными словами—рока, занимаетъ одно опасное для извѣстной династіи предсказаніе, грозящее только въ будущемъ и могущее осуществиться только при посредствѣ воли дѣйствующихъ лицъ. Самъ рокъ сильно модернизированъ. Вмѣсто того неизвѣстнаго, которому мы привыкли давать наименованіе случая, и которое съуживается съ успѣхами нашего проникновенія въ

[1]) „Родному искусству посвящена эта сцена; здѣсь не поклоняются чужимъ богамъ. Мы можемъ съ гордостью показать лавръ, развившійся на нѣмецкомъ Пиндѣ".

[2]) „И по слѣдамъ грека и британца (т.-е. Гомера и Шекспира) дошелъ онъ (т.-е. нѣмецкій геній) до лучшей славы".

тайны мірового порядка, является новый трагизмъ, гораздо болѣе намъ понятный, трагизмъ *собственной вины*, отчеканенный въ послѣднемъ двустишіи хора: Das Leben ist des Gutes höchstes nicht, — Der Uebel grösstes aber ist die Schuld (жизнь не есть наивысшее благо, но наибольшее зло есть несомнѣнно вина).

Фабула пьесы заимствована изъ преданій древне-греческаго рода Атридовъ; она перенесена въ фантастическую среду—не то христіанскую, не то языческую. Лица искусственно загримированы средневѣковыми рыцарями; сдѣлана смѣлая, но неудавшаяся попытка ввести въ составъ и строй трагедіи лирическій, рефлектирующій элементъ въ родѣ хора. Далеко не всѣ и античныя трагедіи сводятся къ одному виду—трагедіи рока; да и въ наше время нѣтъ никакой возможности, съузивъ само понятіе трагедіи, втиснуть ее насильственно въ рамки одного только вида трагизма, а именно, трагизма собственной вины. Со стороны Шиллера опытъ съ „Мессинскою Невѣстою“ былъ намѣренно подражательный; онъ не привелъ, однако, къ пересадкѣ греческой трагедіи на нѣмецкую почву, хотя онъ написанъ прекрасно, дивнымъ языкомъ, и имѣетъ высоко-художественную форму. Онъ далеко не лучшее созданіе поэта, но онъ не въ состояніи умалить его славу“.

Между тѣмъ еще недавно были критики, которые усматривали въ „Мессинской Невѣстѣ“ признаки глубокаго упадка таланта Шиллера и упрекали его за то, что, переставъ бороться за идеальные интересы человѣчества, онъ предался исключительно культу одной только художественной формы, сталъ заниматься искусствомъ только для искусства и заботился только объ эстетической техникѣ. Мы поставлены въ необходимость опровергнуть самыми краткими словами этотъ вполнѣ ошибочный и односторонній взглядъ, выраженный въ изданныхъ въ 1891 г. лекціяхъ скончавшагося въ 1877 г., на 27 году жизни, довольно способнаго писателя А. Шахова. Шаховъ былъ весьма честный и благонамѣренный критикъ-публицистъ и служилъ весьма вѣрнымъ выразителемъ отношенія нашего молодого поколѣнія въ началѣ семидесятыхъ годовъ къ братьямъ Діоскурамъ германскаго Парнаса. Близкаго знакомства съ Гёте и Шиллеромъ по источникамъ Шаховъ не обнаруживалъ; онъ пользовался только трудами нѣмецкихъ критиковъ для фактической части своего сочиненія; но онъ далъ слѣдующее освѣщеніе и слѣдующую оцѣнку критикуемымъ имъ лицамъ: одинъ былъ геній, другой—большой талантъ. Оба погрузились въ душную, кухонную и семейную атмосферу провинціальнаго захолустья, гдѣ часть общества сплетничала и кляузничала, а другая все

мечтала и все училась, пока не разучилась жить. Оба свихнулись на грекоманіи, Шиллеръ вполнѣ, а Гёте отчасти. Этого послѣдняго выручила сохранившаяся въ немъ до гроба слабость—*природа*, къ которой онъ прилѣпился, и которую непрестанно изучалъ.

Характеристика выходитъ карриватурная и ненамѣренно фальшивая. Свободы мысли, потребной для поэтовъ, они не нашли бы ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ, но они ею могли пользоваться вполнѣ въ одной изъ мелкопомѣстныхъ столицъ нѣмецкихъ или въ одномъ изъ маленькихъ университетскихъ городковъ. Несмотря на свой идеализмъ, Шиллеръ питалъ въ сердцахъ современниковъ любовь къ свободѣ и къ національной независимости. Вдвоемъ дѣйствуя, они освободили народный вкусъ отъ иностраннаго ига, при чемъ „греки и великій британецъ" служили имъ только средствомъ для освобожденія отъ французской моды и для возведенія національной музы на устроенный ими высокій для нея престолъ. Будучи величайшими мастерами въ творчествѣ, они изслѣдовали научно красоту во всѣхъ ея областяхъ и развѣтвленіяхъ. Оба были отзывчивы на вѣянія времени и теченія вѣка,—Шиллеръ въ особенности по отношенію къ практическимъ вопросамъ политики и морали,—но оба были насквозь художники, то-есть люди не постигающіе, какъ можетъ быть закабаляемо искусство политикѣ, морали или тому, что̀ считается въ данный моментъ прогрессомъ. Оба были люди высоконравственные,—Шиллеръ до того чистъ и брезгливъ, что современные критики и писатели нѣмецкіе считаютъ его творенія подходящею пищею для однихъ только юношей и подростковъ. Они не только не провозглашали формулы, за которую ихъ корятъ: искусство для искусства,—но едва-ли бы они ее и поняли—до того она безсодержательна. Искусство служитъ только средствомъ и никогда не бываетъ цѣлью. Такихъ высшихъ цѣлей человѣкъ имѣетъ только три: истина, добро и красота. Никто не сомнѣвается, что истина ищется ради одной истины, что добро дѣлается ради только добра. Такимъ точно образомъ и красота бываетъ любима ради одной только красоты. Вспомнимъ, съ какою настойчивостью Шиллеръ указываетъ на противоположность требованій эстетики и морали, съ какимъ жаромъ онъ отвергаетъ употребленіе сцены для опытовъ морально-соціальныхъ въ духѣ господствующаго теченія или настроенія. Я позволю себѣ заимствовать слѣдующій отрывокъ изъ указаннаго мною сочиненія Бергера (стр. 214): „Шиллеръ отвергаетъ предположеніе, что поэтъ долженъ исправлять человѣка или воспитывать гражданина. Поэзія не исполняетъ порученій и не вдается въ

подробности,—она имѣетъ задачею цѣльность человѣческой природы. Поэзія человѣку ни въ чемъ не поможетъ, ничего ему не посовѣтуетъ, ничего съ нимъ вмѣстѣ не сработаетъ, но она можетъ сдѣлать изъ него героя, вселить въ него расположеніе къ великимъ дѣламъ, вооружить его на жизненный бой: такое *формальное* воспитаніе она можетъ ему дать". Иными словами, по выраженію Шиллера, относящему къ „Теллю", поэзія должна открывать человѣку перспективы изъ тѣсноты горныхъ ущелій на ширь всего рода человѣческаго въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ...

В. Спасовичъ.

ГРАФЪ СПЕРАНСКІЙ

и

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ УСТАВЪ 1835 ГОДА.

„Уставы сочиняются не для одного лица настоящаго"...
Сперанскій.

I.

14 мая 1826 года былъ по Высочайшему повелѣнію образованъ „Комитетъ устройства учебныхъ заведеній"; такъ онъ былъ тогда же упрощенно поименованъ согласно предложенію министра народнаго просвѣщенія, адмирала А. С. Шишкова.

Задача или цѣль новаго организаціоннаго учрежденія,—учрежденія первыхъ, такъ сказать, дней новаго царствованія,—повидимому, весьма точно обозначалась въ самомъ Высочайшемъ рескриптѣ на имя министра: сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній имперіи, начиная съ приходскихъ и кончая университетами — для интересовъ „должнаго и необходимаго *единообразія*".

Университетами имперіи въ то время считались: московскій, петербургскій, харьковскій и казанскій, изъ которыхъ три послѣдніе возникли только въ минувшее тогда царствованіе (1819, 1805). Всѣ они управлялись отдѣльными, Высочайше пожалованными учредительными грамотами или уставами, не исключая и нынѣшняго юрьевскаго (тогда деритскаго), который хотя и открытъ былъ одновременно съ обоими провинціальными университетами имперіи, но, какъ бы иностранный по языку преподаванія, такимъ не по-

читался и потому не входилъ въ кругъ вѣденія и заботъ организаціоннаго комитета 14 мая. Старшій университетъ, въ Вильнѣ, при тогдашнихъ особыхъ политическихъ условіяхъ по языку былъ также какъ бы иностранный. Въ четырехъ русскихъ университетахъ, по смыслу Высочайшаго рескрипта министру, прежнія отдѣльныя учредительныя грамоты должны были смѣниться однообразнымъ общимъ уставомъ, строй ихъ жизни—объединиться. Объявленная неприкосновенною организація дерптскаго университета въ возникшемъ государственномъ вопросѣ по преобразованію университетовъ, при его обсужденіи, имѣла весьма незначительное примѣненіе, какъ это увидимъ на своемъ мѣстѣ.

Самый составъ комитета 14-го мая былъ довольно значителенъ и не безъ нѣкотораго разнообразія: въ немъ о-бокъ съ людьми государственными и административной службы нашла для себя мѣсто, хотя скромное, и наука. Подъ предсѣдательствомъ министра Шишкова, комитетъ составили: Сперанскій, Уваровъ, гр. Ламбертъ, гр. Ливенъ, гр. Сиверсъ, харьковскій попечитель Перовскій (Погорѣльскій), братъ его, флигель-адъютантъ, гр. Строгоновъ, будущій знаменитый московскій попечитель, и академикъ Шторхъ. Отъ комитета требовалась быстрота дѣйствій, но эта быстрота затянулась на цѣлыхъ десять лѣтъ. Очевидно, не такъ легко было разрѣшить тяжелый университетскій вопросъ, какъ это предполагалось въ началѣ.

Не трудно видѣть, что препорученіе „единообразія" касалось внѣшней, второстепенной стороны дѣла. Ею не могъ исчерпываться университетскій вопросъ. Подъ желаннымъ „единообразіемъ" должно было пониматься нѣчто болѣе существенное—однообразіе системы, науки, самого преподаванія въ университетахъ.

Извѣстно, что болѣе или менѣе общее недовольство, расшатанность въ умахъ, искавшихъ новыхъ условій жизни,—явленіе, нерѣдко повторяющееся въ нашей новой исторіи,—все это отмѣчало послѣдніе годы предшествовавшаго царствованія Александра I. Извѣстно также и то, что корня тревожнаго состоянія общественной мысли искали и по желанію находили въ университетѣ, въ его наукѣ, преподаваніи. Необходимымъ слѣдствіемъ такого взгляда были преувеличенныя полицейскія попытки измѣнить оборотъ умственной жизни. Вполнѣ естественно, что если онѣ только сильнѣе утверждали общее расшатанное состояніе, то и дѣло университетовъ болѣе и болѣе проигрывало. Но прежде чѣмъ пойти дальше и разъяснить условія, которыя привели къ необходимости образованія комитета 14 мая, чтобы достигнуть, наконецъ, прочности и постоянства въ мѣстѣ опустошенія и запустѣнія, мы предварительно спросимъ

себя: были ли мы тогда въ этомъ взглядѣ на университетскую науку, какъ источникъ всяческаго зла, сколько-нибудь самостоятельны, оригинальны?

Нѣтъ; мы лишь вторили съ чужого, нѣмецкаго голоса: явленія современной нѣмецкой жизни университетовъ Германіи мы искали у себя и легко находили.

Предъ нами были тогда первые годы священнаго союза, „союза братскаго и христіанскаго", какимъ его величали и какимъ его желалъ именно видѣть его знаменитый виновникъ, императоръ Александръ I. Задача политики членовъ „единой семьи", обязавшихся взаимною помощью—обезпечить умиротвореніе умовъ, расшатанныхъ французскою революціей и войнами Наполеона, охранить общественный строй, который возвращенъ былъ столь дорогою цѣною, и охранить то зданіе, „каждый камень котораго былъ, вмѣсто цемента, смазанъ кровью",—выраженіе дѣятельнаго современника, трудолюбиваго, но недальновиднаго политика, А. Стурдзы [1]).

Искренніе участники союза были далеки отъ всякаго подозрѣнія, что, быть можетъ, и революція, и кровавыя войны укрощеннаго „тирана", оставили по себѣ и добрыя зерна въ тѣхъ самыхъ европейскихъ обществахъ, которыя были только-что спасены отъ тираніи совокупными дѣйствіями союзниковъ, и что зерна эти крѣпко засѣли въ умахъ. Но другіе были иного вѣрованія. „Съ момента заключенія знаменитаго акта 14 сентября 1815 года" [2]), религіозное и политическое лицемѣріе,—свидѣтельствуетъ самъ Стурдза, было въ нѣкоторыхъ кабинетахъ лозунгомъ дня" [3]). „Люди власти, —говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—приняли актъ Союза съ улыб-

[1]) Oeuvres posthumes. Paris, 1859, p. 350. Стурдзы мы будемъ касаться и ниже. О его трудолюбіи свидѣтельствуютъ уже его юные годы; едва достигнувъ 20 лѣтъ, онъ уже писалъ и писалъ трактаты о разныхъ матеріяхъ. А на сколько въ пониманіи жизни, вращавшейся предъ его глазами, онъ былъ близорукъ, видно изъ его житія Іоанна Каподистріи, его друга, перваго президента Греціи, варварски умерщвленнаго тѣми же греками. Стурдза гимнами сопровождаетъ революціонныя дѣйствія грековъ, а для тождественныхъ и современныхъ дѣйствій итальянцевъ, искавшихъ для себя той же свободы, у него одно слово хулы, порицанія. О знаменитой революціи 1820 г. въ Неаполѣ онъ выражается, что она „не имѣла *ничего національнаго*" (p. 368), а хартія, исторгнутая испанцами тогда же въ Кадиксѣ, для нашего политика—„talismans dangereux qui renferment un maléfice" (p. 365), ибо, къ ужасу Австріи, стала идеаломъ для освободительнаго движенія въ Италіи, именно эта знаменитая „испанская конституція", какъ она называлась тогда. О ней см. „La Question italienne, période de 1814 à 1860", par G. Giacometti (Paris, 1893), p. 78.

[2]) День Воздвиженія Честнаго Креста былъ избранъ намѣренно: христіанскій крестъ какъ бы снова возвращался обществу.

[3]) Стр. 217, въ Воспоминаніяхъ о бар. Штейнѣ.

кою благоговѣнія [1]), т.-е. двусмысленною". Не будемъ удивляться, если идеальная цѣль новой политики оказалась недостижимою, фантомомъ, вѣчно теряющимся на горизонтѣ; текущая жизнь продолжала бурлить по старому, и прежде всего въ той части умиротворенной и спасенной отъ „ига" Европы, которая какъ будто наименѣе была тронута французскими идеями, а потому наименѣе, казалось, способна была возражать и оппонировать стремленію священнаго союза въ Германіи. Но именно—какъ будто...

Въ дѣйствительности, мирная Германія, не исключая и Пруссіи, давно освоилась съ идеями французской революціи и пріютила ихъ. Идеи человѣческаго достоинства или политической свободы, національной индивидуальности, разсѣевались вслѣдъ за походами Наполеона и заставляли нѣмцевъ съ мужествомъ сражаться въ рядахъ его войскъ. Нѣмецкіе солдаты бились, какъ природные французы, подъ Дрезденомъ и Лейпцигомъ. Какъ ни странно это явленіе, но оно понятно: французское вліяніе впервые указало нѣмцу, что и онъ человѣкъ; Франціи нѣмецъ былъ обязанъ, что освободился отъ многихъ десятковъ мелкихъ деспотиковъ разнаго наименованія, свѣтскаго и духовнаго чина, особенно на западѣ и югѣ.

Въ самомъ Берлинѣ революціонная наука Франціи очень рано свила себѣ прочное гнѣздо. Извѣстный австрійскій публицистъ Гентцъ (Gentz), изъ лагеря консервативнаго, враждебнаго Франціи, въ такихъ мрачныхъ чертахъ характеризуетъ духовную атмосферу Берлина, наканунѣ новаго, XIX-го столѣтія.

„Здѣсь, какъ и вездѣ,—пишетъ онъ, 19 января 1799 года, изъ Берлина своему другу, Mollet,—мечты лживой философіи, незнаніе дѣйствительности, необузданное увлеченіе новизною и всего болѣе пустота создали для революціи безконечное число сторонниковъ. Они встрѣчаются особенно въ сословіи литераторовъ, испорченныхъ безуміями и жестокостями вѣка въ мѣрѣ, о которой вы не въ состояніи составить себѣ точнаго представленія; они кишатъ среди гражданскихъ чиновниковъ. Самое высшее дворянство и армія не исключаются отсюда". Гентцъ указываетъ далѣе, что общественное мнѣніе готово встрѣтить радостью разрушеніе императорскаго австрійскаго дома, какъ „естественнаго врага" (ennemie naturelle) Германіи; что для Берлина „пусть вся Европа обратится въ развалины, лишь бы только французская директорія и прусское правительство плавали наверху" [2]).

---

[1]) Стр. 349.

[2]) E. Sayons, Histoire des Hongrois et de leur littérature politique de 1790 à 1815. Paris, 1872, p. 126. Письмо не было издано. Ср. о силѣ вліянія Франціи въ

Въ этой теоріи объ Австріи, какъ естественномъ врагѣ Германіи, нѣмцевъ,—уже нѣсколько просвѣчивается идея нѣмецкаго народнаго единства, но эта идея—связана съ революціей.

То же дѣйствіе и та же Франція, и раньше и позже, производила и въ Венгріи, и въ Италіи—поднимая вопросъ о *національномъ* единствѣ, чувствѣ *народнаго* достоинства.

Казненный впослѣдствіи, либеральный мадьярскій аббатъ-дипломатъ, Мартыновичъ, въ 1792 году побывалъ въ Парижѣ и возвратился въ Венгрію, исполненный безграничнаго восторга предъ французской революціей и ея принципами, а на сеймѣ 1790 года уже послышались голоса, требовавшіе повсемѣстнаго введенія мадьярскаго языка. Когда въ 1809 году Наполеонъ разнесъ Австрію, онъ изъ Шёнбрунна, 15 мая, поспѣшилъ обратиться къ мадьярамъ со словами: „Мадьяры! наступила минута возвращенія вашей независимости" [1]).

Въ Италіи тотъ же Наполеонъ создаетъ впервые итальянское королевство, и когда оно было снесено, онъ изъ заточенія, въ своихъ предсмертныхъ запискахъ, произноситъ пророческія слова: „рано или поздно, но итальянскій народъ будетъ соединенъ подъ однимъ управленіемъ" [2]) (sera réuni en un gouvernement). Мы видѣли, какъ понимали движеніе въ Италіи такіе политики, какъ Стурдза,—будто въ немъ нѣтъ ничего національнаго. Но слѣдуетъ отмѣтить, что были среди русскихъ людей того времени люди и иного толка. Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, Головкинъ, въ 1820 г. предупреждаетъ своего министра, гр. Нессельроде: „Наполеонъ далъ Италіи три вещи, за которыя народы готовы жертвовать своею жизнью, а именно—*національность*, славу и конституцію".

Въ чемъ же заключалась позже сила обаятельнаго дѣйствія на нѣмцевъ извѣстнаго врага Франціи и Наполеона, нассаускаго барона, адвоката Штейна, который, по словамъ неумѣреннаго его друга, нашего Стурдзы, „въ себѣ одномъ заключалъ цѣлую державу" на вѣнскомъ конгрессѣ и былъ одинъ въ состояніи—„électriser l'Allemagne" [3])?

Сила Штейна была во всенародной проповѣди той же самой идеи, которая еще въ концѣ столѣтія такъ волновала самый Берлинъ,—идеи французской революціи, идеи о національности, достоинствѣ

Германіи въ концѣ вѣка, доходившей до того, что сами нѣмцы требовали уступки Франціи лѣваго берега Рейна, шестую главу новой книги Ch. Rabany: Kotzebue, sa vie et ses oeuvres, Paris, 1893. Къ этой книгѣ мы будемъ обращаться не разъ ниже.

[1]) Тамъ же, стр. 83, 227. Ср. 266—67.

[2]) Giacometti, op. c., p. 34.

[3]) Oeuvres posthumes, p. 348.

нѣмецкаго народа, съ отверженіемъ въ сторону великихъ политическихъ перегородокъ, простѣнковъ, и съ гегемоніей той же Пруссіи. Пріемы нѣмецкаго патріота были обычные—пріемы революціи, народнаго трибуна. И сами мы, въ тяжкія минуты крайней необходимости, не могли отказываться отъ нихъ. Когда, въ началѣ 1813 года, по настоянію Штейна и его друзей и вопреки убѣжденіямъ другихъ государственныхъ людей русскаго происхожденія, мы вступили въ Пруссію, то первымъ нашимъ дѣломъ было—облечь Штейна безграничной диктатурой, уполномочить его организовать противъ французовъ общенародное возстаніе. Гр. Витгенштейнъ, Барклай-де-Толли, поддерживали нѣмецкаго агитатора энергическими прокламаціями съ нашей стороны. „Нѣмцы,—говорили они въ прокламаціяхъ,—вы, жалкое и постыдное орудіе честолюбія, поднимайтесь! Вы, которыхъ Наполеонъ водилъ до рубежа Россіи, бросьте знамена рабства и соединитесь подъ знамена *свободы*, *отечества*, *народной гордости*!" [1]) Но еще болѣе смѣлыми адептами пріемовъ французской революціи мы были незадолго передъ тѣмъ, когда ждали къ себѣ Наполеона, когда адмиралъ Чичаговъ изъ Бухареста долженъ былъ поднять румынъ въ Трансильваніи, еще помнившихъ мятежъ Гочи, мадьяръ въ собственной Венгріи, а съ сербами, герцеговинцами, броситься на Австрію съ юга и проникнуть до Тироля. Но осуществленіе этого „гигантскаго проекта", какъ справедливо называетъ его Стурдза, дипломатическая служба котораго началась именно на поприщѣ этого грандіознаго революціоннаго предпріятія, ограничилась пересылкой воззваній къ мятежу—въ стилѣ Наполеона, изъ Шёнбрунна—въ ущелья Карпатъ, за что нѣкоторые изъ нашихъ агентовъ были повѣшены австрійскими властями, а Чичаговъ долженъ былъ спѣшить въ Россію. Наши пріемы начала XIX-го вѣка воскрешали смѣлыя дѣйствія Петра Великаго, договорнаго союзника и покровителя не только славянъ, но и мадьяръ [2]).

Но возвращаемся къ нѣмецкому трибуну. По убѣжденію Стурдзы, другъ его Штейнъ „открылъ нѣмцамъ тайну ихъ націо-

[1]) G. Créhange, Histoire de la Russie au XIX s., Paris, 1882, p. 50.—Тогда же, по вступленіи русскихъ войскъ въ Германію, при русскомъ штабѣ издавалась, съ тою же цѣлью возбужденія и поднятія массъ, летучая походная газетка: „Русско-нѣмецкій листокъ", подъ редакціей столь извѣстнаго позже А. Коцебу. Интересны были нѣкоторыя статьи. Напримѣръ, нѣмецкимъ дамамъ рекомендовалось образовать корпусъ амазонокъ,—надъ чѣмъ позже издѣвался самъ редакторъ.

[2]) О революціонныхъ дѣйствіяхъ Чичагова—см. у Стурдзы, его воспоминанія—Oeuvres posthumes, 114—122. О сношеніяхъ Петра Великаго съ мадьярами см. нашу книгу: „Мы и Они, очерки исторіи и политики славянъ" (1878).

нальности" (op. c., p. 210). Впрочемъ, давно извѣстное открывать было нечего; откровеніе было получено изъ Франціи. Справедливѣе оцѣниваетъ революціонныя заслуги народнаго трибуна современный вожакъ нѣмецкихъ соціалистовъ, Либкнехтъ, замѣтивъ какъ-то въ парламентѣ Берлина, что баронъ Штейнъ примѣнилъ къ Пруссіи идеи французской революціи, заставивъ „юнкеровъ" уступить буржуазіи [1]).

Итакъ, нѣмецкая почва была достаточно насыщена французскими идеями. Священный Союзъ и дѣйствительная, не идеализированная Германія при взаимной встрѣчѣ должны были по необходимости восчувствовать другъ къ другу непріятныя чувства и взаимно разочароваться. Священный Союзъ поставилъ своею цѣлью охрану, но вопросъ—чего? Нѣмцамъ была дорога не одна охрана, но и дальнѣйшее развитіе только-что пріобрѣтеннаго сознанія ихъ національнаго достоинства, ихъ народнаго „я", свободы. Мы сами въ своихъ прокламаціяхъ къ нѣмцамъ соблазнительно манили ихъ перспективою всѣхъ этихъ благъ. Но Священный Союзъ не о развитіи свободы думалъ, а объ утвержденіи общаго покоя, возврата старыхъ порядковъ; особенно тогда дѣйствительнымъ руководителемъ Союза сталъ Меттернихъ, министръ того государства, которое еще въ 1799 году было въ Германіи объявлено естественнымъ врагомъ Германіи. Взаимныхъ симпатій ожидать было нельзя, такъ какъ послѣднія цѣли Союза и вожделѣнія нѣмцевъ, только-что вкусившихъ отъ древа политическаго познанія добра и зла, взаимно расходились. Можно было ожидать одного—столкновенія, и это тѣмъ болѣе, что даже самыя слабыя надежды на освѣженіе политическихъ условій нѣмецкой жизни, заявленныя на самомъ вѣнскомъ конгрессѣ со стороны прусскаго короля, оказались тотчасъ же пустымъ миражемъ.

Въ Вѣнѣ король обѣщалъ собрать, по возвращеніи въ Берлинъ, особую коммиссію для выработки „хартіи", то-есть конституціи: вѣдь хартія была только-что дана отъ побѣдителей самой побѣжденной Франціи...

Дѣйствительно, въ 1817 году были отправлены въ разныя прусскія провинціи спеціальные коммиссары—Альтенштейнъ, Клевицъ, Бейме, чтобы предварительно позондировать общественное мнѣніе, узнать — чего оно желаетъ. Но одной разсылкой этихъ посланцевъ дѣло и окончилось [2]). Рука входившаго въ

---

[1]) J. Bourdeau, Le socialisme allemand. Paris, 1892, p. 85.

[2]) Объ этихъ комическихъ пріемахъ завести у себя конституцію см. недавно вышедшую брошюру проф. Альфр. Штерна: „Die preussische Verfassungsfrage und Altenstein's Reise im Jahre 1817". Zürich, 1893.

силу руководителя дѣлами, „естественнаго врага“ Германіи, врага всякихъ хартій, Меттерниха, остановила прусскія покушенія въ духѣ либеральномъ на первыхъ же порахъ. Но предметомъ неудовольствія нѣмцевъ былъ не Меттернихъ, а мы, и противъ насъ злобствовали всюду, тутъ же за порогомъ королевскаго кабинета. Нашъ посланникъ въ Берлинѣ, Алопеусъ, въ 1815 году доносилъ въ Петербургъ, что даже въ высшихъ слояхъ общества встрѣчаются люди, ненавидящіе насъ, потому что Россія— главный источникъ консервативныхъ тенденцій, противныхъ имъ. „Король, — писалъ онъ, — всегда горячо преданъ Россіи и русскому народу; но нѣмецкіе демагоги ставятъ ему въ упрекъ эту любовь къ Россіи. Гарденбергъ окруженъ людьми, которые насъ боятся не безъ основанія, ибо они чувствуютъ, что личная близость короля къ царю мѣшаетъ имъ играть главную роль и дать господство ихъ *революціоннымъ* принципамъ“ [1]).

Потребовалось немного времени, чтобы выяснился настоящій духъ спасенной отъ „ига“ благодушной Германіи,—конечно, въ передовой части ея общества, — и ея отношенія къ политикѣ миротворителей.

Въ Италіи заявленіе несогласія, протеста, выходило отъ улицы; въ своеобразной же Германіи, съ придавленной и тупою массою недавнихъ рабовъ, та же протестація нашла для себя и своеобразное выраженіе: ея пріютомъ были университеты и университетская молодежь.

„На первый взглядъ можетъ показаться парадоксомъ,—говоритъ Бурдò, открывая свой новѣйшій трудъ: „Нѣмецкій соціализмъ“, — но рабочее движеніе приготовлено было университетскою классической философіей Германіи“.

Тѣми же словами можно сказать и о достигнутомъ поэтическомъ единствѣ нѣмецкаго народа: движеніе въ этомъ направленіи было открыто и затѣмъ лелѣяно университетами и университетскою молодежью. „То, чего мы желаемъ, — говоритъ еще юный Лассаль въ своей юношеской драмѣ: „Franz von Sickingen“, устами главнаго героя:—это—единой и могущественной Германіи, великой имперіи“. Это желаніе было лозунгомъ и университетской молодежи, послѣ того какъ французская идея о націо-

---

[1]) Ed. Simon, L'Allemagne et la Russie au XIX s., 1893, p. 26. Ненависть нѣмцевъ къ намъ идетъ ранѣе вѣнскаго конгресса и съ подкладкой національнаго шовинизма. Послѣ парижскаго договора они обвиняли имп. Александра за возвратъ Франціи границъ 1792 г. Въ Вѣнѣ русскій императоръ былъ предметомъ враждебныхъ демонстрацій, и полиція была постоянно на ногахъ, чтобы блюсти за его безопасностью (ibid., 25).

нальности, народной индивидуальности, избороздила почву Германіи. Подъ этимъ знаменемъ университеты выступали противъ политики охраны — политики священнаго союза, ознаменовавъ первый шагъ этого акта заявленіемъ готовности на самыя крайнія мѣры. Университетъ далъ Германіи ея единство.

Приближался торжественный моментъ въ національной жизни Германіи: трехсотлѣтняя годовщина памяти Лютера, его разрыва со стариной, юбилей національной вѣры, своей, нѣмецкой. Этотъ моментъ и былъ избранъ университетскою молодежью для перваго заявленія своего политическаго исповѣданія. Мы имѣемъ въ виду историческое празднество студентовъ въ Вартбургѣ (здѣсь спасся Лютеръ отъ преслѣдованій), 18-го (6-го) октября 1817 года.

Не повторяя общеизвѣстнаго, мы тѣмъ не менѣе считаемъ возможнымъ воспользоваться любопытными воспоминаніями о вартбургскихъ дняхъ, этомъ первомъ *національномъ* торжествѣ нѣмцевъ, гдѣ впервые громко заявлено было о политическомъ *единствѣ* нѣмцевъ, непосредственнаго, но безпристрастнаго участника тѣхъ дней, не нѣмца, а студента-славянина, словака Коллара, извѣстнаго позже чешскаго поэта, публициста и ученаго, и въ то же время младшаго сотоварища политическаго героя послѣдующихъ дней—Карла Занда.

Около 700 студентовъ, почти изъ всѣхъ университетовъ Германіи, сошлись въ Вартбургѣ. „Радостно было, — вспоминаетъ Колларъ,—глядѣть на эту бодрую толпу, какъ она, весело прыгая черезъ горы и долы, неслась къ тому памятному мѣсту съ ранцами на плечахъ, съ горячими чувствами въ сердцѣ“.

Вечеромъ, въ первый же день торжества, группа молодыхъ людей удалилась въ лѣсокъ у исторической горы, и въ то время какъ остальные предавались праздничному веселью, группа та разложила костеръ и бросала въ огонь „нѣкоторыя сочиненія, вредныя общему благу“. Были сожжены сочиненія 17 писателей и, за исключеніемъ Ансилльона, все—своихъ, нѣмцевъ. Между ними были: Августа Коцебу—„Исторія нѣмецкой имперіи“, Янке —„Крики за конституцію“. Предварительно же были брошены въ пылающій костеръ: парикъ, корсетъ и капральская палка—символъ стараго порядка и въ извѣстномъ смыслѣ — новооткрытой политики охраны. „При этомъ ауто-да-фе,—прибавляетъ Колларъ,—не было ни одного профессора, и все ложь, что раструбили потомъ“. Но тѣмъ не менѣе на самомъ празднествѣ принимали участіе самые популярные профессора іенскаго университета: знаменитый натуралистъ Окенъ, философъ Фрисъ, Швей-

церъ и Кизеръ; слѣдовательно, причастіе профессоровъ къ политически-національной демонстраціи несомнѣнно.

Но самый интересный моментъ студенческой демонстраціи, моментъ непосредственно политическій, наступилъ на слѣдующій день: это студенческая декларація о національномъ *единствѣ* Германіи.

„Каждый студентъ,—говорилъ одинъ изъ юныхъ трибуновъ,—долженъ быть не только человѣкомъ и образованнымъ, но и нѣмцемъ, долженъ сбросить съ себя провинціальный эгоизмъ, діалектизмъ и возвыситься на ступень *общенароднаго* сознанія. Да, для образованнаго студента постыдно быть только саксонцемъ, австрійцемъ, пруссакомъ, баварцемъ, швейцарцемъ. На будущее время да исчезнетъ между нами эта анатомія народа, и всѣ мы да будемъ *единое тѣло*, *единый нѣмецкій народъ*" [1]).

Едва окончился вартбургскій праздникъ, услужливые газетчики подняли бурю на цѣлую Европу. Австрійскій посолъ въ Берлинѣ, гр. Зичи, прискакалъ первый въ Веймаръ и Іену для производства предварительнаго дознанія. Нѣмецкій студентъ объявленъ революціонеромъ, а университетъ—гнѣздомъ укрывшейся тамъ революціи.

Неожиданно для правящихъ круговъ объявившееся политическое движеніе среди университетской молодежи Германіи, съ открытымъ заявленіемъ своей солидарности, съ еще свѣжими революціонными проповѣдями Штейна, но теперь отведенными въ сторону, было однимъ изъ поводовъ перваго послѣ Вѣны поспѣшнаго собранія членовъ Священнаго Союза въ нѣмецкомъ Ахенѣ. На этомъ конгрессѣ подчеркивалось, что „духъ революціи,—говоритъ Стурдза, мѣстный свидѣтель явленій нѣмецкой жизни—волнуетъ Германію, что только четырехчленный союзъ (т.-е. съ припущеніемъ Франціи) одинъ въ состояніи умирить еще чувствовавшіяся волны отъ продолжительной революціи" [2]).

Неспокойные университеты Германіи, революціонный, т.-е. *національный* духъ среди ихъ молодого населенія, приковывали общее вниманіе. И вотъ въ то время, какъ дипломаты въ Ахенѣ съ несомнѣнно притворнымъ усердіемъ совѣщались о высоко-гуманномъ христіанскомъ проектѣ императора Александра, о мѣрахъ пресѣченія торговли неграми (хотя, конечно, въ самой Европѣ было еще довольно своихъ, бѣлыхъ негровъ—въ Турціи,

---

[1]) J. Kollár. Spisy, IV (Praga, 1863), p. 257—263. Прибавимъ, что упомянутые профессора тогда же были и учителями геніальнаго изслѣдователя славянства, Шафарика.

[2]) Oeuvres posthumes, p. 359.

Австріи и другихъ странахъ), не въ мѣру услужливый и ревностный не по уму другъ Каподистріи, нашъ А. Стурдза, выпускаетъ въ свѣтъ летучую политическую брошюру о положеніи дѣлъ въ современной Германіи, съ страшнымъ обвиненіемъ въ политической неблагонадежности профессоровъ и вообще университетовъ. Это была фатальная для автора книга: „Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne".

По неосторожному утвержденію издателя посмертныхъ сочиненій Стурдзы и въ то же время его благочестиваго жизнеописателя, греческаго доктора въ Одессѣ, г. Далласа, злополучная брошюра была написана по приглашенію, будто бы, самого императора Александра и вышла даже изъ печати *безъ вѣдома автора* (à l'insu de l'auteur) [1]). Но достаточно сослаться на личное признаніе самого Стурдзы, чтобы видѣть, что вкладъ въ университетскій вопросъ еще юнаго (род. въ 1791 г.), но усерднаго автора былъ добровольный. Въ воспоминаніяхъ о своей сестрѣ, гр. Эдлингъ († 1844), онъ указываетъ, что писалъ тогда съ однимъ желаніемъ—„исполнить свой долгъ—долгъ общественнаго дѣятеля" [2]). Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе именно годы юный дипломатъ, едва вкусившій отъ жизни, уже успѣлъ выработать въ себѣ особый взглядъ на себя, какъ на нѣкоторое орудіе для спасенія общества: въ 1816 году онъ въ историческомъ Веймарѣ издаетъ богословско-философскія „Considérations", чтобы утишить „la fluctuation des esprits qui est résultée de choc d'opinions"—въ Россіи, а его другъ въ Германіи, талантливый предметъ соблазна для современниковъ, Августъ Коцебу, спѣшитъ издать это въ нѣмецкомъ переводѣ (въ 1817 г., въ Лейпцигѣ), съ посвященіемъ самому „благородному сочинителю" (dem edlen Verfasser).

Брошюра была издана всего въ числѣ 50 экземпляровъ, большая часть которыхъ, по свидѣтельству современника, А. И. Тургенева, была раздана иностраннымъ министрамъ, т.-е. собравшимся въ Ахенѣ, и слѣдовательно для домашняго, но важнаго употребленія, какъ безотлагательный отвѣтъ на „злобу дня".

Въ своей университетской запискѣ юный Стурдза ни болѣе, ни менѣе, какъ объявлялъ университеты исчадіями ада, вертепами умственнаго разврата. Университеты Германіи обвинялись, „au lieu de cultiver les sciences, de nourrir l'esprit d'athéisme et de libéralisme et de contribuer ainsi à ébranler les trônes

[1]) Oeuvres posthumes, p. 9.

[2]) Ibid., p. 50.

et l'ordre social", и авторъ заключалъ препорученіемъ строгихъ мѣръ противъ свободы каѳедры и личной свободы, которой пользовались студенты. Даже самъ М. И. Богдановичъ, авторъ „Исторіи царствованія императора Александра", для произведенія нашего дипломата могъ подобрать лишь одинъ титулъ—„жалкая брошюра" [1]). Такимъ образомъ, тотъ, кто еще такъ недавно участвовалъ въ редакціи воззваній къ мятежу въ неудачномъ поднятіи румынъ Трансильваніи и мадьяръ Венгріи, теперь объявлялся въ роли какого-то прокурора конвента, и добровольнаго.

Образованные современники, даже изъ русскихъ друзей фатальнаго обличителя, строго осудили опрометчивый поступокъ Стурдзы. „Вы,—писалъ А. И. Тургеневъ И. И. Дмитріеву, въ Москву изъ Петербурга, 16-го дек. 1818 г., — конечно, уже знаете изъ газетъ о новѣйшемъ произведеніи Стурдзы. Я прочелъ эту книжку съ негодованіемъ и съ досадою на автора, котораго люблю. Онъ доказалъ только, что и съ талантомъ нельзя писать о предметахъ, коихъ не изслѣдовалъ" [1]).

Но если въ стороннемъ человѣкѣ и другѣ, но честномъ, проповѣдь Стурдзы вызвала одно чувство—негодованіе, то можно представить себѣ, какой эффектъ брошюра произвела среди тѣхъ, по адресу которыхъ она была издана—послѣдовалъ общій взрывъ негодованія возмутившихся нѣмцевъ. Ограниченное количество изданныхъ экземпляровъ было достаточною гарантіей неизвѣстности лица писавшаго и существованія самой брошюры. Но на столбцахъ газеты „Times" брошюра появилась въ англійскомъ переводѣ, и она стала общимъ достояніемъ. На первыхъ порахъ въ анонимномъ авторѣ нѣмцы увидѣли пріятеля Стурдзы, А. Коцебу, но вскорѣ опредѣлился настоящій авторъ и сталъ предметомъ опаснаго вниманія. „Нѣмцы, — писалъ также Тургеневъ тогда же въ Москву,—сами за себя стали; уже во всѣхъ частяхъ гнѣвъ ихъ проявляется". Бѣдный авторъ, по собственному признанію, „insulté et menacé de mort" [3]), могъ помочь себѣ однимъ, чтобы отвести отъ себя ударъ раздраженныхъ романтиковъ-патріотовъ—бѣжать изъ негостепріимной, не понявшей своего спасителя, Германіи, и Стурдза, спасая свою жизнь, тайкомъ бѣжалъ изъ Лейпцига въ Варшаву, чтобы затѣмъ столь же поспѣшно скрыться и отсюда. Тяжелыя воспоминанія о дипломатической службѣ заставили его искать теперь пріюта въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ главномъ управленіи училищъ. Къ тому же онъ

[1]) Т. V, стр. 415.

[2]) „Русск. Архивъ", 1867 г., стр. 644.

[3]) Oeuvres posth., p. 50.

могъ считать себя теперь нѣсколько искушеннымъ и по университетскому вопросу.

Репрессивныя мѣры разныхъ нѣмецкихъ правительствъ, чтобы сдержать студенческое движеніе, политическія грезы молодежи о новой, *единой* Германіи, преслѣдованіе профессоровъ, полицейскій контроль за преподаваніемъ (въ Австріи эту обязанность охотно исполняли іезуиты въ качествѣ университетскихъ инспекторовъ), не привели и не могли привести ни къ чему доброму. Онѣ только еще болѣе разжигали страсти, сильнѣе питали фанатизмъ національной нѣмецкой идеи въ сердцахъ студенческой молодежи. Въ это самое время и баронъ Штейнъ, это воплощеніе новой политической идеи, демонстративно оставилъ общественную дѣятельность и удалился въ свой нассаускій зáмокъ, гдѣ до конца дней своихъ онъ только и думалъ объ единой Германіи, а умеръ въ 1836 году [1]). Неудачность избранныхъ пріемовъ обнаружилась самымъ яркимъ образомъ не далѣе какъ въ слѣдующемъ, 1819 году, когда студентъ явился въ страшной роли перваго политическаго убійцы возрождающейся національной Германіи.

Стурдза спасся не безъ труда. Но не спасся отъ фанатизма юныхъ нѣмецкихъ патріотовъ его интимный другъ и если не однополчанинъ по литературной дѣятельности, то близкій по симпатіямъ во многихъ вопросахъ дня, но не русскій, а изъ своихъ, изъ нѣмцевъ,—авторъ одной изъ книгъ, сожженныхъ студентами въ Вартбургѣ. Мы говоримъ объ Августѣ Коцебу.

Фигура довольно крупная въ исторіи нѣмецкаго театра, любимецъ сцены въ теченіе не одного десятка лѣтъ, Коцебу, благодаря своей натурѣ—склонности къ насмѣшкѣ, завистливости и шаткости убѣжденій, не могъ найти спокойнаго признанія среди своихъ соотечественниковъ, и его безспорныя заслуги затемнялись въ нѣмецкомъ обществѣ недобрыми воспоминаніями о его личномъ характерѣ.

Духовный сынъ Вольтера (находили сходство даже въ выраженіи лица) и энциклопедистовъ, Коцебу не стѣснялся рѣзко высказывать свое отвращеніе къ богатству лютеранскихъ пасторовъ, какъ и предпочтеніе языку французовъ предъ своимъ роднымъ—тяжелымъ, неуклюжимъ. Но не терпѣвшій, по выраженію Гёте, ни выше, ни около себя ничего выдающагося—будь это городъ, страна, статуя, тѣмъ болѣе человѣкъ—онъ былъ въ то же время исполненъ лести, нравственнаго униженія предъ всѣмъ, чтò было

---

[1]) Ср. Стурдзы, Oeuvres posth., p. 228.

ему полезно. Онъ не колебался исповѣдываться въ своихъ „Воспоминаніяхъ о путешествіи въ Римъ и Неаполь", что далекъ отъ сожалѣнія по апельсинамъ юга (намекъ на Гёте?), такъ какъ „среди песковъ Пруссіи языкъ свободенъ, какъ и мысль: здѣсь нечего бояться ни шпіона, ни цензора; правительство просвѣщенное и всюду видно, что царствуетъ настоящая свобода".

Правда, шатающійся французоманъ, Коцебу, въ критическіе годы Пруссіи, когда ея королевская семья искала пріюта и хлѣба въ Россіи, съ своимъ оружіемъ выступилъ противъ Наполеона: онъ, удалившись въ Россію, дразнилъ союзника Россіи, Наполеона, листками, впрочемъ, съ довольно тупыми „вицами", и современные изслѣдователи эпохи готовы упрекать нѣмцевъ, что они отказываютъ въ признаніи этихъ политическихъ заслугъ Коцебу, а между тѣмъ носятся съ тѣми, которые прямо продавали свое перо за деньги Франціи, какъ Гебель, Цшокке и др. Но чьего врага видѣлъ Коцебу въ Наполеонѣ, и въ чьихъ интересахъ онъ нападалъ на Наполеона въ своей „Пчелѣ", выпускавшейся имъ безопасно для себя изъ Россіи?

Еще вчера Коцебу былъ горячимъ поклонникомъ Наполеона, величалъ его „чудомъ своего вѣка", а теперь защищалъ укрывшихся въ Россіи изгнанника и изгнанниковъ—Штейна, объявленнаго въ 1809 году „ennemi de la France", и королевскую чету, слѣдовательно защищалъ свои интересы, такъ какъ Пруссіей не исчерпывалась Германія, которая давно и охотно впускала въ себя освободительныя идеи изъ-за Рейна,—и поэтъ Гебель, осмѣивавшій тирольцевъ Андрея Гофера, ихъ слѣпую привязанность къ Австріи, могъ поступать такъ не изъ-за однѣхъ денегъ. Новѣйшій французскій біографъ Коцебу ошибается, утверждая, что побѣжденная Франція (слѣдов., только послѣ 1815 г.) мстила за свое пораженіе сообщеніемъ побѣдителямъ неизлечимой заразы либеральныхъ идей; въ Германію эти идеи прошли давно [1]).

Но, въ рѣзкое отличіе отъ Штейна, Коцебу сталъ крайнимъ консерваторомъ, когда, послѣ освобожденія Европы отъ Наполеона, онъ изъ своего родного Веймара неосторожно и вызывательно пустилъ свои перуны, еще такъ недавно направлявшіеся противъ „тиранна", теперь противъ единомышленниковъ Штейна —либеральныхъ романтиковъ, искавшихъ новой, единой Германіи и столь разочаровавшихся послѣ 1815 года. Его рѣзкій

---

¹) Rabani Charles, Kotzebue, sa vie et son temps. Paris, 1893, p. 114. Этой критической біографіей мы и пользуемся въ настоящей статьѣ.

личный органъ—„Litterarisches Wochenblatt“ сталъ уже съ 1816 года избраннымъ сосудомъ реакціи, отъявленнымъ врагомъ романтиковъ. Всегда несдержанный, а теперь старѣющійся, Коцебу (род. 1761 г.) открылъ неумолкаемую пальбу изъ своего бастіона противъ идей, пріютившихся главнымъ образомъ въ университетахъ.

Кто ищетъ конституціи? спрашивалъ Коцебу, и отвѣчалъ: профессора и профессора,—и онъ посылалъ имъ откровенно попрекъ, что ихъ политическія сочиненія воспроизводятъ черта въ черту брошюры изъ эпохи революціи. Естественно, что общество, проникнутое антипатіями къ Коцебу, отвѣчало раздраженіемъ. Когда явилась въ свѣтъ его „Исторія нѣмецкой имперіи“, обращавшая вниманіе на „эпоху славы“, средніе вѣка, общество встрѣтило ее молчаніемъ, а студентами она была сожжена. Самый праздникъ въ Вартбургѣ вывелъ изъ себя Коцебу.

Коцебу разразился самою запальчивою аттакою противъ свободы науки въ университетахъ и объявилъ, что тамъ ничего не дѣлаютъ. „Мы посылаемъ дѣтей учиться въ университеты, а они пріучаются къ лѣни. Профессоръ садится въ кресло и читаетъ монотонно, не заботясь даже о томъ, слушаютъ ли его?“ Коцебу требовалъ заведенія въ университетахъ порядковъ кадетскихъ корпусовъ. Можно легко себѣ представить негодованіе романтиковъ. „Бюргеры и студенты, — писалъ Гёте въ январѣ 1818 г., — публично гремятъ противъ *наслѣдственнаго непріятеля*, по ихъ выраженію“. Но раздраженіе романтиковъ еще сильнѣе возросло, когда стало извѣстно, что одновременно съ изданіемъ газеты Коцебу сталъ платнымъ агентомъ того государства, которое романтики почему-то считали источникомъ всѣхъ политическихъ для нихъ золъ, — Россіи. Еще въ 1816 г. онъ получилъ приглашеніе ежемѣсячно сообщать русскому правительству „о новыхъ идеяхъ, курсирующихъ во Франціи и Германіи въ области политики, статистики, народнаго просвѣщенія“, какъ онъ самъ тогда же писалъ своей матери, т.-е. повторить Гримма изъ XVIII-го вѣка. Но теперь были иныя времена, и его политико-литературная дѣятельность, направлявшаяся противъ страстныхъ политическихъ вожделѣній новой, возрождающейся Германіи энтузіастовъ-романтиковъ, вышедшихъ изъ французской школы заразительныхъ идей, привела страстнаго Коцебу къ ужасному концу: онъ палъ жертвою романтическаго фанатизма, въ виду которой одинъ только старый Гёте, хотя и старый его литературный врагъ, отказался присоединить свой голосъ къ общимъ

кликамъ радости, которыми привѣтствовали смерть Коцебу, какъ сигналъ освобожденія Германіи [1]).

Переходя къ этому кровавому эпизоду, мы и здѣсь, для характеристики эпохи и пробудившагося патріотическаго духа среди старшаго и младшаго населенія университетовъ, воспользуемся тѣми же воспоминаніями очевидца, Коллара, и это съ тѣмъ большимъ правомъ, что они не лишены интересныхъ подробностей, которыя свидѣтельствуютъ, что у патріотовъ-романтиковъ, профессоровъ и публицистовъ, слѣпая страсть теперь уже стала единственнымъ руководящимъ стимуломъ, не щадила ничего, не считалась ни съ чѣмъ. Эта страсть заставляла жертвовать и достоинствомъ человѣка изъ-за національной идеи, и не стѣсняться въ средствахъ, въ выборѣ ихъ.

„На первомъ году моей жизни въ Іенѣ,—разсказываетъ Колларъ,—Коцебу пребывалъ въ своемъ отцовскомъ домѣ въ Веймарѣ, гдѣ и издавалъ литературный „Еженедѣльникъ", который я читалъ усердно. На улицѣ я не разъ видалъ его, но никогда не чувствовалъ желанія посѣтить его. Въ 1816 г. онъ сталъ русскимъ чиновникомъ, но въ слѣдующемъ опять переселился въ Германію, съ хорошимъ содержаніемъ и обязательствомъ доставлять оттуда въ Петербургъ извѣстія о литературѣ и политикѣ [2]). Одно изъ такихъ сообщеній, писанныхъ по-французски, было какъ-то забыто Коцебу на письменномъ столѣ, когда въ его отсутствіе зашли къ нему съ визитомъ двое изъ іенскихъ профессоровъ. Увидѣвъ на столѣ бумагу, они прочли ее и тайкомъ переписали. Это донесеніе Коцебу, съ объясненіями профессора Людена [3]), что оно опасно для нѣмцевъ, было напечатано въ журналѣ Виланда: „Другъ народа" [4]) и вызвало страшный крикъ по цѣлой Германіи, особенно между студентами, и было главною и послѣднею причиною убійства Коцебу. Къ Коцебу воспылалъ національной ненавистью Карлъ Зандъ, кандидатъ богословія, юноша скромный, кроткій, но задумчивый, несловоохотливый и въ своихъ занятіяхъ весьма усердный. Въ герцогскомъ конвиктѣ Зандъ сидѣлъ по сосѣдству съ нашимъ венгерскимъ сто-

---

[1]) Rabany, op. c., p. 83.

[2]) Въ 1815 г. Коцебу былъ назначенъ русскимъ консуломъ въ Кенигсбергъ, но пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ тамъ.

[3]) Люденъ—профессоръ исторіи, и спеціально Германіи. Онъ былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ профессоровъ въ Іенѣ. „Люденъ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Колларъ, — имѣлъ самую большую аудиторію и самое большое число слушателей. Въ томъ бывала такая тѣснота и давка, что едва можно было дышать" (p. 243).

[4]) Вѣроятный отзвукъ „Ami du peuple" временъ революціи.

ломъ и наблюдалъ за порядкомъ; объявлялъ отъ имени университетскаго сената или студентовъ всевозможныя распоряженія, приклеивалъ на дверяхъ записочки, въ случаѣ, если кто изъ студентовъ что-нибудь потерялъ, нашелъ, и т. д. По окончаніи семестра, Зандъ съ евангеліемъ отъ Іоанна и отточеннымъ кинжаломъ въ рукахъ отправился въ Мангеймъ вслѣдъ за Коцебу, и здѣсь, въ 5 часовъ пополудни, 23-го марта 1819 года, убилъ его, послѣ чего и самъ былъ казненъ 20-го мая 1820 года“ [1]).

Политическое убійство, исполненное съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и юношей, по природѣ своей, необыкновенно скромнымъ, отточенный кинжалъ и тутъ же евангеліе—не могло не потрясти, и страшно, современные умы Европы. Было ясно, что революціонная національная идея ростетъ сильно въ классически-тихой, мирной Германіи, становится единовластной въ умахъ университетской молодежи, становится, подъ сѣнью университетовъ, политическою мощью, унять которую, а не то чтобы уничтожить, стереть съ арены политики, ставило въ тупикъ испытаннѣйшихъ дѣятелей Священнаго Союза, а благороднаго виновника его, императора Александра, приводило къ душевной резигнаціи, близкой къ признанію, что едва-ли есть обычныя человѣческія средства противу гидры національной, изъ революціи вышедшей, идеи—противъ объявившагося „владычества зла“, какъ онъ уже самъ выражался.

Дѣло убійцы-богослова, какъ и вообще усиленіе національнаго броженія, вызвало второй конгрессъ членовъ Священнаго Союза въ австро-силезскомъ городѣ Тропау (Опаba). Въ разгаръ совѣщаній о мѣрахъ императоръ откровенно исповѣдываетъ всю тяготу своего душевнаго состоянія въ письмѣ къ довѣренному политическому другу, княгинѣ Мещерской, въ отвѣтъ

[1]) IV, 266. Изъ предложеннаго обстоятельнаго разсказа объ убійствѣ Коцебу университетскаго товарища „кроткаго“ Занда не видно, чтобы жребій рѣшалъ его судьбу; скорѣе, Зандъ пошелъ на убійство по собственному вызову; равнымъ образомъ не видно, чтобы Зандъ былъ экзальтированной головой, какъ обыкновенно его понимаютъ. Сошлемся хоть на новѣйшій разборъ прусско-русскихъ отношеній въ XIX вѣкѣ Edouard Simon'a: „L'Allemagne et la Russie“ (Paris, 1893): „un des plus exaltés“ (p. 30). Зандъ былъ фанатикъ національной идеи, убѣжденный патріотъ, охотно принесшій себя въ жертву своеобразно понятому общественному интересу *единой* Германіи. Вѣрно понималъ Занда А. И. Тургеневъ. 6-го мая 1819 г. онъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Фанатикъ сей живъ еще, страдаетъ отъ раны и операціи и не показываетъ раскаянія въ преступленіи“ („Русск. Архивъ“ 1867, 650). Вспомнимъ и благодарственную молитву, публично, на колѣняхъ, на улицѣ, Занда, сейчасъ послѣ убійства, послѣ чего онъ уже самъ себѣ нанесъ два удара въ грудь тѣмъ же кинжаломъ. Вездѣ хладнокровіе, обдуманность. Публика въ день казни Занда собирала траву, орошенную его кровью...

на ея письмо съ благословеніемъ отъ митрополита Михаила. „...Скажите митрополиту,—писалъ императоръ,—что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, я нуждаюсь въ его благотворномъ благословеніи и молитвахъ, потому что мы заняты здѣсь однимъ изъ важнѣйшихъ, но и *труднѣйшихъ* дѣлъ. Вопросъ идетъ объ изысканіи средства противу владычества зла, которое распространяется быстро и всѣми тайными путями, къ коимъ прибѣгаетъ сатанинскій духъ, направляющій то зло. Но, увы, искомое нами средство выше нашей немощной человѣческой силы [1])".

Средство найти было трудно, особенно когда одинъ изъ трехъ членовъ Союза, не лишенный практической предусмотрительности, готовился выйти съ объятіями на встрѣчу тому „сатанинскому духу", заставить его служить себѣ и на немъ, какъ на новой политической силѣ, основывать свои дѣйствія въ отдаленномъ будущемъ. Въ результатѣ обновленныхъ и усиленныхъ репрессивныхъ временъ противъ духа времени—противъ университетовъ Германіи, поведенныхъ искусною рукою историческаго ловца людей, австрійскаго канцлера Меттерниха, такъ скептически въ началѣ отнесшагося къ самой идеѣ Священнаго Союза, но теперь постигшаго всю его пользу для себя, были—еще болѣе усилившаяся ненависть противъ насъ со стороны нѣмецкаго общественнаго мнѣнія, потомъ—снесеніе Австріи съ ея вѣковаго пьедестала, а въ заключеніе—передача нѣмецкой гегемоніи въ руки Пруссіи, того прозорливаго члена Союза, который рано понялъ значеніе стремленія лучшихъ, передовыхъ нѣмцевъ къ національному единству. Мы еще въ концѣ 50-хъ годовъ, устами покойнаго князя Горчакова, объявляли Германію „комбинаціей преимущественно охранительнаго характера", хотя она давнымъ-давно была однимъ бурлящимъ котломъ, но прикрытымъ. И Штейнъ, и его сотрудники, были революціонеры, ибо они являлись патріотами будущей Германіи, какъ ее понимали профессора и университетская молодежь [1]).

Такимъ образомъ, правящіе дѣятели, большинство членовъ Священнаго Союза, односторонне поняли духъ времени—универ-

---

[1]) „Русск. Архивъ", 1886, кн. 11, стр. 406.

[2]) Поразительно было у насъ незнаніе и непониманіе Германіи. Даже въ началѣ войны 1870 года мы были увѣрены въ побѣдѣ Франціи, т.-е. большинство русскаго общества. Нельзя удивляться, если даже Никитенко могъ замѣтить въ своемъ „Дневникѣ", въ концѣ 1863 года: „Германское единство можетъ быть великая идея, а можетъ быть и пустая фантазія". Иначе понималъ Наполеонъ III: въ разгаръ блестящихъ побѣдъ надъ австрійцами онъ поспѣшилъ заключить миръ, въ Вилла-Франкѣ, испуганный патріотическимъ движеніемъ въ Германіи. Ср. Giacometti, La question italienne, Paris 1893, соотвѣт. главы.

ситетское движеніе въ Германіи, объявивъ его моментомъ наступленія „владычества зла". Но это своеобразное движеніе, его факультативное значеніе, не проглядѣли люди на сторонѣ, изъ оппозиціи, не исключая и Россіи, и нашъ вдохновенный изгнанникъ въ Кишиневѣ явился глашатаемъ идей иного порядка въ своей политической одѣ „Кинжалъ", вызванной событіями Германіи:

„О, юный праведникъ, избранникъ роковой,
О, Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ:
Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ..."

Подготовленное университетами объединеніе Германіи вполнѣ оправдало Пушкина,—той Германіи, которая теперь уже готова „грозить бѣдой".

Но если политическое движеніе многочисленныхъ университетовъ Германіи, поддерживаемое прессой съ національной, т.-е. либеральной тенденціей, не могло не быть строго осуждаемо и императоромъ Александромъ, и вообще консервативными правящими сферами, какъ источникъ новыхъ треволненій, послѣ того какъ еще только вчера, и путемъ тяжкихъ усилій и жертвъ, былъ возстановленъ общественный порядокъ въ Европѣ,—то спрашивается: было ли что-нибудь похожее на то движеніе въ умственно-бѣдныхъ и числомъ невеликихъ нашихъ университетахъ?

Почти излишне говорить, что двухъ отвѣтовъ не можетъ быть, а только одинъ—отрицательный. Въ государствѣ стараго національнаго типа, въ его основной или коренной части,—а на этомъ пространствѣ только и были русскіе университеты,—ничего похожаго на національное броженіе или движеніе быть не могло. Оно потребовало бы для себя извѣстныхъ политическихъ условій, болѣе или менѣе продолжительной умственной подготовки [1]), политическаго развитія. Откуда же все это, помимо всего другого, могло явиться въ немногихъ русскихъ университетахъ, большинство

[1]) Если современный нѣмецкій публицистъ-критикъ полагаетъ, согласно съ фальшивымъ общераспространеннымъ взглядомъ, что „начало романтизма связывается съ глубочайшимъ униженіемъ Германіи, что скорбь юныхъ талантовъ о владычествѣ чужеземцевъ дала цѣлому содержанію ихъ міровоззрѣнія патріотическую окраску" (Max Nordau, Entartung, I, 132), то онъ имѣетъ въ виду выродившееся позже консервативное теченіе романтизма. Истинное начало романтизма—эпоха Шиллера, съ симпатіями къ зарейнскому сосѣду,—и Брандесъ правильно отмѣчаетъ первое „великое литературное теченіе" въ Германіи началомъ столѣтія—1800 годомъ.

которыхъ не насчитывало и двухъ десятковъ лѣтъ своего существованія, а правильнѣе — прозябанія, петербургскій же открытъ какъ разъ въ годъ убійства Коцебу? Не говоримъ уже о томъ, что ихъ ученое населеніе было, по крайней мѣрѣ, на половину иноземное или инородческое; что наши университеты были по старому открытыми гостинницами для иностранцевъ — такъ выражается Шевыревъ въ примѣненіи къ самому московскому университету... Что же касается профессоровъ изъ своихъ, то большинство ихъ съ трудомъ отвѣчало своему назначенію: Бутырскій въ Петербургѣ, по извѣстнымъ воспоминаніямъ акад. Никитенки, способный и краснорѣчивый профессоръ, но тѣмъ не менѣе въ наукѣ своей былъ притчею во языцѣхъ у современниковъ, по словамъ оффиціальнаго историка петербургскаго университета, проф. Григорьева.

Еще менѣе какую-либо политическую опасность могло представлять учащееся населеніе университетовъ: большинство студентовъ были еще дѣти-юноши, кончавшіе свой университетскій курсъ въ 17—18 лѣтъ, умственно слабо развитые, выучкою тощихъ тетрадокъ, книжекъ, или прилежнымъ выслушиваніемъ пустыхъ декламацій, ограничивавшіе, волею-неволею, всю работу своей умственной дѣятельности. Если чѣмъ и грѣшили тогда, то не избыткомъ идей, а избыткомъ физическихъ силъ—шалостями („Сашка" и Полежаевъ). Вартбургскій трибунъ, говорившій о политической миссіи студентовъ, взывавшей къ ихъ національному чувству, былъ бы среди нашихъ студентовъ иностранцемъ. Правда, такіе трибуны были, но не въ средѣ студентовъ: они являлись среди единственно, хотя и поверхностно-политически образованной молодежи—гвардейскихъ и штабныхъ офицеровъ; ея коснулась наука, но наука Запада, а не своя, которая только „лепетала" [1]). Конспиративные годы, приведшіе къ 14-му декабря,

---

[1]) Прекрасную характеристику умственной жизни лучшей части нашего общества того времени (1828 годъ) даетъ князь Вяземскій: „...отличная часть читателей нашихъ преимущественно предается чтенію иностранныхъ книгъ, но не потому ли, что иностранныя произведенія удовлетворяютъ болѣе господствующимъ требованіямъ нашего поколѣнія, соглашаются болѣе съ степенью образованности умовъ? Посмотрите, съ какою жадностью наша молодежь читаетъ газеты и журналы иностранные! Можно ли по совѣсти требовать отъ нея, чтобы она съ тѣмъ же рвеніемъ читала наши журналы? Что сказано о періодическихъ изданіяхъ, то можно примѣнить вообще и къ другимъ книгамъ. Развяжите языкъ нѣмого, и онъ будетъ имѣть слушателей. Дайте намъ авторовъ, пробудите благородную дѣятельность въ людяхъ мыслящихъ, и—читатели родятся. Они готовы; многіе изъ нихъ и вслушиваются, но ничего отъ насъ дослышаться не могутъ и обращаются по-неволѣ къ тѣмъ, кои не лепечутъ, а говорятъ" (Сочиненія, I, 102—103). Только одинъ университетъ въ ни-

университетовъ не задѣли, студентовъ не коснулись, пронеслись, какъ проносится случайный вихрь на гладкой поверхности рѣки, текущей своимъ неизмѣннымъ русломъ... Университеты наши были и невинны, и наивны.

Но, при доброй волѣ и дурномъ чувствѣ, чего съ помощью неправильнаго умозаключенія нельзя вывести?.. Это и случилось, когда едва прозябающей русской науки и ея молодыхъ разсадниковъ коснулись „нечистоплотныя" руки Магницкаго и его единомышленниковъ.

II.

Національное движеніе къ объединенію Германіи въ средѣ нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ, движеніе новое, было по тому самому явленіемъ революціоннаго порядка, проявленіемъ новаго духа времени, политическаго вольнодумства. Вольнодумство стало эмблемой, синонимомъ нѣмецкаго университета; но, обобщая это заключеніе, подозрительный умъ естественно былъ склоненъ предположить существованіе вольнодумія и вездѣ, гдѣ только есть университеты, слѣдовательно и въ университетахъ русскихъ.

Дѣйствительно, въ началѣ 1819 года совершилось политическое убійство Коцебу, а вслѣдъ за симъ открылась политическая инквизиція казанскаго университета со стороны Магницкаго, этого историческаго по своему всеусердію на дурныя дѣла человѣка. Въ нашу задачу не входитъ подробное изложеніе университетскаго вопроса и связанныхъ съ нимъ умственныхъ интересовъ въ послѣдніе годы мистическаго министерства кн. Голицына: въ русской исторической наукѣ онъ не разъ былъ затрогиваемъ. Для общей картины жизни той эпохи намъ достаточно ограничиться немногими припоминаніями.

По осмотрѣ несчастнаго казанскаго университета, сопровождавшемся рядомъ мѣръ крайняго самовластія и оригинальности [1]),

---

перія былъ тронутъ политикой, и напоминалъ нѣмецкіе: это — виленскій; но онъ былъ польскій. „*Шубравцы* (т.-е. главнымъ образомъ университетская молодежь),— говоритъ польскій историкъ,— воевали упорно противъ шляхетскихъ предразсудковъ, противъ идолопоклонническаго выхваленія ошибокъ прошлаго, противъ презрѣнія „благородныхъ" къ торговлѣ и промыслу, противъ слѣпого подражанія Франціи... Но самый сильный голосъ поднимали они въ разбиравшемся тогда вопросѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, стоя всегда на сторонѣ слабыхъ и беззащитныхъ" (P. Chmielowski, „Ad. Mickiewicz", I, 85).

[1]) Въ 1885 г., подъ Москвою, въ селѣ Лобановомъ-Ростовскомъ, мы имѣли случай познакомиться съ едва-ли не послѣднимъ изъ остававшихся еще въ живыхъ

Магницкій объявилъ его, какъ и слѣдовало ожидать, очагомъ „всеразрушающаго духа вольнодумства“, словно это былъ не сосѣдъ Сибири, не „сибирскій“ университетъ, какъ любилъ обзывать его, недовольный отсутствіемъ въ немъ какой-либо научной жизни, приснопамятный свѣтильникъ русской церкви въ то время, митрополитъ Евгеній, — а іенскій, съ его Люденами, Окенами, давшій главный контингентъ участниковъ студенческаго конгресса въ Вартбургѣ. Магницкій повторялъ теперь въ миніатюрѣ своего присннаго друга, Стурдзу, его „Записку“, столь свѣжую еще въ памяти. „Казанскій университетъ,—доносилъ Магницкій кн. Голицыну,—не только не приноситъ никакой пользы, но и представляетъ великія затрудненія въ приведеніи его въ порядокъ“, почему и предлагалъ его закрыть. Но министерство не одобрило этой радикальной мѣры и указало ревизору—попытаться спасти университетъ, „поддержать казанскій университетъ въ существованіи его“ [1]), и Магницкій сталъ спасать.

Центръ вниманія—воспитаніе юношества, возращеніе въ немъ добрыхъ привычекъ. Постановленіемъ 14-го іюня 1819 года создавалась новая, приноровленная къ тѣмъ спеціальнымъ цѣлямъ, университетская должность, подъ именемъ директора университета: „для экономической, полицейской и *нравственной* части опредѣлить при университетѣ (т.-е. казанскомъ) особаго чиновника подъ наименованіемъ директора“; а затѣмъ была составлена обстоятельная инструкція для новаго чина, гдѣ, понятно, главное вниманіе обращено на его нравственныя задачи. Директоръ долженъ былъ обра-

---

казанскихъ студентовъ эпохи инквизиціи Магницкаго, Евреиновымъ, мѣстнымъ землевладѣльцемъ (теперь онъ уже умеръ). Разсказы старика о дѣйствіяхъ Магницкаго по университету заслуживаютъ сохраненія. Студенты-юристы уже сдали свои выпускные экзамены, когда появился Магницкій. Нѣкоторые изъ товарищей Евреинова получили и аттестаты и отправились на службу въ Сибирь, будучи приглашены туда Сперанскимъ во время проѣзда его зимою черезъ Казань на сибирскую ревизію. Былъ приглашенъ лично Сперанскимъ и самъ Евреиновъ, но замедлилъ полученіемъ аттестата. Пріѣхалъ Магницкій и объявилъ экзамены недѣйствительными; заготовленные, но не выданные аттестаты приказалъ отобрать и уничтожить, и окончившіе курсъ должны были на годъ еще остаться въ университетѣ и вторично держать экзаменъ въ слѣд. году. Самые же экзамены стали производиться теперь, по указанію Магницкаго, съ наблюденіемъ особаго ритуала: предъ экзаменомъ каждый студентъ долженъ былъ исповѣдываться предъ университетскимъ священникомъ. У одного современнаго французскаго историка Россіи приводится разсказъ (но откуда?), что Магницкій приказалъ конфисковать анатомическіе препараты въ университетѣ и торжественно похоронить, чтобы люди, изъ костей которыхъ были составлены тѣ препараты, не могли встрѣтить затрудненія въ свое время (G. Créhange, Histoire de la Russie, p. 89).

[1]) Сборникъ постановленій по м. н. пр., I, 1237.

зовать „такой внутренній надзоръ, который бы, начинаясь отъ входа въ университетъ, окружалъ непрестанно учениковъ и студентовъ“. Въ частности же онъ долженъ былъ „объять и воздѣлать волю воспитанниковъ, ихъ совѣсть“. Какъ ближайшія средства для того указывалось: „строжайшее чинопочитаніе“ и открытая и *тайная* провѣрка лекцій профессоровъ, не вскроется ли гдѣ „вольнодумство, и сообща съ полиціей доносить“ [1]).

Второй и, къ счастію, послѣдній университетъ, подвергшійся очистительной инквизиціи Магницкаго, былъ только-что открытый петербургскій. Здѣсь дѣйствовалъ другъ Магницкаго Руничъ, профессоръ и „россійскій“ академикъ. Изъ пустой исторіи—попавшейся студенческой тетрадки съ дурно записанными лекціями—возникъ громадный скандалъ, съ формальнымъ судомъ; немногія лучшія профессорскія силы были удалены съ шумомъ (изъ нихъ К. Арсеньевъ—позже академикъ и наставникъ покойнаго императора Александра II), а замѣщены вакантныя мѣста были такими сомнительными лицами, какъ Дегуровъ, т.-е. Dugour, бѣжавшій дѣятель французской революціи и едва ли не личный секретарь Робеспьера [2]). Но главное—было рѣшено, что отъ преобразованія главнаго педагогическаго института въ петербургскій университетъ послѣдовалъ одинъ вредъ—„не преобразовался онъ къ лучшему“—и что единственно введеніемъ казанской инструкціи Магницкаго „университетъ можетъ приведенъ быть въ надлежащій порядокъ“ [3]).

Московскій университетъ съумѣлъ отстоять и сохранить свою неприкосновенность.

Не менѣе чрезвычайны были мѣры тѣхъ же Магницкаго и

---

[1]) Сборникъ пост. мин. нар. просв., I, 1287, 1317—1337.

[2]) Въ послужномъ спискѣ А. А. Дегурова отъ 1835 года, когда онъ сходилъ со сцены и оставлялъ ректорство въ петербургскомъ университетѣ, указаны довольно обстоятельно его школьныя изданія въ бытность его педагогомъ во Франціи, и въ первые, страшные, годы революціи, и позже до 1799 г., но о причинахъ оставленія имъ Франціи нѣтъ ничего. По преданію, онъ спасся въ день гибели Робеспьера, скрывшись въ скирду соломы, гдѣ въ одну ночь посѣдѣлъ.

[3]) Тамъ же, I, 1601. Между тѣмъ открытіе петербургскаго университета было встрѣчено даже такими консервативными стариками, какъ И. И. Дмитріевъ, живымъ сочувствіемъ. Въ мартѣ 1819 года онъ писалъ А. И. Тургеневу: „Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ въ газетахъ рѣчь Уварова при открытіи петербургскаго университета. Увѣренъ, что подъ его надзоромъ оный университетъ года въ три или четыре, конечно, перещеголяетъ своего дѣдушку москвитянина. Онъ вѣрно возродитъ въ профессорахъ благородное соревнованіе и будетъ умѣть оцѣнивать талантъ и заслугу“,—т.-е. Уваровъ, тогда попечитель (сочиненія Дмитріева, Спб. 1893). Но именно въ указанный срокъ юный университетъ обратился въ мѣсто запустѣнія, попавъ подъ негласный надзоръ Магницкаго.

Рунича и относительно цензуры, тѣсно связанной съ университетами. Отсылая читателей по этому вопросу къ извѣстной монографіи акад. Сухомлинова: „Матеріалы для исторіи просвѣщенія“ въ „Журн. мин. нар. просв.“ за 1866 г., мы здѣсь припомнимъ наиболѣе откровенныя сужденія.

Въ цензурномъ уставѣ 1823 года Магницкій указывалъ, что цензуру медико-хирургической академіи необходимо соединить съ общею, „ибо въ настоящее время, когда науки математическія и даже географія несутъ часто на себѣ отпечатокъ невѣрія, могутъ ли не подлежать строжайшему надзору творенія медицинскія, въ коихъ разсужденія о дѣйствіяхъ души на органы тѣлесные подаютъ обильные способы къ утвержденію матеріализма самымъ косвеннымъ и тонкимъ образомъ“. Еще болѣе смѣлы были прибавки Рунича. Въ виду этихъ немногихъ указаній нельзя считать въ воспоминаніяхъ современника, акад. Никитенки, особеннымъ преувеличеніемъ его утвержденіе, что нельзя было говорить объ удобреніи земли безъ спеціальнаго обоснованія, во вкусѣ современнаго теченія [1]).

Необыкновенное вмѣшательство, по дѣламъ знаменитаго своею доброю воспитательною дѣятельностью библейскаго общества, юрьевскаго архимандрита Фотія, этого своеобразнаго нашего Савонаролы того времени, въ область государственныхъ интересовъ рѣшило паденіе министерства князя Голицына, а съ тѣмъ покончило и вопросъ о дальнѣйшемъ хозяйничаніи Магницкаго въ области русскаго просвѣщенія. 14-го мая 1824 года былъ призванъ на постъ министра просвѣщенія „истый русскій“ [2]), испытанный патріотъ-славянолюбъ, старикъ Шишковъ, эта „добрая литературная няня“ на министерскомъ креслѣ, какъ мило и сердечно окрестилъ Пушкинъ незлобиваго противника Карамзина. Въ этомъ небольшомъ привѣтѣ — цѣлая характеристика новаго управленія.

Своимъ революціоннымъ дѣйствіямъ по отношенію къ русскимъ университетамъ, въ стилѣ австрійскомъ, іезуитскомъ, Магниц-

---

[1]) Въ современной Австріи была не менѣе свирѣпа цензура, но главнѣйше въ вопросахъ національнаго характера; зато, какъ ее и проводили!.. Вотъ образчикъ. Чешскій романистъ Клицпера свою повѣсть о королѣ Вячеславѣ IV представилъ въ 1826 году въ цензуру при оффиціальномъ объявленіи, что онъ нашелъ ее *въ старой пергаменной* рукописи, а онъ только перевелъ ее на современный языкъ (д-ра Ф. Бачковскаго: „Z upominek na censuru“ въ газетѣ „Narodní Listy“, 1888, № 6).

[2]) Такъ опредѣлилъ его „истый нѣмецъ“, извѣстный Арндтъ; онъ еще въ 1812 году, въ Петербургѣ, собиралъ „нѣмецкіе легіоны“ противъ „общаго“ врага, т.-е. Наполеона, въ письмѣ къ Штейну (Р. Архивъ, 1871, 692).

кій, какъ человѣкъ съ умомъ, никогда не затруднялся отыскать основаніе и оправданіе въ соображеніи наивысшихъ государственныхъ интересовъ, которые,—какъ обыкновенно думаютъ въ такихъ случаяхъ,—ему, и только ему, съ необыкновенною ясностью представляются и имъ постигаются. Если вѣрить его вынужденному признанію, онъ готовился къ своей роли исподволь, путемъ труда и размышленій, пока отдѣльныя мысли не вылились въ одну патріотическую систему, въ интересѣ спасенія государства. Съ откровенностью онъ исповѣдывается своему покровителю, гр. Бенкендорфу, но уже изъ времени подневольнаго состоянія, что къ службѣ по министерству просвѣщенія, къ попечительству, онъ подготовлялся усердно, добросовѣстно, съ 1819 года, на книгахъ; что въ результатѣ этого литературнаго подготовленія себя и было убѣжденіе, что то просвѣщеніе, которое пришло къ намъ съ Запада со времени Петра Великаго, есть „ядовитое растеніе", но только, къ счастію, въ нашемъ холодномъ климатѣ ростущее медленно; что разъ не встрѣтитъ это „растеніе" противодѣйствія, оно „непремѣнно произведетъ вредное потрясеніе сперва нравственное, потомъ гражданское, наконецъ—политическое" [1]).

Но самъ совѣстливо готовившійся къ своей роли авторъ теоріи „ядовитаго растенія" встрѣтилъ противодѣйствіе тамъ, гдѣ онъ менѣе всего могъ ожидать—въ новомъ министерствѣ Шишкова, патріота беззавѣтнаго, самой чистой воды. Правда, Магницкій считалъ Шишкова своимъ „личнымъ врагомъ" (въ исповѣди Бенкендорфу): но странно думать о возможности какихъ-либо личныхъ счетовъ у безупречнаго дѣятеля многихъ царствованій съ человѣкомъ честолюбія и фальши. Причина отвращенія лежала просто въ чувствѣ брезгливости каждаго порядочнаго человѣка къ человѣку неприличному, искалѣченному, видимо поддѣлывавшемуся, послѣ непріятнаго эпизода вынужденнаго его визита въ Вологду при ссылкѣ Сперанскаго. Самъ злополучный Сперанскій не далѣе какъ въ 1818 году прервалъ всѣ сношенія съ беззастѣнчивымъ и назойливымъ другомъ, рѣзко отвернулся отъ него и примирился только чрезъ 20 лѣтъ, въ Одессѣ, не задолго до смерти, и то не по собственной иниціативѣ [2]). У Шишкова,

[1]) Ак. *Дубровинъ*, Письма главныхъ дѣятелей имп. Александра I, стр. 504.

[2]) „Магницкій,—писалъ Сперанскій дочери,—смѣшонъ въ своихъ декламаціяхъ противъ провинціи... Образъ его мыслей и ложенъ, и вреденъ. Вообще не дозволяй никому и никогда смѣяться надъ cara patria". Еще яснѣе писалъ онъ Столыпину: „я съ нимъ совершенно кончилъ и навсегда мои сношенія... Онъ отжилъ"... Но Магницкій не захотѣлъ быть отжившимъ, и Сперанскій просто былъ въ отчаяніи, какъ

ясно объявившаго своею программою политику мирныхъ пріемовъ —„привести страсти къ тихому потушенію", который самъ былъ человѣкъ науки и литературнаго слова, а потому и съ уваженіемъ къ „ядовитому растенію", который, какъ посвидѣтельствовалъ великій поэтъ-современникъ, „музъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ",—воинствующіе, неугомонные люди, подобные Магницкому, были неудобны, и онъ, естественно, долженъ былъ остановиться на очищеніи отъ нихъ умственной атмосферы Россіи, обезвредить ее отъ нихъ.

Шишковъ ждалъ только случая. Едва только палъ Аракчеевъ,—„ненавистный временщикъ", по признанію самого Магницкаго,—именно со вступленіемъ новаго императора, Шишковъ не остановился предъ крутою мѣрою: онъ силою выпроводилъ казанскаго попечителя изъ столицы, гдѣ тотъ все время проживалъ,—на мѣсто службы, въ Казань, а затѣмъ нарядилъ слѣдствіе надъ расходываніемъ суммъ университета. Магницкій былъ отрѣшенъ, на его имущество наложенъ арестъ. Судилъ затѣмъ его сенатъ и осудилъ, съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы" [1]).

Такъ заключились „мрачныя обстоятельства для просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ", говоря словами нашего бѣднаго ранняго шеллингиста, физіолога Веланскаго. Пророческій духъ поэта не обманулъ его, когда онъ привѣтствовалъ Шишкова:

„Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ!"

отдѣлаться отъ него. „Онъ воевалъ и теперь еще воюетъ,—жалуется онъ Столыпину, узнавъ, что Магницкій свои дѣйствія называетъ всюду *общимъ* дѣломъ;—если онъ поступаетъ такъ со мною по ошибкѣ, то ошибка весьма грубая; если по сметкѣ и намѣренію, то это неблагородно и несправедливо" (Р. Архивъ, 1868 г., стр. 1168, 1869 г., стр. 1701, 1974). Объ одесскомъ примиреніи Магницкаго съ Сперанскимъ одинъ одесскій старожилъ, лично и близко знавшій перваго, передавалъ намъ слѣдующее. Въ 1837 году Сперанскій провелъ въ Одессѣ два лѣтнихъ мѣсяца на дачѣ б. Рено (потомъ Новосельскаго), гдѣ купался. Подъ воздѣйствіемъ преосв. Гавріила Магницкій написалъ письмо къ Сперанскому о примиреніи, полное смиренія, униженія. Въ письмѣ Магницкій между прочимъ писалъ: „я—смердъ, а ты...?" Сперанскій примирился, и 1-го августа у Воронцова обѣдали: Сперанскій, Магницкій и Стурдза. Прибавимъ, что тогда же (послѣ 1835 г.) проживалъ въ Одессѣ и отставной Дегуровъ; онъ построилъ здѣсь на Херсонской улицѣ собственный домъ (теперь г. Мрачека).

[1]) Позже, въ 1828 году, Магницкій просилъ, чрезъ Бенкендорфа, Блудова, тогда тов. министра нар. просвѣщенія, провѣрить счеты казанскаго университета — онъ чистъ, все напраслина. Блудовъ провѣрилъ и отвѣчалъ Бенкендорфу: „почти всѣ показанія бывшаго попечителя каз. уч. округа опровергаются показаніями совершенно противными департамента нар. просвѣщенія" (Дубровинъ, ор. с., № 467).

Мрачныя обстоятельства смѣнились болѣе спокойнымъ, разсудительнымъ отношеніемъ къ наукѣ, университету, вообще къ просвѣщенію, несмотря на то, что событія 14-го декабря 1825 года, повидимому, самымъ яркимъ образомъ оправдывали завѣщаніе Магницкаго о плодахъ „ядовитаго растенія", и тотъ могъ бы ликовать... Но извѣстно, что революціонное движеніе, приведшее къ 14-му декабря, вращалось въ сферахъ, которыя никакого отношенія съ университетами не имѣли [1]). Пожалуй, и „ядовитое растеніе" не безучаствовало, но именно только не въ формѣ науки, университетскаго знанія, уже по одному тому, что оно у насъ было безъ значенія, безъ вліянія, не такъ, какъ въ современныхъ университетахъ Германіи, гдѣ наука и жизнь уже во многихъ точкахъ объединялись для совмѣстнаго политическаго дѣйствія. Программа истребленія „ядовитаго растенія" принята не была, университеты уничтожены не были; оставались, правда, раны, нанесенныя имъ отъ неосторожнаго дозволенія пробнаго примѣненія той программы, но все это требовало лишь спокойнаго уврачеванія въ томъ смыслѣ, чтобы на будущее время, при опредѣленномъ разъ навсегда строгомъ, но законномъ порядкѣ вещей, высшіе интересы были обезпечены отъ вредныхъ услугъ Магницкихъ. Все же университетскій вопросъ, какъ и вообще вопросъ о наукѣ, просвѣщеніи въ Россіи, недавно столь несправедливо и неосторожно связанной съ политическимъ движеніемъ національнаго характера въ университетахъ Германіи, принадлежалъ къ тѣмъ „многочисленнымъ грѣхамъ внутренняго управленія", о которыхъ доносилъ французскій посолъ при русскомъ дворѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій 14-го декабря, какъ о „великихъ трудностяхъ, съ которыми придется бороться молодому государю" [2]). Слова, произнесенныя однимъ умнымъ епископомъ сто лѣтъ назадъ: „какъ несчастлива Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ и *ученія завесть не можетъ*", — не потеряли своего тяжелаго значенія и позже [3]).

И молодой государь открылъ борьбу — рескриптомъ на имя

---

[1]) Если въ 1837 году митрополитъ Филаретъ московскій, возражая противъ мысли Уварова о соединеніи низшихъ духовныхъ школъ съ гражданскими, такъ какъ тѣ развиваютъ духъ касты, „чрезвычайно вредный эгоизмъ званія", — писалъ, что „на слѣдствіи 1825 года чистою оказалась преданность престолу и отечеству не только православнаго россійскаго духовенства, но и свѣтскихъ чиновниковъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ училищахъ — никого изъ нихъ не было между прельщенными иноземнымъ зломудріемъ" („Мнѣнія и пр.", т. II, 393), то онъ въ подразумѣваемомъ обвиненіи свѣтскихъ школъ былъ совсѣмъ неправъ.

[2]) „Русскій Вѣстникъ", 1898, мартъ, 165.

[3]) Юшкевичъ, 18-го декабря 1741 г.

министра Шишкова, отъ 14-го мая 1826 года, и заключилъ ее университетскимъ уставомъ 1835 года, государственнымъ актомъ для своего времени глубокаго значенія, обезпечивавшимъ правильное развитіе „ядовитаго растенія", т.-е. просвѣщенія, „чужеземнаго идеологизма", по выраженію Пушкина, и въ нашей холодной полосѣ. Манифестъ 14-го мая былъ выполненіемъ и старыхъ стремленій Шишкова. Въ своей рѣчи въ главномъ управленіи училищъ, вскорѣ послѣ „воспріятія правленія" (11-го сентября), старикъ, для устраненія на будущее время „всякихъ безпорядковъ и продерзостей" — а подъ ними онъ на первомъ мѣстѣ понималъ вызывающія дѣйствія Магницкаго, члена того же управленія — препоручалъ двѣ мѣры: кодификацію всѣхъ распоряженій министерства и на основаніи ея — изданіе *общихъ* уставовъ для всѣхъ учебныхъ заведеній [1]. „Необходимое единообразіе" уставовъ, отъ низшей школы и до университета, именно и требовалось манифестомъ 14-го мая.

Но, какъ было замѣчено выше, единообразіе уставовъ — моментъ чисто внѣшній; оно касалось интересовъ второго порядка. Были интересы высшіе—реорганизація русской школы, русскаго образованія, въ смыслѣ его *единообразія*, т.-е. единообразія внутренняго, науки, преподаванія. Это имѣлось въ виду уже въ манифестѣ 19-го декабря 1825 года, который указывалъ, что образованіе есть одно изъ лучшихъ средствъ противъ „заразы, извнѣ къ намъ принесенной", но принесенной, какъ видѣли мы выше, помимо университета и его науки, не изъ среды науки. Школа, и во главѣ ея университетъ, при единствѣ преслѣдуемыхъ цѣлей, должны были способствовать правительству въ дѣлѣ общаго умиротворенія умовъ, „утишенія", войти въ теченіе общегосударственныхъ интересовъ, стать „хорошимъ орудіемъ правительства", какъ замѣтилъ однажды второй преемникъ Шишкова, авторъ самаго устава 1835 года. Эти высокія задачи открывавшейся реорганизаціи школы—реальное единство преподаванія—намѣчались и рескриптомъ 14-го мая въ исчисленіи обязанностей комитета: опредѣливъ всѣ курсы ученій, комитетъ долженъ былъ означить и сочиненія, по которымъ должно идти преподаваніе, а затѣмъ „воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій, по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ", которыя и давали поводъ къ „продерзостямъ" Магницкихъ. Конечно, удобная и необходимая для среднихъ школъ, полная регистрація преподаванія въ университетахъ практически невыполнима: здѣсь успѣхъ и правильность преподаванія зависятъ

[1]) *Шмидтъ*, Е. Исторія средн. учебн. заведеній, стр. 176.

отъ каждаго лица отдѣльно; если назначенная книга—синонимъ преподаванія, то и самое преподаваніе излишне. Но этотъ идеальный ригоризмъ, какъ исканіе, понятенъ въ виду обстоятельствъ не столько своей, сколько жизни Германіи; самимъ правительствомъ, однако, онъ никогда не преслѣдовался, какъ свидѣтельствуетъ самый характеръ университетскаго устава 1835 года и послѣдующее примѣненіе его, не говоря уже о первоначальной мысли оффиціальнаго автора устава 1835 г., гр. Уварова—поставить каждый отдѣльно университетъ въ имперіи на степень академіи наукъ, т.-е. развить свободу научнаго изслѣдованія въ Россіи до максимальныхъ размѣровъ, о чемъ будетъ рѣчь впереди. Уваровская теорія „умственныхъ плотинъ" противу Запада 1832 года (въ Отчетѣ о ревизіи московскаго университета) въ уставъ университетовъ не вошла, а если и объявлялась временами, то какъ частное препорученіе.

Реорганизація университетовъ имперіи въ интересахъ однообразія серьезнаго научнаго преподаванія, правильнаго воздѣйствія науки на общество, препоручалась общегосударственнымъ соображеніямъ. Но была еще одна сторона, которая прямо вопіяла о необходимости реформы университетовъ: это—*затхлая жизнь самихъ русскихъ университетовъ*, которые въ своемъ умственномъ застоѣ, апатіи, дряблости, дошли до maximum'а. Долгъ правительства былъ—освѣжить, очистить и поднять развалившіяся храмины науки, влить въ нихъ новую духовную атмосферу и, конечно, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, утвердить и „однообразіе" науки, такъ какъ наука одна.

Такимъ образомъ, рескриптъ 14-го мая 1826 года, это открытіе новаго царствованія, шелъ на встрѣчу не однимъ политическимъ видамъ правительства, но также и потребностямъ самихъ университетовъ, русскаго общества, въ той мѣрѣ, въ какой для каждаго образованнаго, или ищущаго образованія общества не безразлично то или другое состояніе питомниковъ его науки.

А. Кочубинскій.

ДНИ ИСПЫТАНІЙ

— Jours d'épreuve, par Paul Marguerite *).

Изъ быта французской буржуазіи.

VIII *).

Недѣли три спустя, Крессанъ, посовѣтовавшись съ женою, просилъ отпуска и, получивъ его, отправился къ своимъ старикамъ-родителямъ въ Шатолюсъ; туда же, дня два спустя, долженъ былъ пріѣхать и его молодой сослуживецъ Андрэ, будто бы проѣздомъ.

Съ невыразимымъ чувствомъ тревоги и какой-то затаенной радости бросился Андрэ въ вагонъ и покатилъ на встрѣчу тому забытому, укромному городку, гдѣ жила Туанетта Розенъ въ совершенномъ невѣденіи о томъ, что въ этотъ часъ рѣшалась ея дѣвичья судьба...

Выйдя изъ вагона, Андрэ прямо попалъ въ объятія Крессана.

— Все идетъ, какъ по маслу!—объявилъ тотъ.—Родители хоть и находятъ, что она еще слишкомъ молода, но ничего не имѣютъ противъ приличнаго, надежнаго брака... Среди дня мы пойдемъ къ нимъ съ визитомъ.

— А она?.. Знаетъ ли она, что...

— А Богъ ее знаетъ! Дѣвушекъ вѣдь не разберешь...

Какъ во снѣ, слѣдовалъ Андрэ за своимъ любезнымъ провожатымъ, и не могъ даже отдать себѣ отчета: онъ ли это? На,

*) См. выше: мартъ, 243 стр.

яву или во снѣ бродитъ онъ по тихимъ, заросшимъ улицамъ въ городѣ, гдѣ будто сама жизнь остановилась, да такъ и замерла, какъ въ волшебной сказкѣ?

„Такъ вотъ гдѣ она живетъ! — думалъ онъ. — Но въ которомъ изъ этихъ домовъ?.. Чтò со мной будетъ, когда я увижу ее?.. Похожа ли она на тотъ идеалъ, который я о ней составилъ?..“

Послѣднее особенно смущало его. Какъ и всякій мужчина, онъ въ мысляхъ придавалъ ей идеальныя, желанныя для него черты. Карточку онъ еще могъ дополнить воображеніемъ; но съ живымъ лицомъ это могло оказаться гораздо труднѣе и даже... неисполнимѣе!.. Онъ уже разспрашивалъ на этотъ счетъ Крессановъ, и они единодушно утверждали, что на карточкѣ она не похожа... Ну, чтò, какъ она ему совсѣмъ не понравится?..

Утро тянулось безъ конца. Не зная, чѣмъ наполнить свой томительный досугъ, Андрэ написалъ матери такое длинное и такое милое, задушевное письмо, какого, кажется, еще никогда въ жизни ей не писалъ. Но, окончивъ его, онъ почему-то застыдился и... такъ и не послалъ его.

Наконецъ, въ четвертомъ часу, Крессанъ отправился вмѣстѣ съ нимъ къ Розенамъ и скоро остановился у подъѣзда небольшого бѣлаго дома. За дверью раздался лай собачонки. Прислуга отворила и впустила ихъ въ темный, прохладный коридоръ. Оттуда гости прошли въ большую, свѣтлую комнату, гдѣ имъ на встрѣчу приподнялись съ мѣста три женщины, съ работой въ рукахъ. Онѣ ласково поздоровались съ Крессаномъ и съ любопытствомъ смотрѣли на чужого.

Сразу Андрэ бросились въ глаза только стройный молодой станъ и розовое дѣвичье лицо; затѣмъ, окинувъ бѣглымъ взглядомъ сухую и уже немолодую женщину (хозяйку дома) и довольно видную молодую женщину въ траурѣ,—онъ снова устремилъ взоръ на Туанетту.

Она ничуть не была похожа на свою карточку.

Она отнюдь не напоминала собою идеалъ Андрэ...

Всѣ его чувства, всѣ мысли замерли. Большого труда стоило ему очнуться и хоть сколько-нибудь прислушаться къ разговору. Онъ смотрѣлъ на обѣихъ женщинъ и на Туанетту, которая, въ чистотѣ душевной, ничего не подозрѣвала и улыбалась Крессану, украдкой поглядывая на незнакомца.

„Вѣроятно, находитъ меня дуракомъ и неуклюжимъ!“ подумалъ Андрэ, и тщетны были его усилія казаться развязнымъ и остроумнымъ. Ему какъ-то стыдно было своихъ усилій передъ

этимъ ребенкомъ, съ яснымъ, невиннымъ взоромъ. Ему страстно хотѣлось крикнуть старшимъ:

— Да уходите же! Не для васъ я пріѣхалъ. Дайте мнѣ поговорить съ нею, дайте ей понравиться!

— Туанетта!—раздался голосъ матери. — Предложи же гостямъ освѣжиться!

Съ помощью сестры молодая дѣвушка достала бутылку шартрёза и анисовки и побѣжала къ колодцу за свѣжей водой. Слѣдя за ними глазами, Андрэ замѣтилъ, что вдовушка очень красивая, а Туанетта — очень хорошенькая женщина. Женщиной, собственно, можно было назвать только старшую; младшая плѣняла главнымъ образомъ своей дѣвственной прелестью: юной свѣжестью лица и стана, немного красными руками, и... даже платьемъ, которое на ней плохо сидѣло.

Глядя на нихъ, Андрэ думалъ про себя:

— Надо разсудить, подумать! — и въ то же время чувствовалъ, что и думать-то нечего; что выборъ его ужъ намѣченъ, рѣшеніе принято... ну, словомъ, — она ему нравится! И нравится даже не взирая на то, что ничуть не похожа на неземную, эѳирную, златокудрую барышню, какою въ мечтахъ представлялся ему его идеалъ.

Сестра поднесла стаканъ вина Крессану, а Туанетта—Андрэ. Прямо и открыто глядя ему въ глаза своими большими черными глазами, она молча стояла передъ нимъ. Нѣжно очерченная грудь ея слегка подымалась; стройная шейка такъ изящно и дѣвственно бѣлѣла надъ темнымъ воротомъ платья, что Андрэ чуть не обнялъ ее, въ знакъ того, что избираетъ ее себѣ въ жены.

Неловко принялъ онъ предлагаемый стаканъ, и только съ большимъ трудомъ удавалось ему оторвать отъ нея взглядъ. Крессанъ, между тѣмъ, собрался уходить; Андрэ пришлось послѣдовать его примѣру.

Очутившись на улицѣ, Крессанъ поспѣшилъ спросить:

— Ну, что̀ же?

Вмѣсто отвѣта, Андрэ только молча улыбнулся.

Крессанъ старался развлекать своего молодого друга, чтобы ему не такъ томительно показалось время до завтра, когда они были приглашены къ Розенамъ обѣдать. Онъ повелъ его осматривать церкви и другія достопримѣчательности города. Но ни древности, ни самый городъ не отвлекли вниманія Андрэ отъ поглощавшихъ его думъ. Въ церквахъ было мрачно и тихо; на улицахъ тоже стояла мертвая тишина. Лишь изрѣдка приподнималась то у того, то у другого окошка спущенная занавѣска,

изъ-за которой выглядывала пара любопытныхъ, молодыхъ или старыхъ глазъ. Все въ тихомъ, полусонномъ городкѣ,—начиная съ людей, въ глазахъ которыхъ онъ былъ пришлымъ, свѣтскимъ элементомъ, и кончая бродячими или дворовыми псами, провожавшими его враждебнымъ ворчаньемъ, — все было для Андрэ непріятно. Ему казалось, что на него смотрятъ какъ на какое-нибудь чучело, и онъ невольно принялся оглядываться во всѣ стороны, въ тщетной надеждѣ какъ-нибудь посмотрѣться и убѣдиться, что̀ именно въ немъ есть неуклюжаго или смѣшного. Но нигдѣ не было ни зеркала, ни даже зеркальнаго стекла...

Такъ прошелъ первый день — томительно и скучно. Вдругъ, стоя у окна, Андрэ замѣтилъ, что мимо прошла Берта, и Крессанъ заговорилъ о ней. Ее рано выдали за дурного человѣка: онъ мучилъ ее при жизни и умеръ, не оставивъ ей ни гроша. Молодая вдова вернулась въ свою семью, и несладко ей приходилось, несмотря на то, что дѣдушка Розенъ платилъ за ея содержаніе. Крессанъ признался, что мать семейства никого такъ не любила изо всей семьи, какъ своего единственнаго сына, шалопая лѣтъ тридцати. Дочери, благодаря ему, попали въ бесприданницы: ихъ приданое пошло на уплату его долговъ. Отецъ былъ недостаточно твердаго характера, чтобы отстаивать свое мнѣніе, а мать потакала своему любимцу. Впрочемъ, о старикѣ Крессанъ не могъ сказать ничего дурного,—скорѣе наоборотъ.

Когда на слѣдующій день, въ сопровожденіи вѣрнаго товарища и сослуживца, Андрэ двинулся въ путь, т.-е., говоря попросту, отправился на обѣдъ, то не мало удивился, какъ скоро они дошли до бѣлаго дома. Не прошло, кажется, и минуты, какъ онъ уже сидѣлъ на диванѣ, рядомъ съ хозяиномъ. Хозяйка была въ гостиной одна съ мужемъ и усадила гостя рядомъ съ нимъ, прибавивъ:

— Дочерей нѣтъ дома, но онѣ скоро вернутся.

Въ то время какъ она ушла хлопотать насчетъ обѣда, а Крессанъ разговаривалъ со своимъ родственникомъ, Андрэ занялся физіогноміей, стараясь по лицу угадать, какого тестя готовитъ ему судьба?

Это былъ довольно безцвѣтнаго вида господинъ; его обрюзгшее лицо и отвислая нижняя губа, повидимому, служили подтвержденіемъ того, что онъ совершенно лишенъ твердой воли. Вдобавокъ, онъ не спускалъ глазъ съ жены, если ему приходилось вставить словцо, другое, будто ожидая отъ нея знаковъ одобренія или порицанія, но больше молчалъ, какъ бы съ трудомъ соображая, что̀ ему надо сказать и когда именно вмѣшаться въ разговоръ.

Вообще, присутствіе чужого его смущало, и онъ смотрѣлъ какъ-то мимо него, на Крессана, которому отвѣчалъ безъ особаго стѣсненія. Въ это время вошелъ высокій, худощавый старикъ, подъ-руку съ Бертой.

— Честь имѣю кланяться!—проговорилъ онъ и тяжело, какъ-то разомъ опустился въ кресло, при чемъ его длинная, тощая фигура будто согнулась вдвое.

— А вотъ и сестра!—проговорила вдовушка и взглянула на Андрэ.

Дѣдушка тоже уставился на гостя, но на лицѣ его не отразилось ничего, кромѣ обычной, старческой полу-улыбки. Голова его склонилась на грудь; онъ такъ и не сказалъ ни слова. Во всей его внѣшности наиболѣе привлекалъ вниманіе крючковатый носъ, тупой подбородокъ и насупленныя брови. Сынъ побаивался старика, равно какъ и жена, которая не долюбливала его; онъ же любилъ и ласкалъ только внучекъ, которыя были дѣйствительно къ нему привязаны. Внука старикъ Розенъ терпѣть не могъ.

Но вотъ и онъ самъ, этотъ маменькинъ сынокъ! Некрасивый господинъ, уже съ брюшкомъ, и немолодой на видъ, онъ былъ просто непріятенъ своимъ большимъ грубымъ ртомъ и потухшими глазами. Г-жа Розенъ, въ своей материнской гордости, поспѣшила представить гостю такое сокровище, подталкивала его впередъ и восклицала съ восторгомъ:

— Вотъ и Гиги!.. Гиги!

Гиги неловко поклонился и рѣшительно не понравился молодому гостю. Къ счастію, въ эту минуту вернулась Туанетта.

Сердце Андрэ забило тревогу, и на душѣ у него вдругъ просвѣтлѣло: такъ ясенъ и милъ былъ взглядъ ея темныхъ глазъ. Но едва она подошла къ нему, какъ онъ растерялся, и вмѣсто того, чтобы заговорить съ нею, обратился къ ея сестрѣ. Минуть пять продолжалась ихъ бесѣда, и за это короткое время Андрэ успѣлъ нѣсколько разъ чувствовать себя наверху блаженства: онъ не могъ удержать довольной улыбки каждый разъ, какъ ловилъ на себѣ взглядъ молодой дѣвушки.

Обѣдъ былъ недурной и обильный. Андрэ замѣтилъ, что отецъ и сынъ ѣли прожорливо, спѣша воспользоваться рѣдкимъ случаемъ, старикъ ѣлъ очень умѣренно, а хозяйка дома, которой блюдо подавалось послѣ гостей, откладывала самые лучшіе кусочки для своего любимца — Гиги. Туанетта держала себя очень скромно, но безъ неловкой застѣнчивости, и съ дѣтски-вопросительнымъ выраженіемъ на лицѣ прислушивалась къ сло-

вамъ старшихъ. Всматриваясь въ окружающихъ, Андрэ по-неволѣ задумался о томъ, что̀ за судьба ожидаетъ его съ этой дѣвушкой, на которой не могло не отразиться, хоть поверхностно, вліяніе среды. Припомнилось ему, что Туанетта, относительно, еще мало имѣла столкновеній съ родною семьей, такъ какъ съ дѣтства жила въ пансіонѣ, и это нѣсколько утѣшило его.

„Любитъ ли она меня, т.-е. полюбитъ ли? — спрашивалъ онъ самъ себя.—А я, кажется... да нѣтъ: я навѣрное люблю ее!..“

Однако, нѣкоторое сомнѣніе не оставляло его, и онъ, какъ школьникъ, загадалъ: „Если я посмотрю на нее и она отвѣтитъ мнѣ взглядомъ, наши глаза встрѣтятся... значитъ, она полюбитъ меня!“

Обернувшись къ Туанеттѣ лицомъ, Андрэ увидѣлъ, что она смотритъ... но не на него, а себѣ въ тарелку.

Ему стало какъ-то и грустно, и глупо, на сердцѣ.

Вечеромъ онъ мало-по-малу началъ съ нею сближаться: сѣлъ рядомъ и собрался начать разговоръ.

Между тѣмъ Туанетта, наканунѣ не обратившая на него особаго вниманія, приглядѣлась къ нему, и въ ней зародилось странное чувство смущенія, будто предчувствіе, что не спроста заглянулъ въ ихъ захолустье такой свѣтскій и милый молодой человѣкъ, совсѣмъ непохожій на тѣхъ, какихъ ей до сихъ поръ приходилось видѣть въ Шатолюсѣ. Онъ ей нравился своими изящными манерами и стройной осанкой, горделивость которой постепенно перестала ее смущать. На выразительномъ лицѣ своего собесѣдника Туанетта прочла затаенную печаль, которую все-таки не могло скрыть его напускное оживленіе. „Что̀ съ нимъ такое? О чемъ бы ему грустить?—думала она.—Но отчего онъ такой странный? Или онъ смѣется надъ нею и надъ ея родными?.. Онъ некрасивъ, но очень милъ въ обращеніи“...

Такъ, одна за другой, бѣжали у нея мысли.

„Почему же онъ, вотъ уже два часа, какъ не спускаетъ съ меня глазъ? Или я ему нравлюсь?.. Да можетъ ли это быть?..“ —но сердце ей подсказало, что можетъ.

„Что за вздоръ!“ старалась она разувѣрить себя. Но въ тотъ же вечеръ въ ея воспоминаніяхъ самую видную часть занимали впечатлѣнія, какихъ она до сихъ поръ еще не испытывала.

Андрэ долго не рѣшался приступить къ рѣшенію волновавшаго его вопроса; его какъ будто удерживала какая-то безотчетная боязнь. Крессанъ, наконецъ, показалъ ему знакомъ, что пора уходить, и тутъ только, преодолѣвая свою нерѣшимость, онъ вдругъ, съ неожиданнымъ для себя жаромъ, произнесъ:

— Вамъ очень хорошо здѣсь живется?

— О, да!—отвѣтила Туанетта, краснѣя за то, что у нея не хватало духу сказать: нѣтъ!—постороннему человѣку.

— Значитъ,—продолжалъ онъ:—вамъ было бы очень жаль оставить этотъ городъ? Вамъ было бы непріятно жить—ну, напримѣръ, хоть въ Парижѣ?

— О, нѣтъ!—съ живостью возразила она.—Мнѣ кажется, что Парижъ бы мнѣ очень понравился!..

Вдругъ Туанетта смолкла и застыдилась. Ее поразило, что наканунѣ Крессанъ задалъ ей этотъ же самый вопросъ, и еще сильнѣе забилось у нея сердце, въ предчувствіи того, что это не даромъ,—вотъ-вотъ случится нѣчто важное, что̀ она не прочь бы и отдалить, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ее влекло поскорѣе узнать, что̀ онъ скажетъ. Ей хотѣлось узнать, въ чемъ дѣло. Между тѣмъ молодой человѣкъ продолжалъ, весь блѣдный отъ волненія:

— А вѣдь я ужъ давно васъ знаю... Я видѣлъ васъ въ Парижѣ.

— Меня?!.. Да я тамъ отъ роду не бывала!—изумилась Туанетта.

— А я все-таки частенько смотрѣлъ на васъ, любовался вами... Что̀? Вы еще не догадались?.. Припомните хорошенько: у Крессановъ...

— Да какъ же это?—волновалась она.

— Въ альбомѣ!—договорилъ Андрэ и прямо посмотрѣлъ ей въ глаза.

Румянецъ заигралъ у нея на щекахъ.

— Да!—понизивъ голосъ, мягко продолжалъ Андрэ.—Вы сразу мнѣ понравились: мнѣ казалось, что дѣвушка съ такимъ лицомъ не можетъ быть иначе, какъ только безгранично доброй и прелестной, и что я... непремѣнно полюблю ее съ перваго взгляда.

Туанетта молчала, не зная, что̀ и ка̀къ ему отвѣчать. Невольно она глазами искала сестру, но та сидѣла далеко, и Туанетта только потупилась. Какая-то особенная, нѣжная и отрадная робость овладѣла ею, и никогда еще не была она такъ прелестна, такъ дѣвственно-мила, какъ въ эту минуту неловкаго молчанья. Ея длинныя, темныя рѣсницы были опущены, на дѣтски-алыхъ губахъ играла смущенная улыбка, а молодая грудь замѣтно волновалась подъ простенькимъ темнымъ платьемъ.

Въ свою очередь и Андрэ смутился: онъ принялъ ея молчаніе за обиду,—ему показалось, что она имъ обижена.

— Ужъ не знаю, право,—началъ онъ опять, стараясь го-

ворить оживленно.—Можетъ быть, чувству симпатіи (онъ не осмѣлился сказать: „любви!") скорѣе поддаются мужчины, нежели женщины...

Быстро вскинула на него глазами Туанетта, и у нея невольно вырвалось:

— А можетъ быть, вы и ошибаетесь?

Въ его взглядѣ сверкнула такая горячая радость, что молодая дѣвушка опустила глаза и поспѣшно отошла прочь.

На томъ концѣ гостиной шелъ громкій споръ и говоръ. Крессанъ уговаривалъ всю семью Розеновъ ѣхать на другой день за-городъ и гдѣ-нибудь въ полѣ, или на опушкѣ лѣса, позавтракать всей компаніей. Особенное противорѣчіе встрѣтило его предложеніе со стороны матери:—Что-жъ это будетъ за пикникъ, если Альфонсу нельзя въ немъ участвовать? Бѣдняжка! Онъ долженъ сидѣть на службѣ...

Но Крессанъ настоялъ на своемъ, и всѣ (кромѣ дѣдушки, который на старости лѣтъ по-неволѣ всегда сидѣлъ дома) дали свое согласіе.

Ночь была звѣздная, теплая. Вся семья вышла на крыльцо провожать гостей, и Андрэ, въ ночной полу-мглѣ, ясно видѣлъ лучистые, какъ яркія звѣзды, большіе глаза Туанетты.

Онъ заглядѣлся на нихъ, но вдругъ его охватило сомнѣніе: искренна ли она, или знаетъ о цѣли его пріѣзда и только притворяется невинной?

„О, нѣтъ, нѣтъ! — поспѣшно возразилъ онъ самъ себѣ.— Она дѣйствительно ничего не знаетъ!"

Молча шли друзья вдоль тихихъ улицъ соннаго городка, а въ умѣ у Андрэ такъ и вертѣлось глупѣйшее, задолбленное еще на школьной скамьѣ, латинское изреченіе:

— „Пришелъ. Увидѣлъ. Побѣдилъ!"

IX.

Безоблачно и ясно встало солнце и обѣщало чудный лѣтній день. Какъ человѣкъ предусмотрительный, Крессанъ заранѣе озаботился нанять двѣ коляски. Въ одной размѣстились родные Крессана, онъ самъ, неизбѣжный Альфонсъ и дѣдушка, который, въ послѣднюю минуту, поддался обаянію яснаго утра и раздумалъ оставаться дома. Въ другой—усѣлись супруги Розенъ, вдовушка, Туанетта и Андрэ. Бичи щелкнули разъ, другой—и коляски покатились.

Андрэ сидѣлъ насупившись. Его толкала колѣнками г-жа Розенъ и нестерпимо вертѣлась на мѣстѣ, въ безпрерывной тревогѣ за свое сокровище — „бѣдняжку Гиги!"

— Боже мой! — то-и-дѣло вскрикивала она. — Вотъ! Вотъ сейчасъ!.. Упадетъ! Непремѣнно упадетъ!.. Бѣдняжка Гиги! Ему страшно неудобно сидѣть!

Ни взглядомъ, ни словомъ не подарила она мужа или дочерей, а между тѣмъ бѣдный толстякъ совсѣмъ раскисъ отъ тряски въ экипажѣ и еще ниже отвисла его характерная губа. Всю дорогу онъ былъ нѣмъ какъ рыба.

Наконецъ, коляски остановились у маленькой одноэтажной дачки, которая принадлежала старикамъ Крессанамъ. Комнатъ было немного, но зато кухня поражала своей грандіозностью. Крѣпенькая и бойкая старушка, мать Крессана, поспѣшила откуда-то достать хворосту, и въ то время, какъ сослуживецъ Андрэ отворялъ окна, въ очагѣ весело затрещалъ костеръ; прошло еще нѣсколько минутъ—и его веселое пламя заспорило красотою съ солнечными лучами. Всѣ бросились разбирать корзины; даже дѣдушка Розенъ, и тотъ бережно переносилъ бутылки съ виномъ отъ корзинъ къ ведру со студеной водою, въ которую и опускалъ ихъ своими старческими руками. Это ведро Альфонсъ (правда, не особенно охотно) соблаговолилъ вытянуть изъ колодца, который былъ тутъ же, на дворѣ. Вокругъ двора, позади дома и впереди него, была молодая, кудрявая рощица, сбоку—небольшая лужайка съ огородомъ.

Въ суматохѣ, не разъ случалось Андрэ и Туанеттѣ столкнуться, нечаянно схватить другъ друга за руку: они не знали тогда, куда дѣваться отъ смущенья, а глупая, счастливая улыбка такъ и не сходила у нихъ съ губъ. Они украдкой посматривали на окружающихъ и старались держаться какъ только возможно непринужденнѣе, но сіяющія лица и безпричинный смѣхъ невольно ихъ выдавали. Завтракъ показался имъ безконечнымъ: оба думали съ сожалѣніемъ о томъ, что еще часа три-четыре... и Андрэ уже долженъ ѣхать обратно въ Парижъ.

Старики окончательно зазавтракались. Ихъ клонилъ ко сну чистый деревенскій воздухъ; вкусныя закуски и холодныя вина давали себя знать: хорошо, еслибъ можно было такъ и вздремнуть, не двигаясь съ мѣста! Но проворная г-жа Крессанъ уже снова засуетилась, убирая грязную посуду, а г-жа Розенъ, подъ предлогомъ головной боли, ушла въ домъ и тамъ преуютно примостилась на старинной кровати, подъ пестрымъ пологомъ съ широкими разводами. Ея мужъ и сынъ расположились въ тѣни,

на пушистой травѣ. Дѣды тихонько добрели до низкой заваленки, усѣлись рядкомъ и, грѣясь на солнышкѣ, лѣниво попыхивали своими короткими трубками.

Сестры и Андрэ побѣжали по мягкому лугу въ самый конецъ рощицы, гдѣ было тѣнисто и пахло пригрѣтой солнцемъ, еще росистой землею. Берта немного поотстала и принялась рвать букетъ полевыхъ травъ и цвѣтовъ.

Молодые люди почувствовали, что они одни, и довольно долго не рѣшались прервать тишину лѣтняго воздуха.

Вдругъ Андрэ поднялъ голову и сказалъ такъ неожиданно и твердо, что даже самъ удивился:

— Дайте мнѣ вашу руку.

Туанетта послушно взяла его подъ-руку и довѣрчиво оперлась на нее. Въ ней не было и тѣни смущенія: прямо и открыто смотрѣли на него ея прелестные бархатные глаза, и только рука, лежавшая на его рукѣ, чуть замѣтно дрожала.

— О, какъ я васъ люблю!—горячо, отъ всего сердца проговорилъ Андрэ и, волнуясь ужасно, продолжалъ:—Я человѣкъ одинокій; у меня нѣтъ ни состоянія, ни семьи. Я тоскую: жизнь для меня и тяжела, и грустна. Много, много надо будетъ смѣлости и бодрости духа той женщинѣ, которая согласится быть моей женою. Я бѣденъ: — она должна быть трудолюбивой. Я ропщу на судьбу и тоскую: — ей придется быть выносливой и веселой за двоихъ. Я могу поддаться унынію:—ей придется меня утѣшать... Но если вы меня любите, — все это пройдетъ само собою.

Туанетта инстинктивно крѣпче прижалась къ нему.

— Хотите вы быть моей женою?—нѣжно и кротко спросилъ Андрэ.

Туанетта опустила голову и тихо отвѣтила:

— Да!

Счастье нахлынуло на нихъ такъ быстро и внезапно, такъ просто и легко, что оба не сразу очнулись отъ удивленія.

Первый пришелъ въ себя Андрэ и тихонько обвилъ рукою станъ молодой дѣвушки. Въ немъ вдругъ явилась потребность еще разъ услышать ея голосъ, убѣдиться въ томъ, что это не сонъ, и онъ, какъ ребенокъ, принялся повторять:

— Такъ вы меня любите?.. Любите?.. Да?..

— А вы?

— О! Какъ я васъ люблю!!

И горячій поцѣлуй былъ залогомъ ихъ взаимнаго чувства.

Едва коснулись его губы алаго ротика Туанетты, какъ Андрэ

почувствовалъ, что на этотъ разъ его увѣренія въ любви не звукъ пустой, не слѣдствіе мимолетныхъ ощущеній, какъ прежде. Ему показалось, что образы всѣхъ женщинъ, которыя когда-либо привлекали его,—всѣхъ этихъ Маріеттъ и Жерменъ,—блѣднѣли и исчезали передъ чистымъ, дѣвственнымъ образомъ довѣрчиво полюбившей его Туанетты. Всей душой, всѣми помыслами отдался онъ своему новому, чистому чувству; ему казалось, что сердце его открывается ему на встрѣчу, что онъ снова дѣвственно молодъ и бодръ. Его прежнія горести и печали, нищета его будничной жизни, безотрадность и однообразіе службы, домашнія мелочныя ссоры и неудовольствія, — все это отодвинулось теперь куда-то далеко, въ глубину давно минувшихъ, забытыхъ событій. Андрэ вспомнилъ обо всемъ пережитомъ, и тотчасъ же позабылъ о немъ, какъ забываютъ благополучно исчезнувшій кошмаръ. На него вдругъ напало страстное желаніе жить, и его волненіе разразилось цѣлымъ потокомъ несвязныхъ, но горячихъ рѣчей, въ которыхъ онъ излилъ ей всю свою душу, — всѣ свои муки, всѣ мечты и надежды на будущую, новую жизнь. Одна за другой полились подробности его прежней, то отрадной, то нестерпимой жизни съ матерью. Въ невольномъ увлеченіи, онъ упрекнулъ мать въ эгоизмѣ, въ несправедливости, и тотчасъ же, почувствовавъ, что онъ самъ къ ней несправедливъ, прибавилъ, что она предана и нѣжна къ нему. Онъ просилъ Туанетту полюбить свою будущую свекровь, торопливо пересказывалъ ей свои впечатлѣнія дѣтства и юности. Онъ все говорилъ впопыхахъ, все путая и самъ себя перебивая, но въ полной увѣренности, что она всему сочувствуетъ, все понимаетъ.

А между тѣмъ ея мысли были далеко. Слова жениха, какъ тихая, пріятная музыка, раздавались у нея въ ушахъ, но, несмотря на ихъ нѣжный, ласковый тонъ, она плохо его понимала. Ей тоже мимолетными картинами вспоминалась ея прошлая жизнь: смерть брюзгливой старухи-бабушки Розенъ, поступленіе въ пансіонъ, пансіонская жизнь безъ особыхъ радостей, но и безъ особыхъ печалей; вспомнились воспитательницы—особенно не молодая и серьезная, но добрая сестра Флора; вспомнились кутежи и долги Альфонса, поглотившіе ея и сестрино приданое; вспомнилась свадьба Берты и ея отчаянныя слезы, когда она прибѣгала домой выплакать горе своей супружеской жизни; вспомнилось, наконецъ, послѣднее время передъ появленіемъ у нихъ въ домѣ незнакомца, котораго она еще дня два тому назадъ и въ глаза не видала, а теперь полюбила, какъ близкаго и родного ей человѣка... И въ ея дѣтски пристальномъ взорѣ можно было

прочесть изумленіе передъ такой, быстро и неожиданно сложившейся, судьбою. Андрэ тоже смотрѣлъ ей въ глаза и думалъ:

— Вотъ такую-то мнѣ и нужно жену: преданную и покорную судьбѣ!

Но Туанеттѣ это и въ умъ не приходило. Можетъ быть, съ теченіемъ времени, еслибы ей въ жизни пришлось терпѣть и покоряться, она и проявила бы ту покорность и преданность, какихъ ожидалъ отъ нея ея будущій мужъ. Въ настоящую же минуту будущее рисовалось ей въ самомъ пріятномъ, розовомъ свѣтѣ. Ей казалось, что жизнь готовитъ ей только самые отрадные сюрпризы; что быть дамой очень пріятно и весело: можно выѣзжать и наряжаться; можно хозяйничать и принимать *„у себя“*, въ своемъ собственномъ домѣ.

Въ мечтахъ Андрэ уже воображалъ себя окруженнымъ румяными бутузами-дѣтьми;—но не посмѣлъ заговорить съ нею объ этомъ.

Туанетта думала о томъ, какъ одна изъ ея пансіонскихъ подругъ вышла замужъ и какъ мужъ задаривалъ ее золотомъ и брилліантами;—но также не посмѣла заговорить объ этомъ.

Однако, какъ ни далеки они были другъ отъ друга въ своихъ помыслахъ, въ одномъ только сказывалось ихъ единодушіе, и это одно было самое главное—ихъ взаимная любовь.

Берта, слѣдившая за ними издали, окликнула ихъ. Они подошли къ ней, и Туанетта горячо обняла и поцѣловала сестру. Берта все поняла и безъ разспросовъ.

Влюбленнымъ стало грустно, что придется ѣхать обратно подъ надзоромъ старшихъ, но судьба имъ пришла на помощь. Мать потребовала, чтобы Альфонсъ сѣлъ въ ея коляску, и Андрэ съ Туанеттой пересѣли къ дѣдушкѣ-Розену, который вскорѣ задремалъ, убаюканный мѣрною тряской экипажа. Руки ихъ инстинктивно соединились, и бесѣда тихо пошла своимъ чередомъ. Къ вечеру стало свѣжѣе, вѣтеръ румянилъ имъ щеки, никакихъ желаній, никакого другого стремленія они не ощущали, кромѣ одного—чтобы еще долго, долго ѣхать въ такомъ близкомъ, отрадномъ сосѣдствѣ.

Но вотъ уже показались вдали домики и домишки на окраинѣ города. Старикъ шевельнулся и открылъ глаза, остановивъ ихъ на соединенныхъ рукахъ молодыхъ людей. Они сконфузились, встрепенулись... но дѣдушка снова задремалъ, и они постарались увѣрить себя, что онъ ничего не замѣтилъ, хоть и блуждала на его блѣдныхъ губахъ добродушная усмѣшка.

Заѣхавъ къ Крессанамъ и прощаясь съ ними въ то время

какъ старики выходили изъ экипажа, Розены просили обоихъ сослуживцевъ ѣхать къ нимъ обѣдать, но это было немыслимо: ни тотъ, ни другой еще не уложились, а поѣздъ отходилъ ровно въ десять часовъ. Тогда вся семья предложила, что придетъ ихъ проводить на вокзалъ. На томъ и порѣшили.

Андрэ искренно поблагодарилъ стариковъ Крессановъ за ихъ доброе гостепріимство (онъ останавливался у нихъ, по предложенію своего друга и сослуживца) и занялся укладкой.

Томительно прошли два часа, остававшіеся до отхода поѣзда. Но вотъ, наконецъ, звонокъ: это Берта и Туанетта зашли за отъѣзжающими и, въ сопровожденіи отца (мать оставалась дома) отправились на вокзалъ.

Тихо и темно было на улицѣ. Темно было и на длинной платформѣ вокзала. Розенъ, привыкшій рано ложиться, съ трудомъ превозмогалъ дремоту и, тяжело опираясь на руку дочери, прохаживался по дебаркадеру, едва передвигая ноги. На станціонной стѣнѣ, на мѣстахъ, освѣщенныхъ фонарями, медленно тянулась за нимъ его тучная тѣнь и профиль съ крупнымъ носомъ и отвислой губою увѣнчивалъ ее, какъ чудовищное изваяніе.

Андрэ шелъ подъ-руку съ Туанеттой, и у обоихъ тоскливо замирало сердце. Только Крессанъ задумчиво шагалъ въ сторонкѣ, одинъ-одинёшенекъ. Андрэ взглянулъ на него, и совѣсть упрекнула его въ невниманіи къ этому главному устроителю его будущаго семейнаго счастья. Если оно состоится, то кто же главная основная его причина, какъ не тотъ же Крессанъ, милый и деликатный, скромно устранившійся, какъ только онъ замѣтилъ, что его дѣло сдѣлано.

Быстро подошелъ къ нему молодой человѣкъ и съ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ, проговорилъ, указывая на Туанетту:

— Вамъ я обязанъ своимъ счастьемъ.

Крессанъ сдѣлалъ движеніе, въ знакъ скромнаго возраженія, и въ улыбкѣ его, пожалуй, даже промелькнуло нѣчто въ родѣ сомнѣнья: а что̀, какъ въ будущемъ это счастье имъ измѣнитъ?.. Такая мысль была для него пыткой, и, чтобы уйти отъ нея, Крессанъ поспѣшилъ отвѣтить Андрэ, но вовсе не въ томъ духѣ, какъ того ожидалъ послѣдній:

— Вы уже взяли билеты?.. Нѣтъ? Вѣдь ужъ пора!—и Андрэ стремглавъ бросился къ кассѣ.

Крессанъ остался на платформѣ одинъ съ Туанеттой. Оба молчали, задумавшись съ одинаковой грустью и тревогой объ одномъ и томъ же: вернется ли Андрэ опять въ Шатолюсъ? Или его чистосердечное увлеченіе лишь пустая, мимолетная вспышка?

Не поддастся ли онъ постороннимъ вліяніямъ? Не разлюбитъ ли такъ же скоро и искренно, какъ полюбилъ?..

Между тѣмъ Андрэ уже бѣжалъ обратно, съ доброй улыбкой на лицѣ. Четверть часа спустя раздался свистъ паровоза; земля загудѣла подъ напоромъ тяжелаго поѣзда, и вагоны тяжелымъ, замедленнымъ ходомъ потянулись вдоль платформы. Вдругъ поѣздъ остановился. Рѣзко раздался въ чистомъ ночномъ воздухѣ первый звонокъ... Потомъ второй... третій... Андрэ торопливо пожалъ протянутыя ему руки; на одинъ только мигъ коснулся губами руки Туанетты и вскочилъ въ вагонъ... Поѣздъ тронулся, предварительно всѣхъ напугавъ своимъ вѣчно-нежданнымъ, непріятнымъ свисткомъ. Опять заколыхались вагоны... И вскорѣ красною точкой исчезъ вдали большой круглый фонарь на послѣднемъ тормазѣ...

X.

Переговоривъ съ матерью, Андрэ, которому хотѣлось, чтобы сватовство происходило лично, согласился на ея рѣшеніе письменно просить руки Туанетты для сына; это письмо они попросили Крессана передать родителямъ невѣсты.

Андрэ всегда считалъ своимъ долгомъ платить Дамуру вниманіемъ за вниманіе, зная его привязанность ко всѣмъ де-Мерси; поэтому, и въ данномъ случаѣ онъ отправился подѣлиться съ нимъ своею новостью.

Адвокатъ былъ сильно встревоженъ болѣзнью жены (которой стало хуже) и слабостью здоровья Жермены.

Едва заговорилъ Андрэ о своемъ предстоящемъ бракѣ, какъ морщины на озабоченномъ лицѣ Дамура пропали, губы раздвинулись въ веселую улыбку, и онъ отъ души расхохотался. Андрэ былъ ошеломленъ такой быстрой перемѣной въ его настроеніи духа и только спросилъ:

— Чего вы смѣетесь?

— Того, милый другъ, что я самъ знаю объ этомъ пожалуй побольше вашего! Вы ѣздили въ Шатолюсъ, гостили у Крессановъ, свели знакомство съ семьей невѣсты, — семьей, нельзя сказать, чтобы ужъ очень дурной, но и не особенно прекрасной, ну, словомъ, такъ себѣ: не лучше и не хуже другихъ...—и добрякъ подробно описалъ Андрэ всѣхъ родныхъ Туанетты, ихъ наружность, семейныя, матеріальныя и общественныя условія.

— А, такъ вы съ ними знакомы?—замѣтилъ Андрэ.

— Ничуть не бывало!—опять залился смѣхомъ Дамуръ, котораго забавляло недоумѣніе молодого человѣка.—Но что-жъ бы я былъ за адвокатъ, еслибы не зналъ всего и обо всѣхъ? Да наконецъ и г-жа де-Мерси никогда не рѣшилась бы дать вамъ свое материнское согласіе, не узнавъ, предварительно, съ какими людьми вы будете имѣть дѣло?

— Такъ вы, значитъ, и ее знаете?

— Конечно, Андрэ!.. Я вообще того мнѣнія, что она слишкомъ еще молода, что вы могли бы выбрать себѣ болѣе подходящую жену, но... что же дѣлать! Разъ, что вамъ она по душѣ, всѣ остальныя соображенія должны нѣсколько стушеваться. Въ теоріи вы никогда не научитесь житейскому опыту; опытъ же идетъ на пользу только тѣмъ, кто изъ-за него самъ претерпѣлъ: въ противномъ случаѣ онъ теряетъ свою силу... Итакъ, женитесь себѣ на здоровье, и дай вамъ Богъ счастья! Но чтò бы ни случилось, помните, что я вамъ вѣрный и преданный другъ (голосъ его зазвучалъ растроганно и грустно)... Однако, пойдемъ къ Жерменъ.

Миніатюрная и прелестная, какъ та мягкая, уютная комнатка, гдѣ она сидѣла, полу-лежа въ глубокомъ креслѣ, Жермена поднялась на встрѣчу гостю. Она улыбнулась ему и, какъ птичка, защебетала, поводя своими полу-невинными, полу-кокетливыми глазами. Какъ и всегда, она показалась Андрэ прелестной, но сравненіе между нею и Туанеттой, однако, было не въ ея пользу.

Вдругъ, безъ всякой видимой причины, молодая дѣвушка перешла отъ улыбокъ и смѣха къ слезамъ. Но не успѣлъ еще ея гость смущенно съ нею раскланяться, какъ она уже отерла слезы и снова ему улыбалась. Простившись съ Жерменой, передъ тѣмъ, какъ разстаться съ адвокатомъ, Андрэ спросилъ его, чтò съ нею?

Тотъ сдѣлалъ какое-то рѣзкое, но неопредѣленное движеніе и сказалъ:

— А Богъ ее знаетъ!.. Она такого чувствительнаго темперамента... Можетъ быть, просто оттого, что васъ увидала.

Андрэ мысленно и самъ допускалъ эту причину, но промолчалъ и дорòгой уже думалъ о другомъ... или вѣрнѣе говоря: о другой.

— Гдѣ-то теперь Маріетта? Чтò подѣлываетъ? Вернулась ли въ Парижъ и съ кѣмъ она теперь путается?..

Но эти „холостыя" мысли скоро у него безслѣдно пропали.

Дней семь спустя Крессанъ извѣстилъ своего сослуживца, что его предложеніе принято, и съ этой минуты пошли дѣятельныя

приготовленія и покупки. Андрэ ходилъ повсюду вмѣстѣ съ матерью, всѣмъ интересуясь, обо всемъ суетясь, и всѣ свои чувства изливалъ Туанеттѣ въ письмахъ, переполненныхъ поцѣлуями и... подробнѣйшими описаніями какой-нибудь матеріи для обивки или золотого галуна на платье.

Несмотря на это, время, казалось, вовсе не двигалось впередъ,—особенно, пока онъ сидѣлъ на службѣ. Одинъ видъ бѣдняги Малюрюса чего стоилъ! Онъ какъ бы засохъ, сидя, какъ всегда, безъ движенія, на своемъ обычномъ мѣстѣ и лишь изрѣдка нагибался надъ такими же старыми, какъ онъ самъ, пыльными папками, которыя онъ открывалъ, покашливая сухимъ, надтреснутымъ кашлемъ.

— Бѣдняга!—отъ души пожалѣлъ его Андрэ и, чтобы хоть немного разсѣять и оживить старика, крикнулъ ему:

— Малюрюсъ!.. А вѣдь знаете: я женюсь!

Но на дрябломъ старческомъ лицѣ чиновника не отразилось ничего, кромѣ какой-то неопредѣленной, грустноватой усмѣшки.

— Честь имѣю васъ поздравить!—произнесъ онъ и, погодя немного, прибавилъ:—Я тоже былъ женатъ.

Онъ сказалъ это такимъ страннымъ тономъ, что Андрэ пробрала какая-то трусливая дрожь. Вѣрно, бѣдняга былъ несчастливъ въ семейной жизни: схоронилъ всѣхъ своихъ или, можетъ быть, у него жена сбѣжала?.. Но нѣтъ! Ничего не прочтешь на этой блѣдной, безучастной маскѣ!.. И Андрэ пожалѣлъ, что сказалъ ему о своей женитьбѣ. А Малюрюсъ тихо подошелъ къ нему, молча, но съ блестѣвшими отчего-то глазами; губы его дрожали, будто беззвучно шепча какія-то горячія рѣчи. Онъ нахмурилъ брови, блѣдное лицо его приняло зеленоватый оттѣнокъ и онъ съ трудомъ проговорилъ:

— Позвольте мнѣ...

Но голосъ его вдругъ измѣнился и уже своимъ обычнымъ, безстрастнымъ тономъ старикъ докончилъ:

— Позвольте мнѣ на минуту вашу резинку.

Живо вернулся онъ на свое мѣсто и снова застылъ въ обычной, согбенной позѣ.

Андрэ нанялъ себѣ маленькую, но прехорошенькую квартирку, и, несмотря на скудость средствъ, которыми онъ могъ располагать, не могъ удержаться отъ того, чтобы не меблировать ее съ нѣкоторой долей кокетства. Спальня, довольно большая комната, не обошлась безъ красивой кровати съ пологомъ; у стѣны угломъ стало трюмо; рядомъ письменный столъ, конторка; мебель

была обита ситцемъ, голубымъ съ разводами; обои и занавѣси были того же рисунка и цвѣта. Гостиной вовсе не было; ее замѣнялъ небольшой рабочій кабинетъ. Столовая была вся рѣзного дуба, и за эту роскошь особенно часто приходилось Андрэ слышать укоръ въ тихомъ возгласѣ матери:

— Андрэ!.. Андрэ!..

Ее одолѣвала тревога при мысли о томъ, какъ отзовутся такія большія затраты на его будущемъ бюджетѣ, и она не разъ печально и озабоченно покачивала головою. Положимъ, Розены обѣщали выдавать дочери по 400 фр. ежегодно; но Богъ ихъ знаетъ, сдержать ли они и это незначительное обѣщаніе?!..

Послѣдніе дни передъ разлукой г-жа де-Мерси не отпускала сына отъ себя ни на часъ. Онъ тоже былъ къ ней особенно нѣженъ.

„Неужели ему жаль со мной разставаться?—думала она.— Неблагодарное дитя! Вѣдь будетъ теперь жить съ чужою женщиной и, пожалуй, совсѣмъ меня разлюбитъ!.. Будетъ ли онъ съ нею счастливѣе, чѣмъ со мной? Вѣдь сколько лѣтъ мы были счастливы! (По крайней мѣрѣ теперь, когда эти годы прошли, намъ кажется, что они были „*вполнѣ*“ счастливы.) Мы ни въ чемъ не можемъ упрекнуть другъ друга!“

Мать предавалась воспоминаніямъ о быломъ, о дѣтствѣ Андрэ и Люси... Какъ бы милая сестрёнка была рада счастію брата, какъ полюбила бы свою невѣстку!

— Но вѣдь она невидимо съ нами,—утѣшала сына и самоё себя г-жа де-Мерси; Андрэ только молча опускалъ голову. Наконецъ, пришелъ день отъѣзда.

Мать и сынъ должны были оба вечеромъ уѣхать изъ Парижа: онъ—въ Шатолюсъ, къ невѣстѣ; она—въ Компіень, на дачу къ г-жѣ д'Эраль.

Первая уѣхала г-жа де-Мерси. Они разстались безъ слезъ: оба бодрились, чтобы не разстроить другъ друга, хотя слезы подступали имъ къ горлу... Поѣздъ тронулся.

— Мама! Прощай!—вырвалось у Андрэ неудержимымъ воплемъ. Ему показалось, что въ эту минуту ихъ прежняя, общая жизнь разбилась на вѣки: позади оставались долгіе годы дѣтства и молодости въ родной семьѣ,—впереди еще неизвѣданная жизнь и обязанности отца и супруга. Онъ пожалѣлъ о минувшемъ и почти упрекнулъ себя въ неблагодарности...

На вокзалъ Андрэ пріѣхалъ слишкомъ рано: оставался еще цѣлый часъ до отхода поѣзда. Въ темномъ залѣ глухо и уныло раздались его шаги, потревожившіе немногихъ, еще до него за-

бравшихся туда пассажировъ. Растянувшись на скамьѣ дремлютъ два-три простолюдина; опрятно одѣтая крестьянка спитъ, вытянувшись въ струночку, въ углу, на стулѣ: у ея ногъ—корзинка съ товаромъ. Вотъ цѣлая семья жмется къ матери, со всѣхъ сторонъ обложенной большими и маленькими картонками и узлами. Отецъ семейства, заслыша первый звонокъ, спѣшитъ за билетами и, возвращаясь обратно, еще издали дѣлаетъ женѣ и дѣтямъ какіе-то отчаянные знаки, чтобы они торопились занять мѣста въ вагонѣ.

Андрэ взгрустнулось, и онъ устало откинулся на спинку сидѣнья, почти желая никуда не ѣхать, ни къ чему не обязываться, ничего не дѣлать, не шевелиться.

Ночь миновала. Вотъ и разсвѣтъ! Вотъ и Шатолюсъ, а на платформѣ—свѣжее, счастливое личико и стройный станъ Туанетты. Да она ли это?! Довольно неловкая дѣвушка—ребенокъ, силою любви и женскаго инстинкта, переродилась совершенно: это уже женщина, необычайно привлекательная плавностью движеній, выразительной страстью и увѣренностью во взглядѣ. Тестя и тещу, Берту и всѣхъ остальныхъ, Андрэ видѣлъ лишь мелькомъ, будто гдѣ-то вдали, въ туманѣ: его взоры не могли оторваться отъ невѣсты, съ которой онъ былъ неразлученъ до самой свадьбы. Съ утра Розены—отецъ и сынъ—уходятъ на службу, дѣдушка или грѣется на солнышкѣ, или читаетъ у себя въ комнатѣ, мать хлопочетъ по хозяйству, а старшая дочь стѣсняется мѣшать влюбленнымъ. Они одни, вдвоемъ! Разговоры у нихъ—безъ конца и зачастую—безъ начала. Когда имъ надоѣстъ говорить, они замѣняютъ слова поцѣлуями, которымъ Туанетта, почти безъ смущенья, подставляетъ свои алыя губки. Она довѣрчиво, безо всякой дурной мысли жмется къ другу. Въ ней нѣтъ притворной застѣнчивости; чистая душою, она не знаетъ грѣшныхъ помысловъ. Ясно смотрятъ на жениха большіе, ласковые глаза невѣсты, и оба беззаботно, какъ дѣти, отдаются счастью отъ души поболтать, посмѣяться, приласкаться другъ къ другу.

— Какъ долго мы не видались! Ну, говорите же, говорите: что̀ вы безъ меня дѣлали? Часто ли меня вспоминали?

Разспросы и признанія такъ и сыплются съ обѣихъ сторонъ. Смѣясь надъ городскими кумушками, Туанетта забавно передаетъ шумъ и сплетни, которые возбудила въ городѣ вѣсть о ея неожиданной свадьбѣ. Идя по улицѣ, Андрэ чувствуетъ на себѣ злобные взгляды добродушныхъ провинціаловъ: очень ужъ они не долюбливаютъ, чтобы ихъ невѣстъ выдавали на чужую сто-

ронку! Всѣ эти парижскіе франты и щелкоперы, по ихъ мнѣнію, записные кутилы и негодяи!..

Андрэ ждетъ не дождется завѣтной минуты. Для него тайна жизни и любви—уже не тайна; онъ мужчина, и любитъ Туанетту страстью мужа, и... самъ какъ бы стыдится передъ нею этой страсти.

Какъ-то разъ, когда рука его нѣжно обвивала станъ невѣсты, онъ вдругъ отодвинулся отъ нея и отнялъ руку.

— Чтò съ вами?—изумилась молодая дѣвушка:—Вы на что-нибудь обидѣлись?—И она озабоченно взглянула на него.

— О, нѣтъ...—смущенно и краснѣя, какъ школьникъ, отвѣчалъ Андрэ.—Только мнѣ бы... такъ хотѣлось поскорѣе дождаться... А вамъ? Не находите ли вы, что время идетъ страшно медленно?

— О, да, конечно!—чистосердечно подтвердила Туанетта, хоть и не поняла хорошенько, чтò онъ хотѣлъ сказать. Однако она тоже сконфузилась чего-то, видя, что онъ краснѣетъ, и съ этой минуты инстинктивно, изъ боязни снова привести его въ смущеніе, не стала больше обнимать жениха.

Такъ прошло еще два дня, и ихъ скромная свадьба, наконецъ, состоялась въ присутствіи только необходимыхъ по закону свидѣтелей. Зато вечеромъ Розены не могли отказать себѣ въ удовольствіи пригласить кое-кого изъ ближайшихъ знакомыхъ. Въ полночь, передъ отъѣздомъ, молодые будутъ обвѣнчаны въ церкви.

Вечеромъ состоялся торжественный обѣдъ, за которымъ и молодые, и гости—всѣ были въ свадебныхъ нарядахъ. Особаго оживленія не было: ему мѣшалъ видъ жениха—сосредоточенный и „гордый", по мнѣнію приглашенныхъ. И они были правы. Андрэ, дѣйствительно, чувствовалъ себя неловко въ этомъ непривычномъ для него обществѣ; онъ чувствовалъ, что его сдержанная холодность подавляетъ ихъ веселье, и это сознаніе возбуждало въ немъ досаду на себя, на нихъ и на все окружающее. Онъ вспомнилъ о матери, подумалъ, какъ ей должно быть грустно одной, и въ то же время порадовался, что ее здѣсь не было.

— Какъ ни тяжело ей тамъ, въ одиночествѣ, здѣсь ей было бы еще того тяжелѣе! Здѣсь глубоко пострадало бы ея самолюбіе!

Обводя глазами весь столъ, Андрэ невольно старался угадать мысли окружавшихъ его людей, наружность которыхъ не могла расположить въ ихъ пользу. У большинства лица были грубы, невыразительны и некрасивы. Мужчины, раскраснѣвшіеся

отъ выпитаго вина, еще перекидывались изрѣдка словами; женщины съ жадностью ѣли молча. Одни неласково, критически разглядывали его; другіе съ завистью смотрѣли на невѣсту.

Когда начались тосты, общество нѣсколько оживилось. Послѣ того кто-то даже предложилъ спѣть. Поломавшись немного, сестра судьи, перезрѣлая дѣвица, манерно привстала съ мѣста и затянула жиденькимъ голосенкомъ однообразную пѣсенку, въ которой, вѣроятно, былъ нѣкій затаенный смыслъ, потому что она съ не особенно нѣжной улыбкой поглядывала на молодыхъ. Рукоплесканія были ей наградой, и, вполнѣ довольная собою, пѣвица сѣла на свое мѣсто. Ея примѣру послѣдовали и мужчины: какой-то адвокатъ, какой-то дальній родственникъ и еще другіе, поочередно угощали общество прошлогодними опереточными новинками.

Улучивъ удобную минуту, Андрэ съ Туанеттой ускользнули.

На дворѣ было тихо. Городокъ предавался ночному отдыху. Въ легкомъ вѣтеркѣ проносились ароматы душистыхъ травъ и цвѣтовъ. Надъ колодцемъ, тихо шелестя, серебрились гибкія вѣтви ракиты. Тутъ же на землѣ стояло ведро съ водою, и въ немъ дрожалъ золотистый серпъ молодой луны. Всего нѣсколько секундъ провели новобрачные въ тишинѣ, въ уединеніи, и имъ даже не хотѣлось нарушать молчанія природы: они только глубоко и серьезно смотрѣли другъ на друга; на душѣ у нихъ было такъ же мирно, какъ вокругъ... Ихъ окликнули: уже пора было ѣхать къ вѣнцу.

Вотъ они у входа въ соборъ.

Массивныя двери безъ шума открылись, и новобрачные очутились въ темнотѣ, подъ высокими мрачными сводами стариннаго храма; лишь вдали передъ ними разливался небольшой свѣтъ отъ толстыхъ алтарныхъ свѣчей. Они тихо пошли впередъ, держась за руки. Весь соборъ тонулъ въ ночномъ сумракѣ, только небольшая часовня въ концѣ его была освѣщена: ихъ ожидали.

Патеръ приступилъ къ службѣ. Женихъ съ невѣстой стали на колѣни. Еще нѣсколько минутъ — и они на вѣки связаны другъ съ другомъ маленькимъ золотымъ звеномъ, сковавшимъ ихъ грядущія общія радости и печали.

Склонивъ голову подъ вѣнчальнымъ покровомъ, Туанетта горячо молилась. Андрэ задумался.

У него въ головѣ невольно возникло сравненіе глубокаго мрака, наполнявшаго весь соборъ съ ярко-освѣщеннымъ уголкомъ, который далъ имъ земное блаженство, какъ говорилъ въ проповѣди патеръ. Какъ эта часовня была единственной свѣт-

лой точкой во мракѣ собора, такъ и этотъ свѣтлый часъ—единственный въ сумракѣ жизни...

Туанетта поблѣднѣла и немного пошатнулась.

— Хотите,—предложилъ Андрэ,—остаться на ночь дома? Мы можемъ ѣхать и завтра.

— О, да!—согласилась она и милой улыбкой благодарила мужа.

Узнавъ объ этомъ, домашніе засуетились. Молодымъ уступили самую лучшую комнату и наскоро постлали постель. Берта задумчиво хлопотала, вспоминая о себѣ. Андрэ тоже какъ-то взгрустнулось, и онъ пожалѣлъ, что не уѣхалъ. Мать ходила взадъ и впередъ, распоряжалась, взбивала подушки, но въ ея усталыхъ и сонныхъ глазахъ Андрэ ничего не могъ прочитать. Неужели ее не волновало, что ея дочь, ея родное дитя, съ этихъ поръ уже будетъ принадлежать ему—незнакомому человѣку?..

Туанетта спѣшила проститься съ осаждавшими ее дамами и дѣвицами: онѣ осыпали ее притворно-восторженными поцѣлуями въ то время, какъ внизъ сошелъ Андрэ. Проходя мимо, дѣдушка-Розенъ какъ-то прищурясь посмотрѣлъ на него и погрозилъ ему пальцемъ. Туанетта была его любимица: очевидно, дѣдушка пригрозилъ, шутя, ея мужу, чтобы онъ берегъ ее въ будущей жизни. Или онъ хотѣлъ выразить этимъ что-либо другое... но что же именно? До этого такъ и не додумался Андрэ, которому и впослѣдствіи иногда мерещилась сухая, длинная фигура старика съ высоко поднятымъ тощимъ пальцемъ.

Туанетту раздѣли въ комнатѣ Берты, и она вошла къ себѣ въ спальню подъ-руку съ матерью и сестрою. Немного блѣдная, она казалась еще прелестнѣе, еще непорочнѣе, въ бѣломъ капотѣ, который мягкими складками падалъ до полу. Сердце у Андрэ сжалось: она рѣшительно имѣла видъ жертвы, и онъ мысленно обозвалъ себя палачомъ.

Мать и сестра удалились. Новобрачные остались одни. Долго не могли они преодолѣть своего смущенья передъ новой, взаимной жизнью, которую Туанетта встрѣчала смущенной улыбкой и робкимъ молчаньемъ.

Андрэ робѣлъ передъ нею и самъ былъ смущенъ не меньше ея: какое-то, доселѣ невѣдомое ему чувство мѣшало ему—молодому и горячо-влюбленному человѣку—заключить жену въ свои объятія. Онъ не смѣлъ къ ней подойти и, чтобы скрыть свое смущенье, хотѣлъ заговорить... но ни слова не раздалось въ ночной тишинѣ.

Туанетта взглянула на мужа и инстинктомъ любящей жен-

щины поняла, что онъ хочетъ что-то сказать и не можетъ, хочетъ ее обнять—и не смѣетъ. Она тоже хотѣла ему что-то сказать и высказала все... въ поцѣлуѣ.

XI.

Прошла еще недѣля; и въ одно прекрасное утро молодые очутились въ Парижѣ.

Будто вдругъ очнувшись отъ долгаго, обаятельнаго сна, они почувствовали, что вокругъ нихъ идутъ толкотня и суматоха, неразрывно связанныя съ приходомъ и отходомъ столичныхъ поѣздовъ. Дѣлать нечего, приходилось проснуться и, волей-неволей, попасть въ городскую толчею:—хлопотать о багажѣ, о доставкѣ его (и самихъ себя) на̀-домъ. Молодые супруги переглянулись и обмѣнялись улыбкой. Ихъ одинаково удивляла необходимость дѣйствовать и думать о чемъ-либо другомъ, кромѣ себя самихъ.

Андрэ крикнулъ извозчику, куда ѣхать; колясочка покатилась. Тихая качка въ экипажѣ, по торцовой мостовой, показалась имъ пріятной, и они снова встрѣтились глазами: горячо-влюбленные другъ въ друга, они находили, что во всемъ мірѣ ничего и никого нѣтъ для нихъ отраднѣе. Имъ казалось, что они особенно прекрасны, несмотря на нѣкоторую блѣдность и нервную истому, которая отражала у нихъ на лицѣ душевную, неутомимую страсть; на губахъ дрожали и готовы были каждую минуту разразиться страстныя ласки и увѣренія въ любви.

Экипажъ вдругъ остановился: ихъ сильно покачнуло, и оба разсмѣялись.

— Войдите!—пригласилъ жену Андрэ, — отворяя дверь небольшого подъѣзда, во дворѣ, и самъ пошелъ вслѣдъ за нею. Его занимало, что передъ нимъ шелестѣло ея платье, виднѣвшееся изъ-подъ дорожнаго пальто.

— „Моя жена!..“—думалъ онъ съ восторгомъ. — „Это *моя* жена!..“

И къ чувству радости, что она ему принадлежитъ, примѣшивалось еще отрадное сознаніе, что она будетъ съ нимъ, до конца жизни, неразлучно; что онъ будетъ ея руководителемъ въ будущемъ; что онъ самъ познакомитъ ее, сейчасъ же, съ ихъ обстановкой, со всѣми мелочами ихъ домашняго очага, который онъ устроивалъ съ такою любовью... Еще, два, три шага—и онъ можетъ ей сказать:

— Вотъ ты и дома, въ своей квартирѣ! Конечно, все здѣсь очень скромно и просто; но я надѣюсь, что тебѣ понравится!

— Пожалуйте! — громко и любезно проговорилъ Андрэ, поворачивая ключъ въ замочной скважинѣ:—мы живемъ внизу! — и въ его голосѣ звучала даже своего рода гордость, что они не забрались подъ самую крышу; вѣдь многимъ приходится мѣрять пяти-этажныя лѣстницы. Но на Туанетту это преимущество не произвело должнаго впечатлѣнія: она съ дѣтства привыкла къ своему большому, просторному дому, и ее даже удивило, что столько народу можетъ тѣсниться въ одномъ и томъ же зданіи, будто сваленные въ кучу другъ надъ другомъ.

Портье́ внесъ вещи въ прихожую и вышелъ. Андрэ заперъ за нимъ дверь.

— Прислуга придетъ завтра утромъ, а до тѣхъ поръ мы какъ-нибудь справимся одни, безъ нея. Обѣдать можно пойти въ ресторанъ; хотите?

— Отчего же нѣтъ,—согласилась Туанетта.

— Вотъ вы и дома, въ своей квартирѣ! Конечно, все здѣсь очень просто и скромно, но...—и Андрэ докончилъ вслухъ всю фразу, которую еще на лѣстницѣ собирался произнести.

Туанетта улыбнулась мужу въ отвѣтъ на его маленькое привѣтствіе и съ дѣтскимъ любопытствомъ бросилась осматривать свои владѣнія. Въ одинъ мигъ побывала она и въ кабинетѣ, и въ спальнѣ, въ столовой, въ кухнѣ и въ чуланахъ. Глубокая, просторная спальня показалась ей *„довольно“* большою; кабинетъ —маленькимъ, а столовая — мрачной, и кухня — также. Ей показалось, что она только могла въ нихъ повернуться, и все тутъ: больше ужъ нѣкуда идти.

— Какъ тѣсно! — воскликнула она и тотчасъ же, замѣтивъ смущеніе Андрэ, робко взглянула на него, обняла и поцѣловала.

— Дорогая, любимая!—говорилъ онъ, отвѣчая ей поцѣлуемъ. —Здѣсь вѣдь городъ, а не провинція. И это крошечное помѣщеніе даже слишкомъ велико по нашему бюджету; да и вообще оно велико, въ сравненіи съ маленькими парижскими квартирами. И Андрэ пустился въ дальнѣйшія подробности, которыя Туанетта выслушала, покачивая головою и покоряясь необходимости.

— Не бѣда!—сказала она наконецъ:—Это вѣдь не помѣха нашему счастью!

— Пойдемъ же, посмотри хорошенько: какъ тебѣ покажутся обои у насъ въ спальнѣ?—приставалъ Андрэ къ женѣ.

— Подожди: дай мнѣ оглядѣться!

Туанетта подбѣжала къ окну и заглянула во дворъ, гдѣ съ

остальныхъ трехъ сторонъ возвышались такія же прямыя, высокія стѣны, какъ и ихъ собственная, въ которой было врѣзано множество небольшихъ оконъ; высоко надъ ними, какъ синій платочекъ, виднѣлся лоскутокъ яснаго лѣтняго неба.

Отъ Андрэ не ускользнуло разочарованіе, отразившееся на лицѣ жены.

— Ну, да: я и самъ знаю, что не веселая вещь наши городскіе дворы. Но что же дѣлать! Все-таки это очень выгодная квартира!—Туанетта, повидимому, не особенно раздѣляла его мнѣніе, но не противилась, когда мужъ, нѣжно обвивая ея станъ рукою, старался занять ее болѣе интересными вопросами.

— Посмотри, дорогая,—говорилъ онъ:—какъ тебѣ нравится мягкая мебель?

— Очень нравится!

— А кровать?

— Прелестна.

— А трюмо?

— Да, и трюмо,—проговорила она, но не особенно твердо: ей было бы пріятнѣе имѣть зеркальный шкафъ.

— Я старался все устроить какъ можно лучше; но довольны ли вы—вотъ что главное?!

— Благодарю васъ!—тихо сказала Туанетта.

Такъ же, какъ и Андрэ, она еще не привыкла къ своему новому положенію настолько, чтобы всегда быть на „*ты*“, и они зачастую мѣшали оба мѣстоименія, по чувству стыдливости, которое затихало лишь въ пылу страсти. Таковы ужъ были естественныя условія перваго времени ихъ брачной жизни,—условія одинаковыя для всѣхъ молодыхъ супруговъ, которые, несмотря на близость отношеній, еще не вполнѣ узнали другъ друга.

Все пересмотрѣли Андрэ съ Туанеттой; заглянули въ каждый шкафъ, перерыли каждый ящикъ комода. Наконецъ, Туанетта сѣла за маленькую полированную конторку и принялась писать письмо къ роднымъ. Андрэ перелистывалъ какую-то книгу подъ однообразный скрипъ ея пера, и ему невольно приходило въ голову, что вовсе не такъ скоро свыкнутся они оба съ новой жизнью и обстановкой, какъ ему казалось. Ему пріятно было смотрѣть на жену и сознавать, что еще много наслажденій предстоитъ ему впереди: много разъ будетъ вмѣстѣ съ нимъ встрѣчать ясное лѣтнее утро молодая, прелестная женщина въ залитой солнцемъ, уютной комнаткѣ; много зимнихъ вечеровъ предстоитъ имъ вмѣстѣ грѣться у яркаго пламени камина.

Выйдя изъ дому и дойдя до площади, Андрэ знакомъ указалъ женѣ на церковь.

— Не хочешь ли зайти?

— Конечно!

Передъ одной изъ нишъ съ изображеніемъ Богоматери—Туанетта стала на колѣни и углубилась въ молитву. Стоя позади, мужъ не спускалъ глазъ съ ея поникшей головы. Бѣлая, слегка розоватая, какъ дорогая слоновая кость, выдѣлялась ея стройная шея, прятавшаяся подъ курчавыми завитками темныхъ волосъ, туго скрученныхъ на затылкѣ. Сколько разъ, помнилось Андрэ, надолго застывала въ такой же позѣ его покойная сестра и, возвращаясь къ нему, вся сіяла какимъ-то особеннымъ, священнымъ экстазомъ. Но Туанетта скоро поднялась съ колѣнъ, наскоро перекрестилась и, улыбаясь, взяла мужа пòдъ-руку. Обоимъ пришла въ голову одна и та же мысль: эта большая тихая церковь и маленькая, освѣщенная ниша напомнили имъ ихъ недавнее вѣнчанье и тѣ мысли и чувства, которыя они тогда испытали.

Молодые супруги зашли позавтракать въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ. Туанетта съ любопытствомъ озиралась на публику, парочками ютившуюся за маленькими столами съ бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ. Отъ грохота экипажей въ окнахъ звенѣли стекла. Ошеломленная уличнымъ шумомъ и суетнею, Туанетта прошептала:

— Какъ все странно въ Парижѣ!

— Такъ Шатолюсъ тебѣ больше нравится?

— О, нѣтъ!—живо возразила она.

Счетъ привелъ ее въ ужасъ.

— Да тебя просто хотятъ ограбить!

— Я и самъ знаю.

— Такъ откажись отъ уплаты!

Андрэ засмѣялся.

— Ну, это ужъ когда-нибудь въ другой разъ... Но будь покойна: намъ не придется здѣсь часто бывать.

Онъ нанялъ коляску и повезъ жену въ Булонскій лѣсъ. Дорòгой Андрэ усердно указывалъ ей на все, чтò встрѣчалось имъ интереснаго, называлъ самые красивые и замѣчательные улицы и памятники. Туанетта разсѣянно слушала мужа и провожала глазами нарядныя коляски, въ которыхъ, развалясь, сидѣли роскошно одѣтыя дамы. Отчего она, Туанетта, не на ихъ мѣстѣ? Отчего она ѣдетъ въ наемномъ, простенькомъ экипажѣ и одѣта въ простенькое, скромное платье? Она, какъ дитя, не знала цѣны деньгамъ и была увѣрена, что ея нарядъ слишкомъ простъ и дешевъ. Впрочемъ, она постаралась утѣшить себя тѣмъ,

что другія дамы ѣздятъ и въ конкахъ и даже ходятъ пѣшкомъ. Изрѣдка она указывала Андрэ на какую-нибудь разукрашенную барыню или на бойкую дѣвицу съ желтыми крашеными волосами.

— Кто эта дама?.. А эта?..

Ее поражало, что Андрэ никого не знаетъ, и что его не знаетъ никто въ этомъ большомъ, шумномъ городѣ. Здѣсь не то, что въ провинціи: тамъ каждый прохожій знаетъ, кто съ нимъ встрѣтился. Какая здѣсь пустота, какое одиночество!.. Туанетта умолкла.

— Что съ тобой?.. О чемъ ты думаешь?—допытывался молодой супругъ.

— Ни о чемъ.

И въ самомъ дѣлѣ: она думала обо всемъ вообще и ни о чемъ въ особенности. Андрэ уже надоѣло однообразное уличное мельканье лицъ и экипажей; его тянуло къ себѣ, домой. Ему казалось, что здѣсь, на воздухѣ, среди толпы любопытныхъ людей, Туанетта какъ будто не такъ всецѣло принадлежитъ ему одному. На нее смотрѣли, заглядывались, и это его оскорбляло.

— Хочешь, мы пообѣдаемъ дома?.. Это будетъ даже экономнѣе.

Туанетта захлопала въ ладоши.

— Ну, что̀ за прелесть!.. Конечно!.. Ты увидишь, какъ я превосходно умѣю стряпать!

Оба были въ восторгѣ отъ своей затѣи, и, завладѣвъ кошелькомъ мужа, Туанетта принялась за покупки. Прежде всего они запаслись фунтомъ земляники; затѣмъ купили яицъ, бутылку вина, паштетъ; забыли только купить хлѣба, и Андрэ пришлось сбѣгать за нимъ отдѣльно, уже изъ дому.

Туанетта накрыла на столъ, и молодые хозяева пришли въ восторгъ при видѣ *своего* фарфора, *своего* хрусталя, *своихъ* приборовъ...

Въ графинѣ не оказалось воды: Андрэ охотно самъ сбѣгалъ за нею.

Обѣдъ ихъ удался вполнѣ: онъ прошелъ весело и уютно. Да, какъ-то особенно уютно чувствовали себя молодые, запершись ото всѣхъ остальныхъ постороннихъ людей, сидя вдвоемъ, безъ свидѣтелей, въ тихой комнатѣ, слабо освѣщенной мягкими лучами нѣсколькихъ свѣчей и казавшейся еще уютнѣе, благодаря на́глухо спущеннымъ занавѣскамъ. Въ первый разъ въ жизни новобрачные испытывали всю прелесть домашняго очага, и она вполнѣ пришлась имъ по сердцу. Обѣдали они не спѣша, какъ вдругъ Андрэ воскликнулъ:

— Не правда ли, дома лучше всего?

— Еще бы!—горячо и чистосердечно отвѣчала Туанетта. Она, какъ мягкій воскъ, поддавалась каждому новому впечатлѣнію и всей душой воспринимала его.

XII.

Утромъ, въ то время, какъ молодые еще крѣпко спали, раздался сильный звонокъ; за нимъ—другой, третій, пока, наконецъ, Туанетта не вскочила въ испугѣ. Заспанными, удивленными глазами окинула она комнату, съ которой еще не успѣла освоиться, протерла глаза и, тормоша мужа, принялась его будить. Онъ спокойно проснулся и безъ малѣйшаго волненія проговорилъ:

— Это прислуга. Сейчасъ пойду, отворю.

— Нѣтъ, нѣтъ: спите, пожалуйста! Это ужъ мое дѣло!—съ чувствомъ долга и нѣкоторой хозяйственной важности остановила его молодая женщина и бѣгомъ побѣжала къ дверямъ. Но не успѣла она ихъ открыть, какъ попятилась въ удивленіи. Передъ нею была прилично одѣтая старушка въ глубокомъ траурѣ, съ заплаканными, покраснѣвшими глазами; руки ея были глубоко засунуты въ большую порыжѣлую мѣховую муфту. Приличная особа вѣжливо присѣла и проговорила:

— Г-жа де Мерси, если не ошибаюсь?

Туанетта утвердительно кивнула головою въ отвѣтъ.

— Г-жа Уфлонъ,—отрекомендовалась тогда новоприбывшая.—Вы можете меня называть по-просту: „Мари".

— А!—только и нашлась сказать смущенная хозяйка.—Прекрасно!..—и повела ее въ комнаты.

„Боже мой!—думала она дорòгой:—ну, чтò я буду дѣлать съ этой дамой? И зачѣмъ это Андрэ нанялъ такую прислугу? Кажется, никогда не повернется у меня языкъ ей приказывать!"

Старушка ласково поглядывала на нее, будто угадывая ея мысли:

— Можетъ быть, супругъ уже говорилъ вамъ, что я не всегда была въ услуженіи. Я прежде жила своимъ домомъ: у меня было свое хозяйство, свои луга и стада. Мужъ мой все пропилъ, вездѣ задолжалъ, и мы съ сыномъ остались ни съ чѣмъ. Но теперь Политъ (это я—ради краткости,—прибавила она съ достоинствомъ), т.-е. Ипполитъ, служитъ на желѣзной, и какъ только онъ дождется мѣста помощника начальника станціи...

Блаженная улыбка разлилась у нея по лицу при мысли о

будущихъ благахъ, и она вытерла выступившія на глаза слезы умиленія большимъ носовымъ платкомъ.

— Надѣюсь, мадамъ, вы будете мною довольны. Осмѣлюсь сказать, вы мнѣ понравились... Не пора ли варить шоколадъ?

— Постойте!.. Да, пожалуй, пора. Будьте любезны сварить шоколадъ!—произнесла съ большимъ достоинствомъ Туанетта и побѣжала разсказать мужу, который такъ и покатился со смѣху.

— Полно, голубчикъ! Это, по крайней мѣрѣ, надежная женщина. Еслибъ ты знала, какая это рѣдкость въ Парижѣ!

— Но у меня, право, духу не хватитъ ею командовать.

— Ну, вотъ еще!—и Андрэ позвонилъ.

— Здравствуйте, Мари. Принесите мнѣ теплой воды для бритья!

— Сію минуту!

Полчаса спустя поспѣлъ шоколадъ. Почтенная Мари съ такой любовью, съ такой осторожностью несла его на небольшомъ подносикѣ, будто сама намѣревалась его пить и только переносила изъ одной комнаты въ другую, чтобы тамъ уже вполнѣ имъ насладиться.

Шоколадъ оказался совершенно неудобоваримымъ.

— Велика важность!—проговорилъ Андрэ:—на первый разъ... Мари, а теплой воды?—крикнулъ онъ погромче.

— Вотъ,—извольте!

Вода была слишкомъ холодна.

— Чортъ побери!—выругался Андрэ. Туанетта засмѣялась. Оба переглянулись и въ недоумѣніи пріумолкли.

— Надо будетъ ее образовать,—серьезно произнесъ молодой человѣкъ.

— Можете вполнѣ на меня положиться!—такъ же серьезно увѣряла его жена.

Отпускъ Андрэ приходилъ къ концу. Послѣдніе дни онъ употребилъ на то, чтобы показать женѣ Парижъ и его прелести. Туанетта въ восхищеніи заглядывалась на роскошные мануфактурные и ювелирные магазины; все въ нихъ казалось ей желаннымъ и привлекательнымъ. Андрэ все обѣщалъ ей купить, когда разбогатѣетъ; но для Туанетты это было все равно, она этого не понимала. Она видѣла, что деньги тратились свободно, что ни въ экипажахъ, ни въ театрахъ ей не было отказа; значитъ, деньги есть,—значитъ, они богаты? У себя, въ провинціи, Туанетта ни въ чемъ не нуждалась и всѣмъ довольствовалась, потому что и потребностей тамъ было меньше. И она просто не понимала, какъ это можно нуждаться?..

Г-жа де-Мерси уже нѣсколько разъ писала молодымъ и посылала свой ласковый привѣтъ невѣсткѣ; скоро она и сама должна была къ нимъ пріѣхать.

Наканунѣ того дня, когда ему опять надо было приниматься за работу, Андрэ свелъ счеты.

— Да, пора бы ужъ мамѣ вернуться: у меня больше нѣтъ ни гроша.

— Ахъ, Боже мой! Какъ же быть?

— У нея есть еще моихъ пять тысячъ франковъ; я съ нею поговорю.

Съ утра для Андрэ началась прежняя ненавистная работа, и впервые послѣ женитьбы почувствовалъ онъ себя несчастнымъ. Но теперь уже не потому, чтобы ему противно было строчить, переписывать завалящія бумаги; ему было досадно, что мало работы; онъ бы хотѣлъ еще больше трудиться съ отраднымъ сознаніемъ, что это необходимо для увеличенія его семейнаго благосостоянія. А между тѣмъ это, по прежнему, было недостижимо: повышенія, какъ въ смыслѣ денежномъ, такъ и служебномъ, не предвидѣлось, если не предаваться низкопоклонничеству, не обивать пороги высшихъ властей. Ни на то, ни на другое, онъ, по прежнему, не считалъ себя способнымъ. Хорошо еще, что года на два или даже на три впередъ хватитъ остальныхъ 5000 фр., въ видѣ добавки къ жалованью. Ну, а потомъ что? Какъ привыкнуть къ еще бóльшей скудости средствъ?

Но Туанетта уже привыкала.

Ее привлекала тихая, мирная семейная жизнь, полная нѣжныхъ тревогъ и заботъ. По выходѣ изъ института она не проявила дома особой любви ни къ чтенію, ни къ шитью или вышиванью; но теперь Андрэ старался развить въ ней это чувство, и она легко поддавалась его желанью. Вообще пока взаимныя ихъ отношенія шли замѣчательно гладко: оба уступали другъ другу, не давая себѣ труда заглянуть въ глубину души, выяснить свои настоящія мысли и стремленія. Пока—они все подчиняли чувству любви, которое и было главнымъ, существеннымъ двигателемъ всѣхъ ихъ дѣйствій. Но это *пока* не вѣчно; могло и даже должно было придти время, когда, съ ослабленіемъ этого чувства, на первый планъ долженъ былъ выступить разсудокъ и стремленіе къ самостоятельности,—вполнѣ естественное въ каждомъ человѣкѣ. Вотъ вамъ и почва для пустыхъ, но неизбѣжныхъ и частыхъ недоразумѣній; жестоко и грубо отражаются они на семейномъ быту супруговъ. Если мужъ остается побѣдителемъ въ этой, большею частію, неравной борьбѣ,—эта побѣда унизи-

тельна для его достоинства; если жена и принуждена покориться, то это ее унижаетъ. Но если ужъ жизнь соединила кого на вѣки, тому предстоитъ непремѣнно борьба за различіе происхожденія, образованности и личныхъ свойствъ, которыя никогда и ни у кого изъ людей не бываютъ совершенно одинаковы и равномѣрны. Мало того: это различіе можетъ сгладиться лишь съ помощью долголѣтней совмѣстной жизни; лишь такимъ образомъ оба могутъ принор овиться другъ къ другу. Конечно, это своего рода работа,—и работа медленная, ежеминутная и тяжелая. Нерѣдко случается, что она подрываетъ основы любви и семейнаго счастья. Это жестокая и опасная игра, въ которой супруги какъ будто находятъ особое удовольствіе, но въ которой въ проигрышѣ оказываются, кромѣ нихъ, еще и дѣти.

Туанетта съ Андрэ еще до этого не дошли; но страсть все-таки не настолько ихъ опьяняла, чтобы они не предчувствовали въ будущемъ весьма возможной розни, а слѣдовательно и недоразумѣній, которыя могли сдѣлаться вѣчными.

Андрэ былъ такъ нѣженъ съ женою, такъ заботливъ, что она испытывала иногда невольное желаніе поцѣловать ему руку, и, несмотря на его сопротивленіе, цѣловала: ей казалось, что онъ выше, лучше всѣхъ на свѣтѣ... гораздо лучше и добрѣе ея собственной родни.

Мужъ считалъ Туанетту довольно умненькой, образованной и чуткой женщиной, потому что она, со свойственнымъ женщинѣ тактомъ, умѣла слушать и во-время улыбаться, а этого было вполнѣ достаточно для того, чтобы Андрэ могъ вообразить, что она его понимаетъ, сочувствуетъ ему. Въ сущности же Туанетта не задумывалась надъ словами мужа: она не столько разсуждала, сколько чувствовала и любила его, потому что онъ былъ молодъ; потому что ему нравились ея ласки. Когда онъ встрѣчалъ ея глубокій, нѣжный взглядъ, Андрэ поддавался наслажденію излить ей всю горечь своихъ тревогъ и сомнѣній, спрашивалъ ея мнѣнія.

— О, да!.. Конечно!..—отвѣчала она серьезно и ласково.

Тепло становилось тогда у Андрэ на душѣ; а Туанетта, зачастую, соглашалась съ нимъ инстинктивно, иногда и не разобравъ, въ чемъ дѣло.

Впрочемъ, не все ли имъ равно? Они улыбались другъ другу и подъ вліяніемъ юной страсти отдавались объятіямъ любви.

Поутру, когда они еще только открывали глаза, томной улыбкой провожая сладкій сонъ, почтенная г-жа Уфлонъ торжественно подымала занавѣски и подавала имъ шоколадъ, который былъ сваренъ уже несравненно лучше перваго.

Они нѣжились въ постели, пробѣгали газету и думали каждый о томъ, что̀ кого заботило и интересовало: она—о покупкахъ, въ которыхъ, собственно, вовсе не было нужды, такъ какъ всего у нихъ было вдоволь; онъ же—о томъ, что жалованье приходитъ къ концу и что надо бы достать денегъ.

Не спѣша вставали и одѣвались молодые супруги, послѣ чего Андрэ уходилъ на службу. Туанетта хлопотала о завтракѣ, по нѣскольку разъ гоняла за провизіей прислугу, которая всегда что-нибудь да забывала купить: память у нея была дѣвичья. Въ двѣнадцатомъ часу, заслыша шаги мужа на лѣстницѣ, Туанетта бросалась накрывать на столъ, дергала скатерть, торопливо стучала ножами и тарелками.

— Сію минутку, голубчикъ!—кричала она мужу.

Но первые дни завтракъ запаздывалъ настолько, что Андрэ даже получилъ отъ начальства замѣчаніе.

Туанетта, однако, всѣми силами старалась поспѣть во̀-время: суетилась сама и торопила г-жу Уфлонъ, а та била тарелки и, въ концѣ концовъ, подавала все-таки недожаренный, недоваренный завтракъ.

Затѣмъ произошла вдругъ рѣзкая перемѣна: Туанетта начала вставать спозаранку, подгоняла почтенную старушку, и завтракъ поспѣвалъ во̀-время... но пережаренный и переваренный до-нельзя. И долгое время еще не могло установиться благоразумное равновѣсіе и порядокъ.

Какъ-то разъ вечеромъ, когда г-жа Уфлонъ пошла спать раньше обыкновеннаго, Туанетта, рывшаяся въ буфетномъ шкафу, вскрикнула отъ удивленія и показала мужу безпорядочныя кучи хлѣбныхъ корокъ и объѣдковъ, на которыхъ невозмутимо покоилась косматая рыжая муфта этой почтенной особы. На слѣдующій же день молодая хозяйка, по тщательномъ разслѣдованіи, убѣдилась, что тратится много лишняго и сдѣлала должное внушеніе своей прислугѣ. Оказалось, что г-жа Уфлонъ очень рада, что лавочники принимаютъ ее за даму, живущую на проценты, и потому покупаетъ все зря, не торгуясь. Туанетта сдѣлала ей строгій выговоръ; но старушка расплакалась и, причитая и всхлипывая, повторяла только, что она не всегда вѣдь жила въ услуженіи; что Политъ долженъ въ будущемъ получить мѣсто помощника начальника станціи и тогда самъ увезетъ ее къ себѣ въ парной коляскѣ.

Туанетта перестала ее бранить, но ей самой приходилось теперь выслушивать отъ мужа кроткія и справедливыя замѣчанія. Онъ видѣлъ, что ихъ маленькое хозяйство идетъ не совсѣмъ такъ,

какъ бы слѣдовало. Часто, по неумѣнію или недосмотру, прислуга портила то говядину, то что-либо другое, и они не мѣшали ей продавать лавочникамъ, что̀ имъ самимъ не годилось: она же, ничуть этимъ не смущаясь, обмѣнивала это на что-либо другое, что̀ и съѣдала сама, усердно отирая слезы и мечтая о лучшемъ будущемъ.

Несмотря на всю свою взаимную нѣжность, молодые супруги чувствовали, что дѣло у нихъ не клеится, и теперь, видя, какъ текутъ деньги, стали отказывать себѣ въ удовольствіи провести иногда вечеръ въ театрѣ. Они сидѣли дома: Андрэ читалъ вслухъ, Туанетта его не слушала. Они избѣгали разговора о своихъ денежныхъ безпорядкахъ, и только разъ невольно вырвалось у Андрэ восклицаніе:

— Да! Пора бы мамѣ вернуться!

Туанетта вскинула на него глазами и рѣшилась упрямо молчать. Можетъ быть, она поняла восклицаніе мужа въ томъ смыслѣ, что онъ недоволенъ ея системой вести хозяйство и желаетъ поручить его матери? У молодыхъ женщинъ бываютъ и такого рода подозрѣнія. Туанетта не безъ страха ожидала своего знакомства со свекровью и, сама того не подозрѣвая, заранѣе не особенно была къ ней расположена.

— Она все хворала, за послѣднее время,—продолжалъ Андрэ,—а то ужъ давно бы съ нами повидалась. Она очень горда и сдержанна, отчасти потому, что боится навязывать свое сочувствіе, боится намъ надоѣсть. Она женщина такой благородной души! Вы навѣрно сойдетесь... да, дорогая?

Жена не отвѣчала и только спустила абажуръ, чтобы открытый, вопросительный взглядъ мужа не прочелъ ничего у нея на лицѣ. Ее томило безотчетное стремленіе заплакать.

— Еслибъ ты знала, какъ она добра! Какъ всякій пустякъ ее можетъ огорчить или обрадовать! Она изысканно вѣжлива и предупредительна, какъ это и полагалось въ прежнія времена... Но ты вѣдь тоже будешь съ нею ласкова?..

Туанетта молча нагнулась, чтобы поднять мотокъ шерсти. Андрэ продолжалъ говорить о матери и порой у него по лицу пробѣгала тѣнь затаенной грусти, которую жена приписала отсутствію матери. Она чуть-было не сказала мужу:

— Значитъ, ее вамъ не хватаетъ? Признайтесь, вѣдь она вамъ необходима, какъ жизнь? А я-то что̀ же для васъ такое, если такъ мало значу въ вашихъ глазахъ?

Она бы такъ и сказала,—безжалостно и грубо, но Андрэ ее успокоилъ бы, разувѣрилъ, и она повѣрила бы ему.

Однако она промолчала, и это было ея главной ошибкой: съ такихъ пустяковъ, обыкновенно, начинаются серьезныя недомолвки.

Чтобы не заводить разговора, Туанетта зѣвнула.

— Тебѣ хочется спать?

— Нѣтъ,—отвѣчала она нарочно, чтобы только что-нибудь сказать наперекоръ; но не прошло и пяти минутъ, какъ она уже легла и заснула.

Оставшись одинъ, Андрэ провелъ рукой по лицу; взялся за книгу, но ему не читалось. Вздохнулъ раза два полной грудью; подумалъ о томъ, какъ молода и нѣжна къ нему Туанетта, улыбнулся и... пошелъ въ спальню.

Жена лежала съ открытыми глазами, но, заслыша шаги мужа, сдѣлала видъ, что спала и проснулась.

— Чтò съ тобой? О чемъ ты задумалась?—спросилъ онъ, предчувствуя, что она отвѣтитъ: „Ни о чемъ!..“

И въ самомъ дѣлѣ:

— Ни о чемъ!—отвѣчала она.

— Тебя что-нибудь огорчаетъ?

— Мнѣ не о чемъ горевать, — былъ сухой и уклончивый отвѣтъ.

Этотъ тонъ не понравился Андрэ, но онъ сдержался и только сказалъ:

— Поцѣлуй меня!

Туанетта дала себя поцѣловать, но осталась холодна и безучастна.

— Покойной ночи!—проговорилъ онъ.

— Покойной ночи!—съ замѣтнымъ неудовольствіемъ повторила она.

Андрэ улегся, но ни тотъ, ни другой не могли сомкнуть глазъ.

— Послушай!—вдругъ рѣшительно проговорилъ онъ.—Скажи мнѣ: чтò тебя огорчаетъ?

Но Туанетта молчала.

— Говори же!—горячо настаивалъ мужъ.—Я люблю тебя! Между нами не должно быть недомолвокъ: говори скорѣе!

По щекамъ Туанетты покатились крупныя, безмолвныя слезы, но она не шевельнулась.

— Ну, полно же, полно!—нѣжно уговаривалъ ее Андрэ.—Чѣмъ я обидѣлъ тебя, иль за что разбранилъ? Или ты думаешь, что я сержусь на тебя за то, что у насъ много денегъ выходитъ?..

Жена продолжала плакать.

— Или ты боишься, что мама разбранитъ насъ и взвалитъ всю вину на тебя? Право, ты напрасно этого боишься!.. Не довѣряешь ты мнѣ, что-ли? Но развѣ ты не видишь, не чувствуешь, какъ я тебя люблю? или ты меня разлюбила? Или просто ревнуешь меня къ матери? Ахъ, она бѣдная!

Туанетта готова была остановить его, закричать:

— Это все не то! Ты правъ, и я готова вѣрить тебѣ. Помоги, успокой меня!

Но губы ея были крѣпко сомкнуты; она не могла пересилить себя и молча смотрѣла на мужа. У нея хватило духу видѣть, какъ онъ страдалъ, какъ въ немъ кипѣла злоба, какъ онъ блѣднѣлъ все больше и больше. Гораздо позднѣе, почти на разсвѣтѣ, когда онъ лаской старался добиться отвѣта, она, наконецъ, улыбнулась ему. Онъ не сталъ ее больше разспрашивать и, вмѣсто упрека, только сказалъ:

— Ахъ ты, моя глупышка, глупышка!..

Подъ его поцѣлуями, она заснула, убаюканная, какъ малый ребенокъ; заснула тихо и спокойно, съ наслажденіемъ предаваясь отдыху.

Но онъ не спалъ, душа у него болѣла отъ вольныхъ или невольныхъ мукъ, которыя она ему причинила и о которыхъ она ужъ и думать забыла. Его охватила тревога за будущее: ясно было, что Туанетта ревновала его къ матери, еще не видя ее. Что-жъ это будетъ дальше, когда онѣ увидятся? И невольное предчувствіе повторенія подобныхъ же сценъ показалось ему такъ тяжко, что онъ глубоко вздохнулъ:

— Вотъ вамъ и женитьба!

Желаніе поскорѣе дождаться матери стало у него теперь несравненно меньше.

Въ послѣдующіе дни Андрэ почувствовалъ необходимость всегда обдумывать каждое свое слово, каждое движеніе; улыбаться женѣ, когда ему вовсе было не до улыбокъ,— словомъ, перестать быть самимъ собою. Хоть ему и не хотѣлось въ этомъ самому себѣ признаться, но ему легче дышалось внѣ дома. Однако, это отнюдь не значило, чтобы его снова влекло къ холостой, свободной жизни: онъ не скучалъ по ней, а просто радъ былъ очутиться на воздухѣ, провѣтриться, какъ послѣ долгаго сна. Не думать цѣлый день о Туанеттѣ было для него даже облегченіемъ. Зато вечеромъ онъ почти весело шелъ домой, зная, что жена уже поджидаетъ его за дверью, прислушивается къ его шагамъ. Дверь моментально отворялась—и всѣ дневныя непріятности и заботы исчезали въ горячихъ поцѣлуяхъ.

XIII.

Шла уже шестая недѣля, какъ они были женаты, когда въ ихъ жизнь вмѣшалась г-жа де-Мерси.

Цѣлыхъ три дня прожила она въ Парижѣ, прежде, чѣмъ рѣшилась нарушить ихъ уединеніе. Ее терзали сомнѣнія: хорошо ли она дѣлаетъ, что не спѣшитъ обнять своихъ дѣтей; хорошо ли будетъ, если она поспѣшитъ къ нимъ, не предупредивъ ихъ письмомъ?.. Вѣрная Одилія по лицу угадывала ея мысли, и ея взглядъ безпокоилъ г-жу де-Мерси. Она порывисто вставала и принималась ходить по комнатѣ, разсуждая:

— Не написать ли имъ?... Или, не догадается ли самъ Андрэ, что она вернулась; не прибѣжитъ ли обнять ее, разсказать обо всемъ?.. Какъ бы я на него наглядѣлась!.. Но вѣдь онъ уже не одинъ, мой сынъ! Боже, дай ему счастье!..

На нее навела грусть его скорая женитьба, и томительные, невыразимо-мучительные дни провела бѣдная мать на дачѣ, то упрекая, то оправдывая себя въ томъ, что отказалась присутствовать на свадьбѣ сына.

„Лишь бы только она была образована и оказалась достойной Андрэ!“ думала она, въ заключеніе, о невѣсткѣ.

На третій день, поутру, она пошла къ обѣднѣ, исповѣдовалась и причастилась, чтобы душа ея была чище и способнѣе къ любви и прощенью. Затѣмъ она отправилась къ своимъ дѣтямъ.

Ей отворила г-жа Уфлонъ.

— Г-жа де Мерси?.. — спросила мать Андрэ и удивилась, что произнесла свое собственное имя. Значитъ, теперь ужъ есть и другая, кромѣ нея, г-жа де-Мерси!

Ожидая невѣстку въ кабинетѣ, она съ такимъ любопытствомъ оглядывала всю обстановку, какъ будто не она сама ее выбирала и устроивала для него, — для своего сына.

Портьера шелохнулась — и Туанетта показалась на порогѣ, догадываясь, что незнакомка — мать ея мужа. Нѣсколько мгновеній обѣ женщины молчали и обнялись въ волненіи.

— А Андрэ-то на службѣ! — пожалѣла молодая женщина.

— Я знаю, милочка, но вѣдь я пришла не ради него, а ради васъ, чтобы познакомиться съ вами и полюбить васъ.

И въ усталыхъ, задумчивыхъ глазахъ г-жи де-Мерси загорѣлся огонекъ, полный ласки и привѣта, въ то время, какъ она держала обѣ руки Туанетты въ своихъ.

— Садитесь же, пожалуйста! — неловко пробормотала молодая хозяйка.

— Боже мой, какая вы свѣженькая и прелестная!—вырвалось у матери Андрэ.

Туанетта покраснѣла; но, ободренная лаской, которою вѣяло отъ лица и манеръ старушки, улыбнулась ей въ отвѣтъ.

— Можете ли вы меня полюбить?—спросила та, притягивая къ себѣ молодую женщину.

Туанетта обняла ее и поцѣловала.

— Но поправились ли вы? — проговорила она. — Вѣдь вы были больны?

— Да,—отвѣтила старушка, смущенная тѣмъ, что ей приходится лгать.—Да, но теперь мнѣ гораздо лучше: видите, я даже совсѣмъ здорова! Взгляните-ка на меня еще. Глазки у васъ добрые, открытые; губы свѣжія и красивыя. Кожа у васъ такой бѣлизны, что вамъ смѣло могла бы позавидовать графиня де-Сюзи, —извѣстная красавица-блондинка... Вы—совершенство, моя милочка: мой Андрэ будетъ съ вами счастливъ!

Туанетта улыбнулась.

— А, плутовка! Вы находите, вѣроятно, что я, какъ и всѣ матери, вообще эгоистка? Конечно, у моего Андрэ есть недостатки; но вѣдь каковъ онъ ни есть, онъ такъ васъ любитъ!.. А вы?..

Туанетта не рѣшилась ничего отвѣтить; потупилась и покраснѣла; затѣмъ почувствовала, что краснѣетъ, и зардѣлась еще больше. Не зная, что̀ ей дѣлать отъ смущенья, она бросилась на грудь къ г-жѣ де-Мерси...

Когда Андрэ вернулся домой, онѣ сидѣли обнявшись, рука объ руку, и присматривались одна къ другой. Онъ настоялъ на томъ, чтобы мать осталась у нихъ обѣдать.

Туанетта вышла изъ комнаты, чтобы не мѣшать имъ.

Часто, въ былое время, послѣ параднаго обѣда, Андрэ подмѣчалъ, какъ выраженіе лица у матери вдругъ мѣнялось,—становилось изъ улыбающагося и оффиціальнаго грустнымъ и старческимъ. То же впечатлѣніе произвела она на него и теперь, когда они остались одни; — когда она быстрымъ, тревожнымъ движеніемъ схватила его за руку, жадно заглядывая ему въ глаза.

— Ну, что же?

Цѣлый міръ мукъ и вопросовъ заключался въ этомъ короткомъ восклицаніи.

— Ну, — проговорилъ онъ тихо: — ты видѣла жену? — это слово опять непріятно поразило ее.—Видишь, какъ она ласкова,

добра, какъ молода душой и тѣломъ? Она ужъ навѣрно полюбила тебя...

У г-жи де-Мерси будто слегка дрогнули губы, а глаза договорили: — Что же дальше?

— Я счастливъ,—продолжалъ Андрэ,—но, все-таки, намъ тебя недоставало. Какъ ты долго не возвращалась!.. Ну, разскажи же мнѣ теперь про себя!

Но г-жа де-Мерси встала и вынула изъ кожанаго сафьяноваго мѣшечка нѣсколько футляровъ.

— Вотъ, Андрэ,—сказала она, — передай ихъ своей женѣ: такой старухѣ, какъ я, они уже больше не нужны. Спрячь ихъ у себя! — и она положила футляры въ письменный столъ сына.

— Мама!..

— Я бы давно ихъ тебѣ отдала, но меня здѣсь не было и, кромѣ того... ну, я просто хотѣла сначала видѣть твою жену: такія драгоцѣнности вѣдь не всякой пристали! — прибавила она съ гордостью истой аристократки. — Ты, вотъ, скажешь, что я съума сошла, но, право, меня тревожитъ...

— Чтó такое, мамочка, дорогая?

— Вы... мы съ вами такъ бѣдны, что надо разсчитывать каждый грошъ. Съумѣете ли вы вести скудную, трудовую жизнь, съумѣете ли быть благоразумными, крайне, крайне экономными?

— А вѣдь ты кстати заговорила о деньгахъ! — весело сказалъ Андрэ, но улыбка его была не изъ искреннихъ.—У меня онѣ какъ-разъ всѣ вышли: не можешь ли ты мнѣ дать?

— Какъ это, всѣ вышли?!..

Глубокая тревога отразилась на блѣдномъ лицѣ матери.

— Да,—смущенно проговорилъ онъ.—Въ первые дни послѣ свадьбы хозяйство шло неудачно... Мы иногда бывали въ театрѣ...

— Въ театрѣ? — переспросила г-жа де-Мерси, пріѣхавшая въ Парижъ, изъ экономіи, въ третьемъ классѣ. — Ну, хорошо. Хочешь, я завтра же отдамъ тебѣ всѣ твои деньги?

— О, нѣтъ, не надо! — поспѣшно возразилъ Андрэ. — Съ меня и сотни франковъ довольно.

— Какъ хочешь; значитъ, я буду вашимъ казначеемъ,—съ натянутой улыбкой сказала мать, и прибавила, замѣтивъ, что сыну взгрустнулось. — Вѣдь они же вамъ принадлежатъ, и вы можете сами располагать ими, какъ вздумается.

Послѣ обѣда всѣ старались казаться веселыми. Андрэ показалъ женѣ подарки, которые привели ее въ восхищеніе. Потомъ мать простилась съ ними, и онъ поѣхалъ ее провожать. Изъ

чувства деликатности, она не говорила больше о деньгахъ, и только задумчиво спросила, разставаясь:

— А что? Еще нѣтъ надежды?

— Еще рано, мама: дай намъ время любить другъ друга.

Но, хочешь, не хочешь, а дѣти являются въ свое время, и молодые супруги съ тайнымъ волненіемъ и надеждой ожидали признаковъ будущаго появленія семьи.

Волей-неволей, Андрэ пришлось покориться и сдѣлать съ женою два-три визита, по желанію г-жи де-Мерси. Къ остальнымъ онъ отказался ѣхать, но побывалъ у Дамуровъ. Здоровье г-жи Дамуръ было такъ плохо, что мужъ собирался переселиться ради нея въ Алжиръ, и тамъ занять видное мѣсто въ адвокатурѣ. Жерменѣ было гораздо лучше. Какъ и всегда, она имѣла видъ прелестной, разодѣтой куколки, улыбался ея хорошенькій ротикъ, улыбались и синіе, какъ эмаль, глазки. Андрэ украдкой обмѣнялся съ нею взглядомъ.

Выйдя на улицу, Туанетта вдругъ спросила мужа:

— Отчего вы не женились на ней, вмѣсто меня?

— Оттого, что я ее не любилъ, голубчикъ.

— О!—недовѣрчиво протянула она, и Андрэ смутился.

— А вы?—спросилъ онъ. — Вы, вѣрно, о комъ-нибудь да мечтали раньше меня?

— О, Боже мой! Ни о комъ, конечно!—чистосердечно отвѣчала она.

Побывали еще молодые де-Мерси и у Крессановъ, любезностью и тактомъ которыхъ они не могли достаточно нахвалиться. Мало-по-малу, мѣсяца черезъ два жизнь новобрачныхъ пошла ровнѣе, въ ней установился опредѣленный порядокъ. Андрэ съ утра уходилъ на службу; Туанетта хозяйничала и садилась у окна съ книгой или съ работой, поджидая мужа. Впрочемъ, книги не особенно привлекали ее: разнообразіе и многочисленность сочиненій ее пугали. Всякое напряженіе мысли было для нея тяжело. Если Андрэ что-нибудь объяснялъ ей, она нерѣдко теряла нить его разсужденій, когда они переходили извѣстныя, доступныя ея пониманію границы. Часто случалось, что ея вопросы ставили мужа втупикъ; часто нѣкоторыя слова и выраженія озадачивали ее, но она не рѣшалась спросить у него объясненія.

До пяти часовъ тихо и вяло шла жизнь Туанетты. Въ пять приходилъ домой Андрэ, и она оживлялась: ласкалась къ мужу, болтала, передавая ему домашнія новости, которыя, въ свою очередь, сообщала ей г-жа Уфлонъ. Супруги садились за столъ,

обмѣнивались своими воззрѣніями на дороговизну, на затруднительность вести хозяйство: всѣ его мелочи не казались имъ грубой житейской прозой,—ихъ еще украшала поэзія любви, и потому онѣ казались имъ даже пріятны и дороги, такъ какъ составляли какъ бы частицу ихъ самихъ. Г-жа де-Мерси также часто у нихъ обѣдала, а они — у нея, и мѣсяцевъ пять-шесть все шло какъ по маслу; но постепенно ихъ настоящія свойства выступили наружу, и отношенія между невѣсткой и свекровью обострились. Туанетта боялась вліянія матери на мужа и ревновала его къ ней. Свекровь читала супругамъ наставленія, учила ихъ быть бережливѣе; молодая женщина была бы неестественно благоразумна и терпѣлива, еслибы ей это не надоѣдало. Андре терпѣлъ молча, но не могъ не чувствовать себя между двухъ огней. Г-жа де-Мерси не жаловалась; Туанетта также молчала,— но ихъ обоюдное молчаніе было краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Туанетта дулась, молча капризничала и наконецъ, разражалась слезами. Г-жа де-Мерси, оставшись одна, тоже плакала и тосковала. Которая изъ нихъ была права? Туанетта была несправедлива къ свекрови, а послѣдняя, дѣйствительно, могла надоѣсть своими безплодными наставленіями, тѣмъ болѣе, что они ограничивались лишь словами.

Однажды г-жѣ де-Мерси показалось, что она нашла разгадку капризовъ и ревности Туанетты: она готовилась быть матерью. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы будущая бабушка все забыла, все простила, при мысли о заботахъ, которыя понадобятся внуку. Молодые супруги ждали отъ него только радостей: они еще были счастливы взаимнымъ счастьемъ. А г-жа де-Мерси тѣмъ временемъ думала:

„Что съ ними будетъ, когда они все проживутъ? Деньги у нихъ быстро уходятъ... И зачѣмъ я разрѣшила ему жениться! Всему виной моя слабость!..“

Но мысль о внукѣ, все-таки, оставалась ея главной заботой. Вскорѣ радость молодой четы оказалась преждевременной: Туанетта выкинула, но, къ счастію, довольно рано и потому безъ серьезнаго вреда для здоровья. Пошли охи и ахи, слезы и сѣтованія. Туанеттѣ было жаль мужа, и, оправившись отъ болѣзни, она стала серьезнѣе, разсудительнѣе. Ее тревожила мысль, что она могла, по своему легкомыслію, испортить себѣ здоровье и навѣки лишиться наслажденія быть матерью.

„Ужасная вещь это замужство! — думала она.—Я просто ребенокъ, а между тѣмъ, — почему знать?—можетъ быть, скоро

у меня будетъ другой, живой ребенокъ, который останется жить и рости подъ моимъ попеченіемъ?..“

Она сознала, что за великая отвѣтственность лежитъ на матери семьи,—отвѣтственность, о которой она и не думала, какъ въ свои дѣвичьи годы, такъ и теперь, уже будучи женщиной. Туанетта стала не только серьезнѣе, но даже терпѣливо выслушивала наставленія и докучные совѣты г-жи де-Мерси.

XIV.

Туанетта вела дневникъ, какъ это было въ модѣ.

— Знаешь-ли, дорогой мой? Вѣдь уже четырнадцать мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты пріѣхалъ въ первый разъ въ Шатолюсъ?—сказала она, ластясь къ мужу.

— Помнишь?—и, тотчасъ же отдаваясь другой, охватившей ее мысли, прибавила: А какъ ты думаешь: „*онъ*“ будетъ мальчикъ или дѣвочка?

— Право, не знаю...

— Но, Боже мой, какая я стану безобразная! Ты ужъ не будешь меня больше любить?

— Напротивъ,—полюблю тебя еще горячѣе!

— А пока я... буду хворать, ты не будешь бывать...

— Цыцъ, дрянная! Молчи! — пошутилъ Андрэ и крѣпко обнялъ жену.

— Ну да! Мало ли ты чего ни наговоришь!.. Но будешь ли ты, по крайней мѣрѣ, любить свое дитя?

— Нѣтъ; въ немъ я, опять-таки, буду любить... тебя же!

— Но какъ еще долго ждать!.. Когда-то мы его дождемся? И эта тошнота... такое мученье!..—болтая, жаловалась она сама, какъ ребенокъ. Вдругъ голосъ ея измѣнился, сталъ глубже, серьезнѣе:

— Знаешь, Андрэ? Я подвела итогъ этому мѣсяцу: просто ужасъ, сколько у насъ денегъ выходитъ! Все такъ дорого!.. Такъ дорого!

— Ну, да, голубчикъ: что-жъ подѣлаешь? Я знаю, что ты стараешься, разсчитываешь насколько возможно. Вотъ я попробую достать въ министерствѣ вечернія занятія, добавочную работу... Главное для насъ установить бюджетъ...

Но бюджетъ установить было невозможно. Это мучило Туанетту; она жаловалась на лавочниковъ, на г-жу Уфлонъ. Всѣ, всѣ были виноваты, но только не она!

— Ахъ, Боже мой, да кто-жъ тебя винитъ? — воскликалъ Андрэ.

— Да ты же.

— Я и не заикаюсь объ этомъ!

— Но развѣ у тебя видъ счастливый и довольный?

И Андрэ, по неволѣ, приходилось смѣяться и притворяться довольнымъ.

Прошло еще два мѣсяца—и Туанетта уже получила увѣренность, что ребенокъ ея будетъ жить. Беременность была для нея и мученіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ радостью. Ее оберегали и заставляли беречься; тѣмъ болѣе, что на нее находила страсть бѣгать по магазинамъ, послѣ чего она по нѣскольку дней не могла шевельнуться отъ утомленія. Лежа безъ движенія, она невольно поддавалась всякимъ беднямъ: то ей хотѣлось погадать, то ею овладѣвалъ страхъ, что у нея начнутся какія-нибудь прихоти. Но прихотей у нея такъ и не было никакихъ.

О матери они говорили какъ можно меньше. Когда она бывала у нихъ, Туанетта ласково относилась къ ней, была весела, болтала. Но стоило только г-жѣ де-Мерси обратиться исключительно къ сыну,—и Туанетта, надувшись, умолкала. Послѣ ухода матери, она, какъ упрямый ребенокъ, перекладывала или переставляла на прежнее мѣсто тѣ вещи, которыя сдвинула или перемѣстила г-жа де-Мерси. Послѣдняя все терпѣла съ преувеличенною кротостью и смиреніемъ, и только изрѣдка тихо шептала сыну:

— Ради тебя, я все готова стерпѣть!—и возносилась душою къ Богу.

Когда случалось, что Туанетта бывала привѣтлива со свекровью, она взглядомъ искала мужа, какъ бы желая дать ему это замѣтить. Онъ все замѣчалъ и мучился сознаніемъ, что онъ—причина ладовъ и неладовъ этихъ двухъ дорогихъ ему женщинъ. Вся его надежда была на то, что время все поправитъ; порой его томило желаніе скорѣй состариться, дождаться уже взрослыхъ дѣтей и пожить тогда на покоѣ.

Добившись, не безъ труда, чтобы ему поручили въ министерствѣ добавочную работу, съ которой была связана добавочная же и плата, онъ радъ былъ этому предлогу забиться къ себѣ въ кабинетъ и лихорадочно, привычною рукою, строчить страницу за страницей. За стѣной, въ сосѣдней комнатѣ, ему слышались шаги жены и ея голосъ: она разговаривала съ г-жей Уфлонъ или отдавала ей приказанія.

„Вѣдь вотъ, — думалъ онъ: — всего года два тому назадъ

я страдалъ, чувствовалъ себя безнадежно несчастнымъ и одинокимъ. Теперь вся обстановка, всѣ эти новыя, окружающія меня условія: и жена, которая молода и носитъ мое имя, и скоро подаритъ мнѣ дитя, — моего же собственнаго малютку, мою плоть и кровь,—и служанка, которая ведетъ хозяйство подъ ея руководствомъ... все это дѣло рукъ моихъ! Все я создалъ самъ, по своей волѣ: ничего этого прежде не существовало... Все это мое, все мнѣ принадлежитъ, мнѣ одному, а между тѣмъ — это свой особый міръ, совершенно отдѣльный отъ меня: я для него глава и вожатый, я, такъ сказать, несу всѣ его тяготы на себѣ. Можетъ быть, впослѣдствіи онѣ и окажутся непосильной для меня обузой?..„

И воображеніе нарисовало ему впереди тяжелыя обязанности и отвѣтственность за судьбу семьи...

Въ сущности, онъ восхищался той легкостью, съ которой человѣкъ самъ можетъ устроить, повернуть свою жизнь, какъ ему вздумается. Онъ былъ, отчасти, фаталистъ и вѣрилъ въ неизбѣжность случившагося,—подчинялся ей. Въ этомъ его характеръ составлялъ полную противоположность материнскаго: г-жа де-Мерси всегда чѣмъ-нибудь да мучилась, терзалась тѣмъ, что̀ уже было сдѣлано и непоправимо. Она была всегда готова обвинять себя въ слабости, или въ какомъ-либо иномъ проступкѣ, въ которомъ провинилась сама или допустила другихъ провиниться.

Но что̀ бы ни чувствовалъ Андрэ, онъ все таилъ въ глубинѣ души: ни мать, ни Крессанъ,—человѣкъ уже немолодой и полезный, добрый совѣтчикъ—не подозрѣвали ничего о его сердечныхъ думахъ.

Какъ-то разъ, въ министерствѣ, Крессанъ сказалъ своему молодому сослуживцу:

— Отецъ жены заболѣлъ серьезно. Вы знаете, что онъ никогда ничего для нея не сдѣлалъ, не истратилъ на нее ни полушки. Мнѣ жизнь тяжело достается, у меня — дѣти, и я невольно подумываю о томъ, не убѣдитъ ли его мачиха, чтобы онъ окончательно лишилъ дочь наслѣдства. Я даже очень этого опасаюсь...

Помолчавъ немного, онъ однако прибавилъ:

— Ну, велика важность! Придется только поусерднѣй налечь на работу! — и взглянулъ на Андрэ съ ясной улыбкой, но тяжело дыша отъ утомленья.

Кромѣ службы, у Крессана были еще уроки: онъ вставалъ въ пять часовъ утра, ложился въ одиннадцать и весь день работалъ, какъ заведенная машина. Но машина эта поистерлась, и

Андрэ былъ пораженъ оттѣнкомъ усталой покорности и бодрости, отражавшимся у него на лицѣ. Онъ заговорилъ объ этомъ съ женою.

— Да къ чему-жъ ему такъ усиленно работать? — наивно спросила Туанетта.

— А иначе чѣмъ-же жить, чѣмъ кормить дѣтей?.. — возразилъ ей мужъ.

Она только покачала головою и внимательно принялась слушать стихотворенія Виктора Гюго, которыя онъ продолжалъ читать ей вслухъ.

— Андрэ! Мнѣ бы такъ хотѣлось знать побольше. Пожалуйста, поучи меня!

— Но чему же именно?

— Да всему. Я такъ мало знаю... Меня ничему не учили!—

Андрэ тутъ только понялъ, почему жена иногда казалась ему непонятливой или невнимательной, и мысленно простилъ это ей. Не лучше ли ей читать что-нибудь попроще? Но что именно: вотъ вопросъ. Бальзакъ для нея неинтересенъ; она даже не могла дочитать... „*Трехъ мушкетеровъ*". Сначала онъ, было, совсѣмъ растерялся; но затѣмъ постарался помириться съ тѣмъ фактомъ, что онъ съ нею не можетъ говорить такъ, какъ бы ему хотѣлось,—что она не пойметъ его. И порой его успокоивала мысль, что Туанетта будетъ доброй матерью, хорошей хозяйкой; свыше этого онъ и не требовалъ отъ нея ничего.

Спокойно, усталымъ движеніемъ руки, она взмахивала шерстинкой, которою вышивала. Мужъ взглянулъ на нее.

„О, дивные порывы мечты, романическія страсти, обманчивый идеалъ, которымъ я пожертвовалъ, связавъ себя бракомъ!" —тревожно думалъ Андрэ.

Порывы любви и ревности, супружеской измѣны и страсти, —все это достанется не ему! Да, наконецъ, не въ тысячу ли разъ лучше и вѣрнѣе тотъ удѣлъ, который онъ самъ избралъ: незатѣйливое, прозаическое, но зато вѣрное и непоколебимое счастье?

О чемъ это она думаетъ? Не предается ли, какъ и онъ самъ, сожалѣнію объ исчезнувшемъ идеалѣ, о неосуществившихся мечтахъ, какимъ предаются романическія барышни?

Ему вдругъ непремѣнно захотѣлось узнать ея мысли; онъ всталъ и подошелъ къ женѣ. Наклонившись къ ней, онъ взялъ ея голову обѣими руками и откинулъ ее назадъ, заглядывая ей прямо въ лицо.

Уже смеркалось, и въ зрачкахъ ея большихъ карихъ глазъ

Андрэ только увидѣлъ, какъ въ зеркалѣ, отраженіе самого себя. Это смутило его: неужели же такъ и не узнаетъ онъ никогда, что именно сокрыто въ ихъ темной, блестящей глубинѣ? Отчего она, въ свою очередь, тоже увидитъ въ его глазахъ лишь свой собственный обликъ?.. Андрэ почувствовалъ, что, несмотря на такое внѣшнее согласіе, на такую близость, даже въ минуты душевныхъ, страстныхъ порывовъ они далеки другъ отъ друга и никогда, никогда не сольются всецѣло во-едино! Эгоистическое чувство шевельнулось въ немъ, и ему стало жаль себя; но Туанетта, не спускавшая съ него глазъ, проговорила:

— Но, *все-таки*, ты вѣдь меня любишь?—

Случайно или благодаря проницательности, ея мысли откликнулись ему, и онъ почувствовалъ, что глаза его подернулись слезами. Теперь ему уже было жаль и ее, и себя. Онъ порывисто, крѣпко обнялъ жену.

— Осторожнѣй!—вскрикнула она.

Андрэ испугался и робко прошепталъ.

— О, прости!

Мысль, что Туанетта скоро будетъ матерью, привела его въ умиленіе: это налагало на него новую отвѣтственность, новыя обязанности. Андрэ порѣшилъ оставить свои разсужденія, свои мечты и мириться съ жизнью, не требуя отъ нея невозможнаго, —довольствуясь всѣмъ, что въ ней есть хорошаго.

А между тѣмъ жизнь становилась непріятной, требовательной. Наступалъ осенній срокъ платежамъ. Но это бы еще ничего: чувство тревоги уже было имъ знакомо. На этотъ разъ, однако, дѣло было плохо: имъ нечѣмъ было заплатить за квартиру, и мать, выручавшая ихъ до сихъ поръ, ужъ больше не могла помочь своимъ дѣтямъ. Она сама жила крайне разсчетливо,—даже скудно; берегла свои платья, ходила пѣшкомъ, чтобы не тратиться на извозчиковъ, и боялась какъ бы не попасть на глаза Эгберамъ или другимъ свѣтскимъ знакомымъ.

Вопросъ этотъ подняла Туанетта. Она знала, что денегъ нѣтъ, что Андрэ не откуда было ихъ достать, что онъ не хотѣлъ брать въ долгъ... и тревожилась этимъ съ хозяйственной точки зрѣнія.

— Скоро срокъ квартирѣ. Что мы будемъ дѣлать?—Андрэ попробовалъ-было отшутиться.

— Не воспользоваться ли симъ удобнымъ случаемъ, чтобы напомнить твоимъ почтеннымъ родителямъ ихъ обѣщаніе выдавать намъ небольшое вспомоществованіе? Не въ укоръ имъ будь

сказано, ужъ не мало мѣсяцевъ прошло безъ этого нагляднаго доказательства ихъ добрыхъ намѣреній.

Вдругъ онъ умолкъ и пожалѣлъ, что завелъ объ этомъ рѣчь: Туанетта покраснѣла и была близка къ слезамъ.

— Прости меня, —сказалъ мужъ.—Но я, право, еще не такъ виноватъ. Подумай только, сколько лишеній терпитъ ради насъ моя мать и какъ спокойно, какъ эгоистично живутъ твои родные. Тебѣ бы вѣдь хотѣлось гордиться одинаково какъ мужемъ, такъ и своей роднею?.. Впрочемъ, довольно объ этомъ: слишкомъ все это мелочно!—прибавилъ онъ съ чувствомъ щепетильности, которую раздражаютъ такіе разговоры.

— Да я не о томъ,—замялась Туанетта.—Я имъ уже писала, и они...

— Ну?..

— Они не отвѣчаютъ.

— Велика важность!—поспѣшилъ успокоить ее Андрэ.—Я все устрою... И, чтобы дать себѣ возможность соображать яснѣе и быстрѣе, зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Во-первыхъ, дружокъ, не огорчайся: это бываетъ во всякомъ супружествѣ. Родители не чувствуютъ себя отъ восторга и сгоряча наобѣщаютъ такого, чего не въ силахъ потомъ исполнить. Еслибы я только могъ, то, конечно, послѣдовалъ бы своему личному побужденію ничего у нихъ не просить. Но разъ что они обѣщали, должны же они сдержать свое слово, тѣмъ болѣе, что, какъ тебѣ извѣстно, мы разсчитывали этими деньгами платить за квартиру. Будь я хоть немного богаче, я бы и не заикнулся имъ объ этомъ. Но правъ ли я былъ бы въ данномъ случаѣ? Въ томъ ли мой долгъ? Конечно, нѣтъ, чортъ побери!.. Справедливость требуетъ, чтобы они помогали намъ по мѣрѣ силъ и возможности. Вѣдь такъ я говорю?

— Такъ,—отвѣчала она, но безъ убѣжденія.

„Тѣмъ болѣе (продолжалъ уже мысленно Андрэ), что вѣдь жертвуетъ же собою моя мать, а она ничего не обѣщала, ни въ чемъ передъ нами не обязана!"

— И наконецъ,—проговорилъ онъ вслухъ,—во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ принято помогать дѣтямъ.

— У насъ,—печально возразила Туанетта,—наоборотъ: всѣ помогаютъ только мужчинамъ. Вотъ вѣдь Гиги: онъ заѣлъ и мое, и сестрино приданое.

— Ну, да, и это не дѣлаетъ чести твоимъ. Но что же дѣлать? Научи меня сама, рѣшайся!

— Напиши имъ!—твердо проговорила Туанетта.—Обнявъ

мужа за шею рукою, она прижалась къ нему и, откинувъ въ сторону самолюбіе, прибавила тихонько:—Только, пожалуйста, поласковѣе!

Андрэ такъ и сдѣлалъ.

Онъ вѣжливо, въ спокойныхъ и разсудительныхъ выраженіяхъ, напомнилъ старикамъ Розенамъ, что они обѣщали помогать дочери хоть немного, ласково говорилъ о томъ, какъ имъ трудно живется, какъ все, даже необходимое, дорого, просилъ ихъ отнестись къ нимъ, своимъ дѣтямъ, сочувственно... Скоро пришелъ отвѣтъ отъ отца, по обыкновенію, на почтовой бумагѣ, съ печатнымъ заголовкомъ по мѣсту его служенія; самое письмо, его содержаніе и почеркъ также отличались крайнимъ порядкомъ. Папенька притворялся изумленнымъ.

...„Какъ же это такъ? Что̀ это значитъ? Ѣсть имъ, что-ли, нечего? Чего ради обращаться за помощью къ старикамъ, проработавшимъ всю свою жизнь?..“ Въ ласковыхъ выраженіяхъ, онъ просилъ ихъ не унывать, трудиться и посылалъ имъ свое родительское благословеніе... Но о деньгахъ, обѣщанныхъ передъ женитьбой, ни полслова!

— Ну! Это ужъ черезъ-чуръ!..—воскликнулъ Андрэ.

— Ему мама продиктовала,—печально пояснила Туанетта, и ей стало стыдно за своихъ. Ее поразила ихъ недобросовѣстность; ей стало страшно, какъ бы не разлюбилъ ее Андрэ. Но онъ только крѣпче обнялъ жену и проговорилъ, больше для очистки совѣсти:

— Писать ли мнѣ матери?

— Отчего же,—отвѣтила Туанетта, но надежды ея пропали. Отвѣтъ матери былъ своего рода шедёвръ.

...„Андрэ говоритъ о какихъ-то деньгахъ?.. Но развѣ ему что-либо было обѣщано? Что-то сомнительно! И, наконецъ, четыреста франковъ—такая огромная, такая подавляющая сумма, что ее, при всемъ желаніи, не откуда было бы взять. Я—самая несчастная изъ матерей (на бумагѣ дѣйствительно были какія-то мокрыя пятна); вѣрно, ужъ мнѣ суждено вѣчно страдать. Еслибъ у меня не было утѣшенія въ лицѣ Альфонса!.. Онъ здоровъ. Прошлое воскресенье мы устроили пикникъ. Альфонсъ былъ въ духѣ, прекрасно пообѣдалъ и распѣвалъ такія веселыя пѣсни, что всѣ такъ и покатывались со смѣху... Цѣлую моихъ милыхъ дѣтей парижанъ, совѣтую имъ быть благоразумными, а главное не мучиться и не суетиться.... Но, Боже мой! Горести и заботы проходятъ такъ же, какъ и приходятъ, постепенно“...

Это письмо просто ошеломило Андрэ, но Туанетта постара-

лась всѣми силами его успокоить: ей-то хорошо были знакомы всѣ черты родительскаго характера; она знала, что ихъ ужъ не передѣлаешь. И молодые супруги порѣшили мириться съ дѣйствительностью. Однако, долгое время у нихъ было тяжело на душѣ, и еслибъ они меньше любили другъ друга, эти денежные нелады могли бы сильно ихъ раздражить взаимно. Они же прошли ихъ молчаньемъ и только сблизились еще тѣснѣе.

Но и это не избавило ихъ отъ нѣкоторой доли страданій, которой обыкновенно сопровождались малѣйшіе намеки на происшедшее недоразумѣніе и переписку. А Розены, съ своей стороны, забыли и думать объ этомъ. Они иногда писали, но все только о постороннемъ, будто ничего между ними и не происходило; будто они были увѣрены, что дѣти ихъ вполнѣ счастливы и ни въ чемъ не нуждаются.

Срокъ платежа наступилъ.

— Чтò мы подѣлаемъ?—тревожно спросила Туанетта; но мужъ только засмѣялся въ отвѣтъ:

— Я пойду, передамъ на нѣкоторое время свои часы одному благодѣтельному учрежденію, которое ссудитъ меня цѣлой сотней франковъ. Что жъ тутъ такого?—спросилъ онъ, видя, что она какъ бы огорчена или сконфужена:—Нѣтъ такого парижанина, съ которымъ бы этого не бывало! Наконецъ, развѣ тебѣ было бы пріятнѣе, чтобы я занялъ у пріятеля?

Туанетта задумчиво открыла футляръ съ браслетомъ, вынула его, прибавила къ нему еще свои дѣвичьи часики и подала мужу:

— Вотъ, лучше заложи это, а свои часы отдай мнѣ: я не хочу, чтобы ты ихъ несъ въ закладъ.

Андрэ поддался не сразу и долго спорилъ съ женою, но уступилъ, и къ чувству трогательной признательности въ сердцѣ его примѣшалась даже гордость, что жена понимала свои обязанности, жертвовала своими интересами въ пользу семьи. И онъ еще горячѣе сталъ любить свою молодую жену.

Уплативъ вò-время за квартиру, супруги не нашли иного исхода и въ другихъ подобныхъ же случаяхъ: мало-по-малу, всѣ ихъ вещи переселились изъ дома въ ломбардъ. Туанетта гордилась своимъ самоотверженіемъ, но Андрэ имъ тяготился, и еще ретивѣе принялся работать. Однако, какъ онъ ни старался, не могъ натянуть больше двухсотъ-пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ. Вскорѣ въ министерствѣ пошли преобразованія, и бѣдному Андрэ пришлось опять сѣсть на свои прежніе сто-шестьдесятъ франковъ.

Между тѣмъ Туанетта, терпѣливо переносившая первые мѣсяцы беременности, начала тяготиться послѣдними; особенно трудно

ей было передъ самымъ концомъ, но молодая акушерка ободряла ее и говорила, что все идетъ какъ нельзя лучше.

XV.

Въ одинъ прекрасный день, когда мать должна была у нихъ обѣдать, Туанетта почувствовала первыя боли. Андрэ остался съ женою, а г-жа де-Мерси поѣхала за акушеркой.

Сначала Туанетта храбрилась, шутила и смѣялась, несмотря на боли; но скоро перестала смѣяться и, не слушая уговоровъ мужа, тревожно прислушивалась, не идетъ ли акушерка. Наконецъ, Туанетта молча сѣла въ глубокое кресло и поблѣднѣла. Лицо у нея было взволнованное, изнуренное. Удерживаясь, чтобы не кричать отъ боли, она тихо вздыхала, чуть-чуть стонала и на лицѣ отражались острыя боли.

Холодный потъ выступалъ на лбу у Андрэ. Его терзало сознаніе, что вотъ-вотъ начнется предъ нимъ самое страшное въ мірѣ зрѣлище: муки исказятъ и сломятъ любимую имъ женщину, дорогое, нѣжное, слабое созданіе, которое въ этихъ мукахъ дастъ жизнь другому, еще болѣе слабому существу. Воспоминаній о блаженствѣ любви какъ не бывало: впереди были только муки, тяжкое испытаніе, которое предстояло имъ обоимъ: онъ заранѣе ощущалъ на себѣ тѣ невѣроятныя страданья, которыя будутъ терзать ее, и заранѣе приходилъ въ отчаяніе при мысли, что она можетъ умереть.

Раздались два громкихъ, нетерпѣливыхъ звонка. Андрэ побѣжалъ отворить. Г-жа де-Мерси вернулась въ тревогѣ: она привела съ собой акушерку, но не ту (той не было дома), а ея мать, еще бодрую старушку. Узнавъ, что акушерка пришла, но не та, Туанетта не хотѣла ее впустить къ себѣ въ спальню, кричала, сердилась; старушка все это выслушала въ сосѣдней комнатѣ и нимало не смутилась, какъ человѣкъ привычный, видавшій на своемъ вѣку еще и не такіе виды.

Новый приступъ боли невольно вызвалъ у Туанетты мучительный вопль, и, со слезами на глазахъ, она проговорила:

— Дѣлайте со мной, что̀ хотите!.. О, Боже!.. Боже!..

И двухъ минутъ не прошло, какъ больная совершенно примирилась съ г-жей Пако̀ и даже почувствовала къ ней довѣріе. Выйдя изъ комнаты молодой женщины, старушка спокойно сказала:

— Еще не скоро: у насъ часовъ шесть впереди:

— Не уложить ли ее въ постель?

— Нѣтъ, она можетъ походить и посидѣть, какъ ей удобнѣй... Еще не скоро.

— Такъ нельзя ли будетъ теперь отобѣдать? — разсудительно спросила г-жа Уфлонъ, выглядывая изъ-за кухонной двери.

Акушерка согласилась и, вмѣстѣ съ г-жей де-Мерси, отбросившей всякое стремленіе къ свѣтскимъ приличіямъ, безъ церемоніи усѣлась съ нею за обѣдъ, что̀, какъ ей было извѣстно, не было принято въ аристократическихъ домахъ, гдѣ свято хранились, изъ рода въ родъ, обычаи старины.

Андрэ не сталъ ничего ѣсть. Ему казалось жестокимъ, безчеловѣчнымъ обѣдать, какъ ни въ чемъ не бывало, на глазахъ у жены, которая хоть и страдала, но подходила къ нему и хотѣла, какъ всегда, положить ему на тарелку того или другого кушанья.

Послѣ обѣда всѣ занялись необходимыми приготовленіями.

Туанетту уложили на маленькую, низкую постель, прикрывъ ее одѣяломъ. Въ комнатѣ запылалъ яркій огонь, и большія полѣнья постепенно стали превращаться въ горящіе уголья. Въ комнатѣ была такая глубокая тишина, что монотонное тиканье стѣнныхъ часовъ рѣзко и громко отдавалось въ воздухѣ. Занавѣси были наглухо спущены; лампа, стоявшая на каминѣ, давала лишь мѣстный свѣтъ, который и обливалъ больную, оставляя въ тѣни лишь ея плечи и голову. На блѣдное, искаженное страданьемъ лицо падало слабое мерцанье ночника, горѣвшаго въ ближайшемъ углу.

Мало-по-малу порывистые и глубокіе, какъ у ребенка, вздохи и стоны Туанетты перешли въ рыданія, въ дикіе, жалобные вопли. Ничто не помогало бѣдной женщинѣ, и она только крѣпко, до боли стискивала въ своей слабой рукѣ руку мужа. Андрэ видѣлъ, какъ ужасно подергивались мучительной судорогой любимыя, нѣжныя черты; чувствовалъ, что въ такія минуты ея ногти невольно вонзались ему въ ладонь, и все-таки былъ какъ въ чаду. Какъ во снѣ, видѣлъ онъ блѣдное лицо матери съ натянутой улыбкой и полную фигуру акушерки, невозмутимо дремавшей въ глубокомъ креслѣ.

Видѣла это и Туанетта. Ее возмущало такое хладнокровіе, такая безучастность къ ея мукамъ. Но видъ мужа ее вполнѣ утѣшилъ: онъ былъ страшно блѣденъ, взволнованъ и обливался пôтомъ.

Жена улыбнулась ему, и эта слабая улыбка вызвала слезы

у него на глазахъ. Вдругъ—опять приступъ боли и страшный крикъ:

— Помогите!.. Помогите!..

Мигомъ старушка очутилась у кровати больной и наклонилась къ ней.

— Ну, потерпите немножко,—уговаривала ее добрая женщина привычнымъ, ласковымъ голосомъ.—Подумайте о малюткѣ...

Но Туанетта только сжимала руку мужа, и это облегчало его душевныя муки.

— О!.. О!.. Ужасно!.. Не троньте меня!.. Убирайтесь!.. — кричала бѣдная женщина, но никто ее не слушалъ: всѣ молча дѣлали свое дѣло. Андрэ не отходилъ отъ жены; г-жа Пакò не спѣша вернулась въ свое кресло; мать шевелила въ каминѣ. Снова тишина... тревожная тишина!.. Но не надолго.

Одѣяло, которымъ была покрыта больная, заколыхалось, и снова раздались ея вопли.

— Ну, будьте же молодцомъ!—уговаривала старушка.—Вотъ мы сейчасъ шампанскаго попьемъ,—какъ къ ребенку, обратилась она къ Туанеттѣ.—А гдѣ же оно?—Принесли бутылку, и громко, по-праздничному, вылетѣла изъ нея пробка. Андрэ поддержалъ и взялъ у жены пустой бокалъ. Его мучила мысль, что ее нарочно поятъ, чтобы заглушить страданія.

— Андрэ!.. Скорѣе!

И Андрэ бросился къ страдалицѣ, и пальцы ея снова впились въ его руку.

— Не бойтесь же!.. Ободритесь!..—успокоивала ее г-жа Пакò; но муки продолжались, а ребенка... все еще не было.

Андрэ замѣтилъ, что обѣ женщины обмѣнялись недобрымъ взглядомъ, и сердце въ немъ содрогнулось, застыло отъ ужаса. Неужели, вмѣсто новой, юной жизни, эти муки принесутъ смерть, —этотъ старый, неизбѣжный законъ природы?.. Онъ отвернулся отъ окна, въ которое, казалось, она упорно хотѣла ворваться, и съ отчаяніемъ устремилъ взоръ на свою бѣдную, молодую страдалицу-жену.

Капли пота стояли у нея на лицѣ; она дрожала въ ознобѣ; зубы ея стучали. Андрэ машинально отыскалъ вѣеръ и помахалъ на нее. Акушерка приготовила какой-то бурый порошокъ и подошла къ постели.

Вдругъ боли возобновились еще сильнѣе и непрерывнѣе. Три нечеловѣческихъ крика раздались оглушительно, неистово, одинъ за другимъ, и вслѣдъ за ними мгновенная тишина, среди которой, какъ среди гробового, мертвеннаго молчанья, неожиданно

послышался новый, громкій крикъ, веселый, полный новой жизни и силы.

Всѣ поняли, кто это кричалъ, и Андрэ почувствовалъ, что сердце въ немъ будто все перевернулось... Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

XVI.

Между тѣмъ акушерка уже хлопотала около новорожденнаго, а отца волновалъ вопросъ, кто онъ: мальчикъ или дѣвочка? Туанетта же объ этомъ не думала, и только слабымъ голосомъ проговорила:

— Онъ крѣпенькій?

— Да, да, успокойтесь! Крѣпенькій, чудесный!

Туанетта взглянула на мужа, показала ему глазами, чтобы онъ нагнулся къ ней, и губами, еще трепетавшими отъ слабости и волненія, прошептала ему на ухо что-то такое, чего онъ не разслышалъ; но чтобы не безпокоить ее, онъ сдѣлалъ видъ, что понялъ, и нѣжно проговорилъ:

— Да, да! Отдохни теперь, дорогая!

Тѣмъ временемъ, подъ продолжительный пискъ голенькаго существа, которое боролось съ почтенной женщиной, вертѣвшей его въ своихъ мягкихъ и ловкихъ рукахъ, Андрэ постепенно приходилъ въ себя. Отъ восторга, что ихъ посѣтила не зловѣщая смерть, а юная, грядущая жизнь,—ему показалось, что вокругъ него не простая, тѣсная комната, а чуть ли не пышный, просторный дворецъ! Вотъ она, эта жизнь, это дитя, эта плоть и этотъ духъ, рожденный отъ двоихъ людей, слившихся во-едино, какъ въ духѣ, такъ и во плоти! Чтò за дивная, трогательная тайна—тайна рожденія!..

Андрэ поручили на минуту подержать малютку, и радость его нѣсколько омрачилась, когда онъ къ нему пригляделся.

„Какъ? Неужели это и есть мое дитя,—этотъ сморщенный, красненькій, жалкій кусокъ мяса?..“—подумалъ невольно разочарованный отецъ, не знавшій даже, кого ему Богъ послалъ: сына или дочь?

Мать его тихо нагнулась къ крошкѣ и, цѣлуя его въ мягкій, сыроватый лобикъ, прошептала, чтобы не разслышала Туанетта:

— Дочка!

— А!..—проговорилъ молодой отецъ, которому теперь уже было безразлично: все равно, мальчикъ ли, или дѣвочка, — это

его дитя, его собственная плоть и кровь, и въ этомъ все счастье, вся отрада его родительскаго чувства!

Туанетта не сводила глазъ съ мужа и слабымъ, протяжнымъ голосомъ спросила:

— Ну, что же? Вы не хотите мнѣ сказать? Право, мнѣ все равно: я одинаково рада и мальчику, и дѣвочкѣ!

— Ну, тѣмъ лучше! — спокойно произнесла она, когда ей сказали; но прежде она все мечтала о сынѣ, и только послѣ тяжкаго душевнаго и физическаго испытанія, которое она пережила за послѣднія сутки, ей начало казаться, что ей все равно, *„хоть это и дѣвочка"*.

— Подайте мнѣ ее: я дамъ ей груди!

Ребенка ей подали, но кормить запретили: до утра малюткѣ не полагалось ничего, кромѣ сахарной водицы.

Андрэ внушилъ женѣ, что самое лучшее кормить самой всѣхъ своихъ дѣтей, чтобы не привязываться исключительно лишь къ тому, котораго сама вскормишь: его приводило въ ужасъ обожаніе г-жею Розенъ сына.

— Помогите-ка мнѣ перенести маменьку на кровать; дочку-то пока оставимъ въ покоѣ!—приказала ему г-жа Пакô.

Андрэ взялъ на руки жену, и она, слабая, изможденная, безпомощно повисла у него на шеѣ, закинувъ голову къ нему на плечо и улыбаясь усталою, счастливою улыбкой ребенка, который умиралъ... и остался живъ.

Лампу потушили; каминъ прикрыли, и скоро за спущеннымъ пологомъ большой кровати водворилась полная тишина: мать и дитя уснули.

Акушерка задремала въ креслѣ, а г-жа де-Мерси и Андрэ долго еще говорили о происшедшемъ, о новорожденной, мечтали о будущемъ и вспоминали о далекихъ прошлыхъ временахъ довольства и богатства.

Андрэ чувствовалъ себя отцомъ семейства, и это сразу состарило его въ его собственныхъ глазахъ. Г-жа де-Мерси за этотъ день стала бабушкой и, относя себя мысленно къ разряду старухъ, которымъ кокетство не пристало, рѣшила одѣваться еще проще. Она была счастлива, что дождалась внучки, и вмѣстѣ съ тѣмъ у нея въ умѣ уже зарождался тревожный вопросъ:

— Какъ быть? Теперь въ жизни прибавилась еще забота, еще нужнѣе деньги... Откуда ихъ взять?..

Вслухъ, однако, она ничего не сказала, и оба разошлись ко сну успокоенные задушевной бесѣдой, съ пріятной усталостью во всѣхъ членахъ; спали прекрасно.

На утро г-жа Пакò не вернулась, а Туанетта нашла у себя подъ подушкой небольшое изображеніе св. Маргариты, которое эта добрая женщина ловко сунула тогда при началѣ родовъ. Вмѣсто нея явилась ея дочь, которая все и всѣхъ похвалила, но осталась недовольна только тѣмъ, что слишкомъ поторопились дать груди ребенку и слишкомъ сытно кормили родильницу. Дѣйствительно, недовольство ея скоро оправдалось: у Туанетты разболѣлась грудь; пошли нарывы и ранки, которыя ребенокъ растравлялъ, когда приходилось его кормить. Не мало повліяло и то, что молодую мать рано спустили съ кровати: на другой же день крестинъ она заболѣла грудницей.

Странное дѣло! У матери образовались нарывы на груди, и на той же груди, на томъ же мѣстѣ появился нарывъ и у малютки—Марты. Пришлось позвать доктора и послѣ перваго же осмотра выслушать приговоръ:

— Этой маменькѣ самой кормить не приходится!

Отдать ребенка въ деревню на вскормленіе было бы дешевле, но бабушкѣ не хотѣлось лишать своихъ дѣтей удовольствія любоваться своимъ первенцомъ, и она поѣхала за кормилицей, которую и договорила въ одномъ изъ лучшихъ пріютовъ по 65 фр. въ мѣсяцъ. Конечно, это были сумасшедшія деньги, но г-жа де-Мерси думала:

„Что-жъ дѣлать? Ужъ я какъ-нибудь постараюсь сама ей платить“.

Она старалась убѣдить себя въ томъ, что это не жертва съ ея стороны, а личное, эгоистичное чувство:

„Вѣдь сама же я буду рада, что эта милая крошка останется здѣсь; что я всегда, когда захочу, могу любоваться ею!..“

И ей казалось, что она какъ бы вторично испытываетъ радости материнства.

Вернувшись домой, она застала Андрэ и Туанетту глубоко огорченными болѣзнью малютки; матери докторъ уже вскрылъ нарывы,—приходилось вскрывать и дочкѣ. Бѣдняжка кричала и не хотѣла брать материнскую грудь. Къ счастію, подоспѣла кормилица. Едва почувствовала малютка, что молоко свободно течетъ прямо въ ея беззубый ротикъ, какъ принялась жадно глотать, дыша полной грудкой. Бѣдная Туанетта взглянула на свое дитя, прижатое къ груди чужой женщины, и не могла удержаться отъ слезъ.

На слѣдующій день образовался еще нарывъ на бѣдной, уже изрѣзанной грудкѣ малютки, и докторъ прямо сказалъ молодому отцу:

— Такое осложненіе опасно; хорошо еще, если малютка примется усердно сосать—можетъ быть и выживетъ тогда!

Каждый день, по приказанію доктора, взвѣшивали ребенка, и нѣсколько граммовъ, прибавившихся къ ея предъидущему вѣсу, наполняли радостью душу Андрэ и вполнѣ оправившейся Туанетты. Кормилица также замѣтно здоровѣла: поступила она къ нимъ блѣдная, угрюмая, худая—теперь съ каждымъ днемъ становилась свѣжѣе, привѣтливѣе и бодрѣе.

Туанетта сама одѣвала, раздѣвала и купала дочку. Марта была, повидимому, очень довольна, когда ее купали: она какъ-то блаженно затихала, очутившись въ теплой, пѣнистой водицѣ, шлепала ручками и ножками, и въ глазкахъ ея какъ будто отражалось какое-то безсознательное довольство.

Туанетта такъ пристрастилась къ ребенку, такъ всецѣло была поглощена мыслями, заботами о немъ, что Андрэ начало казаться, будто онъ уже потерялъ для жены всякую цѣну. Ребенка она тормошила, ласкала, душила поцѣлуями, а на мужа не обращала никакого вниманія. Когда онъ заговаривалъ съ нею, она не замѣчала или просто не отвѣчала ему; сдѣлалась къ нему непокорной, неласковой. Это тѣмъ болѣе тревожило Андрэ, что онъ боялся, какъ бы эта страсть къ ребенку не была повтореніемъ такого же обожанія, какимъ пользовался со стороны г-жи Розенъ ея любимецъ Гиги. Туанетту раздражало даже, когда Андрэ бралъ на руки свою дочурку: она боялась, какъ бы онъ ее не ушибъ, не взялъ бы неловко.

Такъ дѣло шло мѣсяца два или три. Наконецъ, постепенно здоровье и характеръ Туанетты вошли въ свою норму; она стала къ мужу внимательнѣе, добрѣе и сама по прежнему отвѣчала ласками на его ласки.

А. Б—г—.

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ

Съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ поставленъ былъ историко-литературный вопросъ о древней русской повѣсти, изслѣдованія о ней чрезвычайно расширились. Издано было много текстовъ, произведены весьма обстоятельныя разысканія объ ея происхожденіи, въ связи съ нею раскрыты любопытныя черты легендарныхъ и сказочныхъ сюжетовъ въ исторіи самой народной поэзіи—духовнаго стиха, былины и сказки.

Древняя русская повѣсть стояла въ тѣхъ же литературныхъ условіяхъ, которыя мы не однажды указывали по поводу другихъ сторонъ нашей древней письменности. Основнымъ источникомъ ея были книжныя связи византійскія и южно-славянскія: какъ можно думать, въ большинствѣ случаевъ, если не постоянно, византійскій матеріалъ приходилъ именно черезъ южно-славянское посредство, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ сама южно-славянская письменность получала произведенія, византійскія по ихъ основѣ, не прямо изъ ихъ источника, а въ латинизированной переработкѣ. Новѣйшія изысканія ставятъ внѣ сомнѣнія тотъ особый очагъ книжнаго вліянія, гдѣ византійскіе элементы сходились съ латино-романскими—въ западной области южнаго славянства. Сюда относятся, напримѣръ, памятники, принадлежащіе къ древнѣйшимъ образцамъ русской повѣсти, какъ „Александрія" и Троянскія Сказанія, какъ въ то же время существовали непосредственныя заимствованія съ греческаго: другая редакція той же „Александріи", сказаніе о Синагрипѣ, Девгеніево Дѣяніе, позднѣе повѣсть о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, сказаніе о Варлаамѣ и Іосафатѣ и пр.

Къ болѣе поздней эпохѣ относятся повѣсти романскаго происхожденія, какъ повѣсть о Бовѣ, о Тристанѣ, объ Атиллѣ, для которыхъ открывается не подозрѣваемый ранѣе путь литератур-

наго посредства — сербско-бѣлорусскій. Мало изслѣдованная западно-русская письменность была, безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ проводниковъ развившагося потомъ довольно широко польскаго вліянія, откуда приходили, съ XVI вѣка, повѣсти, потомъ драмы, наконецъ и книги серьезнаго содержанія, какъ первая проба широкаго литературнаго вліянія западнаго, развившагося широкимъ потокомъ послѣ Петровской реформы. Отсюда шли такіе сборники повѣстей, какъ „Римскія Дѣянія", какъ сборникъ шутливыхъ разсказовъ — „Фацеціи" (гдѣ между прочимъ появились въ старой русской письменности сюжеты Декамерона) и пр. Это движеніе совпадало съ тѣми вліяніями польской школы и литературы, которыя такъ сильно дѣйствовали съ XVI вѣка въ южной Россіи, отражаясь потомъ въ Москвѣ, и съ тѣми вліяніями польской книжности и обычая, какія замѣчаются со второй половины XVII вѣка въ самой Москвѣ. Вслѣдствіе особеннаго положенія западно-русской письменности, произведенія ея бывали иногда какъ бы только переписью польской книги русскою азбукой; въ такомъ видѣ западно-русская рукопись становилась какъ бы своей и для русскаго читателя, который при новой переписи устранялъ явные полонизмы, такъ что книга какъ бы мало-по-малу переводилась съ польскаго языка на русскій.

Особый отдѣлъ составили повѣсти, которыя возводятся къ источнику восточному — до сихъ поръ не выяснено, какимъ путемъ. Такова сказка о Еруланѣ Лазаревичѣ, источникъ которой находится въ персидской Шахнаме; таковы и другіе полу-историческіе пересказы, какъ повѣсть о царицѣ иверской Динарѣ и т. п.

Опыты русской повѣсти являются только очень поздно. Въ древніе вѣка нашей письменности первый опытъ повѣствованія направился на агіографическую легенду, какъ древнѣйшія житія, въ которыхъ, кромѣ церковнаго элемента богоугодной жизни, а потомъ чудесъ, находили отраженіе историческія условія быта (какъ житія мѣстныхъ святыхъ), а также мотивы народно-поэтическіе (какъ въ житіи Петра и Февроніи муромскихъ); но впослѣдствіи стиль житій принялъ то реторическое направленіе, о которомъ мы имѣли случай упоминать, и онѣ значительно потеряли въ историко-литературномъ значеніи. Другое повѣствованіе обратилось къ темамъ историческимъ: таковы повѣсти лѣтописно-историческаго характера, какія отличаютъ въ особенности средній періодъ, какъ упомянутое слово о погибели русскія земли, Задонщина и пр. Задонщина старалась примкнуть къ стилю Слова о полку Игоревѣ, но мало удачно: искусственное книжничество почти только механически пользуется поэтическими красо-

тами древняго слова. Къ историческимъ повѣстямъ русскимъ присоединяются историческія повѣсти о событіяхъ иноземныхъ. Лѣтопись сохранила русскій разсказъ о взятіи Константинополя латинами въ 1204 году, а впослѣдствіи русская повѣсть разсказала о взятіи Константинополя турками въ 1453 году. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ написана была повѣсть о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, полу-историческое, полу-народное повѣствованіе. Мы говорили раньше о томъ, какъ легендарная народная исторія пользовалась старымъ византійскимъ сказаніемъ, чтобы установить византійское преемство московскаго царства, въ „Сказаніи о князьяхъ владимірскихъ", примыкавшемъ къ византійской легендѣ о вавилонскомъ царствѣ, откуда принесены были царскія регаліи византійскаго императора. Подобнымъ образомъ сложилась въ XV вѣкѣ легендарная повѣсть о бѣломъ клобукѣ новгородскаго архіепископа и пр. Во всемъ этомъ, какъ видимъ, все еще нѣтъ собственной повѣсти: это исторія, апокрифъ, легенда, болѣе или менѣе усвоенные народнымъ читателемъ, получившіе извѣстную народную окраску, но далекіе отъ непосредственнаго народнаго творчества на бытовой народной почвѣ съ самостоятельнымъ замысломъ и поэтической формой. Такое творчество было, но за рѣдкими исключеніями оно осталось внѣ книги — въ духовномъ стихѣ и въ былинѣ; они, какъ увидимъ, широко воспользовались разнообразнымъ поэтическимъ матеріаломъ, накоплявшимся издавна въ книжной литературѣ апокрифа, легенды и иноземной повѣсти, и своеобразно перерабатывали его и сливали съ національными основами или подробностями. Эта переработка чужого поэтическаго матеріала указывала на большую популярность послѣдняго: многое изъ него стало народнымъ сказаніемъ, жило въ устахъ народа и, только прошедши эту стадію, могло сдѣлаться составною частью духовнаго стиха, былины или сказки. Нѣкоторыя, хотя немногія, изъ этихъ чужеземныхъ сказаній цѣликомъ стали народною сказкою, какъ итальянскій Бова Королевичъ или персидскій Еруслань Лазаревичъ... Только къ концу стараго періода, въ XVII вѣкѣ (по крайней мѣрѣ, ранѣе еще не было встрѣчено подобнаго слѣда), повидимому послѣ того, какъ въ нашу письменность проникло значительное количество иноземнаго новеллистическаго матеріала, пробудилась собственная охота къ новеллѣ: таковы извѣстная повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ, о Саввѣ Грудцынѣ и еще немногіе подобные опыты, — какъ въ то же время начинаются записи былинъ и на народной поэтической основѣ слагается цѣльная бытовая поэма, какъ повѣсть о Горѣ-Злочастіи.

Съ конца XVII вѣка и въ первой половинѣ XVIII-го происхо-

дитъ усиленная переводная дѣятельность, и на русскомъ языкѣ появляется большая масса переводныхъ романовъ, повѣстей, поэмъ и т. п., которые, оставаясь въ рукописяхъ, предваряютъ печатную литературу этого рода, возникающую уже только со второй половины XVIII вѣка. Эта литература долго, почти столѣтіе, осталась рукописной по старому обычаю и была настоящею переходною ступенью между старой письменностью и той новой литературой, которая, на основаніи реформы, развилась уже только въ первомъ послѣ-Петровскомъ поколѣніи Ломоносова, Тредьяковскаго и Сумарокова. Подъ тѣми европейскими вліяніями, которыя были теперь поддержаны болѣе или менѣе правильной школой, возникла впервые русская поэзія новаго типа — поэзія школы, личнаго творчества и спеціально образованнаго круга, и въ ея области мало-по-малу, путемъ новыхъ разнообразныхъ воздѣйствій поэзіи западной и все болѣе самостоятельнаго наблюденія русской жизни и все болѣе сознательнаго собственнаго творчества, создалась новѣйшая русская повѣсть Пушкина, Гоголя, Тургенева, Льва Толстого.

Возвращаемся къ древней до-Петровской повѣсти. Наперекоръ существовавшему нѣкогда, и даже еще недавно, мнѣнію о полной самобытности древней русской жизни и ея литературы, для которой западное вліяніе считалось только чуждымъ, враждебнымъ и вреднымъ, мы видимъ, что старая письменность не только не чуждалась иноземныхъ произведеній, какія становились ей доступны, но очень охотно ихъ воспринимала—до усвоенія ихъ въ самый составъ народной поэзіи. Въ древнемъ періодѣ источникъ заимствованій былъ по преимуществу византійскій и южно-славянскій, какъ это былъ вообще основной источникъ старой русской письменности; но, какъ мы замѣчали, въ южно-славянской книгѣ была уже посредствующая ступень къ книгѣ латинской и романской: романскій элементъ присутствуетъ уже въ древнѣйшихъ и нѣкогда весьма любимыхъ и распространенныхъ повѣстяхъ, какъ Александрія и Сказанія Троянскія. Правда, это романское вліяніе было мало сознаваемо, или даже совсѣмъ не сознаваемо въ его церковно-славянскомъ одѣяніи; но разнаго рода факты литературные и бытовые убѣждаютъ, что если была великая антипатія къ западу спеціально въ вопросѣ исповѣданія, то безъ всякаго затрудненія воспринимались воздѣйствія поэтическія, художественныя, культурно-промышленныя. Еще въ древней, до-татарской Руси являются, напримѣръ, строителями церквей художники не только греческіе, но нѣмецкіе и итальянскіе; въ поэзіи, по Слову о полку Игоревѣ, можно наблюдать широкій поэтиче-

скій горизонтъ его автора, — слова его остаются, правда, намеками, какъ и многое другое въ его произведеніи, но ихъ историческая цѣнность подтверждается другими подобными намеками, какъ, напримѣръ, то, что по случайнымъ указаніямъ старыхъ книжниковъ можно заключить, что до нихъ доходили отголоски нѣмецкой героической саги [1]); въ старыхъ поэтическихъ преданіяхъ не однажды можно наблюдать столь близкое сходство съ преданіями западными, что его становится невозможнымъ объяснять случайнымъ совпаденіемъ, и необходимо предположить непосредственное общеніе,—какъ это было, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ новгородскихъ сказаніяхъ, съ которыми встрѣтимся далѣе. Эти международные поэтическіе элементы не нашли у насъ широкаго развитія,—но, къ сожалѣнію, этого развитія не нашли и домашніе поэтическіе элементы. Весь складъ старой письменности, въ зависимости отъ указаннаго выше недостатка школы, былъ таковъ, что въ усиленномъ распространеніи церковнаго стиля свободная поэтическая дѣятельность не получила права гражданства: пѣсня съ самаго начала была сочтена дѣломъ бѣсовскимъ, и какъ дальше увидимъ, эта неблагополучная слава осталась за ней до самаго конца XVII вѣка, когда ея бѣсовскія свойства были еще разъ, какъ въ XI вѣкѣ, подтверждаемы пастырями церкви и самою царскою властью. Когда нѣсколько позднѣе, въ XVI—XVII столѣтіи, открылся новый путь литературнаго общенія съ западной европейской повѣстью черезъ Польшу, эта повѣсть нашла усердныхъ читателей, которые не усомнились сдѣлать одного изъ ея героевъ однимъ изъ любимыхъ богатырей народной сказки. Въ теченіе вѣковъ, которые жила древняя русская повѣсть, характеръ ея бывалъ различенъ по различію самыхъ источниковъ, изъ которыхъ она приходила. Мало общаго между греческой Александріей, наполненной сказочными чудесами подвиговъ знаменитаго завоевателя, и Девгеніевымъ Дѣяніемъ, прямо отражавшимъ народный героическій эпосъ византійской эпохи, или сказаніемъ о Синагрипѣ, взятымъ изъ Тысячи и одной ночи, съ тономъ восточной сказки, или „Варлаамомъ и Іосафатомъ", наполненнымъ мудрыми поученіями, или болѣе поздними „Римскими Дѣяніями" и рыцарскими романами, разсказывавшими о рыцарскихъ подвигахъ и любовныхъ исторіяхъ, или, наконецъ, съ шуточными повѣстями, въ которыхъ дается мѣсто реализму бытовой новеллы. Но читатель, какъ и самый книжникъ, долго оставался на ступени простодушной непосредственности. Въ первое время письменность

[1]) Дитрихъ Бернскій и пр.

была почти исключительно исполнена церковнымъ стилемъ. Первая повѣсть, говорившая, напр., объ Александрѣ Македонскомъ, по всей вѣроятности принималась съ полною вѣрою, какъ самая подлинная исторія, — объ этомъ Александрѣ разсказывалъ совершенно достовѣрный Хронографъ, и „Александрія" (которая при томъ въ нѣкоторыхъ ея редакціяхъ находила мѣсто именно въ Хронографѣ) служила только его дополненіемъ; въ ней разсказывалось, положимъ, о египетскихъ волхвованіяхъ, но объ нихъ же разсказывала сама библейская исторія; въ ней говорилось о необычайныхъ чудесахъ, видѣнныхъ Александромъ въ далекихъ странахъ востока и Индіи, но этимъ чудесамъ готово было вѣрить фантастически настроенное воображеніе и о подобныхъ чудесахъ разсказывала и Палея, и писанія церковныя, и особое сказаніе объ индѣйскомъ царствѣ, обставленное какъ будто исторіей; подлѣ Александра стоялъ знаменитый философъ Аристотель, имя котораго названо было еще въ первыхъ памятникахъ славянорусской письменности, но подлѣ него поставленъ былъ и пророкъ Іеремія, и Александръ изображался царемъ благочестивымъ. Если изъ исторіи Александра извлекалось христіанское поученіе, то мудрый царскій совѣтникъ Акиръ въ арабской сказкѣ о Синагрипѣ прямо изображается какъ благочестивый христіанинъ, — чѣмъ онъ вовсе не былъ, и мало того: легенда разсказывала, что надъ этимъ сказочнымъ царемъ совершилъ даже чудо Николай Чудотворецъ, — а съ другой стороны въ одномъ спискѣ стараго индекса сочтено было нужнымъ упомянуть сказаніе объ Акирѣ, какъ книгу ложную, очевидно именно потому, что его принимали буквально какъ исторію [1]). Это христіанское освѣщеніе дано было еще въ греческихъ источникахъ нашихъ повѣстей. Только позднѣе, когда сталъ умножаться матеріалъ повѣсти, она понимается свободнѣе, какъ произведеніе фантазіи, хотя для простодушнаго читателя сказка и донынѣ представляется настоящей исторіей, только происходившей въ очень отдаленное время. На почвѣ этой эпической вѣры утверждалось и сліяніе чужихъ поэтическихъ мотивовъ съ туземными въ народномъ эпосѣ. Личное творчество, которое свободно распоряжается традиціоннымъ матеріаломъ, а вмѣстѣ обращается къ вымыслу, возникаетъ у насъ только къ концу стараго періода. Этому послѣднему могла именно содѣйствовать позднѣйшая повѣсть, уже не представлявшая прежнихъ эпическихъ элементовъ: Бова Королевичъ могъ сдѣлаться народной книгой, но уже остался

---

[1]) Румянцовскій Сборникъ, № 362; Лѣтопись занятій Археогр. Комм. Спб, 1862, стр. 39.

чуждъ былинѣ [1]); позднѣйшія повѣсти съ рыцарскими приключеніями, любовными исторіями, наконецъ шутливыми похожденіями могли остаться только любимымъ чтеніемъ и войти въ народный анекдотъ.

Въ этой области, опять какъ въ цѣломъ составѣ древней письменности, мы видимъ то же отсутствіе хронологіи. Во-первыхъ, нигдѣ не отмѣчены ни время появленія того или другого памятника въ нашей письменности, ни имя книжника (впрочемъ для древняго періода всего чаще, если не всегда—книжника южно-славянскаго), который потрудился надъ переводомъ, или того книжника, который уже въ кругу русской письменности приложилъ свою руку къ тѣмъ разнообразнымъ редакціямъ, какія мы имѣемъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній. Относительно старѣйшихъ памятниковъ до сихъ поръ не могли быть опредѣлены ни время, ни мѣсто ихъ появленія; южно-славянскія, а затѣмъ и русскія редакціи (памятники древней повѣсти, какъ и вообще памятники древней письменности, сохранились преимущественно, и нерѣдко исключительно въ русскихъ рукописяхъ) остались безъименными; для нихъ не существовало и литературныхъ эпохъ: произведенія до-татарскаго періода продолжали неизмѣнно обращаться въ теченіе средняго періода и еще много списковъ ихъ доходитъ въ XVIII-е столѣтіе. Точно такъ же, какъ мы замѣчали прежде, нельзя услѣдить никакого различія между слоями читателей: вслѣдствіе отсутствія школы (кромѣ элементарной) уровень понятій въ средѣ книжныхъ людей былъ одинаковъ; одни бывали болѣе, другіе менѣе начитаны, но свойство начитанности было сходное. При этихъ условіяхъ и становилось возможно то воздѣйствіе книжной литературы (легенды, апокрифа, повѣсти) на народную словесность, которое, какъ впослѣдствіи увидимъ, заняло въ ней весьма обширное мѣсто.

Въ первую пору изученій этой поэтической старины казалось чрезвычайно привлекательнымъ это свойство ея всенародности, этого тѣснаго общенія между книгой и народной поэзіей, откуда укрѣплялось единство міровоззрѣнія у разныхъ классовъ народа, ихъ единство умственное и нравственное. Но эта привлекательность обманчива: всенародность старой литературы основывалась только на невысокомъ уровнѣ ея содержанія, и при немъ только была возможна. Уровень былъ такъ невысокъ, что, какъ мы видѣли, старая литература была совсѣмъ лишена какъ научнаго движенія мысли (для этого не было ни школы,

[1]) Только Полканъ-богатырь увеличилъ собою списокъ популярныхъ богатырей.

ни пониманія), такъ и личнаго поэтическаго творчества: это было какъ будто продолженіе наивнаго эпическаго періода, не смущаемаго рефлексіей. Очевидно, однако, что первое серьезное стремленіе къ знанію, первое нѣсколько широкое знакомство съ другими литературами должны были неминуемо нарушить это единство міровоззрѣнія и установить тотъ новый порядокъ вещей (уже за многіе вѣка передъ тѣмъ наступившій въ Европѣ), гдѣ научная пытливость разрушаетъ первобытную непосредственность, и гдѣ возникаютъ разнообразныя теченія научной работы и личнаго поэтическаго творчества и гдѣ сообразно съ этимъ распредѣляются различные круги образованія, прежде обыкновенно совпадавшіе съ распредѣленіемъ общественныхъ привилегій. У насъ это нарушеніе стараго единства неизмѣнно относили прежде къ Петровской реформѣ; новѣйшія изслѣдованія убѣждаютъ однако, что это началось гораздо раньше: симптомомъ подобнаго разрыва былъ Стоглавъ, сознававшій (хотя еще неясно) народное невѣжество; фактомъ такого разрыва была Никоновская реформа и происшедшій изъ нея расколъ; разрывъ былъ несомнѣненъ, когда сначала въ юго-западной Руси, потомъ въ Москвѣ началось вліяніе новой церковной школы, приносившей и свѣтскія литературныя познанія. Эта новая школа, оказавшая свое дѣйствіе задолго до Петра, открывала своимъ питомцамъ совсѣмъ иную литературу (напр. классическую), чѣмъ та, какую знали по преданію; она научала (хотя неполно на первый разъ) различать исторію отъ баснословія,—и этого было довольно, чтобы положить грань между традиціонной письменностью и новой литературой съ иными формами и содержаніемъ.

Изученіе древней повѣсти, какъ и многихъ иныхъ памятниковъ старой славяно-русской письменности, представляетъ нѣсколько различныхъ сторонъ историческаго значенія. Эти памятники являются, во-первыхъ, свидѣтельствомъ о положеніи книжнаго знанія и книжной дѣятельности; во-вторыхъ, мы находимъ въ нихъ многочисленныя указанія о развитіи народнаго міровоззрѣнія и между прочимъ наблюдаемъ тѣсныя связи памятниковъ письменности съ народной поэзіей; наконецъ, въ-третьихъ, произведенія старой нашей письменности представляютъ множество любопытныхъ данныхъ общаго характера для исторіи средневѣковой литературы, преданій и поэзіи. Эти международныя отношенія славяно-русской письменности обратили на себя вниманіе особенно въ послѣднее время и дали не мало любопытныхъ указаній для исторіи средневѣковой литературы, особливо византійской. Мы имѣли уже случай указывать, что старая сла-

вяно-русская письменность сохранила не мало текстовъ или варіантовъ, до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ въ греческихъ подлинникахъ. Для множества произведеній переводныхъ нашлись, конечно, ихъ оригиналы; найденъ былъ даже оригиналъ для цѣлаго древняго сборника (именно сборника Симеона-Святослава 1073 г.), но въ другихъ случаяхъ наши рукописи заключали въ себѣ любопытныя добавленія, варіанты, даже цѣлые памятники, до сихъ поръ не встрѣченные въ греческихъ или латинскихъ рукописяхъ, такъ что остаются пока единственными свидѣтельствами о существованіи ихъ въ средневѣковой литературѣ. Въ послѣднее время, въ особенности послѣ книги Донлопа-Либрехта (1851) и послѣ книги Бенфея (1858), поставившей вопросъ о литературной исторіи поэтическихъ миѳовъ и преданій, изслѣдованіе этой исторіи привлекло много ученыхъ силъ во всѣхъ главныхъ литературахъ Европы: открылось цѣлое спеціальное изученіе перехожихъ повѣстей, миѳовъ и преданій, въ первый разъ знакомившее съ едва замѣченнымъ прежде явленіемъ тѣснаго международнаго сродства этихъ произведеній. Это изученіе указывало неподозрѣваемые ранѣе факты въ исторіи поэзіи и культуры: то, что̀ казалось прежде отдѣльнымъ анекдотическимъ сходствомъ, получало значеніе широкаго явленія, обнимавшаго многіе вѣка и народы; раскрывалось культурное взаимодѣйствіе на общей почвѣ миѳа и поэзіи; то, что̀ казалось прежде самобытнымъ произведеніемъ личнаго поэта или народной массы (въ народной поэзіи), оказывалось общимъ достояніемъ, переходившимъ изъ страны къ страну, изъ вѣка въ вѣкъ часто невѣдомыми путями,—что это сходство темы въ поэтическомъ разсказѣ или миѳическомъ преданіи не было случайнымъ совпаденіемъ, а именно генеалогическою связью, это доказывалось такимъ единствомъ подробностей, которое было бы немыслимо при случайномъ совпаденіи, а иногда доказывалось и прямыми фактами—напр. сходствомъ именъ и т. п. Какъ извѣстно, ученіе Бенфея о значеніи литературнаго преданія въ судьбѣ народныхъ сказаній [1]) противопоставлялось теоріи Гримма объ ихъ до-исторической связи, и взамѣнъ трудно услѣдимаго единства первобытной миѳологіи (при изученіи котораго оставалось слишкомъ много мѣста произволу) въ этомъ международ-

[1]) Замѣтимъ впрочемъ, что Бенфей только опредѣлительнѣе высказалъ точку зрѣнія, уже раньше извѣстную въ наукѣ. Первое изданіе книги Донлопа (Dunlop, History of fiction), послужившей для обширныхъ сравнительно-историческихъ дополненій въ переводѣ Либрехта (Geschichte der Prosadichtungen), вышло еще въ 1814 году; въ нѣмецкой наукѣ задолго до Бенфея работали въ этомъ сравнительномъ направленіи Фердинандъ Вольфъ, Валентинъ Шмидтъ и др.

номъ изученіи литературной исторіи давались осязательные факты, рисовавшіе совсѣмъ иную картину—картину широкаго международнаго обмѣна. Эти изученія, можно сказать, начатыя на нашихъ глазахъ, успѣли однако, если не достигнуть извѣстнаго положительнаго результата, то по крайней мѣрѣ намѣтить точки зрѣнія, которыя отчасти уже и теперь даютъ новый видъ внутренней исторіи литературнаго развитія въ средніе вѣка. А именно, ограничивая область первобытной миѳологіи, какъ она опредѣлялась въ школѣ Гримма, эти изученія съ одной стороны вносятъ фактъ прямого или косвеннаго заимствованія преданій, миѳическихъ по существу или становившихся миѳомъ, а съ другой очень расширяютъ, сравнительно съ прежними взглядами, область христіанскихъ вліяній на средневѣковое міровоззрѣніе. Такъ подобный результатъ оказывается уже на построеніи миѳологіи германской, скандинавской, а также и славяно-русской: то, что̀ полагалось первобытно-миѳическимъ, объясняется вліяніемъ миѳологіи христіанской—апокрифомъ, легендой, а также и повѣстью. Въ нашей народно-поэтической старинѣ эта замѣна стараго пріема изслѣдованія новымъ доставляла, быть можетъ, особенно яркіе результаты: настоящій первобытный миѳъ долженъ быть разыскиваемъ иначе, а то, что̀ имъ считалось, нерѣдко весьма осязательно сводится къ болѣе позднему христіанскому вліянію. Этотъ христіанскій элементъ, воздѣйствовавшій на первобытную языческую почву, становится особливо замѣтенъ; первобытная старина, ему предшествующая, удаляется въ туманъ древности и часто, повидимому окончательно, закрыта для насъ позднѣйшими явленіями народной жизни.

Въ этой исторіи странствующихъ повѣстей и преданій славяно-русская письменность занимаетъ свое важное мѣсто, и именно русскіе памятники, такъ какъ въ нихъ эта письменность сохранилась всего обильнѣе. Русскіе памятники обогащали эту исторію новымъ звеномъ, тѣмъ болѣе любопытнымъ, что они представляютъ иногда отсутствующіе или до сихъ поръ не отысканные греческіе тексты. Исторія странствующихъ сказаній, открывая вообще мало извѣстные до сихъ поръ факты широкаго международнаго общенія и взаимодѣйствія, относительно русской письменности, какъ мы сказали, устраняетъ и прежнее предположеніе объ ея изолированности въ старомъ періодѣ: гдѣ только допускали условія, она охотно почерпала матеріалъ повѣсти и поэтическаго сказанія на югѣ, западѣ и востокѣ, былъ ли то источникъ византійскій, южно-славянскій, германскій, романскій, персидскій и татарскій. Только слабое вообще литературное разви-

тіе не дало этому чужому и собственному матеріалу сложиться въ болѣе самостоятельныя и цѣльныя произведенія: въ условіяхъ старой поэтической дѣятельности этотъ матеріалъ былъ воспринятъ и переработанъ почти только въ области устной народной поэзіи.

Научная разработка русскихъ памятниковъ въ три послѣднія десятилѣтія достигла весьма широкихъ размѣровъ, хотя ведена была очень неравномѣрно. Только въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ содержаніе было передаваемо въ цѣльномъ обозрѣніи [1]); большею частью это была чисто детальная разработка отдѣльныхъ памятниковъ или отдѣльныхъ темъ. Мы уже называли не однажды имена ученыхъ, работавшихъ надъ этими задачами. Нѣкоторыя общія указанія сдѣланы были еще Буслаевымъ; затѣмъ по собиранію и изученію текстовъ важныя работы были исполнены Тихонравовымъ, который кромѣ того приготовилъ группу учениковъ въ томъ же направленіи. Наиболѣе цѣнныя изслѣдованія въ международной сторонѣ вопроса и въ объясненіи историческаго развитія сказаній сдѣланы были въ многочисленныхъ трудахъ г. Веселовскаго, представляющихъ обширный запасъ историко-литературныхъ сравненій, которыя разъясняютъ и самую исторію памятниковъ въ средневѣковой литературѣ и ихъ роль въ древней русской письменности. Съ именами изыскателей, работавшихъ болѣе или менѣе подъ вліяніемъ его изслѣдованій, мы встрѣчались и еще встрѣтимся. Для изданія текстовъ много сдѣлано было Обществомъ любителей древней письменности, въ „Памятникахъ“ котораго явилось не мало текстовъ древней повѣсти, — хотя, по обычаю Общества, это бываютъ большею частью только факсимиле отдѣльныхъ рукописей безъ опредѣленія редакцій и сведенія варіантовъ. Къ сожалѣнію, эта разработка древней повѣсти нерѣдко столь детальна, что большинство изслѣдованій оставалось доступно только спеціалистамъ. Поэтому, несмотря на массу потраченнаго ученаго труда, древняя русская повѣсть до сихъ поръ очень мало извѣстна внѣ этого круга; между тѣмъ она заслуживала бы бо́льшаго распространенія и какъ

---

[1]) Таково было первое общее обозрѣніе древней повѣсти въ моемъ „Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“. Спб. 1857.

— „Памятники литературы повѣствовательной“, — глава, написанная г. Веселовскимъ въ „Исторіи русской словесности“, Галахова, изд. 2-е, Спб. 1880. I, стр. 394—517.

— Ilchester Lectures on Greeko-Slavonic Literature and its relation to the folc-lore of Europe during the middle ages. By Gaster. London, 1887. Румынскій ученый останавливается на древней славяно-русской повѣсти именно съ точки зрѣнія исторіи странствующихъ сказаній, впрочемъ лишь весьма кратко.

памятникъ нашей книжной старины, и какъ эпизодъ международной литературной исторіи [1]).

I.

Повѣсти византійскія и латино-романскія, приходившія черезъ южно-славянское посредство.

Однимъ изъ древнѣйшихъ, наиболѣе распространенныхъ и популярныхъ памятниковъ старой повѣсти была „Александрія“ — полу-историческій, полу-баснословный разсказъ о подвигахъ Александра Македонскаго, почти одинаково извѣстный и любимый въ средніе вѣка на западѣ и на востокѣ. Первый источникъ этого памятника былъ греческій, изъ александрійской эпохи (около второго вѣка по Р. Х.), на что указываетъ между прочимъ особенная роль города Александріи въ самомъ разсказѣ. Это произведеніе приписывалось въ древности племяннику Аристотеля Каллисѳену, находившемуся при Александрѣ и которому принадлежалъ, повидимому, какой-то историческій трудъ объ Александрѣ; но памятникъ, извѣстный теперь съ именемъ „Александріи“, не могъ быть составленъ Каллисѳеномъ потому уже, что Каллисѳенъ умеръ раньше Александра. Книга, составленная въ Александріи, повидимому получила большую славу еще въ древности: въ началѣ четвертаго вѣка она была переведена на латинскій языкъ Юліемъ Валеріемъ, давно стала извѣстна на армянскомъ языкѣ. Популярность памятника въ Византіи опредѣляется уже значительнымъ количествомъ его греческихъ редакцій. Одна изъ нихъ переведена была въ X столѣтіи на латинскій языкъ неаполитанскимъ архипресвитеромъ Львомъ: это была, по позднѣйшему сокращенному загла-

[1]) Послѣ „Памятниковъ старинной русской литературы“ (Спб. 1860 — 1862), Костомарова, которые были опытомъ популярнаго изданія, до сихъ поръ не было сдѣлано цѣльнаго собранія старой русской повѣсти и легенды, ни въ спеціальномъ, ни въ популярномъ направленіи. Отсутствіе подобнаго изданія, безъ сомнѣнія, прежде всего затрудняетъ знакомство съ этимъ отдѣломъ старой письменности для обыкновеннаго читателя; но такое изданіе было бы необходимо и въ интересахъ самой науки. Необходимы были бы именно сводныя изданія, чтенія памятниковъ, возстановленіе текстовъ и ихъ развитія въ дальнѣйшихъ редакціяхъ,—чтобы разобраться наконецъ въ массѣ списковъ, большинство которыхъ притомъ крайне испорчено. Напр., только въ концѣ прошлаго года явилось первое правильное изданіе текста „Александріи“ (кромѣ факсимиле одной поздней рукописи въ изданіи Общества любителей древней письменности), но только одной такъ называемой болгарской редакціи; русская „Александрія“ сербской редакціи у насъ до сихъ поръ не издана.

вію, Historia de preliis (Исторія о битвахъ) или, въ болѣе полномъ заглавіи, Historia Alexandri Magni regis Macedoniae de preliis, которая и послужила главнымъ источникомъ для средневѣковыхъ обработокъ исторіи Александра въ литературѣ французской, нѣмецкой, потомъ чешской и пр. Наконецъ, Псевдо-Каллисѳенъ проникъ и въ литературы восточныя, гдѣ „Искандеръ" сталъ мусульманскимъ народнымъ героемъ. Произведеніе Псевдо-Каллисѳена проникло и въ письменность южно-славянскую, откуда было унаслѣдовано русскими книжниками.

Когда былъ сдѣланъ южно-славянскій переводъ и когда онъ перешелъ на Русь, остается, по обыкновенію, неизвѣстно. Единственный внѣшній признакъ, которымъ можетъ быть опредѣлена хронологія памятника, состоитъ въ томъ, что рукопись XV вѣка, въ которой сохранилась одна (такъ называемая болгарская) редакція Псевдо-Каллисѳена, является копіей съ рукописи 1261 года, такъ что въ половинѣ XIII-го вѣка „Александрія" можетъ считаться извѣстной; но весьма возможно, что переводъ былъ и гораздо старѣе, какъ можно заключать по древнимъ остаткамъ въ языкѣ, сохранившимся иногда и въ позднѣйшихъ, хотя сильно подновленныхъ спискахъ. Но переводовъ было даже два—кромѣ болгарскаго сербскій, сдѣланный по другой редакціи подлинника и также значительно древній [1]).

Первая форма „Александріи", которую будемъ называть бол-

---

[1]) Первыя общія замѣчанія объ „Александріи" и отрывокъ текста въ моемъ „Очеркѣ", 1857, стр. 25—50, 303—306.

— Подробныя изслѣдованія объ „Александріи" сербской редакціи у А. Веселовскаго въ Журналѣ мин. просв., 1884, іюнь, сентябрь: „Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи"; 1885, октябрь, замѣтки о томъ же; Archiv für slavische Philologie, I, стр. 608—611: Zur bulgarischen Alexandersage; но въ особенности въ книгѣ: „Изъ исторіи романа и повѣсти", Спб. 1886, I, стр. 129—511, и приложенія, стр. 1—66; „Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ". Спб. 1893 (о еврейской Александріи XII в.).

— В. Истринъ. Александрія русскихъ хронографовъ. Изслѣдованіе и текстъ. Москва, 1893 (изъ „Чтеній" московскаго Общества исторіи и древностей). Здѣсь изданы четыре редакціи болгарской „Александріи", а въ изслѣдованіи сдѣланъ также очеркъ литературной исторіи „Александріи", указаны новѣйшія изслѣдованія о ней, и русскія редакціи подробно разобраны.

— Изданія г. Ягича: „Život Aleksandra Velikoga". Загребъ, 1871; „Život Aleksandra Velikoga po tekstu recensije bugarske", въ „Starine" юго-славянской академіи, V. Загребъ, 1873.

— Ст. Новаковича, „Приповетка о Александру Великом" (въ старой сербской письменности: критическій текстъ и изслѣдованіе). Бѣлградъ, 1878.

— Александрія. Спб. 1880—1887 (автографическое изданіе лицевой рукописи Александріи XVII в., сербской редакціи). Памятники Общ. люб. др. письменности, LXVII, LXXXVII.

гарской, въ старыхъ рукописяхъ оказывается внесенной въ византійскую хронику Іоанна Малалы, какъ отдѣльная вставка, и впослѣдствіи встрѣчается у насъ по преимуществу въ составѣ Хронографа главныхъ его редакцій. Она извѣстна теперь въ большомъ количествѣ рукописей, представляющихъ въ свою очередь различный составъ, а именно до пяти различныхъ редакцій. Исторію ихъ образованія новѣйшія изысканія излагаютъ такъ. Время и мѣсто происхожденія нашей „Александріи" (въ ея первой формѣ) съ точностью опредѣлить еще нельзя, но въ XII вѣкѣ она уже существовала. Она была первоначально переводомъ изъ Псевдо-Каллисѳена (по второй его редакціи, хотя оригиналомъ этого перевода не былъ ни одинъ изъ до сихъ поръ извѣстныхъ греческихъ списковъ); переводъ былъ буквальный, слово за словомъ, не исправлявшій ошибокъ греческаго оригинала и самъ дѣлавшій ошибки. Къ первоначальному составу „Александріи" прибавился потомъ разсказъ о шествіи Александра въ Іерусалимъ, взятый изъ переводной хроники Амартола, и въ XIII-мъ в. „Александрія", уже съ этой вставкой, внесена была въ хронику Іоанна Малалы. Эта первоначальная редакція подверглась потомъ большимъ измѣненіямъ, результатомъ которыхъ явилась, вѣроятно въ нѣсколько пріемовъ, вторая редакція „Александріи", отличающаяся отъ первой множествомъ добавленій. По словамъ новѣйшаго изслѣдователя, нѣкоторыя изъ прибавокъ второй редакціи только распространяютъ текстъ, не разъясняя его, но другія обнаруживаютъ желаніе осмыслить чтеніе первой редакціи, а также сообщаютъ и новые факты, и этотъ второй редакторъ „Александріи", повидимому русскій, проявилъ въ своей работѣ большую начитанность — въ литературѣ исторической, поучительной и въ апокрифахъ. Онъ прибавляетъ историческія свѣденія изъ Амартола, Малалы и „Еллинскаго лѣтописца", пользуется сочиненіями Епифанія Кипрскаго и Кирилла Александрійскаго и Прологомъ, беретъ изъ Меѳодія Патарскаго сказанія объ основаніи Византіи, о заключеніи нечистыхъ народовъ въ горахъ, изъ сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ — разныя подробности о чудесахъ Индіи, изъ Физіолога — разсказы объ ехиднахъ, о Горгоніи, изъ апокрифическаго хожденія Зосимы — извѣстія о рахманахъ, изъ апокрифическаго хожденія трехъ иноковъ къ Макарію — разсказы о разныхъ чудесахъ, видѣнныхъ Александромъ на крайнемъ востокѣ, не вдалекѣ отъ рая (Макарій жилъ отъ него въ двадцати верстахъ), наконецъ, изъ народныхъ сказаній. Составитель второй редакціи вообще воспользовался своимъ матеріаломъ весьма умѣло; лишь въ немногихъ случаяхъ онъ не умѣлъ связать изложенія.

„Въ обрисовкѣ характера Александра наша Александрія стоитъ нисколько не ниже западныхъ Александрій. Но она рѣзко отличается отъ нихъ полнымъ отсутствіемъ анахронизмовъ. Ея редакторъ, заимствуя откуда только могъ различные эпизоды и приписывая ихъ Александру, такъ искусно все спаивалъ, что ничто не отзывается неправдоподобностью. Въ западныхъ же Александріяхъ Александръ прежде всего рыцарь, и вся обстановка, среди которой онъ воспитывается и дѣйствуетъ, чисто рыцарская; онъ представленъ дѣйствующимъ не въ древнее время, а въ рыцарское. Въ нашей же Александріи ничего подобнаго нѣтъ: Александръ не вышелъ изъ рамокъ, очерченныхъ ему оригиналомъ нашего романа. Это особенно сказывается въ томъ, что на Александра въ нашемъ романѣ не легла ни одна черта храстіанства: покорность судьбѣ уже намѣчена въ его оригиналѣ, и авторъ романа только попалъ въ тонъ и провелъ его съ послѣдовательностью“ [1])...

Эта вторая редакція, вѣроятно путемъ нѣсколькихъ переработокъ, получила свою окончательную форму въ XIV—XV вѣкѣ, вошла въ этомъ видѣ въ составъ „Еллинскаго лѣтописца“, но затѣмъ начинаетъ выходить изъ употребленія, а въ то же время, приблизительно въ XIV—XV вѣкѣ, начинаетъ распространяться сербская „Александрія“, которая расходилась потомъ въ большомъ количествѣ списковъ. „Видимое дѣло,—говоритъ тотъ же изслѣдователь, — псевдо-каллисѳеновская Александрія была вытѣснена новой Александріей, сербской, пришедшейся больше по вкусу читателямъ, чѣмъ ея предшественница. Такое явленіе нисколько не удивительно... Сербская Александрія больше представляла интереса для читателя, чѣмъ псевдо-каллисѳеновская. Она именно, а не псевдо-каллисѳеновская, подходила подъ понятіе свѣтской литературы: въ ней романизма [2]) гораздо больше, чѣмъ въ псевдо-каллисѳеновской. Ея герои произносятъ при удобномъ случаѣ рѣчи, которыя привлекали къ себѣ, особенно рѣчи жалостныя. Затѣмъ она приходилась по вкусу читателямъ множествомъ афоризмовъ, разсѣянныхъ во многихъ мѣстахъ, что̀ сближало ее съ Пчелами, а Пчелы были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ. Наконецъ, Александръ являлся въ ней полу-христіанскимъ героемъ: пророкъ Іеремія является его сопутникомъ и помощникомъ, что̀, разумѣется, больше удовлетворяло древне-русскаго человѣка, воспитывавшагося подъ вліяніемъ церковно-христіанской литературы, чѣмъ упоминаніе о Гермесѣ, о которомъ онъ не имѣлъ и пред-

---

[1]) Истринъ, стр. 240.

[2]) Авторъ хочетъ сказать—романическаго элемента.

ставленія. Все это было причиной, почему псевдо-каллисѳеновская Александрія, представляющая ту же идею, что и сербская —ничтожество человѣка,—была вытѣснена послѣдней изъ домашняго обихода читателей, изъ круга занимательныхъ повѣствованій и сохранилась въ хронографахъ" [1]).

Впослѣдствіи передѣлки продолжались: образовались еще третья и четвертая редакціи „Александріи", въ которыхъ старый текстъ былъ сокращенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ и нѣкоторыя новыя добавленія: источникомъ ихъ послужилъ еще одинъ византійскій историческій памятникъ (Паралипоменонъ Зонары) и особливо сербская „Александрія", тѣмъ временемъ распространившаяся въ нашей письменности. Эти новыя переработки относятъ въ конецъ XV вѣка. Въ началѣ XVI вѣка „Александрія" была передѣлана еще разъ,—какъ и предъидущія редакціи,—въ составѣ того Хронографа, которому она принадлежала: прежній текстъ былъ опять сокращенъ, но опять получилъ дополненія изъ новыхъ источниковъ, тѣмъ временемъ явившихся въ нашей письменности, а именно изъ переводной хроники Мартина Бѣльскаго, изъ старой подробной редакціи „Александріи", наконецъ, изъ появившейся тогда въ переводѣ мнимой книги Аристотеля „Тайная Тайныхъ". Была, наконецъ, и еще одна форма Александріи, которую считали ея южно-русской редакціей, но она оказалась буквальной переписью русскими буквами стараго польскаго перевода латинской Historia de preliis [2]).

Какъ мы сказали, въ XIV—XV вѣкѣ въ нашей письменности стала распространяться другая форма „Александріи"—ея сербская редакція: она имѣла большой успѣхъ и повліяла даже на составъ болгарской редакціи. Объясненіе этого успѣха заключается въ томъ, что сербская редакція еще расширяла элементъ чудеснаго, а кромѣ того давала самому Александру христіанскую окраску. Она послужила въ особенности предметомъ разысканій г. Веселовскаго, гдѣ дано вообще много важныхъ изслѣдованій объ исторіи самыхъ источниковъ памятника. Происхожденіе сербской „Александріи" представляло вопросъ болѣе сложный, чѣмъ исторія „Александріи" болгарской: послѣдняя была прямо переводомъ греческаго текста Псевдо-Каллисѳена, въ связи съ извѣстными грече-

---

[1]) Истринъ, стр. 250—251.

[2]) Истринъ, стр. 136, 138—139 251, 287—288, 313. Трудъ г. Истрина очень обстоятельно разрѣшаетъ сложный вопросъ о различныхъ редакціяхъ болгарской Александріи. Не совсѣмъ понимаемъ, почему онъ постоянно неправильно пишетъ имя Каллисѳена. Непонятое имъ слово: „въ талбу" (стр. 230 и стр. 231 текстовъ) значитъ просто: въ заложники, отъ стараго слова „таль".

скими хронистами, съ дополненіями изъ памятниковъ славяно-русской письменности; характеръ „Александріи" сербской представляется гораздо болѣе запутаннымъ. Подлинникъ ея былъ несомнѣнно греческій: есть греческіе тексты того же типа; въ переводѣ сохранились грецизмы, но есть и черты, указывающія на присутствіе элемента романскаго, и какъ видно изъ нѣкоторыхъ греческихъ текстовъ [1]), этотъ романскій элементъ находился уже и въ греческомъ текстѣ, какой могъ быть подлинникомъ сербской редакціи. Между прочимъ въ эпизодѣ преданій о Троѣ, внесенномъ въ Александрію, подобный греческій текстъ приводитъ собственныя имена отчасти въ ихъ обыкновенной формѣ, а отчасти въ такой, которая указываетъ, что они прошли черезъ латинскую форму: въ такой же латинизированной формѣ эти имена повторяются и въ сербской редакціи Александріи [2]). Эти особенности языка вмѣстѣ съ нѣкоторыми подробностями самаго изложенія приводили г. Веселовскаго къ заключенію, что и самый подлинникъ сербской Александріи испыталъ средне-латинское и романское вліяніе. „Греческій источникъ сербской рецензіи,—говоритъ онъ,—очевидно, не непосредственно выработался на греко-византійской почвѣ изъ какого-нибудь текста Псевдо-Каллисѳена; послѣдовательное употребленіе романизмовъ и латинскій обликъ собственныхъ именъ указываютъ на знакомство редактора съ литературой западной романтики, если не на посредство или вліяніе какой-нибудь западной, нынѣ утраченной обработки, въ родѣ Historia de preliis, пространный текстъ которой не разъ служилъ намъ комментаріемъ къ нашему роману. Какъ пересказана была по-гречески, по одной изъ позднѣйшихъ европейскихъ передѣлокъ, византійская повѣсть о Floire и Blancefior, утраченная въ подлинникѣ, но сохранившаяся въ старо-французской поэмѣ, такъ вообще старые греческіе и византійскіе мотивы и разсказы, унесенные на западъ, возвращались на родину въ новомъ освѣщеніи. Взятіе латинянами Константинополя (1203 г.), открывшее пути западному литературному вліянію, взятіе Даміэтты (1220 г.), обновившее память мѣстныхъ преданій о пророкѣ Іереміи, играющемъ столь видную роль въ сербской Александріи —таковъ terminus a quo [3]) сложенія и ея греческаго подлинника. Другую хронологическую грань представляютъ списки старославянскаго перевода, восходящіе къ XV вѣку; въ XIV—XV вв.

[1]) Напр., вѣнскаго, изданнаго Веселовскимъ въ приложеніи къ его изслѣдованію.

[2]) Напр.: Кандархусъ, Полукратушь, Вринеушь, Селевкушь, „сынъ Киросовъ" (Кировъ), Пріамушь и т. п.

[3]) Т.-е., хронологическій пунктъ, съ котораго можно считать это сложеніе.

могъ быть сдѣланъ и самый переводъ, что̀ отнесло бы время составленія греческаго подлинника къ XIII—XIV столѣтіямъ". Далѣе, указаніемъ о времени составленія этой формы Александріи можетъ служить то, что Псевдо-Каллисѳеновы скиѳы, война съ которыми составляетъ одинъ изъ первыхъ подвиговъ Александра, замѣнены здѣсь куманами (половцами): Византія вела съ ними войны, которыя завершились окончательнымъ пораженіемъ ихъ въ 1095 году, и по мнѣнію г. Веселовскаго, появленіе ихъ имени могло быть отголоскомъ если не непосредственнаго, то близкаго воспоминанія. „Страннымъ въ нашей гипотезѣ о западномъ источникѣ или источникахъ греческаго подлинника сербской Александріи представляется то обстоятельство, что до сихъ поръ между европейскими пересказами романа не встрѣтилось ни одного съ характерными признаками нашей редакціи",—но есть указанія, что отдѣльные, спеціально ей принадлежащіе, эпизоды были извѣстны и въ западной литературѣ. Какъ мы замѣтили, собственныя имена передаются въ сербской Александріи, вслѣдъ за греческимъ, латинизированнымъ подлинникомъ, особеннымъ образомъ [1]): подобныя формы встрѣчаются и въ другихъ памятникахъ той же группы (какъ Троянская притча, о которой будемъ говорить далѣе, и др.) и указываютъ на извѣстныя діалектическія особенности, а также на установившійся пріемъ и возможность западнаго вліянія [2]). Съ фактами этого сербо-романскаго вліянія въ древней русской повѣсти мы еще встрѣтимся.

Что Александръ Македонскій сдѣлался уже въ древнее время героемъ любимаго героическаго и чудеснаго романа, это легко объясняется самой исторической его ролью. Онъ былъ исполнителемъ самаго сильнаго движенія греческой власти и цивилизаціи на азіатскій востокъ, гдѣ они и утвердились потомъ на цѣлые вѣка; его походъ въ Малую Азію, Персію и еще болѣе отдаленныя страны азіатскаго востока, о которыхъ до тѣхъ поръ существовали только самыя темныя представленія, этотъ походъ былъ быстрымъ побѣдоноснымъ шествіемъ, который не могъ не произвести впечатлѣнія на современниковъ и тѣмъ болѣе окружаемъ былъ чудесными сказаніями въ потомствѣ; возбуждала сочувствіе и личность самого героя, умершаго молодымъ, отличавшагося героической смѣлостью и вмѣстѣ мудростью и великодушіемъ. Новѣйшіе изслѣдователи ставили вопросъ о томъ, гдѣ былъ источникъ этой героической повѣсти—была ли это народ-

---

1) Окончанія на us, es; переходъ *ф* въ *п*, и обратно.

2) Изъ исторіи романа и повѣсти, I, стр. 437—451.

ная сага или книжный романъ, украшавшій подлинную исторію: едва ли сомнительно, что въ составѣ повѣсти участвовало и то, и другое. Едва ли можно отвергать присутствіе саги во многихъ подробностяхъ, которыя не могли быть произвольно выдуманы книжникомъ, и впослѣдствіи къ „Александріи" легко приставали другія народныя сказанія; съ другой стороны, „Александрія" переполнена эпизодами чисто книжной формы, каковы, напр., многочисленныя посланія, которыя пишетъ и получаетъ Александръ. Начало повѣсти, которое повторяется во всѣхъ ея редакціяхъ и приписываетъ Александру происхожденіе отъ египетскаго царя и волхва Нектанава, явившагося къ Олимпіадѣ въ видѣ египетскаго бога Аммона, это начало представляется уже преданіемъ, которое хотѣло привязать Александра къ Египту и городу Александріи: онъ получаетъ Египетъ не какъ плодъ завоеванія, а какъ законное наслѣдство. Но если одни эпизоды повѣсти должны были прославлять городъ Александрію, то другія редакціи Псевдо-Каллисѳена носятъ очевидно іудейско-христіанскій характеръ: Александръ приходитъ въ Іерусалимъ; іудеи, видя невозможность сопротивленія, торжественно встрѣчаютъ его и на вопросъ: „какому боги служите вы?" ему отвѣчали: „мы служимъ единому Богу, который сотворилъ небо и землю и все, что̀ въ нихъ; никто изъ людей не можетъ Его постичь". Тогда Александръ сказалъ: „такъ какъ вы служите истинному Богу, то идите съ миромъ; Богъ вашъ будетъ моимъ Богомъ". И потомъ пророкъ Іеремія является ему во снѣ, говоритъ ему объ истинной вѣрѣ, о Богѣ-Саваоѳѣ и т. д. Эта близость Александра къ нравственнымъ понятіямъ христіанскимъ не разъ высказывается въ теченіе разсказа: онъ со вниманіемъ слушаетъ поученія „нагомудрецовъ", которыхъ нашелъ на дальнемъ востокѣ, и благоволитъ имъ; среди своихъ побѣдъ и могущества онъ сознаетъ ничтожество земного величія, и какъ въ военныхъ дѣлахъ онъ отличается большимъ искусствомъ и хитростью, такъ и въ своихъ нравственныхъ понятіяхъ онъ выказываетъ великое смиреніе и мудрость. Отдаленные походы естественно давали поводъ къ невѣроятнымъ разсказамъ о чудесахъ дальнихъ странъ, ни кѣмъ раньше не виданныхъ—разсказовъ, которыхъ, конечно, невозможно было провѣрить [1]).

---

[1]) Новѣйшее изслѣдованіе объ азіатскихъ походахъ Александра Македонскаго: Alexander des Grossen Feldzüge in Turkestan. Kommentar zu den Geschichtswerken des Flavius Arrianus und Q. Curtius Rufus auf Grund vieljähriger Reisen im russischen Turkestan und den angrenzenden Ländern von Franz v. Schwarz. München, 1893. Авторъ пятнадцать лѣтъ прожилъ въ Туркестанѣ и имѣлъ случай ви-

Классическая слава подвиговъ, героическаго характера и мудрости Александра перешла и въ христіанскія времена. Не было историческаго лица, знаменитость котораго распространялась бы такъ широко и привлекала такой интересъ, который и сдѣлалъ его центромъ богатой легенды. „Александрія" передаетъ много поучительныхъ изреченій, мудрыхъ рѣшеній Александра въ родѣ судовъ Соломона, и съ этой стороны отвѣчала также вкусамъ древнихъ и средневѣковыхъ читателей. Сопоставляя легендарныя черты Александра въ литературѣ древней и средневѣковой, г. Веселовскій указываетъ, какъ античный Александръ развивался наконецъ въ полу-христіанскаго героя. „Назидательный характеръ нашего памятника достаточно выяснился изъ предъидущаго изложенія; онъ сознательно любитъ апофтегму: ею щеголяетъ и Дарій, и Поръ, но особливо Александръ, сложившійся уже у Плутарха въ типическій образъ царя-философа, бесѣдующаго съ брахманами-гимнософистами (Плутархъ, Псевдо-Каллисѳенъ, Палладій), съ мудрецами (Талмудъ), философами, не даромъ сходящимися у его гроба, чтобы задуматься надъ бренностью земного величія. Въ то время какъ средневѣковые жонглёры увлекались представленіемъ блестящаго, щедраго царя, старая и новая новелла любили ставить его въ положенія, вызывавшія общіе вопросы и философскія сомнѣнія". Таковы разсказы еще Цицерона и Валерія Максима, потомъ блаженнаго Августина и затѣмъ средневѣковыхъ сборниковъ, изъ которыхъ одинъ, напр., „выводитъ самого Александра въ бесѣдѣ съ наслѣдникомъ древнихъ царей, отказавшимся отъ власти и проводящимъ все время въ склепѣ, гдѣ онъ перебираетъ кости, стараясь узнать, какія изъ нихъ принадлежали царямъ, какія рабамъ—и не находя между ними никакой разницы".

„Этотъ идеализированный образъ Александра полюбился отцамъ церкви,—продолжаетъ г. Веселовскій;—Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, Іоаннъ Златоустъ приводятъ примѣры его мудрости, справедливости, воздержанія и милосердія, и цитируютъ его изреченія. Его слабости и порочныя увлеченія не забыты, но не всегда ведутъ къ отрицательной характеристикѣ, какъ у Евсевія и Орозія: чаще они упоминаются какъ бы затѣмъ, чтобы оттѣнить положительныя стороны идеала: и такого-то героя, мудреца, одолѣлъ порокъ, скосила смерть!" Такъ, напр., писалъ о немъ Григорій Назіанзинъ въ своихъ стихотвореніяхъ, и старое, рус-

дѣть тѣ мѣстности, въ которыхъ нужно предположить походы Александра. Крайними сѣверными пунктами походовъ были нынѣшніе Бухара (Согдіана), Самаркандъ (Мараканда) и Ходжентъ (Александрія) въ древней Согдіанѣ.

ское „Преніе живота и смерти“ вспоминаетъ о немъ въ томъ же смыслѣ: смерть похваляется: „Александръ Македонскій и удалой и храбръ, и всей подсолнечной царь и государь былъ, да и того азъ взяла!“

„Это представленіе чего-то рокового усиливалось, въ иной связи, тѣмъ мѣстомъ, какое выпало на долю Александра въ талмудическихъ и христіанскихъ толкованіяхъ Даніиловыхъ пророчествъ. Вся его историческая роль явилась въ фаталистическомъ освѣщеніи: побѣдитель персовъ, создавшій всемірное господство македонянъ, онъ пришелъ какъ бы за тѣмъ, чтобы уготовить такое же господство римскаго имени. Римляне славны уже тѣмъ однимъ, что переяли власть македонянъ, говоритъ Златоустъ... Все это указываетъ въ христіанскомъ обществѣ на своеобразный интересъ къ Александровой легендѣ, отрывочныя упоминанія которой у церковныхъ писателей даютъ матеріалъ для исторіи ея позднѣйшихъ версій... Въ такой средѣ становится понятно сложеніе „христіанизованныхъ“ Александрій въ родѣ нашей и включенной эпизодомъ въ житіе Макарія римскаго; понятна своеобразная историко-политическая идея Псевдо-Меѳодіевыхъ откровеній, дѣлающая Олимпіаду-Хусиѳу матерью не только Александра, но и Византіи, сыновья которой властвуютъ въ Римѣ, Царьградѣ и Александріи, — какъ съ другой стороны насъ не поразятъ ни церковныя изображенія легенды о полетѣ Александра на грифахъ, примѣнительно къ Исаіѣ, гл. XIV, ни помѣщеніе одного изъ чудесныхъ эпизодовъ Александріи въ Цвѣтникѣ XVI в., среди чудесъ, совершившихся въ Печерской обители, съ заглавіемъ: „А се иное чюдо Александра“. Александръ христіанизовался“ [1]).

Чудеса, видѣнныя Александромъ въ далекихъ странахъ востока, также подпали христіанскому истолкованію“. Выше мы указывали совпаденіе „Александріи“ съ апокрифическимъ сказаніемъ о пустынникѣ Макаріи („римскомъ“), жившемъ въ двадцати верстахъ отъ рая; одна изъ старыхъ редакцій нашей „Александріи“ прямо воспользовалась этимъ сказаніемъ въ дополненіе своего изложенія: г. Веселовскій объясняетъ, что самый апокрифъ образовался на почвѣ какого-нибудь христіанизованнаго посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, гдѣ Александръ говоритъ о своемъ хожденіи въ страну блаженныхъ людей (Makares), съ которыми авторъ апокрифа по типу и имени сблизилъ пустынножителя Макарія; съ другой стороны сербская Александрія, или ея греческій подлинникъ, воспользовалась между

---

[1]) Изъ исторіи романа и повѣсти, I, стр. 420—424.

прочимъ сказаніемъ сходнаго типа, и въ заключеніе чудовищные народы и звѣри, видѣнные Александромъ, обращались въ фантасмагорію христіанскихъ мытарствъ, а страна блаженныхъ приготовляла къ видѣнію рая: Александръ былъ недалеко отъ рая, но не могъ бы его видѣть, потому что рай обведенъ неприступной стѣной [1]).

Таковъ былъ характеръ памятника, который пришелъ къ намъ еще въ древнемъ періодѣ нашей письменности однимъ изъ первыхъ образцовъ книжной повѣсти, и понятно, почему „Александрія" распространилась у насъ едва ли не больше, чѣмъ какое-либо другое произведеніе повѣствовательной литературы. Уже въ своемъ первообразѣ она являлась со всей привлекательностью героическаго повѣствованія, которая приближала ее къ героическому эпосу, съ великимъ обиліемъ чудеснаго, наконецъ съ христіанскими примѣненіями—именно въ смыслѣ христіанской легенды и миѳологіи. Не мудрено, что на русской почвѣ она была еще прикрашена новыми баснословными и апокрифическими подробностями—изъ домашнихъ книжныхъ источниковъ... Рукописи ея весьма многочисленны, и многія изъ нихъ—„лицевыя", т.-е. иллюстрированныя [2]); Александръ былъ знакомымъ именемъ въ произведеніяхъ народной письменности и въ народной картинкѣ [3]).

Выше мы привели мнѣніе одного изъ изслѣдователей нашей „Александріи", что въ обрисовкѣ характера Александра она стоитъ нисколько не ниже западныхъ „Александрій" и рѣзко отличается отъ нихъ полнымъ отсутствіемъ анахронизмовъ, тогда какъ въ западныхъ романахъ Александръ изображается въ настоящей рыцарской обстановкѣ, что является неправдоподобнымъ [4]). Можетъ быть, однако, что эта черта западныхъ „Александрій", съ другой точки зрѣнія, вовсе не была особеннымъ недостаткомъ. Русская „Александрія", хотя бы избѣгала анахронизмовъ, не была все-таки исторіей, особливо въ послѣдующихъ текстахъ, когда восприняла сербскую редакцію: Александръ христіанизованный не былъ историческимъ Александромъ, и если западныя поэмы приближали античнаго героя къ быту своего времени, это озна-

---

[1]) Тамъ же, стр. 305—329.

[2]) Такая лицевая рукопись издана Обществомъ любителей древней письменности, другую, „великолѣпно иллюстрированную", упоминаетъ Веселовскій изъ собранія г. Буслаева (Изъ ист. романа и пр., I, 450); еще одну иллюстрированную Александрію мы видѣли въ библіотекѣ Павловскаго дворца, и т. д.

[3]) О послѣднемъ см. у Ровинскаго, „Русскія народныя картинки" (указатель).

[4]) Истринъ, стр. 240.

чало только, что онѣ живѣе воспринимали содержаніе сказаній, больше старались усвоить его идеальныя стороны. Трудъ западныхъ писателей былъ болѣе самостоятельной попыткой воспроизведенія героической темы, когда работа нашихъ редакторовъ была только внѣшнимъ компилятивнымъ подборомъ подробностей. Въ этомъ сказалась разница двухъ состояній литературнаго развитія [1]).

Къ той же области южно-славянскаго литературнаго преданія, какъ сербская „Александрія", и вѣроятно той же эпохѣ принадлежитъ одно сказаніе о Троянской войнѣ, извѣстное въ старыхъ рукописяхъ подъ заглавіемъ: „Притча о кралехъ".

Троянскія сказанія были очень распространены въ средневѣковой литературѣ, особливо въ западной — между прочимъ вслѣдствіе распространенной легенды о мнимомъ троянскомъ происхожденіи западныхъ государствъ и народовъ; но источникомъ этихъ сказаній былъ не Гомеръ, а позднѣйшія сказанія, въ особенности мнимыя произведенія Диктиса и Дарета. Диктисъ былъ грекъ съ острова Крита, спутникъ Идоменея: его (мнимая) исторія троянской войны долго оставалась въ неизвѣстности и открыта была уже при Неронѣ, когда землетрясеніе раскрыло его могилу, гдѣ и хранилось его твореніе; оно сохранилось только въ латинскомъ пересказѣ, но нерѣдко упоминается у византійскихъ писателей, напр. въ хроникѣ Малалы; древній славянскій переводъ Малалы, относимый къ X-му вѣку, представляетъ старѣйшее изложеніе троянской исторіи въ славяно-русской письменности. Диктисъ былъ въ своемъ разсказѣ партизаномъ грековъ; напротивъ, на сторонѣ троянцевъ стоитъ Даретъ (Dares). Это былъ опять упоминаемый въ Иліадѣ троянскій жрецъ Гефеста и написалъ будто бы свою фригійскую Иліаду, восхваляющую троянцевъ и сохранившуюся въ латинскомъ переводѣ, который ходилъ съ именемъ Корнелія Непота. Даретъ пользовался въ средніе вѣка особенною популярностью: на немъ основалъ Бенуа де-Сентъ-Моръ свой французскій романъ о Троѣ, который послужилъ образцомъ для латинской Historia destructionis Trojae Гвидона де-Колумны, переведенной позднѣе на русскій языкъ. Сочиненія Диктиса и Дарета были въ числѣ первыхъ печатныхъ книгъ въ концѣ XV-го столѣтія.

---

[1]) Для знакомства съ византійскими памятниками, къ которымъ восходятъ эти и иныя сказанія, можетъ служить вообще книга Карла Крумбахера: Geschichte der byzantinischen Literatur, München, 1891, гдѣ обильно указываются и новѣйшія изслѣдованія.

Славяно-русская „Притча о кралехъ“ представляетъ особую троянскую исторію. Въ древнѣйшемъ ея текстѣ она помѣщена при славянскомъ переводѣ византійской хроники Манассіи (половины XIV-го вѣка), послѣ разсказа о троянской войнѣ самого Манассіи. Языкъ притчи отличается отъ перевода Манассіи и признается народно-болгарскимъ; но есть также хорватско-глаголическіе тексты этой повѣсти, которые вмѣстѣ съ болгарскимъ восходятъ, вѣроятно, къ болѣе древнему оригиналу; наконецъ, въ сокращенномъ и значительно обрусѣвшемъ изложеніи притча вошла, вмѣстѣ съ хроникой Манассіи, въ русскіе хронографы и существуетъ также во множествѣ отдѣльныхъ списковъ, подъ новымъ заглавіемъ: „Повѣсть о созданіи и поплѣненіи тройскомъ и о конечномъ разореніи, еже бысть при Давидѣ царѣ іудейскомъ“ [1]).

Троянская притча обратила уже вниманіе Востокова страннымъ написаніемъ собственныхъ именъ, аналогичнымъ съ тѣмъ, какое мы видѣли въ сербской „Александріи“, и Востоковъ предположилъ уже для притчи латинскій источникъ; г. Веселовскій полагаетъ возможнымъ и источникъ романскій. Что оригиналъ притчи былъ вообще западный, это представляется несомнѣннымъ послѣ замѣчаній Ягича, и особенно послѣ подробныхъ сличеній Веселовскаго. Какой именно былъ этотъ источникъ, остается еще неясно. Нѣкоторыя греческія слова, которыя встрѣчаются въ притчѣ, приводили Миклошича къ заключенію, что она могла быть переведена съ греческаго; по мнѣнію г. Веселовскаго, это можно было бы допустить лишь при предположеніи, что самый греческій текстъ былъ переводомъ съ латинскаго или романскаго,

---

[1]) Изданія текстовъ:

— Въ моемъ „Очеркѣ“, 1857, стр. 306—316 (русская редакція Притчи).

— Ягичъ, Primèri staroherv. jezika. Zagreb, 1866, стр. 180—184 (по глаголической рукописи XV вѣка, чакавско-хорватская редекція); Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. Zagreb, 1868 (по глаголической рукописи XV в., кайкавско-хорватская редакція); см. также Ein Beitrag zur serbischen Annalistik, въ Archiv für slavische Philologie, II.

— Миклошичъ, Trojanska priča bugarski i latinski, въ „Starine“ юго-слав. академіи, III, 1871 (по ватиканской рукописи XIV вѣка, болгарская редакція).

— Веселовскій, „Южно-славянская повѣсть о Троѣ“ (Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. II. Спб. 1888, стр. 25—121), гдѣ въ приложеніи помѣщено два текста изъ Новгородско-Софійской рукописи XVI вѣка.

— Болгарскій „Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина“, кн. VI, Софія, 1891, гдѣ въ подробномъ описаніи ватиканской рукописи, д-ра Гудева, изданъ снова текстъ „Притчи“, стр. 345—357.

— Въ томъ же болгарскомъ „Сборникѣ“, кн. VII, 1892, стр. 224—244, изслѣдованія Д. Цонева о происхожденіи Троянской притчи и сличеніе редакцій.

сохранивъ черты его міросозерцанія и форму собственныхъ именъ. По содержанію притча распадается на двѣ части: первая, объ юности Париса, совпадаетъ съ различными средневѣковыми поэмами; вторая принадлежитъ только славянскимъ текстамъ, — но то и другое могло заключаться вмѣстѣ въ оригиналѣ славянской притчи, который до сихъ поръ остается, однако, неизвѣстнымъ: видно только, что составитель этого оригинала пользовался Овидіемъ (Героиды и Метаморфозы).

На вопросъ, гдѣ сдѣланъ былъ славянскій переводъ повѣсти, г. Веселовскій замѣчаетъ: „Сходство стиля и направленія, а также и звуковыя особенности (упомянутыя выше) не позволяютъ отдѣлить ее отъ сербской Александріи, относимой Ягичемъ къ Босніи и сѣверной Далмаціи, и отъ сербскихъ подлинниковъ бѣлорусскихъ Тристана и Бовы. Именно въ указанной мѣстности византійское и западное теченія могли скрещиваться и вызвать литературу переводовъ, распространившихся отъ Болгаріи до Россіи. Насколько эти переводы вѣрно сохранили намъ свои подлинники, объ этомъ судить трудно; подлинника троянской повѣсти мы не знаемъ, какъ не знаемъ западнаго текста Александріи, который подходилъ бы къ греко-сербскимъ версіямъ этого романа“... Здѣсь, въ Босніи и сѣверной Далмаціи, была именно удобная почва для сближенія славянской письменности съ литературой романской: нѣкогда здѣсь шло движеніе богомильской ереси на западъ, здѣсь вскорѣ развилась по итальянскимъ образцамъ далматинская поэзія, здѣсь составилась хорватская хроника попа Дуклянина и т. д.

Въ славяно-русской письменности троянскія сказанія, какъ и „Александрія“, не получили такой самостоятельной обработки, съ примѣсями національнаго быта, какъ было съ тѣмъ и другимъ на западѣ. Единственныя національныя примѣненія состоятъ въ томъ, что рядомъ съ классическими именами являются передѣлки на славянскій ладъ: Ифигенія называется Цвѣтаною, Юнона — Юнаа, Юпитеръ названъ пророкомъ, а три богини на судѣ Париса переведены „вилы-пророчицы“. Парису, воспитанному пастухомъ, придано отчество: „Парижъ Пастыревичъ“ и т. п. Славянскому переводчику принадлежитъ, кажется, заключеніе, одинаково повторенное въ древней ватиканской рукописи и новѣйшей русской: „и такъ кончилось троянское кралевство... такъ Богъ смиряетъ возносящихся, и сѣмя нечестивыхъ истребляетъ, какъ провозвѣстилъ пророкъ, говоря: я видѣлъ нечестиваго превозносящимся и высящимся, и прошелъ мимо, и не нашлось его мѣсто, потому что Богъ праведенъ и любитъ правду, а пути нечестивыхъ истребляетъ и своею мышцею гордымъ противится,

а право ходящимъ даетъ благодать и не лишаетъ добра ходящихъ не злобою". Было уже замѣчено, что собственно говоря ничто въ троянской повѣсти не приготовляетъ къ этому нравоученію; впослѣдствіи, въ русскомъ Луцидаріи преданіе о Троѣ сообщено съ суевѣрнымъ оттѣнкомъ: „Таможъ было превеликое Троянское царство; зломерзкого-жь ради волхванія раззорися попущеніемъ божія чудодѣйства, и въ конечную гибель суждено, яко отнюдь тамо нѣсть жилища человѣкомъ, но дивіе звѣріе и зміеве тамо пожираютъ" [1]).

Въ старой славянской письменности были и другіе памятники, примыкавшіе къ троянскимъ сказаніямъ, но которые до сихъ поръ еще не были встрѣчены въ русскихъ рукописяхъ [2]).

Гораздо позднѣе, повидимому, не раньше XVII-го вѣка, явился русскій переводъ троянской исторіи Гвидона де-Колумны. Это была одна изъ многихъ средневѣковыхъ варіацій Дарета и Диктиса, составленная на латинскомъ языкѣ въ концѣ XIII-го вѣка. Троянская исторія получила романтическій характеръ, съ рыцарской обстановкой. Книга Гвидона прошла еще въ концѣ XV-го вѣка въ числѣ первыхъ печатныхъ книгъ по всей Европѣ и, наконецъ, дошла къ намъ, гдѣ помѣщалась, между прочимъ, въ хронографахъ вмѣсто Троянской притчи. У насъ она также явилась въ числѣ первыхъ печатныхъ книгъ Петровскаго времени и имѣла много изданій вплоть до настоящаго столѣтія, при чемъ сдѣланъ былъ и новый ея переводъ [3]).

Если можно было приблизительно опредѣлять византійскій оригиналъ „Александріи" и въ меньшей степени — Троянской притчи, то до сихъ поръ не было открыто слѣда греческаго

---

[1]) Веселовскій, въ Ист. слов. Галахова, I, 404.

[2]) Таково „Слово о ветхомъ Александрѣ, како уби Іога царя и Сіона царя амморейска и 12 цари ханаанскихъ", въ сборникѣ XVI—XVII вѣка поздней болгарско-румынской редакціи, изданное г. Сырку въ „Архивѣ" Ягича, VII, стр. 78—88. Переводъ считаютъ возможнымъ отнести къ серединѣ XIV-го вѣка.

[3]) Первое Петровское изданіе называется такъ: „Історіа въ неі же пішетъ, о разореніі града Трої фрігіскаго царства, і о созданіі его і о великіхъ ополчітелныхъ бранехъ, како ратовашася о неі царіе і князі вселенныя, і чего радї толіко і таковое царство троянскіхъ державцовъ нізвержеся, і въ полѣ запустѣнія положіся" и т. д.; затѣмъ, въ томъ же заглавіи слѣдуетъ похвала Дату-Греку и Фригію-Дарію, т.-е. Диктису и Дарету, а Омиръ, Виргилій и Овидій Соломенскій (т.-е. Sulmonensis) отвергаются, потому что у нихъ находятся „многія несогласія и басни". Книга печаталась повелѣніемъ царскаго величества въ московской типографіи въ іюнѣ 1709 года. 8°, 479 стр.

источника любопытнаго сказанія о царѣ Синагрипѣ (или „Слова о премудромъ Акирѣ"), представляющаго переработку сказки Тысячи и одной ночи о царѣ Сенхарибѣ и его мудромъ совѣтникѣ Гейкарѣ. Это сказаніе находилось въ составѣ того знаменитаго, потеряннаго въ 1812 году, сборника, изъ котораго извлечено было Слово о полку Игоревѣ, — но сбереглось въ большомъ числѣ другихъ списковъ, обыкновенно позднихъ, но изъ которыхъ одинъ восходитъ къ XV вѣку: по этому и по другимъ обстоятельствамъ очевидно, что сказаніе было очень популярно. Содержаніе его вкратцѣ слѣдующее. Царь Синагрипъ обладаетъ страной адорской (аравійской или ассурской) и наливской (ниневійской). У него есть мудрый совѣтникъ, Акиръ, богатый, но бездѣтный: онъ тяготится этимъ одиночествомъ — когда онъ умретъ, не будетъ у него наслѣдника, некому будетъ изъ мужского пола постоять на гробѣ его и изъ дѣвическаго — его оплакать. Онъ усыновляетъ сына своей сестры, Анадана, даетъ ему наилучшія наставленія и, наконецъ, представляетъ его царю на свое мѣсто. Но злобный Анаданъ хочетъ совсѣмъ уничтожить его — обвиняетъ передъ царемъ, что Акиръ измѣнилъ ему и хочетъ лишить его престола. Акиръ долженъ быть казненъ, но вѣрный слуга успѣлъ спасти его отъ смерти. Между тѣмъ Фараонъ, услышавъ о смерти Акира, посылаетъ Синагрипу запросъ, чтобы онъ прислалъ Фараону такого строителя, который построилъ бы ему домъ между небомъ и землей: если царь пришлетъ такого, то Фараонъ четыре года будетъ платить ему дань, если — нѣтъ, то царь долженъ платить Фараону. Царь не знаетъ какъ быть; тогда слуга открываетъ, что Акиръ живъ, и Синагрипъ посылаетъ его подъ другимъ именемъ въ Египетъ, гдѣ онъ успѣшно разрѣшаетъ задачу: онъ пріучилъ двухъ орлицъ взлетать на воздухъ съ клѣткой, въ которой посаженъ былъ мальчикъ; орлицы взлетѣли и мальчикъ кричалъ сверху, что строители готовы и пусть только египтяне подаютъ имъ каменья и известь. Подобнымъ образомъ онъ рѣшаетъ другія загадки Фараона, возвращается домой, гдѣ царь осыпаетъ его почестями; Анаданъ былъ жестоко наказанъ.

Разсказъ совершенно сходенъ со сказкой Тысячи и одной ночи, до самыхъ собственныхъ именъ [1]). Путь, какимъ она пришла къ намъ, до сихъ поръ не выясненъ: не было встрѣчено греческаго памятника, который могъ быть оригиналомъ нашего

[1]) Ср. Tausend und eine Nacht. Arabische Erzählungen. Deutsch von Max Habicht, Fr. H. von der Hagen und Carl Schall. Zweite vermehrte Auflage. Breslau 1827 XV. Bde. Сказка о Гейкарѣ XIII, стр. 86—126, 561—568 ночи.

сказанія, но что подлинникъ былъ именно греческій, въ этомъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе [1]). Указаніемъ на его существованіе можетъ служить давно отмѣченное и недавно изданное сказаніе, изъ котораго оказывается, что съ этимъ царемъ Синагрипомъ совершилъ одно чудо Николай Чудотворецъ. Царь Синагрипъ отправляется моремъ на войну, востали великіе вѣтры и корабль готовъ былъ разбиться. Въ то время былъ у него „рядца" (совѣтникъ), именемъ Акиръ, премудрый и „зѣло крестьянъ" (очень хорошій христіанинъ); онъ сказалъ царю: призови святого Николу и обѣщай ему канунъ и свѣчу, и избавитъ тебя изъ моря. Царь возрадовался его словамъ, сдѣлалъ все по его совѣту и началъ призывать святого Николу. И пошелъ корабль по морю и пришли они въ свой городъ. И спросилъ царь Акира: кто есть святой Никола, призови его ко мнѣ; тотъ сказалъ: есть митрополитъ въ Халкидонѣ, именемъ Ѳеоктиристъ—тотъ можетъ призвать Николу въ образѣ человѣка. Царь послалъ звать митрополита къ себѣ „на бракъ" (?), такъ какъ „царь обѣщалъ на морѣ святому Николѣ канунъ и свѣчи, и трапезы и столы готовы". Ѳеоктиристъ пришелъ, но, чтобы призвать Николу, надо было выстроить церковь. Въ три дня она была построена, отслужена была литургія, молебенъ, освященъ канунъ; сѣли за трапезу, Ѳеоктиристъ готовилъ мѣсто святому Николѣ, безъ котораго нельзя вкусить брашна. Предстоящіе не вѣрили и думали, что это ложь; но вскорѣ Ѳеоктиристъ увидѣлъ идущаго святого Николу, быстро вскочилъ и пошелъ на встрѣчу къ нему съ свѣчами и кадиломъ. Святой Николай сказалъ: „былъ я на морѣ Тиверіадскомъ, и поднялась великая буря, и начали корабли утопать, и корабленники возопили и начали призывать мое имя, и я избавилъ изъ моря корабль". Ѳеоктиристъ спросилъ его: „а что ты у нихъ взялъ?" Святой Николай сказалъ: „обѣщали мнѣ канунъ и свѣчи и темьянъ, и дали мнѣ печенаго тѣстянаго кура", и показалъ, что ему дали. Ѳеоктиристъ сказалъ ему [2]): „а я бы ради этого тѣстянаго кура и *трехъ ступеней не ступилъ*", а святой Никола, услышавъ эти слова отъ святого Ѳеоктириста, возвратился отъ входа царевой палаты и сказалъ: „ты гордъ, а называешься святителемъ, но сотворю на тебя молитву Вышнему царю Христу Богу". Ѳеоктиристъ палъ къ его ногамъ съ плачемъ, царь и всѣ люди умоляли святого Николу, чтобы онъ вошелъ въ палату; святой Никола вошелъ въ цареву палату и

[1]) Нѣкоторыя черты въ старой редакціи Синагрипа, указывающія на греческій оригиналъ, отмѣчены въ „Очеркѣ", 1857, стр. 83—84.

[2]) Въ одномъ варіантѣ пишется: „рече философіею", т.-е. съ высокоуміемъ.

благословилъ брашна и вино и питье, и начали ѣсть и пить, а святой Никола сталъ невидимъ. Царь и съ нимъ всѣ люди прославили Бога и сотворили честный праздникъ святому Николѣ. А святого Өеоктириста за эти „три ступени" святые отцы велѣли по три года не поминать, а велѣли поминать только на четвертый годъ—тогда бываетъ високосъ, — а святого Николу велѣли святые отцы поминать трижды въ годъ: въ день его рожденія, на его успеніе и на перенесеніе его мощей [1]).

Что легенда византійская, это очевидно.

„Патріархомъ" легенды предполагается Өеостириктъ Пелекитскій, исповѣдникъ VIII-го вѣка, который патріархомъ не былъ. Имя его не было особенно знаменито, такъ что образованіе легенды надо, кажется, относить ко времени довольно близкому, когда оно еще не было забыто; въ это время и должно было существовать на греческомъ языкѣ сказаніе о Синагрипѣ.

Какъ мы сказали, оно не было до сихъ поръ найдено въ греческихъ рукописяхъ, но извѣстность его подтверждается еще совсѣмъ съ другой стороны, а именно содержаніе сказки повторяется почти буквально въ эпизодѣ баснословной біографіи Езопа, приписываемой византійскому ученому монаху половины XIV-го вѣка, Максиму Плануду. Біографія по обыкновенію представляетъ компиляцію, и новѣйшіе критики ея приходили къ заключенію, что біографія носитъ только имя Плануда, но была сочинена не имъ; издатель біографіи по тексту, очень мало отличному отъ Планудова, Вестерманнъ [2]) полагалъ ее около X-го вѣка; слѣдовательно къ подобной, болѣе далекой порѣ должно быть относимо и существованіе арабской сказки въ византійской литературѣ. Дѣлалось и обратное предположеніе, что въ арабскій сборникъ сюжетъ сказки попалъ изъ греческаго источника; но для насъ этотъ вопросъ безразличенъ. Когда сказаніе о Синагрипѣ явилось въ славяно-русской письменности, остается, по обыкновенію, неизвѣстно: древнѣйшій списокъ его, русскаго письма, относится къ XV вѣку; къ тому же времени относятся сербо-хорватскія редакціи, весьма отличныя отъ нашихъ, и уже это одно заставляетъ предполагать гораздо болѣе раннее появленіе памятника; далѣе, кромѣ того, что нашелся довольно старый сербскій списокъ, сходный съ древней русской редакціей сказанія, аналогія другихъ памятниковъ заставляетъ предполагать,

[1]) Слово о святомъ „Патріархѣ Өеостириктѣ". Къ вопросу о 29-мъ февраля въ древней литературѣ. Сообщеніе Хр. Лопарева. Спб. 1893. Изд. Общества люб. древней письменности, XCIV.

[2]) Vita Aesopi ex Vratisl. etc. codd. ed. Westermann. Brunsvigae 1845.

что и здѣсь переводъ былъ не русскій, а южно-славянскій; на старое происхожденіе его указываютъ, наконецъ, архаическія черты языка.

Сказаніе, повидимому, было очень популярно и списки его доходятъ до XVIII-го столѣтія. Между прочимъ видимо нравились поученія Акира Анадану, и онѣ встрѣчаются въ старыхъ рукописяхъ въ видѣ отдѣльныхъ статей, съ заглавіями: „поученіе отъ *святыхъ книгъ* о чядѣхъ" и т. п. Сборники наставительныхъ изреченій были вообще весьма любимы въ старину: одной изъ самыхъ распространенныхъ книгъ была „Пчела"; въ эту категорію входили и поученія Акира. Акиръ учитъ Анадана хранить царскую тайну — пусть она сгніетъ въ его сердцѣ,—уважать умъ въ человѣкѣ, не смѣяться надъ чужими недостатками, не завидовать чужому счастію, быть правдивымъ. „Чадо,—говоритъ онъ,—лживъ человѣкъ исперва възлюбленъ будетъ и наконецъ въ смѣсѣ будетъ и въ укоризнѣ бываетъ; лжива человѣка рѣчь яко птича шептанія суть, и безумніи послушаютъ его. Сыну, уне (лучше) есть человѣку добра смерть, нели золъ животъ; сыну, уне есть овча нога въ своею руку, нели плече въ чужей руцѣ, и ближнее овча уне есть, нели далней волъ; уне есть единъ врабьи, иже въ ручѣ держиши, негли тысяща птича, летяща по аеру; уне есть коноплянъ портъ, иже имѣеши, нели брачиненъ (шелковый), его же не имѣеши". Онъ прибавляетъ и простыя житейскія наставленія: не ходи на обѣдъ, не побывавши прежде у хозяина; когда много выпьешь, то поменьше говори, и прослывешь умнымъ человѣкомъ; на пиру долго не сиди, чтобъ тебя не прогнали раньше твоего ухода. Въ концѣ поученія Акиръ говоритъ своему чаду: „уже научихъ тя о Христѣ Іисусѣ", и вообще онъ является христіанизованнымъ, и въ легендѣ о патріархѣ Ѳеостириктѣ онъ указываетъ царю Синагрипу на Николая Чудотворца.

Позднѣйшая редакція потеряла многія древнія черты, но получила много русскихъ примѣненій, которыя приближали ее къ тону русской сказки; она вообще короче древней, собственныя имена испорчены и прибавлены русскія подробности: Акиръ, между прочимъ, учитъ сына русской грамотѣ; освободившись изъ заключенія, онъ идетъ „въ баняхъ паритися"; у него своя дружина—„отроки"; царя Фараона окружаютъ „посадники"; въ поученіи говорится, вѣроятно, пословицею, „добро сытому у великаго князя обѣда ждать, также и праведному смертнаго часу ждать", тогда какъ обыкновенно упоминаются цари. Между прочимъ, въ позднѣйшихъ спискахъ Акиръ остерегаетъ сына отъ

тѣхъ же пороковъ, какіе Максимъ Грекъ, авторъ Домостроя и другіе наши моралисты XVI—XVII в. осуждали въ своихъ современникахъ [1]).

Въ томъ же сборникѣ, гдѣ находилось Слово о полку Игоревѣ и сказаніе о Синагрипѣ, было еще одно произведеніе, свѣденіе о которомъ сохранилось въ упоминаніи Карамзина. Оно называлось „Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита“. Долго оно считалось потеряннымъ и нашлось уже въ 1850 годахъ въ одномъ погодинскомъ сборникѣ Публичной Библіотеки [2]). О древнемъ текстѣ извѣстны изъ Карамзина лишь немногіе отрывки съ весьма интересными подробностями содержанія и языка. Текстъ новѣйшій (въ рукописи XVII—XVIII вѣка и не имѣющій окончанія) значительно измѣнился отъ вѣкового обращенія въ рукахъ нашихъ книжниковъ, утративъ многое изъ старины и, какъ новѣйшія редакціи Синагрипа, впадаетъ въ тонъ русской книжной сказки [3]).

Въ погодинской рукописи содержаніе „Дѣянія“ состоитъ въ слѣдующемъ. Сарацинскій или „равитскій“ царь Амиръ влюбился

---

[1]) Упоминанія и тексты:

— Карамзинъ, Ист. госуд. росс., III, прим. 272.

— Полевой издалъ одинъ текстъ сказки въ „Моск. Телеграфѣ“ 1825, № 11, стр. 227—235.

— Востоковъ, Опис. рук. Румянц. муз., № 363.

— Въ моихъ „Очеркахъ изъ стар. литер.“, въ „Отеч. Запискахъ“, 1855, № 2, текстъ по рукописи Рум. музея, № 363, стр. 124—134; и замѣчанія въ „Очеркѣ литер. ист.“ и пр., 1857, стр. 68—85.

— Памятники стар. русской литературы. Спб. 1860—1862, II, стр. 359—378 (два варіанта).

— Буслаевъ, Историч. Хрестоматія, М. 1861, отрывки изъ старѣйшей рукописи XV вѣка.

— Ягичъ издалъ два сербо-хорватскіе текста, одинъ—кирилловскій 1520 г., другой — глаголическій 1468 г., но въ иной редакціи. Arkiv za povjestn. jugoslav. IX, и Prilozi k historiji književnosti и пр. Zagreb, 1868, стр. 78—84.

— Барсовъ, Е., въ „Чтеніяхъ“ моск. Общества ист. и древн., 1886, кн. III, стр. 1—11: Акиръ Премудрый во вновь открытомъ сербскомъ спискѣ XVI вѣка (текстъ однородный съ старѣйшей русской рукописью).

— Ягичъ, въ Byzantinische Zeitschrift, Крумбахера, I, 1892, стр. 107—126: Der weise Akyrios nach einer altkirchenslavischen Übersetzung statt der unbekannten byzantinischen Vorlage ins Deutsche übertragen.

[2]) Оно издано было въ первый разъ въ моемъ „Очеркѣ“ 1857, стр. 316—332; потомъ повторено въ „Памятникахъ старинной литературы“, Спб. 1860—1862, II, 379—387.

[3]) Въ 1890 г. еще болѣе новый списокъ и также, кажется, неполный найденъ былъ Тихонравовымъ; текстъ, представляющій значительные варіанты, остается еще неизданнымъ.

въ дочь одной набожной вдовы царскаго рода въ землѣ греческой; онъ собралъ войско и пошелъ „пакости творити въ греческой землѣ для ради красоты дѣвицы тоя", похитилъ дѣвушку и скрылся. Вдова посылаетъ трехъ сыновей въ погоню: „идите вы,—сказала она имъ,—и угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную; еще сестры своея не возмете, и вы и сами тамо головы своя положьте". Братья снарядились и бросились за Амиромъ, какъ ястребы златокрылатые; на границѣ земли аравитской они встрѣтили стражу Амира и начали бить ее, „яко добрые косцы траву косити". Пріѣхавши потомъ къ стану царя, братья подняли на копья царскій шатеръ, и Амиръ предложилъ имъ бросить жребій, кому изъ нихъ достанется биться съ нимъ за сестру ихъ; три раза былъ брошенъ жребій и каждый разъ приходилось меньшому брату, потому что онъ родился вмѣстѣ съ сестрой. Амиръ былъ побѣжденъ на поединкѣ, но соглашался принять истинную вѣру, если братья отдадутъ ему сестру свою. Братья спросили ее, какъ жила она у царя Амира: я разсказала ему о вашей храбрости,—отвѣчала она,—и онъ не велѣлъ никому входить въ мой шатеръ, велѣлъ сродникамъ скрыть мое лицо, и разъ въ мѣсяцъ пріѣзжалъ посмотрѣть на меня издалека; но если Амиръ крестится, то не нужно вамъ зятя лучше его, потому что онъ и славою славенъ, и силою силенъ, и мудростію мудръ, и богатствомъ богатъ. Братья согласились и Амиръ, собравши множество сокровищъ, отказался отъ своего царства и уѣхалъ въ землю греческую; свадьбу отпраздновали великолѣпнымъ пиромъ. Между тѣмъ мать Амира услышала о его отступничествѣ и послала трехъ сарацинянъ на волшебныхъ коняхъ, вывести Амира изъ греческой земли; въ то же время царица Амира царя видѣла зловѣщій сонъ; призваны были волхвы, книжники и „фарисеи" и объявили, что за Амиромъ присланы гонцы изъ аравитской земли. Гонцы дѣйствительно были найдены въ тайномъ мѣстѣ за городомъ; ихъ крестили, а волшебные кони были отданы тремъ братьямъ-богатырямъ. Черезъ нѣсколько времени у Амира родился сынъ; его назвали Акритомъ, а въ крещеніи дали ему имя: прекрасный Девгеній. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ; на тринадцатомъ году онъ уже готовился къ воинскимъ потѣхамъ, „самъ же юноша красенъ велми, лице же его яко снѣгъ, а румяно яко маковъ цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его велми великіи яко чаши". Однажды, когда отецъ выѣхалъ съ нимъ на охоту, Девгеній изумилъ его и всѣхъ спутниковъ неустрашимостью своей въ борьбѣ съ дикими звѣрями; тутъ же убилъ онъ четыреглаваго змія и съ тѣхъ поръ

сталъ думать о ратныхъ дѣлахъ. Сначала побѣждаетъ онъ Филипата,—который называется въ погодинской рукописи: „Филипъпапа“,—и воинственную дочь его Максиміану, которые хотѣли вѣроломно завлечь его къ себѣ; побѣжденный Филипатъ сказалъ Девгенію, что есть на свѣтѣ витязь храбрѣе и сильнѣе Девгенія, Стратигъ, съ четырьмя сыновьями и дочерью Стратиговной, которая имѣетъ мужскую дерзость и храбрость и которой напрасно добивались многіе цари и короли. За такое извѣстіе Девгеній обѣщалъ отпустить Филипата—„только возложу знаменіе на лице твое протчаго ради времяни“,—но хотѣлъ сперва увѣриться въ справедливости его словъ: сдавъ Филипата отцу, а Максиміану матери своей, Девгеній отправился на новые подвиги, несмотря на всѣ увѣщанія Амира. Погодинская рукопись прерывается на описаніи похищенія Стратиговны; изъ замѣтокъ Карамзина о старой рукописи видно, что Девгеній побѣдилъ и Стратига, и женился на славной красавицѣ.

Византійскій подлинникъ „Дѣянія“ былъ удостовѣренъ только въ послѣднее время. Нашелся если не самый оригиналъ, то очень близкое произведеніе,—какъ и предполагалось, героическій эпосъ X-го вѣка изъ эпохи борьбы Византіи съ сарацинами. Русская повѣсть представляетъ значительныя отличія отъ изданной греческой поэмы, но основныя черты содержанія тѣ самыя. Въ греческой поэмѣ исторія героя обставлена опредѣленными историческими подробностями, отнесена къ опредѣленной мѣстности; въ русской повѣсти эти черты стерлись, потому что были безразличны, и главное вниманіе обращено на подробности героическія и сказочныя, между прочимъ такія, которыхъ нѣтъ въ изданной греческой поэмѣ. Могло быть, что въ основѣ славянскаго перевода лежалъ особый греческій пересказъ. Какъ стерлись историческія черты, такъ въ славяно-русской повѣсти слабѣе выразился и любовный элементъ, а взамѣнъ усиленъ элементъ религіозный и вмѣсто борьбы національной между греками и сарацинами сильнѣе выступаетъ борьба религіозная между православными и погаными. Идутъ приготовленія къ бою: „И начаша братаничи меньшово брата крутить (вооружать, готовить къ битвѣ), а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ мѣстѣ аки солнце сіяетъ, а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тма темно,—братія же ангелскую пѣснь ко Богу возсылающе: Владыко, не поддай созданія своего въ поруганіе поганымъ“. Подобное противоположеніе встрѣчается и въ русскомъ духовномъ стихѣ о Дмитровской субботѣ: „христіане-то какъ свѣчки теплятся, а татары какъ смола черна“ и т. д. Девгеній по-гре-

чески есть Василій Дигенисъ, т.-е. двоюродный, потому что онъ былъ сынъ сарацина Амира и гречанки; бабка его по греческой поэмѣ—вдова Андроника Дуки, который прославился въ царствованіи Өеодоры и Льва Мудраго; царь Аравитской земли Амиръ есть Емиръ и пр. „Дѣяніе“ пришло въ русскую письменность вѣроятно опять изъ русско-славянскаго источника, но въ самыхъ рукописяхъ южно-славянскихъ не было встрѣчено [1]).

Дальше мы встрѣтимся съ отголосками Дигениса въ русской народной поэзіи.

Наконецъ, еще одно сказаніе находилось въ старомъ сборникѣ, заключавшемъ Слово о полку Игоревомъ: это было сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ, извѣстное и по другимъ рукописямъ, очень популярное въ старой письменности и опять оставившее свои отраженія въ народной поэзіи. Сказаніе объ Индіи богатой есть знаменитое въ средніе вѣка посланіе пресвитера Іоанна къ греческому императору Мануилу. Въ XII столѣтіи, или еще ранѣе, въ западной Европѣ начали говорить о существованіи сильнаго христіанскаго государства въ Азіи, которымъ управлялъ царь и вмѣстѣ священникъ Іоаннъ (Presbyter Johannes). Извѣстное сперва по темнымъ слухамъ и преданьямъ, имя это появилось въ сочиненіяхъ путешественниковъ, напр. у Плано-Карпини, Рубруквиса, Монте-Корвино и другихъ, которые съ увѣренностью говорили о загадочномъ пресвитерѣ, но извѣстія ихъ противорѣчили одно другому и понятія о неизвѣстномъ царствѣ запутывались болѣе и болѣе. Преданье, впрочемъ, сохранялось, и имя пресвитера Іоанна вошло въ народныя легенды: извѣстные три царя, отправляясь съ востока въ Виөлеемъ, по-

---

[1]) Les exploits de Digénis Akritas, épopée byzantine du dixième siècle, publiée pour la première fois d'après le manuscrit unique de Trébizonde par C. Sathas et É. Legrand. Paris, 1875. Вскорѣ однако нашлось еще нѣсколько рукописей, на основаніи которыхъ сдѣланы были изданія поэмы—Ламброса (въ Collection de romans grecs. Paris, 1880—рукопись хіосская и частью Гротта-Феррата), Ант. Миліараки (Аөины, 1881,—андросская); у Саввы Іоаннидиса (Константинополь, 1887) повторена рукопись требизондская; наконецъ готовится, кажется, полное изданіе рукописи изъ Гротта-Феррата.

Существованіе стараго русскаго текста еще не было извѣстно издателямъ греческой поэмы.

— Веселовскаго, Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дегенисѣ. „Вѣстн. Европы“ 1875, апрѣль, стр. 750—775; и съ нѣкоторыми добавленіями въ Russische Revue, IV, стр. 539—570: Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung; см. также въ Журн. мин. просв. 1876, октябрь, замѣтку о готовившемся изданіи Леграна, Chansons populaires grecques.

ручали будто бы Іоанну управленіе своими индѣйскими царствами. Существованіе его подтверждалось письмами, которыя писалъ онъ къ греческому императору, къ Фридриху Барбаруссѣ и др. о чудесахъ своего царства. Мандевиль разсказывалъ о немъ въ своемъ сказочномъ путешествіи. Личность пресвитера Іоанна представлялась въ самыхъ смутныхъ чертахъ, но не подвергалась сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что хотѣли вѣрить удивительнымъ чудесамъ, которыя находились будто въ его странѣ. Его считали или татарскимъ ханомъ, принявшимъ христіанство, или индѣйскимъ царемъ и несторіанскимъ патріархомъ; дѣлали его главою сказочныхъ рахманъ, о которыхъ говорила исторія Александра; позднѣе его перенесли въ Абиссинію, гдѣ путешественники описывали что-то подобное христіанскому царству Іоанна. Въ эпоху крестовыхъ походовъ надѣялись, что могущественный пресвитеръ придетъ въ Іерусалимъ и освободитъ эту землю отъ враговъ христіанства. Онъ—могущественный царь и первосвященникъ вмѣстѣ, ему служатъ цари и епископы, его страна преисполнена неисчислимыми богатствами и невиданными чудесами. Когда греческій царь Мануилъ послалъ къ нему свое посольство съ дарами и спрашивалъ объ его царствѣ, то царь Иванъ сказалъ послу: „рцы царю своему Мануилу—аще хощеши увѣдать мою силу и вся чудеса моего царства, продай все свое царство и приди ко мнѣ самъ, и послужи мнѣ, и поставлю тя у собя слугою вторымъ или третьимъ... аще восхощеши писать царства моего, и ты со всѣми книжники своими не можеши исписати моего царства до исхода души твоей, и ни твоего царства не станетъ, и тебя съ харатьею, на чемъ мое царство исписати, занеже нелзѣ тобѣ моего царства земли писати и всѣхъ чудесъ. Азъ бо есмь до обѣда патріархъ, а послѣ обѣда царь, а царь есми надъ тремя тысящами цари и шестью сотъ, а поборникъ есми по православной вѣрѣ Христовой, а царства моего итти на едину страну 10 мѣсецъ, а на иную страну не вѣдаю и самъ, гдѣ небо и земля соткнулась“, и т. д. Кромѣ этихъ богатствъ, средневѣковое воображеніе наполнило страну царя Ивана всякими чудесами: тамъ живутъ удивительные люди пигмеи и великаны, люди съ четырьмя руками, люди—половина пса и половина человѣка, люди съ очами и ртомъ на груди, люди съ скотьими ногами, сильные блѣднолицые люди, такъ что „единъ ударится на тысячу человѣкъ“ и т. д.; родятся въ той странѣ всякіе чудные звѣри, птица фениксъ, всякіе дорогіе камни, между прочимъ камень, который свѣтитъ ночью точно огонь горитъ, есть море песочное и рѣка, которая три дня течетъ каменьемъ безъ воды;

страна полна обиліемъ и нѣтъ въ ней ни татя, ни разбойника, ни завистливаго человѣка. Когда царь Иванъ идетъ въ походъ (у него сто тысячъ конной рати и сто тысячъ пѣшей), то передъ нимъ несутъ двѣнадцать крестовъ и двѣнадцать стяговъ, и одинъ крестъ деревянный съ изображеніемъ Господня распятія, а въ сторонѣ того креста несутъ золотое блюдо, на которомъ положена одна земля, „и смотря на эту землю, мы вспоминаемъ, что отъ земли созданы и въ землю опять пойдемъ“, а на другомъ золотомъ блюдѣ драгоцѣнный камень и „четій жемчугъ“, которымъ означается величіе индѣйскаго царства, и т. д. [1])

Происхожденіе сказанія до сихъ поръ не выяснено въ самой западной литературѣ, гдѣ оно было въ средніе вѣка чрезвычайно распространено [2]): явилось ли оно изъ греческаго источника или возникло самостоятельно на западной почвѣ. Нѣкоторыя подробности посланія допускали возможность перваго предположенія, но до сихъ поръ не было найдено никакого слѣда греческаго оригинала. Нашъ новѣйшій изслѣдователь, разлагая посланіе (какъ мы знаемъ его теперь) на его составныя части, находитъ, что оно отличается двойственнымъ характеромъ—религіознымъ и сказочнымъ: пресвитеръ Іоаннъ есть христіанскій царь, смиренный служитель Христа, аттрибуты его власти—церковнаго характера, онъ—защитникъ гроба Господня и т. д. Съ другой стороны его царство—царство чудесъ: въ его царствѣ живутъ различные звѣри, текутъ особыя рѣки, живутъ рахманы, амазонки, десять племенъ іудейскихъ и т. п. Съ теченіемъ времени Посланіе пресвитера встрѣтилось съ „Александріей“; такъ какъ въ обоихъ произведеніяхъ была затронута Индія съ ея чудесами, то между

---

[1]) Карамзинъ, Ист. госуд. росс., III, пр. 282.

— Полевой издалъ „Сказаніе о индѣйскомъ царствѣ“ и пр. въ „Моск. Телеграфѣ“, 1825, № 10, стр. 93—105, по очень позднему списку.

— Тихонравова, Лѣтописи русской литературы и древности, 1859, II.

— Баталинъ, Филологическія Записки, Хованскаго, 1874—1875, и отдѣльное изданіе, Воронежъ, 1876.

— Памятники древней письменности (Общества любителей древней письменности). Спб., 1880, выпускъ третій, стр. 11—15, изданіе сказанія по волоколамской рукописи конца XV вѣка, впрочемъ не точное.

— Веселовскій, Южно-русскія былины. Спб. 1881, стр. 173 и далѣе, гдѣ указана и литература новѣйшихъ изслѣдованій о пресвитерѣ Іоаннѣ, особливо нѣмецкихъ.

— В. Истринъ. Сказаніе объ индѣйскомъ царствѣ. Москва, 1893. 4°. Въ приложеніи нѣсколько текстовъ, въ томъ числѣ переизданъ упомянутый волоколамскій списокъ.

[2]) Царнке, спеціально изслѣдовавшій посланіе пресвитера Іоанна въ западной литературѣ, имѣлъ въ рукахъ почти до 100 латинскихъ рукописей.

двумя произведеніями естественно возникло взаимодѣйствіе: Александру стали приписывать то, что̀ находилось въ царствѣ пресвитера, а пресвитеру то, что̀ видѣлъ Александръ. Но если взять не позднія, а древнюю редакцію латинскаго посланія, то въ ней не окажется никакого сходства съ „Александріей". Александръ не видалъ ни одного чуда, которыя находятся въ царствѣ пресвитера: это какъ будто двѣ совершенно различныя Индіи, если не считать рахманъ и амазонокъ, но они и не могутъ идти въ счетъ въ виду своей общеизвѣстности и помимо Псевдо-Каллисѳена. Нашъ изслѣдователь замѣчаетъ, что еслибы посланіе явилось въ Византіи, то было бы естественно ожидать въ немъ отголосковъ „Александріи"; если же этого нѣтъ, то можно предполагать, что сказочная сторона посланія составилась независимо отъ Псевдо-Каллисѳена, въ то время и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Псевдо-Каллисѳенъ еще не былъ извѣстенъ,—а на западѣ онъ сталъ распространяться главнымъ образомъ только съ XI-го вѣка. Представляется такой выводъ, что религіозная часть посланія, сопоставленіе пресвитера Іоанна съ императоромъ Мануиломъ, могла образоваться на византійской почвѣ и для заимствованій изъ Псевдо-Каллисѳена не было основаній, потому что вся обстановка пресвитера христіанская,—именно въ этой части посланія и замѣчаются нѣкоторые грецизмы. Но если доля латинскаго посланія могла быть заимствована съ греческаго, то другая часть его, сказочная, составилась на западѣ на основаніи одного еврейскаго баснословнаго путешествія IX-го вѣка или другого подобнаго источника. Съ прибавкой сказочнаго элемента посланіе получило новый интересъ и стало широко распространяться на западѣ: образовался цѣлый рядъ редакцій, которыя все болѣе дополняли содержаніе посланія новыми чудесами [1]).

Этой судьбой памятника опредѣляется и происхожденіе славяно-русскаго сказанія объ индѣйскомъ царствѣ. Оно было, безъ сомнѣнія, переведено съ латинскаго, именно по одной изъ болѣе старыхъ редакцій; латинскій источникъ обнаруживается также и цѣлымъ рядомъ латинизмовъ, какъ напр.: „сатырѣ" (satyri), „гигантешь" (gygantes), „тигрисъ" (tigres), „монокли человѣци" (monoculi), „леонисъ, лютый звѣрь" (leones), „урши бѣліи, рекше медвѣди" (ursi albi), „бовешь", будто бы звѣрь о пяти ногахъ (boves) и т. п. Представляется очень вѣроятнымъ, что мѣстомъ появленія перевода былъ тотъ самый пунктъ южно-славянской литературной дѣятельности, гдѣ мы уже видѣли встрѣчу византій-

¹) Истринъ, стр. 7—9, 11.

скихъ и латино-романскихъ вліяній, именно Боснія и сѣверная Далмація, откуда вышла сербская „Александрія" и Троянская притча.

По общему отношенію къ Индіи Сказаніе сближалось съ „Александріей" и послужило къ дополненію послѣдней. Такъ именно оно вошло во вторую редакцію русской Псевдо-Каллисѳеновой „Александріи", а такъ какъ послѣдняя существовала уже въ началѣ XV вѣка, то первая редакція Сказанія можетъ быть отнесена въ конецъ XIV вѣка или даже въ XIII—XIV вѣкъ, въ упомянутой выше мѣстности. „Очевидно, въ XIII—XIV вѣкѣ на Далматинскомъ побережьѣ было особенное литературное движеніе, во время котораго совершались переводы съ греческаго и латинскаго языковъ. Въ Сербіи это было царствованіе Нѣманей, а извѣстно, что они стремились создать независимое государство не только въ политическомъ, но и въ умственномъ отношеніяхъ. Нѣтъ особенныхъ указаній на то, что переводъ Сказанія объ индѣйскомъ царствѣ сдѣланъ былъ на сербскій языкъ: памятникъ слишкомъ малъ, да къ тому же первая редакція его въ отдѣльномъ спискѣ не сохранилась. Но въ виду всего сказаннаго, въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго" [1]). Болѣе древняя редакція Сказанія вошла въ „Александрію"; вторая редакція существуетъ въ отдѣльныхъ спискахъ.

Исторія Варлаама и Іосафата, или Іоасафа, была чрезвычайно любима въ средніе вѣка на востокѣ и на западѣ. Іоасафъ—сынъ индѣйскаго царя Абеннера (въ нашемъ старомъ переводѣ: Авенира), идолопоклонника и гонителя христіанства. Когда у царя родился сынъ неописанной красоты, звѣздочеты предсказывали ему славу и богатство; но мудрѣйшій изъ нихъ замѣтилъ, что царство его будетъ не въ этомъ мірѣ и что царевичъ вѣроятно сдѣлается послѣдователемъ гонимой религіи. Чтобы отвратить эту опасность, царь выстроилъ сыну богатыя палаты, окружилъ его роскошью, но держалъ его взаперти, чтобы предотвратить всякія встрѣчи съ бѣдствіями жизни и также съ христіанскимъ ученіемъ. Но царевичъ понялъ наконецъ, что живетъ въ заключеніи, и жаловался отцу, что не можетъ выносить этой жизни. Царь разрѣшилъ ему выходить, но велѣлъ, чтобы на дорогѣ его удаляемо было все печальное; царевичу случилось однако встрѣтить двухъ людей, прокаженнаго и слѣпого, потомъ дряхлаго

[1]) Истринъ, стр. 62.

старца: онъ понялъ, что на землѣ есть страданіе и смерть. Онъ сталъ задумываться надъ тщетою жизни и искалъ, кто бы могъ его просвѣтить. По высшему откровенію узналъ объ этомъ святой пустынникъ Варлаамъ и подъ видомъ купца пришелъ въ индѣйскую землю; онъ говорилъ приставнику Іоасафа, что имѣетъ драгоцѣнный камень, который хотѣлъ продать царевичу. Камень имѣлъ чудесное свойство: онъ освѣщаетъ истиной сердца слѣпыхъ, открываетъ слухъ глухимъ, исцѣляетъ больныхъ, изгоняетъ демоновъ, но онъ виденъ только людямъ съ здоровыми очами и чистымъ тѣломъ. Царевичъ пожелалъ видѣть камень, но Варлаамъ сказалъ, что долженъ испытать сперва его разумъ. Слѣдуетъ затѣмъ рядъ притчъ, которыми Варлаамъ постепенно разъясняетъ ему христіанское ученіе. Сюжеты разсказовъ взяты отчасти изъ евангельскихъ притчъ, отчасти изъ восточныхъ сказаній. Въ концѣ концовъ Варлаамъ креститъ царевича и уходитъ, оставивъ ему по его просьбѣ свою грубую одежду. Между тѣмъ царь узнаетъ о сношеніяхъ царевича съ Варлаамомъ, посылаетъ за пустынникомъ погоню, призываетъ одного мудреца своей вѣры, чтобы разубѣдить царевича, но самъ мудрецъ въ бесѣдахъ съ царевичемъ обращается въ христіанство и бѣжитъ въ пустыню; наконецъ царь призываетъ волшебника, который съ помощью демоновъ старается возбудить страсти въ юношѣ, окружаетъ его красавицами, но царевичъ остается непоколебимъ, и самъ волшебникъ обращается въ христіанство. Царь раздѣлилъ, наконецъ, свое царство и отдалъ половину его царевичу, ожидая, что заботы правленія возвратятъ его къ прежней вѣрѣ; царевичъ не сопротивлялся, началъ правленіе, научилъ свой народъ истинной вѣрѣ и сдѣлалъ свою землю образцомъ христіанскаго царства. Наконецъ обратился въ христіанство самъ царь Авениръ. По его смерти новый царь нѣсколько лѣтъ правилъ еще своимъ народомъ, оплакивая отца, но затѣмъ, назначивъ царемъ одного изъ вельможъ, рѣшился удалиться въ пустыню. Опечаленный народъ погнался за нимъ и вернулъ его, но Іоасафъ повторилъ ему свое рѣшеніе и тайно ушелъ въ пустыню къ той власяницѣ, которую нѣкогда оставилъ ему Варлаамъ. Два года онъ скитался въ пустынѣ, отыскивая своего учителя среди всякихъ лишеній и искушеній, придуманныхъ дьяволомъ, пока другой пустынникъ указалъ имъ путь къ Варлааму. Царевичъ прожилъ въ пустынѣ тридцать пять лѣтъ, схоронилъ своего учителя и затѣмъ самъ скончался. Похоронилъ его тотъ же самый пустынникъ, который указалъ ему путь къ Варлааму; въ видѣніи одинъ страшный мужъ велѣлъ ему идти въ индѣйское царство и возвѣстить о смерти царевича; пришелъ

царь съ толпой народа, нашелъ тѣла царевича и Варлаама нетлѣнными и благоуханными и торжественно перенесъ ихъ въ столицу.

Оригиналомъ нашего сказанія былъ греческій памятникъ, авторомъ котораго считали Іоанна Дамаскина или другихъ Іоанновъ; но давно дѣлалось предположеніе, что авторомъ этой исторіи былъ какой-либо восточный христіанинъ, эѳіопскій или абиссинскій, книга котораго перешла въ греческую литературу. Въ новѣйшее время высказанъ былъ взглядъ, по которому исторія Варлаама и Іоасафа была христіанской, конечно, довольно отдаленной передѣлкой исторіи Сиддарты, который впослѣдствіи подъ именемъ Будды былъ основателемъ буддизма въ VI вѣкѣ до Р. Х. [1]).

Первымъ основаніемъ западныхъ редакцій Варлаама и Іоасафа былъ греческій подлинникъ [2]) въ латинскомъ переводѣ Георгія Трапезунтскаго. Какъ говорятъ, легенда принесена была изъ Константинополя аббатомъ Гвидо въ первой половинѣ XIII вѣка и быстро распространилась въ западной литературѣ. Явилось сперва, еще въ томъ же столѣтіи, нѣсколько прозаическихъ и стихотворныхъ обработокъ сѣверно-французскихъ, провансальскихъ и нѣмецкихъ; по сѣверно-французской передѣлкѣ сдѣлана была въ началѣ XIV вѣка итальянская, изъ нѣмецкой произошла шведская народная книга и исландская сага, съ латинскаго сдѣланъ былъ переводъ испанскій, и позднѣе явились переводы чешскій и польскій. Печатныя изданія Варлаама и Іоасафа явились въ числѣ первыхъ печатныхъ книгъ въ концѣ XV-го вѣка. Извѣстны, наконецъ, обработки еврейская, армянская, арабская.

Древнѣйшіе русскіе списки Варлаама восходятъ къ XIV—XV столѣтіямъ. Памятникъ возникъ вѣротно на юго-славянской почвѣ, и есть его сербскія рукописи. Указываютъ два отдѣльные старые перевода или редакціи [3]), но они достаточно не выяснены. Какъ на западѣ, такъ и у насъ, исторія пользовалась большимъ уваженіемъ; почти въ каждой изъ старинныхъ нашихъ описей

---

[1]) Liebrecht, Die Quellen des „Barlaam und Josaphat“, въ Jahrb. für romanische und englische Litteratur, 1860, II, стр. 314—334. Взглядъ Либрехта оспаривалъ г. Кирпичниковъ въ книгѣ: „I, Греческіе романы въ новой литературѣ. II. Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ“. Харьковъ, 1876 (стр. 211 и слѣд.). Разборъ книги Кирпичникова у г. Веселовскаго, который съ этими опроверженіями взгляда Либрехта не соглашается: Вѣстн. Европы, 1876. декабрь, Журн. мин. просв. 1877, іюль; „О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа“, въ Запискахъ Акад. Н. 1879. XXXIV, стр. 63—70.

[2]) Изданъ Буассонадомъ, Anecdota graeca. Paris, 1832, IV, стр. 1—365. Шубертъ, вѣнскія Jahrbücher. Bd. 63, 44—83. Bd. 72, 274—288. Bd. 73, 176—202.

[3]) Кирпичниковъ, стр. 169 и далѣе.

книгъ упоминается одинъ или нѣсколько экземпляровъ Варлаама и Іоасафа. Укажемъ для примѣра переписную книгу домовой казны, патріарха Никона, опись книгамъ митроп. Павла Сарскаго и Подонскаго, опись степенныхъ монастырей, составленную въ XVII столѣтіи [1]): въ послѣдней „книга Іоасафа" или „Асафа царевича" поминается безпрестанно, и, между прочимъ, означена „Книга Іоасафа царевича, въ доскахъ, письменная, въ десть (т.-е. въ листъ), ветха, на харатьѣ". Въ XVII столѣтіи вышло два изданія этой книги: первое въ Кутеенской типографіи въ 1637, когда эта „Гисторія" была „стараньемъ и коштомъ иноковъ общежителного Монастыра Кутеенскаго, ново зъ Грецкого и Словенского на русскій языкъ преложена" (это былъ языкъ западно-русскій) и въ концѣ книги помѣщена „пѣснь святого Іоасафа, кгды вышолъ на пустыню"; другое изданіе въ Москвѣ въ 1680 съ двумя гравюрами Симона Ушакова и стихотворной „молитвой святого Іоасафа, въ пустыню входяща".

Когда собственно сдѣланъ былъ славянскій переводъ Варлаама, до сихъ поръ не выяснено. Сколько можно судить по чертамъ языка въ старѣйшихъ рукописяхъ, исторія Варлаама могла придти къ намъ въ XIII столѣтіи и даже раньше. Особенную привлекательность придавали этой исторіи многочисленныя притчи Варлаама, которыя, между прочимъ, встрѣчаются въ рукописяхъ и отдѣльно, съ замѣчаніемъ: „отъ болгарскихъ книгъ", чѣмъ указывается вѣроятно и происхожденіе цѣлой исторіи. Притчи Варлаама пользовались великой популярностью и въ средневѣковой западной литературѣ, какъ и у насъ; въ нашихъ рукописяхъ отдѣльныя притчи Варлаама, затерявъ въ памяти книжниковъ свое происхожденіе, приписывались и другимъ лицамъ. Извѣстно, наконецъ, что имя Іоасафа царевича сохранено въ народной поэзіи: съ его именемъ соединяется знаменитый духовный стихъ, воспѣвающій красоты пустыни и спасительность пустыннаго житія.

Къ числу памятниковъ, пришедшихъ тѣмъ же южно-славянскимъ путемъ изъ Византіи, принадлежитъ опять весьма знаменитая нѣкогда исторія о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, представляющая одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ странствованія средневѣковыхъ сказаній. Странствія этого памятника были особенно продолжительны и многосложны. Древнѣйшей основой его былъ индійскій сборникъ, состоявшій первоначально изъ тринадцати отдѣловъ;

[1]) „Временникъ" Моск. Общ. ист. и древн. кн. XV; „Чтенія", 1848.

пять изъ нихъ были обособлены въ одно цѣлое подъ названіемъ Панчатантры, т.-е. пятикнижія. Въ предисловіи книги разсказывается, что это пятикнижіе составилось изъ бесѣдъ мудреца Вишну-Сармы, наставника сыновей одного индійскаго царя, учившаго ихъ нравственности и политикѣ. Разсказы были такъ привлекательны, чѣмъ прежде всего они вызвали подражанія и передѣлки въ самомъ санскритѣ: такова была столь же знаменитая Гитопадеза, которую ставятъ въ извѣстное отношеніе съ баснями Езопа. Позднѣе совершился другой переходъ индійскаго эпоса въ Европу: черезъ четыре вѣка послѣ предполагаемаго составленія Панчатантры, по приказу персидскаго царя Хозроя Нуширвана, сдѣланъ былъ переводъ знаменитой книги на пеглевійскій языкъ, подъ названіемъ Калила-ва-Димна (въ VI вѣкѣ по Р. Х.). Отсюда начинаются безконечныя странствія этой книги въ разнообразныхъ редакціяхъ, кажется, по всѣмъ безъ исключенія литературамъ востока и запада. Не входя въ эту исторію, отмѣтимъ только нѣкоторые факты. Сюжетъ разсказа составляетъ прежде всего исторія царя-льва, довѣреннаго друга его, быка, и двухъ придворныхъ шакаловъ, въ санскритской редакціи Каратака и Даманака; одинъ изъ шакаловъ, коварный и завистливый, убѣждаетъ царя, чтобы онъ умертвилъ своего друга, будто бы злоумышлявшаго на жизнь льва; а быка въ то же время убѣждаетъ возстать противъ царя, будто бы измѣнившаго ихъ дружбѣ. Лукавый придворный достигаетъ своей цѣли: быкъ погибъ жертвою ярости льва, но и шакалъ не избѣгнулъ справедливой кары, когда клевета его была обнаружена. Разговаривающіе шакалы приводятъ много другихъ апологовъ, по обыкновенной манерѣ восточнаго разсказа, такъ что образуется цѣпь исторій, связанныхъ одна съ другою. Санскритскія имена двухъ шакаловъ превратились въ названіе самой книги: Калила-ва-Димна, т.-е. Прямодушный и Лукавый. Въ VIII-мъ столѣтіи пеглевійскій текстъ переведенъ былъ подъ тѣмъ же названіемъ на арабскій языкъ, и здѣсь явилось позднѣйшее предисловіе, гдѣ книга приписана была мудрецу Бидпаю... Распространеніе книги пошло двумя путями. Съ первоначальной индѣйской родины, гдѣ почвой этихъ разсказовъ былъ буддизмъ, они перешли вмѣстѣ съ буддизмомъ въ Тибетъ, Китай, Монголію, отчасти въ видѣ письменныхъ сборниковъ, но еще больше въ устныхъ пересказахъ, и когда послѣдніе были записываемы, то получалось большое разнообразіе редакцій. Въ самой Индіи первоначальные разсказы сохранились уже въ болѣе поздней формѣ, когда буддизмъ смѣнился браманизмомъ. Съ другой стороны, источникомъ громаднаго распространенія раз-

сказовъ послужила арабская редакція Калилы-ва-Димны, вслѣдствіе обширнаго вліянія тогдашней арабской литературы. Такъ произошли отъ нея на востокѣ—редакціи ново-сирійская, персидская, еврейская, на западѣ греческая, старо-испанская; отъ персидской произошли турецкая, грузинская; отъ еврейской—средневѣковая латинская и изъ нея нѣмецкая, чешская, другая испанская и т. д. Съ половины XVII-го вѣка появляются новые европейскіе переводы басенъ „индѣйскаго философа Пильпая" или Бидпая и т. д.; наконецъ, новѣйшіе ученые переводы различныхъ восточныхъ сборниковъ, идущихъ изъ этого общаго источника и изданіе самихъ древнихъ подлинниковъ.

Греческій переводъ сдѣланъ былъ, какъ выше замѣчено, съ арабской редакціи. Авторомъ перевода въ концѣ XI-го столѣтія былъ нѣкто Симеонъ Сиѳъ, котораго считали прежде и авторомъ Псевдо-Каллисѳеновой „Александріи". Принявъ за основаніе арабскую редакцію, Сиѳъ ближе сохранилъ первоначальную форму исторіи, значительно измѣненную въ другихъ редакціяхъ; впрочемъ, переводъ не былъ особенно точенъ. Имена шакаловъ—Прямодушнаго и Лукаваго—переданы именами: „Стефанитъ и Ихнилатъ", т.-е. Увѣнчанный и Слѣдящій. Въ ученомъ мірѣ на западѣ познакомились съ Стефанитомъ еще въ XVII столѣтіи; сначала былъ изданъ латинскій переводъ Стефанита, составленный ученымъ Поссиномъ [1]); затѣмъ греческій текстъ былъ изданъ Штаркомъ, съ новымъ латинскимъ переводомъ [2]).

Русскіе списки Стефанита весьма многочисленны и довольно разнообразны, но восходятъ, кажется, къ единственному древнему переводу. Заглавія нашихъ рукописей приписываютъ сочиненіе то Симеону Сиѳу—называемому также „Антіохомъ" (это произошло изъ того, что онъ былъ протовестіаріемъ антіохійскаго дворца, въ Константинополѣ),—то Іоанну Дамаскину, однажды даже „Есопу индѣянину" (происшедшему, по очевидной ошибкѣ, изъ Сиѳа). Южно-славянское и древнее происхожденіе нашего Стефанита доказывается находкой болгарскихъ и сербскихъ рукописей, и первое появленіе текста можно возвести къ XIII-му столѣтію [3]).

---

1) Specimen sapientiae Indorum veterum, въ приложеніи къ изданію Георгія Пахимера, Romae, 1666.

2) Specimen sapientiae Indorum veterum, id est liber ethico-politicus pervetustus, dictus arabice Kalilah-wa-Dimnah, graece Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης, nunc primum ex mss. cod. Holsteiniano prodiit etc. opera Seb. Gottofr. Starkii. Berol., 1697. Перепечатано въ Аѳинахъ, 1852. Недостающее у Штарка введеніе издано было, съ нѣкоторыми варіантами къ Стефаниту, П. Фаб. Ауривилліемъ, въ Упсалѣ, 1780.

3) Въ моемъ „Очеркѣ", 1857, стр. 148--167, о литературной исторіи Стефа-

Стефанитъ и Ихнилатъ пользовался въ старину большимъ уваженіемъ: книгу считали возможнымъ приписывать Іоанну Дамаскину; въ одномъ сборникѣ нравственныхъ и благочестивыхъ изреченій, въ родѣ Пчелы, выписки изъ Ихнилата поставлены рядомъ съ изреченіями самыхъ знаменитыхъ у насъ учителей [1]). Какъ животный эпосъ, эти разсказы имѣютъ ту особенность, что эпическое начало здѣсь постоянно уступаетъ поученію: не только мудрецъ, разсказывающій исторію, но и самые звѣри пускаются въ разсужденія; разговоръ состоитъ изъ нравственныхъ сентенцій, сравненій и пословицъ, которымъ басня служитъ только подтвержденіемъ.

Не будемъ перечислять другихъ повѣстей византійскаго происхожденія, распространявшихся въ старой русской письменности, которыя иногда примыкали къ апокрифу, иногда къ хронографу, иногда къ агіографіи, иногда къ поученію. Выше мы упоминали

нита и сличеніе состава русскаго Стефанита съ греческимъ текстомъ Штарка; стр. 333—337, отрывки изъ текста.

— Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, Горскаго и Невоструева, II, 2, стр. 628—641, сообщаетъ свѣденія о болгарско-русскомъ спискѣ конца XV-го вѣка.

— Отчетъ москов. Публичнаго и Румянцов. музеевъ за 1873—1875 годъ. М. 1877, стр. 9—10, о сербскомъ спискѣ XV-го вѣка, принадлежавшемъ Севастьянову.

— Отчетъ тѣхъ же музеевъ за 1876—1878 годъ, стр. 42—44, о сербскомъ неполномъ спискѣ XIII—XIV-го вѣка, принадлежавшемъ В. И. Григоровичу.

— Даничичъ, Indijske priče prozvane Stefanit i Ihnilat,—въ „Starine“ югославянской академіи, Zagreb, 1870, изданіе церковно-славянскаго текста по рукописямъ бѣлградской и карловацкой (болгарской).

— Стефанитъ и Ихнилатъ (съ предисловіемъ и примѣчаніями Ѳ. И. Булгакова). Спб. 1877 (въ изданіи Общества любителей древней письменности XVI, XXII, 1877—1878)—введеніе объ исторіи памятника; перепечатка первыхъ 46 страницъ старой русской книги: „Политическія и нравоучительныя басни Пильпая, философа индѣйскаго. Съ французскаго переведены Академіи наукъ переводчикомъ Борисомъ Волковымъ“ (Спб. 1762), заключающихъ введеніе къ баснямъ, недостающее въ старыхъ русскихъ рукописяхъ. Изданіе стараго русскаго текста въ позднѣйшей редакціи по рукописи князя Вяземскаго.

— Стефанитъ и Ихнилатъ. М. 1881, съ предисловіемъ и подъ редакціею А. Е. Викторова, параллельное изданіе двухъ списковъ XV-го вѣка, Севастьяновскаго и Синодальнаго, и отрывковъ Григоровича XIII—XIV вѣка.

— С. Смирновъ, „Стефанитъ и Ихнилатъ“, въ „Филологическихъ Запискахъ“. Воронежъ, 1879, выпускъ III.

— Для исторіи памятника ср.: Книга Калила и Димна (сборникъ басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ басенъ Бидпая). Переводъ съ арабскаго М. О. Аттая, преподавателя арабскаго языка, и М. В. Рябинина, студента III курса спец. классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. М. 1889.

[1]) Толстовская рукопись, Публич. Библіотеки, 2, 184, л. 446—460.

сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ, примѣненное, по греческому образцу, къ историческимъ отношеніямъ московскаго царства; здѣсь мы упомянемъ еще только одинъ чрезвычайно любопытный циклъ повѣстей, привязанный къ имени библейскаго царя Соломона и простирающійся отъ ветхозавѣтнаго апокрифа, черезъ письменную повѣсть, до былины и народной сказки. Библейская исторія представляетъ уже Соломона въ ореолѣ особеннаго величія: онъ—мудрый царь и божественно вдохновенный писатель; ветхозавѣтный апокрифъ окружалъ его новыми сказаніями, гдѣ его мудрость возвышалась до сверхъ-человѣческихъ размѣровъ (онъ повелѣвалъ демонами), гдѣ онъ представлялся рѣшителемъ труднѣйшихъ вопросовъ (суды Соломона), что̀ давало основу для позднѣйшихъ развитій этой темы уже въ чисто баснословныхъ повѣствованіяхъ [1]).

Первое появленіе нашихъ апокрифовъ и баснословныхъ сказаній о Соломонѣ и ихъ источникъ опять покрыты мракомъ неизвѣстности. По всѣмъ вѣроятіямъ, источникъ былъ обычный—южнославянская письменность, передававшая византійскіе оригиналы. Древнѣйшій славяно-русскій списокъ ложныхъ книгъ, въ Номоканонѣ XIV вѣка, указываетъ писанія „о Соломони цари и о Китоврасѣ басни и кощуны“ [2]) и, повидимому, эти писанія существовали еще раньше XIV вѣка. Дальнѣйшая исторія текстовъ остается еще неразслѣдованной, между прочимъ по недостатку посредствующихъ рукописей; но въ концѣ концовъ повѣсти о Соломонѣ развились до степени чисто народныхъ сказаній по складу и стилю,—мы упоминали, что содержаніе ихъ дѣйствительно проникло въ чисто народную сказку и былину. Давно

---

[1]) Въ моемъ „Очеркѣ“, 1857, стр. 102—123.

— Памятники старинной русской литературы. Спб. 1860—1862, вып. III, стр. 51—71, рядъ повѣстей о царѣ Соломонѣ.

— Лѣтописи русской литературы и древности, Тихонравова. IV. М. 1862, стр. 112—158, повѣсть о царѣ Соломонѣ въ трехъ варіантахъ.

— Его же, Памятники отреченной русской литературы, М. 1863, I, стр. 254—272 (Соломонъ и Китоврасъ, и суды).

— Порфирьевъ, Ветхозавѣтные апокрифы. Спб. 1877, стр. 240—241, 261—263.

— А. Веселовскій, Изъ исторіи литературнаго общенія востока и запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. Спб. 1872. Послѣ этого авторъ еще не однажды возвращался къ Соломоновскимъ сказаніямъ, отчасти видоизмѣняя, отчасти развивая первыя изслѣдованія.

— Буслаевъ, разборъ предъидущаго сочиненія, въ XVI отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ. Спб., 1874, стр. 24—66.

— Ягичъ, Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik, въ Archiv für slavische Philologie, I, стр. 82—183.

[2]) Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи. Спб. 1862, стр. 27.

уже замѣчено было, что русскія сказочныя повѣсти о Соломонѣ совпадали различнымъ образомъ съ средневѣковыми нѣмецкими сказаніями о Соломонѣ и Морольфѣ; въ изслѣдованіяхъ г. Веселовскаго собраны многочисленныя параллели, восходящія до древнихъ восточныхъ сказаній и западныхъ литературъ среднихъ вѣковъ, и, наконецъ, до сказаній народныхъ: это была широко распространенная тема, гдѣ, наконецъ, совсѣмъ забывался мудрый библейскій царь и выступали на сцену или любимыя темы трудныхъ загадокъ и мудрыхъ отвѣтовъ, какими Соломонъ отличался еще мальчикомъ, или романическія приключенія съ чисто сказочными пріемами. Дальше мы будемъ имѣть случай видѣть, какъ обѣ эти темы были воспроизведены въ нашей народной поэзіи въ примѣненіи къ чисто русскимъ дѣйствующимъ лицамъ.

Мы пересмотрѣли главныя произведенія русской повѣсти въ древнемъ періодѣ и въ началѣ средняго, приблизительно до XV вѣка. Она была исключительно переводная и во многихъ случаяхъ, если не во всѣхъ, мотивы этой повѣсти, нерѣдко и самые тексты, были совершенно однородны съ тѣми, какіе въ то же время распространялись на западѣ, между прочимъ изъ того же основного византійскаго источника: русская письменность была только однимъ изъ тѣхъ пунктовъ, черезъ которые проходила странствующая повѣсть, составлявшая какъ бы общее поэтическое достояніе средневѣкового востока и запада. Но какъ мы замѣчали, литературная судьба этого поэтическаго матеріала была очень различна въ нашей письменности и въ литературахъ западныхъ. У насъ эта повѣсть оставалась переводомъ, который могъ только иногда осложняться, какъ „Александрія", компилятивными добавленіями однородныхъ подробностей, или, какъ въ другихъ случаяхъ, отъ продолжительнаго обращенія въ средѣ книжниковъ, знавшихъ только произведенія своей народной поэзіи, могъ получить народную складку языка,—но никогда эта чужая повѣсть не возбуждала поэтической самодѣятельности личнаго творчества. Въ литературахъ западныхъ, напротивъ, этотъ чужой матеріалъ разрабатывался въ бо́льшей или меньшей связи съ туземными сказаніями, съ бо́льшей или меньшей степенью личнаго творчества, съ бо́льшимъ или меньшимъ примѣненіемъ къ собственному быту, такъ что уже въ средніе вѣка развилась та широкая поэтическая дѣятельность, которая вызвала не мало крупныхъ дарованій, послужила къ подъему національныхъ литературъ и, хотя забытая съ распространеніемъ гуманизма и

псевдо-классическаго стиля,—нѣсколько вѣковъ спустя способна была содѣйствовать новому литературному возрожденію въ романтизмѣ.

Если такимъ образомъ этотъ странствующій поэтическій матеріалъ былъ усвоенъ на западѣ въ той мѣрѣ, что послужилъ для развитія самихъ національныхъ литературъ, то иная судьба его была и относительно внѣшняго распространенія. Во второй половинѣ XV вѣка эти памятники странствующаго эпоса явились въ числѣ первыхъ печатныхъ книгъ: Historia de preliis (Александрія), Historia de excidio Trojae (Троянскія сказанія), Directorium humanae vitae (Стефанитъ и Ихнилатъ) и т. д., а затѣмъ, когда средніе вѣка были завершены съ классическимъ Возрожденіемъ, греческіе памятники древней повѣсти, какъ памятники апокрифа и легенды, еще съ XVII вѣка и даже раньше стали уже только предметами научнаго изслѣдованія, какъ, напримѣръ, мы это указывали относительно Стефанита и Ихнилата.

Ничего подобнаго не произошло у насъ. Если, какъ мы видѣли, нѣкоторые изъ памятниковъ древней повѣсти, на-ряду съ памятниками апокрифа и легенды пріобрѣтаютъ для насъ особый интересъ по ихъ связи съ народной поэзіей; если эта средневѣковая письменность, въ ея соотношеніяхъ съ народнымъ преданіемъ, создавала то новое міровоззрѣніе, которое явилось на смѣну первобытному до-христіанскому преданію, то въ этомъ новомъ періодѣ наша старая письменность не представила элементовъ литературнаго развитія. Характерно то явленіе, что и здѣсь, какъ мы указывали это въ другихъ случаяхъ,—эта литература не имѣетъ хронологіи, не знаетъ никакихъ именъ писателей или передѣлывателей, никакихъ ступеней стиля (кромѣ упомянутыхъ народныхъ чертъ языка, накоплявшихся безсознательно въ теченіе времени): это была однородная масса. Памятникъ могъ придти въ XII—XIII вѣкѣ и жить въ письменности неизмѣнно до конца XVII, даже до половины XVIII вѣка: его не смѣнялъ какой-либо новый вкусъ читателей, новый запросъ въ содержаніи; интересъ, который къ нему привлекалъ, была поучительность или эпическая занимательность сказки; степень популярности зависѣла отъ того, насколько читатель былъ затронутъ тѣмъ или другимъ: наиболѣе популярныя сказанія сблизились съ народной поэзіей только на почвѣ этого сказочнаго интереса.

А. Пыпинъ.

СПОРЪ
О СПРАВЕДЛИВОСТИ

I.

Утѣшительное междоусобіе.

Въ хорошихъ монастыряхъ никто изъ монаховъ не гнушается самыми непріятными и нечистыми службами: всякая служба (внѣ богослуженія) называется „послушаніемъ" и исполняется съ одинаковымъ усердіемъ. Конечно, наша современная литература похожа на *хорошій* монастырь развѣ только обиліемъ черной работы, но тѣмъ болѣе причинъ и здѣсь не быть особенно брезгливымъ. Я за послѣднее время взялъ на свою долю добровольное „послушаніе": выметать тотъ печатный соръ и мусоръ, которымъ наши лжеправославные лжепатріоты стараются завалить въ общественномъ сознаніи великій и насущный вопросъ религіозной свободы.

Эта черная работа изобличенія нелѣпаго и лживаго вздора при всей своей непріятности имѣетъ и свои особыя утѣшенія. Въ высшей степени утѣшительно, напримѣръ, видѣть, какъ представители одной и той же зловредной тенденціи явно подрываютъ ее, вступая между собою въ непримиримое противорѣчіе. Такое радостное зрѣлище доставили намъ недавно два изъ самыхъ усердныхъ ревнителей лжепатріотическаго обскурантизма. Одинъ (въ „Русскомъ Обозрѣніи"), чтобы отдѣлаться отъ опредѣленныхъ требованій *вѣротерпимости*, подмѣнилъ ее двусмысленнымъ словомъ: терпимость (*вообще*), которую объявилъ не только превос-

ходнымъ качествомъ, но и *правиломъ самого православія*; а другой (въ „Русскомъ Вѣстникѣ") рѣшительно заявилъ, что терпимость есть гнуснѣйшее межъ всѣми преступленье и корень всякаго зла, что ея нѣтъ и не можетъ быть при истинной вѣрѣ, что церковь по существу своему нетерпима, и что ея *безмѣрная* нетерпимость можетъ быть съужена или смягчена только грѣховною податливостью ея недостойныхъ членовъ [1]).

Кому же изъ этихъ двухъ ревнителей вѣрить? Оба съ одинаковою самоувѣренностью говорятъ отъ имени „православія", но приписываютъ ему два прямо противоположные и несовмѣстимые характера: одинъ утверждаетъ, что оно по самому существу своему безусловно нетерпимо, и на все, кромѣ себя, должно смотрѣть лишь какъ на „подлежащее уничтоженію", — а другой объявляетъ, что „терпимость есть, конечно, правило самого православія". Логически неизбѣжно признать, что *по крайней мѣрѣ* одинъ изъ этихъ ревнителей имѣетъ о предметѣ своего поклоненія совершенно превратное понятіе и вводитъ своихъ читателей въ тяжкое заблужденіе. Извѣстно, впрочемъ, что два исключающія другъ друга сужденія, хотя не могутъ быть оба истинными, однако легко могутъ оказаться одинаково ложными. Съ „безмѣрною" нетерпимостью Іудушки мы достаточно познакомились; обратимся теперь къ „терпимости" новомосковскаго публициста.

II.

Терпимость вообще и принципъ вѣротерпимости.

Терпимость, по словамъ г. Тихомирова, есть превосходное качество, присущее русскимъ людямъ; противъ нея никто у насъ ничего не имѣетъ и не можетъ имѣть, — ей вредятъ только нелѣпыя идеи и злыя намѣренія такихъ писателей, какъ Соловьевъ, которые способны пробудить въ исполненномъ терпимости рус-

---

[1]) См. мою замѣтку въ февр. кн. „Вѣстн. Европы". Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ статьи „Свобода и вѣра", подписанной: В. Розановъ, я, не колеблясь, призналъ настоящимъ ея авторомъ знаменитаго Іудушку. И теперь, послѣ достаточнаго промежутка времени, я остаюсь при той же увѣренности. Это вовсе не шутка. Я знаю, что „головлевскій баринъ" давно умеръ, замерзши на кладбищѣ и не оставивъ послѣ себя никакихъ сочиненій. Но Іудушка есть духъ, а не помѣщикъ; и этотъ духъ несомнѣнно живъ, и не только живъ, но чрезвычайно выросъ, окрѣпъ, изъ деревенской глуши перенесъ свое дѣйствіе въ столичную литературу, воплощаясь то въ томъ, то въ другомъ писателѣ; но болѣе полнаго его воплощенія, какъ то, о которомъ идетъ рѣчь, я до сихъ поръ не встрѣчалъ.

скомъ человѣкѣ „жгучую ненависть“ къ этому его качеству [1]). Очень хотѣлось бы мнѣ повѣрить г. Тихомирову и признать за собою эту удивительную магическую силу, способную измѣнять характеръ „русскаго человѣка“ такимъ кореннымъ образомъ: я тогда поспѣшилъ бы испробовать свое могущество на самомъ этомъ писателѣ, чтобы сдѣлать изъ него вполнѣ искренняго и строго добросовѣстнаго публициста. Но увы! такой силы я въ себѣ до сихъ поръ не находилъ, и увѣреніе г. Тихомирова, будто онъ долженъ защищать терпимость отъ меня—ея главнаго и могучаго врага—остается только фальшивою уловкою для отвода глазъ отъ настоящаго дѣла [2]). Совершенно фальшиво уже самое восхваленіе терпимости какъ превосходнаго качества. Сама по себѣ терпимость есть качество *среднее*, и становится хорошимъ или дурнымъ смотря по предмету, къ которому прилагается, и по душевному побужденію, которымъ опредѣляется. Я вынужденъ —нечего дѣлать—растолковывать и такія истины! Если кто-либо проявляетъ терпимость къ вопіющимъ злодѣяніямъ лицъ болѣе его сильныхъ изъ боязни навлечь на себя ихъ гнѣвъ, то такая терпимость называется иначе *подлостью* и никакъ не составляетъ превосходнаго качества. Далѣе: если кто-нибудь потому относится терпимо ко всѣмъ чужимъ мыслямъ и дѣламъ, что самъ не имѣетъ никакихъ убѣжденій для различенія хорошаго отъ дурного, то такая терпимость называется также равнодушіемъ къ истинѣ и добру, безпринципностью, индифферентизмомъ, и никакой похвалы не заслуживаетъ. Терпимость къ чужимъ грѣхамъ есть качество низкое, если она внушается умысломъ прикрыть и оправдать ею собственные свои пороки, но она похвальна, когда основана на сердечномъ доброжелательствѣ или же на сознаніи общаго человѣческаго несовершенства; снисходительное отношеніе даже къ зловреднѣйшимъ преступникамъ, но уже отвѣчающимъ за свою вину, обезоруженнымъ, называется великодушіемъ, милосердіемъ, и есть качество дѣйствительно превосходное, точно также какъ и терпимость къ теоретическимъ заблужденіямъ, происходящая не изъ равнодушія къ истинѣ, а изъ сознанія многоразличныхъ умственныхъ путей, которыми люди доходятъ до истины.

---

[1]) „Русское Обозрѣніе“, 1893 г. № 7, стр. 369 (Лѣтопись печати. Къ вопросу о терпимости).

[2]) Любопытно, что на одной и той же страницѣ г. Тихомировъ утверждаетъ сначала, что „русскій человѣкъ“ неспособенъ отдѣлаться отъ терпимости, ему присущей, а потомъ сейчасъ же увѣряетъ, что я, Соловьевъ, рискую пробудить въ томъ же „русскомъ человѣкѣ“ жгучую ненависть къ терпимости! Такъ даже въ подобныхъ мелочахъ ложь постоянно выдаетъ саму себя.

Но какую именно терпимость восхваляетъ публицистъ „Русскаго Обозрѣнія“ — остается совершенно неизвѣстнымъ; восхвалять же терпимость *вообще*—значитъ затемнять важный вопросъ безсмысленною болтовней и подвергать справедливому подозрѣнію свою искренность и добросовѣстность.

Вопросъ о вѣротерпимости имѣетъ совершенно опредѣленный смыслъ, котораго ни однимъ словомъ не коснулся г. Тихомировъ. Спрашивается: слѣдуетъ ли людей сажать въ тюрьму или ссылать за извѣстныя проявленія ихъ религіозныхъ убѣжденій (напримѣръ, иновѣрныхъ духовныхъ — за совершеніе требъ надъ лицами, не числящимися въ ихъ исповѣданіи, но желающими принадлежать къ нему); слѣдуетъ ли запрещать и истреблять книги за содержащіяся въ нихъ мысли, несогласныя съ оффиціально-принятыми мнѣніями и т. д. Дѣло идетъ о признаніи за чужими религіозными убѣжденіями всѣхъ тѣхъ правъ на свободное проявленіе, какія мы признаемъ и требуемъ для своей собственной вѣры. Этотъ принципъ *равноправности* религіозныхъ убѣжденій, вовсе не заключающій въ себѣ признанія ихъ *равноцѣнности* (какъ гражданская равноправность между геніемъ и глупцомъ, между безхарактернымъ человѣкомъ и героемъ никакъ не предполагаетъ уравненія ихъ внутренняго достоинства),—этотъ принципъ равноправности исповѣданій, сдѣлавшійся закономъ во всѣхъ другихъ образованныхъ странахъ, еще не вошелъ, какъ извѣстно, ни въ наше законодательство, ни въ правила нашей администраціи. Весьма широкое, иногда даже покровительственное отношеніе государства къ извѣстнымъ *признаннымъ культамъ въ ихъ statu quo* нисколько не распространяется у насъ на самую существенную сторону религіи, именно на дѣйствительное личное убѣжденіе въ дѣлѣ вѣры, — проявляется ли оно одиночно, или же въ образованіи новыхъ вѣроисповѣдныхъ группъ, или наконецъ въ стремленіи старыхъ къ живому развитію ихъ силъ. За личнымъ религіознымъ убѣжденіемъ не признается никакихъ правъ на существованіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это убѣжденіе сталкивается такъ или иначе съ матеріальнымъ фактомъ рожденія въ господствующей вѣроисповѣдной средѣ. По русскому законодательству (какъ было еще недавно объявлено въ сенатскомъ рѣшеніи отъ 12-го марта 1891 г.) лица, отступившія отъ православія и присоединившіяся къ другому исповѣданію, *не принадлежатъ къ сему послѣднему, а считаются православными*. Положительные законы безусловно запрещаютъ всѣмъ числящимся въ господствующей греко-россійской церкви отступать отъ нея и принимать иную вѣру; такое отступленіе признается состояніемъ

не только воспрещеннымъ, но и преступнымъ, которое никогда не можетъ сдѣлаться состояніемъ законнымъ, не покрывается никакою давностью, ни въ какомъ поколѣніи.

Несмотря на нѣкоторыя внутреннія противорѣчія, оставленныя безъ вниманія прав. сенатомъ, приведенное рѣшеніе его служитъ нынѣ руководящимъ правиломъ для административной и судебной практики во всѣхъ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. *Этимъ* правиломъ, а вовсе не какими-нибудь мнимыми или дѣйствительными душевными свойствами русскаго народа опредѣляется настоящее положеніе религіозной свободы въ Россіи.

Я не стану распространяться о томъ, какъ эта точка зрѣнія, по которой убѣжденіе можетъ замѣняться принужденіемъ, неблагопріятна для духовныхъ интересовъ самого православія; какъ для него самого неудобна эта обидная привилегія господствующаго исповѣданія, въ силу которой къ нему одному только могутъ причисляться люди вопреки своей дѣйствительной вѣрѣ. О вредѣ матеріальныхъ огражденій для дѣла истины я уже раньше говорилъ достаточно [1]), а прежде и лучше меня объ этой печальной „монополіи на лицемѣріе и на духовную бездѣятельность" говорилъ покойный Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ статьяхъ о свободѣ совѣсти, собранныхъ въ четвертомъ томѣ его сочиненій и составляющихъ истинное завѣщаніе родинѣ этого патріота и послѣдняго представителя стараго славянофильства [2]).

Но какъ бы ни были ясны и важны соображенія духовнаго интереса данной церкви, требующія блага всесторонней религіозной свободы, вопросъ о вѣротерпимости, будучи по существу междуцерковнымъ или междуисповѣднымъ, можетъ быть окончательно рѣшаемъ только на основаніи общеобязательнаго принципа *справедливости*.

---

[1]) См. въ майской кн. „Вѣстн. Европы" 1893 г. замѣтку по поводу переписки Ю. Ѳ. Самарина съ баронессой Раденъ.

[2]) Еслибы наши лжепатріоты были сколько-нибудь добросовѣстны, они не могли бы, разсуждая о вѣротерпимости, обходить молчаніемъ обстоятельно и краснорѣчиво выраженные взгляды на этотъ предметъ такого дѣйствительнаго патріота и значительнаго писателя, какъ Аксаковъ. Между тѣмъ они единодушно и тщательно его замалчиваютъ, дабы увѣрить свою публику, что существующими у насъ вѣроисповѣдными отношеніями могутъ быть недовольны только тайные или явные враги отечества и православія. Въ силу той же тактики гг. Тихомировъ и К°, столь много написавшіе о моей второй замѣткѣ, ни словомъ не обмолвились о первой: въ ней я говорю не одинъ, а вмѣстѣ съ Ю. Самаринымъ, который для нихъ, по предмету религіозной свободы, такъ же неудобенъ, какъ и Аксаковъ. Тонкіе политики! Но неужели съ такою политикой совмѣстимо серьезное и искреннее желаніе выяснить истину?

III.

Справедливость, какъ моя выдумка.

Справедливость требуетъ, чтобы мы не дѣлали другимъ, чего не желаемъ себѣ; такъ какъ мы не можемъ желать стѣсненій и ограниченій для исповѣданія нашей вѣры, то не должны подвергать таковымъ и чужую вѣру. Единственное серьезное возраженіе противъ этого моего основного тезиса могло бы состоять въ томъ, что здѣсь утверждается такая очевидная истина, такой труизмъ, о которомъ совершенно не стоитъ говорить. Подобное возраженіе я и въ самомъ дѣлѣ слыхалъ, но мнѣ не приходится его оспаривать. За меня въ настоящемъ случаѣ, т.-е. за умѣстность и своевременность моего положенія достаточно свидѣтельствуютъ мои противники, въ особенности г. Тихомировъ, который объявляетъ приведенное понятіе справедливости—*моею* и притомъ *нелѣпою выдумкою* и въ обличеніе этой нелѣпости представляетъ слѣдующіе „аргументы":

„Попробуемъ провѣрить по методу (!) г. Соловьева какіе-нибудь аксіоматически ясные вопросы гражданской и религіозной жизни человѣка. Имѣетъ ли, напримѣръ, русская армія право побѣждать непріятеля въ сраженіи? По г. Соловьеву,—ни въ какомъ случаѣ. Вѣдь мы не можемъ желать себѣ, чтобы другіе насъ разбили. Это ясно. Но минимальное требованіе христіанской нравственности воспрещаетъ дѣлать другимъ то, чего не желаешь отъ другихъ себѣ. Ergo: русская армія, какъ христіанская, не смѣетъ побѣждать враговъ. Имѣетъ ли по крайней мѣрѣ право христіанскій миссіонеръ желать искорененія язычества? Опять нѣтъ. Вѣдь мы не можемъ желать, чтобы наша предполагаемая истина была искоренена предполагаемою другими истиною. Стало быть, мы не можемъ желать такой непріятности и для другихъ" [1]). И далѣе: „Г. Соловьевъ какъ бы полагаетъ, будто бы [2]) всякое желаніе, какое только взбредетъ въ голову крещенаго человѣка, —уже свято (!) и можетъ служить для него мѣркою правъ другихъ людей (!!). Иной, можетъ быть, въ иную минуту не желаетъ, чтобы женщина воспротивилась его нечистой страсти. По логикѣ

---

[1]) „Русск. Обозр." 1893 г., № 7, стр. 372, 373.

[2]) Что это такое: *какъ бы полагаетъ, будто бы*? Здѣсь стиль г. Тихомирова обнаруживаетъ то же качество, которымъ такъ блещетъ стиль его собрата Іудушки: пріятное соотвѣтствіе между нескладною формою рѣчи и ея фальшивымъ содержаніемъ.

г. Соловьева выходитъ, что, стало быть, этотъ человѣкъ не долженъ и самъ противиться соблазнамъ какой-нибудь развратницы" [1]).

Таковы соображенія г. Тихомирова противъ требованія вѣротерпимости, какъ основаннаго на правилѣ справедливости: не дѣлай другимъ, чего себѣ не желаешь. Во исполненіе принятаго на себя „послушанія" я долженъ разобрать по пунктамъ и эту „аргументацію":

1) „Имѣетъ ли русская армія право побѣждать непріятеля въ сраженіи?" При чемъ тутъ *право*? Война сама по себѣ уже есть временное упраздненіе правовыхъ отношеній между воюющими народами, ихъ болѣе или менѣе полное возвращеніе (относительно другъ друга) къ естественному состоянію борьбы стихійныхъ силъ. Можно, пожалуй, спорить о *правѣ войны*, т.-е. имѣетъ ли и при какихъ условіяхъ имѣетъ право государство или народъ объявить упраздненіе или пріостановку своего правового отношенія къ другому народу; но разъ такое упраздненіе фактически совершилось, то какой же смыслъ можетъ имѣть вопросъ о правѣ тамъ, гдѣ дѣйствіе права завѣдомо, явно и торжественно прекращено? Можно и должно стараться о смягченіи и ограниченіи такого безправнаго состоянія, но это уже совсѣмъ другой вопросъ. Должно желать и можно надѣяться, что война совсѣмъ исчезнетъ на землѣ; но еслибы даже (чего я не думаю) она была дѣломъ необходимымъ навсегда, то этимъ нисколько не измѣняется существенный характеръ войны, какъ явленія, принадлежащаго къ области силы, а не права, и представлять себѣ, что двѣ арміи, вступающія въ сраженіе, могутъ находиться между собою въ какомъ-то правовомъ отношеніи, допускающемъ вопросъ, имѣетъ ли одна изъ нихъ право побѣждать другую,—есть во всякомъ случаѣ верхъ нелѣпости. Но даже при допущеніи такого нелѣпаго оборота мысли, все-таки тупая стрѣла г. Тихомирова не попадаетъ въ цѣль. Положимъ, въ самомъ дѣлѣ мой принципъ заставлялъ бы меня утверждать, что русская армія не имѣетъ права побѣждать непріятеля въ сраженіи; но вѣдь на томъ же самомъ основаніи и непріятельская армія не имѣетъ права побѣждать русскую, то-есть—другими словами—никакихъ сраженій и никакой войны вообще не должно быть: заключеніе безукоризненное и въ логическомъ, и въ нравственномъ отношеніи.

Но для публициста „Русскаго Обозрѣнія", повидимому, аксіоматически-ясно", что война есть нѣчто совершенно нормальное. Однако, начиная отъ верховнаго правительства, сдѣлавшаго со-

---

[1]) „Р. О.", стр. 374.

храненіе мира девизомъ своей мудрой внѣшней политики, и кончая послѣднимъ мужикомъ, пашущимъ землю, всѣ здравомыслящіе и истинно-патріотичные люди смотрятъ на войну какъ на бѣдствіе и зло,—слѣдовательно, признаютъ ее явленіемъ *ненормальнымъ*.

Конечно, г. Тихомировъ, приписавшій мнѣ злонамѣренное изобрѣтеніе справедливости, легко можетъ объявить, что и принципіальное отрицаніе войны есть только-что выдуманный мною абсурдъ. Противъ этого я не стану ссылаться на древнихъ пророковъ Израиля, двадцать пять вѣковъ тому назадъ проповѣдовавшихъ всеобщее разоруженіе: эти писатели, которыхъ ихъ современники преслѣдовали, какъ враговъ отечества и опасныхъ революціонеровъ, едва-ли могутъ имѣть какое-нибудь значеніе въ глазахъ нашего неуклоннаго консерватора. Убѣдительнѣе будетъ для него другое, болѣе близкое свидѣтельство. Въ недавно напечатанномъ прекрасномъ письмѣ покойнаго принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго къ князю Бисмарку читаемъ слѣдующее: „Теперь задачей его [1]) должно быть уничтожить корень зла, величайшій грѣхъ, — уничтожить войну; ибо на землѣ никогда не будетъ счастія, пока правительства: 1) будутъ дѣйствовать противно началамъ христіанства, 2) не дадутъ развиться истинной цивилизаціи. Въ чемъ, въ сущности, заключается понятіе цивилизаціи? Въ законности. Но война есть уничтоженіе законности, а стало быть и отрицаніе цивилизаціи. При существующихъ условіяхъ цивилизація—иллюзія, ибо она выражается лишь въ достиженіи такихъ матеріальныхъ благъ, какъ желѣзныя дороги, телеграфы и машины“. Упомянувъ о „превратныхъ ученіяхъ“, которыя „побѣждаются не штыками, а мудрою политикой и мѣрами просвѣщенія“, и отстранивъ затѣмъ мысль о возможности немедленнаго и полнаго разоруженія, великодушный принцъ продолжаетъ: „Мое мнѣніе состоитъ, стало быть, въ слѣдующемъ: 1) Уничтожить въ принципѣ войну между цивилизованными народами и гарантировать взаимными договорами владѣніе территоріями. 2) Спорные вопросы разрѣшать, согласно примѣру Англіи и Америки, при помощи международной коммиссіи. 3) Установить численность военной силы всѣхъ государствъ международною конвенціей“. (Выше была объяснена временная необходимость небольшихъ войскъ, между прочимъ, противъ возможнаго нападенія дикихъ народовъ). „Хотя уничтоженіе войны многими причисляется къ области фантазіи, я тѣмъ не менѣе имѣю мужество

---

[1]) Говорится о германскомъ императорѣ и о соглашеніи его съ россійскимъ.

думать, что въ немъ заключается единственное средство спасти церковь, монархическій принципъ и общество и излечить государства отъ язвы, которая препятствуетъ ихъ развитію... Осуществленіе такой высокой, истинно-христіанской и гуманной идеи, исходящее непосредственно отъ двухъ могущественныхъ монарховъ, явилось бы славною побѣдой надъ принципами зла; наступила бы новая эра счастія; по всему міру пронеслись бы клики радости, которые нашли бы отзвукъ у небесныхъ ангеловъ. Если Господь за меня, то кто можетъ быть противъ меня, и какая сила можетъ противостоять тѣмъ, которые дѣйствуютъ во имя Бога? Вотъ скромный взглядъ стараго, много испытавшаго на своемъ вѣку человѣка, который безъ страха, не обращая вниманія на людскіе толки, предъ лицомъ Бога и вѣчности, слѣдуя лишь голосу своей совѣсти, не ищетъ на землѣ ничего иного, кромѣ тихой могилы подлѣ своихъ дорогихъ предковъ" [1]).

Съ этимъ истинно-человѣчнымъ и истинно-религіознымъ взглядомъ, безъ сомнѣнія, согласятся всѣ, не носящіе на себѣ „начертанія звѣринаго". Что касается до г. Тихомирова, если онъ дѣйствительно въ положеніи двухъ сражающихся армій видитъ „аксіоматически-ясный" образчикъ правильныхъ человѣческихъ отношеній, то тѣмъ хуже для него. Разумѣется, если въ безправіи искать норму, то право и справедливость окажутся безсмыслицей. Еслибы война могла служить образцомъ человѣческихъ отношеній, тогда самымъ правильнымъ рѣшеніемъ вѣроисповѣднаго вопроса было бы—просто перестрѣлять всѣхъ иновѣрцевъ. Но, по истинѣ, грубый фактъ, какъ война, вовсе не можетъ служить инстанціей для сужденія о томъ, что̀ должно быть. Напротивъ, самый этотъ фактъ судится и осуждается принципомъ справедливости: *такъ какъ мы сами не желаемъ подвергаться бѣдствіямъ войны, то не должны подвергать таковымъ и другихъ.* Далѣе такого общаго отрицанія принципъ справедливости не можетъ идти въ области тѣхъ отношеній, изъ которыхъ правомѣрность исключена по существу.

2) Второй „аргументъ" г. Тихомирова основанъ на употребленіи двусмысленнаго слова. „Имѣетъ ли право христіанскій миссіонеръ желать *искорененія* язычества?" Если здѣсь подъ искорененіемъ разумѣется исчезновеніе языческихъ заблужденій вслѣдствіе просвѣтительной проповѣди, то не только миссіонеръ, а и всякій благомыслящій человѣкъ имѣетъ право и даже обязанъ желать такого искорененія и по возможности содѣйствовать ему.

---

[1]) Приложеніе къ № 6471 „Новаго Времени" (5-го марта 1894 г.).

Это прямо вытекаетъ изъ принципа справедливости не только въ положительной, но и въ отрицательной его формѣ. Ибо какъ я для себя не могу желать, чтобы люди, способные просвѣтить мой умъ и путемъ убѣжденія избавить меня отъ ложныхъ понятій, уклонялись отъ этого и оставляли меня во мракѣ,—такъ не долженъ я ни желать, ни оказывать подобнаго равнодушія и относительно другихъ людей, между прочимъ, и язычниковъ. Слѣдуя этому принципу справедливости, я и самъ не только желаю, но по мѣрѣ силъ и дѣятельно стараюсь (хотя пока съ малымъ успѣхомъ) „искоренять" то язычество, которое распространяется въ нашемъ обществѣ нѣкоторыми публицистами подъ ложнымъ видомъ ревности объ интересахъ Россіи и православія. Еслибы г. Тихомировъ въ качествѣ добровольнаго миссіонера захотѣлъ искоренять это язычество орудіемъ слова, онъ могъ бы разсчитывать на мое сочувствіе и содѣйствіе,—*не вопреки*, а *въ силу* моего понятія о справедливости. Но подъ „искорененіемъ язычества" можно разумѣть—и дѣйствительно часто разумѣлось и еще разумѣется—нѣчто совершенно другое, а именно наружное, вещественными средствами, присоединеніе язычниковъ къ христіанству, принужденіе ихъ внѣшнимъ образомъ, т.-е. неистинно, исповѣдовать истину. Идя далѣе въ этомъ направленіи, легко можно искорененіе *язычества* смѣшать съ искорененіемъ *язычниковъ*. Такъ не только Карлъ Великій мечомъ и огнемъ искоренилъ язычество въ Саксоніи, а византійское правительство искореняло полуязычниковъ павликіанъ, при чемъ, по свидѣтельству лѣтописца Ѳеофана, убито ихъ было около ста тысячъ человѣкъ, —но еще не такъ давно газета „Гражданинъ" сообщала о менѣе грандіозныхъ по размѣрамъ, менѣе кровопролитныхъ, но однородныхъ по характеру попыткахъ искоренять язычество въ одной странѣ дальняго Востока. *Подобнаго* отношенія къ религіознымъ вѣрованіямъ никто для себя желать не можетъ, а потому не долженъ ни желать, ни причинять такихъ насилій и другимъ людямъ, хотя бы даже язычникамъ [1]).

3) Что касается третьяго примѣра (о „нечистой страсти"),

---

[1]) Панегиристъ „терпимости" возмущается мыслью о предоставленіи свободы всѣмъ культамъ, между которыми,—говоритъ онъ,—есть и *бѣсовскіе*. Но вѣдь такіе, насколько они дѣйствительны, должны проявляться въ какихъ-нибудь безчинствахъ и злодѣяніяхъ, которыя и преслѣдуются на основаніи общаго права. Дѣло только въ томъ, чтобы не превращать религіозный мотивъ, хотя бы и ложный, въ особое самостоятельное преступленіе. Впрочемъ, приведенный аргументъ противъ вѣротерпимости, какъ и многіе другіе, былъ уже мною предусмотрѣнъ и заранѣе опровергнутъ въ той самой замѣткѣ, по поводу которой г. Тихомировъ написалъ такъ много вздору, не сказавши ни одного слова о ея дѣйствительномъ содержаніи.

то еслибы я дѣйствительно полагалъ, или „какъ бы полагалъ, будто бы“ всякое желаніе, какое только взбредетъ кому-нибудь въ голову, тѣмъ самымъ свято и можетъ служить мѣриломъ чужихъ правъ,—то, конечно, изъ такого нелѣпаго предположенія могли бы произойти только нелѣпѣйшіе выводы. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ не только о святости всякихъ желаній, но и вообще о желаніяхъ какъ эмпирическихъ фактахъ,—т.-е. о томъ, чего кому-нибудь въ иную минуту хочется или не хочется,—я ни слова не говорилъ и говорить не имѣлъ причины, ибо рѣчь шла единственно только о формальномъ принципѣ справедливости, опредѣляющемъ то, чего каждый всегда можетъ, и чего никогда не можетъ желать *въ смыслѣ всеобщаго правила*,—то значитъ и этотъ третій „аргументъ“ оказывается не болѣе какъ мальчишескою выходкою (предполагая, впрочемъ, что публицистъ „Русскаго Обозрѣнія“ понимаетъ различіе между эмпирическимъ и раціональнымъ элементомъ этики, между матеріальной основой и формальнымъ опредѣленіемъ нравственныхъ и безнравственныхъ дѣйствій, за что я, конечно, ручаться не могу). Разумѣется, формальный принципъ справедливости, именно какъ формальный, можетъ быть приложенъ и къ случаю, выставленному г. Тихомировымъ, но, понятно, не въ томъ нелѣпомъ видѣ, къ какомъ онъ это дѣлаетъ, а какъ разъ въ обратномъ: такъ какъ никто не можетъ желать, чтобы *его* жена, дочь, сестра и т. д. подвергались *чьей-нибудь* нечистой страсти, то никто и самъ не долженъ подвергать *своей* нечистой страсти *чью-нибудь* жену, дочь, сестру, т.-е. вообще никакую женщину. Такъ выходитъ по „моей“ логикѣ, она же и логика Канта, который всѣхъ точнѣе формулировалъ и всѣхъ полнѣе развилъ тотъ исконный общечеловѣческій принципъ нравственности, на который теперь ополчился г. Тихомировъ, какъ на мою выдумку. Могъ ли бѣдный кенигсбергскій философъ предвидѣть, что его „абсурды“ будутъ такъ побѣдоносно, съ такою „аксіоматическою ясностью“ опровергнуты могучимъ мыслителемъ „Русскаго Обозрѣнія“?

Серьезно говоря, что̀ такое эти вопросы, или примѣры, которые выставляетъ противъ меня г. Тихомировъ? Назвать ихъ софизмами значило бы оскорбить память Протагора и Горгія. Это просто глупыя школьническія остроты, пародіи на софизмы въ родѣ тѣхъ, которыя Платонъ на̀ смѣхъ влагаетъ въ уста какого-нибудь совопросника-нахала. Въ низшихъ классахъ гимназіи, я помню, были у меня нѣкоторые товарищи, особенно любившіе предаваться подобнымъ умственнымъ упражненіямъ. Удивительно, что г. Тихомировъ, разъ вступивши на этотъ путь, ограничился

только тремя и притомъ довольно слабыми примѣрами. Предложу ему съ своей стороны еще три образчика: 1) Имѣемъ ли мы право ѣсть?—По справедливости, нѣтъ; ибо такъ какъ мы не желаемъ быть съѣденными, то и сами не должны ѣсть. 2) Имѣю ли я право ходить по землѣ?—Очевидно нѣтъ: вѣдь я не могу желать, чтобы по мнѣ ходилъ кто-нибудь, а особенно такой тяжелый предметъ, какъ земля. 3) Имѣетъ ли право здоровый хирургъ дѣлать ампутацію?—Опять-таки нѣтъ: вѣдь онъ не можетъ желать, чтобы у него отрѣзали какой-нибудь членъ; слѣдовательно, ампутировать чужую ногу ему позволительно лишь въ томъ случаѣ, если его собственная нога поражена гангреной. Беспристрастный читатель, конечно, согласится, что нелѣпый принципъ справедливости обличается моими примѣрами гораздо ярче и сильнѣе, нежели тихомировскими.

Кромѣ неудачнаго выбора примѣровъ, съ нашимъ публицистомъ случилось еще особое маленькое несчастіе, въ родѣ того, которому подвергся его союзникъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", объявившій, что *зилотъ* есть англійское слово. Г. Тихомировъ съ своей стороны рѣшительно заявляетъ, что отрицательное выраженіе для принципа справедливости: „не дѣлай другимъ, чего себѣ не желаешь", есть моя умышленная передѣлка евангельскаго текста [1]), а между тѣмъ многимъ, даже и не бывшимъ въ семинаріи, извѣстно, что эта формула не только старѣе меня, но и старѣе евангелія, ибо она была высказана между прочимъ знаменитымъ учителемъ Гиллелемъ, наставникомъ того „мудраго" Гамаліила, у котораго учился апостолъ Павелъ [2]). Вотъ какъ стары мои передѣлки! Если это доказательство его опрометчивости способно сдѣлать г. Тихомирова болѣе внимательнымъ къ чужимъ мыслямъ, то онъ согласится, быть можетъ, что

---

[1]) Вотъ его слова: „Прежде всего нельзя не вспомнить, что авторъ *нѣсколько передѣлалъ* христіанскую формулу. Въ евангеліи сказано: Итакъ во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними. (Матѳ. VII, 12). Г. Соловьевъ *передаетъ это* въ видѣ правила: не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь" („Р. О.", стр. 373. Курсивы—мои).

[2]) Одинъ язычникъ пришелъ къ Шаммаю (главѣ строгой школы) и сказалъ: „я приму законъ Моисеевъ, если ты изложишь мнѣ его сущность, пока я стою на одной ногѣ". Шаммай взялъ палку и прогналъ его прочь. Тогда язычникъ пошелъ къ Гиллелю съ тѣмъ же запросомъ. Гиллель сказалъ: „То, что тебѣ самому непріятно, того не дѣлай ближнему твоему; въ этомъ все ученіе, прочее—только толкованіе. Иди и научись!"—Язычникъ съ радостью принялъ вѣру въ Бога Израилева. Очевидно, еслибы на его мѣстѣ былъ г. Тихомировъ, то изреченіе Гиллеля не произвело бы на него такого дѣйствія: онъ остался бы язычникомъ, какимъ и нынѣ благополучно пребываетъ.

когда дѣло идетъ о *минимальномъ* требованіи нравственности, то отрицательная формула умѣстнѣе положительной: ясно въ самомъ дѣлѣ, что требованіе „никого не обижай" *меньше* требованія „всѣмъ помогай". Но также ясно и то, что ежели извѣстныя дѣйствія, напр. религіозныя преслѣдованія или стѣсненія, не удовлетворяютъ даже низшему отрицательному условію справедливости, то тѣмъ болѣе противорѣчатъ они высшей положительной правдѣ. А если такъ, то въ чемъ же *практическая* разница между двумя формулами относительно нашего вопроса? Евангельская формула („Итакъ *во всемъ*, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними"), очевидно, требуетъ признанія религіозной свободы и равноправности никакъ не менѣе, чѣмъ моя мнимая передѣлка. Вѣдь мы несомнѣнно *хотимъ*, чтобы люди уважительно относились къ нашимъ вѣрованіямъ, къ тому, что̀ мы признаемъ истиннымъ и спасительнымъ для нашей души, чтобы они предоставляли нашей вѣрѣ полную свободу исповѣданія и проповѣданія; слѣдовательно, точно такъ же, по евангельскому слову, должны и мы поступать съ людьми, должны дѣлать по отношенію къ ихъ вѣрѣ только то, чего хотимъ отъ нихъ для своей вѣры. Нѣтъ! справедливость не мною выдумана, и какую формулу ей ни давать—положительную или отрицательную—все равно, того, чего нужно нашимъ лжепатріотамъ, ни вывести изъ нея, ни примирить съ нею никакъ невозможно. Отъ идеи справедливости имъ приходится отказаться во всякомъ случаѣ, никакое лицемѣріе и никакія уловки тутъ не помогутъ. Они и сами это знаютъ, и потому всегда стараются, отдѣлавшись чѣмъ попало отъ нравственныхъ требованій, поскорѣе перейти къ соображеніямъ иного порядка. Посмотримъ, что̀ же, вмѣсто Божьей и человѣческой правды, выставляютъ они какъ свой принципъ „вѣроисповѣдной политики"?

Владиміръ Соловьевъ.

ПОСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ *).

И ты осмѣяна, и твой чередъ насталъ!
Но, Боже правый! Грэтхенъ, ты ли это?
Ты, красоты безсмертный идеалъ,
Ты, чистое созданіе поэта!

Чтò еслибъ твой творецъ явился между нами
Изъ заточенья своего?
Какими бъ скорбными слезами
Блеснулъ орлиный взоръ его!

Но твой творецъ давно въ землѣ сырой,
Не вспомнила о немъ смѣющаяся зала,
И каждой шуткѣ площадной
Безсмысленно толпа рукоплескала.

*) Настоящее стихотвореніе А. Н. Апухтина, очевидно, еще не было напечатано, такъ какъ его нѣтъ ни въ одномъ изъ трехъ изданій его стихотвореній. Оно написано по поводу оперетки „Le petit Faust“ и было получено моей матерью, лѣтъ 14—15 тому назадъ, отъ покойнаго товарища прокурора владимірскаго окружного суда. Ивана Дмитріевича Свицкаго, семья котораго, жившая въ Петербургѣ, была хороша съ Апухтинымъ. Какъ объ одной изъ отличительныхъ чертъ наружности Апухтина. Свицкій упоминалъ о его полнотѣ, по поводу которой поэтъ самъ надъ собой трунилъ: „вотъ говорятъ, что жизнь пережить не поле перейти, а мнѣ жизнь пережить легче чѣмъ поле перейти“. Свицкій сообщалъ и другія стихотворенія Апухтина въ то время какъ они еще не были въ печати (какъ, напримѣръ, стихотвореніе „Реквіемъ“, вошедшее въ собраніе стихотвореній Апухтина).

К. Бальмонтъ.

Нашъ вѣкъ таковъ: ему и горя нѣтъ,
Что тысячи людей рыдали надъ тобою,
Что нѣкогда твоею красотою
Былъ цѣлый край утѣшенъ и согрѣтъ.

Ему лишь въ храмъ Любви вносить слова порока,
Безцѣнный мраморъ грязью закидать,
Да пошлости накладывать печать
На все, что̀ чисто и высоко.

А. Апухтинъ.

ПО ПОВОДУ
ПИТЕЙНОЙ МОНОПОЛІИ.

— Установленіе въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ казенной продажи вина. „Вѣстникъ финансовъ и пром." 1893 г. № 26.
— Питейная монополія. А. Н. Гурьева. Спб. 1893 г.

I.

Въ 1893 г. исполнилось тридцатилѣтіе со времени отмѣны откуповъ и дѣйствія нынѣшней акцизной системы съ „вольною" продажею вина. И вотъ мы вновь находимся наканунѣ радикальной реформы въ этой народно-государственной отрасли хозяйства. Реформа должна заключаться въ замѣнѣ вольной продажи „казенной" монополіей. Опытъ ея введенія будетъ сдѣланъ первоначально въ районѣ, охватывающемъ четыре юго-восточныя губерніи—пермскую, оренбургскую, уфимскую и самарскую. Теперь въ этомъ районѣ происходятъ дѣятельныя подготовительныя работы, самое же дѣйствіе монополіи начнется съ 1-го января 1895 г. Но вмѣстѣ съ тѣмъ государственный совѣтъ призналъ необходимымъ въ этотъ промежутокъ времени подвергнуть проектъ реформы, представленный г. министромъ финансовъ, дальнѣйшей переработкѣ, „дабы устранить всякія сомнѣнія даже въ частностяхъ этого сложнаго дѣла". Въ общемъ государственный совѣтъ выразилъ желаніе ближе познакомиться съ самыми способами осуществленія казенной продажи вина—съ условіями выбора лицъ, которымъ будетъ поручена продажа, организаціи за ними надзора, системой вознагражденія агентовъ, предполагаемымъ числомъ мѣстъ торговли и проч. Въ настоящее же время на лицо имѣется только

одна идея казенной продажи вина и общія соображенія, на основаніи которыхъ признается желательнымъ ея осуществленіе.

Проектируемая питейная монополія преслѣдуетъ, повидимому, достиженіе довольно разнообразныхъ цѣлей. Но на первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоятъ: возможное увеличеніе казеннаго дохода, доставляемаго обложеніемъ вина, и борьба со зломъ въ видѣ усиливающагося у насъ „народнаго пьянства". „Только путемъ монополіи,—замѣтилъ г. министръ финансовъ въ своей рѣчи къ государственному совѣту,—государство можетъ извлечь изъ налога на спиртъ *необходимый ему и значительно бо́льшій, нежели нынѣ, доходъ*, —съ наименьшими стѣсненіями и неудобствами; вмѣстѣ съ тѣмъ монополія представляется единственнымъ средствомъ къ ограниченію, въ интересахъ нравственности и народнаго здравія, злоупотребленія спиртными напитками и къ изъятію изъ употребленія, съ наибольшимъ успѣхомъ, напитковъ, безусловно вредныхъ для здоровья". Что касается второй части намѣчаемой проектомъ задачи, то нужно прежде всего сказать, что какъ самый вопросъ о размѣрахъ у насъ народнаго пьянства, такъ и вопросъ о средствахъ для борьбы съ нимъ представляются весьма мало выясненными. Это вполнѣ подтверждается и данными проекта о нѣкоторыхъ результатахъ акцизной системы. Фактъ усиливающагося въ нашемъ отечествѣ народнаго пьянства хотя и считается теперь общепризнаннымъ, но эта общепризнанность основывается лишь на личныхъ наблюденіяхъ, которыя, какъ извѣстно, бываютъ весьма обманчивы. Собранными данными давно уже установлено, что Россія въ отношеніи размѣровъ потребленія спиртныхъ напитковъ стоитъ чуть ли не позади всѣхъ государствъ западной Европы. Затѣмъ, какъ видно изъ данныхъ проекта министерства финансовъ, эти размѣры потребляемаго вина у насъ не только не увеличиваются, но постепенно сокращаются. Такъ, въ началѣ дѣйствія акцизной системы на душу приходилось 0,40 ведра спирта; въ настоящее же время размѣръ потребленія упалъ до 0,22 ведра, т.-е. почти въ два раза. Съ другой стороны, за истекшее тридцатилѣтіе у насъ образовались крупные промышленные центры, населеніе которыхъ по условіямъ своей жизни потребляетъ болѣе спиртныхъ напитковъ, чѣмъ деревня. При среднемъ, напримѣръ, потребленіи въ 0,22 ведра спирта на душу—въ губерніяхъ столичныхъ эта норма достигаетъ 0,70 ведра. Очевидно, что сельское населеніе сократило размѣры своего потребленія еще въ бо́льшей пропорціи противъ выведенной для всей Россіи. Самое же сокращеніе нормы потребленія явилось и главнымъ образомъ послѣдствіемъ повышенія акциза (съ 4 до 10 к. за тридцатилѣтіе) и соотвѣтственнаго вздорожанія спиртныхъ напитковъ. Слѣдовательно,

если вѣрить общему голосу объ усилившемся въ народѣ пьянствѣ, то нужно признать, что оно усилилось, несмотря на сократившіеся вдвое размѣры потребленія вина и болѣе чѣмъ вдвое повысившіяся цѣны на этотъ продуктъ.

Главными виновниками усиливающагося въ народѣ пьянства, по мнѣнію авторовъ проекта казенной продажи вина, являются нынѣшніе содержатели питейныхъ заведеній; постоянная борьба съ растлѣвающимъ вліяніемъ ихъ со стороны правительства оставалась безплодной. За тридцать лѣтъ дѣйствія акцизной системы „было издано болѣе десяти капитальныхъ законодательныхъ актовъ, имѣвшихъ цѣлью ограничить торговлю виномъ и оградить населеніе отъ кабацкаго промысла. Узаконенія эти все болѣе и болѣе расширяли права администраціи по упорядоченію питейной торговли. Къ той же цѣли были направлены многочисленныя административныя распоряженія". Но, къ сожалѣнію, „всѣ эти мѣры не привели къ желанному результату. Сила кабатчиковъ осталась непоколебленной. Она продолжаетъ спаивать, обирать и развращать народъ всѣми средствами: заманиваніемъ, продажею въ кредитъ, подъ залогъ самыхъ необходимыхъ вещей, обманомъ, спаиваніемъ вредными продуктами и т. д. Жалобы на такое положеніе питейнаго дѣла, никогда не прекращавшіяся, особенно усилились во время неурожая 1891 г.". Точно также не дало требуемыхъ результатовъ и стремленіе администраціи привлечь къ кабацкому промыслу болѣе благонадежныхъ людей, которые не допускали бы при торговлѣ виномъ различныхъ злоупотребленій. „Личный интересъ частнаго лица,—говорится въ проектѣ,—извлекающаго свои доходы отъ продажи питей, при чемъ эти доходы стоятъ въ прямой зависимости отъ количества выпитаго населеніемъ вина, едва-ли допускаетъ возможность осуществленія предположенія о томъ, чтобы частный виноторговецъ принималъ какія-либо мѣры къ сокращенію пьянства, или чтобы въ число виноторговцевъ желалъ попасть кто-либо, задающійся цѣлью ограждать населеніе отъ неумѣреннаго употребленія напитковъ". Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія, по мнѣнію г. министра финансовъ, и является „устраненіе частнаго интереса" въ торговлѣ виномъ и передача ея въ вѣденіе казны.

Болѣе благопріятные результаты получились отъ акцизной системы въ финансовомъ отношеніи. Въ періодъ откуповъ наивысшій размѣръ питейнаго дохода (безъ царства польскаго) составлялъ около 106 мил. руб. Но уже въ 1863 г. онъ повысился до 121 мил. руб. Съ распространеніемъ акцизной системы на царство польское онъ возросъ въ 1867 г. до 134 мил. р. Затѣмъ постепенно повышался акцизъ, а рядомъ съ тѣмъ увеличивался и доходъ. Къ 1889 г. размѣръ его

достигъ 275 мил. р., что уже составляло болѣе трети всѣхъ бюджетныхъ средствъ. Но съ этого времени начало обнаруживаться, что дальнѣйшее возвышеніе акциза неспособно производить соотвѣтствующаго роста питейнаго дохода и ведетъ лишь къ сокращенію потребленія вина. Къ 1890 г. размѣръ питейнаго дохода упалъ до 268 мил. р., въ 1891 г.—до 246 мил. р. Далѣе оказывается, что въ 1863 г., при акцизѣ въ 4 к., вмѣсто 9¼, и значительно меньшемъ числѣ потребителей питейныхъ, доходъ составлялъ 121 мил. р. Такимъ образомъ, если питейный доходъ и увеличился, то лишь исключительно на счетъ повышенія акциза, а не роста потребленія, которое, какъ мы видѣли, значительно сократилось. Но возможность увеличенія питейнаго дохода въ будущемъ нужно признать весьма мало вѣроятною. Другими словами—акцизная система уже вполнѣ исчерпала этотъ важный бюджетный источникъ. Между тѣмъ возвышеніе акциза искони являлось для нашего финансоваго вѣдомства тѣмъ резервомъ, къ которому оно прибѣгало въ „минуту жизни трудную". Отсюда понятно стремленіе сдѣлать попытку измѣнить систему эксплуатаціи этой доходной статьи, найти средство возстановить ея способность къ дальнѣйшему росту.

II.

Нельзя сомнѣваться въ искренности намѣреній нашего финансоваго вѣдомства, желающаго, путемъ осуществленія питейной монополіи, средства пріобрѣсти, а народную нравственность соблюсти. Но не трудно видѣть, что эти двѣ части предстоящей задачи являются своего рода Сциллой и Харибдой, и если не совершенно исключаютъ другъ друга, то только при условіяхъ настоящаго времени. Само министерство финансовъ въ своемъ проектѣ, къ сожалѣнію, не останавливается на выясненіи тѣхъ новыхъ источниковъ дохода, которые создаетъ замѣна акцизной системы казенной монополіей. Но уже высказываемыя имъ надежды на возможность сокращенія пьянства свидѣтельствуютъ, что одновременное увеличеніе казеннаго дохода представляется весьма мало вѣроятнымъ. Что же касается приватныхъ защитниковъ казенной монополіи въ печати, то они умудряются въ одно и то же время и какъ бы подчеркивать непримиримыя противорѣчія въ двухсторонней задачѣ, преслѣдуемой реформой, и при этомъ вовсе не замѣчать этихъ противорѣчій.

Сущность ожиданій на увеличеніе казеннаго дохода съ осуществленіемъ монополіи покоится на томъ предположеніи, что, кромѣ ны-

нѣшняго акциза, казна получитъ если не всю, то значительную часть доходовѣ, остающихся теперь въ рукахъ посредниковъ по продажѣ вина населенію. Какъ ни велика сама по себѣ сумма, доставляемая государству питейнымъ налогомъ, но,—говоритъ г. Гурьевъ,— „быстрый ростъ государственныхъ расходовъ заставляетъ финансовое вѣдомство ежечасно задавать себѣ вопросъ: представляетъ ли дѣйствительное поступленіе отъ питейнаго налога максимальную сумму, какая можетъ быть извлечена изъ питейнаго бюджета населенія, не „погибаютъ ли многія тысячи напрасно" для казны?" Погибающими въ данномъ случаѣ и считаются тѣ тысячи, которыя остаются въ рукахъ посредниковъ. Г. Гурьевъ соглашается, что дѣйствительный размѣръ „погибающихъ тысячъ" не можетъ быть опредѣленъ даже приблизительно. Поэтому онъ намѣчаетъ лишь источники новыхъ доходовъ для казны. Сюда нужно отнести прежде всего чистый доходъ оптовыхъ торговцевъ (складчиковъ), который поступилъ въ казну „почти цѣликомъ". Въ общемъ онъ даетъ до 30 мил., считая по 40 к. на ведро потребляемаго вина. Что касается прибылей различныхъ торговцевъ, то казна должна разсчитывать только на нѣкоторую долю ихъ, такъ какъ доходъ кабатчиковъ получается частію отъ злоупотребленій, а съ другой стороны, и содержаніе „заведеній" казнѣ обойдется нѣсколько дороже. Но если,—заключаетъ г. Гурьевъ,—даже эту незначительную долю „помножить на громадную цифру заведеній, то долженъ получиться доходъ весьма изрядный". Затѣмъ слѣдуютъ увеличенія дохода отъ прекращенія продажи низкопробнаго вина, уменьшенія случаевъ тайнаго винокуренія, устраненія контрабанды на западной границѣ и возможности всегда увеличить обложеніе, не доставляя тѣмъ выгодъ посредникамъ, продающимъ теперь прежнее низко обложенное вино по новымъ высокимъ цѣнамъ.

Такимъ образомъ, защитники монополіи остаются въ увѣренности, что при казенной продажѣ вина размѣръ его потребленія не только не уменьшится, но даже возростетъ на все то количество воды, которымъ оно разбавляется теперь, благодаря злоупотребленіямъ кабатчиковъ, и на все количество спирта, доставляемаго теперь контрабанд нымъ путемъ изъ Пруссіи „На многіе милліоны рублей,—говоритъ г. Гурьевъ,—потребуется увеличеніе винокуренія, когда вино будетъ дѣйствительно содержать узаконенное количество спирта и когда прекратится снабженіе западной окраины контрабанднымъ прусскимъ спиртомъ". Мы не будемъ пока останавливаться на различныхъ затрудненіяхъ, съ которыми сопряжено осуществленіе питейной монополіи, и посмотримъ лишь, насколько надежды на возможное увеличеніе размѣра потребляемаго вина совмѣстимы съ выполненіемъ вто-

рой части задачи, гдѣ вопросъ идетъ о борьбѣ съ пьянствомъ. Мы видѣли, что въ проектѣ министерства финансовъ наличность подобнаго зла приписывается главнымъ образомъ вліянію „частнаго интереса“ при продажѣ вина. Представителями же этого „частнаго интереса“ являются нынѣшніе кабатчики, прибѣгающіе ко всякимъ способамъ для усиленія сбыта того продукта, которымъ они торгуютъ. Съ неменьшимъ негодованіемъ отзывается и г. Гурьевъ „о гнусной роли въ питейномъ дѣлѣ нашихъ кабатчиковъ, которые изъ корыстныхъ видовъ всевозможными способами поддерживаютъ въ населеніи пагубную страсть къ неумѣренному потребленію вина“... „Для насъ даже непонятно,—заключаетъ онъ,—какъ можно было подпустить къ почти младенческому народу частный интересъ, вооруженный такимъ страшнымъ орудіемъ, какъ вино“.

Питейная монополія, какъ обѣщаютъ намъ ея защитники, устранитъ этого врага народной нравственности и народнаго благосостоянія. Будущій сидѣлецъ казеннаго заведенія явится человѣкомъ совершенно не отъ міра сего. „Это,—какъ живописуетъ намъ г. Гурьевъ,—престарѣлый, еле грамотный крестьянинъ, быть можетъ, даже уже неспособный къ тяжелому труду; это—богобоязненный пенсіонеръ правительства, получающій уголъ и пропитаніе за сидѣніе, въ полномъ смыслѣ этого слова; это—человѣкъ, не имѣющій капитала, съ ослабленною уже жизненною энергіею, не принадлежащій къ мѣстному сельскому населенію и потому не могущій имѣть въ немъ никакихъ связей и вліянія“. Онъ явится „нисколько не заинтересованнымъ въ размѣрахъ продажи и потому не навязывающимъ вина населенію, не боящимся никакой конкурренціи, чуждый всякой торговлѣ и промысламъ; не имѣющимъ ни средствъ, ни энергіи, ни мѣстнаго вліянія, необходимыхъ для кредитныхъ операцій съ виномъ, наконецъ, имѣющимъ надъ собою надзоръ и опасающимся потерять средства къ безбѣдному существованію“.

Допустимъ, что все случится именно такъ, какъ предсказываетъ г. Гурьевъ, и будущіе сидѣльцы казенныхъ заведеній не станутъ проявлять никакого усердія въ дѣлѣ возможнаго усиленія сбыта вина; продажа въ кредитъ и подъ залогъ вещей прекратится и т. д. Но было бы крайней наивностью думать, что разнородныя и многочисленныя злоупотребленія, съ которыми соединено теперь „размѣщеніе“ вина, исчезнутъ, самые же размѣры сбыта его нисколько не уменьшатся. Если существующая теперь „легкая возможность, даже при отсутствіи наличныхъ средствъ, имѣть вино“, на которую указываетъ проектъ монополіи, какъ на весьма распространенное зло, подрывающее въ корень благосостояніе населенія,—если она исчезнетъ, то очевидно, что на всю эту сумму уменьшится и количество потреб-

ляемаго вина. Съ другой стороны, очевидно, что это сокращеніе въ потребленіи вина окажется настолько значительнымъ, насколько, по увѣренію проекта, распространено самое зло продажи его въ кредитъ. „Въ видахъ наибольшаго сбыта,—говорится въ проектѣ,—виноторговецъ нынѣшняго типа охотно ссужаетъ населенію вино подъ закладъ всевозможныхъ предметовъ, подъ будущій урожай и даже подъ будущій заработокъ". Вообще личный интересъ виноторговцевъ „слишкомъ тѣсно связанъ *съ размѣрами потребленія населеніемъ вина*, при чемъ классъ этотъ не брезгуетъ никакими способами къ навязыванію населенію вина и къ поддержанію и даже развитію въ немъ той бытовой стороны жизни, которая вызываетъ пьянство". Не слѣдуетъ, однако, забывать, что подобные кабатчики являются и наиболѣе энергичными агентами правительства по извлеченію питейнаго дохода, такъ какъ съ каждаго „навязаннаго" имъ потребителю ведра вина въ пользу казны, въ видѣ акциза, поступаетъ несравненно бо̀льшая доля вырученной суммы, чѣмъ въ его собственную. Между тѣмъ защитники монополіи какъ бы совершенно игнорируютъ тотъ очевидный результатъ, что съ замѣной этихъ беззастѣнчивыхъ и энергичныхъ агентовъ „богобоязненными пенсіонерами", необходимо уменьшится сбытъ продукта, изъ обложенія котораго слагается нынѣшняя коллосальная сумма питейнаго дохода. Слѣдовательно и размѣръ этого дохода болѣе или менѣе значительно упадетъ.

Какъ составители проекта, такъ и г. Гурьевъ, указываютъ на тотъ общеизвѣстный фактъ, что пьянство не составляетъ необходимаго спутника потребленія вина даже въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ это наблюдается у насъ. Въ проектѣ даже исчислено, что въ нашемъ отечествѣ на каждаго пьющаго приходится теперь въ сутки „не болѣе хересной рюмки обыкновеннаго 40-градуснаго спирта". Такимъ образомъ, „еслибы потребленіе это увеличилось только на маленькую рюмочку ($^1/_{400}$ ведра) въ сутки, то питейный доходъ возросъ бы на 50%, т.-е. на 160 мил. р. въ годъ". Аналогичный же разсчетъ дѣлаетъ и комментаторъ проекта, г. Гурьевъ. „Если,—замѣчаетъ онъ,—откинуть 50 мил. женщинъ и принять, что въ употребленіи водки будетъ участвовать $^2/_3$ мужского населенія, то окажется, что въ Россіи, при регулярномъ, *совершенно безвредномъ* потребленіи вина, можетъ расходоваться до 50 мил. ведеръ алкоголя, т.-е. *вдвое* больше, чѣмъ теперь". Отсюда явствуетъ, говорятъ защитники монополіи, что казна заинтересована лишь въ развитіи „здороваго" потребленія вина, и настолько же, по словамъ проекта, она несетъ прежде всѣхъ существенныя потери отъ народнаго пьянства, подрывающаго платежныя силы населенія".

Главная миссія проектируемой питейной монополіи и заключается

въ томъ, чтобы она „ограничивала пьянство, *не подрывая интересовъ фиска* и не препятствуя здоровому потребленію вина". Къ сожалѣнію, ни въ проектѣ питейной монополіи, ни у ея приватныхъ защитниковъ, мы не находимъ никакихъ соображеній о тѣхъ путяхъ, при помощи которыхъ эта реформа будетъ оказывать благодѣтельное вліяніе на характеръ потребленія вина нашимъ населеніемъ. Даже—напротивъ. Дальнѣйшія высказываемыя ими соображенія ясно свидѣтельствуютъ, что предстоящая реформа торговли виномъ не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ сложнымъ житейскимъ условіямъ, которыя создаютъ и поддерживаютъ у насъ „пьянство", вмѣсто желаемаго „здороваго потребленія" вина. Массовое пьянство, по замѣчанію проекта, „обусловливается бытовою стороною жизни нашего народа, сложившагося исторически и подвергающагося лишь „*медленному измѣненію, подъ вліяніемъ просвѣщенія и нравственнаго вліянія общественныхъ условій или отдѣльныхъ личностей*". Точно также и г. Гурьевъ признаетъ, что „безобразный характеръ потребленія вина" коренится „въ самыхъ основахъ нашего народнаго быта, а воздѣйствовать на нихъ правительство можетъ только *медленно*, путемъ поднятія уровня народнаго благосостоянія и просвѣщенія". Въ итогѣ, слѣдовательно, если монополія, какъ полагаютъ ея защитники, искоренитъ пьянство, а „здоровое" потребленіе вина, имѣющее возмѣстить вытекающее отсюда сокращеніе питейнаго дохода, разовьется лишь медленно и при томъ независимо отъ предстоящей реформы, то въ ожиданіи этого отраднаго будущаго казна во всякомъ случаѣ должна помириться съ нѣкоторыми потерями.

III.

Такимъ образомъ, если будущія казенныя питейныя заведенія оправдаютъ возлагающіяся на нихъ надежды, и нынѣшніе пріемы, практикуемые кабатчиками въ видахъ усиленія сбыта вина, исчезнутъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно сократятся и общіе размѣры его потребленія. Разсчеты же на увеличеніе сбыта отъ устраненія изъ продажи низкопробнаго вина и возможности положить конецъ контрабандной доставки спирта изъ Пруссіи—также весьма сомнительны. Предположеніе, что населеніе платитъ теперь деньги за нѣкоторую долю воды, примѣшиваемой къ продукту, не вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности. Въ большинствѣ случаевъ кабатчики прибѣгаютъ къ этому средству для удешевленія черезъ-чуръ дорогого продукта, что̀ при обостряющейся между ними конкурренціи представляетъ большой соблазнъ. Мѣру же, рекомендуемую г. Гурьевымъ для борьбы съ кон-

трабандой, можно признать по истинѣ курьезной. По его мнѣнію, монополія „даетъ въ руки единственное дѣйствительное орудіе борьбы съ контрабанднымъ спиртомъ, совершенно невозможное при акцизной системѣ, а именно: установленіе пониженныхъ цѣнъ на вино въ приграничныхъ полосахъ, дающее возможность сдѣлать безцѣльнымъ проносъ дешеваго вина изъ-за границы". Если, проектируетъ г. Гурьевъ, „установитъ пониженіе цѣнъ вина по направленію къ границѣ по ступенямъ, соотвѣтственно 10, 7½ и 5 к. акциза, то можно почти совершенно парализировать контрабанду". Но г. Гурьеву не приходитъ въ голову то простое соображеніе, что при продажѣ вина въ пограничныхъ районахъ по цѣнамъ вдвое низшимъ получится весьма крупная выгода покупать здѣсь этотъ продуктъ для провоза и перепродажи его въ губерніяхъ внутреннихъ. Такимъ образомъ окажется необходимымъ на границахъ всѣхъ проектируемыхъ четырехъ полосъ учредить особую таможенную стражу, какъ это и было въ періодъ откуповъ, когда нѣкоторыя западныя губерніи пользовались привилегіей вольной продажи вина. Авторъ мудраго проекта наивно полагаетъ, что дѣйствительно можно въ одномъ уѣздѣ продавать вино по 3½ р. за ведро, въ другомъ, сосѣднемъ —по 5 р., а въ третьемъ—по нормальной цѣнѣ въ 7 р. за ведро. Между тѣмъ очевидно, что при указанныхъ „дифференціальныхъ" цѣнахъ контрабанда получитъ еще болѣе широкіе размѣры.

Затѣмъ при осуществленіи монополіи предполагается значительно повысить общія продажныя цѣны на вино, чтò, какъ показалъ опытъ возвышенія акциза, въ свою очередь поведетъ къ болѣе или менѣе значительному сокращенію размѣровъ потребленія. Казна предполагаетъ, какъ извѣстно, установить однообразную „среднюю" цѣну какъ для оптовой, „ведерной" продажи, такъ и для розничной, „чарочной". Она будетъ установлена приблизительно въ размѣрѣ около 7 р. за ведро. Для чарочной продажи это окажется нѣкоторымъ даже удешевленіемъ, но для оптовой—весьма значительнымъ повышеніемъ цѣны, такъ какъ въ настоящее время она для простыхъ сортовъ вина не превышаетъ 6 р. Между тѣмъ есть полное основаніе утверждать, что оптовая покупка вина населеніемъ значительно превосходитъ по своему количеству розничную. Вино нашимъ крестьяниномъ потребляется преимущественно при семейныхъ торжествахъ, деревенскихъ праздникахъ, мірскихъ сходкахъ и т. д. Если же при акцизной системѣ всякое вздорожаніе вина вело къ сокращенію размѣровъ его потребленія, то очевидно, что и въ данномъ случаѣ получится тотъ же результатъ. Самая же разница между покупной цѣной вина и продажной, т.-е. прибыль съ каждаго ведра, должна, согласно проекту монополіи, нѣсколько уменьшиться. Защитники монополіи имѣютъ въ виду

попутно оказывать поощреніе и сельскому хозяйству, уплачивая за продуктъ заводчикамъ дороже, чѣмъ теперь, когда, по ихъ увѣренію, винокуреніе доставляетъ чуть ли не одни убытки. „Мы не видимъ,— великодушно заявляетъ г. Гурьевъ,—ни малѣйшаго вреда въ томъ, если при этой системѣ казнѣ придется платить нѣсколько дороже за спиртъ, заказанный на сельско-хозяйственныхъ винокурняхъ". Оставляя вопросъ о „вредѣ" въ сторонѣ, слѣдуетъ, однако, помнить, что такое поощреніе сельско-хозяйственному винокуренію будетъ оказываемо несомнѣнно на счетъ уменьшенія доходовъ казны, которая возьметъ на себя продажу вина, и которой, конечно, выгодно покупать продуктъ возможно дешевле.

Въ общемъ, слѣдовательно, съ весьма большою вѣроятностью можно допустить, что при осуществленіи монополіи въ томъ нѣсколько идиллическомъ видѣ, въ какомъ она проектируется, доходъ казны, получаемый теперь отъ обложенія вина, упадетъ на довольно значительную часть, вслѣдствіе сокращенія размѣровъ потребленія, которое ни въ какомъ случаѣ не останется на прежнемъ своемъ уровнѣ. Въ пользу этого вывода нельзя, конечно, привести точныхъ цифръ. Но вѣдь и защитники монополіи не приводятъ ихъ, а довольствуются общими соображеніями. Мы и хотимъ только отмѣтить очевидную ошибочность этихъ соображеній. Никакимъ образомъ нельзя въ одно и то же время требовать ослабленія энергіи при сбытѣ вина и все-таки разсчитывать, что размѣры этого сбыта не сократятся. Что касается замѣны пьянства усиленіемъ „здороваго потребленія", то защитники монополіи вовсе даже не останавливаются на вопросѣ, какимъ образомъ проектируемая питейная реформа произведетъ требуемый переворотъ въ формахъ потребленія населеніемъ вина и вообще какая существуетъ между ними хотя бы связь. Въ самомъ проектѣ лишь весьма туманно указывается на то, что „невозможно придумать такія постановленія, которыя, при свободѣ промысла на всемъ обширномъ пространствѣ имперіи, ограничивали бы пьянство, *не подрывая интересовъ фиска* и не препятствуя здоровому потребленію вина". Затѣмъ, безъ всякой мотивировки заявляется, что „единственный выходъ изъ этой дилеммы заключается въ переходѣ отъ свободнаго частнаго виннаго промысла къ казенной винной торговлѣ или монополіи". Что касается возможности увеличенія дохода отъ возвышенія продажной цѣны вина, то, во-первыхъ, какъ мы видѣли, часть его предполагается уступить въ пользу поощренія сельско-хозяйственнаго винокуренія, а, во-вторыхъ, тотъ же результатъ получился бы и при простомъ повышеніи взимаемаго теперь акциза. Но если усиленіе обложенія оказалось тоже неспособнымъ производить и соотвѣтствующее увеличеніе питейнаго дохода, то

очевидно, что не получится этихъ результатовъ и отъ совершенно тождественнаго съ ними возвышенія продажныхъ цѣнъ на вино.

IV.

Точно также проблематичны или даже до очевидности ошибочны и разсчеты на возможность при монополіи увеличить доходъ казны присоединеніемъ къ нему барышей, извлекаемыхъ теперь изъ продажи вина различными посредниками. Сколько-нибудь точныхъ данныхъ о размѣрѣ этихъ барышей и тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ они слагаются, не существуетъ. Какъ и въ первой части, здѣсь всѣ начала покоятся на общихъ соображеніяхъ, что если посредники извлекаютъ теперь изъ торговли доходъ, то и казнѣ достанется хоть нѣкоторая доля его. Г. Гурьевъ, напримѣръ, разсчитываетъ отъ одного отчужденія прибылей оптовыхъ торговцевъ получить до 30 милл. р. въ годъ—минимумъ. Но этотъ разсчетъ покоится на незнакомствѣ г. Гурьева съ нынѣшними условіями торговли виномъ. Наведши же маленькую справку, г. Гурьевъ узналъ бы, что теперь далеко не все поступающее въ продажу вино проходитъ черезъ склады особыхъ оптовыхъ торговцевъ. Это существуетъ только въ губерніяхъ сѣверныхъ, гдѣ мѣстное винокуреніе почти совершенно отсутствуетъ и вино приходится покупать часто въ очень отдаленныхъ районахъ. Во всей же остальной Россіи оптовыми складчиками являются сами заводчики, у которыхъ непосредственно и пріобрѣтаютъ вино мелкіе торговцы-кабатчики. Наконецъ, во многихъ случаяхъ заводчикамъ принадлежитъ даже и бóльшая часть кабаковъ ближайшаго къ заводу района. Такимъ образомъ, г. Гурьевъ разсчитываетъ на доходы посредниковъ, число которыхъ въ дѣйствительности гораздо меньше, чѣмъ онъ предполагаетъ. Далѣе онъ полагаетъ, что въ пользу казны останутся „проценты на капиталъ, затраченный на уплату впередъ акциза". На самомъ же дѣлѣ акцизъ уплачивается не впередъ, а постепенно, по мѣрѣ продажи продукта изъ оптоваго склада. Остальной запасъ вовсе не подвергается предварительному очищенію акцизомъ. Между тѣмъ, по мнѣнію г. Гурьева, расходы казны на содержаніе складовъ необходимо возростутъ. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ доходъ отъ нихъ можетъ и не получиться.

Что касается доходовъ кабатчиковъ, то защитники монополіи, при всей своей смѣлости, не рѣшатся все-таки утверждать, что онъ цѣликомъ достанется казнѣ. Дѣйствительно, этотъ доходъ создается отчасти на счетъ прямыхъ злоупотребленій, а отчасти при посредствѣ той чрезвычайной энергіи, прилагаемой къ сбыту вина,

о которой говорилось выше. При монополіи онъ несомнѣнно, слѣдовательно, понизится. Но размѣры этого пониженія теперь не могутъ быть исчислены даже приблизительно. Можетъ быть даже оно будетъ настолько значительно, что часть суммы на содержаніе мѣстъ продажи вина придется брать изъ нынѣшняго акцизнаго дохода. Чтобы получить объ этомъ хотя нѣкоторое представленіе, воспользуемся данными, сообщаемыми г. Родичевымъ [1]). По сдѣланному имъ разсчету въ центральной Россіи на одно питейное заведеніе придется въ среднемъ 355 ведеръ вина въ годъ. Если допустить, что половина его продается по оптовой цѣнѣ въ 5 р. 50 к. и половина мелкими долями по 7 р. 50 к. за ведро, то при цѣнѣ ведра на заводѣ въ 5 р. валовой доходъ кабатчика составитъ 420 р. Вычтите отсюда стоимость патента, мірского приговора, и тогда въ пользу самого хозяина заведенія очистится очень незначительная сумма. Она является достаточной, когда не нужно платить за помѣщеніе, когда хозяинъ заведенія можетъ заняться какимъ-нибудь промысломъ, а вино отпускаетъ, между прочимъ, кто-нибудь изъ членовъ семьи и т. д. При такихъ условіяхъ и доходъ въ 150 или даже 100 р. представляетъ собою нѣкоторый соблазнъ, какъ подспорье въ общемъ бюджетѣ. Но наймите спеціальное помѣщеніе, спеціальнаго сидѣльца, который долженъ содержать семью, и тогда расходы, пожалуй, съ избыткомъ поглотятъ скромный доходъ. Мы говоримъ, конечно, о заведеніяхъ въ средней руки селеніяхъ, а не въ крупныхъ торговыхъ центрахъ, гдѣ преобладаетъ уже трактирная, распивочная продажа, которую монополія предполагаетъ оставить въ прежнемъ ея видѣ. Если же предположить, что при монополіи, какъ тò обѣщаютъ намъ ея защитники, будущіе сидѣльцы начнутъ относиться къ размѣрамъ сбыта безразлично, не прибѣгая къ нынѣшнимъ способамъ возможнаго его усиленія, то доходъ отъ заведеній еще болѣе понизится и можетъ дойти до уровня, не окупающаго расходовъ по содержанію. Можно, конечно, сократить самое число заведеній, но тогда, при нашихъ большихъ разстояніяхъ между населенными пунктами послѣдуетъ дальнѣйшее сокращеніе сбыта.

Ошибочность разсчетовъ защитниковъ монополіи зиждется на томъ недоразумѣніи, будто у насъ существуетъ особый классъ кабатчиковъ, существующихъ и богатѣющихъ исключительно на счетъ торговли виномъ. На самомъ же дѣлѣ подобный спеціализировавшійся промыселъ имѣется лишь въ городахъ и крупныхъ торговыхъ селеніяхъ. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ виноторговля составляетъ побочный промыселъ, и ею занимаются лица, въ бюджетѣ ко-

[1]) „Винная Монополія“, докладъ въ Имп. Вольн. Экон. Обществѣ.

торыхъ барышъ отъ заведенія вовсе не является главной доходной статьей. Это позволяетъ существовать питейнымъ заведеніямъ даже въ такихъ мелкихъ селеніяхъ, въ которыхъ незначительность самаго потребленія не можетъ окупать расходовъ при условіи спеціализаціи этого промысла. Очевидно, что при монополіи содержать заведенія въ подобныхъ селеніяхъ окажется уже совершенно убыточнымъ. Въ результатѣ же казна лишается довольно значительной арміи агентовъ, способствовавшихъ усиленію сбыта высоко обложеннаго въ пользу ея продукта. Не можетъ быть сомнѣнія, что имѣющіяся остаться только въ болѣе крупныхъ селеніяхъ заведенія не продадутъ такого количества вина, которое распродается теперь въ общей суммѣ массою мелкихъ заведеній. Такимъ образомъ, есть много основаній думать, что если казна пожелаетъ удержать все наличное число питейныхъ заведеній, то содержаніе ихъ дастъ нѣкоторый убытокъ; если же будутъ оставлены только крупныя заведенія, которыя могутъ окупить увеличившіеся расходы по содержанію, то упраздненіе остальныхъ поведетъ къ сокращенію размѣровъ сбыта.

Наконецъ, по мнѣнію защитниковъ монополіи, изъятіе продажи вина изъ частныхъ рукъ окажетъ чрезвычайно благодѣтельное косвенное вліяніе на промышленное развитіе страны. Это случится въ силу того обстоятельства, что затрачиваемые теперь на питейную торговлю энергія и капиталы получатъ болѣе производительное назначеніе. „Упразднить кабацкій промыселъ, это значитъ,—говоритъ г. Гурьевъ,—уничтожить безжалостный магнитъ, который притягиваетъ къ себѣ лучшіе въ экономическомъ отношеніи соки населенія“. Слѣдуетъ видѣть „величайшее экономическое бѣдствіе“ въ томъ, что „эти мелкіе предприниматели у насъ направляются въ кабакъ и вмѣсто того, чтобы создавать мелкіе промыслы и торги, полезные для мѣстнаго благосостоянія, обращаются въ губителей этого благосостоянія и разорителей своихъ согражданъ“. Установить монополію —„это значитъ оказать величайшее благодѣяніе нашему народному хозяйству, это значитъ сотни и тысячи людей и сотни милліоновъ сбереженій обратить отъ пагубы на пользу сельскаго населенія“.

Можно подумать, что содержаніе кабаковъ является у насъ единственнымъ „промысломъ“, заражающимъ населеніе, и что съ устраненіемъ его бывшій „пропивецъ“ превратится въ полезнаго для страны предпринимателя. Между тѣмъ промысловъ, основанныхъ на эксплуатаціи народнаго невѣжества и его экономической беззащитности, къ сожалѣнію, имѣется у насъ весьма достаточно. Естественно, что по своимъ склонностямъ эксъ-кабатчики отдадутъ имъ предпочтеніе, обращенія же ихъ на путь добродѣтели ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя ожидать. Что касается освобожденія капита-

ловъ, то вѣдь осуществленіе казенной монополіи также сопряжено съ весьма крупными затратами и потребуетъ болѣе или менѣе значительныхъ оборотныхъ средствъ. По разсчету, сдѣланному нѣкогда Бисмаркомъ для Германіи, установленіе казенной продажи вина потребовало бы единовременной затраты въ 720 мил. марокъ, т.-е. по нынѣшнему курсу—около 350 мил. р. Какая же сумма потребуется на осуществленіе подобной реформы въ Россіи? Получена она можетъ быть лишь путемъ займа, т.-е. въ свою очередь извлеченія изъ оборотовъ страны крупныхъ капиталовъ. Но будутъ ли они добыты путемъ заключенія внутренняго или внѣшняго займа — для этихъ капиталовъ во всякомъ случаѣ также легко придумать болѣе полезное, съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства, назначеніе.

V.

Можно сказать, конечно, что борьба съ пьянствомъ представляется столь важной государственной задачей, ради достиженія которой нельзя останавливаться передъ самыми крупными жертвами, какъ въ видѣ непосредственныхъ матеріальныхъ затратъ, такъ и въ видѣ возможныхъ убытковъ для фиска. Мы не станемъ разсматривать по существу вопросъ о томъ, насколько вообще подобная задача осуществима на почвѣ чисто полицейскихъ мѣръ, къ числу которыхъ нужно отнести и всякія ограниченія по продажѣ вина. Если пьянство у насъ усилилось, то, какъ мы видѣли, это произошло, несмотря на общее весьма значительное сокращеніе количества потребляемаго населеніемъ вина и на повышеніе продажныхъ его цѣнъ. Затѣмъ допустимъ также, что акцизному вѣдомству вполнѣ удастся образовать цѣлую армію людей съ „ослабленною жизненною энергіею“, которые не пожелаютъ за свой счетъ прибѣгать къ тѣмъ же злоупотребленіямъ, какія практикуются нынѣшними кабатчиками. Они не станутъ разбавлять вино водою, отпускать его въ кредитъ, допускать распивочную продажу и т. д. Но вѣдь лицу, желающему во что бы то ни стало выпить и располагающему какимъ-нибудь домашнимъ или хозяйственнымъ скарбомъ, не составитъ особаго труда превратить предварительно этотъ скарбъ въ наличныя деньги. Къ услугамъ его окажутся тѣ же упраздненные кабатчики, которые и могутъ явиться посредниками между нуждающимися въ кредитѣ и казенными питейными заведеніями. Такимъ образомъ возвышеніе цѣнъ на вино, имѣющее послѣдовать при оптовой продажѣ, скорѣе всего отразится лишь на сокращеніи того „здороваго потребленія“ вина, развитію котораго желаютъ содѣйствовать защитники монополіи. Если злоупотребленіе

спиртными напитками въ послѣднее время усилилось, несмотря на сокращеніе въ размѣрахъ ихъ потребленія, то подобный фактъ нельзя иначе объяснить, какъ именно послѣдовавшимъ уменьшеніемъ такъ называемаго „здороваго" потребленія.

Но защитники монополіи вовсе не имѣютъ въ виду уменьшенія питейнаго дохода казны. Реформа эта и предпринимается главнымъ образомъ въ видахъ его увеличенія. Въ самомъ проектѣ подобное увеличеніе признается „необходимымъ". На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и всѣ приватные защитники монополіи. По замѣчанію г. Гурьева, финансовое вѣдомство остановилось на реформѣ питейнаго дѣла въ поискахъ за „погибающими тысячами". Между тѣмъ совершенно очевидно, что достиженіе ожидаемыхъ финансовыхъ результатовъ ни въ какомъ случаѣ несовмѣстимо съ выполненіемъ задачи сократить размѣры пьянства. Это соединеніе еще болѣе тѣсными узами бюджетнаго благополучія съ необходимымъ ростомъ питейнаго дохода,—который въ свою очередь зиждется на увеличивающемся потребленіи вина,—мы и считаемъ наиболѣе опаснымъ пунктомъ предстоящей реформы. Мы старались указать, насколько разсчеты на возможность, при осуществленіи ея, усиленія „здороваго потребленія" вина не основательны, а надежды на отчужденіе доходовъ, извлекаемыхъ теперь изъ продажи вина кабатчиками, гадательны. Скорѣе слѣдуетъ ожидать обратнаго: размѣры „здороваго потребленія" вѣроятно еще болѣе сократятся, какъ то̀ наблюдалось ранѣе при всякомъ вздорожаніи путемъ возвышенія акциза, а содержаніе заведеній не только не окупитъ расходовъ, но потребуетъ еще нѣкоторой приплаты. При такихъ результатахъ, весьма вѣроятныхъ, есть полное основаніе опасаться, что борьба съ пьянствомъ отойдетъ уже совсѣмъ на второй планъ, и интересы насажденія трезвости будутъ всецѣло принесены въ жертву интересамъ фиска. Нужно сказать, что нѣчто аналогичное наблюдается даже и теперь при акцизной системѣ. Въ проектѣ, между прочимъ, говорится, что со времени ея дѣйствія издано около тридцати законодательныхъ актовъ, направленныхъ къ сокращенію пьянства и не имѣвшихъ никакого успѣха. Но подобные результаты отчасти объясняются и тѣмъ обстоятельствомъ, что законодательныя власти при этомъ всегда старались пройти между Сциллой и Харибдой, роль которыхъ играли съ одной стороны народная нравственность, а съ другой—интересы фиска, которые тщательно охранялись отъ возможнаго ущерба. Населенію, напримѣръ, въ лицѣ крестьянскихъ обществъ и городскихъ думъ, предоставляется общее право закрывать питейныя заведенія, но въ интересахъ фискальныхъ это сопровождается такими оговорками, которыя на практикѣ превращаютъ его въ фикцію. Для характеристики нынѣшней системы огра-

жденія населенія отъ вреднаго вліянія кабаковъ достаточно указать на слѣдующую оговорку въ послѣднемъ питейномъ уставѣ, изданномъ 5-го мая 1892 г. Согласно этой оговоркѣ, въ каждомъ селеніи, не допустившемъ у себя устройства кабака, разрѣшеніе можетъ быть дано питейнымъ присутствіемъ и помимо такого согласія, если будетъ обнаружена безпатентная торговля виномъ. Никакихъ гарантій правильности сдѣланнаго „обнаруженія" и вообще разслѣдованія дѣла въ судебномъ порядкѣ въ данномъ случаѣ не требуется. Сельскія общества подвергаются ограниченію правъ въ чисто административномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, общество должно чуть ли не прямо заниматься укрывательствомъ своихъ тайныхъ кабатчиковъ. При желаніи же возбудить противъ нихъ преслѣдованіе за нарушеніе общественнаго приговора, общество вмѣстѣ съ тѣмъ лишается права на дальнѣйшее воспрещеніе устройства на своей территоріи кабаковъ. Съ другой стороны, лицо, заинтересованное въ лишеніи общества такого права, отлично можетъ продѣлать процедуру „обнаруженія" на свой счетъ. Для этого достаточно устроить „безпатентную" продажу при помощи какого-нибудь особо нанятого лица и затѣмъ донести о существованіи ея по начальству. Подобныя оговорки составляютъ свойство и другихъ законодательныхъ актовъ, направленныхъ къ борьбѣ съ пьянствомъ, о которыхъ говорится въ проектѣ монополіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и при монополіи питейная политика будетъ по прежнему стремиться „объять необъятное", т.-е. поощрять борьбу съ пьянствомъ и одновременно охранять интересы фиска. Слѣдовательно, при всякомъ угрожающемъ послѣднему ущербѣ, организація казенной продажи вина начнетъ все болѣе и болѣе приспособляться къ предотвращенію такого результата. Въ настоящее время предполагается, что сидѣльцы останутся совершенно незаинтересованными въ вопросѣ о размѣрахъ продажи вина. Но если ихъ равнодушіе въ данномъ дѣлѣ поведетъ къ убыткамъ для казны, то вѣдь можетъ явиться соблазнъ замѣнить сидѣльцевъ „съ ослабленной уже жизненной энергіей" людьми болѣе дѣятельными и, наконецъ, даже заинтересовать ихъ въ успѣшномъ ходѣ торговли. Въ этомъ отношеніи акцизная практика даетъ намъ также весьма нормальный прецедентъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, вознагражденіе чиновниковъ акцизнаго вѣдомства слагается на половину изъ непосредственнаго содержанія отъ казны и на половину изъ процентовъ, отчисляемыхъ съ питейнаго дохода, доставляемаго даннымъ райономъ. Такимъ образомъ, каждый агентъ надзора лично заинтересованъ теперь въ возможномъ увеличеніи акцизнаго сбора, а отсюда и въ возможно успѣшной продажѣ вина кабатчиками. Неудивительно, что

при всякихъ конфликтахъ между послѣдними и поборниками трезвости акцизный надзоръ становится на сторону кабатчиковъ. Исторія, напримѣръ, дѣятельности петербургскаго общества трезвости наглядно свидѣтельствуетъ, насколько, даже при содѣйствіи высшей мѣстной администраціи, протестъ со стороны акцизнаго вѣдомства затрудняетъ насажденіе трезвости. Между тѣмъ при монополіи въ непосредственное распоряженіе этого вѣдомства передается вся торговля виномъ; объ измѣненіи же системы вознагражденія его агентовъ въ проектѣ ничего не говорится. Слѣдовательно, успѣшная продажа вина остается по прежнему тѣсно связанной съ ихъ собственнымъ личнымъ благополучіемъ. Понятно, что со стороны надзора, заинтересованнаго въ возможномъ увеличеніи сбыта продукта, сидѣльцы съ „ослабленной жизненной энергіей“ не будутъ пользоваться особымъ благоволеніемъ. Агенты его скорѣе проявятъ склонность смотрѣть сквозь пальцы на избытокъ энергіи. Если эта система вознагражденія будетъ даже измѣнена, то и тогда останется достаточно способовъ для пониженія усердія мѣстныхъ агентовъ въ желательномъ направленіи.

Въ результатѣ, полное устраненіе изъ торговли виномъ частнаго интереса можетъ повести лишь къ замѣнѣ его интересомъ „казеннымъ“, а не государственнымъ, что̀ далеко не одно и то же. Еслибы монополія вполнѣ оправдала надежды на увеличеніе питейнаго дохода, въ силу одной своей организаціи, то, конечно, часть его легко было бы принести въ жертву заботамъ объ улучшеніи народной нравственности. Но такъ какъ подобныя надежды весьма проблематичны, то всю энергію придется направить къ удержанію этого дохода на прежнемъ уровнѣ. Естественно, что такого рода одностороннее стремленіе еще болѣе затруднитъ частную и общественную иниціативу въ дѣлѣ борьбы съ злоупотребленіемъ спиртными напитками, чѣмъ то наблюдается теперь. Теперь оффиціальный органъ въ лицѣ акцизнаго вѣдомства можетъ оказывать кабаку только косвенное покровительство; при новомъ же порядкѣ онъ явится непосредственнымъ и прямымъ его защитникомъ. Съ другой стороны, если даже въ наше время признано полезнымъ матеріально заинтересовать агентовъ акцизнаго вѣдомства въ возможномъ ростѣ питейнаго дохода, то очень вѣроятно, что наша система вознагражденія будетъ распространена и на низшихъ агентовъ по продажѣ вина. Надо сказать, что эта система вознагражденія имѣетъ въ виду не столько поощреніе къ раскрытію злоупотребленій, сколько именно поощреніе заботливости объ усиленіи сбыта. Въ первомъ случаѣ совершенно было бы достаточно выдачи вознагражденія при самомъ обнаруженіи злоупотребленія, какъ это и дѣлается въ таможенномъ вѣдомствѣ. Съ точки зрѣнія интересовъ казны примѣненіе системы вознагражденія низшихъ агентовъ путемъ

отчисленія въ ихъ пользу извѣстнаго процента окажется и наиболѣе выгоднымъ. Она позволитъ сдавать казенный продуктъ какъ бы на коммиссію, при чемъ получится возможность не только удержать все прежнее число питейныхъ заведеній, но даже значительно увеличить его безъ особыхъ расходовъ со стороны казны [1]). Вся же эта армія казенныхъ коммиссіонеровъ окажется подъ охраной акцизнаго надзора, также матеріально заинтересованнаго въ возможномъ усиленіи сбыта вина. Они явятся уже не простыми кабатчиками, а правительственными агентами. Такого рода эволюція въ дѣлѣ казенной продажи вина сдѣлается вполнѣ вѣроятной, разъ на первомъ планѣ—что̀ указывается защитниками ея—будетъ поставлено стремленіе къ увеличенію питейнаго дохода. Вѣроятность эта тѣмъ сильнѣе, что и нынѣшній порядокъ охраненія казеннаго интереса по своему духу мало чѣмъ отличается отъ той перспективы, которую обѣщаетъ монополія. Мы только допускаемъ вполнѣ вѣроятное предположеніе, что тотъ же духъ воплотится и въ новыя формы.

Точно также подъ вліяніемъ стремленія къ извлеченію возможно крупнаго дохода монополія можетъ не оправдать и обѣщаній, даваемыхъ ея защитниками сельско-хозяйственному винокуренію. Вообще вопросъ о способахъ заготовки вина при казенной продажѣ его принадлежитъ къ числу самыхъ сложныхъ. Въ проектѣ на этотъ счетъ говорится, что при монополіи „потребное количество вина пріобрѣтается отъ мѣстныхъ заводчиковъ по условіямъ и цѣнамъ, устанавливаемымъ ежегодно министромъ финансовъ въ соображеніи съ мѣстными условіями винокуреннаго производства". Приватные же защитники монополіи обѣщаютъ еще, какъ мы видѣли, установить

---

[1]) Согласно проекту, кромѣ казенныхъ заведеній, водочныя издѣлія будутъ продаваться и частными торговцами: въ „заведеніяхъ съ трактирнымъ промысломъ, оптовыхъ складахъ пива, меда и русскаго винограднаго вина, погребахъ для продажи послѣдняго, ренсковыхъ погребахъ въ городахъ". Такимъ образомъ, и въ первое время дѣйствія монополіи получится достаточное число частныхъ заведеній, имѣющихъ право продажи вина наравнѣ съ казенными. Впослѣдствіи же эта система можетъ получить дальнѣйшее развитіе къ обоюдной выгодѣ казны и частныхъ торговцевъ. По отношенію, напримѣръ, къ четыремъ восточнымъ губерніямъ, въ которыхъ монополія вводится съ будущаго года, министерство финансовъ признало желательнымъ значительно облегчить открытіе частныхъ мѣстъ продажи вина путемъ пониженія патентнаго съ нихъ сбора. Такъ, для сельскихъ трактировъ вмѣсто нынѣшняго сбора въ 900—200 р. проектируется установить его въ 25—50 р.; для разнаго рода буфетовъ сборъ будетъ пониженъ съ 50 до 15 р., для буфетовъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ — до 20 и 10 р., вмѣсто нынѣшнихъ 200 и 50 р. Всѣмъ этимъ заведеніямъ будетъ поручаться и коммиссіонная продажа казеннаго вина. Очевидно, что de facto они легко могутъ превратиться въ обыкновенные кабаки, торгующіе на началахъ того же „частнаго интереса", устраненіе котораго якобы преслѣдуетъ питейная монополія.

высшія цѣны для сельско-хозяйственныхъ заводовъ. Очевидно, что если онѣ окажутся очень выгодными, то чуть ли не всѣ сельскіе хозяева пожелаютъ превратиться въ заводчиковъ, а существующіе уже заводы въ свою очередь пожелаютъ увеличить размѣры своего производства. При такихъ условіяхъ придется дѣлать заказы на началахъ разверстки потребнаго количества вина между всѣми заводчиками. Но тогда пострадаютъ лучшіе заводы, такъ какъ поощреніемъ для введенія всякихъ усовершенствованій обыкновенно служитъ возможность расширенія сбыта, который совершенно исчезнетъ при дѣйствіи разверстки. Затѣмъ устанавливать цѣны на годъ впередъ, какъ предполагается въ проектѣ, едва-ли цѣлесообразно въ виду того, что мѣстныя условія винокуреннаго производства постоянно измѣняются подъ вліяніемъ цѣнъ на сырые матеріалы. При установленіи черезъ-чуръ низкихъ цѣнъ казна останется безъ вина, а при чрезмѣрно высокихъ она понесетъ убытки отъ переплатъ. Заготовка хозяйственнымъ способомъ при посредствѣ акцизныхъ чиновниковъ явится опять-таки дѣломъ рискованнымъ, судя, по крайней мѣрѣ, по интендантской практикѣ. Остается еще одинъ способъ заготовки, принятый во всѣхъ казенныхъ вѣдомствахъ, именно подрядная система съ производствомъ предварительныхъ торговъ, при чемъ поставка остается за лицомъ, назначившимъ самыя низкія цѣны. Эта система, однако, можетъ привести къ сосредоточенію поставки казнѣ вина въ рукахъ немногихъ лицъ, которыя явятся по отношенію къ заводчикамъ своего рода монопольными покупателями, такъ какъ помимо ихъ сбытъ вина окажется невозможнымъ. Между тѣмъ есть полное основаніе полагать, что казна въ видахъ своихъ интересовъ и извлеченія изъ монополіи возможно высшаго дохода остановится именно на этомъ способѣ заготовки. Въ результатѣ же сельско-хозяйственное винокуреніе еще болѣе пострадаетъ, чѣмъ при дѣйствіи нынѣшней акцизной системы [1]). Не подлежитъ далѣе сомнѣнію, что заготовка вина для казны ея агентами при всякой системѣ будетъ соединена съ болѣе или менѣе крупными злоупотребленіями. Въ своей рѣчи г. министръ финансовъ указываетъ, что прежніе неудачные въ этомъ отношеніи опыты казенной торговли виномъ недостаточно поучительны, такъ какъ общія условія жизни теперь несравненно болѣе благопріятны. Въ ту эпоху, напр., „составъ провинціальныхъ чиновниковъ былъ настолько неудовлетворителенъ, что лихоимство считалось общимъ правиломъ". Многое, конечно, съ тѣхъ поръ измѣнилось, но далеко не все и не въ желаемой мѣрѣ. Современные

---

[1]) Въ восточныхъ губерніяхъ устройство новыхъ заводовъ предполагается допускать не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія министерства финансовъ.

же порядки въ интендантскомъ вѣдомствѣ наглядно свидѣтельствуютъ, что чисто хозяйственныя операціи казны далеко еще не обезпечены отъ возможности злоупотребленій со стороны ея агентовъ. Теперь полномочія акцизнаго вѣдомства ограничиваются контролемъ. Дѣло, однако, можетъ оказаться совершенно инымъ, когда контролеры сами превратятся въ торговцевъ, когда имъ, подобно нынѣшнимъ интендантскимъ чиновникамъ, придется вступить въ непосредственныя сношенія съ массою подрядчиковъ казны, или принять непосредственное участіе въ „хозяйственной" заготовкѣ продукта. Поэтому государственный совѣтъ съ большимъ основаніемъ выразилъ опасеніе, что „общеизвѣстный фактъ растлѣвающаго дѣйствія питейной торговли на занимающихся ею оправдается и нынѣ, при казенной продажѣ вина, какъ это имѣло мѣсто въ 20-хъ годахъ, и что тогда упреки, нынѣ направленные на частныхъ виноторговцевъ, лягутъ всею своею тяжестью на правительство".

VI.

Въ общемъ, такимъ образомъ, вопросъ о выгодахъ казенной продажи вина является вовсе не столь безспорнымъ, а самая организація ея далеко не такъ удобоисполнимой, какъ въ томъ желаютъ убѣдить ея защитники. Въ своемъ заключеніи государственный совѣтъ съ своей стороны высказалъ мнѣніе, что до производства опыта вопросъ этотъ „будетъ оставаться спорнымъ и при томъ на теоретической почвѣ, ибо для сужденія нѣтъ рѣшительнаго прецедента ни въ иностранной практикѣ, не подходящей къ особенностямъ нашего быта, ни у насъ, ибо неудачные результаты казенной продажи вина могутъ быть объяснены существованіемъ условій, совершенно отличныхъ отъ нашихъ". Поэтому государственный совѣтъ и счелъ полезнымъ допустить производство только опыта, чтобы затѣмъ, судя по его результатамъ, либо распространить казенную продажу вина на всю территорію нашего отечества, либо вовсе отъ нея отказаться. Рѣшеніе, повидимому, весьма мудрое и нелицепріятное. Но очевидно, что для извлеченія изъ опыта требуемой поучительности необходимо, чтобы для производства его былъ выбранъ участокъ съ условіями, такъ сказать, средними, болѣе или менѣе общими и для всей остальной Россіи. Между тѣмъ избранныя министерствомъ четыре юго-восточныя губерніи находятся въ отношеніи продажи вина въ условіяхъ совершенно исключительныхъ. Благодаря нѣкоторымъ мѣстнымъ особенностямъ, здѣсь и теперь существуетъ питейная монополія, но только не казенная, а частная. Какъ выяснено было нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ оффиціальнымъ изслѣдованіемъ, въ Западной Сибири и въ губерніяхъ пермской, оренбургской, уфимской, а отчасти и астраханской, самарской и симбирской, вся торговля виномъ сосредоточена въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, полюбовно подѣлившихъ между собою всю территорію. Въ Сибири соглашеніе было основано даже на нотаріальномъ договорѣ. Участники его, какъ извѣстно, были привлечены къ судебной отвѣтственности. Затѣмъ въ остальныхъ губерніяхъ правительствомъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы создать конкурренцію и вызвать пониженіе цѣнъ на вино. Съ этою цѣлью акцизное вѣдомство устроивало собственные склады, ведерныя лавки и другія заведенія для продажи вина по низшимъ цѣнамъ. Эта цѣль такимъ путемъ отчасти достигнута, но и въ настоящее время въ этомъ районѣ стачка все-таки продолжаетъ дѣйствовать, и вино продается по значительно повышеннымъ противъ нормальныхъ цѣнамъ. Слѣдовательно, не будетъ ничего удивительнаго, если замѣна здѣсь частной монополіи казенною дастъ весьма удовлетворительные финансовые результаты, т.-е. нѣкоторая доля дохода участниковъ стачки перейдетъ къ казнѣ. Но по тѣмъ же причинамъ эти результаты окажутся лишенными всякой поучительности, такъ какъ по нимъ нельзя судить о возможныхъ послѣдствіяхъ примѣненія проектируемой реформы въ остальной Россіи, гдѣ продажа вина находится въ нормальныхъ условіяхъ и конкурренція, какъ въ области производства, такъ и продажи, понизила цѣны до минимума. Здѣсь при монополіи онѣ уже не понизятся, какъ въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ, а значительно повысятся, что̀, конечно, отразится и совершенно иначе на размѣрахъ потребленія. Съ другой стороны, и менѣе значительные доходы кабатчиковъ могутъ оказаться совершенно недостаточными для покрытія расходовъ по содержанію казенныхъ заведеній. Такимъ образомъ, и послѣ производства опыта въ четырехъ избранныхъ финансовымъ вѣдомствомъ губерніяхъ вопросъ о возможныхъ послѣдствіяхъ общаго примѣненія проектируемой питейной реформы останется по прежнему спорнымъ [1]).

---

[1]) По какому-то недоразумѣнію оказалось, что опытъ питейной монополіи успѣлъ дать самые благотворные результаты даже ранѣе своего осуществленія! Въ „Экономическомъ обзорѣ“, напечатанномъ въ оффиціальномъ органѣ нашего финансоваго вѣдомства, при перечисленіи другихъ мѣръ, предпринятыхъ въ интересахъ возвышенія благосостоянія населенія, между прочимъ, сказано: „Наконецъ, съ цѣлію борьбы съ деморализирующимъ вліяніемъ свободнаго отпуска спиртныхъ напитковъ, въ 1893 г. введена система казенной продажи хлѣбнаго вина, на первое время — въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ, въ которыхъ система эта *успѣла* (?) *уже выразиться весьма благотворными результатами*“. Вѣроятно, авторъ оффиціальнаго „обзора“ вве-

Между тѣмъ, какъ нашъ собственный историческій опытъ, такъ и опытъ другихъ государствъ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что совмѣстное преслѣдованіе интересовъ фиска и интересовъ народной нравственности всегда приводило къ крупному ущербу для послѣднихъ. Только при установленіи казенной монополіи,—замѣтилъ въ своей рѣчи г. министръ финансовъ,—„сдѣлается вполнѣ очевидной невѣрность ходячаго мнѣнія, что будто бы всесиліе кабатчика обусловливается необходимостью для государства жить на средства, извлекаемыя отъ ненормальной продажи вина, и что бюджетъ русскаго государства основанъ на пьянствѣ". Но указанная очевидность сдѣлается такою же для всѣхъ только лишь послѣ того, какъ благополучіе бюджета дѣйствительно перестанетъ покоиться на доходѣ отъ потребленія населеніемъ вина. Пока же само финансовое вѣдомство признаетъ, въ своемъ проектѣ монополіи, увеличеніе при посредствѣ ея питейнаго дохода „необходимымъ". Очевидно, что лишь съ устраненіемъ подобной грустной „необходимости" у правительства окажутся развязанными руки для болѣе активной борьбы съ народнымъ недугомъ въ видѣ усиливающагося пьянства. Съ другой стороны, какъ мы видѣли, и защитники монополіи не отрицаютъ, что формы потребленія вина „подвергаются лишь медленному измѣненію, подъ вліяніемъ, какъ говорится въ проектѣ, просвѣщенія и нравственнаго вліянія общественныхъ условій или отдѣльныхъ личностей". Въ сторону измѣненія этихъ коренныхъ бытовыхъ условій, поддерживающихъ существованіе народнаго недуга, и полезнѣе было бы направить ту энергію и тѣ крупныя матеріальныя средства, которыхъ потребуетъ осуществленіе монополіи съ ея гадательными результатами. У насъ принято ссылаться на знаменитую „готенборгскую систему", какъ на доказательство возможности борьбы съ пьянствомъ чисто внѣшними пріемами, путемъ удачной организаціи самой продажи вина. Говорятъ, населеніе Швеціи и Норвегіи во время ея дѣйствія превратилось изъ самаго пьянаго въ самый трезвый народъ въ мірѣ. Но при этомъ какъ-то совсѣмъ забываютъ, что въ обоихъ государствахъ за этотъ же періодъ сдѣлали огромные успѣхи народное образованіе и ростъ народнаго благосостоянія. Тамъ уже думаютъ не о народныхъ школахъ,—о которыхъ у насъ и до сихъ поръ больше думаютъ, пишутъ и говорятъ,—а о народныхъ университетахъ. У насъ, къ сожалѣнію, всякая благожелательная попытка замѣнить для на-

денъ былъ въ заблужденіе сообщеннымъ ему перечнемъ мѣръ, и, принявъ проектъ за совершившійся фактъ, онъ поторопился провозгласить обычное „аллилуія". Этотъ комическій инцидентъ весьма поучителенъ въ качествѣ характеристики способовъ составленія оффиціальныхъ сообщеній, предназначающихся для публики. („Вѣстникъ Финансовъ и Промышленности" 1894 г., № 4).

рода кабакъ болѣе разумнымъ развлеченіемъ, въ родѣ устройства публичныхъ чтеній, доступныхъ библіотекъ и т. д., встрѣчаетъ лишь подозрѣніе и цѣлую массу формальныхъ препонъ, часто непреодолимыхъ. Въ общемъ для проявленія правительственнаго содѣйствія къ насажденію трезвости почва у насъ весьма богатая и почти непочатая. Но, по какимъ-то страннымъ свойствамъ нашего ума, мы непремѣнно ищемъ панацею, которая сразу вырвала бы зло съ корнемъ и при томъ путемъ, такъ сказать, чисто механическимъ [1]).

Вл. Бирюковичъ.

---

[1]) Дѣлая попытку разобраться въ тѣхъ аргументахъ, которые приводятся за установленіе казенной продажи вина, мы не сочли нужнымъ останавливаться на вопросѣ о возможности путемъ ея доставить населенію болѣе доброкачественный продуктъ, чѣмъ тотъ, который оно потребляетъ теперь. Проектъ придаетъ, повидимому, этому обстоятельству весьма важное значеніе. Но по нашему крайнему разумѣнію такого рода вопросъ присоединенъ сюда безъ должнаго основанія. Безспорно, что обращающееся теперь въ продажѣ плохо очищенное, съ большимъ содержаніемъ сивушнаго масла, вино имѣло самое вредное вліяніе на здоровье его потребителей и равносильно медленному отравленію. Но это зло находится въ зависимости отъ способовъ приготовленія вина, а не его продажи. Между тѣмъ, имѣя самый бдительный надзоръ за винокуренными заводами, финансовое вѣдомство располагаетъ и теперь полною возможностью поручить своимъ агентамъ контроль за доброкачественностью продукта, съ обязательствомъ не выпускать въ обращеніе вино безъ должной очистки. Очень жаль, конечно, что до сихъ поръ надзоръ и всякія стѣснительныя для заводчиковъ мѣры преслѣдуютъ лишь интересы фиска, оставляя безъ вниманія интересы охраненія народнаго здравія. Но въ такомъ же положеніи населеніе находится и по отношенію къ пользованію массой другихъ продуктовъ, жилищами и т. д. Слѣдовательно, по аналогіи, казнѣ пришлось бы взять снабженіе населенія всѣмъ этимъ въ свои руки.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1894 г.

Законопроектъ о срочно-заповѣдныхъ имѣніяхъ. — Размѣръ срочно-заповѣдныхъ имѣній, порядокъ наслѣдованія въ нихъ, обязанности владѣльцевъ, предѣлы задолженности имѣній.—Законъ 7-го февраля объ отсрочкѣ и разсрочкѣ недоимокъ.—Отношеніе губернскаго земства къ уѣзднымъ.—Необычайное самоотверженіе.

Два года тому назадъ была учреждена, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Н. С. Абазы, особая коммиссія для обсужденія возбужденнаго дворянскими собраніями вопроса о мѣрахъ къ поддержанію дворянскаго землевладѣнія. О самой важной изъ этихъ мѣръ—новомъ порядкѣ учрежденія дворянскихъ заповѣдныхъ имѣній—мы говорили, въ свое время, довольно подробно, разбирая какъ ходатайства дворянскихъ собраній, такъ и первоначальныя предположенія коммиссіи [1]). Теперь работа коммиссіи приведена къ концу и поступила на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Не повторяя сказаннаго нами прежде, остановимся еще разъ на главныхъ началахъ, положенныхъ коммиссіею въ основаніе ея проекта.

Учрежденіе заповѣдныхъ — или, какъ называетъ ихъ коммиссія въ отличіе отъ нынѣ существующихъ, *срочно-заповѣдныхъ*—имѣній предоставляется *усмотрѣнію* владѣльцевъ; элементу обязательности не отводится здѣсь никакого мѣста. Само собою разумѣется, что обязательное обращеніе всѣхъ дворянскихъ имѣній извѣстнаго размѣра въ заповѣдныя было бы большимъ бѣдствіемъ для Россіи; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что только при обязательной заповѣдности можно было бы говорить о возвращеніи къ мысли Петра Великаго, выразившейся въ указѣ о единонаслѣдіи 1714 г., о необходимости заповѣдныхъ имѣній съ точки зрѣнія *общегосударственнаго* интереса. Заповѣдность *факультативная* можетъ быть разсматри-

---

[1]) См. Внутреннія Обозрѣнія въ №№ 4 и 6 „Вѣстника Европы“ за 1892 г.

ваема только какъ *привилегія*, въ особенности если она имѣетъ характеръ строго-сословный. Учреждать срочно-заповѣдныя имѣнія проектъ разрѣшаетъ исключительно *потомственнымъ* дворянамъ, проводя, такимъ образомъ, рѣзкую грань между обѣими категоріями дворянства, соединенными въ одно цѣлое на почвѣ новаго земскаго положенія. Этого мало: право учрежденія срочно-заповѣдныхъ имѣній даруется не всѣмъ потомственнымъ дворянамъ. На Кавказѣ учрежденіе срочно-заповѣдныхъ имѣній не допускается вовсе, а въ девяти западныхъ губерніяхъ учредителями ихъ могутъ быть лишь потомственные дворяне, имѣющіе право покупать въ этой мѣстности недвижимыя имѣнія (другими словами—дворяне не-католики и не-поляки).

Обращать въ срочно-заповѣдное можно, по мысли проекта, только такое имѣніе, пространство котораго не менѣе чѣмъ вдвое и не болѣе чѣмъ вдесятеро превышаетъ существующій въ данной мѣстности полный земскій цензъ. Минимальнымъ размѣромъ срочно-заповѣднаго имѣнія является, такимъ образомъ, 250, а максимальнымъ—5.500 десятинъ. Имѣнія болѣе обширныя могутъ быть обращаемы въ заповѣдныя-наслѣдственныя, на дѣйствующихъ теперь основаніяхъ. Эта послѣдняя оговорка значительно расширяетъ кругъ имѣній, подлежащихъ обращенію въ маіораты: теперь для этого требуется не менѣе десяти тысячъ десятинъ, а при дѣйствіи новаго порядка достаточно будетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, тысячи-двухсотъ-пятидесяти. Что касается до срочно-заповѣдныхъ имѣній, то какъ минимальный ихъ размѣръ, такъ и максимальный, несоразмѣрно высокъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что пензенское дворянство допускало срочно-заповѣдныя имѣнія въ $17^1/_2$—25 десятинъ, а наибольшую ихъ величину предлагало опредѣлить въ 750 десятинъ. Всѣ недостатки, свойственные заповѣдности, ростутъ прямо пропорціонально размѣру заповѣдныхъ имѣній.

Всѣми дворянскими ходатайствами, кромѣ пензенскаго, заповѣдность понималась какъ нѣчто безсрочное и безусловное. Коммиссія высказалась за *срочную* заповѣдность, но съ такими оговорками, которыхъ не предлагало пензенское дворянство. По мнѣнію послѣдняго, заповѣдность должна быть обязательна только для учредителя и перваго его наслѣдника, а слѣдующему затѣмъ владѣльцу должно принадлежать право отъ нея отказываться. По проекту коммиссіи, заповѣдность продолжается до самой смерти второго (послѣ учредителя) владѣльца, и теряетъ силу только для дальнѣйшихъ его преемниковъ, если не будетъ имъ возобновлена еще на два поколѣнія. Еще дальше возможность прекращенія заповѣдности отодвигается въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ унаслѣдовалъ заповѣдное имѣніе

отъ боковаго родственника, или не оставилъ послѣ себя потомства. Въ этихъ случаяхъ имѣніе сохраняетъ свойство заповѣднаго до смерти того изъ послѣдующихъ владѣльцевъ, который, получивъ его отъ родственника по прямой восходящей линіи, оставитъ послѣ себя потомство. Различіе между обѣими системами всего лучше можетъ быть пояснено примѣромъ: А. учреждаетъ заповѣдное имѣніе въ пользу своего сына Б., послѣ бездѣтной смерти котораго оно достается племяннику его В.; отъ В. имѣніе переходитъ къ сыну его Г., отъ Г.—къ племяннику Д., также умирающему бездѣтнымъ. По мысли пензенскаго дворянства право отмѣнить заповѣдность долженъ имѣть уже В., при его жизни; на основаніи проекта оно не будетъ принадлежать ни В., какъ получившему имѣніе отъ боковаго родственника, ни Г. и Д., какъ бездѣтнымъ. Если отъ Е., наслѣдовавшаго имѣніе послѣ дяди своего Д., оно перейдетъ къ сыну, Ж., и у послѣдняго будутъ дѣти, то возможность отмѣны заповѣдности наступитъ только въ моментъ смерти Ж., *шестого* владѣльца послѣ учредителя. При такихъ условіяхъ срочность, сплошь и рядомъ, будетъ равносильна безсрочности, и сравнительное преимущество срочно-заповѣдныхъ имѣній передъ безсрочно-заповѣдными окажется, на практикѣ, болѣе или менѣе мнимымъ.

Неотмѣнимая, до наступленія извѣстнаго момента, для преемниковъ учредителя заповѣднаго имѣнія, заповѣдность неотмѣнима и для самого учредителя; только въ исключительныхъ случаяхъ (напр. при послѣдовавшемъ вступленіи въ бракъ и прижитіи дѣтей, или узаконеніи незаконнорожденнаго ребенка), учредителю предоставляется *просить* объ отмѣнѣ заповѣдности. Просьба эта разрѣшается собраніемъ предводителей и депутатовъ дворянства, при чемъ отмѣна заповѣдности требуетъ утвержденія сената. Понятіе о *просьбѣ* предполагаетъ возможность *отказа*; проектъ не указываетъ условій, при которыхъ собраніе предводителей и депутатовъ было бы *обязано* отмѣнить заповѣдность. Мыслимы, слѣдовательно, такіе случаи, когда имѣніе, обращенное въ заповѣдное, перейдетъ къ боковому родственнику, при жизни законныхъ дѣтей учредителя! Столь же ненормальнымъ кажется намъ другое постановленіе проекта, въ силу котораго срочно-заповѣдное имѣніе ни въ полномъ своемъ составѣ, ни въ части, не можетъ быть отчуждаемо или подвергаемо раздѣлу, *хотя бы всѣ находящіеся въ живыхъ потомки учредителя или перваго владѣльца были на то согласны.* Трудно понять, во имя чего признается необходимой такая охрана заповѣдности, вопреки желанію цѣлаго рода? Неужели—во имя правъ неродившагося еще лица, будущаго наслѣдника заповѣднаго имѣнія? Но вѣдь оно можетъ и не родиться, можетъ оказаться совершенно незаинтересованнымъ въ

сохраненіи заповѣдности. Гадательныя, шаткія соображенія, пріурочиваемыя къ его *возможному* существованію, не составляютъ противовѣса *реальнымъ мотивамъ*, подъ вліяніемъ которыхъ *реальныя лица* стремятся къ свободному распоряженію имѣніемъ.

Изъ понятія о нераздѣльности заповѣднаго имѣнія вытекаетъ самъ собою переходъ его по наслѣдству къ *одному* лицу; но способы опредѣленія наслѣдника могутъ быть различны, какъ при самомъ учрежденіи заповѣднаго имѣнія, такъ и при дальнѣйшихъ его переходахъ. По нынѣ дѣйствующему закону наслѣдованіе въ заповѣдныхъ имѣніяхъ опредѣляется, при наличности нисходящаго потомства, исключительно правомъ первородства; *выборъ* наслѣдника свободенъ только тогда, когда на лицо имѣются одни лишь боковые родственники, и притомъ только для самого учредителя заповѣднаго имѣнія. Въ случаѣ бездѣтной смерти послѣдующихъ владѣльцевъ, заповѣдное имѣніе переходитъ къ ближайшему наслѣднику по боковой линіи, съ соблюденіемъ права первородства, представленія и предпочтенія, въ одинаковыхъ степеняхъ, мужескаго колѣна женскому. Отступленіе отъ этого порядка допускается только тогда, когда оно заранѣе предопредѣлено учредителемъ заповѣднаго имѣнія. Всѣ эти правила примѣняются коммиссіею и къ наслѣдованію въ срочно-заповѣдныхъ имѣніяхъ, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что *учредителю* заповѣднаго имѣнія, у котораго есть дѣти или внуки, предоставляется назначить наслѣдникомъ одного изъ нихъ, по своему усмотрѣнію (дочь или внучку, однако—лишь при отсутствіи сыновей и внуковъ), а всякому послѣдующему владѣльцу, не имѣющему потомковъ — назначить наслѣдникомъ одного изъ своихъ боковыхъ родственниковъ. Главная разница между предположеніями коммиссіи и бо́льшею частью дворянскихъ ходатайствъ заключается въ томъ, что послѣднія стояли за предоставленіе свободы выбора наслѣдника, изъ числа дѣтей или внуковъ, не только учредителю, но и всякому вообще владѣльцу срочно-заповѣднаго имѣнія. Мы указывали, въ свое время, на серьезныя неудобства такой свободы. Когда порядокъ наслѣдства въ заповѣдномъ имѣніи установленъ, разъ навсегда, закономъ, это упрощаетъ и облегчаетъ (не матеріально, а нравственно) какъ положеніе самого владѣльца, такъ и положеніе дѣтей его. Владѣлецъ избавленъ отъ выбора, всегда тяжелаго, иногда мучительнаго; за него рѣшаетъ посторонняя воля. Братья или сестры, устраняемые отъ наслѣдства, не могутъ претендовать ни на отца, такъ какъ это устраненіе не отъ него зависитъ, ни на болѣе счастливаго брата или сестру, такъ какъ они призываются къ наслѣдованію словомъ закона. Не остается мѣста ни для происковъ или упрашиваній, имѣющихъ цѣлью склонить отца въ пользу одного изъ дѣтей, ни для подозрѣ-

ній, что такіе происки были пущены въ ходъ и повліяли на отцовское рѣшеніе. Аналогичными соображеніями руководствовалась, по всей вѣроятности, и коммиссія, отказывая владѣльцамъ заповѣднаго имѣнія (при наличности дѣтей или внуковъ) въ правѣ выбора наслѣдника. Послѣдовательность требовала бы, повидимому, такого же отказа и по отношенію къ самому учредителю заповѣднаго имѣнія. Правда, законное предрѣшеніе вопроса въ пользу старшаго сына могло бы вызвать со стороны послѣдняго особое стараніе объ учрежденіи заповѣднаго имѣнія, особое давленіе, въ этомъ смыслѣ, на волю отца; но далеко не одно и то же—склонить владѣльца къ учрежденію заповѣднаго имѣнія *вообще* или къ учрежденію его въ пользу того или другого свободно выбраннаго наслѣдника. Въ послѣднемъ случаѣ поле для происковъ и интригъ гораздо обширнѣе, чѣмъ въ первомъ. Насъ занимаетъ, впрочемъ, не столько этотъ вопросъ, сколько неудобство системы, на которой остановилась коммиссія —системы маіоратной, разъ что рѣчь идетъ о дальнѣйшемъ переходѣ заповѣднаго имѣнія по *нисходящей* линіи. Если заповѣдность—средство создать многочисленную, сильную и прочную группу помѣщиковъ-хозяевъ и мѣстныхъ дѣятелей, то владѣльцы заповѣдныхъ имѣній должны обладать способностью или, по крайней мѣрѣ, *охотой* хозяйничать и служить въ деревнѣ; а наименьшей гарантіей такой способности и охоты представляется именно переходъ заповѣдныхъ имѣній по праву первородства. Въ самомъ дѣлѣ, при свободѣ выбора наслѣдника избранъ можетъ быть именно тотъ, кто наиболѣе созданъ для хозяйственно-административной дѣятельности, кому владѣніе имѣніемъ не будетъ въ тягость, кто съумѣетъ сохранить или поднять его доходность и исполнить всѣ обязательства, лежащія на его владѣльцѣ. Старшій сынъ или внукъ можетъ быть лишенъ этихъ условій, въ то самое время, когда они всѣ соединены въ одномъ изъ младшихъ. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ слѣдующему выводу: разрѣшеніе вопроса о наслѣдственномъ переходѣ срочно-заповѣдныхъ имѣній въ духѣ дворянскихъ ходатайствъ несовмѣстно съ семейнымъ миромъ, съ добрыми отношеніями между ближайшими родственниками —а разрѣшеніе его, предлагаемое коммиссіею, несовмѣстно съ главною цѣлью всего проекта. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что въ основаніи самой мысли о заповѣдности лежитъ непоправимый недостатокъ, неустранимое внутреннее противорѣчіе?.. И это противорѣчіе, какъ мы сейчасъ увидимъ—далеко не единственное.

Учредителю или владѣльцу срочно-заповѣднаго имѣнія проектъ коммиссіи предоставляетъ право опредѣлять, въ завѣщаніи, какая часть чистаго дохода съ имѣнія (не свыше $^1/_6$) должна быть выдаваема ежегодно его вдовѣ, и какой капиталъ (не свыше 15% стои-

мости имѣнія) долженъ быть выдѣленъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, другимъ его дѣтямъ. Если онъ умретъ, не сдѣлавъ на этотъ счетъ никакого постановленія и не объявивъ, въ завѣщаніи, что участь его жены и дѣтей устроена инымъ способомъ, то обязанность обезпеченія ихъ, въ вышеупомянутыхъ размѣрахъ, ложится, ipso jure, на новаго владѣльца заповѣднаго имѣнія. Если между дѣтьми умершаго владѣльца есть несовершеннолѣтнія, на содержаніе и воспитаніе которыхъ, по постановленію собранія предводителей и депутатовъ, не хватитъ собственныхъ ихъ средствъ и капитала, представляющаго 15% стоимости имѣнія, то имѣніе, до совершеннолѣтія младшаго изъ дѣтей, берется въ опеку, и чистый съ него доходъ, за уплатою вдовьей части и за покрытіемъ расходовъ на содержаніе и воспитаніе несовершеннолѣтнихъ, дѣлится поровну между унаслѣдовавшимъ имѣніе лицомъ и совершеннолѣтними дѣтьми умершаго владѣльца. Въ опеку имѣніе берется и въ такомъ случаѣ, если лицо, его унаслѣдовавшее, не исполняетъ обязанностей, лежащихъ на немъ по отношенію къ вдовѣ и дѣтямъ прежняго владѣльца. Надежной гарантіи для лицъ, устраняемыхъ отъ наслѣдованія въ срочно-заповѣдномъ имѣніи, приведенныя нами постановленія не представляютъ, какъ потому, что они могутъ быть парализованы простымъ заявленіемъ владѣльца объ „устройствѣ" жены и дѣтей „инымъ способомъ", такъ и потому, что они подлежатъ исполненію лишь въ такой мѣрѣ, въ какой это возможно безъ увеличенія долговъ, лежащихъ на имѣніи, свыше 33% его стоимости [1]). Нельзя не замѣтить, также, что 15% цѣнности имѣнія, при сколько-нибудь значительномъ числѣ братьевъ и сестеръ, представляютъ собою, для каждаго изъ нихъ, сумму весьма небольшую [2]). Съ другой стороны, для владѣльца имѣнія обязанность выплатить эту сумму, въ сравнительно короткій срокъ, можетъ иногда оказаться весьма тяжелой. Совершенно разорительною для него и для имѣнія будетъ, наконецъ, опека, учрежденіе которой, при дѣйствіи проектированныхъ коммиссіею правилъ, должно встрѣчаться очень часто. Стремленіе оградить интересы владѣльца, не слишкомъ нарушая интересы его семьи,

---

[1]) Такъ какъ владѣльцу срочно-заповѣднаго имѣнія предоставляется занять, для необходимыхъ усовершенствованій, до 10% стоимости имѣнія, то получить обезпеченіе сполна удастся только дѣтямъ перваго владѣльца; на долю дѣтей второго останется только 8%, на долю дальнѣйшихъ—ничего.

[2]) Если принять среднюю величину срочно-заповѣднаго имѣнія въ 1000 десятинъ, а среднюю стоимость десятины—въ 100 рублей, то средняя цифра обезпеченія всѣхъ братьевъ и сестеръ, вмѣстѣ взятыхъ, составитъ 15 тыс. рублей. Положимъ, что у владѣльца срочно-заповѣднаго имѣнія осталось четыре сына; старшій изъ нихъ получитъ 85 т., остальные трое—по 5 т. руб. каждый. Ничего общаго съ справедливостью такое распредѣленіе наслѣдства, очевидно, не имѣетъ.

приводитъ, такимъ образомъ, къ тому, что въ концѣ концовъ одинаково мало ограждены и тѣ, и другіе. И это зависитъ не отъ какой-нибудь частной ошибки въ предположеніяхъ коммиссіи, а отъ самаго свойства ея задачи. Серьезное обезпеченіе семьи, безъ стѣсненія самого владѣльца заповѣднаго имѣнія, мыслимо только въ средѣ богатаго земледѣльческаго класса, располагающаго значительными капиталами и высоко поднявшаго доходность земли; оно невозможно, если у громаднаго большинства землевладѣльцевъ нѣтъ ни сбереженій, ни сельско-хозяйственныхъ знаній, ни привычки и умѣнья вести раціональное хозяйство, а есть только долги, и притомъ, сплошь и рядомъ, весьма крупные.

Въ проектѣ коммиссіи повторено правило дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ, по которому имѣніе, находящееся въ залогѣ, можетъ быть обращено въ заповѣдное не иначе какъ съ согласія залогодержателя, и полное дѣйствіе заповѣдности начинается лишь послѣ уплаты лежащаго на имѣніи долга или перевода его на другое имѣніе, также съ согласія залогодержателя. Личные кредиторы владѣльца, желающаго обратить свое имѣніе въ срочно-заповѣдное, могутъ просить о наложеніи на имѣніе запрещенія, препятствующаго установленію заповѣдности. Новые займы подъ залогъ срочно-заповѣднаго имѣнія допускаются лишь въ правительственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, лишь въ опредѣленныхъ случаяхъ (для необходимыхъ усовершенствованій, для обязательныхъ уплатъ и т. п.) и лишь въ опредѣленныхъ размѣрахъ (на усовершенствованія—не болѣе 10%, на всѣ расходы въ совокупности—не болѣе 33% стоимости имѣнія). Еслибы этимъ и исчерпывались всѣ постановленія проекта относительно задолженности срочно-заповѣдныхъ имѣній, то учрежденіе подобныхъ имѣній было бы сопряжено съ большими затрудненіями. Дворянскихъ имѣній, свободныхъ отъ залога, дворянъ-землевладѣльцевъ, свободныхъ отъ долговыхъ обязательствъ, у насъ сравнительно немного; залогодержатели и кредиторы рѣдко соглашались бы на обращеніе имѣнія въ заповѣдное, да еслибы и соглашались, то оно, впредь до уплаты или перевода долга, было бы заповѣднымъ только по нераздѣльности, но не по неотчуждаемости. Совершенно измѣняется положеніе вопроса въ виду правилъ, проектируемыхъ коммиссіею относительно залога срочно-заповѣдныхъ имѣній въ государственномъ дворянскомъ земельномъ банкѣ. Заложенное въ этомъ банкѣ (или въ бывшемъ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита) имѣніе можетъ быть, по усмотрѣнію владѣльца, обращено въ срочно-заповѣдное, если только сумма всѣхъ лежащихъ на имѣніи долговъ банку не превышаетъ 60% его стоимости, срочныхъ недоимокъ нѣтъ и имѣніе владѣльцемъ не

обезцѣнено. Обращеніе имѣнія въ срочно-заповѣдное возможно, впрочемъ, и при отсутствіи этихъ условій, если на то изъявитъ согласіе, двумя третями голосовъ, совѣтъ банка и постановленіе его будетъ утверждено министромъ финансовъ. Владѣльцамъ срочно-заповѣдныхъ имѣній предоставляются, по уплатѣ недоимокъ, особыя льготы, сущность которыхъ состоитъ въ томъ, что продажа имѣнія можетъ быть допущена не раньше какъ по истеченіи трехъ лѣтъ со времени взятія его въ опеку—а въ опеку оно берется въ случаѣ невзноса двухъ полугодовыхъ платежей. Раньше трехъ лѣтъ имѣніе можетъ быть назначено въ продажу только тогда, когда собраніе предводителей и депутатовъ, получивъ отъ опеки сообщеніе о недостаточности доходовъ съ имѣнія для уплаты текущихъ банковыхъ платежей и недоимокъ, сочтетъ нужнымъ довести о томъ до свѣдѣнія банка.

Если принять въ соображеніе, что бо́льшая часть дворянскихъ имѣній заложены уже теперь въ дворянскомъ банкѣ или въ особомъ его отдѣлѣ (заступившемъ мѣсто бывшаго общества взаимнаго поземельнаго кредита) и что каждое изъ остальныхъ дворянскихъ имѣній, предназначаемое къ обращенію въ срочно-заповѣдное, можетъ, предварительно, быть заложено въ дворянскомъ банкѣ, то для ближайшаго будущаго получится слѣдующая, болѣе чѣмъ вѣроятная картина. Срочно-заповѣдныя имѣнія, за немногими, сравнительно, исключеніями, окажутся заложенными почти въ полной своей стоимости (60% или даже болѣе—по первоначальному займу въ дворянскомъ банкѣ, 10%—на необходимыя усовершенствованія и т. п., 15%—на первый выдѣлъ сонаслѣдникамъ, 8%—на второй выдѣлъ). Лишенные дальнѣйшаго кредита (личные долги владѣльца срочно-заповѣднаго имѣнія погашаются, изъ *доходовъ* съ имѣнія, только до его смерти; слѣдующій владѣлецъ за эти долги не отвѣчаетъ), владѣльцы рѣдко будутъ исправными въ платежахъ; назначеніе опеки будетъ явленіемъ чуть не ежедневнымъ—а что̀ такое для имѣнія нѣсколько лѣтъ опеки, это слишкомъ хорошо извѣстно [1]). Несмотря на всѣ льготы, значительная часть срочно-заповѣдныхъ имѣній будетъ поступать въ продажу; но даже и тѣ изъ владѣльцевъ, которые ея избѣгнутъ, только въ самыхъ немногихъ случаяхъ будутъ соотвѣтствовать идеальному типу самостоятельнаго дѣятеля и образцоваго хозяина, съ такою любовью изображаемому въ „дворянскихъ мелодіяхъ". Не до самостоятельности и не до хозяйственнаго прогресса тому, на комъ висятъ пудовыя гири неоплатнаго долга... Намъ могутъ замѣтить,

[1]) Мы видѣли уже, что, помимо неисправности въ платежѣ, опека угрожаетъ срочно-заповѣднымъ имѣніямъ и при несовершеннолѣтіи нѣкоторыхъ изъ дѣтей умершаго владѣльца.

что мы неправильно понимаемъ предположенія коммиссіи, что 60%—это maximum задолженности срочно-заповѣднаго имѣнія, другими словами—что владѣлецъ имѣнія, заложеннаго въ дворянскомъ банкѣ, не въ правѣ дѣлать дальнѣйшихъ займовъ ни для „необходимыхъ усовершенствованій", ни для разсчета съ братьями и сестрами. Допустимъ, что это такъ, хотя коммиссія едва-ли имѣетъ въ виду лишить владѣльца—права на меліоративный кредитъ, его братьевъ и сестеръ—возможности полученія слѣдующихъ имъ выдачъ. Задолженность, превышающая половину стоимости имѣнія—это, во всякомъ случаѣ, такое бремя, при которомъ трудно удержаться на высотѣ положенія, предназначаемаго владѣльцамъ срочно-заповѣдныхъ имѣній. Противорѣчіе, о которомъ мы говорили, является здѣсь во всей своей силѣ. Допустить срочную заповѣдность для имѣній, обремененныхъ долгами—значитъ заранѣе лишить ее всякаго серьезнаго значенія; допустить ее только для имѣній, свободныхъ отъ долговъ—значитъ сдѣлать ее рѣдкимъ исключеніемъ и отказаться отъ достиженія тѣхъ общихъ цѣлей, ради которыхъ предполагается включить ее въ число нашихъ гражданско-правовыхъ институтовъ.

Нѣкоторыя дворянскія собранія ходатайствовали объ освобожденіи заповѣдныхъ имѣній, при переходѣ ихъ по наслѣдству, отъ платежа налога въ пользу казны. Коммиссія высказывается отчасти въ томъ же смыслѣ, предлагая взимать этотъ налогъ съ заповѣдныхъ имѣній лишь въ половинномъ размѣрѣ. Намъ кажется, что всякая подобная льгота была бы явно несправедлива по отношенію какъ къ другимъ землевладѣльцамъ, такъ и ко всѣмъ вообще плательщикамъ налоговъ. Въ обязательствахъ, упадающихъ на новаго владѣльца заповѣднаго имѣнія, нѣтъ ничего исключительнаго, необыкновеннаго; они ложатся, сплошь и рядомъ, и на другихъ наслѣдниковъ по завѣщанію и по закону, отнюдь не освобождая ихъ, вполнѣ или отчасти, отъ платежа налога. Налогъ съ наслѣдствъ и другихъ имуществъ, переходящихъ безмездными способами—одинъ изъ немногихъ, платимыхъ преимущественно достаточными классами населенія; всякое изъятіе изъ него равносильно увеличенію податного бремени, безъ того уже слишкомъ чувствительно тяготѣющаго надъ массой.

Разбирая, два года тому назадъ, вопросъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ, мы выразили убѣжденіе, что *разрѣшеніе* учреждать заповѣдныя имѣнія неизбѣжно вызвало бы цѣлую вереницу ходатайствъ о правахъ и привилегіяхъ для владѣльцевъ такихъ имѣній. Что мы не ошиблись—это видно какъ нельзя яснѣе изъ длиннаго ряда статей объ обезпеченіи и возвышеніи дворянства, появившихся недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Уже теперь, когда срочно-заповѣдныя имѣнія существуютъ только на бумагѣ, они провозглашаются недостаточными

для достиженія той цѣли, къ которой стремятся иниціаторы дворянскихъ ходатайствъ и составители разбираемаго нами законопроекта. Чтобы возвратить дворянству утраченное имъ значеніе, необходимо—такова основная мысль московской газеты—призвать его вновь къ *обязательно-служилой роли*, воспретивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, переходъ дворянскихъ земель къ лицамъ другихъ сословій (согласно съ ходатайствомъ, заявленнымъ въ 1889 г. симбирскимъ дворянствомъ). Только при наличности этого условія можетъ быть полезна и заповѣдность. Признаніе дворянской земли *помѣстною* (т. е. тѣсно связанною съ службой) „навсегда сохранило бы ее въ сословіи; путемъ же заповѣдности имѣнія сохранялись бы во владѣніи *отдѣльныхъ родовъ*, предотвращая ихъ отъ паденія и обѣднѣнія". Безъ возстановленія служилой роли дворянства заповѣдность могла бы даже оказаться вредной, „создавъ сильный, богатый и вліятельный классъ земельной аристократіи, ничѣмъ не связанный съ государственною властью". Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ нѣтъ ничего неожиданнаго и новаго. Попытка связать вопросъ о заповѣдности съ вопросомъ о служебныхъ правахъ дворянства была сдѣлана уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ проектѣ г. Хвощинскаго, бывшаго тогда макарьевскимъ (нижегородской губерніи) уѣзднымъ предводителемъ дворянства [1]). По мысли г. Хвощинскаго, широкое распространеніе заповѣдныхъ имѣній возможно только подъ условіемъ предоставленія ихъ владѣльцамъ (а также сыновьямъ и братьямъ владѣльцевъ) существенно-важныхъ правъ и преимуществъ, служебныхъ и иныхъ (избраніе только изъ ихъ среды предсѣдателей земскихъ управъ и земскихъ начальниковъ, включеніе ихъ безъ выбора въ число земскихъ гласныхъ и почетныхъ мировыхъ судей, созданіе для нихъ особаго „круга общегосударственныхъ обязанностей", и т. п.). „Главное поприще для гражданской службы дворянства,—говорятъ, съ своей стороны, „Московскія Вѣдомости",—представляетъ, конечно, мѣстное управленіе; но какъ для поднятія значенія сего послѣдняго, такъ равно и для сохраненія связи дворянства съ центральнымъ правительствомъ, необходимо было бы установить, чтобы высшія государственныя должности были замѣщаемы преимущественно кандидатами, пріобрѣтшими опытность на службѣ по мѣстному управленію". Прибавимъ къ этому защищаемое газетой „преимущественное право дворянства на пополненіе корпуса офицеровъ" (вмѣсто: *преимущественное* слѣдуетъ, вѣроятно, читать: *исключительное*, такъ какъ *преимущественно* изъ дворянъ офицеры назначаются и въ настоящее время)—и мы получимъ полное представленіе о томъ, чего

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 4 „Вѣст. Европы" за 1892 г.

хотятъ, о чемъ мечтаютъ газетные охранители дворянскаго землевладѣнія. Не совсѣмъ яснымъ, съ перваго взгляда, можетъ показаться только одно: что̀ разумѣютъ эти господа подъ именемъ *обязательно-служилой роли* дворянства? Ужъ не думаютъ ли они возвратиться къ до-екатерининскимъ или даже до-петровскимъ порядкамъ, признавъ каждаго помѣщика-дворянина *повиннымъ* нести государственную службу, и самое право на обладаніе помѣстьемъ—зависимымъ отъ исполненія этой повинности? Едва-ли; это внесло бы слишкомъ большую пертурбацію въ поземельный строй, объ увѣковѣченіи котораго мечтаетъ московская газета, и было бы слишкомъ большой аномаліей въ наше время, когда въ людяхъ, готовыхъ и способныхъ вступить на государственную службу, чувствуется скорѣе избытокъ, нежели недостатокъ. За громкой фразой объ *обязательно-служилой* роли скрывается, въ сущности, не что иное, какъ *привилегія*, какъ *преимущественное право*, въ одномъ мѣстѣ, вѣроятно, по недосмотру, выглянувшее на свѣтъ и среди перифразъ „Московскихъ Вѣдомостей". Эта привилегія была бы, по истинѣ, privilegium odiosum; она не уравновѣшивалась бы обязанностями, не оправдывалась бы необходимостью, а являлась бы только однимъ изъ звеньевъ въ длинной цѣпи dons gratuits (даровъ безъ соотвѣтствующаго эквивалента), предоставленныхъ дворянству. Получилось бы нѣчто въ родѣ заколдованнаго круга, въ которомъ заповѣдность была бы нужна для служебныхъ привилегій, а служебныя привилегіи—для заповѣдности... Повторяемъ еще разъ: разрѣшеніе учредить срочно-заповѣдныя имѣнія не только не удовлетворитъ дворянскихъ притязаній, но послужитъ исходной точкой для новыхъ домогательствъ, которымъ не будетъ ни конца, ни мѣры.

Высочайше утвержденное 7-го февраля 1894 г. мнѣніе государственнаго совѣта объ отсрочкѣ и разсрочкѣ недоимокъ выкупныхъ платежей является естественнымъ результатомъ невзгодъ, перенесенныхъ сельскимъ населеніемъ въ недавніе неурожайные годы. Накопленіе недоимокъ достигло, во многихъ мѣстностяхъ, такой степени, при которой взысканіе ихъ на общемъ основаніи было бы равносильно совершенному разоренію крестьянъ, а слѣдовательно и подрыву государственнаго хозяйства. Самое простое благоразуміе требовало сбереженія платежныхъ силъ, крайнее напряженіе которыхъ несовмѣстно съ сохраненіемъ ихъ на будущее время. Министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставлено разрѣшать отсрочку и разсрочку выкупныхъ платежей, числящихся на сельскихъ обывателяхъ, *безъ ограниченія суммы и продолжительности лѣтъ*, съ тѣмъ, чтобы ежегодные на погашеніе

недоимки взносы каждаго сельскаго общества не превышали годового оклада платежей, и чтобы недоимки, отсроченныя на послѣдующее, по окончаніи выкупной операціи, время погашались путемъ продленія платежей въ прежнемъ размѣрѣ, до полнаго погашенія недоимки. Возбуждать ходатайства объ отсрочкѣ и разсрочкѣ предоставлено губернскимъ присутствіямъ, послѣ подробнаго разслѣдованія на мѣстѣ, поводомъ къ которому можетъ служить предложеніе губернатора, заявленіе управляющаго казенной палатой, представленіе уѣзднаго крестьянскаго учрежденія или отдѣльнаго его члена и, наконецъ, просьба сельскаго общества. Порядокъ и условія разслѣдованія опредѣляются министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Наша повременная печать („Русскія Вѣдомости", „Русская Жизнь") обратила уже вниманіе на то, что въ законѣ 7-го февраля вовсе не говорится о земскихъ учрежденіяхъ. Этотъ пробѣлъ можетъ быть, до извѣстной степени, пополненъ министерской инструкціей о порядкѣ производства разслѣдованій; къ участію въ нихъ могутъ быть и, вѣроятно, будутъ привлечены земскія управы—но и въ такомъ случаѣ чрезвычайно характеристичнымъ останется тотъ фактъ, что изъ числа учрежденій, уполномоченныхъ возбуждать вопросъ объ отсрочкѣ и разсрочкѣ недоимокъ, исключены земскія собранія. Каждому отдѣльному земскому начальнику оказано, въ этомъ отношеніи, болѣе довѣрія, чѣмъ представителямъ цѣлаго уѣзда, всего лучше знакомымъ съ положеніемъ населенія. Одна часть гласныхъ принадлежитъ къ сословію, непосредственно несущему на себѣ тягость недоимокъ, другая, и притомъ наибольшая—къ сословію, пользующемуся особеннымъ авторитетомъ въ глазахъ правительства: и все-таки собраніе оставлено въ сторонѣ, признано некомпетентнымъ судить объ одной изъ самыхъ главныхъ потребностей крестьянской массы! Такое отношеніе къ земству можетъ быть объяснено только тѣми общими причинами, о которыхъ мы говорили въ предъидущемъ обозрѣніи, по поводу проектируемаго устраненія земства отъ продовольственнаго дѣла. Еще нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи—и земство можно будетъ, за ненадобностью, сдать въ архивъ. Само собою разумѣется, что оно останется въ немъ не долго. Поставить на его мѣсто какое-нибудь бюрократическое учрежденіе весьма легко, но дѣйствительно *замѣнить* его, заставить забыть о немъ—трудно или, лучше сказать, невозможно.

Пока еще земство существуетъ, усилія его противниковъ направлены къ тому, чтобы какъ можно болѣе съузить его дѣятельность. Однимъ изъ средствъ къ достиженію этой цѣли представляется та-

кое толкованіе компетенціи губернскаго земства, которое затруднило бы для него содѣйствіе благимъ начинаніямъ уѣздныхъ земствъ. Нужно ли прибавлять, что честь этого толкованія принадлежитъ всецѣло „Московскимъ Вѣдомостямъ"?.. По ст. 3-й Полож. о Земск. Учрежд. 1890 г., къ вѣденію губернскихъ земскихъ учрежденій относятся тѣ изъ дѣлъ, поименованныхъ въ ст. 2-й (перечисляющей предметы вѣдомства земскихъ учрежденій вообще), которыя касаются всей губерніи или нѣсколькихъ ея уѣздовъ, а къ вѣденію уѣздныхъ земскихъ учрежденій—тѣ изъ означенныхъ дѣлъ, которыя касаются каждаго отдѣльнаго уѣзда и не предоставлены ст. 63-ею вѣденію губ. земск. учрежденій, Это правило, по мнѣнію московской газеты, постоянно нарушается губернскими земскими собраніями. „Содержа въ себѣ гораздо бóльшій, чѣмъ уѣздныя земства, процентъ такъ называемой интеллигенціи, собранія эти представляютъ наилучшую почву для всякихъ вздорныхъ увлеченій, легкомысленныхъ предпріятій и тенденціознаго направленія. Не довольствуясь рамками, отведенными имъ закономъ, губернскія земства, благодаря попустительству администраціи, сплошь и рядомъ врываются въ дѣятельность уѣздныхъ земствъ и противъ ихъ воли вовлекаютъ ихъ въ непосильные расходы. Такъ, нѣкоторыя *губернскія* собранія ассигнуютъ средства на начальныя школы, сельскія библіотеки и т. п., при чемъ средства эти, ради справедливости, распредѣляются между *всѣми* уѣздами болѣе или менѣе равномѣрно. Мы понимаемъ участіе губернскаго земства въ содержаніи учительской семинаріи для *всей* губерніи, или образцовой школы для *нѣсколькихъ* уѣздовъ и т. п., но едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что и начальная школа, и сельская библіотека, какъ учрежденія, предназначенныя—самое бóльшее—для района одной какой-нибудь волости, должны составлять предметы вѣдомства уѣздныхъ земствъ, а никакъ не губернскаго, по прямому смыслу закона".

Такова, въ главныхъ чертахъ, аргументація „Московскихъ Вѣдомостей", заканчивающаяся, какъ и подобаетъ, чѣмъ-то въ родѣ обычнаго припѣва: caveant consules... Замѣтимъ, прежде всего, что правило ст. 3-й не представляется чѣмъ-то новымъ; совершенно аналогичное разграниченіе сферы дѣйствій губернскаго и уѣздныхъ земствъ было установлено и Положеніемъ 1864 г. (ст. 3, 61, 63). Издавна, чуть не съ самаго введенія земскихъ учрежденій, установилась и та практика, противъ которой теперь вооружаются „Московскія Вѣдомости"—и никогда, насколько намъ извѣстно, не возбуждала никакихъ недоумѣній, никакихъ протестовъ со стороны администраціи (возможныхъ и при прежнемъ порядкѣ, такъ какъ рѣчь идетъ о пониманіи и примѣненіи закона). Трудно допустить, чтобы

здѣсь было одно сплошное заблужденіе, обнаруженное, по истеченіи тридцати лѣтъ, прозорливостью и бдительностью реакціонной газеты. Гораздо проще предположить, что никакого заблужденія не было и нѣтъ, и что мнимое его раскрытіе сводится къ злобному буквоѣдству. И дѣйствительно, что такое дѣла, касающіяся *всей губерніи*? Очевидно—всѣ тѣ, значеніе которыхъ не чисто мѣстное, всѣ тѣ, въ которыхъ заинтересована губернія вообще, хотя бы значительная часть ея населенія *непосредственно* и не испытывала на себѣ ихъ вліянія. Если принять масштабъ „Московскихъ Вѣдомостей", то придется признать, что основаніе начальной школы—не дѣло уѣзднаго земства, такъ какъ оно касается не *уѣзда* вообще, а только одной небольшой мѣстности. На такой формальной точкѣ зрѣнія составители земскихъ положеній, прежняго и новаго, безъ сомнѣнія не стояли. Народное образованіе, народное здоровье, народное благосостояніе, общественное призрѣніе—все это не можетъ быть пріурочено исключительно и всецѣло къ тѣмъ территоріальнымъ единицамъ, которыя *прямо* затрогиваются тою или другой отдѣльной мѣрой. Каждая вновь основываемая школа, больница, богадельня, опытное поле, представляютъ бо́льшую или меньшую цѣнность не только для волости, въ районѣ которой они открыты, не только для уѣзда, но и для губерніи. Приходя на помощь уѣздамъ, отставшимъ въ развитіи школьнаго или больничнаго дѣла, губернское земство дѣйствуетъ на пользу цѣлой губерніи, для которой въ высшей степени важенъ общій уровень, достигнутый въ той или другой отрасли земскаго хозяйства. Лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить тѣ стороны земской дѣятельности, которыя даже „Московскими Вѣдомостями" не исключаются изъ компетенціи губернскаго земства. Губернское земство содержитъ, напримѣръ, учительскую семинарію—но всѣ старанія учителей, ею приготовленныхъ, парализуются недостаткомъ школьныхъ и народныхъ библіотекъ, этой главной гарантіи противъ „рецидива безграмотности". Губернское земство содержитъ среднюю сельско-хозяйственную школу — но она остается пустою, за отсутствіемъ въ уѣздахъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Губернское земство содержитъ больницу для умалишенныхъ—но наплывъ больныхъ далеко превышаетъ число кроватей, потому что въ уѣздахъ нѣтъ помѣщеній, приспособленныхъ къ наиболѣе простымъ и легкимъ случаямъ психическихъ заболѣваній. Неужели губернское земство выйдетъ за предѣлы своей власти, если окажетъ уѣздамъ пособіе на устройство библіотекъ, низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, пріемныхъ покоевъ для умалишенныхъ? Неужели все это слѣдуетъ признать „не касающимся" губерніи, только потому, что ближе или больше, чѣмъ

она, въ этомъ заинтересованы уѣзды?... Необходимо имѣть въ виду, что не всѣ уѣзды одной и той же губерніи поставлены въ одинаковыя условія. Одни, при сравнительно небольшихъ средствахъ, несутъ, въ силу независящихъ отъ нихъ обстоятельствъ, особенно тяжелыя обязанности; другіе, больше получая, имѣютъ меньше вынужденныхъ расходовъ. Равновѣсіе между тѣми и другими можетъ быть возстановлено, хотя отчасти, именно губернскимъ земствомъ, путемъ содѣйствія уѣздамъ, одинаковаго по свойству, но не одинаковаго по размѣрамъ. Чрезвычайно важно такое содѣйствіе губернскаго земства еще и потому, что оно можетъ послужить примѣромъ и исходной точкой для дальнѣйшей дѣятельности уѣздныхъ земствъ. Московская газета допускаетъ содержаніе, на губернскій счетъ, образцовой школы *для нѣсколькихъ уѣздовъ*; но почему же не допустить, въ такомъ случаѣ, открытіе губернскимъ земствомъ образцовой школы *для каждаго уѣзда*? Неужели слова закона должны быть понимаемы буквально, т.-е. образцовая школа можетъ быть устроиваема губ. земствомъ только въ такомъ пограничномъ пунктѣ, гдѣ ею могли бы пользоваться жители трехъ уѣздовъ?.. Обычная, въ настоящее время, земская практика заключается въ томъ, что губернское земство дѣйствуетъ *вмѣстѣ* съ уѣзднымъ, помогаетъ ему въ предпріятіяхъ, непосильныхъ для однихъ уѣздныхъ средствъ. Такъ напримѣръ, для болѣе успѣшной борьбы съ эпидеміями с.-петербургское губернское земство принимаетъ на себя половину расходовъ по устройству въ уѣздахъ заразныхъ бараковъ; оно помогаетъ уѣзднымъ земствамъ въ починкѣ важнѣйшихъ уѣздныхъ дорогъ, въ устройствѣ учительскихъ курсовъ. Другія губернскія земства берутъ на себя извѣстную долю издержекъ по открытію лечебницъ, школьныхъ библіотекъ, читаленъ, по постройкѣ образцовыхъ школьныхъ зданій. Этой дружной, раціональной, плодотворной дѣятельности и желаютъ положить конецъ „Московскія Вѣдомости“, опасаясь, по всей вѣроятности, что ея результаты будутъ служить слишкомъ краснорѣчивымъ доводомъ въ пользу земскихъ учрежденій и новымъ препятствіемъ къ ихъ упраздненію.

Подкрѣпленіе своему тезису московская газета ищетъ... въ „ходячихъ либеральныхъ доктринахъ“. Принятіе на себя губернскимъ земствомъ такихъ предпріятій, которыя могутъ быть *съ одинаковымъ успѣхомъ* (курсивъ въ подлинникѣ) выполнены каждымъ уѣзднымъ земствомъ отдѣльно, несовмѣстно, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, съ „принципомъ автономности мѣстныхъ административно-хозяйственныхъ единицъ“. Où la défense de l'autonomie va-t-elle se nicher! Непризванные защитники автономіи забываютъ, во-пер-

выхъ, что участіе губернскаго земства, сплошь и рядомъ, только и дѣлаетъ возможнымъ предпріятіе, превышающее силы и средства уѣзднаго земства; объ *одинаковомъ успѣхѣ* не можетъ, слѣдовательно, быть и рѣчи, такъ какъ безъ губернской поддержки или иниціативы успѣха не было бы вовсе. Они не хотятъ видѣть, во-вторыхъ, что автономія уѣзднаго земства была бы нарушена только *непрошеннымъ* вторженіемъ въ его сферу дѣйствій, и притомъ такимъ вторженіемъ, которымъ устранялась или затруднялась бы его самостоятельная дѣятельность. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не бываетъ: въ огромномъ большинствѣ случаевъ губернское земство является на помощь уѣздному по его просьбѣ или по соглашенію съ нимъ, а если и дѣйствуетъ помимо его, то нисколько его не ограничивая и не стѣсняя. Такъ, напримѣръ, если оно открываетъ, въ данномъ пунктѣ, свою больницу, то это нисколько не мѣшаетъ уѣздному земству устроить рядомъ съ нею свое лечебное заведеніе. Представимъ себѣ такое разсужденіе: волость (или сельское общество) есть автономная административно-хозяйственная единица; она имѣетъ право открыть у себя начальную школу; ergo — уѣздное земство, открывающее сельскую школу на свой счетъ, нарушаетъ автономію волости (или общества). Даже „Московскія Вѣдомости" едва-ли отказались бы признать это разсужденіе нелѣпымъ — а между тѣмъ онѣ примѣняютъ его, mutatis mutandis, къ взаимнымъ отношеніямъ губерніи и уѣзда. Не въ правѣ ли мы предположить, что побудительная причина ихъ полемики—вовсе не забота о неприкосновенности закона, о сохраненіи уѣздной „автономности", а просто желаніе набросать какъ можно больше палокъ подъ земскія колеса?

Отмѣтимъ, въ заключеніе, еще одну любопытную черту въ статьѣ московской газеты. Губернское земское собраніе, въ его настоящемъ видѣ, можетъ быть названо (за исключеніемъ немногихъ отдаленныхъ губерній) учрежденіемъ дворянскимъ. Къ нему принадлежатъ обязательно всѣ предводители дворянства; въ губернскіе гласные избираются почти одни дворяне, какъ потому, что на сторонѣ дворянства большинство въ уѣздныхъ собраніяхъ, так и потому, что лица другихъ сословій сравнительно рѣдко соглашаются на издержки и потерю времени, сопряженныя съ продолжительнымъ пребываніемъ въ губернскомъ городѣ. И вотъ, дворянское учрежденіе оказывается подозрительнымъ въ глазахъ ультра-дворянской газеты, усматривающей въ немъ „наилучшую почву для вздорныхъ увлеченій, легкомысленныхъ предпріятій и тенденціознаго направленія!" Объяснить эту несообразность можно только тѣмъ, много разъ констатированнымъ нами фактомъ, что въ земскихъ собраніяхъ, отчасти подъ влія-

ніемъ самаго ихъ призванія, отчасти подъ вліяніемъ традицій, образовавшихся за первую четверть вѣка существованія земства,—вѣетъ другой духъ, чѣмъ въ собраніяхъ дворянскихъ. Одни и тѣ же лица дѣйствуютъ различно, смотря по тому, являются ли они представителями сословія или уполномоченными всего населенія—и этого достаточно, чтобы возбудить противъ земскихъ собраній недовѣріе и недоброжелательство реакціонной прессы. На ея языкѣ „вздорное увлеченіе"—синонимъ уклоненія отъ рутины; „легкомысленное предпріятіе"—все равно что предпріятіе на общую пользу; „тенденціозное направленіе"—все равно что отсутствіе сословныхъ тенденцій.

Въ исторіи или въ легендахъ сохранились разсказы о людяхъ, принимавшихъ на себя, изъ любви къ отечеству, самыя тяжелыя, самыя неблагодарныя роли (припомнимъ, напримѣръ, Куперовскаго „шпіона"). Оказывается, что такое самоотверженіе возможно и въ наше время: трогательный примѣръ его явили недавно „Московскія Вѣдомости". Наши читатели не забыли еще, быть можетъ, чтò и кàкъ эта газета говорила, мѣсяцъ тому назадъ, о русско-германскомъ торговомъ договорѣ [1]). Теперь мы узнаёмъ, что это было только великодушное лицемѣріе, патріотическое притворство. На мѣсто „ликующей Германіи" въ московской газетѣ выступаетъ ликующая Россія. „Великое дѣло совершено", читаемъ мы въ № 70 „Московскихъ Вѣдомостей"; „русско-германскій договоръ вступилъ въ силу, вызывая искреннюю радость въ сердцахъ всѣхъ понимающихъ его значеніе и способныхъ провидѣть его грядущіе результаты. Чѣмъ болѣе эти результаты будутъ выясняться, тѣмъ неудержимѣе будутъ раздаваться изъ русскихъ устъ и грудей ликующіе клики во славу русскаго Государя и въ благодарность всѣмъ тѣмъ Его слугамъ, которые въ этомъ дѣлѣ были вѣрными и усердными исполнителями Его воли и предначертаній, увѣнчавшихся желаннымъ успѣхомъ. Эти наши слова будутъ, конечно, для многихъ неожиданностью. На насъ, особенно въ послѣднее время, смотрѣли какъ на какихъ-то якобы завзятыхъ враговъ русско-германскаго соглашенія... Мы знали это и, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ ни однимъ словомъ не позволяли себѣ опровергнуть эту взведенную на насъ напраслину и разъяснить нашъ дѣйствительный взглядъ на дѣло,—ибо считали это несоотвѣтственнымъ лежащему на насъ долгу публицистическаго служенія. Преждевременное обнаруженіе нашего дѣйствительнаго отношенія къ под-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ предъидущей книжкѣ нашего журнала.

готовлявшемуся политическому шагу никакой пользы принести не могло; оно могло, скорѣе, послужить во вредъ. Правительственные органы ни въ какихъ нашихъ сочувствіяхъ, ни въ какой нашей поддержкѣ не нуждались, ибо руководились, и обязаны были руководиться, единственно данными имъ съ высоты престола указаніями. Наши сочувствія заключенію русско-германскаго договора могли быть на̀-руку развѣ только прусскимъ аграріямъ и прочимъ противникамъ договора въ Германіи, не въ силу какого-либо значенія, придаваемаго лично нашимъ мнѣніямъ, но въ силу невѣдомо какъ создавшейся легенды, будто мы не *сами по себѣ*, а лишь органъ московскаго и вообще русскаго купечества. Не время было разъяснять неосновательность этой легенды, — выгоднѣе было ею воспользоваться, дабы въ Германіи видѣли, что не всѣ же въ Россіи восторгаются сближеніемъ съ нею, дабы, соотвѣтственно съ этимъ, ораторы рейхстага не слишкомъ высоко поднимали тонъ въ рѣчахъ, предшествовавшихъ окончательному утвержденію состоявшагося нынѣ договора. Мы такъ и дѣлали"...

Чтобы вполнѣ оцѣнить всю прелесть этихъ увѣреній, необходимо припомнить, что „Московскія Вѣдомости" не только воздерживались отъ выраженій сочувствія договору, но прямо и страстно на него нападали. Какъ искусный актеръ, онѣ до того входили въ свою роль, что иллюзія получалась полная. Онѣ дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы доказать вредоносность договора, теперь превозносимаго ими до небесъ, съ умиленіемъ и слезами благодарности. Не довольствуясь доводами, онѣ взывали къ страстямъ, пытались возбудить національное самолюбіе (припомнимъ заключеніе статьи: „Германія ликуетъ", приведенное нами въ предъидущемъ обозрѣніи). Актерство въ журналистикѣ опасно, между прочимъ, потому, что всегда рискуешь „переиграть". Мысль, въ которую не вѣритъ сама проводящая ее газета, можетъ быть принята „въ серьезъ" читателями—и притомъ именно тѣми читателями, которыхъ всего менѣе желательно ввести въ ошибку. Вѣдь нельзя же допустить, чтобы параллельно съ статьями, печатаемыми во всеобщее свѣденіе, шли конфиденціальныя сообщенія, разъясняющія кому слѣдуетъ истинный смыслъ газетной игры... До крайности жалки увѣренія газеты, что о вліяніи на правящія сферы она не смѣла и помышлять, а стремилась лишь къ воздѣйствію... на германскій рейхстагъ; одинаково смѣшнымъ оказывается здѣсь и самоуниженіе, и самовозвышеніе. Уважающій себя органъ печати долженъ говорить *только* то, что̀ онъ думаетъ (хотя, къ несчастію, не всегда можетъ сказать *все*, что̀ думаетъ); дѣйствуютъ ли его слова, и на кого именно—это уже не

отъ него зависитъ; не этимъ, слѣдовательно, должно обусловливаться и содержаніе его рѣчи. Самоотверженіе „Московскихъ Вѣдомостей"—все равно, дѣйствительное или мнимое—не имѣетъ ничего общаго съ подвигомъ вообще и съ патріотическимъ подвигомъ въ особенности...

P. S.—Наше обозрѣніе было уже окончено, когда мы прочли въ газетахъ, что законопроектъ о срочно-заповѣдныхъ имѣніяхъ возвращенъ въ коммиссію для новой разработки. По собраннымъ же нами свѣдѣніямъ это сообщеніе не совсѣмъ точно: разсмотрѣніе законопроекта отложено впредь до представленія коммиссіею остальной части ея работы—о недѣлимыхъ участкахъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля 1894 г.

Гладстонъ, его жизнь и дѣятельность. — Новый англійскій премьеръ.—Аристократія и демократическія идеи.— Смерть Кошута.

Въ концѣ прошлаго мѣсяца совершилось въ Англіи политическое событіе, которое всѣми считалось уже неминуемымъ въ послѣднее время, въ силу естественнаго хода вещей. „Великій старецъ", стоявшій во главѣ британскаго правительства, долженъ былъ отказаться отъ власти и политической дѣятельности: глаза его ослабѣли и отказываются служить ему больше; глухота давала себя чувствовать все сильнѣе, мѣшая ему слѣдить за парламентскими преніями. Только умственныя и нравственныя силы до сихъ поръ не измѣнили 84-лѣтнему Гладстону; но органы слуха и зрѣнія давно уже дѣйствовали плохо и заставили его, наконецъ, подумать о необходимомъ и заслуженномъ покоѣ.

Въ исторіи мало найдется личностей, которыя могли бы сравниться съ Гладстономъ по массѣ и разнообразію исполненной работы, по количеству труда и энергіи, потраченныхъ на служеніе общественнымъ интересамъ, по неутомимой настойчивости и плодовитости въ разныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Очень немногіе умѣли такъ хорошо наполнить свою жизнь и такъ разсчетливо употреблять свое время, какъ Гладстонъ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ до поздней старости онъ удивлялъ окружающихъ строгою уравновѣшенностью своей натуры, искусствомъ полнаго и обдуманнаго примѣненія тѣхъ способностей и талантовъ, которыми надѣлила его природа. Онъ не тратилъ своихъ силъ на безплодную внутреннюю борьбу, на исканіе новыхъ идеаловъ, на мучительныя разочарованія и сомнѣнія; онъ всегда одинаково вдохновлялся тѣми же нравственными принципами, тою же глубокою вѣрою въ свѣтлую будущность человѣчества и культуры. Нравственныя идеи были даны ему готовыми съ дѣтства; онѣ питались и поддерживались въ немъ всею духовною атмосферою англійскаго политическаго воспитанія и общественнаго быта. Свѣжій и бодрый духъ свободы, духъ самодѣятельности и самоуправленія, не даетъ простора пессимизму, который поэтому меньше всего находитъ почву въ Англіи. Гладстонъ можетъ служить образцомъ оптимиста въ лучшемъ и въ высшемъ смыслѣ этого слова. Онъ неустанно боролся за то, что̀ считалъ справедливымъ и осуществи-

мымъ, и никогда не складывалъ оружія подъ давленіемъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ предпринятому имъ дѣлу; онъ смѣло шелъ противъ теченія, когда послѣднее казалось ему неправильнымъ и неразумнымъ, и гибкость практическаго ума никогда не доходила въ немъ до того, что̀ принято называть оппортунизмомъ.

Гладстонъ былъ убѣжденнымъ представителемъ и проповѣдникомъ морали въ политикѣ; въ этомъ заключается его характеристическая черта, совершенно выдѣляющая его изъ ряда современныхъ ему государственныхъ людей Европы. Онъ понималъ національную славу и честь совсѣмъ иначе, чѣмъ Висмаркъ, Биконсфильдъ и Гамбетта; онъ не увлекался обманчивымъ блескомъ внѣшняго могущества и неизмѣнно ставилъ нравственные интересы выше матеріальныхъ. Будучи человѣкомъ искренно религіознымъ и „благочестивымъ" (какъ справедливо называетъ его высоко-компетентный въ вопросахъ религіи К. П. Побѣдоносцевъ, въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Обозрѣнія"), Гладстонъ не превращалъ благочестія въ орудіе политики, и самая религіозность выражалась у него прежде всего въ широкой терпимости и гуманности, въ безусловномъ уваженіи къ чужимъ человѣческимъ правамъ, въ отрицаніи всякаго насилія и всякой несправедливости. Когда нарушались права человѣчности въ какомъ-нибудь пунктѣ земного шара, то угнетенные обращались къ Гладстону, въ увѣренности, что найдутъ въ немъ защиту и поддержку. Эта роль защитника слабыхъ и несправедливо угнетаемыхъ народностей придавала особое значеніе дѣятельности Гладстона, какъ англійскаго парламентскаго вождя и министра.

Біографія Гладстона представляетъ интереснѣйшій психологическій матеріалъ, которымъ мало еще пользовались въ литературѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ его личная исторія есть исторія Англіи съ тридцатыхъ годовъ до настоящаго времени. Гладстонъ — шотландецъ по происхожденію; предки его по матери, Робертсоны, вели свой родъ отъ Роберта Брюса, бывшаго королемъ Шотландіи подъ именемъ Роберта I (въ началѣ XIV вѣка). Отецъ Вильяма, сэръ Джонъ Гладстонъ, былъ крупнымъ негоціантомъ, велъ обширную торговлю съ Россіею и съ востокомъ, игралъ видную роль въ парламентѣ, гдѣ поддерживалъ политику торіевъ, и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ Каннингомъ. Сэръ Джонъ, получившій при министерствѣ Роберта Пиля титулъ баронета, умеръ въ 1851 году, 88 лѣтъ отъ роду; онъ жилъ достаточно долго, чтобы видѣть блестящіе политическіе успѣхи своего младшаго сына, единственнаго изъ шестерыхъ дѣтей оставшагося въ живыхъ. Мать Вильяма была также выдающаяся, замѣчательная женщина, пользовавшаяся общимъ уваженіемъ и почетомъ. Въ этой полу-аристократической, полу-коммер-

ческой семьѣ, имѣвшей свою резиденцію въ Ливерпулѣ, родился въ декабрѣ 1809 года Вильямъ Эвартъ Гладстонъ. Ребенкомъ четырехъ лѣтъ онъ съ балкона родительскаго дома видѣлъ остановившееся тріумфальное шествіе народной толпы, съ Каннингомъ во главѣ, въ день избранія его въ Ливерпулѣ; Каннингъ былъ тогда обязанъ своимъ успѣхомъ преимущественно сэру Джону Гладстону, и эта сцена народныхъ овацій прочно отпечатлѣлась въ умѣ Вильяма.

Подъ такими впечатлѣніями прошло дѣтство Гладстона. Въ Итонѣ и Оксфордѣ онъ съ любовью изучалъ классиковъ, занимался богословіемъ и литературою, упражнялся въ краснорѣчіи и въ то же время развивалъ свои мускулы, отличался въ физическихъ играхъ и въ верховой ѣздѣ. Онъ выросъ статнымъ, красивымъ юношей, одинаково сильнымъ въ смыслѣ тѣлесномъ и умственномъ, — живымъ воплощеніемъ правила: „здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“. Превосходство его дарованій и убѣдительная сила его разносторонней, неистощимой діалектики, въ связи съ обширною начитанностью и рѣдкою памятью, сдѣлали его вскорѣ центромъ отборнаго кружка молодежи. Свобода занятій и замкнутость жизни въ Оксфордѣ создавали наилучшія условія для умственнаго и нравственнаго развитія такихъ даровитыхъ юношей, какъ Вильямъ Гладстонъ и его друзья. Одинъ изъ товарищей и поклонниковъ его, графъ Линкольнъ, старшій сынъ герцога Ньюкестльскаго, устроилъ ему избраніе въ члены парламента, въ одномъ изъ „гнилыхъ мѣстечекъ“, принадлежавшихъ герцогу.

Такимъ образомъ, въ 1832 году, Гладстонъ, въ возрастѣ 23 лѣтъ, сдѣлался членомъ палаты общинъ. Онъ занялъ свое мѣсто въ рядахъ торіевъ или вѣрнѣе либеральныхъ консерваторовъ, къ которымъ принадлежалъ по рожденію. Первыя рѣчи его были оцѣнены по достоинству старыми, опытными дѣятелями, и репутація парламентскаго оратора досталась ему легко и скоро. Онъ подробно и добросовѣстно знакомился съ обсуждаемыми вопросами, обогащалъ свои книжныя и практическія знанія, и его краснорѣчіе все болѣе пріобрѣтало оттѣнокъ серьезной дѣловитости. Черезъ годъ, когда образовалось министерство сэра Роберта Пиля, онъ уже вступилъ въ составъ правительства, въ должности младшаго лорда казначейства. Въ мартѣ 1834 г. кабинетъ вышелъ въ отставку, и Гладстонъ продолжалъ на свободѣ развивать свои идеи въ публичныхъ рѣчахъ и въ журналахъ. Онъ усиленно работалъ, посвящая свои досуги изученію любимыхъ авторовъ, особенно Гомера и Данте; онъ успѣвалъ въ то же время бывать въ обществѣ и даже участвовать въ музыкальныхъ собраніяхъ, гдѣ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ біографовъ, восхищалъ слушателей своимъ звучнымъ теноромъ. Свободные часы онъ проводилъ среди книгъ, такъ что даже испортилъ себѣ глаза чрезмѣрнымъ чтеніемъ.

Въ 1838 году онъ напечаталъ свою первую книгу—о церкви и государствѣ. Сочиненіе это коснулось одного изъ жгучихъ тогдашнихъ вопросовъ и возбудило горячую полемику, въ которой видное участіе принялъ Маколей. Извѣстность Гладстона окончательно упрочилась, и на него стали смотрѣть какъ на надежду и будущую опору торійской партіи. Счастье улыбалось Гладстону во всѣхъ отношеніяхъ. Въ 1839 году онъ нашелъ себѣ идеальную подругу жизни въ лицѣ Екатерины Глиннъ, старшей дочери сэра Ричарда Глинна, владѣльца зáмка Гаварденъ. Позднѣе, въ семидесятыхъ годахъ, зáмокъ этотъ перешелъ въ собственность Гладстона и его жены.

Находясь въ оппозиціи при либеральномъ министерствѣ Мельбурна, Гладстонъ не разъ выступалъ противъ правительства во имя принциповъ, которые имѣли мало общаго съ консерватизмомъ. Дѣло въ томъ, что виги того времени далеко не были передовыми либералами, а подъ знаменемъ торіевъ проводились часто смѣлыя реформаторскія стремленія. Лучшею характеристикою дѣйствительныхъ взглядовъ и тенденцій, господствовавшихъ въ обѣихъ партіяхъ, можетъ служить предпринятая въ 1840 году война съ Китаемъ ради допущенія торговли опіемъ съ туземцами. Эту явно несправедливую, ничѣмъ не оправдываемую войну затѣяло министерство виговъ, имѣвшее въ своемъ составѣ Пальмерстона и Маколея. По этому поводу произошла въ высшей степени интересная парламентская стычка между „либеральнымъ" Маколеемъ и „торіемъ" Гладстономъ. Маколей обезпечилъ себѣ успѣхъ возвышенными патріотическими фразами, которыя всегда производятъ впечатлѣніе на публику. Англійскій капитанъ водрузилъ британское знамя надъ помѣщеніемъ англійской факторіи въ Кантонѣ и этимъ поддержалъ энергію своихъ согражданъ, разсчитывавшихъ на его вмѣшательство. „Понятно,—объяснялъ Маколей въ палатѣ,—что они съ довѣріемъ смотрѣли на побѣдоносное знамя, видъ котораго напоминалъ о принадлежности ихъ къ націи, не знающей пораженія, подчиненія и позора,—къ націи, распространившей славу своихъ подвиговъ во всѣхъ частяхъ свѣта" и т. п. Гладстонъ отвѣчалъ въ томъ же возвышенномъ тонѣ, но высказалъ нѣчто совершенно другое по существу: „Почему видъ этого знамени всегда воодушевлялъ мужество англичанъ? Потому что знамя это всегда представляло собою интересы справедливости, защиту отъ угнетенія, уваженіе къ правамъ народовъ, охрану честныхъ торговыхъ предпріятій, но въ данномъ случаѣ оно было поднято для оказанія покровительства постыдному контрабандному торгу. Еслибы и впредь не должно было быть иначе, чѣмъ теперь на берегахъ Китая, то англичане съ ужасомъ отвернулись бы отъ этого знамени

и никогда больше не чувствовали бы патріотическаго волненія при видѣ развѣвающагося національнаго флага!"

Такъ говорилъ Гладстонъ въ 1840 году, и хотя онъ числился тогда въ рядахъ торіевъ, онъ былъ, очевидно, тѣмъ же самымъ, какимъ мы его знаемъ теперь. Его тогдашнія убѣжденія, высказанныя прямо и безбоязненно въ укоръ шаблонному патріотизму, повторяются во всѣхъ позднѣйшихъ его рѣчахъ и брошюрахъ по внѣшней и внутренней политикѣ, — въ его взглядахъ на восточный вопросъ и на отношенія Англіи къ Турціи, въ его заступничествѣ за болгаръ, грековъ и армянъ, въ его рѣзкомъ осужденіи турецкаго варварства, столь выгоднаго для британскихъ интересовъ, въ его знаменитомъ протестѣ противъ занятія Босніи австрійцами („Hands off!"—руки прочь!) и, наконецъ, въ его заключительныхъ настойчивыхъ усиліяхъ доставить автономію Ирландіи, не обращая вниманія на шумные вопли объ опасностяхъ распаденія государственнаго единства имперіи.

По всему складу своего ума и характера, по всѣмъ своимъ политическимъ понятіямъ и идеямъ, Гладстонъ представлялъ прямую противоположность Дизраэли, въ которомъ встрѣтилъ опаснаго соперника въ парламентѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ. А между тѣмъ оба они принадлежали номинально къ одной и той же партіи торіевъ. Дизраэли былъ поклонникъ внѣшняго блеска и успѣха, остроумный и безпринципный скептикъ, возводившій политику на степень изящнаго искусства, талантливый ораторъ и писатель, предпріимчивый и рѣзкій, не всегда разборчивый въ средствахъ;—такая натура должна была возбуждать инстинктивное недовѣріе и вражду Гладстона, и антагонизмъ обоихъ дѣятелей коренился глубже, чѣмъ въ простыхъ партійныхъ разногласіяхъ. Это были представители двухъ различныхъ міросозерцаній, двухъ непримиримыхъ между собою политическихъ системъ. И надо сказать, что система, которой слѣдовалъ Дизраэли, почти безраздѣльно владѣла умами какъ въ консервативномъ, такъ и въ либеральномъ лагерѣ, въ ту эпоху, когда выдвинулся Гладстонъ. Въ 1850 году англійское правительство, руководимое лордомъ Пальмерстономъ, совершило актъ грубаго насилія относительно Греціи, для защиты денежныхъ претензій одного англійскаго подданнаго, еврея Пачифико. Англія едва не впуталась въ европейскую войну изъ-за ничтожнаго денежнаго спора, который легко могъ быть улаженъ болѣе мирными и достойными средствами. Лордъ Пальмерстонъ доказывалъ свою правоту въ длинной высокопарной рѣчи, продолжавшейся цѣлыхъ пять часовъ; и когда онъ закончилъ возгласомъ, что англійскій гражданинъ долженъ во всѣхъ краяхъ міра чувствовать себя подобно гражданину древняго Рима, считавшему достаточною охраною для себя заявленіе: „civis Romanus sum",—то вся па-

лата, какъ одинъ человѣкъ, восторженно рукоплескала министру, безъ различія партій. Консервативная оппозиція, съ Робертомъ Пилемъ во главѣ, одобряла гордыя слова Пальмерстона, хотя и вотировала противъ его политики. Но Гладстонъ возсталъ противъ рѣчи министра во имя правды и справедливости. „Чѣмъ же былъ,—воскликнулъ онъ,—гражданинъ древняго Рима? Это былъ членъ привилегированной касты, представитель націи завоевателей, державшей всѣ другіе народы подъ своимъ владычествомъ. Для него нужны были исключительные законы; за нимъ должны были признаваться и ему были обезпечены особыя права, въ которыхъ отказывалось остальному міру. Неужели такъ слѣдуетъ понимать и отношенія Англіи къ другимъ странамъ?“ Дизраэли въ этомъ случаѣ вполнѣ понималъ и цѣнилъ Пальмерстона, умѣвшаго такъ ловко играть на струнахъ національнаго самолюбія и тщеславія. Громадному большинству публики были болѣе доступны побужденія и мотивы поверхностнаго, фальшиваго патріотизма, чѣмъ отвлеченныя идеи о правѣ и справедливости. Дизраэли, искавшій славы и успѣха, пошелъ на право и сдѣлался фактическимъ главою консервативной партіи; Гладстонъ, съ его „либеральнымъ доктринерствомъ“, постепенно примыкалъ къ наиболѣе прогрессивной фракціи прежнихъ виговъ. Къ началу шестидесятыхъ годовъ, послѣ долгихъ колебаній и перемѣнъ въ распредѣленіи парламентскихъ группъ, установилось нѣкоторое равновѣсіе между партіями, и Гладстонъ окончательно порвалъ свои связи съ торіями. Съ тѣхъ поръ имя его неразрывно связано со всѣми важнѣйшими реформами внутренняго политическаго быта и законодательства Англіи, при чемъ консерваторы нерѣдко сами выполняли либеральную програму для предупрежденія министерскихъ кризисовъ. Съ 1866 года Гладстонъ былъ уже общепризнаннымъ вождемъ либеральной партіи въ парламентѣ и въ странѣ, а три года спустя онъ впервые сталъ во главѣ правительства. Борьба между Дизраэли и Гладстономъ велась непрерывно и давала поводъ къ блестящимъ ораторскимъ турнирамъ; управленіе дѣлами переходило отъ одного къ другому, смотря по результатамъ парламентскихъ выборовъ, отражавшихъ собою общественное настроеніе націи. Когда оживлялся спросъ на активную и эффектную внѣшнюю политику, то на первый планъ выдвигалась фигура Дизраэли-Биконсфильда; а когда усиливались требованія внутреннихъ преобразованій и улучшеній, то наступала очередь власти Гладстона.

Мы не имѣемъ, конечно, въ виду дать здѣсь полную оцѣнку политической дѣятельности Гладстона, такъ какъ для этого потребовался бы особый и обширный этюдъ; напомнимъ только объ одной наименѣе извѣстной у насъ сторонѣ его необыкновенно долгой тру-

довой жизни. Гладстонъ, какъ писатель и ученый, пользовался почетнымъ именемъ въ литературѣ уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ; его изслѣдованія о Гомерѣ принадлежатъ къ числу лучшихъ работъ по изученію классической древности. Кромѣ шести трактатовъ о Гомерѣ, онъ напечаталъ безчисленное множество большихъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ часть была собрана въ изданіи 1879 года, въ семи томахъ (Gleaning of past years, 1843—1879, VII vol.); сверхъ того, въ разное время появилось больше *двухсотъ* брошюръ его по разнымъ вопросамъ (двѣсти двадцать-девять, по точному счету одного англійскаго библіофила), и многія изъ этихъ брошюръ, какъ, напр., о неаполитанскихъ тюрьмахъ (въ 1851 году), о ватиканскихъ декретахъ, о турецкихъ звѣрствахъ въ Болгаріи и др., сохранили за собою значеніе историческихъ событій. Если къ этому внушительному литературному багажу прибавить еще огромную массу парламентскихъ и внѣ-парламентскихъ рѣчей, то получится итогъ просто поразительный. Трудно повѣрить, чтобы все это было дѣломъ одного человѣка и притомъ такого, который, по своему оффиціальному положенію вождя партіи, обязанъ былъ значительную часть своего времени отдавать публикѣ. И Гладстонъ всегда находилъ еще время для физическихъ упражненій, для регулярныхъ ежедневныхъ прогулокъ, для путешествій и отдыха. Наконецъ, на 84-мъ году жизни, до самаго дня своего отреченія, онъ блистательно и авторитетно исполняетъ еще функціи перваго министра, руководителя большинства и перваго парламентскаго бойца въ палатѣ общинъ.

Такая личность заслуживаетъ изученія, какъ великій примѣръ и образецъ для новыхъ поколѣній. Источникъ внутренней силы, сохранявшей свѣжесть и бодрость Гладстона, заключается въ его нравственномъ чувствѣ, въ его непоколебимомъ идеализмѣ, чуждомъ колебаній и сомнѣній. Эта внутренняя духовная сила держала его высоко надъ уровнемъ житейскихъ заботъ и интересовъ, дѣйствующихъ столь разслабляющимъ образомъ на умы и характеры; а полная матеріальная обезпеченность и счастливыя семейныя условія, при безукоризненной чистотѣ всего образа жизни и поведенія, давали ему то спокойное душевное состояніе, которое не измѣняло ему въ періоды самыхъ трудныхъ политическихъ кризисовъ, въ періоды горячей борьбы, побѣдъ и неудачъ.

Наканунѣ своей формальной отставки, 1-го марта (нов. ст.), Гладстонъ произнесъ еще замѣчательную рѣчь въ палатѣ общинъ, по поводу сдѣланныхъ лордами вторичныхъ поправокъ въ принятомъ общинами биллѣ о мѣстномъ самоуправленіи. Чтобы спасти плоды долгой и сложной парламентской работы, посвященной этому биллю, „великій старецъ“ рѣшился принять сдѣланныя поправки, но моти-

вировалъ свое рѣшеніе краснорѣчивымъ и угрожающимъ протестомъ противъ палаты лордовъ. Гладстонъ далъ понять, что сами лорды заставляютъ возбудить вопросъ о правѣ ихъ на дальнѣйшее сохраненіе устарѣлыхъ политическихъ привилегій, противорѣчащихъ духу времени и потребностямъ разумнаго національнаго законодательства; онъ прибавилъ только, что сама нація должна разрѣшить этотъ важный конституціонный споръ посредствомъ парламентскихъ выборовъ. Такимъ образомъ, уходя съ политической сцены, первый министръ указалъ своей партіи на главнѣйшую реформаторскую задачу ближайшей эпохи, и его вѣскія слова встрѣтили шумное одобреніе въ рядахъ большинства палаты. На слѣдующій день, въ пятницу, 2-го марта, онъ отправился къ королевѣ въ Виндзоръ, и англійское общество съ удивленіемъ узнало о совершившемся фактѣ, который всего менѣе ожидался тотчасъ послѣ грознаго нападенія на палату „наслѣдственныхъ законодателей". Въ то же время премьеромъ назначенъ былъ, по представленію Гладстона, министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Розбери (Rosebery, съ однимъ *r* въ концѣ, а не съ двумя, какъ пишутъ наши газеты),—одинъ изъ „наслѣдственныхъ законодателей" по рожденію, но просвѣщенный демократъ и прогрессистъ по духу.

Составъ новаго кабинета остался почти тотъ же, что и прежде,— если не считать удаленія Гладстона: предводителемъ (лидеромъ) палаты общинъ сдѣлался канцлеръ казначейства, сэръ Гаркортъ; министерство иностранныхъ дѣлъ перешло къ лорду Кимберлею, а министромъ по дѣламъ Индіи назначенъ Фоулеръ; Джонъ Морлей сохраняетъ постъ министра по дѣламъ Ирландіи, что свидѣтельствуетъ о неизмѣнной вѣрности правительства дѣлу ирландской автономіи.

Въ парламентѣ, отсрочившемъ 1-го марта свои засѣданія до 12-го числа, отставка Гладстона была предметомъ обсужденія въ первый же день по возобновленіи сессіи; особенное вниманіе обратила на себя сочувственная рѣчь маркиза Солсбери въ палатѣ лордовъ, отдавшая справедливость великимъ качествамъ и заслугамъ знаменитаго политическаго дѣятеля, несмотря на объявленную имъ войну верхней палатѣ. Графъ Розбери изложилъ свою программу сначала въ общемъ собраніи своей партіи, 12-го марта, а затѣмъ въ пространной и замѣчательной рѣчи, 17-го марта (нов. ст.) въ Эдинбургѣ. Новый премьеръ выражается болѣе просто и ясно, чѣмъ его престарѣлый учитель и предшественникъ; онъ говоритъ категорически о реформахъ, на которыя еще только намекалъ Гладстонъ, и, очевидно, лордъ Розбери не думаетъ останавливаться на полпути. По своему темпераменту, это человѣкъ дѣйствія, живой и предпріим-

чивый, новаторъ по натурѣ, и если его демократическія убѣжденія такъ прочны и тверды, какъ можно судить по его словамъ и какъ полагалъ, вѣроятно, самъ Гладстонъ, довѣрившій ему судьбу англійской прогрессивной партіи,—то въ близкомъ будущемъ намъ предстоитъ поучительное зрѣлище крупныхъ преобразованій и перемѣнъ, совершаемыхъ въ демократическомъ духѣ подъ руководствомъ виднаго представителя самой могущественной и богатой аристократіи въ мірѣ.

Англійская аристократія не слѣдуетъ примѣру высшихъ сословій другихъ странъ, гдѣ дворянство постоянно ждетъ поддержки и охраны отъ правительства и въ то же время считаетъ долгомъ относиться пренебрежительно къ интересамъ низшихъ классовъ; въ Англіи лучшіе и наиболѣе энергическіе защитники рабочихъ выходили изъ рядовъ аристократіи, какъ напримѣръ знаменитый иниціаторъ всего англійскаго фабричнаго законодательства, лордъ Ашлей, извѣстный позднѣе подъ именемъ графа Шефтсбюри. Передовые и дальновидные англійскіе дѣятели, принадлежащіе къ аристократическому кругу общества, давно уже понимаютъ и сознаютъ, что привилегированное положеніе создаетъ для нихъ великую отвѣтственность и серьезныя практическія задачи; они хорошо отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что реформы, не произведенныя сверху, будутъ неизбѣжно проведены снизу болѣе крутыми и рѣзкими способами, опасными для самаго существованія аристократіи и для всего традиціоннаго политическаго строя Англіи. Къ этому сознанію присоединяется естественный антагонизмъ землевладѣльческаго класса по отношенію къ промышленной фабрично-торговой буржуазіи, господствующей надъ массами рабочаго населенія. Оттого демократическій реформаторскій элементъ всегда игралъ нѣкоторую роль въ программахъ и воззрѣніяхъ торіевъ, такъ что союзъ аристократіи съ демократіею, олицетворяемый теперь лордомъ Розбери, не составляетъ чего-нибудь особенно новаго въ Англіи. Любопытно только слѣдить за проявленіями этого союза на практикѣ, такъ какъ теперь не могутъ уже долго откладываться назрѣвшіе общественно-политическіе и экономическіе вопросы, настоятельно требующіе почина и участія правительства и парламента. Съ переходомъ власти въ руки болѣе молодого и энергическаго министра, дѣло реформъ должно пойти быстрѣе; но кабинетъ располагаетъ еще слишкомъ незначительнымъ и шаткимъ большинствомъ въ палатѣ общинъ, чтобы имѣть возможность предпринять что-либо серьезное въ настоящее время. До общихъ парламентскихъ выборовъ политическое положеніе, вѣроятно, не измѣнится въ Англіи, и представители обѣихъ партій будутъ только собираться съ силами для предстоящей серьезной борьбы.

Давно уже сошедшій съ политической сцены вождь венгерскаго возстанія 1848—9 годовъ, Людвигъ-Кошутъ, скончался въ Италіи, 20 (8) марта, 82 лѣтъ отъ роду, и смерть его послужила поводомъ къ сильнымъ волненіямъ и безпорядкамъ въ столицѣ Венгріи, Пештѣ.

Бывшій диктаторъ былъ для большинства мадьяръ идеаломъ истиннаго патріота, и его имя было особенно популярно въ той части венгерскаго общества, которая сохраняетъ еще мечты о полной политической независимости отъ австрійской монархіи. Кошутъ остался до конца непримиримымъ врагомъ династіи Габсбурговъ, предпочитая жить въ изгнаніи, вдали отъ родины, вмѣсто того, чтобы признать двусмысленный дуалистическій режимъ, устроенный Деакомъ. Многіе изъ бывшихъ революціонеровъ занимали потомъ вліятельныя должности въ Венгріи и активно участвовали въ дѣлахъ своей страны; графъ Андраши, приговоренный нѣкогда къ смертной казни, сдѣлался руководящимъ министромъ Австріи,—но Кошутъ оставался непреклонно вѣрнымъ старому знамени, не поддаваясь никакимъ настойчивымъ призывамъ и просьбамъ своихъ многочисленныхъ приверженцевъ. Среди молодого поколѣнія мадьяръ оживились въ послѣдніе годы республиканскія тенденціи, подъ вліяніемъ имени и примѣра Кошута, и это глухое недовольство настоящимъ ярко выразилось въ неожиданныхъ волненіяхъ, вызванныхъ смертью знаменитаго венгерскаго патріота.

Политическая дѣятельность Кошута была столь же кратковременна, какъ и блестяща: онъ прошелъ какимъ-то метеоромъ на горизонтѣ австрійской и европейской исторіи, заставилъ въ свое время трепетать могущественный вѣнскій дворъ, поколебалъ основы австрійской монархіи, возбудилъ великія ожиданія и опасенія въ сосѣднихъ великихъ государствахъ, едва не сдѣлался причиною общей европейской войны и затѣмъ закатился куда-то вдаль, оставивъ послѣ себя только громкое имя и тревожныя воспоминанія. Кошутъ потерпѣлъ неудачу только потому, что вмѣшалась Россія и спасла погибавшую тогда австрійскую имперію цѣною русской крови. Никакіе русскіе интересы не требовали этого самоотверженнаго спасенія и возстановленія Австріи русскими войсками, и тогдашняя наша политика была, конечно, глубоко ошибочною. Но нельзя послѣ этого удивляться тѣмъ чувствамъ вражды и ненависти, которыя понынѣ питаютъ къ намъ мадьяры за пораженіе Венгріи въ 1849 году. Эти чувства должны были съ наибольшею силою овладѣть Кошутомъ, изъ рукъ котораго вырвано было дѣло національнаго возрожденія и національной независимости, благодаря вмѣшательству Россіи. Извѣстно, какъ потомъ Австрія удивила міръ своею неблагодарностью, и какъ

у насъ наивно негодовали по поводу того, что естественный политическій антагонизмъ между Австріею и Россіею на востокѣ не исчезъ послѣ нашего „великодушнаго“ подвига.

Съ 1851 года Кошутъ велъ мирную жизнь эмигранта въ разныхъ странахъ Европы, преимущественно въ Англіи. Его первый пріѣздъ въ Лондонъ превратился въ тріумфальное шествіе, и ему дѣлались непрерывныя оваціи, присылались привѣтствія и адресы со всѣхъ концовъ британской территоріи. Такъ же восторженно встрѣчали его позднѣе въ Соединенныхъ Штатахъ. Послѣдующая жизнь его представляла мало интереса и проходила почти безслѣдно для политической судьбы его отечества.

ВСЕОБЩЕЕ ГОЛОСОВАНІЕ И РУСИНЫ ВЪ АВСТРІИ.

Характерными явленіями въ современной политической жизни австрійской имперіи представляются въ Цислейтаніи—движеніе въ пользу расширенія избирательнаго права до поголовной подачи голосовъ, а въ Транслейтаніи—требованіе не-венгерскихъ народовъ признанія ихъ національныхъ правъ. По всей вѣроятности, оба движенія сольются въ одно. Нынѣшняя цензовая система выборовъ въ Транслейтаніи даетъ искусственное преобладаніе элементу болѣе богатому, венграмъ. Въ Цислейтаніи же, хотя различныя народности и не такъ притѣснены, но теперешняя избирательная система — трехклассная (крупные землевладѣльцы, города и сельскія общины) съ двойнымъ избирательствомъ для селянъ и съ особенно хитрымъ распредѣленіемъ числа голосовъ по классамъ и провинціямъ —вовсе не имѣетъ цѣлью дать равноправное представительство разнымъ общественнымъ элементамъ, даже соотвѣтственно количеству платимыхъ ими податей, какъ это объявлялось при составленіи нынѣшняго избирательнаго закона. Въ западныхъ провинціяхъ Цислейтаніи этотъ законъ благопріятствуетъ нѣмцамъ, въ Галиціи—полякамъ, и вездѣ—феодальной аристократіи; составленъ онъ точно нарочито такъ, чтобъ и при парламентскомъ правленіи перевѣсъ въ государствѣ остался въ сущности за бюрократіей, какъ и во времена абсолютизма, только въ другихъ формахъ. И дѣйствительно, различные общественные и національные элементы, не имѣя естественнаго представительства ни въ провинціальныхъ сеймахъ, ни въ державной думѣ, только нейтрализируютъ другъ друга и не въ состояніи даже составить парламентскаго большинства, такъ что вотъ уже больше 15 лѣтъ въ Цислейтаніи правитъ „надпарламентское" министерство гр. Таафе, стоящее „надъ партіями", какъ говоритъ его шефъ, и кое-какъ составляющее себѣ чуть не въ каждую сессію новое подобіе большинства.

Мало-по-малу противоестественность такого порядка вещей раскрылась передъ значительною частію австрійскаго населенія, и многіе пришли къ убѣжденію, что выходъ изъ него можетъ быть только въ установленіи поголовнаго избирательнаго права. Изъ теперешнихъ политическихъ партій въ вѣнскомъ парламентѣ рѣшительно заявили себя въ пользу такой реформы нѣмецкіе демократы и младочехи. Вообще славянамъ эта реформа можетъ быть только выгодна, но словинцы и далматинцы еще боятся пристать къ агитаціи въ ея

пользу, чтобъ не стать въ оппозицію съ правительствомъ, отъ котораго они получаютъ по временамъ и еще надѣются получить уступки „надпарламентскимъ" способомъ,—поляки же, т.-е. шляхетское большинство польскихъ политиковъ, не желаютъ выпускать изъ своихъ рукъ политической власти въ своемъ краѣ и своего преобладанія надъ русинами, почти исключительно селянами, а эта власть и это преобладаніе вполнѣ обезпечиваются теперешней избирательною системой, которая вдобавокъ, имѣя послѣдствіемъ отсутствіе въ вѣнскомъ парламентѣ твердаго большинства, даетъ польскимъ депутатамъ значеніе рѣшителей судебъ, смотря по тому, на чью сторону они станутъ.

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ Австріи нѣтъ другого, болѣе обиженнаго теперешнимъ порядкомъ, въ томъ числѣ и избирательнымъ закономъ, какъ русины, такъ какъ они осуждены оставаться въ меньшинствѣ даже и въ галицкомъ сеймѣ, даже и тогда, еслибы выборы производились безъ всякаго вмѣшательства полиціи, находящейся въ рукахъ поляковъ. Судя по этому, слѣдовало бы ожидать, что движеніе въ пользу поголовной подачи голосовъ встрѣтитъ себѣ энергическую поддержку со стороны русинскихъ политиковъ. Но на дѣлѣ это далеко не такъ. Мало развитые политически вожди русиновъ, члены старой партіи, или такъ-называемой москвофильской, и „молодшей", такъ называемой украинофильской, или передовой, держатся вообще консервативныхъ идей и предпочитаютъ политику скромнаго услуживанія существующимъ министерствамъ—смѣлымъ пробамъ опереться на свой народъ, пробудивъ въ немъ политическое и соціальное самосознаніе.

Но въ недавнее время формально образовалась въ Галиціи „русско-украинская радикальная партія"; она рѣшительно отдѣлилась отъ передовцевъ, въ сущности потерявшихъ право на это названіе и передавшихъ это право радикаламъ, особенно послѣ пробы „угоды", или соглашенія съ польскими магнатско-клерикальными кругами въ 1890 г. Радикалы сдѣлали изъ агитаціи въ пользу всеобщаго и тайнаго голосованія главное свое политическое дѣло на настоящее время. Съ этою цѣлію въ восточной (русской) Галиціи они собирали нѣсколько митинговъ и распространяли для подписей проекты петицій въ сеймъ и парламентъ о такой реформѣ. Прошедшимъ лѣтомъ съ этою цѣлью образовано въ Коломіи,—центрѣ края, называемаго Покутіемъ, гдѣ радикализмъ болѣе пустилъ корни въ сельскомъ населеніи и гдѣ выходитъ два радикальныхъ органа, „*Народъ*" (для интеллигенціи) и „*Хлібороб*" (для крестьянъ и мѣщанъ)—образовалось специальное политическое общество для агитаціи въ пользу вышеозначенной политической реформы. Статутъ этого общества, „*Народна Воля*" (свобода), утвержденъ правительствомъ 17-го іюня 1893 года.

Главные параграфы этого статута—1-й и 2-й. Они опредѣляютъ цѣль и средства общества.

„Цѣль общества,—читаемъ въ статутѣ,—есть спеціально-политическое образованіе возможно болѣе широкихъ круговъ русскаго народа въ Галиціи, а прежде всего въ уѣздахъ покутскихъ: коломійскомъ, снятинскомъ, косовскомъ, городенскомъ и т. д.; оборона правъ гражданскихъ и стараніе всякими законными средствами о расширеніи этихъ правъ въ радикально-демократическомъ направленіи, а особенно введеніе всеобщаго, непосредственнаго и тайнаго голосованія при выборахъ во всѣ представительныя учрежденія.

„Для достиженія этой цѣли служатъ обществу слѣдующія средства:

а) Собраніе членовъ общества для обсужденія дѣлъ политическихъ, культурныхъ и экономическихъ и постановленіе на этихъ собраніяхъ соотвѣтственныхъ резолюцій. Собранія эти могутъ отбываться въ каждой мѣстности въ Галиціи.

б) Публичные, равно доступные для членовъ и не-членовъ общества, митинги (*вѣча*), которые тоже могутъ отбываться въ каждой мѣстности въ Галиціи.

в) Публичныя, общедоступныя для членовъ и не-членовъ, чтенія, производимыя членами общества или лицами, нарочито съ этой цѣлью приглашенными, а также вечера и содержаніе читаленъ и библіотекъ.

г) Изданіе газетъ, воззваній, книгъ и всякихъ брошюръ, а также поддержка такихъ изданій.

д) Законное вліяніе на выборы въ представительныя учрежденія государственныя, областныя, уѣздныя и общинныя.

е) Высылка петицій, адресовъ, мемуаровъ и депутацій".

(Переведено съ малорусскаго.)

Статутъ этотъ подписанъ пятью лицами, изъ которыхъ два адвоката, одинъ журналистъ и двое крестьянъ. 30-го іюля было первое, учредительное, собраніе общества, на которомъ присутствовало 250 лицъ, почти исключительно крестьянъ. Въ число членовъ вписалось 200 лицъ, изъ которыхъ 160 тотчасъ внесли членскій взносъ: по 20 крейцеровъ. Тогда же выбранъ былъ распорядительный комитетъ общества изъ 8 лицъ, между которыми одинъ адвокатъ (докторъ правъ Даниловичъ), одинъ адвокатскій помощникъ, одинъ предсѣдатель торговой ассоціаціи кустарной промышленности карпатскихъ горцевъ (Гуцульска Спілка), одинъ журналистъ (редакторъ „Народа" и „Хлібороба", М. Павликъ) и четверо крестьянъ. „Головкою" общества избранъ докторъ философіи (по славянской филологіи) Ив. Франко, извѣстный галицкорусскій поэтъ и беллетристъ.

Агитація среди самихъ лицъ галицкорусскаго народа въ пользу всеобщаго избирательнаго права заставляетъ уже считаться съ собою

и политиковъ старыхъ галицкорусскихъ партій. „Москвофилы", поставленные вышеупомянутою „угодою" 1890 г. въ оппозиціонное положеніе, начинаютъ обращаться сочувственно къ этой агитаціи, хотя со свойственными имъ колебаніями и стремленіями. Такъ, сеймовый депутатъ докт. Антоновичъ не рѣшился явиться ни на одно русское вѣче, созванное радикалами, но появился на вѣчѣ, созванномъ въ Перемышлѣ польскими прогрессистами и произнесъ тамъ рѣчь въ пользу всеобщаго голосованія, по-польски, хотя тамъ же одинъ крестьянинъ русинъ, радикалъ, говорилъ по-русски. Старые украинофилы, связавши себя „угодой" съ польскою магнатско-клерикальною партіей, должны были высказываться отрицательно по отношенію къ всеобщему голосованію. Но въ прошломъ году выяснилось, что польскіе политики въ сущности очень неохотно идутъ на уступки русинамъ даже въ формально-національныхъ пунктахъ, а въ то же время массовое стремленіе къ эмиграціи крестьянъ въ Россію открыло всю соціальную бездну, какая раздѣляетъ галицкорусскій народъ и польскую шляхту, „угода" сильно поколебалась, и теперь старо-украинофильскіе политики выступили съ своимъ, хотя менѣе радикальнымъ, проектомъ избирательной реформы. По этому проекту число депутатовъ отъ селянъ Галиціи должно было бы быть увеличено, и выборы отъ нихъ должны бы были сдѣлаться прямыми, а не двойными. Само собою разумѣется, что проектъ этотъ былъ отвергнутъ польскимъ большинствомъ галицкаго сейма даже безъ обсужденій и послужилъ только для удостовѣренія невозможности соглашенія между галицкорусской демократіей и польской шляхтой. Старо-украинофильскіе политики никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ пользу своего проекта реформы не предпринимаютъ, тѣмъ болѣе, что часть изъ нихъ, представляемая журналомъ „Правда", занялась новой „угодой", —реформой галицко-русской уніатской церкви въ пріятномъ для польскихъ магнатовъ-клерикаловъ ультрамонтанскомъ направленіи. Но среди младшихъ галицкихъ украинофиловъ, особенно въ провинціи, развивается сочувствіе къ производимой радикалами агитаціи въ пользу всеобщаго голосованія, а потому можно надѣяться, что агитація эта будетъ расширяться, тѣмъ болѣе, что движеніе въ пользу этой реформы въ западныхъ провинціяхъ Австріи становится все болѣе энергическимъ. Благополучное окончаніе подобнаго же движенія въ Бельгіи придастъ силы и австрійской демократіи.

Для славянъ и въ частности для русиновъ австрійскихъ реформа избирательная въ демократическомъ духѣ будетъ имѣть рѣшительное значеніе, такъ какъ она впервые поставитъ каждую славянскую національность на собственныя ноги и дастъ ей такое представи-

тельство въ совѣтахъ общинныхъ и уѣздныхъ, въ сеймахъ областныхъ и въ державной думѣ, какое ей надлежитъ, по ея численности. Поставивши же каждую славянскую народность Австріи въ возможность самой вѣдать свои дѣла, избирательная реформа австрійская будетъ имѣть вліяніе и на постановку славянскихъ теорій не въ одной Австріи. Реформа эта заставитъ каждое славянское племя заниматься своими дѣлами дома, не развлекаясь ни надеждами на помощь извнѣ, ни опытами благотворительности за границей.

Р. Яр.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля 1894.

— Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ третій (1704—1705). Спб., 1893.

Первая мысль объ этомъ изданіи восходитъ къ 1872 году, когда праздновался двухсотлѣтній юбилей рожденія Петра Великаго. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, представляя императору Александру II нѣкоторыя изданія, вышедшія по поводу этого юбилея, высказалъ мысль, что „было бы вполнѣ достойно торжественнаго дня, празднуемаго Россіею, и весьма важно для вѣрной и безпристрастной оцѣнки личности и многосторонней дѣятельности Петра Великаго приступить къ изданію такого собранія его писемъ и бумагъ, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера Монарха, посвятившаго всю жизнь возвеличенію горячо любимой имъ Россіи". Эта мысль удостоилась Высочайшаго одобренія и въ декабрѣ того же года образована была, подъ предсѣдательствомъ гр. Д. А. Толстого, коммиссія изъ нѣсколькихъ профессоровъ русской исторіи и археографовъ для собранія матеріаловъ къ этому изданію. Предстоялъ чрезвычайно обширный трудъ. Должно было принять мѣры къ собранію писемъ и бумагъ Петра Великаго, разсѣянныхъ во множествѣ архивовъ русскихъ и иностранныхъ и въ рукахъ частныхъ лицъ, и большею частью не приведенныхъ въ извѣстность. Еще до образованія коммиссіи министръ народнаго просвѣщенія вошелъ въ сношенія съ министрами и главноуправляющими, а также съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода о доставленіи ими свѣдѣній—не находятся ли въ подчиненныхъ имъ архивахъ искомые документы; министерство иностранныхъ дѣлъ поручало дипломатическимъ агентамъ при иностранныхъ дворахъ собрать подобныя свѣдѣнія относительно архивовъ иностранныхъ; наконецъ напечатанъ былъ вызовъ къ частнымъ лицамъ съ приглашеніемъ доставить въ

коммиссію находящіеся въ ихъ рукахъ документы. Затѣмъ самой коммиссіи предстояло выработать програму предположеннаго изданія. Програмна была опредѣлена очень широко, съ тѣмъ, чтобы собрать по возможности все, въ чемъ выразилось личное участіе Петра въ многоразличныхъ дѣлахъ его времени, а именно не только его собственныя письма, указы, инструкціи, учебныя тетради, замѣтки для памяти, черновые наброски, но и всѣ тѣ оффиціальныя бумаги, въ составленіи которыхъ онъ принималъ большее или меньшее личное участіе, узаконенія, въ которыхъ встрѣчаются сдѣланныя имъ поправки, наконецъ исправленныя имъ реляціи и переводы разныхъ сочиненій. Должны были быть также собраны документы, уже нашедшіе мѣсто въ печати. Отъ министерствъ получены были извѣщенія, что по недостатку спеціалистовъ, способныхъ исполнить желаемыя работы, онѣ не могли удовлетворить желаніямъ коммиссіи,— а потому члены ея сами предприняли осмотръ различныхъ архивовъ и извлеченіе документовъ; разными лицами доставлено было много бумагъ изъ архивовъ и собраній провинціальныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ собрано было не мало бумагъ и архивовъ иностранныхъ. Исполненіе дѣла замедлялось часто внѣшними затрудненіями. „Трудность найти лицъ, умѣющихъ правильно читать связный и неразборчивый почеркъ Петра Великаго, а также ограниченность времени, которое могли посвящать члены коммиссіи, обязанные службою, на повѣрку переписаннаго чрезвычайно замедляли ходъ работъ. Но, несмотря на эти неблагопріятныя обстоятельства, графъ Толстой уже могъ 22-го февраля 1875 года доложить Государю Императору, что въ коммиссіи имѣется болѣе 4.000 списанныхъ писемъ Петра Великаго и разныхъ бумагъ его руки". Въ 1876 году коммиссія установила правила, которыя должны были соблюдаться при изданіи документовъ; наконецъ начато было само изданіе. Предпріятіе было столь многосложно, что первый томъ вышелъ только въ 1887 году, начавшись документами 1688 года. Теперь передъ нами третій томъ этого изданія, обнимающій два года изъ жизни и исторіи Петра Великаго. Это огромный томъ (болѣе 1.000 страницъ), гдѣ письма Петра и другіе документы занимаютъ только половину книги; другая половина занята обширными примѣчаніями, указывающими нахожденіе каждаго документа и объясняющими его содержаніе, и указателемъ—именнымъ, географическимъ и реальнымъ; кромѣ того въ началѣ тома помѣщено еще два указателя, а именно: хронологическій списокъ писемъ и бумагъ Петра, изданныхъ въ этомъ томѣ, и списокъ писемъ разныхъ лицъ къ Петру, помѣщенныхъ въ примѣчаніяхъ.

Таково это обширное предпріятіе, которое дѣйствительно можетъ

быть достойно великаго историческаго юбилея. Литература представляетъ уже не мало матеріаловъ и опытовъ изученія эпохи Петра Великаго, — быть можетъ, однако меньше, чѣмъ надо было бы желать по ея историческому значенію, которое до сихъ поръ, какъ извѣстно, остается спорнымъ пунктомъ между двумя противоположными точками зрѣнія. Недостатокъ изученія, между прочимъ, долженъ объясняться тѣмъ, что для него необходимы изысканія архивныя, которыя въ прежнее время бывали доступны только въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ и облегчены только въ недавнее время. Въ числѣ первыхъ документовъ, необходимыхъ историку Петра Великаго, являются, безъ сомнѣнія, тѣ, которые принадлежатъ ему самому или составлены при его личномъ, болѣе или менѣе близкомъ участіи: отсюда понятна великая услуга, которую оказываетъ изданіе его писемъ и бумагъ для историческаго изученія его эпохи.

Изданіе документовъ исполняется со всею возможною точностію и, напримѣръ, съ соблюденіемъ въ документахъ Петра той своеобразной орѳографіи, какой онъ держался; документы обставлены, какъ мы видѣли, необходимыми объясненіями, которыя при каждомъ случаѣ вводятъ въ обстоятельства ихъ содержанія, и подробный указатель даетъ возможность осмотрѣться въ массѣ подробностей.

Съ самаго начала веденіе дѣлъ коммиссіи поручено было академику А. Ѳ. Бычкову; имъ были изданы и вышедшіе донынѣ томы этого изданія. Къ сожалѣнію, какъ было указано въ предисловіи перваго тома, болѣе быстрое исполненіе изданія встрѣчало затрудненія въ томъ, что члены коммиссіи могли отдавать дѣлу только время, свободное отъ другихъ занятій; но въ томъ же предисловіи замѣчено было, что уже тогда былъ болѣе или менѣе приготовленъ богатый матеріалъ для дальнѣйшихъ томовъ изданія. „Нѣтъ сомнѣнія,—говорилось тамъ,—что когда собраніе писемъ и бумагъ Петра Великаго будетъ довершено, образъ великаго монарха предстанетъ передъ безпристрастнымъ потомствомъ въ полномъ величіи".

— Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 году. Записали: слова—Ѳ. М. Истоминъ, напѣвы—Г. О. Дютшъ. Издано Импер. Р. Географическимъ Обществомъ на средства Высочайше дарованныя. Спб. 1894.

Эта книга представляетъ повидимому начало предпріятія, которое обѣщаетъ въ будущемъ богатыя пріобрѣтенія для русской этнографіи. Первая мысль о томъ планѣ, исполненіемъ котораго является настоящій сборникъ гг. Истомина и Дютша, восходитъ къ 1884 г.,

когда при этнографическомъ отдѣленіи Географическаго Общества, по предложенію Т. И. Филиппова и покойнаго С. Я. Капустина, учреждена была коммиссія, которая, руководясь сознаніемъ необходимости сохранить для искусства и науки уцѣлѣвшіе среди русскаго народа остатки быстро исчезающихъ памятниковъ русской народной поэзіи, выработала планъ экспедиціи для собиранія русскихъ народныхъ пѣсенъ съ напѣвами. На первый разъ предположено было направить экспедицію въ сѣверныя губерніи и исполненіе труда поручено было по части текста г. Истомину, а относительно напѣвовъ—Дютшу (послѣ умершему). Экспедиція въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1886 года совершила поѣздку по городамъ, селамъ и глухимъ деревнямъ губерній олонецкой, архангельской и частью вологодской, и результатомъ трудовъ ея является настоящее изданіе.

Исполнители экспедиціи въ свое время (въ декабрѣ 1886 года) представили отчетъ о своихъ работахъ въ общемъ собраніи Географическаго Общества и сообщенныя въ немъ свѣденія приведены въ предисловіи къ книгѣ. „Цѣль экспедиціи,—говоритъ г. Истоминъ,—собираніе чисто-русскихъ народныхъ пѣсенъ съ напѣвами; вслѣдствіе этого, при составленіи плана пути по сѣвернымъ окраиннымъ губерніямъ Россіи, изобилующимъ инородцами, необходимо было руководиться тѣмъ соображеніемъ, чтобы экспедиція пересѣкла названныя губерніи въ мѣстахъ, представляющихъ собою сплошное русское населеніе и населеніе съ преобладающимъ русскимъ большинствомъ. Принимая въ разсчетъ необходимость пересѣчь сѣверныя губерніи по возможности изъ края въ край, я, при составленіи плана пути, руководился какъ личнымъ знакомствомъ съ нѣкоторыми частями края, такъ и данными историческаго характера, при чемъ имѣлъ въ виду пути русской колонизаціи на сѣверѣ, и данными статистическими, указывающими на современный составъ населенія тѣхъ мѣстностей.

„Наименьшая доступность губерній олонецкой и архангельской, сравнительно съ вологодской, послужила основаніемъ для того, чтобы начать объѣздъ съ губерніи олонецкой".

О способѣ собиранія пѣсенъ г. Истоминъ говоритъ:

„Лучшимъ способомъ собиранія пѣсенъ нужно признать тотъ, которымъ пользовались наши прежніе собиратели, то-есть путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго ознакомленія съ народомъ извлекать изъ него то, что̀ заслуживаетъ вниманія собирателя и притомъ исподволь, не дѣлая изъ этого пѣнія по заказу. Но такой способъ примѣнимъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда собиратель не ограниченъ ни мѣстомъ, ни временемъ, или же когда время дѣятельности является весьма значительнымъ и вполнѣ достаточнымъ

для примѣненія такого способа по отношенію къ изслѣдуемому пространству. При иныхъ совершенно условіяхъ пришлось дѣйствовать нашей экспедиціи; свой обширный объѣздъ она должна была выполнить менѣе чѣмъ въ три мѣсяца". Остановки экспедиціи могли быть только короткія; поэтому наши собиратели поступали иначе: они прямо обращались къ наличной сельской власти (обыкновенно уже имѣвшей извѣстіе о ихъ прибытіи) и, объяснивъ свое дѣло, просили просто зазвать, пригласить къ себѣ тѣхъ крестьянъ и крестьянокъ, которые лучше знали пѣсни. Это, конечно, не обходилось безъ затрудненій, но въ концѣ концовъ простое обхожденіе, иногда шутка устраняли недовѣрчивость и застѣнчивость и установлялись простыя отношенія, чтó было тѣмъ болѣе необходимо, что въ народѣ успѣвалъ уже распространиться слухъ о высокомъ происхожденіи ихъ порученія (потому что экспедиція совершалась на Высочайше дарованныя средства).

„Между тѣмъ, — продолжаетъ г. Истоминъ, — изба наполнялась народомъ. Ребята, подростки, бабы, мужики, старики и старухи плотными рядами, на почтительномъ отъ насъ разстояніи, стояли въ просторной избѣ, въ сѣняхъ, на лѣстницѣ, толпа же окружала избу и съ улицы; при всемъ этомъ соблюдалась полнѣйшая тишина. Наконецъ, раздавался нерѣшительный голосъ прикрывшейся платочкомъ дѣвушки, къ ней приставалъ другой и третій. За первой пѣсней, ободренныя похвалой, пѣвицы, уже совершенно освоившіяся, свободно и полно пѣли вторую, третью; свободное, настоящее пѣніе началось, тогда начиналась и наша работа".

Г. Истоминъ—опытный этнографъ. Знакомый хорошо съ нашимъ сѣверомъ раньше этой экспедиціи, онъ хорошо знакомъ и съ литературой предмета; въ качествѣ секретаря этнографическаго отдѣленія въ Географическомъ Обществѣ онъ постоянно вращается въ кругу вопросовъ науки,—понятно, что онъ не только записывалъ пѣсни, но наблюдалъ и цѣлое состояніе народной поэзіи въ изучаемомъ краѣ. Давно извѣстенъ фактъ ея упадка: нашъ изслѣдователь старался подмѣтить явленія этого упадка—какъ онъ отражается на степени сохранности того или другого рода пѣсенъ, какъ думаетъ объ этомъ самъ народъ и т. д. Чрезвычайно любопытно, напр., что въ сѣверномъ краѣ,—гдѣ, по общему мнѣнію и въ дѣйствительности, сохранилось все-таки гораздо больше пѣсенной старины, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, — обрядовыхъ пѣсенъ, пріуроченныхъ къ кругу сельскихъ праздниковъ, почти не встрѣчается. Это—явленіе столь всеобщее, что г. Истоминъ не рѣшается даже сказать, служитъ ли оно признакомъ современнаго упадка обрядовой пѣсни, или же должно быть признано явленіемъ исконнымъ. Несомнѣннымъ представляется

упадокъ пѣсни хороводной, кое-гдѣ сохранившейся, и съ тѣмъ вмѣстѣ упадокъ старой пляски, которая замѣняется упрощеннымъ топтаньемъ или же „кадрелью". Вообще старая пѣсня держится еще только между болѣе старыми людьми; молодежь относится къ ней съ пренебреженіемъ, особливо мужская. Больше поютъ старыхъ пѣсенъ женщины, но и въ ихъ средѣ народное творчество падаетъ: „въ составъ пѣсенъ, ими распѣваемыхъ, заносится различными путями пѣсня новаго образца, большею частію пошлая, иногда грубая или неприлично игривая".

Одинъ отдѣлъ обрядовыхъ пѣсенъ не поддался до сихъ поръ общему упадку—пѣсня свадебная. „Отличаясь, особенно въ архангельской губерніи, полнотою и разнообразіемъ формъ и содержанія, свадебная пѣсня, болѣе другихъ уцѣлѣвшая отъ соприкосновенія съ новыми нравами и вкусами, способна служить образцомъ исконнаго русскаго творчества. Тѣсно связанная съ свадебнымъ обрядомъ, освященнымъ церковью и ревниво оберегаемымъ стариками и старухами, которые съ неоспоримою властью вѣдаютъ свадебное дѣло и слѣдятъ за строгимъ выполненіемъ всѣхъ подробностей этого обряда,—свадебная пѣсня нашла себѣ въ этомъ твердую опору и до настоящаго времени успѣшно отстаиваетъ свою неприкосновенность".

Другая область народной поэзіи, сбереженная именно въ олонецкомъ краѣ, есть былинный эпосъ. Послѣ трудовъ Рыбникова и Гильфердинга г. Истоминъ нашелъ его исчерпаннымъ; но ему удалось тѣмъ не менѣе найти нѣсколько новыхъ варіантовъ былины и онъ могъ кромѣ того удостовѣриться, что въ болѣе молодомъ поколѣніи еще находятся любители этой старины и эта преемственность позволяетъ надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ нѣтъ основанія предвидѣть утрату этой поэзіи.

Когда по окончаніи экспедиціи исполнители ея представили свой отчетъ въ совѣтъ Географическаго Общества и въ коммиссію, труды г. Истомина и Дютша были встрѣчены съ живѣйшимъ сочувствіемъ и, между прочимъ, знатоки народной музыки нашли особенно цѣнными результаты этого путешествія и въ записанныхъ Дютшемъ напѣвахъ былинъ видѣли отголосокъ глубокой древности.

Приведеніе въ порядокъ собраннаго матеріала и приготовленіе его къ изданію, къ сожалѣнію, замедлились болѣзнью, а потомъ кончиной Дютша, которому не привелось увидѣть своего труда въ печати; изданіе завершено было подъ наблюденіемъ Т. И. Филиппова, трудами г. Истомина и въ музыкальной части С. М. Ляпунова.

Вообще результатъ экспедиціи надо признать чрезвычайно благопріятнымъ. Мы находимъ здѣсь образцы изъ различныхъ областей народной поэзіи: духовные стихи; былины (четырнадцать); свадебная

причеть (стихотворныя причитанія); свадебныя пѣсни; пѣсни хороводныя и плясовыя; протяжныя (любовныя, семейныя, рекрутскія и солдатскія, тюремныя)—всего записано было 183 пѣсни, а Дютшемъ почти столько же напѣвовъ. Въ концѣ книги помѣщены свѣденія о самомъ собраніи, указатель мѣстностей съ обозначеніемъ пѣвцовъ и пѣвицъ, пропѣвшихъ вошедшія въ сборникъ пѣсни, и съ алфавитнымъ спискомъ ихъ именъ; списокъ мѣстностей съ указаніемъ взаимныхъ разстояній и времени, когда пѣсни записывались; алфавитный указатель пѣсенъ и карта пути пѣсенной экспедиціи.

Мы сказали, что предпріятіе, исполненіемъ котораго является трудъ г. Истомина и Дютша, обѣщаетъ богатые результаты для нашей этнографіи. Въ 1893 году по тому же плану совершена была другая экспедиція въ губерніи вологодскую и пермскую и которой исполнителями были гг. Истоминъ и Ляпуновъ. Изъ отчета ихъ, читаннаго въ общемъ собраніи Географическаго Общества 10-го марта нынѣшняго года, можно было видѣть, что ими собрано было еще бо́льшее количество пѣсенъ (кромѣ былинъ) и напѣвовъ, которые составятъ новый сборникъ, и за достоинства его ручается компетентность обоихъ собирателей. Наконецъ, какъ мы слышали, предполагается третья экспедиція, которая направится въ среднія губерніи. Нельзя не пожелать наилучшаго успѣха этому предпріятію, которое является единственнымъ средствомъ болѣе или менѣе полнаго изученія современнаго состава народной поэзіи. Не мало было уже сдѣлано для собранія ея матеріала; бывали, между прочимъ, обширные и старательно исполненные мѣстные сборники, но для правильнаго изученія предмета необходимо было именно систематическое изслѣдованіе по всей территоріи русскаго народа. Большой потерей для „искусства и науки“ было то, что подобное изслѣдованіе не было произведено въ прежнее время, за нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, когда можно было спасти отъ забвенія очень многое, что́ теперь надо считать безвозвратно потеряннымъ; но русская наука движется медленно и въ то старое время подобное предпріятіе было ей не по силамъ; средства, какими она существуетъ, и теперь еще весьма ограничены и безъ сомнѣнія далеко не обнимаютъ той задачи, которая должна бы предстоять ей—для ея собственныхъ запросовъ, для цѣлей искусства и, наконецъ, для самого національнаго достоинства.

— Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга восьмая. Спб. 1894.

Неутомимый біографъ Погодина издалъ новую книгу своего труда, большой томъ (сверхъ 600 страницъ), обнимающій 1845 и 1846 годъ. По прежнему порядку, въ біографію вводится множество эпизодовъ

тогдашней общественной и литературной жизни, которые имѣли какое-либо отношеніе къ Погодину, или по поводу которыхъ онъ такъ или иначе высказывался. Поэтому передъ нами проходитъ цѣлая масса крупныхъ и мелкихъ событій, крупныхъ и мелкихъ лицъ того времени — цѣлая историческая хрестоматія, объединяемая вмѣшательствами Погодина, его отзывами, цитатами изъ его переписки, изъ писемъ къ нему и отъ него. Изложеніе восьмой книги начинается припоминаніемъ, что „26-го февраля 1845 года у Наслѣдника Русскаго Престола родился второй сынъ, нареченный Александромъ, волею Божіею нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ",—и текстомъ Высочайшаго манифеста, который былъ тогда прочитанъ въ каѳедральной церкви Чудова монастыря. Переходя затѣмъ къ Погодину, біографъ разсказываетъ, какъ съ начала этого года изданіе „Москвитянина" перешло не надолго въ руки славянофильскаго кружка, а именно И. В. Кирѣевскаго и его друзей. Уже вскорѣ, однако, между Кирѣевскимъ и Погодинымъ, который сохранилъ за собою положеніе издателя, произошли несогласія, кончившіяся тѣмъ, что Кирѣевскій оставилъ свое намѣреніе издавать „Москвитянинъ". Между прочимъ, Кирѣевскій жаловался на крайнюю неисправность конторы, завѣщанной ему Погодинымъ. Довольно забавно, что самъ Погодинъ въ это же время записываетъ въ своемъ дневникѣ:

„16-го марта (1845). Чтó мнѣ дѣлать съ конторой, вездѣ пропадаютъ деньги.

„5-го апрѣля. Въ контору, которая остается подъ Божіимъ управленіемъ.

„23-го мая. Въ контору, которая управляется Богомъ" (стр. 24).

Этотъ неожиданный способъ выраженія долженъ былъ, однако, указывать, что въ конторѣ не было никакого порядка. Біографъ приводитъ цитаты изъ ихъ переписки, изъ которыхъ видно, что Кирѣевскій не могъ вести дѣло при тѣхъ порядкахъ, съ которыми не задумываясь мирился Погодинъ. Кирѣевскій жалуется, Погодинъ отвѣчаетъ: „ты не знакомъ съ механизмомъ" и т. д.; Кирѣевскій возражаетъ: „Я не понимаю хорошо, любезный Михаилъ Петровичъ, чтó ты шутишь ли или смѣешься надо мной? Ты обѣщалъ помогать мнѣ въ скоромъ выходѣ книжки, а дѣятельность твоя ограничивается тѣмъ, чтобы слушать вранье наборщиковъ и читать мнѣ проповѣди" и т. д. Когда Кирѣевскій предпринималъ изданіе „Москвитянина", онъ руководился благочестивымъ желаніемъ „задавить петербургскихъ" (стр. 3), т.-е. „Отечественныя Записки" и кружокъ Бѣлинскаго, но этого не произошло, и Кирѣевскій, наконецъ, оставилъ редакцію „Москвитянина".

Затѣмъ проходитъ въ біографіи цѣлый рядъ тогдашнихъ событій въ общественной жизни и литературѣ, сопровождаемый отзывами Погодина: диспутъ Грановскаго; вступленіе И. С. Аксакова на литературное поприще; публичныя лекціи Шевырева; полемика Погодина съ Максимовичемъ о народной исторической поэзіи въ древней Руси, съ П. В. Кирѣевскимъ о древнѣйшей исторіи Россіи; похвальное слово Карамзину, произнесенное Погодинымъ при открытіи памятника въ Симбирскѣ, и т. д. Любопытныя подробности извлекаетъ біографъ изъ своего матеріала объ отношеніяхъ Погодина къ славянофиламъ въ эпоху появленія перваго „Московскаго Сборника", объ отношеніяхъ его къ Бодянскому и С. М. Соловьеву, который долженъ былъ замѣнить его на каѳедрѣ русской исторіи въ московскомъ университетѣ, и къ которому Погодинъ относился не весьма дружелюбно. Цѣлый рядъ главъ въ концѣ книги посвященъ отношеніямъ Погодина съ Гоголемъ, который въ это время издалъ свои „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями". Біографъ собираетъ изъ печатныхъ источниковъ и изъ переписки Погодина свидѣтельства о томъ впечатлѣніи, которое эта книга произвела въ свое время въ разныхъ литературныхъ кругахъ. Самъ біографъ принадлежитъ къ большимъ почитателямъ этой книги, съ негодованіемъ приводитъ письмо о ней Бѣлинскаго къ Гоголю, весьма укоризненно относится къ другимъ „западникамъ", которые осуждали книгу, какъ напр. И. С. Тургеневъ, соглашается съ новѣйшей апологіей книги (въ недавнихъ статьяхъ г. Матвѣева); но безпристрастіе побудило его привести и негодующіе отзывы противъ этой книги изъ круга самихъ друзей Гоголя, какъ С. Т. и К. С. Аксаковы, къ которымъ сталъ отчасти склоняться также И. С. Аксаковъ, который въ первую минуту вмѣстѣ съ А. О. Смирновой пришелъ отъ „Выбранныхъ мѣстъ" въ величайшій восторгъ.—А. В.

— **Вырожденіе (Entartung). Макса Нордау. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1894.**

Имя Нордау очень извѣстно нашимъ читателямъ. Нѣкоторыя его книги, какъ, напримѣръ, „Въ поискахъ за истиной", доходили даже до третьяго изданія на русскомъ языкѣ. Безъ сомнѣнія, съ большимъ интересомъ встрѣчена будетъ и книга о „Вырожденіи", въ переводѣ г. Сементковскаго, затрогивающая много существенныхъ, даже самыхъ существенныхъ вопросовъ переживаемой нами эпохи. Переводчикъ сопроводилъ сочиненіе Нордау обширнымъ предисло-

віемъ, гдѣ объясняетъ и защищаетъ взгляды своего автора отъ тѣхъ нареканій или формальныхъ нападеній, какимъ подвергалась его книга со стороны его противниковъ. Переводчикъ вполнѣ раздѣляетъ взгляды своего автора и считаетъ его книгу благотворнымъ вмѣшательствомъ въ то извращенное состояніе умовъ, какимъ отличается послѣднее время. Таково въ особенности обширное распространеніе пессимистическихъ теорій въ научной и практической философіи и таковы различныя извращенныя направленія въ литературѣ.

„Больные творцы подобныхъ модныхъ теорій,—говоритъ г. Сементковскій,—возвеличиваются больными ихъ поклонниками. Искусство и литература все болѣе наводняются подобными произведеніями, въ которыхъ человѣчеству вмѣсто здравыхъ взглядовъ на жизнь предлагаются мыльные пузыри. Нашъ авторъ не дѣлаетъ одного чрезвычайно характернаго вывода, прямо вытекающаго изъ его блестящей характеристики современныхъ выдающихся писателей. Не крайне ли любопытенъ и поучителенъ фактъ, что и символисты, и декаденты, и Верлэнъ, и Рихардъ Вагнеръ, и Толстой, и Ницше, и отчасти Ибсенъ,—всѣ, какъ бы по взаимному уговору, ищутъ идеаловъ въ отдаленномъ прошломъ,—кто въ средневѣковомъ мракѣ, кто еще въ болѣе глубокой старинѣ, кто даже въ первобытномъ состояніи человѣчества. Выходитъ, какъ будто историческое развитіе завело человѣчество въ глухой переулокъ, что оно оказалось передъ крѣпкой и высокой стѣной, которую ни обойти, ни пробить, ни разрушить нельзя. Дѣйствительно, почти всѣ выдающіеся представители литературы и искусства теперь въ одинъ голосъ кричатъ намъ: „назадъ, назадъ!" Этотъ лозунгъ однако противорѣчитъ природѣ вещей. Остановки въ поступательномъ движеніи и даже шаги назадъ возможны и часто встрѣчались въ исторіи. Но это были временныя остановки, и человѣчество дѣлало шагъ назадъ только для того, чтобы съ новыми силами двинуться впередъ. Во всякомъ случаѣ мы впервые наблюдаемъ въ исторіи, чтобы выдающіеся мыслители и писатели, слава и надежда своихъ народовъ, призывали человѣчество къ регрессу, освящали своимъ авторитетнымъ словомъ то, что всегда было и останется крайне обидною и печальною *временною* необходимостью. Отмѣченныя нами явленія несомнѣнно служатъ признакомъ болѣзненнаго настроенія. Нельзя признать нормальнымъ такое положеніе вещей, когда вниманіе интеллигенціи систематически отвлекается отъ насущныхъ задачъ, обезпечивающихъ благополучіе человѣчества, когда дѣйствительность съ ея непреложными требованіями начинаетъ представляться сномъ, а фантастическія грезы получаютъ характеръ чего-то реальнаго, преемственность задачъ, разрѣшаемыхъ человѣчествомъ въ теченіе вѣковъ, упускается

изъ виду, склонность къ ихъ осуществленію все ослабѣваетъ, выдержанный трудъ признается тягостнымъ,—словомъ, когда общество ввергается въ состояніе сомнамбулизма съ тѣми или другими навязчивыми представленіями, внушаемыми ему талантливыми, но больными мыслителями и художниками и поддерживаемыми въ немъ беззастѣнчивыми шарлатанами, думающими только о наживѣ" (ст. XXXI—XXXII). Серьезная наука, требующая ясности и труда, свобода, требующая борьбы, самая дѣйствительность съ ея сложными задачами забываются, вѣчные идеалы человѣчества считаются чѣмъ-то ложнымъ и устарѣлымъ и замѣняются фантастикой, „блуждающими огнями" и мишурой. „Большая заслуга Нордау,—продолжаетъ г. Сементковскій,—заключается именно въ томъ, что онъ краснорѣчиво и необычайно убѣдительно выяснилъ это печальное положеніе дѣлъ и, указавъ на болѣзненное направленіе общественной мысли, призвалъ многихъ изъ насъ къ порядку въ чувствахъ и мысляхъ и напомнилъ тонкимъ психологическимъ анализомъ больной нашей души, какъ она теперь проявляется въ литературѣ и искусствѣ, о неотложной необходимости вернуться на путь, нами забываемый, но единственно спасительный".

Предисловіе самого Нордау посвящено Ломброзо и признаетъ, что безъ работъ знаменитаго итальянскаго ученаго самая книга его не могла быть написана.

О книгѣ Нордау говорили у насъ не мало, когда она была извѣстна еще только читавшимъ ее въ подлинникѣ, и автора не мало обвиняли въ преувеличеніяхъ, которыя будто бы уничтожали самую сущность его выводовъ; съ другой стороны, какъ мы видѣли, были и большіе ея поклонники, къ числу которыхъ принадлежитъ и переводчикъ „Вырожденія". Въ преувеличеніяхъ, дѣйствительно, нѣтъ недостатка, какъ они найдены теперь и у его учителя Ломброзо, который уже нѣсколько потерялъ тотъ научный авторитетъ, какой готовы были дать ему въ началѣ. Быть можетъ, много такихъ преувеличеній найдется въ отдѣльныхъ характеристикахъ Нордау, который готовъ, въ каждомъ писателѣ осуждаемаго имъ направленія видѣть психопата, спеціально принадлежащаго „концу вѣка", когда въ этомъ писателѣ надо было указать, быть можетъ, только дурной вкусъ, недостатокъ образованія, и когда подобныя извращенія ума и вкуса можно было бы найти не только въ концѣ нашего вѣка, но и гораздо раньше, напримѣръ хотя бы во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Гораздо большее преувеличеніе, чѣмъ эти отдѣльныя характеристики, представляетъ вообще то, что Нордау (въ чемъ поддерживаетъ его и переводчикъ въ своемъ предисловіи) упустилъ изъ виду цѣлое историческое развитіе человѣчества, гдѣ неоднократно

повторялись, если не именно такія, то весьма аналогичныя явленія ненормальной возбужденности, физическихъ и нравственныхъ извращеній, пессимизма и т. п.; быть можетъ, не было въ прежнее время такого количества извращеній литературныхъ, но, вѣроятно, только потому, что никогда прежде не была такъ развита, какъ теперь, литературная производительность. Но и здѣсь могла бы найтись аналогія—хотя бы, напримѣръ, въ литературѣ прошлаго столѣтія. Старой исторіи вообще очень извѣстны періоды, когда въ обществахъ совершалось какъ будто движеніе назадъ, когда утонченное мышленіе склонялось къ скептицизму или когда подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ теченій наступали періоды такъ называемаго „упадка" и т. п. Это отсутствіе исторической перспективы не мало вредитъ книгѣ Нордау и въ особенности позволяетъ видѣть въ ней крайность предвзятаго мнѣнія и преувеличеніе. Можно ли говорить о спеціальной наклонности „конца вѣка" къ обскурантизму и „регрессу", когда еще полтораста лѣтъ тому назадъ проповѣдовалъ возвращеніе къ первобытному состоянію Руссо, непризнаваемый родоначальникъ многихъ новѣйшихъ умствователей на эту тему?

На книгу Нордау не должно смотрѣть какъ на ученое изслѣдованіе, отъ котораго требуется полный подборъ фактовъ и строгія доказательства; это—публицистъ, который не столько разрѣшаетъ, сколько ставитъ вопросы, который относится къ нимъ съ односторонностью заинтересованнаго человѣка, который высказываетъ свои сожалѣнія, негодуетъ, насмѣхается и т. д., но отсюда не слѣдуетъ, что эта книга не серьезная. Напротивъ, она затрогиваетъ вопросы, которые могутъ и должны вызывать самое серьезное вниманіе. Она представитъ много поучительнаго и для русскихъ читателей, между прочимъ, потому, что касается многихъ явленій новѣйшей европейской литературы, которыя большею частью у насъ очень мало извѣстны: это—явленія обскурантныя или такія, которыя онъ считаетъ прямо психопатическими и которыя въ послѣднее время находятъ у насъ въ одномъ отношеніи свои параллели и своихъ любителей, а въ другомъ отношеніи свои жалкія подражанія. Это вообще—очень интересный эпизодъ изъ современной западной литературы.

Но, собственно говоря, Нордау ставитъ свой вопросъ шире. Въ указываемыхъ имъ фактахъ литературы онъ видитъ только примѣръ общаго явленія, недостаточно понятаго и не изученнаго, но весьма серьезнаго. По словамъ его, понятіе о вырожденіи, въ первый разъ научно обоснованное Морелемъ и геніально разработанное въ трудахъ Ломброзо, дало богатые плоды въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ знанія—въ психіатріи, уголовномъ правѣ, политикѣ, соціологіи. Изслѣдованія Ломброзо пролили на эти предметы цѣлый по-

токъ свѣта: „свѣтъ этотъ не видятъ только тѣ, кто изъ упрямства умышленно закрываетъ глаза или настолько подслѣповатъ, что даже самое яркое освѣщеніе ему помочь не можетъ". Но эти изслѣдованія оставляли до сихъ поръ безъ вниманія двѣ важныя области—искусство и литературу.

„Процессъ вырожденія распространяется не только на преступниковъ, проститутокъ, анархистовъ и умалишенныхъ, но и на писателей и художниковъ, и послѣдніе представляютъ въ духовномъ, а по большей части и въ физическомъ отношеніи характеристическія черты, свойственныя членамъ той же антропологической семьи, хотя и удовлетворяютъ болѣзненнымъ своимъ наклонностямъ не ножемъ или динамитомъ, а перомъ или кистью.

„Нѣкоторые изъ представителей вырожденія въ литературѣ, музыкѣ и живописи вызываютъ чрезвычайный шумъ за послѣдніе годы и прославляются многочисленными своими поклонниками, какъ творцы новаго искусства, какъ провозвѣстники полнаго обновленія въ наступающемъ столѣтіи.

„Къ этому явленію нельзя относиться безучастно. Книги и произведенія искусства сильно вліяютъ на массы. Изъ нихъ данная эпоха черпаетъ свои этическіе и эстетическіе идеалы. Когда они безразсудны и противообщественны, они путаютъ и извращаютъ понятія цѣлаго поколѣнія. Поэтому необходимо предостеречь его и разъяснить ему истинное значеніе произведеній, вызывающихъ слѣпое поклоненіе; особенно же надо предостерегать молодежь, отличающуюся впечатлительностью и легко увлекающуюся всѣмъ необыкновеннымъ и на видъ новымъ. Ходячая критика этой задачи не исполняетъ. Къ тому же исключительно литературно-эстетическая подготовка хуже всего содѣйствуетъ уясненію себѣ патологическаго характера этого рода произведеній. Художественная критика излагаетъ, съ претензіею на остроуміе, болѣе или менѣе мило или высокопарно только субъективныя впечатлѣнія, навѣянныя этими произведеніями; но она не въ состояніи уяснить себѣ вопросовъ, не являются ли онѣ плодомъ больного ума и какого рода душевная болѣзнь въ нихъ проявляется".

Поэтому, руководствуясь методой Ломброзо, Нордау сдѣлалъ попытку анализировать модныя теченія въ литературѣ и въ искусствѣ и выяснить, что онѣ „вызываются вырожденіемъ ихъ виновниковъ и что лица, увлекающіяся ими, въ сущности увлекаются только проявленіями болѣе или менѣе ясно выраженной психопатіи, слабоумія или даже сумасшествія". Своей книгой Нордау хотѣлъ восполнить пробѣлъ въ „величественной системѣ" Ломброзо. Онъ ожидаетъ, что книга навлечетъ ему множество враговъ. „Незавидна участь тѣхъ,

кто осмѣливается называть модныя эстетическія теченія проявленіемъ умственнаго разложенія. Обиженный писатель или художникъ никогда вамъ не проститъ, что вы признали его душевно-больнымъ или шарлатаномъ. Субъективно-настроенная критика не помнитъ себя отъ злости, когда ей доказываютъ, что она судитъ поверхностно, некомпетентно или малодушно плыветъ по теченію. Даже публика досадуетъ на васъ, когда вы ей уясняете, что ея мнимые пророки—глупцы, шарлатаны или балаганные шуты".

Книга распадается на нѣсколько главъ. Въ первой Нордау излагаетъ общій вопросъ—самое физическое вырожденіе: оно объясняется обширными перемѣнами въ цѣломъ складѣ быта, происходящими отъ чрезвычайнаго осложненія жизненныхъ условій, къ которымъ еще не успѣлъ приспособиться организмъ современныхъ поколѣній. Въ слѣдующихъ главахъ изображены главныя направленія, какія различаетъ Нордау въ современной психопатической литературѣ. Это, во-первыхъ, мистицизмъ, къ которому Нордау причисляетъ англійскихъ прерафаэлитовъ (Россетти, Свинбернъ и пр.), французскихъ символистовъ (Верлэнъ, Малларме и пр.), наше отечественное ученіе гр. Л. Н. Толстого, музыку Рихарда Вагнера и каррикатурныя формы мистицизма (у Пеладана, Метерлинка и пр.). Во-вторыхъ, эготизмъ (различаемый отъ эгоизма), къ которому онъ относитъ школу французскихъ парнасцевъ (Катюль Мендесъ, Бодлэръ) и декадентовъ (Гюисмансъ, Барэсъ, Уильдъ) и еще двухъ писателей, изъ которыхъ одинъ въ особенности находитъ и у насъ горячихъ поклонниковъ—Ибсена и Ницше. Въ-третьихъ,—реализмъ (т.-е. реализмъ преувеличенный до болѣзненности), главнымъ представителемъ котораго является Зола. Всѣ эти направленія и ихъ представители—кромѣ Зола и Ибсена (не говоря, конечно, о гр. Толстомъ)—у насъ мало извѣстны: только изрѣдка бывали отрывочныя извѣстія о прерафаэлитахъ, декадентахъ, школѣ Пеладана и т. п.; наши поэты трудились иногда надъ переводами изъ Бодлэра,—но у насъ оставались совсѣмъ невыясненными цѣлый составъ и характеръ школъ, которыя представлялись этими писателями. Книга Нордау является поэтому очень кстати въ нашей литературѣ: у насъ, какъ мы сказали, не было до сихъ поръ никакого цѣльнаго изложенія этихъ новыхъ явленій западной литературы, не была извѣстна даже внѣшняя связь фактовъ. Книга является кстати и въ другомъ отношеніи—по тому освѣщенію, какое Нордау даетъ этимъ явленіямъ. Въ его общей точкѣ зрѣнія могутъ быть преувеличенія; могутъ быть ошибки и въ характеристикахъ отдѣльныхъ писателей, когда, напр., спеціально къ вырожденію и къ психопатіи онъ относитъ то, что̀ иной разъ происходило отъ причинъ менѣе фатальныхъ, какъ, напримѣръ,

дурной вкусъ, недостатокъ пониманія теоретическихъ вопросовъ и явленій общественной жизни и т. п. Но во всякомъ случаѣ онъ правъ, когда считаетъ излагаемыя имъ явленія литературы вредными (такъ какъ подобные писатели даютъ своимъ почитателямъ нездоровую пищу), когда считаетъ ненормальнымъ и имѣющимъ признаки болѣзненности тотъ успѣхъ, какой встрѣчаютъ многіе изъ этихъ писателей въ своей толпѣ, когда собираетъ изъ ихъ твореній всѣ странности, извращенія и прямыя нелѣпости—при которыхъ онъ не скрываетъ своего негодованія. Въ концѣ концовъ нѣчто или даже многое психопатическое въ этихъ явленіяхъ несомнѣнно присутствуетъ.

Въ числѣ подробностей, которыя въ особенности могли бы заинтересовать русскаго читателя, укажемъ, напр., главу объ Ибсенѣ, которому Нордау посвятилъ подробное изслѣдованіе въ виду того, что этотъ писатель какимъ-то мало объяснимымъ образомъ пріобрѣлъ въ послѣднее время великую славу не только у своихъ соотечественниковъ, но и большую популярность въ остальной Европѣ. Извѣстно, что эта слава дошла и до нашей литературы, гдѣ Ибсенъ имѣетъ горячихъ поклонниковъ. Нордау вовсе не есть абсолютный порицатель Ибсена; напротивъ, онъ признаетъ за нимъ большой талантъ: „Ибсенъ—вдохновенный и сильный поэтъ"; „его стремленіе воплотить занимающую его мысль въ одномъ наглядномъ образѣ внушаетъ ему манеру его пьесъ, правда, не имъ изобрѣтенную, но доведенную имъ до значительнаго совершенства"; „онъ владѣетъ искусствомъ очерчивать немногими рѣзкими штрихами данное положеніе, душевное настроеніе или тайный изгибъ души"; онъ даже „создалъ нѣсколько такихъ правдивыхъ и совершенныхъ образовъ, какіе врядъ ли создавалъ кто-нибудь послѣ Шекспира"... Но вмѣстѣ съ тѣмъ Нордау находитъ и очень крупные недостатки въ его творчествѣ. Нордау пересматриваетъ главныя произведенія Ибсена и указываетъ въ нихъ вопіющіе недостатки и въ основной мысли, и въ самомъ драматическомъ построеніи: его общественныя идеи, направляющіяся къ отрицанію современнаго соціальнаго строя, на дѣлѣ крайне скудны, поверхностны и недодуманы, драматическое выполненіе безсвязно и однообразно. Кто нѣсколько знакомъ съ твореніями Ибсена, не можетъ не согласиться съ замѣчаніями нѣмецкаго критика; и съ ними весьма полезно было бы познакомиться нашимъ поклонникамъ Ибсена. Еще недавно, напр., мы читали разборъ послѣднихъ произведеній Ибсена, въ числѣ которыхъ находится пьеса подъ названіемъ: „Строитель Сольнесъ". Съ этой пьесой мы имѣли особенный опытъ: на читателей (мы спрашивали многихъ), не зараженныхъ предвзятымъ поклоненіемъ Ибсену, эта пьеса производила впечатлѣніе крайней, раздражающей нескладицы, лишенной не только драматическаго,

но и всякаго смысла; у поклонниковъ, эта пьеса являлась однимъ изъ „самыхъ смѣлыхъ произведеній“ Ибсена, по поводу котораго нашъ русскій критикъ считалъ возможнымъ вспоминать о величайшихъ именахъ всемірной литературы, какъ, напр., Софоклъ, Байронъ, кажется, еще Гёте! Въ этомъ произведеніи открывалось какое-то возвышенное, символическое значеніе... Невольно вспоминалось, что говоритъ Нордау не только объ Ибсенѣ, но и объ его поклонникахъ...

„Прежде всего,—говоритъ Нордау,—мы должны отмѣтить хаотическое состояніе его мышленія. Не вѣришь собственнымъ глазамъ, когда читаешь, что нѣкоторые не въ мѣру усердные сторонники Ибсена прославляютъ его за „ясность“ и „точность“ мысли. Должно быть, эти господа полагаютъ, что пьесы Ибсена читаются только людьми, неспособными къ трезвому сужденію. Точная и опредѣленная мысль составляетъ у Ибсена очень рѣдкое исключеніе. У него все колеблется и сливается, и когда ему, наконецъ, удается выразить что-либо ясное и понятное, онъ спѣшитъ нѣсколькими страницами дальше или въ слѣдующей пьесѣ высказать какъ разъ противоположное“.

„Ни въ одной изъ своихъ пьесъ онъ не затрогиваетъ какого-либо современнаго вопроса, волнующаго умы и двигающаго насъ впередъ, потому что его анархизмъ, объясняющійся болѣзненнымъ состояніемъ его ума, и его модничанье крайне сомнительными результатами гипнотическихъ и телепатическихъ изслѣдованій не заслуживаютъ чести быть причисленными къ подобнымъ вопросамъ... Онъ прославляетъ всякое нарушеніе установленныхъ нравовъ и въ то же время наказываетъ невиннѣйшее любовное похожденіе смертью. Съ устъ его такъ и срываются слова: свобода, прогрессъ и т. д., а въ своемъ лучшемъ произведеніи онъ восхваляетъ ложь и застой. И всѣ эти противорѣчія не составляютъ какъ бы ряда этапныхъ пунктовъ въ ходѣ его развитія, а встрѣчаются одновременно другъ возлѣ друга“.

„И этого злобнаго, анти-общественнаго, хотя въ сценическомъ отношеніи весьма одареннаго болтуна люди осмѣливаются возвести въ санъ великаго мірового поэта истекающаго столѣтія! Приходъ Ибсена такъ долго кричалъ на весь міръ: „Ибсенъ великій поэтъ“,—что въ концѣ концовъ онъ поколебалъ болѣе сильныя головы и совершенно подчинилъ себѣ слабыя... Конечно, нельзя утверждать, что однимъ нахальствомъ его тѣлохранителей объясняется положеніе, занятое Ибсеномъ. Въ немъ есть черты, которыя неизбѣжно должны были повліять на современное поколѣніе. Тутъ мы прежде всего должны отмѣтить его туманныя фразы и неопредѣленные намеки на „великую эпоху, переживаемую нами“, на „приближаю-

щуюся новую эпоху", на „свободу", „прогрессъ" и т. д. Эти фразы и намеки не могутъ не нравиться мечтателямъ и болтунамъ, потому что они допускаютъ какое угодно толкованіе и заставляютъ предполагать въ человѣкѣ, произносящемъ подобныя фразы, смѣлое, прогрессивное направленіе".—Т.

— Восточные мотивы. Стихотворенія В. Л. Величко. Изд. 2-е. Спб. 94 г.
— Второй сборникъ стихотвореній В. Л. Величко. Спб. 94 г.

Нелегко, въ наше время, поэту обратить на себя вниманіе публики. Сборники стихотвореній появляются ежегодно чуть не десятками, весьма рѣдко представляя что-нибудь выдающееся; критика устаетъ слѣдить за ними, читателей они почти не находятъ. Число вѣрующихъ въ поэзію не уменьшилось (припомнимъ хотя бы непрерывно слѣдующія одно за другимъ изданія Надсона) — но уменьшилось, и не безъ причины, число вѣрующихъ въ *современную* поэзію. Большимъ успѣхомъ, при такихъ условіяхъ, можно считать второе изданіе „Восточныхъ мотивовъ" г. Величко, три года спустя послѣ перваго, отмѣченнаго, въ свое время, нашимъ журналомъ [1]). Одновременно съ этимъ вышелъ въ свѣтъ второй сборникъ стихотвореній г. Величко. Много мѣста занимаютъ и здѣсь подражанія восточнымъ поэтамъ и переводы съ персидскаго, съ грузинскаго. Лучшія изъ переводныхъ стихотвореній принадлежатъ Омаръ-Хайяму; проповѣдь смиренія передъ неизбѣжнымъ—невозмутимой, полу-иронической покорности судьбѣ, умѣнья ловить рѣдкія минуты счастья, часто облекается у него въ красивую, сжатую форму. Неглубокою, но трезвою житейскою мудростью дышатъ, напримѣръ, такія небольшія пьесы, какъ „Успѣхъ желанія и жажду бренныхъ благъ"; „О, бойся тѣло отдавать на пищу горю и страданьямъ"; „Хоть жемчугъ должнаго тебѣ повиновенья"; „О, другъ, зачѣмъ пещись о тайнахъ бытія". Иногда только сквозь обычное спокойствіе прорывается жалоба, звучащая чѣмъ-то современнымъ, намъ близкимъ („Подобно соколу, мой духъ, расправивъ крылья"; „Къ чему, когда осуществленья желаньямъ нашимъ не дано"). Очень хороши также нѣкоторыя стихотворенія кн. Церетели (грузинскаго поэта)—напр. „Улыбка", „Лебединая пѣснь". Между подражаніями „восточнымъ мотивамъ" намъ особенно понравилась „Сила". Персидскій царь Хозрой ожидаетъ нападенія со стороны Византіи, но не рѣшается предупредить его, опасаясь могущества императора.

---

[1]) См. Литерат. Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстн. Европы" за 1891 г.

Одинъ изъ вассальныхъ князей, Абгаръ, берется произвести смѣлую развѣдку въ самомъ сердцѣ имперіи. Возвратясь оттуда, онъ рисуетъ передъ Хозроемъ страшную картину военныхъ приготовленій. „Бѣда, чтб будетъ съ нами!"—восклицаетъ царь; но князь прерываетъ его словами: „не конченъ мой разсказъ!"

„..Нѣтъ, намъ не будетъ худо!
Извѣты, ложь и лесть избрали тамъ пріютъ!
Юстиніанъ не тотъ, что былъ во время оно,
Вѣнчанную главу когда склонять умѣлъ
Предъ дѣтищемъ своимъ—святынею закона;
Трепещетъ истина предъ ложью словъ и дѣлъ!
За все: за взоръ, за мысль—изгнаніе и плаха;
Довѣрія—ни въ комъ, ни въ комъ и ни къ кому!
Жестокость, жалкій плодъ безсилія и страха"...
— „Довольно!"—властелинъ отвѣтствовалъ ему:
„Бить сборъ войскамъ, едва забрезжетъ лучъ разсвѣтный!
Поднимемъ славный стягъ и двинемся въ походъ!
И будь я хоть одинъ, а ихъ полки несмѣтны,—
Рабы не страшны мнѣ! Меня побѣда ждетъ!"

Оригинальныя стихотворенія г. Величко очень разнообразны. Ему по силамъ серьезная историческая тема; небольшая поэма: „Монсиньоръ"—„этюдъ" изъ временъ террора — производитъ сильное и глубокое впечатлѣніе. Слишкомъ густо, быть можетъ, наложены черныя краски на фигуру тюремщика-якобинца, слишкомъ безгранично отчаяніе осужденныхъ, при вѣсти о приближеніи послѣдняго момента: въ то время умѣли умирать почти всѣ; со слезами и воплями шли на смерть однѣ Дюбарри. Но рѣчь монсиньора выкупаетъ всѣ эти отдѣльные недостатки. Оставаясь самимъ собою, не сходя съ церковно-католической почвы, монсиньоръ произноситъ величаво-спокойный, но неумолимо-строгій приговоръ надъ прошедшимъ, искупительной жертвой котораго онъ долженъ пасть, вмѣстѣ съ товарищами по несчастью. „Не намъ судить его!"—говоритъ онъ объ освирѣпѣвшемъ народѣ;—„не намъ винить его; по-своему онъ правъ"—правъ потому, что неправы были его прежніе мучители. „Предъ идоломъ какимъ мы не склоняли выи!.. Мы, освятивъ обманъ и силы торжество, стращали дьяволомъ и Богомъ торговали! Да, какъ предатели, мы продали Его, гасили мысли свѣтъ и правду убивали!"... Прямую противоположность съ „Монсиньоромъ" во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ „Трясогузка" — милая, веселая и вмѣстѣ съ тѣмъ злая шутка, по формѣ весьма удачно подражающая народной поэзіи; мы упоминаемъ о нихъ рядомъ только потому, что считаемъ оба стихотворенія лучшимъ украшеніемъ сборника г. Величко. Чрезвычайно комична фигура трясогузочки, сначала пренебрегающей бурею—въ

силу убѣжденія, что она ее не тронетъ—и вступающейся за цѣлый міръ („нѣтъ на то ея согласія, чтобы зря на землю небо падало! Не попуститъ, вверхъ упрется ножками"), а потомъ поспѣшно улепетывающей отъ водяной крысы („триддать разъ пусть на-земь небо свалится! пропадайте всѣ тутъ вмѣстѣ пропадомъ,—лишь бы крыса-то меня не слопала"). Такія трясогузки встрѣчаются не только между птицами...

Изъ числа мелкихъ стихотвореній г. Величко всего своеобразнѣе пьесы эпиграммическаго характера, затрогивающія не безъ юмора ту или другую сторону личной или общественной жизни („Балтійскіе очерки", №№ VI, VII, VIII; „Женскіе силуэты", №№ 2, 8, 11). Въ первомъ „Балтійскомъ очеркѣ" (Land und Leute) очень вѣрно схвачена и рельефно изображена одна особенность остзейской крестьянской массы (преимущественно эстляндской):

„Сколько свѣта, красоты и хлѣба!
Отчего же вѣетъ здѣсь тоскою?
Гдѣ же люди?... Сумрачны, понуры,
Вотъ они — работаютъ и бродятъ...
Словно зори здѣсь и не восходятъ,
Словно волны моря вѣчно хмуры!
Словно здѣсь исторія пятою
Все живое въ людяхъ подавила,
Словно грубо надругалась сила
Надъ добромъ, надъ истиной святою!"...

Недурны также нѣкоторыя стихотворенія болѣе интимнаго свойства, въ которыхъ легкая грусть не исключаетъ бодрости духа, воспоминаніе о быломъ идетъ рука объ руку съ надеждой на будущее („Раздумье", „Предъ разсвѣтомъ", „Въ деревнѣ", „Изъ дневника", „Къ музѣ", Стансы", „Глаза твои—лазурныя загадки"). Имъ вредитъ иногда излишнее пристрастіе автора къ восточнымъ метафорамъ („*сады надеждъ* опалены тоской", „туманами опечаленъ небосклонъ", „ихъ забота меня влекла изъ топкаго болота *къ спасенья берегамъ*"); иногда — несоотвѣтствіе между мыслью и выраженіемъ. Въ „Раздумьѣ", напримѣръ, совѣсть даетъ поэту, духъ котораго „томится сомнѣньемъ и тревогой", слѣдующій совѣтъ: „живи и *будь рабомъ сомнѣній безконечныхъ*, отпоръ давай страстямъ, разгадку тайнъ предвѣчныхъ и Бога на землѣ—въ самомъ себѣ ищи! И Онъ лучомъ небеснаго сіянья твоей души туманы озаритъ"... Въ подчеркнутыхъ нами словахъ форма измѣнила поэту; они говорятъ не то, что̀ онъ думаетъ. Кто ищетъ и находитъ „разгадку предвѣчныхъ тайнъ", чья душа озаряется „лучомъ небеснаго сіянья", тотъ, очевидно, не *порабощенъ* сомнѣніями, и сомнѣнія его не *безконечны*.

Поднимется ли дарованіе г. Величко выше — этого мы предсказывать не беремся; пожелаемъ ему только идти впередъ, не обращая вниманія на тѣхъ „критиковъ“, которые, ни слова не говоря о *стихотвореніяхъ*, стараются только въ чемъ-то заподозрить и уронить въ глазахъ читателя ихъ *автора*. — К. А.

Въ мартѣ поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Андерсенъ. Собраніе сочиненій, въ 4-хъ томахъ. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Т. I, вып. III. Спб. 94. Стр. 257—375. Всѣ 4 тома—8 р.

Березинъ, Н. И.—Географическія имена, объясненіе ихъ въ связи съ исторіей открытій. Пособія для учителей географіи. Вып. 1: Австралія, Африка, Америка, Азія. Спб. 94. Стр. 144. Ц. 1 р.

Беэръ, В. А. — Комментарій новыхъ провинціальныхъ учрежденій 12-го іюля 1889 г. Ч. I: Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ и ихъ административный порядокъ дѣлопроизводства. М. 94. Стр. 946. Ц. 1 р. 75 к.

Винэ, Альфр.—Вопросъ о цвѣтномъ слухѣ. Перев. съ франц. Д. Н. Москва. 94. Стр. 80. Ц. 50.

Брэмъ, А. — Жизнь животныхъ. Популярное изданіе. Полутомъ I, вып. 8: Хищники. Вып. 9: Собаки. Од. 94. Стр. 225—288. Ц. по 25 к.

Боголюбовъ, Н. П. — Графъ Морицъ Беньовскій. Историч. быль. М. 94. Стр. 187.

Богольповъ, И. П.—Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста въ Московск. и Можайск. у. Московск. губ. М. 94. Стр. 174. Ц. 75 к.

Бураковскій, С.—„Мертвыя души“, Н. В. Гоголя. Разборъ поэмы для учащихся. Изд. 3-е. Новг. 94. Стр. 53. Ц. 40 к.

Бѣлозерскій, Евг. — Отъ души и сердца. Стихотворенія. М. 94. Стр. 114. Ц. 1 р.

Васильевъ, А.—Николай Ивановичъ Лобачевскій. Каз. 94. Стр. 40.

Винклеръ, Н., фонъ.—Оружіе. Руководство къ исторіи, описанію и изображенію ручного оружія съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX вѣка. Съ 422 рис. Спб. 94. Стр. 398. Ц. 4 р. 50 к.

Виноградовъ, П.—Учебникъ всеобщей исторіи. Ч. II: Средніе вѣка. М. 94. Стр. 245. Ц. 90 к.

Гейка, д-ръ К.—Святая Земля и Библія. Описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей. Съ оригин. рис. Гарнера. Пересказъ съ англ. п. р. Ф. Комарскаго. Вып. 12 и послѣдній. Спб. 94. Стр. 1057—1135. Ц. 1 р.

Герингъ, Сигизм. — Рубль. Исторія, причины колебанія и средство упроченія бумажнаго рубля. Экономическій этюдъ. Перев. I. Кучинскій. Спб. 93. Стр. 113.

Гогеля, Серг. — Судъ присяжныхъ и экспертиза въ Россіи. Ковна, 94. Стр. 119.

Городисскій, П. М.—Справочная книга для химиковъ и технологовъ. Вып. 1. Кіевъ, 94. Стр. 711. Ц. 3 р. 75 к.

Горскій-Платоновъ, П. — Антука. Очеркъ изъ быта духовенства. М. 93. Стр. 50. Ц. 50 к.

Грединіеръ, М.—Опытъ изслѣдованія безъименныхъ договоровъ. Рига, 93. Стр. 130. Ц. 1 р.

Гриневскій, А. — Физическое воспитаніе въ школѣ. Од. 94. Стр. 31. Ц. 20 коп.

Гофманъ, Авг.—Первая и вторая рѣчи Цицерона противъ Катилины. Ч. I: Текстъ. Ч. II: Комментарій. Спб. 94. Стр. 21 и 90. Ц. 80 к.

Елисѣевъ, А. В. — По бѣлу-свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго Свѣта. Съ иллюстраціями художниковъ Казанцева, Каразина и др. Спб. 94. Стр. 373. Ц. 3 р.

Зографъ, Н. Ю.—Труды отдѣла Антропологіи. Антропометрическія изслѣдованія мужского великорусск. населенія Влад., Костром. и Яросл. губ. М. 92.

Іоэльсонъ, М.—Пробковый дубъ, его разведеніе и эксплуатація. Тифл. 94. Стр. 30.

Ильинскій, В.—Русская свадьба въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ. Кременецъ, 93. Стр. 36.

Исаевичъ, П.—Что нужно для улучшенія экономическаго положенія губерній царства польскаго. Варш. 93. Стр. 91.

Кернъ, Э.—Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Съ 35 рис. и 2 табл. Изд. 2-е. М. 94. Стр. 123. Ц. 75 к.

Китаевъ, Н.—Извлеченіе золота ціанистымъ каліемъ въ южной Африкѣ. Спб. 94. Стр. 126. Ц. 3 р.

Коломійцевъ, Даніилъ.—Стихотворенія. Изд. 2-е. Съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Спб. 94. Стр. 262.

Коркуновъ, Н. М.—Указъ и законъ. Спб. 94. Стр. 408. Ц. 2 р. 50 к.

Корнигъ, д-ръ Т. — Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Перев. съ нѣм. Од. 94. Стр. 51. Ц. 40 к.

Крюгеръ, Х. Х.—Итоги 30-лѣтней дѣятельности Спб. Общества Взаимнаго кредита. Спб. 94.

Кулешовъ, П., и *Грушка*, Н.—Тонкорунное овцеводство, его настоящее положеніе въ Россіи, причины упадка и мѣры къ поддержанію. М. 94. Стр. 162. Ц. 1 р.

Кульбарсъ, Ф. — Школьныя гусельки. Сборникъ пѣсенъ одно- и двухголосныхъ для городскихъ элементарныхъ и др. начальныхъ училищъ. Юр. 92. Стр. 44. Ц. 35 к.

Куплеваскій, Н. — Русское государственное право. Т. I. Харьк., 94. Стр. 357. Ц. 2 р. 50 к.

Лапинъ, В.—Около постройки желѣзной дороги. Хабаровскъ, 94. Стр. 28.

Левитовъ, И.—Сибирскіе коршуны. Спб. 94. Стр. 30. Ц. 25 к. Стр. 47.

Львовъ, Т.—Картины изъ жизни въ разсказахъ. М. 93. Стр. 72. Ц. 30 к.

Мокіевскій, д-ръ, А. И.—Гигіеническія бесѣды. М. 94. Ц. 30 к.

Настюковъ, А. М. — Цвѣтовой способъ быстраго распознаванія фосфоритовъ среди другихъ народовъ. Спб. 94. Стр. 4.

Незеленовъ, А. И.—Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній, въ 2-хъ частяхъ. Изд. 3-е. Ч. I: Съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина. Спб. 94. Стр. 242. Ц. 1 р.

Немидова, Л. М.—Письма о балетѣ. П. 1: Идеалы хореографіи и истинные пути балета. М. 94. Стр. 54. Ц. 50 к.

Новиковъ, А.—Изъ переписки крестьянъ и деревенской интеллигенціи съ агрономами. Вятка, 94. Стр. 44.

Пауль, Эв.—Леченіе солнечнымъ свѣтомъ. Перев. съ нѣм. Сарат. 93. Стр. 16. Ц. 30 к.

Порошинъ, Ив.—Разсказы. Спб. 94. Стр. 221. Ц. 1 р.

Похитонова, Матильда, женщ.-врачъ. — Красота, ея совершенствованіе и сохраненіе путемъ гигіены. Спб. 93. Стр. 251.

Роланъ, г-жа.—Личные мемуары. Перев. съ франц. Н. Г. Вернадской. Спб. 93. Стр. 153.

Собко, Н. П.—Русское искусство XIX вѣка. Иллюстрированный Каталогъ XXII-й передвижной выставки, со снимками съ оригинальныхъ рисунковъ художниковъ. Спб. 94. Ц. 1 р. 25 к.

——— Словарь русскихъ художниковъ, ваятелей, живописцевъ и т. д., съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Т. I, вып. 1: А (500 именъ). Спб. 93. Стр. 350. Ц. 3 р.

Соколовъ, С. И.—Уставъ объ акцизныхъ сборахъ. Разрѣшено департаментомъ неокладныхъ сборовъ. Спб. 94. Стр. 617, съ приложеніями, стр. 972. Ц. 5 р.

Сидоровъ, В. — По Россіи. I. Волга. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія отъ Валдая до Каспія. Спб. 94. Стр. 360. Ц. 1 р.

Тебеньковъ, М.—Происхожденіе Руси. Опытъ введенія къ исторіи русскаго народа. Ч. I: Древніе Россы. Тифл. 94. Стр. 196. Ц. 1 р. 50.

Фалькенбергъ.—Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени, съ прилож. краткаго философскаго словаря. Перев. студентовъ Спб. унив., п. р. проф. А. И. Введенскаго, съ 2-го нѣм. изд. Спб. 94. Стр. 585. Ц. 3 р.

Цытовичъ, П.—Опытъ раціональной пиротехніи. Руководство для изученія теоріи и практики фейерверочнаго искусства, въ 2-хъ ч., съ большимъ атласомъ чертежей и историч. очеркомъ пиротехники. Спб. 94. Стр. 706. Ц. 5 р.

Черниовецъ, Ф. В.—Стихотворенія. Спб. 92. Стр. 330. Ц. 2 р.

Шараповъ, С.—Франція и Славянство. Рѣчь въ собраніи Спб. Славянскаго общества. Спб. 94. Стр. 20.

Шахматовъ, А.—Изслѣдованіе въ области фонетики. Варш. 93. Стр. 317. Ц. 2 р. 50 к.

Шахрай, Л.—„Наша старина". I. Маккавеи. Историческій этюдъ для еврейскаго юношества. Од. 93. Стр. 40. Ц. 15 к.

Шербюлье, В.—Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Перев. съ франц. М. Калмыковъ. Спб. 94. Стр. 214. Ц. 1 р. 50 к.

Шершеневичъ, Г.—Учебникъ русскаго гражданскаго права. Каз. 94. Стр. 608. Ц. 5 р.

Щегловъ, Ив.—Убыль души. Около истины. М. 94. Стр. 292. Ц. 1 р.

——— Сквозь дымку смѣха. 10 разсказовъ. М. 94. Стр. 240. Ц. 1 р.

Щербина, Ф.—Майкопскій подъѣздный путь. Екатеринод., 93. Стр. 63.

Южаковъ, С. Н.—Доброволецъ „Петербургъ". Дважды вокругъ Азіи. Спб. 94. Стр. 349. Ц. 1 р. 50 к.

Яцевичъ, Ю. В.—Начальное народное образованіе въ Полтавской губерніи. Полтава, 94. Стр. 123.

Эрбъ, д-ръ В. — Объ усиливающейся нервности нашего времени. Академ. рѣчь на актѣ гейдельберг. унив. Спб. 94. Стр. 34. Ц. 50 к.

Belza, St.—Na szląsku polskim. Pet. 94. Стр. 101.

Startchevsky, A.—Guide de conversation franco-russe. St. Pét. 94. Стр. 107.

— Дешевая Библіотека. № 247: Мольеръ, Мѣщанинъ въ дворянствѣ. № 252: Калидеса, Сакунтала. Спб. 94. Ц. 15 и 25 к. № 254: К. Фламмаріонъ, Конецъ міра, въ 2-хъ ч. Спб. 94. Стр. 159. Ц. 15 к.

— Историческій очеркъ Свято-Троицкой общины сестеръ милосердія въ Спб. за 50-лѣтіе 1844—1894. Спб. 94. Стр. 129.

— Лѣтописи Главной Физической Обсерваторіи, издав. Г. И. Вильдомъ. 1892 годъ. Ч. I и II. Спб. 93 и 94.

— Матеріалы по описанію промысловъ Вятской губерніи. Вып. V. Вятка, 93. Стр. 196.

— Матеріалы по статистикѣ вятской губерніи. Т. X: Котельническій уѣздъ. Ч. II: Подворная опись. Стр. 1024. Т. IX: Яранскій уѣздъ. Стр. 545. Т. VIII: Глазовскій уѣздъ. Стр. 176.

— Метеорологическій Сборникъ, изд. Академіею наукъ. Т. III. Спб. 92. Ц. 8 р.

— Моя Библіотека. № 70—73: В. Ауэрбахъ, Спиноза. № 94: Рена, Эвюръ и Велледа. № 88—90: Юлій Цезарь, Записки о Галльской войнѣ.

— Настольный Энциклопедическій журналъ. Вып. 79, 80, 81 и 82. (Пелафосъ-Пессимизмъ). Изд. А. Гранатъ и К°. Стр. 3711—3854. Ц. по 40 к.

— Обзоръ дѣятельности рязанскаго земства по борьбѣ съ послѣдствіями неурожая 1891 г. М. 94.

— Опытъ исчисленія доходности земель Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи. Ор. 94. Стр. 204.

— Отчетъ Главной Физической Обсерваторіи за 1892 г., представл. Академіи наукъ дир. Г. И. Вильдомъ. Спб. 93. Стр. 135.

— Памятная книжка Воронежской губерніи на 1894 г Составл. Ст. Звѣревъ. Ворон. 94.

— Полезная Библіотека. Подъ водою. Исторія водолазнаго дѣла и подводнаго плаванія. Л. Фигье. Перев. Гр. Ф-та. Съ 22 рис. Спб. 94. Стр. 120.

— Сборникъ свѣденій по Орловской губерніи. Т. VII: Дмитровскій уѣздъ. Вып. 1. Орелъ, 94. Стр. 211.

— Сборникъ статистическихъ свѣденій о Тверской губерніи. Т. VIII: Тверской уѣздъ. Т. IX: Королевскій уѣздъ, вып. 2. Тверь, 93.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1892—93 г. Вып. I: Зима и весна. Вятка, 93. Стр. 80.

ЗАМѢТКА.

Новая книга объ эстетикѣ.

— А. Смирновъ, Эстетика. Казань, 1894. I-ый выпускъ.

Съ казанскимъ университетомъ связанъ цѣлый рядъ блестящихъ русскихъ профессоровъ, обогатившихъ различныя отрасли науки; и въ настоящее время, которое не можетъ быть названо выдающимся въ научномъ отношеніи, Казань занимаетъ видное мѣсто среди другихъ университетовъ. Къ числу почтенныхъ именъ названнаго университета безспорно принадлежитъ и имя проф. философіи А. И. Смирнова, немногочисленные труды коего по исторіи философіи отличаются несомнѣнными достоинствами. Тѣмъ большее любопытство долженъ возбудить курсъ эстетики проф. Смирнова, первый выпускъ котораго только-что появился. Къ тому же проф. Смирновъ высказывается за эмпирію и противъ метафизики прекраснаго.

Курсъ эстетики! Чего же можно желать лучшаго? Вѣдь чуть ли не со времени Гегеля, его науки объ изящномъ, у насъ появлялись лишь болѣе или менѣе удовлетворительныя статьи по вопросамъ эстетики, а тутъ цѣлый курсъ,—правда, пока еще первый его выпускъ. Вѣдь со времени классическаго сочиненія Гегеля наука, какъ говорится, ушла впередъ, и этотъ ея процессъ долженъ же оказаться плодотворнымъ и въ эстетикѣ. Мнѣ показалось, однако, что приростъ эстетики не великъ, и его ничѣмъ нельзя отличить отъ ущерба.

Отъ автора эстетики мы въ правѣ требовать, чтобы онъ далъ намъ ясные и точные отвѣты на нѣкоторые принципіальные вопросы. Какого направленія онъ держится? Считаетъ ли онъ красоту объективнымъ признакомъ природы, или думаетъ, что только познающій субъектъ дѣлаетъ предметы красивыми. Въ чемъ видитъ онъ сущность и цѣль искусства? Далѣе, въ чемъ полагаетъ авторъ природу красоты: въ идеѣ ли, выраженіемъ которой служитъ красивый предметъ природы или искусства, или же въ формѣ, такъ что все можетъ быть красиво и служить предметомъ эстетическаго наслажденія, лишь бы были соблюдены нѣкоторыя формальныя условія. Наконецъ, сколько главныхъ видовъ прекраснаго? На всѣ эти вопросы, составляющіе

общую часть эстетики въ лекціяхъ проф. Смирнова, можно найти точные отвѣты.

На нѣсколькихъ страничкахъ проф. Смирновъ излагаетъ очеркъ исторіи эстетики со временъ Платона до настоящаго времени. „Исторія эстетики есть, собственно говоря, — пишетъ проф. Смирновъ,— исторія постепеннаго, хотя и медленнаго, освобожденія этой науки отъ господства метафизики, отъ преобладанія чисто апріорной или спекулятивной методы“ (ст. 5). Читая это предложеніе, я невольно вспомнилъ едва прошедшее время господства Спенсера и Дарвина, когда почти-что всякій писатель считалъ своимъ долгомъ лягнуть метафизику. Напрасный трудъ! Напрасный главнымъ образомъ потому, что метафизики вообще никогда не существовало, а была метафизика Платона, или Декарта, или Канта, и бороться съ метафизикой вообще—значитъ, бороться съ вѣтренными мельницами. Въ проф. Смирновѣ вмѣстѣ съ боязнью передъ метафизикой я съ удовольствіемъ встрѣтилъ преклоненіе передъ Спенсеромъ и Дарвиномъ, которыхъ теперь также радикально начинаютъ забывать, какъ прежде безпричинно превозносили. Но утвержденіе проф. Смирнова кажется не вполнѣ основательнымъ еще и исторически, такъ сказать; вѣдь самъ онъ признаетъ, что эстетика Гегеля представляетъ крупнѣйшее явленіе новой эстетики, и въ то же самое время она полнѣе всего выразила собой свойства спекулятивной философіи. Какое же здѣсь освобожденіе? Какъ бы то ни было, изгнаніе метафизики не знаменуетъ само по себѣ ничего положительнаго. Что же слѣдуетъ поставить на опустѣвшее мѣсто?—Проф. Смирновъ полагаетъ, что эстетика должна быть построена на психологическомъ анализѣ и на физіологіи: эти науки имѣютъ и болѣе строгую методологію и основываются на фактахъ, а не на апріорныхъ измышленіяхъ. Поэтому задачу общей части эстетики нашъ авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Наша задача... указать, чтò такое красота и чтò такое чувство красоты; какіе предметы, факты, отношенія признаются красивыми, и какіе физіологическіе и психическіе процессы въ насъ самихъ соотвѣтствуютъ этимъ вещамъ, или вызываются ими“ (ст. 25). Согласно съ такой постановкой вопроса мы получаемъ отвѣтъ на то, какъ представляетъ себѣ авторъ красоту, считаетъ ли онъ ее объективной или нѣтъ. „Всякія эстетическія свойства вещей суть наши субъективныя чувства, извѣстнаго рода волненія, вызываемыя въ насъ нѣкоторыми фактами и предметами... Преобладающая точка зрѣнія, съ которой эстетика разсматриваетъ и оцѣниваетъ тѣ же самые факты, это—ихъ отношеніе къ нашимъ чувствамъ удовольствія и неудовольствія“ (ст. 26—27). Это, повидимому, весьма отчетливая и ясная точка зрѣнія: прекрасное субъективно, и оно сводится къ пріятному. Однако, чтò значитъ субъективность кр.-

соты? Значитъ ли это, что въ объективномъ мірѣ красотѣ рѣшительно ничто не соотвѣтствуетъ, или же что субъектъ по поводу какихъ бы то ни было побужденій (идущихъ извнѣ или изнутри) создаетъ красоту, которая ничего общаго съ вызвавшими ее побужденіями не имѣетъ, подобно тому какъ и ощущенію звука соотвѣтствуетъ колебаніе воздуха, ничуть не похожее на звукъ. Авторъ держится, повидимому, перваго воззрѣнія, ибо онъ заявляетъ, что „красота предмета не есть что-либо объективно присущее предмету, какъ другія его свойства, напримѣръ величина, форма, тяжесть". Строго говоря, и величина, и форма—не объективно присущи предмету, и ихъ тоже не существовало бы безъ познающаго субъекта. Но дѣло не въ этомъ. Итакъ, авторъ становится въ вопросѣ о красотѣ на субъективную точку зрѣнія, и тѣмъ необходимѣе для него указать тѣ психологическія условія, которыя создаютъ въ человѣкѣ представленіе о красотѣ. Авторъ видитъ въ чувствѣ удовольствія источникъ красоты. Это, конечно, не ново, но подобное свѣденіе и неправильно, и не очень выгодно. Всѣ попытки свести прекрасное къ полезному (какъ это дѣлалъ въ русской литературѣ Виллямовичъ) или пріятному [1]), какъ это пытается сдѣлать г. Смирновъ, заключаютъ въ себѣ, какъ намъ кажется, одно крупное недоразумѣніе. Задача науки вѣдь состоитъ не только въ томъ, чтобы показать исторію возникновенія своего объекта, но и въ томъ, чтобы уяснить себѣ особенную его природу. Если проф. Смирновъ придерживается особаго мнѣнія, то ему слѣдовало бы выяснить и доказать свою точку зрѣнія. Пусть несомнѣнно, что всѣ организмы происходятъ отъ простой ихъ клѣточки, но изученіе ея не можетъ замѣнить собой физіологіи или психологіи человѣка;—то же самое и относительно понятія прекраснаго. Конечно, вѣрно, что прекрасное имѣетъ извѣстныя условія въ физіологіи и психологіи человѣка, но оно не состоитъ только въ физіологіи и психологіи, а имѣетъ свой спеціальный объектъ и свои методы изслѣдованія. Такимъ образомъ, то, чѣмъ хочетъ замѣнить проф. Смирновъ метафизику прекраснаго, вовсе не можетъ стать на мѣсто устраненнаго, хотя само по себѣ и заключаетъ интересныя свѣденія. Поэтому-то вторую главу: „Эстетическое чувство и основной законъ эстетически прекраснаго"—мы вовсе не можемъ отнести къ эстетикѣ.

Но посмотримъ, что̀ въ этой главѣ содержится. „Эстетическія чувства относятся къ разряду удовольствій и страданій; слѣдовательно, какими бы особенностями ни отличались наши чувства

---

[1]) Невозможность такого сведенія была прекрасно выяснена Жуффруа въ его Cours d'esthétique. Paris, 1823.

изящества и красоты, они должны подчиняться общимъ законамъ удовольствій и страданій" (ст. 29). А эти чувства служатъ „выраженіемъ въ сознаніи нормальнаго или ненормальнаго состоянія организма и его функцій" (ст. 34). „Въ громадномъ большинствѣ случаевъ полезныя и вредныя вліянія на организмъ выражаются пріятными или непріятными чувствами" (ст. 37). Читатель, прочтя все это, скажетъ: конечно, это непреложно, но чего ради—все это? Не напоминаетъ ли это „незабудку", упомянутую ради шутки, но не имѣющую никакого отношенія къ самой фабулѣ? Далѣе разъясняется различіе между работой, предпринимаемой ради удовлетворенія насущныхъ потребностей, и игрой, гдѣ запасъ энергіи обнаруживается въ дѣйствіяхъ безцѣльныхъ, сопровождающихся удовольствіемъ, которое возникаетъ отъ упражненія нервно-мускульной системы. Несомнѣнно, что между работой и игрой есть нѣкоторая, трудно впрочемъ уловимая разница [1]), такъ какъ игра можетъ перейти въ работу и наоборотъ, но психологъ врядъ ли имѣетъ право ссылаться на понятіе пользы, ибо точка зрѣнія психолога генетическая, а польза имѣетъ въ виду цѣль дѣйствія и есть понятіе или экономическаго характера, или же тэлеологическаго. „Изъ этого избытка энергіи возникаютъ два класса побужденій, изъ которыхъ одни выражаются въ разныхъ играхъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, а другія даютъ начала искусству и эстетическимъ удовольствіямъ; однако игра служитъ однимъ изъ проявленій активности—между тѣмъ въ эстетическихъ чувствахъ выражается нѣкоторое состояніе пассивной воспріимчивости [2]) внѣшнихъ фактовъ". Если мы упражняемъ зрѣніе и слухъ ради самаго удовольствія, то возникающее отсюда удовольствіе можетъ быть названо эстетическимъ чувствомъ. Итакъ, „эстетическое удовольствіе" есть субъективное сопровожденіе нормальныхъ функцій периферическихъ органовъ нервной системы, функцій, не заинтересованныхъ непосредственно въ цѣляхъ органическаго сохраненія" (ст. 40), а „эстетически прекрасное есть то, чтó доставляетъ намъ наибóльшее количество пріятныхъ возбужденій въ процессахъ периферическихъ органовъ нервной системы, прямо не связанныхъ съ органическими функціями" (ст. 47). Это, повидимому, методичное и строго научное выведеніе понятія эстетическаго чувства и понятія прекраснаго, какъ намъ кажется, вполнѣ ошибочно. Что это за избы-

---

[1]) Объ этомъ Лацарусъ написалъ очень милое изслѣдованіе: „Ueber die Reize des Spiels". Berlin, 1887. Мысль же о связи искусства съ игрой подробно развита Спенсеромъ.

[2]) О пассивной воспріимчивости говоритъ Grant-Allen въ своей „Эстетической физіологіи". Недурныя критическія замѣчанія противъ Спенсера и Грэнтъ-Оллена можно найти у Guyau, „Les problèmes de l'esthétique", Paris . глава 1-я.

токъ энергіи, который можетъ выражаться въ *пассивной* воспріимчивости, и гдѣ нашелъ проф. Смирновъ пассивную воспріимчивость?—духъ по существу активенъ, и въ немъ нѣтъ ничего пассивнаго, все въ немъ создано имъ же самимъ; но самое крупное недоразумѣніе заключается въ смѣшеніи того, что называется тономъ ощущенія съ эстетическимъ чувствомъ. Всякое ощущеніе сопровождается извѣстнымъ тономъ, который выражается въ болѣе или менѣе ясно сознанномъ наслажденіи или боли, вызванныхъ процессомъ ощущенія. Тонъ ощущенія—явленіе психо-физическое, въ то время какъ эстетическое чувство—явленіе чисто психическое, зависящее отъ представленій, идей, съ которыми связаны чувства. Если, напр., человѣкъ смотритъ на грязный, заброшенный домъ въ ряду другихъ изящныхъ, то такой домъ можетъ вызвать непріятное эстетическое чувство, хотя зрительное ощущеніе отъ грязнаго дома можетъ быть столь же безболѣзненнымъ, какъ и ощущенія отъ только-что отстроеннаго изящнаго дома. Проф. Смирновъ, конечно, отлично знаетъ объ этомъ различіи тона ощущеній и чувства, но, можетъ быть, онъ полагаетъ, что оно не существенно, и что возможно даже установить тожество по существу этихъ двухъ явленій; въ такомъ случаѣ проф. Смирновъ обязанъ былъ доказать предполагаемое ихъ тожество; такъ какъ онъ никакихъ доводовъ въ пользу своего отожествленія не приводитъ, то мы въ правѣ упрекнуть его въ смѣшеніи понятій. Можетъ быть, что въ составъ эстетическаго чувства и входитъ въ какой-либо формѣ тонъ ощущенія, но во всякомъ случаѣ это два различныхъ психическихъ факта, различныхъ порядковъ и различной степени сложности; тонъ ощущенія можетъ существовать и безъ эстетическаго чувства. „Кромѣ сложнаго характера и отсутствія непріятныхъ примѣсей“, проф. Смирновъ въ эстетическомъ чувствѣ находитъ еще и третью черту — его универсальность. Этотъ признакъ, на который будто бы указалъ англійскій психологъ Бэнъ, представляется нашему автору лишь послѣдствіемъ отдаленной связи эстетическихъ наслажденій съ функціями, прямо направленными къ сохраненію организма. Бэнъ, собственно говоря, лишь перифразируетъ знаменитое опредѣленіе красоты, данное Кантомъ (schön ist was interesselos wohlgefällt), если указываетъ на то, что эстетическое чувство свободно отъ зависти и соперничества, предметомъ коего бываютъ другіе полезные и пріятные предметы, и перифразъ Бэна не совсѣмъ удаченъ. Изъ опредѣленія Канта можно заключить объ объективномъ характерѣ красоты; универсальность же красоты, которую Бэнъ ставитъ на мѣсто объективности, понятіе очень неопредѣленное. Вѣдь чувства пріятнаго и пользы въ извѣстномъ смыслѣ универсальнѣе эстетическаго наслажденія, ибо они доступны гораздо большему количеству

людей, чѣмъ эстетическія наслажденія, почему и примѣры, коими поясняетъ Бэна проф. Смирновъ, могутъ быть истолкованы совершенно иначе: „Красивая одежда согрѣваетъ только то лицо, которое имѣетъ ее на своихъ плечахъ, тогда какъ любоваться ею можетъ всякій". Нѣтъ, не всякій, а только тотъ, кто имѣетъ эстетическое чувство и кто по условіямъ времени и пространства можетъ любоваться красивымъ платьемъ. Напр., на придворныхъ балахъ несомнѣнно много красивыхъ одеждъ, но любоваться ими могутъ только чины первыхъ трехъ классовъ. Универсальность, какъ мнѣ кажется, столь же мало характеризуетъ понятіе прекраснаго, какъ и предшествующія психологическія черты. Проф. Смирновъ не настолько однако ослѣпленъ защищаемой имъ теоріей, чтобы не видѣть, что эстетическое чувство, заключаетъ въ себѣ помимо чувственнаго элемента еще и много другихъ, напр. умственныхъ, поэтому критерія относительной красоты (абсолютную онъ, разумѣется, отвергаетъ) онъ ищетъ не только въ чувствѣ, какъ это можно было бы ожидать, но, нарушая нѣсколько принципы своей теоріи, во вкусѣ (?), въ основанномъ на художественномъ воспитаніи сужденіи наиболѣе компетентныхъ лицъ, т.-е. великихъ мастеровъ, и, наконецъ, въ научныхъ указаніяхъ, основанныхъ на изученіи человѣка. Изъ этихъ дополнительныхъ элементовъ наибольшее значеніе, конечно, принадлежитъ твореніямъ великихъ мастеровъ и ихъ сужденіямъ; вкусъ же — нѣчто вполнѣ неопредѣленное и измѣнчивое, а научныя указанія антропологическаго характера могутъ пояснить многое и указать причины, почему, напр., извѣстныя формы намъ нравятся болѣе другихъ, но эстетики, какъ науки, подобной логикѣ и этикѣ, никогда не создадутъ.

Сдѣлавъ эти разъясненія, проф. Смирновъ останавливается на различіи высшихъ и низшихъ чувствъ и показываетъ, насколько ощущенія вкуса, обонянія и осязанія способны къ развитію эстетическаго чувства. Не всѣ они находятся въ одинаковомъ положеніи относительно эстетическихъ эффектовъ. „Начиная съ нѣкоторыхъ вкусовыхъ ощущеній и оканчивая ощущеніями осязательными, мы получаемъ нѣкоторую градацію красоты, нѣкоторое возростаніе эстетическаго характера etc. etc..." Такъ заканчиваетъ г. Смирновъ общую часть своей эстетики. Неужели же это эстетика? Нѣтъ, это замѣчанія физіологическаго и психологическаго характера, касающіяся ощущеній и органовъ ихъ, замѣчанія по большей части справедливыя, но общеизвѣстныя. Несомнѣнно, конечно, что „двое не могутъ", какъ говоритъ г. Смирновъ, „наслаждаться однимъ и тѣмъ же глоткомъ пищи, однимъ и тѣмъ же глоткомъ освѣжающаго напитка" (ст. 47). Совершенно согласны мы съ проф. Смирновымъ, что жареный гусь, сдобный пирогъ и тому подобныя вещества, лишены

всякаго эстетическаго значенія“ (ст. 55); пожалуй согласимся и съ тѣмъ, что „кушанья, составляющія хорошій столъ, кромѣ своей пріятности, должны отличаться разнообразіемъ, должны имѣть разные оттѣнки вкуса и должны слѣдовать другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ, строго разсчитанномъ на то, чтобы предшествовавшія блюда возбуждали, а не притупляли аппетитъ къ слѣдующимъ за нимъ“ (ст. 58). Но мѣсто всѣмъ этимъ безспорнымъ кулинарнымъ свѣдѣніямъ—въ „Подаркѣ молодымъ хозяйкамъ“, Молоховца, а не въ курсѣ эстетики. Вина подобнаго смѣшенія эстетики съ поварскимъ искусствомъ падаетъ не столько на автора, сколько на его точку зрѣнія; вполнѣ понятно, что онъ, разыскивая источники красоты, вмѣсто ея законовъ долженъ былъ въ своемъ ракообразномъ шествіи наткнуться сначала на гастрономію и могъ остановиться на ars amandi, какъ на самомъ пріятномъ эстетическомъ наслажденіи, связанномъ съ осязаніемъ. Нѣчто подобное съ нимъ дѣйствительно и случилось при разсмотрѣніи музыки. Можетъ быть, въ „метафизическихъ“ изложеніяхъ эстетики (напр. въ извѣстномъ многотомномъ сочиненіи Фишера) много недоказанныхъ положеній, много даже ошибокъ и слишкомъ хитрыхъ объясненій простыхъ на самомъ дѣлѣ вещей; но все это предпочтительнѣе такой точки зрѣнія на эстетику которая исключаетъ самую ея возможность и содержитъ въ себѣ лишь общеизвѣстныя истины относительно носа, глаза, ушей и т. д. Несомнѣнно, что иногда ошибка оказывается плодотворнѣе такой истины, съ которой даже нѣтъ возможности подняться на болѣе высокую ступень.

Обратимся теперь къ спеціальному отдѣлу, въ которомъ проф. Смирновъ пока останавливается только на музыкѣ.

Въ началѣ авторъ даетъ очень ясный (но элементарный) очеркъ составныхъ частей музыкальнаго эффекта, могущаго вліять на эстетическое чувство, а затѣмъ задается вопросомъ объ эстетическомъ дѣйствіи музыки, ея происхожденіи въ связи съ душевными волненіями. Это очень интересный, но весьма трудный вопросъ. Проф. Смирновъ отвѣчаетъ на него, какъ можно было ожидать, согласно своей общей теоріи. Онъ весьма коротко разсматриваетъ существующія теоріи, при чемъ преимущественно обращаетъ вниманіе на мысли Спенсера и Дарвина. Проф. Смирновъ всегда чувствовалъ особенную симпатію къ англійской философіи, которой посвящены и его историческіе труды (о Бэркли, объ англійской этикѣ). Было бы весьма любопытно, еслибы проф. Смирновъ разсмотрѣлъ „метафизическія“ теоріи съ точки зрѣнія англійской психологіи, но онъ больше заботится о выясненіи положительной стороны своего ученія, чѣмъ объ опроверженіи противоположныхъ теорій. Упомянувъ о томъ, что ра-

ціональная философія утверждала, что „всякое музыкальное произведеніе должно непремѣнно включать въ себѣ идею, т.-е. какую-нибудь великую мысль, воплощенную въ звукахъ“ (ст. 92), нашъ авторъ ограничивается замѣчаніемъ, что „едва-ли стоитъ говорить о натянутости такого объясненія“. Но почему же не говорить объ этомъ? Вѣдь должна же быть связь между партитурой и либретто; вѣдь не всякая же музыка годится для всякаго сюжета. Конечно, музыкой нельзя выразить логически точнаго сужденія о какомъ-либо событіи или предметѣ, но можно вызвать соотвѣтственное настроеніе духа, которое, благодаря ассоціаціямъ звуковыхъ ощущеній съ самыми различными представленіями, вызоветъ опредѣленные образы, а они въ свою очередь потянутъ за собой и мысли; въ различныхъ людяхъ одна и та же музыка вызоветъ различныя ассоціаціи и мысли, но, благодаря однородности настроенія, вызвавшаго ассоціаціи, эти послѣднія будутъ не многимъ болѣе различны, чѣмъ ассоціаціи, вызванныя словами, ибо предложеніе, произносимое кѣмъ бы то ни было, вызываетъ въ слушателяхъ вовсе не тожественныя ассоціаціи, а различныя,—при чемъ различіе зависитъ отъ настроенія и запаса свѣденій, ума etc. каждаго отдѣльнаго слушателя; слѣдовательно, музыка можетъ служить и служитъ для выраженія идеи, и нѣтъ основанія въ анализѣ эстетическаго чувства опускать эту ея сторону; удовольствіе, конечно, болѣе первично, но врядъ ли болѣе важно, и если мы откажемся отъ идейнаго момента, то мы должны будемъ придти къ довольно своеобразнымъ критеріямъ музыкальной красоты. Такъ какъ проф. Смирновъ не отрицаетъ умственнаго элемента въ музыкѣ, то не видно причины, почему бы не воспользоваться этимъ элементомъ при объясненіи разсматриваемаго вопроса.

Нѣсколько подробнѣе проф. Смирновъ останавливается на теоріи, которая „сводитъ производимый эффектъ къ извѣстному преднамѣренному порядку въ распредѣленіи отдѣльныхъ частей того или другого музыкальнаго произведенія“. Въ пользу этой теоріи, защищаемой Гельмгольцомъ и указывающей формальный элементъ въ красотѣ въ противоположность матеріальному, конечно можно привести сильные доводы, и если ею и нельзя объяснить всецѣло эстетическаго характера музыки, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что она выдвигаетъ одинъ изъ моментовъ музыкальной красоты; возраженія же проф. Смирнова, утверждающаго, что эта теорія не можетъ быть названа безупречной и отличается преувеличеніями, отсутствіемъ естественности и какимъ-то мистицизмомъ,—сами страдаютъ перечисляемыми недостатками, за отсутствіемъ впрочемъ мистицизма. Подробно излагаетъ проф. Смирновъ теорію Спенсера о возникновеніи и сущности музыки: музыка есть языкъ чув-

ствованій, и первоначально она тѣсно сливалась съ человѣческой рѣчью. Нашъ авторъ приводитъ и рядъ возраженій противъ Спенсера, частью собственныхъ, частью заимствованныхъ изъ книги Gurney'a: „О музыкѣ". Но собственно говоря, какъ намъ кажется, главный недостатокъ теоріи Спенсера состоитъ въ томъ, что она только утверждаетъ фактъ, не давая ему объясненія, и ограничивается лишь описаніемъ постепеннаго развитія рѣчи и музыки. Нѣкоторыя замѣчанія проф. Смирнова весьма справедливы, хотя факты, приводимые имъ, и не всегда точны; напр. на стр. 108, указывая на различіе интонацій фразъ въ различныхъ языкахъ, онъ говоритъ: „По-русски „это невѣроятно",—„по-французски" c'est incredible"; въ первомъ случаѣ удареніе дѣлается по срединѣ рѣчи, въ послѣднемъ—на концѣ". Это не совсѣмъ такъ; прекрасное франко-русское выраженіе: „c'est incredible"—еще не вошло во всеобщее употребленіе, и посему ударенія на немъ пока еще вовсе не дѣлается.

Приведемъ теперь нѣсколько мыслей проф. Смирнова, высказанныхъ имъ по поводу Спенсера, въ которыхъ онъ ближе подступаетъ къ самому дѣлу — характеристикѣ музыкальнаго эффекта. Эти мысли отчасти переступаютъ границы, положенныя психо-физіологической теоріей. „Самый лучшій способъ,—говоритъ г. Смирновъ,—слушать музыку — просто отдаваться непосредственному впечатлѣнію художественнаго произведенія, переживать самые звуки со всѣми ихъ оттѣнками, совпаденіями и переходами, нисколько не заботясь о внѣшнемъ, постороннемъ для нихъ смыслѣ"... „Наслажденіе музыкой есть нѣчто другое, чѣмъ тѣ чувства, которыя можетъ возбуждать въ насъ музыка... слѣдуетъ различать непосредственное музыкальное впечатлѣніе отъ музыкальнаго выраженія идей, чувствъ, настроеній, которыя прямо не заключаются въ звукахъ и ихъ комбинаціяхъ... Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ допустить, что музыка можетъ выражать нѣкоторые внѣшніе факты, особенно наши чувства и настроенія"... „но вліяніе, которое музыка имѣетъ на душу, не исчерпывается и не объясняется однимъ болѣе или менѣе случайнымъ и непрямымъ возбужденіемъ въ насъ тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ чувствъ"... Всѣ разсмотрѣнныя имъ теоріи не принимаютъ въ разсчетъ своеобразнаго характера музыки, а именно, что звуки воспринимаются только въ формѣ времени, изъ чего проистекаетъ большее разнообразіе эффектовъ и строгая опредѣленность тоновъ, ихъ распредѣленія во времени. Своеобразность музыки требуетъ и особой способности, музыкальнаго чувства. Музыкальное чувство, а вмѣстѣ и музыка, происходятъ, какъ это доказалъ Дарвинъ, изъ тѣхъ звуковъ, „которые издаютъ животныя, особенно въ періодъ ихъ половой любви". Изложеніемъ теоріи Дарвина

и заканчивается анализъ музыки и музыкальнаго чувства. Но проф. Смирновъ чувствуетъ, что однимъ указаніемъ (сомнительнаго свойства) на происхожденіе музыки изъ полового чувства нельзя отдѣлаться, и поэтому онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о сущности музыки. Теорію Дарвина я называю сомнительной потому, во-первыхъ, что онъ не объясняетъ многихъ фактовъ, т.-е. вліянія музыки въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ни о какомъ половомъ чувствѣ рѣчи быть не можетъ (напр. у дѣтей); во-вторыхъ, потому, что теорія покоится на цѣломъ рядѣ понятій, требующихъ доказательства, но вовсе не доказанныхъ.

За первую общую часть книги мы сдѣлали г. Смирнову упрекъ, относящійся, впрочемъ, не спеціально къ автору, а вообще къ защищаемой имъ и многими другими точкѣ зрѣнія; за вторую, спеціальную, часть мы должны сдѣлать упрекъ, относящійся уже къ самому автору. Проф. Смирновъ излагаетъ предметъ безъ всякихъ литературныхъ указаній, ссылокъ на сочиненія. Такой способъ изложенія можетъ считаться достоинствомъ, когда авторъ излагаетъ нѣчто совершенно новое, имъ открытое; но этого нельзя сказать про лекціи проф. Смирнова; правда, замѣчанія объ органахъ чувствъ не нуждаются въ ссылкахъ на сочиненія, ибо излагаемое общеизвѣстно; но, говоря о теоріяхъ музыки, проф. Смирновъ не упоминаетъ вовсе о цѣломъ рядѣ капитальныхъ сочиненій, вышедшихъ за послѣднее время, и останавливается на сочиненіяхъ, появившихся лишь лѣтъ за 30 тому назадъ, при чемъ упоминаетъ объ однихъ англійскихъ сочиненіяхъ. Если французскія сочиненія (напр. Гюйо и др.) ему недоступны, то почему же не упомянуть и не разобрать сочиненій нѣмецкихъ, напр. Стумфа, Tonpsychologie. Leipzig, 1883—1890, 2 тома; или Engel'я, Aesthetik der Tonkunst. Berlin, 1884, 8°. Если эти сочиненія, по мнѣнію проф. Смирнова, не заслуживаютъ вниманія, то это и слѣдовало бы ему такъ сказать, ибо университетскія лекціи должны служить руководствомъ. Или же проф. Смирновъ незнакомъ съ иностранными языками?—Это невѣроятно,—„c'est incredible"...

Э. Радловъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Henri Amic. George Sand. Mes souvenirs. Paris, 1893. Стр. 236.

Среди многочисленныхъ „Воспоминаній", которыя появляются о выдающихся людяхъ послѣ ихъ смерти, рѣдкія носятъ такой отпечатокъ искренности и правдивости, какъ вышедшія недавно въ свѣтъ воспоминанія Генри Амика, о послѣднихъ годахъ жизни Жоржъ-Зандъ. Амикъ — искренній и горячій поклонникъ знаменитой писательницы; ея романы были нравственными руководителями его юности. Личное знакомство съ нею относится только къ послѣднимъ тремъ, четыремъ годамъ жизни Жоржъ-Зандъ; но благопріятныя обстоятельства и взаимныя симпатіи между общительной, гостепріимной романисткой и ея юнымъ поклонникомъ дали возможность послѣднему близко узнать характеръ и душевный складъ писательницы въ послѣднюю эпоху ея жизни. Разговоры, отдѣльные эпизоды, мирный и регулярный образъ жизни всей семьи въ Ноанѣ (Nohant), задушевныя письма Жоржъ-Зандъ своимъ друзьямъ — всѣ эти подробности изложенныя просто и съ какой-то особой теплотой въ интересной книгѣ Амика, рисуютъ очень цѣльный и оригинальный образъ романистки, волновавшей нѣсколько поколѣній своею страстною защитою свободы сердца.

Жизнь Жоржъ-Зандъ, или, по крайней мѣрѣ, значительная часть ея жизни (особенно послѣднія 35—36 лѣтъ) представляютъ удивительный контрастъ съ общимъ характеромъ ея произведеній. Автора „Индіаны", „Валентины", „Жака", читатель легко представляетъ себѣ такою, какою она была сравнительно не долго. Двадцати-семи лѣтъ, разойдясь съ первымъ мужемъ, барономъ Дюдеванъ, и очутившись одна въ Парижѣ, почти безъ средствъ и съ жаждой полной, богатой впечатлѣніями жизни, она сразу окунулась въ цѣлый омутъ страстей, мимолетныхъ привязанностей, артистически неправильной жизни, съ ея переходами отъ минутнаго счастья къ долгимъ страданіямъ, отъ роскоши къ лишеніямъ. Это была пора расцвѣта ея литературнаго таланта, сопровождаемая проявленіями страстной, не признающей никакихъ узъ натуры, эксцентричной въ поступкахъ и образѣ жизни, доходившей до жестокости въ своей погонѣ за но-

визной наслажденій. Этотъ періодъ продолжался въ общей сложности не болѣе восьми лѣтъ—съ 1831 г., когда, испытавши уже много горя въ родительскомъ домѣ и въ своей семейной жизни, она пріѣхала въ Парижъ, и до 1839 г., когда она окончательно поселилась въ Ноанѣ съ своимъ сыномъ Морисомъ. А между тѣмъ именно эти восемь лѣтъ памятны всѣмъ, кто интересуется біографіей Жоржъ-Зандъ: ея жизнь среди богемы Латинскаго квартала, рысканіе по студенческимъ баламъ и пивнымъ въ мужскомъ костюмѣ, въ обществѣ Жюля Сандó, выдававшаго ее за своего кузена изъ провинціи; знаменитые эпизоды ея любви къ Мюссэ и Шопену, которые оба почти-что умерли на ея рукахъ, путешествіе съ Мюссэ въ Венецію и съ Шопеномъ на Майорку, — таковы общеизвѣстные факты изъ жизни „опасной проповѣдницы женской эмансипаціи“, какою она долго слыла въ критикѣ и въ общественномъ мнѣніи.

Едва-ли кто-либо изъ знавшихъ Жоржъ-Зандъ въ этотъ бурный періодъ ея молодости предполагалъ, что въ этой мятежной, не находившей ни въ чемъ покоя душѣ таятся задатки буржуазно-счастливой жизни на склонѣ лѣтъ, семейныхъ добродѣтелей, заботливой любви къ дѣтямъ и внукамъ, неутомимаго трудолюбія, направленнаго къ матеріальному обезпеченію будущности дѣтей. А между тѣмъ вся вторая половина жизни Жоржъ-Зандъ, начиная съ 1839 г., доказываетъ, что именно такова была основа характера романистки, и что только властные порывы молодости и ростъ таланта, требовавшаго для своего развитія близкаго соприкосновенія съ жизнью, временно измѣнили ея душевную жизнь.

Воспоминанія Амика рисуютъ Жоржъ-Зандъ въ эту эпоху свѣтлой, безмятежной жизни,—старѣющею, но не утратившею ни энергіи къ работѣ, ни душевной теплоты писательницы. Напротивъ, по очерку Амика, по тону приводимыхъ имъ писемъ Жоржъ-Зандъ, относившейся къ нему какъ къ сыну, кажется, что, покончивши съ эгоистическими страстями своей личной жизни, она отдаетъ весь запасъ любви своей глубокой натуры всѣмъ окружающимъ. Она чувствуетъ себя спокойной и счастливой въ Ноанѣ, въ семьѣ своего сына Мориса; невѣстка и двѣ внучки, Аврора и Габріэлла, составляютъ цѣлый міръ для ея сердца. Ради дѣтей она устроила знаменитый театръ маріонетокъ, для котораго писала пьесы, шила костюмы, и каждое представленіе маленькаго театра было торжествомъ, на которое приглашались даже друзья изъ Парижа. Въ книгѣ Амика есть нѣсколько писемъ къ нему отъ Жоржъ-Зандъ, съ подробностями о преуспѣваніи кукольной труппы, о радости дѣтей, о „геніальности“ Мориса, придумывающаго все новыя усовершенствованія для представленій. Письма эти кончаются всегда настойчивыми приглаше-

ніями пріѣхать то къ Рождеству, то на каникулы, или къ какому-нибудь семейному празднику. Жоржъ-Зандъ такъ всецѣло ушла въ радости семейнаго очага, что искренно раздѣляла дѣтскія чувства своихъ внучекъ и за-одно съ ними радовалась всякому праздничному развлеченію, предвкушая удовольствіе въ долгихъ приготовленіяхъ. Внѣ праздниковъ жизнь въ Ноанѣ текла самымъ правильнымъ образомъ, какъ Амикъ разсказываетъ по собственнымъ наблюденіямъ и по словамъ своей привѣтливой хозяйки. Жоржъ-Зандъ до самой смерти работала аккуратно по пяти часовъ въ день; внѣ этихъ священныхъ часовъ она отдавала все время семьѣ, которая составляла гордость и счастье ея жизни. По свидѣтельствамъ Амика можно заключить, что она гораздо болѣе гордилась геологическими коллекціями своего сына, чѣмъ своими литературными успѣхами; въ его усердныхъ занятіяхъ естественными науками она видѣла залогъ будущей научно-литературной славы. Въ бесѣдахъ съ Амикомъ Жоржъ-Зандъ много разъ возвращается къ необходимости для художника пріобрѣтать какъ можно больше самыхъ разнообразныхъ положительныхъ знаній. О себѣ она говоритъ, что до того, какъ она принялась писать, она много читала по самымъ разнообразнымъ предметамъ, много занималась философіей и отчасти естественными науками. Измѣнчивая память не оставила ей положительныхъ свѣденій, но это не помѣшало ея мысли окрѣпнуть среди напряженной работы сознанія.

Жоржъ-Зандъ часто жаловалась Амику на слабость памяти;—когда онъ заговорилъ съ ней объ „André“, оказалось, что она совершенно забыла фабулу этого романа; при этомъ она созналась ему, что вообще не помнитъ своихъ произведеній: она всецѣло поглощена тѣмъ романомъ, который живетъ въ ея воображеніи, и пока онъ не написанъ, ей кажется, что онъ лучше всѣхъ предъидущихъ; какъ только, однако, онъ законченъ и отложенъ въ сторону, судьба новаго произведенія перестаетъ интересовать ее,—она его забываетъ и начинаетъ пѣть новую пѣсню, описывать другихъ людей, другія чувства и положенія.

Эта инстинктивность и безсознательность творчества очень характерны для Жоржъ-Зандъ. Ее часто обвиняли въ отсутствіи опредѣленнаго философскаго міросозерцанія, въ частыхъ переходахъ отъ проповѣди одного ученія къ другому, отъ мистицизма къ соціализму и т. д. Но эта неустойчивость вполнѣ соотвѣтствуетъ самой сущности таланта Жоржъ-Зандъ: она не мыслитель, а непосредственный художникъ, призваніе котораго отражать въ мірѣ фантазіи то, что даетъ окружающая жизнь. Въ ея романахъ воплотились чувства и страсти современной ей Франціи, духъ протеста, царившій въ обще-

ствѣ и руководившій событіями; отразились въ немъ и послѣдовательныя идейныя теченія, волновавшія духовную жизнь того времени. Она не вкладывала своей философіи въ жизнь, она отражала жизнь и философію своихъ современниковъ. Ея творчество—какое-то безсознательное, не составляющее нераздѣльнаго цѣлаго съ ея жизнью. Она пишетъ, осѣненная вдохновеніемъ, и потомъ опять превращается въ простую, очень скромную женщину, съ ограниченными идеалами семейнаго счастья, съ обыденными радостями и заботами, милую, разсудительную и добрую, но не геніальную и не считающую себя таковой.

Объ ея скромности свидѣтельствуетъ характерный анекдотъ о пріѣздѣ Теофиля Готье въ Ноанъ и его стараніи ослѣпить Ж.-Зандъ блескомъ своего краснорѣчія. Ж.-Зандъ внимательно слушаетъ его, не возражая ни слова. Готье обидѣлся ея невниманіемъ, и рано утромъ на слѣдующій день собрался уѣхать, увѣренный, что произвелъ непріятное впечатлѣніе на знаменитую романистку. Когда же Дюма, который привелъ его къ Ж.-Зандъ, пошелъ спросить у нея, почему она молчала наканунѣ, она удивленно взглянула на него и спросила: „Развѣ вы не предупредили его, что я глупа?" И эти слова были вполнѣ искренни въ устахъ великой романистки, которая внѣ часовъ вдохновенія считала себя самой обыкновенной женщиной и жила попеченіями о близкихъ ей людяхъ.

Ея удивительная сердечная теплота сквозитъ въ отношеніяхъ къ автору воспоминаній, о которомъ она заботится съ истинно материнскимъ чувствомъ. Она говоритъ между прочимъ о себѣ, что материнское чувство было всегда основной нотой ея сердечной жизни; если мы вспомнимъ ея ухаживаніе за Мюссэ во время его болѣзни въ Венеціи и за умирающимъ Шопеномъ на о-вѣ Майоркѣ, то увидимъ въ этомъ подтвержденіе ея собственной характеристики. Ее влекло къ людямъ прежде всего чувство жалости, и это чувство пережило въ ней молодость и молодыя страсти и до послѣдней минуты жизни дѣлало ее центромъ преданныхъ и любящихъ ее людей.

Въ общемъ, книжка Амика даетъ интимный портретъ Жоржъ-Зандъ, въ высшей степени интересный и цѣнный, рисующій душевную жизнь рѣдкой чистоты у талантливой писательницы.

II.

Ferdinand Brunetière. L'évolution de la poésie lyrique en France au XIX s. T. I. Paris, 1894. Стр. 382.

Выступивъ передъ слушателями парижской Сорбонны съ университетскимъ курсомъ о французской поэзіи, Брюнетьеръ счелъ нуж-

нымъ снова разъяснить критическій методъ, примѣняемый имъ къ изученію литературныхъ явленій. Казалось бы, что въ предъидущихъ книгахъ, посвященныхъ эволюціи критики, и въ отдѣльныхъ этюдахъ о разныхъ классическихъ и современныхъ писателяхъ, Брюнетьеръ достаточно уже выяснилъ свою теорію „эволюціи жанровъ", и ему оставалось теперь только пользоваться ею для критическихъ анализовъ. А между тѣмъ, въ своихъ лекціяхъ, вышедшихъ теперь отдѣльной книжкой, онъ опять подробно останавливается на эволюціонномъ методѣ въ литературной критикѣ. Его лекціи объ этомъ предметѣ даютъ мало новаго сравнительно съ тѣмъ, что извѣстно изъ прежнихъ его сочиненій. Интересно только различіе, которое онъ устанавливаетъ между историкомъ литературы и критикомъ, изучающимъ эволюцію литературныхъ теченій: исторія литературы,— говоритъ онъ,—стремится къ наибольшей фактической полнотѣ; каждая подробность жизни изучаемаго ею писателя имѣетъ значеніе для нея, такъ какъ способствуетъ его характеристикѣ. Эволюція же не излагаетъ литературныхъ явленій, а объясняетъ ихъ взаимныя отношенія и источники, слѣдитъ за условіями ихъ возникновенія, за ихъ развитіемъ, устраняющимъ всѣ препятствія или приспособляющимся къ нимъ, и наконецъ за причинами ихъ вырожденія и перехода въ другой, замѣняющій ихъ, литературный родъ. Происхожденіе и морфологія литературныхъ жанровъ—такова, по опредѣленію Брюнетьера, задача критика-эволюціониста, и онъ задается ею въ своемъ изложеніи судебъ французской лирической поэзіи въ XIX в.

Приступая съ этой формулой къ предмету своего изложенія, Брюнетьеръ даетъ далеко не полную картину французской поэзіи текущаго вѣка; его интересуетъ ростъ лиризма, зародившагося во Франціи въ прозѣ Ж.-Ж. Руссо и отразившагося ярче всего въ поэтахъ романтической школы; завершеніе же лирической поэзіи онъ видитъ въ романахъ Жоржъ-Зандъ, въ переходѣ отъ крайняго развитія индивидуализма въ поэзіи къ болѣе объективному творчеству въ романахъ, отражающихъ общечеловѣческія чувства.

Эволюція лирической поэзіи сводится въ книгѣ Брюнетьера, въ сущности, къ той же исторіи романтизма, которая не разъ уже была изложена писателями, не претендующими на новизну критическихъ пріемовъ. Отыскивая первоисточники романтизма, Брюнетьеръ повторяетъ общеизвѣстные факты объ индивидуализмѣ, внесенномъ въ французскую литературу Ж.-Ж. Руссо, и о стремленіи къ точности и обилію деталей въ описаніяхъ, впервые проявившемся у Бернарденъ-де-Сенъ-Пьерра. Сопоставляя прозу Руссо, то прочувствованно элегическую, какъ поэзія Ламартина, то необузданно страстную, какъ декламація Виктора Гюго, Брюнетьеръ находитъ, что этимъ поэтамъ

оставалось только найти соотвѣтствующія поэтическія формы, а внутреннее содержаніе ихъ поэзіи сожалѣній и порывовъ дано было „Новой Элоизой“ и др. сочиненіями Руссо. Но это утвержденіе, вполнѣ вѣрное съ историко-литературной точки зрѣнія, противорѣчитъ отчасти теоріи эволюціи. Если лиризмъ французской поэзіи остался таковъ же въ творчествѣ Гюго и Ламартина, какъ въ первыхъ литературныхъ опытахъ Руссо, то чѣмъ же ознаменовалась эволюція, т.-е. развитіе лирическаго жанра? Неужели только культомъ живописнаго, внесеннымъ Шатобріаномъ, и меланхолическимъ колоритомъ, привитымъ романтизму м-мъ де Сталь и вліяніемъ Оссіана? Оба эти элемента—увлеченіе „couleur locale“ и намѣренная мрачность—составляютъ, конечно, характерную особенность романтизма, но сущность послѣдняго состоитъ главнымъ образомъ въ побѣдѣ индивидуализма надъ подчиненіемъ личности общественнымъ, общимъ интересамъ,—а это коренное измѣненіе принципа литературы XVII и XVIII вв. сдѣлано было до романтизма Ж.-Жакомъ Руссо.

Въ одной изъ наиболѣе интересныхъ главъ книги Брюнетьера, „L'Emancipation du moi par le romantisme“, проводится та мысль, что въ французской поэзіи XIX в. слились въ одно цѣлое лиризмъ, индивидуализмъ и романтизмъ. Творчество Ламартина, Мюссэ и др. отличается прежде всего тѣмъ, что всецѣло отражаетъ жизнь и чувства этихъ поэтовъ. Мы совершенно не можемъ судить по „Иліадѣ“ или по „Отелло“ о личности ихъ автора, но еслибы біографія Байрона, Ламартина, Гюго не была извѣстна, можно было бы вполнѣ возсоздать ее по ихъ творчеству, на которомъ отразились ихъ индивидуальныя чувства, пережитыя ими радости и скорби, кризисы душевной и умственной жизни.

Лиризмъ, такимъ образомъ, основанъ на замѣнѣ общихъ интересовъ частными, общихъ чувствъ личными, на преобладаніи подробностей надъ обобщающими идеями,—словомъ, на торжествѣ индивидуализма. И если расцвѣтъ лирической поэзіи во Франціи относится къ началу тридцатыхъ годовъ нашего вѣка, то это находится въ связи съ „эмансипаціей человѣческаго *я*“ въ литературѣ и философіи того времени. Руссо, доказывавшій могущество индивидуальной личности въ борьбѣ съ расовыми и кастовыми предразсудками, Стендаль, возводившій на пьедесталъ личную иниціативу и показывавшій ея значеніе для торжества демократическаго принципа,—характерные представители общественнаго настроенія того времени. Торжество принциповъ французской революціи создало въ обществѣ это настроеніе вмѣстѣ съ вліяніемъ сѣверныхъ литературъ, проникшихъ во Францію черезъ посредство м-мъ де-Сталь, и наконецъ очень большую роль играла здѣсь философія Канта и Фихте: она возвела

въ принципъ первенствующее значеніе человѣческаго „я", который становится основнымъ закономъ существованія его личности, будучи единственной достовѣрной истиной его существованія. Взаимодѣйствіе этихъ трехъ элементовъ и создало романтизмъ, который Брюнетьеръ опредѣляетъ какъ протестъ противъ классицизма, „предлогъ къ освобожденію отъ тиранніи классическихъ образцовъ". Такимъ образомъ, романтизмъ дѣлается въ французской жизни общественнымъ явленіемъ, обнаруживающимъ общее стремленіе къ индивидуализму, —и отраженіемъ этого направленія въ литературѣ служитъ лиризмъ.

Между характеристиками отдѣльныхъ поэтовъ романтической школы интересъ новизны представляетъ лекція о поэтической дѣятельности Сентъ-Бёва. Слава критика затмила достоинства поэта, долго писавшаго подъ псевдонимомъ Жозефа Делорма, и Брюнетьеръ оказалъ услугу литературѣ, напомнивъ современнымъ читателямъ о поэзіи „самаго сложнаго изъ поэтовъ романтической школы", какъ онъ называетъ Сентъ-Бёва, „вмѣстѣ съ де-Виньи, и единственнаго мыслящаго среди нихъ". Роль Сентъ-Бёва въ развитіи романтизма—очень вліятельная; въ его поэзіи лиризмъ, такъ сказать, пришелъ къ самосознанію и понялъ свою связь съ выраженіемъ личности поэта. Сентъ-Бёвъ, внесшій въ романтизмъ національныя традиціи, связавъ его съ поэзіей XVI в., самъ уподобился знаменитому литературному реформатору XVI в. Дюбеллѐ, положившему начало дѣятельности „плеяды". Какъ Дюбеллѐ реформами языка и воззваніемъ къ изученію древности подготовилъ путь Ронсару, такъ Сентъ-Бёвъ сдѣлалъ возможнымъ появленіе Виктора Гюго тѣмъ, что возстановилъ въ поэзіи нѣкоторыя забытыя формы стихосложенія, провозгласилъ значеніе риѳмы для поэзіи (въ XVIII вѣкѣ всякія метрическія стѣсненія считались усложняющими ремесло поэтовъ, и Вольтеръ много разъ протестуетъ противъ тиранніи риѳмы), и привилъ поэтамъ своего времени заботливость о совершенствѣ стиха. Другой заслугой Сентъ-Бёва въ развитіи романтизма былъ популярный характеръ его поэзіи; онъ осмѣлился ввести въ поэзію чувства и жизнь простыхъ людей, а не привилегированныхъ героевъ и героинь, вдохновлявшихъ его предшественниковъ. Онъ не вводитъ читателя въ міръ политическихъ интересовъ первостепенной важности и не стремится волновать его вопросомъ о томъ, достанется ли престолъ Баязету или Амурату, Эгисту или Полифонту. Съ другой стороны, онъ не погружаетъ насъ въ сложную психологію загадочныхъ натуръ, Манфредовъ и Рюи-Блазовъ, а рисуетъ простыя существованія простыхъ смертныхъ съ средними идеалами и чувствами. Это было совершенно новой нотой въ французской поэзіи и имѣло бо̀льшее значеніе въ развитіи стремленія къ равенству и братству людей въ романтизмѣ.

Интересно, что, заключая въ себѣ элементы полнаго расцвѣта романтизма, поэзія Сентъ-Бёва обнаруживаетъ признаки, приведшіе его къ упадку. У Сентъ-Бёва впервые видна болѣзненность душевныхъ настроеній, наложившая мрачный отпечатокъ на творчество Мюссэ. Сентъ-Бёвъ развиваетъ въ себѣ наклонность къ эксцентричности и развращенности вкуса и является въ этомъ отношеніи предвозвѣстникомъ Бодлэра, а интимныя стихотворенія о жизни „униженныхъ и оскорбленныхъ" дѣлаютъ Сентъ-Бёва вдохновителемъ Франсуа Коппé.

Этотъ сложный характеръ поэзіи Сентъ-Бева, повліявшій и на расцвѣтъ, и на паденіе романтизма, дѣлаетъ его творчество очень важнымъ для эволюціи лиризма; поэтому-то Брюнетьеръ подробно останавливается на поэтѣ, который не имѣетъ первокласснаго значенія для исторіи поэзіи, такъ какъ, по исполненію, большинство поэмъ Сентъ-Бёва далеко не стоитъ на высотѣ ихъ философскаго замысла.

III.

Pierre Loti. Oeuvres complètes. T. I. Paris 1893. Стр. 523.

Морской офицеръ, г. Віо (Viaud), извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Пьера Лоти, избранъ былъ членомъ французской академіи два года тому назадъ. Самый фактъ избранія молодого романиста бытописателя далекихъ острововъ Океаніи и хроникера своихъ романтическихъ похожденій среди дикихъ племенъ, произвелъ въ литературномъ мірѣ большую сенсацію—едва-ли однако пріятную новому академику. За немногими исключеніями чисто свѣтскихъ газетъ, французская печать осуждала выборъ академіи, доказывая, что популярность Пьера Лоти—не что иное, какъ мода, и что прочнаго литературнаго значенія его разсказы о жизни и нравахъ тропическихъ странъ не имѣютъ. Но еще болѣе, чѣмъ несправедливостью академическаго выбора, критика возмущалась рѣчью, съ которой Лоти выступилъ передъ своими новыми коллегами, его самовосхваленіемъ и дерзкимъ осужденіемъ современныхъ литературныхъ школъ. Академикъ Мезьеръ въ своей отвѣтной рѣчи далъ очень тонко понять новоизбранному члену нетактичность его поведенія: онъ началъ съ сожалѣнія о томъ, что лишенъ самой пріятной стороны своей обязанности—удовольствія говорить о достоинствахъ и выдающихся качествахъ таланта новаго академика, такъ какъ послѣдній самъ достаточно подробно изложилъ ихъ въ хвалебной рѣчи своему предшественнику. Недружелюбное отношеніе печати къ новому избраннику академіи и строгость сужденій нѣкоторыхъ критиковъ мало от-

разились однако на популярности П. Лоти. Его романы по прежнему составляютъ любимое чтеніе свѣтскихъ дамъ, и послѣ избранія въ академію морякъ-романистъ еще болѣе поднялся въ глазахъ средней публики, отъ которой зависитъ успѣхъ писателя.

Избраніе въ академію не послужило для Лоти стимуломъ къ развитію его таланта,—первая книжка новаго академика: „Le livre de la Pitié et de la Mort", многимъ уступаетъ его прежнимъ произведеніямъ. Но зато, со времени своего водворенія „sous la coupole académique", Лоти проникся благоговѣйнымъ отношеніемъ къ своей писательской дѣятельности, на которую прежде, во время своихъ блужданій по далекимъ морямъ, смотрѣлъ лишь какъ на цѣлебное средство противъ приступовъ тоски и томленій одиночества. Теперь Лоти заботится о своихъ будущихъ біографахъ и заблаговременно готовитъ для нихъ матеріалъ. Съ конца прошлаго года онъ предпринялъ изданіе полнаго собранія своихъ сочиненій, первый томъ котораго—внушительный in 8⁰—уже появился въ печати. Ни одинъ изъ современныхъ французскихъ романистовъ не собираетъ при жизни своихъ „Oeuvres complètes". Зола̀, Додэ, Бурже́ и др. довольствуются изданіями отдѣльныхъ романовъ, предоставляя признательному потомству почтить ихъ классическимъ „полнымъ собраніемъ". Но, конечно, преимущество Лоти передъ этими корифеями современнаго французскаго романа—въ томъ, что онъ академикъ, оффиціально признанный „immortel", и онъ пользуется этимъ кажущимся преимуществомъ, чтобы отдать на судъ критики первый томъ своихъ „Oeuvres complètes". Въ немъ помѣщены „Discours de réception à l'Académie française" и два произведенія, которыми Лоти дебютировалъ въ литературѣ: „Aziyadé" (1879) и „Le Mariage de Loti" (1880).

Академическая рѣчь Лоти—интересный документъ для исторіи литературныхъ распрей въ современной Франціи. Подъ видомъ панегирика своему предшественнику въ академіи, Октаву Фёльѐ, Лоти выступаетъ въ ней рѣзкимъ противникомъ натуралистической школы и защитникомъ идеализма. Озабоченный въ своей рѣчи главнымъ образомъ характеристикой самого себя, Лоти нападаетъ на натуралистовъ, занятыхъ, по его мнѣнію, лишь намѣреннымъ исканіемъ грязи въ низменныхъ слояхъ общества. Слишкомъ яснымъ становится его намекъ на Зола̀, когда онъ отдаетъ предпочтеніе художникамъ, рисующимъ герцогинь, предъ тѣми, которые воспроизводятъ жизнь прачекъ и marchands de vin. Конечно, къ художникамъ, занятымъ психологіей „высшихъ организацій", встрѣчаемыхъ лишь среди привилегированныхъ классовъ общества, Лоти причисляетъ еще болѣе, чѣмъ О. Фёлье, себя самого. Онъ вѣдь рисуетъ праздныхъ женщинъ не во Франціи, гдѣ имъ все-таки приходится заниматься какимъ-

нибудь дѣломъ, а среди обстановки тропическихъ острововъ, гдѣ щедрая природа освободила людей отъ труда и заботъ о завтрашнемъ днѣ. Радость и скорбь чувствуются тамъ сильнѣе, потому что жизнь чувствъ и смѣна настроеній составляютъ единственное различіе между пышно расцвѣтающими произведеніями тропической флоры и томительно прекрасными, умирающими отъ слишкомъ интенсивной любви женщинами тѣхъ странъ. Описаніе душевной жизни этихъ полудикихъ женщинъ-звѣрьковъ, у которыхъ поэзія инстинктивныхъ влеченій души не убита цивилизаціей, Лоти считаетъ болѣе достойной задачей для художника, чѣмъ психологію трудовой жизни современнаго Парижа. То, что составляетъ особенность и своеобразную прелесть его творчества, онъ возводитъ въ литературный принципъ и обнаруживаетъ, конечно, только отсутствіе широкаго критическаго взгляда. Экзотизмъ Лоти вноситъ оригинальную, свѣжую ноту въ современную французскую литературу, но одержать побѣды надъ натуралистическимъ романомъ онъ не можетъ, несмотря на всякіе академическіе выборы; онъ не захватываетъ жизни и самыхъ близкихъ интересовъ націи, подобно Зола и его школѣ, и представляетъ интересъ лишь какъ поэтическое отраженіе очень своеобразныхъ ощущеній, мимолетныхъ, но прекрасныхъ, оставляющихъ смутное, но не глубокое впечатлѣніе какой-то наивной, непосредственной красоты. Странно къ тому же, что Лоти беретъ на себя роль проповѣдника идеализма противъ господствующаго въ французскомъ романѣ реализма. Онъ самъ—такой же разочарованный скептикъ, какъ всѣ французскіе романисты, начиная съ Флобера, и такъ же точно не вѣритъ ни въ людей, ни въ высшій смыслъ человѣческой жизни. Въ „Aziyadé" встрѣчаются слѣдующія характерныя слова, написанныя въ видѣ признанія автора своему другу: „Нѣтъ ни Бога, ни нравственности. Нѣтъ ничего изъ всего, чему насъ учили поклоняться. Есть только жизнь, которая проходитъ, и нужно насладиться ею какъ можно полнѣе, въ ожиданіи заканчивающаго все ужаса смерти". Авторъ подобнаго „крика души" не имѣетъ права выступать защитникомъ идеализма.

Кромѣ рѣзкихъ нападокъ на реализмъ, Лоти высказывается въ своей рѣчи также противъ такъ называемаго психологическаго романа, занимающагося анализомъ каждаго движенія души, каждаго оттѣнка настроенія. Въ осужденіи манеры романистовъ-психологовъ чувствуется опять, что Лоти ломаетъ копья не изъ-за Октава Фёлье съ его великосвѣтскими героинями; его критика психологическаго романа звучитъ защитой pro domo sua, оправданіемъ своей импрессіонистской, нѣсколько небрежной манеры писать отрывистыми фразами, отмѣчающими впечатлѣнія, вмѣсто того, чтобы ихъ описывать и разъяснять.

Въ своемъ отрицаніи натуралистическаго и психологическаго романа Лоти является сторонникомъ идеализма, но далеко не типичнымъ его выразителемъ. Его связываетъ съ идеализмомъ не внутреннее настроеніе, а только грустная окраска его чувственности, омраченной мыслью о бренности земной жизни, въ которой онъ не видитъ и не предполагаетъ высшей цѣли. Основная идея всѣхъ его произведеній, носящихъ скорѣе характеръ интимныхъ дневниковъ, чѣмъ цѣльныхъ романовъ,—кратковременность, мимолетность земныхъ радостей и человѣческихъ чувствъ, невозможность прочныхъ привязанностей, разлука и смерть, которыя таятся въ каждой встрѣчѣ и въ каждой радости. Моряку, который живетъ среди постоянныхъ внѣшнихъ перемѣнъ, особенно ярко бросается въ глаза неустойчивость земного существованія, пропасть, раздѣляющая людей между собой, благодаря различію условій, среди которыхъ они живутъ, невозможность взаимнаго пониманія, контрасты и диссонансы жизни. На этомъ основаны всѣ разсказы Лоти о его романтическихъ приключеніяхъ въ далекихъ странахъ.

„Aziyadé", разсказъ, которымъ Лоти дебютировалъ въ литературѣ, основанъ на любви разочарованнаго скептика, морского офицера, къ женѣ какого-то турецкаго паши въ Салоникахъ; его влечетъ къ ней романтическая обстановка, среди которой онъ впервые увидѣлъ ея загадочные зеленые глаза; она полюбила его непосредственной, самоотверженной, страстной любовью восточной женщины, всецѣло поглощенной жизнью чувства. Все время, пока длится романъ, Лоти остается разсудочнымъ романтикомъ. Его тѣшитъ экзотическая обстановка, турецкій костюмъ и выдуманное имя, подъ которымъ онъ живетъ въ отдаленномъ кварталѣ Константинополя, контрастъ между наивностью чувства его возлюбленной и необычайностью обстановки ихъ тайныхъ свиданій, то на разукрашенной галерѣ, медленно скользящей по морю въ Салоникахъ, то въ уединенномъ восточномъ домикѣ Лоти въ Константинополѣ. Восточная красота Азіадэ и своеобразная живописность обстановки, среди которой онъ ее видитъ, возбуждаетъ притупленные нервы пресыщеннаго европейца; но онъ ясно сознаетъ, что это не любовь, а мимолетное увлеченіе новизной. Мысль о неминуемой разлукѣ омрачаетъ ихъ счастье, различнымъ образомъ отражаясь въ душѣ каждаго изъ нихъ. Цѣльная натура Азіадэ знаетъ, что конецъ любви будетъ для нея концомъ жизни; Лоти же видитъ горечь разлуки въ томъ, что опять часть жизни разсѣется какъ сонъ, пройдетъ, не оставивъ слѣда, смѣнится новыми, столь же преходящими чувствами, отъ которыхъ въ душѣ остается только холодъ смерти.

Вся эта часть разсказа, построенная на контрастѣ цѣльнаго и

сильнаго чувства непосредственной натуры и болѣзненной психологіи тоскующаго, неудовлетвореннаго „сына вѣка", слишкомъ манерна, благодаря погонѣ автора за оригинальностью и изысканностью; къ тому же герой является далеко не человѣкомъ „конца вѣка", какимъ авторъ хочетъ нарисовать его, а роднымъ братомъ героевъ Мюссэ и Альфреда де-Виньи. Гораздо лучше и оригинальнѣе конецъ „Aziyadé" —постепенное поглощеніе скучающаго европейца нѣгой восточной жизни, подчиненіе его властному чувству любви восточной женщины, истинная привязанность, зарождающаяся въ немъ къ нѣжной, страдающей Азіадэ и заставляющая его послѣ ея смерти идти сражаться въ турецкихъ рядахъ.

„Le Mariage de Loti" построенъ на тѣхъ же контрастахъ непосредственности сильныхъ, свободныхъ страстей и фантастической обстановки, среди которой, казалось бы, чувства людей должны были принимать столь же странныя, причудливыя формы, какъ линіи горъ и рѣкъ, колоритъ воздуха и цвѣтовъ, среди которыхъ живетъ населеніе о-въ Таити и другихъ описываемыхъ Лоти странъ. Въ этомъ разсказѣ, тоже написанномъ въ формѣ дневника, ярко сказалась основная черта таланта Лоти,—его умѣніе возсоздать экзотическую обстановку со всѣмъ, что въ ней есть тревожнаго, таинственнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтлаго и радостнаго, какъ безоблачная пора дѣтства человѣчества. Прочтя „Mariage de Loti", читатель долго не можетъ отдѣлаться отъ магическаго впечатлѣнія тропическихъ лѣсовъ, тѣнистыхъ апельсинныхъ рощъ, среди которыхъ протекаютъ свѣтлые ручьи; вокругъ нихъ проводитъ цѣлые дни беззаботное населеніе, не знающее преградъ естественнымъ чувствамъ; простая жизнь, красота природы, отдыхъ въ лѣсахъ во время дневного жара и танцы по вечерамъ, фантастическіе „ира-ира", на которые дѣвушки приходятъ въ длинныхъ цвѣтныхъ туникахъ, въ вѣнкахъ, которые потомъ отдаютъ избранникамъ сердца. И всѣ, отъ „принцессъ" до послѣднихъ поселянокъ, собираются вмѣстѣ туда, куда ихъ влечетъ молодость и инстинктивная радость жизни. На фонѣ этого безконечнаго веселья, беззаботной внѣшней жизни, разъигрывается все та же грустная исторія любви и неминуемой разлуки, рисуется поэтическій образъ Rarahu, „la petite femme à Loti", которая умѣетъ такъ нѣжно и глубоко любить и страдать, и для которой, какъ для „Aziyadé", разлука съ возлюбленнымъ означаетъ смерть. Она прожигаетъ остатокъ жизненныхъ силъ въ безумныхъ оргіяхъ и умираетъ, изнывая отъ любви. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1894 г.

Заключительное слово къ полемикѣ о свободѣ.—Проектъ новой организаціи городского общественнаго призрѣнія въ Москвѣ.—Сравненіе его съ проектомъ, составленнымъ въ коммиссіи статсъ-секретаря К. К. Грота. — Еще о литературномъ фондѣ.—Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на спб. высшихъ женскихъ курсахъ.

Въ февральской книжкѣ „Русскаго Обозрѣнія" появился отвѣтъ г. Л. Тихомирова на нашу январьскую общественную хронику. Еслибы нашею цѣлью было договориться до чего-нибудь съ самимъ г. Тихомировымъ, доискаться какой-нибудь общей для него и для насъ почвы, мы прекратили бы споръ, за совершенной его безплодностью. Соглашеніе немыслимо, когда спорящіе говорятъ на разныхъ языкахъ, различно понимая одни и тѣ же слова и самый предметъ спора. Мы постоянно вели рѣчь о свободѣ *политической и гражданской* и желали узнать, какъ смотритъ г. Тихомировъ именно на нее, а не на что-нибудь иное; г. Тихомировъ не хочетъ сходить съ почвы вопроса о психологической свободѣ личности, т.-е. *о свободѣ воли.* При такихъ условіяхъ продолженіе *полемики* становится излишнимъ, и мы коснемся новыхъ возраженій г. Тихомирова лишь настолько, насколько они могутъ способствовать выясненію нашего взгляда на свободу.

Въ одной изъ своихъ предъидущихъ статей г. Тихомировъ далъ слѣдующее опредѣленіе свободы: „свобода—это такое состояніе, при которомъ человѣкъ подчиненъ своимъ внутреннимъ силамъ, а не какимъ-либо внѣшнимъ". Теперь онъ беретъ назадъ это опредѣленіе, какъ „не вполнѣ точное", и замѣняетъ его слѣдующимъ: „свобода есть такое состояніе, когда личность подчинена своимъ внутреннимъ силамъ, находящимся въ должномъ гармоническомъ строѣ". Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи интересно не то, что въ немъ есть (въ сущности оно ничего не опредѣляетъ, вслѣдствіе крайней туманности вновь введеннаго термина — „*должнаго* гармоническаго строя" внутреннихъ силъ личности), а то, чего въ немъ нѣтъ, т.-е. то, что исключено изъ прежняго опредѣленія. Когда свобода опредѣляется какъ подчиненіе внутреннимъ силамъ, а *не какимъ-либо внѣшнимъ*, тогда невольно является мысль о *гражданской свободѣ*, предполагающей именно отсутствіе *внѣшняго* гнета

(со стороны государственной власти); когда на сценѣ остаются однѣ „внутреннія силы", безъ противопоставленія ихъ внѣшнимъ, тогда гораздо удобнѣе игнорировать политическое значеніе свободы и продолжать игру словъ, основанную на сознательномъ или безсознательномъ смѣшеніи понятій. Подстановка одного опредѣленія на мѣсто другого, произведенная г. Тихомировымъ, еще больше прежняго убѣждаетъ насъ въ томъ, что вся его аргументація держалась, съ самаго начала, на пріемѣ не столько полемическаго, сколько престидижитаторскаго свойства. Пускай онъ доказываетъ сколько ему угодно, что истинная свобода доступна и рабу; намъ нѣтъ надобности ни признавать, ни оспаривать это положеніе, потому что свобода, о которой оно трактуетъ, не имѣетъ ничего общаго съ свободой гражданской.

Гражданская свобода,—говоритъ, далѣе, г. Тихомировъ, повторяя слова г. Spectator'a,—„есть понятіе чисто отрицательное; она не есть сама по себѣ ни добро, ни зло—она есть только отсутствіе стѣсненій. Полезность ея вполнѣ зависитъ отъ того, кому она предоставлена". Все это—явные софизмы. Отсутствіе стѣсненій равносильно возможности говорить и дѣйствовать, т.-е. благу вполнѣ положительному. Отрицательная сторона понятія о свободѣ не только не исключаетъ другой, противоположной, но необходимо ее предполагаетъ. Физическая жизнь человѣка возможна только при отсутствіи вредныхъ примѣсей въ воздухѣ, которымъ онъ дышетъ; неужели отсюда слѣдуетъ, что чистота воздуха—понятіе вполнѣ отрицательное?.. Свобода, безспорно, можетъ быть употреблена во зло; но это еще отнюдь не значитъ, чтобы она была „сама по себѣ" чѣмъ-то безразличнымъ. Свобода есть добро, потому что она даетъ просторъ вложеннымъ въ насъ силамъ, вызываетъ ихъ наружу, способствуетъ ихъ росту, допускаетъ самыя разнообразныя ихъ соединенія и сочетанія. Свобода есть добро, потому что она увеличиваетъ интенсивность жизни, предупреждаетъ атрофію способностей, неизбѣжную при ихъ бездѣйствіи, уменьшаетъ массу страданій, коренящихся въ неудовлетворенныхъ потребностяхъ и стремленіяхъ. Это признаетъ, самъ того, повидимому, не желая и не замѣчая, и г. Тихомировъ, когда называетъ гражданскую свободу условіемъ, необходимымъ для *жизни* личности въ обществѣ. Изъ тѣхъ же словъ г. Тихомирова можно вывести и другое заключеніе, идущее въ разрѣзъ съ его теоріей. Если свобода—основное свойство личности, вносимое ею и въ общество, то гражданская свобода является правомъ личности вообще, независимо отъ того, какъ она пользуется этимъ правомъ. Другими словами, мѣра свободы должна быть установлена путемъ общаго опредѣленія, а не путемъ аптекарскаго развѣшиванья

ея между отдѣльными членами общества, примѣнительно къ предполагаемой ея „полезности" для каждаго изъ нихъ...

„Идеалы г. Тихомирова,—замѣтили мы по поводу его прежней статьи, — очевидно, не въ будущемъ, а въ настоящемъ". Нѣтъ, — отвѣчаетъ онъ намъ:—„мои идеалы въ *вѣчномъ*, которое было и въ въ прошломъ, есть въ настоящемъ, будетъ въ будущемъ... Всегда были яркія, такъ сказать идеальныя проявленія жизненной силы личности и общества; всегда были и, полагаю, будутъ проявленія паденія, разложенія, безсилія. Въ прошломъ, въ настоящемъ и въ будущемъ я съ одинаковой любовью останавливаюсь на проявленіяхъ перваго рода, съ одинаковой грустью и порицаніемъ—на второмъ. Идеалы же мои въ смыслѣ желаній, относительно будущаго, конечно въ томъ, чтобы видѣть въ немъ возможно бо̀льшее торжество *жизненныхъ* началъ. *Реакціонно* ли такое мое воззрѣніе или *прогрессивно*—право, меня это ни на одну іоту не интересуетъ". Безъ сомнѣнія, дѣло не въ кличкѣ, а въ самой сущности взглядовъ. Идеалы г. Тихомирова антипатичны намъ потому, что они предполагаютъ возстановленіе наименѣе *жизненныхъ* началъ прошедшаго—разслоенія общества на неподвижныя группы, узаконенія неравенства и „патронажа", обязательнаго подчиненія авторитетамъ, отождествленія народной воли съ волей правящаго класса, оправданія „тиранническихъ" мѣръ, „добровольно принимаемыхъ населеніемъ". Мы называемъ эти начала наименѣе „жизненными" какъ потому, что они меньше всего имѣютъ право на существованіе въ обществѣ, созрѣвающемъ и развивающемся, такъ и потому, что они втискиваютъ жизнь въ узкія рамки, понижаютъ ея разнообразіе и богатство, мѣшаютъ ей развернуться во всю ширь, осуществить все то, что она, въ видѣ зачатковъ, хранитъ въ своихъ нѣдрахъ.

„Я ставлю,—такъ резюмируетъ г. Тихомировъ все высказанное имъ раньше,—для гражданской свободы основу психологическую, свойства личности нашей. Я отрицаю утилитарныя соображенія въ качествѣ такой основы. Никакой другой основы *Вѣстникъ Европы* мнѣ не противупоставилъ. Разсужденіе пока на этомъ и стоитъ. Могу лишь указать,—выясненіе какихъ пунктовъ, мнѣ кажется, было бы необходимымъ далѣе. Прежде всего, конечно, требуется опредѣленіе свободы личности. Затѣмъ является вопросъ о значеніи свободы личности для общества. Можетъ ли она быть организующимъ элементомъ общества? Отъ рѣшенія этого вопроса зависятъ очень многіе дальнѣйшіе выводы. Но при всевозможныхъ его рѣшеніяхъ остается одинаково важнымъ вопросъ о томъ, какими средствами сохраняется и развивается та психологическая свобода личности, которая служитъ основой гражданской свободы? Чѣмъ внутренно должна для

этого жить личность? Какая общественная среда болѣе благопріятна для сохраненія и развитія личности?"

Мы уже объяснили выше, почему не считаемъ нужнымъ держаться пути, указываемаго г. Тихомировымъ. Опредѣленіе свободы личности, въ психологическомъ смыслѣ слова, мы предоставляемъ философіи; поставленнаго нами вопроса о гражданской свободѣ оно не можетъ ни разрѣшить, ни даже придвинуть къ разрѣшенію, потому что при одинаковомъ пониманіи свободы воли мыслимы совершенно различные, даже діаметрально противоположные взгляды на гражданскую свободу—и наоборотъ. Излишнимъ, въ полемикѣ о гражданской свободѣ, мы признаемъ, поэтому, и обсужденіе вопроса о средствахъ, которыми сохраняется и развивается психологическая свобода личности. Основой для гражданской свободы служитъ, въ нашихъ глазахъ, съ одной стороны, потребность личности въ безпрепятственномъ развитіи и примѣненіи своихъ способностей и силъ, съ другой стороны—необходимость удовлетворенія этой потребности для успѣшнаго достиженія важнѣйшихъ цѣлей общества и государства. Организующимъ элементомъ общества гражданская свобода можетъ быть и дѣйствительно бываетъ настолько, насколько общество слагается и видоизмѣняется подъ вліяніемъ взаимодѣйствія отдѣльныхъ единицъ, его образующихъ.

Московской городской думѣ предстояло недавно разрѣшить весьма важный вопросъ о новой организаціи общественнаго призрѣнія, возникшій вслѣдствіе упраздненія московскаго комитета для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни. Московскому городскому общественному управленію, къ которому, за силою Высочайше утвержденнаго 29 января 1892 г. положенія комитета министровъ, перешли всѣ дѣла и средства комитета призрѣнія нищихъ, предоставлено право учреждать въ Москвѣ участковыя попечительства о бѣдныхъ. Проектъ устройства такихъ попечительствъ составленъ, по порученію московской городской думы, городскою коммиссіей о пользахъ и трудахъ, во главѣ которой стоитъ проф. В. И. Герье. Въ докладѣ, при которомъ этотъ проектъ внесенъ на разсмотрѣніе думы, мастерски изложена, въ главныхъ чертахъ, исторія общественнаго призрѣнія въ западной Европѣ и въ Россіи, и затѣмъ показано современное положеніе московской благотворительности, общественной и частной. Съ перваго взгляда это положеніе можетъ показаться блестящимъ: разныя вѣдомства и частныя общества тратятъ на благотвореніе, по свѣденіямъ за 1889 г., болѣе $4^{1}/_{2}$ милл. рублей. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, однако, что почти всю эту сумму поглощаетъ содержаніе больницъ, богадѣленъ и пріютовъ, а на благотво-

реніе внѣ заведеній, т.-е. собственно на помощь бѣднымъ, расходуется не болѣе 350 тыс. руб. На долю городского управленія, изъ этой послѣдней суммы, приходится съ небольшимъ 22 тысячи рублей, что̀ составляетъ на каждаго жителя *три* копѣйки въ годъ. Если прибавить къ этому проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ, состоящихъ въ вѣденіи города, то вмѣсто трехъ копѣекъ получится *семь*, т.-е. менѣе $1/4$ франка, между тѣмъ какъ въ Парижѣ расходъ на призрѣніе доходитъ до $2^1/_2$ фр. съ жителя, въ Берлинѣ—до $5^2/_5$ фр., въ Вѣнѣ—до $9^3/_4$! При этомъ, число нищихъ въ Москвѣ уже въ 1878 г. опредѣлялось въ 26 тысячъ. Эта цифра, по замѣчанію доклада, „можетъ быть преувеличена относительно числа лицъ, открыто просящихъ милостыни, но она едва-ли выражаетъ собою совокупность бѣдствующаго и нуждающагося въ пособіяхъ люда". Въ Германіи среднее число получающихъ вспомоществованіе составляетъ, въ городскихъ общинахъ, около $5^1/_2$ % всего населенія; по этому разсчету такихъ лицъ въ Москвѣ должно насчитываться до $42^1/_2$ тысячъ.

Увеличеніе средствъ, ассигнуемыхъ городомъ на помощь бѣднымъ, предполагаетъ, само собою, цѣлесообразную и производительную ихъ затрату, возможную только подъ условіемъ „призыва и организаціи всѣхъ живыхъ силъ, готовыхъ служить великой задачѣ общественной благотворительности". Въ Москвѣ,—читаемъ мы дальше въ докладѣ коммиссіи—„есть сотни лицъ, готовыхъ жертвовать деньги и другого рода пособія на пользу бѣдныхъ, какъ скоро они будутъ убѣждены, что жертвуемыя ими средства будутъ употреблены разумно; есть сотни другихъ лицъ, готовыхъ взять на себя заботу о бѣдствующихъ, надзоръ за вспомоществуемыми, попеченіе о тѣхъ, которые нуждаются въ совѣтѣ, въ прінсканіи заработка, въ нравственной поддержкѣ. На этомъ поприщѣ нашли бы возможность служить обществу женщины, которымъ закрыты многія другія области общественной дѣятельности, и усердіе которыхъ особенно плодотворно во всемъ, что имѣетъ отношеніе къ благотворенію и оказанію помощи страждущимъ". Участковыя попечительства коммиссія предлагала учредить въ составѣ отъ 5 до 10 членовъ, избираемыхъ городскою управою (или особою исполнительною коммиссіей) на четыре года, изъ числа лицъ обоего пола, живущихъ въ данномъ участкѣ и обязавшихся ежегодными денежными взносами содѣйствовать дѣлу призрѣнія бѣдныхъ. Всѣ другіе постоянные жертвователи числятся членами попечительства, но въ распорядительныхъ засѣданіяхъ его участвуютъ только по приглашенію предсѣдателя. Предсѣдатели попечительствъ избираются думой, по предложенію городского головы. Лица, не состоящія платными членами попечительства, могутъ, въ

качествѣ его помощниковъ, исполнять порученія, данныя имъ попечительствомъ или предсѣдателемъ.

Внесенный въ городскую думу, проектъ коммиссіи встрѣтилъ со стороны гласныхъ возраженія двоякаго рода. Одни считали излишнимъ учрежденіе особыхъ городскихъ попечительствъ и настаивали на сліяніи ихъ съ попечительствами церковно-приходскими; другіе, соглашаясь съ коммиссіей въ принципѣ, указывали только на неясность или неудовлетворительность нѣкоторыхъ отдѣльныхъ правилъ. Возраженія перваго рода были заранѣе предусмотрѣны коммиссіей, констатировавшей въ своемъ докладѣ, что изъ 233 московскихъ приходовъ церковно-приходскія попечительства устроены только въ *сорока-двухъ*. Этой одной цифры вполнѣ достаточно, чтобы доказать необходимость городскихъ участковыхъ попечительствъ. Распоряженіе городскими средствами городъ не можетъ, притомъ, предоставить никому иному, какъ учрежденіямъ, отъ него зависящимъ и имъ руководимымъ. Если предсѣдателямъ церковно-приходскихъ попечительствъ дано будетъ мѣсто въ составѣ попечительствъ участковыхъ, то этимъ самымъ будетъ устранена возможность противорѣчій между дѣятельностью тѣхъ и другихъ. Проектъ коммиссіи былъ возвращенъ ей для пересмотра и дополненія, но мѣсяцъ спустя принятъ думой безъ всякихъ существенныхъ измѣненій. Когда онъ будетъ утвержденъ администраціей—а сомнѣваться въ такомъ утвержденіи нѣтъ повода, такъ какъ вопросъ о самостоятельныхъ городскихъ участковыхъ попечительствахъ предрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ комитетомъ министровъ,—для общественнаго призрѣнія въ Москвѣ (а вслѣдъ за нею, нужно надѣяться, и въ другихъ городахъ) наступитъ новая эра.

Московскій проектъ организаціи участковыхъ попечительствъ напомнилъ намъ о другомъ проектѣ организаціи общественнаго призрѣнія, составленномъ по порученію коммиссіи статсъ-секретаря К. К. Грота. Читатели припомнятъ, быть можетъ, что субъ-коммиссія, исполнившая это порученіе, также предложила учрежденіе городскихъ участковыхъ попечительствъ [1]; но дальше названія сходство между обоими проектами почти не идетъ. Члены городскихъ участковыхъ попечительствъ, по мысли субъ-коммиссіи, всѣ (кромѣ священника и полицейскаго чиновника) назначаются уѣзднымъ попечительствомъ, въ составѣ котораго изъ *десяти* членовъ имѣются только *три* представителя отъ города—членъ городской управы и двое городскихъ гласныхъ (остальные члены—членъ уѣздной земской управы, двое земскихъ

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 9 „Вѣстн. Европы" за 1898 г.

гласныхъ, уѣздный исправникъ, полиціймейстеръ, священникъ—по назначенію духовнаго начальства, врачъ—по приглашенію предсѣдателя; предсѣдатель—уѣздный предводитель дворянства). Рѣшающая роль предоставляется, такимъ образомъ, учрежденію смѣшаннаго характера, не составляющему органическаго цѣлаго — учрежденію, члены котораго обременены, большею частью, посторонними занятіями и не связаны съ городомъ тѣсною внутреннею связью. Выборному элементу вовсе не дано мѣста; *назначеніе* господствуетъ всецѣло. Устроенное на бюрократическій манеръ, уѣздное попечительство не можетъ не настроить бюрократически и участковыя попечительства, члены которыхъ отъ него одного получаютъ свою инвеституру. Участковое попечительство полагается одно на цѣлый городъ, если въ немъ не болѣе 10.000 жителей; отсюда слѣдуетъ, что при большей населенности города участковыхъ попечительствъ можетъ быть не болѣе одного на каждыя десять тысячъ жителей. Это цифра слишкомъ большая, при которой (особенно въ большихъ городахъ, переполненныхъ бѣдняками) не можетъ установиться близкаго, непосредственнаго общенія между помогающими и получающими помощь. Со всѣхъ только-что указанныхъ точекъ зрѣнія московскій думскій проектъ имѣетъ большія преимущества передъ проектомъ субъ-коммиссіи. Онъ оставляетъ общее завѣдываніе дѣломъ въ рукахъ выборнаго учрежденія, однороднаго по своему составу и прямо заинтересованнаго въ благосостояніи города; избраніе членовъ участковыхъ попечительствъ онъ возлагаетъ отчасти на городскую управу, отчасти на городскую думу; число попечительствъ онъ ничѣмъ не ограничиваетъ, вслѣдствіе чего районъ дѣйствій каждаго изъ нихъ можетъ быть весьма небольшой. Конечно, было бы еще лучше, еслибы члены участковыхъ попечительствъ—или, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ—выбирались непосредственно жителями околотка, въ которомъ дѣйствуетъ попечительство; но это требовало бы образованія особыхъ, ad hoc, избирательныхъ собраній, т.-е. дополненія дѣйствующихъ законовъ—а московская городская коммиссія о пользахъ и нуждахъ, и вслѣдъ за нею московская городская дума, предпочли остаться на почвѣ существующаго, чтобы скорѣе достигнуть намѣченной цѣли. Главное—пустить въ ходъ новую организацію; усовершенствовать ее будетъ сравнительно не трудно.

Намъ могутъ замѣтить, что различіе между обоими проектами обусловливается различіемъ задачъ, которыя имѣлись въ виду ихъ составителями: коммиссія К. К. Грота и ея субъ-коммиссія имѣютъ дѣло съ призрѣніемъ государственнымъ, московская городская коммиссія—съ призрѣніемъ городскимъ. Такое замѣчаніе было бы основано на явномъ недоразумѣніи. Городское (и земское) самоуправле-

ніе, работая надъ общественнымъ призрѣніемъ, исполняетъ задачу общегосударственной важности и является, до извѣстной степени, органомъ государства. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, вполнѣ достаточно поставить его дѣятельность подъ контроль государственной власти—контроль, въ настоящее время имѣющійся на лицо въ явномъ избыткѣ. Средства для государственнаго призрѣнія субъ-коммиссія предполагаетъ черпать преимущественно изъ земскихъ сборовъ, часть которыхъ доставляется, какъ извѣстно, городскими имуществами. И въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, разница между государственнымъ призрѣніемъ и городскимъ (или земскимъ) существуетъ больше на словахъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Московскій проектъ убѣждаетъ насъ еще больше прежняго въ справедливости того взгляда, который мы проводили при разборѣ проекта субъ-коммиссіи. Нѣтъ надобности въ созданіи особыхъ *уѣздныхъ* попечительствъ для завѣдыванія общественнымъ призрѣніемъ; гораздо правильнѣе и проще оставить его въ рукахъ городскихъ и земскихъ управъ, по принадлежности; необходимо устроить вновь только *участковыя* попечительства, возможно близкія къ населенію, тѣсно съ нимъ связанныя, предоставляющія широкій просторъ всѣмъ видамъ частной иниціативы и не дающія предпочтенія одной формѣ содѣйствія передъ другою — денежнымъ взносамъ передъ личнымъ трудомъ.

Отмѣтимъ, кстати, курьёзный образецъ „недоразумѣній", встрѣчающихся иногда въ нашей печати. Существуетъ журналъ: „Дѣтская Помощь", спеціально посвященный вопросамъ общественной благотворительности. Разбирая нашу прошлогоднюю сентябрьскую хронику, онъ истолковалъ ее въ томъ смыслѣ, что мы находимъ излишнимъ учрежденіе какихъ бы то ни было особыхъ, закономъ установленныхъ органовъ призрѣнія, а участіе государства въ призрѣніи сводимъ, „какъ необязательное, до крайняго минимума". Въ этомъ нѣтъ ни одного слова правды. Отрицая пользу новыхъ „инстанцій", устроенныхъ по шаблонному, канцелярскому типу и безъ того уже слишкомъ многочисленныхъ уѣздныхъ и губернскихъ „присутствій", мы настаивали на организаціи возможно бо́льшаго числа *дѣятельныхъ* органовъ помощи—участковыхъ попечителей и попечительствъ; мы протестовали противъ тэзиса субъ-коммиссіи, по которому „государственное призрѣніе должно дѣйствовать съ извѣстнымъ „равнодушіемъ и нѣкоторою формальностью"; мы указали на необходимость широкаго развитія средствъ призрѣнія. Все это не помѣшало „Дѣтской Помощи" разразиться противъ насъ слѣдующей тирадой: „холодомъ несетъ отъ этого журнала, особенно когда зайдетъ рѣчь о вопросахъ нравственнаго свойства. Объ общественной

благотворительности редакція журнала имѣетъ самое низкое понятіе; всѣ мѣры благотворительности—это самые жалкіе палліативы; зло можетъ уступить только передъ особымъ государственнымъ режимомъ, можетъ быть устранено подъ условіемъ правового порядка, который является для редакціи столь заманчивымъ въ заграничныхъ странахъ"... „Московскія Вѣдомости", перепечатавъ [1]) эти слова, прибавляютъ къ нимъ отъ себя: „а пока не даютъ правового порядка, пусть голодные сидятъ безъ хлѣба... Знакомая логика!" По истинѣ—прелестные журнальные нравы!

Наша замѣтка о литературномъ фондѣ вызвала два возраженія со стороны „Новостей" (№№ 71 и 78). Мы ограничимся только немногими замѣчаніями, необходимыми для возстановленія истины и для окончательнаго разъясненія дѣла. „Большинство членовъ комитета,—говоритъ фельетонистъ „Новостей",—состоитъ не изъ литераторовъ". Это справедливо, если понимать слово „литераторъ" въ тѣсномъ смыслѣ профессіональнаго писателя, и только писателя; но вѣдь литературный фондъ есть общество для пособія нуждающимся литераторамъ и *ученымъ*, и этому вполнѣ соотвѣтствуетъ составъ его комитета. „Извѣстно,—читаемъ мы дальше,—что первоначально Елисеевъ завѣщалъ свой капиталъ тверскому земству, и только когда произошла земская реформа, нежелательная съ точки зрѣнія покойнаго, онъ перемѣнилъ свое завѣщаніе и пожертвовалъ свои деньги фонду". Это невѣрно: изъ пятидесяти слишкомъ тысячъ рублей Елисеевъ завѣщалъ непосредственно фонду болѣе тридцати тысячъ, и только остальныя двадцать тысячъ, первоначально предоставленныя тверскому земству, перешли отъ послѣдняго къ фонду вслѣдствіе состоявшейся, между тѣмъ, земской реформы. Столь же невѣрно и утвержденіе, что проектъ кассы взаимопомощи „провалялся въ дѣлопроизводствѣ фонда едва ли не десятокъ лѣтъ". Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ на разсмотрѣніе фонда поступилъ проектъ образованія при немъ кассы взаимопомощи, тогда же *отвергнутый* какъ комитетомъ, такъ и общимъ собраніемъ. Въ 1889 г. былъ составленъ тѣмъ же лицомъ, но на совершенно иныхъ основаніяхъ, новый проектъ, немедленно внесенный комитетомъ въ общее собраніе, а общимъ собраніемъ переданный на обсужденіе особой коммиссіи; въ 1890 г., тотчасъ по окончаніи трудовъ коммиссіи, онъ былъ принятъ общимъ собраніемъ и представленъ комитетомъ на утвержденіе министерства народнаго просвѣ-

---

[1]) Только благодаря „Московскимъ Вѣдомостямъ", думавшимъ нанести намъ ударъ чужою рукою, мы и узнали о существованіи направленной противъ насъ замѣтки „Дѣтской Помощи".

щенія. Никакой „проволочки“ со стороны фонда, такимъ образомъ, допущено не было; проектъ, по его мнѣнію неподходящій, былъ отклоненъ, подходящій—безъ замедленія одобренъ и пущенъ въ ходъ. Точно такъ же, по всей вѣроятности, литературный фондъ поступилъ бы и по отношенію ко всякому другому предпріятію, направленному на пользу пишущей братіи; убѣдясь въ его цѣлесообразности, онъ не отказался бы способствовать его осуществленію, лишь бы только оно не мѣшало исполненію задачъ, намѣченныхъ уставомъ и тридцатипятилѣтнею практикою фонда. Здѣсь-то и коренится существенное разногласіе между нами и сотрудникомъ „Новостей“. Онъ желаетъ *реорганизаціи* фонда въ томъ смыслѣ, чтобы помощь нуждающимся литераторамъ опиралась на *право*, на *взаимность*; мы думаемъ, что помощь этого рода должна и можетъ быть организована помимо фонда, хотя бы и при его участіи и содѣйствіи (на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ оно было оказано кассѣ взаимопомощи)—а самый фондъ не требуетъ радикальнаго переустройства. Фельетонистъ „Новостей“ полагаетъ, что „литература, даже бѣдная русская литература, въ состояніи сама себя кормить“, что „писателямъ стыдно уповать на патронатство, на филантропію“; онъ находитъ, вопреки словамъ Салтыкова, что при „благоденствіи“ литературы вовсе не осталось бы мѣста для литературнаго фонда, уже теперь устарѣвшаго и переставшаго соотвѣтствовать потрѣбностямъ времени; онъ называетъ помощь, оказываемую фондомъ, „милостыней отъ филантропическихъ щедротъ“, унизительною для получающаго. Чѣмъ же объяснить, однако, что учрежденія, совершенно аналогичныя съ нашимъ литературнымъ фондомъ, существуютъ и въ такихъ странахъ, гдѣ литература несравненно болѣе „благоденствуетъ“, чѣмъ у насъ, литераторы поставлены въ несравненно лучшія условія—въ Германіи, во Франціи, даже въ Англіи? Не ясно ли, что при существующемъ общественномъ строѣ всѣ профессіи, не исключая и литературной, всегда будутъ имѣть своихъ „инвалидовъ“, для обезпеченія которыхъ недостаточно даже широко развитой взаимопомощи? Не ясно ли, что при такомъ положеніи вещей нельзя и не слѣдуетъ ограничивать источники помощи литераторамъ одними взносами литературныхъ тружениковъ, оставляя въ сторонѣ массу публики, состоящую въ неоплатномъ долгу передъ литературой?.. Пособія и пенсіи, выдаваемыя литературнымъ фондомъ, не имѣютъ ничего общаго съ милостыней уже потому, что самая ихъ выдача доказываетъ *право* на ихъ полученіе — право, не создаваемое, а только констатируемое комитетомъ фонда.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что полемика о литературномъ фондѣ

заканчивается не на той почвѣ, на которой началась. Въ первомъ фельетонѣ, посвященномъ этому вопросу, „Новости" порицали *дѣятельность* комитета, доказывали неправильное исполненіе имъ задачъ, возложенныхъ на него уставомъ фонда; въ послѣдующихъ фельетонахъ онѣ возстаютъ, собственно говоря, только противъ самаго устава и обвиняютъ комитетъ лишь въ томъ, что онъ не беретъ на себя иниціативу его пересмотра [1]). Теперь имъ остается только сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и признать, что желательна и полезна не *замѣна фонда* другимъ учрежденіемъ, преслѣдующимъ совершенно иныя цѣли, а *созданіе* такого учрежденія *рядомъ съ фондомъ* — или, еще проще, расширеніе круга дѣйствій кассы взаимопомощи, уже существующей при литературномъ фондѣ.

До какой степени необходимы „филантропическія" учрежденія, въ родѣ литературнаго фонда—это видно изъ того, что они постоянно возникаютъ вновь, въ самыхъ различныхъ общественныхъ группахъ. Недавно ихъ число увеличилось еще однимъ, весьма симпатичнымъ по своей цѣли: обществомъ вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Такія общества существуютъ при многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отвѣчая, очевидно, широко распространенной и живо чувствуемой потребности. Обстоятельства русской жизни сложились такъ, что параллельно съ дѣйствительнымъ недостаткомъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, постоянно идетъ кажущійся ихъ избытокъ, выражающійся въ напрасномъ предложеніи труда. Отсюда критическія минуты, сплошь и рядомъ переживаемыя самыми усердными тружениками; отсюда неудачи, то случайныя и скоропроходящія, то повторяющіяся непрерывно, но во всякомъ случаѣ вызывающія необходимость въ помощи и поддержкѣ. Самая лучшая форма поддержки — не личная, а коллективная, идущая изъ среды, близкой къ нуждающемуся. Надежной гарантіей такой близости служитъ товарищеская связь, обусловливаемая общностью традицій и воспоминаній. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, организація, основанная на этой связи, нужна для бывшихъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Женскій трудъ, въ той области, куда его ввели высшіе курсы — явленіе новое, непривычное и, какъ всякая новизна, осужденное бороться съ безчисленными препятствіями и затрудненіями. Только-что учрежденное общество поможетъ многимъ выйти побѣдительницами изъ этой

[1]) Само собою разумѣется, что этому всего больше способствовало опроверженіе, посланное „Новостямъ" комитетомъ литературнаго фонда и раскрывшее всѣ фактическія ихъ ошибки.

борьбы. Въ число его задачъ включено, рядомъ съ выдачей денежныхъ пособій, пріисканіе постоянныхъ или временныхъ занятій; для этого предполагается образовать особое бюро. Дѣйствительными членами общества могутъ быть только окончившія курсъ наукъ на петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ; только изъ нихъ могутъ быть избираемы и должностныя лица общества. Для вступленія въ члены-соревнователи не установлено никакихъ ограниченій; отъ нихъ требуется только единовременный взносъ, въ размѣрѣ не менѣе 100 рублей, или ежегодный, въ размѣрѣ не менѣе 5 рублей. Нужно надѣяться, что новому обществу вскорѣ удастся пріобрѣсти столь же прочное положеніе, какъ и занимаемое самими высшими женскими курсами и обществомъ ихъ основавшимъ и поддерживающимъ.

Пробѣлъ, существующій въ высшемъ женскомъ образованіи со времени закрытія, въ 1882 г., высшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, будетъ, наконецъ, пополненъ: въ государственный совѣтъ внесенъ проектъ учрежденія высшаго женскаго медицинскаго института. Спѣшимъ занести эту радостную вѣсть въ нашу хронику, отлагая до другого раза подробный разборъ самаго проекта.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1894.

Книга третья. — Мартъ.

Книга четвертая. — Апрѣль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Трудъ юридическаго общества, состоящаго при имп. московскомъ университетѣ, и его статистическаго отдѣленія. Томъ второй. Спб., 1893. Стр. 209+184. Ц. 2 р. 50 к.

Второй томъ „Сборника“, издаваемаго московскимъ юридическимъ обществомъ, составленъ такъ же интересно и разнообразно, какъ и первый: большая часть помѣщенныхъ въ немъ статей касается вопросовъ общаго характера и имѣетъ мало общаго съ тѣми узко-спеціальными разсужденіями и толкованіями, которыя обыкновенно свойственны юридической литературѣ. Мы находимъ здѣсь живо написанные этюды по разнымъ предметамъ права, законодательства и народнаго хозяйства, — „о правѣ и справедливости“ С. А. Муромцева, о „федеративныхъ формахъ современнаго государства“ и о „съѣздѣ международнаго права въ Женевѣ въ 1892 году“ графа Л. Комаровскаго, о „первой постановкѣ вопроса о всеобщемъ голосованіи“ М. М. Ковалевскаго, о „формахъ общиннаго владѣнія на Алтаѣ“ г. С. Шведова, о „неурожаѣ 1891 года и вызванномъ имъ продовольственномъ кризисѣ“ г. Л. Маресса, о „новомъ изслѣдованіи о бытѣ рабочихъ во Франціи“ г. Блеклова, и др. Сверхъ того, въ отдѣлѣ хроники дѣлается обстоятельный обзоръ текущаго законодательства и литературы по вопросамъ не только юридическимъ, но и финансовымъ и экономическимъ.

Святая Земля и Библія. Описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей. Д-ра К. Гейки. Съ оригинальными рисунками Г. Гарпера. Пересказъ съ англ., п. р. Ф. Комарскаго. Вып. 12., Спб. 94. Стр. 1057—1185. Ц. 1 р.

Настоящимъ выпускомъ оканчивается этотъ обширный трудъ, на который мы имѣли уже случай не разъ указывать при предъидущихъ его выпускахъ. Въ рукахъ читателя теперь находится цѣлая панорама Св. Земли отъ южныхъ ея границъ и до самаго сѣвера, отъ Вирсавіи до Дамаска и Бейрута; съ одной стороны, авторъ даетъ описаніе современнаго положенія Палестины, сопровождаемое многочисленными иллюстраціями, взятыми съ натуры, а съ другой—комментируетъ текстъ Библіи и тѣмъ самымъ представляетъ сравненіе того, что мы видимъ теперь, съ тѣмъ положеніемъ, какое она имѣла въ эпоху своего процвѣтанія. Послѣдній выпускъ снабженъ указателями ко всему изданію, а также свѣдѣніями, заимствованными изъ журналовъ о современномъ состояніи яфо-іерусалимской желѣзной дороги и карты Палестины, въ масштабѣ 1:250.000. Общее заключеніе автора, выводимое имъ изъ всѣхъ его наблюденій, состоитъ въ томъ, что „будущее Палестины принадлежитъ трудолюбивому феллаху“, а не потомкамъ древняго ея населенія“, но подъ условіемъ, чтобы эта страна поступила подъ покровительство какой-нибудь христіанской державы.

По білу свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго Свѣта доктора А. В. Елисѣева. Съ иллюстраціями. Спб. 94.

Сѣверъ европейской Россіи съ Финляндіею, посѣщенные авторомъ еще въ его юности, Египетъ и Палестина, гдѣ онъ странствовалъ въ ближайшее время,—составляютъ предметъ настоящаго сборника, а цѣль его изданія состоитъ въ томъ, чтобы дать въ хронологическомъ порядкѣ возможно полный и вмѣстѣ съ тѣмъ сжатый очеркъ не только многочисленныхъ экскурсій автора, но и тѣхъ главныхъ научныхъ результатовъ, которые были имъ уже прежде сведены при печатаніи въ журналахъ отдѣльными статьями. Авторъ, впрочемъ, предупреждаетъ читателя, что, странствуя въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ не могъ и думать о томъ, чтобы имѣть съ собою необходимые для научныхъ наблюденій приборы и снаряды, такъ какъ ему, при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, приходилось, неся на себѣ весь небольшой свой багажъ, проходить сотни верстъ пѣшкомъ. Книга издана роскошно и переполнена весьма удовлетворительными иллюстраціями такихъ художниковъ, какъ Каразинъ, Казанцевъ, Кившенко и др.

Исторія новой философіи, отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени, съ приложеніемъ краткаго философскаго словаря Фалькенберга. Перев. студентовъ спб. унив., п. р. проф. А. И. Введенскаго, со 2-го нѣм. изд. Спб. 94. Стр. 586. Ц. 3 р.

Настоящая книга завершаетъ собою полный обзоръ исторіи европейской философіи, который былъ предположенъ проф. А. И. Введенскимъ, когда онъ издавалъ подобный же переводъ исторіи древней философіи Виндельбанда, съ приложеніемъ, того же автора, средневѣковой философіи. Главная цѣль изданія — дать прежде всего нашей штудирующей молодежи книгу, которая удовлетворила бы ея потребности имѣть въ рукахъ солидное руководство, не тратя времени на составленіе „записокъ“. Такова же была цѣль и автора, что, конечно, не отнимаетъ у книги значенія и для всякаго читателя, который пожелалъ бы имѣть болѣе подробную и обставленную систематически справку. Практическая, т.-е. учебная, цѣль книги, по сознанію самого автора, выгодно повліяла на ея содержаніе: авторъ былъ вынужденъ сдерживаться въ выраженіи личныхъ взглядовъ и, гдѣ только возможно, предоставлялъ самимъ философамъ развивать ихъ ученія и принципы, не столько въ дословныхъ выпискахъ изъ ихъ сочиненій, сколько въ сжатомъ воспроизведеніи ихъ основныхъ мыслей. Вслѣдствіе того исторія философіи у Р. Фалькенберга носитъ вполнѣ объективный характеръ, какой особенно желателенъ въ книгѣ, предназначеной для руководства.

Энциклопедическій Словарь. Т. XI: Домицін—Евреинова. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 93. Стр. 466.

Въ новомъ выпускѣ встрѣчаются, какъ и въ прежнихъ, довольно значительныя по объему статьи, составленныя спеціалистами и касающіяся важныхъ и интересныхъ предметовъ или изъ общественной жизни, или изъ области наукъ и исторіи. Таковы: „Достоевскій“ (проф. А. Кирпичникова); „Драйденъ“ (проф. Н. И. Стороженка); „Доходъ“ (В. Яроцкаго); „Дренажъ“ (инж. А. Таненбаума); „Дубъ“ (проф. Н. Бекетова и пр. А. Собичевскаго); „Духовенство“ (Н. Василенка и Н. Барсова); „Дыханіе“ (проф. И. Тарханова); „Дунсъ Скотъ“ (Вл. С. Соловьева); „Дѣтская гигіена“ (пр.-доц. Г. Герценштейна); „Евангеліе“ (проф. А. Лопухина); „Евреи“ (проф. Д. Анучина, Хвольсона, Бронна, Бершадскаго и М. Левина), и мн. др.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ **1894** г.

(Двадцать-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — .
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — .
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — .

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ Съ перваго марта открыта подписка на вторую четверть 1894 года. ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер., 7.